ИСТОРИЯ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ

Министерство образования Российской Федерации
Астраханский государственный педагогический университет

История Астраханского края

Издательство
Астраханского государственного
педагогического университета
2000

ББК 63.3(2Р354)4Ас

И89

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом Астраханского государственного педагогического университета.

Рецензенты:

В.Г. Тюкавкин — заведующий кафедрой истории России МПГУ, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель наук Российской Федерации;

Э.М. Щагин — заведующий кафедрой новейшей отечественной истории МПГУ, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель наук Российской Федерации;

А.Ф. Киселев — доктор исторических наук, профессор, первый заместитель Министра образования Российской Федерации

Редакционная коллегия

Главный редактор: профессор Н.М. Ушаков.

Члены редакционной коллегии: проф. Г.Г. Глинин, В.В. Гурылева, проф. В.В. Ишин, проф. А.П. Лунев, проф. В.А. Пятин

И89

История Астраханского края: Монография. —Астрахань: Изд-во Астраханского гос. пед. ун-та, 2000. 1122 с.

Монографическое исследование коллектива авторов включает сведения о хозяйственной деятельности населения края, о политических и социальных отношениях, об особенностях быта и истории духовной культуры, о внешнеторговых и внешнеполитических связях Астраханского края на разных этапах его исторического развития, включая современный период.

Предисловие

«...я не могу не обнаружить мысли моей, что история всякого края, города и местечка составляет уже звено, принадлежащее истории государства».

М.С. Рыбушкин. Записки об Астрахани

Вы держите в руках книгу, появление которой, без преувеличения можно сказать, является событием для астраханцев: впервые краеведческая историография пополнилась монографическим исследованием истории Астраханского края с древнейших времен до наших дней. Авторы взялись за эту трудоемкую работу, чтобы помочь читателю разобраться в сложных перипетиях нашего исторического прошлого, выработать многомерное видение истории нашего края в контексте российской истории, возбудить чувство патриотизма, любовь и гордость за свою малую Родину.

Слишком глубоки и прочны связи истории с жизнью, слишком важна для сегодняшнего дня хранимая в ее памяти информация. Великому испанцу Мигелю де Сервантесу принадлежит удивительное по своей глубине изречение: «История – сокровищница наших дней, свидетельница прошлого, пример и поучение для настоящего, предостережение для будущего». Течение истории, стремительный бег времени необратимы. Вернуться назад можно лишь в людской памяти, которая хранит уроки прошлого для будущих поколений, способных усвоить эти уроки и извлечь из них исторический опыт во имя настоящего и будущего. Есть все основания полагать, что внимательное прочтение

предлагаемой книги поможет читателям найти ответы на многие вопросы из истории нашего края. Разумеется, авторы не претендуют на энциклопедическое повествование, так как рассказать в одной книге о многовековой истории края, богатого событиями, не только трудно, но и невозможно.

Подготовленная авторским коллективом монография состоит из трех больших разделов: 1. Астраханский край в древности и в средние века; 2. Астраханский край в период новой истории; 3. Новейшая история Астраханского края.

Книга написана с учетом накопленной исторической информации и новых источников, которые оказались доступными авторам книги. В основу изложения материала положен хронологический подход, общепринятая в отечественной исторической науке периодизация.

Содержание книги включает в себя сведения о хозяйственной деятельности населения края, о политических и социальных отношениях, об особенностях быта, о истории духовной культуры, о внешнеторговых и внешнеполитических связях Астраханского края на разных этапах его исторического развития, включая современный период.

Адресуя книгу прежде всего астраханцам, авторы не стремятся навязать читателю «бесспорные» истины, а приглашают его поразмыслить над величественной судьбой своего Отечества, увидеть в этой судьбе место и роль Астраханского края.

Почетный академик
Международной экологической академии,
Глава Администрации Астраханской области
А.П. Гужвин

Введение

Предлагаемая вниманию читателей книга является первой попыткой монографического исследования истории Астраханского края с древнейших времен до наших дней.

В подготовке книги приняли участие ученые вузов, сотрудники научных учреждений г. Астрахани, представители Администрации Астраханской области. Основой авторского коллектива явился профессорско-преподавательский состав кафедры истории России Астраханского государственного педагогического университета. Приступая к написанию книги, авторы думали не столько о том, чтобы предложить простое прочтение истории края в узких рамках какой – либо методологии, сколько о том, чтобы попытаться синтезировать существующие позиции и подходы и непредвзято взглянуть на многовековую историю Астраханского края, которая глубокими корнями уходит в далекое прошлое России.

Актуальность взвешенного научного подхода к освещению истории сохраняется и далее возрастает в связи с тем, что переосмысление прошлого не обходится без издержек и противоречий, так как решать эту задачу приходится в условиях перехода от одного общественного устройства к другому, в условиях коренных изменений в политической системе общества, его экономических основ, выдвижения новых политических и идеологических парадигм, новых морально – нравствен-

ных ценностей. В этих условиях авторский коллектив стремился к объективности в освещении всего исторического процесса, не впадая в односторонность в оценках исторических событий, явлений и фактов, которыми так богата история Астраханского региона.

Промежуточное положение между европейской Россией и Азией, многовековое параллельное взаимодействие с христианским Западом и мусульманско–языческим Востоком накладывало своеобразный отпечаток на историю края. В силу своего геополитического положения Астраханский край представляет собой уникальную модель, в которой как бы в миниатюре отразилось историческое своеобразие России.

Исследуя историю Астраханского края в контексте общероссийской истории и отмечая их идентичность, авторы, вместе с тем, попытались дать научное объяснение некоторым особенностям, характерным для региональной истории. При этом следует заметить, что они не стремились придумывать необычные, оригинальные схемы с претензией на научность, а исходили из реального исторического процесса, пытались вникнуть в своеобразие конкретных событий, руководствуясь принципами историзма и объективности, искренне стремясь донести до читателя правдивую историю. И общее, и особенное в истории Астраханского края объясняется множеством факторов, среди которых первостепенное значение имеют географические и природно-климатические условия, геополитическая среда, полиэтничность и поликонфессиональность края. Пожалуй, самым примечательным в историческом облике древнего прошлого края и его нынешнего времени является полиэтничность.

Регион Нижнего Поволжья, благодаря своему географическому расположению и разнообразию ландшафтных зон, пригодных для земледелия, скотоводства и рыболовства, издревле притягивал к себе кочевые народы. С древних времен край являлся своеобразным котлом, где выплавлялись различные этносы, сменяя друг друга и растворяясь

друг в друге. Скифы, сарматы, гунны – вот лишь небольшой перечень древних народов, чья история связана с территорией нашего края. При этом необходимо учитывать, что то или иное название народа (как, например, гунны) не всегда являлось этнонимом в полном смысле этого слова, а употреблялось в виде собирательного термина применительно к самым разным народам. Так, среди тюркоязычных гуннов оказались и угрофинские народы, и славянские и др.

Первым государственным образованием на Нижней Волге стал Хазарский каганат, возникший в середине VII в. Хазария была полиэтническим государством, объединившим индоевропейские, тюркские и семитские этнические группы, которые мирно уживались, образуя новый этнос. Этому способствовало природное своеобразие региона: хазары-индоевропейцы занимались земледелием, садоводством и рыболовством, хазары-тюрки – скотоводством. Через Хазарию прокатилась волна кочевников-венгров, печенегов и гузов, с которыми активно смешивались хазары. К середине X в. опаснейшим соседом Хазарии стала Киевская Русь. Именно киевский князь Святослав Игоревич в ходе военных походов в 965 и 968-69 гг. нанес смертельный удар каганату.

Пришедшие в XI в. с востока представители тюркоязычных народов – кипчаки (половцы), смешиваясь с местным населением, также повлияли на многоликость местного населения.

В XIII в. Нижнее Поволжье было покорено монголами и вошло в состав нового государства – Золотая Орда. Процесс ассимиляции половцев и монголов положил начало новому этносу – астраханским татарам. При этом половецкий компонент явно возобладал, монгольский язык был вытеснен кипчакским. Однако к формированию новой этнической группы были причастны не только половцы и монголы, но и представители других покоренных народов – русских, персов, азербайджанцев, армян, грузин, жителей Крыма, доставляемых сюда в ка-

честве мастеров и ремесленников.

После распада Золотой Орды образовался ряд самостоятельных государственных образований, в том числе и Астраханское ханство. На его территории мирно уживались представители различных народов. Позднее, находясь уже в составе России, Астраханский край пополняется новым этническим компонентом в лице калмыков (XVIII в.), киргиз-кайсаков (казахов – нач. XIX в.). Активно осваивается край за счет русской колонизации, а также притока украинцев, немцев, армян, грузин, жителей Северного Кавказа. Однако следует отметить, что наиболее активно процессы смешения происходили между татарами, монголами, ногайцами, калмыками и казахами. В немалой степени на этот процесс влиял близкий им всем хозяйственный уклад.

Наличие многочисленных этнических групп обусловило поликонфессиональность в Астраханском крае. Практически здесь представлены все три мировые религии: христианство (православие, протестантизм, католичество), ислам (суннизм, шиизм) и разновидность буддизма – ламаизм. Наряду с относительно традиционными для Нижнего Поволжья направлениями, такими, как например, иудаизм, позднее получили распространение и некоторые несвойственные для края религиозные течения. Специфической чертой края являлась и является религиозная и межэтническая терпимость, заложенная, по всей видимости, еще в период Хазарии. Такой вывод становится вполне объяснимым, если отойти от традиционной точки зрения на Хазарию как на государство «диких кочевников», державшееся лишь на завоеваниях и насилии над соседними землями. Анализ материалов археологических исследований и письменных источников византийских авторов позволяет по-новому оценить роль Хазарии как в истории России, так и в истории Астраханского края. Именно в период существования кагана-

та зародилась традиция городской культуры Нижнего Поволжья. Основой экономики Хазарии было развитое оседло-скотоводческое хозяйство и транзитная торговля. В хазарских городах были высоко развиты ремесла. Вопреки тезису о «неразумных хазарах», следует признать, что в течение 300 лет каганат сдерживал натиск кочевых орд с Востока, и, в известной мере, послужил щитом для нарождающегося Русского государства. Контроль хазар за торговыми путями обеспечивал бесперебойное функционирование караванной торговли по Волге и в Предкавказье. Со времен Хазарии ведет свое начало традиция виноградарства на Нижней Волге. В столице Хазарии городе Итиль, где сходились купцы от Багдада до Скандинавии, стояли синагоги, мечети и христианские храмы. С гибелью каганата традиция городской культуры на Нижней Волге хотя и затухает, но окончательно не прерывается, а в период Золотой Орды, особенно в XIV в., происходит всплеск урбанизации, приведший к появлению десятков городов, поселков и сельских поселений.

Авторы предлагаемого исследования, тщательно изучив социально-экономическое развитие Золотой Орды и причины ее распада, пришли к выводу о необходимости возврата к точке зрения С.М. Соловьева, который определяющее значение в разгроме и падении Золотой Орды отводил военному походу против нее Тимура в 1395 г. В советской историографии эта точка зрения была забыта, и возобладало идеологизированное объяснение причин распада золотоордынского государства (борьба покоренных народов). При анализе обозначенной проблемы следует учитывать оба этих фактора.

Перед вхождением Астраханского ханства в состав России на территории Нижнего Поволжья существовали лишь полукочевые государства, на которые распалась Золотая Орда. Северная часть края входила в XV в. в состав Большой Орды, распавшейся под ударами Крым-

ского ханства в начале XVI в. Левобережье Нижней Волги с середины XV века заняла Ногайская Орда, а правобережье с 1460 г. вошло в Астраханское ханство.

На момент присоединения Астраханского ханства к России Астрахань, по всей вероятности, не играла большой стратегической роли, укрепления ее были незначительными. Показательно, что в походах 1554 и 1556 гг. Астрахань захватывалась русскими без штурма, в отличие от Казани. Не случайно уже в 1557 г. новые власти приступили к строительству новой крепости на Заячьем острове у левого берега Волги, которая сохранила название старого города, известного еще с золотоордынской эпохи.

В отечественной историографии традиционно отмечалось, что первопричиной присоединения Астрахани к России являлось стремление к расширению государственных границ. Однако научный анализ подтверждает тезис о том, что завоевание Астрахани и покорение Астраханского ханства диктовалось геополитической обстановкой – борьбой России с Крымом и Турцией.

Строительство русской Астрахани требовало рабочих рук, что стимулировало покровительственную переселенческую политику русского правительства. В то же время развивалась и стихийная русская колонизация края. Преимущественно это были выходцы из социальных низов, нанимавшиеся на строительные работы, приходившие на добычу рыбы, соли и селитры, обживая Волжское Понизовье.

С заселением края росла не только экономическая, но и политическая роль Астрахани. Занимая одно из важнейших мест в восточной торговле, город играл исключительную роль в развитии отношений с Кавказом и Закавказьем, принимая посольства из Кабарды, Грузии, Армении и других государств. В то же время все больше возрастало военно-стратегическое значение Астрахани. Во второй половине

XVI в. в ней находилось более 3600 стрельцов и ратников. Наличие посадских низов постоянно поддерживало в городе состояние социальной нестабильности, чему способствовала практика высылки в Астрахань из центра России участников различных беспорядков. Известно, что определенная часть городского населения в годы «смуты» поддержала Лжедмитрия I (1605 г.) и Лжедмитрия II (1607 г.). Многие астраханцы оказались активными участниками движения Степана Разина.

Известно и крупное восстание в Астрахани 1705-1706 гг., поднятое стрельцами и солдатами астраханского гарнизона. Не ограничиваясь традиционной трактовкой причин восстания как реакции стрельцов на петровские нововведения в быту, в исследовании в качестве основных причин социального конфликта названы ухудшившиеся экономические и правовые условия жизни не только стрельцов, но и других категорий городского населения.

Со времени вхождения Астраханского края в состав Российского государства происходили существенные изменения в управлении регионом. В XVI-XVII вв. Астрахань, как и другие города Поволжья, была включена в единое воеводское управление, административно подчиняясь Приказу Казанского дворца. Потому с 1708 г., когда в России было введено губернское правление, Астраханский край был включен в состав Казанской губернии.

Знаменательным событием в истории края явился 1717 г. : 22 ноября (4 декабря по ст. стилю) Петром I был подписан указ об образовании самостоятельной Астраханской губернии, включавшей в себя огромную территорию от низовьев Волги на юге до Самары и Симбирска включительно на севере.

Историками-краеведами неоднократно указывалось на главные причины преобразования Астрахани в губернский центр. Это объясняется, во-первых, стремлением правительства России обезопасить

южные границы государства от внешнего вторжения, во-вторых, обеспечить через Астрахань устойчивые торговые отношения со странами Востока. Эти бесспорные выводы подтверждают авторы настоящего исследования дополнительными историческими фактами.

В силу своего географического положения Астрахань быстро приобрела статус крупного торгового центра, играя все большую роль в экономической жизни страны.

Следует также отметить своеобразие государственной политики по отношению к стихийной колонизации Астраханского края. Она нашла здесь в большей мере покровительственный, нежели запретительный характер. Объясняется это стремлением содействовать хозяйственному освоению края и развитию торговли. Кроме того, необходимо было обеспечить строительство городков-крепостей для охраны волжского торгового пути.

Правительство, заинтересованное в охране южных границ и нормализации обстановки в Нижнем Поволжье, всячески стремилось упрочить свое влияние на нерусские народы, используя самые различные методы воздействия на них. Поскольку основными формами этого влияния были города, оно оказывало им постоянное внимание. На политику правительства влияли и его фискальные интересы, так как оно получало большие доходы от обложения торговли и местных промыслов. Поэтому оно следило за состоянием городов и поощряло рост их населения.

В ходе колонизации в Астраханском крае стала формироваться такая специфическая группа населения, как казачество.

В настоящем исследовании впервые предпринята попытка комплексного изучения истории астраханского казачества. Вниманию читателя представлены документально подтверждаемые сведения о истории формирования, хозяйственной деятельности, службе казаков,

особенностях их культуры и быта. При этом отмечается, что особенностью астраханского казачества является его создание по инициативе государственной власти. Этим, по-видимому, и объясняется тесная связь астраханских казаков с государственными структурами. Лишь первый и последний атаманы были выборными, остальные назначались либо властью губернатора, либо военным министерством.

Характеризуя экономическое развитие Астраханского края, авторы отмечают весьма значительную роль Астрахани в восточной торговле России XVII-XVIII вв. Бурное развитие экономики России в конце XIX века позволило стимулировать и хозяйственное развитие Астраханской губернии. В частности, строительство железной дороги от Баскунчака к Волге позволило не только значительно увеличить вывоз соли, но и расширить добычу рыбы. В начале XX века Астрахань давала 30% соли и 34% рыбных товаров России. С конца XIX века на Каспии появляются нефтеналивные суда, в Астрахани строятся портовые сооружения, металломеханические, судоремонтные, судостроительные, деревоотделочные, силикатные и другие заводы с участием отечественного и зарубежного капитала, создаются компании и акционерные общества.

Следует особо отметить развитие пароходства в конце XIX-начале XX вв. Через Астрахань проходили колоссальные потоки нефтяных и лесных грузов. Особенно увеличились перевозки нефтепродуктов в связи с открытием нового способа перевозки нефти, получившего название «русского». В 1875 г. по Каспию пошли первые в мире паровые танкеры.

В связи с растущими перевозками нефти, во второй половине XIX века возникли новые пароходства и акционерные нефтетранспортные общества: «Мазут», «Восточное общество», общество «По Волге», «Кавказ и Меркурий», товарищество «Бр. Нобель» и др.

Особенность Астраханского края в экономическом и социальном отношении заключалась в том, что здесь практически отсутствовало крепостничество. К 1861 г. крепостные составляли приблизительно 2% от всего крестьянского населения.

Помещики и придворные вельможи, получая землю, уделяли большее внимание рыбным ловлям, а значит, рыбным угодьям. Астраханские помещики становились не только владельцами рыбных ловель, но и рыбопромышленниками. Таким образом, традиционное для России поместно-вотчинное землевладение в Астраханском крае так и не сложилось.

В Астрахани практически не было дворян, поэтому дворянское собрание было малочисленным и не играло серьезной роли в общественной жизни края. По этой же причине после проведения в стране земской реформы в Астрахани земство создано не было. Оно, в отличие от большинства регионов России, было введено здесь лишь в начале XX в. и не получило развития из-за известных событий 1917 г. Да и судебная реформа в крае была проведена с 15-летним опозданием.

Что касается революционных событий 1905-1907 и 1917 гг., здесь лишь уместно заметить, что в силу периферийности Астраханский край в активную революционную борьбу каждый раз включался несколько позднее центра, повторяя те же формы и методы, которые характерны были для центральных регионов России. Но, вместе с тем, по своему размаху и революционному накалу они им уступали, поскольку социальная дифференциация здесь не была столь ярко выраженной, как, скажем, в индустриально развитых районах страны.

Изложение новейшей истории Астраханского края потребовало от авторского коллектива тщательного анализа устоявшихся оценок тех или иных событий, при этом в максимальной степени были учтены содержание и выводы дискуссий в научном мире о характере и путях

развития советского общества. Новое историческое видение отдельных крупных проблем новейшего периода региональной истории основывалось не на стремлении деформировать, перелицевать историческое полотно, а на желании представить достоверную, объективную картину наиболее важных событий и на данной основе уяснить закономерности исторического процесса. Впрочем, еще раз оговоримся, что такими же принципами авторы руководствовались при формулировке оценок давно минувших исторических эпох.

После революции 1917 г. Астраханский край был ввергнут в драматические события гражданской войны. Ее разрушительные последствия привели большевиков к пересмотру основ политики военного коммунизма и переходу к НЭПу, сменившемуся в конце 20-х гг., по словам советского экономиста П. Кондратьева, новым курсом социально-экономической политики Советской власти. Суть ее заключалась в форсированных темпах развития промышленности страны и применении ускоренного обобществления крестьянского сельского хозяйства.

Здесь нет необходимости говорить о сильных и слабых сторонах нового курса (и те и другие были). Следует лишь заметить, что исторические события тех лет в Астраханском крае представлены авторами настоящего исследования во всем их многообразии и противоречиях, при этом показаны несомненные достижения в экономическом развитии, за которые, однако, жители края, особенно крестьяне, заплатили слишком дорогую цену. Хозяйственные успехи были достигнуты в основном методами принуждения и насилия. Кстати сказать, эти военно-коммунистические методы стали реанимироваться еще в 20-х годах, получив свое завершение в 30-е годы.

В первой половине 30-х годов завершилось формирование строго централизованного административно-политического аппарата принуждения, обновилось территориально-административное деление СССР, основу которого после упразднения округов составили области и рай-

оны. Еще до введения окружной системы на территории Астраханской губернии происходило укрупнение уездов и волостей и преобразование их в районы и сельские общества. Вскоре после образования Астраханского округа, 23 июня 1928 г., начались поспешные и необдуманные административно-территориальные преобразования, лишившие Астраханский округ статуса самостоятельности: с 1930 г. он в качестве межрайона входил в состав Нижне-Волжского края, с 1934 г. – Сталинградского края (с июня 1937 г. – Сталиградской области). И лишь 16 июня 1937 г. опять-таки в составе Сталинградской области был вновь воссоздан Астраханский округ с центром в г. Астрахани.

Отсюда напрашивается вполне обоснованный вывод, что столь частые переходы из одного качества в другое, из одной подчиненности в другую отрицательно сказывались на общем состоянии социально-экономического развития края, нарушали исторически сформировавшийся хозяйственный ритм, вели к дестабилизации административных границ. А если учесть, что еще ранее, в 1920 г., из состава Астраханской губернии были выведены бывшие Калмыцкая и Киргизская степи с частями прилегающих к ним территорий, то можно понять, насколько необдуманными и необоснованными, с точки зрения здравого смысла, были административно-территориальные преобразования. Однако, с точки зрения советского режима власти, новая структура административно-территориального деления позволяла осуществлять жесткий и оперативный контроль над всеми событиями хозяйственной, политической и культурной деятельности местных партийных и советских органов власти. Ужесточение внутренней политики привело к акциям политического террора.

В Астрахани начало этому было положено так называемой «Астраханщиной». На эту тему уже высказано и написано много слов, причем излагались различные точки зрения. Ретроспективно оценивая это

событие, можно утверждать, что это была кампания в рамках борьбы с НЭПом в контексте общей борьбы за власть в высшем политическом руководстве страны. Более эффективная работа частного сектора была объявлена результатом преступной деятельности хозяйственных и партийных руководителей города и губернии. По масштабности «Астраханщина» превосходила все ранее проходящие процессы, включая «Шахтинское дело» 1928 года.

Весь процесс проходил под знаменем борьбы с «правым уклоном» в партии и должен был доказать правильность идеологических схем, предлагаемых сталинским руководством.

Особую страницу в исторической судьбе астраханцев, как и всех народов бывшего СССР, занимает Великая Отечественная война 1941-1945 гг. Эта тема нашла в нашем исследовании подробное освещение. Здесь же в качестве тезиса лишь заметим, что такие ценности, как свобода, любовь к Отечеству, родному краю – вечны, они не умирают, живут в исторической памяти народа, передаются от поколения к поколению. Смеем надеяться, что наш скромный труд поможет сохранить в сознании астраханцев великий подвиг своих земляков в борьбе за защиту свободы и независимости нашей Родины.

В годы войны произошло важное событие в истории Астраханского края: Указом Президиума Верховного Совета СССР №801/1 от 27 декабря 1943 года была образована Астраханская область как самостоятельная административно-территориальная единица. Таким образом, был пройден большой исторический путь от губернии в 1717 г. до области в 1943 г.

Обширная источниковая база позволила осуществить комплексное изучение истории Астраханского края в послевоенный период. В хронологической последовательности и во взаимосвязи рассмотрено хозяйственное развитие края, направления развития сельского хозяй-

ства, транспорта, промышленности, связи и основные проблемы экономики региона (энергоресурсы, эффективность).

Пожалуй, впервые столь значительное внимание уделено истории быта, изучению жизненного уровня населения области, его демографическому и социальному составу, особенностям его расселения, причинам и основным тенденциям в миграции и естественном воспроизводстве.

На региональном уровне удалось во многом проследить основные направления и результаты государственной, экономической и социальной политики.

Имеющийся фактический материал позволил по-новому осветить, например, сложный период первых послевоенных лет: широкое применение силовых методов при восстановлении хозяйства, несоответствие между размерами финансирования и материального обеспечения и планами развития сельской экономики и промышленности. Более отчетливо видны размеры продовольственного кризиса второй половины 40-х годов.

Имеющиеся данные позволяют говорить о низкой эффективности производства, ее дальнейшем снижении как перманентном явлении в экономике региона.

Большинство историков-краеведов, повествуя о несомненных достижениях в восстановлении разрушенного войной хозяйства, сравнивают их, как правило, с предвоенным 1940 годом. Безусловно, такое сравнение вполне логично и понятно: до войны и – после войны. Однако при этом крайне редко делаются попытки провести подробную аналогию не с предвоенным 1940, а с предвоенным 1913 годом, или даже с началом XX в. При таком сравнении достижения по самым значимым показателям хозяйственного развития Астраханской области конца 50-х гг. явно проигрывают идентичным показателям региона предрево-

люционных лет. Объяснить это можно, по всей вероятности, тем, что в результате предвоенных административно-территориальных преобразований, о которых мы говорили выше, наметилась явная тенденция к превращению Астраханского края в своеобразный сырьевой регион для более развитых в промышленном отношении административно-территориальных новообразований. Астрахань уже тогда начала терять то преимущественное значение, которое имела как губернский центр.

В послевоенные годы хотя и была создана Астраханская область, однако в Поволжье у нее появились серьезные конкуренты в лице Волгоградской, Саратовской, Самарской и других областей, которым советское правительство в экономической инфраструктуре страны отводило явно преимущественное значение. Строительство мощных индустриально-промышленных гигантов в северных от Астрахани городах обусловило их преимущественное финансирование, а Астраханской области пришлось в основном ориентироваться на собственную сырьевую базу и поднимать местную промышленность, как и другие отрасли хозяйства.

К тому же разрушенные войной города, в отличие от Астрахани, вполне оправданно требовали колоссальных затрат на свое восстановление.

Таким образом, СССР приступил к восстановлению народного хозяйства на пределе возможного. В силу объективных причин Астраханская область в послевоенные годы оказалась по сравнению с прежними временами не в лучшем положении. Но это отнюдь не снижает высокой оценки тех достижений в восстановлении народного хозяйства Астраханской области, которые были сделаны в послевоенные годы. В предлагаемой книге это положение подтверждается многочисленными примерами.

Сложными, не поддающимися однозначной оценке, явились 60-90 гг. в истории Астраханского края. 1960-1970-е гг. в целом были временем динамичного развития промышленности области за счет строительства новых предприятий, внедрения поточного производства, других передовых технологий. Рост производства был устойчивым, и лишь со второй половины 70-х годов наметилась тенденция к замедлению темпов прироста. В сравнении с другими областями Поволжья и средними показателями по стране Астраханская область постоянно отставала в своем промышленном развитии, и разрыв становился все заметнее. Это объясняется рядом причин: отсутствием в области собственных крупных источников электроэнергии, недостатком квалифицированных кадров, бедностью природных ресурсов, разработка которых была сравнительно дорогостоящей.

В сельском хозяйстве в этот период также наметилась устойчивая тенденция к спаду темпов роста производства. Несмотря на рост энерго- и технической вооруженности, задача комплексной механизации в сельском хозяйстве была далека от завершения. При больших капитальных затратах оставалась несовершенной структура производственных фондов: значительный удельный вес зданий и сооружений и уменьшение доли машин и механизмов. В результате все эти годы неуклонно снижалась фондоотдача. Росту эффективности сельскохозяйственного производства мешало и неудовлетворительное использование материальной базы, ее низкое качество.

Известно, что хозяйственная деятельность в обществе организуется для удовлетворения потребностей человека, его воспроизводства. В послевоенный период население области неуклонно росло, снижалась смертность, особенно детская. Однако уже со второй половины 50-х годов темпы прироста стали падать и за последующие тридцать лет уменьшились втрое из-за сокращения рождаемости и роста мигра-

ции за пределы области.

Экономика края столкнулась с еще одной проблемой – нехваткой трудовых ресурсов. В 1993 г. впервые за всю историю Астраханского края было зафиксировано начало абсолютного сокращения численности населения.

Крайне сложными в истории Астраханского края, как и страны в целом, оказались 90-е годы, однозначно оценить которые невозможно. Потребуется немало времени, прежде чем историки смогут дать убедительные и исчерпывающие оценки историческим событиям этих лет. В данном же случае авторы книги осветили основные моменты современной истории края, уделив внимание быстро меняющимся социально-экономическим и политическим событиям.

Начало 90-х годов характеризовалось нарастанием экономических трудностей, резким снижением жизненного уровня населения, связанных с катастрофическим спадом производства, инфляцией, задержками выплаты зарплаты, пенсий и других денежных пособий. Это, в свою очередь, привело к усилению социальной напряженности.

На страницах исследования приводятся объективные сведения об этих годах. Точно такой же взвешенный подход осуществляется авторами при оценке событий второй половины 90-х годов, при этом отмечается, что в социально-экономическом развитии Астраханской области рубежным стал 1997 год. К этому времени была достигнута определенная экономическая стабильность, ставшая основой последовавшего далее подъема производства. Об этом свидетельствуют приведенные в исследовании аналитические материалы по основным показателям социально-экономического развития Астраханской области последних лет уходящего века. Подробно освещены в книге изменения, происходившие в политической и социальной жизни области. При этом отмечается, что новое (возрожденное) геополитическое положе-

ние региона, достаточно стабильные межнациональные отношения, богатейшие запасы углеводородного сырья создают дополнительные возможности для его дальнейшего социально-экономического развития.

Завершая беглый ретроспективный взгляд на некоторые, наиболее специфические страницы истории Астраханского края, считаем необходимым подчеркнуть, что авторами впервые в обобщенном и систематизированном виде представлен такой обширный материал, как история здравоохранения, просвещения и образования, культуры и искусства, прослежены основные этапы литературной истории, развития библиотечного, архивного и музейного дела, дан анализ деятельности культурно-национальных обществ, представлена история религиозных конфессий на территории Астраханского края.

Характеризуя источники и литературу, которые легли в основу написания предлагаемого монографического исследования, мы ограничиваемся лишь их общей классификацией, поясняющей, в какой степени они использовались авторами при подготовке того или иного раздела. Подробный историографический обзор мог бы стать предметом самостоятельного научного исследования, что не входило в замысел авторского коллектива «Истории Астраханского края».

В целом все источники делятся на материальные и письменные. К первым относятся, прежде всего, материалы археологических исследований, в большей степени использованные при реконструировании древней и средневековой истории Астраханского края. При этом напоминаем читателю, что авторы этих разделов в разные годы сами являлись организаторами и участниками археологических исследований в Нижневолжском регионе (Е.В. Шнайдштейн, П.В. Казаков, А.А. Курбатов), а потому не приходится сомневаться в научности и достоверности их рассуждений и выводов, подтверждаемых наблюдениями ученых других археологических экспедиций на территории Аст-

раханского края. На основании археологических раскопок удалось уточнить датировку и границы расселения древних народов. К примеру, если прежде начало заселения края датировалось неолитом, то теперь его относят к более древней мезолитической эпохе. Если раньше в науке отрицалось наличие срубных племен в правобережном Поволжье, то в настоящее время выявлены следы этих племен в степях правобережного Поволжья и Калмыкии.

История кочевых племен и народов, оставивших свой след в истории всего Нижнего Поволжья (савроматы, сарматы, гунны, хазары, печенеги, половцы, монголы) в значительной мере воссоздана при широком использовании археологических исследований, проводившимися на территории края различными археологическими экспедициями в конце XIX-XX веке.

Среди имен ученых, оставивших в науке глубокие исследования по результатам археологических изысканий, имена К.Н. Малиновского, Н.Ф. Леонтьева, И.А. Житецкого, А.А. Спицина, П.М. Новикова, чьи научные интересы были связаны с изучением прошлого Астраханского края. Их научную традицию продолжили Ф.В. Баллод, П.С. Рыков, В.А. Филипченко, В.П. Шилов, Е.В. Шнайдштейн, Г.А. Федоров-Давыдов, В.В. Дворниченко, Н.М. Булатов и пр.

Ограничившись лишь перечнем наиболее известных имен в данной отрасли научных знаний, заметим, что все они в достаточной степени представлены на страницах нашего исследования, в том числе и по истории Хазарского каганата и Золотой Орды.

При подготовке разделов, посвященных древнему и средневековому периоду в истории нашего края, особое место уделялось опубликованным в разные годы письменным источникам. Некоторые сведения о савроматских и сарматских племенах принадлежат античным (древнегреческим и латинским) авторам, среди которых выделяются

Геродот, Гиппократ, Страбон, Тацит, Аммиан Марцеллин и другие, чьи сведения ценны тем, что являются единственными и потому уникальными. Без них мы не знали бы даже названия этих племен. Все фрагменты из произведений античных авторов цитируются в переводах русского академика В.В. Латышева и его сотрудников, частично заново отредактированных в послевоенное время.

Из обобщающих трудов отечественных археологов и антропологов исключительное значение в научном осмыслении прошлого принадлежит создателю сарматологии К.Ф. Смирнову. Крупным специалистом в сарматологии является М.Г. Мошкова. Внимательный читатель на страницах нашего исследования найдет ссылки на этих авторов по конкретным вопросам и проблемам. Достаточно полно представлены их научные сочинения, как, впрочем, и других авторов, в перечне примечаний к каждой главе нашего исследования.

При изучении некоторых проблем авторами применялись различные подходы. В одних случаях основной упор делается на самые современные научные гипотезы и теории, в других – приходится возвращаться к основательно забытым взглядам XIX в. Например, проблема этнической принадлежности ранних скотоводов (бронзовый век) решается с привлечением не только антропологических, но и лингвистических исследований по антропологической проблеме. Причины великого переселения народов раскрываются с привлечением современных данных палеоэкологии.

Из опубликованных письменных источников по средневековью особую ценность представляют такие уникальные сборники документов, как «Каспийский свод» Б.Н. Заходера, «Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды», Т.1-2 В. Тизенгаузена, «Книга Марко Поло» и некоторые другие, давно ставшие библиографической редкостью. Тем более важным представляется включение некоторых ма-

териалов этих источников в наше исследование, особенно когда речь в них идет об истории Астраханского края.

При подготовке разделов, посвященных Хазарии и Золотой орде, широко использовались наряду с указанными выше материалами археологических исследований и письменными источниками труды антропологов и искусствоведов. Важным источником по эпохе средневековья являются сообщения арабских, иранских, русских и европейских летописцев, путешественников, писателей.

События XVI-XVII вв., происходившие в Астраханском крае, в некоторой степени отражены во многих исторических описаниях путешественников, в разное время побывавших в Астрахани. Здесь мы назовем имена лишь тех из них, кто оставил наиболее содержательные и разносторонние сведения, использованные авторами на страницах исследования. Это – Амвросий Катарини (1473), Антоний Дженкинсон (1558), Адам Олеарий (1636), Корнелий де Бруин (1703), Якоб Стрюйс (1763), Джон Белль (первая половина XVII в.), С.Г. Гмелин (1776), академик Фальк (нач. XIX в.), Джон Рамстедт (1903-1904) и некоторые другие. В результате посещений ими Астраханской земли появились многочисленные «описания», «заметки», «сведения», «известия» и т.п. Их содержание позволило почерпнуть разнообразные сведения по социально-экономической и политической истории Астраханского края.

В качестве важного и интересного источника при подготовке исследования послужили материалы и описания астраханских краеведов XIX столетия М. Рыбушкина, Н.Н. Пальмова, А Штылько, Кирилла Васильева – автора «Ключаревской летописи», И. Саввинского – исследователя истории Астраханской Епархии, архимандрита Вассиана, составившего «Описание Астраханского второклассного мужского Спасо-Преображенского монастыря».

Исторические события края XVII в. пополнились в исследовании

рядом сведений, почерпнутых в фондах ГААО и впервые введенных в научный оборот. Это, прежде всего, фонды учреждений духовного ведомства: «Астраханская губернская духовная консистория», православные церкви и религиозные заведения других конфессий.

Полезным источником по истории края являются астраханские газеты. Хотя они появились не в XVII в., а несколько позже, в них содержатся исторические экскурсы в прошлое Астраханской земли. И, наконец, необходимо назвать в качестве источников, нашедших отражение в исследовании, Полное собрание законов Российской империи, энциклопедические издания различного характера, библиографические и справочные издания. Полный перечень их представлен в примечаниях к соответствующим главам.

Значительно богаче и обширнее источниковая база истории Астраханского края XVIII-XX веков. Это относится не только к опубликованным, но и к неопубликованным источникам. Указанному периоду, кроме того, посвящен ряд серьезных исторических исследований монографического и иного характера. Авторским коллективом в достаточной полноте изучены все опубликованные источники и литература. Информация о них представлена по ходу изложения материала. Авторы высказывают свои позиции и взгляды по проблемам, требующим, с их точки зрения, уточнения, конкретизации, более взвешенных выводов и предложений.

Опубликованные источники, к которым обращались авторы «Истории Астраханского края», хранятся в фондах Областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, а также в библиотеках Историко-архитектурного музея-заповедника и Государственного архива Астраханской области (ГААО). Уникальные документы хранятся в областной научной библиотеке, обращение к ним помогло авторам исследования в изучении истории края XVIII-XX вв. в самых различных направле-

ниях. Это прежде всего отечественные книжные и периодические издания (XVIII-XX вв.), а также богатейший фонд справочных изданий за этот же хронологический период.

Чтобы не утомлять читателя перечислением многочисленных опубликованных источников, нашедших отражение в нашем исследовании, мы сочли целесообразным указать наиболее известные библиографические указатели, в которых каждый сможет найти для себя необходимую источниковую информацию по тому или иному источнику.

Особого внимания заслуживает «Опыт хронологического указателя литературы об Астраханском крае с 1473-1887 гг.» Ф.Ф. Шперка, перу которого принадлежит около 150 статей о крае в словаре Брокгауза и Ефрона. Продолжением вышеуказанного труда является объемный труд Г.И. Лакина «Хронологический указатель литературы Астраханского края», оставшийся в машинописи. Специального исследования ждут библиографические труды Н.Ф. Леонтьева, которые также остались неизданными. Необходимо упомянуть указатель литературы об Астраханской области за три года, подготовленный В.И. Поповым и изданный в 1959г.

Уникальным изданием, стоящим в одном ряду с наиболее ценными источниками о прошлом края, являются так называемые памятные книжки – официальные ежегодники-справочники, издававшиеся губернским статистическим комитетом с 1873 по 1918 годы включительно.

К числу востребованных материалов при подготовке монографии относится издание «Астрахань и Астраханская область. Материалы к своду памятников истории и культуры», подготовленные историком-краеведом А.С. Марковым и изданные в 1990 г. Кстати, перу А.С. Маркова принадлежит целая серия ярких публикаций об астраханских книжных редкостях, в какой-то мере суммированных в его книге «Найдено в Астрахани».

Большую долю в историческом полотне края XVIII-XX вв. составляют впервые введенные в научный оборот архивные материалы. Без преувеличения можно сказать, что авторами изучены десятки фондов государственных и бывших партийных архивов Астраханской, Волгоградской, Саратовской областей, а также архивов Казани. Разнообразный материал почерпнут в ряде центральных архивов страны – ГАРФ (бывший ЦГАОР), РГАЭ (бывший ЦГАНХ), РГВА (бывший ЦГАСА), РГАСПИ (бывший ЦПАИМЛ), РГИА (Санкт-Петербург). Фонды перечисленных архивов дали дополнительные сведения по истории развития населения, хозяйства, политической и общественной жизни, государственного строительства, культуры и быта и, наконец, военной истории и внешнеполитических аспектов.

В качестве исторического источника послужила местная и центральная периодическая печать, сборники документов и материалов по истории Астраханского края, разнообразные статистические сборники, мемуары и воспоминания известных людей в Нижневолжском регионе.

В качестве особой группы источников, которые были использованы при освещении истории края в XVIII-XX веках, следует назвать документы и материалы государственных органов и общественных организаций Российской империи (по февраль 1917г.). Эта же группа источников, только теперь уже не Российской империи, а Советского государства, послужила источниковой базой при изучении прежде всего политической истории с февраля 1917г. до упразднения СССР.

Такова источниковая база, послужившая основой для научной разработки и осмысления истории Астраханского края за его многовековой период. Разумеется, в нашем обзоре указаны прежде всего лишь основные группы и виды источников, удельный вес их по происхождению и содержанию неодинаков, но общая граница совпадает, когда речь идет о каких-либо идентичных событиях или процессах политической и «гражданской» отечественной истории.

Разумеется, работа по написанию «Истории Астраханского края»

велась не на пустом месте. Ряд ее проблем был изучен историками-краеведами в прежние годы. С большой долей корректности результаты их исследований учтены и использованы авторами на страницах предлагаемой книги. Учитывая, что их исследования упоминаются и по ходу изложения текста, и названы в подробных сносках и примечаниях к соответствующим разделам, главам и параграфам, мы здесь ограничимся лишь простым перечнем их имен, отсылая читателя к нашему исследованию.

По сей день остаются востребованными научные труды В.Е. Фильгуса, Н.В. Мушкатерова, Л.Е. Вереина, Н.М. Васькина, П.С. Сысоева, К.И. Ерымовского, И.А. Бирюкова, Н.С. Травушкина, А.И. Польской и некоторых других. Особо следует отметить вклад в изучение истории Астраханского края А.С. Маркова, его изыскания помогли авторам исследования детальнее разобраться в некоторых страницах нашей истории.

Что касается авторов работ, известных не только в региональной, но и в общероссийской историографии, то прежде всего следует назвать работы видных ученых Н.Б. Голиковой и А.И. Юхта, фундаментальные исследования которых посвящены отдельным проблемам истории Астраханского края XVII-XVIII веков. Ряд страниц нашего исследования написан с учетом исторических сведений, содержащихся в четырех книгах Н.Н. Пальмова «Этюды по истории приволжских калмыков» , а также в «Очерках истории Калмыцкой АССР» (дооктябрьский период).

И, наконец, в «Истории Астраханского края» авторами представлены материалы кандидатских и докторских диссертаций, прошедших тщательную научную экспертизу, а потому объективных и исторически достоверных.

Специально хотелось бы коснуться иллюстративного ряда, представленного в нашем исследовании. Мы не претендуем на авторское право подавляющего большинства иллюстраций, поскольку они поза-

имствованы нами из ранее опубликованных изданий разнопланового и разносюжетного характера. Вместе с тем, в книге размещены и авторские рисунки, о чем имеются напоминания в тексте книги.

Исторические карты, представленные в виде приложений, взяты нами из «Атласа Астраханской области» (1997), авторы которого все без исключения являются авторами и данной монографии. Некоторая корректировка карт в связи с черно-белым изображением осуществлена П.В. Казаковым.

Авторский коллектив считает своим долгом упомянуть о помощи в подготовке этой книги. Хотя выражение признательности является общепринятым жестом, в данном случае этот факт ничуть не умаляет искренности авторов, которые не могут не упомянуть Зою Александровну Малометову, заведующую отделом редкой книги Областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской, внесшую большой личный вклад в поиск и подборку необходимых авторам источников и литературы. Это сотрудничество не только облегчило наш нелегкий труд над настоящим изданием, но и принесло нам искреннюю радость от совместного творчества.

Выражаем также теплые чувства и слова признательности руководству ГААО и лично Виктории Владимировне Новоселовой, Елене Федоровне Буслаевой, Нине Григорьевне Науменко за помощь по выяснению справочной литературы, опубликованных и неопубликованных источников, картографического материала. Также благодарим главного редактора издательства педагогического университета Евгению Ивановну Милёхину за грамотную, квалифицированную редакторскую подготовку текста монографии.

Творческое участие в подготовке книги всех вышеназванных коллег ускорило выход настоящего издания.

Главный редактор, профессор Н.М. Ушаков

РАЗДЕЛ I.

Астраханский край в древности и в средние века

Глава I. Нижнее Поволжье в период первобытнообщинного строя

§1. Эпоха камня

Палеолит Каменный век по технике изготовления каменных орудий труда и другим признакам был разделен на палеолит, мезолит и неолит. Следы человека, а также ископаемых, вымерших животных прослеживаются с эпохи палеолита - древнекаменного века, который длился миллионы лет.

Древнейшая стоянка эпохи камня на Нижней Волге была обнаружена и исследована на северной окраине Волгограда, в балке Сухая Мечетка.[1] Здесь люди поселились 70 тысяч лет назад. Мощный 20-метровый слой позднейших отложений сняли археологи, прежде чем добрались до следов стоянки.

При ее раскопках были найдены орудия труда, которые изготавливались из местных пород кремня, кварцита и гальки, среди них оказались каменные скребла для обработки кожи, ручные остроконечники, которые использовались как ножи. Здесь же обнаружили кости древних животных: мамонта, зубра, первобытного быка-тура.

В палеолите производительные силы прошли длительный путь развития. Начав с примитивно оббитых галек, человек научился делать составные орудия из камня. Люди обрели оседлость и стали селиться в долговременных жилищах. Основными видами занятий были охота и собирательство.

Родовой строй являлся основой первобытного общества, которое характеризовалось общим трудом и общей собственностью на средства производства и на продукты труда. Родовое общество первоначально строилось по материнской линии, экзогамия была характерной чертой родовых общин.

Свидетельствами существования в палеолите материнской родовой общины являются многочисленные находки своеобразных женских изображений, на большинстве которых подчеркнуты признаки женщины-матери. Подобные изображения, судя по этнографическим

материалам, связаны с религиозными верованиями и обрядами, характерными для материнской родовой общины, где процветал культ женщины-прародительницы и хранительницы родового очага.

Для палеолита характерен тотемизм, многочисленные свидетельства которого дает палеолитическое искусство (изображения животных или фантастических существ с признаками отдельных животных).

Мезолит

Приблизительно 13,5-13 тысяч лет назад началось глобальное позднеледниковое потепление после длительного оледенения. В связи с этим изменилась природная среда, что привело к совершенствованию орудий труда и изменению всей хозяйственной деятельности человека.

Началась новая эпоха мезолита - среднекаменного века. Для нее характерно изготовление человеком микролитов - геометрических кремневых орудий, представляющих собой маленькие камни в виде сегментов, трапеций, треугольников размером 1-2 см. Человек изобрел лук и стрелы, большое количество которых находят на мезолитических стоянках в степях нашего края.

Самые ранние памятники - стоянки древнего человека, расселившегося в Северном Прикаспии, относятся к эпохе мезолита и совпадают со временем отступления Каспийского моря.

Древнейшие мезолитические памятники, обнаруженные в Астраханской области и на ее восточных границах, датируются XII-X тысячелетиями до нашей эры.[2] Эта группа памятников получила в археологической литературе название сероглазовской культуры - в память первых находок у станции Сероглазово.

В настоящее время в Астраханской области открыты сотни стоянок и местонахождений с каменным инвентарем, среди которого много скребков, вкладышей, резцов, отщепов, пластин, наконечников стрел размером в 1-3 см.

В поисках пищи люди довольно часто передвигались по степям, о чем свидетельствуют небольшие по площади кратковременные сто-

янки, порой не имеющие следов каких-либо жилых конструкций.

Увеличилась роль бродячей охоты, производимой небольшими группами людей, которые охотились на мелких и одиночных животных, в том числе на птиц. Подспорьем в охоте служило собирательство и рыболовство. Собирали дикорастущие злаки, съедобные травы, коренья, орехи, ягоды и грибы.

В мезолите появляются рыболовные крючки, а также сети, что свидетельствует о выделении рыболовства в особую форму хозяйства.[3] Первые долбленые лодки и первые весла найдены на памятниках мезолита. Рыболовство в нашем крае, соперничая с охотой, выдвинулось на первое место, о чем свидетельствует обилие стоянок, обнаруженных на берегах озер и рек.

Хозяйство мезолитической эпохи характеризовалось безраздельным господством присваивающего уклада, который основывался преимущественно на эксплуатации природных ресурсов речных долин и озерных котловин.

В эпоху мезолита у ряда племен существовала вера в загробный мир, доказательством чему служат погребения с инвентарем, предназначенным для продолжения жизни после смерти. Появление родовых кладбищ отражает возникновение культа предков.

В произведениях мезолитического искусства появились изображения людей, охотников с луками. Пока не разгадан смысл геометрических орнаментов на костяных и роговых изделиях, но они свидетельствуют о развитии абстрактных представлений.[4]

Неолит

Неолит – новокаменный век – завершил эпоху камня. В Поволжье неолит датируется VI и V тысячелетиями до нашей эры.

Его иногда называют керамическим веком, так как в это время люди научились лепить из глины и обжигать на костре посуду. Лепили ее вручную, без применения гончарного круга. Керамика имеет много преимуществ, сырье для нее распространено почти повсеместно, фор-

мовка и обжиг несложны, а глине можно придать бесчисленное множество форм и орнаментов.

Керамика - одна из самых массовых находок на стоянках и поселениях.

Важнейшей особенностью неолита считается переход от присваивающих форм хозяйства - охоты, рыболовства, собирательства - к производящим - скотоводству и земледелию. Человек уже не просто потреблял готовые дары природы, а стал сам производить продукты питания. Этот важнейший шаг в развитии человечества ученые называют «неолитической революцией».[5] «Переход к производству пищи, сознательному выращиванию съедобных растений, особенно злаковых, и приручению, разведению и отбору животных явился экономической революцией, величайшей в истории человечества после того, как человек овладел искусством добывать огонь».[6]

В степях Нижнего Поволжья, продолжая заниматься присваивающим хозяйством, люди стали все больше внимания уделять скотоводству, чему способствовали удобные пастбищные угодья.

На территории нашего края люди занимались, преимущественно, охотой и рыболовством, но на многих поселениях встречаются кости овец и других домашних животных, что говорит о начале развития скотоводства. Многие исследователи рассматривают Прикаспий как область раннескотоводческого хозяйства.

В Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии первобытные охотники и рыболовы, объединенные в родовые группы, селились обязательно близ воды. Их поселения по площади занимали не более 200 квадратных метров. На всех стоянках встречаются черепки глиняной посуды, разнообразные кремневые орудия, обычно небольших размеров, среди них ножевидные пластины, различной формы скребки, проколки, наконечники стрел. Широко применялся в охоте лук. Наконечники стрел небольшие, асимметрично-ромбической или листовидной формы. Скребки употреблялись для соскабливания жира со шкур жи-

вотных, для разделки туши. Чтобы края скребков были острее, их слегка подправляли, нанося мельчайшие сколы, т.е. ретушировали. Для изготовления орудий использовали кремень, изредка кварцит. По найденным обломкам глиняной посуды можно сделать вывод о ее форме, она отличалась большими размерами, круглым дном и своеобразным геометрическим орнаментом.[7]

Многочисленные неолитические стоянки обнаружили археологи в междуречье Волги и Урала, в Рын-песках, в районе Досанга, Сероглазово, Караузека. Поселение неолитического времени имеется также на острове Кулалы в Каспийском море. В 4-5 км к югу от брошенного современного рыбацкого поселка были найдены десятки каменных орудий труда. Освоение неолитическим человеком островов Тюленьего архипелага оказалось возможным в то время, когда он соединялся с материком и входил в пресноводную зону.[8]

Неолит завершил каменный век и подвел человечество к порогу новой эпохи. Производящее хозяйство создало предпосылки для возникновения металлургии. Техника обработки камня достигла своего совершенства.

§2. Эпоха бронзы

Энеолит Первый период эпохи металла называют энеолитом («энеус» в переводе с латинского – медь, «литос» – камень), т.е. меднокаменным веком. В энеолите появляются медные орудия, но преобладают каменные.

В Азии энеолит соответствует зарождению цивилизации, в Европе – крупным передвижениям племен и появлению в связи с этим индоевропейских языков. Важность энеолита для населения Северного Прикаспия заключается в том, что прежде разобщенные группы неолитических племен втягиваются в широкую систему связей с определенными территориями и выходят на мировую арену.[1]

Десятки энеолитических стоянок и сотни местонахождений с

кварцитовой индустрией обнаружили археологи в степях Северного Прикаспия, недаром одну из энеолитических культур назвали прикаспийской.[2]

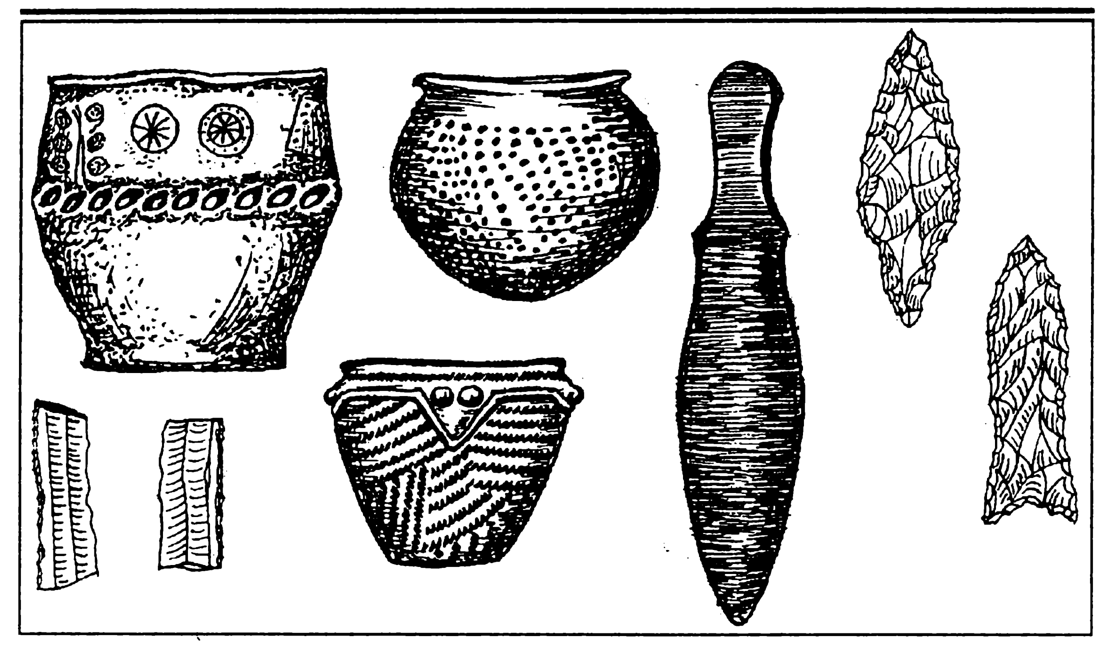
Прикаспийские стоянки располагаются, как правило, вдоль берегов ныне высохших озер, на склонах или в котловинах выдувания больших барханов. На стоянках находят, кроме керамики, кварцитовые изделия и отходы производства, иногда кремневые орудия и отщепы, а также кости животных, часто пережженые.[3]

Наиболее крупные стоянки прикаспийской культуры - Кок-Мурун, Шошак III, Тау-Тюбе Западная, Караузек, Кошалак и другие.[4] Основной материал с этих стоянок - керамические горшковидные плоскодонные сосуды, изготовленные из желтой, коричневой или красноватой глины с примесью толченой раковины.

С прикаспийской керамикой находят кварцитовые орудия, что свидетельствует о преобладании у населения этой культуры кварцитовой индустрии. В нескольких случаях встречены и кремневые изделия. В основном, это концевые скребки на крупных пластинах.

Кроме стоянок, в Северном Прикаспии обнаружены и исследованы энеолитические погребения и могильники. В урочище Нарымбай среди большого количества керамики, золы, кремня и других материалов найдено маленькое тесло - плоский рубящий инструмент из зеленого камня, рядом с ним - пять крупных овальных бусин и одна маленькая круглая бусина, две из них окрашены охрой - природной красной краской. На другой стороне бархана в этом же урочище нашли еще одно небольшое тесло из темно-коричневого камня. Здесь же обнаружили массу костей животных, кварцитовые отщепы и обломки керамики.

Остатки могильников эпохи энеолита исследованы в урочище Таутюбе. Здесь нашли крупные бусы, три кремневых наконечника стрел треугольной формы, два наконечника в виде рыбки, керамику, кости, кварцитовые и кремневые изделия.



Предметы из погребений эпохи бронзы

Энеолитический могильник находился в большой котловине бархана в 2,5 км к северу от Нового Караузека. В нем обнаружены окрашенные охрой кости человеческого скелета и близ него - двусторонне обработанный наконечник стрелы из черного кремня. Среди костей оказалась крупная широкая ножевидная платина с ретушью и скребковидные орудия.

Остатки еще одного энеолитического могильника найдены близ Кошалака. Около черепа и плеча человеческого скелета найдены две ножевидные пластины и наконечник стрелы из серого кремня вытянутой треугольной формы. Все они окрашены красной охрой. В районе груди найдено несколько плиток розового мела с обработанными краями.

Весь костяк был усыпан медными бусами, отчего кости его окрасились окисью меди в зеленый цвет.[5]

Многочисленные находки костей животных, большая часть которых приходится на кости лошадей, свидетельствуют о развитии скотоводческого хозяйства у населения Северного Прикаспия в эпоху энеолита, причем Волго-Донской район некоторые ученые называют

местом первого приручения и широкого использования коня в хозяйственной деятельности.[6]

Энеолитические племена нашего края продолжали заниматься охотой и рыболовством, но скотоводству с этого времени отводится все большая роль.

О зарождении имущественной и социальной дифференциации в Поволжье в период развитого энеолита свидетельствуют находки каменных скипетров, которые считаются символами власти. Начинается патриархальный этап общественного развития, процесс расслоения аморфного до сих пор общества, выделения вождей и знати, которые сосредотачивают в своих руках власть и богатство.[7]

§3. Ямная культура

В раннем бронзовом веке в III тысячелетии до нашей эры территорию нашего края заселяли племена ямной культуры. Ямные племена хоронили умерших в простых могильных ямах, от которых и произошло название этих племен. Над ямами насыпали курганы. На территории Астраханского края и степей Восточной Европы расположены древнейшие курганные насыпи нашей страны.

Ямные племена считаются первыми степными кочевниками. Значительное увеличение количества скота, которому не хватало кормов вокруг поселений, явилось главной причиной перехода к кочевому скотоводству. Засушливый степной климат снижал продуктивность пойменных лугов. Вести прежний образ жизни стало затруднительно, поэтому на смену придомному скотоводству, дополняемому охотой, рыболовством и собирательством, приходит кочевое скотоводческое хозяйство, хотя рыболовство по-прежнему оставалось надежным источником питания на территории Астраханского края.

Нижневолжские степи, покрытые бедной растительностью, главным образом различными видами горькой полыни, были благоприятными для выпаса здесь мелкого скота – овец и коз.

В погребениях ямной культуры часто встречаются кости домашних животных, чаще всего овец. В эпоху ямной культуры в Нижнем Поволжье появляется обычай класть в могилы пищу в виде мяса домашних животных, что свидетельствует о широком распространении в это время скотоводства. Основными видами домашных животных являлись овцы, коровы, лошади, верблюды. Пастухи использовали для выпаса и охраны стад собак, которых иногда погребали вместе с хозяевами.

В погребениях ямной и последующих по времени культур доминирующее положение занимают могилы с костями домашних животных, встречаются также и кости рыб.

Скотоводство, составляющее основу хозяйства ямных племен Нижнего Поволжья, способствовало раннему и быстрому развитию частной собственности на скот и выделению патриархальной семьи как хозяйственной единицы.[1]

Под курганами в могильных ямах погребенные лежат скорченно, костяки часто окрашены красной охрой. Погребальный инвентарь представлен кремневыми стрелами, скребками, ножами, шильями, бусами. Медных изделий мало. Это, прежде всего, ножи и шилья.

Наряду с металлическими орудиями труда в погребениях находят круглодонные или остродонные сосуды с гребенчатым или шнуровым орнаментом, в то время как у соседних земледельческих народов появляется в это время плоскодонная керамика.

Волго-Уральское междуречье считается территорией, где начался процесс обособления скотоводческих племен, который затем охватил всю древнеямную территорию с востока на запад.[2]

§4. Катакомбная культура

В начале второго тысячелетия до нашей эры на смену ямной приходит катакомбная культура, получившая название от особенности погребального обряда: в одной из стенок подкурганной ямы для

захоронения вырубали особую камеру – катакомбу.

Племена катакомбной культуры занимали обширную территорию от Волги до Днепра, почти ту же самую территорию, которую занимали племена предшествующей ямной культуры. Продвижение целых групп населения Северного Кавказа в южные степи хорошо подтверждается археологическим материалом, вместе с тем не противоречит возможности генетически связывать катакомбную культуру с предшествующей ей ямной культурой.[1]

Археологические данные позволяют говорить о том, что расселение северокавказских племен происходило небольшими группами, причем наблюдалась быстрая ассимиляция пришлого населения местным. Г.Ф. Дебец убедительно доказал, что представители как ямной, так и катакомбной культур типичные европеоиды.[2]

В настоящее время выделяются локальные варианты катакомбной культуры. Один из них – Волго-Манычский – захватывает низовья Дона, весь Маныч и астраханские степи до нижнего течения Волги. В этом районе погребения катакомбной культуры оказались впускными в курганы, насыпанные в древнеямное время. Все погребения совершены в катакомбах, вырытых в одной из стен входной ямы, чаще всего дно входной ямы выше пола катакомбы. Погребенные лежали в скорченном положении на левом боку, головой на восток, юго-восток, юг. В могилах найдена охра, кости баранов и лошадей.

Катакомбные погребения нашего региона отличает обилие керамики разных форм, часто покрытой красным ангобом. Все сосуды лепные, плоскодонные, широкогорлые, в большинстве случаев с округлым туловом, некоторые сосуды украшены пышным орнаментом. Встречаются также орнаментированные курильницы на крестовидных ножках, сердоликовые, пастовые, костяные бусы, височные подвески в полтора оборота, бронзовые крюки, листовидные наконечники копий и другие предметы.

В мотивах орнамента на керамике часты круги, спирали, четыре-

хугольники, ромбы и другие геометрические фигуры, перекрещивающиеся линии, обозначавшие в первобытном искусстве солнце, жизнь, свет и воскресение.

В составе керамического материала особое место занимают сосуды, известные среди исследователей под названием курильниц, которые считаются ритуальными, так как в них находят угли, золу, следы красок. Они представляют собой невысокие чаши на крестовидных ножках, с широкими бортами, на одном из краев расположено отделение, предназначенное для ароматических веществ, часто в нем находят их сгоревшие остатки. У большинства курильниц вся поверхность покрыта орнаментацией.

Для катакомбного общества характерно намеренное подчеркивание профессии умершего, известны захоронения разного ранга знати, оружейников, литейщиков, колесников, кожевников, воинов, художников, служителей культа и т.д. В богатых могилах присутствует напутственная пища и следы огненного ритуала. В катакомбном обществе уделялось большое внимание подчеркиванию социальной и профессиональной принадлежности.

Мерилом богатства считался скот, дававший скотоводу молоко, мясо, кожи и служивший тягловой силой при передвижениях по бескрайним степным просторам. На основании анализа остеологического материала исследователи пришли к заключению о наличии у племен катакомбной культуры развитого скотоводства. Приручение домашних животных в эпоху катакомбной культуры завершается.

Сосредоточение главного богатства – скота в руках отдельных семей привело к появлению богатых и бедных, о чем свидетельствуют курганы, каждый из которых служил кладбищем отдельной семьи.

В родовых могильниках, в каждом кургане этого времени основным является мужское погребение главы патриархальной семьи. Основное погребение мужчины иногда сопровождается булавой, видимо, подобные захоронения принадлежат вождям, которые становятся

во главе рода или племени.[3]

Большой интерес археологов вызвало парное погребение в повозке в кургане 4 первой группы Лолинского могильника Калмыкии. Погребение 7 было совершено в четырехколесной повозке с арочноплетеным перекрытием кузова. В ней находились костяки женщины и мужчины. Рядом с этим погребением оказалась катакомба с совместным погребением мужчины, женщины и ребенка, над могилой во входной яме стояла такая же четырехколесная повозка. Обряд хоронить умерших в повозках или вместе с повозками получил широкое распространение в степях от Волги до Дона в катакомбное время. Лишь в районе поселка Лола, в Элистинском могильнике и в зоне Чограйского водохранилища найдено 13 повозок: две глиняные модели кибитки, поставленные на повозке (фургоны) и одна глиняная модель колеса.[4]

В повозки впрягались быки. Бычья упряжка распространилась задолго до того, как в колесницы и телеги стали запрягать лошадей, свидетельства чему появляются лишь во второй половине II тысячелетия до нашей эры.

В эпоху катакомбной культуры на Нижней Волге по-прежнему одним из основных богатств считались овцы – регулярные поставщики высокосортного мяса, шерсти, молока. В детских погребениях находят от нескольких десятков до сотен овечьих астрагалов, которые служили игральными костями. Кроме овец разводились козы, о чем свидетельствуют астрагалы более мелкого размера. В погребениях встречаются также кости крупного рогатого скота.[5]

Не потеряли значения в хозяйстве охота и рыболовство. Поселения располагались обычно по берегам рек или озер, на их территории находят каменные, сверленые или просто округлые глиняные грузила для сетей, что говорит о наличии сетей для рыбной ловли. Берега рек были удобны также для подсобного земледелия. Племена жили большими родовыми поселками, которым соответствовали и родовые курганные могильники, где каждый курган принадлежал отдельной семье.[6]

В 1974 г. вышла работа Г.М. Бонгарда-Левина и Э.А. Грантовского, в которой они подвергли тщательному анализу различные источники и на основании этого пришли к выводу, что «прародиной» индоиранских племен, т.е. ариев, могли быть только области Юго-Восточной Европы – от Днепра до Урала, куда входит и наш регион,[7] где в течение тысячелетий обитали племена древнеямной, а затем катакомбной культуры.

§5. Срубная культура

После катакомбных племен во 2 тыс. до н.э. в степях и лесостепях от Нижней Волги до Днепра на западе и до Приуралья на востоке расслелились племена срубной культуры. У племен срубной культуры умерших хоронили в грунтовых ямах, в которых иногда устраивались деревянные срубы, отчего и получила свое название эта культура. Число известных поселений и могильников этого времени насчитывает уже много тысяч.

Количество срубного населения на Нижней Волге и в степях Юго-Восточной Европы заметно возросло в XIII-XII вв. до н.э., как за счет притока новых групп срубников из-за Волги, так и за счет естественного прироста населения, обжившего благоприятные для жилья районы. Последнее подтверждается массовым появлением детских погребений в курганах, количество которых на ранних стадиях было значительно меньше.[1]

Захоронения производились как в материк, так и в насыпь кургана, ямы прямоугольные или овальные. Срубов или других сложных деревянных конструкций в погребениях раннего этапа нет, хотя иногда встречаются следы деревянного перекрытия из тонких плах, сучьев, веток.

Погребенных клали на левый, реже на правый бок в скорченном положении с согнутыми руками, головой на восток или северо-восток. Около погребенных продолжают ставить острореберные, горшковид-

ные и баночные сосуды. В поздний период срубной культуры керамика была представлена лишь посудой баночного типа.

До недавнего времени исследователи отрицали наличие погребений срубной культуры на территории Калмыкии, такое мнение преобладало до раскопок 1974 г. За три полевых сезона 1974-1976 гг. нами были обнаружены десятки погребений срубной культуры в Калмыкии и степных районах Волжского правобережья. Между Сарпинскими озерами и Волгой открыты самые южные из известных сейчас памятников этого времени.[2]

Все погребения срубной культуры оказались впускными, в прямоугольных или овальных ямах; погребенные лежали головой на юг, восток или запад в скорченном положении на левом, реже – правом боку. Погребальный инвентарь - лепные острореберные или баночные сосуды, раковина, костяной наконечник стрелы, кремень. Керамика аналогична нижневолжской.

Основным видом памятников степных районов Поволжского Правобережья являются курганные могильники, чаще всего встречающиеся в топографической зоне Сарпинских озер. Реже встречаются могильники в системе мочагов, разграниченных небольшими водоразделами. Этот район тянется вдоль Волги. Между этими двумя зонами располагается ровная степь, где могильники встречаются крайне редко.

Исследователь Нижневолжского региона В.П. Шилов, ссылаясь на П.С. Рыкова, отмечает ряд захоронений эпохи бронзы, найденных на развеянных дюнах, например, у сел Болхуны, Сероглазово Астраханской области и в других местах.[3]

С 1981 по 1984 гг. археологической экспедицией Астраханского педагогического института под руководством автора этих строк исследованы десятки погребений срубного времени в Ахтубинском районе Астраханской области. Погребенные лежали на левом боку скорченно, с руками у лица, головой на восток или северо-восток. Охры в погребениях не было, в засыпи одной из могил найден уголь. Керамика

представлена горшковидной, острореберной и баночной формами. Среди погребального инвентаря сохранились бусы, бисер, бронзовые ножи.[4]

С XV в. до н.э. срубные племена основательно осваивают степь, о чем говорит появление большого количества одновременно существующих поселений, первоначально возникавших на первых пойменных террасах по берегам рек и степных озер.

Жилища, состоящие из двух половин – жилой и хозяйственной, представляли собой четырехугольные землянки или полуземлянки, перекрытые двускатной или четырехскатной крышей, с очагами в земляном полу в жилой половине.

Скотоводство составляло основу хозяйства племен срубной культуры. Роль рыболовства и охоты заметно уменьшается.

Подвижный характер скотоводства реконструируется по данным погребальных памятников степной зоны. В работе, посвященной проблемам освоения степей Нижнего Поволжья и построенной на материалах раскопок курганных могильников, В.П.Шилов пришел к выводу, что открытые степи осваивались древним населением северной части волгоградского Поволжья в середине II тыс. до н.э., а южной части волгоградского и астраханского Поволжья – в первой половине II тыс. до н.э., а может быть, и раньше. По мнению исследователя, этот период стал временем перехода от пастушеского скотоводства к кочевому, становлению срубников как ранних кочевников.[5] Скотоводы не могли сидеть на одном месте из-за недостатка в воде и кормах. Зимние метели заставляли скотоводов передвигаться на юг к «черным землям», где выпадал минимальный снежный покров, и скот мог легко добывать себе корм. Скота в стаде содержалось столько, чтобы прокормить семью, хотя уже выделялись отдельные лица, видимо, вожди, владеющие большими стадами: шел процесс формирования частной собственности на скот и имущественного расслоения общества. В курганах встречаются полированные булавы, подчеркивающие социальную

значимость их владельца. Находки кладов бронзовых изделий также свидетельствуют о накоплении богатств у отдельных лиц.

У срубных племен существовала металлообработка. Находки литейных форм, тиглей, сопел, медных шлаков, каменных молотов, пестов для дробления руды или проковки отлитых изделий свидетельствуют о наличии очага металлургии и металлообработки в Нижнем Поволжье в срубное время.[6]

С прогрессивными явлениями в области экономики связан значительный рост численности населения. Возникла необходимость в освоении обширных новых территорий - новых пастбищ, новых пахотных участков. В середине II тысячелетия до н.э. племена срубной культуры, освоив Волго-Донское междуречье, расселяются на запад за Дон и на восток до реки Урал, их погребения встречаются до Днепра и Буга.

Развитие скотоводства, прогресс литейной металлургии и возросшие культурные связи обусловили рост производительных сил племен Нижнего Поволжья и усложнение их социальной структуры. Произошло окончательное становление патриархально-родовых отношений, сформировалась большая патриархальная семья.

Срубная культурно-историческая общность создала свое мощное и разветвленное информационное и культурное пространство, в котором эффективно осуществлялись функции реальной власти, способствовавшие обеспечению потребностей людей в пище, жизнеобеспечении и личной безопасности. Уникальная стандартизация в сфере материальной и духовной культуры дала основание для вывода о наличии у срубного населения достаточно выраженной централизованной системы властных структур и аппарата власти, строго контролирующего исполнение нормативных установок, что нашло выражение в удивительном сходстве сосудов, их орнаментики, технологии изготовления, а также в соблюдении догматов погребальной практики.[7]

Археолого-этнографические материалы говорят о том, что древняя могила являет собой представления людей о модели мира: подзем-

ная часть символизирует нижний мир, надземная – верхний. Это членение соответствовало представлению о двух основных душах человека. Первая из них известна в этнографии как душа – тень. Ее посмертное существование связано с низом. Это темная сила. Вторая из двух душ, известная как душа-имя, душа-птица, являлась олицетворением бессмертия. Ее посмертное существование было связано с верхом, с солнечным восходом. Идея совмещения в человеке, как и во всем сущем, двух противоположных начал – темного и светлого – лежала в основе всего первобытного мировоззрения.[8]

§6. Проблема этнической принадлежности ранних скотоводов

Одной из наиболее сложных проблем истории древних, особенно бесписьменных, народов, является их генезис и этническая принадлежность. Это всецело относится к ранним скотоводам Нижнего Поволжья. По сохранившимся костякам можно определить расовую принадлежность погребенных, по оружию, украшениям, формам и узорам керамики – тип данной археологической культуры, по способам захоронения и погребальным ритуалам - их представления о загробном мире. Но на каких языках говорили древние люди, откуда пришли – остается загадкой.

Расселение в Нижнем Поволжье и соседних областях древнеямных племен, датирующееся временем с начала III тыс. до н.э.[1], свидетельствует о начале освоения открытых степей Восточной Европы.[2] Н.Я. Мерперт особо отмечает, что первая волна распространения ранних древнеямных племен археологически засвидетельствована в Волго-Уральском междуречье и прилегающих степях Предкавказья и Подонья, причем в наиболее чистом виде их культура представлена в Волго-Уральском междуречье.[3] Правда, сравнительно недавно в нижневолжских степях были выявлены доямные энеолитические погребения, оставленные древнейшими скотоводами на территории совре-

менных Калмыкии и Волгоградской области, датирующиеся II-й половиной IV тыс. до н.э.[4] Но пока что не ясны их взаимоотношения с ямниками.

То обстоятельство, что нижневолжские степи впервые стали осваиваться во второй половине IV и в III тыс. до н.э., дает исключительную возможность использовать антропологические (в первую очередь, краниологические) данные для этнической атрибуции этих племен. Дело в том, что обычно определить это в рамках одной большой расы (в данном случае – европеоидной) нелегко, поскольку часто состав самих мигрирующих племен бывает полиэтническим; даже в случае полного истребления мигрантами мужчин коренных племен покоренных областей, местные женщины достаются победителям и дают начало новому, метисированному, антропологическому типу, так что создается впечатление, будто прежнее население, смешиваясь с пришлым, просто поменяло свою материальную культуру.

Что же касается степей, то их население до прихода скотоводов было крайне редким. Переход к производящему хозяйству, в отличие от потребляющего, способствовал росту численности скотоводов, освоивших значительные степные пространства в сравнительно краткий исторический период.

По наиболее ранним, доямным скотоводам, В.П. Шилов приводит результаты антропологического обследования черепа лишь одного погребенного мужчины из кургана Улан-Толга в Калмыкии, проведенного А.В. Шевченко, из которого следует, что он принадлежал к позднекроманьонскому типу европеоидной большой расы, в частности, представленному мариупольскими могильниками.[5] Это дает основание предполагать, что данный экземпляр свидетельствует о возможной миграции ранних скотоводов из Приазовья в неосвоенные районы волго-донских степей.

Палеоантропологические обследования ямников дали весьма интересные результаты. Г.Ф. Дебец отметил европеоидный облик погре-

бенных, особенно подчеркнув у ямников Нижнего Поволжья сильный наклон лба, мощные надбровные дуги и сильно выступающий нос, угол которого (35,3°) превышает соответствующий показатель у современных армян (34°).[6] Антропологические материалы Калиновского могильника позволили В.В. Гинзбург уточнить, что европеоидный тип, характерный для значительной части сталинградского Заволжья от ямной эпохи до сарматов, является вариантом средиземноморской расы.[7] У ямников также отмечаются черты протоевропеоидного типа.[8]

Накапливание палеоантропологических материалов позволило исследователям гипотетически представить картину расселения ранних скотоводов. Так, Л.Т. Яблонский пришел к выводу, что прикаспийские степи неолитической и раннеэнеолитической эпох были населены людьми протоевропеоидного типа, а с эпохи неолита сюда проникали группы средиземноморского типа, причем отмечается процесс их метисации.[9]

Гипотеза о принадлежности древнеямных племен к индоевропейской семье языков высказывалась достаточно давно.[10] Но сама проблема происхождения индоевропейцев и района их формирования до сих пор остается дискуссионной. Среди многих научных гипотез выжили и сохранили сторонников гипотезы о родине индоевропейцев в следующих районах: Балкано-Карпатском, в степях Евразии, в Причерноморье и в Передней Азии, причем часть археологов утверждает, что ямники расселялись с востока на запад, часть - что они шли с запада на восток.[11]

В последнее время широкую известность получила гипотеза В.В. Иванова и Т.В. Гамкрелидзе о прародине индоевропейцев на Ближнем Востоке, которую они аргументируют преимущественно с лингвистических позиций, на основании изоглосс (т.е. общих элементов в языках), найденных ими в семитских, картвельских и в реконструированном ими праиндоевропейском языках. По их гипотезе, предполагаемая прародина этих племен находится на территории к югу от Закав-

казья до верхней Месопотамии[12], может быть, включая горы Загроса.[13] Исследователи наметили пути миграций основных групп индоевропейских племен и предположили, что степи от Днепра до Аральского моря стали промежуточным ареалом племен - носителей «древнеевропейских» диалектов, арийцев и др., известных нам как племена курганной (древнеямной) культуры, а маршрут их пролегал вокруг Каспийского моря через Среднюю Азию.[14]

Новая теория встретила серьезные возражения по всем позициям – историческим, археологическим, лингвистическим, в том числе виднейшего специалиста по древневосточной истории И.М. Дьяконова,[15] – на которые авторы новой гипотезы дали свой ответ.[16] Позднее в статье Е.Е. Кузьминой указывалось, что на протяжении II тыс. до н.э. на территории Средней Азии, Казахстана и Северного Прикаспия скотоводческие (вероятно, индоиранские) племена расселялись с запада на восток и с севера на юг; встречной миграции не отмечается.[17] Правда, исследовательница не отметила направление миграций IV-III тыс. до н.э., оставив этот вопрос открытым.

Если все же В.В. Иванов и Т.В. Гамкрелидзе в основном верно реконструировали праиндоевропейский язык и правильно сделали выводы из сопоставления его с археологическими, историческими, экологическими и другими фактами, то их теория может объяснить наличие представителей средиземноморской и близкой к переднеазиатской малых рас в нижневолжских степях.

Вторжение с конца III тыс. до н.э. в нижневолжские степи новых племен приводит к формированию здесь населения так называемой полтавкинской ступени, а в астрахано-манычских степях и в соседних областях – катакомбной археологической культуры. Антропологические исследования свидетельствуют, что между ямниками и катакомбниками различия весьма незначительны, и это дает основания предполагать о весьма вероятном вхождении ямников в новые племена.[18] Но многие археологи отвергают гипотезу о генетической связи ямников

с катакомбниками, сближая последних с Кавказом, и указывают, что именно в степях северо-западного Прикаспия на рубеже III-II тыс. до н.э. происходил процесс генезиса и развития катакомбной культуры.[19] По мнению М.И. Артамонова, катакомбники были предками индоевропейских племен киммерийцев.[20] Сейчас это мнение отвергнуто.[21]

Проблема этнической принадлежности катакомбников остается дискуссионной. Наряду с гипотезой об их генетической близости к ямникам, при определенных стадиальных отличиях,[22] существуют гипотезы, связывающие их не только с Северным Кавказом, но и с Эгейским миром,[26] Передней и Малой Азией, откуда эти племена могли пройти в степи Северного Прикаспия через Кавказ по восточному побережью Черного моря.[24] Поэтому определить, на каких языках говорили катакомбники и связанные с ними полтавкинцы, не представляется возможным.

И только в отношении следующих, срубных, племен, отличавшихся выраженной долихокранностью с резко выступающим носом,[25] ученые в основном склонны согласиться признать их составной частью ираноязычных племен, поскольку отчасти на базе этих и андроновских племен, как полагают исследователи, сформировались позднее скифо-сарматские племена, говорившие на восточноиранских диалектах.[26] Видимо, ираноязычные срубники вытеснили «древнеевропейские» племена и широко расселились по всей степной зоне от Дуная до Алтая. По мнению В.И. Абаева, из факта наличия скифо-древнеевропейских изоглоссов, датирующихся временем не позднее второй половины II тыс. до н.э., следует отодвинуть и появление иранцев в Северном Причерноморье, и признать иранский элемент исконным в Восточной Европе и пришлым в Средней Азии, а киммерийцев также можно отнести к североиранским племенам, говорившим на разных диалектах общего языка со скифами и сарматами.[27]

Примечания

§1

1. Булычев М.В. и др. История Саратовского края. Саратов, 1996. С.9.
2. Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия. КСИА. М.: Наука, 1977. Вып. 149. С.107.
3. Археология СССР. Палеолит СССР / Под ред. академика Б.А.Рыбакова. М.: Наука, 1984. С.198.
4. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977. С.44.
5. Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. М., 1990. С.174.
6. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956. С.55.
7. Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия). КСИА. М.: Наука, 1975. Вып. 141. С.115.
8. Мелентьев А.Н. О хронологии раннего неолита Северного Прикаспия. КСИА. М.: Наука, 1978. Вып. 153. С.102.

§2

1. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977. С.70.
2. Мелентьев А.Н. О возникновении скотоводства в Евразийских степях // Проблемы эпохи энеолита степной и лесостепной полосы Восточной Европы. Тезисы докл. Оренбург, 1980. С.12.
3. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С.13.
4. Мелентьев А.Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С.13-14; Дубягин П.С., Чикризов Ф.Д., Чуринов В.А., Васильев И.Б., Выборнов А.А. Новые материалы по неолиту и бронзе из Северного Прикаспия // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982. С.7.
5. Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1981. С.14.
6. Там же. С.70.
7. Даниленко Д.Н. Энеолит Украины. Киев, 1974. С.92.

§3

1. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С.64-65, 88.
2. Авдусин Д.А. Археология СССР. М., 1977. С.102.

§4

1. Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры // Труды государственного исторического музея. М., 1955. Вып. 24. С.65.

2. Дебец Г.Ф. Палеантропология СССР. М.-Л.: АН СССР, 1948.
3. Попова Т.Б. Указ. соч. С.157-158.
4. Там же. С.159.
5. Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства. М.: Наука, 1980. С.232, 241.
6. Эрдниев У.Э. Калмыцкая степь в эпоху катакомбной культуры // Археологические памятники калмыцкой степи. Элиста, 1978. С.16-17.
7. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э.А. От Скифии до Индии. М., 1974. С.115-118.

§5

1. Мамонтов В.И. О раннесрубных памятниках Волго-Донского междуречья // СА. 1981. №3. С.21.
2. Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганов Калмыцкой АССР // АО. 1975. С.182-183.
3. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С.110.
4. Шнайдштейн Е.В. Раскопки курганов в Астраханской области // АО. 1984. С.187.
5. Шилов В.П. Проблемы освоения степей Нижнего Поволжья в эпоху бронзы // АСГЭ. 1964. Вып. 6. С.101.
6. Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье // МИА. 1959. №60. С.35, 38.
7. Горбунов В.С. Об оценке социально-экономических и организационных структур срубной культурно-исторической общности // Срубная культурно-историческая общность. Изд. Саратовского университета, 1974. С.7.
8. Эпоха бронзы лесной полосы СССР // Археология СССР. М.: Наука, 1987. С.430.

§6

1. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. С.243; Мерперт Н.Я. Некоторые вопросы истории Восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой // КСИА. 1961. Вып. 83. С.7; Эрдниев У.Э. Древнейшая история заселения территории Калмыкии // Археологические памятники Калмыкии эрохи бронзы и средневековья. Элиста, 1981. С.17.
2. Шилов В.П. Проблемы происхождения кочевого скотоводства в Восточной Европе // Древности Калмыкии. Элиста, 1985. С.24.
3. Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М.: Наука, 1974. С.147-148.
4. Шилов В.П. К проблеме взаимодействия первобытных земледельческих и скотоводческих племен Евразии // Материалы Четвертой краеведческой конференции. Астрахань, 1991. Ч.1. С.3-10.
5. Там же. С.5.
6. Дебец Г.Ф. Палеонтропология СССР. М.-Л.: АН СССР, 1948. С.102-103.
7. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья

(По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. №60: Памятники Нижнего Поволжья. Т.1. С.525, 593; Табл. 11, 12.
8. Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. 1960. №78: Древности Нижнего Поволжья. Т.2. С.292.
9. Яблонский Л.Т. Антропология раннеэнеолитического населения Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1986. С.105.
10. Мерперт Н.Я. Некоторые вопросы... С.7-8.
11. Баюн Л.С. Древняя Европа и индоевропейская проблема // История Европы. М., 1988. Т.1: Древняя Европа. С.104-107.
12. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндовропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. №3. С.3-27.
13. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Первые индоевропейцы в истории: предки тохар в древней Передней Азии // ВДИ. 1989. №1. С.14-39.
14. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Миграции племен - носителей индоевропейских диалектов - с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. 1981. №2. С.11-33.
15. Дьяконов И.М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // ВДИ. 1982. №3. С.3-30; №4. С.11-25; Лелеков Л.А. К новейшему решению индоевропейской проблемы // ВДИ. 1982. №3. С.31-37.
16. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления // ВДИ. 1984. №2. С.107-122.
17. Кузьмина Е.Е. Культурная и этническая атрибуция пастушеских племен Казахстана и Средней Азии эпохи бронзы // ВДИ. 1988. №2. С.35-59 (особенно 54-58).
18. Дебец Г.Ф. Указ. соч. С.103-104; Глазкова Н.М., Чтецов В.П. Указ. соч. С.292; Шевченко А.В. Указ. соч. С.102-103.
19. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Новые археологические памятники на территории Калмыцкой АССР (по раскопкам 1962-1963 гг.). Элиста, 1966. С.24-25.
20. Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974. С.19-23.
21. Мелюкова А.И. Предскифский период в степях Северного Причерноморья // Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С.10-16.
22. Брюсов А.Я. Указ. соч. С.243-244; Попова Т.Б. Катакомбная культура // СИЭ. 1965. Т.7. Стб. 96.
23. Чайлд Г. У истоков европейской цивилизации. М., 1952. С.220-221; Арцихин Д.А. Археология СССР. М., 1967. С.106.
24. Фисенко В.А. О происхождении и хронологии катакомбной культуры. Саратов, 1966. С.37.
25. Шевченко А.В. Указ. соч. С.103-105.
26. Мамонтов В.И. О погребениях позднего этапа срубной культуры в Нижнем Поволжье

и Волго-Донском междуречье // СА. 1980. №1. С.175-194; Дебец Г.Ф. О физических типах людей скифского времени // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С.8-10; Мерперт Н.Я. Срубная культура // СИЭ. 1971. Т.13. Стб. 767.

37. Абаев В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы // Проблемы скифской археологии (далее – ПСА). М., 1971. С.10-13.

Список сокращений

КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР

АСГЭ - археологический сборник Государственного Эрмитажа

СА - Советская археология

ВДИ - Вестник древней истории

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

САИ - Свод археологических источников

СИЭ - Советская историческая энциклопедия

Глава II. Нижневолжские степи в сарматскую эпоху

§1. Формирование савромато-сарматских племен

В своей монографии «Савроматы» К.Ф. Смирнов писал, что этногенез савроматских племен на рубеже эпохи бронзы и раннего железа (VIII-VII вв. до н.э.) на территории Поволжья происходил в процессе смешения потомков срубных племен с пришедшей с востока группой западных андроновских племен. По своему языку, как и позднейшие сарматы, савроматы относились к северо-восточным языкам иранской группы индоевропейской семьи языков, подобно другим племенам скифо-сарматского круга.[1] О родстве скифов и савроматов было известно еще древнегреческому историку середины V в. до н.э. Геродоту.[2]

Современные исследователи также признают близкое родство скифов и савроматов. Так, по свидетельству К.Ф. Смирнова, археологические памятники начального периода истории скифов и савроматов почти не различимы ввиду близости их погребальных обрядов и материальной культуры, что объясняется частично их общим происхождением, частично - возможным участием племен Задонья и Поволжья (будущих савроматов) в скифских походах в Закавказье.[3] Эти основные идеи К.Ф. Смирнова, в особенности о связи савроматов с племенами предшествовавшей им срубной культуры, в основном разделяются такими исследователями, как В.В. Дворниченко и В.А. Кореняко, особо отмечающих сходство погребального ритуала и керамики срубников и степняков предсавроматской эпохи, с которыми, в свою очередь, связаны сами савроматы.[4]

Гораздо дальше заходит в своих гипотезах Р. Исмагил, который отождествляет савроматов с царскими скифами и сарматами, отрицая их раннее появление в Северном Причерноморье, и понимает под термином «савроматы» крупную этнокультурную общность, занимавшую с 40-30-х годов V в. до н.э. земли от Поднепровья до Притяньшанья. Он выделяет в ней три наиболее крупные археологические культуры: «саков» Семиречья, «сарматов» Приуралья и «скифов» степного По-

днепровья.[5]

Эта точка зрения стоит особняком и противоречит известиям античных авторов, благодаря которым, собственно, до нас и дошли все этнонимы многочисленных бесписьменных кочевников южнорусских степей. Вряд ли случайно в «Землеописании», составленном неизвестным автором II-I вв. до н.э., условно именуемым Псевдо-Скимном Хиосским, который уже знал сарматов и даже их племенное деление, савроматы помещаются восточнее сарматов, причем аноним ссылается на авторитетных эллинистических ученых Деметрия и Эфора.[6] Знаменитый древнеримский ученый-энциклопедист I в. н.э. Плиний Старший прямо указывает, что савроматы живут в районе Каспия.[7]

Однако более ранние авторы, начиная с Геродота,[8] помещали савроматские племена на территории степей, лежащих к северу и востоку от Азовского моря и низовьев Дона, где более поздние писатели локализовали сарматов.

Следует отметить, что антропологические данные свидетельствуют о сложном и длительном формировании савромато-сарматских племен. Согласно исследованиям Г.Ф. Дебеца, хотя все ранние группы кочевников относятся к европеоидному типу, в его рамках имеются локальные варианты. Так, если в саратовском Заволжье заметна сильная примесь андроновских племен, проникавших сюда с территории современного Казахстана, то астраханскую группу он склонен гипотетически сопоставить с типом костяков из катакомбных погребений.[9]

Генетические связи срубно-хвалынской и андроновской культур эпохи бронзы с савроматской культурой признавал и К.Ф. Смирнов. Он полагал, что в формировании сарматских племен междуречья Дона-Волги участвовали местные племена бронзового века, в первую очередь - срубники, отчасти - катакомбники, сохранившиеся на территории Астраханской области и на р.Маныч, куда проникали и кочевники из степных районов Средней Азии.[10] По мнению М.Г. Мошковой, поддерживающей в целом идеи К.Ф. Смирнова, переселение

племен самаро-уральского варианта савроматской культуры в Нижнее Поволжье шло с конца IV в. до н.э. на протяжении нескольких веков, что отразилось в уменьшении приуральского населения в III-I вв. до н.э. и росте его в Нижнем Поволжье.[11]

Гипотезу о формировании сарматов на базе прохоровской культуры, защищаемую К.Ф. Смирновым и М.Г. Мошковой, критикует В.П. Шилов. Он полагает, что в Нижнем Поволжье и в Южном Приуралье на базе предшествующих культур одновременно формировались соответственно раннесарматская и прохоровская культуры. Доказательством этого, в частности, он считает антропологические отличия волгоградской группы, связанной со срубниками. Поэтому В.П. Шилов считает, что в волго-донских степях кочевали потомки геродотовских савроматов, известные под именами аорсов и сираков, в то время как в Южном Приуралье кочевали исседоны, что не исключает взаимных миграций этих сарматских племен с частичной ассимиляцией.[12]

Однако К.Ф. Смирнов, выделяющий в савроматской археологической культуре VII-IV вв. до н.э. два основных локальных варианта: Волго-Донской и Самаро-Уральский, считает, что общих черт в погребальном обряде и инвентаре в особом варианте скифо-сибирского (савроматского) звериного стиля в искусстве и т.п. – больше, чем отличий.[13]

Из этого краткого исторического анализа видно, насколько сложной и далекой от разрешения является проблема генезиса савромато-сарматских племен.

Не менее сложна и проблема их дальнейшего развития, связей с другими родственными ираноязычными племенами, а также иноязычными народами, что объясняется открытостью степного пространства, облегчающей миграции кочевников. В этом смысле большое значение для сарматологии имели раскопки Калиновского могильника, расположенного в Волгоградской области на левом берегу Волги. Изуче-

ние В.В. Гинзбург антропологического материала позволило сделать вывод о том, что к основному населению европеоидного типа в эпоху бронзы примешались группы (или отдельные особи) с севера и востока, среди которых отмечается андроновский тип среднеазиатского Междуречья, особенно характерный для Астраханского края. В позднесарматское время появляется и особый европеоидный тип, характерный для скифов Поднепровья и Причерноморья, и некоторая монголоидная примесь, возможно, связанная с миграцией гуннских или иных среднеазиатских племен.[14]

Аналогичны данные Б.В. Фирштейн по саратовскому Заволжью, куда в первые века нашей эры мигрировали с востока новые группы кочевников с монголоидной примесью. По ее мнению, сарматы саратовской, волгоградской, астраханской и уральской групп, а также сарматы Поднепровья и Подонья весьма близки между собой, что указывает на савроматскую эпоху как на период складывания сарматского антропологического типа, сформировавшегося в результате миграций племен эпохи бронзы, населявших Поволжье, Казахстан и более восточные районы, вплоть до Алтая.[15]

Все указанные гипотезы имеют право на существование. Дело в том, что основные наблюдения и выводы делаются на основании изучения сравнительно небольших синхронных серий костяков различной сохранности. Отчасти это объясняется относительно низкой плотностью населения в степной зоне. Кроме того, раскопаны лишь некоторые сохранившиеся могильники.

Кроме того, исходить из одних антропологических критериев нельзя. Не отрицая отдельных и массовых миграций кочевников Евразии в различные исторические эпохи, следует учитывать и другую возможность переноса расовых признаков на значительные расстояния – путем брачных связей. Естественно, что резко выраженные расовые черты ослабляются по мере удаления от их источника. Поэтому монголоидная примесь у скифо-сарматского населения Алтая значитель-

но выше, чем у поздних сарматов южнорусских степей. Однако расовые признаки далеко не всегда совпадают с такими понятиями, как этнос, язык, культурная, политическая и экономическая общность.

§2. Савроматская археологическая культура

Много информации о савроматах, их верованиях, обрядах и материальной культуре принесли раскопки их погребений. Савроматские костяки, обнаруженные в Поволжье, в большинстве случаев лежат головой на запад (реже на восток) в вытянутом положении на спине, руки - вдоль туловища (одна кисть - на тазовых костях).[1] Выявлено шесть типов савроматских могил: узкие прямоугольные и продолговатые могилы; небольшие широкие прямоугольные могилы; большие прямоугольные и квадратные могилы; круглые и овальные могилы; погребения на древнем горизонте; могилы с камерами (подбоями и катакомбами).[2]

Для первого и второго типов характерны рядовые погребения, а для третьего и четвертого типов – погребения савроматской знати,[3] что свидетельствует о социальном и имущественном расслоении этих кочевников.

Количество и качество погребального инвентаря определялось социальным и имущественным положением покойников. В этом смысле богатым погребениям не повезло, поскольку подавляющее большинство из них было ограблено, вероятно, еще в древности. Но бывают и счастливые исключения. Так, в 1986 г. у поселка Комсомольский было найдено женское жреческое погребение рубежа VI-V вв. до н.э. На груди покойной находилась массивная золотая пластина в виде кулана; на черепе и рядом - несколько золотых бляшек и пластин, некогда нашитых на головной убор.[4] Ранее, при раскопках курганного могильника вблизи с. Соленое Займище Черноярского района в 1963 г. было найдено парное савроматское погребение V в. до н.э., отличающееся богатством и разнообразием погребального инвентаря.

По мнению исследовательниц данного погребения, обнаруженные в ряде савроматских могил парные захоронения мужчины и женщины свидетельствуют о наличии у савроматов патриархата.[5] С одной стороны, такая гипотеза подтверждается сравнительно-историческим материалом погребальных обрядов древних скотоводов, видимо, рассматривавших женщин как часть своего имущества. С другой стороны, она противоречит данным античных авторов, Геродота и Гиппократа, подчеркивавших «женоуправляемость» савроматов и воинственность их женщин как результат их происхождения от амазонок. Эти представления сохранялись и позднее. По всей видимости, их следует отнести к сказочным элементам, придававшим сочинениям древних авторов определенную степень занимательности.

О верованиях савроматов (как и сарматов) можно судить в основном лишь по археологическим находкам, обнаруженным преимущественно в курганных захоронениях, так как об их мифологии практически почти ничего не известно, поскольку античные авторы об этом не писали, а немногочисленные сюжетные композиции на сарматских изделиях могут лишь косвенно свидетельствовать о близости основных религиозных представлений этих племен к верованиям скифов и других ираноязычных кочевников той эпохи.[6]

В частности, К.Ф. Смирнов систематизировал находки, связанные с использованием огня в погребальном ритуале, интерпретированные им как различные формы проявления культа огня, известные также и у других индоиранских народов.[7] М.Г. Мошкова подчеркивает, что сожжения удостаивались немногие савроматы высокого социального положения, в частности, жрицы, хранительницы культа домашнего очага или огня, погребенные с каменными жертвенниками-алтариками.[8]

Следует оговориться, что трупосожжение само по себе еще не может свидетельствовать о наличии или отсутствии культа огня. Например, с распространением культа огня у иранских зороастрийцев

был введен строжайший запрет на любое его осквернение, так что трупосожжение у них исключалось. Но в древнейшие времена этот обряд, видимо, был довольно широко распространен у индоевропейских кочевых народов. В частности, он отражен в древнейшем индоарийском сборнике гимнов «Ригведа», оформившемся на рубеже II-I тыс. до н.э. Эти соображения, наряду с находками жертвенников-алтариков, косвенно подкрепляют гипотезу об отражении культа огня в погребальных обрядах савроматов. Культ домашнего очага отражен в сообщении о савроматских обычаях Исигона Никейского: «Если кто из врагов прибегнет к огню на очаге и замарает лицо угольями, то уже не обижают его, как домочадца».[9] Погребения, расположенные вокруг древнего кургана, как и сам погребальный ритуал свидетельствуют о культе предков, типичном для народов древности.[10]

Сравнительно-исторический метод исследования позволяет предполагать, что у савроматов, как и у других народов, находящихся на подобной стадии развития, существовал культ природы в ее главных проявлениях, в частности, культ рек и солнца, хотя в отношении рек имеются лишь поздние и косвенные данные, а о культе солнца можно догадываться только по подвескам дискообразной или колесообразной формы.[11] Что касается изображений животных, выполненных в савроматском зверином стиле, то их семантика не раскрыта, хотя в ходе исследований скифо-сибирского звериного стиля выдвигались различные гипотезы (магическая или тотемистическая символика, зооморфные божества и т.д.).[12] Весьма проблематична и гипотеза о семи главных божествах савроматского пантеона, возглавляемых богиней, основанная исключительно на скифском материале.[13]

Хозяйство савроматов можно охарактеризовать, опираясь на те же археологические материалы, обнаруженные в курганных могильниках, поскольку ни поселений, ни стационарных жилищ у этих кочевников, видимо, не было. Скорее всего, жили они в кибитках или шатрах,

установленных на повозках. Само расположение курганных могильников в бассейне Волги показывает, что савроматы кочевали в меридиональном направлении, переходя с пастбища на пастбище: летом – на север, зимой – на юг. Несмотря на кочевой быт, савроматы пользовались глиняной лепной посудой. На основе изучения найденной в погребальных комплексах Нижнего Поволжья савроматской керамики, К.Ф. Смирнов выделил семь типов плоскодонных сосудов.[14]

В мужских, а также в 20 % женских погребений археологи нашли

Предметы быта и вооружения сарматской эпохи

оружие - железные мечи, кинжалы, ножи, втульчатые наконечники копий и стрел (последние - как из бронзы, так и из железа).[15] Основная масса металлических изделий поступала к савроматам от соседних оседлых народов, возможно, частично в качестве дани.[16] Если для приуральских савроматов основными поставщиками были восточные племена, то савроматы Волго-Донского междуречья получали изделия с юга (с Кавказа и Предкавказья) и запада (из Северного Причерноморья).[17]

Савроматская эпоха, судя по археологическим материалам, наглядно демонстрирующим социальные и имущественные отличия

погребенных, была временем разложения родоплеменных отношений и формирования военно-родовой верхушки общества. Вместе со знатными воинами погребали их коней.

Политическая история савроматов (как и социально-экономическая) из-за отсутствия конкретных сведений в письменных памятниках реконструируется в основном по материалам археологических исследований. Раскопки показывают, что погребения, по обрядам и инвентарю подобные нижневолжским, еще в VI-V вв. до н.э. распространились в Предкавказье в бассейне р. Маныч и междуречье Кумы и Терека.[18]

По мнению К.Ф. Смирнова, первая волна савроматских племен, мирно перешедших через Дон на рубеже V-IV вв.до н.э., зафиксирована античными авторами под именем сирматов.[19] В дальнейшем «миролюбивые отношения» (по мнению М.Г. Мошковой), якобы существовавшие между скифами и савроматами,[20] были нарушены: активное вторжение савроматских племен привело к вытеснению скифов в Крым.

Относительная близость савроматов к скифам проявилась и в распространении у них предметов прикладного искусства, изготовленных в так называемом скифо-сибирском зверином стиле. Все савроматские изделия звериного стиля изображают копытных животных, хищных птиц и зверей. Савроматский звериный стиль, по мнению К.Ф. Смирнова, был заимствован извне, а его особенности развились в VI-IV вв. до н.э.[21]

Существует мнение, что искусство Нижнего Поволжья скифского времени более сходно с искусством Приднепровья и Кавказа, чем с искусством восточных районов, к которому тяготеет звериный стиль Южного Приуралья.[22]

Таким образом, савроматская эпоха представляется чрезвычайно важным периодом в жизни довольно значительного массива ираноязычных племен VII-IV вв. до н.э., населявших южнорусские сте-

пи. Вхождение в железный век совпало у них с оформлением чисто кочевой экономики, отражением которой стали соответствующие черты культуры и быта. В это время происходило разложение родоплеменных отношений, в ходе которого выделялась военно-родовая знать. Трудно сказать, как повлияли на савроматов вторжения персов в VI в. до н.э. в земли среднеазиатских массагетов при Кире Великом и на территорию европейских скифов при Дарии I, но общая тенденция натиска кочевников с востока на запад сохранилась.

§3. Сармато-аланские племена

Письменные свидетельства о сарматах, близких родственниках савроматов,[1] также принадлежат античным авторам, но они гораздо более информативны. Впервые новый этноним употребил знаменитый древнегреческий историк II в. до н.э. Полибий, назвав некоего Гетала царем сарматским.[2] Его младший современник, Псевдо-Скимн, указал, что сарматы живут на Танаисе (Доне) на протяжении 2000 стадий.[3] О царях сарматов упоминается и в посмертной надписи императора Августа, относящейся к началу I в. н.э.[4]

Современник Августа, греческий географ Страбон, писал, что сарматские племена аорсов и сираков спускаются к югу до Кавказских гор, причем одни из них кочуют, другие живут в шатрах и занимаются земледелием. Судя по упоминанию традиционного жилища кочевников, к оседлости они перешли незадолго до этого. Страбон также дает важнейшую информацию об их численности и занятиях.[5]

Античные авторы I-IV вв. н.э. упоминают также, вслед за Страбоном, сарматское племя язигов (языгов), частично переместившееся откуда-то с востока на территорию между Борисфеном (Днепром) и Истром (Дунаем), частично кочевавшее по берегам Меотиды.[6]

К.Ф. Смирнов полагает, что мощный военный союз аорсов сложился в IV в.до н.э. в Южном Приуралье, овладев в раннесарматскую

эпоху (IV-II вв. до н.э.) степями от Дона до Южного Приуралья, включая Нижнее Поволжье и Северный Прикаспий. Он основывается на тождественности археологических материалов в этих районах. В частности, формы и орнамент приуральских и нижневолжских курильниц, особенно в Астраханском крае, где жили аорсы, весьма схожи, а в сосудах, помещенных в раннесарматские погребения обоих районов, находят глиняные, каменные или тальковые предметы, условно называемые «молоточками», вероятно, связанные с общими культовыми ритуалами.[7]

Посредническая торговля с Востоком, которой занимались прикаспийские аорсы, несомненно способствовала обогащению родоплеменной знати, что отражено в погребениях III-I вв. до н.э.[8]

Страбону были известны и сарматские племена роксоланов, появившиеся на исторической арене, по его данным, еще в конце II в. до н. э. во время войны Митридата VI Эвпатора со скифами.[9] Страбон дает этнографически точное описание кочевого быта роксоланов, проживавших, в отличие от аорсов и сираков Причерноморья и Прикубанья, в более отдаленных от цивилизованных стран районах, чем и объясняется простота их быта. Об этом свидетельствует и автор середины I в. н.э. Помпоний Мела: «Сарматы не живут в городах и даже не имеют постоянных мест жительства; они вечно живут лагерем, перевозя свое имущество и богатства туда, куда привлекают их лучшие пастбища или принуждают отступающие или преследующие их враги, племя воинственное, свободное, непокорное и до того жестокое и свирепое, что даже женщины участвуют в войнах наравне с мужчинами».[10]

Археологические и палеоантропологические данные позволяют уточнить происхождение и время появления роксоланов в Поволжье. В часности, отмеченное в научной литературе проникновение в Поволжье в раннесарматскую эпоху мигрантов брахикранного типа Прикаспия, Приуралья (Прохоровки) и Средней Азии связывается со

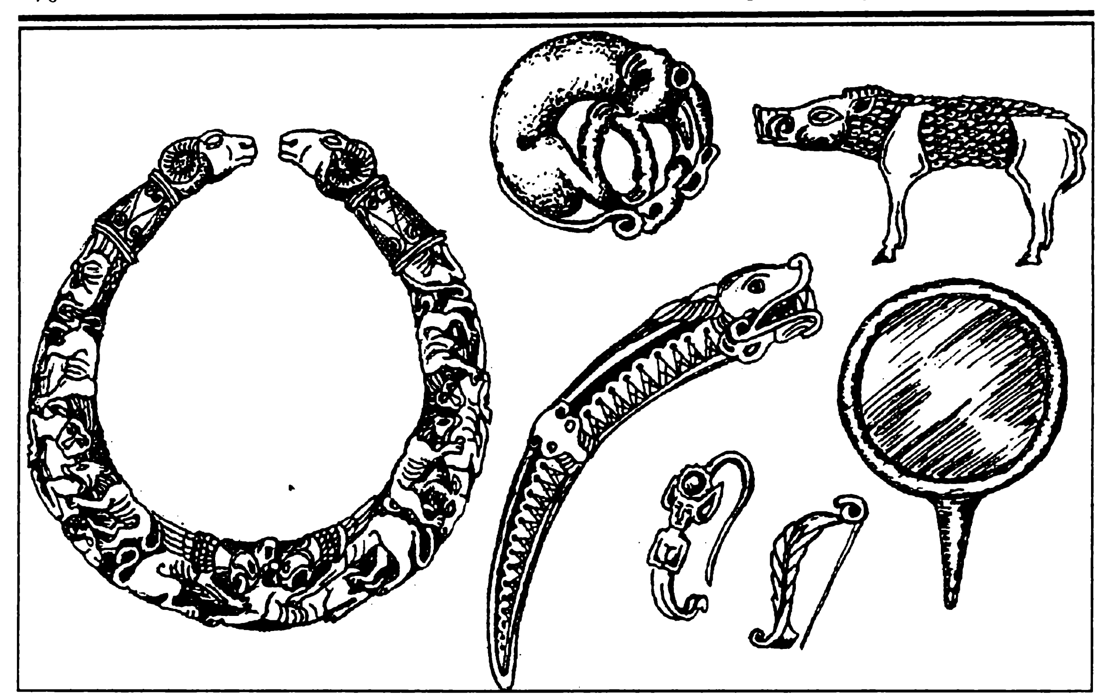
складыванием к концу II в. до н.э. в степном Поволжье могущественного племенного союза во главе с роксоланами.[11] С этого времени и начинается отсчет среднесарматской эпохи, охватывающей время с конца II в. до н.э. до начала II в. н.э. и получившей название «сусловской» по одноименной археологической культуре.

В среднесарматскую эпоху по всему Нижнему Поволжью распространяются диагональные погребения. Первоначально К.Ф. Смирнов приписал их роксоланам,[12] но в дальнейшем отказался от своей гипотезы, рассматривая данный обычай как общий для всех сарматов той эпохи.[13]

Однако подмеченный факт компактного расположения курганов с диагональными погребениями, содержащими более обильный инвентарь, чем рядовые могилы, по мнению М.Г. Мошковой, может объясняться социальным или этническим факторами, либо их комбинацией.[14] Сложен и вопрос с интерпретацией обнаруженных в Поволжье и Приуралье 35 подбойных и катакомбных сарматских могил от V в. до н.э. до первых веков нашей эры, учтенных К.Ф. Смирновым, который пришел к выводу,что они не всегда служат надежным этноплеменным признаком и являются свидетельством близости культуры и образа жизни степных ираноязычных скифо-сако-сарматских племен Евразии.[15]

К рубежу нашей эры относятся и знаменитые находки уцелевших погребений сарматской знати в урочище Кривая Лука и у с. Косика. В первом, помимо сотен золотых нашивных бляшек от одежды, золотого украшения деревянных ножен и спиралевидных украшений колчана, найдена золотая обкладка наконечника пояса со сценами, как полагают, из сарматского эпоса: воин, убивающий копьем фантастического зверя, и воин, держащий за повод коня.[16]

Второе погребение отличалось еще большей роскошью. Одна из

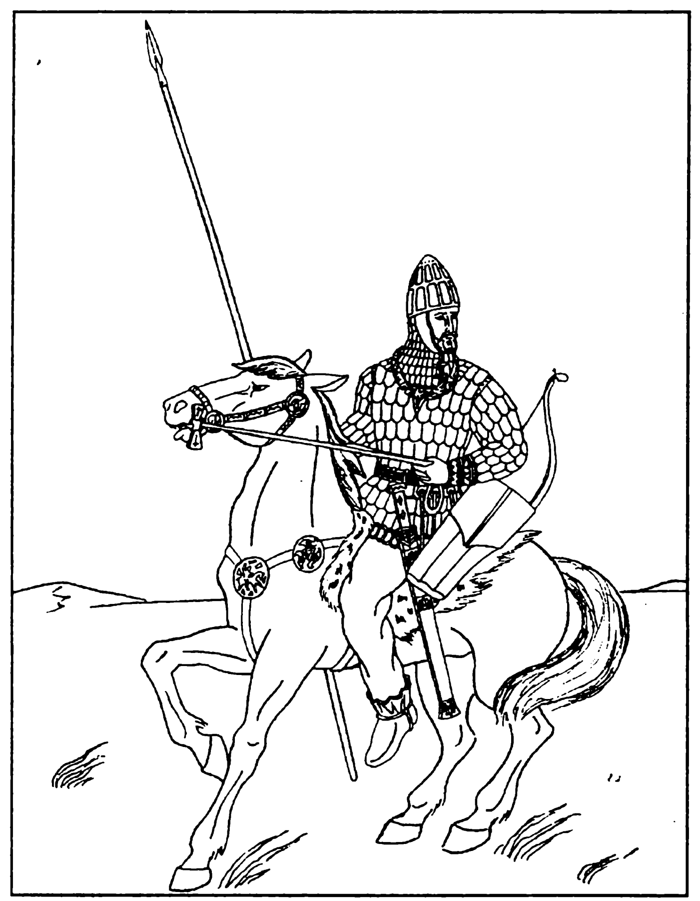


Ювелирные изделия сарматской эпохи

редчайших находок - массивная золотая пектораль греческой работы IV-III вв. до н.э. со сценами терзания львами и грифонами оленя, барана или быка, показывающими, что это замечательное произведение ювелирного искусства было изготовлено в одном из греческих городов Северного Причерноморья для знатного скифа или сармата мастером, умевшим угодить варварским вкусам своих заказчиков. Среди других вещей - большой золотой браслет с эмалями греческой работы, множество бляшек и других золотых и серебряных предметов, в том числе дорогое оружие и посуда, включая художественно украшенный античный серебряный набор, золотые пряжку и наконечник пояса с рельефными инкрустированными изображениями ежа, обвитого двумя змеями, и голов двух грифонов, два золотых фалара с полихромными вставками с изображением голов орлиных грифонов, а также множество других изделий. Рядом было найдено женское захоронение, в котором обнаружены, помимо украшений, бронзовый котел, зеркало и римский ковш. Над могилой вождя сохранились следы тризны.[17] Такое погребение в Поволжье по своей редкости и богатству уникально.

Погребальный ритуал среднесарматской эпохи развивался на основе форм, сложившихся в раннесарматское время. Существует точка зрения, что на среднесарматской стадии сложилась единая сарматская культура на базе единства хозяйственного и социального укладов и политической консолидации племен.[18] Однако информация античных авторов не позволяет с этим согласиться.

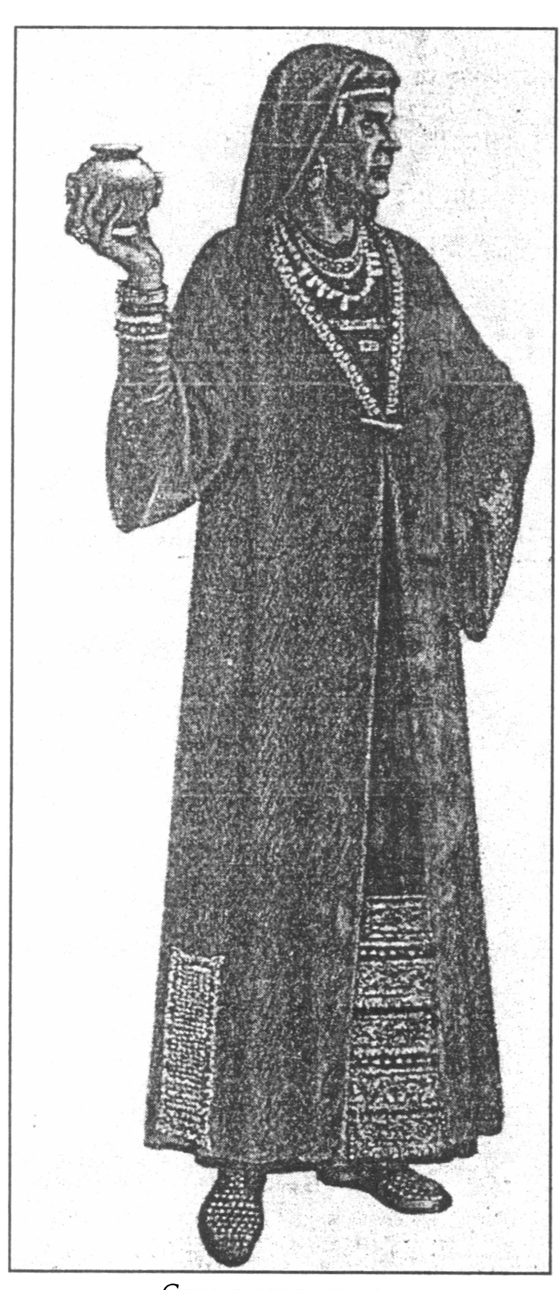
Судя по этим известиям, наибольшего прогресса достигли сарматы, проживавшие в Северном Причерноморье. В этом смысле очень интересно подробное описание римским историком Корнелием Тацитом совместного похода римлян, боспорцев и аорсов в 49 г. н.э. на владения царя сираков Зорсина. Описание свидетельствует, что сираки проживают уже не во временном палаточном поселении, а в укрепленном стенами и рвами постоянном поселении городского типа.[19] Что же касается более отдаленных нижневолжских территорий, то обитавшие здесь аорсы и роксоланы сохраняли свой кочевой уклад.



Сарматский воин

Сарматский мир находился на различных этапах хозяйственного, общественного и политического развития, а отдельные объединения племен враждовали и во-

евали друг с другом. Кстати, разгром сираков римлянами и аорсами в 49 г., о котором шла речь выше, привел к миграциям на Северный Кавказ других сарматских племен, что отразилось в смене единого сиракского погребального обряда многими разнообразными похоронными ритуалами.[20] Еще в I в. до н.э. из состава сарматских племен выделяются аланы. Это название позже почти вытеснило наименование сарматов.


Сарматская жрица

К.Ф. Смирнов связывает аланов с аорсами, роксоланами и сако-массагетскими племенами, полагая, что аланы сформировались внутри сарматской «конфедерации» III-II вв. до н.э., возглавляемой аорсами.[21] Л.С. Клейн полагает, что аланы, как и аорсы, прибыли с востока, где их знали китайцы под названием аланья как вассалов согдийского хана, кочевавших в Приаралье; до них в том же районе кочевали аорсы, которых китайцы называли янь-цай. Ссылаясь на Аммиана Марцеллина, он склоняется к отождествлению аланов с массагетами.[22] Бывшими массагетами называет их и А.С. Скрипкин.[23] При

неоднозначном подходе к решению этого вопроса в целом можно рассматривать период II-IV вв. н.э. как эпоху господства аланов.

Население Прикаспийских степей II-IV вв. представлялось К.Ф. Смирнову единым этническим массивом аланорских племен при некотором своеобразии погребений в Астраханском крае.[24] Он выделил три фактора, повлиявших на складывание этой общности: быструю ассимиляцию племен, сливавшихся в народность; усиление влияний восточных районов и приток оттуда населения; усиление культурных взаимодействий с Закавказьем и Северным Причерноморьем. При этом он отмечает парадоксальное отсутствие изменений в хозяйственной жизни аланов, усиление роли коня в погребальных обрядах (характерный признак кочевого быта!), ярко выраженный военно-всаднический характер и имущественную дифференциацию аристократических мужских погребений, территориально обособленных от прочих.[25]

Со своей стороны, С.А. Яценко считает Аланию уже I-II вв. н.э. полиэтническим образованием, включавшим и земледельцев-данников на периферии.[26] Основываясь на анализе погребальных обрядов и краниологическом материале, А.С. Скрипкин выдвинул гипотезу о возникновении аланского союза как реакции на обратное движение с востока, под давлением Кушанского царства, племен, образовавшихся из потомков сарматов, вторгшихся в Среднюю Азию еще во II-I вв. до н.э., и сако-массагетов.[27] Сравнение Волго-Донского и Южно-Приуральского археологических комплексов позднесарматской эпохи позволило М.Г. Мошковой выдвинуть гипотезу, согласно которой в 1-й половине II в. н.э. миграции кочевников из Северной Бактрии привели в движение среднеазиатский кочевой мир. Часть переселенцев

освоила сравнительно слабо заселенное Южное Приуралье, другая приняла участие в завершении формирования позднесарматской культуры в Поволжье.[28]

Говоря о хозяйственной деятельности аланов, невозможно согласиться с гипотезой В.П. Шилова о начатках земледелия у сарматов, опирающейся лишь на сведения Плиния и Элиана об употреблении ими злаковых, да на несколько единичных находок савроматской эпохи (ступки, пестов, зернотерок и серпов).[29] Употребление злаков в пищу и земледелие - вещи различные, но земледельческие орудия ни у савроматов, ни у степных сарматов не найдены.[30] Поэтому трудно говорить о сколько-нибудь развитом земледелии у аланов.

Судя по описанию Аммиана Марцеллина, аланы и в IV в. н.э. продолжали вести типично кочевой образ жизни: «У них нет никаких шалашей, нет заботы о хлебопашестве, питаются они мясом и в изобилии молоком, живут в кибитках с изогнутыми покрышками из древесной коры и перевозят их по беспредельным степям. Придя на изобильное травой место, они располагают в виде круга свои кибитки и питаются по-звериному; истребив весь корм для скота, они снова везут свои, так сказать, города, расположенные на повозках... Гоня перед собой упряжных животных и стада, они пасут их; наибольшую заботу они прилагают к уходу за лошадьми».[31] Это выразительное, описание не требует комментариев.

В то же время кочевой уклад не исключал наличия стоянок и временных зимних поселений, с которыми были знакомы и сарматы степной зоны.[32] Сарматы занимались не только выпасом овец и лошадей. У них существовали такие ремесла, как керамическое производство, прядение и ткачество, выделка кож, косторезное дело,

возможно, кузнечное и литейное дело.[33] Все приведенные материалы свидетельствуют о том, что аланы продолжали вести чисто кочевое хозяйство. Помимо периодического притока кочевников с востока в сарматскую среду, этому способствовала в наших степях и экологическая обстановка, в частности, аридизация (повышение засушливости) степей на рубеже нашей эры, стимулировавшая усиленное кочевание.[34]

Возможно, усиление гуннской опасности в IV в. н.э. привело к военизации быта аланов, что отражено Аммианом в описании военной подготовки молодежи и обычаев аланов, считающих счастливыми погибших в сражении, а в знак своей доблести и военных побед навешивающих на своих боевых коней скальпы, содранные с отрезанных голов убитых.[35]

В целом аланы представлены в античной традиции воинственными кочевниками, сохранявшими родоплеменное устройство и не знавшими рабства.В то же время их общество возглавлялось вождями, отражавшими интересы военно-родовой знати. В Поволжье они были полными властителями степей. Однако эти племена были сметены волной гуннского нашествия в эпоху Великого переселения народов: Аммиан пишет, что гунны многих аланов перебили, а остальных присоединили к себе.[36] Остатки аланов бежали в предгорья Северного Кавказа, известные сарматам и раньше. Там, смешиваясь с местными племенами, они стали предками осетин.[37]

Примечания

§1

1. Смирнов К.Ф. Савроматы. М.: Наука, 1964. С.174-191.
2. Геродот. История. IV. 110-117. (Античные авторы цитируются по изданию: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947-1949. №1-4. Приложения).
3. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С.12.
4. Дворниченко В.В., Кореняко В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время (серия «Археология СССР»). М., 1989. С.148-152.
5. Исмагил Р. Сарматская проблема: взгляд со стороны // Проблемы истории и культуры сарматов (далее - ПИКС): Тезисы докладов международной конференции. Волгоград, 1994. С.23-25.
6. Псевдо-Скимн. Землеописание. 874-885.
7. Плиний Старший. Естественная история. VI, 16; 38-39.
8. Геродот. История. IV, 21; IV, 116.
9. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.-Л., 1948. С.168-171.
10. Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК, 1950. №34. С.98; Смирнов К.Ф. Проблема происхождения ранних сарматов // СА. 1957. №3. С.6-7.
11. Мошкова М.Г. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. С.47.
12. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С.124-134.
13. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматские культуры // Степи... С.165-169.
14. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения сталинградского Заволжья (По антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. 1959. №60: Памятники Нижнего Поволжья. Т.1. С.593-594 (далее МИА. №60).
15. Фирштейн Б.В.Сарматы Нижнего Поволжья в антропологическом освещении // Тот Т.А., Фирштейн Б.В.Антропологические данные к вопросу о великом переселении народов. Л., 1970. С.146-147.

§2

1. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. №78: Древности Нижнего Поволжья. Т.2. С.250 (далее -МИА. №78).
2. Смирнов К.Ф. Савроматы. С.79-80.
3. Там же. С.81.
4. Плахов В.В. К вопросу о семантике золотого гарнитура из погребения у пос. Комсомольский Астраханской области // Сб. тезисов региональной научной конференции «Проблемы взаимодействия национальных культур». Астрахань, 1995.

Ч.2. С.56.
5. Берхин-Засецкая И.П., Маловицкая Л.Я.Богатое савроматское погребение в Астраханской области // СА. 1965. №3. С.143-153.
6. Раевский Д.С. Скифо-сарматская мифология // Мифы народов мира. М., 1982. Т.2. С.449.
7. Смирнов К.Ф. Савроматы. С.96-98.
8. Мошкова М.Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи... С.210-211.
9. Исигон Никейский. Невероятные сказания. 50.
10. Смирнов К.Ф. Савроматы. С.247-248.
11. Там же. С.250-251.
12. Мошкова М.Г. Хозяйство... С.212-213.
13. Там же. С.210.
14. Смирнов К.Ф. Савроматы. С.111-113.
15. Крупнов Е.И., Синицын И.В. Древнее население Нижнего Поволжья // По следам древних культур. От Волги до Тихого океана. М., 1954. С.86; Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры. С.169.
16. Мошкова М.Г. Хозяйство... С.205-206.
17. Мелюкова А.И. Заключение // Степи... С.294.
18. Виноградов Б.В. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. №1. С.111.
19. Смирнов К.Ф. О начале проникновения сарматов в Скифию // ПСА. С.196.
20. Мошкова М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи... С.154.
21. Смирнов К.Ф. Савроматы. С.241-242.
22. Королькова (Чежина) Е.Ф. Звериный стиль «савроматского» времени и Филиповский курган // ПИКС. С.73-75.

§3

1. Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // ВДИ. 1947. №3. С.103; Смирнов К.Ф. Сарматы Нижнего Поволжья и междуречья Дона и Волги в IV в. до н.э. // СА. 1974. №3. С.33-44; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С.195.
2. Полибий. Всеобщая история. XXV, 2, 12.
3. Псевдо-Скимн. Землеописание. 874 фр.
4. «Деяния божественного Августа». 31, 1.
5. Страбон. География. XI, 2, 1; VII, 2, 4, 4, 17.
6. Плиний Старший. Естественная история. IV, 80; Клавдий Птолемей. Географическое руководство. III, 5, 1. 7; Овидий. Письма с Понта. IV, 7; Аммиан Марцеллин. Деяния («История»). XXII, 8, 31.
7. Смирнов К.Ф. Савроматы. С.215. Смирнов К.Ф. Савроматская и раннесарматская культуры. С.174-175.
8. Мошкова М.Г. Хозяйство... С.209; Лукьяшко С.Н. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С.161-165.
9. Страбон. География. VII, 3, 17.

10. Помпоний Мела. Землеописание. III, 34-35.
11. Смирнов К.Ф. О погребениях роксолан // ВДИ. 1948. №1. С.218-219.
12. Там же. С.213-219.
13. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждения... С.122.
14. Мошкова М.Г. Среднесарматская культура // Степи... С.180.
15. Смирнов К.Ф. Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья-Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа // СА 1972. №1. С.73-81.
16. Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. Памятники сарматской аристократии в Нижнем Поволжье // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989. С.5-6
17. Там же. С.6-11.
18. Смирнов К.Ф. Сарматские племена... С.111.
19. Тацит. Анналы. XII, 15-17.
20. Виноградов Б.В. Ук. соч. С.119.
21. Смирнов К.Ф. Сарматские племена... С.108; Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение... С.18,121.
22. Клейн Л.С. Сарматский тарандр и вопрос о происхождении сарматов // ССЗСИНЕ. С.233-234.
23. Скрипкин А.С. К определению содержания понятия «сарматская эпоха» // ПИКС. С.30.
24. Смирнов К.Ф. Сарматские племена... С.111.
25. Там же. С.114.
26. Яценко С.А. Основные проблемы современных сарматологии и аланистики // ПИКС. С.25-27.
27. Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов: СГУ, 1984. С.93-116.
28. Мошкова М.Г. К вопросу о двух локальных вариантах или культурах на территории Азиатской Сарматии во II-IV вв. н.э. // ПИКС. С.18-23.
29. Шилов В.П. Очерки... С.86.
30. Смирнов К.Ф. Производство и характер хозяйства ранних сарматов // СА. 1964. №3. С.56-57.
31. Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 18-19.
32. Смирнов К.Ф. Производство... С.55.
33. Там же. С.59-62.
34. Иванов И.В. Место сарматской эпохи в системе ландшафтно-климатических изменений голоцена // ПИКС. С.86-87.
35. Аммиан Марцеллин. XXXI, 2, 20, 22.
36. Аммиан Марцеллин. XXXI, 3, 1.
37. Деопик В.Б.Северокавказские аланы // Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. М., 1955. С.616; Крупнов Е.И. Аланы // СИЭ. 1961. Т.1. Стб.329-330; Калоев Б.А. Осетины // СИЭ. 1967. Т.10. Стб.641-642.

Глава III. Нижнее Поволжье от гуннов до монголов

§1. Великое переселение народов. Астраханский край в составе Хазарского каганата

Величайшим событием в европейской истории стало падение Западной Римской империи в 476 г. н.э., которому предшествовали массовые вторжения на ее территорию варварских племен Европы и Азии. Несмотря на то, что большие и малые переселения племен и народов неоднократно происходили и раньше, историки сохранили название «Великое переселение народов» именно за той эпохой, когда давление с востока, а затем и непосредственное вторжение в Европу гуннов, привело в движение едва ли не все варварские племена этого континента. Это, в конечном счете, привело к разрушению Римской державы, возникновению варварских государств, гибели населения, разорению хозяйства, ломке сложившихся форм жизни, складыванию новых этносов и т.д.

Эпохой Великого переселения народов обычно считаются IV-VII вв. н.э., ее началом – переход гуннов через низовья Волги в 375 г., с которого начался их европейский поход, концом – вторжение лангобардов в Италию в VI в. и славянские переселения на территорию Восточной Римской империи (Византии) в VI-VII вв.[1]

Переселение, потрясшее всю Европу, захватило и наш край, населенный сармато-аланскими племенами, господствовавшими здесь несколько веков. Видимо, этому предшествовали локальные миграции гуннов в Прикаспий, когда они впервые стали известны, хотя бы по искаженному названию, античным авторам. Греческий писатель II в. н.э. Дионисий из Египта, описывая Каспийское побережье, упоминает населяющие его народы: «...скифы..., потом унны, а за ними каспийцы...».[2] Знаменитый греческий географ второй половины II в. н.э. Клавдий Птолемей также лишь указал в описании Азиатской Сарматии: «Между бастарнами и роксоланами живут хуны».[3]

Во II-III вв. н.э. основная масса хунну кочевала в Средней Азии,

вероятно, смешиваясь с местными племенами, но в конце III - начале IV в. они были вытеснены из Семиречья в результате ряда поражений и начали движение на запад, присоединяя к своему союзу племена различного происхождения. Предполагается,что ядро нового гуннского союза составили тюркские и монгольские племена (причем за время длительных миграций по Центральной Азии, Южной Сибири и Средней Азии особенно возросло число тюрок), а в Приуралье и Прикаспии к ним были присоединены некоторые финноугорские и сармато-аланские племена.[4]

По мнению И.П. Засецкой, сочетание различных черт в археологической культуре Нижнего Поволжья эпохи Великого переселения народов указывает на смешанный состав населения.[5] Краниологический материал еще по позднесарматскому времени, согласно наблюдениям В.П. Шилова, свидетельствует о проникновении монголоидного населения в Нижнее Поволжье, причем для Астраханского края характерен тип Среднеазиатского междуречья.[6]

Тюркский воин

После гуннского нашествия в степях нашего края кочевали племена различного происхождения, в том числе, возможно, и уцелевшие сарматы. Но в погребениях V-VII вв., как отмечают археологи, крайне немногочисленных,[7] трудно найти достаточный материал для надежных выводов. Происходит лишь дальнейшее усиление монголоидности черепов, что отмечается исследователями.

По письменным источникам известно, что в V-VI вв. в Западном Прикаспии кочевали тюркские племена урогов, оногуров, акациров,утургуров и кутригуров, а также

сарагуров и савиров (как полагают, предков болгар). По мнению Н.Я. Мерперта, болгарские племена пришли сюда еще раньше гуннов, ибо похожее название (савары) упоминается Клавдием Птолемеем, причем он отмечает их как соседей аорсов. Окончания этнонимов на «-гур» свидетельствует об их тюркской принадлежности.[8]

Пестрый этнический состав аварской орды, прокатившейся через степи Нижнего Поволжья практически не оставив следов, общепризнан.[9] Антропологический тип этих кочевников, похоже, был смешанным, хотя коренные тюрки из Центральной Азии были ярко выраженными монголоидами.

В последнюю четверть VI в. на Нижнее Поволжье распространилась власть первого Тюркского каганата, а с его ослаблением в 630-е гг., в Восточной Европе сложилось объединение болгарских племен.[10]

Гуннское нашествие в IV в. н.э. привело к серьезным перемещениям народов в Восточной Европе. На Запад устремились орды финно-угорских и тюркских племен, столкнувшихся в восточноевропейских степях с ираноязычными сарматами. После распада Гуннской державы Атиллы Северный Кавказ, Подонье и Нижнее Поволжье превращаются в кипящий котел разноязычных племен. Их имена дошли до нас из византийских и закавказских источников - акациры, бареллы, сарагуры, уроги, авары, утигуры,кутригуры, хайландуры, аланы,болгары,савиры, хазары, маскауты.

В середине VI в. в глубинах Центральной Азии складывается государство тюркютов (тюрок-тугю). Именно в рамках Тюркского каганата начинают усиливаться хазары - ранее незначительное тюркское племя, обитавшее в степном Дагестане и на Нижней Волге.

Хотя средневековые авторы указывают на тюркоязычность хазар,[11] несомненно, однако, что хазарский этнос сложился на основе синтеза народов, обитавших в Восточном Предкавказье. Причем средневековые авторы достаточно четко обособляют хазар от других

тюркских народов, которые для них были просто «турки».

В конце VI в. Великий Тюркский каганат, раздираемый междуусобицами, распался на Западное и Восточное государства. Европейские степи остались во власти Западного каганата, традиционно поддерживавшего союз с Византией против Ирана.

В этих обстоятельствах народы предкавказских степей проявляют все больше самостоятельности. В Приазовье в начале 30-х гг. VII в. складывается Великая Болгария во главе с ханом Кубратом. В Нижнем Поволжье и Восточном Предкавказье гегемония переходит к хазарам. В 20-х гг. VII в. хазары, номинально считаясь подданными Западного тюркского каганата, практически образовали свой каганат.

Однако у новорожденного хазарского государства был сильный противник – Великая Болгария, без победы над болгарами не могло быть и речи о гегемонии хазар в Предкавказье. В борьбе с Великой Болгарией хазары опирались на союз с аланами. Несмотря на ожесточенное сопротивление, часть болгар (орда Батбая) покорилась хазарам, а часть, во главе с ханом Аспарухом, бежала на запад, преследуемая хазарами вплоть до Дуная.

«Великий народ хазар...стал господствовать на всей земле...вплоть до Понтийского моря» (Феофан Исповедник).[12]

Став в 70-х гг. VII в. господствующей силой в Восточно-Европейских степях, хазары вступили в контакт с Византийской империей, фактически заменив Великий Тюркский каганат в качестве ее восточного союзника.

К началу VIII в. Хазария превращается в могущественное государство, расположившееся от Днепра до заволжских степей и от Дербента до Среднего Подонья. Наш край был центром этого обширного государства.

Что же представляла собой эта держава в экономическом и социальном плане?

Экономика Хазарии носила смешанный оседло-скотоводческий

характер. Скотоводство являлось важной отраслью ее хозяйства, поскольку значительную часть государства составляли степные просторы и предгорные пастбища, благоприятствующие этой форме хозяйства. В районах развитой оседлости преобладал крупный рогатый скот, в степных районах – мелкий, особенно овцы. Разводили хазары и свиней, ослов, верблюдов.[13] Естественно, в хозяйственной жизни большую роль играла лошадь. Анализ рисунков на меловых блоках подонских городищ позволяет установить наличие двух пород коней: длинноногих с мощным крупом и маленькой головой и коротконогих, тяжеловесных, с большой головой.[14] Первые - боевые, использовались тяжеловооруженными всадниками, вторые - типичная порода степных кочевников.

Скотоводство было лишь одной из отраслей хозяйства. Важнейшую же роль в экономике играло земледелие. Помимо групп населения, традиционно занимавшихся земледелием, шел процесс оседания на землю ранее кочевого населения, о чем неопровержимо свидетельствуют болгарские памятники Подонья.[15] Да и собственно хазарам не был чужд земледельческий уклад. Письменные источники говорят о плодородии страны хазар, многочисленности в ней полей, виноградников, садов. Основными зерновыми культурами в Хазарии были пшеница (мягкая и карликовая), ячмень, рожь, просо. Археологические находки показывают, что хазары выращивали огородные и бахчевые культуры (дыни и огурцы),[16] а также вишни.[17] Известны им были и технические культуры.

О высоком уровне сельского хозяйства хазар говорит тот факт, что по богатству и разнообразию сельскохозяйственных орудий они не уступали таким признанно земледельческим народам, как славяне.

На всех памятниках древней Хазарии в большом количестве обнаружены обломки и целые жернова. О больших запасах зерна у жителей оседлых регионов Хазарии свидетельствуют остатки многочисленных хозяйственных ям, сооружавшихся внутри жилищ или

вокруг них.[18]

На всех археологически исследованных памятниках в бассейнах рек Дона и Волги, Предкавказья встречаются кости рыб и находки рыболовных принадлежностей (крючки, грузила от сетей), свидетельствующие о важной роли рыболовства в жизни населения Хазарии.

Исследования археологов свидетельствуют, что оседлое население Хазарии проживало в основном в поселениях с различными типами укреплений, некоторые из которых с течением времени превратились в города с проживающими там ремесленниками и купцами. Наиболее известным городом Хазарии является ее последняя столица – Атиль (Итиль). Город этот в IX в. назывался Хамлидж, и по свидетельству Ибн Хордабеха, находился на берегу реки, текущей из страны славян и впадающей в Джурджанское (Каспийское) море.[19] Только с X в. волжская столица становится известна как Атиль. «Город Итиль (Атиль) делится на две части, одна часть на запад от реки, она большая, это и есть собственно Итиль, другая часть к востоку от реки зовется Хазаран, или Восточный Итиль; царь вместе с войском и приближенными живет в западной части города... Размер этой части города приблизительно фарсах, эта часть окружена стеной; в стене четверо ворот, обращенных к реке и в степь. Жилища в городе – шатры из войлока или из глины; дворец царя далеко от берега, сложен из обожженного кирпича... В восточной части города много купцов, торговых мест, здесь живут мусульмане, число которых превышает десять тысяч, у них соборная мечеть, мечети, муэдзины, училища, в этой же половине живут христиане, иудеи, идолопоклонники».[20] Истахри сообщает, что в восточной части Атиля имеются рынки и бани.[21] Масуди говорит о том, что Атиль делится рекой на три части; между двумя берегами находится остров, где был «дом правителя» и «дворец царя». На берег с острова перекинут мост из лодок.[22] Вероятно, в этом свидетельстве зафиксирован рост города и перенос резиденции кагана и царя на остров в центре реки, что наталкивает на мысль о далеких от идиллии

отношениях между властью и народом. Хазарский царь Иосиф и арабские писатели утверждали, что большая часть жителей Итиля с наступлением весны уходила на полевые работы из города, куда возвращались только зимой. Собранный урожай перевозили в Итиль на повозках или по реке на судах. Точное месторасположение Атиля до настоящего времени является дискуссионным. Л.Н. Гумилев считал,что столица Хазарии находилась в районе села Селитренное, и была смыта Волгой.[23] В последние годы астраханские археологи ведут исследования близ села Самосделка в Камызякском районе Астраханской области. Здесь обнаружен значительный населенный пункт (частично скрытый Волгой), датируемый по многочисленным находкам керамики IX-XII вв. Говорить о том, что это Итиль, пока преждевременно. Только дальнейшие исследования позволят прояснить вопрос о месте расположения древнейшего города в Нижнем Поволжье.

Поселения и города являлись центрами ремесел, обеспечивавшими своей продукцией как оседлое, так и кочевое население. Ремесленники каганата освоили производство стали, из которой изготавливались клинки сабель. О высоком уровне оружейников Хазарии свидетельствуют находки фрагментов кольчуг и пластины наборных панцирей.

В погребениях и на городищах обнаруживаются многочисленные ювелирные изделия из цветных металлов (бронзы, серебра, золота): браслеты, перстни,серьги. Особое распространение получают в эту эпоху наборные пояса, украшенные разнообразными по форме металлическими бляшками. Разнообразна техника изготовления ювелирных изделий – штамповка, тиснение, ложная и настоящая зернь, чеканка, литье и др.[24] Высокого уровня достигало косторезное дело.[25]

Самостоятельной отраслью ремесла было и гончарное производство. Комплексы керамических печей, исследованные археологами, говорят о специализации этой отрасли производства.[26] В степных районах, правда, изготавливались лепные грубообожженные

на костре сосуды. Однако в оседлых центрах широко использовался гончарный круг. Производилась высококачественная сероглиняная посуда, украшенная разнообразным орнаментом. Нередки находки сосудов с клеймами - метками на днищах и ручках, анализ которых позволяет предположить факт перехода гончарного производства по наследству.[27]

Хазарское государство с самого начала своего существования утвердило контроль над важнейшими торговыми путями из Восточной Европы в страны Передней Азии. В первую очередь, это путь вдоль западного побережья Каспия на Волгу и затем либо вверх по Волге, через Волжскую Болгарию, на Балтику, либо через Переволоку в Дон, а затем в Черное море. Интересно, что Черное море долго называлось Хазарским, хотя в X в. это название переносится на Каспийское море.[28] Важную роль играл и сухопутный путь с Волги в Среднюю Азию.

Извилистая древняя магистраль караванной торговли – «шелковый путь» – пролегала через Хазарию. Торговля Хазарии была по преимуществу транзитной. Ассортимент товаров, производимых и вывозимых хазарами, был незначителен: «Хазары не производят ничего, и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея» (Истахри и Ибн-Хаукаль);[29] «Из Хазарии происходят рогатый скот, овцы и бесчисленные рыбы» (Хадуд ал-алам).[30] Однако через Хазарию шли на Восток из Руси, земель булгар и буртасов, мед, воск и особенно бобровые , соболиные, лисьи шкуры и меха. Из стран Арабского Востока и Византии поступали предметы роскоши, ткани и серебро. Хазары получали значительную прибыль за счет торговых пошлин. Ибн Хордабех сообщает: «Русы... возят меха...по Танаису – славянской реке, переходят до Хамлиджа, хазарской столицы, и берет с них десятину ее властелин».[31] Разумеется, взимая пошлины с купцов, хазары гарантировали безопасный проход и неприкосновенность иноземных купцов на своей территории. Достаточно высокий уровень экономического развития каганата стимулировал рост товарно-денежных отношений. В

Хазарии, видимо, основной монетой были серебряные деньги, чеканившиеся в мусульманских государствах. О достаточно широком распространении денег в Хазарии свидетельствует упоминание русской летописи о взимании дани со славян «по шелягу с рала» («шеляг» – серебряная монета).[32]

Об общественном строе Хазарии мы можем судить лишь по отрывочным сведениям, разбросанным в различных источниках. Несомненно, что в ранний период истории у хазар господствовали родовые отношения, которые в той или иной степени сохранялись у кочевников достаточно длительное время. Деление на роды сохранилось до самого конца Хазарского государства. Об этом пишет царь Иосиф.[33] В ходе развития хазарского государства шел процесс классообразования и выделения господствующей верхушки. Одним из самых распространенных обозначений хазарской знати был термин «тархан» – т.е. лицо привилегированное, свободное от податей. В повествованиях арабских историков о войнах хазар с арабами упоминаются воинские отряды в одну тысячу тарханов или в 4 тысячи детей тарханов (очень напоминает русское – «дети боярские»).[34]

Хазарский гвардеец

В то же время в состав каганата входили племена, где классовые отношения еще не сформировались. Значительной социальной группой

в каганате были иностранные купцы. Они пользовались судебным иммунитетом. Развитие социальной структуры хазарского общества ярко прослеживается на примере организации войска. В ранний период войско состояло из ополчений. В IX-X вв. положение меняется. Хотя попрежнему собирается ополчение, но оно играет вспомогательную роль. Главной ударной силой являются отряды, которые содержат наиболее могущественные представители знати, часто являющиеся наместниками в различных районах Хазарии. Костяком этих сил воиновпрофессионалов являлась двенадцатитысячная гвардия царя. Усложнившаяся социальная структура хазарского общества требовала и достаточно сложного аппарата для управления государством. Во главе его находился каган «хакан» – «ра`ис ардуаса» («вождь вождей») по арабской терминологии.[35] Ближайшими к нему фигурами были «джебгу» («ябгу») – своего рода вице-король, второе лицо после кагана, и «шад» – командовавший конницей.[36] Обе эти фигуры были ближайшими родственниками кагана (титул «шад» как правило принадлежал принцам крови). Однако к IX в. функции «шада» значительно изменились. Более того, судя по косвенным данным источников, должность шада переходит к роду, не связанному узами родства с каганом. После сокрушительного поражения в арабо-хазарской войне каган теряет свое значение, и на первый план выдвигается шад, которого на рубеже VIII-IX вв. арабские авторы именуют «бек» (правитель, князь), а с середины IX в. – «малик» (царь). В X в. каган превращается в священную фигуру-символ, которой воздаются почти божественные почести, но которую в случае тяжелых неудач и бедствий, как барана, могут принести в жертву. Вся же полнота власти в государстве переходит к шаду-беку-царю.

Среди чиновников центрального управления выделяются судьи (кади). Между судьями и царем имелся посредник «сафир», который передавал решения судей царю, и после его утверждения они приводились в исполнение.[37]

Местное управление осуществлялось либо местными князьями и старейшинами, либо наместниками царя - тудунами.

Хазарское общество носило раннефеодальный характер. Важнейший вопрос в любых общественных отношениях – вопрос о собственности. В феодальном обществе это собственность на землю. Хотя в каганате пастбища считались коллективной собственностью племени, фактически право распоряжаться ими находилось в руках вождя и старейшин. Таким образом, процесс феодализации каганата не был завершен. Множество племен, входивших в его состав, так и остались на стадии разложения родовых отношений. Однако явственные черты прогрессирующего феодализма позволяют отнести это государство к категории раннефеодальных политических образований.

Хазарский каганат, стремившийся к обладанию плодородными землями Закавказья, сталкивался со сходными устремлениями в данном районе Сасанидского Ирана, а позже Арабского халифата. Это неминуемо делало хазар союзниками Византии. С 50-х гг. VII в. начинается длительная арабо-хазарская война.

Вторая половина VII и весь VIII в. в истории каганата прошли под знаком борьбы с арабами, завершившейся поражением Хазарии. Каганат вынужден был заключить с Арабским халифатом мир, основным условием которого было обращение «неверных» хазар в мусульманство. Каган безоговорочно принял новую религию, потеряв авторитет, и на первый план выдвигается шад-царь. Столица была перенесена из Семендера в Итиль на Волге, что, видимо, еще более усилило позиции царя, так как каган, запертый в замке на острове, несомненно потерял связь с поддерживавшей его аристократией дагестанских городов. Со второй половины VIII в. Хазария разворачивает экспансию в северном и северо-западном направлениях. Торговать с арабами оказалось выгоднее, чем воевать. Поэтому хазары были заинтересованы в подчинении богатых «мягким золотом» – пушниной – земель славян и волжских болгар. Ряд славянских племен – радимичи,

вятичи, северяне и поляне попадают в зависимость от каганата. Зато они теперь защищены от набегов со стороны степи. Однако после достаточно краткого периода стабилизации положение в Хазарии обостряется. Принятие иудаизма противопоставило царя и его ближайшее окружение хазарской аристократии, не принявшей новой веры, особенно провинциальной знати, придерживавшейся традиционной языческой идеологии. Обостряются отношения с бывшей союзницей – Византией, в Крыму и на Кавказе.[38]

К середине IX в. в славянских землях идет быстрый процесс классообразования. На смену союзам племен идут племенные княжения, славянская знать, опираясь на дружины варягов, стремится освободиться от «опеки» хазар и самостоятельно решать торговые вопросы с Византией. Первой отделилась земля полян при поддержке дружин варягов Аскольда и Дира. Бывшие данники превращаются в реальную угрозу для каганата, тем более, что верная политике «разделяй и властвуй» Византия, стремится стравить их с хазарами. В этот же период хазары пропустили в подонские и приднепровские степи венгров. Венгры стали серьезной угрозой как для славян, так и для самой Хазарии. Внутри Хазарии в первой половине IX в. вспыхивает межд-усобица между иудаистом царем и каганом, терявшим власть, но пытавшимся опереться на представителей провинциальной знати. Смута несомненно ослабила каганат. В 80-е гг. IX в. из Заволжья прорываются орды печенегов.[39] Хотя хазары совместно с гузами нанесли им поражение, но остановить не смогли. Печенеги, превратившиеся в естественных союзников Руси (до 915 г. летописи не упоминают о конфликтах печенегов со славянами), вытесняют венгров из Причерноморья, громят Фанагорию и ряд таманских поселений. Уход венгров и появление в Поднепровье печенегов нанесли сильнейший удар по Хазарии после поражения в войнах с арабами. Ко времени правления царя Иосифа (середина X в.) Хазария представляла собой лишь тень былого могущества. На западе к границам каганата вплот-

ную подходили кочевья печенегов и земли Древнерусского государства. В 40-е гг. X в. черные булгары освободились от Хазарской зависимости, а правители Алании и Волжской Булгарии были потенциально враждебны каганату. Испортились отношения и с гузами, которые, по оценке Константина Багрянородного, могли воевать и с печенегами и с хазарами.[40] Более того, хазары уже не в состоянии были противодействовать русским дружинам, проходившим через их территорию на Каспий. Русский князь Святослав, опираясь на союз с печенегами (ибо славяне были хорошей пехотой, но нанести поражение хазарам без конницы было невозможно), в походах 965-969 гг. положил конец существованию каганата как государства. Разбив хазар, Святослав захватил их города, в том числе Итиль и Саркел. Итиль уже не оправился после этого удара, а Саркел стал русской крепостью – Белой Вежей.[41]

§2. Религиозные верования Хазарии

Большинство источников о Хазарском каганате в первую очередь освещают политическую историю, несколько слабее – хозяйство. Что же касается культуры, то в наибольшей степени затрагиваются вопросы идеологии и почти ничего не известно о других ее аспектах. Хазары не оставили нам литературных произведений, религиозных трактатов, исторических хроник. Поэтому мы вынуждены прибегать к разрозненным данным средневековых авторов и археологическим материалам. Пожалуй, наиболее освещен идеологический аспект хазарской культуры. Выше уже говорилось, что хазары представляли собой этнос, сложившийся в результате слияния различных племен, как издавна обитавших в Предкавказье, так и пришедших сюда с Востока. Это наложило отпечаток и на религию хазар. Первоначально хазары были язычниками (большая их часть таковыми и осталась впоследствии). В верованиях хазар прослеживаются все виды первобытных форм религии. Древние тотемические верования сохранялись в леген-

дах о происхождении хазар. Со времен вхождения хазар в гуннскую конфедерацию у них существовала легенда о божестве в образе оленя, увлекшего за собой охотников и приведшего племя на новые земли. Один из известнейших правителей Хазарии носил имя Булан (олень, лось). Эта легенда явно характерна для лесных племен, каковыми были финноугры.

Другая легенда – о происхождении тюрок. Когда враги истребили целое племя, в живых остался только десятилетний мальчик. От голодной смерти (ибо у него были отрублены ноги и руки) его спасла волчица. Когда мальчик подрос, волчица родила от него в горах Алтая 10 сыновей, которые взяли себе жен из Турфана.[1] Одним из них и был предок тюркютского рода Ашина. Кстати, Ашина означает «благородный волк». На знаменах тюркютских ханов также изображалась золотая волчья голова.[2] Сразу же надо заметить, что почитание волка как прародителя не является открытием тюрок. Они несомненно заимствовали этот культ у индоиранских кочевников (как, впрочем, и скотоводческий уклад), о чем свидетельствует широкое распространение подобных сюжетов именно у индоевропейских народов.[3] О языческих верованиях населения Хазарии достаточно подробные сведения сообщает Моисей Каганкатваци. Савиры «приносили жертву огню и воде, поклонялись некоторым богам путей, также луне и всем творениям, которые в глазах их казались им удивительными».[4] Упоминает он и священные деревья, у которых приносились в жертву кони, кровь которых поливали вокруг священных деревьев, а голову и кожу вешали на сучья.[5] Средневековые авторы упоминают ритуальные поединки обнаженных мужчин во врем похоронных обрядов. Поклонение деревьям и ритуальные бои, пожалуй, наиболее характерны для финно-угорской традиции.[6] Интересно, что сюжеты ритуальных поединков или плясок встречаются как на меловых блоках Маяцкого городища, так и на серебряных сосудах из святилищ хантов и манси.[7]

Важнейшее место в язычестве населения Хазарии играл культ огня. Характерен он был как для ираноязычных кочевников, так и для находившихся под их сильным культурным влиянием тюрок. Наиболее ярко огненный культ проявляется в погребальном обряде, где присутствует угольная подсыпка, либо полноценный обряд трупосожжения. Верховным служителем огня являлся каган. По свидетельству Бахри , до обращения в иудаизм каган хазар был магом, т.е. огнепоклонником и жрецом огня.[8] Анонимный автор «Ахбар аз-Заман» (IX-нач. X в.) приводит уникальное описание обряда, осуществляемого каганом: «Для царя у них наступает день, когда разводят огромный огонь. Он идет к нему, и стоит возле него, и смотрит на него, и разговаривает, издавая рычание, и поднимается огромный огонь. Если он зеленого цвета – будет дождь и плодородие, и если он белого цвета – то засуха, и если он красного цвета – будет кровопролитие, если он желтого цвета – то болезни и чума, а если он черного цвета – это указывает на смерть царя или его дальнее путешествие...».[9]

Огонь выполнял и очистительную функцию. Во время посольства византийца Земарха к тюркютскому кагану, он подвергся процедуре очищения огнем.[10] Верховным же божеством язычников хазар был Нон-Тенгри (Голубое небо) или Тенгри-хан – олицетворяющим солнечный свет, небесную божественную энергию. Несомненно, обожествлялась и земля. Упоминаемые в источниках служители языческого культа чаще всего именуются колдунами. И действительно, помимо жреческих обязанностей, они выполняли важную функцию вызывателей дождя, причем как в целях чисто хозяйственных, так и в качестве способа воздействия на противника в случае войны.

В период, когда власть в Хазарии переходит в руки шада, сакральные функции кагана приобретают доминирующее значение. Ему воздаются божественные почести, и в то же время в случае бедствий (засуха, неурожай, неудачная война) кагана убивали, как потерявшего божественную силу.[11]

Однако в условиях соседства каганата со странами, где господствовали монотеистические религии, неизбежно было проникновение их в хазарские земли. Этому процессу способствовали не только широкие политические и торгово-экономические связи страны, но и развитие классовых отношений, а также значительная веротерпимость хазарской языческой верхушки, так как для язычества вообще характерно уважение к чужим богам. Первым в Хазарию проникает христианство. Это обусловлено как тесными политическими контактами с Византией, так и связями с Закавказьем, где эта форма религии утвердилась в Армении и Грузии. Христианские миссионеры в VII в. успешно осваивали Азербайджан и проникали в хазарские пределы. Наиболее заметной в этом плане была деятельность епископа Исраэла в 80-х гг. VII в.

Однако христианство не смогло утвердиться в Хазарии из-за противодействия правящей верхушки, опасавшейся усиления византийского влияния. Из-за Дербента и через Среднюю Азию в каганат вместе с мусульманскими купцами проникает ислам. Поражение хазар от арабов в 737 г. привело к тому, что каган вынужден был дать согласие на свой переход в ислам.[12] И все же не христианство и не ислам становятся идеологией, которую приняла верхушка каганата. Из монотеистических религий был избран иудаизм, что, по мысли правителей Хазарии, обеспечивало идеологическую и политическую независимость от Константинополя и Багдада. Иудаизм исповедовали царь, каган, окружение царя и его род. Царь и каган обязательно должны были быть иудеями по религии. Однако даже среди родичей кагана не все были приверженцами иудаизма. Истахри сообщает о юноше – торговце хлебом, который являлся ближайшим претендентом на должность кагана (по родовитости), но не был избран, поскольку был мусульманином и не изменил веры.[13] О широком распространении иудейской веры в Хазарии даже в X в. не приходится говорить. Большинство источников упоминает иудеев только на третьем месте, после мусульман и

христиан. Между народом и правителями легла непроходимая пропасть. Не приняли новую религию и многие представители знати, что привело к смуте, жертвами которой стали цари-иудаисты Обадия, Езекия и Манасия.[14] На международной арене подобный шаг также не мог принести ничего, кроме вражды соседей. Принятие иудаизма верхушкой каганата настолько нелогично, что Л.Н. Гумилев даже высказывает мысль о перевороте, в результате которого к власти пришли иудеи, а не принявшие иудаизм хазары.[15] Новая религия не смогла решить задачу консолидации полиэтничной державы хазар, что, вкупе с процессом феодализации и усиления знати, привело к внутренней слабости державы и ее гибели под ударами извне. Более чем трехсотлетнее существование этой империи не могло не оказать влияния на судьбы народов данного региона. Каганат был первым классовым государством в Восточной Европе. В течение длительного времени он играл важную роль в политике государств, чьи интересы сталкивались в Кавказском регионе. Еще в дореволюционной русской историографии Хазария получила важную оценку как барьер на пути кочевых племен, позволивший славянам в VII-IX вв. колонизировать значительные территории Восточной Европы.[16] В рамках каганата происходит процесс быстрого классообразования у подвластных народов, складываются племенные княжения славян (поляне и северяне), образуется Волжская Болгария (в будущем сильнейшее государство на Волге). Русские летописи практически не упоминают конфликтов славян со степью в период расцвета каганата (VII-нач. IX в.), но и в более поздний период угроза со стороны хазар значительно ослабляла воинственные устремления диких кочевых племен, например, печенегов. Неслучайно первый титул русских князей, уравнивающий их с соседними владыками, был «каган» – так велико было обаяние политической мощи Хазарии. Именно в период существования каганата Волга впервые превращается в важнейший торговый путь Восточной Европы. Кстати, после гибели Хазарской

державы этот путь почти на двести лет теряет свое значение. В период каганата земледельческая культура проникает в ранее слаборазвитые районы Подонья и Поволжья. Даже культура виноградарства в Восточной Европе, и та начинается с Хазарии.[17]

Нет никаких оснований характеризовать Хазарский каганат как «небольшое ханство кочевников... долгое время существовавшее за счет пошлин и разбоя».[18] Это было великое государство, сравнимое по размерам с Киевской Русью, не уступающее по уровню социального и экономического развития многим современным ему государствам.

§3. Кочевники предмонгольской эпохи на Нижней Волге

Степи Нижнего Поволжья и Северного Прикаспия с древнейших времен служили воротами для кочевников, прорывающихся с Востока в Европу. Великолепные пастбищные угодья, обилие воды,малоснежные зимы всегда привлекали сюда кочевников-скотоводов, которые обосновывались в этих местах и при определенных исторических условиях начинали вести здесь комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство. В истории Астраханского края, как и в исторических судьбах России в целом, заметную роль сыграли печенеги – объединение тюркских и других племен в заволжских степях в VII-IX вв., в южнорусских степях – в IX в.

Древняя родина печенегов находилась в районе среднего течения Сыр-Дарьи. Самоназвание их было кангар. Границы заволжской Печенегии лежали между Волгой и Уралом. Основная масса печенежских погребений концентрируется на левом берегу Волги.

Гузы, или огузы, стали вытеснять печенегов, которые в конце IX в. перемещаются в южнорусские степи, но часть печенегов осталась в Поволжье. На Руси гузов или огузов называли торками.[1]

Огузами в Средней Азии именовались тюркоязычные, преимущественно кочевые племена, жившие в IX-X вв. наиболее компактно в Прикаспии, низовьях Сыр-Дарьи и Приаралье. В конце IX в.

огузы нанесли печенегам при содействии хазар сокрушительное поражение и овладели их землями между Уралом и Волгой. Оставшиеся на Волге печенеги смешались с огузами и отличались от последних только укороченными до колен верхними одеждами и обрезанными рукавами. Этим они показывали, что отрезаны от своих сородичей и соплеменников, – писал Константин Багрянородный.[2]

Приводя слова Ипатьевской летописи о том, что в 1116 году «бишася половцы с торки и с печенегы у Дона, и секошася два дни и две нощи, и придоша в Русь к Володимеру торци и печенези»,[3] П.В. Голубовский считает, что это были те самые печенеги, которые остались в огузской среде, и в дальнейших событиях печенеги являются неразравно с торками.

Процесс ассимиляции печенегов в системе огузского племенного союза повсеместно завершился в XI-XII вв. Средневековые источники свидетельствуют о родстве огузов и печенегов. Махмуд Кашгарский указывает, что печенеги входят в состав племенного объединения огузов.[4]

Поволжские печенежские погребения отличаются обилием пряжек, блях и бус, встречаются и предметы вооружения, стремена яйцевидной формы с округлым выступом для петли и узкой закругленной книзу подножкой; удила- двусоставные с псалиями в виде стержней; железные стрелы, черешковые, трехлопастные.

В печенежских погребениях находят лепные глиняные сосуды без ручек с отогнутым венчиком, иногда с характерными защипами или насечками по верху венчика; металлические нашивки в виде стилизованных птиц или птичьих крыльев; копоушки из овальной ажурной пластины со стержнем; бубенчики цельнолитые в виде шаровидной подвески; перстни сомкнутые с гнездом для вставки камня.

Иногда с описанными выше вещами попадаются бронзовые шаровидные пуговицы с горизонтальным швом, свинцовые грузики, стеклянные бусы, иногда бисер черного, синего, желтого цветов. С опи-

санными предметами иногда находят кольчуги, копья, сабли, мечи.

Русские летописи и средневековые авторы довольно много внимания уделяли печенежско-торческому союзу племен, но, в основном, его западному крылу, от которого было больше всего беспокойств. О поволжских печенегах и торках известно очень мало, тем больший интерес приобретают исследованные археологические памятники этого времени.

Во время раскопок у села Старица Черноярского района Астраханской области экспедицией под руководством В.П. Шилова, в 1960 г., в кургане №7 было обнаружено погребение с костяком, ориентированным головой на запад, около которого нашли копыта лошади, серебряную бляху, бронзовые пряжки, два бубенца, шелковую ткань, железное кольцо, два кремня, кожаную обувь, бересту, бляхи поясного набора, прорезную бляху.[5]

В кургане №21, раскопанном этой же экспедицией в 1961 г., обнаружили костяк человека с западной ориентировкой, при нем - две серебряные серьги, железную пластину, серебряную копоушку, ткань, три бронзовых бубенца, серебряный бубенчик и перстень.[6] В этом же кургане в вводном погребении с западной ориентировкой костяка, в засыпи нашли череп и четыре ноги коня в анатомическом порядке, черепом на запад; железные кольчатые удила, два стремени, пряжку, два бубенца, две нашивки и другие вещи.[7] В кургане №30 в вводном погребении в простой яме с западной ориентировкой костяка нашли кремень, обломок сосуда, железные пряжки,пластины, колчан с железным каркасом, стрелы, два стремени, серебряную пластину, бронзовую бляху, ткань, железный стержень, железную петлю, два ножа, кресало.[8]

У села Петропавловка в Астраханской области был обнаружен целый могильник, исследованный Е.В. Шнайдштейн в 1972 г., где оказались черепа и кости коней рядом с погребенными людьми, обломки лепной керамики, изделий из железа и бронзы.[9]

Необходимо рассмотреть прочно утвердившееся в историографии представление о том, что степные пространства возле рек Эмбы, Яика, Волги являлись древнейшей прародиной печенегов. Это представление не подкрепляется археологическими данными. В междуречьях Волги-Урала, Урала - Эмбы выявлены немногочисленные погребения и отдельные вещи печенежско-торческого времени. Без сомнения, печенеги и торки кочевали в этих степях, об этом свидетельствуют письменные и археологические данные, но говорить о том, что междуречья Эмбы, Яика, Волги являются прародиной печенегов нет никаких оснований.[10]

Со второй половины XI в. степи Нижнего Поволжья стали заселять пришедшие с востока кочевые племена, которых русские источники называли половцами, западные – команами, арабо-персидские – кыпчаками.Они входили в кимакский племенной союз, живший в X в. в верхнем течении Иртыша. Согласно исторической легенде, записанной у Гардизи, кыпчаки первоначально входили в кимакскую группу тюркоязычных племен, обитавших в районе Иртыша. Ссылаясь на «Худуд-ал-Алем», С.А. Плетнева датирует продвижение кыпчаков на запад, проникновение их в Заволжье, несколько севернее гузов и печенегов, X веком.[11]

Во второй половине XI в. половцы совершают набеги на русские земли. С конца XI до начала XIII вв. половцы кочуют в Причерноморье, в степях Предкавказья, между Волгой и Яиком. Волга делила кыпчаков на западных и восточных. Степи, занятые половцами, стали называть Дешт-и-Кыпчак. Русские летописи землю до Волги именуют Полем половецким. Иногда нижневолжских половцев источники называют саксинами.

В XII в. восточные писатели отмечают город Саксин на Нижней Волге, который посетил Абу Хамид-ал-Гарнати в 1131 и в 1153 гг. По его описаниям, Саксин - большой «международный» город, главным образом состоящий из шатров, но, кроме юрт, он видел и дома из со-

сновых бревен, с крышами и потолками из досок.[12]

Ал-Гарнати писал, что в городе живут 40 народов гузов, а также хазары, болгары и сувары, причем каждый народ селился отдельно колонией. К концу XII в. относится сообщение Ахмеда-ат-Туси о расположенном близ реки Итиль Саксине, который страдает от набегов кыпчаков.[13]

В связи с нашествием половцев в степях Восточной Европы появляются многочисленные мужские и женские каменные изваяния. Еще Рубрук заметил, что у половцев-команов есть обычай ставить статуи на курганах: «Команы насыпают большой холм над усопшим и воздвигают статую, обращенную лицом к востоку и держащую у себя в руке перед пупком чашу...».[14] Г.А. Федоров-Давыдов приводит сообщение Низами, относящееся к XII в. о том, что кыпчаки ставят каменные статуи и поклоняются им.[15]

В Астраханской области каменные изваяния, или бабы, как их называли, встречались, в основном, на севере, в Черноярском районе. В 1888 г. член Петровского общества исследователей Астраханского края К. Малиновский писал: «В Черноярском уезде есть и остатки каменных баб. По крайней мере, в селах Крестовской волости, по сведениям, доставленным сельскими властями, крестьяне находили каменных баб в рост человека, но без ног. Статуи эти без всяких надписей и находятся у крестьян вместо столбов в изгородях...».[16] Одно из половецких каменных изваяний хранится в Астраханском краеведческом музее.

В Саратовской области в окрестностях села Таптулино Ртищевского района в 1966 г. обнаружили на кургане каменное изваяние из темного песчаника высотой 102 см, изображающее женщину с витой гривной на шее. В разрушенном впускном погребении кургана, кроме человеческих, оказались кости коня, а также железные удила с перегибом и большими подвижными кольцами на концах.[17]

Полная сводка каменных изваяний Восточной Европы, детальное их описание и классификация даны С.А. Плетневой.[18]

Наряду с сохранением старых форм курганов в конце XI-XII вв. в них появляются новые типы вещей в погребениях кочевников с восточной ориентировкой костяка. Одновременно с захоронением костей ног и черепа коня находят кости целого коня, обычно рядом с погребенным воином.

В это время продолжают бытовать мечи, сабли, кольчуги, колчаны, кресала, двусоставные удила с псалиями или без них, аналогичные тем, которые встречались в погребениях печенежско-торческого времени.

Для захоронений поздних кочевников Нижнего Поволжья XI-XII веков характерны курганные земляные насыпи, представлявшие собой простую конструкцию прямоугольных или овальных могильных ям с восточной ориентировкой погребенного. В индивидуальной яме хоронили целого коня, не изжил себя также и обряд захоронения шкуры лошади с головой и четырьмя ногами.

Степи Поволжья и Прикаспийской низменности по своим географическим и природно-климатическим условиям способствовали развитию животноводства у степных племен, здесь обитавших. Великолепными пастбищными угодьями с отличной кормовой базой и обилием воды являлись пойменные луга по берегам Волги и ее притоков. Благодаря малоснежью пастбища использовались для выпаса в течение круглого года, в основном овец, мелкого рогатого скота, верблюдов и лошадей.

У скотоводов в степях Нижнего Поволжья преобладали два основных способа ведения хозяйства – кочевой и полукочевой. Первый тип основывался на непрерывном кочевании, второй был связан с сезонными перекочевками и более длительными остановками.

Печенеги кочевали по «местам, где много дождя и кормов», они переходили с места на место в зависимости от пастбищ».[19] Ибн Фадлан отмечал огузских баранов, которые отличались большой жирностью, печенежских овец, пасущихся на снегу, громадные стада лошадей у ко-

чевников.[20]

Больше всего у кочевников ценились лошади. Конь считался неразлучным спутником владельца, его боевым другом. Главным богатством были табуны коней. Конь служил средством передвижения на войне и облавной охоте. Рогатый скот также употребляли как средство передвижения, запрягали в повозки быков. Баранов держали ради мяса, шкур и шерсти.

Для круглогодичного использования пастбищ необходима их посезонная смена, что сопровождалось постоянными перекочевками. Усиленная пастьба скота на одном месте приводила к образованию передвижных сыпучих песков.

Дальность перекочевок зависела от условий местности, а также от величины стада. Сена кочевники на зиму не запасали, но регулировали свои перекочевки так, чтобы зимой стоять в местах удобных, где скот мог бы легко добывать себе корм – сухую на корню траву. Чем больше было стадо, тем больше оно вызывало перекочевок-переходов.

Ссылаясь на Марвази и «Худуд-ал-алем», С.Г. Агаджанов пишет, что кимаки, жившие на Волге, в мирное время кочевали в огузские земли, в то же время огузы в домонгольский период совершали длительные переходы, вплоть до придонских степей.[21]

Одной из основ имущественного неравенства среди кочевников являлась частная собственность на скот. Ибн Фадлан отмечал бедность печенегов и богатство скотом огузской знати, обладавшей громадными стадами.[22] У печенегов тоже не было равенства: у одних - «богатство, вьючный скот, стада, сосуды из золота и серебра, оружие, у них пояса, богато украшенные»,[23] у других - ничего.

Экономическое неравенство среди кочевников, классовое расслоение в их среде прослеживается не только по письменным, но и по археологическим источникам. Кочевнические погребения разделяются на три типа: 1) богатые, с дорогими, золотыми или

серебряными вещами, с оружием, сбруей и конем; 2) средние, обычно это воины-лучники, без дорогого оружия, но часто с конем; 3) бедные, без оружия, без коней и часто без вещей.

Хозяйство кочевников имело натуральный характер, и ремесло было домашним. Скотоводство обеспечивало не только продуктами питания, но и сырьем почти для всей необходимой одежды и обуви. Широко в быту использовался войлок домашнего производства. В погребениях кочевников часто встречаются кожаные сапоги, которые, как и одежда, изготовлялись самими кочевниками.

Женщины шили одежду и обувь, правили повозками и вели все домашнее хозяйство. Все виды деятельности диктовались кочевым скотоводством и связывались, в основном, с переработкой продуктов животноводства. Мужчины делали луки, стрелы, седла, повозки, караулили лошадей, приготовляли кумыс, охраняли верблюдов и вьючили их.

Кочевники в обмен на продукты скотоводства – шерсть, овец, мясо – получали дорогое оружие, предметы роскоши, ремесленные изделия.

Феодализация кочевнического общества и связанные с ней имущественное расслоение и социальная дифференциация являлись одной из причин оседания кочевников на земле. Пагубно отражались на кочевом хозяйстве гололеды, снегопады и засухи.

Скотоводческому хозяйству всегда сопутствует земледелие, которым занимаются сами скотоводы, если перекочевки у них сезонные, с длительными остановками, когда цикл кочевания завершается в сравнительно небольшом районе и осуществляется не всем племенем, а отдельными семьями или группами семей. Причем земледелие ведется для удовлетворения минимальных потребностей в зерновых продуктах.

Известно, что печенеги возделывали землю и сеяли просо и пшеницу. Не было чуждо земледелие и полукочевым огузам.[24] Оседали и

обедневшие половцы.

В низовьях Волги находятся плодородные земли, благоприятные для земледелия и скотоводства, именно здесь возникает один из известных городов кочевого мира – Саксин, в котором проживало сорок племен гузов со своими эмирами.[25] В Саксине осевшие жители уживались с кочевниками. Название города Саксин распространяется на всю область Нижнего Поволжья, оно перешло в записях некоторых хронистов XIII века в имя поволжской группы половцев.[26]

Половцы, как и печенеги, жили патриархальными родами, объединенными в племена. Несколько племен составляли союз, который назывался ордой. Во главе племен стояли «великие князья», во главе родов – «меньшие князья». Князья выбирались на племенных советах, в которые входила вся разбогатевшая родовая верхушка. Совету старейшин некторые источники противопоставляют сходки – народные собрания. Сходка, совет рядовых воинов, устраивалась в исключительных случаях, чаще всего во время походов, когда аристократии приходилось считаться с мнением рядовых кочевников. Таким образом, у кочевников прослеживаются все признаки военной демократии, а именно: совет старейшин, выбранные на совете военачальники и народное собрание.

Степень развития феодальных отношений у евразийских степных народов была различной. Вместе с феодализмом к ним проникали и мировые религии: христианство, иудаизм, мусульманство, буддизм, конфуцианство. Хотя источники и сообщают о распространении этих религий у народов Восточной Европы, в степях долгое время сохранялся языческий погребальный обряд и языческие верования.

Монгольское нашествие прервало процессы оседания и классообразования у кочевников.

Примечания

§1.

1. Дмитриев А.Д. Великое переселение народов // СИЭ. 1963. Т.3. Стб.249-250.
2. Дионисий. Описание населенной земли. 730.
3. Птолемей. Географическое руководство. III, 5, 10.
4. Мерперт Н.Я. Гунны в Восточной Европе // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III-IX вв. М., 1958. С.152-154. Срав.: Бернштам А.Н. Очерк истории гуннов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1951. С.144.
5. Засецкая И.П. О хронологии погребений «эпохи переселения народов» Нижнего Поволжья // СА. 1968. №2. С.62.
6. Шилов В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. №60: Памятники Нижнего Поволжья. Т.1 С.523; Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // Там же. С.593.
7. Засецкая И.П. Указ. соч. С.60.
8. Мерперт Н.Я. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР... С.552-553, 564-565.
9. Мерперт Н.Я. Авары в Восточной Европе // Очерки... С.569-570.
10. Амброз А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V-первой половины VIII вв. // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.10.
11. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.14.
12. Плетнева С.А. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.91.
13. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С.95.
14. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С.26.
15. Там же. С.23-24.
16. Там же. С.42.
17. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С.97.
18. Там же. С.99.
19. Там же. С.174.
20. Новосильцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.129.
21. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье IX-X вв. М., 1962. С.185.
22. Там же. С.187.
23. Там же. С.188.
24. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С.87-91.
25. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С.76.

26. Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985. С.94-96.
27. Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. М., 1983. С.104.
28. Там же. С.108, 187.
29. Новосильцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.114.
30. Там же. С.115.
31. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений... С.141.
32. Там же. С.143.
33. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе IX-X вв. М., 1967. Т.11. С.84-85.
34. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества. М., 1993. С.283.
35. Новосильцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.121.
36. Там же.
37. Там же. С.135.
38. Там же. С.190-191.
39. Там же. С.211.
40. Там же. С.219.
41. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т.1. С.448.

§2.

1. Еремеев Д.Е. Тюрк - этноним иранского происхождения? (К проблеме этногенеза древних тюрок) // Советская этнография. 1990. №3.
2. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С.23.
3. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С.127; 147.
4. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.32.
5. Там же.
6. Новосильцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.146.
7. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. Рис. на с.32; Кемуев И.Н., Сигалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989. Рис. на с.92, 96.
8. Крюков В.Г. Сообщения анонимного автора «Акбар аз-замах» о народах Европы // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1981. С.206-207.
9. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С.85.
10. Там же. С.77.
11. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.31.
12. Новосильцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С.148.
13. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье IX-X вв. М., 1962. С.166.
14. Плетнева С.А. Хазары. М., 1986. С.64.

15. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989. С.135-137.
16. Новосильцев А.П. Хазарское государство... С.46; 202.
17. Потапенко Л.П., Потапенко А.И. Виноград на Волге и Дону. Волгоград, 1989. С.21-32.
18. Рыбаков Б.А. Небольшое полукочевое государство // Тайны веков. Кн.11. М., 1980. С.110.

§3.

1. Плетнева С.А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. №62. С.164.
2. Багрянородный К. Об управлении государством // Изв. ГАИМК, 1934. Вып.91. С.15.
3. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар // История южнорусских степей IX-XIII вв. Киев, 1884. С.46.
4. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. Ашхабад, 1969. С.102.
5. Архив ИА. Д.1255. Л.53.
6. Там же. Д.2380. Л.33.
7. Там же. Л.36-37.
8. Там же. Д.1255. Л.90-102.
9. АКМ №№18031/12, 18031/38.
10. Шнайдштейн Е.В. Археологические памятники Нижнего Поволжья IX-XI вв.: Методические рекомендации. Астрахань, 1991. С.14.
11. Плетнева С.А. Указ. соч. С.182
12. Путешествие Абу Хамида-ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1151). М., 1971. С.97-98.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв. // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.254.
14. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С.102.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С.186.
16. ГААО. Ф.857. Оп.1. Д.20. Л.2.
17. Максимов Е.К. Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы. М., 1969. С.137-138.
18. Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М.: Наука, 1974.
19. Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.: Наука, 1967.
20. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939.
21. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен... С.86, 147.
22. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.-Л., 1939. С.65.
23. Там же. С.65.
24. Агаджанов С.Г. Указ. соч. С.87.
25. Путешествие Абу Хамида-ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1151). М., 1971. С.27.
26. Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин... С.260.

Глава IV. Золотая Орда в XIII-XIV веках. Астраханское ханство

§1. Нашествие монголов и возникновение Золотой Орды

В степях Центральной Азии издавна кочевали многочисленные монгольские племена. По мере развития имущественного неравенства среди монголов выделялась кочевая аристократия, которая обогащалась путем захвата общинных пастбищ и стад. Ожесточенная борьба между племенами завершилась образованием к началу XIII в. монгольского феодального государства, обладавшего сильной военной организацией. Могучим средством для осуществления завоевательных планов монгольской знати стала конница. В течение нескольких десятилетий монголами были завоеваны, разграблены и опустошены огромные пространства Южной Сибири, Средней Азии, Кавказа, широкие пространства половецких и русских земель. Хорезм, Волжская Булгария, половецкие княжества и ряд других государств перестали существовать. Между покоренными народами были прерваны исторические связи.

В 1230 г. 30-тысячный отряд завоевателей появился в прикаспийских степях, являвшихся районом кочевий половцев (кыпчаков). Эта территория в восточных источниках была известна под названием Дешт-и-Кыпчака, покорение которой началось с 1235-1236 гг., когда многочисленная монгольская армия после первых походов вновь двинулась на Запад. После покорения волжских булгар и башкиров монголы начали захват половецких земель, которые в качестве улуса были назначены Чингисханом своему старшему сыну Джучи, умершему, как и отец, в 1227 г. Окончательно покорил Улус Джучи его старший сын Бату, обосновавшись в 1242-1243 гг. на Нижней Волге. К этому времени, т.е. к середине XIII в., монгольская держава распалась на четыре улуса, самым большим из которых являлся Улус Джучи, правителем которого и стал Бату-хан. На севере граница улуса доходила до города Булгара и земель Башкырда (Башкортостан), а на юге – до Железных Ворот, т.е. до современного Дербента. Таким образом, держава Бату-хана простиралась с запада на

восток от Дуная до Иртыша, а с севера на юг от таежного Прикамья и Прииртышья до Кавказа и пустынь Средней Азии. Центром нового феодального государства стал наш край.

Это политическое образование получило в исторической традиции наименование «Золотая Орда». Однако ни сами монголы, ни их соседи так это государство не называли. Восточные авторы как правило именовали его «Улус» с прибавлением имени правящего хана («Улус Джучи»; «Улус Бату»; «Улус Узбека»), а русские летописи именовали просто ордой.[1] Термин «Золотая Орда» появляется только со второй половины XVI в., когда монгольского государства уже не существовало.

Бату-хан

Выбор Нижнего Поволжья как центра Золотой Орды был не случайным. Бату прежде всего оценил преимущества здешних степей, многочисленных заливных лугов, пригодных для пастбищ. Здесь пролегала магистраль древней караванной торговли, отсюда было ближе к другим монгольским государствам, а самое главное заключалось в том, что культурная полоса на Нижней Волге была так близка от степи, что здесь легко было сочетать оседлое и кочевое хозяйство. Большое удобство представляли степи для кочевий. Устье Волги изобиловало рыбой. Все это и предопределило центральное положение нашего края в Золотоордынском государстве.

§2. Золотоордынская организация управления. Хозяйственная деятельность

На заре своей истории держава потомков Джучи являлась частью империи Чингизидов. Бату и его ближайшие преемники обязаны были отчислять определенную часть доходов в пользу Великого хана. Они не могли чеканить свою монету (на монетах ставились имена Великих ханов), были ограничены во внешних сношениях и праве утверждения вассальных владык. Фактически в ранний период существования империи Чингизидов (и Золотой Орды как ее части) осуществлялся принцип коллективного владения правящим родом захваченными территориями. Военные походы носили характер общественного предприятия, в котором участвовали представители разных ветвей правящего клана. С целью поддержания единства чингизидов часто во владениях одного хана определялись земли, доходы с которых поступали в пользу другого хана: «В каждой иранской области, подпавшей под власть монголов, ему (Бату) принадлежала определенная часть ее, и... были поставлены его управители».[1] В Хорезме, принадлежащем Бату, доходы с городов Кят и Хива поступали в пользу джагатаидов. Однако столь своеобразный способ сохранения единства империи таил в себе опасность неизбежных конфликтов, что и продемонстрировала «столетняя» война между джучидами и ильханами.

Основой административного устройства Золотой Орды была структура, характерная для монгольского войска. Как и армия, Улус Джучи делился на правое и левое крылья. Правое крыло в монгольском войске всегда было ударным – отсюда и местоположение ханской ставки в пределах правого крыла. В Золотой Орде правое крыло составляли владения Бату и Шейбана. Левое – владения брата Бату хана Орду-Ичена. Для монголов характерно соотношение территориальных понятий крыльев со сторонами света: передняя сторона – юг; задняя -- север; правая – запад; левая – восток. Кроме того, каждая из сторон

света имела определенное цветовое значение: юг – красный; север – черный; запад – белый; восток – синий.[2] Поэтому владения Бату получили название Ак-Орда (Белая Орда), а Орду-Ичена – Кок-Орда (Синяя Орда). Это деление подтверждается и сведениями Рашид ад Дина: «Он (Орду) с войском и четырьмя братьями... составлял левое крыло армии, их до настоящего времени называют царевичами левого крыла».[3]

Владения Орду и его потомков были фактически самостоятельны. В то же время владыка Синей Орды и его потомки считали своим долгом подчеркивать номинальное главенство ханов из дома Бату. «С самого начала никогда не случалось, чтобы из урука Орды, те которые заступили его место, являлись к ханам урука Бату, потому что они находятся далеко друг от друга, и каждый был самостоятельным государем своего улуса. Но у них такой обычай, что они признают царями и правителями своими преемников Бату и имя их пишут на ярлыках своих сверху».[4] Подобное же положение было и при хане Узбеке, когда хан Синей Орды Сасы-Бука «по-прежнему соблюдал правила подчинения и повиновения, а хан Эрзен, утвердившийся на престоле при помощи Узбек-хана и в непродолжительное время степень его положения стала близкой к величию Узбек-хана, однако он таким же образом проявлял повиновение и подчинение».[5] В свою очередь, обе эти части Улуса Джучи тоже делились на правое и левое крылья.[6] Однако уже в XIV в. деление на крылья сохранилось только в воинских соединениях, а основной административной единицей является улус. Феодал получал от хана в управление удел-улус при условии несения определенных военных и экономических обязательств. Улусную систему заложил еще Чингисхан, выделив в управление определенное число семей своим родичам и сподвижникам. Наибольшее число подданных получили родственники Чингисхана: «... и дал матери, как долю... десять тысяч подданных. Джочи он выделил девять тысяч, Чаадаю дал восемь тысяч, Окодаю дал пять тысяч, Косару

дал четыре тысячи, Белькутаю дал полторы тысячи подданных».[7] За верховным сюзереном-ханом сохранялось право менять владельцев улусов по своему усмотрению.

Государство Бату-хана также делилось на улусы. Плано Карпини сообщает о четырех крупных улусах, по территории которых ему довелось проехать.[8] В.Л. Егоров дополняет этот перечень улусами Ногая, Сартака, Берке, Шейбани, а также Крымом и Хорезмом (представляющим собой отдельные улусы).[9] Крупные территории – улусы, в свою очередь, подразделялись на более мелкие единицы, во главе которых стояли кочевые феодалы соответствующих рангов. Хан раздавал земли во владение только крупнейшим феодалам, которые затем жаловали земли подчиненным от них тысячникам. В результате внутренняя государственная структура получила ярко выраженный военно-феодальный характер.[10] Естественно, для управления обширным государством требовался соответствующий аппарат. Формирование его начинается еще во времена Чингисхана. «Сокровенное сказание» упоминает виночерпиев, привратников, коноводов.[11] Одного из своих приближенных Шики-Кутуку Чингисхан назначил верховным судьей: «Среди всего народа сократи воровство, притупи ложь, кого надо казнить, казни, кого надо миловать, милуй!».[12] Важную роль при хане имел дворцовый черби (церемониймейстер), который «...возглавляя дочерей, домашних слуг, пастухов, и верблюдов, и коров, и кебтеулов (корпус телохранителей), смотрит за дворцовой кибиткой».[13] Упоминаются также эуденчин-кебтеул (командир охраны); нутугчин (распорядитель кочевок); тамгачин (хранитель печати); джамчин (управитель почт) и др.[14]

Ко второй половине XIII в. система управления государством усложняется. В улусах потомков Чингисхана появляются аналогичные чиновничьи должности. Арабские авторы, описывая прием египетских послов в ставке Берке-хана, упоминают должности визиря и главного кадия (учитывая, что Берке был мусульманин), несшего также долж-

ность придворного законоведа.[15] Политическим центром государства являлась кочевая ставка – Орда. Даже в период расцвета золотоордынских городов, Орда сохраняет свое значение , о чем свидетельствует сообщение Ибн-Батуты. О высоком значении кочевой ставки свидетельствует и периодическая чеканка монет с надписью «Орду».

В ранний период существования монгольского государства доминирующей формой хозяйства являлось кочевое скотоводство. Нашествие монголов сопровождалось уничтожением городов и сел, превращением земледельческих территорий в пастбища для скота завоевателей. Такая судьба постигла большой торговый город Саксин, преемник разрушенного в свое время Святославом Итиля. Именно нуждами кочевого образа жизни определялись и границы улусов, вытянувшиеся с севера на юг: «...зимою они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные».[16]

Европейские путешественники неизменно обращали внимание на большое количество скота у монголов. «Они очень богаты скотом, верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Всякого скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет в целом мире».[17] «Второй вид животных , которых имеет этот народ – прекрасные крупные быки... Третий вид животных... высокие мохнатые двугорбые верблюды... Четвертый вид животных – огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и такими хвостами, что некоторые весят до двенадцати фунтов каждый».[18] Скотоводство давало кочевникам все необходимое для жизни: мясо, шерсть, шкуры для выделывания кожи, кумыс. Помимо кумыса, кочевники употребляли также коровье, овечье и верблюжье молоко. Шерсть домашних животных шла на изготовление одежды, войлочных ковров и покрытий юрт; из кож делали обувь, одежду, сбрую лошадей. Немалое место занимал в хозяйстве кочевников и охотничий промысел. Европейцев поражало, что монголы поедали буквально «все что бегает и прыгает»:

волков, лисиц, сусликов, тушканчиков, антилоп (сайгаков и джейранов), диких ослов-куланов. Плано Карпини даже упоминает об употреблении ими «человечины».[19] Это, конечно, не являлось нормой жизни, но некоторые пассажи из «Сокровенного сказания» наталкивают на мысль о ритуальном людоедстве.[20] Реки, вдоль которых кочевали ордынцы, снабжали их рыбой, что нашло отражение как в свидетельствах современников, так и в археологических находках на золотоордынских поселениях.

У скотоводов в степях преобладали два основных способа ведения хозяйства – кочевой и полукочевой. Первый тип основывался на непрерывном кочевании, второй был связан с сезонными перекочевками и более длительными остановками.

Зимой кочевники загоняли скот в лесистые или заросшие камышом места для защиты от стужи и метелей. Ранней весной скот поился снеговыми водами, летом шел на водопой к рекам или озерам. Знаменитая «Яса» Чингисхана угрожала смертью тому, кто загрязняет источник воды.

Скотоводы имели свои родовые весенние, летние, осенние пастбища и определенные места зимовок. Причем земля, являясь основным средством производства, была строго распределена между феодалами. В главе «О татарах и их жилищах» Рубрук пишет, что «всякий начальник знает... границы своих пастбищ, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью».[21] Лучшие земли захватили самые крупные феодалы.

Основная масса кочевников полностью зависела от феодалов, которыми были в период Золотой Орды монгольские ханы, раздававшие лучшие земли своим сыновьям и родственникам. Вместе с этими землями в зависимость попадали и рядовые кочевники, последние уже кочевали по маршрутам, предписанным владетелями земель. Средневековый кочевник не мог быть полностью независимым, так как в степи действовала типично феодальная норма «нет земли без

господина», который располагал принудительной властью, возведенной в традиционное владетельное право. За каждым родом, за каждым племенем закреплялись определенные пастбищные угодья. Бытовавшие пережитки родоплеменных отношений были монголами основательно подорваны.

Одной из основ имущественного неравенства среди кочевников являлась собственность на скот, которая свято охранялась кочевническими законами. Похищение спутанной лошади, например, приравнивалось к самым тяжким преступлениям и каралось смертью.

Беднейшие кочевники, не имевшие скота и не попавшие в пастухи к богачам, оседали в городах и поселках. Во второй половине XIII-XIV вв. на Нижней Волге шла острая борьба за землю, пастбищные угодья, за господство над основными производителями благ – скотоводами-кочевниками.

Гораздо слабее в ранний период существования Золотой Орды было развито земледелие. Карпини прямо пишет, что «хлебов у них нет, равно и овощей».[22] Однако уже современник Карпини – Рубрук сообщает о земледелии у татар. Правда, эти свидетельства относятся не собственно к монголам, а к покоренному ими населению, ибо монголы за свою историю так и не восприняли земледельческой культуры, являясь чисто кочевым народом. Появление земледелия в Орде (расцвет его приходится на XIV в.) является еще одним свидетельством завершения процесса государствообразования, т.к. только комплексная экономика обеспечивала прочность государственного организма. История не знает чисто кочевых государств, поскольку кочевой способ производства исключает развитие социальных отношений до уровня прочного государственного образования. Империя Чингисхана и его потомков не является исключением. Монголы остались кочевниками, но необходимый уровень развития экономики обеспечивали жители покоренных оседлых территорий. Именно они давали правящей верхушке завоевателей высококачественные ремесленные

изделия, продукты земледелия, предметы роскоши. Надо отметить, что феодальная верхушка одинаково жестко эксплуатировала как покоренные народы, так и рядовых кочевников-аратов. По установлению хана Угедея монголы обязаны были выделять в год от каждого хозяйства по двухгодовалой корове, от каждой сотни овец – по одной овце, от каждой тысячи – по одной дойной кобылице. Завоеванные народы облагались данью, которая в первой половине XIII в. собирались как в пользу отдельных владык – чингизидов, так и в пользу Великого хана. Хотя главным источником богатств ордынской знати являлось ограбление своего и сопредельных народов, монгольские ханы уделяли большое внимание и торговле, как еще одному важному источнику обогащения.

Огромная держава Чингизидов практически полностью поставила под свой контроль Великий Шелковый путь. Привилегии, даваемые купцам, «хорошие» цены за их товары, охрана торговых караванов буквально на государственном уровне способствовали активизации и подъему торговли на обширных пространствах Евразии. Центрами торговли становятся города. Едва обосновавшись на Нижней Волге, Бату-хан основывает город Сарай. «В своем становище, которое находится в пределах Итиля, Бату устроил местопребывание и построил город , который называют Сараем... Торговцы с разных сторон привозили ему различные товары; все это, что бы то ни было, он брал и за каждую вещь давал цену, в несколько раз превышавшую ее стоимость».[23]

В XIV в. активизировался процесс проникновения кочевников в среду городского населения. Историческая необходимость и политические интересы вновь созданного государства явились причиной перехода золотоордынской кочевой аристократии к оседлой жизни. Оседлые городские и земледельческие районы Золотой Орды были как бы островками в стихии степной кочевой жизни.

Активную градостроительную деятельность в степях застает

Рубрук. Очень быстро города, оставаясь торговыми пунктами, превращаются в административно-политические центры. Уже при Берке-хане они приобретают облик, характерный для городов исламского мира. В.Л. Егоров, основываясь на данных археологии и письменных источников, выделяет ряд этапов градостроительства в Золотой Орде:

1. Период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов – 40-е годы XIII в.; 2. Начало градостроительства в степях во время правления Бату – первая половина 50-х гг. XIII в.; 3. Подъем градостроительства при Берке – с середины 50-х до середины 60-х гг. XIII в.; 4. Период замедленного роста городов – с 70-х гг. XIII в. до начала второго десятилетия XIV в.; 5. Расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке – со второго десятилетия 60-х гг. XIV в.; 6. Затухание и упадок градостроительства – с 60-х гг. XIV в. до 1395 г.[24]

Таким образом, пик градостроительной активности в Золотой Орде, а следовательно, и расцвет экономики приходится на первую половину-середину XIV века.

§3. Население, культура, быт

Монголы, создавшие огромную империю, в численном отношении составляли ничтожно малую часть ее населения. По оценке Л.Н. Гумилева, в Улусе Джучи было лишь 4 тысячи семей монголов, основную же массу жителей составляли покоренные народы.[1] Главным образом это были тюрки-кочевники: половцы, кипчаки, гузы, асы и др. По этому поводу ЭльОмари писал: «В древности это государство было страной кипчаков, но когда им завладели татары, то кипчаки сделались их подданными, потом они смешались и породнились с кипчаками, и земля одержала верх над природными качествами их, и все они стали точно кипчаки, как будто одного с ними рода».[2] В то же время современники отчетливо видели политическое доминирование в

государстве собственно монголов и поэтому значительное место уделяли описанию характерных черт быта и идеологии «монголов – именуемых татарами» (такую оговорку считал необходимым сделать Плано Карпини). Здесь необходимо остановиться на химерическом термине «монголо-татары». Появлением его мы обязаны профессору Санкт-Петербургского университета П. Наумову, в 1823 г. впервые употребившему этот термин.[3] К началу XIX в. ученым уже было ясно, что монголы и татары – это не совсем одно и то же. Поэтому был сделан вывод о включении в монгольские войска татаро-тюркского племени и, как следствие, о монголо-татарском или татаро-монгольском нашествии. Однако искусственное умозаключение привело к ряду ошибок. Во-первых, татары не были тюркским племенем, на что обратил внимание еще Ю. Клапрот, говоря, что монголы и татары принадлежали к одному народу.[4] Подтверждают это и названия татарских племен, приведенные в «Сокровенном сказании» и имеющие явно монгольский характер.[5] Во-вторых, татары не могли составить большинства войск монгольских завоевателей, поскольку были истреблены по приказу Чингисхана. Каким же образом термин «татары» закрепился в истории? Дело в том, что данный этноним пришел в Европу (в том числе и на Русь) от китайских и арабских авторов. Незадолго до возвышения Чингисхана татары были наиболее сильным племенным союзом у границ Китая. Китайские чиновники, не вдаваясь в тонкости различий между монгольскими племенами и родами, именовали всех кочевников по названию наиболее сильного из них союза – татарами.

Стремительное возвышение Темучжина из третьеразрядного рода Борджигин не позволило быстро сменить терминологию, и татарами стали называть воинство Чингисхана. Опережая его полководцев, молва несла по всему миру весть о непобедимых татарах. Надо отметить, что татарами средневековые авторы именовали именно монголов, противопоставляя их покоренным народам. Имя мертвого народа превращается в XIII в. в этносоциальный термин, а с XIV в. уже

переносится на все население Золотой Орды, которую на Западе чаще всего именуют просто – Татария. Такие метаморфозы претерпели этнонимы многих народов: русь, франки и др.

Первое описание монголов оставил посетивший ставку Великого хана Плано Карпини, подробно обрисовав их антропологический вид, разнообразие мужской и женской одежды, особенности устройства жилья, способы передвижения повозок при перекочевке ставок (юрт).[6] Юрта кочевников была не просто жилищем, она являлась символической моделью вселенной. Вход в юрту всегда обращался на юг. У противоположной входу стороны располагался алтарь. Здесь же находилось почетное место для гостей. Если встать в юрте лицом к югу, т.е. к выходу, то справа будет располагаться мужская половина (кровать главы семьи, конское снаряжение, оружие), а слева – женская (посуда, продукты, предметы, связанные с женским трудом). В центре располагался очаг – главный сакральный объект жилища. Возле очага стоял опорный столб – символ магической связи поколений и времени.

Карпини в главе, посвященной монгольскому жилищу, дает детальное описание войлочных юрт и способов их перевозки: «Ставки у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же в середине ставки имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться и перевозятся на повозках. Для меньших при перевезении на повозке достаточно одного быка, для больших – три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли – на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой».[7]

Повозки использовались с двумя или четырьмя колесами, Ибн-Батута говорит о телегах с четырьмя колесами, Барбаро описывает арбы с двумя колесами, говоря о татарах, он пишет: «У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, повыше наших. Они устланы (сверху) камышовыми циновками и покрыты одни вой-

Монгольская юрта

локом, другие – сукнами, если принадлежат именитым людям».[8] В Гашунском могильнике, близ Элисты, в 1971 г. в кургане №1, в засыпи половецкого погребения найдены ступицы от двух колес, в каждой из которых было по девятнадцати четырехугольных пазов для спиц.[9] У.Э. Эрдниев датирует появление колес со спицами в Нижнем Поволжье и в степях Предкавказья XI-XIII вв. н.э. Повозки употреблялись обычно при походах и дальних переселениях и чаще всего в них запрягались волы. Лошадей берегли, их редко использовали как тягловый скот.

Подспорьем в хозяйстве служила охота. «Татарин зачастую уйдет на целый месяц, без всякой еды: питается кобыльим молоком да тою дичью, что сам наловит...».[10] Больше всего употреблялись молочные продукты. Из молока делали сыр и масло, из кобыльего молока

приготовляли кумыс. Хлеба у кочевников не было, но рис и просо, сваренные в молоке, употреблялись в пищу.

Хозяйство кочевников носило натуральный характер и ремесло было домашним. Скотоводство обеспечивало не только продуктами питания, но и сырьем для изготовления почти всей необходимой одежды и обуви. Широко в быту использовался войлок домашнего производства. В погребениях кочевников часто встречаются кожаные сапоги, которые, как и одежда, изготовлялись самими кочевниками. Одежда шилась свободного, широкого покроя, удобная для поездок верхом. Из кожи изготовляли посуду и некоторую домашнюю утварь, которая отличалась легкостью и удобно складывалась, не занимая много места. Женщины делали платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, они правили повозками и чинили их, вьючили верблюдов и во всех своих делах были очень проворны и скоры: все женщины носили штаны, а некоторые и стреляли, как мужчины. Утварь была не только кожаной, но и деревянной, которую легко перевозить. Посуды глиняной у кочевников мало, она мало пригодна для кочевого быта.

Все виды деятельности диктовались кочевым скотоводством и были связаны, в основном, с переработкой продуктов животноводства. Мужчины делали луки, стрелы, седла, повозки, караулили лошадей, приготовляли кумыс, делали мешки, в которых его сохраняли, охраняли верблюдов и вьючили их. Овец и коз они караулили сообща; доили же иногда мужчины, иногда женщины. Кожи приготовляли при помощи кислого сгустившегося овечьего молока.[11]

Посетивший Монголию почти одновременно с Карпини Гийом Рубрук в описании монголов ничего существенного не добавляет к сведениям своего предшественника. Его поразило, однако, более чем своеобразное отношение кочевников к гигиене: «Платьев они никогда не моют, так как говорят, что бог тогда гневается и что будет гром, если их повесят сушить. Мало того, они бьют моющих платье и отнимают его у них... Никогда также не моют они блюд; мало того, сварив

мясо, они моют чашку, куда должны положить его, кипящей похлебкой из котла, а после обратно выливают в котел...».[12]

Однако, как уже упоминалось, столь красочно описанные монголы составляли ничтожно малую часть населения Золотой Орды.

Западные области государства – степи Причерноморья и Северного Кавказа населяли половцы. Они были в значительной части обескровлены длительной борьбой (с 1236 г. по 1240 г.) с завоевателями, их правящая верхушка была почти полностью уничтожена. Видимо, с этим связано и исчезновение обычая сооружать в степи каменные изваяния.[13] К востоку от Волги обитали родственные половцам кимако-кипчакские племена, сравнительно быстро подчинившиеся монголам и поэтому сохранившие свою родовую знать. Интересно, что к востоку от Волги традиция ставить каменные антропоморфные сооружения продолжала существовать и сохраняется вплоть до новейшего времени у казахов.[14] На севере в Золотую Орду входили племена народов Поволжья (мордва, чуваши, марийцы, волжские булгары) и сибирские финно-угры. Особый вопрос – русское население в Орде. Общепринятая версия гласит, что русские были, главным образом, насильственно вывезенными полурабами из поволжских городов. Однако реальная ситуация несколько иная. Орда включила в свой состав ряд областей с русским населением, таких, как Поднепровье к югу от Киева (по рекам Псел, Ворскла и южнее, Поросье); верхнее течение Дона (с городом Елец); район Тулы и даже Коломна.[15] Пестрый этнический состав Золотой Орды неизбежно сопровождался и разнообразием идеологических воззрений. На заре своей истории монголы были язычниками, чем и определялась их веротерпимость. Для язычника, поклоняющегося множеству богов, и, как само собой разумеещееся, признающего неисчислимую множественность божеств у разных народов, характерно уважительное отношение к чужим божествам. Вступая в чужие земли, и даже завоевывая их, язычник вынужден был считаться с перспективой столкновения с враждебными

духами и, дабы не осложнять себе жизнь, считал необходимым уважать чужих богов и жрецов. Потому монголы, как правило, старались завоевать расположение священнослужителей в покоренных странах и гарантировали им различные, прежде всего налоговые, льготы. Описывая верования монголов, Плано Карпини сообщает: «Они веруют в единого бога, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами или каким-нибудь обрядом... Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и пития... Они веруют, что огнем все очищается. Отсюда послы или вельможи с дарами должны пройти между двух огней. Они усиленно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародейством и волшебством. Солнце они называют матерью Луны».[16]

Верховное божество монголов – это Тенгри (Хормуст) – Вечное небо. Вторым важнейшим божеством была Этуген- Земля. Темучжин говорит: «...мы уничтожили славных меркитских мужей, посвятив их всесильному Небу и матушке Земле – Этуген».[17] Марко Поло пишет, что Земля – Этуген «бережет их сынов, скот да хлеб».[18] Помимо важнейших божеств, монголы поклонялись множеству духов покровителей, изображения которых помещались в юртах. У них сохранялись многочисленные пережитки тотемизма. Мифические предки Чингисхана носили имена Борте-Чино (Серый Волк) и Коой-Морал (Светлая Оленуха).Тотемом рода Бодокчара являлся сокол. Разновидностью тотемического поклонения волку было почитание собаки. Имя всесильного темника Ногая, внучатого племянника Бату-хана, означает «собака». То же значение имеет и имя Узбек.[19] Однако далеко не все монголы были язычниками, часть племен и родов исповедовала христианство несторианского толка, разные варианты буддизма.[20] Вступив на путь завоеваний, покоряя народы с гораздо более развитыми идеологическими системами – исламом и христианством,

приспособленными к нуждам развитого классового общества, «наивные язычники» становятся объектом соревнования между проповедниками различных конфессий. Если Бату-хан был государем, «который не придерживался никакой веры и секты»[21], то его брат Берке – мусульманин, а сын Сартак – христианин. На протяжении семидесяти лет в Орде шла борьба между различными конфессиями. Мусульманин Берке, покровительствующий единоверцам, все же не смог ввести ислам как государственную религию. После его смерти, вплоть до начала XIV в. у власти стояли ханы-язычники. Более того, именно при Берке в 1261 г. в Сарае была учреждена епархия Русской православной церкви. Официально она именовалась архиепископией Сарской и Подонской, а под покровительством архиепископа Митрофана находились христиане Поволжья и Подонья. Хан-язычник Менгу-Тимур в 1279 г. дает русской церкви ярлык, освободивший духовенство от выплаты дани и провозгласивший неприкосновенность храмов и церковного имущества.[22] Идеологическое разнообразие Золотой Орды хорошо прослеживается на материалах могильника у Красноярского городища (на бугре Маячный, близ с. Красный Яр). Среди погребений конца XIII-начала XIV в. имеются совершенные по мусульманскому обряду; явно языческие, с богатым погребальным инвентарем (причем особенности погребального обряда позволяют говорить о полиэтничности населения данного пункта). Найдено также два христианских погребения.[23] Только в правление хана Узбека «Дешт-и-Кипчак, который всегда был обиталищем неверия и ереси и местопребыванием смуты и нечестия, стал страной поклонения, и там были основаны благотворительные учреждения и места поклонения», т.е. ислам был возведен в ранг государственной религии. Правда, языческая знать заявила Узбеку: «Ты ожидай от нас покорности и повиновения, а какое тебе дело до нашей веры и нашего исповедания и каким образом мы покинем закон и устав Чингисхана и перейдем в веру арабов?» «...Узбек... собрав войско, одержал верх (над ними). Сына Токтая с 120 царевичами из рода Чин-

гисханова он убил...».[24] Как видим, веротерпимость в Золотой Орде была временным явлением. С чисто восточной основательностью Узбек вырезал всех идейных противников, и не только монголов-язычников, но и монголов-христиан (кроме тех, что бежали на Русь, положив начало татарским служилым князьям). Правда, архиепископство Сарское сохранялось, но теперь православное духовенство обслуживало исключительно русское население Орды, а миссионерская деятельность его сходит на нет. В городах начинается бурное строительство культовых сооружений. У нынешнего села Лапас строятся ханские мавзолеи, вокруг которых группируются усыпальницы знати.[25] Но, как это часто бывает, религиозная реформа, насаждаемая сверху, с трудом утверждается в массовом сознании. Ислам был внедрен лишь в городах, среди знати Ак-Орды, но уже в Кок-Орде значительная часть представителей социальных верхов продолжает исповедовать традиционные верования.[26] В сущности, в Заволжье пережитки язычества сохранялись, например, у казахов вплоть до конца XIX в. Даже в центре владений Ак-Орды спустя сто лет после Узбека Иосаф Барбаро фиксирует языческие верования: «Однажды... я увидел на земле опрокинутую деревянную миску. Я подошел и, подняв ее, обнаружил, что под ней вареное просо. Я обратился к татарину и спросил, что это такое. Он мне ответил, что это положено язычниками... О татарах же нечего сказать другого, кроме разве того, что те из них, которые остались язычниками, поклоняются истуканам, возя их с собой на своих телегах...».[27]

§4. Золотая Орда в конце XIII-XIV веках

Если начальный период существования Золотой Орды характеризуется довольно значительной зависимостью от Каракорума, то в 60-е гг. XIII в. начинается ускоренный процесс распада империи, что приводит к суверенизации Джучиева улуса. Воспользовавшись конфликтом между Ариг-Бугой и Хубилаем, перенесением ставки Вели-

кого хана из Каракорума в Пекин, хан Менгу-Тимур начинает чеканить монеты со своим именем, т.е. демонстрирует полную самостоятельность своей державы.[1] Длительная война Орды с Хулагуидским Ираном также свидетельствовала об ослаблении ранее единой державы Чингисхана. Процесс распада, вызванный стремлением утверждаться на вновь завоеванных территориях представителей различных ветвей чингизидов, затронул и Улус Джучи, подорвав его былое могущество. В 1264 г. в поход на Константинополь был направлен темник Ногай. Захватив в Византии и Булгарии богатую добычу, Ногай обосновался в западных районах Орды – в Пруто-Днепровском междуречье.[2] При хане Менгу-Тимуре Ногай завязывает самостоятельные дипломатические отношения с египетским султаном, заявляя о своем стремлении перейти в ислам. Он заключает с Византией мир, женившись на побочной дочери Михаила Палеолога – Ефросинье.[3] Этот шаг обеспечивает ему союзников, а мир с Византией развязывает руки для проведения политики, направленной на полное отделение от Улуса Джучи. Учитывая, что перспектив стать ханом всего Улуса Джучи у Ногая не было, вполне реальными были амбициозные планы создания самостоятельного государства – Улуса Ногая во главе с ханом-чингизидом. Однако этим планам реально могли помешать сарайские владыки, и тогда Ногай пытается проводить политику утверждения на сарайском столе марионеточного хана. Не без помощи Ногая после смерти хана Менгу-Тимура в 1282 году к власти пришел брат умершего хана – Туда-Менгу (в обход сыновей покойного). В ответ на это сыновья Менгу-Тимура в 1287 г. совершают переворот, и к власти приходит Тула-Бука.[4] В этом же году Ногай и Тула-Бука предпринимают поход против Польши и Венгрии, действуя самостоятельно. В заснеженных Карпатах армия Тула-Буки заблудилась и понесла большие потери. Ногай же вернулся с большой добычей. Тайный расчет на гибель Тула-Буки не оправдался, и тогда Ногай делает ставку на сына Туда-Менгу – Токту. Токта при перевороте 1287 г. бежал к Балыкче, откуда послал к

Ногаю послание, прося покровительства и обещая за это покорность. Путем интриг и обмана Ногай заманил сыновей Туда-Менгу в свою ставку и с помощью прибывших воинов во главе с Токта они все были убиты.[5] Произошло это в 1290 г. Токта же быстро забыл свои обещания жить в подчинении Ногаю, однако вскоре был внезапно атакован близ Дона Ногаем и разбит. Тем временем в стане Ногая начинаются разброд и шатания. Часть знати, недовольная темником, входит в контакт с Токтой, предлагая выдать ему Ногая и его сыновей. Заговорщики сделали попытку захватить второго сына Ногая Теке, но ему удалось бежать, а старший сын Ногая – Джуке нанес поражение мятежникам. Однако вскоре в открытом сражении Токта нанес сокрушительное поражение войскам Ногая и его сыновей. Ногай получил смертельную рану и скончался. Между сыновьями Ногая после поражения начались распри: часть их хотела покориться Токте, но старший – Джуке перебил остальных и бежал в Булгарию.[6] Таким образом, с 1300 г. Токте удалось добиться воссоединения с Золотой Ордой отпавших было территорий. Надо сказать, что ногаева смута не оказала серьезного влияния на могущество Орды. Правда, были утрачены Придунайские области, но, видимо, они расценивались как личное приобретение Ногая и не считались принадлежащими хану.[7]

В заключение необходимо остановиться на связи, точнее, на отсутствии таковой имени Ногая с этнонимом «ногайцы». Довольно широко распространено мнение, что этот этноним впрямую происходит от имени темника. Якобы после его гибели подчиненные Ногаю орды были переселены на Волгу и в начале XV в. вышли на историческую арену под именем ногайцев . Однако источники молчат о каком-либо крупном перемещении населения степей после победы Токты. Жители западных областей Орды просто сменили правящую верхушку. Кроме того, Ногай никогда не имел никаких родственных связей с племенем мангыт, поскольку был чингизидом из племени кият-борджигин.[8]

Консолидация Золотой Орды после 1300 г. позволила Токте зна-

чительно укрепить авторитет ханской власти. В начале XIV в. правители Орды уделяют большое внимание развитию городов и отходят от методов хозяйства, свойственных кочевой аристократии. Свидетельством этого является денежная реформа Токты 1310 г. Она заменила разрозненное обращение монет XIII в. обращением единого и устойчивого по своему весу и курсу сарайского дирхема. Чеканка монет в различных регионах государства прекращается и заменяется чеканом только Сарая (позже добавляются новосарайский и гюлистанский чеканы). Это мероприятие могло быть проведено только при условии концентрации больших запасов серебра в руках ханского монетного двора. Достигнуто это было путем прекращения выплаты налогов в пользу Великого хана и за счет дани серебром с Руси.[9] Денежная реформа не только принесла большой доход казне, но и положительно сказалась на укреплении внутриэкономического положения Золотой Орды, оживила торговые связи между ее отдельными районами. С этого времени начинает возрастать роль столичных городов в качестве общегосударственных центров чеканки монет.[10] Но наивысшего расцвета Золотая Орда достигла в правление ханов Узбека и Джанибека. Узбек вступил на престол в 1312 г., убив сына Токты Ильбасмыша и старшего эмира Кадака.[11] Захватив власть, Узбек-хан принялся искоренять монгольскую верхушку, придерживавшуюся старых верований. Языческая знать являлась охранительницей старых кочевых традиций, противоречащих интересам усиливающейся ханской власти. Это мероприятие проводилось под знаком утверждения ислама, и в 1314 г. Узбек направил султану Египта послание, в котором заявлял о расширении ислама от Китая до крайних пределов западных государств.[12]

Начинается интенсивное строительство мечетей и медресе во всех ордынских городах. Резко возрастает градостроительная активность. В 30-х годах XIV в. Узбек возводит новую столицу – Сарай ал-Джедид (ошибочно называемый доныне Сарай-Берке, хотя Берке к основа-

нию этого города не имел никакого отношения).[13] Развалины этого города обнаружены около г. Ленинска Волгоградской области. Правда, столица была перенесена сюда только при хане Джанибеке, при Узбеке же главную роль продолжал играть Сарай-Ал-Махруса (или Старый Сарай, или Сарай-Бату, основанный еще Бату-ханом). Он находился на месте села Селитренное Астраханской области. Описание этого города оставили нам арабские путешественники. «Город Сарай один из красивейших городов, достигший чрезвычайной величины, на ровной земле, переполненный людьми, с красивыми базарами и широкими улицами. ...В нем 13 мечетей для соборной службы... Кроме того, еще чрезвычайно много других мечетей. В нем живут разные народы, как-то: монголы... некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки, черкесы, русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их. Купцы же и чужеземцы из обоих Иранов, Египта, Сирии и других мест живут в особом участке, где стена ограждает имущество купцов».[14]

Ядром золотоордынского города являлись усадьбы знати, о чем сообщает Рашид-ад-Дин.[15] Археологические исследования на месте Сарая-Ал-Махруса рисуют город весьма благоустроенным. В городе находились многочисленные колодцы и бассейны – хаусы; его прорезали каналы и арыки. Дворцы и общественные здания (мечети, бани, караван-сараи) строились из обожженного кирпича; дома рядовых жителей – из сырца и дерева, большой интерес представляют обнаруженные усадьбы знати. Одна из них представляла собой обширное сооружение из сырцового кирпича. В середине двух противоположных стен, северной и южной, были симметричные ниши – айваны – с проходами. Они вели в центральный зал. В середине зала был бассейн, за ним массивная кирпичная платформа, где стоял трон хозяина. По сторонам платформы имелись проходы в боковые комнаты, являлвшиеся также парадными залами.В доме было всего три жилые комнаты с лежанками – суфами и отопительными системами –

канами. Имелся еще маленький дворик с колоннами вдоль стен и складское помещение. Рядом с большим домом находились деревянные помещения для слуг.[16]

Еще более впечатляющим был другой дом-дворец. Его центральный зал был размером 7x15,2 м. Пол зала был выложен квадратными и шестиугольными кирпичами, образующими крестовидный орнамент. В центре пола был устроен большой умывальник с поглотительным колодцем под полом («тошнау»).В глубине зала имелось квадратное возвышение – место хозяина. Как и в первом доме, место для трона хозяина располагалось у северной стены и было обращено лицом на юг к входу, т.е. в городском доме дублируется планировка юрты. Стены центрального зала были побелены и украшены изразцами с росписью и позолотой. Другие помещения имели роспись по белой штукатурке. Среди помещений были детская, ванная, пекарня, помещение для домашней мельницы. Помещения имели кирпичные полы. При доме находился банный комплекс – с горячими комнатами, в которых имелись дымоходы, обогревавшие пол с комнатами для охлаждения, с большим бассейном.[17]

Жилища простых горожан были гораздо скромнее. Это были, как правило, однокомнатные помещения, внутри которых имелась П-образная лежанка суфа – вдоль трех стен, печь с горизонтальными дымоходами, вделанными в суфу для ее обогрева. Полы – земляные, иногда имели в центре отверстие для умывальника – тошны, сделанное в виде резервуара, куда стекала вода. Дома эти воздвигались либо из сырцового кирпича, либо на сырцовом цоколе воздвигались деревянные панельные стены.[18] В таких домах жили мелкие свободные ремесленники, занимавшие целые кварталы и специализировавшиеся на одной какой-либо отрасли (металлургия, ювелирное дело, косторезное, керамическое производство). Значительная часть ремесленников находилась в рабской зависимости от ордынской знати и проживала в скромных землянках. Материалы ар-

хеологических раскопок свидетельствуют, что наряду с индивидуальным рабским трудом существовали также крупные рабовладельческие мастерские – «кар-хана», где ремесленники проживали в больших неотапливаемых землянках – казармах. О тяжелом принудительном труде ремесленников, о их тяжком существовании и бесправном положении оставил подробное повествование Плано Карпини.[19] Согнанные со всех концов цивилизованного мира ремесленники обеспечивали процветание золотоордынских городов. Весьма развито было кузнечное и ювелирное дело: производство чугунных котлов и чугунных втулок для колесниц; предметы вооружения (бронзовые шестоперы, кольца для натягивания лука, сабли, наконечники стрел); золотые и серебряные сосуды с чеканными надписями и изображениями.[20]

Пышно развивается искусство скани и зерни. О высоком уровне развития металлообработки свидетельствуют и ордынские монеты, имеющие изображения животных, либо пышный растительный орнамент. В Золотой Орде выработался яркий стиль архитектурной майоликовой мозаики. Она набиралась из отдельных элементов, выполненных из керамических досок, покрытых разноцветной глазурью, составляющих арабские надписи или переплетения желтых, белых, синих и красных цветов. Явно заимствованная из Хорезма техника глазурованной мозаики отличалась от более поздних средневековых образцов богатым употреблением красных тонов. Кроме мозаики, много было и майолик, изготовленных на каменном тесте с подглазурной росписью. Встречаются изразцы с бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью кистью.[21] Подлинными произведениями искусства являются изделия золотоордынских керамистов. Из Ирана в Орду проникает стиль «минаи» – тонкостенные сосуды, расписанные легкоплавкими эмалевыми красками, которые наносились кистью на поверхность сосуда, а потом он подвергался легкому обжигу. Из Ирана же пришла техника люстрованной керамики, расписанной мягкими желтыми и коричневыми тонами, с изображениями людей, фантасти-

ческих и реальных животных и птиц.[22] Одним из самых распространенных видов поливной керамики были кашинные чаши с черной подглазурной росписью под бирюзовой поливой.[23] Часто сосуды украшались орнаментом в виде павлиньих перьев, колосьев, цветка лотоса; изображениями птиц, рыб; надписями на персидском и арабском языках.

Фрагмент архитектурного декора золотоордынского времени

Археологические находки на ордынских городищах свидетельствуют об обширных торговых связях государства. Здесь и китайский фарфор и шелк; византийские, итальянские вещи; сирийско-египетское стекло, украшенное эмалями; индийские золотые монеты, арабские и персидские ткани.[24] В городах Золотой Орды была распространена иранская литература и язык, складывается собственный литературный язык – «поволжский тюрки». Поэт Сайфи-Сараи перевел на тюрки поэму «Гюлистан» Саади. Вольным переводом поэмы Низами было произведение Кутба «Хосров и Ширин», написанное в 1341 г. и посвященное царевичу Тинибеку. В Сарае жил знаменитый врач из Хорезма Коман-од-Дин, изучавший логику, диалектику, медицину и бывший одним из образованнейших людей своего времени. О развитии в Сарае астрономии и геодезии можно судить по находкам астролябии и квадранта.[25] Две ордынские столицы не были единственными городами на Нижней Волге. Ниже Сарая-ал-Джедид располагался город Гюлистан, в дельте Волги – город Суммеркент. С XIV в. известен Хаджитархан. «Это один из лучших городов, с большими базарами, построенный на реке Итили».[26] Помимо этих городов, в Низовьях Волги известны городища Енотаевское, Новорычанское,

Чертово, Красноярское, Тумак-Тюбе, Мошаик, Самосдельское, Лапас.[27] Вокруг этих населенных пунктов располагались сельские земледельческие поселения, о чем свидетельствуют массовые находки дигирных сосудов для полива полей. Фактически низовья Волги представляли собой зону сплошной оседлости. В Золотой Орде в XIV в. ханская власть опиралась на разветвленную бюрократическую систему. Высшими должностями являлись беклярибек и визирь. Беклярибек являлся главнокомандующим, ведал дипломатическими сношениями с другими государствами, был высшим судьей и носил титул шейха, являясь одним из высших представителей духовенства. Кроме того, беклярибек являлся одним из четырех улусбеков, владельцев крупнейших административных единиц в стране.[28] Сосредоточение столь огромной власти в руках беклярибека нередко приводило к тому, что они превращались в фактических правителей страны. Следующим по рангу сановником был визирь, возглавлявший центральный орган исполнительной власти – диван. В его ведомстве находился сбор налогов и даней. Наименования чиновной рати содержатся в ярлыках Тимур-Кутлуга (1397 г.) и Тохтамыша (1391 г.). Это тысяцкие, сотские, десятские беки; даруги (сборщики дани); писцы палат, таможенники, мимохожие и мимоезжие послы (представители хана в зависимых землях, например, на Руси); бокаулы (распоряжались хозяйственными делами при эмирах; стольники); сокольники, почтовые чиновники, лодочники и мостовщики (ведали сбором пошлин на переправах), базарные надзиратели.[29] Разросшуюся армию чиновников естественно надо было содержать. Требовались расходы на содержание ханского двора, его родни, эмиров, духовенства, на длительные войны в Азербайджане. Население Золотой Орды было обложено множеством податей. Это были «салыг» – подушная подать; «ясак» – поземельный натуральный налог; «калан» – поземельная подать; «хараджь» – подымная подать; «бурч» – сбор недоимок; подводная и кормовая повинности; амбарная пошлина (с торговых помещений); тамговая пошлина (подать с куп-

цов и ремесленников); весовая пошлина; поплужная повинность или посошное серебро.[30] Основная тяжесть налогов падала на оседлое население страны – городских и сельских жителей. В XIV в., в отличие от предыдущего периода, земледелие получило достаточно широкое распространение в Низовьях Волги. О распространении земледельческих культур в Орде свидетельствуют археологические находки на Красноярском городище и близлежащем могильнике. Это зерна проса, семена тыквы, дыни, арбуза; косточки винограда. Крестьяне, видимо, прикреплялись к земле и именовались «сабанчи».[31] Земледелие в Орде, по свидетельству И. Барбаро, было достаточно жестко регламентировано по срокам и являлось заботой государственной власти.[32] В то же время оно было столь же искусственным явлением, как и города в степи, и базировалось на труде согнанных из завоеванных областей подневольных работников. Неслучайно с ослаблением государственности и упадком Орды земледелие на Нижней Волге исчезает, поскольку оно базировалось не на естественном процессе перехода к оседлости, а целиком на диктате власти, заинтересованной в обеспечении продовольствием городских центров. Не лучшим было положение рядовых кочевников, которые обязаны были отдавать в качестве дани одну голову крупного скота с каждых 100; одного барана со стада; поставлять молоко кобылиц ко двору хана и эмиров; выделять лошадей, подводы и людей для почтовой службы; пастухов для пастьбы стад хана и эмиров; нести кормовую повинность; выставлять людей для загонных ханских охот.[33] «По временам, когда они находятся в стесненных обстоятельствах, они продают детей своих, чтобы на выручку с них прокормить себя, и говорят относительно тех из детей своих, которых они продают: «Лучше остаться в живых нам,чем умирать нам и ему».[34] На базе ограбления кочевого и оседлого населения усиливается власть феодальной верхушки на местах. Выше уже упоминались четыре высших эмира. В свою очередь, их владения подразделялись на более мелкие улусы во главе с наместниками. Эти

наместники – темники, также как улусбеки, располагали значительными богатствами и воинскими силами. Так, у пяти эмиров было 30000 всадников, а доходы темников составляли 100-200 тыс. динаров в год.[35] В XIV в. число темников – управителей улусов доходило до 70, соответственно, и административно Орда делилась на 70 областей.[36] Если в ранний период Орды наместники улусов жестко контролировались ханской властью и легко могли быть сменены, то в XIV в. все большее распространение получает ленное пожалование «суюргал», сопровождавшееся, как правило, широкими иммунитетными привилегиями.[37] В этих условиях сила и авторитет центральной власти начинают снижаться.[38] В середине XIV в. процесс феодализации золотоордынского общества заходит настолько далеко, что страна оказывается на пороге феодальной раздробленности, эпохи смут и потрясений.

До конца 50-х гг. XIV в. Золотая Орда представляла собой могущественнейшее государство тогдашнего мира. Борьба за власть носила чисто семейный характер. По смерти хана Узбека трон должен был перейти его старшему сыну Тинибеку. Поскольку наследник в момент смерти отца находился в Средней Азии, «Эмиры согласились временно поставить над собою среднего сына Джанибека, до тех пор пока явится управлять ими Тинибек».[39] Однако, узнав о возвращении Тинибека, Джанибек со своей матерью вступили в заговор с эмирами и убили законного претендента, попутно лишив жизни и еще одного брата.[40] Достойным сыном своего отца оказался царевич Бердибек, убивший и самого отца, и его восьмимесячного сына, своего младшего брата.[41] Однако, если ранее подобные действия практически не вызывали никакой реакции провинциальной знати и воспринимались как должное, то к концу 50-х гг. XIV века, в результате ее усиления, действия Бердибека вызвали опасения за собственные посты. Недовольство знати усиливалось ослаблением агрессивной внешней политики, поскольку Бердибек, стремясь овладеть сарайским троном, бросил только что за-

воеванный Азербайджан. Не удивительно, что он правил не более трех лет, и смерть его была подозрительно быстрой (1359 г.). Уничтожив всех прямых потомков Бату-хана, Бердибек открыл возможность для ожесточенной борьбы за сарайский престол различного рода авантюристов-самозванцев. За короткое время, с 1359 по 1361 гг. в Орде сменилось не менее пяти ханов, при этом только за 1361 г. их сменилось четыре.[42] В ожесточенной борьбе за власть на политическую арену выходят группировки, сложившиеся еще в период правления Узбека и Джанибека.

О далеко зашедшем процессе децентрализации в 60-70 гг. XIV в. свидетельствует чеканка монет в различных регионах страны (Азак; Приазовье; Среднее Поволжье; Сарай; Хорезм; Приднепровские степи и Молдавия).[43] В этот период, получивший наименование «Великой замятни», на политической арене появляется темник Мамай. Мамай был женат на дочери Бердибека и являлся при нем беклярибеком. Его улусом был Крым.[44] Однако, несмотря на значительное влияние и воинские силы, Мамай не имел никаких перспектив на ханский престол, поскольку не был чингизидом. Стезя самозванца тоже была для него закрыта, ибо Мамай был слишком известной фигурой в Орде. С поразительной быстротой Золотая Орда распадается на самостоятельные территории. В это время в Астраханских уделах утвердился Хаджичеркес, который сумел одолеть Мамая и отнял у него Сарай, но долго удержать его не смог, так как вскоре был вытеснен неким Айбекханом. Хаджичеркес сохранил за собой лишь Астраханскую округу. Эти события происходили в 1374-75 гг. О внутренней слабости Джучидской державы в этот период свидетельствуют походы новгородских ушкуйников. Причем в 1374 г. ушкуйники дошли до Сарая, а в 1375 г. – до Хаджитархана.[45] Однако силы Мамая были еще весьма значительны. Невзирая на поражение войска Бегича в 1378 г. на Волге, Мамай сумел привести к покорности Рязанское княжество и готовился к удару по Московскому. Поход этот был для Мамая тем более важен, что в За-

волжье усилился хан Синей Орды Тохтамыш, который к 1380 г. завладел уделом Хаджичеркеса в Астрахани.[46] В 1380 г. Мамай, сохранив еще весьма значительные силы после поражения на Куликовом поле от Дмитрия Ивановича, встретился с войсками Тохтамыша на реке Калке. Однако сражения не произошло, так как эмиры Мамая поддержали Тохтамыша и перешли на его сторону.[47] Мамай бежал в Крым, где и был убит генуэзцами. Переход эмиров на сторону Тохтамыша объяснялся усталостью от тридцатилетней междуусобицы. Фигура законного чингизида на ханском престоле примиряла все враждующие группировки и давала надежду на стабильность и возрождение могущества государства. Новый хан энергично принялся за объединение и укрепление Орды. К 1382 г. были восстановлены границы Золотой Орды на западе до Днепра; на востоке – до Хорезма, Иртыша и Оби. В 1380 г. Тохтамыш провел денежную реформу, стремясь восстановить единство обращения в стране. Однако эта реформа не смогла ликвидировать самостоятельные центры чеканки в Крыму, Азаке и некоторых других городах.[48] Силы страны были безнадежно подорваны длительной смутой. Международные торговые связи не были восстановлены в прежнем объеме. Сокращение внутренней и международной торговли вызвало, в свою очередь, свертывание ремесленного производства в городах и их упадок.[49] Смертельный удар Орде нанесли авантюры Тохтамыша, ввязавшегося в борьбу с Тимуром за обладание Закавказьем и Средней Азией.

§5. Нашествие Тимура. Распад Золотой Орды

Золотая Орда, сохранив относительную самостоятельность при Тохтамыше, лишь внешне напоминала былое могучее государство. Ее падение было предрешено всем предшествующим ходом исторического развития. Окончательное крушение Золотой Орды было непосредственно связано с появлением на политическом горизонте XIV в. знаменитого Тимура (Тамерлана). Происходил он из тюрко-монгольс-

кого племени барлас и родился в 1336 г. около города Кеша (Шахрисябза). Его правление (1370-1405 гг.) было насыщено многолетними походами с целью подчинения чужих государств и народов.

Чтобы подчинить восточную часть Золотой Орды, Тимур старался привлечь на свою сторону правителя Золотой Орды Тохтамыша, который, в свою очередь, сам стремился к экспансии на Кавказ. Союза между ними не получилось, а, наоборот, окончательный разрыв привел к открытым военным столкновениям. В двух решающих битвах, в 1391 г. в долине реки Кундузча (приток Черемшана в нынешней Самарской области) и в 1395 г. в долине Терека, Тохтамыш потерпел поражение.[1]

Однако Тохтамыш избежал гибели и плена. Борьбу с ним продолжили эмир Идику (Эдигей) и в 1398-1399 гг. хан Заволжской Орды Темир-Кутлуй, который нанес Тохтамышу сокрушительное поражение на р. Ворксле. По сути, судьба Тохтамыша была решена, восстановить былую силу ему уже не довелось, так как в 1406 г. он был убит сибирским ханом Шадибеком.[2]

Об этих событиях хронисты XV в. сообщают разноречивые сведения, касающиеся малозначащих детелей сражений, соотношения сил противников и т.п. Имеются некоторые разночтения хронологического характера. Однако во всех хрониках сохранена главная историческая достоверность: именно под ударами Тимура Золотая Орда окончательно потеряла свое былое могущество. Нанеся ей решительный удар, а также покорив многочисленные народности и племена обширной территории от Северного Кавказа до рязанских земель и от казахских степей до Днепра, Тимур создал державу, объединенную сильной властью верховного монарха, но и она после его смерти в 1405 г. вскоре распалась.

В ходе борьбы Тимура с Тохтамышем хозяйству Золотой Орды был ненесен колоссальный ущерб, обезлюдели многие поселения, кочевники бежали в другие территории, многие города подверглись ра-

зорению и разрушению. Об этих событиях подробно свидетельствуют средневековые письменные источники, особенно сообщения иранских хронистов XV в. о состоянии золотоордынских городов, что объясняется их давними связями с Ираном. Так, Низам-ад-Дин Шами сообщает, что направленные Тимуром Мирза Мироншах (сын Тимура) и Джеханшах-бахадур завладели «Сараем, Урусом и Урусчуком, – и все разграбив, забрали бесчисленное имущество, мулов, лошадей, верблюдов, быков и баранов и взяли в плен красивых женщин и девушек... войско прошло по льду и всех подвергло разгрому и грабежу... Тимур... завладел Хаджи-Тарханом и Сараем. Все постройки Сарая он разрушил и сравнял с землей».[3] Археологи нашли следы этого погрома: развалины и зольные слои, многочисленные костяки людей и их обрубки, обломки черепов. Были обнаружены костяки детей, забравшихся в печи и дымоходы.[4] Подобная находка двух девочек, спрятавшихся в печи от монголов, была ранее сделана в Киеве.[5]

Тимур

Другой иранский хронист, Мирхонд, рассказывает, что Тимур, оставшись в Астрахани, послал астраханского градоначальника Мухаммеди в свите царевича Пир-Мухаммеда (внука Тимура) и эмира Джеханшаха опустошить Сарай. После получения от астраханцев выкупа, «все бессловесное и одаренное даром слова было отдано на поток и разграбление». Переходя Итиль (Волгу), эмиры спустили Мухаммеди под лед «для наслаждения рыбам». Были разорены не только города. «Скот и кочевников той области перевернули вверх дном в такой сте-

пени, что от них не осталось и следа», – замечает Мирхонд.[6]

Шереф-ад-Дин Йезди добавляет любопытные подробности об укреплениях Астрахани (Хаджи-Тархана), имевшей стены лишь со стороны степи. Поскольку стояла суровая зима, жители сложили со стороны реки стену из кусков льда, поливая их водой, и соединили ее с городской стеной. Впрочем, как видно, стена не пригодилась. Он также указывает, что астраханцы выплатили деньги за пощаду, после чего город и был разграблен, а Сарай был уничтожен в отместку за разрушение дештскими (т. е. ордынскими) войсками Зенджир-сарая в Мавераннахре, когда Тимур был занят завоеванием Ирана. Добычу из Сарая и Хаджи-Тархана «царственное милосердие пожаловало воинам».[7]

Зимний поход Тимура, по мнению М. Иванина, привел к особенно тяжелым последствиям ввиду того, что зимой татары перегоняли скот как раз в низовья Волги и Дона. Истребление ордынских аулов и захват их скота, без которого уцелевшие были обречены на частичное вымирание или длительное прозябание, являлось главной причиной ослабления и падения Золотой Орды.[8] С.М. Соловьев по этому поводу замечает: «После разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна московскому князю; в продолжение 12 лет летописец раза три упоминает только о пограничных сшибках хищнических отрядов татарских с рязанцами, причем успех большею частью оставался на стороне последних. Несколько ханов переменилось в Орде, а великий князь московский не думал не только сам ездить к ним, но даже не посылал никого: на требование дани отвечал, что княжество его стало бедно людьми...».[8] В самом деле, очевидным политическим последствием вторжения Тимура стал начавшийся вскоре распад Золотой Орды, ставший необратимым процессом. Основные вехи его хорошо известны: отделение Сибирского ханства (1420-е гг.), Ногайской Орды (1440-е гг.), Казанского (1438 г.), Крымского (1443 г.), Астраханского, Казахского и Узбекского (1460-е гг.) ханств.[10]

Многие золотоордынские города и селения, уничтоженные Тиму-

ром, не возродились, в том числе Новый Сарай. В начале XV в. запустел и Старый Сарай, хотя следов сплошных разрушений и пожарищ на городище археологи пока не обнаружили. Видимо, нехватка пищи заставила горожан покинуть его и вернуться к кочевому скотоводству. Ф.В. Баллод предполагал, что Сарай-Бату не был сразу заброшен, исходя из сообщения Казанской летописи о разграблении «Юрта Батыева» князем Василием Ноздреватым при Иване III.[11]

Чем же объясняется быстрота распада столь могущественного в недавнем прошлом государства? Г.А. Федоров-Давыдов выделил два основных хозяйственных уклада Золотой Орды: кочевое скотоводство на большей части ее территории и оседлую «земледельческо-городскую» экономику – преимущественно на периферийных территориях (Казань, Крым)[12] и – добавим – в политическом центре (оба Сарая, Хаджи-Тархан, Сарайчук), где города были подобны оазисам в кочевой степи.

Говоря иными словами, Золотая Орда в экономическом смысле всегда оставалась полукочевым государственным образованием. Ее города подпитывались трудом пригоняемых из покоренных стран невольников и получаемой оттуда же данью, что свидетельствует о частично паразитическом характере городской экономики Орды. Торговля процветала в этих городах зачастую лишь в силу их политико-административного значения, поскольку традиционные и, как правило, более удобные караванные маршруты пролегали по другим дорогам. Когда же по ним был нанесен удар, а ослабевшая политическая система не смогла быстро ликвидировать его последствия и подавить существовавшие центростремительные тенденции, то созданная путем завоеваний и насилия империя развалилась, а города исчезли.

§6. *Историческая роль Золотой Орды*

Золотая Орда, просуществовавшая как единое государство около 200 лет, оставила глубокий след в истории многих народов Восточной

Европы. Образовавшись на развалинах империи Чингисхана, она являлась определяющим политическим фактором на просторах Дешт-и-Кипчак, заполнив собою лакуну, образовавшуюся после гибели Хазарского каганата. Фактически, Золотая Орда являлась наследницей раннесредневековых кочевых империй, стремившихся овладеть северной ветвью Великого Шелкового пути. В нашей исторической науке с давних пор утвердились два взгляда на эту державу. Один – оценка Орды как опасного хищника, несущего только разрушение и гибель; другой – безудержная идеализация роли Орды в истории Восточной Европы.[1] С начала археологических исследований на золотоордынских городищах, показавших, что монгольская держава не была дикой ордой кочевников, в работах Г.А. Федорова-Давыдова, В.Л. Егорова, Ф.В. Баллода, А.Ю. Якубовского утверждается более взвешенный взгляд на это политическое образование.[2] Анализируя известные факты, многие из которых приводились выше, мы можем попытаться дать оценку (естественно, не претендующую на истину в последней инстанции) последней кочевой империи Великой степи. Ордынские ханы, создав огромное государство, сумели объединить под своей властью значительную часть Великого Шелкового пути. Это вызвало резкий подъем традиционной торговли как по линии восток-запад, так и по линии север-юг (по Волге). Ханы гарантировали безопасность торговых караванов, обеспечивали строительство караван-сараев. От Ургенча до Сарайчика на Урале протянулась цепь колодцев и караван-сараев на расстоянии дневного перехода друг от друга (около 30 км). О спокойствии дорог в Орде сообщает Ибн-Батута, удивленный, что караванщики отпускают на ночь пастись тягловых животных, не опасаясь, что их украдут.[3] Огромное значение для экономического развития государства имела активная градостроительная политика ордынских ханов: города очень быстро превращаются в центры ремесла, торговли и культуры. Вольготно раскинувшие свои кварталы в степи, не имевшие стен, они поражали путешественников многолюд-

ством, обилием культовых сооружений и базаров, своими размерами. Нынешних археологов эти города удивляют уровнем благоустройства, которого не знали европейские столицы. В ордынских городах существовала великолепная система водоснабжения: бассейны, колодцы, каналы и арыки. По керамическим трубам вода подавалась во дворцы, снабженные даже ванными комнатами. Правда, с канализацией в ордынских городах дело обстояло не лучшим образом, и Орда не раз являлась источником «морового поветрия» для всей Европы. Многочисленные ремесленники создавали великолепные произведения искусства, о чем свидетельствует, например, знаменитый Симферопольский клад.[4] Пышным цветом в Орде развивалась литература на базе сложившегося языка – поволжского тюрки. Среди дошедших до нас литературных памятников следует упомянуть «Сказание о пророках» Рабгузи (1310 г.); «Открытый путь в райские сады» Махмуда Булгари (1358 г.); «Тюркский Гулистан» и «Суйхаль и Гульдурсун» Саифа Сарал (1391-1394 гг.); переложение «Хосрова и Ширин» Кутба (1342 г.).[5] Находки астрономических инструментов свидетельствуют о развитии научных знаний в Орде. В золотоордынских городах складывается своеобразная, яркая синкретическая культура.

Вокруг городов располагались оседлые поселения, жители которых, занимаясь поливным земледелием, обеспечиивали продуктами население городов. Были освоены в земледельческом отношении территории, ранее не знавшие плуга: Поднестровье, Нижнее Поднепровье и Урал, значительная часть Нижнего Поволжья. В Орде быстро развиваются феодальные отношения, достигшие к середине XIV в. своего расцвета, о чем свидетельствует процесс начавшейся феодальной раздробленности.

Однако взлет Орды был как стремителен,так и кратковремен в исторической перспективе. Государство держалось целиком на военной силе. Включение в него разнородных в хозяйственном отношении территорий разрушало политическое единство, взращивая семена

сепаратизма. В Орде из конгломерата подчиненных племен так и не сложился единый народ. Правда, в последнее время проявляется тенденция объявить Золотую Орду «общим и единым государством всего татарского народа, всех этнических групп, окончательно сформировавшихся как народность на той обширной территории, которая исторически была золотоордынской».[6] При этом забывается, что процесс формирования народностей, именуемых «татарами» (крымцы, ногайцы, мишари, казанские татары, сибирские и др.) начинается только после распада Орды. Еще менее обоснованы тезисы о Золотой Орде как колыбели государственности тюркских народов. Ведь именно монгольские ханы – создатели Золотой Орды, уничтожили тюркское государство Волжскую Булгарию, половецкую конфедерацию, государственные образования тюрок Восточного Казахстана и Сибири. Пышная культура золотоордынских городов «была недолговечной и не опиралась на традиции оседлости в Нижнем Поволжье, где до этого были кочевые степи. Она была создана руками покоренных народов...».[7] Как только ослаб военный фактор могущества государства – империя распалась на части, причем первыми погибли города на Нижней Волге. С нарушением торговых связей в результате междуусобиц их покинули купцы. Ремесленное население городов и земледельцы сельской округи вымирают от эпидемий и вырезаются отрядами степных владык, видевших в городах источник легкого обогащения. Последние уцелевшие ремесленники были угнаны из поволжских городов войсками Тимура. Золотоордынские города оказались «историческим пустоцветом», не давшим в степях продолжения своей культуре.[8]

Из почти двух десятков крупных населенных пунктов на Нижней Волге южнее Волгограда лишь Хаджи-Тархан передал потомкам свое название, правда в изрядно искаженном виде. Но только название. Поскольку русская Астрахань, основанная на лесистом, необитаемом острове, не имеет ни малейшей преемственности с древним

золотоордынским городом, покинутом жителями и последним ханом задолго до присоединения Астраханского ханства к России. Единственным долговременным наследием Золотой Орды в степях Восточной Европы явилось распространение здесь ислама. Но и эта религия уже имела своих приверженцев в Поволжье со времен Хазарского каганата. Так что ордынские ханы, подобные Берке или Узбеку, лишь распространяли ислам, но никак не являлись первопроповедниками этой религии. В период Золотой Орды укрепилась религиозная тенденция, имевшая место в степи задолго до Орды. Особый вопрос представляют взаимоотношения Золотой Орды с русскими землями. С легкой руки Л.Н. Гумилева вновь получили развитие взгляды «евразийской» школы. Еще И.В. Киреевский считал, что монголы принесли огромную пользу Руси, помешав ее сближению с Западом, с его рассудочной и расчетливой культурой.[9] Л.Н. Гумилев пошел еще дальше, провозгласив идею симбиоза Руси и Орды, провозгласив Орду щитом Руси, остановившим натиск с Запада.[10] Учитывая географическое положение Орды по отношению к Руси, несколько странно, что «щит» прикрывает не грудь (для чего и предназначен этот вид доспеха), а нечто противоположное. По поводу же «симбиоза» следует вспомнить, что симбиоз – это взаимовыгодное существование. О взаимовыгодности отношений Русских земель с Ордой не может быть и речи. Расхожее мнение о прекращении феодальной раздробленности на Руси под влиянием монгольского нашествия расходится с реальными историческими фактами. Именно в период ига Северо-Восточная Русь распалась более чем на два десятка княжеств. Именно ордынские ханы разрушили строгую систему традиционного наследования великокняжеской власти, открыв дорогу к Великому столу авантюристам типа Юрия Даниловича Московского. Формально Русь не входила в состав Орды, однако официально именовалась «Русским улусом»; князья были совершенно подконтрольны ханам и не имели права на наследственные владения без санкции Сарая. В русских землях постоянно находи-

лись ханские послы, выполнявшие функции шпионов. Но самым тяжелым фактором ордынско-русского «симбиоза» был «выход» – ежегодная дань. Она составляла не менее 15000 руб. в год.[11] Учитывая, что дань бралась серебром, а своего серебра на Руси тогда не добывали, в Орду уходили все доходы от торговых операций, столь необходимые для экономического развития Руси. Насколько тяжела была дань, свидетельствует летопись, сообщающая, что в 1384 г. дань составила со всякой деревни по полтине. Исходя из покупательской способности денег того времени, выходит, что каждая деревня (как правило 1-3 двора) должна была отдать в Орду по две тонны зерна.[12] Так что о симбиозе не может быть и речи. Находясь на более низкой ступени развития, монголы не могли ничего дать коренным, оседлым народам, имевшим более развитые экономические и социальные структуры. В отличие от арабов, монголы не имели литературного языка, который мог бы сблизить в культурном отношении народы, населявшие пространства Евразии. Наоборот, монголы сами смешались и растворились в покоренных народах, восприняв их культуру.

§7. Астраханское ханство и его связи с соседними землями и государствами

Одним из ранних государственных образований, выделившихся из состава Золотой Орды в ходе ее распада в конце XIV- начале XV в., являлась Ногайская Орда с центром в г. Сарайчике. Ее история тесно связана с историей Астраханского края.

Традиция ногайского происхождения возводит самоназвание орды к имени золотоордынского темника, чингизида Ногая, правителя Ногайского улуса, потерпевшего поражение и погибшего в борьбе за власть в конце XIII в. Спустя век, имя Ногая взяла в качестве этнонима орда, некогда якобы входившая в его улус и включенная в мангитский улус эмиром Едигеем, в то время как «мангит» («мангыт») сохранилось как племенное название одного из 18 ногайских племен.[1]

В.Л. Егоров, также связывающий основание ногайского союза племен с известным эмиром Едигеем, категорически отрицает эту гипотезу: «Попытки увязать происхождение этнонима с именем чингизида Ногая, жившего в XIII веке, следует признать лишенными оснований и бездоказательными».[2] По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, происхождение Ногайской Орды связано с распадом Узбекского союза племен в начале XV века, когда в числе других племен из его состава выделились образовавшие ее мангыты.[3]

Коренная территория, на которой формировалась Ногайская Орда, расположена между реками Яиком и Эмбой. Ее значительно расширил сын эмира Едигея Нураддин в 1430-х гг. за счет территории между Яиком и Волгой.[6] Ногайцы кочевали очень широко, доходя в Заволжье до Камы, в Приуралье – до Тюмени. В середине XVI в. они разделились на три орды: Малые Ногаи князя Коссума (Казия) перешли через Волгу и стали кочевать вплоть до Кумы и Приазовья, иногда уходя и дальше на запад. Большие Ногаи князя Шейдяка сохранили прежние кочевья; третья орда хана Шахмамая откочевала в Южную Сибирь.[7] К Астраханской истории непосредственное отношение в основном имели Большие Ногаи.

Вторжение калмыков в 1630 г. привело Ногайскую Орду к поражению. Ногайцы стали переправляться через Волгу и переселяться к Малым Ногаям в Прикубанье. И хотя часть ногайцев оставалась до начала XVIII в. в Поволжье под властью калмыков, история Ногайской Орды как самостоятельного государства уже закончилась.[8] Образование же Астраханского ханства самым тесным образом связано с историей Большой Орды.

После распада Золотой Орды на Причерноморских землях между Доном и Днепром в 1433 г. возникло феодальное ханство Большая Орда (Великая Орда) с центром в Новом Сарае во главе с ханом Сейид Ахмедом, внуком Тохтамыша. В состав нового ханства вошла и территория Астраханского края. После поражения, нанесенного Большой

Орде зимой 1455-1456 гг. крымским ханом Хаджи-Гиреем, центр ее переместился на берега Волги. В 1456 г. от Большой Орды отпала Астрахань, где хан Махмуд, брат хана Большой Орды Ахмада, основал Астраханское ханство.[9] История же самой Большой Орды завершилась ее разгромом в 1502 г. крымским ханом Менгли-Гиреем. Ее кочевья вошли в другие кочевые образования южнорусских степей, в том числе и в Крымскую орду.[10]

С 1461 г. Астраханское ханство возглавил сын хана Махмуда – Касим (Хасим). Границы ханства, как считается, проходили по Бузану, Каспийскому побережью, Тереку, Кубани, доходя до верховьев Дона и Сарая на Ахтубе.

Как отмечалось выше, Астрахань была разгромлена в ходе вторжения Тимура в 1395 г. Однако, в отличие от ряда других золотоордынских городов, Астрахань (Хаджи-Тархан) возродилась к жизни. Может быть, этот феномен объясняется тем, что население небольшого города легче могло прокормить себя, опираясь на собственные силы. Во всяком случае, здесь сохранился, по выражению Г.А. Федорова-Давыдова, хозяйственный дуализм, представленный кочевым скотоводством и оседлым городским хозяйством.[11]

Выгодное местоположение и отсутствие конкуренции способствовали восстановлению торговых связей Астрахани с Хорезмом, Бухарой, Казанью. На невольничий рынок в Астрахани привозились рабы из Крыма, Казани, Большой Орды, Ногайской Орды.[12] В годы правления Касима между Астраханью и Россией установились торговые отношения. В частности, при Иване III из Москвы по рекам Москве, Оке и Волге ежегодно отправлялись суда в Астрахань за солью.[13]

Однако трудно согласиться с мнением Л.Е. Вереина о превращении Астрахани к началу XV в. в крупный торговый город.[14] В отличие от ордынской эпохи, Астрахань в XV-XVI вв. потеряла значение важного пункта транзитной торговли между Европой и Азией. Астраханские татары во главе с собственным ханом грабили проходившие мимо

города суда, о чем свидетельствует Афанасий Никитин, проплывавший мимо Астрахани в 1469 г. Видимо, зная о грабежах, путешественники сначала хотели спуститься к морю по Бузану, а не по главному руслу, но местные татары передали им ложную информацию, якобы «султан Касим подстерегает купцов на Бузане, а с ним три тысячи татар». Поверив этому, суда вернулись на Волгу и, проплывая мимо Астрахани, подверглись вооруженному нападению, в результате которого одно судно было захвачено сразу, а второе было настигнуто и ограблено на взморье.[15]

Весьма выразителен и рассказ венецианского посла А. Контарини, при возвращении из Персии в 1476 г. попавшего в Астрахань («Цитрахань»). В городе его начисто ограбили ханские сборщики налогов, заставившие его к тому же занять денег и заплатить хану выкуп, чтобы избавиться от продажи в рабство. Согласно его описанию, город был мал и окружен низкой стеной, дома в нем глинобитные, хотя кое-где виднелись остатки больших зданий, по его мнению, разрушенных в недавнем времени. «Говорят, – продолжает автор, – что прежде Цитрахань была значительным торговым местом и что сюда привозились все товары, отправляемые из Венеции через Тану. В обмен же за оные... брали разные пряности...». Сами астраханские ханы (три брата, правящие народом), по его словам, кочуют со всем народом на равнинах Черкесии и около Таны (Азова), доходя до пределов России, а в городе живут только зимой. «Ежегодно государь Цитраханский, именуемый ханом Казимом, отправляет посла своего в Россию к великому князю не столько для дел, сколько для получения какого-либо подарка. Этому послу сопутствует целый караван татарских купцов с Джедскими тканями, шелком и другими товарами, которые они променивают на меха, седла, мечи и иные... вещи».[16]

Свидетельство А. Контарини указывает на полукочевой образ жизни астраханских жителей. Он с удивлением отмечает, что они не едят хлеба. Поэтому можно сделать вывод о господствующей роли ко-

чевого скотоводства в экономике ханства, при сохранении некоторой роли охоты, рыболовства, торговли и соледобычи: по словам А. Контарини, одно соляное озеро вблизи Астрахани снабжает превосходной солью почти все Российские владения.[17] Население Астраханского ханства представляло собой конгломерат различных тюркских племен, кочевавших в этих краях с хазарских и половецких времен.[18]

Ханская власть здесь, похоже, была слабее, чем в других татарских государствах, что явствует из более значительных прав и привилегий царевичей, мурз и мулл. Упоминание А. Контарини трех братьев-соправителей, хотя он выделяет хана Касима, свидетельствует в пользу этого мнения. Особое положение занимал калга – главный начальник крепости и войска, каковым обычно был престолонаследник. Население платило ханам и мурзам ясак, часть которого уходила в соседние государства (например, Ногайской Орде ежегодно выплачивалось 40000 алтын).[19]

Несмотря на очевидную слабость (после русского похода 1554 г. у астраханского хана оказалось 500 мурз и 10000 черных людей),[20] ханы пытались проводить активную внешнюю политику. В 1480 г. хан Касим принял участие в неудачной попытке Ахмад-хана восстановить ордынское господство над Русью, затем помогал узбекским ханам в их борьбе против Ногайской Орды и Сибирского ханства. Позднее его брат и преемник Абдул-Керим, заключив союз с Большой Ордой, воевал с Менгли-Гиреем, что привело к враждебным отношениям с Россией (союзницей Крыма) и к усилению влияния Большой Орды на Астрахань. После ослабления и распада Большой Орды, с конца XV в., Астраханское ханство подпало под влияние Ногайской Орды, продолжая вести борьбу с Крымским ханством.[21]

В первой половине XVI в. Астраханское ханство, часто подвергавшееся набегам соседей, сажавших на престол своих ставленников, фактически утратило самостоятельность. В это время активизировалась политика Крымского ханства в Поволжье. В 1521 г. крымская

«партия» произвела династический переворот в Казани, после чего крымские и казанские татары отправились в набег на Русь. Видимо, узнав об этом, астраханский хан Усейн напал на крымские владения. Месть не заставила себя долго ждать: в 1523 г. Мухаммад-Гирей, в союзе с ногайским князем Мамаем, изгнал Усейна, бежавшего в Москву, и соединил три владения – Крым, Астрахань и Казань. Однако его новый союзник Мамай, под влиянием своего брата Агиша, готовил западню. В ходе внезапного нападения они убили хана с сыном и другими вельможами и простыми крымцами, так что только двое из ханских сыновей спаслись от гибели.[22] Из этой истории явствует, тем не менее, что не только в Казани и Астрахани, но и среди ногайцев были сторонники Крыма (временно – сам князь Мамай).

Новый астраханский хан Касим, намеревавшийся заключить союз с Россией, не успел этого сделать: в то время как его посол доехал до Москвы, сам он погиб во время набега черкесов в 1532 г., взявших и разграбивших город. Только очередной хан Абдул-Рахмет (Аблыл-Рахман), ставший ханом в 1534 г., «дал на себя клятвенную грамоту Василию (III) в истинном к нему дружестве».[23] Но вскоре ногайцы изгнали его, захватив Астрахань, и поставили нового хана – Дервиша-Али. В результате последовавшего нового вторжения крымцев, Дервиш-Али был вынужден бежать в Москву, а на астраханском престоле в 1547 г. оказался сторонник Крыма и Турции Ямгурчей.[24]

Тем не менее новый хан сначала сам инициировал переговоры с Москвой в 1551 г., что объясняется, возможно, его желанием добиться реальной независимости и от Крыма, и от Ногайской Орды. Однако призыв турецкого султана Сулеймана Великолепного заключить союз с крымским ханом, которому он велел отпустить всех астраханских жителей в восстанавливаемое им отечество, заставил Ямгурчея арестовать русского посла и начать подготовку к войне.[25] Захват Иваном IV Казани не улучшил отношений России с татарскими ханствами, но создавал новую стратегическую обстановку в Поволжье,

где завоевательная политика Москвы столкнулась с крымско-турецкой экспансией.

Объективная геополитическая ситуация толкала стороны к войне уже с воцарения в Казани Саиб-Гирея, когда крымско-казанский союз охватил полукольцом с юга и востока русские земли. Не рискуя начать атаку через Дикое поле на главного противника, Иван IV предпочел сначала нанести удар по более слабому вражескому флангу в Поволжье, чтобы обеспечить себе спокойный тыл в предстоящей войне с Крымом. Военно-стратегические соображения требовали и подчинения Астрахани. Не исключено, что дополнительный интерес вызывала возможность установить в этом случае полный контроль над волжским торговым путем, открывая России выход на Каспий и далее на Восток. Союзники в Нижнем Поволжье среди ногайской и астраханской знати (сторонники Дервиша-Али) у Москвы имелись. Требовалось лишь опередить противника.

§8. Присоединение Астраханского ханства к России

Поводов к вторжению также вполне хватало: враждебная позиция Ямгурчея, арестовавшего послов и явно готовящегося к войне; призывы части ногайской знати во главе с Измаилом еще с 1548 г. помочь им свергнуть Ямгурчея и восстановить в Астрахани их родственника Дервиша-Али;[1] защита прав последнего на престол... Войны часто начинались и по меньшему поводу, и вообще без такового. По договоренности с ногайцами, царь должен был отправить по Волге суда с пушками и стрельцами, а Измаил – выставить конницу. После победы и восстановления власти Дервиша-Али в Астрахани, Измаил обязался свергнуть в Ногайской Орде своего брата Юсуфа.

Поход на Астрахань начался весной 1554 г. На суда («галеры», по выражению князя А.М. Курбского) погрузилось войско в 30000 человек под командованием, как пишет С.М. Соловьев, князя Ю. Пронского-Шемякина и вятские служилые люди под началом князя А. Вязем-

ского.[2] По А.М. Курбскому и Н.М. Карамзину, войском командовали князь Ю. Пронский и «спальник» (постельничий) И. Вешняков.[3] По версии К. Васильева, составителя местной «Ключаревской летописи», Йван Грозный выслал три ополчения: «Первое из них называлось большим, в нем начальниками были: князь Юрий Иоаннович Пронский и Михаил Петрович Головин, а над ними обоими еще сверх их поставлен был князь Александр Васильевич Вяземский с вятским воинством. Второе называлось передовое и управляли им Игнатий Вешняков и Ширяй Кобяков. Третье называлось сторожевое и состояло под предводительством Степана Сидорова и князя Андрея Барятинского, а над ними всеми тремя ополчениями был начальствующим Касимовский из татар князь Дербет-Али».[4]

Последнее сообщение вызывает наименьшее доверие как ввиду невысокой репутации летописца, допускавшего в своем труде различные неточности, так и по следующим соображениям. Во-первых, Дервиш-Али был фигурой сугубо номинальной и командовать войсками не мог. Его присутствие оправдывало цель похода и служило гарантией помощи со стороны его приверженцев. Во-вторых, донесения царю писал Ю.И. Пронский, что подтверждает его статус командующего. В-третьих, А. Вяземский был лицом, подчиненным ему, поскольку в донесении Пронского указывалось, что с Переволок (между Доном и Волгой) они отправили вперед А. Вяземского и Д. Чулкова за языками, что было исполнено. Видимо, И. Вешняков (Вишняков) играл роль помощника Ю. Пронского, поскольку о нем упоминает кн. А.М. Курбский. Относительно участия в командовании М.П. Головина, позднее казненного опричниками, вопрос остается открытым.

Авангард кн. Вяземского, как писал Ивану Грозному Ю.И. Пронский, наголову разбил встреченный им отряд астраханцев и захватил пленных, показавших, что Ямгурчей расположился под Астраханью, а

в городе почти нет людей. Несмотря на отсутствие ногайцев, ускорив наступление, русские войска без боя взяли город и ханский стан, перехватив суда с ханским гаремом. Лишь сам Ямгурчей успел бежать в Азов. Часть бежавших из города астраханцев была настигнута и побита, часть захвачена в плен, русские рабы освобождены. Дервиш-Али, восстановленный на престоле, обязался платить царю 40000 алтын и 3000 рыб в год, не препятствовать русским рыболовам, а царь брал на себя заботу, в случае необходимости, подыскать астраханцам нового хана.[5]

Тем временем в Ногайской Орде победу в междуусобице одержал Измаил. Дети Юсуфа, объединившись с Ямгурчеем, при поддержке крымцев и турецких янычар, в 1555 г. подошли к Астрахани. В этот критический момент Дервиш-Али вошел в соглашение с детьми Юсуфа, которые разгромили и убили своего союзника Ямгурчея. За это Дервиш-Али переправил их через Волгу, где они внезапным нападением вынудили Измаила бежать, но в конечном итоге потерпели поражение. Главное же предательство Дервиша-Али заключалось в тайных переговорах с крымцами, что не укрылось от начальника русского отряда в Астрахани П. Тургенева, вероятно, получившего донос от местных информаторов. Внезапное прибытие в Астрахань стрельцов и казаков, направленных по просьбе Измаила, произвело устрашающее впечатление на астраханцев, в панике бежавших из города. Спасло положение объявление царской милости.[6]

Вскоре в Москве были получены новые обвинения и жалобы Измаила на Дервиша-Али. Измаил просил Ивана IV взять Астрахань в полное свое владение. Решающим стал полученный в марте 1556 г. новый донос Измаила, в котором сообщалось об окончательном переходе хана на сторону Крыма. Пришло сообщение и от русского посла Мансурова, отбившегося от нападения астраханцев и ушедшего с от-

рядом на судах до Переволок, об измене Дервиша-Али, перебившего своих князей, верных русскому царю.[7]

Весной 1556 г. новый поход на Астрахань возглавили стрелецкие головы И. Черемисинов и Т. Тетерин, казачий атаман Колупаев и начальник вятчан Писемский. Но еще до их прибытия на город успешно напал атаман Л. Филимонов, разогнавший всех жителей, хотя от пленных было известно, что из Крыма в Астрахань прибыло 700 татар и 300 янычар с пушками. Вступив в город, стрельцы и казаки укрепили его и отправились к морю, где нашли и уничтожили астраханские суда. В следующий раз они вступили в бой с самим Дервишем-Али, сначала одержав победу, а затем с боем отступив в город. Новый поворот событий опять был связан с междуусобицей в Ногайской Орде, закончившейся примирением детей Юсуфа с Измаилом и подчинением их России. Они и завершили войну с Дервишем-Али, разбив его и заставив бежать к Азову.[8] Так завершилось покорение Астрахани. На этот раз ханство ликвидировалось, территория его включалась в состав России. Все население: князья, мурзы, шейхи и «вся чернь Астраханской земли» принесли присягу царю на верность. Воеводы «раздавали острова и пашни по старине, и приказали ясак платить по старине, как прежним царям платили, а князи от себя прислали, чтобы их государь в Крым и в ногаи не выдал и в холопстве у себя учинил».[9]

Воевода Чермисинов

Примечания

§1

1. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.151-152.

§2

1. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды // Извлечения из персидских сочинений. Т.2. М., 1941. С.15
2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.160.
3. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С.41-42.
4. Там же. С.42.
5. Там же. С.129.
6. Егоров В.Л. Указ. соч. С.161
7. Сокровенное сказание монголов. Элиста, 1990. С.213.
8. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С.70.
9. Егоров В.Л. Указ. соч. С.164.
10. Там же. С.166.
11. Сокровенное сказание... С.149.
12. Там же. С.176.
13. Там же. С.205.
14. Там же. С.279.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.65.
16. Путешествие в восточные страны... С.91.
17. Там же. С.28.
18. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.147-149.
19. Путешествие в восточные страны... С.35.
20. Сокровенное сказание... С.155.
21. Путешествие в восточные страны... С.91.
22. Там же. С.95, 110.
23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С.21-22.
24. Егоров В.Л. Указ. соч. С.78.

§3

1. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С.586.
2. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.1 СПб., 1884. С.325.
3. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.158.
4. Там же. С.157.
5. Сокровенное сказание монголов. Элиста, 1990. С.20.

6. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С.27-32.
7. Там же. С.27.
8. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.144.
9. Эрдниев У.Э. Гашунский могильник // Археологические открытия 1971. М., 1972. С.217.
10. Книга Марко Поло. М., 1955. С.90.
11. Путешествие... С.100-101.
12. Там же. С.101.
13. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.41.
14. Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.); Чариков А.А. К эволюции стреловидных статуй средневековья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1986. С.84-94.
15. Егоров В.Л. Указ. соч. С.41.
16. Путешествие... С.22-31.
17. Сокровенное сказание... С.60.
18. Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970. С.285.
19. Сулейменов О. Аз и Я. Алма-Ата, 1990. С.564-565.
20. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. С.452.
21. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. М.-Л., 1941. С.21.
22. Русская православная церковь 988-1988 гг. Изд. Московской Патриархии, 1988. Вып. 1. С.21.
23. См. отчеты Астраханской археологической экспедиции 1989-1995 гг.
24. Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. С.128
25. Егоров В.Л. Указ. соч. С.117.
26. Гумилев Л.Н. Указ. соч. С.587.
27. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.146, 159.

§4

1. Далай Ч. Борьба за великоханский престол при Хубилае и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С.325.
2. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.33.
3. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. №8. С.40.
4. Егоров В.Л. Там же. С.41.
5. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т.2. М.-Л., 1941. С.69-70, 107-108.
6. Там же. С.71-72.
7. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды... С.49.
8. Егоров В.Л. Начальный период истории Ногайской Орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской Орды. -Махачкала, 1993. С.31.
9. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.80-81.

10. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений... С.41-42.
11. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов... С.100.
12. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений... С.42.
13. См.: Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С.112.
14. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов,относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. С.306.
15. Цит. по: Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.85.
16. Федоров-Давыдов Г.А. В древней дельте Волги // Путешествие в древность. М., 1983. С.65-66.
17. Там же. С.67-68.
18. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С.233.
19. Егоров В.Л. Историческая география... С.116.
20. Степи Евразии... С.35.
21. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976. С.122.
22. Каптерева Т.П., Виноградова Н.А. Искусство средневекового Востока. М., 1989. С.96-97.
23. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников... С.126.
24. Степи Евразии... С.236.
25. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников... С.204-205.
26. Тизенгаузен В.Г. Т.1. С.301.
27. Егоров В.Л. Историческая география... С.117-118.
28. Там же. С.166, 170-171.
29. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.93-100.
30. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.127-133.
31. История крестьянства СССР. М., 1990. Т.2. С.90.
32. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971. С.149-150.
33. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.39-40.
34. Тизенгаузен В.Г. Т.1. С.231.
35. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений... С.44.
36. Егоров В.Л. Историческая география... С.167.
37. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.114-115.
38. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений... С.44.
39. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Ч.1. С.263.
40. Там же. С.263.
41. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т.2. С.128-129.
42. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // Вопросы истории. 1974. №8. С.45-47.
43. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С.145.

44. Тизенгаузен В.Г. Т.1. С.189.
45. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений... С.49.
46. Тизенгаузен В.Г. Т.1. С.391.
47. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.153.
48. Там же. С.154.
49. Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений... С.50.

§5.

1. История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Т.II. С.516, 518.
2. История Отечества. Энциклопедический словарь. М., 1999. С.421.
3. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т.2. Извлечение из персидских сочинений. С.121.
4. Федоров-Давыдов Г.А. Курганы, идолы, монеты. М.: Наука, 1968. С.147-148.
5. Монгайт А.Л. Археология в СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С.353, фото.
6. История Татарии в материалах и документах. М., 1937. С.82.
7. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.-Л., 1941. Т.2.: Извлечение из персидских сочинений, собранные и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. С.184-185.
8. Иванин М. Состояние военного искусства у среднеазиатских народов при Тамерлане // Тамерлан: Эпоха. Личность. Деяния. М., 1992. С.445.
9. Соловьев С.М. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Кн.2: История России с древнейших времен. Т.3-4. С.361.
10. Якубовский А.Ю. Падение Золотой Орды // Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С.406-428; Буганов В.И. Золотая Орда // СИЭ. 1964. Т.5. Стб.703.
11. Баллод Ф.В. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды. Казань, 1923. С.7.
12. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.166-167.

§6

1. См. Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып.1; Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991; Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.
2. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985; Егоров В.Л. Золотая Орда – мифы и реальность. М., 1990; Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда (очерк истории Улуса Джучи в период сложения и расцвета в XIII-XIV). Л., 1937; Баллод Ф.В. Приволжские Помпеи. М.-Л., 1923.
3. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т.1. С.282.

4. Симферопольский клад. Изд. ГИМ, 1986.
5. Миннегулов X. О литературе Золотой Орды // Идел. 1994. №13(96), март.
6. Факрутдинов Р.Г. Золотая Орда и татары // Идел. 1993. №6(48), февраль.
7. Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников и Золотой Орды.М., 1976. С.118.
8. Федоров-Давыдов Г.А. Четверть века изучения средневековых городов Нижнего Поволжья // СА. 1984. №3. С.93.
9. Борисов Н.С. Отечественная историография о влиянии монгольского нашествия на русскую культуру // Проблемы истории СССР. М., 1976. Вып.1. С.131.
10. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М., 1989. С.536-537.
11. Кучкин В.А. Русь под игом: как это было? М., 1991. С.22.
12. Там же. С.23.

§7

1. Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х. Скалиев А.И. Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск. 1988. С.18-21; Керейтов Р.Х. Ногайская Орда и вопрос о ее этническом составе // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской Орды (далее цит:ОАИГРНО): Тезисы докладов и сообщений. М., Терекли-Мектеб, 1991. С.53.
2. Егоров В.Л. Начальный период истории Ногайской Орды // ОАИГРНО. С.5.
3. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.167.
6. Калмыков И.Х. и др. Ногайцы. С.22; Оразмамбетова З.А. Расселение ногайцев в XV-XVIII вв. // ОАИГРНО. С.6.
7. Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (Очерки истории края и его колонизации). М., 1877. С. 135.
8. Калмыков И.Х. и др. Ногайцы. С.27-28.
9. БЭС. М., 1970. Т.3. С.530.
10. История Отечества. Энциклопедический словарь. М., 1999. С.133.
11. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй... С.166, 168.
12. Вереин Л.Е. Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому Государству. Начало строительства русской Астрахани. Астрахань, 1958. С.11.
13. Соловьев С.М. Сочинения. М.: ИСЭЛ, 1960. Кн.3: История России с древнейших времен. С.175.
14. Вереин Л.Е. Указ. соч. С.10-11.
15. «Хожение за три моря» Афанасия Никитина // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С.447 / Пер. Л.С. Семенова.
16. Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен до конца XV века. М., 1960. С.627-628.
17. Там же. С.626.
18. Вереин Л.Е. Указ. соч. С.12.
19. Там же.
20. Карамзин Н.М. История государства Российского. Тула, 1990. Т.7-9. С.265; Перетяткович Г. Указ. соч. С.217.

21. Вереин Л.Е. Указ. соч. С.14.
22. Карамзин Н.М. История государства Российского. Тула, 1990. Т.7-9. С.89-90.
23. Там же. С.105.
24. Вереин Л.Е. Указ. соч. С.16.
25. Там же. С.17-18; Карамзин Н.М. История государства Российского. Тула, 1990. Т.7-9. С.224.

§8

1. Перетяткович Г. Указ. соч. С.213-214.
2. Соловьев С.М. Сочинения. М.: ИСЭЛ, 1960. Кн.3: История России с древнейших времен. С.483.
3. Андрей Курбский. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986. С.291; Карамзин Н.И. История государства Российского. Тула, 1990. Т.7-9. С.264.
4. Ключаревская летопись. Астрахань, 1887. С.3-4.
5. Соловьев С.М. Сочинения. М.: ИСЭЛ, 1960. Кн.3: История России с древнейших времен. С.483-484.
6. Там же. С.484-485.
7. Там же. С.485-486.
8. Там же. С.486-487.
9. Вереин Л.Е. Указ. соч. С.24.

РАЗДЕЛ II.

Астраханский край в период новой истории

Глава V. Социально-экономическое развитие Астраханского края в XVI-XVII веках

§1. Начало русской Астрахани. Строительство Астраханского кремля

В лето 1558 г., в царствование на Руси Великого князя Ивана Васильевича, прозванного Грозным, на высоком берегу Волги, неподалеку от впадения ее в Каспий, русские служилые люди поставили крепость Астрахань, что свидетельствует об окончательном закреплении за Московией устья Волги.

Дружеские отношения царя Московии Ивана Васильевича с князем ногайским Измаилом продолжались в последующие годы, поскольку ногаи беспрепятственно кочевали в низовьях Волги. В 1562 г. князь Измаил пишет царю: «Прежде братство и дружба к нам была; прежде ты нам говорил, что если возьмешь Казань, то нам ее отдашь; ты Казань взял, а нам ее не отдал. Потом Астрахань взял, хотел и ее также нам отдать и не отдал. Волга пала в море 66-ю устьями, и этими реками всеми ты владеешь; бью челом, дай мне одну из них Бузан! Станут говорить: у друга своего белого царя одной реки не мог выпросить». Царь Московии отвечал: «Того слова не бывало, что будто мы хотели Астрахань отдать. А о Бузане мы сыскивали и нашли, что исстари по Бузан был рубеж Астраханский, и ты б велел людям своим кочевать по своей стороне Бузана, а за Бузан не переходить».[1]

Обстоятельства утверждения Московии в низовье Волги описаны в рукописи, составленной ключарем Астраханского кафедрального собора Кириллом Васильевым в конце XVIII столетия; впервые рукопись была издана в Астрахани в 1887 г. Автор рукописи пользовался различными источниками и, главным образом, делами Соборного и Консисторного архивов, где хранились записи и письма первой четверти XVII столетия, на что есть указание в самой летописи. Ключаревская летопись в Астрахани долгое время была одним из авторитетных источников по истории строительства русской Астрахани.

По усмирению Астраханских татар воевода П.С. Обольянский по-

сылает к царю Ивану Васильевичу одного из первых своих воинов с известием: «...Астраханское царство усмирено от татар и что на старом месте г. Астрахани поставлены убийственные орудия для страха всех орд... Засим просим возобновить город на избранном им бугре и прислать бы человека святого монаха, чтобы учил добру и в крещеную веру загонял, как разум достанет. А как городу быть, я начертил, где мы живем все здорово: на первый раз леса не надо, а рубить подле бугра, его тут есть очень много, пожалуй царь Государь поскорее отпусти свое повеление...».[2]

Крепость Астрахань поставлена была на левом берегу Волги, на одном из самых крупных бугров – Заячьем или Долгом. Заячий бугор был выгодно огражден с северо-запада Волгой, с северо-востока рекой Кутум, с юга – линией заболоченных ильменей и соляных озер.

Амвросий Контарини,[3] путешествовавший по восточным странам и Московии в 1473 г., видел еще деревянную крепость старой Астрахани на правом берегу Волги, о чем и написал следующее: «Самый город, лежащий на берегу Волги, не очень обширен и окружен низкой стеной; дома же в нем, почти все мазанные, хотя кое-где видны еще свежие остатки больших зданий, разрушенных вероятно в недавнее время».[4]

В следующем столетии в низовьях Волги побывал Антоний Дженкинсон. «14 июля (1558 г.), пройдя древнюю крепость, где была старая Астрахань с правой стороны, мы приехали в новую Астрахань... город Астрахань расположен на острове, на высоком берегу, внутри города кремль, обнесенный деревянною и земляною стеною некрасивою и непрочною, строения и дома в городе (за исключением помещений главных начальников и некоторых дворян) очень низки и просты. Остров очень не плодороден, без лесу и пастбищ, земля не родит хлеба...».[5]

Русский царь придавал Астрахани большое значение и посылал ежегодно людей, припасы и строительный лес на постройку кремля. В Астрахань съезжались купцы из многих местностей; торговля велась

различными товарами – русские привозили красные кожи, бараньи шкуры, деревянную посуду, уздечки, седла, ножи, хлеб, свинину; татары – товары, выделанные из хлопка, шерсти и шелка, из Персии, из Шемахи – шелковые нитки, краски, пестрые шелка для поясов, кольчуги, луки, мечи, грецкие орехи.

Неоднократно Турция, Крым, кочевники с Яика подходили к Астрахани. Существование русской крепости в Низовье Волги закрепило южные границы России, однако долгое время Астрахань подвергалась опасности разорения соседями. В 1569 г. турецкая армия безуспешно осаждала крепость. Погранично-транзитное положение города делало необходимым укрепление крепости каменными сооружениями.

§2. Земляной город

Уже в XVII столетии за каменными стенами кремля и Белого города появились строения Земляного города, получившего такое название от укрепления в виде высокого земляного вала.

Все окрестности Белого города в XVI-XVII столетиях представляли собой возвышенности, окруженные реками, ильменями, озерами и солончаками.

С севера Долгий или Заячий бугор, с расположенным на нем укрепленным кремлем и Белым городом, огибала река Кутум, в то время полноводная и судоходная. Весной река разливалась, затопляя значительные территории к северу от города: до глубокой осени северные окраины Астрахани представляли собой топкие болота. По реке Кутуму к воротам Белого города подходили мелкие и средние суда с товарами. Поэтому большинство небольших базаров Белого города находились близ берега, у городских ворот – Большие Исады, т.е. Большие Садки, куда распределяли рыбу для продажи. Малые Исады находились на набережной реки Волги, Агарянский и Пеньковый ряды, Овощной базар размещались у Спасских ворот.

Через реку Кутум в то время мостов не было, приезжающие в го-

род с севера переправлялись в районе восточной оконечности Заячьего бугра, где в конце XVII столетия «...воевода приказал сделать на стругах мост ко граду...»[1], он получил название Наплавный, а в дальнейшем – Красный мост.

На юг от Заячьего бугра находилось несколько параллельных ему бугров, окруженных реками Бехча, Бакалда, Криуша, Царевка, Кулаковка, Башмаковка, а также ериками и соляными озерами.

Ближайшим к Заячьему бугру с юга был Киселев бугор, на западной оконечности которого в XVII столетии появились первые поселения российских пришельцев. В дальнейшем одно из таких поселений получило название Безродной слободы. На восточном склоне Киселева бугра в то же время появились первые поселения бухарцев, персиян, индийцев и армян, торговавших в Белом городе; в дальнейшем эти поселения превратились в слободы – Бухарскую, Агрыжанскую и Армянскую.

За Киселевым бугром на юг проходила укрепленная башнями глинобитная стена, которая опоясывала Белый город с юга и востока. На востоке стена Земляного города соединялась с укрепленной стеной Вознесенского монастыря, основанного на восточной оконечности Заячьего бугра в начале XVII столетия. «В 1604 году преосвященный Феодосий благословил черного священника Мисаила и велел поставить храм Вознесения Господня на бугре у убогого дома Царское богомолье и для погребения странных, и благословил его монастырь строити и братию собирати».[2]

Восточная оконечность Заячьего бугра называлась Садовым бугром, где в начале XVII столетия была заложена Армянская слобода. Напротив Вознесенского монастыря в XVII столетии, среди строений астраханских армян, была построена первая армянская церковь, в 1705 г. перестроенная в камне – Успения Богоматери, в дальнейшем – армянский монастырь.

На юго-запад от Киселева бугра, за земляными укреплениями, в

XVII столетии появились поселения астраханских татар. Ногайским татарам запрещалось жить в городе и они селились на юго-западе от Белого города в районе реки Царевки. Жилища ногаев были своеобразны. Как свидетельствует источник «...хижины, весьма странно построены. Хижины их круглы и обычно имеют десять футов в поперечнике, сплетены из камыша или древесной коры и защищены от дождя войлочными тряпками; наверху отверстие, покрытое вертящимся по ветру ящиком, который заменяет печную трубу...».[3] Это поселение астраханских татар стало историческим ядром обширной в дальнейшем Зацаревской татарской слободы.

Строения Земляного города в XVII столетии были не многочисленны и отгорожены от города множеством рек и ильменей. По линии Земляного города проходила территория загородных садов Астрахани, имевших важное значение в жизни города.

§3. Строительство каменного Астраханского кремля. Белый город

Основание русской крепости в устье Волги имело не только торговое, но и важное военное значение. Постоянная военная угроза с востока и юга предопределила строительство каменного кремля. В 1582-1589 гг. деревянная крепость была перестроена в камне. Еще в царствование Федора Иоанновича были выданы разрешения и чертежи на строительство каменного кремля в «окрестности не более как стоял старый палисад т.е. деревянный кремль»; «...кирпич приказано было брать с Ахтубы, разрывать дома, а если не достанет амусы (т.е. улусы) ломать стены города, поставить в кремле восемь башен, к наружному месту больше, а где менее беды поменьше, но чтобы все были о трех бойницах, с выхода где город будет на востоке ставить выше и шире большую башню, чтобы можно было в ней проезжать: чертеж указует ширины: город старый как стоял, так тут и ямы рыть, а что бог даст, то хотели приумничать побольше, в кремле сделать два зелейных дво-

ра, а для белого города принесут чертеж...».[1]

Адам Олеарий, секретарь Голштинского посольства, в начале XVII столетия увидел и описал уже каменный кремль. «...Грозный укрепил город крепкой каменной стеной, а нынешний великий князь расширил его, приказал пристроить к нему стрелецкий город (Strelitza gorod) или часть города, в котором живут теперь стрельцы...

Город снаружи, с Волги (которая здесь шириною в 2260 футов), имеет довольно красивый вид по множеству башен и колоколен; внутри же по большей части состоит из деревянных строений... В городе проживают, впрочем, не одни только русские, но и персияне и индийцы, все они имеют там свои торговые площади...».[2]

Сооружение каменных укреплений Астраханского кремля осуществлялось под руководством московских мастеров-градодельцев Михаила Вельяминова и Дея Губастого; свои рекомендации по технологии и использованию местных строительных материалов, на основе присланных в Москву образцов, дал знаменитый мастер Ф. Конь. Каменные стены и башни кремля возводились на основе достижений военно-строительной инженерии XVI столетия и только в общих чертах напоминают более ранние крепости центральной России. Стены и башни были обустроены особой системой организации пушечного и пищального боя.

Кремль являлся историческим ядром Астрахани, разраставшейся, в основном, в восточном направлении от Волги: он занимал западную оконечность Долгого бугра.

Территория Астраханского кремля имеет форму вытянутого треугольника площадью 11 га., общий периметр крепостной стены с семью башнями составляет 1544 метра. Из всех башен только Красные ворота имеют форму «круглого» многогранника, остальные – квадратные в плане, «выдвинутые» за линию стены. Стена, так же как и башни, увенчана двурогими зубцами, в просторечье – «ласточкин хвост», имеет бойницы верхнего и «подошвенного» боя, с внутренней сторо-

ны по аркаде «печур» проложен боевой «мост». Архитектурное убранство стен и башен ограничивается междуярусными поясками, по углам – лопатками: Артиллерийская башня дополнительно облицована керамическим фризом и декоративным тондо, а Красная – «бегунцовым» фризом.

Ансамбль Астраханского кремля складывался веками, он обладает монументальной целостностью и фиксирует исторический и архитектурный центр города.

Проездные башни кремля более мощные и высокие, по сравнению с угловыми, некогда их проезды закрывались массивынми деревянными воротами, окованными железными листами.

Еще в деревянной крепости, на месте нынешних Пречистенских ворот с колокольней, находилась Главная проездная башня Астраханского кремля, соединявшая крепость с Белым городом. В конце XVII-начале XVIII вв., в связи со строительством Успенского собора, Главная проездная башня была перестроена впервые как колокольня.

Пречистенская, Красная и Никольская башни-проездные, еще одни пешеходные ворота в кремль устроены у Житной башни; над Никольскими воротами воздвигнута надвратная церковь, над Пречистенскими – колокольня. Путь, соединяющий Пречистенские и Красные ворота по хребту Долгого бугра, является планировочной осью кремля и городской застройки.

Юго-восточная угловая глухая башня Астраханского кремля именуется Архиерейской. Название это башня получила по своему местоположению – близ Архиерейского подворья. Четырехъярусную, шатровую, в плане квадратную Архиерейскую башню в XVI и XVII вв. с юга подпирала каменная стена Белого города. Между Архиерейской и Житной башнями, за южной стеной кремля, находился Житный двор или «Житная крепостца», который также был обнесен каменной стеной. На Житном дворе, изолированном от кремля и от Белого города, хранились в каменных погребах и складах запасы хлеба, извести, по-

роха и других жизненно важных товаров.

Западная угловая башня кремля, названная Крымской по своему направлению, была одной из важнейших в стратегическом отношении. В XVI-XVII вв. у северо-западных стен кремля протекала Волга, откуда всегда существовала реальная опасность нападения.

Замечательным памятником оборонного зодчества Астраханского кремля является северо-западная башня – Красные ворота: имея в плане двенадцатигранник, башня была идеально приспособлена к круговой обороне в случае захвата кремля. Расположение на самой высокой точке Долгого бугра давало возможность обзора не только окрестности кремля, но и Белого города. Расположенная на северной стене кремля Красная башня также имела выход на Волгу, к ней могли приставать мелкие суда и лодки.

Настоящей пристанью Астраханского кремля с Волги была башня Никольские ворота. Со времени существования еще деревянной крепости, на северной стене, непосредственно расположенной на берегу реки Волги, находились проездные ворота, получившие название Никольские по имени надвратного храма во имя св. Николая Гостинного – покровителя торговых людей и путешественников. Одноименная церковь была основана на Торговой площади, у восточной стены кремля XVII столетия.

Торговые суда, приходившие в Астрахань, приставали к Никольским воротам, через которые вносились в кремль разнообразные товары, в том числе соль. В непосредственной близости от Никольских ворот находились соляные склады и здесь же загружались торговые суда.

На восток, за стеной кремля, в конце XVI-начале XVII вв. сформировался посад – Белый город. Главной градоформирующей структурой города стала улица Большая Продольная, доходившая до восточной стены Белого города к Вознесенским воротам. Большая улица, проходящая по хребту Долгого бугра, образовалась еще в XVI в. со строительством первой церкви Астрахани – Рождества Богородицы:

«...Когда иегумен Кирилл еще не прибыл в Астрахань, между сим временем воевода велел выстроить деревянную церковь во имя Рождества Божия Матери, от стана своего на восток около 400 сажен и стояла та церковь до 1702 года...»[3] Позднее церковь была перестроена в камне: площадь у церкви именовалась Рождественской.

Для последующих стадий формирования города было характерно быстрое, но довольно одностороннее развитие в восточном направлении вдоль Долгого бугра. В отличие от кольцевой планировки большинства среднерусских городов широтный характер планировки Астрахани был жестко определен условиями местного рельефа – возвышенная часть которого тянулась с запада на восток вдоль берегов Волги и ее рукава Кутума.

Еще одним фактором, определившим планировочную структуру Белого города, стала Торговая площадь, располагавшаяся у Главных

«Вид на Астрахань с Волги». По рис. А. Олеария. 1636 г.

проездных ворот кремля. Все улицы посада начинались от Торговой площади и расходились, как правило, к востоку и югу. В начале XVII столетия сформировался центр Белого города, состоявший в основном из гостиных дворов – Русского, Персидского, Армянского и Индийского.

Подробное описание Белого города оставил побывавший в Астрахани в 1703 году Корнелий де Бруин.[4]

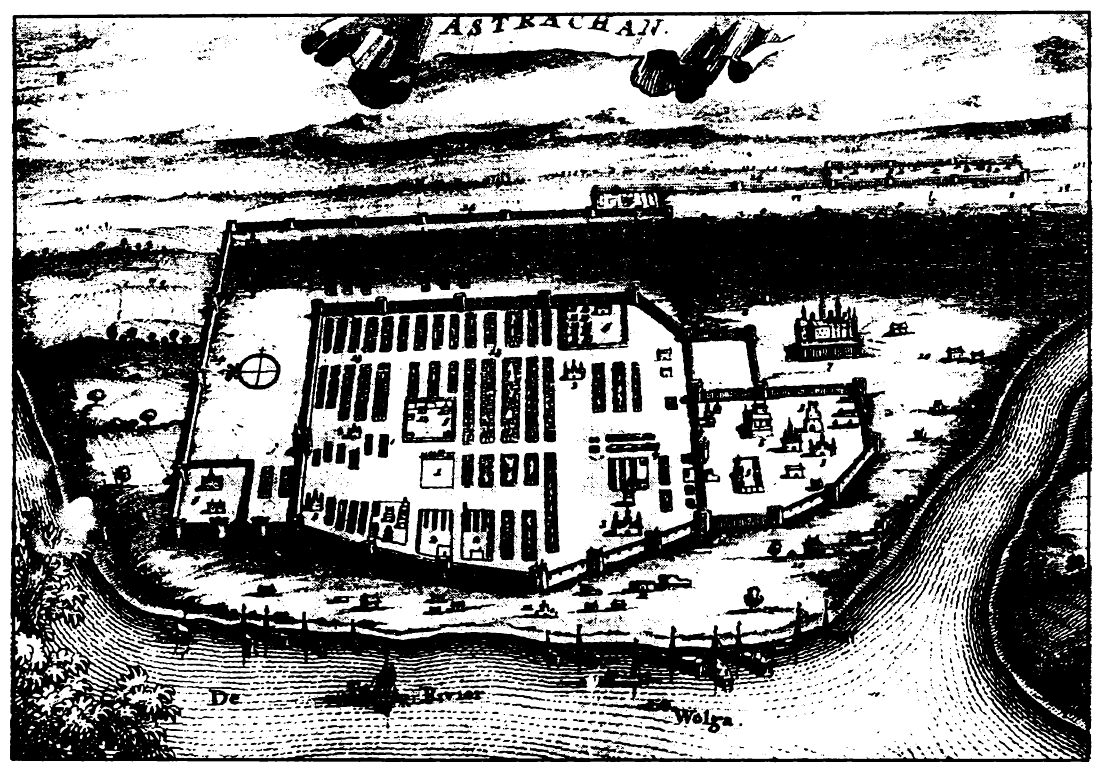
В конце XVII столетия на территории Астраханского кремля началось строительство Успенского собора рядом с Митрополичьими палатами, которые Корнелий де Бруин называет «главным зданием города, чрезвычайно обширным, длинным и каменным». Там же, в центре кремля, находился дворец губернатора, неподалеку от Никольских ворот. Дворец губернатора был деревянный, окруженный деревянным забором с двумя воротами. Рядом с дворцом, но за пределами двора, находилась дворцовая церковь или часовня.

Площадь, образовавшаяся между Митрополичьими палатами и дворцом губернатора, называлась именем Иоанна Богослова. Корнелий де Бруин следующим образом описывает дворец: «...дворец содержит большое колличество комнат, прекрасно освещенных и чрезвычайно приятных, в особенности там хороша большая зала, находящаяся весьма высоко, вид из которой очарователен со всех сторон...».[5]

Главные ворота кремля охранялись вооруженной стражей. Каменной, кроме строящегося Успенского собора, была церковь Воздвижения; остальные церкви и монастыри, как и большинство построек города и кремля, были деревянными. В Астрахани уже тогда насчитывалось несколько монастырей: Троицкий на территории кремля, Спасо-Преображенский у южной стены Белого города, Вознесенский на Садовом бугре перед восточной стеной Белого города, Долбиловский монастырь на берегу Волги, близ Кремля, и женский Пятницкий монастырь.

Мужской Спасо-Преображенский монастырь находился в Белом

городе, рядом с южной городской стеной, почему и назывался «Спасским в остроге», т.е. в городе. Он относился к числу старейших памятников христианского благочестия в Астрахани: был основан около



План г. Астрахани XVII век.

1578 г., но окончательно его строительство и становление как монастыря завершилось в 1597 г., при царе Федоре Иоанновиче.

В XVIII столетии управление городом осуществлялось губернатором и тремя бургомистрами, которые жили в Белом городе; один бургомистр присутствовал в Думе, второй заведовал питейными заведениями, третий управлял государственными рыбными ловлями...

Многочисленные бедствия XVII в., в том числе и пожары, приводили к утрате многих построек Белого города, поскольку большинство строений были деревянными. Все улицы Белого города, кроме Большой Продольной, названий не имели, строения адресовались по церковным приходам: в приходе Смоленской церкви, в приходе Знаменской церкви и так далее.

Застройка жилья велась в Белом городе строго вдоль улиц, площади позади дворов отводились под огороды и сады. Улицы не имели твердого покрытия, летом были пыльны, а зимой труднопроходимы.

Белый город со временем превратился в административный и культурный центр Астрахани; в XVIII и XIX вв. большинство казенных и гражданских строений Белого города были возведены в камне.

§4. Заселение Нижнего Поволжья. Строительство новых крепостей и поселений

Присоединение Нижнего Поволжья к Русскому государству поставило задачу удержания и освоения огромных пространств на юго-восточных рубежах. Важнейшим опорным пунктом здесь была Астрахань. В царствование Федора Ивановича деревянная крепость была заменена каменной. Описание Астрахани начала XVII в. оставил купец Федот Котов (1623 г.): «Астрахань город стоит над Волгою... Город каменной велик, и соборная церковь и монастырь Троицкой в городе каменные. А башни у города подписаны тенью. А другой город к тому пределан, передняя стена от реки от Кутумовки, каменная, дола. Башни и ворота – все каменное, а две стены – стоячий острог. А в каменном кремле городе разряд и запасные амбары пределаны... А двор архиеписков близко к собору. А роскат у ворот архиепискова двора деревянный, велик и высок... И стрелецких дворов много. А таможня, и ряды, и кабаки рускои, и бухарской, и кизылобашской в другом городе и хромов много. И крымской двор в том же городе. Пределан стоячем тыкном к кремлю и замкнут, а сидят в нем аманаты и невольные люди и з женами, а у того двора стрельцы караулят».[1] В городе находился значительный гарнизон – 9 приказов по 500 стрельцов (4500 человек).[2]

Разумеется, одна, даже очень мощная крепость не могла надежно контролировать низовья Волги. Необозримые степные пространства были населены ногайскими племенами, которые, несмотря на русское

подданство, промышляли разбоями. В начале 30-х гг. на Нижнюю Волгу проникают калмыки. Практически не прекращались «воровские набеги» закубанцев и крымцев. В этих условиях неизбежна была задача строительства опорных пунктов, которые бы надежно прикрывали волжский торговый путь. Одновременно русские крепости на переправах через Волгу ставили под контроль разбойничьи действия враждебных кочевников. В 1589 г. на «Переволке» была основана крепость Царицын. В этом месте «ходят казаки на Волгу, а стрельцы стоят для воровских казаков и имяют, а иных побивают».

Стрелец и воин дворянской конницы

Хотя в Царицыне сидел воевода, территориально он тяготел к Астраханскому краю. В начале XVII в. это была небольшая деревянная крепость: «А на Царицыне город... невелик стоячет тын, башни рубленые круглые... Дворы, и ряд, и храмы – все в городе».[3]

В 1627 г. южнее Царицына была основана крепость Черный Яр.[4] Посещавший Нижнюю Волгу в 1636 г. Адам Олеарий записал о нем: «Город этот, 9лет тому назад, Великий князь велел построить... для охраны от рыщущих кругом татар и казаков... лежит он... на правом, высоком берегу, окруженный 8-ю башнями и крепким дощатым забором. Заселен он одними стрельцами... Против каждого угла города стоят на четырех высоких столбах караульни, из которых стрельцы могут далеко обозревать окрестную страну...».[5] В городе было не более 600 дворов, хотя к концу XVII в. в нем проживали не только стрель-

цы, но и посадские жители.[6] Крепость располагалась в стратегически важном месте – возле традиционных переправ кочевников через Волгу. Вплоть до XIX в. важной статьей дохода местных жителей была перевозка на судах кочевников и их скота.

С целью защиты юго-восточных границ и охраны рыбных промыслов на р. Яик в 1640 г. правительство поручило купцу Михаилу Гурьеву (являвшемуся откупщиком этих промыслов) построить в устье реки крепость. Постройка деревянного города вызвала недовольство яицких казаков и кочевников, что заставило в 1647 г. перестроить крепость в камне. Указ предписывал строить «город каменный, мерою 400 сажен, а по углам сделать 4 башни, да в стенах меж просел, четыре же башни…, да в дву башнях быти двум воротам…».[7] На строительство Гурьева городка купец затратил около 290000 руб.[8] Город был подчинен астраханскому воеводе. Гурьев оказался второй каменной крепостью (помимо Астрахани) на южных рубежах России, что лишний раз указывает на то важное значение, какое придавало ему правительство.

Гарнизон состоял из 300 ежегодно меняющихся стрельцов. Однако крепость на Яике слишком далеко отстояла от волжского устья и не могла успешно контролировать водные пути, по которым «воровские казаки» проникали на Каспий. Поэтому в 1667 г. в 30 верстах к северо-востоку от Астрахани на реке Бузан был основан город Красный Яр.[9] Крепость была деревянной с семью башнями, из которых только одна была проездной. По свидетельству Ключаревской летописи «жителей населяли беглыми и наказанными плетью вместо ссылки».[10]

В городке (как и в Черном Яру) существовало воеводское управление, имелись приказная изба, кружечный двор, таможня.[11] Помимо контроля за водными путями, Красный Яр защищал соляные промыслы на окрестных соляных озерах.

Уместно будет упомянуть здесь и последний город Астраханского края – Терки. Расположенный далеко на юге, на Тереке, город этот являлся крайним форпостом Русского государства в Пердкавказье, под-

чинялся астраханским воеводам и полностью зависел от Астрахани в присылке припасов и воинских людей.

Пограничное положение Астраханского края наложило определенный отпечаток на процесс заселения данной территории. Все упомянутые выше города были в первую очередь крепостями и, соответственно, основу их населения составляли «воинские люди». Посадское население было крайне немногочисленно. Первые поселения вне городских стен появляются в конце XVI в. и связаны с освоением рыбных богатств края казной и духовенством. Эти поселения – промыслы – носили названия «учуги». Помимо «гулящих» людей, попадавших на промыслы в поисках заработка, на учугах проживало коренное население, строившее жилые избы, бани, караульни и даже церкви.[12]

Как и в других окраинных регионах Русского государства важную роль в заселении Нижней Волги играли монастыри. В монастырских учугах в первую очередь селились беглые и «гулящие» люди в силу привилегированного положения беломестцев, не несших тягла. Да и заинтересованные в рабочих руках приказчики не проявляли особого любопытства по поводу прошлого вновь прибывающих работников.

В 1567 г. «игумену Кириллу с Братиею… на пропитание дан учуг Иванчук и на оный учуг пожалована грамота от Его царского пресветлого Величества Государя царя и Великого князя Иоана Васильевича».[13]

«В 1622 г. пожалован (Вознесенскому монастырю) Чуркинский учуг с угодьями…».[14]

Правда, в 1646 г. указом царя Михаила Федоровича Чуркинский учуг был взят в казну, но уже в 1653 г. отдан Спасскому монастырю.[15]

По указу царя Алексея Михайловича от 1674 г. «Утверждены за монастырями: Троицким – Иванчукский; Спасским – Чурканский, за патриархом – Камызякский учуги».[16]

Помимо этих промыслов, известны учуги Чаган, Бахтемир, Бирюльский, Увары, Урустоба, Бузан, Басарга. Хотя в дальнейшем ряд

этих пунктов и превратился в крупные поселения (Чаган, Иванчук, Увары, Камызяк), большинство из них носили сезонный характер, так как целиком зависели от лова рыбы. Таковы же были и поселения у соляных озер. В XVII в. русское правительство делало лишь первые шаги по освоению Прикаспия, впереди были помещичья колонизация XVIII-первой половины XIX в. и массовые переселения крестьян в пореформенную эпоху.

§5. Калмыки и Астраханский край (XVII-XVIII вв.)

В начале XVII в. у восточных границ Астраханского края появился новый этнический компонент не только для нашего края, но и для всего Российского государства в целом – кочевники-калмыки. В 1613 г. они впервые пересекли реку Яик и двинулись к Волге. Под натиском калмыков ногайцы Большой Орды вынуждены были переселяться за Волгу, а русскому правительству все чаще приходилось применять специальные меры по возврату ногайцев на левобережную сторону.

Первое упоминание о калмыках встречается в хронике «Зафарнаме», написанной Шереф-ад-дином Йезда в первой четверти XV в. Описывая военные события эпохи Тимур-хана, Шереф-ад-дин упоминает о прибытии к Тимуру в 1397-98 гг. посольства, называемого им калмыцким.[1] Другое упоминание о калмыках встречается в анонимной хронике «Родословная тюрков», где автор пытается объяснить слово калмык (кальмак) следующим образом. По преданию, та часть населения, которая отказалась уйти с Султан-Мухаммед-Узбек-ханом и принять ислам, стала называться кальмак, т.е. «обреченные остаться», в противовес Улусу Султан-Мухаммед-Узбека, население которого стало называться узбеками. Пока нет возможности считать эту версию доказанной, но большинство хроник сходится на том, что этноним этот (калмык, халимак, хальмг) тюркского происхожления.

При всей неясности этимологии этого названия, точно известно, что предками этого народа были племена ойратов — скотоводов-ко-

чевников Монголии.

В конце XVI в. в результате кризиса, вызванного междуусобной борьбой различных монгольских нойонов и столкновениями с соседями, ойраты начинают переселяться в пределы Южной и Западной Сибири в поисках новых свободных земель и кочевий. Происходят первые контакты с русскими и попытки последних сделать все возможное, чтобы склонить ойратов-калмыков принять подданство России. В 1608 г. в период царствования Шуйского в Москву прибывает калмыцкое посольство, цель которого – разведать реакцию Москвы на переселение калмыков. На аудиенции у Василия Шуйского 14 февраля 1608 г. послы от имени своих тайши (правителей) просили русского царя принять их в русское подданство и защитить от халхасских монголов Алтын-хана и Казахской орды, а также беспрепятственно кочевать по Иртышу и Оми.

Калмык

В 1609, 1613, 1615-1618 гг. происходят активные встречи обеих сторон и поиски возможных компромиссов. Особенно активно переговоры происходили в конце второго десятилетия XVII в. Не исключено, что у калмыков усилилось стремление принять подданство России из-за дошедших до них слухов о возможном сближении Москвы и Алтын-хана – старого врага калмыков.

Появление же значительной массы калмыков на Волге следует

отнести лишь к 1630-1632 гг., хотя передовые отряды разведчиков-калмыков могли появиться на Волге на несколько лет раньше. По-видимому, это были военные отряды предводителя калмыков-торгутов Лоузанга, задачей которого было выяснить, возможно ли вытеснить с кочевий у Волги севернее Астрахани ногайцев и противостоять натиску более сильного противника, чем ногайцы, киргиз-кайсаков, так старые русские документы называли казахов. Кроме этого важно было выяснить реакцию русских на дальнейшее продвижение калмыков вглубь Российского государства, так как левобережные ногайцы, на земли которых претендовали калмыки-торгуты, пользовались покровительством московского правительства. Левобережные ногайцы Большой Орды, находящиеся в вассальной зависимости от Москвы с 1550 г., являлись своеобразным противовесом в борьбе России с ногайцами Малой Орды, отделившейся от остальных ногайцев в 1577 г. под предводительством мурзы Казы и попавшей в вассальную зависимость от Крыма и Турции.

Но к началу XVII в. ногайцы левобережья, в силу кризисных явлений, происходивших в их обществе, уже не были той силой, как прежде. Московское правительство все меньше считатеся с их интересами, а калмыков начинает рассматривать как новую реальную силу, которую можно использовать в борьбе России с Крымом и ногайцами Малой Орды.

Как свидетельствуют вполне достоверные источники, наиболее вероятный приход Хо-Урлюка,[2] под предводительством которого калмыки продвигались на запад, следует датировать 1632 годом или, по калмыцким источникам, «годом воды и обезьяны».[3] С этого времени и начинается уход ногайцев на правобережную сторону Волги, а калмыки, воодушевленные легкой победой, даже планируют переход на правую сторону Волги, чтобы там преследовать ногайцев. Такие планы калмыков напугали не только ногайцев, но и юртовских татар. Опасаясь, как бы их не постигла та же участь, что и ногайцев, татарские мур-

зы направляют московскому правительству челобитную с просьбой защитить их от калмыков и не допустить их переселения на правобережную сторону.

Создалась двойственная ситуация: хотя Москва и считала калмыков формально своими подданными еще с 1618 г., но они, видимо, считали по-другому. Наиболее критическим моментом отношений калмыков с Россией стал 1644 г., когда калмыки напали на Астрахань.[4] Однако это нападение для Хо-Урлюка оказалась роковым: здесь он погиб, погибли и несколько его сыновей.[5]

Хо-Урлюку наследовал его сын Шукур-Дайчин. Как и его отец, Шукур-Дайчин стремился лавировать в отношениях с русскими. Хотя он и не прекращал переговоров с Москвой, но и не признавал вассальной зависимости от русского царя, заявляя, что кочуют калмыки не на русских землях, а на ногайских, которые у тех отвоевали. Вопрос осложнялся еще и тем, что русская сторона неизменно принимала сторону башкир в башкиро-калмыцких отношениях. В конце концов, московское правительство выступило умиротворяющей стороной в этих спорах и пошло даже на ряд уступок калмыкам, разрешив им беспошлинно торговать в ряде русских городов, но запретив совершать перекочевки западнее Яика. При всем том калмыки не прекратили свои набеги на русские города: Уфу, Саратов, Астрахань, сибирские города. Военные рейды калмыков, во время которых были осаждены Самара, Камышин и Саратов, вызывали тревогу Москвы. Это уже не были стихийные налеты на небольшие поселки с пленением мирного населения и угоном скота. Это была хорошо спланированная военная операция, целью которой, видимо, было отрезать Астрахань от Москвы и монополизировать богатую астраханскую и персидскую торговлю, ведущуюся на Волге. То, что калмыков интересовала торговля с Персией, очевидно хотя бы по такому факту, что в 1653 г. калмыки в союзе с черкесами осадили город Терки, находящийся на границе с Персией.

И все же калмыцкие отряды не представляли серьезной угрозы

для русских регулярных частей. Как только к осажденному городу подходило подкрепление, осада снималась и калмыки отходили в степь. Но и нанести сокрушительный удар по такому мобильному противнику русская армия не могла, так как калмыки действовали широким фронтом от Астрахани до Тамбовской губернии.

Более решительные военные и дипломатические действия Москвы приводят к тому, что в феврале 1655 г. калмыки присягнули ей в верности и обещали не нападать на русские города и подвластные русским народы, а всех пленных, захваченных ранее, вернуть. Калмыки всячески старались подчеркнуть добровольность своего присоединения к России, претендуя на определенные привилегии, в отличие от татар, завоеванных силой оружия.

Политические и экономические привилегии калмыки получили, но по настоянию астраханского воеводы князя В.Г. Ромодановского они вынуждены были прислать в Астрахань аманатов. Эта практика очень обидела калмыков, так как они надеялись, что, выразив готовность идти «войной на Крым», они могли бы рассчитывать на более внимательное к себе отношение.

И действительно, в 1657 г. сын Шукур-Дайчина Пунцук-Мончак направился для военных действий под Азов и против ногайцев Малой орды. Поход этот стал возможен при умелой дипломатии черкесского мурзы Казбулата,[6] которому калмыки очень доверяли, поскольку Пунцук-Мончак был женат на дочери Казбулата. В 1661 г. калмыки вновь были направлены против крымских татар и ногайцев. Калмыцкие рейды имели определенный военный успех и положительно оценивались как самими калмыками, по причине богатой военной добычи, так и русским правительством. Пользуясь складывающейся ситуацией, калмыки начали ходатайствовать о передаче всех калмыцких дел в Астрахани черкесскому мурзе Казбулату, а московское правительство, обещая им отмену аманатства и передачу их дел Казбулату, настаивало на признании калмыками полного подданства московскому царю.

В декабре 1661 г. в урочище Берекете, недалеко от Астрахани, Казбулат принял шерть от калмыков, а они, в свою очередь, присягнули о своем вечном подданстве и послушании русскому царю и клялись не иметь никаких дел с противниками Москвы. За калмыцкими тайши закреплялось право распоряжаться своими улусными людьми.

Вопрос о границах калмыцких кочевий отпал сам собой, отныне калмыкам разрешалось кочевать по Волге и даже перебираться на правобережную сторону и доходить до Дона. Московское правительство само было заинтересовано в продвижении калмыков на запад, ибо это давало Москве преимущества в более оперативном использовании калмыков против Крыма.

Первая половина 70-х гг. XVII в. ознаменовалась бурными событиями в Астрахани и в среде калмыков. Астрахань будоражила разинская смута, а в калмыцких улусах усилились распри за власть.

Междуусобная борьба в этот период происходила и в далекой Джунгарии, в результате которой массы калмыков вынуждены были бежать в низовья Волги. Приход на Волгу новых групп калмыков был выгоден московскому правительству. Для начавшейся в 1672 г. войны с Турцией нужны были новые силы, поэтому Москва очень рассчитывала на участие калмыков в боевых операциях, и подтверждала право калмыков на подлинные и торговые льготы. По этому поводу в 1673 г. в урочище Соляной проток под Астраханью была подписана шерть, в которой закреплялись отношения русской власти с калмыками.

Но спустя некоторое время эта шерть была нарушена калмыками. В течение трех лет они вместе с ногайскими, едисанскими и енбулуцкими татарами «разных чинов людям убийство и грабежи чинили, и в полон имали, и учуги разоряли».[7] Кроме этого, после 1673 г. на Волгу перекочевали новые группы калмыков из Джунгарии. Эти события потребовали принятия новой шерти, что и было сделано в 1676 г. в том же Соляном протоке, что и шерть 1673 г. Калмыцкие тайши обязались провести расследования по поводу грабежей и насилия со стороны кал-

мыков, вернуть награбленное и пленных, а виновных наказать. Тайши должны были также докладывать о всех посланниках иностранных государств, прибывающих к калмыкам для переговоров, поскольку участились попытки крымских ханов заручиться поддержкой калмыков и склонить их на свою сторону. В калмыцких улусах неоднократно были замечены крымские посланники.

Вновь прибывшие тайши клялись на «вечное и верное подданство». Как старым, так и новым тайши было положено жалование в размере 590 рублей в год. Эта же сумма была обещана и тем тайши, кто надумает перекочевать со своими улусами на Волгу.

Временное «замирение», однако, было нарушено донскими казаками, которые решили напасть на калмыков за прежние разбойные нападения. Казаки заявили: «Государева указа у нас нет, чтоб за калмыками войною ходить, но калмыки чинят нам обиды большие, и мы, не хотя от них обиды терпеть, собрались да и пошли на них войною, а не для ради иного воровства». Астраханские воеводы отправили конных стрельцов во главе с городским головой Змеевым вверх по Волге, чтобы остановить казаков и поворотить их назад на Дон. Выше Черного Яра Змеев встретил 22 лодки, в них по 245 казаков с атаманом Игнатьевым. Змееву удалось путем переговоров предовратить военное столкновение казаков с калмыками. Но калмыки, в свою очередь, затаили обиду и стали ждать удобного момента для нападения на казаков.

Калмыки доставляли немало хлопот и беспокойства царскому правительству своей воинственностью по отношению к другим территориям и непостоянством в отношениях с Москвой. Однако царская власть к калмыкам в основном относилась терпимо и лояльно, видя в них активную военную силу в борьбе с внешними врагами России. Это подтверждается и событиями начала XVIII в., когда Петр I вел подготовку к Персидскому походу. 28 ноября 1715 г. был издан указ, облегчающий доставку в Москву калмыцких лошадей на продажу,[8] а в 1719 г.

последовал новый указ об обеспечении хана Аюки провиантом и о снижении ряда таможенных пошлин для посланников калмыцкого хана. В июне 1722 г. во время своей поездки в Астрахань Петр I лично удостоил аудиенции хана Аюку близ Саратова. Русский царь наградил калмыцкого хана золотой саблей и просил направить калмыков для участия в приближающемся Персидском походе. Хотя непосредственно в военных действиях в Персии калмыки не использовались, однако их активно привлекали вместе с донскими казаками для ведения военных действий в Северном Дагестане.[9]

В 1722 г. умер прямой наследник ханского трона старший сын Аюки Чакдоржаб. Сам Аюка пережил своего сына на два года и умер на 82 году жизни – 19 февраля 1724 г. Перед калмыками встал вопрос наследования ханского титула. В создавшейся обстановке это означало жесточайшую борьбу между наследниками. Русское правительство хотело бы видеть на ханском троне Доржи Назарова – племянника Аюки, но тот отказался от ханского титула. Тогда московское правительство решило сделать ставку на Церен-Дондука (Черен-Дондука), и 20 сентября 1724 г. в 40 км от Саратова А.П. Волынский провозгласил Церен-Дондука калмыцким наместником и принял от него присягу на верность Москве.

Однако вмешательство московского правительства в междуусобные споры усугубило и без того натянутые отношения калмыков с русскими. От выяснения отношений друг с другом ряд претендентов на ханский престол перешли к прямым нападениям на русские селения.

Желая усилить авторитет Церена и навести порядок в калмыцких улусах, царское правительство в лице астраханского губернатора И. Измайлова 1 мая 1731 г. провозглашает его ханом. Помимо внутренних причин, к этому шагу русское правительство подтолкнул и внешний фактор – приезд в Калмыкию цинского посольства, намеревавшегося звать калмыков для борьбы с джунгарами.

Однако междуусобицы среди претендентов на ханский престол не

прекратились, более того, они переросли в открытые военные столкновения, в которых над ханом Цереном взял верх Дондук-Омбо, на которого и переориентировалось российское правительство, провозгласив его 7 марта 1735 г. «Главным управителем калмыков». Расчет был сделан верно, и Дондук-Омбо хорошо зарекомендовал себя в русско-турецкой войне, за что и получил весной 1737 г. в качестве поощрения ханский титул.

И на этот раз наметилось кардинальное несоответствие интересов российской администрации и мнения самих калмыков, которые совсем не хотели мириться с абсолютистскими замашками нового хана. Калмыцкий хан был призван стоять на страже общинных традиций, а не разрушать их, поэтому вскоре среди оппозиционеров оказались не только тайши других родовых групп, но даже и старший сын Дондук-Омбо Галдан-Нормо.

Вскоре и астраханской администрации стало понятно, что в калмыцкой степи назревают критические события. Особенно администрацию беспокоила возможность откочевки недовольных калмыков в Джунгарию, поэтому было сделано все возможное, чтобы примирить восставшего сына и других обиженных тайши с неуживчивым, но напуганным к моменту восстания ханом. Стороны помирились, но конфликт не был исчерпан, хотя и пришлось выслать непокорного сына сначала в Царицын, а затем в Казань, где он и умер в июле 1740 г. Отец пережил своего сына всего лишь на восемь месяцев, положив начало новой полосе междуусобиц.

В этой ситуации правительство сочло необходимым сделать ставку на Дондук-Даши, который был провозглашен 4 сентября 1741 г. наместником ханства, а в 1758 г. получил ханский титул. Однако теперь его права были сильно ограничены контролем со стороны астраханской администрации и Коллегии иностранных дел.

Хотя Дондук-Даши проводил в калмыцкой степи более умеренную политику, чем его предшественник, однако и он давал огромное

количество поводов для недовольства многих тайши. Особый резонанс имела ссора Дондук-Даши с хошоутовским тайши Замьяном и тайши Бамбаром, у которых хан незаконно отобрал принадлежащие им улусы. Эти действия хана спровоцировали намерения его противников откочевать на Дон или в Джунгарию. Потребовались серьезные усилия со стороны астраханской администрации, чтобы примирить враждующие стороны и предотвратить откочевку калмыков. Смерть Дондук-Даши, последовавшая в 1761 г., не разрядила обстановку, так как наместничество сына Дондук-Даши Убаши стали оспаривать другие тайши. Переход русского правительства к политике активного освоения Нижнего Поволжья приводил к уменьшению размера калмыцких кочевий. Требовалась более четкая политика по размежеванию земель кочевых угодий и оседлых поселений. Медленное решение этих проблем привело к тому, что в начале января 1771 г. значительная часть калмыков начала перекочевку в Джунгарию.[10]

§6. Развитие экономики и торговли в XVII веке

Экономическое состояние Астраханского края в XVII веке характеризуется преимущественным развитием торговли, рыбного и соляного промыслов. Бассейн Волги и ее притоков издавна считался районом развитого судостроения. Это было важным фактором, позволившим Астрахани стать крупным портом и ведущим торговым центром на Каспийском море.

С присоединением Астраханского края Россия открыла для себя выход к Каспийскому морю для торговли с Ираном, Закавказьем и Средней Азией. Волга вновь обрела свое значение великого русского транзитного пути.

Долговременные международные связи, выражавшиеся в традиционных контактах (обмен, торговля), функционировали в этом регионе на протяжении многих столетий на трассах торговых путей.

«Кроме славы и блеска, Россия, примкнув свои владения к морю

Каспийскому, открыла для себя новые источники богатства и силы, ее торговля и политическое влияние распространились», – отмечает Н.М. Карамзин.

Источники XVI-XVII вв., характеризуя географические и природные особенности Астраханского края, – обширные степные просторы, жаркий климат, плодородие почв, обилие воды, отмечали: «Этот край считают очень плодородным... здесь много маленьких вишневых деревьев, в пору приносящих плоды, много хороших фруктов. Этот укрепленный город (Астрахань), торгующий больше, чем любой другой в России, и снабжающий почти всю Россию солью и соленой рыбой».

Своеобразие географических и природных особенностей определило и характер хозяйственной деятельности и структурного организма края: население, сосредоточившееся в городах и окрестностях, было в основном занято на рыбных и соляных промыслах, удобные водные пути втягивали определенную массу населения в активную торговую деятельность, развивалось ремесло, садоводство и бахчеводство.

Иностранные путешественники, посетившие Астрахань в XVII в., – А. Олеарий, Я. Стрюйс рисуют нам Астрахань «как крупный торгово-промысловый и военно-административный центр».

Основным промыслом в крае было рыболовство. Водные угодья до присоединения края к России являлись собственностью астраханских ханов, после изгнания хана Ямгурчея (июль 1554 г.) все татары во главе с Дербышем дали клятву подчиняться русскому царю Ивану Грозному и платить дань в 40 тыс. алтын и 3 тыс. руб.

А.Н. Штылько, известный исследователь астраханской старины, указывает: «В своей шертной (клятвенной) грамоте Дербыш дал согласие, знаменательное в истории астраханской рыбопромышленности: «русским людям дозволено безданно и безъясачно производить лов рыбы от Казани до Каспийского моря».[1]

После присоединения края водными угодьями стали распоряжаться воеводы. В 1568 г. игумен Кирилл привез из Москвы от царя Ивана

IV грамоту, по которой «ему повелено было устроить мужской монастырь св. Николая Чудотворца. Монастырю отведены были рыбные ловли: на реках Волге и Бузан, остров Чурка с буграми и протоками от Перекопа до Ахтубинского устья, вниз по Синему морю, с ильменями и со всеми угодьями Коломаневский учуг».[2] В 1574 г. Кирилл в челобитной Ивану Грозному просил «...велети им в Астрахани дать место, где наставить лавку и в той лавке купить и продать беспошлинно... велети держать судно белозерку, или дощаник, в длину от кормы до носа 30 сажень, а в тем судне соль или рыбу привезите и из Астрахани вверх Волгою до Ереславля и Окою рекою до Калуги...».[3]

Благосклонно приняв челобитную, царь удовлетворил просьбу игумена и подтвердил это в 1575 г. грамотой. Эта грамота была позднее подтверждена царем Михаилом Федоровичем, а в 1646 г. – царем Алексеем Михайловичем.

Исследователь Калеба в очерке «О каспийском рыболовстве» отмечает, что по древнему русскому праву рыбные ловли, как и другие угодья, составляли отдельный от земли предмет собственности и пользования, жаловавшийся на праве вотчинном, поместном и тягловом.[4]

Царские власти рассматривали волго-каспийские рыбные промыслы как государственную собственность, приравненную к земле, и раздавали их представителям светской и клерикальной власти на основе поместного права.

Указом от 1653 г. (№99) патриарху Никону и его преемникам были отведены в Астрахани в вечное владение Камызяк со всеми рыбными ловлями и угодьями и сверх того учуг Чаган за оброк без перекупки. По Указу 21 октября 1681 г., подтвержденному грамотой от 1690 г., Вознесенскому, а затем в 1707 г. Спасо-Преображенскому монастырям были отведены «морские ловли, что против Бузанских, Толмачевой и Худяковой горловины, в морских водах ильмены, культуки, ...урочища Полуденная лопатина, да две Колпачинские косы».[5]

Астраханские вольные стрельцы за их службу также были жалованы правом рыбной ловли со всякими снастями по реке Волге от реки Болды по обе стороны в 5 верст.

Первые учуги (забойки) возникли в низовьях Волги в XVI в. Наиболее крупными учугами считались Чаган, Иванчуг, Уваринский, Уростобский.Существовали и более мелкие: Чурка, Бельский, Бурунтай, Вешняк. «Учуг, – уточняет С.Г. Гмелин, – татарское слово... значит род перегородки, забойки». «Забойка делается таким образом: сперва поперек реки перебивают толстые сваи; расстоянием одну от другой на пол-аршина. Если сваи готовы будут, то ставят против течения реки так же из толстых... между собой соединенных сваи состоящие избы, по средине которых делаются различные проходы, кои отстоят друг от дружки на три сажени...».[6]

Учуги устраивались в местах основного хода «красной рыбы». Поток рыбы, двигавшейся вверх по реке, за счет системы частоколов направлялся в специальную «учужную избу», имевшую единственный вход. Рыбу с помощью багров вылавливали и перевозили в специальные помещения для обработки, засолки и приготовления визиги. Рядом находились коптильня, навесы для вяления рыбы, вешала, чаны для варки клея, сараи для дров, склады с солью, рыболовными снастями, бондарные мастерские, кузницы. Здесь же были выстроены жилые избы, бани. В некоторых учугах строились церкви. На территории учугов находился дом управителя и контора. Поселки в большинстве случаев обносились деревянной стеной со сторожевыми башнями.

Учуги располагались на волжских протоках до самого побережья Каспия. Владельцами учугов были казна, дворцовое ведомство, заготавливавшее рыбу для «государева обихода», патриарший и митрополичьи дома и астраханские монастыри, которые в XVII в. получили их в качестве пожалования, позже учуги сдавали на откуп частным лицам.

Ф.И. Соймонов в книге «Описание Каспийского моря» подробно

свидетельствует: «Ниже Астрахани ловят в учугах белуг, осетров и севрюг, которые идучи вверх по реке, в заколы заходят, где проходы так узки, что ни оборотиться, и следовательно никакого выходу найти не могут».[7] Рыбу еще ловили «сетью и самоловами или крючками из толстой проволоки, прилепленными к протянутой через реку толстой веревке, таким образом, что когда веревка лежит на дне, то крючки, для привязанных к ним поплавкам, на дно попасть не могут, но беспрестанно вертятся от быстрого воды течения. За сии крючки зацепляются осетры».[8]

Лов производился и сетями – ловили стерлядей, белорыбицу, судаков, окуней. Ф. Соймонов отмечает, что в самом устье Волги и вдоль морского берега применяли неводы – аханы, «кои делаются из толстых веревок». В глубоких местах, между мелями, ловили белуг, за которыми «нарочито далеко ходят в море, от 3 до 5 сажень глубиною и ловят кроме белог еще осетров и севрюг».

Рыбный промысел являлся самым массовым видом занятий в крае, чему способствовало обилие ценной рыбы в волжских протоках и огромный спрос на нее в верховых городах. А. Олеарий пишет: «На Волге совершается чрезвычайно богатая ловля рыбы всевозможных сортов; рыбы эта весьма дешева, так как за 1 грош можно купить 12 больших карпов, а 200 стерлядей или малых осетров (это очень вкусная рыба) – за 15 грошей».[9]

Некоторые рыбопромышленники брали на откуп участки поймы и имели рыболовецкие ватаги. Рыбу они продавали свежей, но также вялили ее, коптили, приготавливали клей, визигу.

Стрельцы, владевшие несколькими лодками, брали подряды на поставку рыбы дворцовому ведомству, митрополиту. Широко была распространена ловля рыбы артелями, наиболее оптимальной считалась артель из четырех-шести лодок. Кроме ловли рыбы, был развит и артельный тюленебойный промысел. На право промыслов вводились откупа, сумма которых в 1672-1673 гг. колебалась от 10 до 200 руб. в год.

Анализируя состояние рыболовного хозяйства в Астраханском крае в конце XVII-начале XVIII в., Н. Пальмов отмечает, что особого порядка в рыбной промышленности не было, ловили, где хотели, «не было твердого и определенного разграничения между водными пространствами, принадлежавшими к тому или другому промыслу или ватаге».[10]

Район Астраханских рыбопромысловых вод был огромен. Он находился в ведении двух контор – Саратовской и Астраханской.

Протяжение вод, подведомственных Саратовской конторе, измерялось в 800 верст. Они начинались у села Сосновского, где находились Чудовские воды, и заканчивались в 30 верстах от Астрахани.

С верха Песчаного острова шли собственно Астраханские воды. Сюда же относились и морские ловли до рек Терек и Яик. Рыболовные воды делились на две группы – казенные учуги и промыслы – участки, сдававшиеся в аренду, на откуп частным лицам. Казенные учуги пользовались своеобразной автономией. Всего казенных учугов на начало XVIII в. насчитывалось девять, а промыслов, сдаваемых на откуп, – тридцать восемь.

Другим важным и распространенным занятием населения был соляной промысел, но, в отличие от рыбной, добыча соли была доступна наиболее состоятельным людям, так как организация промыслов требовала приличных денежных вложений.

Добыча соли в Астраханском крае, имеющем громадные запасы самосадочной и каменной соли, производилась с древнейших времен. Еще в книге «Большому Чертежу...», составленной в XVI в. и дополненной в Разрядном приказе в 1627 г., имеются сведения о соляных озерах: «А ниже Балыклей за Волгою озеро соленое (Елтонское) вдоль 90 верст, а около того озера кладези пресные... От Золотой Орды, от реки Ахтубы против песков Нарынских, лежит озеро Ускончак, или Утончак (Баскунчак), а в озере там ломают соль чиста как лед... От Астрахани вниз Волгою рекою до ближе соли 70, а до дальние

соли 100 верст». В числе мелких озер упоминается озеро Кордувин (Корбуан).

«В лагунах, или соляных лужах, – замечает А. Олеарий, – имеются соляные жилы, через которые рассол подымается вверх; под влиянием солнечной жары соль выпаривается на поверхность в виде ледяных глыб кристальной чистоты… у нее приятный запах фиалки». Русские, – продолжает он, – ведут обширную торговлю солью, свозят ее на берег Волги, насыпают большими кучами и развозят по всей России.[11]

В конце XVI-XVII вв. астраханская соль – «бузан» – свободно вывозилась в большом количестве по всей России с уплатой незначительной пошлины. С.Г. Гмелин в «Путешествии по России» замечает: «Подводчики, кои соль с озер на пристань возят, получают за 1000 мешков, из коих в каждом по три с половиной пуда бывает… Астраханскую соль с пристаней возят в Астрахань, Саратов, Дмитриевск и в Нижний Новгород. Казна платила иногда за поставку каждого пуда от озера до Астрахани по две копейки с половиной, до Дмитриевска по семи, до Саратова по десяти, а до Нижнего Новгорода по семнадцати».[12]

По объему добычи соли солепромышленники делились на несколько групп. Первую из них представляли крупные солепромышленники (конные стрельцы Н. Ногаев, С. Долгой, Я. Малофеев и др.), которые имели собственные суда, соляные бугры, нанимали от 25 до 60 работников. За одну поездку, как явствует из таможенных записей, они привозили от 12 до 20 тыс. пудов соли. Средние солепромышленники объединялись в компании, нанимали суда и работников до 10 человек. Были и мелкие соледобытчики, но они значительно уступали по количеству добываемой соли первым двум категориям. Соль зачастую продовалась купцам-перекупщикам, подрядчикам, которые отправляли ее вверх по Волге в российские города и селения. За право добычи соли следовало платить пошлины. До 1626 г. соляная пошлина носила натуральный характер, составляя 1/3 добытой соли, а с 1626 г. пошлину стали брать деньгами – по 0,5 копейки с пуда и по 3 коп. за

каждую партию в сто пудов. За каждую 1000 пудов соли взималось в пользу казны по 5 рублей 90 копеек.

После введения торгового Устава с солепромышленников взыскивалась и торговая пошлина по 10 денег с рубля. В 1672 г. за продажу 1000 пудов на рынке нужно было заплатить 10 рублей, в 1674 г. – 9 рублей. Таким образом, солепромышленники в 70-90-х гг. XVII в. уплачивали государству более половины вырученных за соль денег.

Число промышленников во второй половине XVII в. увеличилось за счет приезжих (среди них и крупные купцы, и посадские люди, прибывающие на заработки). После введения государственной соляной монополии и гербового сбора промысел стали вести лишь состоятельные откупщики, получавшие крупные подряды.

Характеризуя экономическое состояние Астраханского края XVII в., необходимо отметить развитие садоводства и огородничества. Весьма красноречивые свидетельства этому находим мы у современников. Так А. Олеарий, например, вдохновенно повествует: «Что касается садовых плодов, то они здесь так великолепны, что мы лучших не находили даже в Персии: это яблоки, грецкие орехи, большие желтые дыни, а также арбузы. ...Подобного рода арбузов и дынь татары доставляют еженедельно возов 10-20 в Астрахань по очень дешевой цене».[13] Он также отмечает великолепные виноградники и сообщает о том, что астраханский виноград доставляется в Москву, где продается воеводам и боярам. Действительно, стрелец, владея огородом, мог в конце XVII в. содержать семью, нанимать работников и даже откупаться от некоторых служб. Урожаи реализовывались на местных рынках и за их пределами. Арбузы привозили на рынки партиями от 500 до 3500 штук.

В процессе формирования экономики Астраханского края активно начинает развиваться торговля. Астрахань постепенно превращается в один из крупнейших торговых центров складывающегося всероссийского рынка. А. Олеарий пишет: «В городе не только русские,

но персияне и индийцы, все имеют по своему рынку. Так, как и бухарские... и ногайские татары, а также армяне (христианский народ) со всякими товарами ведут тут большую торговлю и промыслы, то, как говорят, город этот и приносит ежегодно его царскому величеству большую сумму – даже одних пошлин 12 тысяч рублей».[14]

К началу XVIII в. в Белом городе насчитывалось 303 торговых лавки, 9 торговых рядов: Большой, Рыбный, Мясной, Медовый, Калашный, Ветошный, Шапочный, Сапожный, Гарянский.

Особое место занимала торговля со странами Востока. В русской среднеазиатской торговле второй половины XVII в. различают три основных вида: 1) так называемые подарки или поминки. Они состояли из редких, дорогих вещей. Это была своеобразная форма личной торговли между владетелями, освобожденная от всяких пошлин; 2) торговля, которая велась через посредство доверенных царских и ханских «гостей», «купчин». Подобную торговлю разрешалось вести повсеместно на территории Московского государства. Эта торговля была освобождена от пошлин; 3) торговля частных купцов; их товары подлежали обычному торговому обложению.

А.Н. Штылько отмечает: «Тяготение к Астрахани восточных купцов было столь велико, что ни разбои, ни грабежи, ни морские опасности на Каспии... не охлаждали иностранных купцов».[15]

Но и Западная Европа смотрела на Астрахань с вожделением. Англия, Венеция, Голштиния, Польша, Турция, Римская империя, Ганзейские города – все добивались права торговли через Астрахань.

В интересах развития торговых связей с прикаспийскими государствами русское правительство стало заботиться об организации регулярного сообщения между Астраханью и портами Каспийского моря, объявив каспийское мореходство делом царским, государственным. В Астрахани был учрежден специальный Деловой Двор, который управлялся начальником из боярских детей и целовальниками.

В связи с ростом торговых связей активно стало развиваться тор-

говое судоходство: ежегодно по Волге в Астрахань приходило до 500 судов. Плавание было небезопасным, поэтому караваны шли в сопровождении отряда стрельцов, располагавшемся на передовом конвойном судне, вооруженном пушками.

Иногда торговцы составляли товарищества и отправляли свои суда, связав их вместе. Одной из важнейших задач Делового Двора было строительство судов для поддержания каспийской торговли и обеспечения ее безопасности с помощью флотилии «есаульных» стругов.

При Деловом Дворе состоял штат корабельных мастеров, подчинявшихся «голове», здесь же имелись кормщики, т.е. «шкапера» для мореходных бус. В ведении Делового Двора находилась флотилия речных и морских есаульных стругов, на которых стрельцы несли службу по охране водного пути. В челобитных торговых людей и ценовых расписках содержатся данные о поставке на Деловой Двор веревок, холста, скоб, канатов, смолы, лесных материалов, нитей парусных и других судовых принадлежностей.

В XVII в. по Каспию ходили бусы – остроносые, круглодонные, крутобокие суда с одним парусам. На них имелись запасные канаты, якоря, паруса. Командовал бусой служилый человек, в состав экипажа входили кормщик, носовщик, махоня (сигнальщик), пушкари, 20 стрельцов.

Строительство бус носило организованный характер. Всегда можно было изготовить необходимое количество судов в короткий срок. Грузоподъемность некоторых бус достигала 120 т.

Начало строительство флота для Каспийского моря связано с именем царя Алексея Михайловича и главой Посольского и Малороссийского Приказов А.Л. Ордин-Нащокина. 19 июня 1667 г. последовал царский указ, который предписывал: «Для посылок из Астрахани на Хвалынское море делать корабли в Коломенском уезде, в селе Дединове, и то корабельное дело ведать в Приказе Новгородские Чети боярину Ордин-Нащокину, да думным диакам Герасиму Дохторову да Лукьяну

Голосову, да дьяку Ефиму Юрьеву».[16]

Инструменты, необходимые для корабельного дела, были привезены из-за границы, голландец Давид Бутлер привез карту Каспийского моря и проект морского устава.

В село Дединово был отправлен лес, веревки, канаты, оружие, 30 плотников, кузнецы. Осенью 1667 г. начались работы по строительству корабля, яхты, двух шлюпов. 26 мая 1668 г. Яков Полуэктов, назначенный Ордин-Нащокиным начальником строительства, писал: «Корабль пущен и доделываться на воде, а яхта и шлюпка поспеют в скором времени». Так строился первый русский военный корабль «Орел». В первом плавании весной 1669 г. под командованием Д. Бутлера на корабле «Орел» было 20 иностранцев и 35 нижегородских стрельцов. 24 августа «Орел» с полным оснащением (22 пушки от двух до пятифутового калибра) прибыл в Астрахань.

Попытка сооружения более совершенных и хорошо оснащенных кораблей связана с именем Петра I. К петровскому времени относится создание Каспийской флотилии, обеспечивающей потребности заморской торговли и охрану Великого Волжского торгового пути.

Наиболее активно торговля России велась со странами Средней Азии. Общий товарооборот Русского государства со средней Азией выражался в сумме около 100 тысяч рублей. Большая часть русских товаров, вывозившихся в Среднюю Азию, бухарские и хивинские товары, шедшие в Россию, проходили через Астрахань.[17]

Правительство России, заинтересованное в восточной торговле, стремилось поощрять приезд иноземных купцов и проводило в их отношении покровительственную политику.

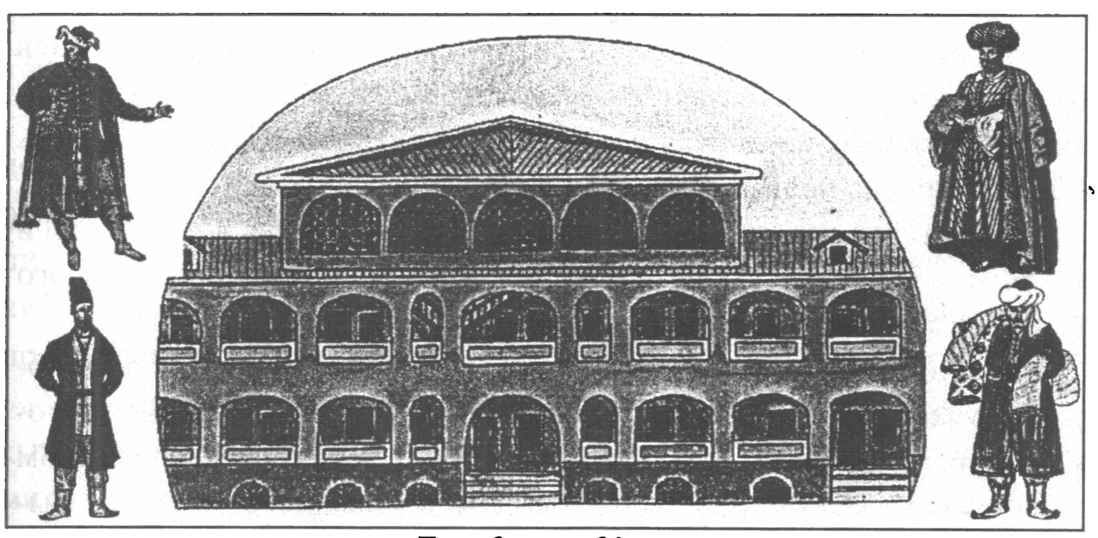
В 1616 г. хивинскому послу Ходжи Юсуфу было дано от царя Михаила Федоровича согласие на перевоз товаров в Астрахань и в другие города России; в 1619 г. русскому послу в Бухаре Ивану Хохлову поручалось известить хана, что Бухаре по его просьбе разрешается торговать в Астрахани разными товарами. Такого же согласия просил и царь

для русских купцов, приезжающих в Бухару.

В целях упорядочивания торговли последовал Указ воеводам: «Воровства и измены не чинить, неправильно взятое возвратить и Государеву имени от иноземцев нечестье не приносить, посул и поимок не брать, а буде кто пожалуется, тебе от нас быти казнену смертью».[18]

Правительство предписывало отвести для приезжих купцов специальные особые места для проживания и торговли, так называемые гостиные дворы.

Первые гостиные дворы, возникшие в Астрахани, были Гилянс-



Персидское подворье

кий и Бухарский. Сначала они находились за городской чертой на обширных пространствах с караван-сараями. На Гилянском останавливались купцы из Персии и Закавказья, а на Бухарском – из Средней Азии и Индии. По-видимому, эти дворы и являлись тем ядром, вокруг которого стали складываться восточные колонии.[19]

Многочисленную группу торгового населения составляли армяне. Разнообразные источники свидетельствуют, что армянские торговцы постоянно проживали в Астрахани уже в начале 80-х гг. XVI в.[20] На первых порах они группировались на Гилянском дворе.

Стремление армянского населения осесть на постоянное место жительства в Астрахани объясняется тем, что Нижнее Поволжье находилось под надежной защитой Москвы. На своей же исторической

родине армянское население подвергалось угнетению со стороны Персии и Турции.

Заметно возросло количество армянских переселенцев с 1614 г., когда стала вновь возрождаться торгово-экономическая жизнь России после окончания польско-шведской интервенции. Расселялись они в основной массе за стенами Белого города вдоль Садового бугра. Здесь и стала формироваться «древнейшая в русской Астрахани армянская слобода».

В первые десятилетия XVII в. армянские поселения еще не сформировались в торговую колонию, поскольку не имели собственного самоуправления, а представляли собою скорее фракцию торговцев Ирана и Закавказья. Однако известно, что уже в это время в Астрахани существовало армянское кладбище, а во второй половине XVII в. была построена первая армянская церковь.[21]

С увеличением численности армянского населения в Астрахани и его торговой активности возникает вопрос о строительстве гостиного двора, который начал функционировать в 30-х годах XVII века.

Русское правительство особое внимание придавало развитию торговых связей с Индией. Это не могло не сказаться на изменении торговой инфраструктуры Астрахани. 20 мая 1647 г. астраханским воеводам была выдана царская грамота, в которой им предписывалось оказывать всяческое содействие индийским купцам, чтобы они, в свою очередь, в «Астрахань с товары своими ездили безо всякого опасения, и свою братию индийцев торговых людей для торгов и с товары на вечное житье под нашу царского величества высокую руку призывали, а наша государская милость и жалованье и береженье к ним будет».[22]

Естественно, что такая политика русского правительства имела благоприятные последствия и способствовала привлечению индийских купцов к торговле с Россией. Индийские купцы, осевшие в Астрахани, пользовались большими привилегиями. Они платили пошлины наравне с русскими торговыми людми, были подсудны Приказу Казанского двора, в ведении которого находилось Среднее и Нижнее Поволжье.

Купцы, приезжающие в Астрахань на время, не имели особых льгот и преимуществ и подлежали юрисдикции Посольского Приказа.

Во второй половине XVII в. оседлые купцы торговали не только в Астрахани, но и в Москве, Казани, Ярославле, на Макарьевской ярмарке.

Почти все индийские купцы, их родственники и прислуга жили в Индийском гостином дворе, принадлежащем казне.

Число восточных купцов, увеличивающиеся масштабы их торговли вызывали явное неудовольствие русского купечества, требовавшего от правительства ограничений в правах торговли для иноземцев.

В связи с этим в 1655 г. был принят Новоторговый устав, который запрещал и иностранным купцам и астраханским жителям розничную торговлю в Москве.

Новоторговый устав предписывал с 1667 г. всем купцам при выезде из Астрахани с товарами для продажи платить двойные пошлины. В этот период усиливается таможенный контроль, все сделки подлежали регистрации, были отменены льготные условия продажи татарским, кабардинским князьям и мурзам, имевшим охранные грамоты на право беспошлинной торговли.

В наказе 1672 г. астраханскому воеводе Я.Н. Одоевскому предписывалось вести строгий учет всех привозимых иностранными купцами товаров, вносить их в таможенные книги, разрешать торговать только в специально отведенных для этого местах: в Индийском гостином дворе и на Татарском базаре.[24]

Введение Новоторгового устава привело к тому, что Астрахань становится единственным русским городом, где восточные купцы могли платить минимальную пошлину по 10 денег с рубля, продавать товары оптом и в розницу, производить на льготных условиях закупку предметов русского и западноевропейского производства.

Несмотря на требования русского купечества ограничить права иностранных купцов, что в определенной степени отразилось в Новоторговом уставе 1667 г., за восточными купцами все-таки сохранялись некоторые льготы.

Эти послабления в отношении армянских купцов отразились в договоре 1667 г. с армянской Джульфинской компанией, по которому они получили монопольное право на торговлю персидским шелком в пре-

делах всей России.

Главным пунктом операций Джульфинской компании стала Астрахань, являвшаяся перевалочным пунктом при отправке непроданной части шелка вверх по Волге. Это приводило к увеличению объема торговли Армянского гостиного двора и притоку в Астрахань служащих джульфинцев. Местные армяне оказались вовлеченными в деятельность компании, причем договор с Джульфинской компанией воспринимался как относящийся ко всем астраханским армянам, хотя большинство из них и не являлось джульфинцами.

Торговая покровительственная политика по отношению к иноземным купцам вызывала недовольство русского купечества, о чем свидетельствует челобитная русских купцов от 7 ноября 1684 г.

В ней говорилось, что купцы находятся «в обиде всяких торгов от иноземцев разных государств, а иначе всех от индейцев, потому что они живут на Москве и в Астрахани многие годы без съезду и называются они ложно астраханскими жителями... а торгуют всякими товары, на Москве живучи, продают в рознь, и в долги, дают и в деньги большую ценою...».[25]

Жители восточных колоний были освобождены от повинностей, они платили лишь таможенные пошлины, «поамбарщину», за наем лавок, «провозные» деньги, «пожилые», за право жить в Астрахани. Они свободно отправляли религиозные обряды. В административном отношении это были самоуправляющиеся общины. Выборные люди, стоящие во главе общин руководили жизнью колоний, разрешали конфликты, осуществляли посредническую миссию при контактах с царской администрацией.

Примечания

§1

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. К.3. Т.5-6, М., 1960. С.489.
2. Ключаревская летопись. Астрахань, 1887. С.5.
3. Исторические путешествия. Сталинград, 1936. С.34.
4. Из путешествия Амвросия Кантарини, принадлежащего к одной из знатнейших венецианских фамилий и в 1473 году, по поручению венецианской республики, отправленного в Персию.
5. Исторические путешествия. Сталинград, 1936. С.46; Антоний Дженкинсон, английский посланник при дворе Московского царя. Посетил Россию несколько раз в 1557-1571 гг.

§2

1. Летопись Астрахани краеведа Лебедева.
2. Саввинский И. Астраханская Епархия. Астрахань, 1903. С.90.
3. Иностранные путешественники о России. Я.Я. Стрюйс «Три путешествия». ИГИЗ Соц. ЭКГИЗ 1935. С.193-194.

§3

1. Ключаревская летопись. Астрахань, 1887. С.6-7.
2. Исторические путешествия. Сталинград, 1936. С.69. Из путешествия Адама Олеария, посетившего Астрахань в составе Голштинского посольства в начале XVII столетия, в 1636 году.
3. Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896. С.11.
4. Ключаревская летопись. Астрахань, 1887. С.6-7.
5. Исторические путешествия. Сталинград, 1936. С.166-167.

§4

1. Записки русских путешественников XVI-XVII вв. М., 1968. С.138.
2. Хрестоматия по истории Астраханского края. Астрахань, 1992. С.68.
3. Записки русских путешественников. С.137.
4. Васькин Н. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1975. С.25.
5. «Астраханский сборник». Вып. I. Астрахань, 1896 г. С.70-71.
6. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII-нач. XVIII вв. М., 1988. С.26.
7. Там же. С.30.
8. Там же.
9. Там же. С.27.
10. Ключарев. Летопись Астрахани, 1887. С.20.

11. Голикова Н.Б. Очерки по истории... С.28.
12. Там же. С.20.
13. Рукопись Никифора Туркина. Астраханский сборник. Ч.I. С.43.
14. Ключарев. Летопись... С.14.
15. Там же. С.19.
16. Там же. С.2.

§5

1. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М., 1941. Т.2. С.187.
2. Правитель торгутов, в некоторых исследованиях его называют Хо-Орлок, Хо Орлэг или Урлюк.
3. Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1926. С.4-7.
4. Ряд источников называют 1642 г. (Астраханские Губ. Ведомости, 1860. №19 и 43, Астр. Епархиальные Ведомости, 1892. №13-14. С.383).
5. Источники не совсем единодушны по поводу места и даты смерти Хо-Урлюка и трех его сыновей. Возможно, Хо-Урлюк погиб чуть позднее в Кабарде, где его разбили совместные кабардино-ногайские силы (Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. М., 1957. Т.1. С.242 – 244.
6. Князь Казбулат (Казпулат) Муцалович Черкасский сыграл огромную роль в истории Российского государства, особенно на южных его рубежах.
7. Пальмов Н.Н. Этюды... Ч.1. С.11.
8. Этот закон был призван смягчить горечь от поражения в борьбе с кубанцами и равнодушия со стороны русских, тем более что калмыки вновь заговорили об откочевке в Джунгарию, чего ни в коем случае нельзя было допустить, так как это нарушало сложившийся баланс сил в Нижнем Поволжье и на Дону. Кроме этого, в помощь и для защиты калмыков (скорее всего хана) русские направляют отряд в 600 чел. под руководством стольника Д.Е. Бахметьева.
9. Пальмов Н.Н. Этюды... Ч.1. С.96-110).
10. По разным подсчетам на Волге осталось от 12 до 13 тыс. кибиток, с Убаши ушло 30909 кибиток (Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Астрахань, 1922. С.76).

§6

1. Штылько А.Н. Астраханская торговля в старину. -Астрахань, 1909.
2. Астраханские Епатриархальные Ведомости, 1880. С.40.
3. Там же. С.43.
4. Калеба. О каспийском рыболовстве. 1863 г.
5. Там же.
6. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. СПб.,

1777. С.282.

7. Соймонов Ф. Описание Каспийского моря. СПб., 1763. С.350.
8. Там же. С.349-350.
9. Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С.459; А. Олеарий. Описание путешествия в Московию.
10. Пальмов Н.Н. К истории рыбной промышленности в первой половине XVIII века // Наш край. 1924. № 4.
11. Россия XV-XVII в. глазами иностранцев. Л., 1966. С.459.
12. Гмелин С.Г. Путешествие... С.360.
13. Россия XV-XVII вв. глазами иностранцев. -Л., 1986. С.459.
14. Там же. С.461.
15. Штылько А.Н. Астраханская торговля в старину. Астрахань, 1909. С.5.
16. Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях. М., 1978. С.45.
17. Там же. С.67
18. Штылько А.Н. Астраханская торговля... С.16.
19. Голикова Н.В. Очерки по истории городов России конца XVII начала XVIII веков. М., 1982. С.160.
20. Хачатурян В.А. Образование армянской колонии в Астрахани. // Историко-филологический журнал. 1983. №4(203). С.47.
21. Там же. С.49.
22. Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. №3. С.136.
23. Там же.
24. Там же. С.137.
25. Голикова Н.В. Указ. соч. С.165.

Глава VI. Астраханская губерния в XVIII веке

§1. Население Астраханского края в XVIII веке

Этническая колонизация Астраханского края наиболее интенсивно происходила именно в XVIII в.

За это столетие значительно возросло русское и появилось украинское население, были колонизованы северные районы области, образовался этноконтактный элемент казачества. На Нижнюю Волгу прибыли первые группы представителей народов Среднего Поволжья – чувашей, мордвы, образовали свои селения казанские татары и готовились переселиться татары мишарские. Стали жить оседло полукочевые, ранее пригородные юртовские ногайцы, пополняясь сородичами с Северного Кавказа, переходили к оседлости близкие им едисанские (килинчинские) ногайцы. За счет притока и оттока отдельных групп в Джунгарию и обратно колебалось число калмыков; с ними в процесс переселения были втянуты и другие, главным образом, тюркские этносы. Так, в Астраханский край попали, а затем остались вести полукочевую жизнь ногайцы-карагаши с запада, из Предкавказья, и кыргызы-буруты, туркмены с востока, из азиатского ареала. После обратной откочевки большинства калмыков-тургутов их место на освободившихся землях заняли новые кочевники, казахи Внутренней (Букеевской) орды.

Увеличивалось также и городское русское население, а также число представителей других национальностей – в первую очередь купеческих, торговых групп («дворов»): армян, средневолжских татар, гилянцев из Персии, бухарцев-сартов из Средней Азии, индийцев.

Таким образом, именно данный период принципиально важен в истории формирования специфических этносов Нижнего Поволжья, а также местных, локальных, «астраханских» групп многих других народов.

Проблемам заселения Астраханского края посвящены работы П.Г. Любомирова и Н.М. Васькина.[1] Оба исследователя сосредоточились, в

основном, на истории русского и вообще оседлого населения, на разных направлениях его миграции в край.

При всей содержательности привлеченных авторами материалов и весомости их выводов, следует обратить особое внимание на национальную принадлежность переселенцев.

В истории колонизации края XVIII в. особой вехой является важное историческое событие – образование Астраханской губернии. Она была создана указом Петра I от 22 ноября 1717 г. Ее территория с 1708 г. входила в состав Казанской губернии. В состав учрежденной Астраханской губернии вошли следующие города с прилегающими территориями: Астрахань, Гурьев Яицкий (ныне Гурьев), Дмитриевск (ныне Камышин), Петровск, Самара, Симбирск (ныне Ульяновск), Сызрань, Терек, Царицын (ныне Волгоград), Красный Яр, Черный Яр и Кизляр.

В 1728 г. от Астраханской губернии к Казанской отошли города Саратов, Самара, Симбирск, Сызрань с уездами. В 1739 г. Саратов снова вошел в состав Астраханской губернии и находился в ее границах до ноября 1780 г., с этого времени он был превращен в главный центр вновь образованного Саратовского наместничества, куда вошли также города Петровск и Дмитриевск, ранее входившие в состав Астраханской губернии.

Первый астраханский губернатор А.П. Волынский (1689-1740 гг.)

В 1752 г. от Астраханской губернии к Оренбургской отошел г. Гурьев, в 1782 г. он вновь вошел в состав Астраханской губернии. Вместе с Гурьевом к Астраханской губернии был присоединен и г. Уральск.

По указу правительства от 2 апреля 1782 г. к Саратовской губернии отошли города Царицын с Ахтубинским шелковым заводом и Черный Яр, в мае 1785 г. Черный Яр снова вошел в состав Астраханской губернии, где и находился до марта 1919 г.

Таким образом, к 1785 г. в состав Астраханской губернии входили Астрахань, Красный Яр, Гурьев, Уральск, Черный Яр и построенная в начале 40-х гг. XVIII в. крепость Енотаевск.

В связи с реформой административно-территориального деления Российской империи, проводившейся правительством в 70-80 гг. XVIII в., учреждались наместничества, объединявшие две-три губернии, которые в составе наместничеств назывались областями. Указом правительства от 5 мая 1785 г. было создано Кавказское наместничество в составе Астраханской и Кавказской областей с местом пребывания наместника в г. Екатеринограде. В мае 1790 г. Кавказское губернское правление было переведено в город Астрахань, который получил название губернского города Кавказского наместничества. В связи с этим Кавказскую губернию в то время часто называли Астраханской губернией.*

Таковы административно-территориальные изменения, происшедшие в Астраханской губернии в XVIII в. Они в какой-то мере сказывались и на определении районов для поселения вновь прибывающих групп населения из других регионов Поволжья и России. Кроме 1717 г., в истории заселения Астраханского края заметный след оставили следующие даты и события: 1722-23 гг. – Персидский поход Петра I; 1747 г. – начало промышленного освоения соляных копей Баскунчака; 1766 г. – начало активного освоения верховых районов губерний по Волге, связанного с помещичьей колонизацией и формированием казачьих станиц по Московскому шляху; 1771 г. – откочевка калмыков-тургутов; 1785 г. – присоединение Крыма и Предкавказья, ускорившее

---

* Все исходные данные см. в «Справочнике по административно-территориальному делению Астраханской области 1918-1983 гг.» Астрахань, 1984. С.8-10.

миграцию населения вдоль по Кизлярскому шляху и способствовавшее созданию Кавказского наместничества с центром в Астрахани; к 1801 г. – изменение структуры кочевых и полукочевых этносов края: оседание юртовцев и едисанцев, полуоседлость прикочевавших карагашей, утаров, туркмен, массовое переселение казахской орды.

Особенностью заселенияАстраханского края является разнообразие видов миграции: беглая, торговая, служилая, крестьянская вольная и крепостная. Особо можно выделить миграцию кочевую и полукочевую. Все они были, в основном, полиэтничными, хотя в каждую были вовлечены особые группы этносов.

До середины XVIII в. ведущими фигурами в колонизации края являлись «вольный переселенец» и «военный элемент».[2] Они завершали освоение низовых земель, заняв обширные пространства вверх по Волге, скрываясь от своих хозяев.

Не случайно в указе Елизаветы от 19 марта 1745 г. отмечено: «...в Астрахани явились многие из подлых, объявляющих о себе, что не знают своих помещиков, ни того, где родились, ...оные подлые люди по привычке жить кругом Астрахани от ...высылки бегут в Персию и бусурманятся там в степи».[3]

Возникшие ранее, в XVII в., низовые рыбацкие и промысловые поселки-учуги в рассматриваемый период обнаруживали тенденцию к укрупнению. Сохранились и играли еще более важную роль, чем прежде, только Иванчуг, Камызяк, Уvары и Чаган. Значительно преобладало в крае русское население, хотя все заметнее становилось проникновение сюда новых иноэтнических элеменов.

Связано это было, прежде всего, с возникновением астраханского казачества, изначально многонационального в своем составе. Оно формировалось на основе остатков прежнего стрелецкого населения Нижней Волги, переведенных сюда донских казаков, а также приписываемых к казачеству выходцев из калмыков и местных тюркских народностей, обычно принимавших при этом православие.

В самом начале XVIII в. в верховом Черноярском районе появилось казачье украинское население – «черкасы-малороссияне».[4] Их поселение здесь П.Г. Любомиров датировал примерно 1710 г. и позже.

Другая украинская группа – промышленного и торгово-транзитного образа занятий крестьянско-казачья по изначальному статусу, возникла в сер. XVIII в. в районе больших соляных озер, сначала при оз. Эльтон, а затем, к концу века, вокруг оз. Баскунчак.[5]

Помимо городского и сельско-оседлого этническое лицо края во многом определяло и степное кочевое и полукочевое население – калмыки, торгоуты, дербеты, хошеуты.

В середине XVIII в., в 1755-1758 гг., в Нижнее Поволжье прибыли хойты, присоединившиеся к дербетам. А в 1758-1759 гг. – торгоуты из Джунгарии, а также вовлеченные ими в движение группы кочевого населения.[6] Калмыки, например, неоднократно приводили с собой в качестве зависимого, неполноправного населения попадавшиеся им на пути группы тюркского происхождения.

Это была ранняя волна будущих «кавказских», или «ставропольских» туркмен, по преданию, приведенных сюда еще Хо-Урлюком, а затем пополнявшихся при последующих ханах. С.Г. Гмелин в 1769-1770 гг. застал их кочующими близ Сасыколей: «Трухменцы живут по-калмыцки, держатся магометанского закона, говорят особливым татарским языком, однако оный астраханские татары разумеют..., слывут хорошими хозяевами. Они богатее калмыков и на бою проворнее».[7] Еще небольшая группа «кавказских» туркмен кочевала под властью калмыков в т.н. «мочагах» – прилегающих к дельте в северо-западном углу Каспийского взморья, вместе с группами ногайцев, попавших в калмыцкий плен, и другими их тюркскими подданными.[8] Новые «мангышлакские» туркмены заменили сасыкольскую группу в самом конце века. Группа казахов была захвачена калмыками за р. Урал и переведена на правый берег Волги. Часть их ассимилировалась с калмыками, другая оказалась более устойчивой. Среди калмыков и в офици-

альных правительственных документах они именовались «тогмуты», или «тогмутские татары». «В давние времена вышло в калмыцкие улусы из киргис-касацкой орды несколько киргис-касак с фамилиями их, которые... женились на калмычках и детей своих выдавали за калмык и содержали прежний их магометанский, а некоторые из них приняли и калмыцкий закон, и все носили калмыцкие шапки с кистями и назывались тогмуты».[9]

Подтверждаются приведенные данные в другом архивном документе от июля 1764 г.: «Об отпуске наместнику Калмыцкого ханства Убаши приставших к Астрахани карагашских и тогмутских татар».[10]

Исходя из этого, абсолютно безосновательно со стороны местной исследовательницы Г.У. Драповой объявлять тогмутов «киргизцами» или же «татарами» их соседей-ногайцев.[11] Так они обозначались официально для чиновников.

Значительную часть населения края составляли ногайцы-карагаши, называемые иногда в источниках «кундровскими татарами», – одна из ветвей Малой Ногайской Орды, ранее подвластной Крыму и Турции, а затем кочевавшей между Пятигорьем и устьем Терека.

В начале 20-х гг. XVIII в. участились набеги на российские владения кумыков и ногайцев, находившихся в зависимости от Персии. В ходе Персидского похода Петра I (1722-1723 гг.) участвовавшие в нем калмыки захватили ногайскую орду «кундровцев» и привели с собой на Волгу.[12] Но правительство затребовало плененных ногайцев в свое ведение и в 1723 г. причислило «кундровцев» к «юртовским» ногайским татарам, проживавшим в округе Астрахани. Однако в 1725 г. губернатор А.П. Волынский вновь вернул их калмыкам – владельцу Досангу.[13] Из-под Астрахани было произведено переселение двух ногайских групп во главе с Адиль-Мурзой Темирбулатовым – кубанских «салтанаульских» ногайцев и родственных им «кундровцев» – в оренбургские «киргизские» степи, «к их исконной родине».[14]

Это переселение состоялось в 1744-1745 гг., и потомки обеих групп,

казаки мусульманского вероисповедания, ассимилированные другими переселенцами, средневолжскими татарами, проживают там и сейчас, по реке Сакмаре и в др. районах. Причем фиксируются названия населенных пунктов «Кондуровка», «Кандуровка», «Кундравы».

Основная же часть «кундровцев» – карагашей продолжала кочевать с калмыками по сезонному маршруту между «мочагами» и центром Хошеутовского улуса по Ахтубе, вплоть до самой откочевки массы калмыков обратно в Центральную Азию в 1771 г.[15]

Находились карагаши в достаточно тесных этнических контактах с самими калмыками, а также другими ногайскими группами и иными подвластными калмыкам тюркскими народами.

Под властью калмыков кочевали орда «кыргызов», или «бурутов», пришедшая в 1758-1759 гг. вместе с джунгарскими торгоутами. Повествуя о «кундровцах»-карагашах, первый систематик отечественной этнографии И.Г. Георги в конце XVIII в. отмечает среди них «несколько бурутов, или большой орды киргизов, которые в 1758 году с некоторым числом соонгарцев (т.е. джунгарцев) соединились».[16]

Татары

Крупная группа «увачановских бурутских татар» в «мочагах» и их ответвление вместе с карагашами отмечены ревизской сказкой 1782 г.[17] До сих пор у смешанной общности ногайского происхождения, живущей в «мочагах», род «кыргыз» является наиболее уважаемым. В пригородном юртовско-ногайском селе Солянка волжского правобережья зафиксирован совсем небольшой квартал «кыргыз».

Уход в Джунгарию в 1771 г. во главе с ханом Убаши от 50 до 85% (по разным подсчетам) волжских калмыков существенно изменил обстановку, расклад сил и этническую ситуацию в астраханских степях. Наметилось большее тяготение части калмыков к астраханскому воеводству.

Ханская власть в калмыцких ордах была ликвидирована, а подвластные калмыкам «припущенники» из других кочевых народов либо сами ушли от них, либо были выведены правительством.

Получили формальную независимость и карагаши – «кундровцы». Однако уже вскоре «по распоряжению астраханского губернатора Н.А. Бекетова от 18 июня 1771 г. они были причислены к астраханским аульным татарам».[18] Это не понравилось вольным кочевникам, и они поначалу стремились покинуть астраханские пределы. В 1773 г. они намеревались перекочевать на Дон, в улусы калмыков-дербетов; там жили «белгородские татары» – аккерманские ногайцы, воздержавшиеся от ухода в Турцию – с ними карагаши имели родственные связи.[19] В 1773-1774 гг. была пресечена попытка массового ухода карагашей в казахские степи, возможно, на соединение с оренбургскими родственниками-«кундровцами».[20]

Подчинившиеся астраханской администрации карагаши были обложены натуральной податью и на них была возложена «почтовая гоньба обще с астраханскими юртовскими татарами» по Кизлярскому (Линейному) тракту.[21]

Наделение их землей вызвало большие трудности. Карагаши просили свободные казенные земли от Селитренного до Теплинки (100 км. вдоль Ахтубы), получили же по указу императрицы остров Берекетский. Сенат распорядился при этом, «чтобы и на будущее время к подобному поселению кочующих народов не происходило никаких препятствий или самого недопущения к оному».[22]

При этом карагаши перешли от полного кочевания к полуоседлости, основав два своих первых селения – Сеитовку и Хожетаевку. В

прошении императрице они отмечали: «В прошлом, 1788-м году... правитель наместничества... повелел нам поселиться двумя слободами, где мы, построя деревянные домы, имеем жительство поныне».[23]

Карагаши – «кундровские татары» поселились в Красноярском уезде четырьмя «кубами», т.е. прежними кочевыми территориальными группами.[24]

Любопытно, что уже в 1797 г. польский писатель, ученый-путешественник Ян Потоцкий застал «кундуров» на летних кочевках вместе с хошеутовскими калмыками князя Тюменя – те охотно повиновались калмыцкому князю, видя в нем потомка Чингисхана.[25]

Сасыкольские туркмены к тому времени были переведены калмыками на Северный Кавказ, территорию нынешнего Ставропольского края, где и проживают сейчас компактно в Туркменском районе.

Мочажная тюркская группа на ногайской этнической основе (всего 401 семья) были объединены и переданы в ведение капитана муллы А. Жангуршина, надзирателя за «аульными татарами».[26] Этнографические данные свидетельствуют о присоединении к ним в конце XVIII в. кочевавшего рядом «бурутского» рода в количестве 105 мужчин и 115 женщин; остальные 30 семей влились в состав «кундровцев» – карагашей.[27]

В итоге к концу XVIII в. образовалась этническая общность «утары», или «алабугатские ногайские татары», ныне живущая на астраханско-калмыцкой границе.[28]

В 1793-1794 гг. в Астраханский край прибыли туркмены поздней, «мангышлакской», или «астраханской» волны переселения и оставшиеся здесь на постоянное жительство в нынешнем Приволжском районе. В прошении туркменского старшины Сеит-Мамбета Кошмамбетова и других туркмен говорится: «Предки наши выехали из Мангышлака в российское подданство, находились в команде калмыцкого Дундук-хана, отправляли государственную службу наряду с прочими кочующими в степи трухменцами с усердием, но по открытии Кавказ-

ского наместничества подвластны астраханскому обществу астраханских татар...».[29]

На рубеже XVIII и XIX вв. особенно активно в Астраханский край стали переселяться казахи, осваивая освободившиеся от ухода калмыков пространства левобережья Волги.

В 1801 г. казахи обратились к царю с просьбой предоставить им для кочевий пустующие земли между реками Уралом и Волгой, на что и получили разрешение Павла I. В этом же году подданные султана Букея Нуралиева перешли реку Урал и расселились по обширным пространствам до Волги, отделившись от Младшей Казахской Орды. Так возникла Внутренняя (Букеевская) Казахская Орда, непосредственно зависимая от российских властей.

Казахи вместе с калмыками составили основное кочующее население края. Лишь небольшая их часть, обслуживающая господствовавший слой, жила полуоседло и оседло в районе Ханской ставки (ныне пос. Урда – райцентр Западно-Казахстанской области Республики Казахстан). Они стали второй по численности группой населения области.

Постепенно к оседлому образу жизни переходили ранее кочующие племена. Юртовские ногайские татары стали оседлыми к 60-70-м гг. XVIII в., поселившись в семи населенных пунктах – предместье Царев и селах Карагали, Башмаковка (Кизань), Яксатово (Майлегуль), Три Протока (Джамене, Ямели), Мошаик (Казы) и Бусдамгуль.[30] Основным занятием их стало овощеводство и домашнее скотоводство.

В конце XVIII- начале XIX в. к ним присоединились родственные едисанские (килинчинские) ногайские татары. Они основали три села – Килинчи (Келечи), Семиковку (аул Семека) и Кулаковку.[31] Обе ногайско-татарские группы быстро слились в одну, юртовскую.

Юртовцы с едисанцами делились на 15 территориальных улусов или «табунов» (монг: – «тумен, туман» – 10 тыс. чел.), а также на 20-25 родовых подразделений. При оседании «табун» составлял село, а родовые группы – его кварталы – «махалля». Родовые, затем соседские

«махалля» Кинегес возникли на Цареве, в Башмаковке, в Карагалях.

Руководили «табунами» ногайские князья – мурзы из фамилий Урусовых (в Килинчах) и Тимбаевых (в Тулугановке), а также незнатные батыры с титулом «ага».

Связанной с юртовцами, но своеобразной этносоциальной группой были так называемые эмеки (тюрк: «эм, даем» – корм, пища, провиант»). Они были подчинены мурзам и батырам, хотя обслуживали весь «табун», жили оседло, занимаясь земледелием.

Губернатор В.Н. Татищев в ноябре 1745 г. писал о юртовцах: «Они имеют подданных, именуемых ямеки, но табунные головы у тех в ответе, что оные ямеки ушедшие из ясашных и просят, чтоб их правительство попричислило к ясашным...».[32]

Более подробную информацию несколько позднее сообщал С.Г. Гмелин: «Цурзы ...имеют подданных себе рабов, ямиаками называемых... Ямиаки, кои и джемеками называются, ...кои и теперь за таких подданных нынешних мурз почитаются, ...утверждают, что их несправедливо мурзами почитают, но что они по большей части суть беглецы из ясашных татар, да и желают они от мурз быть не зависимыми...».[33]

На деле этнические корни эмеков были гораздо сложнее, и они являлись, скорее всего, не просто неполноправными, но и нечистокровными ногайскими татарами, потомками военнопленных и беженцев из разных стран. Юртовский табунный голова Абдикарим Ишеев в середине XVIII в. сообщал, что «от предков его родства мурз и табунных голов наследственно из рода в род доставались дворовые люди, по древнему и азианскому наименованию разумеются емеки, от колена людей разного рода, приобретенные в разные времена, когда еще предки наши не быв(али) во всероссийском подданстве, и по междоусобным браням из разных наций взятые в плен, как-то лязгиры (лезгины - В.В.), чеченцы и тому подобные».[34]

Судя по названиям некоторых населенных пунктов, эмеки в XVIII в. проживали в селах Три Протоки (Джемели, Ямели, Джеме-

не), Кулаковке и прежней «махалля» Семиковке – селе Осыпной Бугор (Ярлы-Тюбе).

Помимо оседавшего тюркского крестьянства степного происхождения, в Астраханский край в XVIII в. проникали и укоренялись здесь представители тюркских, частично финно-угорских народов Среднего Поволжья.

Уже в Персидском походе Петра I участвовало, по сообщению вице-губернатора Ф.И. Соймонова, 30 тыс. татар, а после похода еще 5 тыс. «казанских татар, черемис, чуваш» было направлено через Астрахань обживать присоединенные территории Северного Кавказа.[35]

Первыми поселенцами в Астраханском крае из Среднего Поволжья стали чуваши, основавшие около 1750 г. село Каменный Яр Черноярского уезда. В 1782 г. к ним были подселены новой группой чуваши, мордва и татары, а к 1790 г. уже резко пополнилось число татар. По ревизии 1795 г. в Каменном Яру проживало 196 чел. мордвы, 152 татарина и 127 чувашей.[36]

Через два-три года чуваши и мордва переселились отсюда на другой берег Волги, основав село Сасыколи, а несколько позднее они появились в селах Зеленга и Маково современного Володарского района Астраханской области.

В 80-90 гг. XVIII в. прибывающая в край сельская средне-волжская миграция имела исключительно татарский этнический характер, хотя и внутренне разнородный.

Переселение татар шло в целом двумя параллельными, хотя и постоянно пересекающимися «субэтническими» потоками: с одной стороны, это были казанские татары Нагорного правобережья, а с другой – татары-мишари бывших Пензенской, Саратовской и Симбирской губерний. Первая волна татарской миграции опережала вторую на полвека.

Таким образом, татарская миграция, начавшаяся в 80-е гг. XVIII в., была представлена казанскими татарами отдельных территориальных

групп. «Мишарская» миграция лишь «подбиралась» в это время к рубежам астраханской территории.

Проникновение различных татарских групп в Астраханский край шло поэтапно, через перевалочные пункты, иногда непосредственно из Среднего Поволжья.

Как выселка из Малых Чапурников в 1787-1789 гг. возникло первое татарское село Курочкино в подстепных ильменях правобережья вблизи Астрахани (Курченко современного Наримановского района Астраханской области).

Вскоре, в начале 90-х гг. XVIII в. несколько семей из Курченко основали еще далее к западу, вблизи «камышовых» калмыков, новое село Зензели (тат. Жидале) нынешнего Лиманского района; пензенские мишари пополнили его население много позже.

Примерно в 1791 г. колонистами из Каменного Яра с разрешения властей, на том же «линейном» тракте Астрахань-Кизляр, немного далее села Курченко было основано татарское село – «Линейное».

Таким образом, к концу XVIII в. на современной территории Астраханской области существовало четыре татарско-переселенческих села: верховое – Каменный Яр (тат. Ташлы Яр) и низовые – Курченко, Линейное, Зензели.[37] Преобладало в крае все-таки русское население.

С 1765 г. по правобережью Волги были основаны казачьи станицы Лебяжинская, Сероглазинская, Замьяновская, Ветлянская, Грачевская, а затем еще Копановская и Косикинская. В 1785 г. к ним прибавилась Дурновская, а в низовьях – станицы Грушево и Началово.[38]

Возникшие в XVII в. Черный Яр, Красный Яр продолжали развиваться, хотя Красный Яр в 40-х гг. XVIII в. был дважды фактически уничтожен казахскими набегами из-за Яика-(Урала). В 40-х годах XVIII в. возникла Енотаевка. Вокруг этих астраханских городков-крепостей возникали новые селения путем государственной, крепостной, помещичьей и народной (вольной) колонизации.

Сёл государственных крестьян к началу XIX в. в Астраханском

крае насчитывалось 16, «вольных» сёл, основанных «сходцами», или «зашедшими» до 1765 г., было лишь около десяти. Правда, села Тумак, Хмелевка, Никольская, Икряное в XIX в. были переведены в разряд помещичьих.

За счет помещичьей колонизации с 1765 по 1782 гг. было основано около 20 сёл, к 1795 г. их число удвоилось.

Беглые крепостные крестьяне, в абсолютном большинстве русские, переселялись сюда из верхне-волжских губерний (Симбирской, Нижегородской), а в 80-90 гг. XVIII в. – также и из центральных (Московской, Костромской, Ярославской).[39]

Более-менее свободное переселение на Нижнюю Волгу привело к резкому увеличению к концу XVIII в. населения края, его многонациональному составу.

По-прежнему самой многочисленной группой населения, после русских, являлись калмыки. Полукочевые и оседлые народы были представлены почти 12 тыс. чел. карагашей (с частью бурутов), 6 тыс. юртовцев (с эмекам и их потомками), 2,5 тыс. туркмен, 1,5 тыс. утаров с бурутами, 0,5 тыс. тулугановских кундровцев.

Казаки славянского происхождения с крупными иноэтническими вкраплениями составляли к концу века 7,5 тыс. чел.

Среди государственных крестьян русских (с украинцами) насчитывалось до 1 тыс. чел. Столько же было переселенцев из народов Среднего Поволжья (татары, мордва, чуваши), причем среди них татары преобладали – до 600 чел.

Большинство русских было среди так называемых «сходцев», «зашедших», т.е. беглых, вольнопоселенцев – до 7 тыс. человек, и тем более среди крепостных крестьян, переводимых из Верхнего Поволжья и центра России, – от 2-3 тыс. в 80-х гг. в начале XVIII века до 5 тыс. к концу его.[40]

Таким образом, к концу XVIII в. здесь были представлены все основные этнические элементы будущего устойчивого населения пой-

мы, дельты и окрестных местностей Астраханского края. Единственной крупной этнической миграцией на территорию края, происшедшей в начале XIX в., в 1801 г., явилось переселение «Внутренней» или «Букеевской» Орды, население которой со временем превратилось в одну из основных групп этносостава Нижневолжского региона.

§2. Строительство флота в Астрахани. Персидский поход Петра I

Литература по истории и зарождению русского флота не столь многочисленна, особенно это касается XVII-XVIII веков. Хотя следует отметить исследования Ф. Веселаго («Материалы для истории русского флота» и «Краткая история русского флота» СПб., 1893) и Л. Г. Бескровного (Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958). История же каспийского флота до сих пор еще не стала предметом специального исследования. Вместе с тем имеющиеся письменные источники все же позволяют представить, как шло формирование морского флота на Каспии.

До XVII в. Россия не имела собственного морского флота, а использовала беспалубные суда (ладьи, кочи, струги и т.д.), которые были более приспособлены для речного и озерного плавания. Не имела Россия морского флота и на Каспии. Известный московский купец Котов в 1623 г. указывал в своих записках: «С Астрахани ходят на русских бусах и больших стругах... Ходят из Астрахани в Персию и на малых стругах до Низовой пристани, а от Низовой на Ширван сухим путем, но ход на малых судах тяжел тем, если погодою прибьет струг к берегу, то в Дербенте и Тарках берут с торговых людей большие пошлины, а к пустому месту прибьет, то лезгины побивают и грабят...»[1]

Опасность морской торговли на Каспии усиливалась и от казацких морских разбоев, особенно начиная с 30-х гг. XVII в. Казаки грабили и русских, и восточных купцов, считая их законной добычей.

Первая попытка строительства морского флота для Каспия была

предпринята при царе Михаиле Федоровиче Голштинской торговой компанией. В 1634 г. она заключила договор с Россией о разрешении торговли с Персией на 10 лет. Для охраны своей торговли ей разрешалось построить 10 кораблей для плавания и по Волге, и по Каспию. В июне 1636 г. в Нижнем Новгороде был построен первый корабль «Фридрих».[2] Строил его корабельный мастер越Кородес с помощью русских плотников. Корабль был длиною в 120 футов, имел три мачты, плоское дно и 24 весла. Одновременно была построена и морская шлюпка. На этом корабле голштинский посол А. Олеарий отправился из Нижнего Новгорода к Астрахани, а затем должен был отправиться в Иран. Корабль, приспособленный и для речного, и для морского плавания, выйдя в Каспийское море, вскоре погиб у берегов Дагестана, не выдержав бури.[3] В 1640 г., уступая просьбам русского купечества, правительство России нашло предлог разорвать договор с компанией и строительство кораблей было прекращено.

Вторая попытка была предпринята в 1667 г. В мае 1667 г. правительство России, заинтересованное в оживлении восточной торговли, заключило договор с Армянской компанией, торговые операции которой обязалось охранять. Уже 19 июня было издано распоряжение Алексея Михайловича о постройке кораблей для Каспия, в селе Дединово Коломенского уезда. 2 марта 1669 г. капитан Давыд Бутлер провел инспекцию построенных судов и признал их годными. Самым крупным был корабль «Орел». Кроме него, была построена яхта, два шнека и морской бот. На строительство всех кораблей было израсходовано 9021 рубль.[4] Судьба Каспийской флотилии сложилась трагически, 23 июня 1670 года она была сожжена казаками С. Разина на речке Круша, недалеко от Астраханского кремля.[5]

О третьей попытке строительства кораблей для Каспия в XVII в. упоминается в мемуарах французского посла в России Де ла Невилля, датированных 1689 г. Описывая привилегии голландских купцов в России, Невилль отметил: «Голландцы уговорили Голицына послать не-

скольких их моряков и плотников в Астрахань, которые и построили там два фрегата... но месяцев 18 тому назад татары (возможно казаки) сожгли эти корабли, нынешние же московские министры не разрешают строить новых...».[6] Сообщение Невилля заслуживает доверия, так как среди его информаторов были Патрик Гордон, генерал Менезиус, члены дипломатических миссий в России и др.[7]

Строительство русского флота в целом и каспийского, частности, связано с эпохой Петра I. Эта задача, невыполнимая в XVII в., была решена Петром I. При нем было построено 895 мореходных судов, включая весельные суда. Но, главным образом, суда строились для Балтийского военного и торгового флота. Для каспийской торговли мореходные суда строились в Казани - 116, Нижнем Новгороде - 17, в самой Астрахани было построено за всю первую четверть XVIII в. семь судов.[8]

Количество единиц морского военного флота подсчитать невозможно, так как суда на Каспии использовались и для торговли, и для военных нужд, находясь в первой половине XVIII в. в собственности государства. Общая численность русского флота на Каспии определяется в сто судов, состоял он из шняв, бригов, корветов (с вооружением 18-20 пушек) и других мелких судов.[9]

По численности Каспийская флотилия занимала второе место после Балтийского флота. Прикаспийское направление внешней политики приобретало в начале XVIII в. особое значение. Интерес был обусловлен соображениями военно-стратегического и экономического порядка. Стремительный рост промышленности, товарного производства, торговли и огромные военные расходы резко увеличили потребности страны в серебряной и золотой монете. Вместе с тем производство благородных металлов в стране в тот период было крайне незначительным и его запасы пополнялись за счет оборотов внешней торговли. Поэтому начиная с 1714 г. правительство Петра стало принимать энергичные меры к изысканию и разработке золотых и серебряных мес-

торождений в Сибири и на Урале. Одновременно царь поставил вопрос о развитии торговых отношениях со странами-производителями и экспортерами драгоценных металлов - Индией, Ираном и Средней Азией.

В 1716 г. в Среднюю Азию была снаряжена военная экспедиция во главе с князем А. Бековичем-Черкасским. Ему поручалось склонить хивинского хана в русское подданство, а бухарского - к дружбе, проверить достоверность слухов относительно золотых россыпей в нижнем течении Амударьи и, наконец, организовать «настоящее дело, дабы до Индии путь водяной сыскать».[10]

К практическому осуществлению этого плана Черкасский приступил в сентябре 1716г., когда Каспийская флотилия вышла из Астрахани и направилась к восточному побережью Каспия, откуда после высадки двинулась на Хиву. Несмотря на дипломатический характер миссии Черкасского и мирные цели, русская экспедиция подверглась нападению 20-тысячного хивинского войска в районе озера Айбугир. В упорном сражении, длившемся три дня, русские одержали победу. Потерпев поражение в открытом бою, хан Ширгазы пошел на хитрость. Он вступил с Черкасским в мирные переговоры и пригласил русских в свои города, уговорив их разделиться на пять небольших отрядов. Черкасский принял коварное предложение хана и тем самым погубил всю экспедицию. Войска Ширгазы напали на разрозненные части русских и уничтожили их. Казнен был и сам князь Черкасский.

Гибель хивинской экспедиции заставила правительство Петра внести существенные коррективы в свои среднеазиатские планы. Было решено, что главную роль в их осуществлении должна играть не Хива, а Бухара. С этой целью осенью 1718 г. к бухарскому хану был направлен посланник Ф. Беневини, который должен был заключить оборонительный договор против хивинцев, собрать данные о золотых месторождениях Средней Азии и выявить возможности развития русской торговли в тех краях.[11]

Миссия Ф. Беневини продолжалась до 1725 г. За это время он собрал ценные сведения о хозяйстве, культуре, торговле и политической ситуации в Средней Азии. Однако призывы Беневини к активизации русской политики в Средней Азии не имели успеха в связи с началом военных действий русской армии и флота на западном побережье Каспийского моря.

Обострение внутриполитической ситуации в Иране и экспансионистские устремления Туции в Закавказье заставили обратить пристальное внимание в первую очередь на эти регионы. Начало военному проникновению России положили русские экспедиции и посольства в первой четверти XVIII в., которые наметили важное направление внешней политики России в течение всего последующего периода.

Одновременно с экспедицией князя Черкасского Россия приступила к изучению вопроса о возможности налаживания торговых связей с Индией через Иран. В 1715 г. в Иран было направлено посольство А.П. Волынского, которому поручалось разведать, «каким способом в тех краях купечество российских подданных размножить и нельзя ли чрез Персию учинить купечество в Индию».[12]

Кроме того, Волынский должен был добиться заключения русско-персидского торгового договора и учреждения русских консульств в Иране.

Иран и подвластные ему территории Северного Кавказа, Афганистана и Западного Прикаспия в большом количестве поставляли на внешний рынок шелк-сырец, хлопок, ткани, драгоценные металлы, камни, фрукты и другие товары. Самым ценным предметом иранского экспорта являлся шелк-сырец. В России было хорошо известно, что шелк, который производился близ берегов Каспийского моря в районах Шемахи, Гиляна и Дербента, направлялся в Западную Европу через Турцию. К 20-м годам XVIII в. коммерческие компании европейских колониальных держав практически монополизировали торговлю шелком с Индией, Китаем и ближневосточными странами. Их торговые

агенты, скупая шелк на рынках Ирана, затем направляли его в Европу через турецкие порты Смирну и Алеппо или порты Персидского залива. Лишь незначительная часть этого «шелкового потока» поступала в Россию через Астрахань. Поэтому неудивительно, что в инструкциях Волынскому этому вопросу отводилось особое место. На переговорах он должен был убедить шаха перенести торговлю шелком из Турции в Россию. Тем самым Петр надеялся перехватить колоссальные доходы от шелковой торговли у Османской империи и западноевропейских компаний. Успешное решение данной задачи явилось бы важным шагом на пути практической реализации планов Петра по превращению России в главную транзитную артерию европейско-азиатской торговли по линии Балтийское море-Волга-Каспийское море. Техническое воплощение этого проекта стало осуществляться еще в 1703 г., когда начались работы по строительству Вышневолоцкого канала, соединившего Балтийское море с Каспийским. В 1709 г. по каналу было открыто движение.

Заключенный А.П. Волынским в 1717 г. русско-иранский торговый договор, по которому русские купцы могли закупать шелк в неограниченном количестве, не мог, однако, быть использован в полном объеме ввиду обострения внутриполитического положения в Иране на рубеже 20-х гг. XVIII в., которым воспользовалась Турция и сумела реально укрепить там свои позиции.

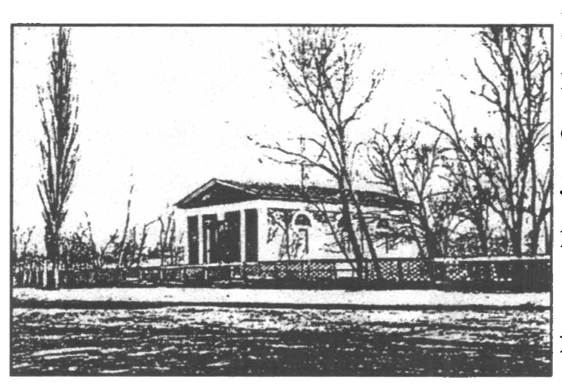
Стремление Порты утвердиться в Восточном Закавказье и Прикаспии вызывало серьезную тревогу в России. Внешнеполитическая линия по отношению к Передней Азии в целом, и Ирану, в частности, предусматривала сохранение здесь государственного суверенитета для создания противовеса Турции. Нарушение политического равновесия в пользу Порты резко ухудшало стратегическую ситуацию для России на ее юго-восточных рубежах.

Выход Турции к берегам Каспия означал бы появление нового военно-политического фронта, что создало бы для России дополнитель-

ные трудности в организации обороны. В случае военного конфликта под угрозой оказалась бы Астрахань, Нижнее Поволжье и Урал с его металлургической и военной промышленностью. Кроме того, Турция несомненно упрочила бы свои позиции на Северном Кавказе, в Средней Азии и наглухо закрыла бы все пути русской торговли со странами Востока.

Такая перспектива развития событий не могла не вызвать решительных действий со стороны России. В инструкции русскому послу в Иране С. Аврамову Петр указывал, что «турки не оставят всей Персией завладеть, что нам противно, и не желаем не только им, но и себе оною владеть». Однако политическая ситуация вынуждала русское правительство ввести свои войска в западные районы Ирана. При этом подчеркивалось, что «мы только по морю лежащие земли отберем, ибо турок тут допустить не можем».[13]

Таким образом, действия России имели четкую антитурецкую направленность и осуществлялись по просьбе Ирана. Накануне похода Петр заверил наследника иранского престола, что русские войска очистят Иран от «всех неприятелей и утвердят постоянное владение персидское».[14]



Домик Петра I в порту

18 июля 1722 г. русская армия во главе с Петром отплыла из Астрахани к югу вдоль западного побережья Каспийского моря. Высадившись в районе устья Терека, русские войска наголову разбили войска турецкого вассала султана Махмуда, а затем без боя заняли город Дербент. Однако вследствие гибели в бурю судов с провиантом и артиллерией наступление пришлось остановить. Оставив гарнизон в Дербенте и в основанной на реке Сулак крепости Святой Крест, Петр с основными силами русской армии возвратился в Астрахань.

Успешные военные действия России на Каспии привели к резкому обострению русско-турецких отношений. Турция угрожала России войной, если русские войска не будут отведены за Терек. В этой сложной обстановке правительство России проявило твердость и настойчивость в проведении своей политической линии. Османскому правительству было заявлено, что уничтожения Ирана и утверждения Турции на берегах Каспийского моря Россия не допустит. Весной 1723 г. Петр приказал армии и Балтийскому флоту готовиться к войне с Турцией, а войскам на Каспии - продолжать боевые операции.

В начале лета 1723 г. Каспийская флотилия под командованием генерала М.А. Матюшкина выступила в поход. 28 июля после четырехдневной бомбардировки гарнизон крепости Баку капитулировал.

Успехи русского оружия на берегах Каспия были закреплены русско-иранским договором, подписанным в Петербурге 12 сентября 1723 г. Согласно договору, Россия получала все западное и южное побережье Каспийского моря с городами Дербент, Баку, Ленкорань и Решт. Статья пятая договора устанавливала оборонительный союз двух стран против Турции, а также предусматривала оказание Россией военной помощи Ирану «против бунтовщиков его шахового величества».[15]

Заключение русско-иранского договора, а также ожесточенное сопротивление народов Закавказья заставили правительство Турции пойти на нормализацию отношений с Россией. 12 июня 1724 г. в Константинополе был подписан русско-турецкий договор, согласно которому Турция признавала все территориальные приобретения России, полученные ею по договору с Ираном. Однако взамен русское правительство вынуждено было признать за Турцией почти все Восточное Закавказье.

Таким образом, военно-политические задачи, сформулированные в начале XVIII в. по отношению к Каспийскому региону, были решены в ходе кампании 1722-1723 гг., а итоги закреплены в международно-правовом отношении. Утверждение России на западном и южном по-

бережье Каспийского моря остановило экспансию Турции и во многом способствовало сохранению независимости Ирана.

В дальнейшем в связи с обострением русско-турецких отношений русское правительство, заинтересованное в союзе с Ираном, а также в необходимости усиления европейской армии за счет частей Каспийского корпуса, возвратило по Рештскому договору (1732 г.) и Гянджинскому трактату (1735 г.) все прикаспийские области Ирана, который обязался не допускать завоевания этих земель турками.

Намного сложнее оказалось выполнить задачи экономического порядка. Боевые действия на Каспии привели к резкому сокращению русско-иранской торговли и не позволили переключить всю шелковую торговлю через Россию. Этого удалось достичь только к 40-м гг. XVIII в. По этим же причинам оказалась неосуществимой задача налаживания через Иран экономических связей России и Индии.

§3. Экономическое развитие Астраханского края в XVIII веке

XVIII в. в истории России занимает особое место. Именно в это время была преодолена изоляция России от Западной Европы, Россия после Северной войны, получив выход на Балтийское побережье, начала активно включаться в систему мирового рынка. Более интенсивное развитие экономики России определяло и развитие экономики Астраханского края, который в XVIII в. находился под пристальным вниманием центральных органов власти.

И это не являлось случайностью, ибо экономические возможности края были весьма перспективны, а его стратегическое положение было для России важным и значимым. Подтверждение этому мы находим в записках путешественников, как иностранных, так и русских, посещавших Астрахань, среди которых несомненный интерес представляют сочинения Джона Белла, Корнелия де Бруина и Михаила Чулкова. Все они отмечают богатство края рыбой, продукцией животновод-

ства, огородничества и садоводства. «Съестных припасов в этой стране изобилие, за исключением ржи..., но в особенности мяса и рыбы. Самая лучшая здесь рыба белуга, которая попадается иногда сажени в две длиной, стерлядь бывает величиной в аршин, и можно сказать, что это – лучшая рыба во всей России», – писал Корнелий де Бруин в 1725 г.[1]

Но экономические возможности края не могли быть реализованы без достаточного количества рабочих рук. Население же, сосредоточенное в Астрахани и укрепленных поселениях, было невелико. В 1719 г. Астраханская губерния вместе с Кавказом насчитывала 46744 душ м.п. (не считая кочевые племена).[2] Рост населения был незначительным, к 1762 г. достигнув 73344 душ. Из них крестьян насчитывалось 5813 душ, остальное население приходилось на Астрахань и укрепленные поселения.[3] Это придавало особое значение колонизации края, которая проходила при активном участии государства.

По материалам фонда астраханского губернатора в 1799 г. крестьян, занимающихся торговлей в Астрахани, насчитывалось 148 душ и 78 крестьян-ремесленников.[4] Остальные крестьяне в той или иной мере обслуживали промысловое хозяйство края, главным образом соляное, сочетая с занятием сельским хозяйством.

Не менее активной была и иностранная колонизация края. Наиболее крупной иностранной колонией была армянская, находившаяся непосредственно в Астрахани. По материалам городового магистрата 1790 г., в городе проживало армян, записавшихся в купечество – 516 душ, записавшихся в мещане – 80 человек и 20 цеховых армян. Кроме них, значительными были колонии индийцев (109 ч.), подданных Ирана (178 человек) и среднеазиатских купцов (469 душ).[5]

Активной была и вольная колонизация. К концу XVIII века, в промысловый период в крае находилось до 10 тыс. сезонных рабочих, которые старались осесть в экономически выгодных районах. Но как раз этой форме колонизации препятствовали власти края, поэтому ее результаты проявились лишь в XIX в.

Вышеперечисленные формы колонизации хотя и имели важное значение, однако значительно уступали помещичьей колонизации. Речь идет не о количестве перемещенных сюда помещичьих крестьян, их-то как раз и было менее других переселенцев, а о распродаже помещикам свободных земель, пригодных для занятия сельским хозяйством и промыслами.

Первые пригодные к земледелию земли раскупали высшие чины губернии. Губернатор Бекетов с родственниками купил 4 тыс. десятин, князь Долгорукий – 500 дес., Илья Григорьев (директор таможни) – 850 дес., прокурор Обухов – 1500 десятин. Всего в Астраханском уезде было продано 16355 дес. самой лучшей земли 20 помещикам.[6]

К переписи 1782 г. только 10 помещиков поселили на своих землях крестьян.

К концу XVIII в. помещичьи хозяйства приобретают все более предпринимательский характер. Стремясь повысить доходы своих имений, помещики увеличивают собственные наделы за счет крестьянской запашки, параллельно растет и денежная рента. Этот период характеризуется также новыми, еще более значительными распродажами земель помещикам.

В течение 11 лет, с 1785 по 1796 гг., ими было приобретено 877 тыс. десятин земли. Все остальные жители, включая казаков, юртовских и кундровских татар, получили 200 тыс. десятин. По уездам помещичьи земли распределялись следующим образом: Астраханский уезд – 61294 дес. (26 помещиков), Черноярский уезд – 172564 дес. (10 помещиков), Енотаевский уезд – 78590 дес. (8 помещиков), Красноярский уезд – 564576 дес. (6 помещиков).[7] Раздача земель продолжалась до 1806 г.

Но дворяне приобретали земли не только пригодные для занятия сельским хозяйством. В конце XVIII в. они активно начали приобретать промысловые земли. Так, в 1797 г. князьям Куракиным были подарены в вечное владение учуги и ватажные промыслы Астраханские и Чуркинские. Граф Кутайсов в 1799 г. заполучил эмбенские воды со всеми

устьями и островами в море.[8]

Рыбные ловли приобретали почти все дворяне, имевшие земли в Астраханском крае. К 1800 г. воды и земли Волги и Каспийского побережья на 90% были собственностью помещиков. В конце XVIII в. рыбный промысел в Каспийско-Волжском районе распределялся между 5 учужными и 48 ватажными заведениями, из которых: 4 учуга и 11 ватаг принадлежали князьям Куракиным; 7 ватаг – графу Безбородько; 6 ватаг – князю Юсупову; 16 ватаг – среднему дворянству; 1 учуг и 2 ватаги – монастырям; 4 ватаги – Астраханскому казачьему войску.[9]

Свободные ловцы и купцы – промышленники вынуждены были заниматься морским рыбным промыслом, что в конце XVIII- начале XIX в. отодвинуло их на второй план по сравнению с рыбопромышленниками из среды дворян.

До начала XIX в. в результате помещичьей колонизации на территории Астраханского края было поселено 5535 душ. крепостных крестьян, заселивших 36 сел и деревень.[10] Более половины всех крепостных проживали на территории Астраханского уезда. Притом все поселения располагались в низовьях Волги, где имелись богатые рыбные угодья, дававшие помещикам большие прибыли.

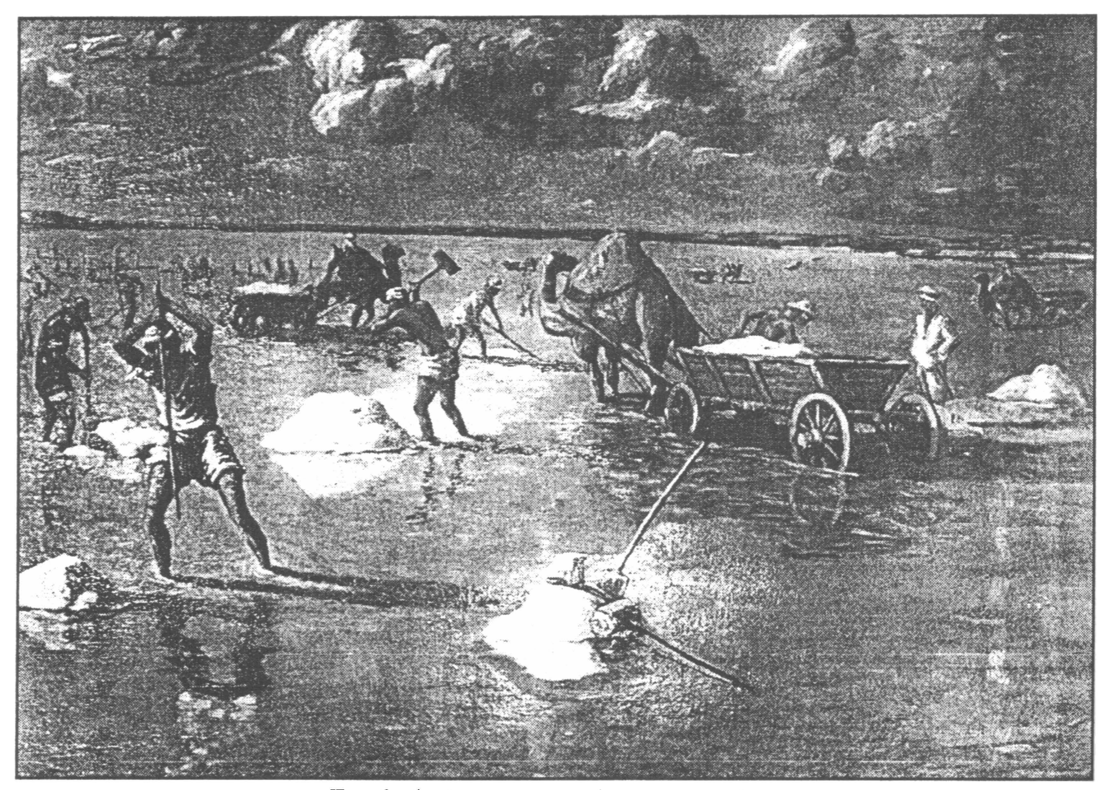
Помещичьи хозяйства сочетали промыслы с торговлей, фактически перехватив торговлю соленой рыбой в свои руки. В 1776 г. только соленой рыбы в Саратове и Нижнем Новгороде было продано на 195373 руб. В том числе доход губернатора Бекетова и его брата от продажи составил 111074 тыс. руб.[11]

Господство помещичьего землевладения в крае серьезно тормозило развитие свободных рыночных отношений, лишая их широкой социальной опоры, делая невозможным свободную конкуренцию .

Освоение Астраханского края, кроме его колонизации и использования Волги и Каспия как торгового пути в страны Востока, вело к развитию не только рыбных, но и соляных промыслов.

Соляной промысел имел значительное развитие еще в XVII в. В

конце XVII- начале XVIII в. соль в Астраханском крае добывалась в 14 озерах.



Так добывалась соль в прошлом веке

Среди них еще не было озера Баскунчак, хотя о его богатствах знали в Москве еще в XVII в. Однако отдаленность озера от Волги, невыгодность вывоза соли на подводах при наличии более благоприятно расположенных озер привело к тому, что казна не решилась приступить к его эксплуатации и не смогла привлечь к этому промышленников. Важно отметить, что значительная часть соли продавалась в самой Астрахани и использовалась для посола рыбы. В XVIII в. в соледобыче происходят изменения. Начинаются активные разработки озер Эльтон и Баскунчак. К середине 70-х гг. XVIII в. добыча соли достигла 12 миллионов пудов.[12] Астрахань снабжала своей солью более 15 губерний, Новгород, Псков, Архангельск, Москва, Нижний Новгород, Казань и другие города снабжались астраханской солью. Добыча соли

была собственностью казны, но для активизации добычи казна передавала добычу соли на откуп, контролируя ее продажу. Организация соляных промыслов была чрезвычайно проста, примитивной была и техника добычи соли. Самосадочную соль на астраханских озерах просто сгребали лопатами и сваливали на берегу озер, а затем развозили по местам. Практически весь XVIII в. на озерах использовались вольнонаемные работники, но с активизацией помещичьей колонизации стали использовать труд крепостных. Они отбывали своеобразную барщину на соледобыче. Немаловажным является тот факт, что крепостной труд был более эффективен в условиях конца XVIII-начала XIX в.

Не меньшее значение имел и рыболовный промысел. В конце XVII- начале XVIII в. основная добыча рыбы велась на Волге с помощью учужного лова (реку перегораживали, оставляя один проход, где рыба попадала в сети). Использовались и невода, плавные сети и бредни. Ловили, главным образом, осетра, белугу, севрюгу, стерлядь, судака и сазана.

Наиболее крупными были следующие учуги: Чаганский на реке Чагане в 24 верстах от Астрахани, при котором была построена церковь во имя Великомученицы Екатерины, Камызякский на реке Камызяке в 30 верстах от Астрахани, при нем была деревянная церковь Смоленской Богородицы с приделом для Николы Чудотворца, и Уваринский на реке Увары, в 35 верстах от Астрахани, с деревянной церковью Казанской Богородицы.[13]

Но к середине XVIII в. преобладание получает ватажный лов сетями. Добытая рыба, икра, клей поступали на ярмарки Поволжья и в крупные города России, часть добычи отправлялась за границу: икра шла во Францию, Англию, Голландию, Италию Испанию и в страны юго-востока.

В 1704 г. создается рыбная контора, обслуживающая 50 богатых рыболовных участков. Она передавала в аренду купцам-промышленникам учуги и ватаги. Число ватажных людей у некоторых купцов до-

стигало 1500 человек. С отстранением купца-промышленника от волжских и приморских рыболовных промыслов свободный промысел переходит в море. К концу века улов в море достигает 1,5 миллионов пудов, тогда как волжские промыслы давали всего 1 миллион.[14]

Переработка рыбы в XVIII в. получает новый импульс, особенно после указа 26 октября 1720 г. Именной указ Петра I губернатору Волынскому гласил: «Опробывать рыбу для отпуска за море: таким образом солить свежих осетров, изрезав в звенья и закупоривать в небольшие бочки: другую варить в тузлуке и наливать уксусом, так же пробовать наливать рыбьи жиры и в такие же бочки закупоривать. Оные пробы делать как из осетров, так и из севрюг. Опробовать же солить сельди, которые в Каспийском море...».[15] Частиковую же рыбу обычно выбрасывали, сваливая на берегу, ее переработка на жир началась в XIX в. Активный промысел сельди также относится к XIX в.

Немаловажное значение имел и тюлений промысел. Он, как и рыболовецкий, производился весной и осенью на островах Каспийского моря. М. Чулков, описывая астраханский тюлений промысел, отдавал ему предпочтение перед архангельским. «Выпотрошенных тюленей на том же месте пересыпают солью, не сдирая с них кожи и топят сало, которое солением оным предохраняется от вони, и потому чище и лучше бывает, нежели Архангелогородское...».[16]

Сельское хозяйство, в частности, земледелие (главным образом, бахчеводство и огородничество) и садоводство было сосредоточено вокруг Астрахани и других крупных поселений. Садоводство начинает все больше ориентироваться на рынок. По ведомости астраханского купечества за 1802 г. 11 купцов третьей гильдии имели сады и специализировались на торговле фруктами.[17] Известно также, что Астрахань была крупным поставщиком виноградного вина и водки на внутренний рынок. Интенсивное развитие виноградарства начинается во второй четверти XVIII в., когда сюда приезжают венгерские и немецкие виноделы. Особенно знаменит был поручик Паробич, который начал

выращивать виноградники вокруг Астрахани на Беровских буграх.

После известного указа Петра I (1720 г.) в Астрахани были заведены аптекарский огород и оранжерея. Для приготовления лечебных трав из Санкт-Петербурга были выписаны аптекарь и огородник.

Бахчеводством занимались, главным образом, татары, осевшие вокруг Астрахани. Были и попытки выращивать рожь: этим занимались переселенные по указу от 9 мая 1785 г. украинцы. Но весь урожай шел на собственные нужды, не обеспечивая потребности края. Поселения украинцев располагались, главным образом, на территории современных Черноярском и Ахтубинском районах. Были попытки и разведения тутовых деревьев для разведения тутового шелкопряда. Но на местном сырье организовать крупное шелковое производство не удалось и этот вид деятельности постепенно сошел на нет.

Животноводством в XVIII в. занимались, главным образом, калмыки и татары. Указом Петра I (1720 г.) были определены основные направления в животноводстве. В частности, указ предписывал завести при Астрахани овчарные заводы, для которых выписать мастеров из Шлезии, кроме того – «...конский завод для разведения чистокровных лошадей от персидских жеребцов и черкесских кобыл, для чего выписать в Астрахань шведского арестанта прапорщика Рутова и стремянного конюха Ивана Чепцова».[18]

Приблизительно насчитывалось овец до 400 тыс. голов, лошадей, верблюдов и крупного рогатого скота до 150 тыс. голов.[19] В XVIII в. особенно ценились большие калмыцкие быки, кожу которых было велено продавать только в казну и посылать в Казань на кожевенные заводы для выделки.[20]

Крупной мануфактурной промышленности в Астрахани не было, но ее становление начинается именно в XVIII в. В первой четверти XVIII в. в районе с. Селитренное был основан селитренный завод (мануфактура), принадлежащий казне, и корабельная верфь в Астрахани.

К концу века в Астраханском крае действовали три селитренных

завода, но постепенно их деятельность свертывается. Корабельная верфь в Астрахани, официально основанная Петром Великим в 1722 г. близ устья реки Кутум, получила название Астраханского адмиралтейства. Здесь строились мореходные суда для Каспийской флотилии. В первой четверти XVIII в. на верфи было построено 7 судов. В 1725-1734 гг. деятельность верфи ограничивалась профилактикой и ремонтом судов. Мореходные суда для Каспия строились до 1740 г. в верховых городах. С 1740 по 1745 гг. строительство было возобновлено. Было построено три шнявы и 10 гекботов. Наиболее активное строительство начинается с середины 50-х гг. Так, в 50-е гг. были построены 6 судов (3 шнявы, галиот «Кронштадт», галиот «Петергоф» и доншкоут «Ораниенбаум»). 60-е гг. – пик строительства. Астраханский купец Петр Волковойнов построил 3 галиота, купец Лаврентий Иванов построил галиот, шняву и шкоут. Всего астраханские купцы в 60-е годы, включая и названные, построили 19 мореходных судов (16 галиотов, 2 шнявы и 1 шкоут). Наиболее крупными были галиот «Святой Харлампий» купца Гаврилы Скворцова (грузоподъемность 10220 пудов), шнява «Святой Алексей» купца Ивана Астраханцева (грузоподъемность 13660 пудов).[21]

Суда не только строились, но и содержались под присмотром при астраханской верфи. Известны имена смотрителей, которые принимали участие и в постройке судов: Александр Громов, Гаврила Шуваров, Харитон Юрьев. Они давали оценку годности судну, без которой выход в море был затруднен. Ведомость мореходных судов при Астраханском порте за 1797 г. насчитывает 57 мореходных судов и 201 расшиву.[22] Кроме этого, ведомость за 1794 г. показывает 484 лодки, которые использовались для прибрежного лова рыбы, в основном, у Гурьева и в эмбенских водах.[23]

В последующие годы строительство судов на астраханских верфях замирает. Суда лишь подвергаются проверке и починке. Главная причина – спад участия российского купечества в восточной торговле и малый объем перевозок на Каспии. Построенных судов вполне хва-

тало.

Ввоз шелка и хлопка в Россию способствовал развитию текстильной промышленности и в Астрахани. Здесь в 30-40 гг., хотя еще и в небольших объемах, начинается обработка шелка и хлопка. Книга сбора пошлин с промышленных предприятий за 1747 г. позволяет представить объемы этого производства: с января по декабрь было произведено 6038 кусков полушелковых и хлопчатобумажных тканей стоимостью 12076 рублей.[24] В 70-80 гг. количество выработанной ткани в Астрахани по объему и стоимости превосходило даже объем продукции, ввозимой из стран Востока. Значительно расширился ассортимент изделий астраханского производства: платков шелковых и полушелковых, поясов, кушаков и др. изделий. Общая стоимость астраханских тканей и изделий из них оценивается примерно в 25-30 тыс. руб. за год.[25] В конце XVIII в. в Астрахани насчитывалось 19 шелковых предприятий с 94 станами и 52 хлопчатобумажных с 475 станами. Оборотный капитал всех предприятий равнялся 320 тыс. рублей.[26] Все предприятия и мелкие мастерские принадлежали армянам, иранцам и татарам. В XIX в. текстильная промышленность в крае резко сокращается, не выдержав конкуренции с предприятиями центра России.

Хозяйственное освоение Астраханского края в XVIII в. свидетельствует о наличии здесь больших потенциальных возможностей и перспектив экономического развития. Однако его рост сдерживался двумя основными факторами: слабой заселенностью края и переходом в руки дворянства значительных земельных владений, препятствующих участию широких социальных слоев в подъеме экономики Астраханского края.

§4. Астрахань в системе внутриторговых связей России

Экономический потенциал Астраханского края, который особенно интенсивно стал реализовываться в XVIII в., определял и роль Астрахани в системе внутреннего рынка России. Активизация мануфактурного производства, ремесел, промыслов в XVIII в. стимулировала

внутреннюю торговлю. В XVIII в. деятельность Астрахани на внутреннем рынке страны можно разделить на два этапа. Первый этап – первая половина XVIII в., когда торговля начинает активизироваться и находится в руках астраханского купечества; второй этап – вторая половина XVIII в., когда обороты внутренней торговли не снижаются, но купечество серьезно потеснено дворянством и принявшими подданство армянами.

Поток грузов, шедших из Астрахани вверх по Волге, состоял из двух групп. В первую входили восточные товары: шелк-сырец и крашеный («вареный по цветам»), ткани и изделия из них, меха (овчинки, мерлушки и шкуры степных зверей), кожи, хлопчатая бумага, продовольственные и другие, товары. Вторую группу составляли местные товары (см. табл. 1).[1]

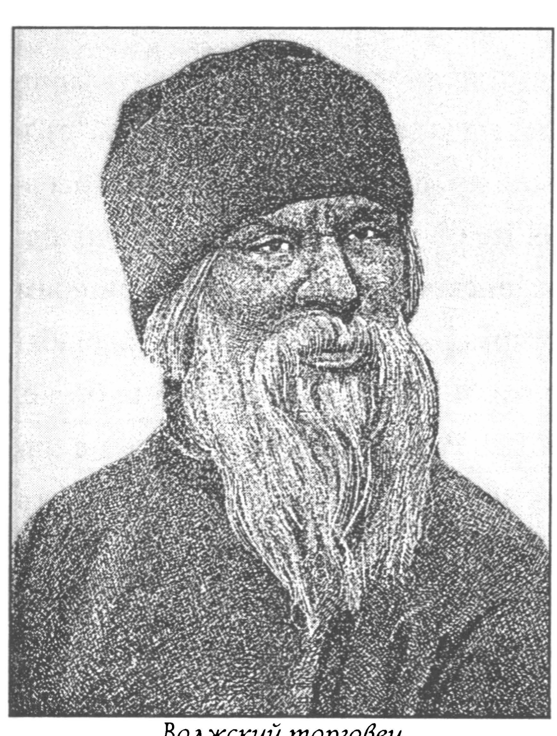
Товар	1726 г.		1735 г.		1745 г.	
	сумма, руб.	%	сумма, руб.	%	сумма, руб.	%
Шелк	41741	68,7	66905	43,8	36124	40,3
Ткани и изделия	12548	20,6	54831	35,9	56026	41,0
Хлопчатая бумага	402	0,6	1867	1,2	563	0,4
Меха	4407	7,3	9454	6,0	9688	7,2
Медь-лом	122	0,2	14208	9,3	13030	9,6
Продовольствие	671	1,1	893	0,6	1027	0,7
Прочие	888	1,5	4852	3,2	1192	0,8
Всего за год	60785	100	152710	100	136650	100

Таблица 1. ***Состав восточных товаров, вывозимых из Астрахани***

Записи в таможенных книгах за 1726-1745 гг. свидетельствуют, что количество восточных текстильных изделий, вывозимых через Астрахань на внутренний рынок России, составляло 4/5 стоимостной сум-

мы всех перевезенных товаров. В 1726 г. было отпущено 999 пудов шелка, в 1735 г. – 1273 пуда и в 1745 г. – 738 пудов. Количество шелка в 1745 г. уменьшилось в связи с ростом цен на него по сравнению с 1726 г. Кроме того, в 1745 г. было вывезено много крашеного шелка, который был значительно дороже шелка-сырца. Если последний стоил 45-55 руб. пуд, то второй – 75-100 руб. пуд.[2]

Определенное значение в вывозе имели меха и медь. Хотя вывоз мехов увеличился в денежном выражении в два раза с небольшим, но удельный вес их оставался неизменным и составлял 6-7% от суммы отпуска. В 20-х годах медь на внутренний рынок из Астрахани не поступала, потому что не было привоза из Закавказья и Ирана. К середине 30-х годов вывоз меди достиг 2,5-3 тыс. пудов в год и оставался стабильным в последующее время.



Волжский торговец

Состав местных товаров и удельный вес каждого из них по таможенной книге на явленные деньги 1726 г. виден из следующих данных: рыба частиковая – 18459; рыба красная – 10153; рыбные припасы – 2787; жир тюлений – 734; шкуры тюленьи – 746; овчины – 1566; меха – 734; кожи – 1267; сапоги калмыцкие – 1006. Общая сумма составила 37452 рублей.[3]

Рыба и рыбные припасы составляли основные товары. На их долю приходилось 83,8% от общей суммы вывоза местных товаров.

Основными поставщиками кож, овчин, сапог, шкур диких зверей (волков, лисиц, корсаков) были калмыки, занимавшиеся скотоводством и охотой. После их откочевки в конце 20-х годов из астраханских сте-

пей вверх по Волге ближе к Царицыну вывоз этих товаров из Астрахани резко сократился.

Развитие ткацкого ремесла, основание двух шелкоткацких мануфактур, производство дешевых полушелковых и хлопчатобумажных тканей и изделий из них (платки, ленты, фаты и т.д.), рассчитанных на массового потребителя, привели к тому, что с конца 30-х и особенно 40-х годов XVIII в. эти товары стали также вывозиться из Астрахани на внутренний рынок.

В 1730 г. торговля рыбьим клеем, икрой и рядом других товаров была объявлена казенной монополией. Продажу их отдали на откуп английским купцам. Такое решение было продиктовано стремлением увеличить приток серебра в Россию, перечеканка которого приносила казне значительную прибыль.[4]

Торговля астраханскими товарами приносила значительную прибыль купцам. Так, по данным Б.Б. Кафенгауза, восточные товары, стоившие в Астрахани 33,7 тыс. руб., были проданы в 1720 г. на Макарьевской ярмарке за 39,4 тыс. руб., т.е. на 16,9% дороже.[5] Особенно доходной была продажа на ярмарке астраханской рыбы. Согласно данным книг Рыбной таможни Макарьевской ярмарки, 28 купцов продали рыбы на 29599 руб., за которую они заплатили в Астрахани 15415 руб., т.е. разница составила 14184 руб. или 92%.[6] Разумеется, эта сумма не являлась чистой прибылью, поскольку из нее приходилось оплачивать таможенные пошлины, транспортные расходы, проценты, выплачиеваемые кредиторам, средства на взятки администрации и т.д. Но и с учетом этих расходов прибыль была достаточно большой.

Товарные связи Астрахани были обширны и охватывали огромную территорию: на севере крайними пунктами были Архангельск, Сольвычегодск, Устюг Великий, на северо-западе – Рига, Новгород, Петербург, на западе – Смоленск, на востоке – Тобольск. Из Астрахани в 20-40-х гг. XVIII в. вывозились товары в 70-75 пунктов страны, причем ежегодно в 40-45 пунктов, а иногда и более.

По данным таможенных книг можно наметить несколько основных районов, в которые направлялась основная масса восточных и местных товаров, вывозимых из Астрахани: 1) Центральный, в котором исключительную роль играла Москва; 2) Поволжье; 3) Юг и Юго-Запад; 4) Северо-Запад и 5) Запад (см. табл. 2).[7]

Пункт назначения	Число явок	%	Сумма, тыс. руб.	%
1726 г.				
Москва	50	18,3	31,8	32,5
Макарьевская ярмарка	59	21,6	41,2	41,9
Поволжье	117	42,8	17,4	17,7
Юго-Запад и Юг	7	2,6	3,7	3,8
Северо-Запад	2	0,7	0,2	0,2
Запад	17	6,2	0,9	0,9
Прочие	21	7,8	3,0	3,0
Всего	273	100	98,2	100
1735 г.				
Москва	112	32,6	55,4	35,0
Макарьевская ярмарка	47	13,7	47,7	30,2
Поволжье	86	25,1	17,6	11,1
Юго-Запад и Юг	52	15,2	24,0	15,0
Северо-Запад	22	6,4	3,9	2,4
Запад	2	0,6	0,4	-
Прочие	22	6,4	9,2	6,3
Всего	343	100	158,2	100
1745 г.				
Москва	122	36,6	87,2	42,9
Макарьевская ярмарка	16	4,8	16,3	8,9
Поволжье	90	27,1	48,1	23,8
Юго-Запад и Юг	29	8,7	16,4	8,0
Северо-Запад	19	5,7	7,4	3,6
Запад	23	6,9	14,8	7,3
Прочие	34	10,2	13,0	6,4
Всего	333	100	203,2	100

Таблица 2. Вывоз товаров из Астрахани на внутренний рынок (1726, 1735, 1745 гг.)

Таким образом, материалы Астраханской таможни позволяют установить определенную тенденцию, имеющую принципиальное значение: роль Москвы во внутреннем товарообороте Астрахани росла, а Макарьевской ярмарки уменьшалась. Как видно из табл. 2, в 1726 г. на долю Москвы приходилось 32,5%, в 1735 – 35%, в 1745 г. – 42,9%, а Макарьевской ярмарки, соответственно, 41,9%, 30,2% и 8% от общей суммы вывоза. Следовательно, один из основных выводов состоит в установлении растущего значения Москвы как ведущего, главного центра складывающегося всероссийского рынка.

В Москву, как и на Макарьевскую ярмарку, отпускались и восточные, и местные товары (рыба). Специфика заключалась в том, что подавляющая часть отправленных в Москву партий состояла из восточных товаров, а таможенные явки, фиксирующие отпуск на ярмарку, наряду с восточными товарами включали и значительное число астраханских товаров – рыбу и рыбные припасы.

Третье место в вывозе товаров из Астрахани принадлежало городам Поволжья. Ежегодно из Астрахани в города Поволжья направлялось от 85 до 100 и более партий товаров, причем сумма отпуска постоянно росла и с 1726 по 1745 гг. включительно увеличилась почти в три раза: с 17,7 до 48 тыс. руб. Первые места в торговле с Астраханью занимали Казань, Нижний Новгород и Ярославль.[8]

Астрахань также вела торговлю с Украиной и областью Войска Донского. Вывоз товаров из Астрахани в этот район за 20 лет вырос в несколько раз: с 2,6 тыс. руб. в 1726 г. до 16,4 тыс. руб. в 1745 г. Рекордным в торговле с этим районом был 1735 г.: по данным таможенных книг на явленные и товарные деньги в 10 пунктов из Астрахани поступило 57 партий товаров на 26813 руб., причем 3/5 этой суммы приходилось на Севск (10423 руб.) и Курск (5820 руб).[9] Сюда, в основном, поставлялись шелк, восточные ткани, меха и медь-лом. Решающую роль в торговле с этим регионом играли курские купцы: в 1735 г. на их долю приходилось 69,1%, а в 1745 г. – 88,2% от общей суммы вывоза на Юго-

Запад и Юг. Кроме них, в торговле участвовали купцы Москвы, Путивля, Белгорода, Воронежа и др.

На Северо-Запад товары из Астрахани направлялись постоянно, в основном, в Петербург и Новгород, иногда – в Ригу, Псков, Шлиссельбург, на Тихвинскую ярмарку. По данным таможенных книг, на явленные и товарные деньги в 1735 г. в Петербург было отпущено 13 партий товаров на 4381 руб., а в Новгород – на 1687 руб., или 4/5 всей суммы вывоза.

Большое место в вывозе в Петербург занимали восточные товары, причем ассортимент их был очень широк. В 1735 г., например, крупную партию шелка-сырца на сумму в 35,5 тыс. руб. в Петербург из Астрахани привез известный московский купец и фабрикант Д.Я. Земской. В том же году борисоглебский купец Иван Лодыгин доставил туда обширную по своему составу партию товаров на 4256 руб.

Рыба в привозе занимала относительно небольшое место, значительно уступая восточным товарам. В Петербург и Новгород поступала, главным образом, дорогая рыба – белуги, осетры, севрюги, паюсная икра. Так, ярославец А.Г. Дружинин повез из Астрахани в Петербург 785 осетров, 3100 севрюг и 271 пуд икры.

На западе, с Белоруссией, Астрахань была связана через Смоленск. В 20-30-е гг. XVIII в. вывоз в этот район был небольшим, но в 40-е гг. его значение выросло. Везли в этот район главным образом дешевую рыбу – судак, сазан, лещ, сом (свежесоленую – пластованную и вяленую) и недорогие хлопчатобумажные и полушелковые ткани и изделия. В 40-е гг. стали вывозить красную рыбу, икру паюсную и зернистую, небольшое количество шелка. Астрахань с XVIII в. устанавливает торговые связи со многими городами и селами Центрального района, Поморья, Приуралья, Урала и Сибири.

Российские купцы по сумме отпуска товаров занимали ведущее положение во внутренней торговле. Исключением является лишь 1724 г., когда больше других из Астрахани на внутренний рынок вывез-

ли индийские купцы. Это объясняется военными действиями в Закавказье в связи с Персидским походом Петра I, вызвавшими усиленный приток индийских купцов в Астрахань из Баку и Шемахи, где существовали большие индийские колонии. Если в торговле России с Закавказьем и Ираном российские купцы во многом уступали купцам индийским и армянским, то во внутренней торговле неравенство было явно в пользу российских купцов. Их доля в 20-40-х гг. XVIII в. в отпуске товаров из Астрахани неизменно росла: в 1726 г. она равнялась 55,4%, в 1733 г. – 57%, в 1735 г. – 70,4%, в 1745 г. – 73,8% от общей суммы вывоза. Статистика свидетельствует о том, что российские купцы постепенно вытесняли с внутреннего рынка иностранных купцов, захватывая в торговле ведущие позиции.[10]

Год	Всего		Купцы России		Индийские купцы		Купцы Закавказья, Ирана и Турции	
	число явок	тыс. руб	число явок	тыс. руб	число явок	тыс. руб	число явок	тыс. руб
1724	330	163,2	234	48,2	55	96,5	41	18,5
1726	371	98,2	218	55,3	24	32,1	29	10,8
1733	367	133,2	192	75,9	25	28,8	50	28,5
1735	343	158,2	285	143,8	15	20,7	43	23,7
1737	575	248,3	509	197,4	17	22,5	49	28,4
1745	332	203,2	294	149,2	18	27,4	20	26,6
1747	382	178,6	361	162,8	3	5,4	18	10,4

Таблица 3. Участие купцов в вывозе товаров из Астрахани на внутренний рынок (1724-1747 гг.)

Связи Астрахани на внутреннем рынке России во второй половине XVIII в. несколько сокращаются, изменяется и удельный вес основных российских центров в торговых отношениях с Астраханским краем. По-прежнему важное значение играют три промышленных центра России: Центральный, Поволжский и Северо-Западный районы.

Москва в XVIII в. была центром шелкоткацкой промышленности и, естественно, нуждалась в привозе шелка-сырца. Это обстоятельство повышало интерес московских купцов и фабрикантов непосред-

ственно к Астрахани как транзитному городу в торговле со странами Востока. Из Москвы везли товары, производимые в Центральном районе, но основную массу составляли реэкспортные европейские товары. К тому же ассортимент российских товаров московского производства, так же как и тульского, составлял небольшую часть от объема всех российских товаров.[11]

Из Петербурга, главного центра Северо-Западного района, в Астрахань поступали товары, изготовленные на его собственных мануфактурах. Это, прежде всего, ценная хрустальная посуда и галантерейные товары. Но в 60-е гг. привоз товаров из Петербурга резко сокращается и начинают поступать товары «московской руки». Москва в 70-80-е гг. XVIII в. перехватывает инициативу и в привозе европейских товаров.

В 80-90-е гг. первенство по количеству и ассортименту привозимых товаров в Астрахань переходит к Поволжскому району. Если в 50-е гг. российские товары привозились в Астрахань по торговому пути Петербург – Москва (Тула) – Нижний Новгород (Макарьевская ярмаорка) – Астрахань, то с 70-х гг. – по новому пути Казань – Нижний Новгород – Симбирск – Астрахань.[12]

Поволжский район, особенно с 80-х гг. XVIII в., становится основным поставщиком тканей, изделий из металлов, кожи, посуды, мехов и шкур, продовольствия и части москательно-химических товаров. За Москвой остается преимущество привоза бумаги, игл и галантерейных товаров.

§5. Внешнеторговые обороты Астрахани. Купечество

Географическое положение Астрахани неминуемо ставило ее в исключительно благоприятные условия во внешнеторговых связях, которые имела Россия со странами Востока. Быстрый рост производительных сил России в I четверти XVIII в., присоединение Прибалтики, упрочение позиций на Каспийском море, энергичные меры, предпри-

нятые правительством Петра I для развития торговли, обусловили рост товарообмена с другими странами. Правительство России особое внимание обращало на укрепление своих позиций на юго-восточном побережье Каспийского моря, планируя сконцентрировать на волжско-каспийской магистрали не только торговлю с Ираном, но и всю индоевропейскую торговлю. Позиции России упрочил Персидский поход 1722-1723 гг.

Смерть Петра I осложнила внешнеполитическую ситуацию в этом регионе. Активизировала свои действия Турция: она захватила Ленкорань и Ардабид и мечтала об отторжении от России ранее завоеванных ею прикаспийских территорий. В то же время в Иране не желали подтверждать русско-иранский трактат 1723 г.: его фактически не признавали и нарушали. Война с Ираном в сущности не прекратилась этим договором и в течение ряда лет в занятых русскими войсками провинциях шла «вялая война»: русскому командованию приходилось вновь подчинять отпадавшие районы.

Только весной 1728 г. афганский шах Ашраф, захвативший власть в Иране, согласился соблюдать прежний договор 1723 г. 21 января 1732 г. в Реште был подписан новый договор, по которому России переходили земли на побережье Каспийского моря и Ширванская область на Кавказе. Россия же уступала Ашрафу Гилян, Мизондаран и Астрабад, которыми она фактически полностью не овладела. Кроме того, этот договор (ст. 3) предоставлял России право свободной торговли через Иран с Восточной Идией и Бухарой.[1]

Русские торговые суда получали право свободного захода во все порты и выгрузки там товаров. Договор гарантировал русским подданным имущественную и личную безопасность в Иране. Хотя иранская сторона не всегда соблюдала ст. 3 договора, прибегая к взиманию пошлин на российские товары, однако торговые связи России с Ираном в XVIII в. стали развиваться более активно.

Следующим направлением торговых связей России через Астра-

хань была Средняя Азия. Более-менее регулярные торговые связи на этом направлении стали налаживаться в XVII в. Торговля с этим регионом велась как морем, через Мангышлак, так и сухопутно, через Гурьев в Хиву и Бухару. В XVIII в. Россия предпринимала попытки активизации торговли со Средней Азией. Посредниками в этой торговле были жители восточных слобод Астрахани, главным образом Бухарской.[2]

Хотя внешнеполитическая обстановка в 20-40-х гг. мало благоприятствовала развитию торговых отношений, однако торговые связи России со Средней Азией не прерывались. Более того, в 30-е гг. наблюдается тенденция увеличения взаимных торговых оборотов.[3]

Опасность караванной торговли активизировала морскую торговлю. До начала 20-х гг. XVIII в. преобладала морская торговля, которая велась из Астрахани до восточного Каспия к «Караганским пристаням» на полуострове Мангышлак, а затем сухопутно до Хивы и Бухары. В 1724-1725 гг. эти пристани были отданы на откуп астраханскому купцу Дмитрию Самарскому, а затем почти 20 лет торговля не велась.

В конце 1744 г. Караганские пристани взял на откуп астраханский купец Василий Артемьев. С этого времени торговля на Мангышлаке возобновилась, особенно во второй половине XVIII в.

Еще одним направлением русской торговли через Астрахань были торговые связи с Северным Кавказом. Торговля России через Астрахань на этом направлении берет свое начало с XVI в., но значительное развитие она получила лишь в первой половине XVIII в. Торговля велась через Терский город, Ставрополь, крепость Св. Креста и, несмотря на сложную внешнеполитическую обстановку, была оживленной и развивалась динамично, особенно с конца 30-х гг., после основания Кизляра.

В середине XVIII в. Астрахань продолжала сохранять статус транзитного города в торговле России с Турцией. Но обороты русско-турецкой торговли были невелики и достигали примерно от 4 до 8 тыс.

руб. в год.[4] Уже в 50-е гг. торговые связи с Турцией через Астрахань теряют свое значение и торговля прекращается.

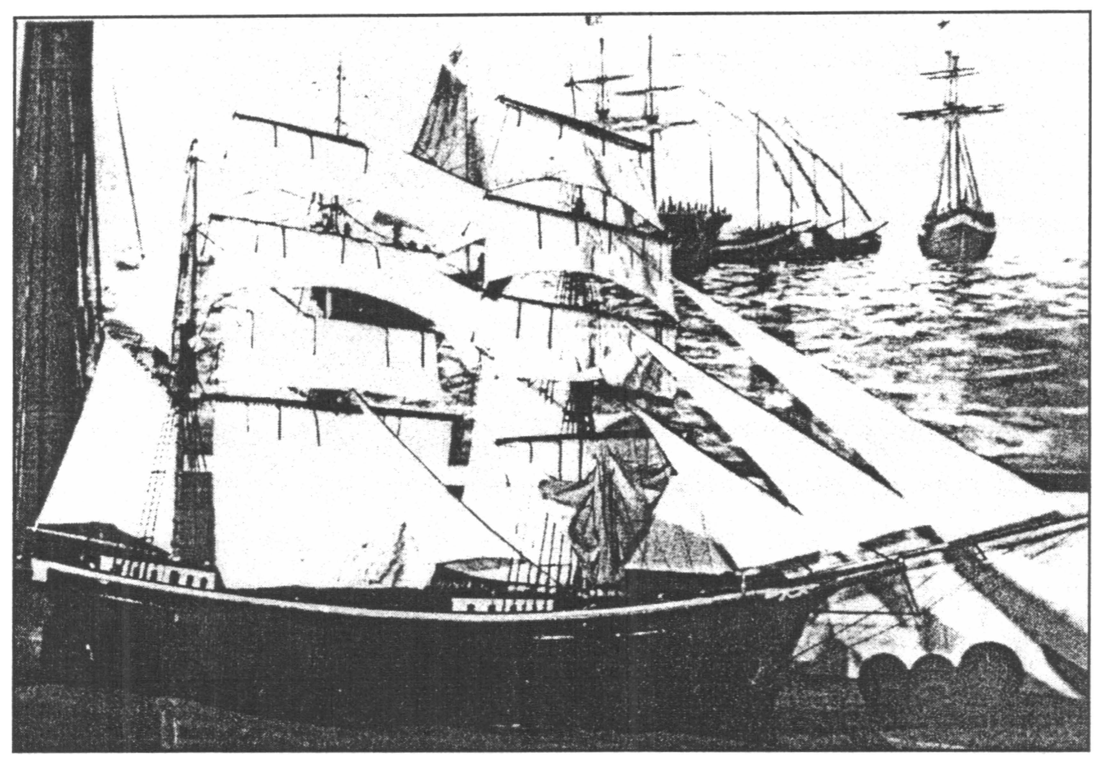
Во второй половине XVIII в. происходили значительные позитивные экономические сдвиги и в Средней Азии. Край постепенно начал вовлекаться в сферу международного обмена. Появляются свои торговцы-ростовщики. Местные феодалы и торговцы расширяли свои внешнеторговые связи. Посольства из Бухары Ирназара Максютова (1774-1776 гг. и 1779-1780 гг.) и Полванкули-пурги (1797 г.) пытались активизировать русско-азиатскую торговлю, но в XVIII в. этому мешали нападения на караваны в районе Хивы и Кыпчакской степи.[5]

Развитие торговли, русского судоходства на Каспии особенно активизировалось в царствование Екатерины II (1762-1796), которая обратила особое внимание на Закавказье и Каспийское море.

Русско-восточная торговля во второй половине XVIII в. велась в основном морем, вдоль западного побережья Каспия. Россия, имея практически один крупный порт на Каспии – Астрахань, контролировала всю торговлю на море. Наиболее близким портом от Астрахани был Мангышлак – центр торговли со Средней Азией. Расстояние морем между ними равнялось 373 верстам, и при попутном ветре судно преодолевало это расстояние за 24 часа.[6] Из иранских и азербайджанских портов торговое значение во второй половине XVIII в. имели: Энзили, Мизондаран, Астрабад, Сальяны, Дербент и Баку. Самым близким портом был Дербент (440 верст).[7] До Баку расстояние определялось в 716 верст, судно могло пройти его за 5-6 дней.[8] Порт Баку был лучшим местом для стоянки судов на всем побережье Каспийского моря. К тому же он являлся главным портом для торговли с Закавказьем.

Перевозку грузов на Каспии осуществляли русские мореходные суда. В I половине XVIII в. это было прерогативой мореходной компании и казенных судов. Только в 1750 г. Астраханская контора над портом отдала в аренду 15 мореходных судов для торговли с Ираном.[9] В 60-е гг. казна начала продавать суда астраханскому и иногороднему

российскому купечеству, разрешалось и самостоятельное строительство судов. В 1769 г. указом Правительствующего Сената было дозво-



Торговое судно

лено и астраханским армянам строить мореходные суда.[10] К 1766 г. у астраханских купцов было уже 25 собственных судов,[11] а к концу века (1794 г.) – уже 31 мореходное судно; у иногородних купцов – 10 мореходных судов.[12] Определить точное количество судов, принимающих участие только в торговле со Средней Азией и Ираном, не представляется возможным. Вместе с тем ведомость о движении мореходных судов за 1794 г. свидетельствует о движении 34 торговых и промысловых судов; еще 10 судов было отправлено в Кизляр с казенным провиантом и другими грузами.[13] В 1785 г. к Астраханскому порту было приписано 57 мореходных судов.[14] Приведенные данные не учитывают казенные суда, которые также занимались перевозками на Каспии.

Грузоподъемность мореходных судов была различной, от 6000 до 12000 пудов или от 96 до 196,5 тонн.[15] Если не учитывать материалы и

припасы, необходимые для поддержания жизнедеятельности судна (они занимали до 60% всей грузоподъемности), русские мореходные суда могли перевозить товаров от 2,5 до 5 тысяч пудов или 40-80 тонн. Таким образом, 4-5 судов с тоннажем 10-12 тысяч пудов могли полностью удовлетворить потребности каспийской торговли.

Сухопутных караванных путей к Астрахани было два. Один проходил от Дербента через Кабарду, но здесь торговля велась слабо. Другой связывал Среднюю Азию через Бухару, Хиву и Гурьев с Астраханью. Однако и он развития не получил, так как караванная торговля была опасной из-за нападения кочевников. К тому же для торговли со Средней Азией Россия имела Оренбург и Троицкую крепость.

Политика России в торговле со странами Востока через Астрахань включала в себя таможенный, национальный и стратегический принципы. Они давали преимущественное право торговли русским купцам по низким таможенным пошлинам. В некоторых случаях, в зависимости от происхождения товаров, русское купечество совсем освобождалось от уплаты торговых пошлин, причем приоритет отдавался товарам российского производства.

Для астраханской торговли была предпринята попытка ввести особый таможенный тариф, который бы стимулировал торговую инициативу местного купечества. Инициатором создания такого тарифа был астраханский губернатор В.Н. Татищев. В своем донесении в Коммерц-коллегию от 19 октября 1743 г. и в сочинении «Рассуждения о проекте Тарифа для Астраханского порта»[16] он последовательно отстаивает свою инициативу. Сам текст Тарифа долгое время не был найден и считался утерянным, но в делах комиссии о конверсии он сохранился.[17] Этот Тариф был составлен под руководством В.Н. Татищева с помощью российского, индийского и армянского купечества и был подписан составителями 10 марта 1774 г.

В.Н. Татищев настаивал на вывозе в восточные страны железа. стали, цветных металлов, оружия, пороха, селитры, военного снаря-

жения и материалов, необходимых для строительства и оснащения флота. Он не считал, что такая торговля приведет к опасному для России усилению Ирана. В своей записке В.Н. Татищев замечал, что Швеция на море для России гораздо опаснее, между тем шведам в мирное время продают все материалы, необходимые для флота, и они могут покупать столько сколько считают необходимым. Поэтому нет смысла отказывать в этом Ирану, который «нам вред нанести... никакого способа не имеет».[18] Татищев исходил из реальной обстановки астраханской торговли и хотел добиться поднятия ее силами русского купечества, которое, по его мнению, пока не могло конкурировать с восточными и армянскими купцами.

В.Н. Татищев (1686-1750 гг.)

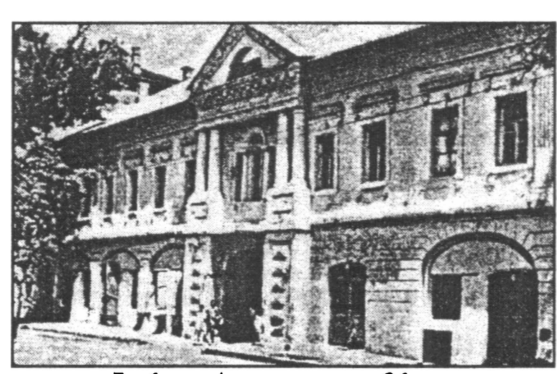
Но у правительства, по-видимому, было другое мнение на этот счет. Предложения Татищева, равно как и его Тариф 1743 г., не были приняты, хотя некоторые его идеи использовались во второй половине XVIII века.

Так, например, Тариф 1777 г., частично используя идеи В.Н. Татищева, устанавливал максимальную пошлину на азиатские товары в 30%, средняя пошлина равнялась 10-12%, отечественные товары облагались пошлиной в среднем около 5%.[19]

Идея В.Н. Татищева о необходимости повышения статуса российского купечества стала воплощаться со второй половины XVIII в. С этой целью было создано три крупных купеческие компании: «Астраханская мореходная компания», «Компания персидского торга» и «Ком-

мерцствующая по левую сторону Каспийского моря» графа Воронцова.[20] Первая компания должна была объединить частных владельцев судов на Каспии. Никто, кроме них, не имел права иметь суда на Каспии и торговать продуктами питания.[21] Две другие компании фактически поделили сферы влияния всей астраханской торговли. Персидская компания торговала в Персии и Закавказье, компания графа Воронцова – на восточном побережье Каспия, со Средней Азией.

«Астраханская мореходная компания» постепенно теряла свое значение, так как остальным компаниям было разрешено иметь суда и на них перевозить свои товары. Астраханское купечество, не вошедшее в эти компании, не имело права вести заграничную торговлю. Свободная конкуренция в таких условиях была невозможна. Торговые обороты астраханской торговли стали падать. Ситуация стала меняться после принятия именного указа Екатерины II от 31 июля 1762 г., который полностью отменил монополию в торговле и предоставил право свободной торговли астраханским купцам. В частности, астраханскому купечеству было разрешено строить и содержать свои собственные суда на Каспии для промыслов и торговли. Полностью потеряли привилегии и Персидская компания, и компания графа Воронцова.



Бывшее Армянское подворье в Астрахани

Таким образом, астраханское купечество, как и российское в целом, имело приоритет в политике правительства в заморском торге через Астрахань.

По мере расширения внешнеторговых связей России возрастала роль Астрахани как посредницы в торговых операциях России между Востоком и Западом. На протяжении всего XVIII в. постоянно шел прирост торговых оборотов через астраханский рынок. Хотя в этом

процессе иногда и были незначительные спады, однако они заметно не сказывались на общей тенденции этого роста.

По подсчетам А.И. Юхта, торговые обороты в конце 30-х годов составляли в среднем 724 тыс. руб. в год, а в 40-е годы выросли на 67,7%. Общая сумма оборотов Астраханской торговли за 1737-1745 гг. составляла 9,5 млн. руб. или в среднем немногим более 1 млн. руб. в год.[23] Но торговый баланс был пассивным, вывоз российских и европейских товаров за 1737-1745 гг. был меньше импорта из стран Востока на 108 тыс. руб.[24]

В целом во второй половине XVIII в. торговый баланс России был активным (вывоз из Астрахани составил в среднем за год 383746 руб., а импорт – 303544 руб.), общая сумма экспорта и реэкспорта европейских товаров составила 16,1 млн. руб., а импорта – 12,7 млн. руб. В отдельные годы импорт превышал экспорт. Это происходило за счет массированной интервенции европейских товаров, которые скапливались на рынках Востока, а потребность в них в последующие годы снижалась, поскольку емкость рынков Востока была незначительной.

В XVII- первой половине XVIII в. в торговле России и стран Востока принимали участие несколько национальных групп купечества: иранцы, подданные армяне, индийцы, купцы Средней Азии, торговые люди России и некоторые группы иностранного купечества, не игравшие значительной роли. Господствующее положение в торговле занимали зарубежные армянские купцы, особо выделялась Армянская компания. На их долю приходилось 94,4% импортируемого шелка, на долю русских купцов – всего 5,6%.[25] В 40-х годах в связи с участием в транзите англичан и более активной ролью русского купечества позиции армянского купечества были несколько потеснены.

Во второй половине XVIII в. купечество России вместе с армянами, принявшими временное подданство, неуклонно повышали свои торговые обороты и в 50-е годы прочно захватили первенство, обладая 70-80% оборота восточной торговли. Но, начиная с 70-х годов, оборо-

ты торговли русских и принявших подданство армянских купцов начали падать и к концу века составили 6%. Первенство у российских торговых людей перехватили купцы Ирана и Закавказья. Во второй половине XVIII в. по среднегодовым показателям российские торговые люди занимали второе место в торговых оборотах восточной торговли (36,6%), уступая купцам Ирана и Закавказья (43,7%), но опережая индийских (9,3%) и среднеазиатских купцов (10,4%).[26]

Среди купечества, осуществлявшего торговые операции в Астрахани, наиболее активным являлось местное. На его долю приходилось 71,6% общей суммы вывоза товаров и 62,3% общей суммы импорта.[27]

Астраханское купечество состояло из двух групп: купцов русских и восточных колоний и слобод.

Самыми богатыми были купцы Армянской и Индийской колоний. Кроме того, в Астрахани существовали две татарские слободы, первая была заселена юртовскими татарами, вторая – выходцами из Казани. Из многих национальностей, проживавших в Астрахани, только индийцы не входили в состав торговых людей России, и их торговые операции относились к операциям зарубежных купцов.

Внешней торговлей занималась небольшая часть русского купечества Астрахани. В 1725-1750 гг. в торговле принимали участие от 10 до 25 купцов ежегодно. Среди них преобладали крупные купцы с операциями свыше 1000 руб., на их долю приходилось 68,5% общей суммы торговли. В верхушку астраханского купечества входили: Т.Д. Лошкарев, Ф.И. Кобяков, А.Г. Скворцов, И.И. Телепнев, Г.А. Скворцов, Л. Иванов, И. Лошкарев, И. Лазарев, П. Туркин, П.Л .Скворцов, Л. Мочалов, Б. Николаев, П. Квасников.

Кроме русского купечества, в торговле с Закавказьем и Ираном принимали участие купцы восточных колоний Астрахани. Наиболее активными были армянские купцы. Но и среди них основные обороты в торговле приходились на долю крупных купцов.

Астраханское купечество, сокращая свои внешнеторговые опе-

рации на Каспии, имело возможность поправить дела на внутреннем рынке России.

По ведомости Астраханского городского магистрата 1796 г., в купечестве было записано 427 фамилий (1189 мужчин и 63 женщины) с капиталами 1091791 руб. В I гильдии состояло 9 фамилий (40 человек) с капиталами 185500 руб. (17%); во II гильдии – 9 фамилий (32 человека) с капиталами 72755 руб. (6,7%). К 1796 г. денежный ценз для купечества I и II гильдий был поднят от 8 до 16 тыс. руб., что значительно сократило число купеческих фамилий в этих гильдиях.

К концу XVIII в. астраханское купечество достигло апогея своего развития, но уже в начале XIX в. положение стало меняться. По ведомости купцов г. Астрахани 1802 г. в гильдейском купечестве числилось 245 купеческих фамилий с капиталом 789677 рублей.[28] В I гильдии числилось 14 купцов и один именитый гражданин Макар Каустов с общими капиталами 287200 рублей (36,4%). У многих купцов наблюдалось снижение капиталов и довольно значительное: С. Шарыпин снизил капитал с 20 тыс. руб. до 16100 руб., Матвей Иванов – с 51 тыс. руб. до 17 тыс. руб. и т.д. В среднем на одну фамилию приходилось даже меньше капиталов, чем в 1796 г.: вместо 20611 руб. – 19146 руб. Купцы II гильдии (5 фамилий) владели 42850 руб. общего капитала (5,4%), что показывало рост капиталов одной фамилии в среднем на 69 рублей в год. Купечество III гильдии состояло из 225 фамилий с капиталом 459627 руб. (58,2%). Здесь рост капиталов в среднем на одну семью составлял 57 копеек в год (в сравнении с 1796 г.).

В связи с продолжающейся помещичьей колонизацией края в конце XVIII в. дворяне приобретали не только земли. В 1797 г. князю Куракину были подарены в вечное владение учуги и рыбные ловли Астраханские, Чуркинские и всего астраханского купечества. Граф Кутесов в 1799 г. приобрел Енбенские (эмбенские) воды со всеми устьями и островами в море. Рыбные ловли приобрели почти все дворяне, получившие земли в Астраханском крае.[29]

К 1800 г. воды и земли Волги и Каспийского побережья на 90% стали собственностью дворян.[30]

Астраханское купечество могло заниматься рыболовным промыслом, только арендуя земли и воды у дворянства. Сокращение капиталов и количества астраханского купечества было напрямую связано с усилением дворянского землевладения. Приобретать же земли купечество не имело права. Только в 1819 году братья купцы Сапожниковы смогли приобрести земли и воды у российского грека Варвация за 875 тыс. руб., но записаны они были на сестру Сапожниковых Милашеву, имевшую дворянское звание (до этого Сапожниковы платили за аренду промыслов 200 тыс. руб. в год).[31]

В условиях господства дворянской собственности на землю резко снизилась возможность накопления капиталов у астраханского купечества.

В этой ситуации более активную роль в торговле стали играть зарубежные купцы. Речь идет об индийцах – жителях Индийской колонии в Астрахани, не подданных России и временно приезжавших из Закавказья, Ирана и Средней Азии. Самым активным отрядом заграничного купечества были торговые люди Ирана и Закавказья.

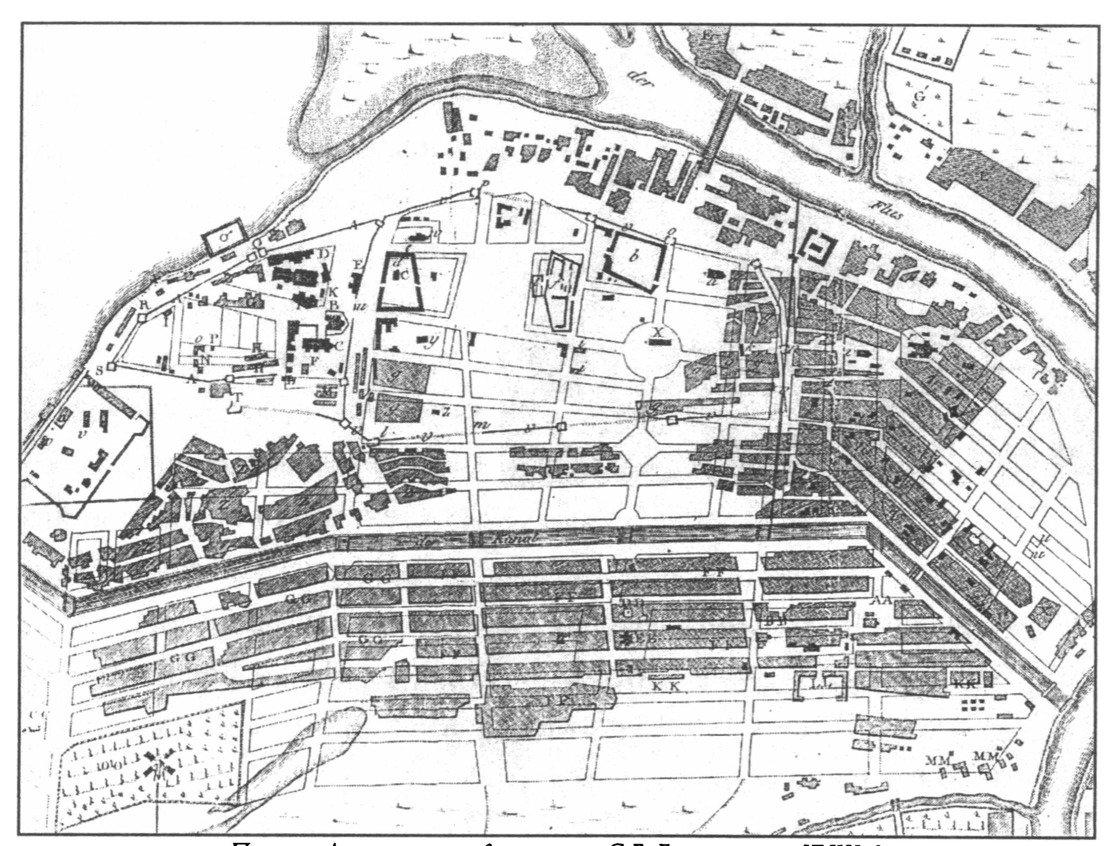
Индийское купечество, активно участвующее в каспийской торговле в I половине XVIII в., во второй половине резко сокращает долю своего участия, предпочитая вкладывать деньги в ростовщические операции, а не в торговлю.[32]

Отмечая снижение доли астраханских купцов во внешнеторговой деятельности к концу XVIII в., следует учитывать, что этому в определенной степени способствовала и торговая политика российского правительства. Предоставляя широкие возможности иностранным купцам как посредникам России в заграничной торговле и преследуя цели пополнения казны за счет высоких пошлин, оно тем самым создавало сильную конкуренцию российскому, в том числе и астраханскому, купечеству, вытесняемому с рынков Востока. Но вместе с тем, имея воз-

можность сочетать торговую деятельность с промысловой, астраханские купцы стабильно сохраняли за собой прочные позиции на внутреннем рынке Росии.

§6. Строительство Астрахани в XVIII веке

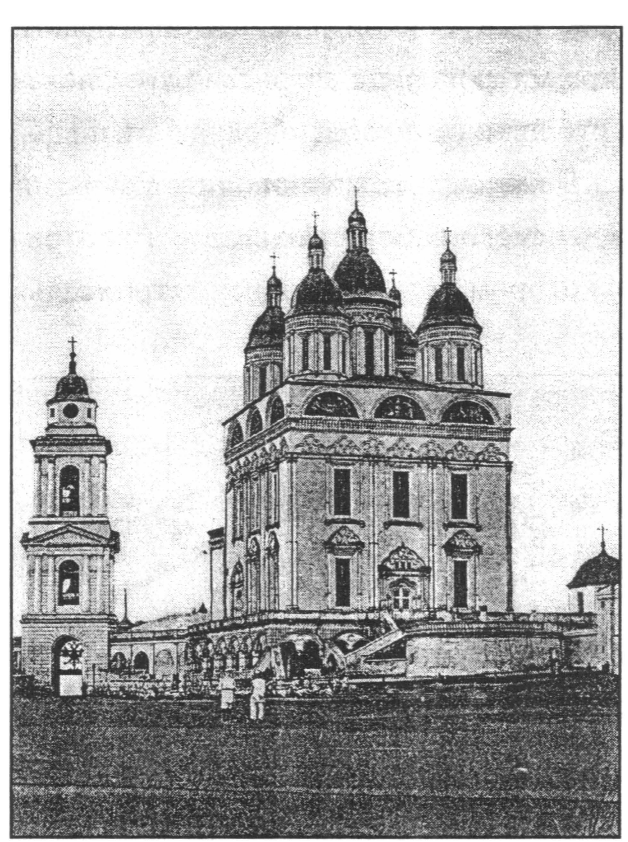
Начало XVIII в. в Астрахани было ознаменовано знаменательным событием – окончанием строительства кафедрального Успенского собора на территории кремля. Сооружение Успенского собора происходило в 1698-1710 гг. на месте ранее построенной церкви. Сбор средств на его постройку начался еще при митрополите астраханском Савватии. Было собрано до 10 тысяч рублей и был найден подрядчик по доставке строительных материалов. После смерти митрополита Савватия устройством кафедрального Успенского собора занялся его воспреемник митрополит Сампсон, при котором и было закончено строитель-



План г. Астрахани, выполнен С.Г. Гмелиным. XVIII в.

ство собора. С 1700 г. строительными работами на Успенском соборе руководил Дорофей Мякишев, который и является автором его художественного облика. 17 августа 1710 г. состоялось освящение кафедрального Успенского собора, который был одновременно и усыпальницей астраханских митрополитов, под плитами собора в XVIII в. были захоронены грузинские цари Вахтанг VI и Теймураз II.

Архитектура Успенского собора оригинальна и представляет собой органичное соединение традиций русского средневекового зодчества, о чем свидетельствует декоративное убранство нижнего яруса собора и гульбища, и приемов так называемого «нарышкинского барокко» второго яруса собора. Двухэтажный объем собора со всех сторон окружает двухъярусная галерея-гульбище с аркадой по нижнему ярусу. На «пьедестале» резного пояса из балясинок, сухариков, дынек и ажурной галереи вырастает в стройном движении вверх архитектурных масс объем верхнего храма, завершенный пятиглавием. Нижний, зимний храм Успенского собора посвящен Владимирской Богоматери, первому образу, привезенному в Астрахань в 1568 г. игуменом Кириллом от царя Ивана Васильевича. До 1793 г. в день 23 июня икону обносили вокруг кремля и Белого города при торжественной обстановке.



Успенский собор Астраханского кремля

Посещение Астрахани императором Петром I в 1722 г. сказалось

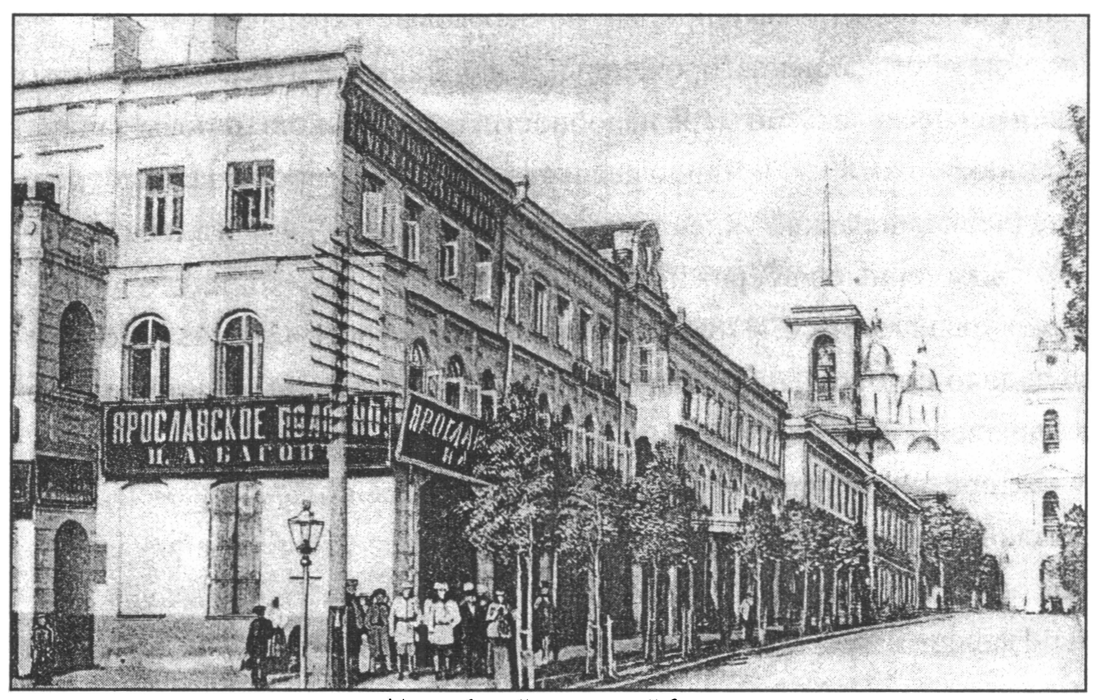
благоприятно для города. По его распоряжению произошло основание Адмиралтейства, началось обустройство Садовой конторы на одном из бугров в южном предместье города. Было также принято решение о строительстве канала по южной границе Белого города. Строительство судоходного канала, соединяющего реки Волгу и Кутум, потребовало выполнения больших дренажных работ. Их выполнение привело к осушению центра Белого города и близлежащих болот и солончаков. Работы по устройству канала, начатые в 1744 г., продолжались почти до конца XVIII в., поскольку не хватало средств. В 1770 г. канал был практически прорыт, но береговые укрепления не окончены, устья оставались загороженными забойками, в отверстия которых в канал впускалась, по мере надобности, вода. Весною шлюзы запирались накрепко, во избежании несчастных случаев, поскольку набережные были ненадежно укреплены. Со временем предполагалось оборудовать каменные набережные. Через канал было перекинуто четыре деревянных моста. В 1785 г. последовал Высочайший Указ: «Сообразить дело по окончанию канала». Но за отсутствием средств дело по окончанию обустройства канала затягивалось.

Первая половина XVIII в., несмотря на некоторые изменения в связи с преобразованиями Петра I, не отразилась существенно на внешнем облике города. В 1769-1770 гг. в Астрахани побывал Самуэль Готлиб Гмелин, известный путешественник, натуралист, с 1767 г. академик Петербургской АН. В своих записках он оставил подробное описание города Астрахани, его предместий, историю и жизнь некоторых народов, населявших город и окрестности. Гмелин описывает Белый город, окруженный полуразрушенной каменной стеной с башнями, дом губернатора, пространные Гостиные дворы, в центре Белого города – Русский, Восточные и «великолепный Спасский монастырь».

Знаменательным событием в жизни города в середине XVIII столетия стало строительство Римско-католического костела близ набережной канала. Римские миссионеры Капуцинского ордена впервые

появились в Астрахани в начале XVIII столетия. Возможности торговли между Западом и Востоком привлекали в Астрахань многих иностранцев.

На средства католической миссии первоначально был построен деревянный костел, в котором проводили службы и при котором была открыта Латинская школа. Прибывший в Астрахань в 1760 г. патер Ромуальдус предпринял большие усилия по сбору средств и строительству каменного здания костела вместо деревянного. В 1762 г. строительство каменного костела было, в основном, закончено и в нем шли



Московский гостиный дом

службы. Торжественное освящение костела с разрешения Папы Римского Пия IV произошло 7 октября 1778 г. «...с необычайной торжественностью, в присутствии русских чиновников и при огромном стечении народа разных сословий и наций».[1] Священники Астраханского костела занимались миссионерской деятельностью по всей Астраханской губернии, при костеле существовала библиотека по всем отраслям знаний. Патер Ромуальдус, имевший медицинское образование, занимал-

ся медицинской практикой на территории вплоть до калмыцкой и киргиз-кайсацкой степей: при костеле постоянно действовала известная в городе аптека.

В середине XVIII столетия Астрахань, благодаря стараниям губернатора Н.А. Бекетова, была внесена в списки русских городов, подлежащих реконструкции, согласно планам преобразования России Екатерины II.

При самом активном участии губернатора «...Астрахань стала при-

Дом Губернатора. Архитектор А. Дигби

обретать новый более благоприятный вид. Утопая до этого времени в грязи, по множеству солончака, при нем стала обстраиваться каменными домами, особенно после опустошительного пожара в 1768 году: для обстройки Белого города каменными домами по правилам архитектуры. Высочайше разрешено было выдавать жителям из Ссудного банка по его старанию учрежденного в Астрахани, сроком на десять лет, 170 тыс. руб. Для улиц, по его же распоряжению, каждое судно приходящее сверху обязано было привезти по десяти больших кам-

ней, которые заготавливали для мостовой...».[2]

Важное значение в реконструкции г. Астрахани сыграл Генеральный план 1769 г., составленный известной Петербургской «комиссией Бецкого», разрабатывающей планы реконструкции и других городов России. В Генеральном плане 1769 г. была детально разработана планировочная структура старой Астрахани, которая, в основном, сохранилась до нашего времени. В плане была заложена основа ансамблевости застройки Белого города и идея «протяженного центра». Для пре-

Русский гостиный дом

творения в жизнь принципов реконструкции города, согласно Генеральному плану, в Астрахань был приглашен профессиональный архитектор Александр Дигби, который прибыл в 1786 г. и успешно работал до 1803 г. Он заложил основы характера астраханской архитектуры – камерность и изящность позднего классицизма и южный колорит. В 1804 г. архитектор написал о себе следующие: «Я итальянец по национальности и подданной Его Величества короля Австрии, мне 46 лет. я женат, имею четверых детей и тещу вдову... Я имел честь служить Ее

Императорскому Величеству в качестве архитектора губернского города Астрахани с 1786 по 1803 гг. и в этот промежуток времени я выполнял свои обязанности с успехом и со всем рвением...».

В Астрахань, опустошенную пожарами 1767, 1778, 1782 гг. А. Дигби попал вскоре после правительственного Указа 1785 г. о составлении нового Генерального плана Астрахани, укреплении стен Белого города, устроении верфи, Гостиных дворов и Народного училища. Новый Генеральный план потребовался потому, что, составленный архитектором «комиссии Бецкого» А.В. Квасовым Генеральный план 1769 г.

Астраханская гимназия

не учитывал исторически сложившуюся планировку старого города. Созданная Екатериной II в 1762 г. «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» вскоре превратилась в государственную проектно-строительную организацию, возглавил которую близкий к императрице государственный деятель И.И. Бецкий. К 1775 г. этой комиссией было уже разработано 216 планов губернских и уездных го-

родов, подлежащих реконструкции. Деревянные строения по новым планам, особенно в центре города, фактически запрещались. В комиссии работали крупнейшие русские архитекторы – А.В. Квасов, разработавший новый Генеральный план Петербурга в 1763-1769 гг., а также планы Москвы, Твери, Казани, Астрахани, Ярославля и других городов; И.Е. Старов и И. Лем. В записке И.И. Бецкого указано: «...регулярство, предполагаемое при построении города, требует, чтобы улицы были широки и прямы, площади большие, публичные здания на способных местах и прочие, все дома в одной улице состоящие строить надлежит с обеих сторон, до пересечения другой улицей сплошной фасадой, выше и длиннее на двор, нежели на улицу», что регулярность содействует «пользе общественной», «ободряет жителей к труду и работе...».[3] Переработка Генерального плана 1769 года потребовалась еще и потому, что А.В. Квасов при составлении плана Астрахани исходил из неверных сведений о будто бы разрушенных стенах Белого города и Житного двора. В действительности эти стены, необходимость ремонта которых подтверждалась решением Сената в 1797 г., пересекали территорию намеченных А.В. Квасовым кварталов и площадей. Кроме того, план 1769 г. и частично корректировавший его план 1774 г. не учитывал исторически сложившейся архитектуры ценра Астрахани. Эти недостатки предстояло устранить новому городскому архитектору А. Дигби, в целом сохраняя принцип Генплана А.В. Квасова 1769 г.

Разработка Генплана Астрахани велась А. Дигби с 1786 по 1798 гг., он был подписан последним из семи сменивших друг друга губернаторов Н.С. Захаровым. Генплан Астрахани был высочайше утвержден в 1801 г., к нему прилагались Правила производства построек. Таким образом, в Астрахани на деле осуществлялась политика императрицы Екатерины II по преобразованию русских городов, имевшая связь с реформами государственного административного управления. В честь Екатерины II, предпринявшей меры к преобразованию города, главная улица Белого города Большая или Большая Продольная с этого

времени официально именовалась Екатерининской.

По реконструкции города, согласно Генплану, прежде всего начал осуществляться ряд противопожарных мер: расчистка от ветхих построек кремля и Белого города, освобождение проезда между ними от деревянных лавок, явившихся причиной пожара 1778 г., устройство вокруг Белого города эспланады, застройка каменных строений не ниже и не выше двух этажей. Владельцам сносимых домов выделялись безвозмездно участки в заканальной части города для строитества жилых домов и для закладки новых садов. В экспликации Генплана оговорено, что «по сему плану назначается в ломку... обывательских домов ветхих и малых три, а деревянных весьма меньше, нежели в планах предыдущих». Армянским и татарским кварталам придавалась строго прямоугольная форма, а меридианальные улицы этой части города обустраивались перпендикулярно каналу, прорытому в 1794 г. Эта планировочная структура подчеркивала общую ориентированность заканальной части на кремль и Белый город, ее подчиненность историческому ядру.

Вместо намеченных А.В. Квасовым предместных общих торговых площадей А. Дигби предложил устройство специализированных площадей по видам торговли – мясом, рыбой, фруктами, сеном, дровами и другими товарами. Они должны были располагаться близ рек Кутума и Волги, равномерно рассредоточив розничную торговлю вдоль водных границ Белого города, еще более подчеркивая этим его островной характер. Генпланом А. Дигби предусматривалось устройство набережных, разводных мостов, шлюзов, земляного вала для защиты новых южных кварталов от разлива речки Бакалды, а также валов и рвов вокруг Белого города.

Одной из важных планировочных задач А. Дигби было решение обустройства центра Белого города. Роль Астрахани как главного рынка России в торговле со странами Востока предопределила своеобразие строений центра Белого города в связи с их функциональным на-

значением. Главная улица Белого города еще в 1660-х гг. была сформирована монументальными объемами четырех гостиных дворов – Русского у восточной стены кремля, Армянского, Индийского и Персидского – вдоль главной улицы города – Большой Продольной. К концу XVIII столетия эти сооружения пришли в непригодность из-за ветхости конструкций: Индийский двор пострадал от пожара, а часть строений обветшавших Армянского и Русского дворов были предназначены к слому. Для перестройки Русского гостиного двора в 1784 г. инженером М.П. Кутузовым был составлен проект, но строительство двора не состоялось. А. Дигби предполагал фасадом Русского гостиного двора оформить западную границу Торговой площади, но его проект также не состоялся. Русский гостиный двор был перестроен только в 1825 г. по проекту Александра Депедри.

Восточный фасад Торговой площади был образован домом купца Минея Диланчеева, с лавками на погребах внизу и жилыми покоями наверху, строившегося в 1790-х гг. по проекту А. Дигби.

Грузинский дворянин, «таможенных дел советник» Мина Диланчеев предполагал построить ансамбль из пяти строений с церковью: это был единственный в истории города грандиозный замысел, которому не суждено было воплотиться полностью в жизнь. Проект ансамбля построек М. Диланчеева был составлен А. Дигби, но начатое строительство из-за стесненных материальных обстоятельств заказчика осталось не завершенным. В 1787 г. М. Диланчеев обратился к губернатору с прошением о ссуде на продолжение строительства. Полученные по Указу Сената 75 тысяч рублей не поправили финансового положения М. Диланчеева. В 1791 г. в Сенат поступила жалоба по поводу невыплаты М. Диланчеевым ссуды с предложением о конфискации строящихся строений для размещения в них присутственных мест: окончательное решение было принято в 1798 г. Именной Указ императора Павла I повелевал принять сооружение в казну и разместить в нем присутственные места, т.е. службы губернатора. Сохранив-

шиеся чертежи ансамбля домов М. Диланчеева представляют архитектурное решение в стиле классицизма: главный корпус ориентирован по улице Большой Продольной, Торговая площадь с этого времени стала именоваться Губернаторской.

Квартал по южной стороне Торговой площади также перестраивался в 1790-х гг.: восточную его часть, угол улиц Паробичебугорной и Большой Продольной, занимало Ш-образное трехэтажное «на погребах» здание Московского гостиного дома и Главного народного училища, а между ними – двухэтажный корпус Приказа Общественного призрения. С запада вплотную к ним примыкала Семинария, ряд одноэтажных каменных строений которой, расположенных вокруг Входо-Иерусалимской церкви, был объединен и надстроен по проекту А. Дигби. Единый фасад Московского гостиного дома и Семинарии образовал южную сторону Губернаторской площади. Северный фасад Губернаторской площади, на которой в связи с переименованием из Торговой был устроен сквер, образовали здания казачьего Пансиона и Управления и строения Николо-Гостиной церкви. Таким образом, в конце XVIII-начале XIX столетий был сформирован ансамбль Губернаторской площади и заложен характер ансамблевости в застройке Белого города в стиле позднего классицизма – ампир, где было подчеркнуто единообразие в архитектуре и подчинение «единого целому».

За границами Белого города, согласно Генерального плану, в конце XVIII столетия были построены загородный Дом губернатора Бекетова и закончено строительство комплекса дома Демидова. Загородный дом Бекетова был построен на набережной канала среди городских садов; для проезда на заканальную сторону рядом с домом Бекетова через канал тогда же был перекинут мост, впоследствии получивший наименование Троицкого, по имени близлежавшей церкви во имя св. Троицы. Загородный дом Бекетова, как и большинство построек того времени, выполнен в стиле ампир с ложным портиком в дорическом стиле по главному фасаду.

На набережной реки Кутума, на стороне города, еще в начале XVIII столетия появились строения Торгового дома Демидовых – двухэтажные корпуса «на погребах», по нижнему ярусу – склады, по верхнему ярусу – жилье. Позднее более ранние строения были объединены еще двумя корпусами, образовавшими замкнутую структуру. Черепичные крыши, небольшие оконца с характерными «щечками» откосов, решетки первого и подвального этажей – все эти архитектурные элементы представляют характерные строительные приемы XVIII столетия.

К этому времени Астрахани уже не угрожали постоянные набеги с востока и юга. Астраханский кремль и стены Белого города потеряли свое оборонное значение, границы Белого и Земляного городов стали «размываться», город развивался, в основном, на юг и восток, согласно Генеральному плану Астрахани. В конце XVIII столетия строительное преобразование в Астрахани набирало силу.

§7. Просвещение в Астрахани в XVIII веке

Просвещение в Астраханском крае берет истоки в глубине веков, когда обширная территория Нижней Волги была присоединена к Московскому государству.

Развитие школьного дела в Астрахани и губернии отражает особенности местной экономики, уровня культуры, географического положения края и разноплеменного населения. Первые источники о существования в Астрахани школьного обучения относятся к XVIII в. Однако многие исследователи астраханской старины высказывают мнение о том, что обучение в Астрахани велось и раньше. Один из первых историографов Астрахани М. Рыбушкин утверждает, что обучение детей грамоте началось с присоединения Нижнего Поволжья к Московскому государству, когда царь Иван IV повелел астраханскому игумену при Троицком монастыре обучать детей русских и магометанских, обращенных в православие.[1] Известный астраханский крае-

вед Ф.Ф. Шперк также склонен считать, что учебным делом в Астрахани всегда занималось духовенство, готовя для себя грамотных людей. Этого от них требовало и решение Стоглавого собора (1551 г.).[2] Советский историк образования Е.Н. Медынский пишет, что после завоевания Казани в 1552 г. там была учреждена епархия. Духовенство получило от царя указание обращать татар, чувашей и другие народы в православие, помещать детей в миссионерские школы, где их обучали «закону христьянскому и языку славяно-российскому».

«После покорения Астрахани в 1557 г., – пишет Е.Н. Медынский, – такие же школы «нужды ради священства» стали открываться и в Астрахани».[3] Безусловно, с течением времени возникали в Астрахани крошечные школы и школки, никем не учтенные, ни в какие реестры не занесенные. Первой школой в Астрахани, о которой имеются точные данные, была школа, созданная римскими капуцинами в начале XVIII века.

Как отмечает чешский исследователь А.В. Флоровский, на территории России капуцины утвердились ранее всего в Астрахани.[4] Здесь же за несколько лет до 1719 г., т.е. до учреждения капуцинских миссий в Москве и Петербурге, осела небольшая группа римско-католических монахов, которая занималась миссионерской деятельностью.

Академик С. Гмелин, побывавший в Астрахани в 60-х гг. XVIII в., писал: «Немцы в Астрахани в 1713 году пастора Цехелия для наставления своего в законе призвали и в то же время построили деревянную церковь... для построения оной показано было ровное и пространное место на Житном дворе, а потом оное от общества палисадом так обнесено, что церковь, пастырский дом и школа в оном заключались».[5]

В этой школе учили латинскому, немецкому и итальянскому языкам, риторике, философии, музыке и другим наукам, составлявшим основное содержание так называемой латинской школы. Об этом В.К. Тредиаковский писал так: «Я... по желанию моего ныне покойного родителя, словесным наукам на латинском языке. еще в молодых моих

летах, в Астрахани, где и моя родина, у римских живущих там монахов учился, а по охоте моей к учению, оставил пригородный город, дом и родителей, и убежал в Москву».[6] Духовенство, боясь усиления влияния католиков на православное население губернского центра, пыталось препятствовать деятельности римских монахов. Однако губернатор Артемий Волынский не спешил предпринимать какие-либо репрессивные меры против них. На запрос Коллегии иностранных дел в 1721 г. он сообщал, что не находит причин не допускать католических священников для постоянного жительства и деятельности в городе, «понеже из здешнего такого сурового народа обучаются от них молодые люди латинского и прочих языков».[7]

Шло второе десятилетие XVIII в., а между тем в Астрахани, четвертой по величине губернии России, не было ни одной учрежденной государством или церковью школы. В то же время было немало проектов об организации школьного дела в России. Особый интерес для астраханцев представляет проект известного немецкого философа Лейбница, поданный Петру I в 1712 г. В нем предполагалось создание в России четырех университетов: в Москве, Петербурге, Киеве и Астрахани.[8]

В действительности история систематического образования, организованного в соответствии с регламентом, начинается в Астрахани с цифирной школы.

В 1714 г. по указу Петра I создаются элементарные государственные школы с математическим уклоном. Указом от 28 февраля 1714 г. Астраханскому митрополиту предлагалось «дворянского и приказного чина, дьячих и подьячих детей от 10 до 15 лет, опричь однодворцев, учить цифири, некоторой части геометрии, а для этого учения присланы будут с Москвы в Астрахань математических школ из учеников несколько человек».[9]

Указания царя не были выполнены ни в 1714 г., ни в последующие восемь лет, несмотря на то, что в 1716 г. астраханское светское и духов-

ное начальство получило вторичное предписание об открытии цифирной школы, где вместе с «купецкими» детьми обучались бы дети священнослужителей. И, наконец, 10 мая 1722 г. по распоряжению государственной Адмиралтейской коллегии в Астрахань был направлен из Петербургской морской академии для работы учителем Иван Трофимов.[10]

С приездом учителя началась интенсивная подготовка к началу занятий. Иван Трофимов направил 27 мая 1722 г. просьбу в губернскую канцелярию: «О даче в школу для учения учеников сорок досок каменных (гофели), пять арифметиков, тридцать циркулей простых, десять циркулей троеножных, двадцать книг логарифмы».[11] Первоначально предполагалось обучать в школе около пятидесяти мальчиков. Однако архиерей запретил посылать в школу ребят, посвященных в «стихари и подьяки», а затем и детей звонарей. Из 23 подростков, получивших разрешение учиться, фактически в школу явилось 19. Учебные занятия начались 6 июня 1722 г. Эту дату и следует считать началом регулярного, по регламенту организованного обучения детей в Астрахани. Состав учащихся был очень пестрым: дворянские дети, дети военных и приказных чинов, половина учащихся – выходцы из семей духовенства. Младшему ученику было 6 лет, старшему – 16.[12]

Духовенство продолжало борьбу против государственных цифирных школ. В 1722 г. Сенат решил, чтобы детей священнослужителей учить в архиерейских школах, «а арифметике и прочим светским наукам не спрашивать».[13] На основании этого распоряжения школа Ивана Трофимова была выведена из Ивановского монастыря. В связи с этим некоторые авторы работ по истории образования в Астрахани утверждают, что цифирная школа просуществовала всего несколько месяцев.[14]

Однако цифирная школа продолжала существовать. С оставшимися учениками она была переведена из Ивановского монастыря в Белый город, и помещалась вблизи Гостино-Николаевской церкви. В книге

В. Рождественского «Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII-XIX вв.» приводятся статистические данные за 1726 г., где в числе действующих цифирных школ указывается и Астраханская школа с количеством учеников 37 человек.[15] О существовании этой школы свидетельствуют так называемые «приговоры» (приказы) губернатора, в которых упоминается Иван Трофимов и его школа (выплата жалования, выдача дров, свечей и т.д.). Последний раз учитель получает жалование в сентябре 1727 г.[16]

Вслед за цифирной школой в Астрахани была открыта гарнизонная школа.[17] Указом Петра I и государственной Военной коллегии от 2 марта 1722 г. Астраханской губернской канцелярии «велено астраханского гарнизона в гарнизонных полках солдатских, драгунских и прочих служивого всякого чина людей, детей их малолетних учить грамоте, читать, писать и арифметике».[18]

Учителем этой школы губернатор А. Волынский назначил Лаврентия Жильцова. Занятия в школе начались 1 октября 1723 г. Количество учащихся составляло 114 человек. Школа размещалась в двух ветхих избах. Для «топления печей», как и в цифирной школе, отпускалось «дров однополенных по две сажени на месяц». Кроме того, для ночного освещения школьных помещений выдавалось по пяти свечей ежедневно, исключая «праздничные и воскресные дни».[19]

Цифирная и гарнизонная школы просуществовали, вероятно, до осени 1727 г., когда разразилась страшная эпидемия чумы, унесшая половину населения города. По-видимому, и первые учителя астраханских школ Иван Трофимов и Лаврентий Жильцов стали жертвами моровой болезни, их имена в дальнейшем не упоминаются в делах губернской канцелярии.

Между тем нужда в грамотных людях была большая и астраханское купечество пыталось самостоятельно организовать обучение своих детей. В 1728 г. купцы во главе с откупщиком Тихоном Лошкаревым доносили властям о том, что они за свой счет построили новое школь-

ное здание в приходе церкви Иоанна Златоуста.[20] Они просили разрешения обучать своих детей в школе и ходатайствовать перед Синодом о присылке в школу учителя. Школа была названа латинской. Синод направил для работы в этой школе ученика философского класса Московской славяно-греко-латинской академии Павла Горошковского. Первоначально в школе занимались 32 ученика, затем количество учащихся выросло до 41. Среди них были дети купцов, дворовых, лекарей, солдат. Пестрым был и национальный состав: русские, армяне, калмыки, персы. Ученики были разделены на три группы. В первой твердили азбуку, букварь и часослов, во втором читали псалтырь, а в третьей учили латинский язык. Разделение было формальным, обучение проходило индивидуальным путем: каждый учил свой урок.

Учитель П. Горошсковский терпел большую нужду. Доведенный до крайнего состояния, он вынужден был обратиться к губернатору с просьбой, где писал о том, что купцы не платят денежного и хлебного жалования, не выдают дров. Горошковский обратил внимание губернатора на то, что «многие купцы детей своих из школы побрали, а вновь никого не отдают» и просил губернатора обязать купцов вновь направить детей в школу.[21]

Губернатор и архиерей пытались оказать воздействие на купечество и духовенство с тем, чтобы они послали детей в школу. Результат был самый неожиданный: купцы решили закрыть школу. Школа, организованная на манер латинской, не отвечала нуждам купцов в быстром овладении их детьми практической грамотностью: читать, писать и считать. Тратить деньги на латинскую и церковнославянскую премудрость купечество считало излишним.

К тридцатым годам XVIII в. относится начало школьного обучения нерусских народностей, населявших Астрахань и губернию. Еще в середине двадцатых годов для обращения калмыков в православие Синод направил миссионера-священника Никодима Ленкевича вместе с несколькими воспитанниками славяно-греко-латинской академии

в Астрахань.[22] Ленкевич находился постоянно в Ивановском монастыре, а молодые учителя периодически выезжали в калмыцкие улусы и хотоны, где обучали детей крещеных калмыков русской грамоте. Сенатским указом 14 февраля 1732 г. было решено создать в Астрахани школу для калмыков. В указе говорится: «В Астрахани при Ивановском монастыре для обучения новокрещеных калмыцких детей русской и калмыцкой грамоте училищу быть».[23]

В третьем десятилетии было предпринято еще несколько попыток организовать учебные заведения в губернском центре. В 1739 г. по указу Синода была открыта архиерейская школа, учителем был назначен Петр Яскольский. Учеников было не более 25 человек, исключительно детей духовенства. Эта школа просуществовала не больше года и была закрыта в связи с неспособностью учителя к преподаванию наук.[24]

Значительное время действовала так называемая монастырская школа, открытая в Спасском монастыре в 1741 г. «для обучения русской грамоте русских безродных болдырей, а также новокрещеных из разных вер детей».[25] Число обучавшихся в этой школе доходило до 50. Затем школа была передана в архиерейский дом, где и просуществовала до 1777 г., то есть вплоть до открытия в Астраханской епархии духовной семинарии.

Другой, долгое время существовавшей школой в Астрахани, была гарнизонная школа. В 1732 г. был разработан общий устав для гарнизонных школ (сами же школы существовали во многих городах, в том числе и в Астрахани при Петре I). Эти учебные заведения предназначались для солдатских детей 7-15 лет, «дабы впредь была польза государства и в рекрутах облегчение было», чтобы «из солдатских детей можно со временем получить людей пред нынешними искусней, коих отсылать в военную коллегию».[26]

Однако состояние учебного дела и материальной части гарнизонной школы было таким, что «искусными», знающими науку и практи-

ческое дело выходить из стен этого училища было трудно. Начались занятия 1 марта 1734 г. Долгое время школа находилась в Солдатской слободе (за Красным мостом), размещаясь в ветхих глинобитных домиках. В 1764 г. по указу Екатерины II школа была переведена в Кремль, в Троицкий монастырь. Содержалась она на средства, выделяемые Военной коллегией и на процентные отчисления от «экономических доходов и пошлинных сборов с персидской торговли».

Первоначально контингент приема в школу был определен в 256 человек, а после 1764 г. – в 534, из них – 354 солдатских детей и 200 – «купецких и разночинских». Однако в первые тридцать лет число учащихся не превышало 150, а наибольшее количество воспитанников достигало 300.

В гарнизонной школе большинство учеников находились на казарменном положении, получали солдатское обмундирование. Дисциплина поддерживалась суровыми средствами. За отдельные проступки учеников жестоко наказывали.

Учебного плана, который бы строго определял общее число предметов, количество часов и распределение их по годам обучения, не было.

Существовало предписание обучать воспитанников русскому, немецкому, армянскому, турецкому и калмыцкому языкам, арифметике, геометрии, фортификации, артиллерии, навигации, географии, истории, рисованию, а также слесарному, кузнечному, коновальному, цирюльному делу и барабанному искусству.

Преподавателями в школе были военнослужащие из унтер-офицеров, арифметику и другие «высшие науки» преподавали офицеры. Многие преподаватели сами были плохо подготовлены к учительской деятельности.

Воспитанники, которым «грамота не давалась», определялись в учение сапожному, портновскому, кузнечному и другим ремеслам.

Примером того, чему учились школьники, могут служить коли-

чественные данные за 1774/75 уч. год: изучали геометрию – 1, арифметику – 13, латинский язык – 6, калмыцкий язык – 3, музыку – 3, пение – 12, словесную науку – 198, письмо – 54.[27]

Слабые успехи учащихся этой школы объясняются не только низкой квалификацией учителей и отсутствием правильной методики преподавания, но и огромной текучестью контингента воспитанников, а также совершенно недостаточной учебно-материальной базой.

Вновь назначенный главным надзирателем гарнизонной школы коллежский советник Сергей Поленов обратился к губернатору за содействием в улучшении учебно-материальной базы школы и в укомплектовании ее квалифицированными преподавателями, «особливо арифметических, инженерных, геометрии, фортификации и артиллерии.» Он писал также и о том, что в Астрахани нет возможности подыскать нужных специалистов, а потому «школьники, кроме одной грамоте читать и писать, остаются без научения».[28]

Губернатор распорядился командировать С. Поленова в столицу «к отысканию по найму из партикулярных к отставных от службы людей в учителя». Однако общее состояние образования в стране было таким, что и в Петербурге нелегко было отыскать людей, способных к учительской деятельности и желающих за мизерную плату ехать трудиться в далекую Астрахань. В апреле 1773 г. С. Поленов доносил, что «учителей и поныне не отыскано, а также отыскать в Петербурге для найма к означенной школе мастеровых людей за отказом, кроме приисканных каретника и кузнеца, других надежд не предвидится».[29]

Так и вернулся главный надзиратель гарнизонной школы в Астрахань без учителей.

Гарнизонная школа просуществовала до открытия в Астрахани главного народного училища. В августе 1786 г. был принят новый проект по организации школьного дела в России. Он предусматривал создание двух типов школ – главного и малого народных училищ. В каждом губернском городе должно быть одно главное народное училище. состоящее из четырех разрядов.

На организацию этого учебного заведения в Астрахани ушло три года. Открыто оно было 22 сентября 1788 г. Первыми учителями этой

школы были Матвей Резанов, Николай Докучаев, Петр Звягинцев, Савва Дьяковский. Директором школы был назначен Дмитрий Агафи, человек по тому времени весьма образованный. Он являлся членом Падуанской и Пизанской академий. Попечителем училища был губернатор.

Главное народное училище в Астрахани, как, впрочем, и в других городах, не имело достаточного материального обеспечения. С самого начала оно было обречено на жалкое существование: в учебном и хозяйственном отношении оно зависело от Приказа общественного призрения, который занимался самыми разнообразными делами – устройством и надзором сиротских домов, госпиталей и богаделен, домов для неизлечимых больных, сумасшедших, смирительных и т.д. На школу ни внимания, ни средств не хватало.

Училище в течение ряда лет ютилось в ветхих, не приспособленных для обучения детей зданиях. И только в начале девяностых годов было решено для единственного в губернии среднего учебного заведения построить специальное здание. В 1798 г. строительство учебного корпуса было завершено.

На первых порах училище не имело самого необходимого оборудования: досок, столов, скамеек. Директор Агафи неоднократно обращался в Присутствие приказа и писал о крайней нужде в самом необходимом. В одном из рапортов он сообщал, что сверх полученных от Приказа 100 рублей на мелкие расходы, он употребил из своих собственных 77 рублей 95 копеек.

В первый год существования училища приступили к занятиям 98 мальчиков и две девочки. В 1789 г. насчитывалось уже 183 ученика, а в 1790 г. – 204.

В училище изучали чтение, письмо, нумерацию, краткий катехизис, священную историю, чистописание, арифметику, всеобщую и русскую историю, архитектуру. Всеми этими науками нужно было овладеть за пять лет обучения. В 1791 г. по предложению губернатора вместо латинского языка было введено преподавание артиллерии и фортификации, а по просьбе родителей дети стали изучать бухгалтерское

дело. В 1795 г. было приказано организовать в училище особый класс для девяти солдатских детей, которых надлежало обучать калмыцкому, татарскому, турецкому и персидскому языкам. Директору училища предписывалось постепенно увеличивать число учеников этого класса и уделять им особое внимание. Однако обучение восточным языкам проходило с большими трудностями из-за отсутствия квалифицированных учителей и хороших учебников. В 1800 г. занятия школьников по этим языкам были прекращены.

В 90-х гг. контингент учащихся значительно снизился. Это в значительной мере связано с тем, что в Астрахани увеличивается количество частных, так называемых «вольных» мелких школ. Они возникали стихийно, без всякого на то разрешения. Интерес представляет перечень имен владельцев этих школ и количество учащихся, что позволяет судить о методике и качестве обучения. Всего таких школ в Астрахани было 19. «В первом участке – Канонерском – мужик (имя и прозвище неизвестно) учеников – 15; во втором, Татаро-базаровском, булочник Федор Лебедев, учеников – 30; в третьем – мужик Михайло Дмитриев, учеников – 10;... в 5-м Пантелеиха, учеников – 8, в 6-м – девка Анна Яковлева, казанского попа внучка, учеников –4; в 7-м- попадья Воздвиженского попа, учеников – 2;... в 19-м – капитанша Феодосия Абравовичева, учеников – 9».[30]

Всего в этих частных школах училось 250 учеников. Возникает вопрос, почему они не пошли учиться в Главное народное училище? Дело, видимо, в том, что простым горожанам-ремесленникам, торговцам и другим людям низшего сословия было тяжело содержать детей в училище в течение пяти лет. Да и науки там изучались далекие от практической деятельности. В частных школах дети наскоро овладевали элементарными навыками чтения, счета и письма и шли трудиться в мастерскую или торговать в лавку.

Директор училища Д. Агафи просил городское начальство пресечь деятельность этих «вольных» школ.

В 1792 г. в Черном Яру было открыто малое народное училище. Оно имело двухгодичный срок обучения. В нем изучались предметы

первых двух классов главных народных училищ.

Во второй половине XVIII в. в Астрахани открываются и другие учебные заведения. В 1739 г. организуется архиерейская школа с двадцатью учениками. Такое количество учеников не удовлетворяло церковное начальство. Синод представил Екатерине II доклад, в котором сообщалось о том, что в «Астраханской епархии доныне обучение священноцерковнослужительских детей семинарии не было, следовательно, и ученых из духовных персон никого нет», тогда как «в Астрахани по знатности города поелику в нем яко в пограничном, довольно много иностранных разного рода звания людей жительствует, семинарии быть весьма за нужное почитается».[31] Указ об учреждении семинарии в Астрахани вышел в августе 1776 г., открыта она была в следующем году и существовала вплоть до 1917 г.

Имеются данные и о том, что в 1790 г. иностранец Фердинанд Миллер обратился к губернатору с просьбой открыть пансион для обучения мальчиков и девочек французскому и немецкому языкам, географии, математике. Учителям Главного народного училища было предложено проэкзаменовать Миллера в указанных науках. После испытания он получил разрешение открыть пансион.[32]

Н.Ф. Казанский в очерке «Народное образование в Астраханской губернии» упоминает о существовании в губернском центре в 1778 г. частной армянской школы. Это была первая светская национальная школа в Астраханской губернии.

Таким образом, в сложных условиях, при совершенно недостаточном оборудовании и материальном обеспечении, слабости учительского состава и неопределенности состава учащихся, развивалось в Астрахани школьное дело в XVIII в. В разное время и в различных формах обучения были подготовлены сотни и тысячи грамотных людей. К сожалению, основная масса тружеников – крестьянство, сельское население имели мало возможности получить какое-либо образование.

Примечания

§1

1. Любомиров П.Г. Заселение Астраханского края в XVIII веке // Наш край. 1926. №4. С.54-77; Васькин Н.М. Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973. С.45.
2. См.: Любомиров П.Г. Указ. соч. С.57 и др.
3. Цит.: Васькин Н.М. Указ. соч. С.29.
4. См.: Любомиров П.Г. Указ. соч. С.55.
5. См.: Сысоев П.С. Из истории соляной промышленности Астраханской губернии. Астрахань, 1958. С.10 и др.
6. См.: Балакаев А.Г. Трагедия калмыков // Советская Калмыкия. Республиканская газета. 1991. 10 января. г. Элиста.
7. Гмелин С. Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Спб., 1771. Ч.II. С.22.
8. См.: Небольсин П.И. Очерки Волжского Низовья. СПб., 1852. С.373-375.
9. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф.394. Оп.1. Доп.. Ед. хр. 201а. Л.45. Документ впервые приведен элистинским этнографом, зав. отделом Калм.. Ин-та общ. наук РАН Андреем Горяевичем Митировым.
10. См.: Джуманова Г.У. К вопросу об этногенезе астраханских (нугайских) татар: Проблемы этногенеза народов Волго-Каспийского региона в свете данных фольклористики (Материалы научного семинара). Астрахань, 1989. С.69-70.
11. См.: Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России, конца XVII-начала XVIII вв. М., 1982. С.4.
12. См.: Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч.1. С.178-179; Щеглов И.Л. Туркмены и ногайцы Ставропольской губернии. Ставрополь, 1910. Т.1. С.77; Пальмов Н.Н. Этюды по истории приволжских калмыков. Астрахань, 1929. Т.1. Ч.3-4. С.40.
13. См.: Пальмов Н.Н. Указ. соч. С.40.
14. См.: Кеппен П.И. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской части России. СПб., 1861. С.461-462; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.328; он же. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896. С.201.
15. См. подробнее: Викторин В.М. К этнической истории карагашей // Поволжский край. Вып. 8. Саратов, 1983. С.147-162.
16. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч.II. С.44., 120.
17. ГААО. Ф.394. Оп.1. Т.1. Ед. хр. 5521. Л.89, 229.
18. См.: Пальмов Н.Н. .Указ. соч. С.40.
19. Центральны Государственный архив Республики Калмыкия, Ф.35. Оп.1. Ед. хр. 67. Л.27.
20. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед. хр. 4372. Ед. хр. 371.

21. ГААО. Ф.476. Оп.1. Т.1. Ед. хр. 816. Л.65.
22. ГААО. Ф.476. Оп.1. Т.1. Ед. хр. 819. Л.40.
23. Там же. Л.59.
24. ГААО. Ф.394. Оп.1. Т.1. Ед. хр. 5139. Л.424 (и на об.).
25. См.: Потоцкий Я. Путешествие в Астрахань и окрестные страны в 1797 году // Алексеев Б.Н. Исторические путешествия. Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XXIII вв. Сталинград, 1936. С.213-214.
26. ГААО. Ф.394. Оп.1. Т.1. Ед. хр. 5521. Л.228-229.
27. Там же. Л.89, 229.
28. См.: Арсланов Л.Ш. Язык алабугатских татар Каспийского района Калмыцкой АССР. Казань, 1988. С.183; он же. О калмыцких заимствованиях в языке алабугатских татар Каспийского района Калмыцкой АССР // Советская тюркология. Баку, 1979. №6. С.9-13.
29. ГААО. Ф.476. Оп.1. Ед. хр. 335. Л.1 и др. Документ впервые обнаружен и приведен этнолингвистом из г. Елабуга (Татарстана) профессором, зав. кафедрой пединститута Леонидом Шайсултановичем Арслановым.
30. См.: Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. С.173; ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед. хр. 5521. Л.228.
31. См.: Васькин Н.И. Заселение Астраханского края. С.33.
32. Татищев В.Н. Мнение о ясашных татарах. Журнал заседаний Астраханской губернской канцелярии за 1746 год. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед. хр. 1051. Л.1-2.
33. Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств природы. Ч.II. С.171-172.
34. ГААО. Ф.13. Оп.20. Ед. хр. 338. Л.1.
35. См.: Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чинимых на оном Российских завоеваний, яко часть истории государства Петра Великого. СПб., 1763. С.58.
36. См.: Васькин Н.П. Указ. произв. С.21.
37. См. об этом подробнее: Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Переселенческие острова. Из истории татарских сел Нижнего Поволжья и Ставрополья // Идел. Молодежный журнал Татарстана. №1-2. Казань, 1992. С.81-88.
38. См.: Васькин Н.М. Указ. произв. С.20.
39. См.:Васькин Н.М. Там же. С.11-12, 20, 29-30, 41-42, 44, приложения 1, 2, 3.
40. Ср. с: Васькин Н.М. Указ. произв. С.21, 27, 30-32.

§2

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1990. Т.IX. КН.V. С.336.
2. Там же. С.189.
3. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С.180.
4. Соловьев С.М. Указ. соч. Т.12. Кн. VI. С.547.
5. Там же. Т.11. Кн.VI. С.293.
6. Россия XV-XVII веков глазами иностранцев. Л., 1986. С.525.

7. Там же. С.15-16.
8. Веселаго Ф. Очерк русской морской истории. Ч.1. СПб., 1875. С.505.
9. Брокгауз Ф.А. Указ. соч. С.180.
10. Шавров Ю.Н. О деятельности императорского общества для содействия русскому торговому мореходству в бассейне Черного моря. Доклад Шаврова Н.А. Общему собранию общества 13 декабря 1882 г. М., 1883. С.30.
11. Скосырев П. Туркменистан. М., 1948. С.221.
12. Риттих П.А. Политико-статистический очерк Персии. СПб., 1896. С.210.
13. Иванов С.М. Очерки истории Ирана. М., 1952. С.37.
14. Там же. С.39.
15. Тер-Гукасов Г.И. Политические и экономические интересы России в Персии. 2-е изд. Пг., 1916. С.34.

§3

1. Корнелий де Бруин. Путешествие через Московию. (Чтения ОИДР. 1872. Кн.II. С.188-189.
2. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII- первой половине XIX в. М., 1971. С.52.
3. Там же. С.58.
4. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.232. Л.9 об. -10.
5. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1417. Л.7-8.
6. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.5737. Л.29-30.
7. ГААО. Ф.880. Оп.1. Д.364. Л.1.
8. ГААО. Ф.687. Оп.5. Д.25. Л.9.
9. Зыков Ф.П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении // Астрахань и Астраханский край. Астрахань, 1924. С.126.
10. Васькин Н. Указ. соч. С.12.
11. РГАДА. Ф.16. Оп.1. Д.613. Л.180 об.
12. Васькин Н. Указ. соч. С.7.
13. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах, от древних времен до настоящих, и всех предшествующих узаконений по оной государя Императора Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни императрицы Екатерины Великой, сочиненное Михаилом Чулковым. В 7 т. СПб., 1785. Т.III. Ч.II. С.430.
14. Васькин Н. Указ. соч. С.5-6.
15. ПСЗ. Т.6. №3668. С.251-252.
16. Чулков М. Указ. соч. С.456.
17. ГААО. Ф.1. Оп.1. №6-8.
18. ПСЗ. Т.6. №3668. С.251-252.
19. Подсчеты автора.
20. ПСЗ. Т.6. №3668.

21. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.419. Л.56-58.
22. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1417. Л.5-8 об.
23. Там же. Л.4-4 об.
24. Рябцев А.Л. Торговля России со странами Востока через Астрахань во второй половине XVIII века: Кандидатская диссертация. М., 1995. С.159.
25. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.3655. Л.1-104, 3688, 3-53.
26. Рябцев А.Л. Указ. соч. С.159.

§4

1. Юхт А.И. Торговые связи Астрахани с внутренним рынком (20-50-е годы XVIII в.) // Исторические записки. №118. М., 1990. С.143.
2. Юхт А.И. Указ соч. С.143.
3. Там же. С.144.
4. Там же. С.144.
5. Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века. М., 1958. С.143.
6. Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII- начала XVIII в. М., 1982. С.126.
7. Юхт А.И. Указ соч. С.146.
8. Там же. С.148.
9. Там же.
10. Там же. С.151.
11. Там же. С.152.
12. Рябцев А.Л. Указ. соч. С.91.

§5

1. ПСЗ 1. Т.8. №5935. Статьи Рештского договора, касающиеся торговли, были подтверждены Гянджинским трактатом 1735 г. (Там же. Т.9. №6707).
2. Юхт А.И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20-60-е годы XVIII века). М., 1994. С.149.
3. Там же. С.155.
4. Там же. С.131.
5. Гуламов Х.Г. Посольские связи Бухарского ханства с Россией в XVIII в.: Канд. дис. Ташкент, 1984.
6. ГААО. Ф. 394. Оп.I. Д.3140. Л.17.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же. Д.1417. Л.6-8 об.
10. Там же. Л.4-5.
11. ГААО. Ф.394. Оп.I. Д1779. Л. 1-17 об.

12. РГАДА. Ф.19. Оп.I. Ед. хр. 297. Ч.15. Л.98-137 об.
13. ГААО. Ф.394. Оп.I. Д.5306. Л.14-15.
14. РГАДА. Ф.1261. Оп.6. Д.616. Л1-90.
15. Там же. Д.637. Л.1-10.
16. Татищев В.Н. Записки. Письма. 1717-1750 гг. (Публ. А.И. Юхта) // Научное наследство. М., 1990. Т.14. С.291-296, 363-368.
17. РГАДА. Ф.397. Д.407. Л.427-447 об.
18. Юхт А.И., В.Н. Татищев и экономическое развитие России в I половине XVIII века // История СССР. 1986. №3.
19. Ладыженский К. Указ. соч. С.136, 95.
20. Юхт А.И. Торговые компании в России в середине XVIII века // Исторические записки. Т.III. М., 1984.
21. Чулков М.Д. Указ. соч. С.258-259.
22. ПСЗ. I. Т.16. №11630.
23. Юхт А.И. Указ. соч. С.100.
24. Там же.
25. Юхт. А.И. Указ. соч. С.93
26. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.156. Л.234-236.
27. Юхт А.И. Указ. соч. С.59-60.
28. ГААО. Ф.433. Оп.15. Д.3. Л. 112-163.
29. Там же. Ф.687. Оп.5. Д.25. Л.9.
30. Зыков Ф.П. Астраханские морские ловцы в прошлом и современном их положении // Астрахань и Астраханский край. Астрахань, 1924. С.126.
31. Полное географическое описание нашего отечества. Т.4. СПб., 1912. С.548.
32. Юхт А.И. Русско-восточная торговля в XVII-XVIII вв. и участие в ней индийского купечества // Ист. СССР. 1978. №3. С.59.

§6

1. Савинский И. Католики и лютеране в Астраханской Епархии // Астраханские Епархиальные ведомости. 1902. С.195.
2. Газета «Астраханские губернские ведомости». 1844. №14.
3. Николаев Н.С. Профессия – архитектор. М., 1984. С.298-299.

§7

1. Рыбушкин М. Записки об Астрахани. М., 1841. С.157.
2. Шперк Ф.Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Астрахани / Астраханский листок. 1893. №20.
3. Медынский Е.Н. История русской педагогики. М., 1939. С.28.
4. Флоровский А.В. Латинские школы в России в эпоху Петра I. // В кн.: XVIII век. Сб. 5 М., 1962

5. Гмелин С.В. Путешествие по России. СПб., 1777. Ч.II. С166.
6. Самаренко В.П. В.К. Тредиаковский в Астрахани // XVIII век. Сб.5. 1962. С.359.
7. Савинский И. Католики и лютеране в Астрахани. Астрахань, 1902. С.12.
8. Сборник писем и материалов Лейбница, относящиеся к России и Петру Великому. СПб., 1873. С.218.
9. Астраханские Епархиальные ведомости. 1877. №20. С.9.
10. Там же. С.10.
11. Цит. по кн. Маркова А.С. «Петр Первый и Астрахань» Астрахань, 1994. С.37.
12. Астраханские Епархиальные ведомости. 1877. №20. С.11.
13. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед.хр. 22. Л.43.
14. Астраханские епархиальные ведомости. 1877. №21. С.9.
15. Там же. №22. С.13.
16. Рождественский В. Очерки по истории систем народного образования в России в XVIII-XIX вв. СПб., 1912. Т.1. С.137.
17. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед.хр. 15. Л.124; Ед.хр. 53. Л.38.
18. Самаренко В.И. Первые школы в Астрахани // Комсомолец Каспия. 1966. 30 сентября.
19. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед.хр. 198. Л.175.
20. Астраханские епархиальные ведомости. 1877. №24. С.9.
21. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед.хр. 6. Л.80.
22. Там же. Ед.хр. 198. Л.230, 231.
23. Полное собрание законов Российской империи. №5960. 14-2-1732.
24. Шперк Ф.Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Астрахани // Астраханский листок. 1893. №20.
25. Описание Астраханского Спасо-Преображенского монастыря. Астрахань, 1893. С.57.
26. Астраханские губернские ведомости. 1852. №53.
27. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед. ур.2624. Л.77.
28. Там же. Ед.хр. 3846. Л.2, 3.
29. Там же. Ед.хр. 3726. Л.7.
30. Астраханские губернские ведомости. 1890. №63.
31. Астраханские епархиальные ведомости. 1892. №17.
32. Астраханские губернские ведомости. 1890. №83.

Глава VII. Социальные движения в Астраханском крае в XVII-XVIII веках

§1. Астраханский край в «Смутное время»

В начале XVII в. Русское государство испытало тяжелейшее потрясение, поставившее его на грань национальной катастрофы. В Российской историографии этот период получил название «Смутное время» или просто «Смута».

Осенью 1604 г. царевич Дмитрий (или, как принято считать, Лжедмитрий I – Григорий Отрепьев) вступил в пределы Московии. Дмитрию удалось заручиться поддержкой донских казаков, на чьи права опрометчиво посягнул Годунов, а вскоре весь юго-запад страны шел за «законным царем».

Бурные события осени 1604-зимы 1605 гг. практически не затронули Астрахань. Лишь после утверждения Дмитрия в Москве «и Астрахань и Терки... крест целовали вору расстриге».[1] Присяге «законному» царю в Астрахани попытался противостоять архиепископ Феодосий, доказывая, что Дмитрий не более как самозванец. Однако народ как всегда верил тому, чему хотел верить, а не голосу разума. Архиерея народ чуть не убил, но в последний момент Феодосий был отведен на подворье Троицкого монастыря и посажен под стражу.[2] Вероятно, жизнь архиепископа спасло стремление черни ограбить архиерейское подворье, как и в аналогичной ситуации с арестом Иова в Москве.[3] Вне всякого сомнения, решающую роль в спасении Феодосия сыграл воевода Хворостинин, отправивший его под стражей в Москву. В столице, несмотря на свои прежние обличения, Феодосий был обласкан царем Дмитрием. В дальнейшем, после гибели самозванца, Феодосий вместе с Филаретом Романовым учавствовал в перенесении из Углича мощей царевича Дмитрия Ивановича.[4]

Тем временем весной 1606 г. на Тереке объявился новый самозванец – «племянник» Дмитрия Петр Федорович. В отличие от личности Лжедмитрия I, до настоящего времени таинственной, происхождение новоявленного царевича вполне известно. Это был бывший холоп, а

затем служилый казак Илейка по прозвищу Муромец, неоднократно побывавший в поволжских городах от Нижнего Новгорода до Астрахани и Терского городка. В Астрахани Илейка служил у воеводы Ивана Хворостинина.[5] Правда, выборы «царевича» в Терском городке проходили на альтернативной основе: помимо Илейки Муромца выдвигалась кандидатура астраханского стрелецкого сына Митки (Дмитрия). Но тот взял сомоотвод по причине того, что на «Москве не бывал и не знает тамошних обычаев».[6] Более решительный Илейка Муромец согласился на кругу принять имя Петра Федоровича (нерожденного сына царя Федора Ивановича), хотя также на Москве никогда не бывал. Сочинили и биографию: царевич якобы родился в 1592 г. и был подменен девочкой-царевной.[7] Известно, что с царевичем Петром с Терека ушло 300 казаков, но на Волге его войско достигло 4-х тысяч человек.[8] История «Смуты» применительно к Астраханскому краю изобилует путанными и неточными сведениями. В частности, некоторые исследователи полагают, что войско царевича Петра изначально насчитывало четыре тысячи терских казаков.[9] Однако в XVII в. терские казаки не могли насчитывать более 1000 человек, а их соседей, гребенских казаков, было и того меньше – всего 500 человек.[10] Лишний раз о немногочисленности войска царевича Петра свидетельствует то, что он не был допущен в Астрахань.[11] Двинувшись вверх по Волге, казаки занялись грабежом, разорив все пространство от Астрахани до Казани. Узнав о гибели в Москве царя Дмитрия, Илейка Муромец и его воинство повернули на юг и, захватив Царицын, устроили там погром. В городе были убиты посол в Иране князь И.П. Ромодановский и воевода Федор Акинфиев.[12] Правда, в своих показаниях после пленения в Туле царевич Петр постарался опустить этот эпизод, утверждая, что перешел на Дон не у Царицына, а рекою Камышенкою.[13]

Убийство в Москве первого самозванца и восшествие на престол Василия Шуйского отнюдь не принесли спокойствия Русскому государству. На юго-западе страны вспыхнуло движение И.И. Болотнико-

ва, объединившее холопов, казаков, служилых дворян и даже представителей знати, недовольных «боярским царем». Не признала Шуйского и Астрахань. Астраханский край превратился в питомник самозванцев. Здесь объявились «царевич Август, потом князь Иван Хворостинин сказался сыном Грозного и Колотовской; там же появился третий «царевич» – Лаврентий, сказался внуком Грозного от царевича Ивана, в степных юртах явились: царевич Федор, царевич Клементий, царевич Савелий, царевич Семен, царевич Василий, царевич Ерошинка, царевич Мартынка, царевич Гаврилка – все «сыновья» царя Федора Ивановича».[14] Воевода Хворостинин, правда, вскоре отказался от «царства», предпочитая перетасовывать многочисленных «царевичей», по мере необходимости отправляя их в походы вверх по Волге. Фактически астраханский воевода превратился в самостоятельного правителя, подавляя любое недовольство. Тем временем царь Василий отправил на Астрахань войско боярина Шереметева. Однако астраханцы отразили приступ и, более того, осадили московское войско на Болдинском острове. Воевода Хворостинин в борьбе с Шереметевым призывал на помощь ногайских князей. Противостояние продолжалось всю зиму и лишь в мае 1607 г. Шереметев отошел от города. После отступления московского воинства стали возможны походы астраханских самозванцев по Волге. Наиболее известным из них был Ивашка Август, отправившийся с парой других самозванцев – Осиновиком и Лавром под Саратов. Поход этот, вопреки устоявшемуся мнению, не мог состояться ранее 1608 г., поскольку на Волге находилось войско Шереметева, и лишь в конце осени оно ушло к Нижнему Новгороду. Н.М. Карамзин приводит сведения, что «в 1609 году на Саратов подходили воры из Астрахани, а с ними вор, назывался царевичем Иваном Ивановичем (Август). И к Саратову русские воры приступали. И в Саратове воеводы и ратные люди отсиделись, и на вылазках и на приступах астраханских воров многих побили. И вор который назвался царевичем Иваном, от Саратова пошел с астраханскими людьми в Ас-

трахань».[15] Вероятно, дата 1609 г. ошибочна, как и известие об уходе Августа к Астрахани. Известно, что после неудачи под Саратовом казаки «с досады» убили на берегу Волги Осиновика, а Август и Лавр отправились на соединение с Лжедмитрием II. Явно ошибочно мнение о движении их отрядов на соединение с И.И. Болтниковым, поскольку к тому времени он был уже разбит. В лагере Лжедмитрия II в Тушине Августа и Осиновика ждала казнь через повешение, так как этот «монарх» не терпел возле себя конкурентов, о чем свидетельствует и его расправа под Брянском с донским самозванцем Федором.[16]

Стрельцы XVII в.

Бурные события, связанные со свержением Шуйского и борьбой с польскими интервентами, прошли мимо Астрахани. Однако городу было суждено стать ареной заключительной страницы «Смуты». Потерпев поражение в порубежных городах южной России, к Астрахни устремился И. Заруцкий с дважды вдовой Мариной Мнишек и царевичем Иваном Дмитриевичем, сыном Марины.

В конце лета 1613 г. Заруцкий вошел в Астрахань. Воевода Хворостинин, не признавший «Ивашку, Маринкина сына», был убит. Заруцкий пытался завязать отношения с татарами, терскими казаками, персидским шахом Аббасом. Заруцкий с Мариной в очередной раз попытались возродить слух о спасении царя Дмитрия, поскольку известна челобитная на имя царя Дмитрия Ивановича, царицы Марины Юрьевны и царевича Ивана Дмитриевича.[17] Воинство Заруцкого в Астрахани представляло собой настоя-

щую банду из волжских казаков и объявивших себя казаками беглых холопов. Они чинили всяческие насилия над астраханскими жителями. Вместе с воеводой погибли «многие люди», а сам Заруцкий приказал перелить на стремена серебряное паникадило из Троицкого монастыря. Попытка опереться на терских казаков окончилась провалом, поскольку те отказались поддержать царицу Марину. С севера по Волге двигалось на Астрахань войско князя Одоевского. В городе же обстановка накалилась настолько, что Заруцкий с Мариной заперлись в кремле. Весной 1614 г. к Астрахани терским воеводой Головиным был послан отряд сотника Василия Хохлова с 700-ми казаков и стрельцов. Астрахань они застали в огне восстания: Заруцкий сидел в кремле, а жители из посада вели с ним перестрелку.[18] 12 мая Заруцкий бежал из города, но 14 мая ниже Астрахани Хохлов настиг его. В бою отряд Заруцкого был разбит и потерял почти все струги. В плен взято было до 160 казаков.[19] Лишь небольшая часть казаков с Заруцким и Мариной бежали на легких стругах в море, а затем на Яик. В июне 1614 г. на Медвежьем острове Заруцкий был разбит отрядом стрельцов, посланных князем Одоевским, и лишь 120 казаков с Тереней Усом сумели прорваться на Волгу.[20] Заруцкий, Марина и царевич Иван попали в плен и судьба их была трагична: Заруцкого посадили на кол, царевича повесили на Серпуховских воротах, а Марина погибла в заточении.

К сожалению, вихри «Смутного времени» не утихли над Астраханским кремлем: спустя полстолетия здесь вновь запылает пламя народных волнений.

§2. Восстание С.Т. Разина и Астраханский край

XVII столетие вошло в историю России как «бунташный» век. Во второй половине века почти все Поволжье было охвачено казацко-крестьянским движением под руководством С.Т. Разина, часто именуемым крестьянской войной.

Во второй половине XVII в. значительно ухудшилось положение

крестьянства ввиду его окончательного закрепощения и введения бессрочного сыска беглых. Правительство организует массовые поиски беглецов и возвращает их прежним владельцам. Соборное уложение 1649 г. фактически распространяло крепостнические порядки и на города, прикрепив горожан к посадам. Длительная война с Польшей за Украину вела к росту налогового бремени. Растущее социальное напряжение неизбежно должно было вылиться в крупный конфликт. Ухудшилось положение и на Дону, куда издавна бежали наиболее непокорные представители различных социальных групп. Донское общество все заметнее распадалось на домовитых и голутвенных казаков. В руки низовых зажиточных казаков попадала львиная доля царского жалования, они владели многочисленными стадами и лучшими рыболовными угодьями. Основная же масса казаков вынуждена была поддерживать свое благосостояние за счет набегов на Черном или Каспийском море. Однако в середине XVII в. походы «за зипунами» стали весьма затруднительны. Турки, сильно укрепив Азов, фактически перекрыли устье Дона, а русское правительство, стремясь избежать войны с Турцией, впрямую запретило казакам нападать на крымские и турецкие берега. Выход на Каспий перекрывался нижневолжскими крепостями, а поиски «зипунов» на Волге были чреваты конфликтом с царскими властями. Однако в конце 60-х гг. XVII в. среди голутвенных казаков появился решительный лидер, готовый повести их в поход. Им стал выходец из зажиточной семьи Степан Разин. К моменту, когда Разин возглавил около 2000 казаков для похода на Каспий, ему было уже за 30 лет. Видевший атамана в Астрахани голландец Стрюйс оставил его описание: «Вид его (Разина) величественный, осанка благородная, а выражение лица гордое; росту высокого, лицо рябоватое. Он обладал способностью внушать страх и вместе любовь».[1] Разин был весьма бывалый человек: дважды ходил на богомолье в Соловецкий монастырь, побывал в Москве, участвовал в переговорах с калмыками, осознавал наличие социальной напряженности в стране. Кроме того,

у Разина был личный счет к боярам, поскольку его старший брат – Иван был казнен воеводой Долгоруким за дезертирство.

Весной 1667 г. Разин бросил клич о походе на Волгу и Каспий. В подготовке экспедиции участвовали и домовитые казаки, включая войскового атамана К. Яковлева, рассчитывавшие получить свою долю добычи.[2]

Выйдя на Волгу в мае 1667 г., Разин напал на торговый караван, в составе которого были суда, принадлежащие царю, патриарху и богатому гостю Василию Шорину. Начальные люди были перебиты, а работники, стрельцы и освобожденные ссыльные примкнули к казакам. Благополучно миновав Царицын и Черный Яр, разинцы нанесли поражение отряду Семена Беклемишева и протоком Бузан вышли в Каспийское море. В устье Яика их нагнали посланные из Астрахани стрельцы, но были разбиты. Обманом захватив Гурьев (до 40 разбойников проникло в город под видом богомольцев), Разин устроил резню, в ходе которой погибло более 1000 человек.[3] Перезимовав в Гурьеве и получив подкрепление с Дона, Разин вышел в Каспийское море, к берегам Персии. Подобно викингам раннего средневековья, казаки под видом купцов проникли в город Решт и в разгар ярмарки напали на жителей, убивая сопротивлявшихся, захватывая пленных и грабя лавки.[4] Казаки разграбили также Фарахабад и Астрабад, загородные дворцы шаха. Причем и здесь Разин часто действовал хитростью, как, например, близ Астрабада, когда во время пира им был убит местный хан. В Астрабаде было вырезано все мужское население и захвачено 800 пленных.[5]

Весной 1668 г. Разин обосновался на Свином острове. Против казаков персы собрали большой флот (до 50 судов), который возглавил Мамед-хан. Однако, не имея никакого опыта действий на море, персы попытались охватить струги разинцев в кольцо, скрепив свои суда цепями. В результате оказалось достаточным потопить пушечным огнем несколько судов, как вся связка пошла на дно. Большая часть персов была перебита, а среди немногочисленных пленных оказался хан-

ский сын.[6] Однако пиратская экспедиция явно близилась к завершению – добыча была обильна, а непривычный климат и схватки с персами изрядно поубавили число казаков.

В августе 1669 г. Разин подошел к устью Волги, где ограбил два судна, но прорваться вверх по реке с изрядно поредевшим воинством он не мог. Поэтому верхом удачи стало известие о царской грамоте, прощавшей казаков при условии сдачи орудий и добычи астраханским воеводам и изгнания из отряда примкнувших к разинцам служилых людей. Во время переговоров с князем С.И. Львовым Разин осыпал его дорогими подарками из награбленного в Персии. Вступление Разина в Астрахань было подобно триумфу. Казаки были разодеты в парчовые и шелковые одежды, поили всех желающих в кабаках. «Большая часть простого народа и солдат, теснившихся толпами вокруг Разина, когда он показывался на улицах и нередко бросал горстями червонцы, питали к нему сильную любовь, многие перешли к нему, поклявшись в верности...».[7] По рассказам очевидцев, даже воевода И.С. Прозоровский выпросил у атамана соболью шубу. Стрюйс сообщает, что Разин вел себя в Астрахани как представитель законной власти. Кстати, именно Стрюйс пустил в обиход легенду об утопленной персидской княжне и, хотя рассказ этот не нашел исторического подтверждения, вероятно, некую несчастную пленницу все же утопили.

Покинув Астрахань, Разин вернулся на Дон. Зима 1669-1670 гг. стала временем укрепления С. Разина на Дону и подготовки к новому походу. В его лагерь шли донские казаки верховых городков, запорожцы, беглые гулящие люди. В начале 1670 г. у С. Разина было уже более 4000 человек.[8] Весной 1670 г. на круге в Паншином городке было принято решение: «Пойдем на бояр и на воевод на Волгу за то, что де бояре и воеводы нас голодом морят. А как на море и на Волге наперед сего были, и они бояре и воеводы, нас имали и вешали и головы нам секли и в воду сажали».[9] Вскоре казаки устремились на Волгу. Разграбив калмыцкие и татарские улусы, разинцы подошли к Царицыну, где

вспыхнул мятеж. Воевода с частью стрельцов заперся в одной из башен и два дня отражал натиск жителей и казаков. Но силы были слишком неравны, все кто был с воеводой П. Терентьевым, погибли.[10]

Как только в Астрахани стало известно о падении Царицына, к Черному Яру были отправлены водой и берегом на конях 2000 стрельцов в главе с князем С. Львовым. С севера к Царицыну двигалось войско И. Лопатина. Однако С. Разин внезапным ударом разгромил московских стрельцов, а затем устремился навстречу воеводе С. Львову. Астраханское войско, не приняв боя, перешло на сторону казаков. Начальных людей перебили, уцелел лишь князь Львов. Черноярские стрельцы, также перебив командиров, присоединились к восставшим.

После неудачи под Черным Яром положение в Астрахани стало критическим. Жители почти не скрывали симпатии к восставшим, стрельцы, не получившие жалования, были ненадежны. Единственной опорой воеводы Прозоровского были иностранные офицеры, прибывшие в город на корабле «Орел», а также отряд черкесов. Пытаясь упрочить свои позиции, воевода обратился к митрополиту Иосифу за финансовой поддержкой. Архиерей дал 600 руб. которые пошли на уплату жалования стрельцам.[11] Чтобы дополнительно усилить оборону города, И.С. Прозоровский приказал установить на стенах пушки, снятые с «Орла».

19 июня 1670 г. войско С. Т. Разина подошло к городу. Предложение о сдаче воеводой было отвергнуто, а посланцы Разина – дворовый человек князя Львова казнен, поп же Василий помещен в темнице Троицкого монастыря.

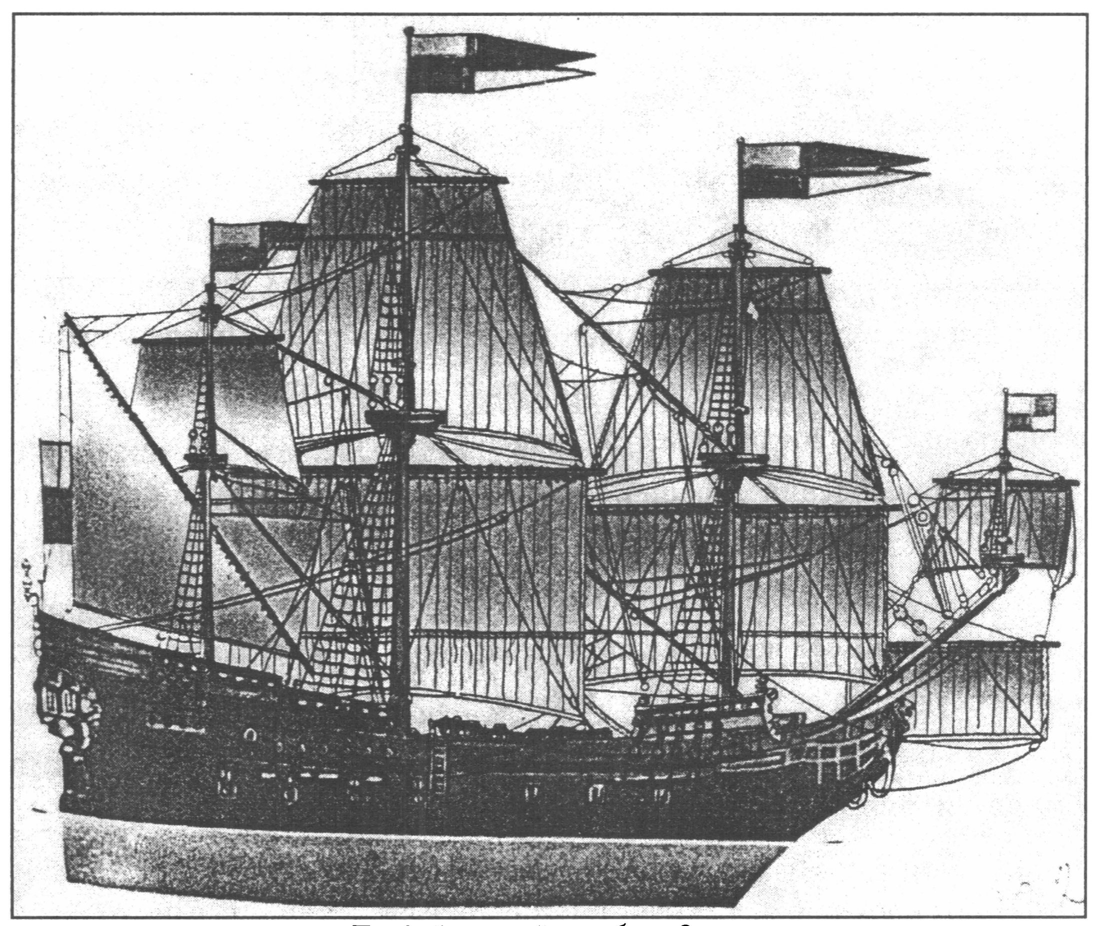
В ночь на 22 июня 1670 г. разинцы пошли на штурм, а в самой Астрахани вспыхнул мятеж. Сопротивление оказали лишь часть пушкарей, офицеры и иноземцы. Оказавшийся в городе капитан Давид Бутлер сообщал, что многие офицеры и стрелецкие головы были убиты собственными солдатами.[15] Казаки ворвались в город со стороны Вознесенских ворот. В схватке воевода был ранен в живот, а его брат М.С.

Прозоровский убит. Последние защитники города укрылись в Успенском соборе, куда перенесли и раненого воеводу. Пятидесятник Фрол мужественно оборонял двери собора, убив многих казаков. В перестрелке он был ранен, схвачен нападавшими и изрублен на куски.[13] Другим очагом сопротивления стала одна из кремлевских башен, где заперлись 9 человек. Защитники башни, несмотря на обстрел из пушек, продержались до полудня. Когда кончились пули, они отстреливались серебряными монетами. Только когда закончился порох, уцелевшие черкесы выпрыгнули из башни: одни разбились, а другие были зарублены.[14] Победители устроили резню. Воевода был сброшен с раската, а его сыновья (8-ми и 16-ти лет) повешены за ноги. Старшего на следующий день сбросили с башни. Секретарь воеводы и сын Гилянского хана были повешены на крюках, проткнутых под ребра, и умерли лишь через несколько дней. На площади перед собором саблями и бердышами зарубили 441 человека начальных людей.[15] Имущество убитых, как и государева казна, были вывезены на Ямгурчев бугор для раздаривания. Грабежу подверглись гостиные дворы: Русский, Гилянский, Индийский и Бухарский. Сам Разин в дележе награбленного богатства не участвовал, поскольку «Стеньке принесли, что ему понадобилось».

Повторное пребывание С.Т. Разина в Астрахани к легендам о несчастной персиянке и воеводской шубе добавило еще одну – о сожжении корабля «Орел». С завидным постоянством эта легенда кочует по страницам книг.[16] На самом деле корабль был лишь разграблен и благополучно пережил восстание. Из документов астраханского Делового Двора следует, что «корабль да полукорабелье» стояли в протоке Кутум. Воевода князь К.О. Щербатов в 1677 г. сообщал в Москву, что «корабль ветхой, дно и бока сгнило...» Через три года новый астраханский воевода М.С. Пушкин доносил о совершенном обветшании корабля и яхты, после чего то, что осталось от «Орла», было разобрано.[17]

В Астрахани С.Т. Разин пробыл месяц, после чего войско восставших, достигшее 10800 человек, двинулось по реке и берегом «выво-

дить» бояр на Руси. В городе осталось до 2000 казаков «с куреня и з десятку по человеку, з жеребья, кому досталось в Астрахани жить».[18]



Первый русский корабль «Орел»

Атаманом в городе стал Василий Ус, а старшинами – Федор Шелудяк и Иван Терской. Фактически в городе установился казачий порядок управления, когда главным законодательным органом являлся круг. Исполнительную власть в своих руках сосредоточил атаман В. Ус, имевший двух писарей. В Астрахани вновь начали функционировать рынки, возобновилась работа на учугах. Однако положение астраханцев становилось все более сложным. Вокруг города полыхали междуусобицы ногайцев и калмыков. В ходе взятия Астрахани Разиным был разбит Аманатский двор и все заложники разбежались. Астрахань превратилась в царство террора, поскольку периодически изыс-

кивались новые враги – уцелевшие дворяне и просто имущие граждане, чье добро разжигало аппетиты казаков.

В этой сложной ситуации митрополит Иосиф попытался через ключаря Федора Негодяева и вознесенского игумена Селиверста склонить на свою сторону есаулов А. Лебедева и С. Гаврилова, поручив им обратиться к восставшим с царской грамотой о прощении и помиловании, однако они на это не пошли. Тогда Иосиф решил сам обратиться к восставшим. Он 3 ноября 1670 г. на соборной площади начал читать астраханским жителям царскую грамоту. С Аманатского двора примчались посланные В. Усом казаки и примкнувшие к ним астраханцы и вырвали грамоту из рук митрополита. Произошла перепалка, в ходе которой Иосиф открыто называл восставших ворами и изменниками, а те, в свою очередь, угрожали ему раскатом или заточением.

Новое столкновение митрополита Иосифа с разинцами произошло в апреле 1671 г., когда стало известно об аресте С.Т. Разина. Одевшись в парадные одежды, митрополит вошел в Белый город с призывом к астраханцам принести повинную царю. На этот раз на площадь явился сам В. Ус «со товарищи». Дело чуть не дошло до драки: Иосиф кинулся с посохом на есаула Топоркова, а на площади поднялся «великий шум». Казаки обвинили митрополита в переписке с боярами, Тереком и Доном, «и по его письмам Терек и Дон от нас отложились». В свою очередь, Иосиф призывал: «Астраханские жители! Велено по грамоте Великого государя воров донских перехватить и посадить в тюрьму... Вы на меня положитесь, Великий государь вас, окаянных, ничем не велит трогать».[19]

Вскоре после этого столкновения был казнен ключарь Федор Негодяев, а на кругах все чаще раздавались призывы расправиться с митрополитом. Действительно, хотя Иосифу и не удавалось склонить астраханцев к выступлению против казачьей власти, но авторитет его в городе был явно велик, что представляло серьезную угрозу для разинцев.

В конце апреля- начале мая 1671 г. из Астрахани в новый поход на Симбирск отправилось 8-ми тысячное войско во главе с Федором Шелудяком. Тем временем Василий Ус инспирировал в городе церемонию подписания приговорной записи, где все жители якобы обязывались «стоять друг за друга единодушно, и побивать и выводить изменников бояр». Митрополит Иосиф отказался подписать приговор. Это окончательно озлобило казаков против Иосифа. Кроме того, прибывший от Шелудяка посланец обвинил митрополита Иосифа и князя С. Львова в измене и причастности их к аресту С.Т. Разина.[20] 11 мая 1671 г. в круг для судилища был приведен астраханский митрополит. Казаки сорвали с него святительские одежды и к своему удивлению обнаружили под ними не шелковую рясу, а власяницу и вериги. Но замешательство продолжалось недолго, Иосиф был подвергнут пыткам огнем, а затем поднят на раскат и сброшен.

Суд над митрополитом Иосифом

Сразу после казни митрополита Василий Ус составил объяснительную запись с обвинениями Иосифа, пытаясь придать расправе вид законности. Все казаки и астраханцы обязаны были ее подписать.

Вслед за митрополитом после пыток был убит князь С. Львов и еще уцелевшие дворяне, дети боярские и приказные люди.

Поход Ф. Шелудяка под Симбирск окончился неудачей, и с двумя тысячами казаков атаман отступил в Астрахань, где к тому времени от болезни умер В. Ус. Атаманом был избран Ф. Шелудяк, который пла-

нировал весной опять продолжить начатое С. Разиным дело.

Тем временем в конце лета 1671 г. к Астрахани подошло 30-ти тысячное войско воеводы И.Б. Милославского. 2 сентября началась осада. В устье Болды и на Соленой речке московское войско возвело укрепленные лагеря. Восставшие пытались делать вылазки, но несли большие потери. В городе ощущался острый недостаток продовольствия. Пытаясь поддержать боевой дух осажденных, Ф. Шелудяк вновь созвал круг, на котором решили «сидеть в осаде всем заодно». В то же время, ясно сознавая неминуемость поражения, Шелудяк уничтожил запись о казни митрополита Иосифа. Вскоре Ф. Шелудяк был арестован во время переговоров у князя Черкасского, пригласившего атамана в свой лагерь. В Астрахани начались разброд и шатания, многие «ухождаху из города и предавахуся в полки Царевы и повелено всех их довольствовать пищею».[21]

27 ноября 1671 г. Астрахань капитулировала. Через наплавной мост в город с развернутыми знаменами, в окружении священников вступил воевода И.Б. Милославский, а навстречу ему с иконами выступили горожане. Милославский сдержал слово и никого не наказывал. Вплоть до лета 1672 г. Ф. Шелудяк и его сподвижники беспрепятственно жили в городе. Однако в июле 1672 г. Милославского сменил князь Я.Н. Одоевский с указом провести следствие. В городе начались жестокие репрессии. Иностранец Л. Фабрициус сообщал, что под арест были взяты почти все астраханские жители. Многие были четвертованы, иные заживо сожжены или зарыты в землю, многим отрезали языки. Пытки в застенках продолжались почти непрерывно.[22] Поскольку репрессии явно обрушились на астраханскую бедноту (большая часть зажиточных горожан была истреблена разинцами), то, по словам Фабрициуса, в городе остались в живых «лишь дряхлые старухи да малые дети». Полностью был обновлен гарнизон города, причем в полки брали только представителей зажиточных семей.

Восстание С.Т. Разина привело к гибели огромное число людей со

стороны противоборствующих сторон. Победа правительства способствовала ужесточению крепостнических отношений и распространению их в Поволжье. Усилились абсолютистские тенденции. Донское казачество вынуждено было присягнуть на верность царю, превратившись тем самым из союзников в подданных московского царя.[23]

§3. Восстание в Астрахани в 1705-1706 годах

XVIII столетие в России ознменовалось широкими государственными преобразованиями, в результате которых на смену сословно-представительной монархии пришла монархия абсолютная. Социально-экономические изменения, реформы местной и государственной власти коснулись всех сфер жизни российского общества и вызвали неоднозначную реакцию различных слоев населения. Следствием этих неординарных, непривычных порою для общества нововведений явилось обострение социальных противоречий, выливавшихся в различные формы протеста. Прмером тому может служить Астраханское городское восстание. Оно проходило с июля-августа 1705 г. по февраль-март 1706 г. и явилось поистине широким народным движением в волжском Понизовье и ближнем Предкавказье. Восстание охватило практически все социальные и национальные группы населения края, проявило общность их региональных интересов, имело тенденцию перекинуться на соседние территории юга России.

В Астраханском восстании в какой-то степени прослеживается отзвук «стрелецких бунтов» 1682-1698 гг. Ибо именно стрельцы были основной движущей силой восстания в Астрахани. Активное участие в астраханских событиях приняли два Московских стрелецких полка – пеший и конный, до этого переведенные в Астрахань.

Жители стрелецких слобод по преимуществу были русскими. На стрелецкую службу допускались также представители других национальностей, проживавших в крае, а также иностранцы-европейцы.

Историк С.М. Соловьев оценивает астраханское восстание как со-

ставную часть общероссийского протеста против действий «царя-иноземца», посаженного на престол консервативными кругами и частью духовенства.[1] И хотя выраженной антипетровской направленности в лозунгах и действиях восставших не прослеживается, однако особое негодование вызвало у них требование носить «немецкое платье», брить бороды, новый обычай курить табак.

А обнаруженные по ходу восстания в домах у «начальных людей» деревянные манекены для развешивания париков и костюмов были восприняты как статуи «кумирских богов», т.е. языческие идолы, и только подлили масла в огонь народного раздражения.[2]

Этот этнокультурно-почвеннический, славянофильский, по сути своей, протест сыграл не последнюю роль в идеологическом антураже восстания, был так или иначе поддержан и многими представителями нерусского населения.

В данном контексте не кажется абсолютно нелепой и полулегендарная версия об астраханском «свадебном бунте», не нашедшая документальных подтверждений, но упорно хранимая в памяти астраханцев даже и в XIX в.[3]

В конце июля 1705 г. на астраханском базаре был якобы распущен слух о семилетнем «моратории» на заключение браков и о разрешении русским девицам выходить замуж только за немцев, т.е. западноевропейцев. Начался общий ажиотаж, и «вследствие этого 29 июля было повенчано в Астрахани сто пар».[4]

По мнению сторонников этой версии, именно в этот день началось восстание, поддержанное вооруженными стрельцами.

Таким образом, «стрелецкая» и «свадебная» точки зрения на начало восстания не противоречат одна другой, а способны органично дополнить друг друга.

Геополитическое положение Астраханского края, полиэтничного по своему составу, также во многом предопределило и начало восстания, и его конкретный ход. «...Восстание за старину вспыхнуло в отда-

ленном застепном углу, окруженном казаками (добавить нужно – и «калмыцкой ордой» – В.В.), в Астрахани. Место было выбрано ...недовольными из разных городов, вследствие чего астраханский бунт и не носит вполне местного характера. В таком отдалении от Москвы воеводы и начальные люди обыкновенно разнуздывались и своими притеснениями возбуждали сильнейшее неудовольствие, чем и воспользовались заводчики мятежа».[5] «Неместный характер» Астраханского восстания следует, на наш взгляд, понимать не по распространению, а по значению и отзвуку в России.

Действительно, мятежный «казачий дух» был силен на астраханской земле еще со времен Степана Разина, а связи стрельцов с уральскими, терскими и донскими казаками были прочны и многогранны, хотя и в различной степени. Это сказалось на событиях и последствиях восстания. Самоуправление конструировалось по-казачьи и по памяти о 1670-71 гг., как «круг». Воевода же Ржевский, действительно, вызывал общее возмущение жестокостью, мздоимством и излишним рвением во введении новой, «нерусской» одежды и порядков, а также репрессиями и произвольными поборами «за ношение оружия» и «за бороды».

Помимо собственно «русского» протеста, недовольство высказывала и мусульманская группа населения, прежде всего духовенство и традиционно авторитетная верхушка. Дело в том, что воевода в произвольном порядке урезал льготы, предоставленные правительством мечетям по их содержанию и совершению в них религиозных обрядов.

Наиболее последовательно поддержали горожан и стрельцов ведшие полукочевую жизнь в окрестностях города юртовские и близкие им едисанские ногайские татары.

К восстанию примкнули также предводитель астраханских едисанцев авторитетный для ногайцев лидер князь (мирза) Каспулат Урусов и его вероятные родственники мурзы Ивак и Темирша. Участвовали в восстании влиятельные руководители юртовцев – «батыры», или «агалары», и среди них – главный «табунный голова» Ишей Кашка-

рин, «табунный голова» Булат, сотник Атеп и др.[6]

Участвовали в восстании и астраханские городские мусульмане, представители купеческих «торговых дворов» и обслуживавший их персонал. Это были, прежде всего, первые средневолжские переселенцы, татары Казанского двора, а также обитатели «восточных дворцов» – Бухарского, Гилянского, Индийского.

Другим важным многонациональным центром восстания послужил Терский городок (Терки), расположенный на Северном Кавказе, вблизи нынешнего Кизляра, воевода которого был подчинен астраханскому.

Здесь и в ближайшей округе, кроме стрельцов, жили и несли государеву службу «окочены» – своеобразная этническая группа, сборная из переселявшихся сюда под российскую власть выходцев из различных народов Дагестана, а также служилые «черкесы», т.е. собственно кабардинцы.

Этнический и конфессиональный факторы отразились и в идеологии восстания, планах его руководителей, позициях отдельных группировок, практических шагах и действиях.

Лидеры восстания, насколько известно, были вполне широко образованными людми, понимающими этническую специфику астраханского населения. А избранный главным атаманам купец гостинной первой сотни Яков Иванович Носов знал, по некоторым данным, несколько языков, включая и восточные.

Подготовленные восставшими в Астрахани письмо-обращение к донским казакам по поводу присоединения к восстанию, а также более универсальный и программный их документ – «Советное письмо» имеют, по замечанию Н.Б. Голиковой, «подписи на восточных языках». Это действительно веский аргумент в пользу того, что «требования восставших не ограничивались только защитой христианской веры».[7]

Региональное единство и общность социальных задач оказались важнее конфессиональных различий и вероисповедных тонкостей, их

трактовок в разной общинной среде. Обстановка «уникальной на Земном шаре» лояльности и взаимотерпимости, присущая Астрахани и отмеченная побывавшим здесь в самом конце века польским путешественником, писателем и ученым-востоковедом Я.Ю. Потоцким, была вполне характерна для жителей этого края и в рассматриваемый период.[8]

Однако далеко не все мусульманское население края поддержало восставших. «Исламская солидарность» не отмечалась в событиях октября-ноября 1705 г. под Терками, где проживало много мусульман во главе с князьями Черкасскими. Кумыкские князья-шамхалы, сосредоточив свои войска вблизи Терского городка, в последних числах октября направили терчанам письмо с прямой военной угрозой, перевесив чашу весов в пользу противников восстания, спровоцировав здесь переворот и поражение восставших.[9]

Общая же канва событий Астраханского восстания 1705-1706 гг. достаточно хорошо известна и неоднократно освещалась в научных трудах и учебных пособиях по отечественной истории.

После скорого суда и казни прямо на «круге» воеводы Т.И. Ржевского и других астраханских «начальных людей» восставшие первым делом распространили свое движение почти на всю территорию воеводства и пытались еще более расширить.

С этой целью были направлены их представители и документы-прокламации к гурьевским, уральским, донским и гребенским казакам. Сразу поддержали восстание лишь соседние гурьевские казаки, а гребенские сохраняли нейтралитет.

На Дону же, обратившись не к бедной части казачества, а к «домовитым», т.е. казачьей верхушке, восставшие астраханцы потерпели серьезную неудачу. 25 августа на Дону были схвачены, обезоружены, закованы в кандалы и вскоре отправлены в Москву астраханские послы.[10] Восставшие предприняли попытку взять Царицын, что дало бы им выход к землям донского казачества, где в основном проживала

«голытба».

Однако под Царицыном первое «походное войско» Ивана Дорофеича Дериглаза в последние дни августа 1705 г. потерпело поражение. Командир второго «походного войска» Алексей Прокопьевич Хохлач после неудачных переговоров с донцами о союзе и совместных действиях 24 октября 1705 г. отвел отряд и вернулся на своих стругах в Астрахань.[11]

Занятый событиями Северной войны, царь Петр далеко не сразу отреагировал на происходящее в Астраханском крае. Лишь 11 октября 1705 г. в Астрахань была направлена царская грамота «солдатам и всех полков конным и пешим стрельцам», в которой упоминалось об одновременных Указах, сделанных царем предводителям здешних национальностей – хану Аюке, юртовским мурзам и «головам», черкасским князьям.[12]

Грамота обсуждалась в Астрахани очень долго, и лишь в середине февраля 1706 г. было подготовлено умеренными астраханцами «покаянное письмо» царю.

Царская грамота придала определенную уверенность противникам восстания. Как раз в это время усилилось давление кумыкских феодалов-шамхалов против восставших на Терки. Ощутив поддержку, здешний воевода во второй половине ноября 1705 г. изменил восстанию и обманом схватил руководителей местного «круга». Так пал Терской городок.

Участь Астраханского восстания была, практически, предрешена.

В течение января 1706 г. против Астрахани выступили сразу два отряда правительственных войск – передовой во главе с боярином Петром Ивановичем Хованским и основной, возглавляемый опытным военачальником, боярином, фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым.[13] П.И. Хованский 22 января прибыл в Царицын, послав в Астрахань парламентеров.

Среди восставших начался разлад, выделились несколько группи-

ровок с различными позициями и предложениями о дальнейших действиях. Состоятельное руководство восстания и национальная знать были готовы пойти на соглашение с противником и прекратить восстание. Радикально настроенная местная «голытьба» склонялась к тому, чтобы разграбить богатеев-купцов Индийского и Бухарского дворов, и уйти из города продолжать борьбу «на Астрахань», т.е. вниз по Каспийскому побережью. Очень многие из рядовых участников восстания, знавшие военное дело, собирались оборонять Астрахань и держать осаду царских войск.[14]

Зимой основная часть войска продвигалась медленно, восставшие тоже не предпринимали решительных действий. В середине февраля восставшие направили в Москву своих послов с «покаянной грамотой», принятой на «круге». Но Шереметев и Хованский уже приближались к Астрахани. 2 марта им сдали Черный Яр.

На дальних подступах к Астрахани передовые отряды войск Шереметева появились 6 марта 1706 г., в полевой стан фельдмаршала потянулись перебежчики, а 10 марта делегация из 22-х именитых астраханцев посетила Б.П. Шереметева.[15]

В состав посольства входили видные торговцы и промышленники из умеренной части восставших, пятидесятники стрелецких полков, один индийский и несколько бухарских и армянских купцов, едисанский князь К. Урусов и юртовский «голова» И. Кашкарин с родственниками.

Однако радикально настроенные восставшие совершали вылазки против царских войск. 12 марта Б.П. Шереметев призвал, по его словам, в целях устрашения, к бомбардировке города, а 13 марта вступил в Астрахань с войсками.

Первоначально участникам восстания и даже их предводителям была обещана амнистия. Но вскоре начались аресты, и уже 22 марта первых колодников стали направлять в Москву для следствия, суда и наказания.

В конечном счете глава восстания купец Яков Носов умер в застенке, а всего было казнено в Москве в разное время за участие в восстании около 350 астраханцев.[16]

В начале июля 1706 г. Б.П. Шереметев сдал руководство городом и его округой П.И. Хованскому, сам же убыл в столицу, причем вывел полностью из покоренной Астрахани всех стрельцов и солдатские полки, участвовавшие в мятеже. Их впоследствии заменили регулярными частями «нового строя», верными царю и не имевшими личных и семейных связей с местным населением.[17]

Царь Петр I придал очень большое значение победе над мятежом в Астрахани, отметив ее еще в феврале 1706 г. торжественным салютом в столице и расценив «лучшей виктории равной».[18]

Восстание в Астрахани было одним из факторов, побудившим Петра I более пристально изучить ситуацию на юге России. Царю-реформатору стала понятной необходимость создания в Астрахани прочного надежного тыла для дальнейшего продвижения на Кавказ и в Персию, укрепления здесь начал государственной власти. А для этого было необходимо комплексное развитие хозяйства края, которое поручил царь Петр своему приближенному, первому астраханскому губернатору А.П. Волынскому.[19]

§4. События крестьянской войны 1773-1775 годов в Астраханском крае

В отличие от социальных потрясений XVII в. Пугачевский бунт незначительно затронул Астраханский край. В пределах Астраханской губернии Е.И. Пугачев появился лишь в августе 1774 г., т.е. на заключительном этапе движения. После поражения под Казанью Пугачев, потеряв всю артиллерию, устремился в Нижнее Поволжье, рассчитывая перейти на Дон. Однако, как метко заметил А.С. Пушкин, бегство Пугачева было подобно нашествию. Его армия быстро пополнялась за счет крестьянских отрядов и уже в августе 1674 г., к моменту

подхода к Саратову, насчитывала до 3000 человек при 13 орудиях. Оборона города была возложена на полковника И.К. Бошняка, попытавшегося встретить самозванца в поле. Однако казаки, солдаты и жители города перешли на сторону «императора Петра Федоровича», обещавшего им избавление от податей. С кучкой офицеров и солдат И.К. Бошняк сумел пробиться из окружения и отступить по реке Волге. Пугачев же двигался на юг. Камышин встретил его хлебом и солью. Серьезную поддержку получил Пугачев в станицах Волжского войска, озлобленного начавшимся с 1771 г. переводом на Кавказ. Первыми станицами, поддержавшими Пугачева, были Антиповская и Караваинская. Подошедшие от Царицына воинские команды под предводительством майора Куткина и калмыцкого князя Дундукова встретились с восставшими на реке Пролейке близ станицы Балыклевской. Несмотря на решительные действия Куткина, а также донского полковника Кутейникова (удалось даже ворваться на пугачевскую батарею), из-за паники среди калмыков, обратившихся в бегство при первых пушечных выстрелах, воинская команда была разбита.[1]

При подходе к Дубовке атаман Волжского войска В. Персидский и часть офицеров, захватив казну, бежали в Царицын. Подошедшего к Дубовке Пугачева торжественно встретил оставшийся старшим Г. Поляков. Все жители были приведены к присяге «императору». Однако Поляков после торжественного обеда с Пугачевым был схвачен и исколот копьями (по приказу «царя» не до смерти). В городе начался грабеж.[2] Среди ограбленных был и оказавшийся в Дубовке сотник Астраханского казачьего полка и депутат Уложенной комиссии В. Горский. Правда, он скоро был обласкан Е.И. Пугачевым и пребывал в его войске до самого поражения у Сальниковой ватаги. Сам Горский на допросах утверждал, что увязался за самозванцем, чтобы узнать его «злодейские замысла».[3]

21 августа Е.И. Пугачев попытался атаковать Царицын. Однако мужественная оборона, возглавляемая полковником Цыплетевым, а также атаки донских казаков сорвали осаду города. Кроме того, при-

ближались войска полковника И. Михельсона, которого Пугачев боялся как огня. Прекратив осаду Царицына, восставшие двинулись к Черному Яру. В Астрахани началась паника. Еще при появлении Пугачева в пределах Волжского войска губернатор П. Кречетников в ответ на требования графа П. Панина о выступлении к Царицыну сообщал, что в Астрахани мало войска, а казаков не более 150. Положение усложнялось появлением в городе сторонников Пугачева.[4] Астрахань спешно укреплялась новыми батареями, на Волгу доставлялись вооруженные суда. Комендант Черного Яра ввиду приближения восставших приказал выжечь предместья. Однако развязка была уже близка. 24 августа 1774 г. у Сальниковой ватаги Пугачев был настигнут Михельсоном. Учитывая малочисленность своих войск, Михельсон атаковал на рассвете. Сражение продолжалось не более часа. Стремительно сблизившись с восставшими и избежав длительного воздействия огня артиллерии, Михельсон тремя колоннами нанес удар по пугачевскому воинству. Наиболее упорное сопротивление оказали лишь саратовские артиллеристы. Примкнувшие к Пугачеву калмыки разбежались при первых выстрелах, а за ними ударились в бегство и остальные. Потеряв в бою лишь 16 человек убитыми и 73 – ранеными, правительственные войска уничтожили до 2000 восставших и 6000 пленили.[5] Пугачев бежал за Волгу и вскоре был предан своим окружением. Однако весь 1775 г. в Нижнем Поволжье рыскали отряды разбойников, именовавших себя «пугачевцами». Наиболее известен стал атаман Заметайлов, который пиратствовал в НизовьяхВолги.[6] Реальной угрозы для государственной власти эти отряды уже не представляли и довольно быстро были ликвидированы. В сущности, в Низовьях Волги, где почти не было помещичьего землевладения, отсутствовала и социальная база для движения Е.И. Пугачева. Отступая в сторону Астрахани, он был обречен.

Примечания

§1

1. Потто В.А. Два века Терского казачества. Т.1. Владикавказ, 1912. С.56.
2. Хрестоматия по истории Астраханского края. Астрахань, 1992. С.78.
3. Скрынников Р.Г. Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988. С.230-231.
4. Хрестоматия по истории Астраханского края... С.79.
5. Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С.94-99.
6. Там же. С.96.
7. Карамзин Н.М. История государства Российского. Т.Х. Спб., 1892. С.150.
8. Станиславский А.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С.22.
9. Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов н/Д., 1992. С.44; Потто В.А. Указ. соч. С.69.
10. Заседателева Л.Б. Терские казаки. М., 1974. С.196.
11. Материалы по истории СССР... С.96; Потто В.А. Указ. соч. С.57; Соловьев С.М. Соч. в.18 кн. Кн.IV. Т.8. М., 1989. С.436.
12. Карамзин Н.М. История государства Российского. Примечания. Спб., 1892. С.66; Ригельман А.И. Указ. соч. С.45.
13. Материалы по истории СССР... С.97.
14. Соловьев С.М. Указ. соч. С.469.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского. Примечания. Спб., 1892. С.80.
16. Ригельман А.И. Указ. соч. С.51, 54; Карамзин Н.М. История государства Российского. Примечания. Спб., 1892. С.105.
17. Станиславский А.Л. Гражданская война... С.78.
18. Потто В.А. Указ. соч. С.63.
19. Акты исторические (АИ). Т.III. Спб., 1841. С.14-15.
20. Там же. С.38.

§2

1. Хрестоматия по истории Астраханского края. Астрахань, 1992. С.80.
2. Рябов С.И. Донская земля в XVII веке. Волгоград, 1992. С.118.
3. Чистякова Е.В., Соловьев В.М. Степан Разин и его соратники. М., 1988. С.84.
4. Иностранные известия о восстании Степана Разина. Л., 1975. С.168.
5. Там же. С.171-172.
6. Там же. С.173-174.
7. Хрестоматия по истории Астраханского края... С.81.
8. Рябов С.И. Указ. соч. С.119.
9. Материалы по истории СССР. М., 1989. Вып. 3. С.251.
10. Хрестоматия по истории Астраханского края... С.85.
11. Там же. С.85.

12. Там же. С.83.
13. Там же. С.86.
14. Там же. С.87.
15. Там же. С.83, 87.
16. Марков А.С. Были Астраханского края. Вогоград, 1976. С.43; Марков А.С. Забытые страницы. М., 1984. С.108; Шершов А.П. История военного кораблестроения. Спб., 1994. С.202.
17. ДАИ. Т.8. Спб., 1862. С.246-253; Советская военная экспедиция. В 8 т. М.,1978. Т.6. С.109; Золотарев В.А., Козлов И.А., Шлошин В.С. История флота государства Российского. В 2 т. М., 1996. Т.1. С.7.
18. Материалы по истории СССР... С.256.
19. Хрестоматия по истории Астраханского края... С.87.
20. Материалы по истории СССР... С.304.
21. Хрестоматия по истории Астраханского края... С.89.
22. Материалы по истории СССР... С.331.
23. Пушкарев С.Г. Донское казачество и московское государство в XVII веке // ВИ. 1994. №11. С.117.

§3

1. См.: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VIII (Т.15-16). М., 1962. С.107-121.
2. См.: Соловьев С.М. Указ. соч. С.109, 112.
3. См.: выдержки из труда Семенова-Тян-Шанского П.П. // Другое мнение. Журнал-приложение к областной газете «МИГ». Астрахань, 1997. №4-5. С.52.
4. Штылько А. Астраханская летопись историческая. Известия, события, постановления правительственных и других учреждений и факты из общественной жизни с 1554 по 1896 гг. включительно. Астрахань, 1987. С.12-13.
5. Соловьев С.М. Указ. соч. С.107.
6. См. подробно о социальной структуре ногайских татар того периода: Викторин В.М. Мурзы и эмеки // Очерки исследователей Астраханского края. Вып. 3. Астрахань. (В печати).
7. См.: Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705-1706 гг. М., 1975. С.109-113.
8. Цит. по кн.: Алексеев В.И. Исторические путешествия. Извлечения из записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII веках. Сталинград, 1936. С.209.
9. См.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С.102.
10. Там же. С. 246, 251-253.
11. Там же. С. 193, 228.
12. Там же. С.245-254.
13. См.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С.245-254.
14. Там же. С.179-180, 263-265, 269-272, 313-314.

15. Там же. С.291-292.
16. Там же. С.307-309.
17. Там же. С.303, 305.
18. Там же. С.308.
19. См.: Марков А.С. Петр Первый и Астрахань. Астрахань, 1994. С.34-35.

§4

1. Дон и Нижнее Поволжье в период крестьянской войны 1773-1775 гг. / Под ред. А.П. Пронштейна. Ростов н/Д., 1961. С.97.
2. Там же. С.201.
3. Там же. С.203, 209.
4. Хрестоматия по истории Астраханского края. Астрахань, 1992. С.150.
5. Дон и Нижнее Поволжье... С.131-132.
6. ГААО. Ф.394. Оп.1. Т.2. Д.№4009.

Глава VIII. Астраханский край в первой половине XIX века

§1. Территория и население Астраханской губернии в начале XIX века. Социальные отношения

Астраханская губерния была довольно обширным регионом и представляла собой определенное единство как с исторической, так и с физико-географической точек зрения.

XIX век привнес новые изменения в административно-территориальное деление. Они касались, в основном, уточнения границ губернии. Указом от 15 ноября 1802 г. Астраханская губерния была разделена на Астраханскую и Кавказскую.[1]

Во главе Астраханской губернии был поставлен астраханский гражданский губернатор. В то время Астраханская губерния подчинялась также военному начальнику Кавказского края и Грузии. Но окончательно отделение Астраханской губернии от Кавказа было закреплено указом от 6 января 1832 г. Во главе губернии наряду с гражданским был поставлен и военный губернатор.[2]

С отделением от Кавказской губернии Астраханская губерния вплоть до середины XIX в. оставалась в составе четырех уездов: Астраханского, Енотаевского, Красноярского и Черноярского. В 1850 г. Царевский уезд, образованный в 1835 г., вошел в состав Астраханской губернии. Кроме того, в губернии насчитывалось шесть калмыцких улусов, которые по своему управлению приравнивались к уездам.[3]

Астраханская губерния по размерам территории была в числе наиболее обширнейших в Европейской России: к 1861 г. ее площадь превышала 19 млн. десятин.[4] Она занимала Прикаспийскую низменность. Окраинный характер местности, долгое время мало заселенной и слабо освоенной в хозяйственном отношении, придавал ей черты общности.

Отдаленность от центра, частые столкновения с кочевниками являлись причиной малой заселенности края.

Усиленное заселение края начинается в последней трети XVIII в. Беглые крепостные и крестьяне – переселенцы положили начало хо-

зяйственному освоению территории. А создание в крае военных опорных пунктов обеспечило условия для появления дворянского землевладения. Активное заселение края в конце XVIII-начале XIX вв. находится в неразрывной связи с начинавшимся разложением феодально-крепостнического строя в России.

Правительство попыталось направить освоение низовьев Волги на крепостнических принципах путем насаждения здесь помещичьего землевладения и переселения крепостных. Однако эта политика потерпела неудачу. Достаточно сказать, что хотя крепостное население и достигло к 1861 г. 6 тыс. человек мужского пола, но по отношению к общей численности населения губернии составляло чуть более 2%.

Обнаружило свою полную несостоятельность в деле развития производительных сил края помещичье хозяйство с его малопроизводительным, по сравнению с наемным, крепостным трудом (как это было, например, в рыболовстве).

К началу XIX в. на приобретенных помещиками землях появилось около 20 поселений с общим числом жителей 2294 человека. Но более половины дворянских латифундий к началу XIX в. оставалось, несмотря на указ Сената о заселении, незаселенными.[5]

Астраханские помещики становились не только владельцами земли, но и владельцами рыбных угодий, т.е. рыбопромышленниками.

Основную роль в экономическом освоении края сыграли народные переселения, и, в первую очередь, беглые крепостные крестьяне, составившие ядро народонаселения Астраханской губернии. По неполным данным, только в начале XIX века здесь проживало более 20 тыс. беглых крестьян. Однако наличие многочисленного беглого крестьянства еще не означало признания его прав. Они признавались постепенно, как легальными, так и полулегальными формами.

Крайне медленно происходило организованное переселение государственных крестьян. В 1806 г. было переселено 254 чел. мужского пола, в 1809 г. – 131, в 1810 г. – 335, в 1812 г. – 228.

Со второй четверти XIX века темпы переселения государственных крестьян увеличиваются. С 1825 по 1838 гг. в Астраханскую губернию были переселены 6388 человек мужского пола. С 1839 по 1850 гг. число государственных крестьян увеличилось всего на 757 человек. Намеченное в 1846 г. образование 44 станиц на калмыцких землях дало толчок к новым переселениям.[6] Основную массу переселенцев составили государственные крестьяне Воронежской, Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Курской и Полтавской губерний.

В начале XIX века усилился поток «самовольцев». Это был своеобразный, стихийный протест против бюрократической волокиты и попытка обойти обязательное требование к переселенцам – погашение недоимки и внесение двойной уплаты всех сборов вплоть до новой ревизии.

В начале 30-х гг. XIX в. «самовольцев» в Астраханскую губернию пришло более тысячи человек мужского пола.

Материалы доклада Астраханского губернатора графу П.Д. Киселеву свидетельствуют, что в 1837 г. в губернии насчитывалось «самовольно зашедших» 1297 человек, в то время как официально разрешенных всего 506.[7]

Резкое увеличение удельного веса самовольных переселенцев последовало в 50-е годы в связи с разрешением селиться на калмыцких землях, причем следует заметить, что «самовольцы» были в большинстве своем зажиточными крестьянами.

Сословие Астраханских государственных крестьян формировалось из легализованных беглых крепостных, переселенцев и прочих категорий крестьян.

Общая численность государственных крестьян Астраханской губернии увеличилась с 8347 человек мужского пола в 1799 г. до 87355 человек в 1857 г.

Но здесь не следует забывать и о территориальном увеличении Астраханской губернии – присоединении Царевского уезда. К государ-

ственным крестьянам относили также и калмыков – кочевников казенных улусов. Немалую роль в хозяйственном освоении края сыграло население самовольных поселков на берегу Каспийского моря (более 10 тыс. человек), абсолютно не учитывавшееся официальной статистикой. Жители этих поселков – в основном, ловцы.

В нижневолжской деревне в первой половине XIX века происходили социальные изменения – свидетельство развивавшихся товарно-денежных отношений. Свое конкретное выражение они находили в отходничестве и в переходе крестьян в городские сословия.

Астраханская губерния была одним из тех мест, «где лучше», и поэтому наводнялась ежегодно многочисленной армией отходников (от 10 до 25 тысяч человек). Вместе с тем отходничество было развито и в самой губернии и особенно среди государственных крестьян. Крестьяне нанимались на рыбные промыслы, судовыми рабочими, уходили в города. В 50-х годах количество крестьян, проживавших в городах губернии, достигло внушительных цифр: около 13 тыс. человек обоего пола.[8] Крестьяне, длительное время жившие в городе, переходили в городские сословия. Наиболее состоятельных из них не останавливали препятствия в виде уплаты податей по двойному состоянию, т.е. за крестьян и за мещан или купцов вплоть до новой ревизии.

В Астраханском крае слабее ощущалось господство феодальных отношений, не так сильно ограничивались промысловая деятельность крестьян и переход их в городские сословия.

Как видим, крепостничество российского типа было ничтожным на территории Астраханской губернии. Но это отнюдь не означало что большая часть населения пользовалась личной свободой.

Особенно это касалось калмыков и киргизов (казахов). Правительство все больше вторгалось во внутренние отношения этих народов, регламентируя повинности зависимого населения, направляя часть калмыков на кордонную службу.

Земли богатых калмыков частично переходили в казну, а калмы-

ки, жившие на этих землях, тоже становились казенными.

Но, живя по соседству с русскими, калмыки все больше втягивались в работу по найму. С разрешения и без разрешения своих нойонов и зайсанов они массами шли на рыбные и соляные промыслы, причем считались там самыми лучшими работниками.

В этой связи следует отметить, что в Астраханскую губернию приходило большое количество отходников из других губерний и не только на рыбные и соляные промыслы, но и на речной транспорт – судорабочими и грузчиками.[9]

Таким образом, и в Астраханской губернии наблюдались ростки капитализма. Этому способствовала и перевозка товарных грузов по Волге и Каспийскому морю.

Что же касается городского населения, то его сословный состав был довольно пестрым. Это – купцы, мещане, ремесленники, крестьяне-отходники, военные, а также ссыльные дворяне, придающие городу определенное своеобразие.

§2. Участие населения края в Отечественной войне 1812 года

К началу войны 1812 г., кроме Астраханского гарнизонного полка, в русской армии существовали еще две регулярные части, укомплектованные уроженцами г. Астрахани.

Это Астраханский гренадерский и Астраханский кирасирский полки. Даты их формирования зафиксированы в копии документа «Роспись полкам Его императорского Величества, составляющих Тяжелую и легкую кавалерию и инфантерию по старшинству времени сформирования их».[1] Как свидетельствует документ, Астраханский кирасирский полк был сформирован в 1811 г., а Астраханский гренадерский – в 1790 г.

Копии такого документа, как «Ведомость о цветах погонов полков, составляющих тяжелую и легкую кавалерию и инфантерию и по старшинству времени сформирования их» информирует о том, что Ас-

траханский кирасирский полк вошел в состав 1-й дивизии кирасир. Астраханцы – кавалеристы имели погоны желтого цвета.[2]

Сама же первая кирасирская дивизия вошла в состав 5-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.И. Лаврова, находящегося в 1-й Западной армии.

Астраханский гренадерский полк во главе с командиром Буксгевденом находился в составе 2-й гренадерской дивизии под командованием К. Макленбургского. Сама же 2-я гренадерская дивизия была в составе 8-го пехотного корпуса 2-й Западной армии генерал-лейтенанта М.М. Бороздина. Цвет погонов всех без исключения гренадерских полков был красный.

Что же касается запасных эскадрона и батальона этих полков, то приказом Военного министра от 24 февраля 1812 г. за №21 они были включены в состав резервных корпусов Западной Армии. Эскадрон Астраханского кирасирского полка попал в 1-й резервный корпус под командованием генерал-майора барона И.И. Меллера-Закомельского, а батальон Астраханского гренадерского полка с другими батальонами и эскадронами – во 2-й резервный корпус под командованием генерал-лейтенанта Эртеля.

Не все офицеры этих полков являлись уроженцами города Астрахани. Об этом свидетельствуют документы о переводе военнослужащих в Астраханские полки.[3]

Тяжелым испытанием для русской армии явилось Бородино. Оба Астраханских полка находились в составе корпуса Багратиона, защищавшего легендарные флеши. Как свидетельствует донесение М.И. Кутузова Александру I, «Князь Багратион, видя умножение неприятеля,... вынужден был употребить из резерва 2-ю гренадерскую дивизию под командою генерал-лейтенанта Бороздина, которую он и поставил уступами противу левого крыла за деревнею, а левее от оной три полка 1-й кирасирской дивизии и всю 2-ю кирасирскую дивизию».[4]

При одной из атак французов на флеши гренадеры были выведе-

ны из резерва и отменно себя показали. Около десяти часов утра противнику все же удалось овладеть флешами и захватить часть деревни Семеновское.

На левом фланге создалось опасное положение. Багратион немедленно организовал войска для контратаки. Возглавив 2-ю гренадерскую дивизию, он ударил во фланг наступающей французской пехоте.

Эта же часть вместе с 3-й пехотной дивизией отбила фронтальный удар корпусов Нея и Даву, 6-ю и 7-ю атаки на флеши. После 8-й атаки П.П. Коновницын, взявший командование на себя, отвел русские войска за Семеновский овраг. 2-я гренадерская дивизия заняла новую позицию на высоте, где ранее была деревня Семеновское. На помощь гренадерам подошли кирасиры 1-й кирасирской дивизии, а следом – и кавалерия 4-го корпуса генерала Сиверса. В результате французы были отброшены за овраг. О том, какой ценой далась эта атака и каково было сопротивление противника в этой схватке, говорят потери, которые понес Астраханский кирасирский полк: из 597 человек в живых после сражения осталось 95.

Пример доблести и бесстрашия в этой битве показал командир полка полковник Каратаев. Он был ранен в ногу и плечо, но не покинул поле боя. За это сражение он был награжден орденом «Св. Георгия» 4-го класса. Известны также подвиги и рядовых этого полка. Осип Ярославский спас командира эскадрона майора Нанцева. Рядовые Григорий Изымбал и Никита Горбенко, будучи тяжелоранеными, бились в штыковом бою.

Трубач Кирилл Семякин, рискуя жизнью, вынес с поля боя эскадронного командира – майора Белавина. Унтер-офицер Афанасий Авраменко взял в плен наполеоновского полковника.

Гренадеры-астраханцы провели свою последнюю атаку в 11 часов пополуночи:

«...неприятель, усилясь артиллерею и пехотою против укреплений нашего левого крыла, решился вновь атаковать оные. Многократ-

ные его атаки были отбиты... Наконец удалось овладеть ему нашими тремя флешами, с коих мы не успели свести орудий. Но не долго он воспользовался сею выгодою; полки Астраханский, Сибирский и Московский, построясь в сомкнутые колонны под командою генерал-майора Бороздина, с стремлением бросились на неприятеля, который был тотчас сбит и прогнан до самого леса с большим уроном.

Таковой удар был с нашей стороны не без потери... Астраханского гренадерского полка полковник Буксгевден, несмотря на полученные им три тяжкие раны, пошел еще вперед и пал мертв на батарее с многими другими храбрыми офицерами. Потеря французов противу нас несравнительна. После чего неприятель, умножа силы свои, отчаянно бросился опять на батареи наши и вторично уже овладел оными, но генерал-лейтенант Коновницын, подоспев с 3-ю пехотною дивизиею и видя батареи наши занятыми, стремительно атаковал неприятеля. И в мгновение ока сорвал оные».[5]

Помимо регулярных частей Астраханская губерния смогла выставить на войну еще два полка калмыцкой конницы, набранных только на период войны.[6] Астраханский казачий полк в поход не выступил, т.к. правительство не пожелало ослабить кордонную линию против киргиз-кайсаков, но к калмыцким полкам были прикомандированы десять урядников и двадцать казаков, которые участвовали во всех сражениях, принимаемых этими полками, а также 19 марта 1814 г. при взятии Парижа. Один из казаков был убит в сражении, а урядники Кузьма Петерин, Петр Сережников и Андрей Вязигин за отличия в делах были произведены в хорунжии.

7 апреля 1811 г. главнокомандующему в Грузии и на Кавказе генерал-лейтенанту Ртищеву был дан именной указ о сформировании двух пятисотенных калмыцких полков из орд, обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской губерниях.

Высочайший указ к исполнению был передан главному приставу калмыцкого народа Халчинскому. Было решено во главе собираемых

полков поставить калмыцких владельцев, а в качестве приставов прикрепить по одному штаб-офицеру из регулярных войск.

Общим сборным пунктом калмыцких полков Ртищев назначил станицу Пятиизбянскую войска Донского. Отсюда полки должны были двигаться на Воронеж. Каждый должен был иметь свое оружие, одежду, снаряжение и выступать в поход «одву-конь».

Полк №1, собранный из родов Эрдениева и Чучеева, принял брат владельца Эрдени Тайши Тундутова – Джамбо Тайши Тундутов. Полк №2 повел сам владелец Хошеутовского улуса Серебджаб Тюмень.

Снаряжение полка обошлось в девяносто шесть тысяч рублей ассигнациями.

В г. Луцке полки осмотрел генерал от кавалерии П.И. Багратион. Он же и предложил обмундировать полк по форме донских казачьих полков, на что предлагал владельцу от казны пособие в размере пятнадцати тысяч рублей, но Тюмень сделал это на свои деньги, отказавшись от помощи.

В станице Пятиизбянской в 1-ом полку насчитывалось 12 офицеров и 481 человек нижних чинов, а во 2-м – 23 офицера и 517 рядовых, из них 37 человек были набраны сверх комплекта на содержание владельца. Полки имели при себе старинные знамена и значки. Оба полка участвовали в военных действиях 1812 года.

В 1813 г., с 4 по 7 октября, 2-й полк участвовал в сражении при Лейпциге. В 1814 г. 20 марта – прошли г. Париж; 24-го учавствовали в сражении у местечка Леферт.

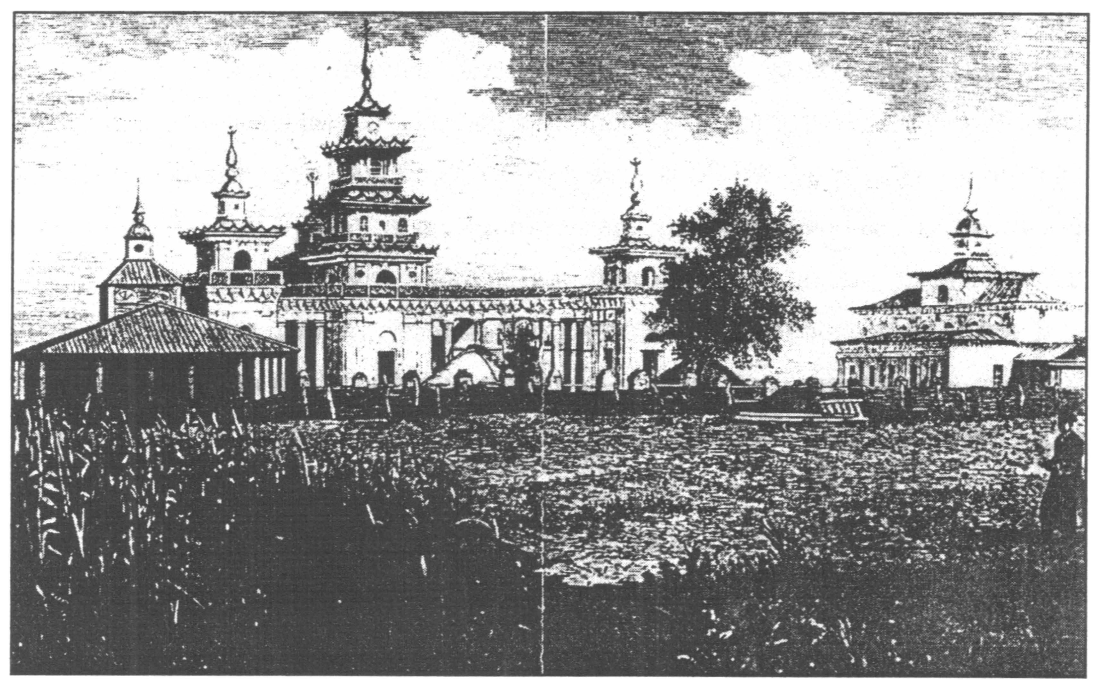
2-й полк Тюменя прибыл в свои степи и был распущен 20 ноября 1814 г., а 1-й полк Тундутова был расформирован 3 января 1815 г.

По возвращении на Родину в 1-м полку Тундутова числилось 12 офицеров и 373 рядовых, во 2-м же полку – 15 офицеров и 340 рядовых.

За отличия в сражениях 1812-1814 гг. капитан Тундутов получил золотую саблю с надписью «За Храбрость». Список наград Тюменя весьма внушителен: два чина, майора и подполковника, орден «Св.

Анны» 2-й степени, орден «Георгия» 4-й степени, орден «Св. Владимира» 4-й степени с бантом, золотые часы, прусский орден пур-ло-мерит, 2 серебряных медали 1812 и 1814 гг.

Семеро калмыков за сражение под Лейпцигом получили различные знаки отличия.



Храм-памятник войне 1812 г. Хурул в с. Тюменевка (ныне — Речное)

§3. Общественное движение в первой половине XIX века

Начало XIX в. истории России было временем глубоких социально-политических противоречий, однако общая тенденция развития страны неизменно оставалась восходящей: от самодержавно-крепостнического произвола к началам свободы и демократии.

Астрахань не осталась в стороне от прогрессивных веяний времени. Известно, например, что выдающийся просветитель Н.И. Новиков «прислал безденежно в пользу Астраханской семинарии» много книг своего издания.

Накануне войны 1812 г. в Астрахани возник кружок прогрессивно настроенной интеллигенции. Члены кружка именовали себя «друзья-

ми человечества». В кружок входили учителя местной гимназии И.В. Добровольский, И.А. Вейскгопфен, И.М. Попов, директор гимназии и народных училищ Астраханской губернии А.А. Храповицкий, его помощник А.Д. Агафи, учитель Астраханского военно-сиротского отделения О.П. Пружковский (Евстигнеев), актер театра (отставной поручик) А. Грузинов и другие.[1]

События войны 1812 г. и заграничные походы русской армии вызвали необычайный патриотический подъем. Кружковцы начали издавать первую в России провинциальную газету «Восточные известия». На ее страницах подробно рассказывалось о ходе военных действий на фронте, об изгнании Наполеона, о походах русских войск. Сведения эти черпались, в основном, из официальной столичной прессы. Но, кроме того, «Восточные известия» широко публиковали на своих страницах статьи местных писателей и стихи, проникнутые патриотическим духом.

Казанское университетское начальство, курировавшее «Восточные известия», потребовало в ноябре 1813 г. ограничить программу газеты главным образом местными, а также сугубо востоковедческими вопросами.[2] Однако издатель газеты И.А. Вейскгопфен не нашел нужным следовать этому предначертанию начальства.

В 1814 г. в «Восточных известиях» были напечатаны две обширные статьи «Размышления о любви к отечеству» и «Размышления о нравственном воспитании юношества».

Таким образом, астраханские вольнодумцы, пользуясь эзоповским языком, пропагандировали на страницах газеты идею социального равенства, необходимость соединения образования с неутомимой общественной деятельностью.

Для того, чтобы распространить влияние «Восточных известий» на армянскую колонию в Астрахани и население Кавказа, Вейскгопфен с января 1816 г. стал выпускать свою газету на русском и армянском языках.

В связи со смертью И.А. Вейскгопфена, в 1816 г. газета «Восточные известия» издаваться перестала. И.В. Добровольский и его друзья начали выпускать «Азиатский музыкальный журнал».[3] В журнале было опубликовано 32 песни народов Востока, а также песни, сочиненные во время Отечественной войны 1812 г. Журнал получали жители многих городов России: Казани, Петербурга, Москвы, Одессы, Вятки, Перми, Пензы, Томска. Его высоко оценил такой видный композитор, как Д.С. Бортнянский. Однако, в связи с возникшими финансовыми трудностями, И.В. Добровольский был вынужден в 1818 г. закрыть свой журнал.

В деятельности астраханского кружка было много общего с просветительской работой, которая проводилась декабристским «Союзом благоденствия».

По своему составу кружок был почти исключительно «учительским», и поэтому одним из главных направлений его деятельности была сфера народного образования.

Члены кружка организовали сбор денежных средств на расширение сети учебных заведений в губернии, открытие школ для нерусского населения, покупку книг и наглядных пособий, материальную помощь нуждавшимся учащимся. Во время войны 1812 г. были собраны большие пожертвования на народное ополчение. Аналогичная работа проводилась и в дальнейшем.

Таковы были основные направления деятельности астраханского кружка. В начале 20-х гг. XIX в. он распался. Произошло это по многим причинам. Во-первых, усилилась аракчеевская реакция. Особенно тяжелое положение сложилось в казанском учебном округе, возглавляемом Магницким. Прогрессивная деятельность А.А. Храповицкого и учителей его гимназии вызвала недовольство Магницкого. 13 августа 1821 г. Храповицкий был отстранен от должности. Затем уволили из гимназии И.В. Добровольского. Учителя военно-сиротского отделения О.П. Пружсковского отдали в солдаты. А. Грузинов в 1818 г. пере-

ехал в Саратов. Таким образом, в начале 20-х гг. XIX века астраханский кружок прекратил свое существование.

Заметной фигурой в общественно-политической жизни Астраханского края был А.Л. Кучевский. В 1801 г. он начал службу рядовым Углицкого пехотного полка, а к 1818 г. был уже майором Азовского пехотного полка. Участник антинаполеоновских войн 1805-1807 гг., воевал в Пруссии и Польше, в 1808 г. – в Финляндии. После ранения и плена был переведен в Оренбургский край для продолжения службы во 2-м линейном батальоне (1811-1817 гг.), а в 1822 г. был откомандирован в Астрахань.

Фактически перевод А.Л. Кучевского в Астрахань был вызван желанием оренбургского кружка избавиться от вольнодумного майора, которого начальник штаба называл «республиканцем».

А.Л. Кучевский не получил систематического образования, но много и упорно занимался самообразованием. Он автор единственного дошедшего до нас конституционного проекта астраханских вольнодумцев. В 1822 г. ему было 35 лет.

Особое место в астраханском кружке 10-х гг. занимал О.П. Пружковский (Евстигнеев). Если большинство членов кружка принадлежали к дворянской интеллигенции, то Евстигнеев был беглым дворовым человеком симбирской помещицы. Служил в Астраханском гарнизонном полку, работал учителем Астраханского военно-сиротского отделения, сотрудничал в «Восточных известиях» Вейскгопфена.

О политических взглядах и целях Кучевского и его сторонников в том виде, в каком они сложились к осени 1822 г., имеется немало данных в материалах судебного процесса по делу об астраханском отделении Оренбургского тайного общества, проходившего в январе 1826 г. Это, прежде всего, письменные клятвы вступающих в члены общества. В материалах следствия сохранились свидетельства О.П. Пружковского и Е.В. Иванова о том, что они давали такую клятву и подписку Оренбургскому масонскому обществу, а Рыков – тайному

братскому обществу.[4]

Это говорит о том, что часть членов Астраханского общества принимались в члены братства в Оренбургском обществе, отделением которого и являлось Астраханское.

18 января 1826 г. Кучевский вынужден был признать эти показания верными.

Данные в показаниях Пружковского и Рыкова свидетельствуют, что учреждаемое тайное общество мыслилось как часть общерусской революционной организации. Об этом же говорил и Микеев: «Обществ таковых 13, из коих 12 по границам Российской империи. Каждое общество имеет канцелярию и правителя оной, кои относятся между собой перепиской. Ежели одно общество нападает на Россию, то по сношению с правителями, все восстанут против императора и освободят всех подданных от рабства».

Из сохранившихся документов видно, что поставленной цели Кучевский и его товарищи стремились достичь путем насильственного переворота.

Вот что, в частности, записано в «Конкордате», автором которого является Кучевский:

1) «Ничто так не извинительно, как употреблять все меры для получения свободы.

2) Как бы оные меры ни были жестоки, но они по существу своему, не менее должны быть святы и достойны исполнения…».[5]

К революции Кучевский относился неоднозначно. Он сознавал силу революции, ее величие, но считал в то же время ее «исчадием ада» и несчастьем и боялся революционного народа. Эти взгляды очень сходны со взглядами декабристов.

Каким же мыслили астраханские вольнодумцы будущее государственное устройство «вольной республики»? Ответ можно найти в конституционном проекте Кучевского, фрагмент чернового варианта которого сохранился. В этом отрывке речь идет лишь о «правителе», сви-

детельствуя о том, что Кучевский был убежденным республиканцем.

Но проект не предусматривал никаких ограничений прав «правителя». Почему же такой убежденный враг монархии наделил «правителя» по существу диктаторскими полномочиями? Здесь сказалось, по-видимому, недоверие к парламентским учреждениям и разочарование в буржуазной демократии Запада.

Таким образом, из материалов процесса А. Кучевского и приобщенных к следственному делу документов можно сделать вывод о том, что в Астрахани была нелегальная организация, ставившая своей целью насильственное свержение самодержавия, отмену крепостного права и установление парламентской республики с диктаторской исполнительной властью. Сохранились свидетельства о планах, которые вынашивали руководители организации.

В показаниях О. Пружковского высказывается предположение о наличии единомышленников организации среди «нижних чинов» в пехоте, кавалерии и артиллерии и их надеждах на «пособие» башкирских войск. Судебные материалы 1827 г. над членами Оренбургского тайного общества подтвердили обоснованность этих надежд.

В материалах процесса подробно освещен порядок приема новых членов в организацию. Им объявляли лишь легальные цели, а затем, убедившись в их пригодности революционной деятельности, принимали в число членов общества. Аналогичный порядок приема существовал в «Союзе благоденствия».[6]

То, что в общество входили люди, принадлежавшие к разным сословиям, также соответствовало декабристской практике. Они почитали обязательным иметь единомышленников «во всех сословиях, во всех родах служб и даже среди духовенства».

С сентября 1822 г. вербовка новых сторонников среди офицеров была затруднена вышедшим указом Александра I, который предписывал с офицеров и чиновников брать подписки о непринадлежности их к тайным обществам и масонским ложам. Вскоре властям стало

известно о существовании тайной организации, начались аресты. Следствие длилось 4 года, т.к. главные улики – полные тексты клятв и списки членов организации – были уничтожены. В итоге в распоряжении следствия оказались лишь два документа: «Конкордат» и проект конституции.

Дело было закончено в 1827 году. По военному суду А. Кучевский был лишен чинов и дворянства и сослан на каторжные работы, которые отбывал в перчинских рудниках. В 1839 г. переведен на поселение в Тугуевскую слободу Онежской волости. Умер в 1871 г.[7]

Таким образом, в Астраханском освободительном движении начала XIX в. были две последовательно действовавшие организации:

1. Кружок «Друзей человечества», объединявший передовую интеллигенцию и использовавший легальные возможности (газету, журнал, театр) для критики крепостничества и пропаганды идей равенства. Кроме того, они проводили значительную культурно-просветительную работу среди многонационального населения губернии.

2. Тайное общество, созданное в 1822 г. майором А. Кучевским, поставившее целью насильственное свержение самодержавия, установление парламентской республики, уничтожение крепостничества. Общество было разгромлено в самом начале своего существования.

По существу, освободительное движение в Астрахани имеет сходство с идеологией и практикой декабризма. Это относится и к деятельности в области просвещения и благотворительности, сближающей кружок 10-х гг. XIX в. с «Союзом благоденствия», возникшим в 1818 году.

В целях и методах революционной борьбы Астраханского тайного общества 1822 г. прослеживаются черты, напоминающие Южное общество декабристов: антимонархическая, республиканская, антикрепостническая направленность, практика и ритуал вербовки новых членов.

Но это не говорит о том, что астраханские вольнодумцы действо-

вали в рамках декабристского движения. Более правильным является следующий вывод: в период, предшествовавший возникновению декабризма, а также во время его становления и развития на окраинах Российской империи существовало освободительное движение, по своему составу и целям близкое декабристскому.

§4. *Изменения в хозяйственном освоении края. Торговля и транспорт*

Развитие скотоводства в Астраханском крае в первой половине XIX века шло в основном экстенсивным путем. Незначительное исключение составляли лишь хозяйства зажиточных русских переселенцев, где делались попытки к улучшению существовавших пород скота.

В зимнее время нехватка кормов отражалась на состоянии скотоводства не только кочевников, но и оседлых поселян. Известны случаи, когда крестьяне вынуждены были срывать солому с крыш, чтобы сберечь гибнущий скот. Переход большей части населения к закрытому содержанию скота в зимних условиях потребовал от крестьян заготовки кормов впрок. Сено в Астраханской губернии превращалось в товар. Так, для крестьян сел Петропавловское, Разночинское, Карантинное, Басинское и др. заготовка сена с последующей его продажей стала с начала XIX века одним из главных занятий. Покупателями сена были в основном гуртовщики.

Из оседлых жителей разведением скота занимались государственные крестьяне, казаки и помещичьи крестьяне. Государственные крестьяне наряду с кочевниками – калмыками сосредотачивали у себя основную массу скота. На севере губернии разводили главным образом крупный рогатый скот и овец.

Быки применялись при пахоте: две-три и даже четыре пары приходилось впрягать в плуг, чтобы распахать веками не тронутые земли. В 1849 г. у государственных крестьян из 70 тыс. голов крупного рогатого скота более 33 тысяч составлял рабочий скот. Это обстоятельство

объяснялось широким развитием в крае чумачества. Официальная статистика свидетельствует, что в среднем на одно семейство государственных крестьян в Астраханской губернии приходилось 12,4 голов крупного рогатого скота; 3,6 лошадей и 27,8 – овец.

В селениях помещичьих крестьян скотоводство было развито гораздо слабее, чем в государственных. В частности, помещичьи крестьяне южных уездов держали скот лишь для «домашних потребностей».

Наряду с увеличением поголовья крупного рогатого скота в губернии преимущественное развитие получило овцеводство. Преобладала калмыцкая порода овец, хотя разводили и тонкорунных, особенно в Черноярском уезде, где они составляли «капитальные выгоды» крестьян.

Скотоводство оседлого населения края с середины XIX века принимало устойчивый товарный характер.

Что касается земледелия, то Астраханская губерния, занимая по площади одно из первых мест в России, по количеству пригодной к хлебопашеству земли находилась в числе последних. Первоначально заселенная только кочевниками, ее территория многие века оставалась не возделанной. Появление в крае русских и украинских переселенцев, полевое хозяйство которых составляло основу их хозяйственного уклада, сыграло большую роль в деле развития земледелия в крае.

Определить точное количество возделываемых в губернии земель на основании официальных отчетов невозможно. И дело не в отсутствии таких данных. Со страниц отчетов не сходили две цифры по количественной характеристике возделываемых земель в губернии: до 1851 г. – 27787 десятин, после 1851 г. (после присоединения Царевского уезда) – 96166 десятин.

Однако по сведениям Астраханской Палаты государственных имуществ, в 1845 г. по губернии было засеяно озимыми и яровыми – 40191 дес., в 1849 г. – 85142 дес. земли; после присоединения Царевского уезда размеры засеваемой площади возросли к 1853 г. до 183041 дес., а

к 1861 г. – до 216483 дес., т.е. намного больше, чем значилось в губернских отчетах.

Первые поселенцы хлебопашеством почти не занимались. Сферой их деятельности были рыболовство и скотоводство. По мере роста населения губернии распространение получило и хлебопашество. Прибывшие из хлеборобных губерний новые жители пользовались привычными способами ведения хозяйства. Но новые условия требовали изменения агротехнических приемов. Первоначально крестьяне высевали по одной четверти на десятину.[1] Но затем на собственном опыте убедились, что чем реже делался посев, тем больше было надежд на получение урожая. Поэтому вскоре нормы высева зерна на десятину уменьшились почти наполовину. Обычная соха уступила место тяжелому плугу.

По статистическим расчетам того времени, чтобы быть самостоятельным хлебопашцем, земледельцу необходим был капитал в 575 рублей серебром, что доступно было не каждому крестьянину.

В условиях переложного хозяйства культивировались яровые посевы пшеницы, ячменя, гороха, озимой ржи. Целину и отдохнувшую залежь засевали сначала яровым хлебом, затем озимой рожью, следующей осенью – опять посевы озимых, а после трех урожаев земля отдыхала от трех до пяти лет.

Посевы производились от руки. Обмолачивали хлеб цепами и лошадьми. В хозяйствах зажиточных крестьян многие работы выполнялись наемными рабочими: поденными и сезонными. О длительном и массовом применении наемной силы в сельском хозяйстве свидетельствовало наличие постоянных расценок на земледельческие работы, что особенно заметно по Черноярскому и Царевскому уездам. Прибегали к «сторонней помощи» крестьяне и во вновь заведенных селениях на калмыцких землях. В начале XIX века (1802 г.) по губернии было высеяно всего 1652 четверти зерна. С усилением переселенческого потока резко возросло и количество высеваемого зерна. Так, в 1851 г.

по губернии (с учетом и Царевского уезда) было высеяно 30 тысяч четвертей озимого и 76 тысяч четвертей ярового хлеба (всего 106 тысяч).

О степени развития хлебопашества свидетельствует и все увеличивавшееся количество мукомольных мельниц. Например, в Енотаевском уезде число ветряных мельниц увеличилось с 22 в 1829 г. до 534 в 1855 г., из которых 411 принадлежало государственным крестьянам, 11 – помещичьим и 12 – казакам.

Не следует забывать, что масштабы земледелия в значительной степени зависели и от земельной обеспеченности непосредственных производителей, а в Астраханской губернии большинство государственных крестьян не были наделены даже установленной 15-ти десятинной нормой.

Однако, несмотря на то, что Астраханская губерния не могла обеспечить себя хлебом, некоторые крестьяне сбывали хлеб даже за пределы губернии. В 1847 г., например, крестьяне Царевского уезда продали 100 тысяч четвертей пшеницы (большей частью в Таганрог). Проживавшие на калмыцких землях крестьяне сбывали хлеб в Ростове-на-Дону и Царицыне.

В первой половине XIX века в Астраханской губернии продолжают развиваться огородничество и бахчеводство. Выращиванием овощей в крае издавна занимались местные жители – татары, а затем русские, расселившиеся по берегам Волги. В южных уездах огородничество представляло хотя и развитый, но требовавший значительных трудовых усилий промысел. Активно развивалось овощеводство в 14 селениях близ Астрахани, обеспечивавших город овощами.

Некоторые предприимчивые крестьяне арендовали обработанные земли в селениях юртовских татар для промышленного производства овощей. Таким «промышленником» был крестьянин М. Вагин, который ежегодно арендовал значительное количество земли и имел, кроме того, собственные плантации с отлично устроенными овинами.[2]

По данным инспектора Астраханской врачебной управы Соломона, в начале 30-х гг. XIX в. в Астрахани ежегодно продавалось продуктов огородничества на «многие тысячи рублей». Лишь в 1839 г. было реализовано продукции на 70 тыс. руб. ассигнациями. По статистике, в среднем, один огород давал 120 руб. дохода. Огородничество и, прежде всего, бахчеводство развивались в первой половине XIX века, приобретая все более товарный характер.

Астраханское садоводство имеет давнюю историю. Однако к началу XIX в. в г. Астрахани и в Красном Яру осталось очень мало садов, что дало основание краеведам утверждать об упадке садоводства в Астраханской губернии. На самом же деле, продолжая развиваться за счет уездного, оно быстро набирало силу: в 1848 г. государственные крестьяне имели 428, а в 1863 г. – 899 садов.

Были предприняты попытки к улучшению сортов фруктовых деревьев и выведению новых, что было отмечено на садоводческой выставке в Харабалях. Астраханские садоводы выращивали айву, вишню испанскую и «простую», груши разных сортов, персики, алычу, сливы, яблоки.[3]

Виноградарством занимались, в основном, в помещичьих имениях. Самые большие виноградники были в имении Бекетовых – в с. Началове. При основании имения было заложено 90 тысяч кустов винограда, но к 1851 г. осталось около трех тысяч.

Сбор винограда

Таким образом, следует признать, что главной отраслью сельского хозяйства Астраханской губернии было скотоводство, с каждым годом все более превращавшееся в торговое. Хлебопашество, огородничество, бахчеводство и др. отрасли земледелия развива-

лись, но в гораздо меньшей степени.

Традиционным видом хозяйственоой деятельности населения края оставалась ловля рыбы. Центром Каспийско-Волжских рыбных промыслов был город Астрахань.

Морские рыбные промыслы, отданные Уральскому казачьему войску в 1750 г., были оставлены по-прежнему в их владении, о других же каспийских промыслах, состоявших в частном владении, было поручено Сенату (в 1802 г.) собрать точные сведения и разобраться с правами на эти земли (и воды) с тем, чтобы «различив неправильные притязания от владений законной властью учрежденных, положить меру замены для обращения и сих последних в общее государственное имущество». На перспективу же определено было «постановить общим правилом, чтобы рыбные промыслы, а равно часть земель при них для заведений и пристанища нужная никому ни в оброк, ни в собственность отдаваемы не были, но оставались в общем желающих владении».[4]

Министр внутренних дел граф В.П. Кочубей составил первые специальные правила о вольном промысле в эмбенских водах, утвержденные 17 июля 1803 г.[5] На основании этих правил был установлен особый билетный сбор с лодок, производивших рыболовство в эмбенских вольных водах, и учреждена особая при губернском правлении экспедиция рыбных промыслов. Сенат, рассмотрев права владельцев на земли по берегам Каспийского моря и на рыбные ловли в прибрежной полосе, нашел эти права подлежащими отмене, а земли и промыслы – обращению в состав государственных имуществ. Вместе с тем, имея в виду, что некоторые владельцы заселили удобные земли крестьянами и построили рыбопромысловые заведения, Сенат решил оставить крестьян и ватаги на местах, отведя каждой ватаге по одной квадратной версте, остальную же землю по берегу моря оставить свободной, без всякой компенсации за конфискованные земли. Таким же образом Сенат решил поступить и с землями, принадлежавшими монастырям. Это определение Сената, состоявшееся по 1-му департаменту

и не подписанное только двумя сенаторами – князьями Юсуповым и Куракиным как заинтересованными в деле, – послужило материалом для именного указа 11 сентября 1803 г., который предписывал размежевание земель по берегу моря, запрет некоторых орудий лова и т.д.[6]

В Комитете министров неоднократно рассматривался вопрос (представленный на рассмотрение генералом А.П. Ермоловым) о выделении казакам морских ловель. 11 декабря 1823 г. Комитет министров отказал в этой просьбе, мотивируя свой отказ тем, что указом 1803 г. рыбные промыслы Каспийского моря объявлены вольными.

Привоз воблы в Астрахань

Комитет министров учредил в Петербурге, в феврале 1831 г., особую комиссию под председательством сенатора Баранова, состоявшую из чинов министерств морского, финансов, внутренних дел и юстиции, а также депутатов от местных рыбопромышленников для рассмотрения владельческих прав на землю (по берегу моря), а также на морские ловли. Заключение комиссии свелось к защите неприкосновенности частных владений. Окончательное решение данного вопроса было возложено на Министерство государственных имуществ. Граф П.Д. Киселев, не согласившись с мнением комиссии относительно обращения важных казенных статей в частное владение, предложил оставить у владельцев земли, занятые ватагами и населенные крестьянами, а незаселенные земли принять в состав государственных имуществ без какой-либо компенсации; владельцы земель и рыбных ловель (за которыми сохранялось право владения) должны были платить в казну акциз, в случае же накопления недоимок земля подлежала конфискации с одновременным запрещением лова рыбы в море.

К мнению министра государственных имуществ графа П.Д. Киселева присоединился сенатор Д.П. Бутурлин.

Дело поступило на рассмотрение Государственного совета. Был принят закон 9 ноября 1842 г.[7] Суть этого закона заключалась в следующем: все земли, пожалованные владельцам прибрежной полосы Каспийского моря или приобретенные у казны на законном основании, должны были быть признанными собственностью владельцев; морские промыслы, переданные по наследству потомкам князя Безбородко (Синеморские промыслы Ф.И. Базилевского) сохранялись в их частном владении. Все же остальные воды Каспийского моря, состоявшие в пользовании частных владельцев, признавались государственными. Все частные береговые владельцы облагались особым акцизом в казну в зависимости от доходности вод.

Таким образом, на основании этого закона береговые земли были признаны собственностью владельцев, а воды Каспийского моря, состоявшие в пользовании прибрежных владельцев (за исключением Синеморских промыслов) – государственным имуществом. Так был разрешен спор, длившийся около сорока лет, между вольным морским промыслом, откупом и береговыми монополиями.[8] Но вопрос этот еще неоднократно поднимался, решаясь то в пользу вольного лова, то в пользу смешанной системы разработки.

Министерство государственных имуществ по соглашению с Советом Русского географического общества снарядило в 1853 г. первую научную экспедицию для изучения Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. В состав экспедиции, возглавляемой академиком К. Бэром, входили: заместитель начальника экспедиции по естественно-исторической части П.П. Семенов, техник Шульц, статистик Н.Я. Данилевский и др. Отчеты экспедиции по Каспийскому и другим морям были изданы Министерством государственных имуществ в виде 9 томов «Исследований о состоянии рыболовства в России» с 4-я атласами и чертежами.[9]

В 1856 г. существовавшая в Астрахани при губернском правлении экспедиция рыбных и тюленьих промыслов была отделена от него и переименована в комиссию.

Учрежденное в 1858 г. в Астрахани особое под председательством начальника губернии присутствие, состоявшее из чинов образованной в 1856 г. комиссии, управляющего палатой государственных имуществ и депутатов от рыбопромышленников, ознакомившись с отчетами экспедиции К. Бэра, представило в 1859 г. министерству «проект новых постановлений для Каспийских рыбных и тюленьих промыслов».[10]

Этот проект с поправками и замечаниями астраханского губернатора Б.В. Струве, академика Бэра и некоторых рыбопромышленников был внесен в Совет министра государственных имуществ, затем в Государственный совет и 25 мая 1865 г. был утвержден как Устав Каспийско-Волжского рыболовства. В июле того же года была утверждена инструкция Управлению и Комитету Каспийских рыбных и тюленьих промыслов относительно применения Устава, который был введен в действие с 10 января 1867 г.

Заведование Каспийскими промыслами, по Уставу 1865 г., было возложено на Министерство государственных имуществ и подчинявшиеся ему Управление и Комитет Каспийских рыбных и тюленьих промыслов.

Таким образом, в середине XIX в. земли в прибрежной полосе Каспийского моря принадлежали частным владельцам и казне. Воды Каспийского моря (за исключением Синеморских) были признаны государственной собственностью.

Дальнейшее развитие в Астраханском крае получило соляное дело. Основные его черты сложились в предшествующие десятилетия и были оформлены Уставом о соли 1781 г.[11] После упразднения Главной соляной конторы управление соляным делом было сначала передано МВД (с 1802 г.), а затем – Министерству финансов (с 1810 г.). В рамках губернии ответственным лицом выступал губернатор, а непосредственным

учреждением, которое занималось вопросами соли, была казенная палата. В ее составе было учреждено особое отделение.[12]

К началу XIX в. доход казны от добычи и продажи соли был крайне незначителным. Главная причина его упадка крылась в увеличении стоимости доставки соли к местам потребления, что, в свою очередь, свидетельствовало об узости рынка наемного труда.

В конце XVIII-начале XIX в. неоднократно менялось управление соляным делом, значительно усилилась его централизация и регламентация.

Для удешевления соляной операции и ликвидации дефицита соли российское правительство предприняло попытку по разработке озерных солей. Первоначальное значение при этом придавалось соли озера Эльтон. Оно находилось недалеко от Волги, что позволяло доставлять соль водою во многие губернии центральной России.

Перевозка водой обходилась в 19 раз дешевле доставки гужевым транспортом. Но для увеличения вывоза следовало решить прежде всего вопрос о рабочей силе. Решение вопроса о наемной рабочей силе, предпринимаемое неоднократно во второй половине XVIII в., успеха не имело. И казна, действуя в духе времени, обратилась к принудительному труду как к надежной испытанной мере.

Украинским переселенцам, казенным крестьянам, в качестве повинности вменили в обязанность возить соль от озера к Волге. Число их постепенно увеличивалось. После крестьянской войны 1773-1775 гг. за Волгу с Украины хлынули тысячи переселенцев, все они приписывались к промыслам.

В 1810 г. насчитывалось уже 15 казенных слобод, в которых числилось свыше 23 тыс. ревизских душ, из них «действительных работников» – около 12 тыс. Выломка соли в озере, доставка ее в волжские запасные магазины стала производиться исключительно трудом казенных солевозцев, которым даны были большие привилегии. Они освобождались от уплаты подушной подати и поставки рекрутов, наде-

лялись земельными наделами, вдвое превышавшими установленную норму.

В конце XVIII- начале XIX вв. был издан ряд указов, где речь шла об улучшении положения солевозцев, о лучшей организации соледобычи. Все это свидетельствовало о том, что с солью Эльтона вновь связывали большие надежды. Были выделены дополнительные средства для развития соляного дела в стране.

Сама организация труда солевозцев была специфической. Они вели собственное хозяйство, держали скот и обрабатывали землю. Но повинность их – выломка соли и ее перевозка не была похожа на барщину. Ежегодно казна заключала с обществом каждой из слобод специальный договор о найме для выполнения работ, в котором значилось, сколько должно было быть поставлено фур для возки и какая будет назначена плата за работу. Определялось также и время работ.[13]

Возчики заблаговременно «обзадачивались». Так, в 1792 г. казенная Покровская слобода выставила 1294 пары волов и 238 конных подвод. По форме это было вольным наймом с той только разницей, что каждый «действительный работник» был на учете.

Меры, направленные на увеличение вывозки эльтонской соли, имели определенный эффект. В конце XVIII в. от озера ежегодно вывозилось около 5 млн. пудов, а в первое десятилетие XIX в. – 8-10 млн. пудов соли. Соль Эльтона стала составлять большую часть того, что потреблялось в России. С увеличением ее вывоза прекратились разговоры о нехватке соли. Однако успех был непрочным.

Труд казенных солевозцев был чрезвычайно тяжел, особенно труд ломщиков соли. Выламывали и вывозили соль с весны до осени. В период работ ломщики жили у озера. Плохо было с питьевой водой. Работали, в основном, босиком или в лаптях, иногда в онучах. От влаги и соли на ногах и руках ломщиков не заживали раны, от нехватки витаминов распространялась цинга.

А перевозка соли от озера к Волге выглядела так: каждый возчик получал «урок», за сезон от озера к Волге надо было обернуться 26 раз.

От недостатка воды и жары страдали люди и скот. Скот страдал и от бескормицы. К озеру подъезжали до 13 тыс. фур. Трава верст на 20 вокруг была вытоптана. Отсюда неудивительны падежи скота. Возчики, заплатив 100 рублей за пару волов, беспрестанно разорялись.

Кроме того, плохой корм и скудный водопой приводили к эпидемиям. Большие падежи скота были зарегистрированы в 1792, 1808 и 1814 гг.

Казна же полагала, что солевозцы за свой труд получали достаточную компенсацию: сравнительно с центральными губерниями, у них были значительные земельные наделы. А за перевозку соли полагалась плата. Но фактически компенсации не было. Солевозцы были населением пришлым. Наделы им выделялись за 50-150 верст от жилья, причем земля была, как правило, засоленная или песчаная. Урожаи на этой земле были чрезвычайно низкие, оплата за перевозку соли была невелика: от озера до Камышина – 5 коп., до Саратова – 8 коп. ассигнациями. В начале XIX века, после повышения еще на 2 коп., получалось, в итоге, 40-70 руб. ассигнациями, но пара волов стоила 100 рублей.

В 1814 г. к солевозцам с ревизией прибыло высокопоставленное лицо, обер-бергмейстер Фролов. Ревизия была проведена со знанием дела, выяснилось, что 11% из числа ревизских было «бездомовными» Из числа «настоящих работников» одна треть не имела скота, то есть не могла вести крестьянского хозяйства. Стала очевидной причина спада добычи и перевозки соли с 1806 по 1813 гг. в расчете на одного солевозца почти на одну треть. Главную причину разорения ревизор увидел в несоответствии размера повинностей и тех ресурсов, которыми располагало хозяйство. Зафиксирована была также несостоятельность попечительской деятельности. Выводы комиссии имели принципиаль-

ное значение.

Кроме того, не учитывался фактор так называемого социального расслоения в начале XIX века. Заключали договора с казной о поставке соли «лучшие люди». Среди возчиков выделялась группа хозяев и группа работников. В Покровской слободе возчик Петр Великий возил соль на 11 фурах, а «возчик Н. Коваленко отправлялся для возки соли от озера до Саратова на 40 фурах».

Несомненно, что хозяйственная несостоятельность одной трети солевозцев уже в начале XIX века – одна из важных причин падения соледобычи. Труд казенных солевозцев становился все более невыгодным, особенно, если учесть, что освобождение их от уплаты подушной подати и от поставки рекрутов стоило казне свыше миллиона рублей. Тенденции кризиса быстро нарастали. Принудительный труд становился все более невыгодным.

Эльтонская соль не оправдала надежд. Уже во втором десятилетии XIX века добыча и вывозка ее опустилась до 1 млн. пудов в год, и она оказалась в числе второстепенных.

Идея вольной продажи соли пришла из XVIII в. К началу XIX в. вольная продажа соли уже имела место в западных губерниях. В новых условиях в законченном виде идея была сформулирована М.М. Сперанским, выражением чего стал манифест 1811 г. «Об открытии с 1812 г. вольной продажи соли», реализацию которго не остановила даже Отечественная война 1812 г.. Вольная продажа учреждалась как мера вынужденная, в условиях весьма значительных убытков от соляного дела, недостатка соли на местах и пр.

В соответствии с идеей М.М. Сперанского, вольная продажа учреждалась как дозволение «каждому брать соль от источников и бугров и из главных магазинов; развозить и продавать ее во всех местах по ценам добровольным, как и все внутренние произведения империи нашей свободно и беспрепятственно в продажу обращаются» (гл.I, §2 манифеста).

Казенный интерес обеспечивался высоким акцизом, установленным из расчета 40 коп. ассигнациями за пуд (10 коп. серебром).

Таким образом, манифест «Об открытии с 1812 г. вольной продажи соли» начинал принципиально новую страницу в организации соляного дела в России.[14]

Наряду с открывавшейся вольной продажей на местах были сохранены магазины местного продовольствия, «дабы не было монополии и цены не возвысились непомерно» (гл.2, §10 манифеста).

Все управление соляным делом оставалось в ведомстве Министерства финансов, здесь им ведал департамент горных и соляных дел, а на местах, в губерниях, – казенные палаты, в составе которых было соляное отделение. В новых условиях задача соляного ведомства заключалась, прежде всего, в заготовлении «знатного количества соли у мест добычи и в главных запасных магазинах». Для выполнения этой задачи были учреждены семь соляных правлений, в том числе, в Саратове и Астрахани.

Ликвидация казенной монополии, на смену которой пришла вольная продажа соли, означала утверждение в этой сфере новых буржуазных принципов. Указ 1812 г. о введении вольной продажи соли был лишь началом ликвидации соляного дела как отрасли государственного хозяйства. В последующие годы в этом направлении предпринимаются новые важные шаги.

В начале 20-х гг. XIX в. министр финансов предоставил право местной власти закрывать соляные магазины на местах.

Принципиальное значение имел вопрос о рабочей силе на казенных соляных промыслах и, прежде всего, на самом крупном – оз. Эльтон.

Вплоть до 20-х гг. XIX в. казна предпринимала меры по улучшению быта солевозцев, улучшению организации их труда. Смысл этой казенной заботы состоял в попытках добиться повышения эффективности подневольного труда. Но усилия оказались тщетными. Перевоз-

ка соли в расчете на одного работника продолжала сокращаться. Приписные солевозцы превращались в балласт для казны. Невыгодность подневольного труда была особенно очевидной на фоне широкого развития труда наемного.

В 1827 г. издается указ «О новом образовании Елтонской соляной операции. О причислении приписных к Елтонскому озеру крестьян в общий состав крестьян государственных...». За ним следует еще один указ: «Об открытии при Елтонском озере вольной продажи соли из запасов». Адресован он был вольнопромышленникам: берите соль прямо из озера, но развозите сами.

К началу 30-х гг. XIX в. подневольный труд приписных крестьян в казенном соляном ведомстве был ликвидирован.

Развитие экономики способствовало расширению транспортных и торговых связей Астраханского края.

Волга в начале XIX века была самой крупной рекой европейской части России. По условиям судоходства Волга делилась на Верхнюю и Нижнюю. Верхняя – от истока до Рыбинска, а Нижняя – от Рыбинска до Каспийского моря. Судоходство на Нижней Волге безостановочно осуществлялось до июля, затем уровень воды резко падал, и на отмелях оставались лишь извилистые проходы. Водный путь по Волге в пределах Астраханской губернии считался самым удобным. Вскрытие Волги приходилось на конец марта – начало апреля. Путевым хозяйством Волжского бассейна никто не занимался. Но сама Волга привлекала внимание многих. Возникали проекты чистки водной артерии, а также соединения с другими речными бассейнами. Все эти проекты остались на бумаге.

В 60-е годы XVIII века был сооружен лишь небольшой канал в Астрахани, соединивший р. Кутум с Волгой. Он способствовал осушению почвы и предоставлял судам зимой удобное место для стоянки.

Но сделанный на незначительные средства, почти без применения техники, канал быстро разрушался, требуя постоянного укрепления берегов. Местные власти пытались наложить на купцов, идущих в Астрахань, своеобразную повинность – привоз камней для ремонта его берегов (на 100 пудов груза в судне – пуд камней), но Сенат не поддержал это предложение.[15]

Необходимость защиты волжского пути от разбоя заставила Павла I 20 июня 1797 г. издать приказ о патрулировании военных судов по Волге. Эти сторожевые суда, именуемые гардкотами (гардкоутами), два года несли службу на реке. В 1799 г. астраханский губернатор сообщал адмиралу Кушелеву о затишье на Волге, о том, что значительная часть «разбойнических шаек» переловлена. Гардкоуты были переданы в распоряжение Казанского адмиралтейства, откуда их эпизодически вызывали для розыска нарушителей и патрулирования.

Однако безопасное движение на Волге продолжалось недолго. В 1804 г. в Петербург начали поступать сообщения о том, что «около Макарьева, Нижнего Новгорода, Казани и Костромы торговые суда терпят бедствия из-за нападения «разбойников». В результате от Казани до Астрахани стали патрулировать уже не девять, а двенадцать гардкоутов. Но, несмотря на все эти трудности, на неблагоустроенное путевое хозяйство, движение по Волге было очень активным. Оно начиналось в апреле, когда от Астрахани отходил так называемый «вешний гребной караван» с рыбным грузом. Он делал 20-30 верст в день и в конце июня появлялся в Макарьеве.

В структуре грузопотоков Волжского воднотранспортного бассейна выделялись перевозки следующих видов грузов: хлеб, соль, железо, чугун и изделия из них, лес (бревна и лесоматериалы). Помимо этих постоянных грузов, по Волге в значительном количестве транс-

портировались различные продовольственные и промышленные товары. Первое место по объему перевозок принадлежало хлебным грузам. На Нижней Волге с последней четверти XVIII в. среди пристаней, откуда отправлялся хлеб, начинает фигурировать Саратов (до этого Казань). Большая часть саратовского хлеба отправлялась в Астрахань и к Дубовской пристани, от нее хлеб шел на Дон. Регулярными были его поставки Донскому казачьему войску, а с открытием в 1776 г. Таганрогского порта – и на экспорт. В целом снабжение Астраханской губернии хлебом почти полностью производилось водным транспортом. Кроме того, хлеб с астраханского рынка отправлялся еще и в Персию, Хиву и Бухару. Вторым товаром после хлеба была соль. Волжский водный путь обслуживал вывоз круглого леса и пиломатериалов в двух направлениях: 1) юг – безлесные районы Саратовской и Астраханской губерний и Дон; 2) северо-запад – Петербург.[16]

Составной частью грузопотока была продукция лесообрабатывающих промыслов. Ежегодно десятки судов со Средней Волги везли в Астраханскую губернию и на Дон ободья, оси, оглобли, лубья, мочала, дранку, телеги, сани, колеса, деревянную посуду и другие предметы быта.

В начале XIX в. все глубже проникает в различные отрасли производства общественное разделение труда, растет городское население, усиливается товарность сельского хозяйства, особенно крестьянского, а также территориальное разделение труда. Все это способствовало созданию по водным путям Волжского бассейна устойчивых товарных потоков различных грузов.

Среди массовых продовольственных грузов значительный удельный вес принадлежал рыбным.

Перевозки продовольствия имели не только местный характер –

некоторые виды товаров, в том числе рыба, мясо, сало проходили волжским путем сотни и даже тысячи верст и поступали на экспорт.

Из Нижегородской, Казанской и Симбирской губерний водным транспортом в Астрахань доставлялись: постное и коровье масло, мед, ветчина, куры, индейки, яйца, орехи, репа, лук, чеснок, грибы, ягоды.

Ассортимент пополнялся различными «заморскими» продуктами с Макарьевской ярмарки (европейские вина, лимонный сок, чай и пр.).

В свою очередь, низовье Волги поставляло на рынки Средней и Верхней Волги, а также в Москву и даже в Петербург свежую, соленую и вяленую рыбу ценных промысловых пород (белуга, осетр, севрюга, судак) и паюсную икру. В начале XIX в. из Астрахани поставлялось свыше 10 тыс. пудов паюсной икры ежегодно (160 тонн).

С последней четверти XVIII в. с Дона на Волгу, через Дубовскую пристань, началась регулярная доставка донских виноградных вин, в том числе цимлянских сортов.

Транспортное значение водных путей Волжского бассейна возрастало в связи с увеличением перевозок промышленных товаров. Товар канатных фабрик Нижнего Новгорода поступал в Астрахань. Предприятия Горбатовского уезда изготовляли рыболовные и судовые снасти и поставляли их в основном в Астрахань.

Товарные грузопотоки обусловили рост волжских пристаней и хозяйственное развитие связанных с ними населенных пунктов. Особенно следует выделить Дубовскую пристань (близ г. Царицына), обладавшую особой функцией: здесь происходила перевалка на сухопутный транспорт волжских грузов, идущих на Дон. Она была учреждена еще в 1734 г., но особенно стала наращивать свои грузообороты в последней четверти XVIII-начале XIX в. Каждую навигацию на пристани разгружалось от 200 до 300 судов.

Заключала водную магистраль Астраханская пристань. Значение ее было чрезвычайно высоким и определялось связью с центральными губерниями и с восточными странами – Персией и Индией.

Астраханские купцы, владевшие множеством собственных судов, ежегодно отправляли в Казань, Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку и прочие города рыбный товар, продукцию кожевенных и винодельческих предприятий. Из Петербурга, Москвы, Макарьевской ярмарки и Сибири в Астрахань по Волге доставляли ткани широкого ассортимента: бархат, тафту, китайку, сукно, холст, а также одежду, обувь, металлические изделия, медь, олово, пушнину, кожи, кошмы, бумагу, хрусталь, фарфоровую посуду, чай, сахар, табак и пр.

В целом по топографическому слиянию товаров в Астрахань приходится на сумму 400 тыс. рублей в год.

Астраханские купцы имели собственные морские суда и совершали рейсы в Персию и к Мангышлакской пристани.[17]

В первой четверти XIX в. ежегодный торговый оборот Астрахани по отпуску товаров оценивался в 3,5 млн. руб.

Развитие водного транспорта не могло заменить гужевого. В 1775 г. активное административно-территориальное переустройство страны вызвало значительную трансформацию гужевой сети, в том числе появление новых направлений. Требовались мероприятия по улучшению дорог для гужевого транспорта, но средства на это почти не выделялись. Единственная дорога, которой уделяли внимание и выделяли субсидии правительства – это дорога Москва-Петербург.

Все остальные дороги пребывали в первозданном виде, пропускная способность их вопреки растущим потребностям уменьшалась с каждым годом. Губернаторы часто сообщали в Сенат о катастрофическом состоянии дорог, транспорте и хронической задержке почты.

С 80-х гг. XVIII в. остро встает вопрос о прочной и регулярной связи центра с южными губерниями.

Кризис гужевого транспорта на фоне интенсивного роста внешней и внутренней торговли поставил правительство перед необходимостью пересмотра всей транспортной системы. В 1786 г. попытка крупных преобразований начинается с создания «Комиссии о дорогах в государстве», перед которой была поставлена задача составить «Генеральные правила для строения в России дорог». Однако этот грандиозный план был обречен на провал. Просуществовав почти десять лет, Комиссия сумела подготовить лишь «План для составления генеральных правил о строении дорог в России.

После неудачи с проектом переустройства гужевого транспорта правительство отказалось от принятия каких-либо крупных мер в отношении сухопутного транспорта. В 1797 г. было опубликовало постановление, в котором давалась рекомендация строить и содержать дороги так, как это делается в Финляндии, Курляндии и Литве. До конца XVIII века не было ни одной шоссейной дороги в стране, а в начале XIX века шоссейное покрытие получила лишь часть грунтовых дорог в центре (1050 верст).

И все же гужевой транспорт играл большую роль. К началу XIX века в системе гужевой сети выделялось 8 главных трактов. Одним из этих восьми был Астраханский (Москва-Тамбов-Царицын-Кизляр-Моздок – 1972 версты).

Примечания

§1

1. Астраханская обл. Справочник по административно-территориальному делению. Волгоград, 1984. С.10.
2. ПСЗ. T.VI. № 5060.
3. Там же. Т.Х. № 8684.
4. ГААО. Ф.1. Оп.11. Д.106. Л.7-7 об.
5. Васькин Н.М. Помещичье землевладение в Астраханском крае во второй половине XVIII века // Проблемы истории СССР. М., 1976. С.185.
6. Карагодин А.И. Крестьянское освоение Астраханского края в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1980. Сб.IX. С.52.
7. Там же. С. 57.
8. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.80.
9. Карагодин А.И. Указ. соч. С.60.

§2

1. ГААО. Ф.549. Оп.2. Д.751. Л.89.
2. Там же. Л.96.
3. Там же. Л.125, 132.
4. Донесение М.И. Кутузова Александру I о сражении при Бородине // Кутузов М.И. Письма, заметки. М., 1989. С.330.
5. Там же. С.332.
6. Бирюков И. Участие Астраханских калмыков и казаков Астраханского казачьего войска в войнах 1807 и 1812-1814 гг. Астрахань, 1896. С.20.

§3

1. ГААО. Д.857. Оп.1. Д.54. Л.1; Д.24. Л.2.
2. Восточные известия. 1913. №27.
3. Казанские известия, 1816. 20 июля.
4. ЦГВИА. Ф.801. Д.1. Л.5.
5. Там же. Л.7.
6. Декабристы: избранные соч. В 2-х томах. М., 1987. С.550.
7. Шилов А.А. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т.1. От предшественников декабристов до конца «Народной воли». М., 1927. Ч.1. С.95

§4

1. Десятина казенная – 1,09 га; десятина владельческая – 1,45 га; четверть – 7 пудов 10 фунтов (120 кг.)
2. Прибавление к Астраханским губернским ведомостям. 1839, 28 октября. №43.
3. Там же. 1899, 21 октября. №42.
4. Вешняков В.И. Рыболовство и законодательство. СПб.,1894. С.518.
5. Морские воды, предустьевое пространство р. Эмбы.
6. Полное собрание законов Российской империи (первое). T.XXVII. № 20933.
7. Там же. Т.Х. № 441; T.XII. № 599, 632, 636, 658.
8. Лебедев К.Н. (Калеб). О каспийском рыболовстве. СПб., 1863. С.42.
9. Кузнецов И.Д. Очерк русского рыболовства (Промысел различных водяных животных). СПб., 1902. С.109.
10. Вешняков В.И. Указ соч. С.530.
11. ПСЗ. I. Т.21. №15174.
12. Введенский Р.М. Проекты реорганизации соляного дела в начале XIX века и их социальная сущность // Из истории общественно-политической мысли России XIX века: Межвузовский сб. научных трудов. М., 1985. С.21.
13. Гаркем В. Очерк месторождения соли и добычи ее в Астр. губернии. Астрахань, 1890. С.3.
14. ЦГИА. Ф.1409. Оп.1. Д.344. Л.41-44.
15. Истомина Э.Г. Водные пути России во втор. пол. XVIII-нач. XIX в. М., 1982. С.52.
16. Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство. М., 1927. С.25.
17. Россия: Полное географическое описание нашего отечества: Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / Под ред. В.П. Семенова. Репринтное издание. Ульяновск, 1998. С.541-543.

Глава IX. Астраханский край во второй половине XIX века

§1. Реформы 60-80-х годов XIX века в Астраханском крае

Отмена крепостного права – крупнейшее событие в России, определившее ее дальнейший путь исторического развития. Уже во время подготовки реформы в Редакционных комиссиях и комиссиях Министерства внутренних дел разрабатывались законодательные предложения о преобразованиях органов местного управления, полиции, суда, поднимались вопросы, связанные с рекрутской повинностью. Началась подготовка преобразований в системе городского управления. Прежде всего правительство стремилось переложить на плечи городского самоуправления дела по ведению хозяйства.

Городовое положение от 16/28 июня 1870 г. гласило следующее: «...Мы повелели приступить к общему оных пересмотру и начертанию нового законоположения о городском общественном управлении и хозяйстве. ...утвердив его и препровождая в Правительствующий Сенат, повелеваем:

1. Настоящее Положение ввести ныне же в действие в следующих губернских и областных городах: Архангельске, Астрахани, Кишиневе, Владимире...».[1]

По Городовому положению создавались всесословные органы общественного управления, избираемые на основе имущественного ценза. Избирательные права предоставлялись купцам, промышленникам и другим владельцам недвижимой собственности в пределах города.

Распорядительным органом самоуправления была Городская дума, исполнительным – Городская управа под председательством городского головы. Для надзора за деятельностью Городской думы в губернии положением от 1870 г. создавалось «губернское по городским делам присутствие» чиновников под председательством губернатора.[2]

18 декабря 1870 г. Астраханская Городская дума приступила к наиболее важному аспекту своей деятельности- выборам городского головы и членов Городской управы.

Городская управа сразу же по избрании была разделена на ряд отделов – столов: распорядительный, хозяйственный, бухгалтерский и воинского учета.[3]

Управа ежегодно составляла отчет по денежным средствам. Если вопросом сбора налогов ведало оброчное отделение, то составлением отчетов – бухгалтерское. Основным отчетным документом оброчного отделения считалась раскладочная ведомость налогов Астраханской Городской управы. В ней содержались весьма ценные на сегодняшний день сведения: поименный список граждан, их сословная принадлежность, размер уплачиваемых налогов. Основными отчетными документами бухгалтерского отделения были: приходно-расходные книги, отчеты и табели. Каждое отделение управы, а не только вышеуказанные, имело свою отчетную документацию, которую тщательно вело и хранило. По окончании года на собрании Городской управы проводился анализ работы всех отделений на основе представленной ими документации, а затем составлялся отчет Городской управы за год, который передавался на рассмотрение Городской думе, городскому голове и губернатору.

Астраханская Городская дума была также учреждена в 1870 г. на основании Городового положения. Состав думы избирался на четыре года по принципу сословного представительства. Контроль за деятельностью Астраханской городской думы осуществлялся губернатором. Гласные думы при вступлении в должность давали «клятвенное обещание», т.е. принимали присягу, как и члены Городской управы.[4] Работа думы была строго регламентирована, заседания ее проводились по специальной программе. Программа заседаний иногда публиковалась в «Астраханском справочном листке». Вот лишь некоторые, наиболее важные для муниципалитета вопросы, рассмотренные на заседаниях с 1871 по 1873 гг.: 17 янв.1872 г. – проект устава о ремесленных школах; 24 апр. 1872 г. – открытие в Астрахани городского банка и образование пожарной команды для вольнонаемных.[5] 30 октября 1872 г.

дума рассматривала заявление гласного думы Х.Н. Хлебникова, в котором ставились вопросы об уменьшении числа членов Городской управы с 1 января 1873 г., об изменениях инструкции занятиям управы и порядке делопроизводства в ней и уменьшении числа смотрителей при управе.[6] Предложения Х.Н. Хлебникова были весьма смелыми для своего времени, поскольку пытаться усомниться в правильном назначении для общественного управления числа гласных думы или управы, а тем более коснуться их функций означало причислить себя к оппозиционерам. Но никакого шума эти предложения не вызвали. Они были просто отклонены.

Наиболее важным документом, принятым Городской думой, являются «Обязательные для жителей города Астрахани правила по предметам городского благоустройства».[7] Для их выполнения дума и управа могли воспользоваться, согласно предписанию губернатора, принудительной властью полицейского управления. Правила касались следующих вопросов городской жизни:

1. Порядка содержания пристаней, переправ, перевозов, пользования ими, а также извозного промысла.

2. Порядка содержания боен.

3. Соблюдение чистоты в помещениях для продажи продовольствия и напитков.

Не менее важными для жизни города являлись такие вопросы, как поддержание чистоты водоемов; внутреннего распорядка на рынках и базарах; предупреждения эпизоотий, пожаров, наводнений и пр.

В 1871 г., в декабре, на заседании Городской думы рассматривался вопрос о переустройстве полицейского управления города Астрахани. Была составлена записка, предложенная для обсуждения в Губернском правлении. Губернское правление, ознакомившись с запиской, отправило запрос в МВД. На основании предписания министра внутренних дел было издано распоряжение за №1271. Городская дума и Городская управа приступили к непосредственному исполнению: город был раз-

делен на посты, околотки, участки, вводилась определенная выплата жалованья полицейским. Причем дума лишь отдавала распоряжения управе, а та уже занималась практической стороной дела.

Астраханская Городская дума и Городская управа в основном выполнили поставленные перед ними задачи: в городе был создан городской общественный банк, общественная библиотека, проведен водопровод, улучшен внешний облик города.

Судебная реформа 1864 г. явилась одной из важнейших в череде реформ 60-70-х гг. XIX в. Основной характеристикой проводимой судебной реформы стала постепенность. Указом Сената было решено ввести судебные уставы в 1865 г. лишь в Москве и Петербурге, а затем, в течение четырех лет, в губерниях Европейской части России. Но даже за 25 лет это так и не удалось осуществить.[8]

Но постепенность в проведении этой реформы была просто необходима по многим причинам. Во-первых, на проведение реформы в Европейской части России требовалось 9 млн. рублей золотом и еще 3 млн. на строительство или ремонт судебных учреждений; во-вторых, необходимо было подготовить юристов (к 1865 г. в России было 1,5 тыс. юристов с высшим образованием); и, наконец, в третьих, требовалось определенное время для моральной подготовки населения к новому суду: бессословному, открытому, гласному.

Кроме того, 19 октября 1865 г. было установлено, что действие судебных уставов распространяется без изменения лишь на те губернии, где были введены земские учреждения. В остальных же губерниях вопрос о распространении действия судебных уставов решался посредством предварительного соглашения министра юстиции с губернатором и министром внутренних дел.

Состоявшаяся в 1872 г. переписка между астраханским губернатором, тайным советником Н.Н. Биппеном и министром юстиции закончилась принятием решения о введении института мировых судей в Астраханской губернии до введения судебной реформы в полном объе-

ме.[9] И лишь в мае 1878 г. началось проведение в Астраханской губернии мероприятий, связанных с судебной реформой, а именно введение мировых судебных установлений (за исключением территорий, занятых калмыками, кочующими в пределах губернии). При этом необходимо было соблюдение следующих правил: мировые судебные установления вводятся на основании судебных Уставов 1864 г. и Положения от 19 октября 1865 г. Время введения в действие мировых судебных установлений в губернии определялось министром юстиции по соглашению с министрами внутренних дел и финансов.

Были установлены Временные правила по проведению реформы суда в Астраханской губернии, согласно которым мировые судьи в Астраханской губернии должны были назначаться правительством, а не избираться, согласно ст. 10 Учреждения судебных установлений.[10] Правила определяли также состав временных губернских комитетов, возглавляемых губернатором. В них входили предводители губернского и уездного дворянства, городской голова, губернский прокурор, а также председатель палаты уголовного и гражданского суда и наказной атаман Астраханского казачьего войска.

Временный губернский комитет составлял списки предполагаемых кандидатов на должности мировых судей. Эти списки представлялись на рассмотрение министру юстиции. Кроме участковых и почетных мировых судей, назначались еще и добавочные мировые судьи. В их функции входило рассмотрение дел в тех местностях, где не было участковых мировых судей. Участковые к добавочные мировые судьи назначались императором по представлению министра юстиции.[11]

После получения на месте утверженного Правительствующим Сенатом количества мировых участков и округов, а также приказа по Министерству юстиции о лицах, утвержденных в звании мировых судей, местный уездный судья г. Астрахани приглашал их для принятия присяги.

Председатель мирового съезда назначался министром юстиции из

числа мировых судей округа. Время и место открытия мировых съездов также определялось министром юстиции.

Списки кандидатур на должность мирового судьи составлялись ежегодно для замены выбывших по какой-либо причине мировых судей. Все расходы по введению судебных установлений, а также на устройство и содержание мест заключения ложились на местное население. С этой целью были введены дополнительные сборы «впредь до введения земских учреждений». Кроме указанных расходов, предполагалось собрать 1817 руб. в год на содержание калмыцкого стола при Астраханской соединенной палате и 600 руб. – прокурору за просмотр постановлений улусных зарго.

Кроме того, было составлено временное расписание по окладам и содержанию мировых судей, секретарей и приставов, а также расписание чинам палат уголовного и гражданского суда. Последнее состояло из председателя палаты, товарища председателя и членов палат, судебных приставов, губернского прокурора и переводчиков с калмыцкого и татарского языков.

Оплата жалованья чинам палат производилась из государственного казначейства.

По временному расписанию в Астраханской губернии было: 16 участковых мировых судей, три добавочных мировых судьи и 12 судебных приставов. Астраханская губерния была разделена на три мировых округа: Астраханско-Красноярский, Енотаевско-Черноярский и Царевский. Благодаря такому делению в каждом мировом округе оказалось приблизительно равное количество жителей (по 120-130 тыс. человек).

Губерния была разделена на мировые участки: Астраханский уезд – 6 мировых участков, Красноярский – 2, Черноярский – 3, Царевский – 3. После введения в Астраханской губернии новых судебных учреждений сложилась интересная ситуация: вместе сосуществовали два прокурора – Астраханский губернский прокурор и прокурор

Астраханского окружного суда. Их функции были одинаковы: надзор за соблюдением законов учреждениями, должностными лицами и населением. Должность Астраханского губернского прокурора была введена еще в 1780 г., т.е. в дореформенное время. А должность прокурора Астраханского окружного суда вводилась судебной реформой. Эта неувязка была разрешена лишь в 1894 г., когда должность Астраханского губернского прокурора была упразднена.[12]

До 1894 г. не был разрешен вопрос об уездных членах Астраханского окружного суда. Съезды мировых судей начали функционировать с 1878 г.

Таким образом, в Астраханской губернии были созданы: институт мировых судей, съезды мировых судей и окружные суды. Судебная же палата так и не была создана, т.к. по указу Сената от 7 июля 1878 г. астраханские мировые судебные установления причислялись к «ведению Саратовской судебной палаты», открытой в 1871 году. Ей были подсудны Саратовская, Тамбовская, Пензенская губернии и Новоузенский уезд Самарской губернии. Такое гигантское расширение подведомственных территорий нарушало принцип доступности судебных учреждений.

В 60-70-х гг. XIX в. в России была проведена целая серия военных реформ, начавшаяся с реорганизации военного управления и военно-учебных заведений и завершившаяся наиболее важной реформой – системой комплектования армии путем введения всесословной воинской повинности, а также проведения ряда мер по перевооружению армии.

1 января 1874 г. Александр II утвердил «Устав о воинской повинности» и специальный Манифест о нем.[13]

Согласно ст. 42, 64 и 74 Устава «О всеобщей воинской повинности» 1874 г., Астраханская губерния была разделена на 8 призывных участков: 2 – в Астраханском уезде, 1 – в Красноярском, 2 – в Енотаевском , 2 – в Черноярском.

Подробно описывались все волости и территории, входившие в каждый участок. При этом каждый призывной участок имел свой призывной пункт.[14]

Главный штаб Военного министерства обратился к астраханскому губернатору с требованием предоставить сведения с обозначением призывных пунктов, а также числа душ в каждом городе, селе и поселке. Такие сведения были собраны.

13 апреля 1874 г. астраханскому губернатору поступило циркулярное предложение министра внутренних дел за №9 об открытии в виде аванса каждому губернскому и областному по воинской повинности присутствию кредита в размере 200 руб. на каждое подведомственное ему уездное или окружное и городское по воинской повинности присутствие.[15]

Управляющий Морским министерством сообщал в июне 1875 г., и это сообщение циркулярно было направлено астраханскому губернатору, что почти все новобранцы, поступающие на службу во флот, в том числе и из Астраханской губернии, очень плохо подготовлены к службе. Вследствие этого генерал-адъютант Лесовский выразил мнение и пожелание генерал-адмирала об изыскании способов к наибольшему поступлению во флот подготовленных новобранцев. В связи с этим уездные или окружные и городские по воинской повинности присутствия обязывались ежегодно к 1 июля отправлять в инспекторский департамент Морского министерства сведения о числе тех лиц из внесенных в призывные списки каждого призывного участка, кто в гражданской жизни занимался судоходством, рыболовством, служил машинистом, кочегаром, мастеровым на верфи, корабельным плотником, котельщиком и т.п.[16]

Таким образом, военная реформа, как и большинство реформ 60-70 гг. XIX в., затронула и Астраханскую губернию.

§2. Экономика края во II половине XIX века

По данным переписи 1897 г. население Астраханской губернии насчитывало 1003550 человек (обоего пола). Однако плотность населения оставалась крайне низкой (4,8 человека на 1 кв. версту). Для сравнения: в Саратовской губернии – 32,6 человека.[1] При этом следует отметить существенный прирост населения по сравнению с 1851 и 1858 гг. (на эти годы имеются статистические данные): так, например, по отношению к 1851 г. в 1897 г. прирост составил 251%.[2] Объясняется это не столько естественным приростом, сколько притоком в край нового населения из других областей России. И если по правую сторону Волги колонизационный процесс к концу XIX в. уже в основном завершился, то заволжские степи Самарской и Астраханской губерний по-прежнему привлекали к себе переселенцев из других губерний.

В административном отношении Астраханская губерния была представлена 5 уездами, а также Калмыцкой и Киргизской степями на правах уездов, 13 станами и 49 волостями. Соотношение сельского и городского население выглядело следующим образом: сельского – 86,3%, городского – 13,7% . При этом процент городского населения в Астраханской губернии был выше, чем в соседних Самарской и Казанской. Сам губернский центр (Астрахань) в конце XIX в. считался крупным городом Поволжья – третьим после Саратова и Казани. Активный рост этих городов был отмечен с 60-х гг. XIX в. Сословное соотношение в губернии также было нетипичным: крестьяне составляли 73% населения, а 27% – прочие сословия. А так как инородцы Астраханской губернии (калмыки и киргизы) не считались крестьянами, то они сильно увеличивали процент «прочих сословий».

По вероисповеданию население Астраханской губернии на момент проведения 1-й Всеобщей переписи населения распределялось на православных – 63,2%, раскольников – 0,5%, католиков – 0,1%, армяно-григориан – 1%, евреев – 0,1%, магометан – 25% и язычников – 10%.

Национальный состав губернии по-прежнему был весьма пестрым: русские составляли 50% населения, малороссы –15 %,татары – 5%,киргизы – 20%, калмыки – 10%.[3]

Земледелие в Астраханской губернии никогда не было в числе важнейших занятий населения, но от распределения земельной собственности среди владельцев и пользователей зависела степень развития остальных отраслей сельского хозяйства и промыслов. Надельные крестьянские и казачьи земли в конце XIX в. составляли 25,2%, частновладельческие – 2,3%, калмыкам и киргизам принадлежало 63,4%, казне и уделу – 3,2%, остальным учреждениям и ведомствам – около 6%. Наиболее крупными собственниками земли являлись купцы и дворяне. Средний размер земельной собственности мещан по всему Среднему и Нижнему Поволжью определялся в 188 десятин при колебаниях от 49 десятин в Симбирской губернии до 599 десятин в Астраханской. Средний размер собственности крестьянского двора при среднем составе семьи в 6 душ по всей области Среднего и Нижнего Поволжья составлял 16 десятин, в самой же Астраханской губернии – 28,5 десятин. Таким образом, в Астраханской губернии крестьяне были наиболее обеспечены землей, но эти земли были практически непригодны для земледелия. Среди частных владельцев первое место принадлежало дворянам - 45% земель губернии. За ними следовали купцы, затем крестьяне.[4] По данным земельной переписи 1877 г. землевладение дворян Поволжья с 1859 по 1877 гг. непрерывно уменьшалось. В Среднем и Нижнем Поволжье дворяне за этот период времени потеряли более 1 млн. десятин, что составляло 14,2% всей земельной собственности этого сословия в данном регионе, а к 1896 г. эта убыль составила 2,5 млн. десятин или 36%. Главными покупателями земли были крестьяне и купцы, что свидетельствовало о формировании рынка земли и развитии капиталистических отношений. Немаловажным фактором кризисности дворянского землевладения была все возраставшая задолженность дворян. К 1 ноября 1896 г. состояло в залоге учреждениям ипо-

течного кредита 39% всей дворянской земли в Астраханской губернии.[5] Господствующей формой крестьянского землевладения по-прежнему оставалось общинная. Возделываемая пашня составляла около 3,6% всего пространства. Наибольшую часть сельскохозяйственных угодий составляли луга и пастбища, на долю лесов приходилось всего лишь 0,3% земельных угодий.

В земледелии по-прежнему преобладала примитивная первобытная залежная система хозяйства. Сеяли рожь, пшеницу, овес и ячмень. Гречиху и картофель в Астраханской губернии не возделывали. При равных природных условиях урожайность частновладельческих полей была выше крестьянских в 1,5-2 раза. Объясняется это более высокой техникой полеводства частных владельцев. Такая закономерность прослеживается не только в Астраханском крае, но и по всем поволжским губерниям: Саратовской, Самарской, Симбирской и Казанской, где урожайность хлебов традиционно была высокой. Астраханская губерния как наземледельческая не могла обеспечить себя хлебом. Недостаток хлеба в среднем составлял «-8,2» пуда от установленной отделом статистики продовольственной нормы. Остальные же губернии Поволжья имели даже избыток хлеба, который и поступал на рынок.

Огородничество было развито неравномерно и существовало, главным образом, для удовлетворения собственных потребностей. Сосредотачиваясь вокруг больших городов, представлявших собой естественные рынки сбыта огородной продукции, огородничество приобретало все более ярко выраженный товарный характер. Занималось этим промыслом преимущественно татарское население Астраханского уезда и крестьяне с. Черепахи. Излишки овощей вывозили даже в Баку и другие порты Каспийского моря. Крестьяне села Началово прославились разведением красного стручкового перца, получившего название астраханский. Его отправляли в Москву и по всей России. Вследствие особых природно-климатических условий широкое развитие получило бахчеводство. Бахчи или баштаны устраивались на луч-

ших целинных и залежных землях , как правило, лишь на один год, после чего участки поступали под полевые культуры и засевались зерновыми. Бахчеводство считалось самым низшим в техническом смысле видом огородничества. Культуры выращивались без удобрений и без орошения. Разводили арбузы, дыни, тыквы, реже – подсолнечник, огурцы, редьку, фасоль, помидоры, мак и капусту. Во второй половине XIX в. бахчеводство приобретало все более товарный характер. Предприниматели – русские и малороссы арендовали для этих целей участки земли от 1 до 40 и более десятин , а получаемый товар сбывали на рынках, как ближних, так и дальних. Одним из центров бахчеводства стало с. Быково Царевского уезда. Выращиваемые там арбузы отправляли через Царицын в Камышин , а затем по железной дороге в Москву.[6]

Садоводство в Астраханской губернии не имело промышленного значения, хотя по-прежнему в значительных количествах разводили яблони, вишни, груши, сливы различных сортов, айву, виноград, а также малину, землянику, клубнику, красную и черную смородину, крыжовник.

Существенные изменения в конце XIX в. произошли в социально-экономических отношениях: лишь мелкие садовладельцы, крестьяне или мещане, извлекали доходы из непосредственной продажи фруктов, крупные же садовладельцы активно сдавали свои сады арендаторам на срок от 1 до 12 лет. Зачастую имения дробили, арендная плата колебалась из года в год и определялась количеством фруктовых деревьев или сданной в аренду земли.

Виноградарство также не имело промышленного значения, хотя к концу XIX в. площадь, занятая под виноградниками, достигала 1000 десятин. Большая часть винограда продавалась в свежем виде (в приволжских губерниях, Москве и Петербурге), часть же перерабатывалась на вино. Виноделие в губернии никогда не достигало больших размеров, к концу же века пришло в упадок, не выдержав конкуренции винодельческих районов. Общее количество производимого вина не

превышало 20 тысяч ведер в год. Развитию агрономических знаний в области садоводства, бахчеводства и огородничества способствовала открытая в 1895 г. в Астрахани школа садоводства и огородничества.[7]

Скотоводство по-прежнему оставалось самой развитой в крае отраслью сельского хозяйства. У кочевников-киргизов и калмыков скотоводство являлось практически единственным занятием. На 100 душ м.п. в Астраханской губернии приходилось 450 голов скота. Скотоводство, как и прежде, развиваясь экстенсивно, носило первобытный характер. Круглый год, несмотря на холодные зимы, скот держали под открытым небом. Сена заготавливали немного, и только для молодняка. Глубокий снег или ледяная корка на пастбищах приводили к массовой гибели скота. Из пород крупного рогатого скота наибольшее распространение получила красная калмыцкая порода.[8] Природно-климатические условия способствовали широкому развитию овцеводства. Поголовье овец в крае к концу XIX в. составляло чуть более 3 млн. голов, то есть приблизительно 305 голов на 100 жителей губернии. Частные землевладельцы и арендаторы разводили почти исключительно тонкорунную породу овец, а крестьяне и кочевники – грубошерстную. Из-за отсутствия крупных шерстяных рынков в Среднем и Нижнем Поволжье шерсть сбывалась скупщикам на местах. Самые состоятельные овцеводы отправляли шерсть в Москву или заключали сделки непосредственно с фабрикантами. Что касается грубошерстных овец, то разведение их приняло товарный характер, главным образом в частных хозяйствах и у кочевников. Шерсть грубошерстных овец различалась по качеству и шла на изготовление различных изделий: простое сукно, войлок, армейское сукно , фланель, одеяла, кошма и набивка для тюфяков.

Существенное развитие во второй половине XIX в. получили коневодство и верблюдоводство.

По-прежнему значительную роль в жизни края играл рыбный промысел.

Рыбная промышленность Каспийско-Волжского края в конце XIX в. располагала разнообразными и обширными рыбопромысловыми угодьями. Вся территория, подведомственная Управлению Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов, была разделена на 19 смотрительских участков: девять речных и десять морских. Промыслы сосредоточивались, главным образом, в предустьях рек, обладавших запасами ценных промысловых рыб. Вылов рыбы в период нереста при массовых кратковременных скоплениях в низовьях рек и прибрежных участках моря обуславливал пассивный характер рыболовства и резко выраженную сезонность промысла. По мере истощения речных запасов (к началу XX в.) рыболовство перемещалось в море. Уловистость в дельте реки была выше, потому здесь насчитывалось большее количество рыбопромысловых заведений и тоней.

В силу исторически сложившихся обстоятельств право рыбной ловли не всегда принадлежало владельцам прилегающих берегов; зачастую землей владело одно лицо, а правом рыболовства (правом пользования водами) – другое; вследствие этого возникали разные условия пользования. В 1900-1901 гг. Министерство земледелия и государственных имуществ попыталось урегулировать этот вопрос. Было признано целесообразным сдавать земельные участки без торгов сроком на 6 лет арендаторам смежных казенных речных вод под устройство рыбопромысловых заведений. Делалось это для того, чтобы договоры по аренде участков и рыболовных вод были приурочены к одним и тем же срокам.[9]

Одним из основных собственников рыболовных вод являлась казна, воды которой к 1895 г. были разделены на 144 участка, 125 из которых сдавались в аренду с торгов, а 19 находились в беспереоброчном содержании. Остальными водами владели частные лица, учреждения и общества. Такими собственниками являлись: Астраханское казачье войско, Главное управление калмыцким народом, удельное ведомство (в Саратовской губернии), городские и сельские общества, Приказ об-

щественного призрения, Спасо-Преображенский монастырь, а также различные частные лица (крестьяне, мещане, купцы). К наиболее крупным частным владениям можно отнести воды фирмы «Братья Сапожниковы» и воды Синеморского имения Ф.И. Базилевского.[10] Оба крупных частных владения были расположены при выходе в море, т.е. в местах наиболее интенсивного лова.

В 1883 г. были составлены кондиции «На отдачу в арендное содержание речных участков казенных рыболовных вод, находящихся в заведывании Астраханского Управления рыбными и тюленьими промыслами». Они давали право арендатору вод пользоваться десятисаженным (около 21 метра) вдоль берега реки пространством для пристанища ловцов и обсушки снастей, но без права пользования лугами.[11] Отнимая у крестьян водные участки рек, ильменей, проток, находящихся на их землях, казна закрепляла в кондициях (§9) право крестьян на водопой и рыболовство в этих водах бреднями. При этом разрешалось ловить только мелкую частиковую рыбу в качестве продукта питания.

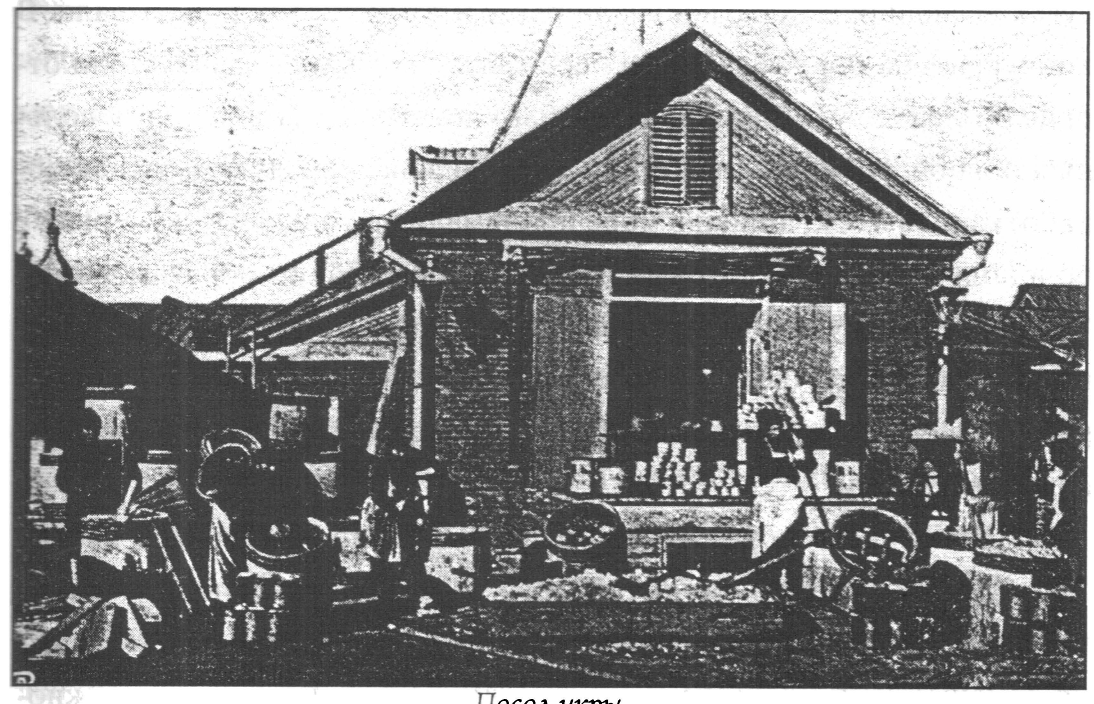
Арендатор обязан был вносить в казначейство условленный оброк, а в Управление рыбных и тюленьих промыслов – процентный сбор на расходы по общественному надзору за рыболовством.

Своеобразный порядок пользования рыбными ловлями был установлен в водах Астраханского казачьего войска.[12] Рыболовство было разделено на летнее (с 15 марта по 15 ноября) и зимнее (с 15 ноября по 15 марта): летнее рыболовство сдавалось в аренду, зимнее составляло общее право станиц и команд производить лов сельди плавными сетями.[13] В казачьих станицах, расположенных в низовьях Волги, рыболовство служило главным занятием жителей. Станичные общества брали в аренду воды, выступая конкурентами частных предпринимателей. Ежегодно (1897-1899 гг.) в войсковой капитал поступало доходов от сдачи вод в аренду до 96-97 тыс. руб. (50-55% общего дохода).[14]

Рыбный промысел по мере своего развития закладывал основы

двух отраслей рыбной промышленности: рыбодобывающей и обрабатывающей. К концу XIX в. четко обозначилось разделение добывающего и обрабатывающего промыслов, а также сосредоточение всего производственного цикла, вплоть до сбыта рыбы на ближних и дальних рынках, в руках крупных речных рыбопромышленников. Неравные условия рыболовства приводили к дифференциации ловцов на мелких хозяев и крупных рыбопромышленников, подчинявших себе основную массу ловцов и нанимавших рабочих для осуществления всех производственных процессов.

Разделение труда в море было гораздо более четким: морской ловец сбывал свой улов скупщику или рыбопромышленнику для обработки на береговых ватагах. На морском побережье размещались преимущественно рыбопромысловые заведения по обработке красной



Посол икры

рыбы, на речных берегах – ватаги по приготовлению продукции из рыбы частиковых пород.

Устройство и содержание промыслового заведения, наем рабочих

требовали вложения капитала, поэтому обработка рыбы, как правило, находилась в руках крупных и средних промышленников. Иногда речные ловцы сами обрабатывали свой товар, но он поступал на рынок не сразу, а попадал туда через руки скупщиков или крупных рыбопромышленников.

Морские ловцы, производившие лов в далеких от берега водах , солили рыбу на промысловых лодках; этот товар на астраханском рынке ценился ниже приготовленного на промыслах.

Рыба, выловленная в ближайших к берегу морских водах, в свежем виде сдавалась на береговые промыслы по условленной ранее или по рыночной цене. Так как подрядные цены были невыгодными для ловца, он старался продать свой товар на сторону. Конкурентами рыбопромышленников в этом вопросе являлись скупщики. Они на своих судах выходили в море, покупали рыбу и там же ее обрабатывали. В конкурентной борьбе за ловца береговые промыслы также стали отправлять свои суда для приема рыбы у подрядных и покупки у вольных ловцов. На приемных судах производилась предварительная обработка рыбы. Скупщики в море принимали не только свежую рыбу , но и полуфабрикат, и готовый ловецкий товар. Таким образом, развитие морского скупа и возрастание конкуренции между скупщиками и владельцами береговых промыслов способствовали подвижности обрабатывающего промысла, который, с выходом в море, приближался к добывающему.

Подвижность морского промысла особенно усилилась в начале XX в.в связи с развитием частикового лова. Возникали целые плавучие промыслы, представлявшие собой большие баржи с рыбосольными помещениями, ледниками, складом для рыболовных принадлежностей, казармой для рабочих на 40 и более человек, кухней , хлебопекарней и фельдшерским пунктом.[15] В 1894 г. таких барж было две, а в 1913 г. – 8.

Обработка рыбы на всех промыслах велась крайне примитивны-

ми способами. Большая часть улова шла в посол, производившийся традиционными методами, применявшимися с конца XVIII в. Единственным достижением в области рыбообработки явился способ так называемого холодного посола сельди, впервые примененного инженером Ф.А. Пелль (управляющий делами фирмы Ф.И. Базилевского). Этот способ заключался в том, что сельдь сначала замораживали смесью измельченного льда с солью, а потом производили засол. Введенное усовершенствование оказало существенное влияние и на добывающий промысел, дав возможность выходить в море для лова и скупа рыбы без риска подвергнуть ее порче. В обрабатывающем промысле этот метод позволил значительно улучшить качество приготовления сельди.

Весь рыбообрабатывающий промысел носил, несмотря на крупные размеры, кустарный характер, базировавшийся на применении дешевой неквалифицированной рабочей силы. Все без исключения виды работ выполнялись вручную, без применения машин и механизмов. Никого это особенно не волновало, так как ненасыщенный товаром рынок не предъявлял особых требований к улучшению качества товаров.

Состав самого ловецкого населения Волго-Каспийского региона был весьма разнообразен: кроме коренных жителей Астраханской губернии в него входили крестьяне Тамбовской, Саратовской, Нижегородской и Пензенской губерний, мигрировавшие оттуда из-за малоземелья. Прибывавшие в низовья Волги крестьяне либо нанимались на работу к местным ловцам и рыбопромышленникам, либо шли в подрядные ловцы. Каждый ловец, сколь бы состоятельным он ни был, всегда нуждался в орудиях рыболовства и денежных средствах и вынужден был обращаться за кредитом. Причем, чем больше ловец мог выловить и сдать рыбы, тем больше льгот он имел при получении кредита. Ловец, получивший кредит, превращался в подрядного ловца, обязанного сдавать свой улов рыбопромышленнику по ценам ниже рыночных.

Крупнейшими рыбопромышленниками в Каспийско-Волжском районе в конце XIX- начале XX в. являлись: Агабабовы, Базилевский, Беззубиковы, Осокины, Платоновы, Сапожниковы, Степановы и др. На 36 промыслах этих крупнейших астраханских фирм было занято примерно 44% рабочих.[16]

Среди них фирма «Братья Сапожниковы» принадлежала к числу немногих собственников рыболовных вод; большинство же рыбопромышленников арендовало воды, принадлежавшие казне, казакам , крестьянским обществам. Сапожниковым принадлежали Оранжерейный (с оборотом капитала 900 тыс. руб. в год), Ниновский, Икрянинский и Тумакский (с оборотом капитала 400 тыс. руб. в год) промыслы.

Алексей и Александр Сапожниковы в 1819 г. учредили собственную фирму. Главным объектом ее деятельности являлся неводный речной лов. Максимальное количество рабочих, нанимавшихся на путину, составляло 7 тысяч человек. Для ведения торгово-промышленных дел фирма имела главную контору в г. Астрахани с отделениями в Царицыне, Москве и Петербурге, причем на содержание личного состава служащих ежегодно расходовалось свыше 100 тысяч рублей в год. Фирма имела свой транспорт для перевозки рыбных грузов: 9 пароходов и 3 моторные лодки. Владельцами фирмы был устроен первый в Астрахани искусственный холодильник (для хранения рыбы), а также холодильный склад в г. Москве. Кроме рыбных промыслов и холодильника, фирма в начале XX в. имела механический, чугунолитейный и машинно-бондарный заводы в г. Астрахани.[17]

Основные виды рыбного промысла в Каспийско-Волжском районе – это промысел осетровых, сельдяной и частиковый. Красноловный промысел, т.е. промысел осетровых, являлся самым древним видом рыболовства. Экономическая целесообразность лова осетровых была обусловлена высокой ценностью добываемого рыбопродукта при незначительных затратах средств и труда, а также благоприятным состоянием запасов красной рыбы вплоть до середины XIX в.

Вторым, не менее важным, объектом рыболовства в Каспийско-Волжском районе являлась сельдь. Промысловый лов сельди возник на Волге только в конце XVIII в., и до середины XIX в. сельдь не играла в промысловом лове заметной роли. Сельдь использовали для вытопки технического жира, нашедшего применение в мыловарении, кожевенной промышленности. Кроме того, астраханским селедочным жиром в XIX в. заправлялись фонари для освещения улиц больших городов. До середины XIX в. сельдь не являлась продуктом питания. Ее называли бешенкой и в пищу употреблять боялись. К посолу сельди приступили в 60-х годах XIX в. Широкому использованию сельди как пищевого продукта способствовали общественно-экономические факторы и неблагоприятные условия, создавшиеся в рыболовстве Волго-Каспийского района. Успешное развитие сельдяного промысла при краткосрочности нерестового хода сельди (в мае, в теплое время года) требовало быстрой обработки добываемой рыбы, что и послужило стимулом к созданию астраханского способа засолки сельди – в чанах с охлаждением. Коренной «переворот в сельдяном промысле» связан с развитием дешевого водного транспорта, постройкой Грязе-Царицынской железной дороги и отменой акциза на соль.[18]

Таким образом, рыбный промысел Каспийско-Волжского района приносил ощутимый доход краевой и общероссийской казне. Источниками доходов Управления каспийско-волжских рыбных и тюленьих промыслов являлись морские воды и продажа билетов на право лова в них рыбы и боя тюленя, речные воды и сдача их в аренду, беспереоброчные рыболовные статьи, находившиеся в пользовании частных лиц, сельских обществ, казачьих станиц и др.

Не менее важным для Астраханской губернии был соляной промысел и формирующаяся на его основе в конце XIX- начале XX в. соляная промышленность. Великая Арало-Каспийская впадина, воронкообразно окаймляющая Каспийское море и когда-то служившая дном обширного моря, заключает в себе множество соляных озер. Большин-

ство озер расположено в приморской полосе на протяжении примерно 600 верст; вне этой полосы озер немного: Эльтон, Баскунчак, Батирбек, Боткуль и Биш-Чоко. Самым известным до середины XIX в. и самым богатым по содержанию соли было озеро Эльтон. За ним следовало озеро Баскунчак и еще 23 более мелких озера.[19]

Вскоре после отмены крепостного права казна, не имея возможности продолжать солеразработки, вынуждена была в 1865-1866 гг. (по др. данным – с 1862 г.) передать ее частным лицам. Вместе с тем частные лица получили право свободного выбора источников для разработки.

За 134 года казенного управления добыча соли составила: на Эльтоне – 512 млн. пудов, на Баскунчаке – около 30 млн. пуд., а на южно-астраханских озерах – приблизительно 85 млн. пудов (всего 627 млн. пудов).[20] С передачей разработки соляных промыслов в частные руки правительство ввело акциз в размере 30 копеек с пуда соли, отпускаемого с промыслов. С получением частными лицами права свободного выбора источников соледобычи значение озера Эльтон стало падать, более интенсивно стал развиваться Баскунчакский соляной промысел. Баскунчакская соль по своему химическому составу лучше эльтонской, и условия ее добычи были более благоприятные: Баскунчак имеет сухие берега, а Эльтон – заболоченные. Путь перевозки соли от озера Баскунчак до Волги в два раза короче: озеро Эльтон находилось в 130 км от Волги, а Баскунчак – в 60 км. Поскольку соль, добываемая на озере Баскунчак , оказалась дешевле и качественнее эльтонской, Баскунчак стал безусловным лидером соледобычи.[21] Официально соледобыча на Эльтонском промысле прекратилась в 1883 г., а в 1885 – на Чапчачинском. За 14 лет активных разработок (1867-1880 гг.) добыча соли на озере Баскунчак достигла 10 млн. пудов. Сбыту способствовал активный рост транспортных связей, что объясняется благоприятным развитием социально-экономических отношений. Число буксирных пароходов на Волге только в 60-70-х гг. утроилось, что, в свою очередь,

привело к снижению фрахта. А в 1872 г. началось движение по Грязе-Царицынской железной дороге, открывшей баскунчакской соли путь в северо-западные районы.

Организация соледобычи была тесно связана с арендой отдельных участков: озеро было разделено на 360 участков, занимавших 2/3 всей площади. Участки сдавались частным лицам на срок от 1 до 5 лет с условием обязательной добычи соли в количестве 100 тысяч пудов.

В 1883 г. была проведена научная экспертиза глубины залегаемых пластов и качества соли каждого уровня.

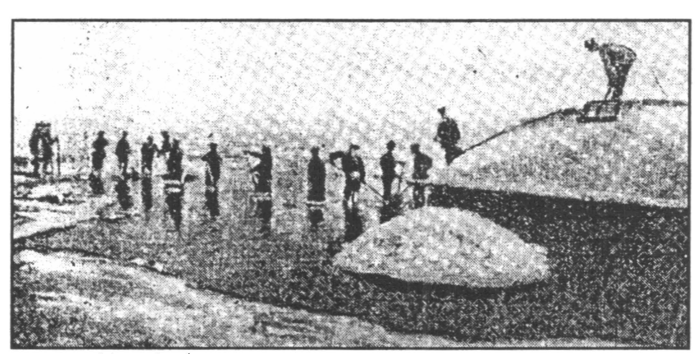
Но, несмотря на определенный прогресс в развитии соляного промысла, добыча соли полностью осуществлялась вручную. И лишь небольшое количество соли поднималось с помощью динамита. Труд соледобытчика по-прежнему оплачивался чрезвычайно низко. Этим можно объяснить равнодушие окрестного местного русского населения (крестьян) к соляному промыслу как к дополнительному заработку: крестьяне, считавшиеся относительно состоятельными, соледобычей не занимались. При акцизе (до 1880 г.) большинство рабочих приходили из Пензенской губернии; меньшинство составляли киргизы, которые прикочевывали к озеру со своим имуществом и выполняли любые работы по очень низким ценам. Соляной промысел вскоре стал привлекать киргизов, которые с каждым годом все больше вытесняли русских.[22]

Плата за добычу соли в конце XIX в. составляла: от 8,5 руб. до 14 руб. за 1000 пудов, до снятия акциза – 18 руб.

В 1877 г. впервые был применен способ разработки соли динамитом. Применяли это усовершенствование только два соледобывателя – Лианозов и Федоров, которые в своих складах при озере хранили до 500 пудов динамита.

Баскунчакский промысел обслуживался двумя пристанями: Владимирской – на Волге и Мамай – на левом берегу Ахтубы. Через Владимирскую пристань проходило более 4/5 всей отправляемой с про-

мысла соли. Постройка Баскунчакской железной дороги в 1885 г., соединившей Баскунчак с Владимирской пристанью, открыла самый надежный и удобный вид транспорта. Это имело решающее значение и окончательно решило судьбу южно-астраханских озер и озера Эльтон.[23] До постройки железной дороги вся соль вывозилась на фурах. Но железная дорога не заменила гужевого транспорта, поэтому удешевление перевозки соли произошло лишь на ничтожную величину.


Так добывали соль на Баскунчаке раньше

Через реку Ахтубу, выше пристани Мамай, был построен железнодорожный мост, ведущий на Владимирскую пристань.

Организация соледобычи в конце XIX в. оставалась весьма примитивной, а ручной труд придавал ей характер кустарного промысла.

Изыскивая пути более выгодного сбыта своей соли, крупные промышленики приступили к постройке на пристани соляных мельниц. Первым, построившим мельницу, был соледобыватель Лианозов, его примеру последовали другие, и в 1889 г . на Владимирской пристани имелось уже 4 мельницы, перемалывавших более 3-х млн. пудов в год. Измельченная соль отправлялась главным образом на рыбные промыслы (в 1888 г. вниз по Волге было отправлено 92% молотой соли, а вверх – 8%). Мельницы строили также в Царицыне и Саратове для обеспечения молотой солью внутреннего рынка.[24]

Баскунчакская соль распространялась по трем главным направлениям: в Астрахань и на рыбные промыслы; на северо-запад через Царицын и вверх по Волге.

Заметным событием в развитии соляного промысла и политики правительства по этому вопросу явилась отмена акциза на соль.

Вслед за введением соляного устава 1862 г., передавшего соляные

разработки в частные руки со взиманием акциза в размере 30 копеек с пуда, некоторые земские собрания уже в 1865-1866 гг. возбуждали ходатайства об отмене соляного акциза в интересах земледелия и скотоводства.

В 1869 г. в Астраханском комитете рыбных и тюленьих промыслов был поднят вопрос о необходимости отмены соляного акциза в пользу рыбной промышленности. Однако, рассмотрев вопрос только в 1873 г., Министерство финансов отказалось даже уменьшить соляной акциз для рыбопромышленности и отклонило ходатайства астраханских рыбопромышленников до предоставления более точных сведений об уловах.

Длительное обсуждение вопроса завершилось Указом 23 ноября 1880 г. об отмене соляного акциза. Эта мера привела к значительному росту производства соленой рыбной продукции, а также к улучшению ее качества.

Стоимость соли до снятия акциза составляла 40 и более копеек за пуд, а после отмены акциза – 9 копеек.[25] При резком снижении цен на соль ее стали использовать для посола рыбы в неограниченном количестве. Отмена акциза увеличивала доходы казны за счет развития рыбного промысла.

Развитие промышленности края также претерпевало определенные изменения, связанные с общими социально-экономическими процессами.

По официальным данным на 1897 г. в Среднем и Нижнем Поволжье было около 2100 фабрик и заводов с общим суммарным производством 105342 тыс. рублей. Первое место по размерам фабрично-заводской промышленности занимала Саратовская губерния, затем по убывающей следовали: Самарская, Казанская, Симбирская. Последнее место занимала Астраханская губерния с незначительным уровнем фабрично-заводского производства (на 7286 тыс. руб.).[26]

Из всех отраслей промышленности самой значительной была пи-

щевая. В ее структуре насчитывалось 52 фабрики с суммой производства 1280 тыс. руб. в год и 515 рабочими. Это прежде всего мукомольное и крупяное производства, солемольное, кондитерское консервное и пивоваренное.

Постройка первого пивоваренного завода в Астрахани была завершена в 1891 г. Основные производственные помещения завода располагались на берегу реки Царев, а розлив и хранение пива были сосредоточены в цехе, находившемся на Гоголевской площади. Производительность завода в первые годы работы составляла 40 тысяч ведер (4000 гектолитров) пива в год.

В 1901 г. на Паробичевом бугре, в 5 км от железнодорожной станции, было закончено строительство еще одного пивоваренного завода, получившего название «Богемия». В его цехах было установлено новейшее импортное оборудование. Производительность его составляла 250 тысяч ведер (25 тысяч гектолитров) за сезон (с осени по апрель).

Производство негазированных безалкогольных напитков, объединенных общим названием лимонад и ситро, а также хлебного кваса было сосредоточено на небольших частных кустарных предприятиях.[27]

Следующей крупной отраслью хозяйства Астраханского края являлась фабричная промышленность по переработке продуктов животноводства. Она объединяла 50 фабрик с суммой производства 1255 тыс. руб. и 260 рабочих.

К ним относились, прежде всего, предприятия кожевенной промышленности. Развитию данного производства способствовало наличие богатой сырьевой базы и близость материалов, применяемых при выработке кож. Известь доставлялась из г. Вольска, кора ивы и дуба из районов Симбирска и Самары, а дубитель кожи-кермяк добывался в районах Астраханской губернии.

Кирпичное и стекольнобутылочное производства были представлены 48 заведениями с 1359 рабочими,[28] ватное – пятью предприятия-

ми с 20 рабочими.[29]

Значительное место занимало бондарное производство: изготовление бочек для упаковки, хранения и перевозки рыбных товаров и овощей.

В связи с активной разработкой нефтяных запасов Бакинского района и транспортировки ее каботажем по Каспию через Астрахань и дальше по Волге на территории нынешних мастерских имени Артема Сергеева были построены шесть резервуаров для отстоя сырой нефти. Эксплуатировалось это предприятие как склад нефтепродуктов; на нем имелась одна нефтеперекачивающая машина, а в ветхом деревянном помещении стояли два станка. Рабочих и служащих насчитывалось всего 13 человек.[30]

Развитие Астрахани как портового города вызвало необходимость создания предприятий для постройки и ремонта судов и производства промышленного оборудования. В городе начали возникать судостроительные и судоремонтные предприятия. Особенно быстро росли они на рубеже XIX-XX вв. Наиболее крупным из них был казенный завод в астраханском порту, постоенный за один год и пущенный в эксплуатацию в 1858 г. В этом же году был построен деревянный плавучий док, спущенный на воду в 1859 г.

Другие механические заводы Астрахани были сравнительно небольшими, типа мастерских, выполнявших больше судоремонтные, чем судостроительные работы.

Первым таким предприятием была мастерская Я.В. Лукьянова, открытая приблизительно в 1850 г. и предназначенная специально для ремонта пароходов. После смерти ее основателя мастерская перешла по наследству его племяннику П.П. Лукьянову, который в 1867 г. перенес мастерскую на 5-ю Бакалдинскую улицу и здесь значительно расширил, поставив даже паровую машину. В таком виде мастерская могла быть зарегистрирована как фабрика. Она успешно работала до 1901 г., когда Лукьянов решил свернуть предприятие, боясь попасть

под действие фабрично-заводского законодательства, которое он считал обременительным для себя. В итоге дело было сведено на нет, и Лукьянов остался работать только с одним рабочим.[31]

В 1875 г. был открыт механический завод Серебрякова на р. Цареве, просуществовавший до зимы 1895-96 гг. В первое десятилетие завод начал заниматься даже постройкой судов, спустив на воду два парохода.

В 1879 г. открыл свой завод на берегу Волги Н.И. Артемьев, один из братьев Артемьевых – инициаторов наливной перевозки нефтяных продуктов. Помимо выполнения судоремонтных работ, на заводе был построен ряд небольших пароходов («Моряк» – 40 сил и «Образец» – 30 сил), а также несколько морских шхун. Завод существовал до смерти своего основателя в 1896 г. Большую часть его оборудования купил швед А.К. Норен.

В 1880 г. на арендованном у города участке земли в Адмиралтейском затоне основал небольшую медно-литейную и механическую мастерскую В.Ф. Фаддеев, служивший до этого на пароходе «Нахичевань». Дела в мастерской пошли хорошо и через два года Фаддеев открыл чугунолитейный отдел, поставил паровую машину и начал производить ремонт пароходов и паровых машин, а с 1884 г. – постройку паровых судов. До 1900 г. было построено 12 мелких винтовых и колесных пароходов типа баркасов в 8-12 сил. Часть их Фаддеев использовал на организацию пассажирского сообщения между некоторыми ближайшими селениями (речные «трамвайчики»), сдав завод в аренду своим бывшим ученикам М.Т. Гончарову и А.М. Дыхману. Необходимо отметить, что некоторые ученики Фаддеева стали крупнейшими астраханскими промышленниками.

Кроме завода Фаддеева, в 80-х годах возникли три фирмы: Сапожниковых, Муравьева и Родионова.

Первым был открыт механический завод рыбопромышленной фирмы «Братья Сапожниковы» на р. Малой Болде в 5 верстах от г.Ас-

трахани. Он просуществовал до 1900 г. За это время на заводе было построено несколько пароходов и произведен целый ряд судоремонтных работ. Руководителем завода был инженер К.А. Зворыкин, позднее профессор Харьковского технологического института.

Завод В.К. Муравьева (уроженца Владимирской губернии), служившего в астраханском порту, был устроен в пределах казенного эллинга, на 1-й Адмиралтейской улице. Первоначально появилась котельная мастерская, а затем и механическая с ручными станками для ремонта пароходных машин. Еще позднее была открыта медно-литейная мастерская, и завод начал постройку новых пароходов и баркасов. В 1900 г. в связи с установкой небольшого керосинового двигателя мастерская была расширена. Завод постоянно производил ремонт пароходов «Общества по Волге» фирмы Агабабова.

В конце 80-х годов на Форпосте был открыт небольшой завод М.Р. Родионова, первоначально занимавшийся ремонтом, а затем и постройкой паровых судов («горчицы»). Всего на заводе было построено 10 баркасов и 5 колесных пароходов мощностью от 18 до 50 номинальных сил.

Около 1895 г. на р. Малой Болде, рядом с заводом братьев Сапожниковых, был открыт небольшой механический завод бывшим управляющим завода П.Г. Кавальджи. На заводе занимались главным образом ремонтными работами, но, кроме того, было построено несколько новых небольших пароходов мощностью до 35 сил.[32]

В 1896 г. основал завод бывший служащий товарищества Нобель, инженер А.К. Норен, оборудовав его станками, купленными у наследницы Артемьева, а также взятыми с упраздненного завода Супука, позднее построившего небольшой заводик на эллинге. Завод Норен до 1911 г., когда умер его владелец, построил до 20 мелких паровых и тепловых судов, в том числе первое в Астрахани мелководное тепловое судно «Почин», предназначенное для ихтиологического исследования Волги. Он же первый в Астрахани выпустил со своего завода в

1902-1903 гг. реконструированный нефтяной двигатель системы «Аванс», получивший затем довольно широкое распространение в судоходстве. Наконец, на заводе Норена было впервые сконструировано и построено по проекту корабельного инженера Стенберга новое для Волги судно – железная рыбница с механическим двигателем. После смерти Норена завод перешел к его наследникам.

В том же 1896 г. был открыт на Форпосте завод Алексеева и Постнова, оборудованный также частью машин бывшего Артемьевского завода и существовавший до 1907 г., когда он был закрыт вследствие несостоятельности своих хозяев. За время существования заводом было построено 6 новых пароходов, в том числе «Современный» (100 сил) и др.

Также в 1896 г. Литров, служивший прежде машинистом на разных пароходах, построил на эллинге небольшой механический завод по производству небольших паровых машин, чугунного литья и пр.[33]

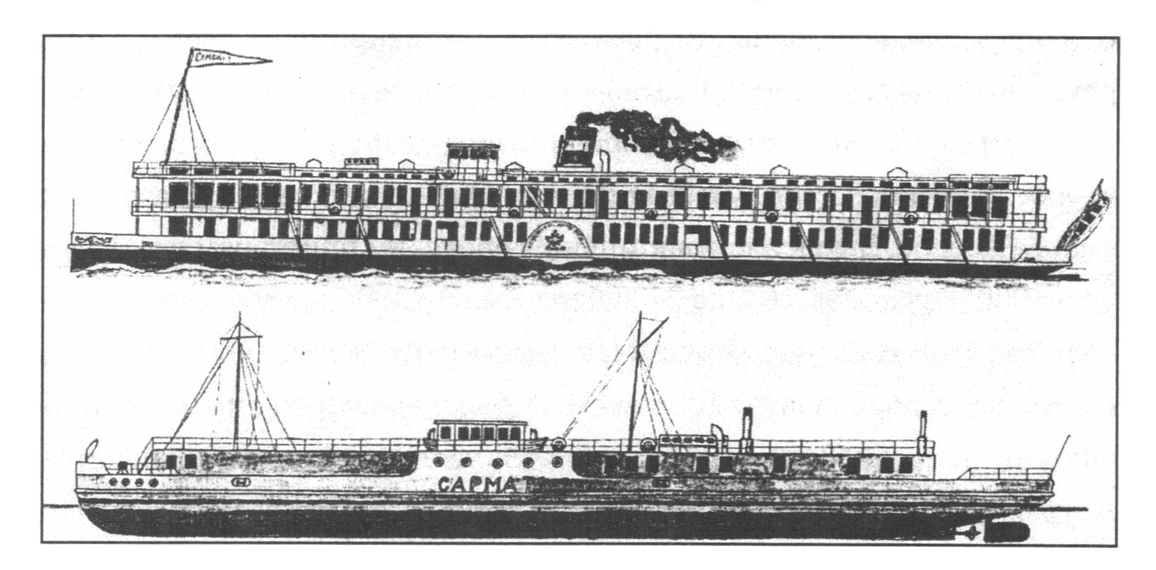
В 1897 г. была основана небольшая судоремонтная мастерская Д.А. Митрофанова. В 1903 г. он купил на берегу пристань и склады Ярославской мануфактуры и расширил мастерскую до размеров завода.[34]

Таким образом, во всех отраслях промышленности и в промыслах был очевиден прогресс, связанный с общими социально-экономическими процессами, происходившими в стране. Сельское хозяйство традиционно по темпам развития отставало от промышленности, но тем не менее во всех без исключения его отраслях было заметно поступательное развитие.

§3. Астраханский порт и развитие пароходства

В 1826 г. в Астрахань из Казани было переведено адмиралтейство. Так, в XIX в. был восстановлен Астраханский порт. В 1827 г. в старом порту было выстроено здание для присутственных мест, а все остальные здания адмиралтейства были построены к 1830 г.[1] Эллинги неоднократно переносились с одного места на другой вследствие понижения уровня воды в устье Волги. В 1846 г. на порт была возложена

обязанность содержания почтового сообщения с портами Каспийского моря, выполнявшееся им до 1860 г., когда оно было передано обществу «Кавказ и Меркурий». В 1854 г. началось преобразование порта, по окончании которого в 1857 г. он был возведен в ранг первоклассного.[2] В связи с преобразованиями здесь был основан казенный механический завод в порту, начавший работать в 1858 г., построен деревянный плавучий док, спущенный на воду в 1859 г. Вследствие этого деятельность порта оживилась: было построено четыре железных транспорта и собрано три парохода. В это же время в Астрахани строятся две частных верфи, получив от правительства подряд на постройку четырех винтовых транспорта для Каспийской флотилии. В 1860 г. началось строительство маяков на Каспийском море.[3]



Однако постройка морских судов в порту при все понижавшемся уровне воды в Волге, а также неудобстве сообщения с морем представляла большие затруднения, и в итоге адмиралтейство было решено перевести в Баку, что и произошло в 1867 г.[4] При этом территория порта со всеми строениями, в том числе и механическим заводом, состоявшим к тому времени из 13 мастерских, была передана в пользование обществу «Кавказ и Меркурий», которое организовало в порту ремонт своих морских и речных судов. Передача была произведена на

условии возврата порта со всеми строениями в целости по первому требованию морского министерства. Но затем, по представлению Комитета министров, последовало «Высочайшее повеление от 2 июня 1878 г.» на передачу порта в пользование обществу на все время его существования на Каспийском море.[5]

В последние годы существования Астраханского порта (до 1867 г.) его военная флотилия состояла из 18 паровых судов: 7 колесных пароходов, 4-х винтовых шхун, 3-х винтовых канонерных лодок и 4-х винтовых баркасов, а также 12 парусных судов. Для коммерческого судоходства Астраханский порт продолжал играть большую роль, являясь посредником в торговых сношениях с Кавказом, Персией, восточными и южными окраинами.[6] К порту по-прежнему приписывались торговые и пассажирские суда. Так, например, в 1888 г. к Астраханскому порту было приписано 90 паровых и 1152 парусных судна.[7]

Астрахань как портовый город по числу паровых судов занимала второе место в России, уступая только Одессе, а по числу парусных судов – первое. В течение навигации к городским пристаням прибывало до 900 пароходов, свыше 2700 барж, около 3000 прочих судов и более 60 плотов. На Волге, Болде и Цареве, на протяжении более 20 верст, находился целый плавучий город судов, население которого за навигацию превышало 60 тысяч человек. Количество грузов, прибывших в Астрахань в 1898 г., составило 333 млн. пудов, в том числе 290 – с Каспийского моря (из них 214 млн. пудов нефтяных продуктов) и около 43 млн. пудов с Волги. Количество отправленных грузов составило 254 млн. пудов (228 млн. пудов вверх по Волге и 26 млн. – в порты Каспийского моря). Весь же грузооборот Астраханского порта (с транзитом) составил 587 млн. пудов.[8] Являясь мощным перегрузочным пунктом для товаров, направлявшихся с Волги на Каспий и обратно, Астрахань в то же время вела торговлю товарами местного производства.

В начале XX века вновь поднимается вопрос о полном восстановлении Астраханского порта. Комитет министров, рассмотрев представ-

ление Министерства внутренних дел, полагал: временно, впредь до разрешения в установленном порядке вопроса о введении в г. Астрахани портового управления и речной полиции, образовать в городе «Комитет по делам, относящимся до нужд местного судоходства...». Далее незамедлительно последовало высочайшее утверждение: «Государь Император рассматривать и Высочайше утвердить соизволил, в Ливадии в 2 янв. 1901 г.». В соответствии с этим 2 марта 1901 г. вышло Распоряжение Правительства за №23 «Об образовании в г. Астрахани особого комитета по делам, относящимся до нужд местного судоходства».[9] Таким образом, порт в Астрахани был восстановлен. В 1904 г. к Астраханскому порту было приписано 163 паровых и 485 парусных судов. В 1908 г. по Каспийскому морю в Астрахань пришло 4588 судов, а отошло 5609. Как портовый город Астрахань по числу паровых судов вновь восстановил статус второго порта в России после Одессы.[10]

С развитием порта неразрывно связано развитие Волжского речного пароходства. Следует заметить, что 50-е годы были периодом расцвета пароходного дела на Волге. Почти все крупные акционерные пароходные предприятия, известные в конце XIX- начале XX в., берут свое начало в 50-х гг. XIX в. Из старых акционерных обществ товарищество «Самолет» довело свой флот к 1860 г. до 21 пассажирского парохода, распространив движение по всей Волге, а « Общество по Волге» построило 6 новых буксирных пароходов и в 1859 г., получив заказанные в Англии специально-пассажирские пароходы «Царь» и «Царица», открыло пассажирскую линию Казань-Астрахань, заключив в то же время соглашение с товариществом «Самолет» и обществом «Дружина» на перевозку пассажиров выше Казани. Была даже установлена пассажирская такса от Казани до Астрахани для пассажиров I, II и III классов.[11]

Кроме акционерных обществ, товариществ и компаний, в 50-е годы начали свою деятельность на Волге отдельные пароходовладельцы, создавшие со временем крупные предприятия.

Следует особо отметить факт установления непосредственной связи волжского парового судоходства с Каспийским морем путем слияния обществ «Кавказ» и «Меркурий». Образовавшееся общество «Кавказ и Меркурий» быстро завоевало успех на Волге и выдвинулось в первый ряд пароходных предприятий, постепенно приобретая, благодаря установленным связям с руководящими общественными кругами, некоторые специальные преимущества. Так, ему была передана по особому контракту с казной перевозка по Волге и Каспию войск, почты, различных казенных материалов и пр.

Грузовое пароходное движение к началу 60-х годов было распространено уже по всему волжскому бассейну, пассажирское же существовало только по самой Волге – от Твери до Астрахани, где ходили пароходы «Самолета», «Общества по Волге» и обществ «Польза» и «Дружина». Общее количество пароходов, осуществлявших движение в волжском бассейне к началу 60-х годов, состовляло уже около 220, из коих большая половина – 130 судов – принадлежала акционерным обществам, товариществам и компаниям, и только 90 пароходов были собственностью отдельных лиц.[12]

Фрахты в 50-х годах держались приблизительно те же, что и в начале появления на Волге пароходов, но коренным образом изменился сам характер судового промысла на Волге: невостребованным оказалось бурлачество. Большинство бурлаков переквалифицировались в грузчиков в портах и в судорабочих на пристанях.

Хорошим показателем развития пароходства явилось улучшение буксирного дела во второй половине 60-х годов. Аналогично буксирному активно развивалось на Волге и пассажирское пароходство.

В начале 50-х годов пассажирских пароходов было еще очень мало, особенно в низовых плесах Волги. В конце десятилетия до Астрахани ходил только один пассажирский пароход общества «Дружина», и все перевозки пассажиров совершались или на палубах буксирных пароходов, или на особых баржах, на которых уже начали оборудоваться

помещения 2-го и 3-го классов.

В 1860 г. четыре парохода «Общества по Волге» курсировали от Казани до Астрахани, а в 1861 г. товарищество «Самолет» установило уже постоянное пассажирское сообщение на всем судоходном протяжении Волги – от Твери до Астрахани.

В 1863 г. «Общество по Волге» открыло прямое сообщение от Нижнего Новгорода до Астрахани, установив таксу от Нижнего до Казани в ставках «Самолета».

Хороший доход пассажирских пароходств привлек к этому делу внимание других предпринимателей, и уже в 1865 г. количество пассажирских пароходов выросло до 120. К этому времени все вышеупомянутые общества, занимавшиеся перевозкой пассажиров, удлинили свои маршруты до Астрахани, а перевозка их на баржах прекратилась. Конкуренция, неизбежная в таких ситуациях, вызвала, с одной стороны, усовершенствование пассажирских пароходов, с другой – некоторое понижение проездной платы, особенно на низовых плесах, где конкуренция оказалась острее в связи с небольшим количеством пассажиров. С первых же шагов расширения пассажирских перевозок конкуренция отразилась на таксах «Камско-Волжского пароходства» и обществ «Дружина» и «Кавказ и Меркурий», которые установили на низовые плесы, начиная от Казани, новые ставки.

Но, несмотря на кажущуюся благоприятной ситуацию в пароходстве в 60-е гг., следует отметить, что почти полностью прекратилось возникновение новых акционерных пароходных предприятий. Из старых в эти годы увеличило свой основной капитал только одно товарищество «Самолет» (в 1861 г. на 500000 тыс. руб.). В 1863 г. оно было преобразовано в общество.

Общее количество пароходов, ходивших в волжском бассейне к началу 70-х годов, исчислялось в 388 единиц. Центральный статистический комитет признал эту цифру заниженной и дал иную цифру – 423 парохода.[13]

В начале 70-х годов отмечается упадок волжского судоходства. Причиной этому явился неурожай 1870 г., приведший к резкому падению грузооборота. Среди судовладельцев началась паника, последствия которой повлияли на фрахт. Почти все крупные, прежде всего специально-буксирные пароходства, закончили навигацию с убытком. Несколько лучше дело обстояло с перевозками пассажиров, ввиду чего некоторые буксирные пароходства открыли пассажирские линии, используя для них очень мощные буксирные пароходы. Но к середине 70-х годов ситуация изменилась к лучшему: грузооборот Волги снова поднялся.

Причинами падения фрахта в начале 70-х годов наряду с неурожаем явились конкуренция железных дорог, сеть которых быстро расширялась, захватывая и район Волги (в частности, Тамбово-Саратовская ж.д.), взаимная конкуренция самих пароходчиков и обмеление больших участков русла Волги.

Грузооборот Волги развивался очень медленно, со значительными колебаниями и перебоями, между тем строительство пароходов продолжалось, хотя и не с той интенсивностью, как в 50-60-е годы: в период 1857-1867 гг. было построено 228 пароходов, а в десятилетие 1867-1877 гг. – 166.[14]

Выход из кризиса был найден за счет усовершенствования конструкции паровых судов с введением нового, так называемого, американского типа – быстроходных и комфортабельных судов. Первая мысль о введении на Волге «американских» пароходов приписывается человеку, попавшему на Волгу уже в зрелые годы и сыгравшему крупную роль в волжском судоходстве, – Альфонсу Александровичу Зевеке. Это были первые волжские комфортабельные 2-3-х палубные суда. Первый свой пароход на Волге А.А. Зевеке назвал «Переворот» – и это был настоящий переворот в пассажирском пароходстве. Инициативу введения на Волге пароходов «американского типа» оспаривали у Камско-Волжского пароходства и А.А. Зевеке общество «Кавказ и

Меркурий», командировавшее в конце 60-х годов в Америку для детального ознакомления с новыми судами своего управляющего речным флотом, главного инженера. Корпус парохода и машина были заказаны в Бельгии, на заводе Коккериль, все же остальные работы по постройке были выполнены в собственных мастерских общества. Пароход, выпущенный летом 1870 г. и получивший, с особого разрешения, название «Император Александр II», был отделан с поражающей роскошью и внутри, и снаружи и обладал такой быстротой хода, какой волжские пароходы прежде не знали. В конце 70-х годов «Кавказ и Меркурий» имел уже четыре таких парохода грузоподъемностью от 30 до 35 тысяч пудов каждый.[15]

Начало 80-х годов в Волжском пароходстве отмечено кризисом, подобным началу 70-х: неурожай, снижение грузооборота, падение фрахта и т.п. Но к 1884 г. грузооборот Волги стал возрастать, достигнув 270 млн. пудов, что потребовало увеличения грузоемкости судов. Одновременно возрастал и поток пассажиров. Учитывая опыт Зевеке с пароходами американского типа, многие судовладельцы переделывали свои старые однодечные пароходы на двухдечные, надстраивая над первой палубой пассажирские этажи. Таким образом выработался особый – волжско-американский тип пароходов, получивший со временем широкое распространение. 13 пароходов американского типа обслуживали плес Нижний- Астрахань. Прогрессивное увеличение работы пассажирского пароходства – характерный симптом 80-х годов. Наиболее яркое проявление он нашел в обществе «Кавказ и Меркурий» при перестройке его флота. Перевозки буксирных судов общества осуществлялись не всегда ритмично. Перебои в работе вызывались чаще всего специфическими условиями данного пароходства. Так, например, увеличение грузовых перевозок в 1885 г. объясняется тем, что обществу казной был дан заказ доставить из разных пунктов Поволжья до Астрахани 2018000 пудов железнодорожных материалов для строившейся тогда Закаспийской железной дороги.[16] Количество гру-

зов было настолько велико, что общество вынуждено было часть своих грузов отдать на доставку другим судовладельцам.

Огромное значение для развития волжского судоходства и развития грузооборота в 80- е годы оказало появление на Волге нефти и необходимость ее транспортировки. Нефть начали перевозить по Волге еще в 70-х годах XIX в. в очень ограниченном количестве. Перевозка ее была неудобной и дорогой, так как нефть транспортировалась в эмалированных бочках по 20-25 пудов. С укупоркой и перегрузкой перевозка нефти от Астрахани до Нижнего расценивалась до 30 копеек с пуда, не считая доставки до Астрахани и стоимости самих бочек (12-14 руб. за штуку). К началу 80-х годов, вместе с начавшимся увеличением добычи нефти, был найден способ более удобной и дешевой ее перевозки.[17]

В 1873 г. братья Николай и Дмитрий Ивановичи Артемьевы, занимавшиеся перевозкой нефти из Баку в Астрахань обычным в то время способом – в бочках на парусных шхунах, впервые устроили, в виде опыта, в трюме кусовой лодки «Александр» особые ящики для налива нефти. Стенки ящиков и борта лодки имели воздушный промежуток, предохранявший лодки от затопления в случае нарушения обшивки. Выгрузка нефти из ящиков производилась ручным насосом. Опыт оказался удачным. В том же году Артемьевы построили баржу с такими же приспособлениями для перевозки нефти с астраханского взморья до Царицына, а в следующем, 1874 г., подобная баржа была отправлена ими с нефтью уже до Нижнего.[18] Вскоре на новшество Артемьевых обратила внимание крупнейшая нефтепромышленная фирма «Бр. Нобель». В 1876 г. Л.Э. Нобель, приехавший из Петербурга по приглашению брата на нефтеперегонный завод в Баку, заинтересовался новой технологией перевозки нефти братьев Артемьевых. Развив их идею, он вскоре разработал проект морского наливного парохода для перевозки керосина и предложил каспийским судопромышленникам построить его, гарантируя эксплуатацию парохода высоким фрахтом. Ког-

да это предложение (по инертности и нерешительности судовладельцев) не было принято, он заказал в Швеции (на заводе «Мотала») первую в мире наливную шхуну «Зороастр», которая в 1878 г. и прибыла по Мариинской системе и Волге на Каспий. Для транспортировки керосина по Волге Л.Э. Нобель приспособил сначала деревянные баржи с поставленными в их трюмах круглыми железными цистернами емкостью в 32 тысячи пудов. В 1881 г. им были построены два специальных наливных парохода – «Калмык» и «Татарин», грузоподъемностью каждый от 40 до 50 тысяч пудов с наливом керосина уже прямо в трюмы судов, разделенные железными переборками на ряд отсеков. Мазут также стали перевозить наливом – по Каспийскому морю в шхунах, а по Волге – в деревянных баржах, устраиваемых более основательно.[19]

Первоначально, однако, перевозка нефти по Волге была небольшой, транспортировался, главным образом, керосин. Но с удешевлением стоимости нефть была оценена как идеальное топливо.

В волжском флоте нефть впервые была широко применена в качестве топлива в 1884 г. обществом «Кавказ и Меркурий», начавшим использовать ее еще раньше в морском судоходстве. Цены на нефть в 1883 г. были следующими: в Астрахани – 9 копеек за пуд, в Саратове – 15 копеек, в Нижнем – 19 коп., а по контракту, заключенному обществом «Кавказ и Меркурий» с товариществом «Бр. Нобель», цены на нее в Астрахани были снижены до 8,5 копеек.

В 80-х годах перевозкой нефтяных продуктов занималась также фирма Н.И. Артемьева. За ней последовали пароходство И.В. Черкасова и несколько позже товарищество «Бр. Меркульевы». Н.И. Артемьев к концу 80-х годов имел пять буксирных пароходов общей мощностью в 300 номин. сил. На Каспийском взморье Артемьев держал свою пристань для приемки груза, а для перевозки его по Каспию – две деревянные наливные шхуны – «Ост-Индия» и «Вест-Индия». Перевозка нефти в деревянных баржах вызывала серьезные нарекания со

стороны общественности и рыбопромышленников, т.к. утечка нефти в воду приводила к загрязнению окружающей среды. Даже официальные контракты на перевозку нефти предусматривали утечку в пути от Астрахани до Нижнего для мазута – 10%, а для керосина – 15%, в действительности, утечка керосина была гороздо большей.[20] И уже к началу 90-х годов все фирмы начали переходить на железные суда.

Товарищество «Бр. Меркульевы» было учреждено в 1887 г. Оно состояло из предприятий трех братьев – астраханских купцов – Александра, Константина и Андрея Ивановичей Меркульевых. Товарищество ставило своей целью развитие пароходства по Каспийскому морю и рекам Волге, Оке и Каме и торговлю нефтепродуктами. Главная работа происходила на Каспии. Успешно развиваясь, товарищество в 1907 г. было преобразовано в акционерное общество «Океан».

Объем волжского парового флота непрерывно рос. По первой официальной переписи судов, произведенной министерством путей сообщения в 1884 г., он насчитывал 665 судов, при средней мощности одного судна в 72 силы. К началу 90-х годов, по данным второй судовой переписи 1890 г., он вырос уже до 1015 судов при понижении средней мощности судов до 68 сил на судно. Последнее обстоятельство можно объяснить увеличением числа мелких пароходов крестьянского владения. Наряду с ростом парового судостроения заметно сокращалось развитие непарового флота. По переписи 1895 г. количество паровых судов увеличилось по сравнению с 1890 г. на 377 и составило 1392 судна, а в 1900 г. – 1718 судов (увеличение против 1895 г. на 326 пароходов).

С развитием Волго-Каспийского флота существенно менялась социальная структура судовладельцев. Основная группа владельцев – купцы – продолжала развиваться: им принадлежало из общего состава парового флота – 48,47%. Значительно усилилась группа судовладельцев – крестьян, флот которых составил 27,18 % общего состава судов. Однако крестьяне в конце XIX в. владели преимущественно непаровыми судами. По количеству владения паровыми судами вслед за куп-

цами шли: акционерные пароходные общества, имевшие 15,76 % общего состава парового флота; неакционерные судоходные компании и торговые дома – 12,8% флота; дворяне (6,7%), крестьяне (4,13%) всего флота. Далее следовали более мелкие группы: казенных учреждений (3,35%), акционерных несудоходных обществ (3,25%), мещан (2,36%), неизвестных владельцев (1,97%), общественных учреждений (0,88%) и иностранных подданных (0,09%).[21] Представленная социальная структура судовладельцев убедительно доказывает серьезность и значимость социально-экономических отношений, сложившихся в обществе в конце XIX в.

§4. Общественно-политическая жизнь края во второй половине XIX века

60-е годы в России были отмечены оживлением общественного движения всех направлений и оттенков. Особенно популярной становилась народническая идея, хотя Астрахань находилась далеко от активных общественно-политических событий, однако их отголоски проявлялись и в нашем крае.

В конце 1861 г. в Петербурге сложилась революционная общерусская организация «Земля и воля». Она представляла собой своеобразную федерацию объединившихся различных конспиративных кружков и групп, возглавляемых Комитетом, но продолжавших действовать самостоятельно. О ее создании еще в мае-июне 1861 г. договорились Александр и Николай Серно-Соловьевичи, Н. Обручев, А. Слепцов и А. Путята. Идею создания «Земли и воли» активно поддержал Н.Г. Чернышевский, а Герцен и Огарев оказывали ей всяческую помощь, как в своих печатных изданиях, так и организацией сбора денежных средств. В конце 1862 г. был образован ее руководящий центр – «Русский центральный народный комитет». «Комитеты» были образованы также в Нижнем Новгороде, Курске, Астрахани и др. городах. Александр Слепцов летом 1862 г. отправился в города Поволжья, организо-

вав комитет и в Астрахани.

С деятельностью «Земли и воли» связаны имена общественных деятелей, имевших какое-либо отношение к Астрахани.

Одним из основателей и руководителей «Земли и воли» был Сергей Степанович Рымаренко.

Как политически неблагонадежный, он был арестован в Петербурге 30 мая 1862 г., судим и сослан в Астрахань в январе 1865 г., где был назначен секретарем губернского статистического комитета. Человек широких взглядов, он явился инициатором создания в Астрахани воскресных школ. Сергей Степанович был другом Н.Г. Чернышевского и единомышленником Н.А. Серно-Соловьевича.[1]

В августе 1865 г. в Астрахань как неблагонадежный был выслан Андрей Иванович Фортаков – сын астраханского купца. Учился в астраханской гимназии вместе с А. Никольским. С 1863 по 1865 гг. был вольнослушателем С.-Петербургского университета. Его брат Автоном также привлекался по делу Каракозова, покушавшегося на жизнь Александра II.

Петр Шестоперов – астраханец, привлекался по делу «Казанского заговора», выслан в Астрахань в декабре 1864 г. Участником «Казанского заговора был и Алексей Яковлевич Щербаков – сын есаула Астраханского казачьего войска. После окончания астраханской гимназии поступил в Казанский университет, на медицинский факультет. За участие в заговоре был исключен из университета, арестован в 1863 г. а в 1864 г. был приговорен к каторжным работам на 10 лет. Судьба его сложилась интересно: ему удалось бежать из Казанской тюрьмы, после чего он жил в Женеве, принимал участие в редакции «Народного Дела», затем переехал в Берн, жил бедно, ему помогал Герцен.[2]

В связи с делом о «Казанском заговоре» был арестован ещё один астраханец – Алексей Андреев (1838 г. рожд.). Он был приговорён к каторжным работам, затем помилован с отдачей под надзор полиции

на 3 года.[3]

За участие в студенческих волнениях в 1861 г. был арестован Василий Васильевич Васильев, в 1862 г. – повторно. Приговорен Сенатом и выслан под строгий надзор полиции в Черный Яр, затем, в 1868 г. переведен в Астрахань.[4] Аналогична судьба и Ивана Васильевича Понятовского: за участие в студенческом кружке Заичневского он был арестован в 1861 г., судим по «Делу 27-ми», арестован вторично в 1862 г., выслан в Белозерск, а в 1863 г. – в Астрахань.

По данным Астраханского полицейского управления в 1863 г. в Астрахань и Астраханскую губернию было сослано 83 «политических преступника».

С декабря 1862 г. в Астрахани отбывал ссылку В.В. Берви-Флеровский, – выдающийся русский социолог, экономист и публицист. Он сразу же начал глубоко изучать экономику края, социальные отношения, быт. Накопленный материал вошел в книгу «Положение рабочего класса в России» (1869). Находясь в Астрахани, В. Берви выступал с идеей необходимости передачи всей земли крестьянам. За «вредную» пропаганду через полгода он был арестован и отправлен в казанскую тюрьму.[5]

Некоторое время жил в Астрахани П.И. Якушкин – двоюродный брат известного декабриста И.Д. Якушкина. Длительное наблюдение полиции за деятельностью П.И. Якушкина – ученого-этнографа, изучавшего быт и фольклор русского народа, завершилось ссылкой его из Петербурга в провинцию. Вначале он был поселен в Орловской губернии. 18 апреля 1868 г. П.И. Якушкин в сопровождении «жандармов Воронежского наблюдательного состава» был доставлен в Астрахань, а затем препровожден под конвоем в Красный Яр. Он и здесь не прекращал заниматься этнографией, записывая местный фольклор, обрабатывая дневниковые записи. На страницах газеты «Астраханский справочный листок» печатались отрывки из его «Путевых писем», которые позже в полном виде были опубликованы на страницах некра-

совского журнала «Отечественные записки». От жителей губернии он собрал немало рассказов и преданий о Степане Разине и Емельяне Пугачеве.

В 1870 г. Якушкин был переведен из Красного Яра в Енотаевск. Здоровье писателя ухудшалось. Уже будучи тяжело больным, П.И. Якушкин написал один из лучших своих очерков «Бунт в селе Никольском», в основу которого был положен подлинный факт: возмущение солевозцев с. Никольское Енотаевского уезда неправомерными действиями купца, подрядившего их на работы (весной 1868 г.). Суд над бунтовщиками состоялся 15 февраля 1871 г. Они были оправданы за «отсутствием состава преступления». Очерк писателя-демократа появился на страницах журнала «Новое время» в 1881 г.

За время астраханской ссылки Якушкин дважды подавал прошение в МВД, добиваясь разрешения жить и работать в каком-либо другом городе. В сентябре 1871 г. разрешение было получено, и он был отправлен из Енотаевска в Самару, где вскоре умер.[6]

Революционное народничество 70-х также оставило свой след в истории Астрахани.

Николай Михайлович Никольский (род. в 1854 г.), окончив Астраханскую гимназию, поступил в Медико-хирургическую академию в Петербурге. Входил в кружки народников. За политическую неблагонадежность в августе 1881 г. выслан под надзор полиции в Астрахань, работал врачом-ординатором, принадлежал к обществу «Земля и воля», судим по «Делу 58-ми». Будучи ещё студентом Петербургской академии, он был другом и сподвижником В. Плеханова, В. Фигнер. В Астрахани встречался с Н.Г. Чернышевским.[7]

В Исполнительный комитет «Народной воли» входил Александр Парфентьевич Григорьев ,один из активных участников народнического движения. Долгие годы провел в ссылках. В 1909 г. поселился в Астрахани.[8]

Членом «Земли и воли» был Владимир Павлович Дружинин – мор-

ской офицер, после раскола «Земли и воли» вошел в «Черный передел». За политическую деятельность был уволен со службы, арестован и сослан в Астрахань, где находился под надзором полиции с 1885 по 1888 гг.[9] За революционную деятельность был судим по «Делу 58-ми».

Участником «хождения в народ», отправившимся в Астраханскую губернию, был член оренбургской народнической организации Петр Петрович Воскресенский. О его знакомстве с жизнью и положением рабочих рыбных промыслов свидетельствует написанная им статья «Рабочие на рыбных ватагах в Астраханской губернии». П.П. Воскресенский (род. в 1852 г.) был студентом МХА. В 1872 году жил в «коммуне» В.С. Ивановского, был арестован и привлечён к дознанию по делу Зубриловых. Дело было прекращено. По процессу «193-х» был признан невиновным.[10]

Антон Владиславович Урсын учился в Петербургском университете, за участие в студенческих сходках был сослан в Житомир, где продолжал заниматься революционной пропагандой. Был сослан в Архангельскую губернию, а в апреле 1878 г. – переведен в Астраханскую губернию, в Красный Яр, затем в Астрахань, где до 1884 г. находился под негласным надзором полиции. Неблагонадежным был признан и ревизор Астраханской контрольной палаты Николай Николаевич Милютин, за что с 1879 г. находился под негласным надзором полиции, как и его жена – Жозефина Милютина.

Возвращение Н.Г. Черньшевского из Сибири и перевод его в Астрахань – еще одна страница общественной жизни Астраханского края. Согласно рапорту полицмейстера от 28 октября 1883 г. астраханскому губернатору «Чернышевский прибыл в Астрахань в 10 часов утра 27 сего окпября».[11] В Астрахани Чернышевского невозможно было изолировать от общественности. Будучи под надзором, он все же общался и с приезжавшими к нему друзьями, с астраханцами, устанавливал новые знакомства.

Мы мало знаем о том, что представляла собой местная демокра-

тическая интеллигенция, из среды которой у Чернышевского находились знакомые, люди, с которыми ему интересно было общаться. Одним из таких знакомых был врач Семен Моисеевич Попов, которому писатель дарил переведенные им тома «Всеобщей истории» Вебера. С.М. Попов охотно оказывал помощь ссыльным, в его доме можно было познакомиться с новинками передовой литературы и даже с нелегальными изданиями.[12]

Таким образом, Астрахань, как один из окраинных городов России, в 60-е годы и позже был местом ссылки. В архивах канцелярии губернатора, полицейского и жандармского управлений хранятся сведения о лицах, находившихся под наблюдением, подчиненных гласному или негласному надзору полиции, высланных из центральных губерний, перемещенных из Сибири, из Архангельской или Вологодской губерний, «водворенных» в Астрахань «за государственное преступление», «за противуправительственную агитацию», «за вредное направление», «за политическую неблагонадежность» и даже «за сомнительную благонадежность». Такого рода «неудобных людей», в том числе и местных уроженцев, в период пребывания Чернышевского (1883-1889 гг.) насчитывалось только в самом городе до полусотни. В их числе можно найти участников почти всех важных этапов и эпизодов общественной жизни второй половины XIX столетия – от первой «Земли и воли» до студенческих волнений 80-х годов и либерально-оппозиционных настроений и движений.

Из круга общения Чернышевского явно выделяется уже упоминаемый ранее Николай Михайлович Никольский. Доктор Никольский был человеком смелым и не считал нужным осторожничать из-за боязни преследования со стороны жандармских властей.[13] А в бумагах 1884 г. находим такую характеристику, данную полицмейстером Инковским: «...Вращается преимущественно среди лиц, состоящих под надзором полиции по политическим делам и видимо сочувствует им, так: он лечит всех означенных лиц, присутствует при отъезде каждого

из тех, которым оканчивается срок надзора, а по приезде в Астрахань государственного преступника Чернышевского, встретив его на лестнице, в гостинице Смирнова, с видимой радостью бросился к нему в объятия, целовал и высказывал удовольствие по случаю возвращения из Сибири и прибытия в Астрахань».[14] В гостинице Смирнова Чернышевский поселился 27 октября 1883 г. и жил там три дня. О первых днях пребывания Чернышевского в Астрахани сообщал выходивший тогда нелегально в Москве студенческий журнал «Союз».[15] Н.М. Никольский стал домашним врачом семьи Чернышевских. Знакомство доктора с Чернышевским сразу же отразилось на «аттестациях», которыми снабжались ежегодные списки поднадзорных, отсылавшиеся в департамент полиции. В «Агентурных сведениях 25 марта 1884 г.» указывалось, что в этот день «от 8 до 9 1/2 вечера в квартире Чернышевского был Петр Алексеевич Алеев». П.А. Алеев служил кассиром в Астраханском обществе взаимного кредита , сослан в Астрахань как участник «казанского заговора» в 1863 г.

Согласно записи в «Книге астраханского полицмейстера» 3 марта 1885 г. Н.Г. Чернышевского посетил А.И. Виддинов, помощник ревизора астраханской контрольной палаты.[16] А.И. Виддинов – земляк Николая Гавриловича, окончил духовную семинарию, служил в Саратове в книжном магазине, был учителем в приходской школе. В 1874 г. он получил и хранил у себя привозимые из Москвы ящики с листами отпечатанной в тайной типографии Мышкина книги «История одного французского крестьянина». А.И. Виддинов привлекался и был судим по делу «193-х».[17]

Самой значительной «политической» фигурой, с кем познакомился Чернышевский в Астрахани, это, несомненно, был Павел Маркелович Никольский. П.М. Никольский родился в Астрахани, в дворянской семье; в 1861 г. окончил с серебряной медалью Астраханскую гимназию и поступил в Петербургский университет. Уже в 1863 г. оказался участником студенческих волнений, распространял воззвания «Земли и

воли», попал под надзор полиции. Страдая туберкулёзом, Павел Маркелович получил в 1863 г. отпуск домой для лечения кумысом, но был возвращен в Петербург для допроса в Сенате. Летом 1864 г. П.М. Никольский, ехавший на пароходе из Астрахани до Нижнего, познакомился с Н.А. Ишутиным. Затем в Петербурге Павел Никольский вместе с товарищами организовал побеги арестованных революционеров. Так, он участвовал в подготовке побега Ярослава Домбровского. Затем П.М. Никольский был под следствием по делу о побеге и укрывательстве польских революционеров П. Юндзилла и Т. Олтаржевского. После этого, не получив диплома, он был отчислен из университета. После покушения Д. Каракозова на Александра II (4 апреля 1866 г.) Никольский оказался под арестом и заключен в Петропаловскую крепость. Он был «уличен в близких сношениях с государственным преступником Иваном Худяковым».[18] Но виновность его не была доказана и в октябре 1866 г. «как личность вредная в политическом отношении» он был отправлен в Астрахань под надзор полиции. В Астрахани П.М. Никольский служил в заведении искусственных минеральных вод при аптеке Пясецкого, занимался химическими исследованиями, но от своих прежних взглядов не отказался. В 1882 г. при проведении обыска в Одессе у Адама Бяловесского были найдены письма от проживающего в Астрахани Никольского, содержание которых подтверждало подозрение «об участии Бяловесского в снабжении бежавшего за границу Германа Лопатина деньгами...». На этом основании у П. Никольского в Астрахани был произведен обыск. Он был привлечен к дознанию по обвинению в государственном преступлении, но дело было разрешено в административном порядке. С 30 июня 1884 г. ему было предписано постоянное жительство в Астрахани.

С 1884 г. Н.Г. Чернышевский посещал Общественную библиотеку, где познакомился со служившей там женой П.М. Никольского Елизаветой Ивановной. Из ее воспоминаний известно, что она тайком от своего начальства снабжала писателя газетами, которые ссыльным

выдавать из библиотеки не разрешалось.

К «неблагонадежным» относился также ещё один врач Н.Г. Чернышевского – Людвиг Зенон Матвеевич Буйко.

Астраханский период – это особый период в жизни и творчестве Н.Г. Чернышевского. Он приехал в Астрахань полный разнообразных творческих замыслов и смелых планов. Но ни одному из них не суждено было осуществиться. Мемуары, статьи писателя, 3-е издание «Эстетических отношений искусства к действительности» с полным предисловием – все эти работы, подготовленные в период астраханской ссылки, не были опубликованы при жизни автора. Книгу «Материалы для биографии Н.А. Добролюбова» (СПб., 1890) запретили тотчас после ее выхода в свет. В Астрахани он написал повесть «Вечера у княгини Старобельской».[19]

Итак, общественная жизнь города во второй половине XIX века претерпевала всевозможные изменения. Она становилась все более активной и насыщенной. Открывались новые (частные) типографии, выходили в свет новые газеты. Наряду с действовавшей губернской типографией в 60-е гг. открываются частные типографии В.Е. Лесникова (1862), Н.Д. Маслова (1866), Н.В. Попова (1866).[20]

Губернская типография возобновила прерванный в середине века выпуск газеты «Астраханские губернские ведомости».

Астраханское издательство страдало общими для провинции недугами: проблема читательского спроса, недостаток средств и кадров. Людей, интересующихся и, тем более, занятых литературной и научно-издательской деятельностью, в Астрахани было немного. В 60-70-х гг. XIX века был заметный рост числа провинциальных газет, которые как бы в миниатюре повторяли общую историю русской газеты. Печатались они в качестве приложений к губернским ведомостям, включали в себя отчеты о деятельности различных обществ, городских дум и управ, объявления о розысках и торгах, о происшествиях, сведения о приехавших, а также заметки и статьи, касающиеся местных вопро-

сов. «Прибавления» к губернским ведомостям, как их тогда называли, содержали интересные сведения по садоводству и огородничеству, советы хозяйкам.

Другим периодическим изданием являлся «Астраханский листок», который в первые три года существования выходил ежедневно. С 1869 г. стал выходить три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам. Первый номер вышел под названием «Астраханский справочный листок» 25 марта 1866 г.[21] Газета просуществовала до 1918 г. «Листок» живо и серьёзно обсуждал проблемы города, чем вызывал неудовольствие Городской Думы и Городской Управы. Но астраханское общество полюбило эту газету. Об этом свидетельствует возрастающий тираж – до 1000 экземпляров (800 из которых рассылались подписчикам).[22]

Были в Астрахани и другие периодические издания. К ним относится «Восток» – еженедельная газета (журнал) с ежемесячным приложением литографированных картин. Первый номер вышел 1 июля 1866 г. Печатаясь в частной типографии Лесникова под редакцией П. Кашперова, выходил всего два года: 1866-1867. Газета «Восток» была интересным местным изданием и успела привлечь лучшие литературные силы края. Кроме того, газета перепечатывала интересные материалы из «Северной Почты», «Русского Инвалида» и «Кавказа».[23]

«Астраханские епархиальные ведомости» – официальная газета, издаваемая Астраханской епархией с 1875 г.

«Астраханский вестник» – торгово-промышленная, общественно-политическая и литературная газета (как значилось в самом подзаголовке газеты). Издавалась ежедневно начиная с 15 апреля 1889 г. С 1906 г. она фактически превратилась в орган партии «народной свобод» (кадетов) и была закрыта в 1918 г.

Особенно следует отметить частную газету Поволжья – «Волгу». 1 января 1862 г. вышел ее первый номер, в котором газета объявила себя «вестником промышленности, торговли и общественной жизни

Приволжского и Прикаспийского края». Редактором и издателем газеты стал В.А. Бенземан, «человек пылкий и предприимчивый».[24] Редакция «Волги» в своем обращении к читателям отмечала, что «Когда областная жизнь начала вступать в свои права, она с каждым днем делается все более сознательной. Общество перестало жить наобум и ощупью, сделалось восприимчивее и, вследствии этого, требовательнее, оно захотело осмыслить новые явления, происходившие до того незамеченными».[25] «Волга» была прогрессивным органом, сумевшим затронуть ряд важных для Поволжья вопросов и проблем. Ее появление пробудило общественную активность, способствовало формированию местных кадров журналистов, расширяя тем самым возможность для появления новых изданий.

Хотя общественно-политическая жизнь в Астраханской губернии во второй половине XIX в. не приобрела общероссийского резонанса, однако налицо было ее оживление, связанное с изменениями в политической ситуации в России.

§5. Политические партии и общественные движения в Астраханском крае в конце XIX- начале XX века

Бурные события в общественно-политической жизни на рубеже XIX-XX вв. характеризовались повышением активности различных слоев российского общества как в столичных городах, так и в провинции.

В Астраханском крае создавались различные политические группы, партии, общественные движения, идентичные общероссийским. Активно проявляли себя профессиональные организации «союза моряков» торгового флота, «Волжская судоходная организация», профессиональные движения бондарей, металлистов, конопатчиков, печатников и т.д.

Кроме того, здесь действовали политические партии и общественные движения национального толка: армянская революционно-социа-

листическая партия «Дашнакцутюн» , Пойалейцион (еврейская социал-демократическая партия), мусульманское общество «Менджлис Шурай Ислам», мусульманская организация левых социалистов-революционеров, интернационалистов и др.[1]

Астраханский край традиционно являлся местом политической ссылки. В 1899 г. здесь насчитывалось примерно 45 человек политически неблагонадежных, сосланных из Москвы, Варшавы, Петербурга, Киева, Иваново-Вознесенска, Вильно и других промышленных центров. Среди них особо выделялись Ю.Д. Мельников, П.В. Точисский, Л.М. Книпович, О.А. Варенцова, И.Ф. Дубровинский. Почти половина ссыльных проживала в самом губернском городе.[2] Особо выделялся в Астрахани ссыльный Ю.Д. Мельников. Ему быстро удалось организовать два нелегальных кружка – один из ссыльно-политических, другой – из городских рабочих на заводе Митрофанова. Но Ю.Д. Мельникову не удалось завершить начатое дело по созданию социал-демократической организации в Астрахани. В возрасте 32 лет, в 1900 г. он скоропостижно скончался. Его дело было продолжено и завершено агентами ленинской «Искры» Л.М. Книпович, А.М. Руниной, И.Ф. Дубровинским и др. В 1901 г. в Астрахани насчитывалось 12 марксистских кружков, в которых состояло свыше 70 человек. Из них и образовалась в этом же году Астраханская группа РСДРП.[3]

В 1902 г. она имела уже 20 кружков, в которых насчитывалось свыше 80 человек,[4] в 1903 г. – 26 кружков, объединявших около 100 человек.[5]

В мае 1903 г. был создан Астраханский комитет РСДРП. В его состав вошли: А.М. Рунина, И.Ф. Дубровинский, Б.В. Авилов, С.К. Вржосек, А.А. Балуев. В сентябре 1903 г. Астраханский комитет РСДРП был утвержден ЦК партии.[6]

В целом астраханская социал-демократическая партия после раскола РСДРП в 1903 г. восприняла большевистские позиции. В большинстве своем она придерживалась их в ходе развернувшейся дискус-

сии между большевиками и меньшевиками в 1904 г.

Однако и в рядах Астраханской группы РСДРП не было единства, о чем свидетельствует факт создания меньшевистской группы РСДРП во главе с меньшевиком В.К. Сережниковым.

Подъем революционного движения в 1901-1904 гг. сопровождался ростом и укреплением социал-демократической организации в Астрахани, которая в начале 1904 г. насчитывала около 180 членов партии. Однако многочисленные аресты в марте 1904 г. значительно ослабили ее большевистское крыло. 5 февраля 1905 г. Н.К. Крупская писала: «Что делается на востоке, неизвестно. Астрахань и Саратов были когда-то очень резкими сторонниками большинства, но что там теперь делается, неизвестно».[8]

В период революции 1905-1907 гг. Астраханская социал-демократическая организация возглавила массовые политические демонстрации, провела ряд отраслевых и всеобщих стачек и вовлекла в революционную борьбу против самодержавия самые широкие массы трудящихся.

Представители Астраханской группы РСДРП принимали участие в работе IV и V съездов партии, проявили активное бойкотирование выборов в I Государственную думу (март-апрель 1906 г.). Однако бойкот не дал желаемых результатов. Государственная дума была созвана, но, не оправдав надежд царского самодержавия, 8 июля 1906 г. она была им разогнана. При выборах II Думы астраханские большевики выступили в блоке с кадетами, выставив, однако, свою кандидатуру. Но депутатом был избран кадет Л.А. Шмарин, получивший 50 голосов.[9]

В III Государственную думу большевики Астрахани, не пройдя предварительного отбора, сняли своих кандитатов и голосовали за кадетов.[10]

Таким образом, с конца 1905 г. в Астраханской социал-демократической организации стало заметно преобладать меньшевистское на-

правление.

В то же время астраханские социал-демократы стояли во главе наиболее многочисленных профсоюзных организаций и использовали их для усиления борьбы рабочего класса против самодержавия.

В конце марта 1907 г. в Астрахани по инициативе большевиков был создан «Союз безработных», возглавил который социал-демократ П.Я. Беликов. Но, не успев возникнуть, союз тут же был ликвидирован местной властью.[11]

Практически, после революции 1905-1907 гг. Астраханская группа РСДРП утратила свои прежние позиции, хотя они и ранее не отличались прочностью. К весне 1908 г. парторганизации как таковой реально уже не существовало. Сохранился лишь комитет РСДРП, но без организации он ничего не значил. Его попытки возродить деятельность фракции через создание новых кружков РСДРП также не имели успеха. Наконец, полный провал при попытке собрать общегородскую партийную конференцию 21.IV.1908 г. (прибыло всего 18 человек, да и то не единых по своим идейным убеждениям) поставил на повестку дня вопрос о ликвидации Астраханской группы РСДРП.[12]

Более-менее реальной общественной силой в г. Астрахани в этот период являлись профсоюзные организации. О их состоянии дает представление характеристика, данная в письме саратовского представителя РСДРП, побывавшего в Астрахани в 1908 г. по партийным делам. Он откровенно пишет: «...В настоящее время в Астрахани насчитывается около 6 профсоюзных организаций – бондарей, плотников, сапожников, столяров и общество взаимопомощи купеческих приказчиков. Из них столяры, плотники, сапожники насчитывают два-три действительных членов и то они накануне смерти, а у бондарей 250 действительных членов из 3 тысяч рабочих, публика эта довольно серая. В союзе хищения, довольно у них частые явления, чем подорвано доверие широких масс бондарей. Союз конопатчиков имеет членов сотни полторы. Публика довольно дикая. Центральное бюро профессиональ-

ного союза в настоящее время не функционирует... самой сильной организацией является общество взаимопомощи купеческих приказчиков... У приказчиков за последнее время крепнет тенденция преобразовать их в общество в строго профессиональную организацию».[13]

Следует при этом заметить, что фракция РСДРП никакого отношения к формированию перечисленных в письме «Старого знакомого» профсоюзных организаций не имела. Это еще одна из причин решения о ликвидации Астраханской группы РСДРП в апреле 1908 г.

Постепенное оживление политической активности населения в Астрахани началось с новым революционным подъемом в стране. К этому времени в Астрахань в ссылку стали прибывать некоторые видные и активные социал-демократы. Они и стали инициаторами восстановления астраханской социал-демократической партии. Среди них следует особо назвать А.Е. Трусова, Н. Нариманова, К.Э. Гейнриха, И.П. Гольденберга, И.К. Скворцова (Степанова), С.Г. Шаумяна.

В воспоминаниях большевика Г.М. Мелькумова, относящихся к этому периоду, говорится: «...хотя большевистская группа была небольшая... она вела решительную борьбу, за сохранение нелегальной партийной организации, не отказываясь одновременно использовать и легальные возможности. Наша группа усиливалась разновременно сосланными товарищами большевиками в Астраханскую губернию: Степанов – Скворцов, Степан Шаумян и др...»[14]

Таким образом, концентрация в Астраханской губернии ряда активных деятелей РСДРП с широким кругом связей и авторитетом, их деятельность позволили возродить большевистскую организацию. Это вынужден был констатировать начальник Астраханского главного жандармского правления (АГЖУ): «...среди революционных организаций г. Астрахани главным образом российской социал-демократической партии в последнее время наблюдается необычный подъем».[15]

Но начало Первой мировой войны резко изменило всю обстановку. Последовали репрессии против наиболее активных передовых ре-

волюционеров, были закрыты профсоюзы и т.д.

Война ухудшила положение трудящихся, выросли цены на продукты питания, предметы первой необходимости. В Астрахани произошли массовые волнения, изрядно перепугавшие не только местную, но и центральную власть.

С целью дезорганизации революционной деятельности начались аресты наиболее авторитетных социал-демократов. Одним из первых был арестован А.Е. Трусов[6]: его арестовали 28 марта 1915 г., затем, после полугодового пребывания в тюрьме, выслали в Самару.[17]

Из документов астраханской жандармерии известно, что в 1915 г. в Астрахани существовала «Инициативная группа РСДРП», проводившая агитацию против войны, призывавшая бойкотировать военно-промышленные комитеты, собиравшая средства на рабочую печать и партийные нужды.[18]

После февральских событий 1917 г. внутри Астраханской организации РСДРП усиливается борьба большевиков с меньшевиками. В августе 1917 г. большевики оформляются в самостоятельную партийную организацию, создают свой большевистский Комитет РСДРП, начинают издавать газету «Астраханский рабочий» и проводить работу среди рабочих и беднейшего ловецко-крестьянского населения края. Усилившееся в августе 1917 г. забастовочное движение в Астрахани проходило под большевистскими лозунгами. В сентябре 1917 г. на общегородской конференции фабрично-заводских и судовых комитетов рабочие массы поддержали большевиков. Укрепились большевики в Совете рабочих и солдатских депутатов. Накануне октябрьских событий в Петрограде Астраханский комитет РСДРП(б) имел уже прочные позиции в профессиональных союзах, т.е. среди основного костяка кадровых, фабрично-заводских рабочих.

Наряду с РСДРП одной из заметных в Астраханском крае являлась революционная партия социалистов-революционеров, хотя она и не играла большой роли в развертывании революционной борьбы ас-

траханских рабочих. Начальник губернского жандармского управления доносил в 1905 году в департамент полиции, что «организация эсеров незначительная, она ограничивается разброской в небольшом числе листовок. Чаще всего эти листовки выпускаются после одного из политических убийств, приписываемых социалистами-революционерами членам своей партии, и заключают восхваление этого преступления».[19]

Астраханская организация эсеров входила в Поволжский областной комитет. В начальный период ее деятельность более активно проявлялась в Астрахани, Черном Яру, Енотаевке, связь с сельским населением осуществлялась слабо.

Села западной части губернии – Никольское, Заплавное, Пришиб, Колобовка и Капустин Яр находились под влиянием Царицынского комитета социалистов-революционеров.[20]

Астраханская партия социалистов-революционеров, возникнув в 1903 г., к 1906 г. насчитывала 469 человек.[21]

Организация имела подпольную типографию, «боевой летучий отряд защиты безработных», «боевую дружину», «крестьянские братства». Социальную базу астраханских социалистов-революционеров составляли почтово-телеграфные чиновники, владельцы аптек, приказчики, конторщики, сапожники, фотографы, смотрительницы больниц, чертежники, управляющие заводами, котельщики, конопатчики, крестьяне и др.[22] Таким образом , эсеры в годы революции (1905 – 1907 гг.) пользовались довольно широким влиянием среди различных слоев населения, части рабочих, крестьянства.

Наиболее видным деятелем партии эсеров Астраханского края являлся бывший учитель приготовительного класса Грозненского начального училища К.И. Бакрадзе, высланный в Астрахань в августе 1907 г.[23]

По прибытии в г. Астрахань К.И. Бакрадзе стремится активизировать деятельность местной организации эсеров. В этих целях в ночь на

24 августа на квартире мещанина П. Мелешко состоялась конференция, на которой предполагалось выбрать новых членов комитета и решить некоторые организационные вопросы. Однако по тайному доносу ее участники в количестве 21 человека были арестованы, а К.И. Бакрадзе заключен в Астраханскую тюрьму. В феврале 1908 г. он был освобожден из-под стражи и выслан в Черный Яр под гласный надзор полиции.[24]

В Астраханском крае при губернском комитете партии эсеров действовали «боевая дружина», «крестьянские братства», «боевой летучий отряд защиты безработных». Созданные в Капустином Яру, селах Колобовке, Заплавное, Пришиб «крестьянские братства» занимались распространением прокламаций, листовок. В Капустином Яру ими был ограблен почтово-телеграфный отдел, взято из его кассы 4107 рублей. Кроме того, полицией было предотвращено ограбление Астраханско-Красноярского банка.[25]

Социалисты-революционеры Астраханской губернии создавали кружки для самообразования крестьян, такие кружки были созданы в Райградской, Светлоярской, Ветлянской волостях, станице Князевской и др. В кружки вовлекались и пришлые люди, недовольные тяжелыми условиями жизни.[26]

Такой же деятельностью занимался Астраханский «боевой летучий отряд защиты безработных». Особенно частыми ограблениями отмечен 1908 г., о чем свидетельствуют материалы АГЖУ.[27]

Активное участие астраханские эсеры приняли в предвыборной кампании во II Государственную думу, единодушно поддержав линию ЦК партии эсеров по всем программным позициям и положениям.

В 1908 г. в Астрахани принимаются меры по активизации деятельности Волжской организации партии социалистов – революционеров. Наиболее видным деятелем этой организации являлся А.П. Коровин, машинист парохода «Красноводск». Он предлагал возобновить работу организации в период стоянки пароходов на зимовке, приобрести

типографию, заняться агитацией среди работников судоходства. С его помощью в Астрахань начинает поступать нелегальная литература из Санкт-Петербурга, в том числе журнал «Маяк». Эта литература распространялась среди пароходских служащих и рабочих товарищества «Бр. Нобель», 26 судов которого зимовали в г. Астрахани. В ноябре 1908 г. по предложению А.П. Коровина работники пароходства провели собрание в квартире Н.А. Поленова. На состоявшемся собрании обсуждались вопросы создания организации на караванах судов, о распространении литературы.[28]

Следует заметить, что до февральских событий 1917 г. астраханские социалисты-революционеры особой роли в политической жизни края не играли, а их практические дела зачастую отталкивали от них население. Это говорит о том, что партия еще не оформилась организационно, слаба она была в теоретическом плане, не было и авторитетных лидеров.

Февральские события в центре России стимулировали политическую активность всех партий, в том числе и эсеров. В Астрахани это выразилось прежде всего в ее количественном росте. На некоторых предприятиях в день записывалось в ряды партии до 50 человек.[29] Началась более-менее организованная пропаганда программных материалов партии.

Астраханские социалисты-революционеры в целях перестройки работы в новых революционных условиях 28 мая 1917 г. провели общее собрание членов своей партии. На собрании был заслушан доклад временного губернского комитета, сложившего свои полномочия, и обсужден вопрос о необходимости выработки нового типа организации, наиболее соответствующей современной общественно-политической ситуации. Временная организационная комиссия, избранная на общем собрании партии эсеров, представила в состав Губернского земского комитета своих членов. Приняли эсеры участие и в выборах в Городскую думу, консолидировавшись с Советом рабочих и солдатских депу-

татов.[30]

Проводимая работа порождала реальные надежды на благоприятные для партии эсеров перспективы, однако грянул октябрь 1917 г., трагически окончившийся для этой партии как по стране в целом, так и в Астраханском крае.

Существовала в Астрахани и группа анархистов-коммунистов, возникшая в мае 1909 года. Она непримиримо относилась к Государственной думе, как и к любой структуре и форме государственной власти, призывала к террору. Кроме многочисленных поджогов, грабежей и убийств, почти никак не повлиявших на политическую обстановку в крае, о ее деятельности сказать нечего. Стоит лишь заметить, что наиболее громкие разбои были совершены анархистами в 1910-1911 гг. Ими были сожжены бондарные предприятия, склад лесоматериалов. В результате пожаров сгорело 57 жилых домов, 138 дворовых построек. Анархисты грабили кассы, отдельных жителей города. Предприняли они попытку убийства начальника астраханской тюрьмы полковника Эбена, окончившуюся для них неудачно.[31]

После проведения серии арестов 30 мая 1911 г. астраханская организация анархистов-коммунистов прекратила свое существование.[32]

С самого начала революции 1905-1907 гг. на арене политической борьбы появились либерально-буржуазные партии: конституционно-демократическая партия (партия народной свободы), Союз 17 октября, партия мирного обновления, партия правого порядка и др. В Астраханском крае наиболее влиятельной и хорошо организованной являлась партия кадетов, во главе со своими лидерами Ляховым и Дайхесом, опиравшаяся на рыбопромышленников, судовладельцев, купцов и т.д. Основные программные установки кадетов сводились к требованию демократических свобод и равенства всех граждан перед законом, к проведению социально-экономических и политических реформ.

В документах астраханской жандармерии отмечалось, что при обсуждении действий правительства партия кадетов всякий раз прояв-

ляла оппозиционную деятельность..., а поэтому члены полиции должны неослабно следить за членами этой партии и за деятельностью ее организаций.[33]

Пережив пик своей деятельности в 1906 г., партия кадетов постепенно прекратила свое существование и до февраля 1917 г. практически не функционировала. Наибольшую активность организация проявила в момент подготовки проведения выборов в I Государственную думу. В предвыборной кампании во II Думу кадеты сохраняли блок с меньшевиками. В отношении большевиков они от примирительной политики перешли к их резкой обличительной критике.

Между социал-демократами и кадетами проходила борьба за влияние в профессиональном движении. Следует отметить, что в Астрахани профсоюзы были в основном под влиянием социал-демократов, кадеты возглавляли только «Общество взаимопомощи купеческих приказчиков».[34]

Другие либерально-буржуазные партии особой политической роли в Астраханском крае не играли. Например, партия мирного обновления была весьма малочисленной. Свою деятельность она проявляла только в предвыборное время, и то в блоке с беспартийными.

Совсем кратковременной была история «Союза 17 октября», и партии правого порядка. Не успев возникнуть, они тут же исчезли, никак о себе не заявив в политической жизни Астраханского края.

Организации консервативно-охранительного направления в стране стали возникать в разгар революции – весной 1905 г., однако их резкий рост приходится на период после опубликования Манифеста 17 октября.

Консерваторов Астраханской губернии представляли «Астраханская народная монархическая партия», «Астраханское русское патриотическое общество», «Астраханское общество хоруговеносцев» и др.

Из них самой влиятельной являлась Астраханская народная монархическая партия во главе с лидером Н.Н. Тихоновичем-Савицким.[35]

Тихонович-Савицкий, астраханский купец, владелец музыкального магазина, вступил на политическую арену в 1904-1905 гг. Ярый сторонник монархизма, он сразу же выступил с открытым протестом против революционных событий 1905-1907 гг. Созданная им вскоре после обнародования Манифеста 17 октября монархическая партия повела упорную борьбу с революционными организациями, и особенно с партией кадетов, являющейся самой сильной ее противницей.

Партия имела довольно широко разветвленную сеть своих организаций. Об этом красноречиво свидетельствует информация Астраханского губернатора департаменту полиции. В ней перечислено 51 наименование населенных пунктов, в которых были созданы отделы, кружки и другие объединения этой партии.[36]

К 1 декабря 1905 г. Астраханская народная монархическая партия насчитывала в своих рядах 4 тысячи членов, к 13 января 1906 г. – свыше 6 тысяч. Перед выборами в I Государственную думу только по г. Астрахани численный состав партии составлял 13 тыс. человек.[37]

Судя по отчетам тогдашней администрации, лидер партии Н.Н. Тихонович-Савицкий оказал ей большую помощь в подавлении революционного движения в Астраханской губернии. После поражения революции 1905-1907 гг. народно-монархическая партия практически прекратила свою деятельность, в ее составе осталось не более десяти человек.[38]

Однако с начала Первой мировой войны Н.Н. Тихонович-Савицкий вновь активизирует деятельность монархической партии. Особенно энергично она проявила себя в 1915-1916 гг. В этот период Тихонович-Савицкий, являясь членом Совета совещания монархистов, обращается путем печатных воззваний не только к жителям Астраханской губернии, но и других регионов России. В них он призывает создавать повсеместно монархические партии, активизировать их деятельность. Кроме того, он посылает телеграммы непосредственно Государю Императору, а также правительству и министрам с различными просьба-

ми и советами.[39]

Пользуясь стихийными протестами жителей Астрахани, вызванными тяжелым военным временем осенью 1915 г., Астраханский комитет народной монархической партии обратился ко всем правым силам с просьбой о выделении средств для подавления народных волнений, а попутно и своих идейных противников.[40]

Астраханская народно-монархическая партия всеми доступными методами противодействовала революционному движению, с жаром отстаивала монархические взгляды и позиции.

Сразу же после Февральской революции 1917 г. Н.Н. Тихонович-Савицкий был арестован. Из тюрьмы он неоднократно обращался в Астраханский исполнительный комитет, в Совет солдатских депутатов астраханского гарнизона с требованием о своем освобождении.[41]

В июле 1917 года председателю Астраханской монархической партии Н.Н. Тихоновичу-Савицкому было разрешено выехать из Астрахани в Кавказские Минеральные воды с правом жительства.[42]

При прямом содействии Астраханской народной монархической партии в Астрахани в 1907 г. было создано Русское патриотическое общество, социальной основой которого являлись представители интеллигенции, купечества и духовенства – убежденные сторонники сильной монархической власти. В основе их идейных взглядов лежала известная теория официальной народности графа Уварова «Самодержавие, православие, народность». Хотя громко это общество о себе и не заявило, оно являлось, однако, как бы идейным, духовным источником монархических настроений в обществе. Находясь по основным позициям в полном согласии с Астраханской народной монархической партией, Русское патриотическое общество разделило ее судьбу, уйдя с политической арены в феврале 1917 г.

Наряду с народно-монархической партией, астраханским Русским патриотическим обществом в Астрахани действовали «Общество хоруговеносцев» и «Общество хоруговеносцев при церкви Святого кня-

зя Владимира», утвержденное в память высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.[43]

Эти организации черносотенцев принимали различные меры по расширению своего влияния. Например, в январе 1907 г. в астраханском кремле ими была проведена демонстрация с освящением знамен, произносились программные речи, проводились собрания. Они пытались оказать влияние и на профессиональное движение. В 1909 г. было создано профессиональное общество русских служащих на рыбных промыслах – членов монархической партии.[44]

Астраханские черносотенцы активно помогали полиции в борьбе с революционными выступлениями. Первого мая 1907 г. черносотенцы пытались на Канаве организовать свою контрдемонстрацию.[45] В газетах отмечалось, что в эти дни дружинники монархистов действовали с полицией, совместно производя задержания и аресты на улицах.[46]

Многонациональный состав населения Астраханского края обусловил возникновение в Астрахани партий и организаций по национальному признаку.

Например, группа максималистов-независимцев, существовавшая в Астрахани с июня 1910 по ноябрь 1911 гг., состояла в основном из грузин и армян, проживавших в Астрахани.[47]

Функционировала в Астрахани группа сионистов-революционеров, ставивших своей целью обособление еврейского населения от других национальностей, что вело к обострению межнациональных разногласий. Свою деятельность группа осуществляла в тесном контакте с аналогичной бакинской группой.[48]

С лета 1908 г. в Губернское жандармское управление стали поступать агентурные сведения о существовании в г. Астрахани армянской революционной организации «Дашнакцутюн», поддерживающей связи с такими же организациями Кавказа и других городов России. Деятельность ее была направлена, главным образом, на изменение суще-

ствующего государственного строя и образование на Кавказе демократической республики на федеративных началах.[49]

Возглавлял организацию комитет под председательством Оганеса Арутюнова, на квартире которого и собирались члены комитета: торговцы, конторщики, священники. В апреле 1909 г. «Дашнакцутюн» насчитывала в своих рядах около 200 человек, объединенных в кружки.[50]

На собираемые в качестве партийных взносов деньги Астраханская организация «Дашнакцутюн» занималась скупкой и транспортировкой оружия, направляемого в Закавказье, в распоряжение Восточного бюро партии, находящегося в Тифлисе. Туда же направлялась часть денег комитета партии на поддержку армянского движения не только в России, но и в Персии. Осенью 1908 г. Астраханский районный комитет «Дашнакцутюн» был уличен в растрате денег и отстранен от дел организации, на его место был избран новый состав из действующих и двух запасных членов.[51]

Из существующих в Астрахани мусульманских обществ наиболее прогрессивным было «Менджлис Шурай Ислам» (Дом мусульманских собраний), открытое в середине октября 1906 года. Политической ориентацией этого общества были антиправительственная пропаганда, распространение просвещения среди мусульман. Устав общества создавался под влиянием ранее закрытой астраханской газеты «Прикаспийская правда». Ядро общества составляли муллы, учителя, торговцы.

Организатором и председателем общества «Менджлис Шурай Ислам» являлся житель г. Шемахи Бакинской губернии 35-летний Мустафа Измайлов, получивший образование в Константинополе. В 1904 году вместе с семьей он переехал в Астрахань, став у истоков создания названного общества. К моменту организационного оформления общества в нем насчитывалось 76 человек.[52]

С целью распространения образования среди мусульман общество открыло в Астрахани школу «Друль-Эдеп». В этом учебном заведении

учились дети обоего пола, преподавание велось на татарском языке, турецкими учителями по учебникам, выпускаемым в Константинополе. Приглашенные педагоги воспитывали в своих учениках симпатии к Турции и идеи панисламизма. Много времени в школе отводилось военной гимнастике, учащиеся носили турецкую форму, все русское в учебном заведении запрещалось. В 1909 г. трое учеников «Друль-Эдеп» были приняты в училище «Друль-Шавкат» в Константинополе.

Дирекция народных училищ Астраханской губернии выступала против школы «Друль-Эдеп» как не подчинявшейся ее требованиям в преподавании. В 1910 г. школа была закрыта, и только благодаря ходатайству члена Государственной думы от Астрахани Виноградова и отказу М. Измайлова от председательства обществом школа возобновила свою работу. Однако теперь было введено преподавание русского языка, вместо турецких учителей были назначены местные, утвержденные губернатором.

После М. Измайлова председателем общества стал мулла Латиф Шамасов, не имевший авторитета среди мусульман.

В начале 1911 г. руководителем общества избирается Аббубек Дашкин, астраханский купец, панисламист. В результате частой смены руководства общество «Менджлис Шурай Ислам» постепенно стало распадаться и терять свое значение.

Кроме общества «Менджлис Шурай Ислам», в Астрахани действовали «Общество попечения о бедных татарах», «Энджумен», состоявшие исключительно из персиян, «Джамияти – Исламия» (мусульманское собрание) – все они в политическом плане опасности для правительства не представляли.[53]

Активную роль в защите прав астраханских рабочих играли профессиональные союзы, образовавшиеся в конце 1905- начале 1906 г. В ноябре 1905 г. возник первый союз механического цеха, в декабре образовалось еще пять союзов: булочников -кулинаров, бондарей , конопатчиков, столяров и типографских работников. В начале января

1906 г. стали действовать профессиональные союзы сапожников, плотников. Всего в 1906 г. было организовано 16 профессиональных союзов.[54]

Самым влиятельным из профессиональных союзов Астрахани был союз металлистов или, как тогда его называли, «Союз механического цеха». Он объединял в основном постоянных кадровых рабочих судоремонтных заводов. В его рядах насчитывалось около 1000 человек, по преимуществу слесарей и токарей. По численности за ним шел союз рабочих бондарной промышленности, объединявший свыше 2000 человек. Сравнительно крупными по количеству, но пестрыми по составу были «Союз работников рыбной промышленности» и «Союз торговых служащих». В первом из них количество членов не установлено, во втором было около 4000. Небольшими, но сплоченными были союзы печатников, трамвайных рабочих и некоторые другие союзы.[55]

Большевистская газета «Эхо» в №4 за 25 июня 1906 г. писала, что в Астрахани «все профессиональные союзы находятся под влиянием социал-демократов». Это действительно было так. Влияние меньшевиков распространялось лишь на два профессиональных союза: «Союз Волго-Каспийских судоводителей» и «Союз машинистов», социалисты-революционеры занимали главенствующее положение в союзе конопатчиков.

Активно проявлял себя профессиональный союз моряков Каспийского торгового флота.

Эта организация в навигацию 1911 г. готовила забастовку моряков. Для усиления впечатления и успешного проведения забастовки «Союз моряков» Каспийского флота предлагал сжечь имеющийся в Астрахани запас нефти. Организатором этой забастовки являлся И.Ф. Зевалов – член комитета каспийского профессионального «Союза моряков» в г. Баку. Готовящаяся всеобщая забастовка моряков Каспийского флота и Волжской пароходной организации была сорвана, так как о ней стало известно полицейскому управлению.

Каспийский «Союз моряков» насчитывал в своих рядах 517 членов, имел свой устав, комитет. Среди членов союза распространялась нелегальная литература, ряд газет: «Моряк», «Знамя труда» – центральный орган партии эсеров; «За народ», «Правда» – издаваемые РСДРП.

Среди членов «Союза моряков» действовали группы различных партий: РСДРП, эсеров, монархистов, анархистов, между ними проходила острая борьба за руководство союзом, создавались террористические группы, руководимые анархистами.

В результате борьбы различных партийных группировок в «Союзе моряков» начался идейный разброд, который привел его к полному упадку.

В апреле 1911 г. департаменты полиции в г. Баку и г. Астрахани произвели аресты и ликвидировали организацию.[56]

Таким образом, в конце XIX- начале XX в. Астраханский край, как и другие регионы России, был вовлечен в активную политическую жизнь, которая, однако, в основном проявлялась в губернском городе. Уездные города и астраханские деревни находились на периферии политической борьбы, лишь изредка реагируя на те или иные события.

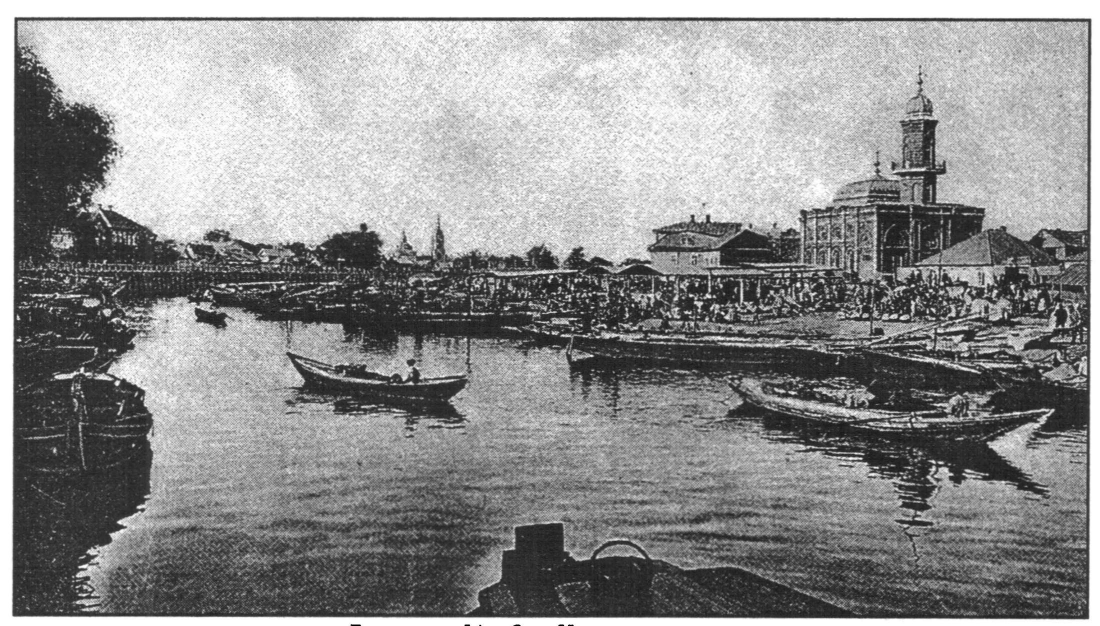
В целом же деятельность политических партий, организаций, групп, других общественных организаций свидетельствовала об усилении в начале XX в. социально-политического кризиса в Астраханском крае, как и в стране в целом.

§6. Строительство Астрахани в XIX веке

В начале XIX в. Астраханский губернатор получил Генеральный план реконструкции города, утвержденный императором Александром I в 1801 г.

Из-за военных событий 1812 г., строительные и реконструктивные работы были приостановлены, так как значительная часть финансов отчислялась на нужды войны. Но уже к исходу второго десятилетия городские власти приступили к реализации Генерального плана.

В 1817 г. было закончено сооружение канала по южной окраине Белого города: канал пересекал весь город с запада на восток от реки Волги до реки Кутум. Начатые в 1744 г. земляные работы по устройству канала были практически окончены в 1770-х гг., но благоустройство канала, укрепление набережных, наведение мостов долгое время оставалось незавершенным, и к концу XVIII столетия канал начал превращаться в топкое болото. В 1809 г., согласно «Высочайшему соизволению», из казны должны были поступить 124 тыс. руб. на окончание обустройства канала, но деньги так и не пришли.



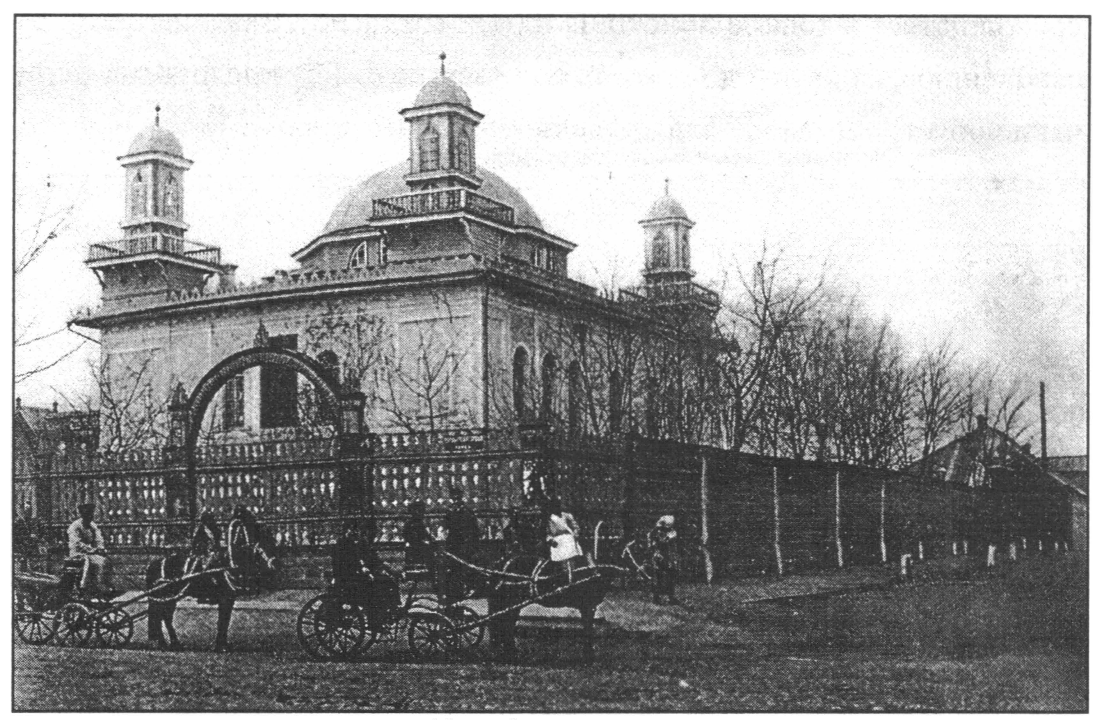
Большие Исады. Красная мечеть

И.А. Варваций, известный в городе благотворитель и рыбопромышленник, и в то же время государственный чиновник, вызвался на свои средства обустроить канал. По Высочайшему Указу от 31 декабря 1817 г. канал, именовавшийся ранее Астраханским, назван был им. Варвация И.А.

Одним из самых оригинальных сооружений этого времени стал ламаистский храм-хурул, построенный в калмыцкой степи.

Астраханские калмыки в составе казачьих полков принимали активное участие в военных действиях против Наполеона. Вернувшись

из заграничных походов, калмыцкие князья Тюмени в своей ставке возвели каменный храм-хурул в часть победы и единства с Россией. Архитектура хурула представляет собой органичное соединение традиций буддийской храмовой архитектуры и приемов русского классицизма. Одновременно хурул был и хранилищем боевой славы калмыков – в нем хранились боевые знамена.

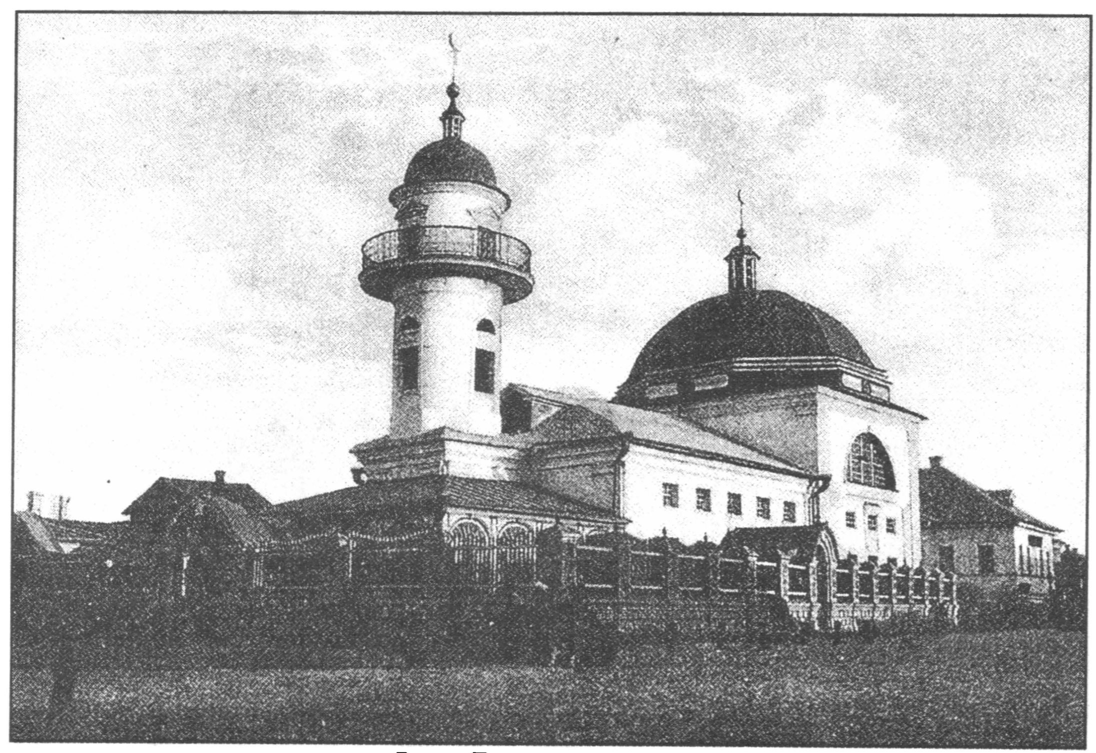


Персидская мечеть

В 1825 г. закончилось строительство больничного комплекса Приказа Общественного Призрения на Паробичевом бугре, ставшего на долгие годы самым значимым больничным учреждением Астрахани. На Паробичевом бугре заканчивалась вторая по значению улица Астрахани – Паробичебугорная, которая, в свою очередь, делилась на отдельные участки – Табачный ряд и улицу Полицейскую. Название бугра и улицы произошло от имени майора Паробича, приглашенного в первой половине XVIII столетия из Венгрии для службы в Садовой конторе, основанной в Астрахани императором Петром I. Применение венгерской технологии глинистых грунтов, которые по своей кон-

систенции близки к астраханским, способствовало тому, что при Паробиче Садовая контора в Астрахани имела необыкновенный успех — были разведены все породы плодовых деревьев и ягодных кустарников. После смерти Паробича дела казенной Садовой конторы пришли в упадок и большинство садов было распродано горожанам.

В первой половине XIX столетия строительство новых кварталов, согласно Генеральному плану, велось в южных предместьях Белого города и в самом Белом городе, чему способствовало осушение грун-



Белая Татарская мечеть

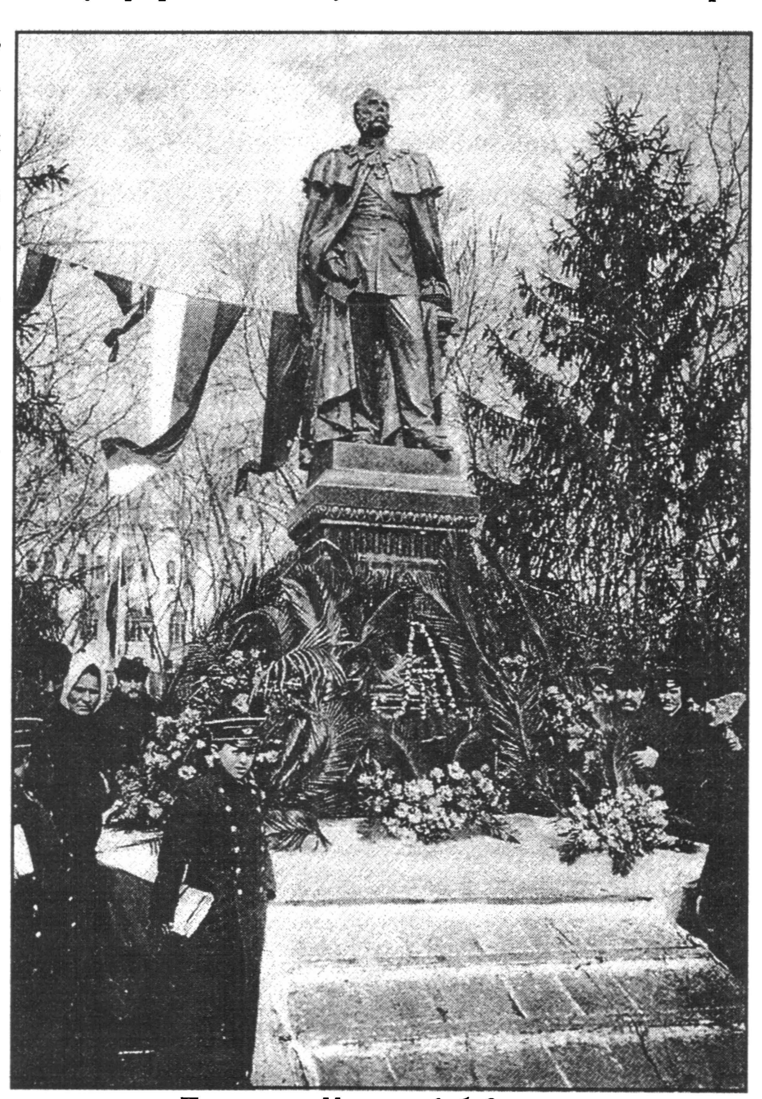
тов благодаря устройству Варвациевского канала. К Генеральному плану 1801 г. были приложены «Правила построек», которые предписывали «...все строения, находящиеся в противность плана, посреди али на краю назначенных улиц, площадей, эспланады в течение года и все улицы, площади и эспланаду означить, по крайней мере заборами соответственно плану, а владельцам сломанных ...отвести, в других частях и кварталах, места без всякой платы».[1] «Улицы должны быть вы-

ровнены и в приличных местах прорыты каналы...».[2] Жители города, построившие собственные жилые дома и другие здания в 1839 и 1840 г. в соответсвии с Генеральным планом, на три года освобождались от всех налогов и пошлин.[3]

Кроме жилых строений, в южном предместье Белого города обустраиваются церкви и мечети «заканалья». За Полицейским мостом через канал, как писал летописец, «в Астрахани – настоящая Азия». В «заканалье» находились Армянская, Персидская, Бухарская и Агрыжанская слободы. Каждая из национальных слобод имела свои мечети, наибольшее количество которых находилось в Царевской слободе. Все мечети до начала XIX в. были деревянными. Мечети Бухарского двора в XIX веке были перестроены в камне – Черная мечеть на средства купца Якупова, Белая мечеть на средства купца Исмагилова. Персидская мечеть

Черная мечеть

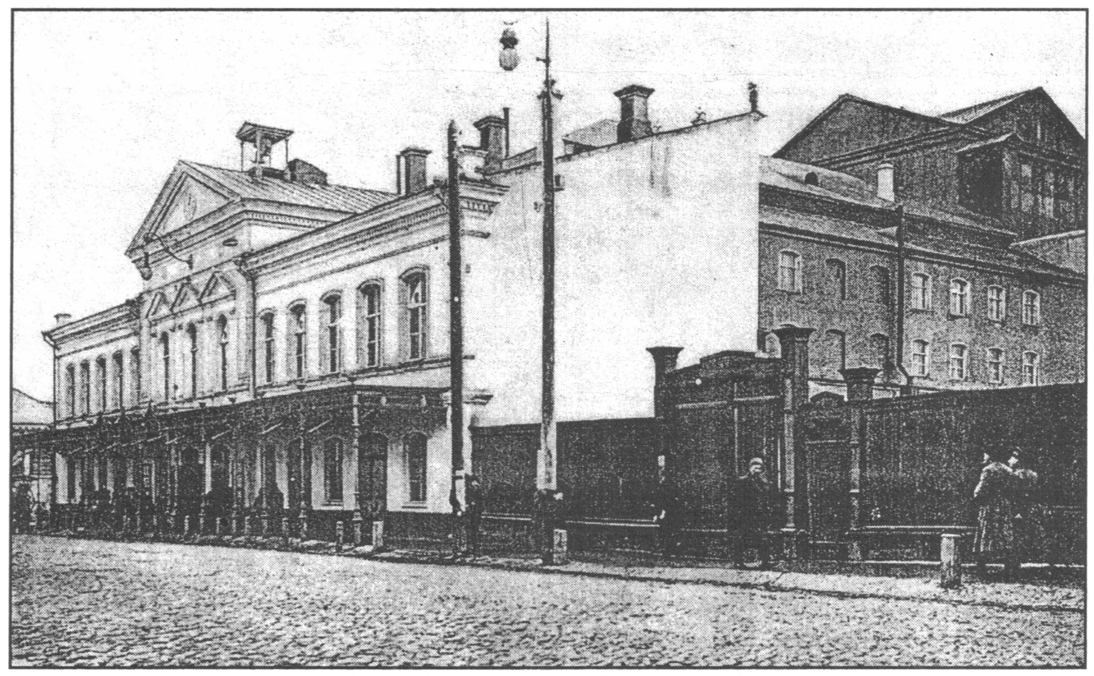
была построена в камне в 1860 г. на средства Персидского общества. В архитектуре Белой мечети, несмотря на восточный тип сооружения, ярко выражено влияние русского классицизма: куб основного объема сооружения перекрыт полусферическим куполом, гладкие стены фасадов оштукатурены, а обычно многогранный минарет мечети здесь выдержан в пропорциях классической колонны. Характерным элементом всех астраханских мечетей является соединение основного объема храма с вертикалью минарета над центральным входом в мечеть. Неподалеку от Персидской мечети, в Армянской слободе, в 1771 г. армянским купцом Астуровым была построена церковь во имя святых Петра и Павла. Здесь же находилось компактное поселение астраханских немцев. Немцы появились в Астрахани в начале XVIII столетия, в 1702 г. они стали настойчиво добиваться разрешения на постройку молитвенного дома, который и был построен в 1713 г., но вскоре сгорел. На месте сгоревшей церковной постройки на



Памятник Царю-освободителю Александру II в Губернаторском саду

средства прихожан и надворного советника Лерха вновь была построена деревянная кирха. В 1888 г. началось строительство каменного здания немецкой кирхи, средства на которую собирались долгие годы. Построенная по проекту архитектора К. Домонтовича, в 1892 г. она была торжественно освящена.

В XIX столетии территория Астрахани увеличилась за счет нового района, образовавшегося у западной и северной стен Астраханского кремля на берегу Волги – района «Косы».

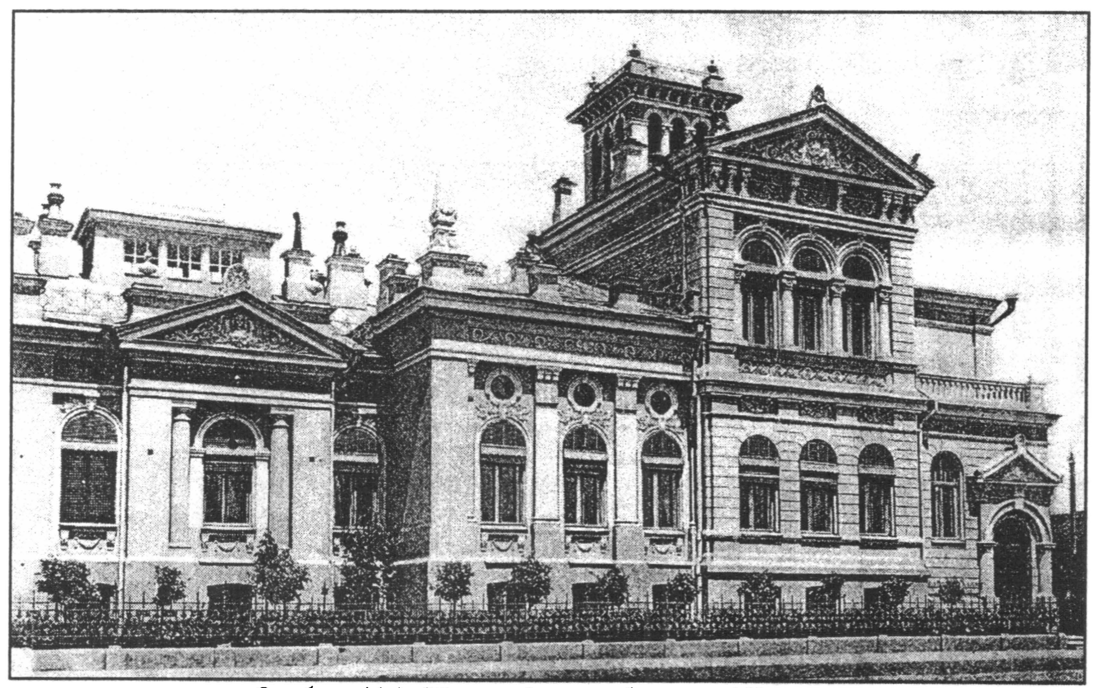


Зимний театр Н.И. Плотникова

К первой половине XIX в. в результате постепенного обмеления Волги ее берег значительно отступил от кремлевского бугра, образовав грунтовую площадь, пригодную для застройки. Несмотря на слабый грунт, вновь образовавшаяся территория начала застраиваться, но пока деревянными сооружениями. Строительство каменных построек стало возможно лишь во второй половине XIX в.

К середине XIX столетия относится наиболее подробное описание центра Белого города, к этому времени уже отстроенному как единый ансамбль: «От восточных, кремлевских ворот, на восток же, про-

стирается Московская улица, застроенная сплошь каменными домами под одну крышу. При начале этой улицы, невдалеке от Кремля, вы встречаете прекрасную площадь, на манер Square'а, с красивым садиком, о середине, и обставленную кругом великолепными постройками...».[4] На восточном фасаде площади у кремля «...вы видите длинный, 2-х этажный дом, имеющий 20 окон, на площадь и в нижнем этаже, столько же лавок. Этот красивый дом, покрашенный светло-голубою,



Особняк М.А. Шелехова на набережной Кутума

здешнею модною краскою, крытый белою черепицею, и в бельэтаже которого находится квартира начальника губернии, имеет прекрасную наружность... Каменный, полукруглый, одноэтажный ряд лавок соединяет его с домом совершенно одинаковой с ним архитектуры, стоящим с ним на одной линии... На северном фасе, вы видите также ряд каменных, 2-х и 3-х этажных домов, тоже красивой архитектуры, из которых в одном помещается штаб оберофицерских детей Астраханского казачьего войска. На западном фасе только два каменных дома: так один из них огромен. На южном прекрасное и огромное, но запущенное те-

перь здание архивов (летом 1851 г. это здание поновлено) и другое городской Семинарии. Вот как великолепно, без интервалов, под одну крышу, обстроена здесь главная площадь...».[5]

Главная площадь Белого города – бывшая Торговая, Плацпарадная в 1802 г. с превращением дома М. Диланчеева в резиденцию Астраханского губернатора стала называться Губернаторской. В 1884 г., с разрешения императора Александра III, на средства города по проекту архитектора А.М. Опекушина был установлен памятник Императору Александру II. С этого времени площадь стала именоваться Александровской.

Клуб общественного собрания

Улицы города в середине XIX столетия освещались фонарями, заправленными тюленьем жиром. К устройству мостовых и тротуаров в то время еще не приступали, хотя вопросы по благоустройству города часто обсуждались на заседаниях Городской думы. Первые булыжные мостовые в Белом городе по Паробичебугорной и Московской улицам появились во второй половине XIX столетия.

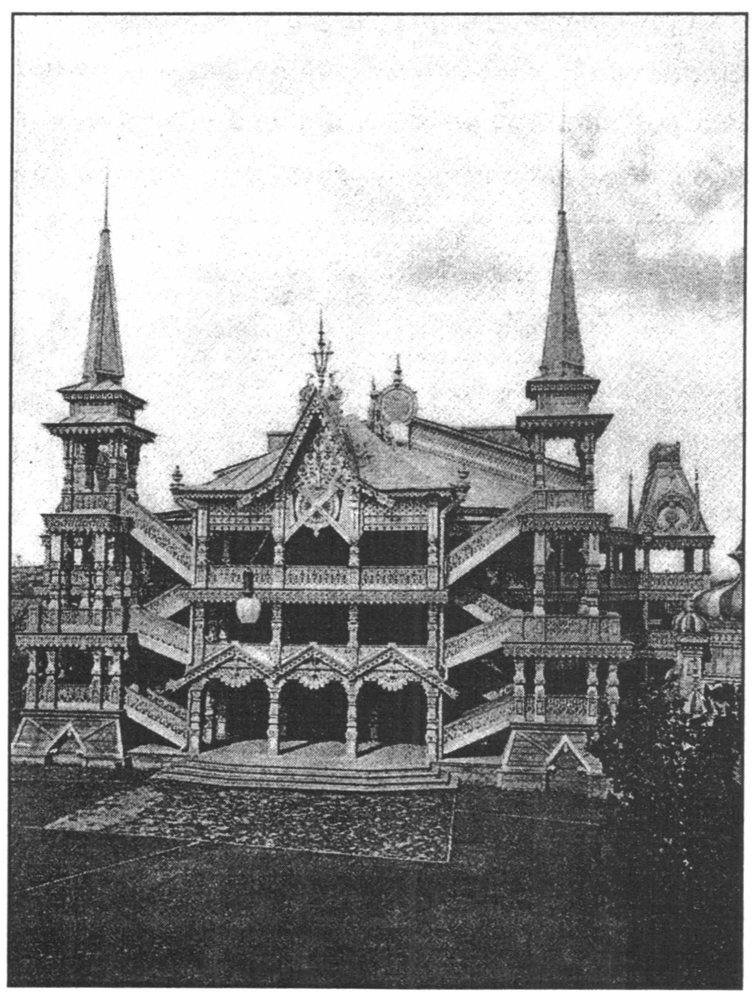
Во второй половине XIX столетия новые районы города, на которых стало возможно каменное строительство, превратились в торгово-промышленный центр Астрахани – сосредоточение торговых до-

мов, гостиниц, банков, торгово-складских помещений, промышленных баз – «Коса» и «Закутумье». На главной улице нового района «Косы» – Никольской, долгое время являвшейся пешеходной, появились монументальные строения торговых домов богатейших купеческих фамилий Астрахани – «хлебного короля» Тита Федорова, Ипполита Мочалова, Артемия Тавризова, Григорьевых, Сергеевых и Смирновых. Новые городские районы – «Коса» и «Закутумье» во второй половине XIX столетия обстроились солидными особняками купцов и промышленников. На берегах реки Кутум, напротив друг друга, стоят два особ-

Особняк А.И. Губина на набережной Кутума

няка – «рыбного короля» В.В. Беззубикова и лесопромышленника А.И. Губина. Особняк В.В. Беззубикова, двухэтажное строение «на погребах», несмотря на формы и приемы псевдоклассицизма конца XIX столетия – треугольный фронтон, полуколонны по второму этажу, архитектурный декор на античные темы – трудно назвать парадным, дворцовым палаццо – в нем все предусмотрено для жизни «на каждый день». В этом отношении противоположностью является особняк А.И. Губина: его архитектура воспроизводит все элементы дворцового палаццо в стиле псевдобарокко. Композиционно-планировочная структура особняка А.И. Губина воспроизводит все составляющие классического итальянского палаццо – рустованный первый этаж, выделенный по

высоте второй парадный и верхний четвертый этажи, вариант аттикового этажа с многообломным карнизом. Здание величественно и грандиозно: в интерьере дворца много просторных залов, оформленных оригинальным лепным декором и наборным паркетом, декоративными росписями, скульптурными произведениями и металлическим декором.



Летний театр в саду «Аркадия»

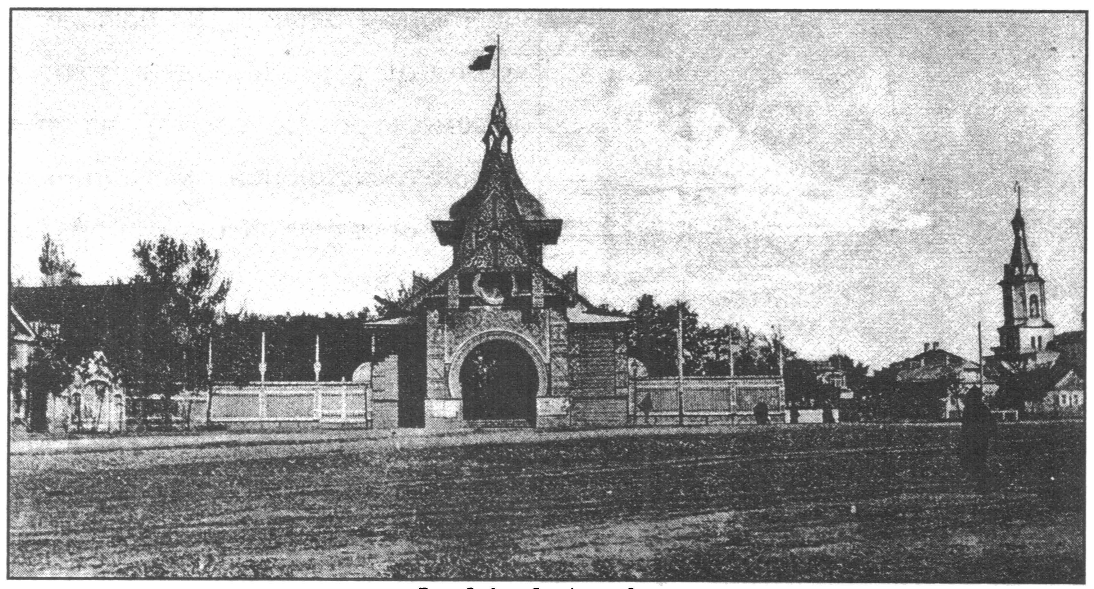
Металлический декор особняка А.И. Губина органично вписывается в характер архитектуры – балконные решетки, ворота, карнизные и лес-тничные обрамления и т.п. выполнены по эскизам автора – архитектора К. Домонтовича.

Одним из интереснейших строений этого времени в Астрахани является особняк М.А. Шелехова главы «Торгового дома Братья Шелеховы» на набережной Кутума. В основе проекта этого сооружения лежит принципиально новый для архитектуры конца XIX-начала XX столетия прием – расчленение здания на отдельные, функционально разнохарактерные объемы, объединенные в единую асимметричную композицию.

Здесь же на набережной Кутума, неподалеку от Сапожниковского моста, находится небольшое строение – одноэтажный дом с мезо-

нином, построенный в середине XIX столетия в тогда еще малонаселенном районе Астрахани. С этим скромным особняком связана история первого возникновения в Астрахани художественного музея. С 1880-х гг. этот особняк принадлежал купеческой семье Догадиных, в которой родился будущий основатель художественного музея.

В культурной жизни Астрахани в XIX столетии произошли интересные события: появились периодические издания – «Губернские ведомости» с 1830-х годов, «Астраханский справочный листок» и «Астраханский вестник». Каждое периодическое издание, литературно-художественное или коммерческое, по-своему отражало события, происходившие не только в городе Астрахани, но и в Астраханской губернии, Российской империи и во всем мире.



Вход в сад «Аркадия»

Большую роль в жизни города играли базары и рынки, самым значительным из которых был базар Большие Исады, имевший своеобразный характер, отличный от других рынков Астрахани и, тем более, от рынков других городов. Некоторые из посетивших Астрахань писателей находили даже, что Большие Исады в Астрахани своего рода достопримечательность. Первоначально Большие Исады принадлежа-

ли Ивановскому монастырю... со временем это место было передано Городской управе и с 1803 г. на берегу Кутума были построены для торговли деревянные сараи, лавки, палатки. В 1881 г. Городское управление внесло решение о благоустройстве рынка, и в 1882 г. началось строительство крытого рынка и ряда других, меньших по размеру, корпусов, рыбных и зеленых рядов. Традиционное устройство торговых рядов с открытыми галереями, которые в период классицизма нередко включались в композицию жилых и общественных зданий, в середине XIX столетия было дополнено введением совершенно нового по характеру торгового здания – пассажа. По типу пассажа было выстроено в Астрахани центральное здание рынка Большие Исады: прямоугольное в плане, замкнутое в объеме, строение состоит из трех нефов, трех галерей, с металлическими перекрытиями. Центральный неф выделен по высоте.

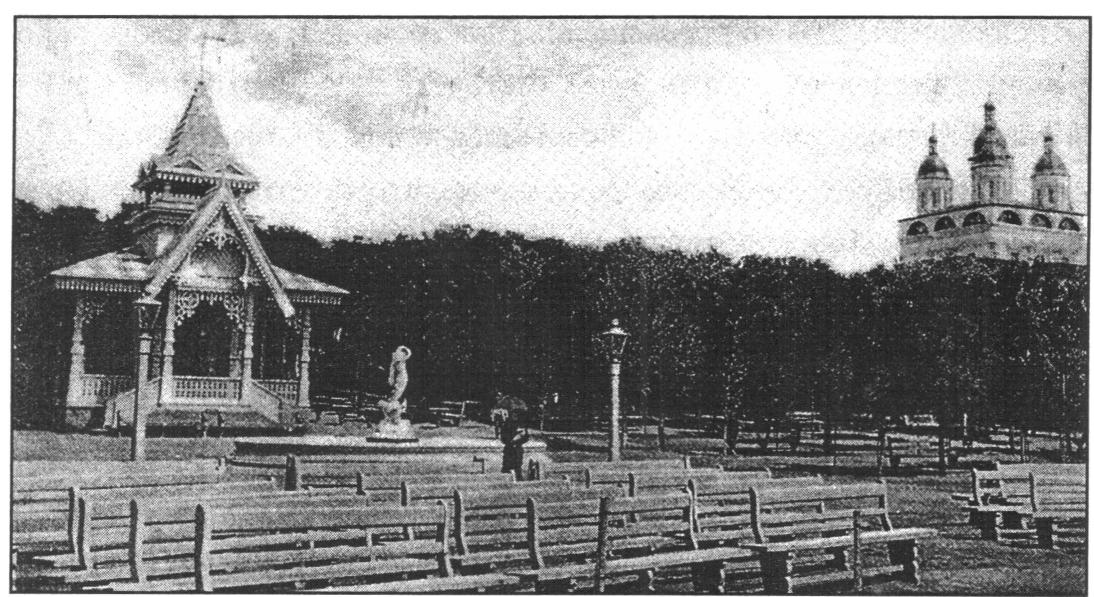
Большие Исады

Строительство нового здания рынка сопровождалось сооружением в районе Больших Исад каменных домов под гостиницы, торговые дома, столовые, «номера»...

В 1891 г. у Красного моста на средства рыбаков, окрестных жителей, торговцев была построена часовня во имя святого Николая, в народе прозванная «Красивой».

В 1894 г. татары, торговавшие на базаре Большие Исады, на свои средства построили мечеть, в дальнейшем называвшуюся Красной мечетью – по своей архитектуре одно из оригинальных строений этого типа.

В конце XIX столетия в Астрахани появились разговоры о строительстве в городе трамвайных путей, железной дороги, электричес-



Александровский сад

кой станции, новых железобетонных мостов через реку Кутум и Варвациевский канал. Город жил интенсивной жизнью; купцы и промышленники жертвовали значительные суммы на благотворительность, за счет которых в городе возводились школы, детские приюты, больницы, богадельни для одиноких стариков. Для осуществления грандиозных строительных планов в город были приглашены и успешно работали архитекторы, получившие образование в «главных архитектурно-строительных школах» России – П.М. Бутков, С.И. Карягин, П.И. Коржинский, П.В. Шкателов, Э.И. Фольрат, К.К. Домонтович, А.С. Малаховский, А.М. Вейзен, Н.Ф. Антонов, окончивших в разные годы Московское художественное училище живописи, ваяния и зодчества, Институт гражданских инженеров императора Николая I, Императорскую Академию художеств.

Преобразования и благоустройство города Астрахани не менее удачно продолжались в начале XX столетия.

§7. Просвещение в Астраханском крае в XIX веке

Самодержавие России держалось правила, сформулированного в отношении народного просвещения Екатериной II: «...простого народа учить не следует; если он будет иметь столько же познаний, как Вы и я, то не станет уже нам повиноваться, как повинуется теперь».

Однако неодолимая сила экономического развития постоянно расширяла потребности в квалифицированных кадрах для промышленности, транспорта, здравоохранения, государственной службы. Поэтому самодержавие вынуждено было (даже вопреки собственной природе) время от времени проявлять интерес к просвещению, проводить периодически реформы, подчиняясь духу времени.

В начале XIX в. вся территория России была разделена на шесть округов. Астраханский край входил в Казанский учебный округ, все учебные заведения которого подчинялись Казанскому университету.[1] В Астраханском крае к этому времени было всего два средних учебных заведения, одно уездное малое народное училище и несколько частных школ. Простым горожанам, ремесленникам, торговцам и другим людям низшего сословия содержать детей в Главном народном училище в течение пяти лет было практически недоступно. Наибольшую популярность у населения приобрели частные школы, в которых дети наскоро овладевали элементарными навыками чтения, счета и письма, а затем шли трудиться в мастерские или торговые лавки. В начале XIX в. в Астраханском крае количество частных мелких школ заметно увеличивается. Возникали они стихийно, безо всякого на то разрешения. В роли учителей выступали лица разных сословий и профессий. Так, в числе содержателей частных училищ в документах того времени названы: « канонерский мужик» (имя и прозвище неизвестны), у которого было 15 учеников, «булочник Федор Лебедев», имевший 30 учеников, «мужик Михайло Дмитриев», имевший 10 учеников, «мужичка Пантелеиха» – 8 учеников, «девка Анна Яковлева, казанс-

кого попа внучка» – 4 ученика, «попадья Воздвиженского попа» – 2 ученика, «капитанша Феодосия Абрамовичева» – 9 учеников, «церковный сторож Антон Алексеев», три попа, несколько дьяконов.[2] Обучение в этих школах было поверхностным, методика – примитивной. Поэтому директор Главного народного училища в Астрахани Д. Агафи неоднократно просил городское начальство пресечь деятельность мелких частных школ. Тем не менее в деле распространения знаний среди низших слоев населения они сыграли свою положительную роль.

Важным общественно-политическим событием в Астраханском крае стало открытие в 1810 г. на средства астраханского купца Николая Агабабова первой частной национальной школы – Армянского Агабабовского училища в составе двух классов. Учреждая армянское народное училище, Н. И. Агабабов ставил цель: дать образование беднейшему классу армян, дабы «дети из породы армянской обращены были ко всем государственным состояниям с пользою отечественною, не исключая из того и духовного по армянской религии»; кроме того, имелось в виду, что «образование сие может иметь на азиатскую часть усиленное влияние, с политическими обстоятельствами сопряженное».

В училище преподавались чтение и чистописание на русском и армянском языках, грамматика армянского и русского языков, всеобщая история и география, логика и риторика на армянском языке, рисовальное искусство. Предполагалось ввести преподавание бухгалтерии, вексельного дела, съемок планов и ситуаций (особенно с берегов Каспия) и мореходства. При училище был открыт пансион, где на содержании постоянно находилось 12 воспитанников из беднейших армян. С 1838 г. Агабабовское училище было включено в общую систему учебных заведений на правах уездных по уставу 1828 г. После этого в училище был открыт 3-й класс. Первый выпуск в количестве всего лишь 3-х человек состоялся в 1815 году. В 1816 г. училище окончили трое, в

1817 г. – пятеро, в 1818 г. – один ученик. При училище были созданы фундаментальная и ученическая библиотеки, в которых насчитывалось 290 книг и других учебных пособий: собрание глобусов, атласов, географических карт, пособия по русскому языку, истории, географии, рисованию, черчению и т.п. Помощь неимущим со стороны училища заключалась в бесплатной выдаче учебников и учебных пособий. Важно отметить, что при училище был постоянный школьный врач, лечивший больных учащихся в школе и на дому и не получавший никакого вознаграждения.[3] До 1865 г. в армянском Агабабовском училище обучались дети только армяно-григорианского вероисповедания, а с 1866 по 1872 гг. стали приниматься и дети православного вероисповедания. Позже – с 1873 по 1894 гг. здесь обучались дети католиков, православных и лиц армянско-григорианского вероисповедания. Основной контингент учащихся составляли дети городских сословий – от 77 до 93%, дети дворян и чиновников – от 4 до 17%, дети духовенства и сельских сословий поступали в училище крайне редко.

За 1835-1905 гг. в училище поступило 1940 человек, выбыло до окончания курса 1623. Таким образом, за семьдесят лет училище окончило 317 человек, что составляет 16,3% от числа поступивших, или в среднем 4-5 человек в год. И все-таки астраханское армянское Агабабовское училище в XIX в. сыграло значительную прогрессивную роль в жизни астраханских армян, в жизни всего города.

Начало XIX в. является периодом реорганизации существовавших училищ и открытия новых. К 1937 г. в Астраханской губернии было 17 начальных школ разного типа с общим числом учащихся – 918. В 30-70-е гг. XIX в. были открыты 8 мужских и 4 женских приходских училища, 3 детских приюта, пансион для калмыцких мальчиков, епархиальное женское училище. В 1867 г. Мариинское училище 1-го разряда было преобразовано в женскую гимназию. Многие из открывшихся

школ и училищ существовали недолго – несколько лет или даже несколько месяцев. Но школьное дело в городе развивалось, о чем свидетельствуют следующие данные:[4]

Годы	Число учебных заведений	Число учащихся мужчин	Число учащихся женщин	Всего
1837	20	1074	122	1196
1850	23			1412
1861	29			Около 1500
1873	38	1702	693	2395
1883	52	2263	1216	3479
1890	57	2815	1390	4205
1895	75	3368	2130	5498

Но если в Астрахани школьное образование хоть как-то развивалось, то в уездах и уездных городах дело обстояло значительно хуже. В 1830 г. были открыты первые приходские училища в уездных городах Енотаевске и Красном Яру. До 70-х гг. XIX в. не было ни одной школы в с. Харабали, хотя здесь по переписи 1880 г. из 4-х тыс. жителей 640 были в возрасте от 7 до 13 дет. И лишь в 1873 г. местный священник открыл небольшую школу, в которой обучалось 20 мальчиков и 4 девочки. В 1876 г. школа пострадала во время большого пожара, возобновив занятия лишь в 1881 г. За 22 года (1873-1895) церковно-приходскую школу окончили всего лишь 25 мальчиков.[5]

Годы	Число станичных и поселковых училищ	Количество учащихся в них:			Число станичных жителей	Отношение учащихся к числу жителей
		мужчин	женщин	всего		
1859	11	338	нет сведений	338	18140	1:54
1871	26	517	160	677	20967	1:31
1880	нет сведений	762	272	1034	23084	1:22
1890	37	855	487	1342	29011	1:22
1895	41	1162	489	1955	30280	1:15

Определенный интерес представляет история школьного образования и распространения знаний среди казачьего и инородческого населения Астраханского края.

Население казачьих станиц имело гораздо больше возможностей для получения начального образования, чем жители других уездов. Статистические данные свидетельствуют о постоянном росте количества школ и обучающихся в них детей в казачьих станицах края.

Все школы были снабжены учебными пособиями, при каждой из них была библиотека, предназначенная для всего станичного населения. Библиотеки содержались за счет станиц и состояли под контролем инспектора. Преподавание здесь велось по программам народных училищ. Учебный год продолжался 5 месяцев (с октября до марта). Учителями были в основном лица войскового сословия, получившие педагогическую подготовку.

До середины XIX в. число грамотных среди нерусского (особенно сельского) населения составляло около 3%. Значительную часть населения губернии составляли калмыки. Среди них образование должны были получать все мальчики. Обучение длилось 5-10 лет и полностью контролировалось калмыцким духовенством. Для продолжения учебы оставлялись только выдающиеся по своим способностям ученики, которые далее изучали богословие, астрономию (астрологию), медицину и религиозную живопись. Первая русско-калмыцкая частная школа открылась в 1852 г., обучались в ней только мальчики. В 80-е гг. появились и женские школы. И те, и другие готовили учащихся к поступлению в астраханские русско-калмыцкие школы более высокой ступени. К 1895 г. было всего 7 низших калмыцких школ с чис-

лом учащихся 192 человека. Сведения о числе школ и учащихся в них даны в таблице.[6]

Годы	Число школ	Число учащихся		
		мальчики	девочки	всего
1875	20	180	103	283
1978	19	166	85	251
1881	19	159	76	235
1883	7	92	30	122
1885	7	147	45	192
1889	6	172	нет сведений	172
1895	7	192	нет сведений	192
Всего за 20 лет		1118	339	1457

За 20 лет число обучавшихся в школах составило 1,04% от всего калмыцкого населения, из них мальчики составляли 0,798%, девочки – 0,242%. В целом калмыцкое население оставалось безграмотным очень долгое время.

Значительную часть многонационального населения края составляли казахи, общая численность которых к концу XIX в. достигла 254000 человек.

Первая русско-казахская школа была открыта в 1841 г. В школе преподавали два учителя, один обучал персидскому и арабскому языкам и был вместе с тем магометанским вероучителем; другой обучал русскому языку, чистописанию, грамматике и арифметике. Ревизия, проведенная в 1861 г., показала, что преподавание в школе велось плохо: дети обучались только чтению и письму на русском и татарском языках и магометанскому закону, занятия проводились бессистемно, библиотеки не было.

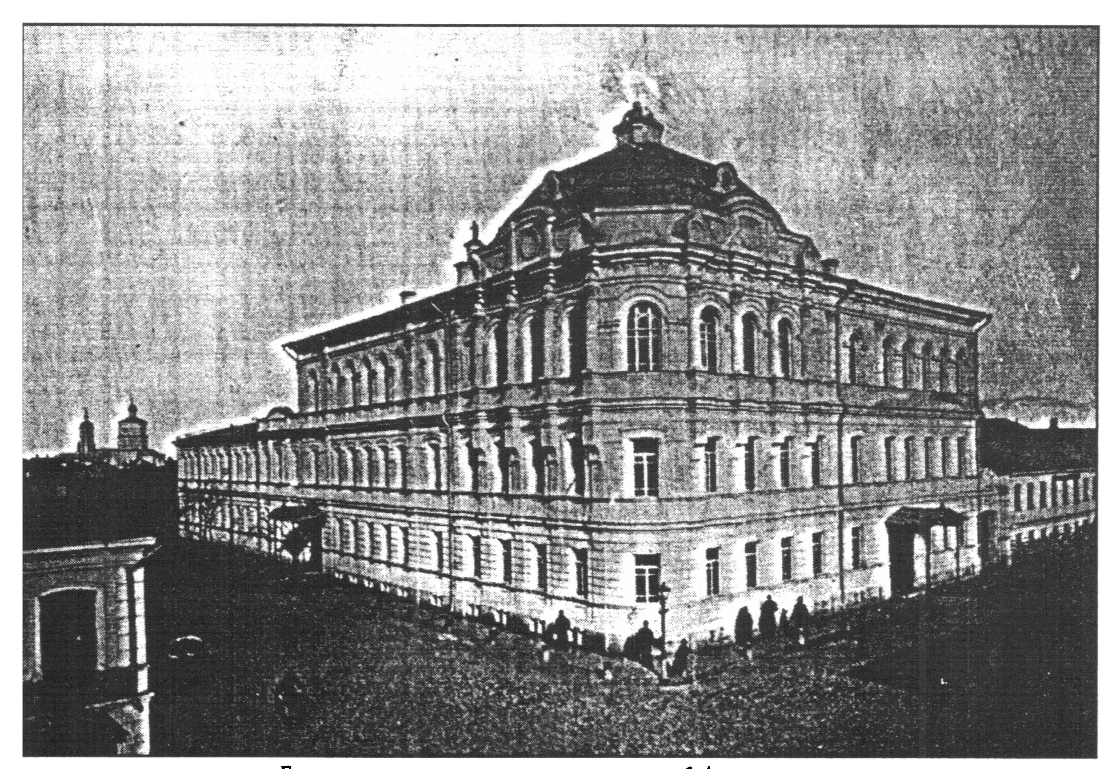
В 1883 г. была открыта первая женская школа по программе одноклассного сельского училища с интернатом на 20 казахских и русских девочек. С 1883 по 1895 гг. в Астраханском крае было открыто 9 казахских школ, число учащихся в них за эти годы выросло со 160 до 307. Из этого числа только 20 девочек-казашек получили элементарное начальное образование.

Начало более-менее систематического школьного обучения среди татарского населения края также начинается в XIX в. Татарские школы делились на «мектебе» и «медресе». По своему образовательному цензу они находились ниже даже одноклассных школ; мальчики и девочки в них обучались раздельно.

Первая русско-татарская школа была открыта в 1882 г., в ней, кроме Корана, изучался русский язык и четыре правила арифметики. Учеников в первый год было 23 человека. Всего же к концу XIX в. было 37 татарских школ с числом учащихся 1328 (из них 188 девочек); процент грамотного населения составлял около 3,6 от всего татарского населения.[7]

Важное значение в системе народного образования края имели церковно-приходские школы. Однако контрреформы 80-х гг. XIX в., направленные на ужесточение политического режима в стране, не миновали и сложившуюся к тому времени систему школьного образования.

В 1884 г. были утверждены «Правила о церковно-приходских шко-



Епархиальное женское училище в Астрахани

лах», в которых указывалось, что «школы сии имеют целью утверждать в народе православное учение веры и нравственности христианской и сообщать первоначальные полезные знания». «Правила о церковно-приходских школах» определяли и перечень учебных предметов: «1) закон божий, а именно: а) изучение молитв, б) священная история и объяснение богослужения, в) краткий катехизис; 2) церковное пение; 3) чтение церковной и гражданской печати и письмо; 4) начальные арифметические сведения».

Первоначально срок обучения в церковно-приходских школах составлял два года, а в 90-е годы XIX в был продлен до трех лет. Общее руководство работой этих школ осуществлял училищный совет при святейшем Синоде.

Сразу после утверждения «Правил о церковно-приходской школе» число церковно-приходских школ стало увеличиваться. Затраты казны на церковно-приходские школы резко превосходили субсидии на начальные народные училища, подчиненные Министерству народного просвещения.

В отчете о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Астраханской епархии за 1886-1900 гг. названы 86 церковно-приходских и 23 школы грамоты. По своей структуре они были проще и доступнее для бедного населения. Эти школы обслуживали в основном крестьян. К концу XIX в. из 2930 учащихся церковно-приходских школ 2469 составляли дети крестьянских семей. В школах грамоты на их долю приходилось 347 ученических мест.[8]

Епархиальное начальство старалось открывать как можно больше церковно-приходских школ, но созданию их материальной базы внимания уделялось явно недостаточно, поэтому некоторые школы, не начав работать, закрывались.

Более стабильно работали народные училища Астрахани. В инспекторских отчетах и справках тех лет довольно высокая оценка дается 2-му и 6-му мужским, 1-му и 2-му женским приходским учидищам, в

которых работали грамотные учителя, умело обучавшие детей письму, математике и другим учебным дисциплинам. В числе лучших учителей Астраханской губернии называется фамилия учителя 20-го приходского училища Никифорова.[9] По свидетельствам школьных инспекторов, 17 начальных народных училищ вполне отвечали соответствующим требованиям, предъявляемым к учебным заведениям данного типа и уровня. Но все-таки во многих школах, особенно в сельских, приходскими учителями являлись: «изгнанные из службы чиновники, недоучки разных учебных заведений, отставные солдаты, писаря, даже и не слышавшие о существовании педагогики».[10]

В «Заметке об участии наших городов в издержках на народное образование...», опубликованной в «Астраханском справочном листке» в 1866 г., указывается, что в среднем по 43 губерниям России на учебные заведения из расчета на одного жителя тратилось 6,9 коп., а по Астраханской губернии – 15,2 коп. Хотя для тех лет эта цифра и выглядела несколько утешительно, но она не отражала реального состояния дел, так как Астрахань уступала многим городам центральной России и по количеству школ разных типов, и по количеству обучающихся в них. Достаточно заметить, что на народное образование в Астраханской губернии расходовалось казенных средств в 34 раза меньше, чем на все другие городские нужды.

Характеризуя состояние народного образования в крае в 1889 г., инспектор А.А. Красев писал: «В Астраханской губернии вообще нет еще начального образования в собственном смысле, – образования для села, для народа, для крестьянина. Здесь начальная школа успела привиться пока только в городах, особенно в Астрахани и Черном Яру, и затем уже, в виде исключения, в тех немногих населенных пунктах губернии, которые имели и имеют какое-либо особенное, по преимуществу торговое или промышленное значение».[11]

Потребность в образовании среди крестьянского нселения особенно заметной становится к исходу XIX в. в силу происходивших соци-

ально-экономических изменений. Однако для учащихся недоставало школьных помещений, не было необходимого количества подготовленных учителей. «Насколько велика потребность в образовании, можно судить отчасти по тому, что в последнее время развивается, как промысел, учительство... Стоит только взглянуть, насколько переполнены существующие школы учениками, то едва ли останется место сомнению в том, что существующие школы не удовлетворяют потребности населения в образовании», – писала газета «Астраханский вестник» в 1896 г.

Официальные данные свидетельствуют, что низшие училища, главным образом, приходские были переполнены учащимися: в среднем на одно училище приходилось 90 детей при двух преподавателях. Из 113075 человек городского населения детей школьного возраста было 7900, из них обучалось в школах чуть более половины – 51,5%.

По первой Всероссийской переписи 1897 г. в Астраханской губернии насчитывалось 3992 населенных пункта, в 3822 из них вообще не имелось никаких школ! Даже в тех населенных пунктах, где были школы, половина детей школьного возраста (49,8%) не обучалась. Конкретные данные о количестве обучающихся детей по всем пяти уездам губернии выглядят следующим образом:[12]

Уезды	Число детей		Число детей, оставшихся вне школы
	от 8 до 11 лет	из них учащихся	
Астраханский	2645	2034	611
Красноярский	1107	913	194
Енотаевский	4109	1907	2202
Черноярский	5190	2440	2750
Царевский	10988	4786	6202
Итого:	24039	12080	11959

Важным шагом в развитии народного образования в крае было открытие средних учебных заведений. Среди них – мужская гимназия, открывшаяся 29 июля 1806 г. на базе Главного народного училища: это

была третья гимназия в обширном Казанском учебном округе. Согласно «Уставу 1804 г.», ее цели определялись следующим образом: «1) приготовление к университетским наукам юношества; 2) преподавание наук, хотя и начальных, но полных тем, кто пожелает приобрести сведения, необходимые для благовоспитанного человека». Учение длилось 4 года, в школе должно быть 8 учителей, которые вели преподавание по циклам. Согласно этому уставу, обучение в гимназии должно было начинаться с тех предметов, которые изучались в уездных училищах, т.е. соблюдалась преемственность в обучении. Гимназия была открыта в составе приготовительного, 1-го и 2-го классов. Уже к 1808 г., согласно отчетной ведомости, гимназия располагала: «1) библиотекой, имеющей 614 книг; 2) географическими пособиями в количестве 20 номеров; 3) физическим кабинетом с 44 приборами; 4) кабинетом естествознания с 618 различными предметами». В физико-математический кабинет мужской гимназии были переданы вещи и инструменты из физического кабинета главного училища, составляющие по тому времени очень приличную коллекцию.

Число учащихся гимназии в год открытия составляло 67 человек. Из них во второй класс поступило 15, в первый – 18 и в приготовительный -34. В приготовительном классе вместе с мальчиками обучались и девочки (в списках значились Аграфена Куклина и Надежда Покровская). Первый публичный экзамен состоялся 25 июня 1809 г. Испытания проводились по латинскому, немецкому, французскому языкам, арифметике, алгебре, геометрии, российской грамматике, логике, психологии, математической и всеобщей географии и древней истории.

В июне 1809 г. был открыт 3-ий гимназический класс, в 1811 г. – 4-ый, а в 1812 г. был осуществлен первый выпуск в количестве 10 человек.

Отличительной чертой Астраханской гимназии являлось то, что в ней обучались не только дети, но и взрослые из служащих и чиновников, поступающих для усовершенствования в науках. В числе первых

выпускников-взрослых служащие гражданской Палаты Алексей Колпиков, Андрей Акимов, Никанор Стасевич и Михаил Стасевич.

В первые годы существования гимназия испытывала большие трудности с учебниками и учебными пособиями, поэтому физика, алгебра, геометрия, зоология и словесность изучались по записям учителей. Положение стало несколько улучшаться с 1822 г., когда при гимназии было создано так называемое книжного депо, которое обеспечивалось учебниками из фондов Департамента Народного просвещения.[13]

С 1824 по 1833 гг. гимназия относилась к Харьковскому учебному округу и была подконтрольна Харьковскому университету. В это время она переживала не лучшие времена. С 1826 по 1829 гг. не было четвертого класса, а потому не было и выпуска учеников, окончивших полный курс наук; в течение этих лет ученики уходили из гимназии, не окончив ее, и поступали на службу. Если в 1817 г. учащихся в ней было более ста, то в 1827-1829 гг. – меньше тридцати.

С 1834 г. гимназия была передана в ведение Казанского учебного округа, а с 1835 г., в соответствии с Уставом 1828 г., в составе первых пяти классов перешла на новые учебные планы. В 1836/37 уч. г. был открыт 6-ой класс, в 1837/38 – седьмой, а в 1838 г. состоялся первый выпуск из семиклассной Астраханской гимназии в составе двух человек – Алексея Евреинова и Павла Черкасова.

Находясь в составе Казанского учебного округа, Астраханская гимназия значительно повысила свой статус, ее выпускники в подавляющем большинстве стали поступать в Казанский университет. Этот знаменательный факт был отмечен попечителем Казанского учебного округа в циркуляре по округу: «Так как из отдаленнейшей Астраханской гимназии все ученики 7-го класса поступают в университет, а из других, как Вятская и Саратовская, – мало, то я вменяю себе в удовольствие изъявить искреннюю мою благодарность директору Рыбушкину».[14]

С 1846 г. при гимназии был учрежден пансион для 20 казеннокоштных воспитанников и четыре казенные стипендии для выпускников гимназии – студентов Казанского университета.

До 1840 г. основную массу учащихся гимназии составляли дети дворянского сословия. Позже, в соответствии с общими социальными сдвигами, изменялся и состав учащихся всех учебных заведений: если в 1835 г. дети дворян в Астраханской гимназии составляли 92,4%, в 1850 г. – 63,1%, то в 1861 г. – уже 53,3%: остальную часть обучающихся составляли представители разных сословий.

Цепная реакция реформ, вызванная отменой крепостного права в России, затронула и систему образования. Принятый в 1864 г. новый «Устав гимназий и прогимназий устанавливал два типа гимназий: классические и реальные. С 27 мая 1865 г. Астраханская гимназия стала именоваться реальной, но с 1871-1872 уч. г., в связи с контрреформами, гимназия вновь стала классической.

В Астраханской гимназии в XIX в., за период с 1806 по 1835 гг., общее число учащихся составило 1978 человек, из которых 1335 принадлежали к привилегированным сословиям (т.е. 67,5%); закончили же гимназию за этот период 83 человека, т.е. в среднем в год было 3 выпускника; выбыло, не окончив курс, 376 человек.

За период с 1837 по 1900 гг. полный курс гимназии окончили 556 выпускников, не завершили полное обучение 8969 человек, т.е. гимназистов, полностью выполнивших план обучения, было в 16 раз меньше, чем тех, кто покинул стены гимназии и перешел на государственную службу.

Годы	1837	1850	1861	1873	1882	1890	1895	1900
Число учащихся, в т.ч.:	162	168	137	267	297	370	346	420
дворян	128	106	70	155	120	171	166	162
духовенства			1	2	18	14	. 9	6
прочих сословий	34	62	66	1	159	185	171	252

Данные о числе учащихся и их сословной принадлежности до конца прошлого столетия выглядят следующим образом.[15]

В сентябре 1877 г. в Астрахани было открыто реальное училище. Это было 7-е реальное училище в пределах Казанского учебного округа. «Реальные училища имеют целью доставлять в них юношеству общее образование, приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний, и дают право окончившим курс учения в училищах и дополнительном при них классе по какому-либо из его отделений поступать в высшие специальные училища, подвергаясь только проверочному испытанию».[16]

Основное место в учебном плане училища уделялось изучению предметов естественно-математического цикла, около трети учебного времени отводилось изучению иностранных языков и закона божия. С 1878/79 уч. г. в училище было уже четыре первых основных класса и один коммерческий с 67 учащимися.

С 1884/85 уч. г. были открыты параллельные классы. Основной контингент обучавшихся составляли дети городских жителей. Директор училища Ленс приводит следующие данные о социальном составе учащихся к концу XIX в.: потомственные дворяне – 4,8%, личные дворяне и чиновники – 7, 56%, почетные граждане и купцы – 12,54%, мещане и цеховые – 38,55%, казаки – 4, 98%, крестьяне – 24,52%, иностранцы – 0,37%, прочие – 5,2%, духовного звания – 1,48%.

Приведенные сведения свидетельствуют, что демократизация средних учебных заведений происходила в соответствии с социальными сдвигами, происходившими в стране. Школа постепенно теряла сословный характер, поддаваясь буржуазно-демократическим веяниям.

За 24 года существования в Астраханское реальное училище поступили 1471 человек. Первый выпуск состоялся в 1880 г.: тогда 6-й коммерческий класс окончили всего 2 человека. До конца XIX в. состоялся 21 выпуск. За эти годы 6-й коммерческий класс окончили 71, 6-й основной класс – 162, 7-й дополнительный класс – 105 человек. По-

лучили свидетельства об окончании училища 338 человек, выбыли до окончания полного курса обучения 646.[17]

Вопрос о женском образовании ставился астраханской общественностью постоянно, как и всеми прогрессивными людьми во всей России. Первое женское среднее учебное заведение в Астрахани – Институт благородных девиц – был открыт в 1836 году. Под его крышу было зачислено 20 человек. Основная задача образования и воспитания «благородных девиц» состояла прежде всего в приобретении умения «блеснуть» в обществе. Кроме закона божьего, особое внимание уделялось изучению французского языка, обучению танцам, хорошим манерам поведения. Это учебное заведение просуществовало 30 лет. В 1861 г. в его стенах обучались 32 человека. Для города с населением 45 000 человек число обучающихся девочек составляло всего 0,07%. Далеко не все желающие могли определить своих дочерей в это, выражаясь сегодняшним языком, элитное учебное заведение.

Под влиянием демократических настроений общественности и потребностей времени Астраханский институт благородных девиц в 1867 г. был преобразован в Мариинскую женскую гимназию, которая сразу же стала пользоваться большой популярностью среди населения края. Об этом свидетельствуют данные о числе учениц в различные годы: 1867 г. – 120; 1873 г. – 225; 1882 г. – 363; 1890 г. – 351 человек.

Основной контингент составляли дочери людей из привилегированных классов. В гимназии для воспитанниц созданного здесь пансиона было установлено 11 стипендий и, кроме того, выплачивалась 51 стипендия для учениц, проживающих в домашних условиях.

Открывались в городе и учебные заведения духовного ведомства. Среди них – Астраханская духовная семинария, открытая 6 января 1778 г. одно из немногих подобных учебных заведений на всем юго-востоке России. На момент открытия учащихся в ней насчитывалось 36 человек. В семинарию принимались дети всех национальностей, обучение носило демократический характер.

Круг преподаваемых предметов был крайне неустойчив – в основном из-за отсутствия подготовленных учительских кадров. Хуже всего дела обстояли с преподаванием армянского, калмыцкого и турецкого языков. С течением времени круг изучаемых предметов расширялся. Лучшие воспитанники семинарии посылались в Московскую Академию за казенный счет, после ее окончания они «должны были заняться распространением полезных знаний».[18] В ноябре 1802 г. в Астраханской семинарии был открыт медицинский класс (в составе 35 учеников), просуществовавший шесть лет.[19]

В октябре 1866 г. в Астрахани открылось епархиальное училище, хотя попытки открыть его предпринимались в течение предшествующих двадцати лет. Содержалось оно на средства частных лиц, церквей, монастырей. Основной контингент учащихся составляли дети лиц духовного звания – 63,6%.

Количественный рост разного типа учебных заведений требовал от преподавателей соответствующей подготовки. Астраханские учебные заведения, подчинявшиеся Казанскому учебному округу, пополнялись учительскими кадрами в основном за счет окончивших Казанский университет или педагогический институт. Были среди учителей и выпускники других университетов, институтов, высших военных училищ. В их числе можно назвать М.Ф. Богатырева (Петербургский университет), Е.А. Скворцову (Петербургская женская гимназия), Г.А. Волжанинова (Саратовское военное училище), П.И. Снежицкого (Горьковский земледельческий институт), П.А. Цветаева (Московский университет).[20]

В первую очередь комплектовались учительскими кадрами средние учебные заведения города, потом – училища уездных городов. До школ далеких сельских окраин огромной Астраханской губернии дело, как правило, не доходило. Да и в городских училищах (частных и некоторых государственных) многие преподаватели работали по совместительству. В 1876 г., как сообщалось в журнале министерства народ-

ного просвещения, общее число вакантных мест составляло 387.[21] Не единичны случаи, когда в средних учебных заведениях города некоторые учебные предметы ввиду отсутствия преподавателя не изучались по нескольку лет. Вопрос по учительским кадрам в астраханских учебных заведениях в разные периоды решался по-разному. Н. А. Лопатин, автор вышедшего в 1875 г. исследования «Материалы для истории просвещения Астраханского края», сообщал: «Гимназия в первый свой период не могла похвалиться своими руководителями... Состав учебной корпорации в этот период не отличался особыми высоконравственными качествами, а имел те же грубые пороки окружающей среды...».[22]

И все-таки немало видных представителей науки, культуры получили первоначальное образование в астраханских учебных заведениях, где самоотврженно трудились высоконравственные, грамотные и талантливые учителя, посвятившие свою жизнь народному просвещению, представлявшие собой лучшую часть не только астраханского учительства. Среди них следует назвать Т.С. Покровского, учителя математики и физики Главного народного училища, а позже – гимназии,[23] В.Н. Виноградского, окончившего Казанский университет с золотой медалью и с 1868 г. работавшего учителем математики, позднее – директором реального училища, А.Я. Вальтера, учителя немецкого языка и математики реального училища, участника Казанского революционного кружка 1884-1886 гг., и многих других.

В Астраханской гимназии работало немало выдающихся педагогов и просветителей, составивших славу не только Астраханскому края, но и всей России.

Иосиф Антонович фон Вейскгопфен (1778-1816) родился в Тироле, юридическое образование получил в Венском университете. Переехал в Россию в 1806 г., с 1811 г. преподавал в Астраханской гимназии немецкий и французский языки. Здесь он написал один за другим четыре учебника по иностранным языкам.[24] Кроме того, вместе со своим соотечественником Кристианом Литке он приобрел в Петербурге ти-

пографское оборудование и приступил к делу, ставшему главным в его жизни, – изданию газеты «Восточные известия». Газета, издававшаяся с 1813 г. еженедельно, имела беспрецедентный успех, ее выписывали не только в Астрахани, но и в Казани, Пензе, Москве. Издание газеты прекратилось сразу же после смерти И.А. Вейскгопфена в 1816 г.

Бескорыстным и неутомимым просветителем Астраханского края был Иван Викентьевич Добровольский – просветитель, педагог, фольклорист-этнограф, композитор, изобретатель оригинального способа нотопечатания, дирижер, скрипач, виолончелист, создатель музыкальных инструментов. И.В. Добровольский работал в Астраханской гимназии с 1812 г. Изучая разнообразный фольклор, записывая звучащие вокруг него напевы многонационального города, Добровольский осуществил свою давнюю мечту об издании музыкального сборника, который назывался «Азиатский музыкальный журнал» и издавался в 1816-1818 гг. литографским способом. Об успехе журнала свидетельствует тот факт, что «Азиатский музыкальный журнал» распространялся не только в провинциальной Астрахани, но высылался в Казань, Петербург, Москву, Вятку, Пензу, Томск и другие города России.

Известным просветителем и краеведом не только в Астраханской губернии, но и во всем Поволжье был Михаил Самсонович Рыбушкин, выдающийся по своим способностям человек. М.С. Рыбушкин (1792-1849), окончил Казанский университет в 1810 г. В 1835 г. он был назначен директором Астраханской гимназии. «В восьмилетнее управление гимназией г. Рыбушкина преподавание не только вошло в полноту общего курса, но и умножилось еще введением изучения языков арабского и армянского; число учащихся возросло до 130, между которыми считается ныне 33 из татар и персиян; из оканчивающих курс учеников при нем только начали поступать в Казанский университет...».[25]

Значителен вклад М.С. Рыбушкина в краеведение. Его книга «Записки об Астрахани», изданная в Москве в 1841 г., была написана на

основе архивного материала. В предисловии к своей книге автор писал: «Подвергая суду читателей слабый труд, я не могу не обнаружить мысли моей, что история всякого края, города и местечка составляет уже звено, принадлежащее истории государства».[26] Этот, по словам автора «слабый труд» является сегодня библиографической редкостью и исключительно ценным историческим источником.

К числу выдающихся общественных деятелей следует отнести уроженца астраханской земли, одного из первых учащихся гимназии Ивана Михайловича Симонова. Астроном, географ, математик, магнитолог, метеоролог, литератор, этнограф, путешественник, просветитель-педагог – И.М. Симонов был незаурядной личностью, сыгравшей значительную роль в деле развития и распространения знаний не только в нашем крае, но и в России.

И.М. Симонов (1794-1855) был в буквальном смысле человеком из народа, которому его выдающиеся способности открыли путь к высшему образованию и к научной деятельности. Он родился и вырос в Астрахани в семье купца, начальное образование получил в Главном народном училище.[27] После окончания Астраханской гимназии в феврале 1809 г. был зачислен на физико-математический факультет Казанского университета, где учился вместе с великим русским математиком Н. И. Лобачевским. Уже на первом году обучения проявился его незаурядный талант, и он вместе с Лобачевским был отнесен к числу камерных студентов, в обязанность которых входила самостоятельная работа по проведению консультаций и оказание помощи слабо успевающим сокурсникам.[28] Регулярная педагогическая деятельность И.М. Симонова началась с марта 1814 г., когда он был удостоен звания адъюнкта физико-математических наук с правом преподавания в Казанском университете.[29]

Мировая известность пришла к нему после участия в качестве астронома в кругосветной экспедиции 1819-1821 гг. под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева.

И.М. Симонов был избран членом почти двадцати ученых обществ: Русского географического, Парижского географического, Рейнского общества испытателей природы, Петербургской Академии наук, французского Общества общей статистики, Варшавского общества Друзей Науки и т.д.[30] Он поддерживал научные связи со многими выдающимися учеными мира: Гауссом, Био, Фурье, Лапласом, Гумбольдтом, Бесселем, Араго, Гершелем, Остроградским...[31]

Однако главным делом жизни И.М. Симонова была его педагогическая деятельность, которая проходила в Казанском университете на протяжении более 40 лет.

Большое внимание И.М. Симонов уделял средней школе. Под его руководством были написаны программы для преподавания в гимназиях Казанского учебного округа,[32] составлен рекомендательный список книг для учителей и учащихся, неоднократно проводились проверки учебных заведений в Поволжье, в том числе и в Астраханской губернии.

На подготовку учителей И.М. Симонов смотрел как на дело первостепенной важности. Не дожидаясь коренной перестройки системы народного образования, он стремился к пробуждению у педагогов интереса и творческого отношения к делу, требовал вдумчивой работы, применения более эффективных методов обучения.

Он сам лучше, чем кто-либо, сумел объяснить свои качества: «...И всякий раз уходил с мыслью... о награде в здешнем мире двумя искрами божества – наукой и нравственным образованием».[33]

Среди прогрессивных талантливых учителей Астраханской гимназии следует назвать учителя математики, у которого учился Илья Ульянов, Николая Михайловича Степанова.

Н. М. Степанов (1821-1880) был выходцем из мещан Пермской губернии. Высшее образование получил в Казанском университете, где его учителями были известные ученые того времени Н. И. Лобачевский и И.М. Симонов. Н. М. Степанов преподавал математику в Астра-

ханской гимназии в течение двадцати лет (1841-1861). Уже в 1841 г., только прибыв в гимназию, он начал вести научную работу, проводя систематические метеорологические наблюдения и отсылая их результаты в Казанский университет. В «Астраханских ведомостях» в 1841 г. была напечатана статья Н. М. Степанова «О метеоре, виденном в Астрахани в 1841 г.», перепечатанная позже многими журналами.

Н.М. Степанов был знающим педагогом и опытным методистом, имел звание заслуженного преподавателя, пользовался уважением окружающих. Исследователь Ж.А. Трофимов приводит очень выразительную характеристику Н. М. Степанова, данную одним из его учеников: «Н. М. Степанов с виду был человек очень суровый; эту внешнюю суровость почему-то старался проявить на письменных экзаменах. Но в то же время был крайне отзывчивый человек. В классах обращал внимание на малоуспешных учеников; более способных вызывал очень редко. Но особенно дорого в нем это то, что он принимал сердечное участие в материальном положении беднейших учеников то денежным взносом за квартиру, то покупкой платья, то подыскиванием уроков. Исключительно только благодаря его участию многим ученикам удалось получить гимназическое образование».[34]

В Астраханской гимназии много лет, с 1842 до 1857 гг. преподавал Александр Васильевич Тимофеев, который в 1841 г. окончил с золотой медалью философский факультет Казанского университета и был утвержден старшим учителем российской словесности и логики Астраханской гимназии. Он являлся учителем известного в будующем педагога и просветителя Ильи Николаевича Ульянова, который в 1850 г. окончил с серебряной медалью Астраханскую гимназию.

В силу известных причин, о жизни и деятельности И.Н. Ульянова как учителя и видного просветителя написана обширная литература. Здесь уместно напомнить лишь слова М.С. Шагинян: «Дело и личность И.Н. Ульянова заслонены именем его великого сына. Нам надо научиться смотреть на него и его изучать не только как отца Ленина, а и одно-

го из прекраснейших русских педагогов, создателя очень ценного для Советской страны педагогического наследия».

Последователями И.Н. Ульянова были К.М. Аммосов и А.А. Красев, внесшие заметный вклад в дело просвещения в Астраханской губернии.

В деле просвещения и образования населения Астраханской губернии заметную роль играла периодическая печать и прежде всего – газеты. О их издании в первой четверти XIX в. при участии И.А. Вейскгопфена и И.В. Добровольского сказано было выше. Здесь следует лишь отметить, что они заложили основы газетного дела в крае.

С 1838 г. стала выходить газета «Астраханские губернские ведомости». С 1862 по 1865 гг. издавалась газета прогрессивного направления «Волга». На ее страницах наряду с освещением вопросов хозяйственной жизни края рассказывалось о деятельности театров, о содержании концертов, положении местной печати, о работе библиотек.[35] Значительное место уделялось в публикациях состоянию просвещения народных масс в крае. В числе первых, активных корреспондентов «Волги» был В.В. Берви-Флеровский, отбывавший ссылку в Астрахани, автор известного научного исследования «Положение рабочего класса в России».[36]

С 1 июля 1866 г. в Астрахани стала выходить еженедельная коммерческая и литературная газета «Восток». Одним из главных деятелей редакции газеты был С.С. Рымаренко, известный руководитель освободительного движения 60-х годов XIX в.[37] Существование газеты было недолгим, последний номер «Востока» вышел 29 декабря 1867 г., но просветительскую миссию газета выполнила достойно.

С 15 апреля 1889 г. стала выходить газета «Астраханский вестник». Газета обещала «честно и добросовестно служить родному краю». В ее редакции сотрудничали П.М. Никольский и Б.А. Маркович – друзья Н.Г. Чернышевского, писатель Е.Н. Чириков, журналисты В.Л. Поляк, А.П. Подосенова. Все это были люди «поднадзорные», «неблагонадеж-

ные».

Одним из используемых в то время видов учебной и культурно-просветительной работы среди взрослых были воскресные школы и народные чтения.

Воскресные школы – один из первых в России педагогических экспериментов, уникальных и по замыслу, и по характеру, и по своему размаху.

В Астрахани в 1860 г. были открыты две воскресные школы (мужская и женская), еще одна открылась в 1861 г. В них обучались 95 человек. Были попытки создавать такие школы и в сельской местности, но они оказались неудачными, так как вскоре воскресные школы повсеместно властями стали закрываться из-за демократичности и вольнодумства их учителей.

Среди многообразных форм культурно-просветительской деятельности важное место принадлежало народным чтениям. «Правила об устройстве Народных чтений в губернских городах» были утверждены в декабре 1874 г. Комиссия Народных чтений начала действовать в Астрахани с 1881 г. Передовая часть общества вступала в члены Комиссии Народных чтений для того, чтобы способствовать распространению грамотности среди населения. Число лекторов к 1888 г. достигло 82, заведованием чтений занимались 10 членов-распорядителей, которые решали все основные вопросы, связанные с проведением чтений: открытие новых аудиторий, разработка программ, подбор лекторов, открытие бесплатных библиотк и т.п. Чтения в основном проводились в воскресные и праздничные дни с сентября по май в аудитории реального училища, вмещающей до 600 человек, начинались они в 6 часов вечера. В 1888-1889 гг. было проведено более 40 чтений, в качестве слушателей на которых побывали около 14000 человек, в среднем – 340 человек на одно чтение.

В отчетах Комиссии по Народным чтениям отмечалось, что основной контингент слушателей составляет малограмотное население

средних сословий.

Комиссия Народных чтений организовала проведение новых форм внешкольной работы с детьми – детских утренников. В 1889 г. их состоялось два.

Большое внимание Комиссия Народных чтений уделяла обмену опытом с аналогичными комиссиями других городов страны. О плодотворной деятельности Астраханской Комиссии по проведению Народных чтений писали в «Народной школе», «Волжском вестнике», «Справочном листке», «Северном вестнике», в отчете Петербургского Военно-педагогического музея.[38]

Народные чтения были не единственным видом просветительской работы среди взрослого населения Астрахани. Организовывались и различные общества культурно-просветительского характера. Среди них особо следует отметить литературно-драматическое общество, созданное в 1893 г. Уже в 1894 г. в нем состояло около 250 человек. В задачи общества входило проведение спектаклей, чтений, вечеров по истории литературы. При обществе была открыта читальня.

В 1895 г. в Астрахани под руководством П.А. Власова был организован художественный кружок, целью которого являлись организация и открытие художественных и технико-рисовальных классов. При кружке открылась библиотека, знакомившая жителей Астрахани со специальными и художественными изданиями.[39]

Народные чтения проводились и во многих селах Астраханской губернии. Так, например, в селе Пришиб Царевского уезда за два года на народных чтениях, устраивавшихся в 2-классном министерском училище, побывало около 14000 слушателей.[40]

А.А. Красев был противником палочной дисциплины, по его мнению, «начальная школа... не должна отличаться характером сухого и официального отношения к детям... она должна представлять собой как бы правильно и стройно организованную семью, в которой учащиеся могли бы чувствовать себя легко и приятно, как дома».[41] После-

довательно выступая за осуществление принципов гуманизма, патриотизма, любви к труду, А.А. Красев считал, что, выдав инструкции по организации школьного дела сельским правлениям, учителям, родителям, можно поправить состояние школьного образования. Проводимые в то время мероприятия и реформы школьного образования не могли решить главного вопроса о всеобщем начальном образовании при существовавшем строе.

Значительный вклад в организацию народных чтений в Астраханском крае внесли Н.Ф. Скориков, заведующий городским одноклассным училищем, И.Н. Ульянов, К.М. Аммосов, А.А. Красев.

Между тем царское правительство всячески пыталось ограничить просветительские начинания передовой интеллигенции. Так, в январе 1894 г. астраханский губернатор получил из департамента полиции циркуляр, предписывающий ему пользоваться запретительными мерами в отношении организации и проведения народных чтений. В этом документе записано: «...Из поступающих ныне сведений усматривается, что в последнее время идея о необходимости развивать народ вызвала стремление неблагонадежного элемента добиться учреждения библиотек, читален и публичных чтений не только в губернских, но и уездных городах и селениях... устраивают чтения и библиотеки для народа, причем для обеспечения себя от правительственного вмешательства стараются заручиться поддержкою официальных лиц, преимущественно священника...».[42]

В Астраханском крае просветительская работа приобретала именно те формы и содержание, которые для официальной власти были нежелательными и постоянно подвергались преследованиям.

§8. Общественные отношения, культура и быт народов Астраханского края в XVII-XIX веках

Население Нижнего Поволжья в XVII в. представляло собой весьма пеструю картину. Здесь происходило формирование совершенно но-

вого и самобытного явления, характерного только для Астраханского края. Культура XVII в. в Нижнем Поволжье представлена целым рядом самобытных национальных культур: русской (в XVII в. это, как правило, только городская культура), очень близкими тюркскими культурами (татарской и ногайской), калмыцкой, и, в некоторой степени, ряда восточных культур, хотя и бытовавших в Астрахани, но оказывающих меньшее влияние по сравнению с уже перечисленными культурами – речь идет, прежде всего, о культуре персидского, армянского, индийского населения.

Формирование этого самобытного явления началось задолго до XVII в. Истоки культуры населения Нижнего Поволжья следует искать еще в Хазарском каганате. Именно в период его существования в нашем крае были заложены основные различия культуры кочевого и культуры оседлого населения. Различия эти просуществовали вплоть до XX в. и в определенной степени не утратили некоторых своих характеристик и сегодня.

Другим основным признаком, возникшим еще в Хазарском каганате, и отличающим региональную культуру от многих других, является ее полиэтничность.

Если татары и ногайцы для Нижнего Поволжья были уже довольно-таки «старым» населением, берущим свое начало еще в кыпчакском (половецком) этносе, то калмыки в XVII в. на Нижней Волге были сравнительно «молодым» населением, появившимся здесь не ранее 1630 г. Однако в культурном плане у этих этнических групп было очень много общего. Основным занятием всех этих народов являлось кочевое скотоводство. Хотя здесь следует заметить, что отдельные группы татар занимались и рыболовством, и огородничеством, продолжая на Нижней Волге земледельческие традиции, заложенные еще в Хазарском каганате.

Ногайцы как народность, сыгравшая большую роль в освоении обширной территории от Причерноморья до Южной Сибири, сформи-

ровались с середины XIV в. на основе восточно-кыпчакских этнических групп с некоторыми добавлениями западно-кыпчакских («половецких»). Вскоре после своего образования Астраханское ханство оказалось фактически зажатым между ногайскими кочевьями – и с востока, и с запада, а правители ханства зачастую являлись лишь ставленниками соседних ногайских мурз.

В дальнейшем, когда Астраханское ханство вошло в состав России, большие группы ногайцев искали здесь защиты от междоусобных распрей своих мурз, или откочевывали сюда во время неудачных войн с другими кочевниками-калмыками (ойратами).

Английский мореплаватель Кристофер Бэрроу, посетивший Астрахань в 1579-81 гг., отмечал наличие полуоседлого стана – поселения «Юрт» (примерно на месте современного Зацарева), где жили 7 тысяч «ногайских татар».[1] Это же поселение, пополнившееся новопоселенцами из неспокойных степей, в XVII в. было описано немцем-голштинцем Адамом Олеарием и фламандцем Корнелием де Бруином, а в XVIII в. – ученым путешественником С.Г. Гмелиным.

Юртовцы, включая едисанцев (представителей кочевий нач. XVII в.), являлись выходцами из Большой ногайской орды. Эти группы ногайцев переходили к оседлости в середине XVIII- начале XIX в. И лишь небольшая их часть – алабугатские утары – длительное время сохраняла в подстепных ильменях и прикаспийских «мочагах» полукочевую жизнь.

Юртовские ногайцы устанавливали многообразные связи со средневолжскими татарами-переселенцами, открывшими в Астрахани Казанский торговый двор. Они и получили название «юртовские ногайские татары» или просто «юртовцы». Даже в 1877 г., по сообщению Царевского волостного старшины Исхака Мухамедова, их историческое самоназвание сохранялось как «юрт-ногаи».[2]

У юртовцев насчитывалось 11 населенных пунктов, возникших в середине XVIII-начале XIX в.: Карагали, Башмаковка, Яксатово, Осып-

ной Бугор, Семиковка, Кулаковка, Три Протоки, Мошаик, Килинчи, Солянка, Зацарево.[3]

Еще одна этническая группа ногайцев, выходцев из другой, Малой ногайской орды, «кундровцы», по современному названию – «карагаши», появилась на границах Астраханского края, выйдя в 1723 г. из состава Крымского ханства. Они подчинялись калмыкам вплоть до 1771 г., а затем переселились непосредственно в Красноярский уезд Астраханской губернии.

Два полукочевых аула карагашей (Сеитовка и Хожетаевка) были основаны в 1788 г.[4] Несколько семей карагашей при этом продолжали вплоть до революции 1917 г. круглогодичное кочевание на каспийском взморье.[5] Но в 1929 г. все ногайцы были переведены на оседлость.

С оседлыми ранее юртовцами карагаши до начала XX в. почти не контактировали, но осознавали свое общее с ними происхождение, именуя пригородных жителей «карийле-ногай», т.е. «ногайцы-черноюртовцы».[6]

Таким образом, все этнические группы ногайского происхождения в Астраханском крае, имея единую культурную общность, испытали сходное развитие в процессе своей седентаризации (перехода к оседлой жизни).

С переходом от полукочевого и кочевого скотоводства к оседлому земледелию видоизменялись, подчиняясь общим закономерностям, быт и традиции, социальная структура этого населения. При этом порой возникали необычные, новые социокультурные и этнокультурные варианты и явления.

У карагашей за время жизни в Астраханском крае произошло радикальное упрощение родоплеменной структуры с «пятичленной» (народ – орда – племя, куб – ветвь – род) до «двухчленной» (народ – род).

У юртовцев уже в начале XVIII в. возникла переходная структура, объединяющая военно-соседскую (так называемый «табун») и родовую племенную. При оседании «табун» образовывал село, а входив-

шие в него родовых группы – его кварталы («махалля»). Так получалось, что представители одного и того же рода, попав в разные орды, образовывали в различных селах одноименные «махалля».

Архивные документы свидетельствуют, что в середине XVII в. было известно 23 рода юртовцев. К середине XIX в. сохранилось лишь 15 «табунов»,[7] которые были идентичны оседлым юртовским селам вокруг города.

Каждая «махалля» хранила свои обычно-правовые нормы, имела свою мечеть и суд-совет старейшин («маслагат»), куда мулла входил в качестве рядового члена. В каждой «махалля» создавались подростковые союзы мальчиков, т.н. «джиены». Имелись также и неофициальные места культа – суфийские святые могилы – «аулья».

При этом число «махалля», мечетей в юртовских селах, «джиенов» и даже «аулья» примерно одинаково (в разные годы 25-29) и соответствует числу прежних родов в юртовских «табунах» (24-25).

Предания карагашей сохранили называния двух «орд», в составе которых они пришли с Северного Кавказа (касай и каспулат). Источники же конца XVIII в. называют четыре «куба» (племени),[8] видимо, по два в каждой «орде».

В середине XIX в. было известно 23 рода и подразделения, имевших свои тамги.[9]

Социальная структура ногайских групп, сохранявших длительное время кочевание и полукочевание, была достаточно однородной.

Другую ситуацию можно было наблюдать у юртовцев. Их социальная организация в XVII-начале XIX в. имела три структурных элемента: «белая кость» (мурзы и агалары), «кара халык» (простой народ) и зависимые «эмеки» («джемеки»).

Семьи «мурз» из фамилий Урусовых и Тинбаевых вели свое происхождение от основателя Ногайской орды бия Едигея. Они возглавляли несколько «табунов» едисанского этапа переселения.

Менее знатные семьи лучших воинов – «батыров» (т.н. «агалары»)

заменяли «мурз» во главе многих «табунов»; они возглавляли почти все собственно юртовские, а батыр Семек Арсланов – основатель села Семиковка – и один из едисанских «табунов».

Помимо рядовых ногайцев («черной кости»), при юртовских, едисанских «табунах» существовал зависимый социальный слой людей смешанного происхождения, потомков пленных, либо прибившихся к юртовцам и обязанных обслуживать их, снабжать продовольствием. Потому они и назывались «эмеки» («джемеки»): от слова «эм, джем» – «еда, пища, корм».

Эмеки были первыми постоянными жителями юртовских поселков. По их названиям и другим косвенным признакам поселениями эмеков можно считать «Ямели аул», т.е. Три Протока, «Кулакау» – Кулаковку и «Ярлы-тюбе», т.е. Осыпной Бугор.

С переходом на оседлость, в середине XVIII в., мурзы и агалары попытались закрепостить эмеков в личную от себя зависимость по образцу российских крестьян.

Астраханский ученый – губернатор В.Н. Татищев писал о юртовцах, что «они имеют подданных, именуемых ямеки, но табунные головы за тех в ответственности».[10]

Табунный голова Абдикарим Ишеев в начале XIX в. сообщал о своем зависимом населении следующее: «...от колена разного рода люди, когда предки наши, еще не быв во всероссийском подданстве, (имели в подчинении группы людей), по междоусобным браням из разных наций взятые в плен, как-то лязгиры (лезгины – В.В.), чеченцы и тому подобные».[11]

Хотя социальный термин «эмеки» прочно забыт их преемниками, но по некоторым косвенным данным можно установить их вероятных потомков и места обитания.

Российское правительство, ограничив права бывших мурз, пошло на принципиальное уравнивание прав всех юртовцев: статус эмеков по VI ревизии в 1811 г. был повышен до государственных крестьян, а по

VIII ревизии в 1833-35 гг. в эту же категорию крестьян были переведены и мурзы. Естественно, этот акт вызвал протест у многих из них, в том числе, например, у Мусул-бека Урусова из Килинчей, одному из предков которого еще в 1690 г. было пожаловано российское княжеское достоинство русскими царями Иоанном и Петром Алексеевичами.[12]

Мусул-бек ездил даже к Николаю I, но добился только права освобождения от налогов и казачьей службы, в княжеском же достоинстве восстановлен не был.

Переходя от кочевого к оседлому образу жизни, карагаши и юртовцы в основном сохраняли прежние традиции в культуре и быту. Не претерпели серьезных изменений с полукочевых и кочевых времен их жилища. Характерной для всех групп ногайцев при их кочевьях была неразборная, малых размеров юрта.

У карагашей во второй половине XVIII в. постепенно происходил переход к большой разборной юрте, которая сохранялась у них вплоть до 1929 г., а в отдельных семьях отдаленных сел – до 70-х гг. XX века. Более того, у карагашей, как и у ногайцев Северного Кавказа, сохранялась свадебная повозка невесты «куйме».[13] В памяти старожилов сохранилось имя и последнего мастера, изготовлявшего такие повозки, – Абдулла Куймеши из Сеитовки. Почти все фрагменты такой «куйме», ярко раскрашенные и украшенные богатым орнаментом, хранятся в фондах Саратовского областного музея краеведения (инв.№ 5882).

Эту брачную арбу исследователи считают последней стадией историко-культурной эволюции той самой неразборной кибитки, которая была распространена под названием «кутарме» еще в походах монголов эпохи Чингисхана.[14]

У астраханских туркмен под влиянием соседних ногайцев свадебный шатер-паланкин невесты «кеджебе» также трансформировался в повозку, сохранившую, правда, традиционное название.

Одежда карагашей также сохраняла давние традиции. Карагашские мужчины обычно носили шаровары, жилетку, поверх нее бешмет,

подпоясанный кожаным или матерчатым кушаком. На ноги надевали кожаные калоши или же сафьяновые «ичиги».

В качестве повседневного мужского головного убора все больше распространялась тюбетейка, хотя сохранялась и типичная для ногайцев массивная меховая шапка. У замужних женщин существовала и более нарядная меховая шапка с лисьей или бобровой опушкой. Женское верхнее платье типа камзола с расшитыми узорами подолом и широкими рукавами из сукна или бархата было характерным для ногаек молодого возраста. Оно отличалось большим количеством металлических украшений на груди, особенно монет дореволюционной чеканки «аспа».

Известный польский писатель, путешественник и востоковед-исследователь Ян Потоцкий, посетивший карагашей на кочевках в Красноярском уезде в 1797 г., отмечал: «Одежда сих молодых девушек была весьма странна по множеству серебряных цепочек, дощечек, наручников, пуговиц и других подобных вещей, которыми они были обременены».[15] Серьга-«алка» носилась в правой ноздре и у карагашек, и у юртовок – девушек и молодых женщин в первые 3-4 года после замужества.[16] Девушки носили косу, вплетая в нее нитку с украшениями и красный головной убор, молодые женщины – белый, укладывая косу вокруг головы.

У юртовских девушек и женщин, живших ближе к городу, гораздо чаще встречались покупные платья фабричного изготовления, имевшие больше сходства с одеждой казанских татарок. Хотя и здесь некоторые собственно ногайские черты быта продолжали сохраняться довольно длительное время.

Традиционной у этих народов оставалась пища. В период кочевой и полукочевой жизни в рационе ногайцев преобладала конина. Даже баранина тогда считалась более праздничной пищей и раздавалась на пиру, согласно сложному ритуалу. Рыба, овощи и соль в пищу практически тогда не употреблялись, в отличие от послереволюционного

времени и современного периода. Из напитков особое предпочтение отдавалось «калмыцкому» плиточному чаю. Особую роль для всех ногайцев имел «талкан» – кашеобразная пища из проса. У карагашей были распространены печеные пышки – «баурсак», мясное блюдо типа пельменей – «бурек», а впоследствии – плов-«палау».

С золотоордынских времен по традиции к юртовцам, затем к карагашам (а от них – к казанским и мишарским переселенцам) перешел суфийский культ «святых мест» – «аулья».[17] И те, и другие поклонялись святилищу «Джигит-адже», расположенному на месте прежней ордынской столицы Сарай-Бату. Для юртовцев почитаемой была могила, расположенная вблизи Мошаика, приписываемая легендарному прадеду основателя Ногайской орды бия Едигея – «Баба-Тукли Шаиилг-адже» («мохнатому, волосатому деду»).

У карагашей в I половине XVIII в. образовалось собственное «аулья» – «Сеит-баба Хожетаевский», реально живший в ту пору, добрый и умелый человек, потомки которого обслуживают могилу и сейчас. Расположенное в нескольких метрах от могилы казахского предводителя Букей-хана, оно объединило в итоге оба культовых места, которые почитаются теперь и казахами, и ногайцами.

У карагашей прочно вошло в обиход и сохранилось по сей день исключительно женское (в отличие от казахов) шаманство-знахарство («баксылык»). В засушливое лето у карагашей по одному типу с казахами проводится «кудай жол» – моление о дожде, но с использованием не коровы, а жертвенного барана.

Из поколения в поколение традиционным народным музыкальным инструментом ногайцев является «кобыз» – собственноручное изделие со струнами из лошадиных жил и со смычком, издающее звуки низкого тона и считающееся священным, шаманским. У карагашей память о существовавшем ранее «кобыза» сохранялась до 80-х гг. XX в. В недалеком прошлом «кобыз» у всех групп нижневолжских ногайцев сменился так называемой «саратовской» гармошкой с колоколь-

чиками. А у юртовцев до недавнего времени сохранялась необычная форма «музыкального разговора» – «саз» – обмен условными музыкальными фразами, к примеру, между парнем и девушкой.[18]

Народные гулянья и праздники у ногайцев являются составной и, пожалуй, самой существенной частью национальной культуры. Праздник «сабантуй» не был характерен ни для одной из групп ногайского происхождения под Астраханью. Праздники – «амиль» (араб – месяц март) у юртовцев и «джай-лау» – у карагашей проводились при выходе на сезонные кочевья.[19]

«Амиль» еще в начале XX в. проходил «скользящим графиком» по всем крупным юртовским селам ежегодно с 1 по 10 марта.

Неоценимый вклад в культуру и изучение истории астраханских ногайцев, а также других тюркских народов внесли такие видные деятели, как А.Х.. Джанибеков, А.И. Умеров, Б.М. Абдуллин, Б.Б. Салиев. Они обогащали своей подвижнической и просветительской деятельностью культуру народов Астраханского края, России и соседних восточных государств.

Многовековую историю имеют быт и культура калмыков. Калмыки – ойраты к моменту своего прихода на Нижнюю Волгу находились на стадии раннефеодального общества. Это отражалось в строгой социальной иерархии, характерной именно для феодального общества, с его делением на феодалов и простолюдинов. К высшему сословию калмыцких феодалов относились нойоны или владетельные князья. В эту группу входили прежде всего «большие тайши», владевшие огромными кочевьями и улусами. Улусы, в свою очередь, делились на аймаки – большие родовые группы, во главе которых стояли зайсанги[20] – младшие тайши. Аймаки подразделялись на хотоны – кочующих вместе близких родственников. Титулы тайши и зайсангов передавались по наследству. Большую роль в общественной жизни калмыков играли демчеи и шуленги, отвечавшие за сбор натурального налога.

Особая роль в калмыцком обществе отводилась ламам. Хотя к приходу на Нижнее Поволжье калмыки и сохраняли огромное количество пережитков доламаистских верований, тем не менее позиции ламаистского духовенства в среде калмыков были весьма сильны. Их почитали, их боялись и старались задобрить, делая отдельным представителям высших слоев духовенства очень богатые подарки.

Бесправное положение людей «черной кости» («хара-яста») было весьма тяжелым. Простолюдин, как правило, закреплялся за своим кочевьем и не имел права свободной перекочевки. Жизнь его полностью зависела от своеволия того или иного чиновника. В обязанности людей черной кости входили определенные повинности, и прежде всего – военные. В XVII в. простолюдин обязан был также выплачивать своему феодалу натуральную ренту. По сути, простые калмыки находились в самой жесточайшей крепостной зависимости от своих нойонов.[21]

О материальной культуре калмыков дают представления прежде всего их жилища. Основным жилищем калмыков практически вплоть до XX в. была юрта – кибитка монгольского образца. Остов кибитки делался из легких складных решеток и длинных жердей. Он покрывался войлочными кошмами, оставляя неприкрытым вход в юрту с южной стороны. В юрте имелась двухстворчатая дверь, с внешней стороны прикрывающаяся войлочным пологом. Внутреннее убранство юрты зависело от достатка ее владельца. Пол юрты выстилался коврами, кошмами или тростниковыми циновками (чаканками). В центре кибитки располагался очаг, а все пространство делилось на две половины, правую (мужскую) и левую (женскую). Северная часть кибитки считалась самой почетной. Здесь располагался семейный алтарь со скульптурными изображениями ламаистских божеств и святых. При каких-либо пиршествах северная часть отводилась самым почетным гостям. На северо-востоке располагалось и спальное место хозяина юрты.

В ряде случаев жилищем калмыков служили землянки и шалаши.

В XIX в. калмыки, переходя к оседлому образу жизни, начинали селиться в саманных домиках, крытых сверху камышом. Богатые калмыки строили деревянные и даже каменные постройки.

Традиционное поселение калмыков имело круговую планировку, что определялось прежде всего кочевым образом жизни. Такая планировка в случае нападения помогала наиболее оптимально сдерживать натиск неприятеля и охранять скот, загоняемый в центр круга. Позднее, во второй половине XIX в., у некоторых калмыков начали появляться хозяйственные постройки, что существенно изменяло структуру калмыцкого поселения.

Своеобразной была одежда калмыков. У мужчин она состояла из узкого приталенного кафтана, полотняных штанов, рубахи с воротом, мягких войлочных шаровар. Зимой этот костюм дополняли шуба, утепленные шаровары и меховая шапка.

Женская калмыцкая одежда была намного разнообразней и изящней. Как правило, она делалась из более дорогих тканей, чем мужская. Верхняя одежда представляла собою длинное, почти до пят, платье, на которое надевался длинный камзол без рукавов и безрукавка. Особое внимание в женской одежде придавалось богатой вышивке и отделке. Костюм, как правило, дополнял красивый пояс, который служил своеобразной визитной карточкой его владельца, показателем его знатности и богатства Особая роль в костюме калмычки отводилась ее головному убору. По свидетельству П.С. Палласа, женская шапка состояла «из круглой, овчиной опушенной, небольшой плоской верхушки, которая прикрывает только самую верхнюю часть головы У знатных есть богатые из шелковой материи, притом несколько выше простых, шапки с широким напереди и назади разрезным заворотом, который обложен черным бархатом».[22] Между женским и девическим головными уборами Паллас не нашел никаких особых различий

Однако в XIX в. ситуация резко изменилась, женский костюм и

головной убор, в частности, стал более разнообразней.

Широкое распространение получили женские платки, как фабричные набивные, так и украшенные ручной вышивкой.

Ремесло калмыков носило преимущественно натуральный характер. В каждой семье женщины занимались изготовлением войлочных кошм, употребляемых как для покрытия юрт, так и для подстилки на пол. Из овечьей и верблюжьей шерсти делались веревки, одежда, покрывала.

Умели калмыки выделывать кожи, выполнять простые плотницкие операции, плести из тростника циновки. Очень развито было у калмыков кузнечное и ювелирное дело. Особенно выделялся своими ювелирами Хошеутовский улус, где имелись золотых и серебряных дел мастера.[23]

Пищевой рацион калмыков определялся спецификой их хозяйственной деятельности, поэтому у них преобладала мясо-молочная пища. И мясные, и молочные продукты отличались большим разнообразием. Только из молока калмыцкие хозяйки приготавливали более 20 различных блюд. Из него же калмыки вырабатывали алкогольный напиток – калмыцкую молочную водку – араку, и даже спирт. Изобретение араки приписывается Чингисхану, поэтому после изготовления напитка и жертвования (угощения) духам огня, неба, жилища четвертая чарка предназначалась Чингисхану. Только после этого можно было приступать к угощению гостей.

Широкое распространение в повседневном рационе калмыков получил прессованный зеленый чай, который варили с добавлением молока, масла и соли. Кстати, эта традиция перешла и к русскому населению с названием калмыцкий чай.

В самом разнообразном виде употреблялось мясо, из него готовились многочисленные кушания.

По религиозным представлениям калмыки ламаисты, что является одним из ответвлений буддизма. Необходимо, однако, заметить, что ламаизм в целом и ламаизм калмыков, в частности, испытал сильное влияние шаманизма. Этому способствовали и удаленность калмыков от основных ламаистских центров в Тибете и Монголии, и кочевой образ жизни простого народа. Об этом свидетельствует повсеместное распространение представлений, связанных с культами локальных духов, духов семейного очага и т.д.

Ламаизм начал проникать в среду калмыков еще в XIII в. и связано это было с распространением буддизма. Но это учение оказалось слишком сложным из-за своих теоретических постулатов и не нашло широкого отклика в душах скотоводов-кочевников.

Принятие же ойратами Западной Монголии ламаизма следует отнести лишь к началу XVII в. и связано оно с деятельностью Байбагас-хана (1550-1640) и Зая-Пандиты (1593-1662).

В 1647 г. монах Зая-Пандита, приемный сын Байбагас-хана, посетил калмыков на Волге, что в какой-то мере способствовало усилению среди них влияния ламаизма.

С именем Зая-Пандиты связано и создание собственно ойратской письменности. Занимаясь переводами ламаистских религиозных текстов, Зая-Пандита остро ощущал необходимость в реформировании старой монгольской письменности, чтобы приблизить ее к разговорному языку. К осуществлению этой идеи он и приступил в 1648 г.

Первоначально верховный лама калмыков назначался в Тибете в Лхасе, но из-за отдаленности, непрочных связей и политики царского правительства по отношению к калмыкам право назначать верховного ламу отошло с конца XVIII в. Петербургу.

Некоторая изоляция от основных центров ламаизма привела к тому, что роль ламаистской церкви не стала столь всеобъемлющей, как в Монголии и Тибете. Большую роль в повседневной жизни простого народа играли разного рода предсказатели, астрологи, народные

лекари. В XIX в. ламаизм, несмотря на противодействие Петербурга, получил широкое распространение в среде калмыков. Царское правительство, боясь усиления ламаистской церкви, вынуждено было в 1834 г. принять специальный указ, ограничивающий численность монахов в 76 хурулах (монастырях).[24]

Несмотря на широкое распространение ламаизма в среде калмыков, в быту продолжали сохраняться доламаистские шаманистские культы, связанные с почитанием духов стихий, духов местностей, особенно духов гор и водных источников. С этими представлениями было связано почитание хозяина земель и вод Цаган Авга («белого старца»), включенного даже в ламаистский пантеон. С культом этого мифологического персонажа тесно переплетаются представления о горе как центре мира и о мировом древе. Одно из описаний мирового дерева, произрастающего из подземного мира, мы находим в калмыцком эпосе «Джангаре». Калмыки еще в Джунгарии впитали в себя мифологические представления тибетцев, китайцев и даже индийцев, кроме того на их мифологические представления продолжали оказывать верования поволжских народов.

Многочисленную группу населения Астраханского края составляли казахи – один из тюркских народов восточно-кыпчакского происхождения.

Этническое ядро этого народа с этнонимом «казак» (т.е. «вольный человек», «кочевник») возникло в XVI в. в южной части современного Казахстана, в долинах рек Чу и Талас, при озере Балхаш, сравнительно быстро распространившись на всех потомков кыпчаков, вплоть до Иртыша и Яика (Урала). Бухарский писатель Рузбехан в начале XVII в. упоминал казахов, указывая на их постоянные войны с родственными ногайцами и степными, тоже «кыпчакскими», узбеками.[25]

К середине XVI-началу XVII в. образовалась кочевая казахская народность, состоявшая из трех групп, соответствующих трем историко-хозяйственным зонам Казахстана: Южной (Семиречье), Централь-

ному и Западной. Так возникли три казахских «жуза» («сотня», «часть»): Старший (Большой) в Семиречье, Средний – в Центральном Казахстане и Младший – в Западном. Казахская пословица гласит: «Старшему жузу перо дай и писцом поставь. Среднему жузу домбру дай и певцом поставь. Младшему жузу найзу (пику) дай и бойцом поставь».

Старший жуз длительное время оставался под властью джунгар-ойратов, а после разгрома их государства китайцами в 1758 г. – под властью Кокандского ханства и ташкентских беков. Средний жуз находился под влиянием Бухарского и Хивинского ханств, а племена Младшего жуза вплоть до середины XVI в. входили в состав Ногайской орды.

Но в начале XVII в. земли, где проживали ногайцы, были захвачены калмыками-ойратами. Ими на правый («кавказский») берег Волги была уведена и небольшая группа приуральских казахов, частью принявших ислам, частью обращенных в буддизм-ламаизм. Земли же левобережья оказались свободными после бегства в 1771 г. 30 тыс. калмыцких кибиток обратно в Джунгарию.

Казахи начинали проникать сюда еще раньше, с средины XVIII в., совершая кочевые нападения на Красный Яр и его окрестности, а зимой 1788 г. между ними и ногайцами-карагашами возник конфликт из-за дележа шкур павших в степи от морозов и бескормицы более чем 3 тысяч лошадей.[26] Подобные столкновения казахов с окружающим населением были не в редкость.

Ситуация на Нижней Волге стабилизировалась в начале XIX в.: в ответ на просьбу некоторых султанов Младшего жуза император Павел I дал им разрешение занять земли волжского левобережья, а при Александре I такая миграция была произведена. Казахи во главе с султаном Букеем Нуралиевым переправились в 1801 г. через реку Урал, составив фактически новый отдельный жуз – Внутреннюю (Букеевскую) орду, включенную в Астраханскую губернию.

Переселение казахов на территорию Астраханского края и постепенный переход к оседлости пополнили традиционные черты быта и

духовной культуры проживавших здесь народов, а также привнесли в них некоторые новые элементы.

Общественное устройство казахов после переселения их в Астраханский край претерпело мало изменений. Казахские жузы традиционно подразделялись на роды-кланы, которых насчитывалось свыше 130. Они, в свою очередь, дробились на более мелкие части-подразделения и поколения.

Каждый род имел свою территорию проживания, маршруты кочевок, родовые формы управления (совет старейшин), свой герб-тангу для клеймения скота и обозначения имущества, свои военные отряды. Род был строго экзогамен, т.е. браки между членами одного и того же рода были категорически запрещены. Сохранялись также свои родовые кладбища.

Вновь созданную в начале XIX в. в Нижнем Поволжье Букеевскую орду составили представители всех 26-и родов-кланов, из 3-х основных групп, входящих в Малый жуз.

Военно-сословная и кланово-генеалогическая организация лежала в основе тогдашнего казахского общества. В новой орде было относительно мало потомственных наследников ханского рода и профессионального исламского духовенства.

Но в казахском обществе вскоре возникла собственная властная аристократия в лице судей и военачальников, от которых зависели рядовые кочевники. В еще большей степени зависимости находились разорившиеся бедняки, группы иноплеменников, а также рабы из военнопленных.

В Букеевской орде наиболее многочисленной группой населения по сравнению с другими местами проживания являлись «тюленгиты», потомки бывших военнопленных неказахского происхождения. Хотя они и были ограничены в правах, однако чаще других привлекались к выполнению надзирательных функций.

Так, в Камызякском районе Астраханской области и на границе с

Волгоградской областью среди «тюленгитов» проживают семьи, до сих пор помнящие о своем происхождении из калмыков. Встречаются среди них и потомки уроженцев Средней Азии, а также других мест.

В Букеевской орде возникли и сохранились новые, дополнительные родоплеменные общности, сформировавшиеся из беглецов, покидавших российскую службу и находивших убежище в степях Букеевской орды.

В 1774-75 гг. сюда из-под Оренбурга бежала часть ногайцев, переведенная в свое время российским правительством в разряд казаков, из-под Астрахани – немногочисленная группа «кундровских» карагашей, ранее подчинявшихся калмыкам.[27] В Букеевской орде они сформировались в самостоятельный род – «нугай-казак».

Рядом с «нугай-казаками» примерно в эти же годы стал формироваться новый казахский род из солдат-татар, бежавших с пограничных территорий нынешних Татарстана, Башкирии и Оренбуржья.[28]

Так число родовых и аналогичных им этнических формирований в Букеевской орде возросло и достигло трех десятков.

Букеевские казахи на новом месте жительства вступали в разнообразные контакты с представителями других проживавших здесь народов, в частности, с русскими. При этом существовал обычай «тумства», или «тумачества» – т.е. побратимства и взаимопомощи, что так или иначе отразилось на всех аспектах их быта и культуры.

Влияние языков и культур соседних народов, заимствования из их речи прослеживаются в терминологии жилища, одежды, продуктов питания и блюд, времени года и т.п.

Традиционным жилищем для казахской семьи служила большая разборная кибитка-юрта «тюркского типа» с выходом на восточную сторону.

Одежда казахов преимущественно состояла из рубахи, шаровар, бешмета, в холодную погоду надевался стеганый халат, подпоясанный кушаком, либо охотничьим узким ремешком. Характерным зимним

головным убором для мужчин являлась меховая шапка-ушанка.

Казахские девушки носили небольшую шапочку, обычно украшенную пучком птичьих перьев. Молодые женщины носили высокий остроконечный конусообразный головной убор. А для женщин более зрелого возраста был характерен закрытый головной убор типа капюшона с полным вырезом для лица. Поверх капюшона часто надевался еще и дополнительный чалмообразный убор.

Каждодневное женское платье обычно было синего цвета, а праздничное – белого. Более яркие тона преобладали в девичьей одежде. Встречающиеся женские шелковые шали с кистями, как и длинное платье с оборками были нетипичными, поскольку появилось в XIX в. в Старшем жузе под влиянием русско-казацкого населения.

Повседневной пищей казахов была конская колбаса, горячим блюдом служил бараний бульон – «сурпа». Был известен у казахов пшеничный и ржаной хлеб, выпеквшийся ими в домашних печах. Специальным и характерным для букеевцев считалось ритуальное свадебное блюдо из бараньей печени, преподносимое жениху и невесте.

В качестве напитка чаще всего использовался кумыс – кислый напиток из кобыльего молока. Иногда на праздниках изготавливали молочную водку или хмельной напиток из проса.

Религия ислама пришла к казахам достаточно поздно и зачастую в «неклассическом», суфийском варианте. Как отмечал потомок казахских ханов, офицер и путешественник-исследователь Ч.Ч. Валиханов, – «...в Средней и Малой орде мусульманство сделалось несравненно сильнее (чем в основной, Большой – В.В.), но и то только в период русского владычества под влиянием татарских мулл и мечетей».[29]

Мечетей в Букеевской орде практически не было, для коллективных молений их заменяли специально отведенные и соответствующим образом обставленные юрты-кибитки. В народе сохранялась вера в духов-покровителей предков и степных вредоносных духов.

Смешанный, исламско-шаманистский характер носило коллективное моление о дожде, часто совершаемое засушливым летом. При этом

в качестве жертвы высшей небесной силе приносилась корова черной масти.

Большой популярностью среди казахского населения Астраханского края пользовались мужчины-шаманы (лекари-колдуны). Только они имели исключительное право пользования ритуальным струнно-смычковым музыкальным инструментом («кобыз»). По-видимому, этим и объясняется тот факт, что со временем он исчез из повседнвного обихода казахов.

Вместо «кобыза» общераспространенной стала струнно-щипковая «домбра». Обычно на ней исполнялись наигрыши, народные напевы во время праздничных гуляний или в семейном кругу. Некоторые домбристы были известны во всей астраханской округе. Большой известностью среди казахского населения Астраханского края, да и Казахстана в целом, пользовались имена народного певца Курмангазы Сагырбаева (1806-1879) и его талантливой ученицы Дины Нурпеисовой.

На могиле Курмангазы у с. Алтынжар Володарского района Астраханской области 11 октября 1996 г. в присутствии представителей двух соседних государств был открыт мавзолей – символ признания таланта великого певца казахского народа.

Благодаря исследователям-фольклористам был в основном и записан героический народный эпос под названием «Сорок богатырей» – сокровищница творчества казахского народа. Это, прежде всего, эпические предания «Идиге», «Муса», «Орак и Мамай», «Карасай и Казы», «Казы-Корпеш и Баян-Слу», известные в те далекие времена и астраханским букеевцам. Утверждение это основывается на том, что основной территорией, где происходило восстановление героического эпоса, являлся Малый жуз, входивший некогда в Ногайскую орду.

Этот факт подчеркивает близость и тесные связи нынешних народов Нижней Волги в их далеком и недавнем прошлом.

Примечания

§1

1. ПСЗРИ. Собр.2. Отд.1. Т.45. №48498. С.821.
2. ГААО. Ф.480. Оп.1. Вязка 482. Д.2945. Л.1-1об.
3. Там же. Д.34290. Л.1.
4. Там же. Оп.1. Д.2953. Л.I.
5. Там же. Д.3021. Л.25.
6. Там же. Д.3021. Л.26.
7. Там же. Д.2928. Л.1-47.
8. Российское законодательство X-XX вв. М., 1991. Т.8. С.405.
10. Переписка астраханского губернатора и прав. сената. Астрахань, 1872. С.2.
11. Российское законодательство X-XX вв. М., 1919. Т.8. С.33.
12. ГААО. Ф.30. Оп.1. Д.3. Л.1.
13. ПСЗРИ. Собр.2. Отд.1. Т. 49. №52982-52983.
14. ГААО. Ф.444. Оп.1. Д.2. Л.182.
15. Там же. Д.3. Л.6.
16. Там же. Д.6. Л.1.

§2

1. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье: репринтное издание / Под ред. В.П. Семенова. Ульяновск, 1998. С.141.
2. Там же. С.142.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.2. Астраханская губерния. Тетради 1-2. СПб., 1899-1904. С. 5-6.
4. Статистический обзор Астраханской губернии за 1896 г. Астрахань, 1898. С. 102.
5. Россия: Полное географическое описание нашего отечества... С.207.
6. Там же. С. 219.
7. Памятная книжка на 1895 год. Астрахань, 1896. С.5.
8. Памятная книжка на 1885, 1895,1896,1898. Астрахань, 1886,1896,1897,1899.
9. РГИА. Ф.1291. Оп.85. Д.299. Л:16.
10. Там же. Ф.20. Оп.7. Д.168. Л.154.
11. ГААО. Ф.194. Оп.1. Д.517. Л.49.
12. Свод законов Российской империи. СПб., 1893. Т.12. Ч.II.: Устав сельского хозяйства. Ст.25.
13. РГИА. Ф.20. Оп.7. Д.168. Л.154.
14. РГВИА. Ф.330. Оп.61. Д.98. Л.20; Д.102. Л.21-22.
15. Кузнецов И.Д. Очерк русского рыболовства: промысел различных водяных животных. СПб., 1902. С.63.

16. Труды научного института рыбного хозяйства. М., 1929. Т.4. С. 72.
17. ГААО. Ф.677. Оп.1. Д.2161. Л.1-5.
18. Гримм О.А. Каспийско-Волжское рыболовство. СПб., 1896. С.98.
19. Россия: Полное географическое описание нашего отечества... С.244.
20. Гаркем В. Очерк месторождения соли и добыча ее в Астраханской губернии. Астрахань, 1890. С.31.
21. Николаевский А. Соляная промышленность Астраханского края. Астрахань, 1925. С.75.
22. Гаркем В. Очерк месторождения соли... С.50.
23. Астрахань в кармане: иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань, 1925.
24. Гаркем В. Очерк месторождения соли... С.62
25. Варпаховский Н., Лебедев Н. Значение налога на соль для Астраханской рыбопромышленности // Рыбное дело. 1893. № 8. С.125.
26. Россия: Полное географическое описание нашего отечества... С.254.
27. Промышленная Астрахань. Астрахань, 1959. С.136.
28. Россия: Полное географическое описание нашего отечества... С.246.
29. Памятные книжки за 1885, 1896,1897 гг. Астрахань, 1886,1897,1898, С.5, 7.
30. Промышленная Астрахань. Астрахань, 1959. С.79.
31. Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство. М., 1927. С. 827.
32. Там же. С. 829.
33. Памятная книжка за 1898 год. Астрахань, 1899. С.7.
34. Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство... С.829.

§3

1. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический словарь // Под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1890. Т.II. С.350.
2. Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство. М., 1927. С. 827.
3. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. Энциклопедический... С.351.
4. Новый энциклопедический словарь // Изд. Брокгауз Ф.А. и Ефрон И.А. СПб. б/г. Т.4: Аскания-Балюз. С.131.
5. Шубин И.А. Волга... С.827.
6. Энциклопедический словарь русского библиографического института Бр. А. и И. Гранат. Изд.7. Т.4. М., б/г. С.187.
7. Памятная книжка на 1888 год. Астрахань, 1889. С.5.
8. Россия: Полное географическое описание нашего отечества. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье: репринтное издание / Под ред. В.П. Семенова. Ульяновск, 1998. С.542.
9. Сборник циркуляров и распоряжений правительства, касающихся судоходства с 1843 по 1904 гг. (с решениями Правительствующего Сената). Казань, 1904. С.479.
10. Энциклопедический словарь русского библиографического института Бр. А. и И. Гранат. Изд.7. М., б/г. Т.4. С.187.

11. Шубин И. А. Волга и Волжское судоходство. М., 1927. С.430.
12. Там же. С.433.
13. Материалы для статистики речного судоходства в Европейской России. СПб., 1872. Ч.1. С.25.
14. Шубин И.А. Волга… С.488.
15. Памятная книжка на 1879 год. Астрахань, 1880. С.5.
16. Памятная книжка на 1885 год. Астрахань, 1886. С.7.
17. Шубин И.А. Волга… С.548.
18. Одинцов А. По поводу ходатайств о запрещении перевозки нефтяных продуктов в деревянных судах. Астрахань, 1893. С.7.
19. Там же. С.15
20. Гримм О. О гибельном влиянии нефти на рыб и противодействия этому // Вестник рыбопромышленности. 1891. № 12; Кавратский Ф.Ф. К вопросу о запрещении перевозки нефтяных продуктов наливом в деревянных судах // Вестник рыбопромышленности. 1892. № 5, 6; Кузнецов И.Д. К вопросу о загрязнении русских рыболовных вод // Вестник рыбопромышленности. 1892. № 5, 6.
21. Шубин И.А. Волга… С.669.

§4

1. Таубин Р.А. Революционный демократ С.С. Рымаренко // История СССР. 1959. №1. С.153.
2. Литературное наследство. М., 1955. Т. 62. С.726.
3. Там же. С. 612.
4. Библиографический словарь. М, 1928. Т.І. Ч.2. 42. С.58-59.
5. Фильıус В.Е. Астрахань: Краткий исторический очерк. Астрахань, 1958. С.16.
6. Самаренко В.П. Фольклорист-демократ П.И. Якушкин // Литературное краеведение. Астрахань, 1967. Вып. II. С.31-35.
7. ГААО.Ф 1. Оп.10. Д.2994. Л.35, 38, 41.
8. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь. М, 1933. Т.III. Вып. 1. С.976-978.
9. Там же. С.1252-1253.
10. Революционное народничество семидесятых годов XIX века: Сб. документов и материалов в 2-х томах. М., 1964. Т.І. 1870-1875. С. 465,491.
11. Свердлина С.В. Н.Г. Чернышевский в период астраханской ссылки // Литературное краеведение. Астрахань, 1967. Вып. II. С.36-43.
12. Чернышевская Н.М. Надпись на книге // От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона»: Сб. статей к 90-летию Н.К. Пиксанова. Л., 1969. С.392-393.
13. Травушкин Н.С. Н.Г. Чернышевский и революционное подполье 80-х годов // Освободительное движение в России. 1975. № 5. С.48-49.
14. ГААО. Ф.1. Оп.10. Д.2994. Л.52.
15. Травушкин Н.С. Там же. С.49.

16. ГААО. Ф.289. Оп.1. Д.130. Л..33.
17. Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. М., 1929. Т.II. Вып. 1. С.190.
18. Травушкин Н.С. Там же. С.50-51.
19. Чернышевский Н.Г. Собр. соч. Т.XIII. С.787.
20. Список книг, брошюр и периодических изданий, печатавшихся в Астраханских типографиях с 1797 по 1868 гг. Астрахань, 1869. С.47.
21. Штылько А. Астраханская периодическая пресса. Астрахань, 1891. С.26.
22. По поводу 25-летия Астраханского справочного листка // Астраханский справочный листок. 1891. 24 марта.
23. Там же. С.24.
24. Астраханский справочный листок. 1891. 24 марта.
25. Волга. 1862. №1, 6 января.

§5

1. ГААО. Работа по теме «Хроника рабочего и социал-демократического движения в России за период с 1895 г. по февраль 1917 г.» по документам государственного архива Астраханской области, 1991-92. С.1-10.
2. Очерки истории Астраханской партийной организации. 2-е изд. дополн. Волгоград, 1985. С.12.
3. Там же. С.14-15.
4. Там же. С.21.
5. Там же. С.23.
6. Там же. С.24.
7. Сысоев П.С. Возникновение Астраханской социал-демократической организации и первые шаги ее деятельности. Астрахань, 1962. С.80; Третий съезд РСДРП. Сборник документов и материалов. М, 1955. С.244.
8. Третий съезд РСДРП... С.297.
9. Астраханский вестник. 1907. 9 февраля.
10. Там же. 3 октября.
11. Революционное движение в Астрахани и Астраханской губернии в 1905 – 1907 гг. Сборник документов и материалов. Астрахань, 1957. С.453-454; 463-466.
12. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.253. Л.248 – 250.
13. ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.611. Л.6.
14. Савинов Д. Астраханский край в 1907-1917 гг. Астрахань, 1964-1968. С.152.
15. ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.450. ЛЛ.9, 10.
16. ГААО. Ф.8. Оп.1. Д.2219. Л.187.
17. ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.448. Л.96.
18. ГААО. Ф.286. Оп.1. Д.427. Л.294.
19. Революционное движение в Астрахани... С.24.
20. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.249. Л.18.

21. ГААО. Ф.6. ЛЛ.1-35; Список-справочник на членов партии социалистов-революционеров 1906-1916 гг.
22. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.249. Л.70-73; ГААО. Ф.286. Оп.4. Д.52. Л.651.
23. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.252. Л.113.
24. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.239. Л.107, 113, 155.
25. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.249. Л.19, 88, 98.
26. ГААО. Ф.65. Д.10. Справка-ориентировка. Л.33-34.
27. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.249. Л.255; ГААО. Ф.286. Оп.4. Д.52. Л.21-22, 651-655.
28. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.252. Л.48, 54, 127.
29. Голос революции. 1917. 4 июня.
30. Там же. 1 июля.
31. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.347. Л.102-103.
32. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.320. Л.307.
33. ГААО. Ф.1. Оп.3а. Д.16. Л.65, 65(об).
34. Седугин В.И. Социал-демократы и кадеты Поволжья в начале XX века: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1994. С.20.
35. ГААО. Работа по теме «Хроника рабочего и демократического движения в России за период с 1895г. по февраль 1917 г.», по документам государственного архива Астраханской области. 1991-1992 гг. С.8.
36. Вопросы истории. 1997. № 6. С.116-117.
37. Там же. № 8. С.109; ГААО. Ф.745. Оп.1. Д.1. Л.3.
38. ГААО. Ф.286. Оп.4. Д.4. Л.7, 31.
39. Там же. Л.18(об).
40. ГААО. Работа по теме «Хроника рабочего... С.8.
41. ГААО. Ф.1093. Оп.1. Д.53. Л.2.
42. Там же. Л.29.
43. См: Памятные книжки Астраханской губернии за 1906-1907 гг. «Вся Астрахань и весь астраханский край».
44. Русская правда. 1909. 31 января.
45. Прикаспийский телеграф. 1907. 3 мая.
46. Астраханский листок. 1907. 3 мая.
47. ГААО. Работа по теме «Хроника рабочего... С.3.
48. Максим. 1992. №1-2.
49. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.256. Л.5.
50. ГААО. Оп.2. Л.58; 59; 60; 61; 62; 63.
51. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.251. Л.45.
52. ГААО. Д.44. Л.1, 2, 3.
53. ГААО. Работа по теме «Хроника рабочего... С.3.
54. ГААО. Ф.286. Оп.2. Д.240. Л.15.
55. Революционное движение в Астрахани и в Астраханской губернии в 1905-1907. Сборник документов и материалов. Астрахань, 1957. С.54.

56. ГААО. Ф.65. Л.1.

§6

1. Астраханский справочный листок. 1867. №53.
2. Там же.
3. Там же.
4. Астрахань и Астраханская губерния, описание края и частной жизни ее, состоящее из записок, веденных во время 11-месячного пребывания в нем. Изд. Н-лая Кр-кова. М., 1859. Типография В. Готье. С.30.
5. Там же.

§7

1. Об учреждении учебных округов. Сб. постановлений министерства народного просвещения. СПб., 1864. Т.1. С.20.
2. Казанский Н. Народное образование в Астраханской губернии. Русская мысль, 1898. №6. С.176.
3. Паремузов А.И. Историческая записка об Астраханском Армянском Агабабовском уездном училище с 1810 по 1910 гг. Астрахань, 1913 С.7-45.
4. Казанский Н. Указ. соч. С.183.
5. Там же. №8. С.100.
6. Там же. №10. С.10-20.
7. Там же. №11. С.3.
8. Летницкий А. Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Астраханской епархии (с 1886 по 1900). Астрахань, 1901. С.17-21.
9. Красев А.А. Отчет о состоянии начальных народных училищ Астраханской губернии за 1888/9 учебный год. Астрахань, 1889. С.9-10.
10. Миропольский С.И. Школа и государство. Изд. 3-е. СПб., 1883. С.126.
11. Красев А.А. Указ. соч. С.29.
12. Казанский Н. Указ. соч. №47. С.5-6.
13. Лопатин Н.А. Материалы для истории просвещения Астраханского края. Астрахань, 1875. С.5-7.
14. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской 1-ой мужской гимназии за время 1806 по 1914 год. Астрахань, 1916. С.261.
15. Казанский Н. Указ. соч. №11. С.181.
16. Университеты и средние учебные заведения (мужские и женские). СПб., 1888. С.61.
17. Лен И.А. Историческая записка об Астраханском реальном училище с 1887 по 1910 год. Астрахань, 1911. С.33.
18. Леонтьев Н. Краткий очерк истории Астраханской духовной семинарии. Астрахань, 1892. С.8.
19. Саввинский И. Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования с 1602 по 1902 гг. Астрахань, 1905. С.224.
20. Памятные книжки Астраханской губернии за 1885, 1887, 1888 гг.

21. Журнал министерства народного просвещения 1878. №8. С.57 79; Лопатин Н. А. Указ. соч. С.15.
23. ЦГА ТАССР. Фонд 92. Казанский учебный округ. Оп.1. Ед.хр.1. Л.5.
24. Отдел редкой книги и рукописей научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета. ОРР НБ КГУ. Ед.хр.4125.
25. ЦГА ТАССР. Фонд 92. Казанский учебный округ. Оп.1. Ед.хр.5438. Л.17.
26. Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. М.; 1841. С.4.
27. ЦГА ТАССР. Фонд 92. Казанский учебный округ. Оп.1. Ед.хр.1. Л.10.
28. Болгарский Б.В. Очерки по истории математики. Минск: Высшая школа, 1979. С.298.
29. ЦГА ТАССР. Фонд 977. Казанский университет. Опись: физико-математический факультет. Д.84.
30. ЦГА ТАССР. Фонд 977. Казанский университет. Опись: ректор. Д.729.
31. ОРР НБ КГУ. Ед.хр.4507(1-504).
32. ОРР НБ КГУ. Ед.хр.4827.
33. Симонов И.М. Ночи. СПб.: типография императорской академии наук, 1854.
34. Трофимов Ж.А. Гимназист Владимир Ульянов. Пенза: Приволжское книжное изд-во, 1976. С 61.
35. Савенков Д.И.Боевая газета Поволжья // Методические рекомендации к спецкурсу «Литературное краеведение». Астрахань, 1971. С.11.
36. Берви-Флеровский В.В. Записки революционера-мечтателя. М. -Л.: Молодая гвардия, 1929. С.81.
37. Фильгус В.Е. С.С. Рымаренко в Астрахани // Методические рекомендации к спецкурсу «Литературное краеведение». Астрахань, 1971. С.26.
38. Воздвиженский Е.В. Отчет о состоянии народных чтений в г. Астрахани. Астрахань, 1889. С.26-27.
39. Астраханский художественный кружок. Астрахань, 1901. С.4-9.
40. Летницкий А. Извлечение из отчета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Астраханской епархии (с 1886 по 1900). Астрахань, 1901. С.7.
41. Красев А.А. Указ. соч. С.29-59.
42. ГААО. Фонд 286. Губернское жандармское управление. Оп.1. Ед.хр.228. Л.1.

§8

1. См.: Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М, 1937. С.307.
2. ГААО. Ф. 32. Оп.1. Ед.хр.382. Л.155-156.
3. См.: Усманова А (Р). Юртовские татары (К истории возникновения и развития) // Очерки исследователей Астраханского края. Астрахань, 1997. Вып.1. С.38.
4. Викторин В.М. К этнической истории карагашей // Вопросы социально-экономического развития и общественного движения в крае (Поволжский край. Межвузовский научный сборник. Вып.8). Саратов, 1983. С.147-162; ГААО. Ф.476. Оп.1.

Ед.хр.829. Л.5-9.

5. См. к примеру: Емельянов А. Каралат – легенда астраханских татар // Восток. Астрахань, 1867. №3. С.29.
6. Пятницкий В.Д. Карагачи (по материалам поездки в 1927 г.) //Землеведение. Географический журнал им. Д.А. Анучина. Т.32. Вып.3-4. М., 1929. С.163.
7. См.: Небольсин П.И. Очерки Волжского низовья. СПб., 1852. С.60.
8. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед.хр.5139. Л.424 об.
9. Небольсин П.И. Указ. соч. С.54.
10. Татищев В Н. Мнение о ясашных татарах. Журнал заседаний Астраханской губернской канцелярии за 1746 год. ГААО. Ф.394. Оп.1. Ед.хр.1051. Л.1-2.
11. ГААО. Ф.13. Оп.20. Ед.хр.338. Л.1.
12. ГААО. Ф.13, оп 37. Ед.хр.39. Л.2-3 и др.
13. См.: Пятницкий В.Д. Указ. соч. С.157.
14. См.: Бонч-Осмоловский Г.А., Фиельструп Ф. Свадебные жилища турецких народностей // Материалы по этнографии. Т.III. Вып.1. Л.1926.
15. Цит. по кн.: Алексеев В.Н. Исторические путешествия. С.214-215.
16. См.: Небольсин П И. Указ. соч. С.74.
17. См. подробнее: Викторин В.М. Аулья и муджавират (Следы доисламских верований у ногайцев окрестностей Астрахани) // Половецкая луна. Публицистический и литературно-художественный журнал. №3(7). Черкесск, 1993. С.85-92.; Перечень священных мест – «аулья» мусульман Астраханской области по спискам и устным сообщениям. Астрахань, 1988. С.1-3.
18. См.: Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М, 1966. С.447. Сн.17.
19. Мошков В.А. Материалы для характеристики музыкального творчества инородцев Волжско-Камского края // Мелодии оренбургских и ногайских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете Т.XII. Вып.1. Казань, 1894. С.17-18, 50.
20. При пожаловании в XIX в. калмыцким феодалам русским правительством дворянских титулов зайсанги дворянских титулов не получили, это право распространялось только на тайши.
21. Крепостная зависимость калмыков от своих феодалов была отменена специальным царским указом лишь в 1892 г.
22. Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб., 1809. С.462.
23. Пальмов Н. Калмыки. Астрахань, 1928. С.20.
24. Кануков Х.Б. Будда-ламаизм и его последствия. Астрахань, 1928. С.67.
25. Цит. по кн.: Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С.86.
26. ГААО. Ф.476. Оп.1. Ед.хр.839. Л.1 и об.
27. См.: Рычков П.И. История Оренбургская (1730-1750). Оренбург, 1896. С.201; он же. Типография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887. С.328.

28. См.: Арсланов Л.Ш. О так называемых «астраханских каракалпаках» и их языке // Советская тюркология. 1975. №5. С.81-85; Также документ «Переписка... об отводе земель в Саратовской губернии для каракалпакских киргизов». ГААО. Ф.2. Оп.1. Ед.хр.238. Л.1-459.
29. См.: Валиханов Ч.Ч. Киргиз-кайсаки: Статьи из «Географического словаря Российской империи». Собр. соч. T.IV. Алма-Ата, 1985. С.203.

Глава X. История Астраханского казачества

§1. Возникновение казачества на Нижней Волге

Астраханское казачье войско было одним из старейших в России. Однако процесс его становления был достаточно длителен и имел ряд особенностей. Впервые казаки упоминаются на Нижней Волге в связи с походами по завоеванию Астрахани в 1554 г. В войске Ю.И. Шемяки-Пронского и А.В. Вяземского находился отряд атамана Федора Павлова. Казаки совместно с конницей Вяземского разгромили Ямгурчея у Черного острова.[1] Во время похода 1556 г., для окончательного присоединения Астрахани, в русском войске находились отряды атаманов Колупаева и Ляпуна Филимонова.[2] Это были донские казаки, вернувшиеся после операций под Астраханью в район Переволоки. Не имеют отношения к Астрахани и упоминаемые с 1560 г. «волгские казаки» – те же самые донские казаки, промышлявшие разбоем в районе Жигулей.[3] Правда, историк астраханского казачьего войска И.А. Бирюков считал, что часть казаков после присоединения к Астрахани осталась в ней на службе.[4] Однако источники XVI-XVII вв. не фиксируют на Нижней Волге (и в частности, в Астрахани) никаких казаков, кроме «воровских». Более того, Астраханский край был, пожалуй, единственным исключением на южной границе Русского государства, где не фиксируются городовые казаки как категория служилых людей по прибору.[5] Казаки же, направленные после «смуты» на службу в Астрахань, были переведены на положение стрельцов, что, естественно, изменило и их социальный статус.[6]

В 1698 г. после бунта московских стрельцов часть из них по указу Петра I были высланы в Красный Яр, Черный Яр, Царицын, Камышин и Саратов. «Из них красноярские приняли название красноярских казаков, черноярские остались при имени стрельцов; камышинские были известны под именем солдат, а саратовские – ружников».[7] Численность этих формирований колебалась от 200 до 250 человек. В первой половине XVIII в. городовые команды в нижневолжских городах

получают наименования казачьих.

В 1718-1720 гг. по повелению Петра I создается Царицынская линия между Доном и Волгой. Линию предполагалось заселить донскими казаками, но в 1733 г. было решено казаков-переселенцев перевести на Волгу и образовать из них Волжское войско. В грамоте войску от 20 января 1734 г. говорилось: «Записавшихся в Царицынскую линию донских казаков... поселить по Волге, где прежде была слобода Дубовка... между Царицына и Камышина. Служить вам вместо донских казаков при Саратове и в Астрахани, также и в других местах... и писаться вам Волжскими казаками...».[8] С 1771 г. началось переселение волжских казаков на Терек и на линию между Моздоком и Азовом. Это вызвало недовольство, вылившееся в почти поголовную поддержку пугачевского бунта. Пугачева встречали в станицах с хоругвями и хлебом-солью; казаки влились в его войско, образовав Дубовский полк. Участие в крестьянской войне окончилось для волжских казаков упразднением войска и ускоренным выселением на Северный Кавказ. Правда, часть их уклонилась от переселения, либо бежали с Кавказской линии на Волгу.

Астраханский казак

История собственно астраханских казаков начинается со второй четверти XVIII в.

Находившиеся в Астрахани армейские части были не в состоянии прикрыть обширные степные пространства от набегов казахов и «закубанских татар», грабивших русских поселенцев и российских подданных – калмыков и ногайцев.

В декабре 1736 г. астраханский вице-губернатор Ф.И. Соймонов доносил коллегии иностранных дел следующее: «...известно, что здесь за расходами регулярных [войск] малое число, а нерегулярных не имеется... не употребить ли здесь имеющихся крещеных калмык, купя им от казны лошадей и военное оружие, до 300 человек...».[9]

4 января 1737 г. Сенат издает указ коллегии иностранных дел: «...для охраны калмыцких улусов от намеренного каракалпацкого нападения употребить ныне в службу имеющихся при Астрахани крещеных калмык до трехсот человек. И для лучшей их к тому охоты и чтобы ревностнее служили, для их скудности, дать им в награждение по усмотрению, без излишества, также и лошадей и ружья купить из казны по разсмотрению же и на окое все деньги держать из астраханских доходов...».[10]

Командиром был назначен А.Н. Слободчиков, выходец из астраханских стрельцов. 3 сотника, 6 урядников и 12 капралов были набраны из красноярских казаков.[11] Команда получила 6 малых полковых знамен стрелецкого Зажарского полка из желтой материи с изображением в левом верхнем углу черного кабана на горящем костре.[12]

Идея привлечь к службе калмыков была не самой удачной, поскольку сам строй их жизни в начале XVIII в. был чужд оседлости и элементарным понятиям воинской дисциплины. Команда была сформирована в мае 1737 г., а к сентябрю 150 калмыков сбежали. На январь 1739 г. в команде числилось всего 107 человек.[13] В результате появляется следующее предписание: «...для лучшего удержания от побега , ...за ними [калмыками] смотрение иметь сотникам и капралам русским, а лошадей их и скот велеть пасти в одном месте табуном, и к ним в караул употреблять половину из русских, а другую из них...».[14]

С 1743 г. команда стала пополняться казаками преимущественно из русских. Служба стала наследственной с 16-ти летнего возраста.

В ноябре 1748 г. Сенат на основание донесения Астраханской губернской канцелярии, где говорилось о приеме в казачью команду 20-

ти выходцев из донских казаков, 3-х самарских казаков и одного малороссиянина, постановил: «...ежели впредь таковые ж из разных мест сходцы являться и показывать о себе казачьими детьми будут... и буде по справкам явится, что подлино казачьи дети, таковых в казачью службу определять...».[15]

Однако значительные малозаселенные пространства Нижней Волги требовали для своей защиты более многочисленного воинского формирования.

28 марта 1750 г. вышел указ Сената о преобразовании трехсотенной команды в казачий полк.[16]

Помимо знамен, доставшихся полку от команды, он получил и печать, на которой под короной и саблей (воспроизведение астраханского герба) был изображен скачущий влево казак, натягивающий лук. По краю шла надпись: «Печать Астраханского казачьего конного полку».[17]

За службу казаки получали денежное и натуральное жалование.[18]

Астраханское казачество представляло собой достаточно пестрый состав как по национальной принадлежности, так и по социальному происхождению.

В 1766 г. из 536 казаков, включая офицеров, большинство представляли выходцы с Дона (185 человек), собственно астраханские казаки (103 человека), выходцы из различных городовых команд и казачьих войск (73 человека) волжские казаки (46 человек). Остальные представляли из себя малочисленные группы, не отражающие какие-либо особенности общего состава Астраханского казачьего полка. Спустя 12 лет (в 1778 г.) общая картина в принципе осталась прежней за исключением того, что в казачьем полку возросла доля собственно астраханских казаков до 141 человека при общем сокращении численности полка на 12 человек. К этому времени уменьшилась доля выходцев с Дона, а что касается других групп казаков, то среди них больших изменений не произошло. Это свидетельствует о том, что собственно

астраханское казачество обретало самостоятельный статус.[19] Следует, кстати, заметить, что в некоторых исследованиях резко завышены сведения по количественному составу в Астраханском казачьем полку казаков калмыцкой национальности.[20]

Несмотря на известную многочисленность казачьих формирований на Нижней Волге значительные пространства от Царицына до Астрахани были крайне слабо прикрыты различными кордонами.

В 1764 г. Астраханский губернатор Н.А. Бекетов писал в Военную коллегию: «Астраханского казачьего полка казаки и старшины, беспрерывно употребляемые в почтах и форпостах, немалые разорения имеют... полезно их на те места и форпосты поселить... определив над ними командиров из их старшин... где будучи на одном месте домами заведутся, а работою своею в свободное от службы время в лучшее состояние придут».[21] В новых поселениях предполагалось помимо казаков поселить и калмыков, тем более, что в 1763 г. старшина Замьян изъявил желание поселиться с подвластными ему людьми в городке на Волге. Замьяну было отведено место в урочище Крымский затон. Предполагалось поселить здесь и казаков, чтобы они обучили калмыков навыкам оседлой жизни. В течение 1765-1766 гг. было основано семь станиц от Царицына до Астрахани – Грачевская, Ветлянинская, Копановская, Косикинская, Сероглазинская, Замьянская, Лебяжинская. В 1785 г. были основаны Городофорпостинская (с 1893 г. – Атаманская) и Дурновская станицы. На Кизлярском тракте также была попытка основать две станицы, однако она оказалась неудачной из-за недостатка удобных земель.

70-80 гг. XVIII в. ознаменовались реформами административно-территориального деления в России, что косвенно затронуло и астраханское казачество. В 1785 г. было образовано Кавказское наместничество в составе Астраханской и Кавказской областей с центром в городе Екатеринограде.[22] Еще в 1776 г. будущий кавказский наместник П.С. Потемкин по ознакомлении с подвластной ему территорией об-

ратился на Высочайшее имя с докладом, в котором сетовал на слабую защищенность территории от Моздока до Азова и просил переместить туда волжских казаков с Терека, укрепив их другими казачьими формированиями, объединить в один корпус и именовать Астраханским казачьим войском.

Н.А. Бекетов (1729-1794 гг.)

Хотя доклад был высочайше утвержден, было бы неверно считать 1776 г. началом Астраханского казачьего войска. Кроме названия, казачьи формирования от Волги до Кавказа ничто не объединяло. Не существовало ни единых управленческих структур, ни какого-либо положения о новом войске. Астраханские казаки по-прежнему находились в подчинении астраханского губернатора и губернской военной экспедиции, никоим образом не связанных с воинскими формированиями на Кавказе далее Кизляра.

В силу однородности службы в Нижневолжском крае, а также по причине частого прохождения службы казаками различных команд в одних и тех же пунктах, к Астраханскому казачьему полку начинают присоединять ранее самостоятельные формирования. В 1784 г. с Астраханским казачьим полком была соединена Енотаевская команда; в 1786 г. – Черноярская и Красноярская; в 1801 г. – Царицынская, Камышинская и Саратовская. Остатки волжских казаков были присоединены к Астраханскому полку в 1804 г.

Увеличение численности казачьего полка, причем за счет включения команд, весьма отдаленных от Астрахани, требовало организа-

ционных преобразований. В сентябре 1806 г. астраханский гражданский губернатор Тенишев обращается к главнокомандующему на Кавказе и астраханскому военному губернатору Зудовичу с предложением приписать к Астраханскому казачьему полку всех казаков астраханской округи, преобразовав его в три самостоятельных полка. Одновременно был поставлен вопрос об увеличении численности чинов всех званий, обеспечивающих командование и управление каждым полком.[23] Вопрос был решен положительно. Новообразованные полки получили наименования 1-го, 2-го и 3-го Астраханских и к ним было приписано определенное число станиц и команд. К Первому Астраханскому полку-станицы Казачебугорная, Городофорпостовская, Дурновская, Лебяжинская, Замьяновская, Сероглазинская, Косикинская и Красноярская команды. Ко второму Астраханскому полку – станицы Копановская, Ветлянинская, Грачевская и команды Енотаевская, Черноярская и Царицынская. К третьему Астраханскому полку – команды Дубовская, Камышинская и Саратовская.[24] Таким образом, административно полк был разделен на три округа. С разделением на три полка анахронизмом становится общее их наименование «Астраханский казачий полк», да и возросшая численность казаков требовала серьезной организационной перестройки. В 1817 г. создается Астраханское казачье войско. Положение от 7 мая 1817 г. гласило: «1. Астраханское казачье войско составляется из астраханского казачьего полка и присоединенных к нему казачьих команд... и казачьих семейств, поселенных в местечке Дубовке и станицах Александровской и Пичужинской...

4. Управление войсками поручается войсковому атаману...

5. Войсковой атаман избирается из среды чиновников Астраханского казачьего войска и предоставляется на Высочайшее утверждение...

14. Каждому из казаков сего сословия иметь собственных верховых лошадей, к службе годных, а равномерно и собственное обмундирование и вооружение...

19. Для соблюдения в войске сем внутреннего устройства, учреждается Войсковая Канцелярия из одного непременного члена и трех ассистентов, по одному от каждого полка выбираемых на 3 года, под председательством Войскового атамана...

22. Астраханскому казачьему войску подтверждается право приумножать сословие свое рядовыми казаками из татар, киргизцев и прочих иностранцев, вступающих по желанию их в Российское подданство, равно и из других иностранцев в подушный оклад не положенных, но строго запрещается принимать казенных и помещичьих крестьян».[25]

По причине ветхости прежних знамен войско получило четыре новых знамени: 3 полковых и одно войсковое. Казаки получили единообразную форму, сходную с обмундированием донских казаков, но с желтым цветом приборного сукна. Положение не предусматривало, сколько казаков должно быть на действительной службе, а какое число на «льготе». С 16 апреля по 16 октября обычно увольнялась одна треть людей домой с сохранением всех видов довольствия, поскольку в станицах они несли внутреннюю службу. Первым (и в течение 100 лет – последним) выборным атаманом стал войсковой старшина В.Ф. Скворцов. Происходил он из казачьих детей и с 18 лет находился на службе. Однако недостаток образования и административного опыта, а также преклонный возраст (на момент избрания ему было 57 лет), не позволили Скворцову успешно решать проблемы организации войска. После его отставки в 1822 г. войско находилось под управлением астраханского коменданта. В 1826 г. наказным атаманом был утвержден генерал-майор П.И. Петров. С этого момента и вплоть до 1917 г. войско управлялось исключительно наказными атаманами. С 1832 г. Астраханский край и Астраханское войско были отделены от Кавказской администрации, а в г. Астрахань назначался военный губернатор. Войско подчинялось ему как в военном, так и в гражданском отношениях.[26]

В 1845 г. (6 января) вышло новое Положение об Астраханском казачьем войске, по которому выборы войсковой администрации отменялись, а наказной атаман назначался и увольнялся Высочайшим приказом и указом Правительствующего Сената. Управление войском поручалось Астраханскому военному губернатору, ведающему и гражданской частью, а через него – военному министерству по Департаменту военных поселений.[27] Вместе с тем было введено выборное начало в отношении станичного правления.

Служба казаков была разделена на полевую (25 лет) и внутреннюю (5 лет). Зачисляли на службу с 17 лет, но первый год службы считался льготным: в это время молодые казаки освобождались от «сиденок» или станичных повинностей и приготовляли все необходимое для службы.[28] Служба распределялась таким образом, чтобы одна треть казаков находилась в службе, а две трети – «на льготе». Во время нахождения «на льготе» офицеры и казаки не имели права отлучаться за пределы войсковой земли. При наряде на внешнюю службу полков существовало правило назначать казаков-родственников или товарищей в одни и те же подразделения. Наряд на службу делали по очередным спискам, в которые казаки заносились в порядке возвращения их с последней службы. Для офицеров и урядников существовал войсковой список, для казаков – станичные. В случае одновременного возвращения со службы станичники бросали между собой жребий и заносились в список в порядке доставшихся им номеров. По Положению 1845 г., ввиду недостатка земель, был запрещен прием в войсковое сословие посторонних лиц.

Реформы второй половины XIX в. затронули и организационную структуру Астраханского казачьего войска. В 1861 г. управление войсками было изъято из ведения военного губернатора и передано наказному атаману, а через него – в Военное Министерство по управлению иррегулярных войск. В 1864 г. были учреждены военные округа, и Астраханское казачье войско было подчинено Казанскому округу.[29]

29 апреля 1869 г. было издано новое Положение по Астраханскому казачьему войску. Полковое административное деление сменилось разделением на два отдела. В первый отдел входили станицы, располагавшиеся в Астраханской губернии: Красноярская, Казачебугорная, Городофорпостинская, Дурновская, Лебяжинская, Замьяновская, Сероглазинская, Косикинская, Михайловская, Копановская, Ветлянинская, Грачевская, Черноярская. Во второй отдел – станицы, находившиеся в Саратовской губернии: Царицынская, Пичужинская, Александровская, Александро-Невская, Саратовская. Каждый отдел имел свое правление: начальники отделов назначались командующим Казанского военного округа по предоставлению наказного атамана. По новому положению следственно-судебные функции из ведения войскового правления передавались в общегубернские и судебно-мировые органы, что фактически ликвидировало судебный иммунитет войска. Гражданское ведомство относилось к войску в административно-полицейском отношении как к особой губернии, в которой войсковое правление приравнивалось к губернскому.[30] С 1880 г. наказным атаманом являлся Астраханский губернатор, что вело к слиянию губернской и войсковой администрации.

Астраханское казачье войско, как и другие казачьи войска, имело определенные привилегии: освобождение от подушной подати; от военного постоя; право на надел в 30 десятин и на исключительный лов рыбы в водах, протекающих по войсковой территории; безвозмездное получение от казны соли; право иметь своего депутата в Государственной думе; наследственность казачьего звания и др.[31]

Но за все эти привилегии казаки расплачивались фактически пожизненной службой. В соответствии с Уставом о воинской службе от 1875 г. казаки делились на служилый состав и войсковое ополчение. Служилый состав разделялся на три разряда. Приготовительный – где казак получал предварительную подготовку к военной службе, длившийся в течение 3-х лет. С 21 года казак зачислялся в строевой разряд,

из которого комплектовались строевые части. Отслужив в строевом разряде, казак переходил в запасной разряд. В мирное время казаки запасного разряда не призывались на сборы, а в случае войны – призывались по мере необходимости, начиная с младших возрастов. С 38 лет казак переводился в войсковое ополчение и до 48 лет состоял на военном учете.

Молодые люди, физически годные к войсковой службе, но по каким-либо причинам освобожденные от действительной службы в мирное время, зачислялись в льготные полки 2-ой очереди, т.е. и они не избегали военной подготовки на сборах.[32]

Для прохождения действительной службы в Астраханском казачьем войске был учрежден трехсотенный сборный полк. Сборы же для льготных казаков назначались в наиболее свободное от полевых работ время.

Астраханское казачье войско, в отличие от исторически сложившихся природных казачьих войск Дона, Терека и Урала, являлось искусственно созданным подразделением, предназначенным для охраны южных границ России. Процесс его становления шел по инициативе и под контролем государства и представлял собой прообраз военных поселений – особой организации войск России в 1819-1857 гг.

§2. Хозяйство и промыслы астраханского казачества

Наделение землей астраханских казаков первоначально преследовало цель удовлетворить их потребности в сенокосных угодьях для обеспечения кормом лошадей.[1] Жизнедеятельность самих казаков обеспечивалось хлебным и денежным жалованием. В указе об учреждении казачьего полка (28 марта 1750 г.) помимо сенокосов во владении казаков передавались рыболовные угодья: «...для пастьбы лошадей и выгона скота, отдать полку выгодные стрелецкие места, которые состоят между рек Болды и Царева и за рекою Черепахою. Особливо же на пропитание... дать им рыбные ловли... бывшие стрелецкие...».[2]

С 1765 г. начинается расселение казаков станицами. В станицах им разрешалось пользоваться землею и рыбной ловлей на расстоянии 5 верст по Волге – по 2,5 версты вверх и вниз от станицы.[3]

Сохранились описания станиц астраханских казаков, относящиеся к началу 70-х гг. XVIII в. «Грачевский городок или станица... имеет 50 домов, построенных в линию, окружена с четырех сторон земляным валом и рвом и защищена двумя пушками. Жилье состоит из мазанок, сделанных по образцу малороссийских, и хорошо разделенных. Жители... земледелием не занимаются, но имеют хорошие сады и несколько скота, и как посредством оных, так и содержанием почтовых лошадей и от казенного провианта живут богато».[4] С.Г. Гмелин также сообщает, что «главный их (т.е. казаков) промысел есть рыболовство и скотоводство».[5]

Ввиду недостатка в Астраханской губернии пригодных для земледелия площадей вопрос о наделении войска установленными законом владениями не был решен вплоть до второй половины XIX в. Земельный дефицит, а также чересполосица станичных юрт с угодьями государственных и владельческих крестьян породили длительные земельные конфликты между казачеством и крестьянством. Влияние природных условий предопределило преимущественное занятие астраханских казаков рыболовством и скотоводством. Эти виды деятельности оказались наиболее эффективными для казаков, большей частью оторванных службой от хозяйства, поскольку не требовали значительных трудовых затрат, тем более, что скотоводство было отдано в руки наемных пастухов.

Земледелие у астраханских казаков в силу недостатка пригодных для хлебопашества земель играло второстепенную роль. Слабое развитие хлебопашества объясняется и примитивной системой землепользования, а также незаинтересованностью казаков в этой сфере деятельности в силу наличия более стабильных источников доходов от рыболовства и скотоводства. Землепашеством преимущественно за-

нимались казаки станиц от Царицына до Саратова. Хотя, например, в 1849 г. казаками было засеяно под озимые и яровые 3560 четвертей зерна, собрано 8230 четвертей, однако значительная часть хлеба, особенно для казаков от Царицына до Астрахани, закупалась на войсковые деньги.[6]

К 1825 г. Астраханское казачье войско имело в своих владениях 245720 десятин земли, из которых только 120000 были удобными для хлебопашества и заготовки кормов для скота.[7]

Право казаков на пай в 30 десятин почти никогда не реализовывалось в связи с недостатком пригодных земель, а с ростом численности войска (за счет естественного прироста) пай неуклонно сокращался. В 1890 г. казачий пай составлял 24 десятины, а в 1913 г. уже 13,5 десятин.[8]

Несмотря на усовершенствованный земледельческий инвентарь система землепользования была залежной и лишь отчасти трехпольной. При этом казаки не практиковали многократную обработку поля, ограничиваясь одной запашкой. В сочетании с суровыми природными условиями это вело к низким урожаям.[9] Полеводство при таких условиях не имело большого значения и доход от него составлял лишь 12,5% от всех доходов казачьего хозяйства. С 90-х гг. все большее значение приобретают бахчеводство, огородничество и садоводство. Например, в 1890 г. бахчевых и огородных культур было продано на сумму более 10300 руб.[10] Особенно было развито бахчеводство в станице Грачевской, где образовался «специальный арбузный промысел».[11] Выращенные арбузы транспортировались через село Никольское и Черный Яр по всей Волге. К началу XX в. все большее развитие получает садоводство. Однако развитие огородничества и садоводства сдерживалось за счет расширения площадей под сенокосные угодья и выпас скота.

Низкий уровень земледельческого хозяйства Астраханского войска вызывал обеспокоенность Войскового правления. В связи с тем, что для расширения земельных угодий перспектив практически не было, главный упор был сделан на внедрение в хозяйство засухоустой-

чивых маньчжурских культур (гаолян, чумиза, китайские бобы). С 1909 г. в станицах войска ведутся опыты по внедрению новых культур, выработке наиболее рационального севооборота с чередованием местных и новых культур, прогрессивных методов обработки земли и ухода за посевами. Казаки, изъявлявшие желание в своих хозяйствах опробовать новые технологии, получали на 6 лет ссуду в 500 руб. и могли бесплатно пользоваться машинами и орудиями, получаемыми в прокатных пунктах. Под руководством инструкторов применялись улучшенная обработка почвы, машинный сев, пропашка хлебов во время роста и т.д.[12] Несмотря на попытки проведения опытных работ, серьезного улучшения казачьего земледельческого хозяйства добиться не удалось.

Одной из ведущих отраслей хозяйства астраханских казаков являлось скотоводство. Большее развитие оно получило в станицах Первого отдела, то есть в пределах нынешней Астраханской области. На каждые 100 душ здесь приходилось 161,7 голов крупного скота и 182,3 голов – мелкого. Причем 71,1% нерабочего крупного скота составляли лошади. Скотоводству в известной степени способствовали природные условия края – пастбища на нагорной стороне и сенокосы в займищах. Однако многие станицы сильно страдали от движущихся песков засыпающих пастбищные луга. Из-за этого «скот перебиваясь на песках, до того тощает, что становится похож на скелет... Приходилось видеть, как наиболее отощавшая скотина не в состоянии была идти самостоятельно, и ее приносили к Волге на носилках».[13] Пастухов казаки предпочитали нанимать из калмыков. Наем инородцев носил во многом патриархальный характер. В крепком казачьем хозяйстве один и тот же калмык ухаживал за скотом из года в год в течение всей жизни, часто дети заменяли умершего отца.

Скотоводство являлось не только показателем хозяйственной силы семьи, ее относительного благополучия, но и формой хозяйственных сбережений, запасным фондом, восполняющим убытки семьи от

хозяйственных неудач. Потому казак и стремился развести скота как можно больше, а продавать как можно меньше. Войсковое правление стремилось проводить мероприятия по улучшению скотоводства, выделяя средства для покупки производителей улучшенных пород и организации ветеринарной службы. Особое внимание обращалось на воспроизводство лошадей, годных для строевой службы. Однако эти попытки не дали ощутимых результатов в деле улучшения племенного состава лошадей. Строевых лошадей зачастую покупали у калмыков или на ярмарках.

Главным источником дохода в низовых станицах было рыболовство. Оно давало в станицах Первого отдела до 70% всех доходов. Все воды, протекавшие в пределах станичных земель, именовались «станичными». Однако распоряжалось ими Войсковое правление. Казачье население станиц имело право на бесплатный лов рыбы в этих водах в зимнее время и во время хода сельди. В летнее время (с 15 марта по 15 ноября) казаки ловили рыбу на условиях аренды рыболовных участков на общих основаниях с лицами других сословий, либо ловили рыбу на арендаторов, обязуясь сдавать ее по определенной заранее цене (как правило, на 50% ниже рыночной). Полной собственностью станиц были станичные непроточные воды, ильмени, озера, глухие ерики, где казаки могли ловить рыбу круглый год.

Вплоть до середины XIX в. вся пойманная казаками сельдь шла на вытапливание жира. О доходности этого промысла можно судить по свидетельству К.М. Бэра: «По дороге хозяин лодки много рассказывал о лове бешенки. Сам он вытапливал 40 бочек жира и полагает, что в каждом казачьем дворе вытапливают от 30 до 40 бочек... каждый казак, от Астрахани до Енотаевска, в этом году (1856 г.) заработал около 1000 руб. в течении одного месяца».[14] Однако жиротопление вело к нерациональному использованию рыбы. С 1000 соленых сельдей можно было получить «1,5 руб. прибыли, а с 1000 рыб, пущенных на жиротопление, только по 50 коп., если считать, что из 1000 рыб получается

по 2 пуда жира».[15] Только благодаря пропагандистским усилиям К.М. Бэра хищническая эксплуатация сельди была прекращена, а на рынках России появилась соленая каспийская сельдь. Как и при занятиях скотоводством, казаки предпочитали не столько лично участвовать в лове, сколько нанимать работников, чаще всего калмыков и киргизов. Поскольку снаряжение для лова рыбы требовало довольно значительных затрат, многие ловцы-казаки подряжались к крупным промышленникам и брали у них необходимые на снаряжение деньги, но рыбу сдавали по тем ценам, которые назначали промышленники.[16] Поэтому в 1889 г. Войсковое правление предписало образовать по станицам ссудные капиталы из станичных средств, чтобы давать ссуды на снаряжение к лову и при продаже рыбы не зависеть от перекупщиков.[17] Кроме того, Войсковое правление постановило сдавать войсковые воды в аренду преимущественно станичным обществам, чтобы исключить возможность эксплуатации казаков-ловцов. С 1908 г. лучшие войсковые воды находились в аренде станиц Красноярской, Дурновской, Лебяжинской, Замьянской, Сероглазинской, Косикинской, Вятлянской, Грачевской.[18] Несмотря на эти меры, в начале XX в. уловы в казачьих водах имели тенденцию к снижению из-за хищнического лова рыбы крупными промышленниками в дельте Волги.

Из промыслов, которыми занимались казаки, наиболее развитым был извозный, делившийся на пассажирский и ломовой. Пассажирским извозом, как правило, занимались казаки городских и пригородных станиц. Казаки низовых станиц занимались чумачеством, перевозя грузы и рыбу в Царицын. Гораздо большее значение имел извоз для станиц II отдела (от Царицына до Саратова), особенно для станиц Пичужинской, Царицынской и Саратовской. Здесь этот промысел для многих казаков являлся главнейшим и почти единственным источником существования.[19] Определенный удар по этому виду промысла нанесло строительство железной дороги.

Несмотря на рыболовецкую специализацию казачьего хозяйства,

ни в одной из станиц не было заведений, занимающихся бондарным промыслом и изготовлением лодок. Часть казаков и казачек нанимались на рыболовные промыслы или поступали по вольному найму в конно-полицейские команды.[20] Промышленные заведения в станицах носили в основном перерабатывающий характер, причем принадлежали они, как правило, лицам невойскового сословия. Характерной чертой промышленной деятельности у казачества было стремление заниматься таким ремеслом, которое не требовало никаких специальных знаний и обеспечивало повседневные нужды казаков. Самыми распространенными среди них были кузнечное, сапожное и портупейское ремесла. Торговля занимала опосредованное место в хазяйственной деятельности казаков, ей занимались лица невойскового сословия.

Несмотря на низкую производительность хозяйства, социальная дифференциация в казачьем обществе шла довольно медленно. Несмотря на достаточно четкое размежевание станичных обществ на «группы богатеев и малоимущих представителей»,[21] батрачеством занимались не более 1,7% от войскового населения. В конце XIX в. распространенным среди казаков становится такое явление как сдача земельных паев за ссуду. Это свидетельствало о снижении жизненного уровняназших и средних слоев казачества. Сдача паев практиковалась либо при их избытке, либо при невозможности обрабатывать свой пай собственными силами. Явление это приобрело такое распространение, что появились скупщики паев, занимавшиеся их перепродажей, но не в собственность, а в пользование. Если же казак потерял все источники дохода и передал свой пай в аренду, он имел возможность получить землю при новом переделе и при благополучном финансовом положении мог снова стать хозяином. Кроме того, важным фактором, гарантировавшим жизнеспособность казаков, являлось право не платить подушную подать.

§3. Внутренняя служба Астраханского казачьего войска

С момента образования главной функцией астраханского казачества была охрана границ, обеспечение безопасности Московского тракта и солепромыслов, защита русских поселенцев и российских подданных – калмыков и ногайцев от набегов киргиз-кайсаков (так в те времена именовали казахов). Хотя с 30-х годов XVIII в. казахи считались русскими подданными, однако, учитывая их «легкомысленные предерзости», приходилось постоянно «иметь предосторожность и неусыпный и беспрерывный всегда разъезд».[1] Киргизцы были «столь охочи и привычны к набегам, что несмотря на крепости и форпосты в низовьях Урала, продолжали свои набеги, в особенности зимою, когда Каспийское море в его северной части замерзало».[2] Они угоняли скот, грабили солепромыслы и рыболовные ватаги, а людей, захваченных в плен, продавали на невольничьих рынках Средней Азии (в 1722 г. в Бухаре находилось свыше 5000 русских пленников).[3] Даже в середине XIX в. в Хиве ежегодно продавалось до 500 русских, попавших туда не без помощи казахов.[4] В 1746 г. под Красным Яром казахи захватили в плен 700 калмыков. Зимой 1747 г. они повторили набег, но калмыки своевременно ушли, а на обратном пути, при переправе через Урал, казахи были атакованы казачьим отрядом и почти все уничтожены.[5]

С уходом в 1771 г. значительной части калмыков за Волгу усилились казахские набеги на русские селения и рыболовные ватаги. В декабре 1773 г. «...киргиз-кайсаки во множественной силе разбили форпосты и переходили через Волгу на нагорную сторону и находящихся по речкам на хуторах людей многих побили, а прочих в плен побрали, равно лошадей и скот угнали...».[6] Для противодействия казахским набегам по луговой стороне Волги на форпостах предписывалось содержать по 30 человек казаков, а в общей сложности для этих целей было рассосредоточено по станицам 330 казаков.[7] Более надежно прикрыть границы от Царицына до Астрахани стало возможным со 2-й полови-

ны 60-х гг. XVIII в., когда была создана цепь станиц Астраханского казачьего полка. Однако в зимнее время казахи продолжали совершать разбойничьи набеги. В январе 1783 г. около сотни казахов напали на Белужинский промысел купца Пустошкина. Ловцы сумели спастись, но разбойники угнали 30 лошадей.[8] Большой переполох вызвало в том же году сообщение бежавшего из киргизского плена калмыка Кобеня о том, что через Урал перешло до 1300 киргиз-кайсаков, из которых до 1000 человек вооружено.[9] 21 февраля 1782 г. губернатором был отправлен приказ «в поселенные астраханского казачьего полку в станицы... не мешкая из каждой отправить по 15 человек казаков при одном уряднике в Астрахань...». Оставшиеся на местах казаки должны были круглосуточно контролировать территорию по луговой стороне от Черного Яра до Астрахани и отгонять киргизов в степь.[10]

Весной 1790 г. крупные банды киргизов нападают даже на кордонные посты. О серьезных вооруженных столкновениях с разбойничьими группами киргизов-кайсаков свидетельствуют выдержки из формулярного списка будущего атамана Астраханского казачьего войска В.Ф. Скворцова. «В кордонской страже в 1796 г. разбил в Рын-песках киргизскую воровскую в 300 человек партию, стремившуюся на разорения дербетовских калмыков, там кочующих, и взял 14 человек в плен. В 1797 г. преследовал и разбил близ р. Урал киргизскую воровскую партию, захватившую в плен от крепости Узеньской российских людей, отбил оных; возвратясь оттоль, тогож года при урочище Сертлих под командою генерал-майора Попова истребил киргизскую воровскую партию... и отбил 3-х человек российских пленников».[11]

Перманентная война в междуречье Волги и Урала продолжалась до 1862 г. Не надолго успокоило казахов и разрешение султану Букею поселиться с 1801 г. на русских землях. Султан не только не был в состоянии держать в узде своих подданных, но и был столь «любим» своим народом, что не мыслил спокойной жизни без казачьей охраны первоначально в 25 человек, а затем по его же просьбе доведенной до 50

человек. В правление султана Сыгая команду довели до 100 казаков и 50 калмыков при 2-х орудиях. Слабость правителей Букеевской орды привела к мятежу в 1837 г., поднятому Исатаем Таймановым и Махамбетом Утемисовым. Казалось, вернулись самые темные времена казахских разбоев. Шайки мятежников вновь вернулись к грабежу русских селений, нападениям на форпосты и заставы. Для наведения порядка в Букеевской орде пришлось мобилизовать достаточно значительные силы, включая и астраханских казаков. Триста казаков при одном орудии под командованием подполковника Алеева за 9 дней прошли более 350 км, в боях разбили мятежников и через 2 месяца, после восстановления спокойствия, вернулись обратно.[12] Толко увеличение в Заволжье русского населения привело к окончательному замирению казахов и упразднению казачьих кордонов с 1862 г.

Наряду со службой в Заволжье в летнее время цепь казачьих застав перемещалась с луговой на нагорную сторону реки Волги.[13]

В постановлении Астраханской губернской канцелярии от 1761 г. говорилось: «...для лучшего воровских подбегов искоренения и для сохранения подданных Ее императорского Величества ниже Царицына при Волге находящихся и между Астрахани и Кизляра ездящих... иметь разъезд».[14] Помимо службы на форпостах, казаки участвовали в охране рыбных промыслов на Каспийском море. Упоминавшийся выше есаул В.Ф. Скворцов в 1806-1807 гг., командуя отрядом казаков при охране Эмбенских промыслов, «нашел киргизские воровские партии в лодках... вступил с ними в действительное сражение, и, несмотря на превосходство сил их, разбил оных, отнял у них одну лодку и одну медную пушку, взял в плен 16 человек и остальных принудил обратиться в бегство; за что 26 ноября 1807 г. награжден кавалером ордена св. Анны 3-го класса».[15] Надо отметить, что пограничная служба казаков тесно переплеталась с охранными функциями на московском тракте и вдоль Волги, поскольку Нижнее Поволжье издавна было притягательно для разного рода «гулящих людей». Только в январе 1770 г. было ликвиди-

ровано 5 банд общим числом в 49 человек.[16] Даже много позже, в 1831-34 гг., когда шайки «гулящего люда» значительно сократились, было задержано 149 человек бродяг, разбойников и дезертиров.[17]

Помимо сторожевой службы, на казаках лежала охрана почты и курьеров, обеспечение карантинной службы в случае эпидемий. В 1807 г. во время чумы в Астрахани для обеспечения карантинных мероприятий и ввиду назревавших беспорядков, в город было введено 500 казаков. Идентичные мероприятия были проведены во время эпидемии холеры в 1892 г.

В Астрахани, Саратове и некоторых уездах казаки несли коннополицейскую службу. В начале XIX в. конный наряд казаков в Астрахани доходил до 60 человек. Служба заключалась в объездах города, для чего в каждый полицейский участок ежедневно назначалось по 4 казака. Кроме того, ежедневно назначались по два конно-вестовых казака к губернатору и полицмейстеру.[18] Правда, в 1878 г. постоянная казачья коннополицейская команда была ликвидирована, но в критических ситуациях казаки по-прежнему привлекались к охране правопорядка.

§4. Участие астраханских казаков в военных конфликтах России

С начала XIX в. Нижнее Поволжье быстро теряет статус пограничного региона России, и астраханские казаки привлекаются к охране границ на новых рубежах. С 1823 по 1831 гг. на Кавказской линии находился сборный пятисотенный полк астраханских казаков. Они участвовали в боях с горцами, экспедициях в Баксанское ущелье и вглубь Северной Осетии.[1] В 1863 г. на Кавказ была направлена отдельная сотня под командованием есаула Алеева. Она была прикомандирована к третьему эскадрону легендарного Нижегородского драгунского полка.[2] В течение года службы в западной части Северного Кавказа астраханцы участвовали в стычках с горцами и в ликвидации враждебных аулов. В январе 1864 г. проводили рекогносцировку Убыхского

перевала.[3] По окончании службы на Кавказе все казаки сотни были награждены серебряной медалью «За покорение Западного Кавказа» и бронзовым крестом «За службу на Кавказе». 12 человек заслужили Георгиевские кресты, а есаул Алеев произведен в войсковые старшины.

С расширением границ Российской империи в Средней Азии астраханские казаки привлекаются к службе на новых рубежах. В 1876 г. Первая сотня Первого полка под командой есаула Щербакова была откомандирована на службу в Туркестан. Сотня прибыла в Коканд и была зачислена в состав войск Ферганской области под начало генерал-майора М.Д. Скобелева. Однако принять участие в боях под началом известного генерала астраханцы не успели. Началась долгая и трудная служба на отдаленном пограничье.

В июне 1877 г. астраханская сотня участвовала в обеспечении переговоров с китайцами по поводу уточнения границы в Алайских горах, на перевале Талдык. Поход был крайне труден в условиях заснеженного высокогорья; от недостатка воздуха казаки теряли сознание, но все же задача была выполнена.[4] Лишь в 1881 г. сотня вернулась на родину, после пяти лет бессменной службы. В 1906 г. все казаки Первой сотни были награждены медалью «За походы в Средней Азии». Сходство природных условий нижневолжских пустынь и Средней Азии диктовало необходимость использования в этом регионе астраханских казаков, привычных к службе в условиях жары и безводья. В 1887 г. в Закаспийскую область были откомандированы две казачьи сотни под командованием есаулов Свекольникова и Чернецова. Местом их дислокации являлся укрепленный пункт Керки. В конце 1896- нач. 1897 г. сотни несли кордонную службу на границе Афганистана от появившейся в Индии чумы, не допуская перехода людей, скота и провоза товара. В августе 1897 г. казаки были переведены в пределы Хивинского ханства. Служба здесь заключалась в борьбе с шайками разбойников, в обеспечении спокойного передвижения караванов, в охране мирной жизни местного населения и русских поселенцев.

В 1901 г. велась опасная охота за бандой некоего Кара-Калы Кисова. Отряд подъесаула Станкевича, пройдя за 6 суток 400 верст, сумел настичь шайку в ауле Тамды. Главарь попытался бежать, но казак Рукавишников сумел его обезоружить, вырвав на скаку винтовку, и схватить. Двадцати разбойникам все же удалось бежать, и их преследовал подъесаул Станкевич с 6-ю казаками. Банду настигли у границ бухарских владений, но взять не смогли. Через несколько дней, в бухарских владениях догнали и остальных разбойников. В результате перестрелки часть банды была уничтожена, а уцелевшие – пленены. За эту операцию подъесаул Станкевич был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени, а казаки – медалями «За храбрость» на Георгиевской ленте 4-й и 3-й степеней. В свою очередь, эмир бухарский наградил офицеров орденом «Бухарской звезды», а рядовых казаков медалями.[5]

За длительную историю войска астраханским казакам довелось принять участие не только в пограничных стычках и погонях, но и в больших войнах.

В 1736-1737 гг. казаки Саратовской и Черноярской команд в составе войск генерал-фельдмаршала Ласси приняли участие в войне с Турцией 1735-1739 гг. В мае 1736 г. пал Азов, а летом 1737 г. Ласси двинулся в Крым. Татарское войско ждало его у Перекопа, но русская армия проникла на полуостров через Сиваш и по Арабатской стрелке. У местечка Карасубазар крымцы были разбиты. В бою отличились многие казаки-астраханцы.[6]

В 1796 г. часть астраханских казаков участвовали в очередной русско-иранской войне. В составе русской армии под командованием В.А. Зубова астраханцы приняли участие в сражениях при взятии Дербента, Баку, Кубы и Шемахи.[7]

Славной страницей истории астраханских казаков является их уча-

стие в Отечественной войне 1812 г. Ввиду малочисленности астраханского казачьего полка и острой необходимости во внутренней службе на кордонах, полк к боевым действиям не привлекался. Однако часть казаков воевала в составе калмыцких полков. Еще в апреле 1811 г. был издан именной указ, где говорилось: «Для усугубления армии нашей легкими нерегулярными войсками желательно составить два калмыцких пятисотенных полка из орд, обитающих в Астраханской, Саратовской и Кавказской губерниях и в пределах войска Донского...».[8] В каждый из этих полков было назначено по 5 урядников и 10 казаков астраханского полка, которые должны были «хорошо знать калмыцкий разговор и распределялись по полкам поровну для показа калмыкам порядка казачьей службы, присмотра за ними и других употреблений».[9] В составе первого полка под командой князя Джомбо Тайши Тундутова астраханцы с 8 по 18 августа 1812 г. участвовали в стычках с французами, противодействуя их переправе через р. Буг. В сентябре 1812 г. преследовали противника от р. Стырь до Брест-Литовска. В кампании 1813 г. совершили поход на Варшаву и с 17 марта по 28 августа находились при осаде крепости Модлин.

Второй полк под командой Серебджаба Тюменя 18 июля рассеял Саксонский драгунский эскадрон, показав способность иррегулярной кавалерии успешно сражаться с тяжелой конницей противника. В течениие 1813 г. полк Тюменя преследовал французов до Кракова; 4-7 октября участвовал в «Битве народов» при Лейпциге, а затем гнал противника до Рейна. Двигаясь в авангарде союзных войск, полк в 1814 г. вступил в Париж, и улицы французской столицы увидели не только калмыцких воинов, но и астраханских казаков. Все участники войны были награждены медалью «В память Отечественной войны 1812 г.». Девять казаков заслужили право носить серебряную медаль «За взя-

тие Парижа 19 марта 1814 г.». Три урядника – Сережников, Тетерин и Вязигин получили офицерские чины.[10] В 1826-1828 гг. до 300 астраханских казаков в ходе русско-иранской войны отразили нападение на крепость Сальяны, а в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. сотня астраханцев участвовала в боях у крепости Кюстенджи, а также в осаде и взятии Варны. Однако главной задачей астраханских казаков в этих конфликтах была охрана воинских караванов с оружием.[11] В Крымскую войну 1853-1856 гг. пятисотенная команда находилась на службе в городе Петровске, противодействуя набегам мятежных горцев Шамиля.

Но звездным часом боевой истории Астраханского казачьего войска стала русско-турецкая война 1877-1878 гг. 26 июля 1877 г. было оглашено Высочайшее повеление о снаряжении на службу первого полка (получил наименование 2-ой полк), а 5 августа – и о формировании второго полка (наименовался 3-й полк).[12] Оба полка направлялись на кавказский театр боевых действий. Второй полк находился под командованием полковника Э.В. Адеркаса, участника Венгерской, Крымской и Польской кампаний, а Третьим полком командовал Е.П. Кондратенко – ветеран боевых действий в Средней Азии. 19 сентября 1877 г. Второй полк прибыл в отряд генерала Шатилова, а 3 октября принял участие в Авлиар-Аладжарском сражении. Часть турецкой армии была окружена и пленена, а часть, во главе с Мухтар-пашой, бежала в Карс. Потери турок составили до 20 тыс. человек, т.е. три четверти от численности армии.[13] С 8 октября 1877 г. полк участвовал в блокаде Карса в составе сводной кавалерийской дивизии князя Щербатова. В ходе осады казаки не раз вступали в ожесточенные перестрелки с противником, а 15 октября отразили вылазку турок. В ночь перед штурмом крепости отряд Щербатова расположился к западу от Карса, прикрывая эрзерумскую дорогу. Ночью с 5 на 6 октября начался штурм, а уже

утром показались толпы бегущих турок. Деморализованные, раздробленные на отдельные группы, они стали легкой добычей казаков, частью были истреблены, а частью – пленены.[14]

Третий полк входил в состав Эриванского отряда, находясь в кавалерийской колонне Кебулай-хана нахичеванского. 14 октября первая сотня под командованием сотника Станкевича сбила турецкую засаду в Кара-Дербетовском ущелье. Отряд турок был ликвидирован столь стремительно, что уцелевшие даже не смогли оповестить своих об утрате позиций. В ночь с 16 на 17 октября астраханцы внезапно ворвались в город Гасан-Кала. Противник в панике бежал, бросая обозы, раненых и оружие.[15] 18 октября весь Эриванский отряд был сосредоточен у горы Деве-Бойну. Деве-Боинская позиция закрывала доступ к Эрзеруму и была хорошо укреплена. Однако значительная ее растянутость по фронту не давала возможности туркам добиться достаточной плотности войск. 23 октября русские перешли в наступление. Крутые склоны гор вынудили казаков вести атаку в пешем строю. Огонь противника был очень силен, но, к счастью, некачественные взрыватели турецких снарядов не давали разрывов на рыхлой почве. В противном случае потери русских были бы весьма велики. К ночи турки удерживали лишь отдельные опорные пункты, но утром 24 октября капитулировали. Потери турок составили до 7 тыс. человек, русских – около 1000.[16] Однако медлительность русского командования привела к утрате возможности овладеть Эрзерумом с ходу. Началась длительная блокада и астраханцы успели принять участие в стычках с турками на подступах к крепости. К счастью для астраханцев, им не довелось зимовать под Эрзерумом, где от тифа погибло до 20 тыс. русских солдат.[17] 30 октября полк в составе колонны полковника Самойлова выступил в Баязет, где и пробыл до конца войны. Участие Второго и

Третьего астраханских казачьих полков в войне 1877-1878 гг. было отмечено пожалованием знаков отличия на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну 1877 и 1878 годов».[18] 55 казаков стали Георгиевскими кавалерами, причем вахмистры Калинкин и Изюмский дважды, а казак Лепилкин получил свой крест лично из рук Кавказского наместника Великого князя Михаила Николаевича. Все казаки и офицеры получили светло-бронзовую медаль в память о Турецкой войне, а принимавшие участие во взятии Карса – серебряную медаль.[19]

В период русско-японской войны Астраханскому войску пришлось потрудиться на внутреннем фронте, обеспечивая порядок в условиях разгоревшейся революции. На театр военных действий отправились добровольцы – офицеры: А.А. Усынин; Н.И. Аратовский; И.Г. Самсонов; И.Н. Собакорев-Матвеенко; Г.А. Щербаков; В.В. Разгонов, сражавшиеся в составе Забайкальских, Сибирских и уральских казачьих формирований.[20]

Последней войной с внешним врагом, в которой участвовали астраханские казаки, была Первая мировая. Астраханцы выставили на войну 2600 человек в составе 3-х полков; одного гвардейского конного взвода Лейб-гвардии Сводно-казачьего полка; одной особой сотни и одной конно-артиллерийской батареи.[21] В ходе Первой мировой войны была нарушена традиция направления астраханцев на Кавказский театр – все формирования астраханских казаков сражались на Западном фронте. После 1917 г. славная боевая история Астраханского казачьего войска оказалась прерванной. Большая часть казаков сражалась в составе Кавказской армии генерала Врангеля, что предопределило ликвидацию Астраханского казачества, как, впрочем, и других казачьих войск России.

Примечания

§1

1. Гмелин С.Г. Путешествие по России. Спб., 1777. Ч.II. С.68-69.
2. Казачий словарь-справочник. М., 1992. Т.I. С.146.
3. Казин В.Х. Казачьи войска России. Справочная книжка Императорской Главной Квартиры. СПб., 1912. С.6.
4. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Саратов, 1911. Ч.I. С.4.
5. Голикова И.Б. Очерки истории городов России конца XVII-нач. XVIII в. М., 1982.
6. Станиславский Л.Л. Гражданская война в России XVII в. М., 1990. С.201.
7. Короленко П. К вопросу об образовании Астраханского казачьего войска. Екатеринбург, 1908. С.1.
8. Бирюков И.А. Указ. соч. С.200.
9. Бирюков И.А. Астраханская казачья трехсотенная команда (1737-1750 гг.). Астрахань, 1905. С.5.
10. Там же. С.7.
11. Бирюков И.А. Указ. соч. С.19.
12. Казин В.Х. Указ. соч. С.205.
13. Бирюков И.А. Указ. соч. С.9.
14. Бирюков И.А. Указ. соч. С.23.
15. ПСЗ. Т.XII. №9554. Спб., 1830.
16. ПСЗ. Т.XIII. №2727. Спб., 1830.
17. Бирюков И.А. Указ. соч. С.42.
18. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.2449. Л.10-11.
19. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.4771.
20. Шовунов К.П. Калмыки в составе российского казачества. Элиста, 1992. С.50.
21. Бирюков И.А. Указ. соч. С.61-62.
22. Астраханские губернаторы. Астрахань, 1997. С.8.
23. ГААО. Ф.1. Т.2. Д.3568. Л.2.
24. ГААО. Ф.1. Т.2. Д.3568. Л.10.
25. ПСЗ. Т.XXXIV. №26840. Спб., 1830.
26. Бирюков И.А. Указ. соч. С.561-562.
27. Там же. Приложение №2. С.8-9.
28. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.V. Ч.5. Спб., 1852. С.14.
29. Бирюков И.А. Указ. соч. С.566.
30. Там же. Приложение №3. С.1-7.
31. Там же. С.426-434.
32. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне // ВИЖ №1/1993.

§2

1. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.2290.
2. ПСЗ. T.XIII. №2727. Спб.. 1830.
3. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.5737. Л.33.
4. Записки путешествия академика Фалька. Спб., 1824. С.137-138.
5. Гмелин С.Г. Путешествие по России Ч.II. Спб., 1777. С.52-58.
6. Военно-статистическое обозрение Российской империи. T.V. Ч.5. Спб., 1852. С.18.
7. Там же. С.17-18.
8. Лакин Г.И. Казачье землепользование. Хозяйственно-экономические очерки и наблюдения. Вып. 14. Астрахань, 1915. С.11.
9. Лакин Г.И. Указ. соч. Вып.1. 1903. С.131.
10. Отчет о состоянии Астраханского казачьего войска за 1890 г. Астрахань, 1891. С.44.
11. Лакин Г.И. Указ. соч. Вып.11. 1903. С.131.
12. Отчет о состоянии Астраханского казачьего войска за 1911 г. Астрахань, 1912. С.86.
13. Лакин Г.И. Указ. соч. Вып. 12. 1914. С.9.
14. Каспийская экспедиция К.М. Бэра. 1853-57 гг. (дневники и материалы). Л., 1984. С.307.
15. Там же. С.285.
16. Отчет о состоянии Астраханского казачьего войска за 1890 г. Астрахань, 1891. С.50.
17. Там же.
18. Отчет о состоянии Астраханского казачьего войска за 1908 г. Астрахань, 1909. С.23.
19. Там же. С.98.
20. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Саратов, 1911. Ч.III. С.93.
21. Лакин Г.И. Указ. соч. Вып. 12. 1914. С.68.

§3

1. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.1388. Л.47-78.
2. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Саратов, 1911. Ч.III. С.545.
3. Посланник Петра I на востоке (посольство Флорио Беневини в Персию и Бухару в 1718-1725 гг.). М., 1986. С.72.
4. Костин Б.А. Скобелев. М., 1990. С.23.
5. Бирюков И.А. Указ. соч. С.545.
6. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.3931. Л.2.
7. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.1388. Л.191.
8. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.5485. Л.1.
9. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.5485. Л.19-20.
10. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.5485. Л.34.
11. ГААО. Ф.1. Т.2. Д.3568. Л.25-26.
12. Агафонов О. Казачьи войска Российской империи. М., 1995. С.406.
13. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.5485. Л.47.
14. ГААО. Ф.394. Оп.1 (доп). Д.169. Л.31-32.

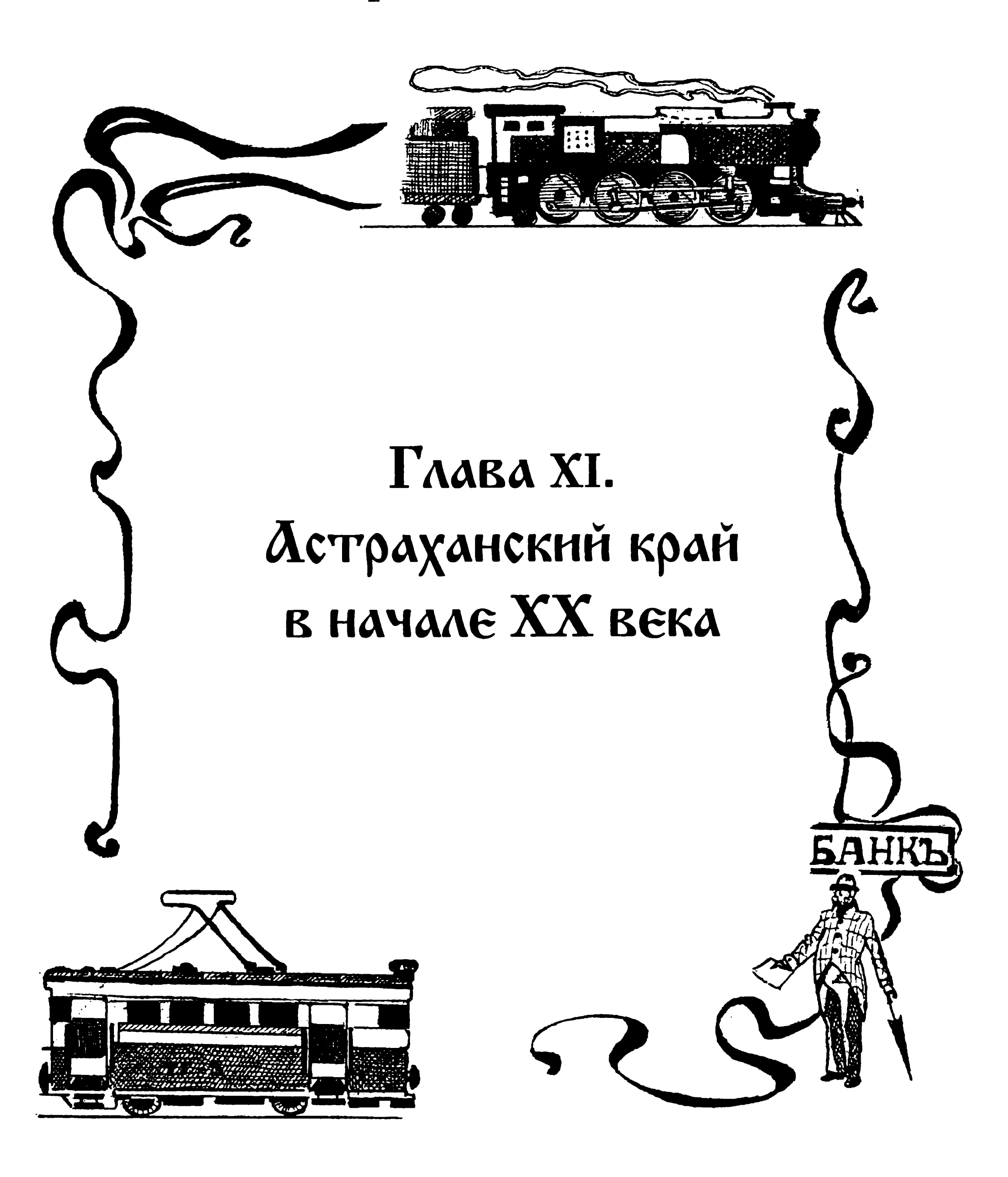
15. ГААО. Ф.1. Т.1. Д.3568. Л.25-26.
16. ГААО. Ф.394. Оп.1. Д.3306. Л.1-2.
17. Бирюков И.А. Указ. соч. С.451.
18. Там же. С.667.

§4

1. Агафонов О. Казачьи войска Российкой империи. М., 1995. С.411.
2. Догадин А.А. Рассказы о службе Астраханских казаков. Астрахань, 1908. С.12.
3. Агафонов О. Указ. соч. С.411.
4. Бирюков И.А. История Астраханского казачьего войска. Саратов, 1911. Ч.I. С.179.
5. Там же. С.200-203.
6. Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. М., 1991. С.208-210.
7. ГААО. Ф.1. Т.1. Д.3568.
8. Прозрителев Г.Н. Военное прошлое наших калмык. Ставрополь, 1912. С.83.
9. Бирюков И.А. Указ. соч. С.696.
10. Там же. С.699-700.
11. Агафонов О. Указ. соч. С.411.
12. Бирюков И.А. Указ. соч. С.759-760.
13. Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956. С.387.
14. Бирюков И.А. Указ. соч. С.774.
15. Там же. С.785.
16. Беляев Н.И. Указ. соч. С.392.
17. Там же. С.394.
18. Казин В.Х. Казачьи войска России (справочная книжка Императорской Главной Квартиры). СПб., 1912. С.208.
19. Бирюков И.А. Указ. соч. С.802-806.
20. Там же. С.210-211.
21. Агафонов О. Указ. соч. С.412.

РАЗДЕЛ III.

Новейшая история Астраханского края



Глава XI. Астраханский край в начале XX века

§1. Экономика края в начале XX века (1900-1917 гг.)

Конец XIX- начало XX в. – особый этап в развитии российской экономики вообще и промышленности в частности. Начинался процесс интенсивного вытеснения частнокапиталистических предприятий «товарищескими» и акционерно-паевыми. И Астраханский край не составлял в этом отношении исключения из общего правила.

К 1913 г. в Астрахани, Астраханской губернии, а также в г. Царицыне было зарегистрировано 31 товарищество, связанное своей деятельностью с рыбопромышленностью, рыбной и рыбоконсервной торговлей. Сведения об организации торговых домов показывают, что заметный рост темпов их возникновения и регистрации начинается с 1908-1909 гг. Большинство зарегистрированных рыбопромышленных и рыботорговых товариществ являлось «полными», т.е. обладающими капиталами в сумме от 3 тыс. руб. и более. Это такие товарищества, как торговый дом «А.А. Шайкин и К°» (3 тыс. руб.), торговый дом «Бр. Сапожниковы» (200 тыс. руб.), товарищество «Синеморских промыслов» (250 тыс. руб.) и некоторые другие.[1]

Аналогичные процессы происходили и в соляной промышленности. Уставы обществ были однотипными: «...приобретение, аренда, устройство и эксплуатация соляных месторождений, соляных копей и промыслов, солеваренных заводов, солемольных мельниц, заводов для химической переработки соли и других предприятий, связанных с соляной промышленностью, а также торговлей солью».[2] Запрещалась лишь покупка обществом предприятий и промыслов, связанных с рыбной промышленностью. Но обращают на себя внимание сами учредители обществ: А.Э. Мейснер , А.И. Беззубиков и В.Г. Степанов : все они – рыбопромышленники, соучредители различных акционерных обществ, деятельностью своей связанных с рыбной промышленностью и торговлей рыбой.

В кирпичную промышленность края глубоко проникло «Южно-

русское товарищество «Керамик». Этому обществу в Астраханском уезде принадлежал крупный кирпичный завод «Керамик» с производством кирпича до 7 млн. штук в год.[3]

В этот же период акционерное общество « Бр. Нобель» становится полным хозяином в торговле нефтью и керосином. К 1910 г. Астрахань как перевалочный пункт и торговая база горючих материалов превращается в крупнейшего монополиста не только региона, но и страны. В результате этой монопольной деятельности цены в Астрахани и других поволжских городах на жидкое топливо повысились с 1910 по 1912 гг. на 150%, что не могло не сказаться на положении судоходства и всей волжской промышленности, которая к этому времени уже почти полностью перешла на этот вид топлива. По мнению Астраханского биржевого комитета, «приходилось иметь дело не с нормальными законами спроса и предложения, а с искусственным повышением цен, являвшимся следствием действий синдиката нефтепромышленников, доведшего стоимость нефти до 40 копеек за пуд (в 1906 г. – не более 30 коп.)».[4]

Акционирование затронуло судостроительные и судоремонтные верфи. Судоремонтная мастерская Д.А. Митрофанова в 1914 г. перешла к учрежденному им же акционерному обществу «Тепловой двигатель»; открытый в 1902 г. на эллинге механический завод астраханского купца, владельца пароходов и доков в Астрахани Е.С. Куликова, был сдан в аренду Х.А. Берману, а в 1913 г. – перешел товариществу «Б. Стенберг, П. Просвирин и М. Гюнтер» во главе с бывшим механиком завода Норен Б.А. Стенбергом, который взял на себя обязанности главного конструктора завода.[5]

В 1896 г. представителями пароходств «Кавказ и Меркурий», «Самолет» и « Общество по Волге» была заключена «конвенция» об объединении пассажирских такс и согласовании времени отхода пароходов. Главной транзитной линией была признана линия Нижний Новгород – Астрахань.

В 1904 г. в Нижнем Новгороде состоялся ряд совещаний представителей ведущих пароходств с целью заключения договоров об объединении грузовых перевозок и установлении общего безубыточного фрахта.

В 1906 г. впервые в Поволжье был подписан формальный договор между пароходными обществами «Самолет», «По Волге», «Кавказ и Меркурий», «Восточное» и «Надежда» об общей взаимной перевозке грузов по Волге от Нижнего до Астрахани. Новый договор соглашения, подписанный 17 апреля 1909 г., предусматривал для предприятий, заключивших его, не только единство фрахта, но и нормировку перевозок. Для наблюдения за исполнением договора было организовано в Петербурге главное, или центральное бюро, из представителей договорившихся предприятий; на местах были образованы такие же местные бюро.

Главная цель соглашения – поднятие фрахта – была выполнена, одновременно были подняты и пассажирские таксы.

Расширили свое судоходное дело и некоторые рыбопромышленные предприятия, владевшие небольшими пароходами, паровыми баркасами, моторными лодками и пр. Так, фирма Д.Г. Агабабова довела свой флот до 24 буксирных пароходов и баркасов, Торговый дом « И.В. Беззубиков и сыновья» располагал 11 буксирными пароходами, торговый дом «Бр. Сапожниковы» также значительно увеличил свой флот, и этот перечень можно продолжить.

Начиная с 1910 г. на Волге снова проходит широкая волна слияния пароходных предприятий в более крупные объединения и акционирования единоличных пароходств. Важнейшими из таких объединений были: о-во «Волга», о-во «Русь», о-во «Кавказ и Меркурий и Восточное» («Камво»). Общество «Волга», к примеру, образовалось из слияния четырех самостоятельных предприятий, два из которых были зарегистрированы и действовали в Астрахани и принадлежали астраханским купцам.

Объединения происходили на различных уровнях , пока дело не закончилось созданием в 1917 г. общего «Союза судовладельцев волжского бассейна».[6]

Безусловно, важным показателем активного развития капитализма является строительство железных дорог. Железнодорожная лихорадка, охватившая в конце XIX в. всю страну, Астрахань затронула не сразу. Но вопрос о соединении Астрахани с общей сетью железных дорог был предметом всеобщего внимания и обсуждения в течение примерно 25 лет (с конца XIX до начала XX в.). В его обсуждении принимала активное участие общественность г. Астрахани, Царицына, Камышина и Саратова, а также местная печать. С соответствующими ходатайствами к правительству обращались Астраханская Городская дума, Биржевой комитет, местное дворянство, астраханские губернаторы. Кроме того, заинтересованные в осуществлении этого предприятия два акционерных общества (Юго-Восточных железных дорог и Рязано-Уральской железной дороги) также представили в правительство подробные записки и разработанные проекты строительства Астраханской железной дороги. Правительство, в лице Особого присутствия при Комитете Министров, в 1894 г. также признало неотложной необходимость проведения железнодорожного пути к Астраханскому порту. Было предложено два проекта соединения Астрахани с общей сетью железных дорог по двум направлениям: один – по левому берегу Волги, другой – по правому, от Форпоста через Царицын. Мнения астраханских губернаторов также разделились: генерал-лейтенант Н.Н. Тевяшев энергично отстаивал левобережное направление, генерал-лейтенант М.А. Газенкампф – правобережное.[7]

Традиционно значительная часть торговых отношений России с Персией и Средней Азией осуществлялась через Астрахань, долгое время являвшейся единственным, а потом одним из важнейших посредников в торговых операциях с этими рынками. Однако с проведением железных дорог на Баку, а затем на Петровск, Астрахань вынуждена

была уступить большую часть своих торговых оборотов новым конкурентам.

Нужды все возрастающего товарного движения через Астраханский порт обслуживались Волжским речным судоходством, соответственно увеличивающим свои размеры. Проектируемая железная дорога должна была бы связать Астрахань с общей железнодорожной сетью и сделать транзитную торговлю практически бесперебойной, особенно в зимние месяцы.

М.А. Газенкампф (даты жизни неизвестны)

5 марта 1899 г. на чрезвычайном собрании Астраханской Городской думы было принято Постановление, в котором говорилось, что Дума «...после оживленных прений постановила уполномочить городского голову И.Н. Плотникова и гласного Д.Н. Сергеева принять участие в предстоящем 18 марта совещании при министерстве, ходатайствуя об удовлетворении возбужденных ранее городом просьб о проведении железной дороги на Астрахань по левому берегу с вокзалом в городской черте – как линии, наиболее отвечающей торгово-промышленным потребностям не только Астрахани, но и всего края»[8]

В апреле 1903 г. было принято решение правительства: связать Астрахань с центральными районами страны железной дорогой через Саратов. В 1907 г. закончилось строительство железнодорожной ветки Красный Кут – Бузанская пристань, а в 1909 г. было открыто движение по линии: Бузанская пристань – Астрахань.[9] С этого момента на-

чинается качественно новый этап экономической жизни и деятельности Астраханского края и порта.

Первая мировая война оказала негативное влияние на экономику страны в целом и на экономику края в частности.

К началу войны в Астраханской губернии уже была завершена уборка хлебов с полей. Мобилизация была объявлена при начавшейся молотьбе. Значительная часть сельскохозяйственных рабочих была призвана на службу, и рынок рабочей силы сократился, хотя это обстоятельство почти не отразилось на успешном обмолоте хлеба. Но весьма заметно война отразилась на местных хлебных рынках: пшеницу и рожь закупали по низким ценам, и лишь овес и ячмень – по относительно высоким. Значительно понизились цены на продукты животноводства: мясо, молоко, масло, яйца и пр. С начала войны спрос на скот на столичных рынках заметно упал, а поступление его на рынки и ярмарки было достаточное большое, что привело к неизбежному падению цен (на 25-30% по сравнению с весной 1914 г.).[10] Вместе с понижением цен на скот понизились цены на мясо и мясопродукты: с 20-30 копеек за фунт в 1913 г. до 16-18 коп. за фунт на городских рынках в 1914 г. Объясняется такое снижение цен резким уменьшением железнодорожных перевозок и общим угнетением рынка. Война, таким образом, стала причиной снижения цен на все сельскохозяйственные продукты. С другой стороны, поднялись цены на продукты фабричного и заводского производства.[11]

В связи с войной были резко сокращены все сметы расходов Астраханского Управления земледелия на 1915 г.

В преддверии весенних полевых работ на первое место встал вопрос, связанный с наймом рабочей силы. Главное Управление землеустройства и земледелия признало необходимым принять меры по оказанию помощи хозяйствам, взрослое население которых было мобилизовано на действительную военную службу или записано в ополченцы. Особое внимание обращалось на подготовку посевного материала

яровых хлебов. Была проведена бесплатная очистка, сортировка и обезвреживание семян, пополнены инвентарем зерноочистительные пункты, организованы временные передвижные обозы и отряды с достаточным набором сельскохозяйственных машин и орудий для безвозмездного обслуживания хозяйств военнослужащих. Кроме того, департамент земледелия предложил начальникам сельскохозяйственных учебных заведений оказать посильную помощь детям лиц, призванных на действительную военную службу, обеспечив им бесплатное обучение.

Летом и осенью 1915 г. вновь встал вопрос о нехватке рабочих рук во время уборки урожая. В связи с этим правительство приняло решение об использовании труда военнопленных. По имеющимся официальным данным на 24 июня, число военнопленных, занятых уборкой хлебов и на сенокосе, составляло: в Черноярском уезде – 850, в Царевском – 1409, в Енотаевском – 593 человека.[12] Так как после 24 июня земские управы и частные лица получили право обращаться за отпуском пленных непосредственно в штаб Казанского военного округа, минуя промежуточные инстанции, то, естественно, указанные цифры возросли. В Астраханском уезде труд пленных стали использовать даже в садах. В Царевском уезде на 1 июля на учете состояло 2802 австрийца, из них 135 – больные и неработающие.

К концу 1915 г. правительство запретило торговлю овсом. Сдача в казну доброкачественного овса по казенной цене стала обязательной, в противном случае овес должен был изыматься со скидкой в 15%. Но эта мера мало коснулась Астраханской губернии, так как посевы овса в нашем крае были незначительны.

Проблемой весны-лета 1916 г. явился не только недостаток рабочих рук, но и полная неуверенность сельских хозяев в возможности успешно провести посевную, а затем и сбор урожая. В результате были значительно сокращены посевные площади. Кроме того, Губернское Земство приняло на себя обязанность поставить для нужд армии от

Астраханской губернии 260 тысяч голов рогатого скота, что составляло почти 50% от общей численности наличного скота в крае.[13] Следствием этого явилось постановление о запрещении частного сбыта скота и мяса за пределы Астраханской губернии. Также были установлены твердые реквизиционные цены на скот и мясо.

Неблагоприятно сказывался на хозяйствах рост цен на товары фабрично-заводской промышленности, а также на рабочие руки и товары первой необходимости (соль, керосин). Подъем цен на эти и другие товары составлял 200-300%, возникал дефицит отдельных продуктов, например, сахара.[14]

Реакцией крестьян на сложившуюся ситуацию было требование повышения цен на скот и продукты животноводства. В мае 1916 г. правительство установило твердые цены на скот , которые были повышены до рыночных.

До января 1917 г. Астраханская губерния считалась не производящей хлеб, а потребляющей, так как лишь Царевский и Черноярский уезды при хорошем урожае имели излишки хлеба для продажи. Поэтому Астраханская губерния не была включена в список губерний – обязательных поставщиков хлеба армии, более того, она была присоединена к Саратовской губернии для получения недостающего количества хлеба в губернию. Но в январе 1917 г. последовало распоряжение Министерства земледелия о поставке хлеба для нужд армии, по которому Астраханская губерния включалась в список губерний, обязательных поставщиков хлеба. Разверстка хлебов была произведена Министерством земледелия между 30 губерниями и областями Европейской части России. Астраханской губернии было назначено к поставке 1616000 пудов, при этом Астраханское губернское земское собрание приняло лишь 500000 пудов и то с оговоркой, что губерния сама испытывает недостаток в хлебе и нуждается во ввозе нескольких миллионов пудов.[15]

После прихода к власти Временного правительства были установ-

лены твердые цены на зерно. Но при нарушенных рыночных связях твердые цены привели к еще большему несоответствию меновых соотношений товаров на рынке. К примеру : пуд гвоздей до войны по цене был равен 1,6 пудам пшеницы, а в 1916 г. – 14,2 пудам; 10 аршин ситца – 30 фунтам пшеницы, а в 1916 г. – 2,2 пудам. Разрыв в ценах был угрожающим. Инфляция доходила до такой стадии, что денежной единицей все чаще становился хлеб: им рассчитывались при найме на работу, его меняли на промышленные товары. Положение осложнилось еще и неурожаем хлеба в губернии в 1917 г.

Поставки скота для нужд армии в 1917 г. проводились более-менее спокойно благодаря сравнительно приемлемым закупочным ценам и запрету на продажу скота в другие губернии. Государство не выдерживало установленных цен, они неуклонно падали, а крестьяне, не видя другого выхода, продолжали продавать скот, забивая даже коров за месяц до отела, и это несмотря на то, что цены на молоко выросли в 5-6 раз.[16]

Неизменно сложным оставался вопрос с рабочей силой. Таким образом, война тяжело сказалась на сельском хозяйстве Астраханской губернии, а последовавшие вскоре политические события не способствовали разрешению этих проблем.

Война не могла не затронуть основной, традиционный промысел края – рыбный. В первое же лето войны сократился вследствие объявленной мобилизации контингент морских ловцов. Но с особенно большими трудностями столкнулась рыбная промышленность в плане сбыта. Экспорт за границу был прекращен и наладился частично лишь к концу 1914 г. Прекратилась регулярная отправка дешевого рыбного товара, так как железные дороги были заняты преимущественно военными грузами. Эти факторы не могли не сказаться на состоянии рыночных цен и на общегодовом итоге промысла.

Речное неводное рыболовство не претерпело практически никаких изменений и сокращений, так как неводный лов обслуживался,

главным образом, наемными рабочими из местных инородцев: калмыков и киргизов, освобожденных от несения воинской повинности. В обработке рыбных товаров были заняты почти исключительно женщины. Таким образом, мобилизация практически не коснулась крупного речного неводного промысла.

Мелкий ловецкий промысел пострадал гораздо сильнее: призыв в армию самого хозяина или опытного руководителя не мог быть восполнен. А так как нарушения товарооборота нарушили стабильность мелких промыслов, большинство из них вынуждены были закрыться. Мелкий ловецкий промысел сократился примерно на 30%.[17] В еще худшем положении оказался морской ловецкий промысел, так как состоял, в основном, из небольших ловецких хозяйств или небольших товариществ. Потеряв одного работника, такие хозяйства оказывались в безнадежном положении и также закрывались. Кризис затронул и ватаги, занимавшиеся преимущественно приемом и обработкой рыбы, особенно те, которые работали с подрядными ловцами. Выдав задатки на снаряжение к очередной путине, они вынуждены были списать большую часть кредита в связи с призывом ловцов в армию. Вследствие этого дальнейшее кредитование было практически прекращено, что не способствовало развитию промысла.

Проблемы сбыта товара оказали серьезное воздействие на состояние рыночных цен. Дорогие товары понизились в цене на 50 и более процентов: икра красной рыбы в первые месяцы войны упала в цене до 40-50 руб. за пуд (цена последних предвоенных лет – 150-200 руб.).[18] К концу 1914 г. состояние рынка немного стабилизировалось, но цены по-прежнему оставались низкими за исключением рыбных товаров, нашедших сбыт как продовольствие для армии. Тяжесть создавшегося положения легла на плечи ловецкого населения, так как приемные цены на рыбный товар продолжали понижаться.

В 1915 г. тенденции сокращения морского лова сохранились. Речной же промысел, благодаря обслуживанию крупных предприятий,

продолжал оставаться на прежнем уровне. Мелкие рыбопромысловые заведения, вынужденные закрыть свою деятельность осенью 1914 г., весной-осенью 1915 г. вновь возобновили свою работу, хотя и не в полном объеме.

Общее подорожание жизни привело к повышению стоимости труда на 30-50%.[19] Повысились цены и на промысловое снаряжение, а также арендная плата за эксплуатацию казенных речных участков.

Сокращение морского лова к 1915 г., судя по количеству взятых билетов на право промысла, по сравнению с 1913 г., составило 37%, для бакенного – 40%.[20]

Несмотря на трудности военного времени, улов рыбы в весеннюю путину 1915 г., особенно частика, был необычайно большим. Промыслы отказывали в приеме рыбы у вольных ловцов, приемные цены опустились до 25 копеек за пуд. Большое количество рыбного товара пропадало из-за обилия дождей. Поставки на рынок задерживались на две-три недели, что приводило к недоброкачественности оставшегося товара.

В 1915 г. на астраханских промыслах были произведены опыты по приготовлению рыбной муки. Образцы были представлены в Министерство с ходатайствами о разрешении приготовления муки из мелкой рыбы для обеспечения ею армии. Несмотря на успехи эксперимента, официального разрешения или одобрения так и не последовало.

Таким образом, можно сказать, что во время Первой мировой войны основные отрасли экономики Астраханской губернии испытывали тяжелейший кризис.

§2. Развитие коммунального хозяйства г. Астрахани в конце XIX-начале XX века

Благоустройство города, развитие основных отраслей коммунального хозяйства неразрывно связано с развитием капитализма.

От степени развития основных отраслей коммунального хозяй-

ства – канализации, водопровода, утилизации отходов зависят санитарное состояние, благоустройство и здоровье городского населения.

В конце XIX в., как и в предшествующие времена, в Астрахани и ее окрестностях свирепствовали страшные инфекционные заболевания: холера, чума, брюшной тиф. Они уносили тысячи жизней. Правительство не раз направляло в Астрахань комиссии для определения мер предупреждения и борьбы с эпидемиями, разрабатывало проекты оздоровления города. На первое место вставали вопросы улучшения санитарного состояния: постройки канализации, уничтожения или утилизации мусора и организации водоснабжения всех районов города фильтрованной водой.

Мысль об устройстве в городе водопровода возникла у Городского управления в 1870 г. с введением в действие Городового Положения и созданием Городской думы и Городской управы. В 1871 г. появились первые проекты. Началась долгая работа: поиск источников финансирования, составление контрактов на постройку, разработка технических проектов.[1] В декабре 1879 г. водопровод начал сооружаться. Летом того же года первый в Астрахани водопровод стал снабжать город нефильтрованной водой (бесплатно).[2] В течение 1882-1883 гг. водопроводным обществом было построено «добавочное фильтерное здание, вторая батарея фильтров и железный резервуар»[3] и введена оплата за пользование водопроводом. В 1885-1887 гг. были проведены дополнительные водопроводные магистрали по некоторым улицам. В 1888 г. в Думу было внесено предложение учредить постоянный контроль за деятельностью водопровода. Управа даже высказалась за найм особого контролера, которому следовало выработать инструкцию. В 1889-1891 гг. Водопроводное общество соорудило еще четыре магистральных трубы. Но качество воды по-прежнему вызывало нарекания со стороны санитарных врачей. В 1895 г. были построены железные резервуары для отстоя воды, в 1898 г. – три новых магистрали водопровода.[4] Вода подавалась населению посредством уличных водоразборных

будок (около 36 на 50 км сети). Жители носили воду от водоразборных будок к своим домам. При таких условиях о большом водопотреблении не могло быть и речи.

В 1910 г. город выкупил водопровод у частных компаний.[5] Заботой городских властей было улучшение фильтрования воды. В 1912-1913 гг. предполагалось переустроить очистные приспособления для стерилизации воды, увеличения емкости отстойников и увеличения площади фильтров. Эти задачи частично были решены.

В 1910 г. встал вопрос о переводе водопроводной станции с паровой энергии на электрическую, но тогда он решен не был в связи с техническими трудностями.

В правобережной части города (Форпост) водопровод был построен в 1909 г. и предназначался для обеспечения водоснабжения центральной части поселка. В 1910-1911 гг. в связи с развитием рыбообрабатывающих предприятий на р. Прямая Болда и для водоснабжения городских скотобоен, ст. Астрахань I и жилых поселков был построен еще один водопровод (на р. Прямая Болда).

Мощность всех городских водопроводов в 1913 г. составляла примерно 10 тысяч куб. м в сутки при численности населения около 165 тысяч человек. Таким образом, на одного человека в сутки приходилось в среднем около 4 литров воды.[6]

Не менее важным вопросом для города оставался вопрос о строительстве канализации. До конца XIX в. канализационной системы в современном понимании этого слова не существовало. Была так называемая вывозная система. В 1885 г. применялся способ вывоза отходов в море.[7] Но санитарная комиссия города резко высказалась против этого способа. В 1888 г. был принят опыт сжигания отходов. Но и этот способ был также признан несовершенным, так как микроскопические остатки после сгорания загрязняли воздух и оказывали вредное воздействие на здоровье населения.[8]

Городская управа внесла предложение о вывозе отходов шалан-

дами на арендованную территорию кулаковских татар (1892-1895 гг.). Таким образом, вопрос временно был решен. Но по-прежнему нерешенным оставался вопрос удаления жидких нечистот. Одним из важных факторов антисанитарного состояния города являлось то обстоятельство, что свыше 90% территории города находилось в то время ниже уровня паводковых вод р.Волги и ее рукавов.

Недостатка в изучении и обсуждении причин антисанитарного состояния города и мер по его ликвидации не было. Однако практические действия для коренного оздоровления города не предпринимались, если не считать сооружения открытой зловонной ямы на ул. 4-й Бакалдинской и закладки в 1913 г. коллектора ливневой канализации по ул. 5-я Бакалдинская.[9]

В мае 1898 г. Городская управа возбудила ходатайство о предоставлении ей займа в 5 млн. рублей для постройки канализации, в 1908 г. займ был разрешен в размере 4 млн. руб.[10] Но для строительства необходим был технический проект.

В 1904 г. Астраханская Городская управа заказала петербургскому профессору Н.К. Чижову составление проекта канализации г.Астрахани. В 1906 г. проект был представлен в двух вариантах. Затем он поступил на рассмотрение техническо-строительного комитета Министерства внутренних дел, который 1 июля 1908 г. одобрил один из его вариантов. Проект предусматривал установку насосной станции на р. Царев и орошение полей на острове Атал.[11]

В декабре 1912 г. Астраханская Городская управа, согласно постановлению Астраханской Городской думы, созвала в Москве совещание, на которое были приглашены специалисты по постройке канализации и автор проекта. После дополнительного обсуждения в проект были внесены некоторые поправки с целью его удешевления.

Работы по постройке канализации начались в 1913 г., которые не прекращалась в годы Первой мировой войны и велись с перерывами вплоть до 1919 г., когда они были приостановлены из-за недостатка

средств и, как оказалось, надолго, вплоть до возобновления в 1931 г.

Важнейшей отраслью коммунального хозяйства является производство электроэнергии как необходимое условие индустриализации и безусловный показатель прогрессивного развития города.

Городская дума и Городская управа, оценив перспективы, которые должна была принести с собой электрификация, предложили произвести облигационный заем на строительство электрической станции. По мнению Городской управы, она «...доходами от частных потребителей может окупить расходы по своему содержанию и, следовательно, явится большая экономия в расходах по освещению города. С течением времени, развитием и ростом города, собственная городская электрическая станция будет давать еще больше» (доходов – А.В.).[12]

После долгой подготовительной работы Городская дума, наконец, представила в присутствии компетентной комиссии 16 июля 1905 г. проекты и смету расходов на строительство электрической станции. Больше этот вопрос в думе не рассматривался.

1 мая 1910 г. состоялось открытие электрической станции, а работу свою она фактически начала в 1911 г.[13] В 1914 г. встал вопрос о дальнейшем расширении электростанции. В 1916-1917 гг. было построено здание новой станции, а также котельной, введены в действие трансформаторные пункты, проложена кабельная сеть высокого напряжения.

Не менее важным для развивающегося города был вопрос совершенствования городского транспорта. В конце XIX в. встал вопрос о строительстве в Астрахани трамвайных линий. В 1896 г. собрание Городской думы закрытой баллотировкой высказалось за устройство трамвая концессионерным способом, была назначена комиссия под председательством Городского головы для разработки условий концессии.

После ознакомления с опытом других городов был составлен проект и схема трамвайной сети. Необходимо отметить удачный выбор

направлений трамвайных путей, отвечающих планировке города. К назначенному сроку – 15 апреля 1896 г., объявленному в столичных газетах и газетах других городов, поступил ряд предложений от иностранных и отечественных предпринимателей на сооружение Астраханского трамвая. Закрытой баллотировкой гласные Думы отдали предпочтение бельгийскому подданному Массу, поручили Городской управе заключить с ним контракт на строительство трамвая. 4 мая 1896 г. контракт был подписан.[14] В 1897 г., еще не начав строительство, Масс попытался передать концессию вновь организованному бельгийскому анонимному обществу Астраханских городских путей (трамваев), но получил решительный отпор со стороны Городской управы.

Городская дума также отклонила ходатайство Масса, и только по окончании строительства в 1900 г. бельгийское анонимное общество приняло на себя все обязательства по контракту с выделением своего полномочного и постоянного представителя в качестве директора «Трамвая». Администрация общества находилась в Париже.

Торжественное открытие движения трамваев состоялось 11(24) июня 1900 г. Всего было построено 9,23 км пути, которые обслуживались 15-ю моторными вагонами. Успех трамвая был огромен.[15]

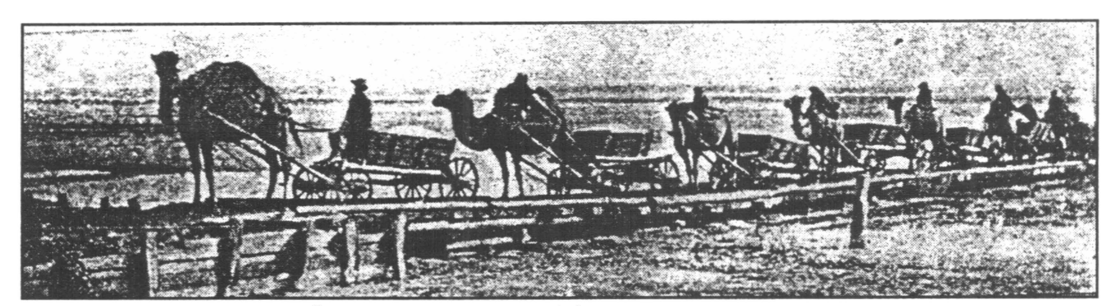
Таким образом, к началу XX в. город начал преображаться, приобретая достойный вид портового города.

§3. Революционные события в крае в 1905-1907 годах

В Астрахани не наблюдалось такого острого противостояния власти и народа, как это было в Москве. Астраханский край имел ряд особенностей экономического свойства. Удаленность Астраханского края от эпицентра революционных потрясений приводила к тому, что доходившая сюда разрушительная энергия была в значительной степени ослаблена. Но Астрахань, как и вся Российская провинция, оказалась втянутой в общегражданский конфликт и не могла, с одной стороны, не испытывать на себе его воздействия, а с другой – не оказывать на

него влияния.

Экономическое и правовое положение населения, занятого в сельскохозяйственном производстве и промыслах, было крайне тяжелым. Особенно трудоемкими были соледобыча и соляной промысел, очень быстро подрывавшие здоровье работающих. Рабочий день не был нор-



Соляной промысел в Астраханском крае

мирован, оплата труда – крайне низкая. В этих условиях легко было склонить промысловиков к любому стихийному выступлению. Естественно, революционные выступления в центре нашли поддрежку у разлчных групп населения в Астраханском крае. Правда, в связи со слабым развитием здесь помещичьего землевладения, аграрно-крестьянский вопрос – главный вопрос революции 1905-1907 гг. – не стоял в крае столь остро, но и без него было достаточно «горючего материала», чтобы революционный пожар захватил многие предприятия Астрахани, ее округи и даже некоторых отдаленных районов. Наибольшую активность в революционных событиях проявили представители рабоче-промысловых специальностей. По отраслям производства в 1904 г. они распределялись следующим образом: рыбная промышленность – 29367 чел.; водный транспорт – 40192 чел.; соляной промысел – 1730 чел.; фабрично-заводская промышленность – 8737 чел.[1]

В конце 1904 и начале 1905 гг. Астраханский регион испытывал особые сложности экономического и социального порядка. В связи с общероссийским нефтяным кризисом в Нижнее Поволжье из Предкавказья и Кавказа хлынули толпы безработных. Спрос на рабочие места в Астрахани значительно превысил предложения. Деревня ока-

залась не в состоянии покупать рыбу в прежнем объеме, и промышленники стали сокращать заработную плату сезонных рабочих.[2] Это также обостряло обстановку в крае.

До 1905 г. антиправительственные выступления носили эпизодический характер и не вовлекали в свою орбиту значительного числа людей. Организующее начало в революционное движение внесла местная социал-демократия в лице Астраханского комитета РСДРП и ее лидеров А.М. Рунина, И.Ф. Дубровинского, Б.В. Авилова, А.А. Балуева.

История создания Астраханской РСДРП, ее деятельность в революционных событиях 1905-1907 гг. и дальнейшая судьба рассмотрены в соответствующем параграфе настоящей книги, равно как и история других политических партий и общественных движений, поэтому здесь ограничимся освещением основных революционных выступлений в крае, проходивших в контексте общероссийских революционных событий.

Самой распространенной и действенной формой протеста против власти были стачки и забастовки. Как отмечалось выше, до 1905 г. выступления против властей в Астраханском регионе носили единичный характер. По официальному царскому учету, с 1895 г. их было 13 и участвовали в них 755 чел.[3] В 1905 г. количество забастовок и участвующих в них значительно возрастает. «Кровавое воскресенье» не вызвало каких-либо антиправительственных выступлений,но в последующем стачки и забастовки становятся постоянным явлением в Астраханском крае. Инициаторы волнений, социал-демократы, и их противники – жандармерия и полиция, по-разному интерпретируют эти события. Обе стороны объясняют столкновения с прямо противоположных позиций. Так, начало забастовочных действий одна из листовок Астраханского комитета РСДРП объясняла следующим образом: «Полиция уже вмешалась в стачку и арестовала двух наших рабочих с завода «Поляк» – Волкова и Мосина. Мы не должны допускать, чтобы за наше общее рабочее дело страдали арестованные».[4] Астраханский вице-гу-

бернатор в сообщении министру внутренних дел по этому событию писал следующее: «14 февраля на механическом заводе «Мазут» рабочий завода токарь Тимофей Волков в сопровождении рабочих Воронова, Мосина и неизвестного еврея, назвавшегося Треяновым, проник в кочегарное отделение завода и с целью вызвать рабочих завода на забастовку,... стал давать тревожные свистки. Рабочие, предполагая, что на заводе пожар, бросили работу и выбежали на заводской двор, но узнав причину тревоги, снова вернулись к работе. Заметив, что попытка не удалась, Волков, Воронов и Треянов бросились бежать..., но были задержаны и вместе с пьяным Мосиным доставлены в заводскую контору».[5]

Но забастовки продолжались. 18 февраля забастовали рабочие всех городских типографий, в которых трудились 359 чел.[6]

22 февраля прекратили работу рабочие пекарен города, 26 февраля – рабочие трамваев.[7]

Требования, которые выдвигались бастующими, были, как правило, экономического порядка: установление 8-часового рабочего дня, увеличение заработном платы, недопущение сверхурочных работ, запрещение труда малолетних, улучшение условий труда и быта рабочих.[8]

Относительно спокойно прошел день 1-го мая. Хотя партийные историки писали, что этот день был отмечен массовками.[9] Начальник же жандармского управления сообщал о спокойствии в городе, за исключением небольшой сходки за городом, человек в 100. Он также отмечает, что в основном это были «учащиеся и разные интеллигенты, преимущественно еврейской национальности, рабочих было человек 15».[10]

Мощная забастовочная волна охватила предприятия г. Астрахани в ноябре-декабре 1905 г. 21 ноября забастовали рабочие акционерного общества «Бр. Нобель». Стачка перекинулась на завод «Восточное общество» и акционерное общество «Мазут». 29 ноября забастовка переросла во всеобщую. 31 ноября на Заячьем острове состоялся митинг,

на котором присутствовали около 6 тыс. человек. Там был избран стачечный комитет и выработаны очень пространные экономические требования бастующих.[11]

Крайне обострившаяся политическая ситуация в Астрахани определялась положением в центре. В Москве в это время вооруженное восстание было подавлено, а на местах с некоторым запозданием революционные массы стали переходить к решительным действиям. 20 и 21 декабря в Астрахани были арестованы 13 чел. и произведены 50 обысков, во время которых были изъяты 25 револьверов. Это положило конец стачке, а массовые антиправительственные выступления в городе пошли на спад.

Всего за 1905 г. в Астраханском крае состоялось 157 забастовок с участием в них 8090 чел.[12]

В 1906 г. стачечное движение развивалось по мере приближения к 1 мая. В этот день в городе не работали промышленные предприятия и магазины, в центре города проходили митинги. 28 мая произошло самое ожесточенное столкновение демонстрантов с полицией. Описывается оно по-разному, но все документы и свидетельства участников событий и очевидцев отмечают особую жестокость противостоящих сторон.

Начало было положено митингом, состоявшимся в Подкремлевском саду. На нем появился полицмейстер и потребовал разойтись. В него кто-то бросил камень. Полицейский покинул сад и возвратился спустя некоторое время с отрядом казаков и полицейских. Он вновь подошел к митингующим и вновь потребовал разойтись. После этого из толпы раздались выстрелы, а полицейские с шашками кинулись разгонять народ. Толпа стала кидать камни, кто-то продолжал стрельбу.

Казаки орудовали нагайками, полицейские – саблями. Во время столкновения были ранены и избиты 50 чинов полиции, 4 казака; среди стачечников ранения и увечья получили 17 человек.[13]

Летом 1906 г. было организовано и проведено несколько крупных

забастовок, до того накаливших ситуацию в городе, что губернатор просил министра внутренних дел прислать в Астрахань два пулемета и артиллерийскую батарею, объясняя это необходимостью охранять склады с большими материальными ценностями.

Но в целом стачечное движение пошло на убыль. В 1906 г. в забастовках принимали участие 5933 чел., а в 1907 г. – 4181 чел.

В антиправительственных выступлениях принимали участие и ловцы. Астраханский губернатор в своем отчете царю за 1906 г. отмечал, что рыбаки совершают так называемые обловы, т.е. ведут незаконный лов рыбы в запрещенных местах и в запретное время. Он обращал внимание на усилившуюся работу агитаторов и пропагандистов, призывающих народ распоряжаться водами как своими собственными и прогонять хозяев. Это, по мнению губернатора, «приводило к вооруженным столкновениям с рыболовным надзором».

За период революции имело место несколько столкновений рыбаков с государственным рыбнадзором. Одно из них произошло в с. Сероглазовка в конце 1906 г. Местная газета описывала это событие под заголовком «Ожесточенный бунт». «Столкновение началось с обстрела рыбнадзором ловцов, ловивших рыбу в запрещенном месте. В ответ рыбаки стали бросать камни, действовать баграми и веслами. Рыбнадзор открыл огонь из револьверов и берданок. В итоге 11 ловцов получили ранения, несколько раненых было и среди стражников».

30 мая 1907 г. у Котельничевской косы во время столкновения ловцов с рыбоохранниками были ранены два ловца. Один из них вскоре умер.

В июне 1907 г. произошло столкновение рыбаков с. Зеленга (60 лодок) со стражниками парохода «Мария». Рыбнадзор «вынужден был удалиться».

Уже в 1907 г. накал противостояния ослаб. А в 1908 г. в отчете Управления промыслами за 1906 г. говорилось: «Движение, возникшее в 1905-1906 гг. и выразившееся в том, что ловцы, производя системати-

ческое нарушение правил рыболовства, оказывали ожесточенное сопротивление чинам надзора, почти улеглось. Единичные случаи обычных сопротивлений рыболовной страже... были и в минувшем году, но массовых вооруженных сопротивлений скопом не наблюдалось».

Революционные события 1905-1907 гг. не миновали и астраханскую деревню. Наиболее крупные выступления имели место в Енотаевском, Черноярском и особенно в Царевском уездах.

В слободе Николаевской Царевского уезда 24 августа 1906 г. вспыхнул стихийный бунт. Крестьяне под воздействием агитаторов разогнали полицию, разгромили канцелярию местного руководства и уничтожили все бумаги. Посланная туда казачья сотня арестовала зачинщиков и навела порядок.

Крестьяне с. Михайловка Енотаевского уезда захватили монастырские и помещичьи земли. Жители с. Быково Царевского уезда стали жечь усадьбы крупных землевладельцев. Крестьяне с. Пришиб того же уезда летом 1905 г. попытались силой завладеть частью земель казачества станицы Ветлянской. В середине ноября 1905 г. крестьяне с. Обильное Черноярского уезда захватили общирные пространства Калмыцкой степи и наделили ею 500 малоимущих крестьянских семей. В ряд селений для усмирения жителей были направлены полиция и казаки.[14]

Несмотря на поражение, революция 1905-1907 гг. изменила социальную психологию и мировосприятие многих жителей Астраханского края. Был подорван авторитет власти. Народ увидел, что власть часто не в состоянии справиться с массовыми выступлениями. Хотя большинство крестьян еще верили царю, считали, что он может дать им землю, но их умонастроение стало более восприимчивым к агитации противников правительства.

Революция дала определенный опыт организации выступлений, стачкомов, союзов, политических партий.[15]

§4. Просвещение и образование в крае в 1900-1910 годы

Социально-политические катаклизмы на рубеже XIX-XX вв. активизировали творческую инициативу прогрессивно мыслящей части российского общества, стремившейся различными формами и методами воздействовать на политические события в стране, на общественное сознание.

Культурническая деятельность традиционно считалась одним из основных резервов, позволявших повысить уровень просвещения и образования населения, приобщить его к основам национальной культуры и искусства.

Важные просветительские функции в Астрахани выполняло литературно-драматическое общество, возникшее еще в конце XIX в. Его целью являлось «содействовать развитию литературного и драматического образования среди членов и оказывать возможную помощь лицам, посвятившим себя изучению драматического искусства».[1] Общество устраивало публичные лекции и чтения, литературные и драматические вечера и спектакли. Оно объединяло в своих рядах местную интеллигенцию: учителей, врачей, служащих государственных учреждений, артистов, студенческую молодежь, местных коммерсантов. В его рядах были видные политические ссыльные, участники революционной борьбы в Астрахани Б.В. Авилов, А.Л. Катанская, С.К. Вржосек и др. К примеру, С.К. Вржосек – член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» – за антиправительственную деятельность был арестован и на три года выслан в Астрахань. Позже, уже в советское время, исследователь А.Л. Катанская писала: «Ссыльные проникали в Астраханское литературное общество..., вели там агитацию, приглашая в эти собрания учащуюся молодежь».[2]

Состав и численность членов литературно-драматического общества отражают общественно-политическую атмосферу в городе в пору приближающейся народной революции. Если в 1899 году общество на-

считывало 88 членов,[3] в 1902 г. – 150, то в 1903 г. – 600 с лишним человек.[4] Представители различных политических и социальных взглядов стремились превратить литературно-драматическое общество в трибуну для пропаганды своих идей. Социал-демократы, например, использовали общество для распространения идей марксизма. Сначала литературно-драматическое общество представляло собой своеобразный «светский» клуб, деятельность которого носила узко просветительский характер, а с 1902 г., когда во главе общества встали С.К. Вржосек[5] и А.В. Авилов,[6] характер деятельности общества изменился, оно стало одним из легальных звеньев социал-демократической организации города. Среди активных участников литературно-драматического общества были учителя. Об этом свидетельствуют многочисленные донесения, рапорты, циркуляры астраханской жандармерии. Иногда литературные заседания общества перерастали в острые политические дискуссии.[7] Все это привело к тому, что в ноябре 1906 г. местные власти закрыли литературное общество.

Прогрессивно настроенной астраханской интеллигенцией в начале XX в. предпринимались попытки создания «народного университета» по примеру некоторых университетов России. Астраханская периодическая печать сообщала своим читателям: «В 1906 году группой лиц по инициативе Х.Н. Сергеева было устроено учредительное собрание по организации в Астрахани народного университета по примеру других городов. Пока выработан устав и в скором времени ожидается фактическое открытие нового просветительного учреждения, нужда в котором давно уже назрела. В пользу фонда народного университета был устроен ряд увеселительных вечеров и лекций».[8]

Осуществить на деле открытие просветительного учреждения оказалось значительно труднее. Лишь через шесть лет, в 1912 г., в делах Астраханской жандармерии появляется «Переписка о народном университете Астрахани», где сообщается, что «16 января 1912 года зарегистрировано общество народных университетов». Далее сообщается,

что «...цель общества – содействие к устройству в Астрахани и губернии научно-просветительских учреждений для народа... Общество внепартийно и преследует культурно-просветительные задачи. Оно будет учреждать образовательные и профессиональные курсы, отдельные лекции, чтения, открывать библиотеки, читальни...».[9]

Особенностью общественно-политического движения тех лет являлось то, что оно расширяло свои географические рамки, втягивая в свою орбиту некоторые уездные центры Астраханского каря. Это характерно прежде всего для тех населенных пунктов, где отбывали свой срок политичсекие ссыльные: Черный Яр, Енотаевка, Красный Яр.

Так, например, в Черном Яру 27 октября 1908 г. они провели собрание, на котором обсуждались задачи, цели и средства агитационно-просветительской работы среди местного населения.[10] В Енотаевске в 1909 г. в доме крестьянина Головко была открыта библиотека ссыльных.[11] Обнаруженная и уничтоженная властями в конце 1912 г., эта библиотека все-таки выполнила некоторую просветительскую миссию среди местного крестьянского населения.

Беспокойство у местной власти и полиции вызвало создание в 1913 г. Астраханского общества политических ссыльных, целями которого были: а) материальная и духовная взаимопомощь; б) материальная помощь политическим заключенным в тюрьмах; в) материальная помощь проходящим через Астраханскую губернию политссыльным, возвращающимся из ссылок. В §15 устава общества говорилось о необходимости духовной помощи в организации библиотек, читален, лекций, чтений, учебных занятий. Средства общества формировались из членских взносов, сборов с вечеров, спектаклей, лекций и от частных пожертвований.[12] Судьба общества оказалась недолговечной, поскольку его идеология не вписывалась в государственную политику.

Из XIX в XX век перешли многие проблемы школы и школьного образования. Представители самых разнообразных социальных слоев общества поднимали в печати вопросы воспитания и образования,

прежде всего, детей школьного возраста. С развитием общества потребность в грамотных работниках во всех сферах жизни росла и в связи с этим поступали предложения о введении всеобщего начального обучения. С этой целью 17 января 1895 г. была проведена однодневная Всероссийская перепись населения, а в 1900 г. – опубликованы ее результаты. Вот как выглядели результаты переписи по Астраханской губернии.[13]

	Низшие училища	Двухклассные, многоклассные	Одноклассные	Частные	Учителей	Учащихся			Окончивших курс			Среднее число учащихся	
						м	д	всего	м	д	всего	на училище	на учителя
Астрахань	49	7	38	4	96	1990	1157	3147	283	123	406	64,2	32,8
Городские поселения	63	11	48	4	117	2529	1365	3894	310	152	462	61,8	33,3
По всей губернии	291	21	266	4	356	10637	4208	14845	1149	362	1511	51,2	41,1

Из представленных сведений видно, что в основном школы представляли собой одноклассные училища. Средний процент окончивших полный курс составлял по губернии 9,8%, по г. Астрахани – 12,7%, в уездных городах – от 4,1% до 18,4%. Таким образом, в начале XX в. Астраханская губерния была далека от решения проблемы начального народного образования.

Кроме школ, подчиненных министерству народного просвещения, в крае действовали и другие учебные заведения. Среди них следует отметить церковно-приходские школы, которых к 1910 году насчитывалось 20, обучались в них 869 человек (467 мужчин). Действовали в крае различного рода училища и приюты, в них обучались 250 детей. В частных начальных школах обучались 372 человека. Римско-католическое, старообрядческое, еврейское и лютеранское училища занимались обучением и воспитанием детей в количестве 216 человек.[14]

Крайне тяжелыми для просвещения в Астраханском крае были 1904-1911 гг. Школы, продолжая существовать, в большинстве своем не соответствовали требуемому уровню в силу слабой материальной базы и недостатка грамотных учительских кадров.

Статистические данные свидетельствуют, что из числа детей школьного возраста (от 8 до 11 лет) обучалось только 56,4%. К 1 января 1910 г. вне стен школы находилось примерно 5000 человк. В таких условиях попытка перейти ко всеобщему начальному обучению была почти нереальной, хотя с целью ее реализации была разработана предварительная программа на 1910-1920 гг. Н.Ф. Скориков, делегат Первого Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике в Петербурге (1910 г.) сообщал: «Начав открытие новых школ в 1912 году, город может закончить осуществление всеобщего обучения к 1920 году, открыв в 1912 году 5 новых училищ; в 1913 г. – 6; в 1914 г. – 5; в 1915 г. – 6; в 1916 г. – 5; в 1917 г. – 6; в 1918 г. – 5; в 1919 г. – 6; в 1920 г. – 6 училищ».[15] Приводимые им данные о количестве школ и училищ, необходимых для введения и осуществления всеобщего начального обучения в Астраханском крае, давались с учетом процента прироста детей школьного возраста за указанные годы. При подсчете выяснилось, что в среднем по России этот показатель равнялся 1,49%, а в Астраханской губернии – 2,95%, то есть почти в два раза больше. Объясняется это следующим образом: «...г. Астрахань по своему местоположению, как этапный пункт, через который и в который эмигрирует ежегодно громадный поток рабочего люда со всего Волжского бассейна, и по условиям своей торговой и промышленной деятельности, находится по отношению к движению населения и естественному приросту в любых исключительных условиях». Это правдивое объяснение тем более ставило под сомнение реальность планируемых задач. И тем не менее, в крае осуществлялась плановая подготовка квалифицированных педагогических кадров в гимназиях, реальных училищх, учительской семинарии, высших начальных и профессиональных училищах (ремесленные

школы). В Астраханской губернии к 1915 г. в общей сложности такая подготовка велась в 25 учебных заведениях, среди которых 15 размещались в Астрахани. Все они находились в ведении созданного в 1802 г. Министерства народного просвещения. Обучалось в них 8750 учащихся, 7649 человека (87,4%) приходилось на городские учебные заведения. Из 344 учителей 254 (73,8%) работали в Астрахани.

Гимназии, как и в предшествующее столетие, предназначались для детей дворян и чиновников, хотя удельный вес их несколько сокращался за счет приема в гимназии представителей других чинов и сословий. Наиболее многоликим социальный состав был в реальных училищах, превратившихся в первое десятилетие XX в. в основную базу подготовки специалистов из среды торгово-промышленного населения губернии. Процесс демократизации школы становился более заметным. Эта тенденция легко просматривалась на составе учащихся, учителей, на форме и содержании процесса обучения.

В начале XX в. претерпели изменения программы средних учебных заведений. За счет сокращения часов на изучение естественных дисциплин был увеличен объем учебного времени на гуманитарные предметы, прежде всего – на курс русской словесности. Особую строку в учебных планах стало занимать законоведение.

Революционно-демократические события 1905-1907 гг. привнесли дух свободомыслия и новых настроений не только в среду учительства, но и в коллективы учащейся молодежи. Однако астраханские учебные заведения в силу отдаленности от эпицентра революционной борьбы особой активности в ней не проявляли.

После Февральской революции в Астрахани создается новый тип учебных заведений – народные школы и народные гимназии – прототипы будущих рабфаков. Обучение в них осуществлялось по ускоренным срокам, большое внимание уделялось изучению русского языка и дисциплин естественно-математического цикла.

Основным контингентом народных школ являлись дети рабочих,

солдат, ловцов, крестьян.

Народные гимназии предоставляли возможность получить определенный уровень грамотности преимущественно детям рабочих и солдат. Занятия проводились четыре раза в неделю, по вечерам, в помещении реального училища. В гимназии изучались: русский язык, арифметика, алгебра, геометрия, физика, естествознание, история, география, латинский и французский языки, рисование. Дисциплины естественно-математического цикла занимали более одной трети учебного времени.[16]

Таким образом, содержание учебных планов народных гимназий и его освоение давало уровень знаний, необходимый для первоначальной практической деятельности в разных областях народного хозяйства. Хотя в этот период и наступило некоторое оживление в организации школьного дела, но идею о введении обязательного начального обучения пришлось отложить на более позднее время. Народные гимназии на этом фоне приобретали все больший вес и популярность у населения, особенно после установления советской власти в крае.

21 февраля 1918 г. губернский комиссар по народному образованию обратился к населению с предложением о принятии «...безотлагательных мер к правильному посещению детьми учебных заведений в установленные часы занятий».[17] В 1918-1919 гг. в Астрахани было открыто семь народных гимназий, посещаемость в них достигала 90-98%, что было совершенно необычно для школьной практики предшествующих лет.

В марте 1918 г. в Астрахани проходил 1-й губернский съезд Советов, на котором был создан Комиссариат по народному образованию, получивший самые широкие полномочия. Комиссариат ведал всей культурно-просветительной работой, решал вопросы, связанные со школьными преобразованиями. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас журналы заседаний коллегий, постановления, инструкции, циркуляры местного и всесоюзного комиссариатов. На этом этапе разви-

тия советской школы и школьного образования все заинтересованные структуры власти достаточно серьезное внимание уделяли проблемам формирорвания и развития школы. После длительного обсуждения целого комплекса вопросов Комиссариат народного образования выдал руководителям учебных заведений края инструктивные материалы о преобразовании всех учебных заведений в единую трудовую школу.[18]

Много трудностей было с укомплектованием школ учебными принадлежностями и книгами.[19] Остро стоял вопрос о педагогических кадрах, для решения которого Астраханский комиссариат вел переписку с Центральным отделом просвещения о временных годичных курсах подготовки учителей. Были представлены списки и смета расходов по Астраханскому институту просвещения.[20]

Для решения важных школьных вопросов был созван Астраханский краевой учительский съезд, проходивший с 1 по 9 июня 1918 г. В нем приняли участие 107 делегатов. В своем выступлении на съезде народный комиссар К.И. Бакрадзе подчеркнул: «Роль учительства в деле создания трудовой школы велика и ответственна и только дружными усилиями всего учительства, проникнутого желанием творить истинно новое, а не идти по проторенным дорожкам, можно создать новую школу, где не будет затхлости и старых отживших форм и традиций, а будет свет, радость и светлый полет свободной мысли».[21]

Государственная комиссия по просвещению провела несколько заседаний, посвященных реформированию школьной системы в Астраханском крае. На одном из заседаний этой комиссии (12/IX – 1918 г.) председательствовал нарком просвещения страны А.В. Луначарский.[22] В резолюции заседания указывалось, что основными трудностями в организации школьного дела являются: «1) неимение соответствующих кредитов; 2) полное отсутствие подготовленных работников. А поэтому необходимо: 1) послать в возможно большем числе работников на курсы в центр; 2) организовать в Астрахани курсы; 3) созвать конференцию учителей».[23]

В июле 1918 г. проходил 2-й краевой съезд Советов, на котором подводились некоторые итоги деятельности советских органов власти. На одном из заседаний с докладом по вопросу народного просвещения выступил губернский комиссар К.И. Бакрадзе, доложивший «...о ближайших мероприятиях, намеченных к проведению в жизнь по реформе школьного и внешкольного образования». Он сообщил, что в Астрахани и уездах действуют 24 средних учебных заведения – гимназии и реальные училища; 13 специальных, среди которых – учительский институт, мореходная школа, торговая школа, народная консерватория, сельскохозяйственная, ремесленная и некоторые другие профессиональные школы. Для приобретения профессиональных навыков открыты краткосрочные (шестинедельные) курсы по семи различным специальностям со сравнительно небольшой, но вполне законченной программой.[24]

В конце декабря 1918 г. состоялся 3-й губернский съезд Советов. Вся промышленность и хозяйство приспосабливались для нужд обороны и работали главным образом для фронта. Тем не менее на съезде обсуждался и вопрос о народном образовании, в связи с которым К.И. Бакрадзе отмечал: «...с момента свержения Временного правительства уже не стало места старорежимной школе, ее заменила новая трудовая социалистическая школа. В области народного образования сделано достаточно, но трудностей по переустройству школы очень много и это: недостаток и неустройство зданий, отсутствие достаточных ассигнований, малочисленность библиотек, отсутствие профессиональных кадров для новой школы».[25]

Заметные изменения происходили в становлении и развитии сельских школ во всех уездах края. Так, например, только в Киргизской (Казахской) степи в 1918 г. было открыто 44 низших начальных учили-

ща. Заметим, что до 1917 г. там числилось всего 7 низших начальных школ.[26]

В октябре 1919 г. астраханский губотдел просвещения сообщал в Народный Комиссариат просвещения о том, что за последние два года в Астраханском крае было открыто 820 учебных заведений разного типа с общим числом учащихся 64774 человека. По сравнению с 1910 г. число школ выросло более чем в три раза, а число учащихся в 10 раз.

Параллельно со школьным строительством развивалась система дошкольного воспитания. Эту работу были призваны выполнять детские площадки, библиотеки, открывавшиеся повсеместно.[27] Детей, оставшихся по разным причинам без родителей, брали на государственное содержание, обучение и воспитание детские дома. Наряду с решением задач школьного образования новая власть понимала необходимость организации культурно-просветительской работы среди взрослого населения. Самыми доступными и традиционными формами приобщения населения к знаниям оставались вечерние курсы для взрослых. На них читались популярные лекции по самым разнообразным отраслям знаний. Чаще всего обсуждались вопросы истории культуры, слушетелей знакомили с именами и творчеством русских писателей, художников, рассказывали о научных основах миропонимания. Некоторые курсы носили практический характер. На них обучали первоначальным навыкам счета, письма, рисования, черчения. Наиболее ритмично и содержательно такая работа была организована при народной гимназии.[28]

Тяжким наследием от царских времен осталась крайне низкая грамотность взрослого населения. В «Известиях» ЦИК от 12 декабря 1918 г. был опубликован «Декрет о мобилизации грамотных». В нем перед комиссариатами народного просвещения ставилась задача в бли-

жайшее время произвести тщательный учет неграмотного населения, всех грамотных распределить по группам и помочь им организовать культурно-просветительскую работу в городе на всех предприятиях, учреждениях, по месту жительства, а также в сельской местности.[29]

Проводимая работа хотя и не была бесполезной, но ожидаемых результатов не приносила. По примеру других территорий России в начале 1920 г. была организована Астраханская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с безграмотностью, приступившая к работе 19 июля 1920 г. Председателем комиссии был назначен Н. Летницкий, секретарем – К. Цендровский. В городе и населенных пунктах стали открывать школы ликвидации неграмотности, которые работали по специально разработанным программам. Основная нагрузка в школах ликбеза ложилась на плечи учителей, хотя было немало энтузиастов-добровольцев других специальностей. Организация культурно-просветительской работы среди населения Астраханской губернии непосредственно связана с известными для многих астраханцев именами Н. Нариманова, с марта 1919 г. – комиссара по народному образованию в крае, П. Бляхина, ставшего позднее писателем, К. Бакрадзе, возглавлявшего в течение года (март 1918-март 1919) Астраханский комиссариат по народному образованию. Именно ему принадлежит идея создания в Астрахани университета.[30]

Впервые вопрос о создании университета в Астрахани встал еще в XVIII в., когда известный философ и математик Лейбниц писал Петру I летом 1712 г.: «Москва, как столица, Астрахань, Киев и Петербург заслуживают особенного внимания относительно учреждения в них университетов, академий, школ и всего, что к этому относится».[31] Однако он не был открыт ни в XVIII, ни в XIX вв.

Сразу же после установления в Астрахани советской власти ко-

миссариату было поручено начать подготовительную работу по организации университета. Первый краевой съезд Советов наметил направление деятельности университета «как рассадника просвещения среди трудового пролетариата края». В мае 1918 г. при комиссариате народного образования был открыт отдел высшей школы.[32] Работу этого отдела возглавил талантливый организатор Н.Н. Подъяпольский (1883-1934). В документах губернского отдела народного образования сохранилась следующая информация: «Астраханскому университету придается краевое направление. ...По обсуждавшемуся в Центральном Комиссариате народного просвещения проекту университет является не только учебным, но и научным учреждением».[33]

Создавать университет приходилось в тяжелых условиях гражданской войны, постоянной угрозы белогвардейских мятежей, отсутствия в городе научных и преподавательских кадров, необходимого оборудования и финансовых средств. После продолжительных разговоров и обсуждений о числе факультетов и отделений было решено открыть университет в составе естественного и историко-филологического факультетов. На естественном факультете планировалось, кроме других специалистов, осуществлять подготовку врачей.[34]

Торжественное открытие Астраханского университета состоялось 9 ноября 1918 г. В постановлении совнаркома отмечалось:

1. В ознаменование Октябрьской революции 1917 г., раскрепостившей трудящиеся массы от политического, экономического и духовного гнета со стороны имущих классов и открывшей им широкие пути к источникам знаний и культуры, учредить государственные университеты в городах Костроме, Смоленске, Астрахани...

2. Сроком открытия... считать день первой годовщины Октябрьской революции – 7 ноября 1918 г.».[35]

Ректором университета был назначен профессор С.В. Паращук. В год открытия университета на первый курс было зачислено более двух тысяч студентов, из них – 1500 на медицинское отделение.[36] В соответствии с существовашим тогда правительственным постановлением зачисление в университет производилось без вступительных экзаменов, без предъявления документов о среднем образовании.

В 1918/19 уч. году профессорско-преподавательский коллектив состоял из 18 человек (в т.ч. – 2 профессора), историко-филологический – из 7 (в т.ч. – 5 профессоров).

1919/20 уч. год начался в университете при полупустых аудиториях: на занятиях присутствовало не более 150 человек, остальные студенты ушли на борьбу с контрреволюцией. Многие студенты погибли в боях, те же, кто вернулся, продолжили учебу.

Учебная, научная и просветительская деятельность университета продолжалась. Уже к 1920/21 уч. году в составе университета насчитывалось 35 кафедр, 7 факультетов – естественный, медицинский, горный, ихтиологический, сельскохозяйственный, общественно-исторический.[37]

Со временем прием студентов в университет значительно уменьшился по сравнению с годом открытия. Так, если на медицинский факультет в первый год поступило 1500 человек, то в следующие годы набор студентов составлял 500, 400, а затем 100 человек в год.[39]

После 1920 г. положение в стране и, в частности, в Астраханском крае становится чрезвычайно тяжелым. Финансирование учебных заведений было передано местному бюджету, росла задолженность по оплате труда преподавателей, не хватало средств на оплату счетов. Долг по Астраханскому губоно за 1921-1922 гг. достиг нескольких миллионов

рублей. Характеризуя этот период, А.В. Луначарский писал: «Это было время, когда была забота, откуда дров достать, как учителя спасти от голодной смерти, – это было время, когда наша школа голодала, кричала и когда мы, сидя в Наркомпросе, были свидетелями развала».[40]

В связи с постановлением Главпрофобра о закрытии целого ряда высших учебных заведений на территории РСФСР студенческий и педагогический коллективы агрономического и естественного факультетов обратились к председателю ВЦИК М.И. Калинину с просьбой о сохранении названных факультетов Астраханского университета.[41] В этом письме-обращении дана полная справка о природных богатствах и возможностях края. Тем не менее в начале 1922 г. Главпрофобром было принято решение о закрытии университета, а медицинский факультет, как исключительно необходимый для нужд Астраханского края, был преобразован в медицинский институт. В его ведении перешли все материальные средства других факультетов университета.

Несмотря на непродолжительность своего существования, Астраханский университет сыграл заметную роль в научной и культурной жизни края. Немало рабочих и крестьян сумели получить университетское образование, ученые проводили научные исследования, имевшие теоретическую и практическую ценность.

По инициативе ученых Астраханского университета в 1919 г. был создан государственный заповедник в дельте Волги. При университете функционировал вечерний народный университет – центр пропаганды политических и научных знаний среди трудящихся. Университет явился основой для развития высшего образования в Астраханском крае.

Примечания

§1

1. Об учреждении акционерных обществ для эксплуатации рыбных промыслов (1913 г.) // РГИА. Ф.398. Оп.72. Д.27958. Л. 2, 5, 38-40, 315.
2. РГИА. Ф. 398. Оп.72. Д. 27958. Л. 352.
3. РГИА. Ф.23. Оп 20. Д.849. Л.16.
4. РГИА. Ф.1284. Оп. 194. Д. 55. Л. 12.
5. Шубин И.А. Волга и Волжское судоходство. М., 1927. С. 829.
6. Там же. С. 669, 705.
7. Астраханский вестник. 1898. 24 февраля. С. 2.
8. Сборник материалов по вопросу об Астраханской железной дороге: Издание Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1899. С. 725-726; Астраханский вестник. 1899. 6 марта. № 2963; Астраханский листок. 1899. 6 марта. № 51.
9. Вся Астрахань и весь Астраханский край: Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 год. Астрахань, б/г. С. 67.
10. Сельское хозяйство Астраханского края. Астрахань, 1914. № 1. С.198.
11. Там же. С.199.
12. Сельское хозяйство Астраханского края. Астрахань, 1915. № 2. С.177.
13. Сельское хозяйство Астраханского края. Астрахань, 1916. №1-6. С.27.
14. Там же. С.28.
15. Сельское хозяйство Астраханского края. Астрахань.1917. №1-8. С.29.
16. Там же. С.68.
17. Россия в Первой мировой войне. 1914-1918 гг.(в цифрах).М.,1925. С.10.
18. Отчет Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Обзор Каспийско-Волжского рыболовства за 1914 г. Астрахань, 1916. С.20.
19. Отчет Управления Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов. Обзор Каспийско-Волжского рыболовства за 1915 г. Астрахань, 1916. С.23.
20. Там же. С.17.
21. Там же. С.18.

§2

1. Водоснабжение г.Астрахани // Наш край. Астрахань. 1924. №4, 5. С.115-118.
2. Астраханский вестник. 1890. №50. С.4.
3. Балыклейский А.И. О водоснабжении г.Астрахани. Астрахань, 1915. С.10.
4. К вопросу о положении водопроводного дела в г.Астрахани. Астрахань, 1900. С.50.
5. Доклад второму Губернскому съезду врачей Астраханской губернии. Астрахань, 1911. С.13.
6. Промышленная Астрахань. Астрахань, 1959. С.304.

7. О месте свалки отходов в г.Астрахани // Астраханский вестник. 1890. №52. С.4.
8. К вопросу удаления нечистот из г.Астрахани. Астрахань, 1897. С.2-4.
9. Промышленная Астрахань... С.300.
10. Коммунальное хозяйство // Наш край. Астрахань,1927. № 8. С.210.
11. Канализация в г. Астрахани. Астрахань, 1913. С.7.
12. Отчет Астраханской Городской Управы за 1900 г. Астрахань,1901. С. 9; О постройке электрической станции в г. Астрахани. Астрахань, 1913. С.1-2.
13. Отчет Астраханской городской электрической станции за 1911 г. Астрахань, 1912. С.5.
14. Контракт на сооружение Астраханской железной дороги (трамвая). Астрахань, 1897. С.7.
15. Неповитов Н. Из истории Астраханского трамвая. Астрахань, 1970. С.15; Астраханский листок. 1900. 13 июня. С.3.

§3

1. Савинов Д. Астраханский край в 1907-1917 гг. Машинописная рукопись. Астрахань, 1964-1968. С.49.
2. Астрахань в 1905 г. Сб. статей / Под ред. П.М. Новлянского. Астрахань, 1925. С.14-15.
3. Савинов Д. Указ. соч. С.73.
4. Революционное движение в Астрахани и Астраханской губернии в 1905-1907гг. Сб. документов и материалов / Отв. ред. Л.Г. Польской. Астрахань, 1957. С.110.
5. Там же. С.124.
6. Там же. С.126.
7. Там же. С.149
8. Там же. С.125-126.
9. Там же. С.37.
10. Там же. С.154-155.
11. Там же. С.320-334.
12. Савинов Д.Указ. соч. С.73.
13. Революционное движение в Астрахани... С.393-405.
14. Природа и история Астрахнского края. Астрахань, 1996. С.265.
15. Новейшая история Отечества. XX в. М.: Владос, 1998. Т.1. С.97-98.

§4

1. Астраханский листок. 1893. 26 ноября.
2. Катанская А.Л. Астраханская типография «Пролетарская революция», 1925. №6(41). С.215.
3. Астраханский листок. 1900. 15 декабря.
4. Астраханский листок. 1903. 13 марта.
5. ГАОО. Ф.286. Оп.2(секретно). Ед.хр.140. Л.48.
6. ГАОО. Ф.286. Оп.2(секретно). Ед.хр.336. Л.20.

7. ГАОО. Ф.286. Оп.1. Т.І. Ед.хр.437. Л.126.
8. Астраханский спутник. Астрахань, 1907. С.75.
9. ГААО. Ф.286. Оп.1. Ед.хр.687.
10. ГААО. Ф.286. Оп.2 (секретно). Ед.хр.264.
11. ГААО. Ф.286. Оп.1. Ед.хр.762.
12. ГААО. Там же.
13. Фальберк Г., Чернолуский В. Начальное народное образование в России. СПб.: Изд-во императорского вольного экономического общества, 1900. Т.І.
14. Скориков Н.Ф. Доклад о введении всеобщего обучения в Астрахани // Известия Астраханского городского общественного управления. Астрахань, 1910. №12. С.14.
15. Там же. С.2-8.
16. ГАОО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.38. Л.1-7.
17. ГААО. Ф.1. Оп.2. Ед.хр.2. Л.92.
18. ГАОО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.412.
19. Там же. Ед.хр.367.
20. Там же. Ед.хр.298.
21. Там же. Ед.хр.152. Л.64.
22. Там же. Ед.хр.74. Л.27.
23. Там же.
24. Труды 2-го краевого Астраханского съезда Советов. Астрахань, 1918. С.107.
25. Результаты работы 3-го краевого съезда. Астрахань, 1919. С.17.
26. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Т.1. Ед.хр.88. Л.44.
27. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.47. Л.177.
28. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.38. Л.4.
29. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Т.І. Ед.хр.144. Л.1.
30. Подъяпольский Н.Н. История создания университета. Ученые записки Государственного Астраханского университета. Вып.1. Астрахань, 1919. С.14.
31. Венок Тредиаковскому. Волгоград: Нижне-Волжское изд-во, 1976. С.19.
32. Поъяпольский Н.Н. Указ. соч. С.13.
33. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.254.
34. Нахимов И.И. Из истории создания Астраханского университета. Ученые записки АГПИ. Т. XXVIII. Астрахань, 1968. С.69.
35. Высшая школа, 1966. №12. С.86.
36. Очерки по истории становления и роста советского здравоохранения в городе Астрахани и области. Астрахань: Нижне-Волжское изд-во, 1968. С.36.
37. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.292. Л.71.
38. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.389.
39. Очерки по истории...С.36.
40. Луначарский А.В. О народном образовании. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958. С.237.
41. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.292. Л.68.

Глава XII. Гражданская война в Астраханском крае

§1. Политические события в Астраханском крае в 1917 году. Формирование новых органов власти

В феврале 1917 года в России совершилась буржуазно-демократическая революция.

Дошедшие известия о победе Февральской революции в Петрограде чиновники Астраханской губернии не торопились сообщать населению. Астраханский губернатор боялся, что весть о петроградских событиях может вызвать в городе непредсказуемые волнения.

Объявление о победе революции в Петрограде пришло в Астрахань 1 марта 1917 г. Второго марта, взяв на себя инициативу установления новой власти в Астрахани, кадеты, эсеры, меньшевики созвали чрезвычайное заседание Городской думы, на котором сообщили о государственном перевороте и приняли приветственный адрес Временному Комитету Государственной Думы. 3 марта газеты города поместили Сообщение Исполнительного Комитета Государственной Думы, в котором говорилось: «27 февраля, ровно в полночь, окончательно организован Исполнительный Комитет Государственной Думы в следующем составе: Родзянко, Керенский, Чхеидзе, Шульгин, Милюков, Коновалов, Дмитрюков, Ржевский, Некрасов, Львов. Исполнительный Комитет Государственной Думы принял на себя функции Временного правительства».[1]

В этот же день состоялось заседание губернской земской управы, поддержавшей решение Городской думы.

4 марта при активном содействии кадетов, меньшевиков и эсеров был создан новый аппарат власти – Временный иубернский исполнительный комитет под председательством лидера кадетов генерал-лейтенанта Н.В. Ляхова. По решению этого комитета были посланы представители в войсковые части с призывом о поддержке новой власти.

Казачьи офицеры от имени своего круга сообщили Астраханско-

му Временному исполнительному комитету, что казачество переходит на сторону Временного правительства. Они отстранили от руководства войсками наказного атамана и на его место поставили полковника Соколова.

По распоряжению Временного исполнительного комитета обязанности коменданта города принял командир третьего казачьего полка Стрелков, начальником гарнизона был назначен полковник Маркевич, временным губернатором избран казачий генерал И.А. Бирюков. Ему в помощь были выделены представители кадетской партии Шепелев и Склабинский, эсер Долгополов и меньшевик Аствацатуров.

4 марта 1917 г. Исполнительный Комитет телеграфировал председателю Государственной Думы и председателю Совета Министров об организации новых органов управления в Астрахани и просил санкционировать его функции.

В этот же день к гражданам Астрахани от имени городского общественного управления, губернского земского собрания и общественных организаций было опубликовано обращение, в котором сообщалось о создании Временного комитета по управлению Астраханской губернией и передаче ему власти.

Под давлением общественности Астраханский Временный государственный комитет освободил от занимаемых должностей губернатора Соколовского, полицмейстера, воинского начальника и жандармского полковника, сообщив об этом жителям края.[2] 5 марта губернатор Соколовский был подвергнут домашнему аресту.

Новая власть осуществила ряд мер по охране порядка и спокойствия в городе. Было создано Временное губернское управление по делам охраны и спокойствия, в боевую готовность приведены офицерские казачьи части и казачьи сотни, вновь созданные подразделения милиции. Войска губернского комитета заняли почту, телеграф, полицейские учреждения. 6 марта Временный губернский комитет направил

уполномоченных для организации новой власти в уездах. Временный губернатор генерал И.А. Бирюков был утвержден Временным правительством комиссаром губернии.

17 марта 1917 г. Городская дума своим решением ввела в свой состав 21 представителя от 7 различных групп: от объединенной партии РСДРП, партий эсеров, кадетов, Совета рабочих депутатов, Совета солдатских депутатов, военно-офицерских чинов, от служащих городского общественного управления. В апреле количество представителей в Городской думе от общественных и партийных организаций увеличивается еще на 27 мест.[3]

Однако эта демократическая коалиция не решила в интересах трудящихся практически ни одного вопроса. Насущные экономические требования населения откладывались до начала работы Учредительного Собрания.

На волне распада царской власти стали возникать рабочие, солдатские, крестьянские Советы как органы революционного действия. Они ориентировались, главным образом, на специфические профессиональные, социальные, национальные и прочие текущие интересы. Принимая на себя ряд полномочий по решению наиболее злободневных вопросов, подменяя государственные органы, не имея подготовленных управленчиских кадров, они выступали как деструктивная сила. Однако ведущие политические партии России стремились отстоять свое первостепенное влияние на Советы. Большевики видели в Советах зачатки революционного правительства и отстаивали за ними в этом преимущественное право.[4]

Меньшевики,поддерживая Советы, не признавали за ними никаких функций власти.[5]

В Астрахани, наряду с Временным губернским комитетом, 4 марта 1917 г. был организован Астраханский Совет рабочих депутатов.

Используя подавляющее большинство, меньшевики и эсеры возглавили в Совете все руководящие посты. Председателем Совета стал

меньшевик Ф.И. Кругликов.[6]

По примеру Петрограда в Астрахани произошло объединение Советов рабочих и Солдатских депутатов. Следует отметить, что первоначально идею объединения офицеры встретили в штыки. Среди солдат, в полковых и ротных комитетах они развернули пропагандистскую кампанию против Советов рабочих депутатов. В свою очердь, Советы рабочих депутатов также включились в борьбу за солдатские массы. Вскоре было созвано совместное заседание Совета солдатских депутатов с полковыми и ротными комитетами, которое решило пойти на сближение с Астраханским Советом рабочих депутатов. Объединение Советов состоялось 22 апреля 1917 г. «Нет больше Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов, – сообщала астраханская газета «Луч» 27 апреля. – Есть один Совет рабочих и солдатских депутатов».

30 апреля в городе, в самых многолюдных местах, прошли митинги в поддержку Совета рабочих и солдатских депутатов.[7]

Известные июльские события в Петрограде положили конец двоевластию. 17 июля 1917 г. состоялось пленарное заседание Астраханского Совета, посвященное июльским событиям. Меньшевики и эсеры обвинили большевиков в контрреволюционной деятельности, после чего астраханские большевики 14 августа 1917 г. окончательно размежевались с меньшевиками и стали действовать легально. Выйдя из Совета, они сформировали самостоятельную организацию РСДРП(б) и ее городской комитет, наладили выпуск газеты «Астраханский рабочий».[8] По численности большевики значительно уступали своим идейным и политическим противникам – монархистам, кадетам, эсерам. Однако их влияние на население края оказалось более ощутимым. Большевики сумели предложить широким слоям народа импонирующие им лозунги: борьба за прекращение империалистической войны, «Фабрики – рабочим!», «Земля – крестьянам!», «Вся власть – Советам!». Заметную роль в этом играли А.Е. Трусов, В.С. Цейтлин, Н.А. Мосин,

С.Л. Хигер, А.Х. Хумарьянц и другие большевики. Но, как показали дальнейшие события, реализовать такого рода требования в полном объеме они не только не могли, но и не собирались. Более продуманной и целиком оправдавшей себя оказалась тактика большивиков, подчиненная достижению главной цели – овладеть властью.

В послеиюльские дни Советы рабочих и солдатских депутатов, возглавляемые эсерами и меньшевиками, поддерживали лозунг в продолжение империалистической войны, стремились сорвать стачечное движение и подавить революционные выступления рабочих, солдатских и крестьянских масс. В этой обстановке буржуазные круги Астрахани, поддержанные Советом, приняли решение всю власть передать начальнику гарнизона, т.е. установить в губернии режим военной диктатуры. В конце августа 1917 г. председатель Астраханского Совета эсер К.И. Бакрадзе сообщал Временному правительству о невиданном ранее обострении классовой борьбы, призывал Временное правительство активизировать суд и прокуратуру в борьбе против рабочих и крестьян. В противном случае «...Совет снимает ответственность за могущие возникнуть беспорядки».[9]

Острую дискуссию в Астраханском Совете рабочих и солдатских депутатов вызвало обсуждение корниловского мятежа. На совместном заседании Астраханского Совета с представителями губернского и городского самоуправления, профсоюзов, полкового и ротных комитетов, состоявшемся 30 августа, эсеры и меньшевики смогли провести резолюцию доверия Временному правительству.[10] Однако принятая резолюция не отражала истинного настроения рабочих и солдатских масс. Под их давлением Астраханский Совет вынужден был вернуться к проблемам открытой военной диктатуры. На пленарном собрании Совета 2 сентября 1917 г. присутствовало большое количество рабочих и солдат, которые не являлись членами Совета и не имели права голоса. По поручению городского комитета РСДРП(б) депутат-большевик А.Е. Трусов огласил резолюцию, требовавшую передать

власть в руки рабочих и беднейших крестьян, строго наказать руководителей мятежа, ввести контроль над производством и распределением, конфисковать хлеб у крупных землевладельцев, ввести трудовую повинность, прекратить выпуск бумажных денег и т.д. Большевики считали, что революционные шаги по спасению страны от надвигающейся катастрофы могли предпринять только Советы, наделенные всей полнотой власти. Присутствовавшие на заседании Совета рабочие и солдаты встретили предложения большевиков бурными аплодисментами. Однако большинством голосов – 50 против 30 – члены Совета приняли резолюцию левых эсеров. Их резолюция призывала революционную демократию порвать с теми кругами буржуазии, которые организовали мятеж Корнилова. В области экономики резолюция левых эсеров предлагала добиться выполнения мероприятий, обещанных Временным правительством 8 июля 1917 г. Левые эсеры также требовали, чтобы Временное правительство приняло действенные меры к скорейшему созыву Учредительного собрания.[11]

31 августа 1917 г. ЦК большевиков принял резолюцию «О власти», которая в этот же день обсуждалась на Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов. В резолюции заявлялось, что единственный выход из создавшегося кризисного положения – завоевание власти революционным пролетариатом и крестьянством. 18 сентября состоялось многолюдное собрание Астраханского Совета. Кроме депутатов, на Совете присутствовали представители профсоюзов, эсеро-меньшевистского блока Городской думы, губернского исполнительного комитета, губернского Совета крестьянских депутатов. На повестке дня стоял вопрос о власти. Большевики призывали разорвать всякие отношения с буржуазией и передать власть Советам. Меньшевики и эсеры убеждали присутствующих, что только коалиционное правительство может обеспечить выход страны из экономического и политического кризиса. По их мнению, до сих пор коалиционного собрания не было, «...теперь же должна быть... твердая власть, организованная

на основе местной коалиции, ибо пролетариат еще слаб и малочисленен».[12] В резолюции, предложенной собранием, эсеры и меньшевики призывали к объединению всех сил страны и утверждали, что только сильная власть способна «защитить революцию от всех нападок и довести страну до Учредительного собрания, которое и решит судьбу России». За эту резолюцию на собрании проголосовало 175 человек.[13]

Большевики огласили свою резолюцию, в которой требовали беспощадно пресекать контрреволюционные выступления буржуазии, немедленно распустить Государственную Думу и Государственный Совет, отменить смертную казнь, очистить командный состав армии от контрреволюционеров. Большевики призывали рабочих создавать отряды Красной гвардии, а крестьян – брать землю и передавать в ведение земельных комитетов. Они считали, что в центре вся власть должна быть сосредоточена в руках Всероссийского Совета, а на местах «...принадлежать Советам, профсоюзам, избранным на основе всеобщего, прямого, тайного и равноправного избирательного права как истинных представителей демократии». За эту резолюцию проголосовало 276 человек.[14] Требования рабочих и солдатских масс о передаче власти Советам Астраханский Совет принял в несколько измененном виде с дополнением о том, что власть на местах должна принадлежать не только Советам, но и Городской думе.

Рабочие Астрахани единодушно поддержали решение о передаче власти Советам. 20-21 сентября на многих астраханских предприятиях прошли митинги и собрания рабочих и служащих, которые принимали резолюции с требованием передачи власти Советам, но ни в одной из них не упоминалось о необходимости раздела власти между Советом и Городской думой. Только Совет, по мнению рабочих и солдат, мог быть полновластным органом власти. Эсеры и меньшевики, в свою очередь в газетных публикациях пропагандировали Думу как самый демократический орган, избранный всеми слоями населения. Они утверждали, что Советы не являются представителями всего народа.[15]

Меньшевики и эсеры прилагали все усилия к тому, чтобы дискредитировать Советы, подорвать к ним доверие народных масс. В противовес рабочие продолжали настаивать на взятии власти Советами. «Мы требуем, – заявляли астраханские бондари, – переизбрания и замены менее революционных рабочих более революционными. А также переизбрать состав исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».[16] Под давлением рабочих 30 сентября правые эсеры и меньшевики были выведены из руководящих органов Астраханского Совета. Совет возглавили большевики и левые эсеры. Председателем Совета был избран левый эсер А.С. Перфильев, товарищем (помощником, заместителем) председателя – большевик С.Х. Гольдберг, секретарем – большевик В.И. Коницкий.[17]

В начале октября рабочие собрания почти всех предприятий Астрахани приняли резолюции, поддерживающие большевистский лозунг «Вся власть – Советам!». Такую же резолюцию приняло объединенное собрание профсоюзов города.

По сравнению с городами и рабочими поселками революционные события несколько позже докатились до волостей, сел и деревень.

Получив известие о свержении царизма, крестьяне разоружали и отстраняли от власти земских начальников, урядников, приставов, полицейских, жандармов и создавали новые органы власти: общественные волостные и сельские исполнительные комитеты, Советы крестьянских депутатов, губернские, уездные и волостные земельные комитеты и т.д.

Первое время власть на местах находилась в руках общественных исполнительных комитетов. Они возникали раньше других организаций и учреждений и действовали на губернском, уездном, волостном и даже сельском уровнях. Именно они стали олицетворением наибольшей политической активности народных масс. Более того, комитеты выражали демократический потенциал российского общества и народного характера Февральской революции. Ни один другой обще-

ственно-политический институт, действовавший весной 1917 г. не мог сравниться с комитетами по широте представительства. В них входили делегаты от леворадикального, радикального, буржуазно-помещичьего лагерей, хотя главной политической силой оставались посланцы самого массового центрального лагеря.

Общественные исполнительные комитеты уже в момент своего организационного оформления заявляли о том, что берут власть в свои руки. И эту власть признавали все, кроме Временного правительства. Оно отнесло комитеты к обычным общественным организациям и тем самым лишило их правового оформления и финансовой поддержки.

Самый массовый институт народной власти, какими были тогда общественные исполнительные комитеты, остался без общегосударственного центра, так как в Петрограде не оказалось социально однородного с ним руководящего органа.[18]

В Астраханской губернии новые органы власти на селе выбирались непосредственно на волостных сходах. Таким путем были избраны Батаевский и Быковский волостные комитеты Царевского уезда, Никольский волостной комитет Енотаевского уезда. В отчете Астраханского уездного комиссара от 10 апреля отмечалось, что к этому числу в уезде избрано 16 волостных комитетов, 39 сельских, 8 поселковых и один станичный. «Выборы членов, – сообщал уездный комиссар, – производили общим собранием всего населения».[19]

Состав волостных комитетов был чрезвычайно разнообразен. Количество членов волостных комитетов колебалось от 3-5 до 100 человек. Например, в Красноярском уезде в состав волостных комитетов избирали от 5 до 20 человек.

Избрание общественных волостных и сельских исполнительных комитетов как новых сельских органов власти, их количественный состав и структура свидетельствуют о творчестве и инициативе крестьянских масс. Крестьяне создавали свои органы власти самостоятельно, практически без значительного вмешательства губернских, уезд-

ных комитетов и комиссаров Временного правительства. О самостоятельной работе крестьян по созданию волостных и сельских комитетов говорилось в протоколах съездов, обращениях, в отчетах и запросах крестьянских учреждений, в местной печати.

По этому поводу газета «Астраханский листок» писала: «После переворота часть учреждений старого строя была уничтожена, а нового на его место поставить не успели. Самому населению пришлось наскоро создавать взамен устраненной власти, власть, которая в состоянии была бы ответить так или иначе на запросы жизни».[20]

Более рельефно эта мысль была выражена в обращении Поволжского областного бюро, обнародованном 16 июня 1917 г. «В первые дни революции, – говорится в этом документе, – без всяких руководящих указаний повсеместно в волостях и селах возникла новая власть в лице исполнительных комитетов. Вся полнота местной власти фактически перешла в руки этих комитетов».[21]

Получив политическую свободу, жители деревень создавали новые учреждения власти, выборы в которые носили демократический характер. Был снижен избирательный ценз до 18 лет, имели право голоса и могли быть избраны в комитет представители всех слоев сельского населения. В этой связи в состав комитетов избирались крестьяне, солдаты, рабочие, кустари, сельская интеллигенция, служащие, а также чиновники старого дореволюционного аппарата власти: старосты, старшины, писари и др. В ряде случаев в комитет избирались купцы, фабриканты, солепромышленники, рыботорговцы, помещики.[22]

Какое-то время власть не посягала на относительную самостоятельность общественных исполнительных комитетов. Однако в марте-апреле 1917 г. из их состава стали выводить старшин, старост, помещиков, торговцев. Революционно-бунтарские настроения в деревню привнесли отпущенные в отпуск на пасхальные праздники солдаты. 2 апреля Астраханский губернский комиссар И.А. Бирюков поставил в известность царевского комиссара о том, что в Никольской слободе

солдаты вместе с крестьянами разогнали старый состав исполнительного комитета и избрали новый.[23] Бирюков сообщал также комиссару Черноярского уезда, что прибывшие в село Кресты в краткосрочный отпуск солдаты... созвали сход, арестовали старшину, отобрали печать, деньги и остальные знаки волостного правления и прекратили его деятельность. На все должности в волости были избраны крестьяне.[24] Подобная ситуация складывалась во многих селах.[25]

Процесс обновления сельских и волостных комитетов происходил стихийно. В короткие сроки представители крестьян стали преобладать в несанкционированных органах власти. Отсутсвие грамотных лиц в общественных исполнительных комитетах приводило к серьезным затруднениям в принятии и реализации повседневных дел на селе. Поэтому Временное правительство и его органы власти на местах пытались исправить ситуацию, предлагая крестьянам всесословный принцип выборов волостных и сельских комитетов. Постановление Временного правительства от 19 марта 1917 г. предписывало включать в состав волостных комитетов «местных землевладельцев и все интеллигентные силы деревни».

Главная задача волостных комитетов, по мнению Временного правительства, сводилась к бесперебойному снабжению армии продовольствием, поддержанию в селениях общественного порядка, сохранению в целости административных зданий, т.п.[26]

Согласно разработанной астраханским губернским исполнительным комитетом инструкции, волостные и сельские комитеты должны были выполнять постановления местных народных собраний, «если таковые не нарушают личных и имущественных прав граждан», постановления и распоряжения уездных и губернских комитетов и Временного правительства. По мнению губернского комитета, основная проблема, которой должны были заниматься крестьянские комитеты, сводилась к «укреплению нового строя и подготовке к выборам в Учредительное собрание».[27]

Между тем сами волостные и сельские комитеты понимали свои полномочия несравненно шире и многограннее. Они осуществляли контроль за использованием земель, угодий, лесов, производили местный суд, распределяли продовольственные пайки семьям солдат, контролировали хозяйственно-административные и общественные вопросы.[28] В их ведении находились вопросы содержания дорог и мостов, занимались они профилактикой эпидемических заболеваний, рассматривали заявления селян о перемене мест жительства и т.п.[29]

Волостные исполнительные комитеты весной 1917 г. единодушно поддерживали Временное правительство, выражая свои подданические чувства в многочисленных телеграммах.

В посланиях правительству комитеты поддерживали лозунг «Война до победного конца!». Они собирали пожертвования в пользу армии, способствовали мобилизации конного состава, производили поставки мяса и другого продовольствия, занимались поимкой дезертиров.

Комитеты пытались осуществлять агитационно-пропагандистские и культурно-воспитательные мероприятия, изыскивали средства для организации библиотек, читален, приобретения книг, брошюр и газет. Таким образом, деятельность волостных и сельских комитетов приносила несомненную пользу в налаживании нормальных условий проживания на селе. Однако Временное правительство и местные органы власти, признавая право комитетов на существование, средств на их содержание не выделяли. На многочисленные запросы с мест МВД отвечало: «Средства государственного казначейства могут быть отпущены лишь на содержание губернских, областных и уездных общественных комитетов. Прочим же комитетам средства из казны не отпускаются».[30] Астраханский губернский исполнительный комитет рекомендовал волисполкомам деньги для заработной платы своим сотрудникам изыскивать на месте, так как в его распоряжении «таких средств не имеется».[31]

Комитетам ничего не оставалось делать, как воспользоваться этими рекомендациями. Главной статьей дохода волисполкомов являлись денежные сборы, основное бремя которых падало на помещиков, церковников, торговцев, предпринимателей, рыбопромышленников. Крестьяне вносили значительно меньшие суммы, что вызывало недовольство первых и порождало на селе противоречия.

Занимались волостные комитеты и решением чрезвычайно трудной продовольственной проблемой. Несмотря на то, что Временное правительство предполагало продовольственное дело передать в ведение специально созданных учреждений, крестьяне по собственной инициативе возлагали на волостные общественные исполнительные комитеты эти функции. Они, в свою очередь, взяли под свой контроль продовольственные запасы волости. Без их разрешения никто не имел права вывозить хлеб в другие территории. Пользуясь самостоятельно установленным монопольным правом распоряжаться продуктами, комитеты осуществляли их учет и распределение, устанавливали цены на хлеб, мясо, рыбу, яйца, молоко и т.д. Волостные комитеты конфисковывали хлеб у лиц, пытавшихся его скрыть. Подобным образом действовали исполнительные комитеты Пироговской волости Енотаевского уезда, Селитренский исполнительный комитет и др.[32]

Общественные исполнительные комитеты вводили контроль над торгово-промышленными заведениями, контролировали деятельность почты, телеграфа, церкви и других сельских учреждений. Эта деятельность волостных комитетов также выходила за рамки государственных законов. Высшие органы власти пытались ограничить их функции, но безрезультатно. Пропагандируя лозунг «Земля – крестьянам!», большевики практически не предпринимали реальных шагов по его реализации. Тогда крестьяне стали самостоятельно решать этот вопрос, насильственно изымая и распределяя между собой помещичьи и казенные земли. Астраханский губернский комиссар только в первые дни марта четырежды посылал войска в уезды, пытаясь силой остано-

вить стихийные действия крестьян. Так, 10 марта Бирюков телеграммой в Министерство Внутренних дел сообщал: «Заявлены случаи попыток самоуправства крестьян в отношений частновладельческой собственности в Царевском и Красноярском уездах, куда посланы команды».[33] В предписании губернатора начальнику гарнизона от 11 марта предлагалось немедленно отправить 200 солдат в г. Царев для водворения порядка.[34]

Предпринятые меры, однако, заметных результатов на дали. Более того, в апреле процесс насильственного захвата крестьянами земель усилился, о чем свидетельствуют неоднократные телеграммы Бирюкова в МВД.

Вместе с крестьянами активно добивались своих прав ловцы. Они выступали с требованием свободного и безвозмездного лова в государственных, церковных и частных водах. Так, ловцы в селе Раздорино захватили тоню и выгнали служащих арендатора Исаева. В Красном Яру был арестован смотритель за рыболовством.

Крестьяне села Дмитриевское Астраханского уезда в середине марта 1917 г. на общем собрании потребовали от Губернского исполнительного комитета изъять из частных владений монастырей и церквей земли и воды и передать их в государственное распоряжение, наделить селян землей и водами за счет частной фирмы «Братьев Сапожниковых». Кроме того, крестьяне просили упразднить должности земских начальников «как лиц, утерявших в населении всякое значение и доверие».[35]

Губернским исполнительным комитетом для умиротворения ловецкого населения посылались карательные отряды.

Излишняя самостоятельность волисполкомов, с точки зрения Временного правительства, привела к тому, что оно 21 апреля 1917 г. приняло постановление «Об учреждении земельных комитетов», по которому решение любого земельного вопроса изымалось из ведения волостных комитетов и передавалось в ведение вновь создаваемых зе-

мельных комитетов.

Вокруг вновь принятого поставновления развернулась острая политическая полемика на страницах газет и журналов, на различного уровня собраниях и совещеаниях. Оно подверглось резкой критике на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов, созванного партией эсеров. Резолюция съезда по аграрному вопросу свидетельствовала о том, что крестьяне понимали функции земельных комитетов далеко не так, как этого хотело бы Временное правительство. Основные функции комитетов, по мнению съезда, должны сводиться не к охранительным началам, а к позитивной деятельности, направленной на разрешение аграрного вопроса.[36]

В обстановке разнообразных организационных неувязок и юридических неясностей работа по формированию земельных комитетов развертывалась крайне медленно.

В Астраханской губернии распоряжение губернского комиссара о создании земельных комитетов появилось 5 мая. Затем соответствующие распоряжения уездных органов власти стали рассылаться по волостям и селам. В соответствии с постановлением Временного правительства, они формулировали задачи земельных комитетов, устанавливали количественный состав и сроки выборов, указывали на те учреждения, которые должны были заняться организационной работой. По распоряжению Астраханского уездного комиссара ответственность за выборы земельных комитетов возлагалась на общественные исполнительные комитеты. Рекомендовалось также избирать волостные земельные комитеты на крестьянских сходах в составе 5 членов и 3 заместителей.[37]

Хотя распоряжением губернского комиссара предписывалось начать формирование земельных комитетов с мая, практическая реализация его в уездах более-менее активно стала проводиться в июне. К его исходу земельные комитеты были сформированы почти на всей территории края. Позже всех этот вопрос был решен в Черноярском

уезде.

«Астраханский листок» 11 июля сообщал, что «за исключением Черноярского уезда, где дело учреждения волостных земельных комитетов затормозилось... во всех остальных земельных уездах волостные комитеты могут по большей части начать свои действия и некоторые уже выполняют свои обязанности».[38] Первое собрание Черноярского уездного земельного комитета состоялось 17-20 июля. В его работе приняли участие представители 32 волостных земельных комитетов уезда.[39]

Первое собрание Астраханского губернского земельного комитета состоялось 11 июня. В его работе участвовали губернский комиссар В.И. Склабинский, пять представителей губернского исполнительного комитета, член окружного суда, мировой судья, представитель министерства земледелия Г.И. Колесников и четыре представителя от уездных земельных комитетов. В связи с тем, что к первому организационному заседанию не во всех уездных центрах Астраханской губернии закончилось оформление земельных комитетов, 25 июня было созвано второе собрание, которое избрало постоянный состав Губернской земельной управы. Возглавил ее эсер Д.Г. Чернобаев, товарищами председателя стали эсеры А.И. Бука, О.А. Михайлов, членами – семь человек, также состоявших в партии эсеров.[40] Структура Губернского земельного комитета была представлена четырьмя секциями: землемерной, агрономической, статистико-экономической и гидротехнической. Главной своей задачей земельная управа считала сбор сведений, необходимых для проведения аграрной реформы.

По сути своей положение о земельных комитетах, принятое Временным правительством, преследовало одну цель: защитить земельные интересы помещиков от крестьян, превратить земкомитеты в активных проводников помещичье-буржуазной аграрной политики в деревне.

В целом губернские и большинство уездных земельных комите-

тов разделяли точку зрения Временного правительства по аграрному вопросу. Волостные же земельные комитеты зачастую действовали самостоятельно, вопреки предписаниям и постановлению Временного правительства. Они, по сути дела, продолжили традиции упраздненных исполнительных комитетов.

В конце октября 1917 г. председатель астраханской земельной управы подчеркивал: «Ведь серьезно говоря, земельные комитеты наши не приступили еще к той работе, для выполнения которой они главным образом и созданы, так как они были заняты преимущественно разбором всякого рода споров и недоразумений между владельцами и арендаторами земель и даже споров между отдельными селениями.[41]

Хотя земельные комитеты, имея статус гусударственных учреждений, должны были финансироваться в централизованном порядке, однако «...Губернские, уездные и волостные комитеты получили лишь самую незначительную часть той суммы, которую им следовало получить».[42]

Волостные земельные комитеты вынуждены были содержать себя за счет самообложения крестьян. Такая практика привела к еще большему обострению социально-экономических противоречий в деревне. Крестьяне все чаще выходят из повиновения властям, по-своему решая земельный вопрос: захвывают частновладельческие земли, сенокосные угодья, инвентарь, лесные угодья, водоемы и т.п. Во главе стихийного крестьянского движения в этот период стояли волостные земельные комитеты.

Деятельность земельных комитетов вызывала поток заявлений и жалоб помещиков. Временное правительство, губернские и уездные органы принимали все меры для восстановления прав помещиков, вплоть по использования вооруженной силы. Так, 5 августа в с. Джаныбек Астраханской губернии по распоряжению губернского комиссара прибыла команда в количестве 50 солдат и устроила избиение местного населения. Каратели бесчинствовали с 7 по 10 августа.[43]

Происходящие события в деревне летом 1917 г. заставили Временное правительство приступить к разгрому волостных земельных комитетов.

Временное правительство, силой подавляя крестьянские волнения, попыталось вместо них создать волостные земства.

Положение «О волостном земском управлении» Временное правительство утвердило 21 мая 1917 г. На его основе предполагалось избрать земства в 43 губерниях Европейской части России, в общей сложности в 456 уездах и 9305 волостях.[44]

В правительственном «Наказе о производстве выборов волостных земских гласных» эта работа возлагалась на уездные земские управы. Губернские и уездные комиссары обязаны были оказать им свое содействие. Отвечая на запрос МВД о подготовке к выборам, Астраханский губернский комиссар 10 июля писал: «До сего времени дело организации и руководство выборами волостных земств... сосредоточено под моим наблюдением».[45]

В течение июня были уточнены границы избирательных округов, установлено их количество и повсеместно организованы волостные и сельские избирательные комиссии.

Одновременно с организационной работой губернские и уездные комиссары, земства, политические партии усилили агитационно-пропагандистскую работу среди крестьян.

Крестьяне встретили весть о введении волостных земских собраний без особого энтузиазма. По этому поводу 29 июля «Астраханский листок» напечатал путевые заметки одного из земских деятелей: «На местах, – писала газета, – сложилось недоверие к земству благодаря неправильно взятому курсу земской деятельности со всеми ее дефектами, поселявшими крайнее отвращение даже к самому слову «земство».

Выборы волостных земских собраний начались не в июле, как предполагало Временное правительство, а в сентябре-октябре 1917 г.

Во многих волостях выборы гласных проходили вяло, население к выборам относилось безучастно, поэтому не было ни одного уезда в Астраханской губернии, где бы ни проводились дополнительные выборы. «Ни в одной волости, – сообщали из Черноярского уезда, – положенное число гласных не избрано абсолютным большинством голосов и таким образом по всем волостям будут дополнительные выборы.[46]

Безразличие крестьянских масс к выборам волостных земских собраний привело к тому, что руководство ими возглавила сельская буржуазия и помещики. Особенно значительным оказалось их влияние и в волостных земствах Астраханской губернии. Например, на посту председателя Хошеутовского земского собрания Красноярского уезда оказался рыбопромышленник Ильясов, председателем Карантинской волостной земской управы Астраханского уезда стал торговец Г.Н. Белозеров, Петропавловскую управу Красноярского уезда возглавил рыбопромышленник Абрамов, Владимирскую управу Царевского уезда – торговец Таволженский, председателем Селитренского земского собрания оказался торговец П.И. Коняков, Никольского земского собрания Енотаевского уезда – рыбопромышленник Борисов, Болхунскую земскую управу Енотаевского уезда возглавил рыбопромышленник Баринов.[47]

В связи с созданием волостных земств коренную реорганизацию претерпели земельный комитеты. Временное правительство считало, что с образованием земств заведование делопроизводством земельных комитетов будет возложено на земских служащих, так как весь волостной земельный комитет будет состоять из выборных волостных земств. Этими указаниями руководствовались местные органы власти, предписывая волостным земствам избрать земельные комитеты из состава гласных.

В большей части волостей Астраханской губернии земельные комитеты были переизбраны и попали в зависимость от земских собраний. Так, Астраханская уездная земельная управа предписала земель-

ным комитетам возложить «заведование делами земельного комитета на одного из членов волостной земской управы».[48]

О перевыборах земельных комитетов в ходе создания волостных земств в крае дают подробную информацию материалы ноябрьской сессии Астраханского уездного земельного комитета. Доклады представителей волостных земельных комитетов свидетельствуют о том, что формирование волостных земств проходило медленно и заняло время с мая по ноябрь 1917 г.[49]

Таким образом, Временному правительству удалось вслед за упразднением волостных общественных исполнительных комитетов изменить состав основной массы земельных комитетов и подчинить их в административном и финансовом отношениях земским учреждениям.

Наряду с волостными исполнительными комитетами весной 1917 г. в деревне стали создаваться крестьянские Советы. Первые Советы крестьянских депутатов в Нижнем Поволжье появились уже в марте 1917 г. Газета «Известия Саратовского Совета» писала, что в слободе Александровке Астраханской губернии действует волостной Совет крестьянских депутатов.[50] В конце мая были избраны сельские Советы крестьянских и ловецких депутатов в селах Никольском, Хмелевке Астраханского уезда.[51]

Зачастую деятельность Советов и волостных общественных исполнительных комитетов, там где они существовали, была совместной. Их сотрудничеству способствовал целый ряд весьма важных обстоятельств. И те, и другие возникли в условиях высшего социального напряжения и были созданы творчеством народных масс. Они имели схожую структуру: пленарные собрания, исполнительные комитеты (бюро), президиумы, отделы, комиссии и т.д. Советы и комитеты оказались в одинаково сложном финансовом положении, так как правительство отказалось взять их на счет Государственного казначейства.

Параллельно с созданием волостных и сельских крестьянских Советов усилиями партии народных социалистов и эсеров повсеместно

организовались крестьянские союзы. Уже в марте 1917 г. был создан Главный комитет крестьянского союза и организованы его местные отделы. В Астраханской губернии в апреле-мае в некоторых уездах также появились крестьянские союзы, но время существования их оказалось скоротечным, как и по стране в целом: не успев возникнуть, они тут же исчезали как анахронизм в структуре власти.[52]

Более жизнеспособной оказалась власть и деятельность комиссаров Временного правительства. Они, по сути дела, разделили его судьбу, которая оказалась недолговечной. Выступление Корнилова и реакция на него Керенского повлекли за собой вступление Временного правительства в такую полосу кризиса, который суждено было стать последней в его исторически недолгой жизни. Керенский, устраняя Корнилова, открывал дорогу к власти Ленину и его партии, сумевшим использовать свой шанс на волне глубокого общественно-политического и правительственного кризиса.

§2. Установление Советской власти в крае. Боевые действия в 1918-1919 годах

25 октября 1917 г. в Петрограде совершилась Октябрьская революция. Известия об Октябрьском перевороте в Астрахани были получены к исходу этого же дня. Вечером состоялось пленарное собрание Совета рабочих и солдатских депутатов, на котором главенствовала левоэсеровская фракция. Председатель Совета А.С. Перфильев призвал рабочих и солдат к «...спокойствию, выдержке, воздержанию от эксцессов и послушанию Совету».[1] Собрание приняло резолюцию, которая призывала рабочих и солдат придерживаться выжидательной тактики. В телеграмме Астраханского Совета рабочих и солдатских депутатов II Всероссийскому съезду Советов сообщалось: «Астраханский Совет горячо приветствует II Всероссийский съезд Советов и выражает уверенность, что демократия направит революцию по верному пути».[2]

Упомянутые документы свидетельствуют о том, что левым эсерам и меньшевикам удалось в октябрьские дни удержать большинство рабочих, солдат гарнизона и полупролетарские массы Астрахани от немедленного выступления на борьбу за установление Советской власти. 25 октября в Астрахани состоялось заседание Городской думы. В резолюции, принятой на этом заседании, давалась негативная оценка вооруженному выступлению в Петрограде, направленному на захват власти. Участники заседания в категоричной форме заявили, что вся полнота власти должна принадлежать только Учредительному собранию и призвали Временное правительство вооруженным путем расправиться с возглавляющими революцию большевиками. 25 октября при губернском комиссаре состоялось Совещание руководящих деятелей астраханской контрреволюции. Его участники также призвали самым решительным образом поддержать Временное правительство. Они обратились ко всему населению Астрахани с воззванием, в котором осуждали Петроградское восстание большевиков и требовали созыва Учредительного собрания.

Руководители Астраханского Совета во главе с левым эсером Перфильевым также настаивали на отказе от борьбы за новую власть.

3 ноября 1917 г. в Астрахань возвратился делегат II Всероссийского съезда Советов большевиков И.Е. Лемисов. Он привез декреты съезда о переходе государственной власти к Советам, о земле и мире и воззвания рабоче-крестьянского правительства. 4 ноября эти документы большим тиражом были отпечатаны и распространены по городу. В этот же день состоялось заседание Совета, на котором с докладом об Октябрьской революции и итогах работы съезда выступил И.Е. Лемисов, призвав рабочих и солдат к решительной борьбе за власть Советов.

На заседании выступил представитель Саратовского Совета большевик С. Раппопорт. Он рассказал о борьбе рабочих и солдат Саратова за власть Советов и выразил сожаление, что «Астрахань держалась

выжидательно и не последовала примеру столицы и Саратова».[3]

Несмотря на то, что «в аудитории царило настроение большевистское»,[4] председатель Совета левый эсер А. Перфильев заявил, что Совет остается на прежней позиции – не допускать в Астрахани неорганизованных выступлений, не стремиться к захвату власти, так как это поведет к совершенно напрасному кровопролитию. Выжидательный курс Астраханского Совета сдерживал революционную активность масс и отодвигал окончательное решение вопроса о власти на неопределенное время. Положительную оценку политике Совета и его руководителям дал один из лидеров астраханских меньшевиков Ф. Кругликов. «Городское самоуправление, земство, казачество, губернский исполнительный комитет, губернский комиссар и другие, -говорил он, – высказались за поддержку Временного правительства. За отдачу власти Советам встали местный Совет и большевики. Обе стороны, понимая, что Астрахань не в состоянии делать политику, приняли мудрое решение держаться выжидательной политики».[5]

Однако удержать трудящихся города от выступлений не удалось. Началось стихийное забастовочное движение рабочих, приобретая все более политический характер. Рабочие отказывались признавать власть губернского Временного исполнительного комитета, продолжавшего работать по директивам уже свергнутого Временного правительства. Обстановка все более накалялась, рабочие были склонны выйти на улицу и с оружием в руках бороться против буржуазии.

Накапливала силы и астраханская контрреволюция. Она в спешном порядке укрепляла боеспособность казачества, рассчитывая также на помощь контрреволюционного офицерства, прибывающего в Астрахань из центральных областей Советской России. Буржуазия вела переговоры с донским и уральским казачеством, стремясь заручиться их поддержкой в борьбе против Совета рабочих и солдатских депутатов. Все эти обстоятельства создавали в Астрахани крайне напряженную обстановку.

Руководители Совета попытались разрешить вопрос о новой власти не вооруженным путем, так как не имели для этого достаточно сил, а посредством коалиционных действий.

В этой связи Астраханский Совет рабочих и солдатских депутатов 7 ноября внес на обсуждение общественных и политических организаций проект создания местной власти. Совет предлагал передать власть исполнительному комитету, в состав которого должны были войти пять представителей Совета, по одному от политических партий, по одному от полкового комитета и профессиональных союзов, по три представителя от Городской думы и казачества.[6] В ответ на это предложение правые эсеры и меньшевики заявили, что они не могут согласиться с переходом власти к органу, ответственному перед Советом. Только Городская дума, по их мнению, могла быть единственным полновластным органом власти. Городская дума также не согласилась с предложением Совета и решила вернуться к обсуждению вопроса о власти после выборов в Учредительное собрание.

Неудавшаяся попытка руководителей Совета рабочих и солдатских депутатов решить вопрос о власти коалиционным путем породила всевозможные слухи и измышления о том, что в Астрахани якобы готовятся кровавые потрясения и т.д. Еще более накаляли обстановку служащие правительственных и частных учреждений. На своем собрании 11 ноября они приняли резолюцию, в которой заявили, что если в Астрахани произойдет захват власти Советом, служащие не будут исполнять его распоряжений и объявят забастовку. Опубликованная в буржуазной прессе эта резолюция еще больше обострила обстановку в городе.

Тогда 15 ноября 1917 г. Совет был вынужден обратиться к населению с воззванием, в котором говорилось: «По городу ходят вздорные слухи о якобы готовящемся восстании большевиков, не верьте всем этим басням контрреволюционных дельцов. Ничего не ожидается и никто не приедет».[7] В этот же день, однако, в передовой статье газеты

«Астраханский рабочий» большевики убеждали читателей, что в революционной России имеет право на существование лишь власть Советов, «все же остальные организации в корне расходятся с властью народа, нетерпимы и недопустимы».[8]

Игнорируя провокационные слухи, революционная часть Астраханского Совета стала готовить население к вооруженной борьбе за власть Советов. Однако упущенное время не позволило немедленно призвать народ к восстанию. Отсутствие Красной гвардии и революционных сил вынуждало Совет искать другие решения. 17 ноября Совет вновь предпринял попытку решить вопрос о власти мирным путем. На очередном заседании Городской думы большевик А.Е. Трусов огласил проект создания органа власти, зависимого от Совета рабочих и солдатских депутатов. Однако этот проект, не подкрепленный соответствующими мероприятиями, успеха не имел.

Городская дума предложила свой проект организации коалиционной власти. Представитель меньшевиков Стариков объяснил его необходимость следующим образом: «Я сторонник старого Временного правительства, но я вижу, что страсти кипят, что их искусственно нагревают и поэтому взываю взглянуть на данный проект органа власти как на компромисс и проект принять».[9] Следует отметить, что и большевики, и кадеты возражали против коалиционного принципа организации власти.

Однако ни те, ни другие не были готовы к решительной борьбе за власть, так как не имели для этого необходимой вооруженной силы.

Секретарь коллегии НКВД Духовский так охарактеризовал обстановку, сложившуюся в то время в Астрахани: «Недостаток подходящих сил заставил Совет пойти на компромисс... Но стремление окончательно закрепить власть за Советом уже имеется налицо».[10]

В условиях формального безвластия и неустойчивого равновесия сил Астраханская Городская дума на заседании 17 ноября объявила о создании автономного независимого органа, которому должна принад-

лежать полнота власти в Астраханской губернии до образования новой власти, признанной большинством населения.[11] Этот орган, получивший название Комитета народной власти (КНВ) 27 ноября заменил Временный Губернский исполнительный комитет. Окончательно КНВ сформировался 30 ноября 1917 г. В его состав вошли по 5 представителей от Совета рабочих и солдатских депутатов, Совета крестьянских депутатов, один представитель от Союза профессиональных союзов, по одному представителю от каждой из пяти действовавших тогда в крае левых партий (большевиков, эсеров, меньшевиков, Бунда и Паолей-цион), три представителя городского общественного управления, по одному представителю от казачьего полка, казачьей батареи и пехотного полка.[12] Председателем «Комитета народной власти» был избран левый эсер А.С. Перфильев – председатель Совета рабочих и солдатских депутатов, товарищами председателя – эсеры А. Семенов и Якиманский, секретарем – эсер Сигалов. Наряду с эсерами в «Комитет народной власти» вошли меньшевики Р. Аствацатуров, продолжавший исполнять обязанности губернского комиссара Временного правительства, Абушелли, Коханов и другие. В работе КНВ некоторое время принимали участие большевики Н.Л. Веймарн, С.Х. Гольдберг, А.Е. Трусов и некоторые их единомышленники.[13]

На своих заседаниях КНВ был вынужден «настоящий состав оставить без изменений: на будущее же время необходимо уравновешивать состав в партийном отношении применительно к двум политическим течениям».[14] Спор между этими политическими течениями и составил суть того времени.

Деятельность КНВ заключалась в решении хозяйственных, административных, финансовых вопросов, охране правопорядка. Самыми важными вопросами тех дней было снабжение населения продовольствием и денежными средствами. Недостаток хлеба городское население ощутило еще в октябре 1917 г., появились спекулянты и укрыватели хлеба.

Облавы в районе спекуляций хлебом загоняли «черный рынок» в подполье и продуктов в магазинах не прибавлялось.

Остро стоял вопрос о финансировании промышленных предприятий и выдаче жалования рабочим и служащим. По решению Комитета была установлена строгая регламентация выдачи денежных средств частным лицам, предприятиям и учреждениям. В первую очередь имеющиеся средства направлялись на выплату жалования и социальных пособий. Так, 8 января 1918 г. было разрешено выдать кредит на общих основаниях Товариществу Ахтубинского пароходства под залог пароходов на выплату заработной платы. Однако ситуация с губернскими финансами грозила выйти из-под контроля, и КНВ предложил Совету рабочих и солдатских депутатов обратиться с просьбой к Совету народных комиссаров выделить Астраханской губернии суммы для покрытия задолжностей по зарплате и социальным пособиям. Наконец, по предложению комиссара финансов П.К. Коханова, было принято решение о введении муниципально-государственных бон-эквивалентов денежных знаков.[15]

И.А. Бирюков
(1856 - год смерти неизвестен)

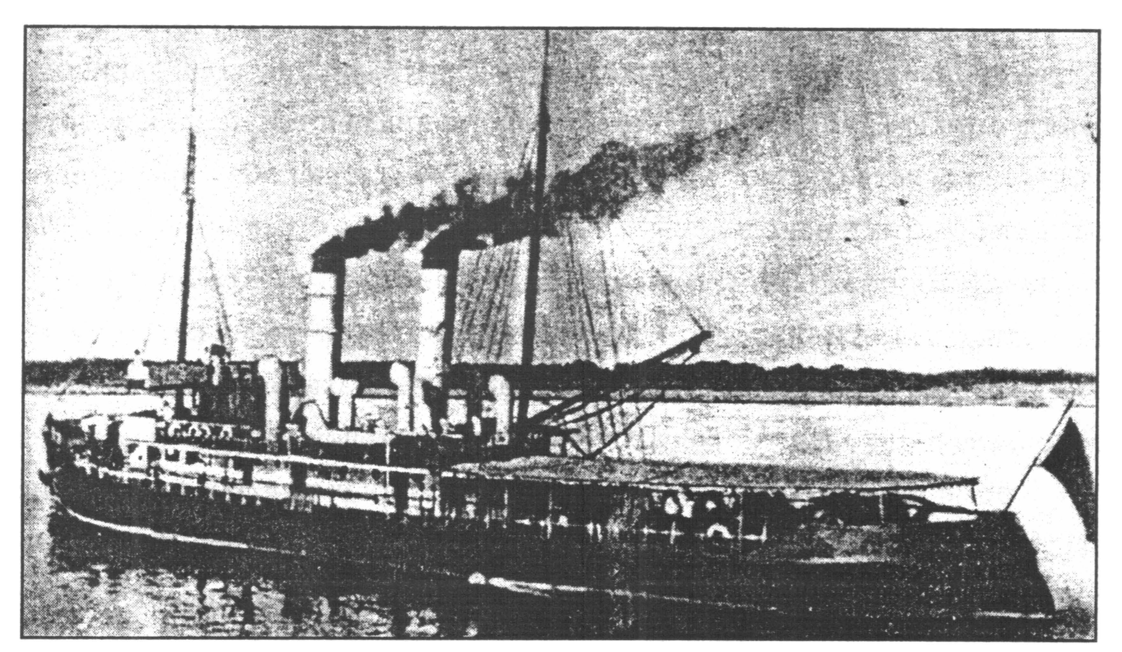
В этих условиях единственной реальной силой, способной кардинально повлиять на ситуацию, являлось казачество, обладающее строгой военной дисциплиной, имеющее в своем распоряжении артиллерийскую батарею, три полка и запасную сотню. Всей этой группировкой командовал генерал И.А. Бирюков.

В конце ноября-начале декабря 1917 г. он с группой офицеров пред-

ложил проект, предусматривающий расширение социальной базы казачества путем создания казачьей станицы. Специальная комиссия разработала «Положение об учреждении в городе Астрахани казачьей станицы и о порядке и условиях приема в казаки». Цель создания станицы формулировалась следующим образом: «Для крепкой организованной защиты завоеванных свобод, гарантирующих нам порядок и законность, для образования надежной реальной силы законными, признанными всем народом властями к поддержанию спокойствия в городе». Согласно Положению, «казаками могут быть граждане, имеющие постоянное местожительство в городе Астрахани, всех национальностей, вероисповеданий, социальных и служебных положений».[16] Однако Войсковой круг не утвердил Положение, мотивируя тем, что сословная гордость ценилась выше чувства самосохранения.

Между тем ситуация в городе все более накаляется, КНВ практически потерял всяческий вес. В этих условиях по решению Военного совета Астраханского казачьего войска вся власть в городе фактически была передана казакам во главе с И.А. Бирюковым.

Для подготовки выступления против Советов был создан штаб, в



Ледокол «Каспий», принимавший участие в январских боях 1918 г.

который наряду с другими вошли: лидер кадетов Н.В. Ляхов, атаман Астраханского казачьего войска И.А. Бирюков. К началу января 1918 г. подготовка к выступлению против Советов в основном была закончена.

В ответ на эти действия противников большевики приступили к подготовке вооруженного противодействия. Был создан особый орган – Военно-революционный комитет (ВРК) во главе с М.Л. Аристовым, при губернском Совете профсоюзов – центральный стачечный комитет: на него возлагалась задача оперативной мобилизации рабочих масс на борьбу с контрреволюцией.

Началось вооружение рабочих, создавалась Красная Гвардия из рабочих-добровольцев. Уже в ноябре 1917 г. Красная Гвардия в своих рядах насчитывала свыше 300 человек, которые овладевали военным искусством и были преданны Советам и большевикам.[17] После длительной работы среди солдат 156 запасного полка, находившегося в Астрахани, большевикам удалось заменить старое командование новым во главе с коммунистом М.Л. Аристовым.

Под руководством большевистской фракции Совета в ноябре 1917 г. состоялась общегородская конференция красногвардейцев, которая приняла устав, избрала штаб Красной Гвардии. Начальником штаба стал И.Е. Лемисов. Одновременно принимаются меры к вооружению красногвардейцев. С этой целью в начале декабря представители штаба были направлены в Саратов и Казань с заданием достать оружие. В сопроводительном письме отмечалось, что в Красную Гвардию записывается большое количество рабочих, а вооружать их нечем.[18] Группе удалось достать и доставить в Астрахань 300 тысяч патронов, несколько пулеметов, револьверов, винтовок и т.д.

Кроме того, по инициативе ВРК на некоторых заводах Астрахани был организован выпуск оружия и гранат. В первой половине декабря рабочие заводов и фабрик провели сбор средств, необходимых на содержание красногвардейцев. В короткий срок была собрана значитель-

ная сумма денег, позволившая увеличить численность Красной Гвардии до 500 человек.[19]

Укрепив свои позиции в городе, большевики старались упрочить их в деревне, проводя сходы и собрания крестьян и ловцов. Среди национальных меньшинств в г. Астрахани был создан свой революционный орган «Мусульманский ревком» под председательством большевика Туйбахтина. Трудовое население национальных меньшинств Астрахани активно поддерживало революцию.[20]

В рассматриваемый период активизировалось пролетарское движение, хотя требования рабочих преимущественно носили экономический характер: улучшение условий труда и повышение заработной платы. Эти требования рабочие предъявили хозяевам фабрик и заводов 14 ноября. Не получив после неоднократного обращения удовлетворительных решений, рабочие 30 ноября объявили всеобщую забастовку, которая приобрела невиданный ранее характер. Прекратили работу металлисты, деревообработчики, трамвайщики, чернорабочие, извозчики, грузчики и другие категории рабочих.

Всеобщая забастовка закончилась 7 декабря 1917 г., когда основные требования рабочих были удовлетворены. Вместе с тем у рабочих крепло мнение, что только с переходом всей власти в руки Совета возможно окончательное преодоление политического и экономического кризиса. Стачки и забастовки в этот период проходили также в среде рабочих-ловцов.

Одновременно с количественным ростом сторонников в новой власти консолидировались контрреволюционные силы. В 20-х числах ноября эсеры созвали губернский съезд ловцов-предпринимателей. Съезд явился своеобразным смотром сил, на которые контрреволюция рассчитывала опереться в борьбе против Советов.

Правление астраханского казачества вошло в «Юго-восточный союз казачьих войск», созданный реакционными кругами Донского казачества для борьбы с Советской властью. Вместе с тем войсковое

правление настаивало на принятии в казачье сословие калмыков для использования их в борьбе против Совета рабочих и солдатских депутатов. 6 декабря 1917 г. в Астрахани состоялось многолюдное собрание мещан, пожелавших перейти в казачество. Войсковое правление отозвало с фронта два казачьих полка, под видом нового призыва на службу дополнительно было сосредоточено в Астрахани несколько сотен молодых казаков.[21] Цель всех этих приготовлений очень четко выразил один из деятелей войскового правления А. Догадин. Он заявил, что казачество организуется для того, чтобы в любое время быть готовым дать бой большевикам.[22]

Укрепив свои позиции, большевики предъявили ультиматум Комитету народной власти, потребовав от него проведения ряда политических и экономических мероприятий: немедленного роспуска городских организаций типа «Союза офицеров», общества «Сокол», где готовились кадры для борьбы с Советами, закрытия реакционных, с точки зрения большевиков, газет; немедленного наложения ареста на денежные средства Астраханского казачьего войска, осуществления повседневного контроля за деятельностью всех учреждений в городе.

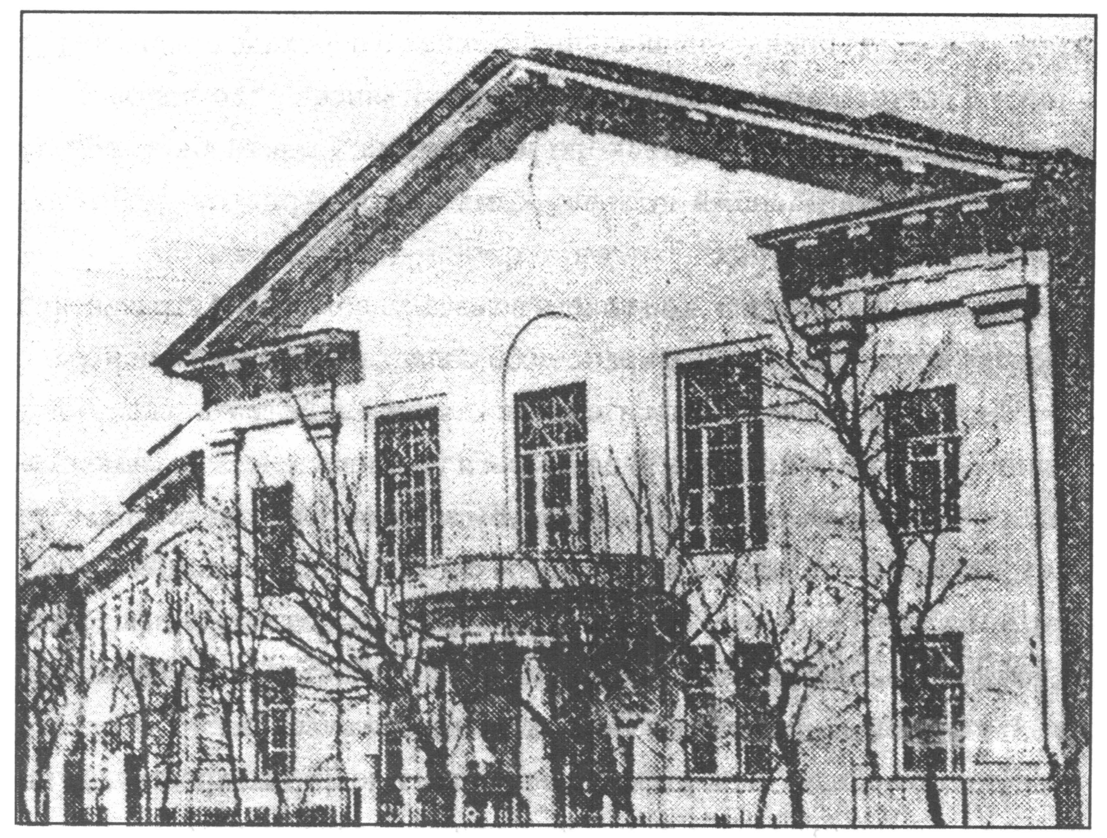
Комитет медлил с выполнением требований большевиков. Банки и другие учреждения города, где работало немало эсеров, меньшевиков, представителей других партий, отказывались подчиняться большевистским комиссарам.

На пленуме Астраханнкого Совета рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 г. большевики приняли решение, признающее только власть Советов. Вооруженная борьба за власть между большевиками и их противниками стала неотвратимой и могла разразиться в любой момент.[23]

Вместе с тем была предпринята попытка к примирению. В начале января 1918 г. состоялись переговоры между противоборствующими группировками. Противники большевиков давали надежды на мирный исход. Но на 15 января 1918 г. был назначен съезд Советов. В этот же

день предполагалось передать все дела Комитета народной власти Совету. Таким образом, Совет активно готовился к вооруженному захвату власти. Об этом стало известно руководству Астраханского казачьего войска, и И.А. Бирюков приказал нанести упреждающий удар по Астраханскому кремлю – штабу революционных сил. Принять такое решение было сложно, мнения членов Военного Совета разделились. Даже сын казачьего атамана, Петр, офицер генерального штаба, высказался против военных действий.

Однако вопрос о власти не терпел отлагательств. Опережая события, казачество в ночь с 11 на 12 января (с 24 на 25 января по новому стилю) 1918 г. начало вооруженные действия против отрядов рабочих, поддерживавших большевиков.



Здание педагогического института, в котором I губернский съезд советов провозгласил Советскую власть в Астраханском крае

В Астрахани вспыхнула гражданская война. После недельного вооруженного противостояния Городская дума предложила посредничество в мирных переговорах, которые с неохотой восприняли обе стороны. Военный совет потребовал сдачи оружия и роспуска Красной Гвардии. Военно-революционный комитет отказался от продолжения переговоров. Военные действия возобновились с новой силой.[24]

В результате четырнадцатидневных кровопролитных боев астраханские рабочие и солдаты, поддерживаемые ловецко-крестьянской беднотой, во главе с большевиками разбили контрреволюционное казачество и 25 января (7 февраля) 1918 г. установили власть Советов в Астрахани.[25]

Сразу же после подавления казачьего восстания возобновил свою работу I съезд Советов Астраханского края. На нем 27 января (9 февраля) 1918 г. был принят специальный Декрет о переходе власти в крае в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Первым председателем губернского исполкома Совета был избран Н.И. Липатов, а членами губисполкома – М.Л. Аристов, Н.Л. Веймарн, А.П. Демидов, А.Е. Трусов и др.[26]

Установление Советской власти в уездах и волостях Астраханской губернии началось до победы рабочих и солдат в губернском центре.

Несмотря на свою относительную слабость, Астраханская организация РСДРП(б) принимала все меры для привлечения на свою сторону крестьянства. Энергичную борьбу за крестьянство вела газета «Астраханский рабочий» – орган Астраханской большевистской организации. 17 ноября газета призвала рабочих и солдат выехать в деревни, рассказать ловецко-крестьянскому населению о том, что произошло в Петрограде, о декретах Советского правительства.[27]

Узнав о победе Октябрьской революции и декретах, крестьяне стали создавать волостные и сельские Советы, местные комиссариаты, комитеты народных депутатов и другие органы народной власти.

Практическую помощь в этом деле им оказывали возвратившие-

ся демобилизованные солдаты, проходившие службу в центральных районах России. Многие из них перед отправкой на Родину получали Декреты Советского правительства и разнообразный пропагандистский материал. «Идея захвата власти, – писала 31 декабря 1917 г. астраханская эсеровская газета «Голос революции», – исходила от отпускных солдат, которым по их словам, в местах их службы в наиболее крупных центрах страны даны были большевистскими комитетами инструкции организовать в селах военно-революционные комитеты для проведения в жизнь большевистских декретов».

Учитывая революционную ситуацию в Букеевской Орде, где начались выступления казахской бедноты против местных баев и ордынского Временного правительства, большевики Астрахани приняли конкретные меры по установлению Советской власти в этой части Астраханского края.

1 декабря 1917 г. состоялось совместное заседание комитета большевиков, исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Ханской ставки и представителей аулов Букеевской Орды. На нем было решено устранить местное Временное правительство и установить Советскую власть. На другой день это решение единодушно поддержало многолюдное собрание (свыше 1500 человек) трудовых казахов из окрестных сел и деревень. «Для сохранения завоеваний Октябрьской революции, – отмечалось в принятом на собрании постановлении, – необходимо образовать революционный комитет в составе С. Нуралиханова, С. Генералова, И. Саматова, Ю. Темралиева и других.[28]

Спустя некоторое время в Букеевской Орде был избран Комитет народной власти, в количестве 17 человек. Исполнительная власть перешла к Совету из пяти человек. В Букеевской Орде победила власть трудового народа.[29]

Бурно развивалось революционное движение в селах и волостях Царевского уезда. Здесь уже в начале января 1918 г. были подготовлены условия для созыва съезда народных представителей. Первый кре-

стьянский съезд Царевского уезда открылся 7 января 1918 г. Подавляющее большинство делегатов проголосовали за резолюцию «Об организации власти», принятую III крестьянским съездом Саратовской губернии.

Съезд признал рабоче-крестьянское правительство, призвал трудящихся повсеместно создавать Советы, избрал уездный Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и передал ему местную власть. После съезда создание Советов крестьянских депутатов в уезде проходило под влиянием его решений и на основе его рекомендаций. В течение января-февраля Советы были созданы в Быковском, Средне-Паромном, Полого-Займищенском и других поселках и селах.[30]

В это же время революционные события развернулись в Енотаевском, Черноярском, Астраханском и Красноярском уездах. По инициативе большевиков Н.Ф. Цепляева, П.М. Кириллова, А.Д. Надзянова и других 23 декабря 1917 г. в Енотаевке состоялось собрание рабочих и солдат, которое постановило создать уездный съезд и установить в уезде Советскую власть. В короткий срок астраханские и енотаевские большевики провели крестьянские сходы во всех волостях уезда. В ряде волостей и сельских обществ были упразднены земские управы и власть перешла к Советам.[31]

9 января 1918 г. в Енотаевке открылся I уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских представителей. В его работе приняли участие делегаты 25 сельских обществ. Участники съезда единодушно присоединились к резолюции, принятой III крестьянским съездом Саратовской губернии. Съезд избрал исполком Совета крестьянских и солдатских депутатов и передал ему всю полноту власти в уезде. После I съезда, в январе 1918 г. были, избраны Советы в подавляющем большинстве волостей Енотаевского уезда.[32]

В Черноярском уезде подготовку к уездному съезду большевики начали с предварительного совещания представителей от волостей. В его работе приняли участие представители почти всех населенных пун-

ктов уезда. Совещание состоялось в селе Каменный Яр 3 января 1918 г. На нем было принято решение о проведении 10 января 1918 г. уездного съезда. Сроки были выдержаны, съезд состоялся, его председателем был избран большевик Я.А. Шварц, товарищем председателя – большевик Борисов.

Съезд Советов избрал уездный Совет и передал ему местную власть. Спустя некоторое время Совет упразднил должность уездного комиссара, ликвидировал буржуазные органы власти. Переход власти в уездном центре к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов послужил отправной точкой к созданию новых органов власти в волостях и селах уезда.

К середине марта в Черноярском уезде создание Советов было закончено. Здесь было избрано 44 волостных и сельских Совета.[33]

К 10 января Советская власть была провозглашена в трех из пяти уездов с населением свыше 500 тысяч человек: Царевском, Енотаевском и Черноярском, а также в Букеевской Орде, во многих волостях Красноярского и Астраханского уездов и в некоторых улусах Калмыцкой степи.

Окончательное провозглашение Советской власти в Астраханском уезде и Калмыцкой степи произошло одновременно с установлением советской власти в г. Астрахани, т.е. 25 января 1918 г., а в Красном яре – 20 февраля 1918 г.[34]

Таким образом, к этому времени Советская власть в Астраханском крае была установлена повсеместно.

Следующими первоочередными мерами Астраханского губернского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и ловецких депутатов стала организация института народных комиссаров. 2 февраля 1918 г. все астраханские газеты объявили об образовании народных комиссариатов по основным направлениям хозяйственной, социально-политической и культурной деятельности. Созданный Совет народных комиссаров (СНК) являлся высшим органом исполнительной власти в крае.

Однако до середины марта 1918 г. Совнарком не функционировал как самостоятельное звено. Комиссары работали под непосредственным руководством крайисполкома, первым председателем которого был избран рабочий пекарь Н.И. Липатов.

23 февраля (7 марта) 1918 г. крайисполком сформировал новый состав Астраханского СНК в количестве 15 человек, первое заседание которого состоялось 15 марта 1918 г.

Согласно Декрету СНК РСФСР 2 февраля 1918 г. крайисполком сформировал Астраханский Совет народного хозяйства. В него вошли представители Краевого Совета рабочего контроля, рабочей и крестьянской секций Совета, крайсофпрофа и специалисты, привлекаемые к работе с совещательным голосом.

Вслед за краевыми Совнаркомы стали создаваться в уездах и даже селах.[35]

Создание советских органов управления было делом новым, сопровождавшимся иногда ошибками и просчетами. Так, например, необоснованным было механическое перенесение структуры, форм и методов управления центральных правительственных учреждений на губернские, уездные и даже сельские советские учреждения. Ошибочным также было преувеличение значения и полномочий местных органов власти, наделение их функциями присущими центральной власти.

Созданная в крае громоздкая и несовершенная структура власти просуществовала до сентября 1918 г. И только к III краевому съезду Советов комиссариаты были реорганизованы в отделы и подчинены общему руководству местных исполкомов.

Параллельно с организацией новых советских органов власти Астраханский губернский Совет проводил большую работу по ликвидации старых органов управления, преодолевая их яростное сопротивление.

Так, например, вопрос о роспуске Городской думы и Городской управы решался в течение двух месяцев и только в мае 1918 г. эти органы были

распущены: вся полнота власти перешла в руки городского Совета.[36]

В соответствии с постановлением исполкома Астраханского краевого совета были распущены земства и земские учреждения, созданы уездные, волостные и сельские Советы, к которым перешла вся полнота власти на местах. Ликвидированы были также все старые органы суда и прокуратуры. Вместо них были образованы новые органы правосудия и прокурорского надзора, сформированные на новых принципах.

Упразднению подлежали казацкие и другие местные сословные учреждения. В обнародованном постановлении крайисполкома от 19 февраля 1918 г. указывалось, что «все сословные разделения граждан уничтожаются, вследствие сего Мещанская управа. Дворянское депутатское собрание, Дворянская опека и все прочие мещанские и дворянские учреждения ликвидируются».[37]

Одним из наиболее сложных оставался вопрос о казачестве. В результате социального и имущественного расслоения наметились противоречия между рядовым казачеством и его верхами, хотя в своем большинстве казачество оставалось реакционной силой, отрицавшей революцию. В целях собственной безопасности I съезд Советов Астраханского края постановил казацкое сословие упразднить и сравнять его в правах со всем населением края. Астраханское казачье войско было расформировано. Но на этом дело не закончилось. Значительная часть казачества, признавая Советскую власть, не хотела полной ликвидации своей особой казачьей организации. В этой связи астраханское казачество обратилось с просьбой во ВЦИК о проведении своего съезда, на котором можно было бы обсудить все важнейшие вопросы. ВЦИК разрешил созыв съезда Астраханского казачества, который состоялся в мае 1918 г. в Саратове. Съезд осудил организаторов контрреволюционного выступления казаков в Астрахани в январские дни 1918 г. и признал Советскую власть. С разрешения Советского правительства на съезде был избран Казачий Войсковой Совет по руководству казацким населением края и вынесено решение о создании

станичных Советов.[38]

В начале февраля 1918 г. при активной помощи профсоюзов в Астрахани была упразднена старая милиция, а к концу мая того же года создана новая рабоче-крестьянская милиция.

Нововведения коснулись и путей формирования армии. 4 февраля 1918 г. Астраханский Совет принял постановление о демобилизации солдат астраханского гарнизона и образовал особую комиссию по созданию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, которая занималась отбором в армию добровольцев, желающих защищать Советскую власть.[39]

В силу полиэтничности Астраханского края серьезного внимания при решении многих проблем требовал к себе национальный вопрос. Одним из значимых было решение о создании мусульманского Военно-революционного комитета, преобразованного затем в Каевой комиссариат по мусульманским (национальным) делам, возглавлял который большевик К.Ш. Туйбахтин. Комиссариат проделал значительную работу по вовлечению национальных меньшинств в советское строительство и сплочению их вокруг Советской власти.

Таким образом, в период с января по июль 1918 г. Советы Астраханского края проделали большую работу по упразднению старого аппарата государственной власти и созданию основ новой государственности.

Начавшаяся гражданская война 1918-1920 гг. создала крайне тяжелое положение в Астраханской губернии.

Определяя положение молодой республики Советов к концу июля 1918 г., В.И. Ленин писал: «Мурман на Севере, Чехословацкий фронт на Востоке, Туркестан, Баку и Астрахань на Юго-Востоке – мы видим, что почти все звенья кольца, скованного англо-французским империализмом, соединились между собой».[40]

Астрахань не случайно оказалась в системе того кольца, которое использовали империалисты с целью ликвидации Советской власти. В

условиях гражданской войны и интервенции Астрахань становилась центром сосредоточения контрреволюционных сил на юго-востоке.

Потеря Астрахани означала бы огромную брешь в обороне страны, давала бы возможность соединения многочисленных звеньев контрреволюции и интервентов. В этой связи оборона Астрахани являлась исключительно важной задачей. Кроме того, Астрахань была важным звеном, связывающим Советскую Россию с Кавказом и Закаспием. Через нее осуществлялась помощь кавказским народам в их борьбе против интервентов и белогвардейцев, а с Кавказа шла нефть, с Кубани и Ставрополья – хлеб, с Каспия – рыба. Астрахань являлась своеобразным щитом на пути английского флота и армии Деникина при продвижении на север России. Удержать Астрахань в руках Советской власти означало сохранить за собой Поволжье, связь с Кавказом и плацдарм для последующего наступления против белогвардейцев и интервентов, захвативших Кавказ.

Усиливавшаяся военная опасность диктовала необходимость формирования и сосредоточения частей Красной Армии в Астрахани и ее округе.

25 марта 1918 г. пала Советская власть в Петровке – соседнем с Астраханью городе Дагестана. Члены Петровского ВРК обратились за помощью к астраханским рабочим.

Захват Петровска значительно усложнил положение Астрахани. Нависла угроза потери связи с Баку и Красноводском. В Астрахани пришлось ввести военное положение. Сформированный из добровольцев экспедиционный боевой отряд в 1000 человек под командованием С. Бурова объединенными усилиями с бакинскими рабочими 27 апреля 1918 г. разбил контрреволюционные силы во главе с имамом Гацинским, восстановив Советскую власть в Петровске... В бою за Петровск С. Буров был убит, командование отрядом перешло к замполиту отряда Ляхову. Развивая боевой успех, Астраханский экспедиционный отряд совместно с вооруженными отрядами Дагестанского РВК 2 мая

1918 г. изгнали контрреволюционеров из столицы Дагестана Темир-Хан-Шуры: угроза Астрахани с юга на некоторое время была ликвидирована.[41]

Однако с северо-запада Нижним Поволжьем стремились овладеть контрреволюционные силы Дона. В Астраханском крае в эти месяцы сложилась тяжелая ситуация по обеспечению населения продовольствием. Не без помощи противников Советской власти в крае были проигнорированы решения Совнаркома РСФСР о хлебной монополии и твердых ценах на продовольственные товары. Более того, Астраханский губсовнарком и губисполком 25 марта 1918 г. приняли постановление о безконтрольной закупке хлеба. Началась спекуляция, хлеб продавался по очень высоким ценам.

Чрезвычайный уполномоченный по продовольственному вопросу юга России И.В. Сталин сообщал в центр: «В Царицине, Астрахани, в Саратове хлебная монополия и твердые цены отменены Советами, идет вакханалия и спекуляция. Добился введения карточной системы и твердых цен в Царицине. Того же надо добиться в Астрахани...».[42]

В этой ситуации был созван II съезд Советов Астраханского края, однако его решения положительного эффекта не имели.

В условиях острого хлебного кризиса местные власти в соответствии с решениеми ВЦИК и Совнаркома решили силой отобрать хлеб у крестьян. Декретами от 9 и 27 мая была установлена продовольственная диктатура, которая предписывала на местах формировать рабочие продовольственные отряды, с оружием в руках изымавшие хлеб в деревне. Для сплочения бедноты в политическую силу в селах создаются комитеты деревенской бедноты. Они помогали продотрядам отнимать хлеб у своих же более зажиточных селян.

Такие действия Советской власти усугубили раскол в обществе. В классовую борьбу втягивались новые группы крестьян. Вместо дополнительных союзников в деревне Советская власть нашла противников в лице зажиточных крестьян и середняков, превращавшихся в опору

антибольшевистских сил. Гражданская война вступила в новую фазу, когда в вооруженное противоборство втягивалось большинство населения.

Летом 1918 г. создалось исключительно тяжелое положение на юге России. В начале августа контрреволюционные силы овладели г. Баку, под угрозой захвата оказался Царицын, боевые действия перекинулись в пределы северных районов Астраханского края. В этих условиях в большинстве уездов края была проведена массовая мобилизация мужского населения в возрасте от 18 до 40 лет для формирования красноармейских отрядов. В Красноярском уезде, например, все мужское население было мобилизовано в Красную Армию.[43]

Воспользовавшись сложной военной обстановкой, жесткими, не популярными среди населения мобилизационными мерами, насильственными действиями местных властей по изъятию хлеба у крестьян, конрреволюционные силы сумели организвать массовые мятежи в Астрахани и уездах. 15 августа им удалось спровоцировать мятежи среди молодежи, впервые призванной в Красную Армию. Среди мятежников оказалось и взрослое населние города. Возглавили мятеж полковник Маркевич и его подручные. Им удалось захватить кремль, и некоторые государственные учреждения, вооружить допризывников и своих сторонников. В ходе мятежа были расстреляны член Чрезвычайной комиссии Барчук, председатель мусульманского Совета Туйбахтин и еще несколько большевиков.

Мятежники заняли телефонную станцию, телеграф, выпустили из тюрем заключенных, которые также пополнили ряды мятежников. Примерно к двум часам дня значительная часть города была в руках конрреволюционеров, они опубликовали воззвание к народу о свержении большевистского режима.

Рабочие Астрахани, возглавляемые профсоюзным лидером союза металлистов Ф.А. Трофимовым и военные моряки под руководством П.В. Коптяева, мобилизовав революционные силы, начали наступле-

ние на кремль. Их поддержал прибывший полк имени В.И. Ленина, следовавший по маршруту Астрахань-Красноводск-Актюбинск. Благодаря совместным действиям рабочих, военных моряков и солдат полка к вечеру того же дня мятеж в городе был подавлен.

Одновременно с августовским мятежом в Астрахани контрреволюционные силы подняли восстание в Красном Яру, Чагане, Карантинном, Сасыколях, Харабалях и некоторых других населенных пунктах.

В это время был создан Временный Военный Совет (ВВС), губерния объявлена на осадном положении. Под руководством ВВС все выступления контрреволюционеров были подавлены.

Однако растерянность органов власти во время восстания и их бездеятельность вызвали среди трудящихся справедливое возмущение, они требовали немедленного упразднения комиссариатов. В одной из резолюций, принятой крестьянской и ловецкой секцией при Губисполкоме, говорилось: «Мы крестьяне и ловцы, выбранные от уездов Астраханского края в состав Губернского Исполкома, обсудив текущий момент постановили: выразить благодарность товарищам рабочим, красному флоту и рабоче-крестьянской армии за подавление контрреволюционного выступления белогвардейцев. Принимая во внимание, что серьезная опасность Советской власти миновала, мы просим Временный Военный Совет, во-первых, снять осадное положение и, во-вторых, передать власть Губернскому Исполнительному Комитету, ...иначе мы, представители крестьян и ловцов, складываем свои полномочия и уезжаем на места».[44]

Эту резолюцию поддержали все уездные комитеты края. Требования, предъявленные крестьянами и ловцами, высказывали некоторые руководители Губисполкома, недовольные тем, что комиссары Астраханского СНК все больше и больше вмешивались во властные структуры, отстраняя от них советские органы. В этой связи 20 августа 1918 г. Губисполком принял постановление, в котором, в частности, отмечалось: «Комиссариаты теряют свое название и именуются отде-

лами при Губисполкоме. Комиссары упраздняются».[45] После принятия постановления в губернии остались лишь военный и губернский продуктовый комиссариаты.

Между тем причины мятежа и его последствия горячо обсуждались среди трудящихся, военных, партийных и советских работников. По этому поводу в обобщающей статье А. Верховского «Уроки мятежа» говорилось: «Наконец, самый важный урок событий: представителям советской власти необходимо встать на должную высоту. Та расхлябанность, распущенность, в результате которых город и край очутились лицом к лицу с доподлинной контрреволюцией, должны быть с корнем уничтожены. Это факт, что рабочие Союзы оказались более организованны, чем все комиссариаты, начиная с военного.

Не менее очевидно и другое: советские учреждения во главе с ответственными лицами оторвались от рабочих масс, от источника своей власти. Эта оторванность, мало заметная в центрах, сильно чувствуется на местах. ...Взаимопроникновение власти и масс – вот очередная задача».[46]

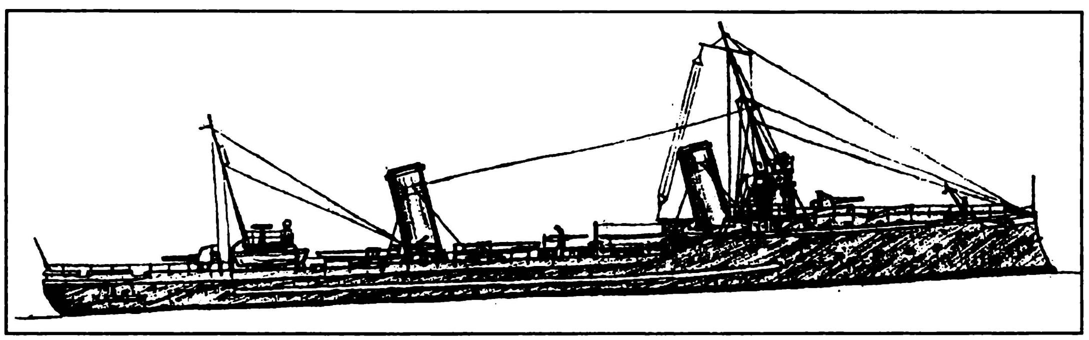
1919 г. для Астраханской губернии был не менее сложным, чем год 1918. К началу 1919 г. с распадом Каспийско-Кавказского фронта военно-стратегическое положение Астрахани резко ухудшилось. 24 января 1919 г. Чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В.И. Ленину о полном развале XI армии. «XI армии нет, – писал он, – Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления. Ночью стоял вопрос покинуть всю Терскую область и уйти на Астрахань».[47]

Астраханский участок фронта, вклинившись между двумя важнейшими фронтами противника – Восточным во главе с Колчаком и Южным во главе с Деникиным, – являлся барьером на пути создания сплошного фронта против Советов от Урала до Дона. После падения Баку и взятия Врангелем 30 июня Царицына стратегический характер стала приобретать оборона Астрахани и устья Волги.

Оборону города и края ЦК поручил возглавить С.М. Кирову. В это время XI армия вела тяжелые бои на Северном Кавказе против армии Деникина. Измотанная в боях, не имея достаточно оружия, боеприпасов, обмундирования и продовольствия, она отступала по калмыцким степям к Астрахани. Из 120-тысячной, ранее боеспособной армии, осталось лишь 50 тыс., которые в январе 1919 г. сумели добраться до Астрахани. Вместе с ними прибыл С.М. Киров, ранее присоединившийся со своей военной экспедиционной группой к отступающей армии. XI армия перестала существовать как организованная боевая сила, [48] Каспийско-Кавказский фронт значительно ослаб. Астраханский край оказался в кольце белогвардейских частей, поддерживаемых английскими интервентами. С запада, юго-запада к Астрахани рвалась армия генерала Драценко, с севера – части генерала Деникина, подходившие уже к Черному Яру. С востока городу угрожали астраханские и уральские белоказаки, базой которых служил Гурьев.

Английские интервенты захватили все важнейшие порты Каспийского моря: Баку, порт Петровск, Дербент, форт Александровск. На острове Чечень англичане организовали авиабазу, с которой их самолеты бомбили флот и войска Красной Армии. Военные корабли англичан подходили к устью Волги, готовясь осуществить захват Астрахани с моря.

Кроме того, в январе внутренняя контрреволюция предприняла попытку поднять против Советской власти местные красноармейские



Эсминец «Карл Либкнехт», захвативший в мае 1919 г. белогвардейский пароход «Лейла»

части. В ряде сел губернии – Бертюле, Сергеевке, Камызяке, Чагане, Иванчуге, Никольском прокатила волна восстаний, ухудшив и без того сложную обстановку в крае. Однако здесь удалось сохранить позиции Советской власти.

16 января 1919 г. С.М. Киров получил телеграмму Я.М. Свердлова: «Ввиду изменившихся условий предлагаем остаться в Астрахани организовать оборону города и края».[49]

С первых дней прибытия в Астрахань С.М. Киров создает крепкую революционную власть, которая сосредоточила в своих руках вен-

С.М. Киров на выпуске курсантов Астраханских советских командных пехотно-пулеметных курсов РККА (октябрь 1919 г.)

ное и гражданское управление. Таким органом власти с 25 февраля 1919 г. стал Временный военно-революционный комитет (ВРК) под председательством С.М. Кирова. В его состав вошли: Н.Н. Колесникова, И.Я. Семенов, Ю. Ферда, Ф.А. Трофимов и Ю.П. Бутягин.[50]

27 февраля 1919 г. в газете «Коммунист» было опубликовано обращение Временного Военно-революционного комитета «Ко всем рабочим и трудящимся Астраханского края». В обращении говорилось: «Волей организованных рабочих Астраханской губернии 25 февраля сего дня вся полнота власти в губернии перешла в руки Временного Военно-революционного комитета. Это чрезвычайное мероприятие диктуется тем исключительным положением, которое переживает Каспийско-Кавказский фронт и прифронтовая полоса. Переживаемый момент властно требует от всех сознательных и честных защитников Советской власти чрезвычайного напряжения сил, что возможно только при полной централизации управления. Главная же наша задача, это работа для армии, ей мы должны отдать все... Наш долг во что бы то ни стало дать армии продовольствие, обеспечить спокойное пребывание в городе Астрахани больных бойцов».[51]

Со дня организации ревкома начинается период активной подготовки к обороне края. Был разработан план внутренней обороны города Астрахани. Первой задачей ревкома стала охрана зданий, важных в стратегическом отношении. Штаб ревкома сосредоточился в кремле. Для обороны города были привлечены слушатели командных курсов, отряд в 370 человек с ручными гранатами; мобильный полк в 2500 человек, имевший 66 пулеметов, 8 минометов, 2 бомбомета; мусульманский полк – 1500 строевых и вооруженных солдат; легкий артиллерийский дивизион; отдельная 4-я конная батарея; интернациональный полк; авиаотряды; береговая охрана; караульный полк и др.[52]

Создавались заградительные отряды для защиты подступов к Астрахани, велась запись добровольцев на фронт. Небольшие группы добровольцев были направлены в зафронтовую полосу для организации партизанской борьбы, сбора сведений о численности и вооружении противника.

В эти месяцы в связи с потерей Северного Кавказа и южных районов Ростовской губернии резко сократились поставки хлеба в Астра-

хань. В самом же городе его запасы были крайне ограничены. ВРК 6 марта издал приказ о временном сокращении хлебного пайка до одного фунта (400 г.) для рабочих оборонных предприятий.

Используя эту ситуацию, антибольшевистские силы призвали рабочих свергнуть ВРК и восстановить прежние нормы на хлеб. Среди рабочих началось брожение, готовое перерасти в забастовку. Как сообщала газета «Коммунист», 7 марта на объединенном собрании совета профсоюзов и фабрично-заводских комитетов города рабочие потребовали вернуться к старой норме пайка. Они огласили резолюцию, в которой содержалось предупреждение прекратить работу в случае отказа властей удовлетворить требование рабочих.

Попытки ВРК и лично С.М. Кирова разрешить назревающий конфликт мирным путем не увенчались успехом: 10 марта на улицах города начались вооруженные столкновения между группами вооруженных рабочих и отрядами красноармейцев. ВРК и Реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта объявили город на осадном положении. С самого начала исход вооруженного конфликта был предрешен не в пользу рабочих, так как силы были явно не равны.

В первый же день был захвачен штаб мятежников в доме Розенблюма. На другой день бои прекратились. Рабочие стали возвращаться на работу, 13 марта осадное положение в Астрахани было снято.

Естественно, вооруженные столкновения не обошлись без жертв: революционные силы потеряли 33 человека убитыми, мятежники – более 200 человек. Около ста зачинщиков беспорядка были арестованы, некоторые расстреляны. Большая часть арестованных были амнистированы. Местные газеты печатали обширные списки амнистированных астраханских рабочих.[53]

Мартовские события 1919 г. в Астрахани еще раз подтвердили пагубность продовольственной диктатуры большевиков и методов ее проведения. Хотя официальная печать тех дней необоснованно квалифицировала их как «антисоветские», «контрреволюционные», «белогвар-

дейские», эти характеристики и оценки надолго прижились в краеведческой литературе. На самом же деле это был вынужденный шаг в форме стихийного вооруженного протеста рабочих против своего бесправия и тяжелых условий жизни.

В конце апреля политическое положение в Астрахани стабилизировалось, ВРК объявил о своем самороспуске, вся полнота власти перешла к Губисполкому, который основное внимание и усилия направил на организацию оборонных мероприятий края. По инициативе Кирова был осуществлен смелый рейд моряков военной флотилии под командованием А.В. Сабурова, завершившийся захватом 30 апреля 1919 г. форта Александровского (Шевченко) на полуострове Мангышлак.[54]

Важной мерой явилось возрождение XI армии: к весне 1919 г. из остатков XI и XII армий Каспийско-Кавказского фронта, красноармейцев бывшего 156-го полка, астраханских рабочих и рыбаков была возрождена армия, получившая название XI Отдельной армии. Киров был назначен зав. политотделом, а 7 мая 1919 г. – членом Реввоенсовета XI армии.

К этому времени значительно активизировались силы контрреволюции. В июне 1919 г. войска генерала Драценко вторглись в Астраханский край и после ожесточенных боев заняли Лагань, Яндыки, потеснив советские части к селу Басы. Активно наступали и части генерала Толстова, овладевшие селами Джамбай и Ганюшкино.

В период ожесточенных боев на кизлярском направлении С.М. Киров, выступая 17 июня с докладом на пленуме горсовета, сказал: «Помните, что наша Астрахань является воротами к богатым нефтью и хлебом местам. И пусть нас пугают мощью империалистов, пусть белогвардейцы отсюда, из самой Астрахани, бегут к анлгичанам, – назло и наперекор всему мы не отдадим никому Астраханского края. Каждый должен проникнуться твердой революционной дисциплиной, должны иметь одну мысль: спасти Астраханский край».[55]

30 июня 1919 г. пал Царицын. Усилилась угроза полного окруже-

ния Астрахани. Противник, переправившись через Волгу, начал наступление на железнодорожную линию Астрахань-Саратов в районе Владимировка-Верхний Баскунчак-Эльтон. В городе стали не без основания распространяться слухи об эвакуации Астрахани. В связи с падением Царицына Реввоенсовет Республики, возглавляемый Л.Д. Троцким, отдал приказ о подготовке эвакуации из Астрахани важнейших государственных и иных учреждений и ведомств на случай, если город придется сдать противнику.

С.М. Киров, опираясь на общественное мнение астраханцев, отказался выполнять приказ Троцкого, о чем официально поставил в известность главу Советского государства В.И. Ленина. Специальная военная комиссия, изучив обстановку и состояние дел, дала основание отдать распоряжение: «Астрахань защищать до конца».[56] 3 августа на общегородской партийной конференции С.М. Киров произнес известные всем астраханцам слова: «...пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским».

Летом 1919 г., после падения Царицына, в Астрахани получил известность так называемый «Контрреволюционный заговор 1919 г.», сфабрикованный председателем особого отдела XI армии Г.А. Атарбековым (Атарбекяном), выдававшим себя за преданного сторонника Советской власти, на самом же деле являвшимся ее злобным противником. Сфабриковав несуществующий заговор, Атарбеков спровоцировал арест около 60 наиболее видных представителей административно-командного состава XI армии, а также лиц духовного сана, обвинив их в антисоветской деятельности.

В ответ на эти действия особого отдела 24 июля М.Л. Аристов поднял по тревоге коммунистическую роту, арестовал всех его сотрудников и под конвоем отправил в кремль, определив на гауптвахту под охрану надежных частей. Прибывшим членам Реввоенсовета Аристов заявил, что не выпустит арестованных до тех пор, пока не будет создана авторитетная комиссия. Такая комиссия 5 августа 1919 г. была созда-

на. Она подробно выяснила все обстоятельства, связанные с «заговором». Атарбеков и его ближайшее окружение были признаны виновными в фальсификации «заговора» и в нарушении революционной законности. С согласия Кирова, Реввоенсовета, Ревтрибунала и гражданского руководства губернии все они под конвоем были отправлены в распоряжение ВЧК и Ревтрибунала Республики.

Противоположные оценки личности Атарбекова и его роли в этих событиях содержатся в публикациях астраханских исследователей. Отвергнув ошибочное толкование П.С. Сысоева и И.И. Парфентьева, историк-краевед А.С. Марков на основе неоспоримых архивных документов дал объективные оценку этих событий.[57]

Между тем сложившаяся обстановка в крае потребовала укрепления руководящего состава Астраханской группы войск. С этой целью в Астрахань прибыли В.В. Куйбышев и ряд других опытных работников.

Ознакомившись с положением дел на месте, В.В. Куйбышев с С.М. Кировым наметили ряд неотложных мер по укреплению Астраханского участка фронта.

Сюда из центра была направлена группа политработников; Куйбышеву, кроме того, удалось договориться об использовании денежных средств Ревсовета Южного фронта на нужды Астраханского участка фронта и переброски сюда авиотряда.[58]

3 июня в городе была объявлена мобилизация в Красную Армию молодежи в возрасте от 18 до 23 лет.[59]

Проведенные мероприятия оказались своевременными, так как уже в сентябре развернулись ожесточенные бои на северном участке фронта XI армии, особенно в районе Черного Яра. В телеграфном донесении штаба XI армии от 2 сентября 1919 г. командующему Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе сообщались подробные сведения о ходе военных действий и дислокации войск Красной Армии в районе Черного Яра.

Царевская (левобережная) группа, воспользовавшись ослаблением противника, перебросившего большую часть своих сил с левого берега Волги на правый, 2 сентября заняла Царев. Оставив один эскадрон 3-го Московского кавполка в Цареве для связи с частями XI армии, Царевская группа стала переправляться на правый берег Волги с целью усиления ударной Царицынской группы.

На фронте Царицынской (правобережной) ударной группы развернулись ожесточенные бои со значительными потерями с обеих сторон. В бою под Вязовкой 5 и 6 сентября 1919 г. красноармейцы потеряли почти весь 301 полк, много артиллерии и другое имущество. В ночь с 5 на 6 сентября начальнику 7 кавдизизии было приказано немедленно атаковать белогвардейские части у Солодников и отбить у них захваченных в плен бойцов и артиллерию. Наступление 37 и 39 кавалерийских полков и 7 дивизии оказалось неожиданным для белогвардейцев. У них было отбито 2 орудия, 5 пулеметов, 4 повозки с винтовками... Много белогвардейцев были при этом уничтожены и более 100 человек взяты в плен. Однако подошедшие свежие полки из резерва белой гвардии принудили части 7 кавдивизии, понесшей большие потери, отойти к юго-востоку от Солодников и занять позицию – хутор Бобров-Вязовка.[60]

В этих же числах противник атаковал красноармейские части на Джамбайском направлении. В районе Рожок и Зурмат в 8 верстах южнее линии Байда-Тюбек-Рожок завязались бои с переменным успехом.

В начале сентября 1919 г. в Астрахань приезжал командующий Туркестанским фронтом М.В. Фрунзе. Он ознакомился с положением дел в XI армии, соображениями Кирова и Куйбышева по развертыванию ее операций, побывал вместе с командованием XI армии на Черноярском участке фронта. Определяя задачи XI армии, Фрунзе отметил, что они должны исходить из общих стоящих перед Красной Армией задач по разгрому войск Деникина. С этой целью необходимо и впредь отвлекать на себя значительные силы противника, сковывая его насту-

пательную инициативу.

XI армия, кроме того, должна была полностью очистить левый берег Волги от деникинцев, закрепиться в районе Черного Яра и готовиться к боям за освобождение Царицына и Кавказа.

Столь пристальное внимание командования Красной Армии к необходимости укрепления военных рубежей на подступах к Астрахани объясняется тем, что 30 июня генерал Врангель при помощи 7-й пехотной дивизии генерала Тимановского – резерва Деникина – взял Царицын. Для советской власти это была потеря исключительной важности как в стратегическом, так и в экономическом отношениях.

После захвата Царицына Деникин готовился к нанесению главного удара на курском и воронежском направлениях для захвата Москвы.

Продолжались ожесточенные бои и на Астраханском участке фронта, особенно в районе Черного Яра. 21 сентября 1919 г. противник прорвался между селами Старицкое и Зубовка по долине реки Гнилой в расположение красноармейских войск и создал опасное положение. Но прорыв был ликвидирован при помощи огня флотилии и встречных контратак. Однако при продолжении боя, не выдержав стремительного натиска белогвардейских войск, красноармейские части были вынуждены оставить позиции у д. Пады – Старицкое и, неся значительные потери, переправиться под огнем противника на левый берег Волги.

Успешнее для Красной Армии развивались военные операции на юге. На кизлярском направлении 21 сентября были взяты села Михайловка и Зензели. Противник понес при этом значительные потери. Красноармейцы захватили пленных, одно орудие и несколько пулеметов. На участке обороны дельты Волги 24 сентября были заняты села Яндыки и Промысловка.[61]

Бои в районе Черного Яра продолжались с большим ожесточением и значительными потерями с обеих сторон. Утром 25 сентября белогвардейцы крупными силами пехоты, кавалерии и артиллерии по-

вели наступление на Соленое Займище и Черный Яр. К вечеру 25 сентября им удалось занять Соленое Займище. Только 50 красноармейцам удалось переправиться на левый берег Волги и прорваться вдоль берега к селу Никольское.

Вечером 26 сентября 1919 г. командованием XI армии был отдан приказ №5, в котором говорилось: «Противник, заняв Соленое Займище, тесным кольцом окружил город Черный Яр.

Для сведения... и подачи помощи.... осажденному гарнизону гор. Черный Яр приказываю:

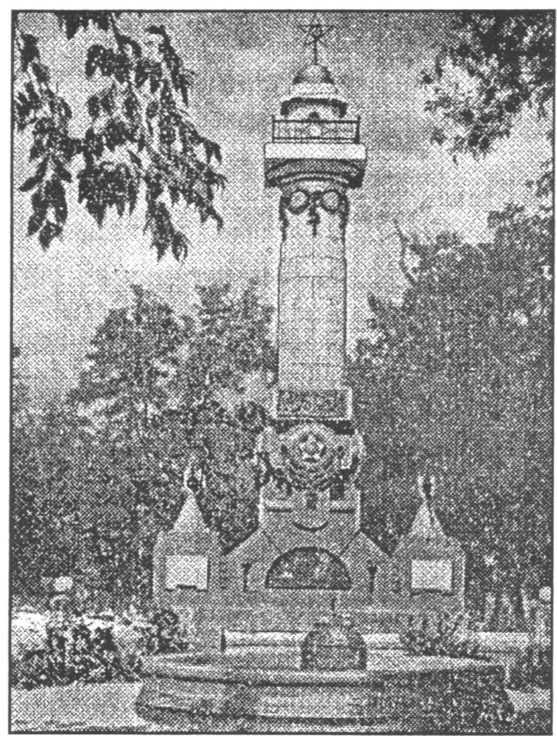
1. В селе Никольском организовать вспомогательную ударную группу...». Далее указывалось, какие части должны были передислоцироваться в район с. Никольского. Ударная группа должна была с флангов и тыла заставить противника снять осаду Черного Яра, но осуществить эту задачу не удалось из-за превосходящих сил белогвардейцев. Ожесточенные бои развернулись в районе Черного Яра с 1 по 7 октября 1919 г., в которых участвовали все рода войск: пехота, кавалерия, артиллерия, бронемашины, авиация.

В ходе боев части Красной Армии 4 октября выбили противника из Соленого Займища и заняли его. Произошло соединение Верхне-Астраханского и Средне-Астраханского Волжских отрядов, которые с удвоенной силой атаковали неприятельские позиции. Развивая успех, части красноармейской вспомогательной ударной группы двинулись на Черный яр, прорвали блокаду и вечером 4 октября вошли в город.

Подтянув свои резервы, белогвардейцы утром 5 октября перешли в стремительную атаку, введя в бой 8 полков кавалерии и значительное количество артиллерии, вооруженной химическими снарядами. В ходе сражения белые вновь захватили Соленое Займище.[62]

В приказе Реввоенсовета XI армии №6, направленном в первой половине октября 1919 г. вновь назначенному командующему ударной Царицынской группой Нестеровскому, предписывалось любой ценой удержать за собой Черный яр и примыкающий к нему район. Началь-

нику левобережного участка Волги Наумову было приказано не допускать переправы противника на левый берег Волги. Начальник обороны дельты Волги Мейер силами кизлярского и джамбайского направлений должен был парализовать все попытки противника к активным действиям.[63]



Памятник военным морякам в Морском саду

Мобилизовав все силы, XI армия окружила в районе Зубовки крупные силы противника и после упорного боя разгромила их. При этом были захвачены в плен 800 солдат, 32 офицера, 7 орудий, 6 пулеметов, снаряды и много другого вооружения.[64]

21 ноября 1919 г. открылся XVII Астраханский губернский съезд Советов. Выступившие на нем С.М. Киров, уполномоченный ЦК и Совета обороны Республики Бабкин и др. отметили значительное улучшение позиций Красной Армии на фронтах гражданской войны, в том числе и на астраханском направлении.[65]

3 января 1920 г. совместными усилиями X и XI армий был освобожден от деникинцев Царицын. XI армия, возрожденная в Астрахани и пополненная астраханцами, победоносно двигалась на Северный Кавказ. Так закончилась героическая эпопея обороны Астрахани. Начался период хозяйственного возрождения края.

§3. Социально-экономические последствия войны и революции

К началу провозглашения новой экономической политики в марте 1921 г. промышленность Астраханской губернии находилась в состоянии глубокого кризиса. В тяжелом положении находилась одна из важнейших отраслей края – рыбная промышленность. До первой мировой войны она занимала ведущее положение во всей рыбодобыче страны. Рыбные предприятия губернии производили до 34% рыботоваров, вырабатываемых в России, а удельный вес губернской рыбодобыче в мировом уровне добычи рыбы доходил до 3%. В губернии насчитывалось около 900 различных рыбопромышленных предприятий и 1250 действующих промыслов. В 1914 г. отмечен рекордный улов рыбы, составивший 290322 т. В том же году в рыбной промышленности края было занято около 120000 человек. Мировая война тяжело ударила по рыбной промышленности губернии. В 1916 г. общий улов рыбы в Нижнем Поволжье упал до 178000 т.

В первые годы Советской власти положение продолжало ухудшаться. Власть в этих условиях шла на чрезвычайные меры. К концу 1919 г. вся рыбная промышленность была национализирована и сосредоточена в руках единого государственного органа – областного Волго-Каспийского управления. Многочисленные рыбопромышленные фирмы были закрыты, частная торговля рыбой запрещалась, ловцы были обложены продразверсткой, на рыбных промыслах были введены институты политкомов и троек. Однако, несмотря на принимаемые меры, уловы из года в год продолжали снижаться. В 1919 г. было выловлено 153000 т. рыбы, в 1920 г. – 113000 т. Это был уровень 60-х гг. XIX века.[1]

Большой ущерб рыбной промышленности был нанесен гражданской войной. В 1919 г. военные действия проходили на территории Астраханской губернии. Многие ловцы и промысловые рабочие, покинув свои семьи и хозяйства, принимали в них участие. Весной 1919г. ра-

ботало всего лишь 900 промыслов из 1200 довоенных, на которых были заняты 24327 человек, менее 50% потребного количества.[2]

Но не только гражданская война была причиной глубокого кризиса рыбной промышленности. Негативную роль в хозяйственном упадке сыграла и политика «военного коммунизма». Она не заинтересовывала работника в результатах своего труда. Весной 1922 г. ихтиологической лабораторией Астрахани было проведено экономическое обследование 26 ловецких сел в низовьях Волги. Яркой иллюстрацией упадка ловецкого хозяйства может служить некогда богатое морское село Логань. По данным обследования, в 1914 г. село насчитывало 397 дворов и 2300 жителей. В 1921 г. осталось 314 дворов и 1500 жителей. В 1914г. из 397 дворов исключительно ловецким делом занималось 320 дворов, т.е. 80,7%. В 1921 г. из 314 дворов ловецких осталось 122 или 38,3%, 3,5% дворов стали заниматься сельским хозяйством, которым прежде в селе не занимались. Данные красноречиво свидетельствуют об упадке рыбного дела.

В других селах, по данным того же исследования, наблюдалась аналогичная картина. По 25 дельтовым селам общее количество ловцов сократилось в 3,1 раза, а морских ловцов (приносящих наибольший улов) – в 10 раз. Переход основной массы морских ловцов к менее продуктивному речному лову также свидетельствовал об упадке ловецкого хозяйства, ибо более выгодный морской промысел рыбы мог позволить себе лишь хорошо оснащенный ловец, а в 1921г. таких практически уже не было.

Известный в 20-е годы исследователь Астраханской рыбной промышленности К.Ф. Киселевич дает следующее описание астраханских ловцов: «Всем знакомым с астраханским ловцом в довоенное время должно быть хорошо известно его благосостояние и полный достаток. В то время он был на лову с полным комплектом сбруи. У него дома всегда был изрядный запас сменных сетей. За счет этого запасного фонда он, собственно, и до сих пор живет. Лодки его всегда были

в прекрасном состоянии, паруса без единого пятнышка, и дыр в них никто не видел. Одет он и его сотоварищи всегда были прекрасно, о недоедании и мысли не могло быть. Если же мы его посмотрим теперь в массе своей, то это как будто бы не та социальная группа. От сбруи остались совершенно жалкие остатки. Лодка, если еще и существует, то еле держится, паруса нередко превращены в лохмотья. Сам ловец редко бывает сыт и доволен, а семья его, случается, по неделям сидит без хлеба и питается одной разваренной воблой».[3]

В ходе национализации рыбного промысла (1919 г.) астраханские ловцы были принудительными методами привязаны к промыслу. На Первой конференции ответственных работников рыбопромышленности в июле 1919 г. отмечалось: «Развитие ловецкого, т.е. кустарного промысла добывания сырца с точки зрения государственной экономики не выгодно, что в интересах концентрации и успешного промысла ловец может быть оставлен лишь в море».[4] Это говорилось в то время, когда ловец в силу отсутствия необходимого оборудования, не способен был к морскому лову.

На речных же промыслах, где было сосредоточено рыболовство в годы гражданской войны, Областное рыбное управление стало организовывать ловцов в объединения, стремясь впоследствии создать из них советские хозяйства. «Действительность показала, – заявляло руководство Областьрыбы в 1919 г., – что политика эта была правильной, так как за короткое время все ловцы сорганизовались в объединения, и последние начали приобретать большое влияние на ловецкие массы».[5] Однако эйфория руководителей Областьрыбы была преждевременной. Уже через год, летом 1920 г. инициаторы этой кампании вынуждены были признать: «Опыт прошлой деятельности Областного управления показал, что то внимание, которое оно уделяло ловцу, далеко недостаточно, благодаря чему создалось положение, при котором морской лов, дававший в нормальное время до 50% общей добычи рыбы, упал до того, что дает сейчас, несмотря на сокращение об-

щих уловов, до 2-3%. Речной лов тоже сократился до минимума. В путину 1919 г. ловили чуть больше 10000 человек, что по сравнению с довоенным временем составляет около 10%».[6]

Зачастую мероприятия Областного рыбного управления, направленные на повышение материального благосостояния ловцов, наносили больше вреда, чем пользы. Раздача имеющегося ловецкого снаряжения в 1919-1920 гг. велась без строго определенной системы, а снабжение продовольствием и хлебом осуществлялось только в то время, когда ловец производил лов. Время, потраченное на подготовку к лову, не учитывалось, никакого пайка не выдавалось, поэтому в тот период ловец «не особенно охотно шел на лов, стараясь подыскать более обеспечивающее его материальное положение».

Серьезный удар по ловецкому хозяйству был нанесен разделением его на три категории по классовому признаку: бедняк, середняк и кулак. Помощь оказывалась, прежде всего, первой категории, то есть речному ловцу, имевшему убогое снаряжение и дававшему очень мало продукции на рынок. Наиболее мощная и продуктивная группа морских ловцов, которых посчитали за кулаков, осталась совершенно без помощи. «Вот и вышло, – писал один из руководителей советской рыбной промышленности 20-х годов А.И. Потяев, – вовлекли мы только речного ловца (бедняка). А наиболее ценный, дававший половину добычи, и квалифицированный морской ловец остался почти целиком в стороне от нас».[7]

Местные власти долгое время не могли решить, к какой социальной группе отнести ловцов и как к ним относиться: или как к рабочим, или как к крестьянам-единоличникам. «Вопрос о том, кто такие ловцы, должны ли они платить продналог или сдавать всю рыбу государству, вызывал в государственных органах бесконечные споры».[8]

В 1921 г. в ряде регионов страны, в том числе и в Поволжье, разразился голод. В этих условиях рыба могла бы спасти многих от голодной смерти. Поэтому не случайно рыбная промышленность Астрахан-

ской губернии оказалась в поле зрения Советского Правительства и лично В.И. Ленина. Постановление Совета труда и обороны (СТО) от 29 декабря 1920 г. предписывало главкам и другим правительственным учреждениям рассматривать в течение 3-х дней требования Главрыбы по вопросам обеспечения материалами для выработки и подготовки орудий лова, снаряжением, инвентарем и удовлетворять их первыми после военных заданий. Постановлением СТО от 25 апреля 1921 г. из войсковых частей выделялись 13000 человек для рыбной промышленности, из них 10000 – для Волго-Каспийского бассейна. Для Астраханских рыбных промыслов из Красной Армии было отозвано 2500 бондарей и других квалифицированных работников рыбной промышленности. Военно-морской флот на рыбопромысловые суда Астрахани направил 75 машинистов, 75 кочегаров и 50 мотористов.[9]

28 апреля 1921 г. телеграммами по прямому проводу В.И. Ленин потребовал от Губкомов Нижнего Поволжья выделить для Астрахани 510000 аршин мануфактуры, 140 ящиков спичек, 700 пудов махорки.[10] 30 апреля Ленин сообщил об утверждении для астраханской рыбной промышленности натурального фонда для выдачи премий ловцам, рабочим рыбных промыслов, показавшим высокую производительность труда. На заседании СТО 13 мая 1921 г. рассматривался вопрос об улучшении снабжения продовольствием астраханских рыбных промыслов.[11]

Определенные перспективы для улучшения работы рыбной промышленности открывали решения X съезда РКП(б) о замене продразверстки продналогом. Но далеко не все в РКП(б), особенно на местах, поняли и приняли начавшийся гигантский поворот.

Пленум Астраханского Губкома РКП(б) от 5 мая 1921 г. обсуждал вопрос о путях развития рыбной промышленности в связи с новой экономической политикой. Было принято решение о неприменимости натурального налога в рыбном деле. Результаты такого непонимания новой экономической политики со стороны губернских руководителей были печальны. В стране свирепствовал голод, а по сообщениям астраханской печати «неубранная рыба гнила на промыслах».[12] «Благодаря обильному ходу рыбы и за недостаточностью оборудования промыслов и рабочих рук, – говорилось в докладной записке инспектора

4-го участка Волго-Каспийского управления рыболовства от 2-го июня 1921 г. – рыба непроизводительно гибла (тухла), и администрация промыслов принуждена была вываливать ее в воду или зарывать в ямы».[13]

Рыбная промышленность в 1921 г. продолжала агонизировать. Набранные в результате принудительных трудмобилизаций рабочие промыслов, не имея материальных стимулов к труду, работали плохо. С большим напряжением проходили и сами трудмобилизации. В докладной записке комиссии по проверке проведения трудмобилизаций в Красноярском уезде Астраханской губернии говорилось: «При проведении мобилизации есть случаи: забирается трудоспособный член семьи и продается хозяйство. Страшно тормозит мобилизацию враждебное отношение к ней населения. «Нет обуви, нет одежды, хлеба» – вот вопль мобилизованных. Подорвала доверие к мобилизации анархическая мобилизация прошлого года (1920 г. – С.В.), невыплата частным лицам жалования за прошлый год и невыдача обещанной мануфактуры... Особенно не хотят идти на промыслы те, кто уже там побывал, «Мы были, пусть другие пойдут». Вот их общая просьба. Скверно отражается на психологии масс отправление мобилизованных. Часто они сидят на станции в ожидании поезда 2-3 дня. Товарный поезд идет с ними крайне медленно. От станции Верблюжье до Астрахани – 15 часов езды, они едут три дня».[14]

Не лучше обстояли дела в других отраслях промышленности Астраханской губернии, выпуск продукции которых постоянно падал:

	1918	1919	1920
Соляная промышленность Мыловаренный завод Стекольный завод	23668000 20308 18700	9808000 14805 10992	4300000 пудов соли 5746 пудов мыла 8745 пудов стекла

В 1921-22 хозяйственном году многие, ранее работавшие предприятия, встали. На V губернском съезде астраханских профсоюзов в августе 1922 г. констатировалось: «Лесопильные заводы все сейчас находятся в состоянии ремонта... Работа кожевенной промышленности в

мае, июне, июле не проводилась за отсутствием некоторых видов сырья, к закупке которого приняты меры. Имеющиеся запасы сырья на мыловаренных заводах также иссякли, результатом чего явилось закрытие последних, металлические заводы в настоящее время также совершенно не работают, и надежд на скорое их открытие нет никаких».[15] Не работал в этот период кирпичный завод, продукция которого была крайне нужна городу.

Тяжелое материальное положение населения Астраханской губернии в начале 20-х годов усугубил голод 1921г. В Астрахани с 1921г. началось сокращение продовольственных пайков для всех категорий населения. Из-за нехватки продовольствия на астраханских предприятиях весной-осенью 1921 г. имели место волнения и забастовки.[16] В июле того же года в отчетном докладе на VII Астраханской губпартконференции говорилось, что «...неблагополучно в Астраханской губернии с продовольственными товарами... имеющиеся ресурсы являлись настолько ничтожными, что было проведено сознательное сокращение хлебного пайка».[17] На заседании бюро астраханского губкома РКП(б) была разработана программа действий в условиях надвигающегося голода: «1. Принять меры к обеспечению продовольствием детских домов минимум на две недели за счет некоторого сокращения снабжения продовольствием остального населения.

2. Проверить наличие всех едоков и их потребности.

3. Запретить вывоз продовольственных товаров за пределы Астраханской губернии.

4. Предложить Губсоюзу немедленно приступить к товарообмену путем использования имеющегося товарного фонда.

5. Предоставить крупным предприятиям право беспрепятственного лова рыбы для личного потребления».

Наличие рыбных запасов помогло астраханцам пережить голодное время более успешно, чем жителям других нижневолжских губерний, где дело доходило до людоедства.

Государственные и кооперативные организации оказывали помощь голодающим губерниям. Кооперацией Астраханской губернии было выделено в пользу голодающих на 20 ноября 1921 г. 33 тонны

хлеба и крупы, 77 тонн овощей, 3,5 тонны мяса, соли – 1 вагон».[18]

На VII Астраханской Губпартконференции в марте 1922 г. говорилось: «Несмотря на поредение населения, комитету помощи голодающим не удается удовлетворить хотя бы частично всех голодающих». В докладе о деятельности кооперации на том же форуме констатировалось: «Организован отдел общественного питания, но в виду отсутствия как денежных, так и продовольственных ресурсов столовых пока нет».[19]

Значительную помощь голодающим губерниям оказали международные организации, в первую очередь, американская организация «АРА».

В Астрахани основной деятельностью «АРА» была организация столовых для голодающих, прежде всего детей. Помимо этого, «АРА» взялась помочь детдому Губоно. В городе на американское довольство было переведено 10 больниц. К 25 марта 1922 г. в Астрахани было открыто 27 столовых «АРА», в которых кормились дети.

Деятельность иностранных благотворительных организаций продолжалась в Нижнем Поволжье до августа 1923 г. Задачу свою они выполнили – сотни тысяч людей в регионе, благодаря иностранной помощи, были спасены от голодной смерти.

Документы 1921-22 гг. говорят о частых трудовых конфликтах, проходивших на предприятиях в тот период в нижневолжских городах. В марте 1921 г. забастовками были охвачены многие предприятия Саратова. В начале августа 1921 г. на ряде астраханских предприятий из-за невыдачи зарплаты возникла угроза забастовки. Лишь после вмешательства Астраханского Губкома РКП(б), распорядившегося немедленно выдать для натурального премирования рабочих керосин, мануфактуру, спички и другие предметы первой необходимости, забастовка была предотвращена. В июне 1921 г. произошли забастовки астраханских бондарей и совслужащих Енотаевского района Астраханской губернии. Причины забастовки те же – плохое продовольственное снабжение и задержки зарплаты.

И все-таки, несмотря на многочисленные трудности в тяжелом для Астраханского края 1921 г., большинство трудящихся, как и в предыдущие годы, поддерживали местную власть, продолжали верить, что

именно она найдет выход из сложившейся обстановки. Десятки тысяч людей самоотверженно трудились на субботниках и воскресниках. В Астрахани с 14 сентября 1920 г. по 14 января 1921г. было проведено 16 субботников, в которых участвовало 1560 человек. Была проведена большая работа: исправлен железнодорожный путь, отремонтирован водопровод, разгружены сотни вагонов.[20] Всего в Астрахани с октября 1920 г. по июль 1921 г. в субботниках участвовали 170 тысяч человек.[21]

Но добросовестный труд проявлялся не только на субботниках и воскресниках. Раннее открытие навигации 1921 г. требовало ускорения и проведения судоремонтных работ. 11 рабочих заводов – Раков, Макаров и др. – для пароходов «Надежный» и «Любимый» решили провести ряд неотложных работ в неурочное время, несколько суток, после обычное дневной работы, они вырабатывали сверх нормы 75-100% задания. Работа была закончена в срок.[22] На заседании бюро Астраханского Губкома РКП(б) 27 марта 1921 г. было решено ходатайствовать о награждении орденом «Красного Знамени» работников водного транспорта Астрахани «за блестящие успехи в проведении судоремонта».[23]

Хорошо была поставлена в этот период производственная пропаганда. Большое внимание уделялось моральным стимулам к труду. Лучших рабочих отмечали в печати, заносили на Доски Почета, чествовали на собраниях и митингах.

Таким образом, к лету 1921 г. военнокоммунистическая система в промышленности, выражавшаяся в уравнительной заработной плате, постоянных трудмобилизациях, позволявшая сохранить минимальное производство самых необходимых товаров в условиях гражданской войны, изжила себя. Большевикам удалось сохранить доверие масс. Но оно в изменившейся политической и экономической обстановке быстро улетучивалось. Об этом свидетельствовали многочисленные крестьянские восстания 1920-1921 гг. Назрела необходимость перемен. Дискуссии об этих переменах шли в партии постоянно на протяжении 1920-1921 гг.[24] Единого мнения не было. Противоборствовали различные точки зрения, как это показала дискуссия о профсоюзах. Однако на X съезде РКП(б) победила ленинская точка зрения о необходимости введения новой экономической политики.

Примечания

§1

1. Вереин Л.Е. Борьба за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань, 1957. С. 19.
2. Там же. С. 23.
3. Там же. С.24.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.12. С.66.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.41. С.372.
6. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. Борьба партий, большевизация Советов. Октябрьские дни. Саратов, 1977. С.15
7. «Луч», 1917. 2 мая.
8. См.: Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ. соч. С. 130.
9. Там же. С.141.
10. Там же. С. 154.
11. Астраханский листок. 1917. 5 сентября.
12. Голос революции. Астрахань. 1917. 21 сентября.
13. См: Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ. соч. С.178.
14. Там же. С.179.
15. Голос революции. Астрахань. 1917. 24 сентября.
16. Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Сборник документов, Астрахань, 1958. Ч.1. С.119-120.
17. См: Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ. соч. С.179.
18. Отечественная история. 1997. №1. С.63.
19. ГААО. Ф.1094. Оп.1. Д.9. Л.22.
20. Астраханский листок. 1917. 24 мая.
21. ГААО. Ф.1093. Оп.1. Д.5. Л. 170.
22. 1917 год в Сталинградской губернии. Хроника событий. Сталинград, 1927. С.8.; ГААО. Ф.1093. Оп.1. Д.37. Л.27.
23. Борьба за власть Советов в Астраханском крае. Указ. соч. С.70.
24. ГААО. Ф.1094. Оп.1. Д.83. Л.68; Д.9. Л.32.
25. Там же. Ф.1094. Оп.1. Д.83. Л.72.
26. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С.440.
27. ГААО. Ф.1094. Оп.1. Д.9. Л.25.
28. Герасименко Г.А. Низовые крестьянские организации в 1917- первой половине 1918 гг. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С.70.
29. ГААО. Ф.296. Оп.1. Д.9. Л.35.
30. См.: Герасименко Г.А. Указ. соч. С.65.

31. ГААО. Ф.1093. Оп.1. Д.29. Л.24.
32. См: Герасименко Г.А. Указ. соч. С. 87-88.
33. Панин И.И. История Астраханского края (1900-1940 гг.), Астрахань, 1997. С.48.
34. ГААО. Ф.2054. Оп.1. Д.83. Л.16.
35. Панин И.И. Указ. соч. С.48.
36. Революционное движение в России в мае-июне 1917 года. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 155.
37. ГААО. Ф.1340. Оп.1. Д.4. Л.8.
38. Астраханский листок. 1917. 11 июля.
39. Герасименко Г.А. Указ. соч. С.130.
40. Голос революции. 1917. 29 июня.
41. ГААО. Ф.2102. Оп.1. Д.5. Л.105, 106.
42. ГААО. Ф.477. Оп.2. Д.2-а. Л.21.
43. ГААО. Ф.1093. Оп.1. Д.7. ЛЛ.128-131.
44. См. Герасименко Г.А.. Указ. соч. С.177-178.
45. ГААО. Ф.1094. Оп.1. Д.27. Л.35.
46. ГААО. Ф.1094. Оп.1. Д.27. Л.155.
47. См: Герасименко Г.А. Указ. соч. с.187.
48. ГААО. Ф.1247. Оп.4. Д.2. Л.23.
49. См: Герасименко Г. А. Указ. соч. с.196.
50. Известия Саратовского Совета. 1917. 12 марта.
51. Голос революции. 1917. 4-8 июня.
52. Новая жизнь. 1917. 7 мая; Земля и воля. 1917 6 июня.

§2

1. Астраханский вестник. 1917. 27 октября.
2. Правда. 1917. 1 ноября.
3. Астраханский листок. 1917. 2 ноября.
4. Астраханский вестник. 1917. 7 ноября.
5. Астраханские ведомости. 1917. 1 ноября.
6. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Советы Поволжья в 1917 году. Борьба партий, большевизация Советов, Октябрьские дни. Саратов, 1977. С.252.
7. Там же. С.253.
8. Астраханский рабочий. 1917. 15 ноября.
9. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ соч. С.254.
10. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ. соч. С.254
11. ГААО. Справка «Комитет народной власти». С.1-2; Панин И.И., История Астраханского края (1900-1940). Астрахань, 1997. С.62.
12. См.: Астраханские губернаторы. Историко-краеведческие очерки. Астрахань, 1997. С.120.
13. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ соч. С.254-255.

14. ГААО. Ф.39. Оп.1. Д.11. Л.12.
15. См.: Астраханские губернаторы. Указ соч. С.120-121.
16. Там же. С.121.
17. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ соч. С.255.
18. Борьба за власть советов в Астраханском крае. Сборник документов. 1958. Ч.1. С.140.
19. Герасименко Г.А., Точеный Д.С., Указ. соч. С.255-255.
20. Сысоев П.С. 14 суток вооруженной борьбы за установление Советской власти в Астрахани, 1957. С.16.
21. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ соч. С.257-258.
22. Астраханский вестник. 1917. 19 декабря.
23. Сысоев П.С. Указ. соч. С.17.
24. Там же. С.19; Диалог. Журнал идеологического отдела Астраханского обкома КПСС, 1990. №19-20. С.34; см.: Астраханские губернаторы. Указ соч. С.122.
25. Ход борьбы в течение этих дней обстоятельно раскрыт в брошюре П.С. Сысоева «14 суток вооруженной борьбы за установление Советской власти в Астрахани». Астрахань, 1957. С. 31.
26. Комсомолец Каспия. 1967. 13 июня; Сысоев П.С. Указ. соч. С.27-28.
27. Астраханский рабочий. 1916. 17 ноября.
28. Варламов В.А. За Советы в Букеевской орде // «В огне революции». Сборник воспоминаний. Алма-Ата, 1957. С.83.
29. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ соч. С. 287.
30. Установление Советской власти в уездах и волостях Астраханского края (к 70-летию Великого Октября). Астрахань, 1987. С.6.
31. Там же. С.7.
32. Там же. С.8-9.
33. Там же. С.11.
34. Герасименко Г.А., Точеный Д.С. Указ. соч. С.289; Установление Советской власти в уездах и волостях Астраханского края. Указ. соч. С. 11.
35. Сысоев П.С., Мушкатеров Н.В. Из истории борьбы большевиков за упрочение советской власти в Астрахани. Астрахань, 1957. С.10-11.
36. Там же. С.11.
37. Известия Астраханского Совета... 1918. 21 февраля.
38. См.: Сысоев П.С., Мушкатеров Н.В. Указ. соч. С.21-24.
39. Там же. С.15.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.37. С.7-8.
41. Сысоев П.С. Из истории борьбы за установление Советской власти в Астрахани. Астрахань, 1956. С.65-56.
42. Сталин И.В. Соч. Т.4. С.116.
43. Сысоев П.С. Указ соч. С.69.
44. Известия Астраханского Совета рабочих, солдатских, крестьянских и ловецких депутатов. 1918. 21 августа.

45. Там же.
46. Там же.
47. Комсомолец Каспия. 1987. 4 июля.
48. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. 2-е издание, дополненное. Волгоград, 1985. С.179.
49. Борьба за власть Советов в Астраханском крае... С.102.
50. Комсомолец Каспия. 1987. 4 июля.
51. Коммунист. 1919. 27 февраля.
52. Комсомолец Каспия. 1987. 4 июля.
53. Лепилов В. На просторах Волго-Каспия. Элиста, 1997. С.24-25
54. Политическая агитация. Журнал отдела пропаганды и агитации Астраханского обкома КПСС. Астрахань. 1987. № 19-20. С.42.
55. Там же. С.12-43.
56. Лепилов В. Указ. соч. С.26.
57. Марков А. История Астрахани в событиях и фактах. Заговор, которого не было. Астрахань, 1995. С.207-260.
58. Сысоев П.С., Парфентьев И.И. Астраханский фронт гражданской войны и В.В. Куйбышев, Астрахань, 1960. С.2.
59. Комсомолец Каспия. 1987. 4 июля.
60. Сысоев П.С. Указ. соч. С.39-40.
61. Сысоев П.И., Парфентьев И.И. Астраханский фронт гражданской войны и В.В. Куйбышев. Астрахань, 1950. С.43-47.
62. Там же. С.52-53.
63. Там же. С.57-58.
64. Там же. С.60.
65. Там же. С.52-63.

§3

1. Нижнее Поволжье. 1924. №10. С.44.
2. Наш край. 1924. №1. С.32.
3. Там же. С.24.
4. Там же.
5. Астраханское рыболовство. 1920. №2-3. С.80.
6. Наш край. 1924. №1. С.23.
7. Потяев А.И. Наша рыбопромышленность и ее нужды. М., 1921. С.140-141.
8. Центр хранения современной документации Астраханской области (далее – ЦХСДАО). Ф.1. Оп.1. Д.62. ЛЛ.28-29.
9. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.353.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.43. С.223.
11. Там же. С.529.
12. Коммунист. 1921. 30 марта; Там же. 4 октября.

13. ЦГА. Ф.386. Оп.1. Д.49. Л.16.
14. ЦХСДАО. Ф.1. Оп.1. Д.62. ЛЛ.36-36А.
15. Коммунист. 1922. 23 августа.
16. ЦХСДАО. Ф.1. Оп.1. Д.52. Л.49.
17. Там же.
18. Там же. Д.59. Л.7А.
19. ЦХСДАО. Ф.1. Оп.1. Д.5. Л.7.
20. Коммунист. 1921. 18 марта.
21. Там же. 20 апреля.
22. ЦХСДАО. Ф.1. Оп.1. Д.79. Л.121.
23. Там же.
24. См.: Голланд Ю. Политика и экономика, (дискуссии 20-х гг.) //Знамя. 1920. №3. С.88; Сироткин В. Судьба идеи (размышления о ленинской концепции движения к социализму) // Диалог. 1990. №2. С.8-15; Павлюченков С. Начало борьбы за НЭП // Аргументы и факты. 1990. №2.

Глава XIII. Становление социалистической системы. Изменения в экономике и культуре

§1. Государственное регулирование экономики края в годы НЭПа. Промышленность и рынок

Переход местной промышленности на новые хозяйственные отношения был тяжелым и болезненным процессом. Оборудование большинства предприятий, не менявшееся с 1913 г., было крайне изношенным. Хозяйственные связи между различными регионами страны были прерваны в годы гражданской войны. Снятые, согласно указу Совнаркома от 9 августа 1921 г., с государственного снабжения и предоставленные во власть рынка многие предприятия оказались в очень трудном положении. Губернским властям пришлось самим решать, что делать с местной промышленностью. «НЭП заставил самой жизнью провести генеральный учет, при котором заносится все решительно. Учет этот переводится из цифр быстро в золотые рубли», – говорилось на Пленуме Астраханского губкома РКП(б) в апреле 1922 г. Было ясно, что местный бюджет не сможет содержать все имеющиеся предприятия. 18 ноября 1921 г. Астраханский губсовнархоз в телеграмме, посланной в ВСНХ, сообщал, что на начала хозяйственного расчета переведено 5 предприятий (4 мельницы и 1 стеклозавод с общим числом служащих 643 человека). А через некоторое время было переведено еще 15 предприятий с общим количеством занятых на них рабочих – 640 человек.

Постепенно астраханская местная промышленность (не считая рыбной) сконцентрировалась в составе трех объединений, подведомственных местному совету народного хозяйства (СНХ):

1. Астрпромкомбинат
2. Полиграфтрест
3. Объединение консервных заводов.

Руководство государственной промышленностью, оставшейся в подчинении Астраханского губсовнархоза, осуществлялось трестами и управлениями деревообрабатывающей, металлургической, пищевой,

кожевенной и других отраслей. Вместо ранее существовавших отделов Губсовнархоза создавались секции по 3-5 человек для руководства различными промышленными отраслями. Это позволило упростить структуру совнархоза и сократить его аппарат. В ведении Губсовнархоза осталось 23 действующих и 33 законсервированных предприятия.[1]

1921/22 и 1922/23 хозяйственные годы стали переходными в борьбе местной промышленности за выживание. Из-за отсутствия сырья и плохого урожая в 1922 г. были обречены почти на полное бездействие важнейшие сельскохозяйственные отрасли Нижнего Поволжья: маслобойная, мукомольная, винокуренная и т.д. Недостаток финансовых средств тормозил работу предприятий по производству строительных материалов.

Расстройство денежного обращения, отсутствие кредита, многосложность налоговых обложений, балласт в виде большого количества неработающих предприятий осложняли деятельность местных хозяйственных органов. В этих условиях часть предприятий сдавалась в аренду государственным, кооперативным организациям, а также частным лицам.

Осенью и летом 1921 г. Центральный Комитет РКП(б) разослал циркуляры, побуждавшие к быстрейшему переходу на новые экономические рельсы и хозяйственный расчет, «к более интенсивной работе по сдаче предприятий в аренду».[2]

В первую очередь сдавались неработающие предприятия. Рабочие и служащие сданных в аренду предприятий снимались с государственного снабжения. Арендная плата устанавливалась в пользу государства натурой, а также деньгами.

При сдаче в аренду предпочтение отдавалось государственным и кооперативным организациям. «Нами сдавались в аренду, согласно указанию центра, целый ряд предприятий. Мы старались сдавать предприятия в аренду, в первую очередь, государственным и кооперативным учреждениям и, в последнюю очередь, частным лицам, – говори-

лось на Пленуме Астраханского Губкома в июне 1922г. – Государственным организациям мы сдали 72% предприятий (сдаваемых в аренду частным лицам, вместе с бывшими владельцами – 28%)».

Постепенно основными арендаторами становились частные лица. Подобная ситуация объяснялась тем, что многие арендаторы, прежде всего государственные и кооперативные организации, оказались не в состоянии выплачивать арендную плату. Частные предприниматели аккуратно вносили причитающуюся с них арендную плату, пополняя тем самым местный бюджет. Поэтому местные органы в 1922/23 хозяйственном году в поисках новых источников пополнения бюджета охотно отдавали предприятия частникам. Даже такой известный противник частного капитала как Е.А. Преображенский в этой связи писал: «Когда органы госторговли и кооперации реализуют среди частных потребителей продукцию не только крестьян, но и кустарей, ремесленников и частных предпринимателей и получают при этом прибыль, то эта часть прибыли госторговли и кооперации представляет из себя рассматриваемый нами источник социалистического накопления».[3]

Астраханским ГСНХ был составлен список предприятий, которые могли быть сданы в аренду. Таких предприятии насчитывалось 52. Они, в основном, уже бездействовали по 3-4 года. Из этого числа в марте 1923 г. в аренду было сдано 33 предприятия. Арендаторами были госучреждения (9 предприятий), кооперация (3 предприятия), рабочие артели (4 предприятия), частные лица (13 предприятий).[4]

Помимо предприятий, в аренду сдавались бани, парикмахерские, магазины, жилые дома и даже базары. Из 12 астраханских бань к октябрю 1921 г. в аренду частным лицам было сдано 2 бани. Одна была сдана за 144 миллиона рублей (в дензнаках 1921 г.), другая же, требующая капитального ремонта в 400 миллионов рублей, была сдана на условиях ее восстановления до 1925 г., с арендой в 1926/27 хозяйственном году 6 миллионов рублей в месяц, а в 1928/29 хозяйственном году – 8

миллионов рублей в месяц.[5]

Заключение подобных длительных контрактов свидетельствовало, что население к 1922 г. поверило в НЭП, в то, что правительство сумеет обеспечить стабильность политической и экономической ситуации в стране. Это было серьезным завоеванием новой экономической политики.

С введением прогрессивной заработной платы и других видов материального стимулирования стало меняться отношение людей к своему труду на государственных предприятиях. На Пленуме астраханского губкома РКП(б) в конце 1922 г. многие выступающие отмечали эту перемену: «Хищения у нас с переходом на хозрасчет или совершенно прекратились, или значительно пали. В частности, на табачной фабрике невыход на работу в 1921 г. достигал 20-30% от общего числа работающих, а за последний месяц он упал до 1%».[6]

Переход на новые формы организации труда способствовал сокращению разбухшего за годы военного коммунизма аппарата управления. В первые годы НЭПа произошло резкое сокращение управленческого аппарата Астраханского ГСНХ: в 1920 г. – 772 служащих, в 1921 г. – 230, в марте 1923 г. – 146 человек. Всего к марту 1923 г. управленческие штаты в Астраханской губернии были сокращены на 34%. Углубление рыночных отношении в государственной промышленности приводило к сокращенно бюрократического аппарата естественным путем. Люди из этого аппарата шли работать на заводы, где платили больше, чем в конторах. Таким образом, новая экономическая политика способствовала сокращению бюрократического аппарата, значительная часть которого при переходе промышленности на хозрасчетные отношения оказалась без работы и обильно пополняла ряды безработных.

Однако не следует думать, что бюрократические структуры с радостью шли на сокращение штатов. «Внутри астраханского Госрыбтреста, – писала астраханская газета «Коммунист», – совсем не думают

сжимать структуру главной конторы. Наоборот, из ряда подотделов трест образовал самостоятельные отделы и тем увеличил число последних, кроме того, даже после всевозможных сокращенческих кампаний число управленцев продолжало оставаться значительным». По данным астраханского Губэкосо на заводах Губсовнархоза в середине 1923 г. на каждых 100 рабочих приходилось в среднем 36 служащих.[7]

Астраханский Губсовнархоз при переводе своих производственных предприятий на хозяйственный расчет стал переводить весь их доход на счет своего баланса. Все оборотные средства предприятий стали поступать в общий котел Губсовнархоза, а отсюда шло уравнительное перераспределение, которое усиливало влияние чиновников и отбивало желание к продуктивной работе, «доходные предприятия стали таять и постепенно сокращать свое производство, и в конце концов дошло до того, что оказались без денег».[8]

Помимо этого, авторитетная комиссия, назначенная царицынским Губисполкомом, выяснила, что ГСНХ вводил в заблуждение неверными цифрами руководящие губернские и государственные органы: сессии Губисполкома констатировали поднятие промышленности, а между тем «положение с промышленностью далеко не так блестяще, как указывалось во всех докладах».[9]

Несмотря на распространяющийся хозрасчет, продолжала процветать бесхозяйственность, разбазаривание средств предприятий. «Астраханский маслотрест вместо того, чтобы найти работников Астрахани, передвинул работников из Енотаевки, а в Енотаевку послали работников из Астрахани, причем каждому перемещаемому платили 300-400 рублей подъемных».

Постепенно уже в первые годы новой экономической политики восстанавливались бездействующие предприятия. Крупные восстановительное работы осуществлялись на астраханских судоремонтных заводах. На бывшем заводе «Камво» были восстановлены чугунолитейный и слесарный цеха, электромеханическая мастерская. Рабочие за-

вода сами занимались восстановлением. Они приступили к ремонту плавучего дока, крупнейшего на Волге. 20 предприятий местной промышленности Астрахани 1921/22 хозяйственный год закончили безубыточно. Государственные консервные заводы №1-2 по выпуску мясных консервов выполнили план на 100%.

Хотя и медленно, но все-таки стала оживляться работа на рыбных консервных заводах. «Вместо закатки 1000 банок в сутки теперь производство поднимается до 3000 банок за рабочий день».[10] Не получая долгое время никакой помощи со стороны центра, местная промышленность вынуждена была производить затраты по капитальному строительству исключительно из собственных средств, опираясь на местные накопления, полученные от работы губернской промышленности. Причем каждый год размер этих начислений увеличивался:

Год	1924/25	1925/26	1926/27
Тысяч руб.	55,5	182,6	542,6

Нижнее Поволжье, будучи большим рынком сбыта, по мере развития торговли и промышленности стало ареной активной деятельности крупных всесоюзных трестов и синдикатов. Среди них были Всероссийский текстильный синдикат, Солесиндикат, Сахаротрест, Нефтесиндикат и другие. Всесоюзные тресты имели представительства в Астрахани, а также целую сеть контор и складов, разбросанных по всей территории региона.

Судя по сообщениям печати тех лет, большинство действовавших в Астраханской губернии иногородних организаций уже в 1922/23 хозяйственном году достигли значительных успехов в коммерческой деятельности, завоевывали рынки, получали высокую прибыль. При этом, усиливая свои коммерческие позиции и насыщая местный рынок своей продукцией, крупные синдикаты теснили в конкурентной борьбе местные маломощные организации и выкачивали средства из местного бюджета. Поэтому местные органы очень осторожно относились к

работе филиалов всесоюзных синдикатов.

Особенно успешной на территории Астраханской губернии была деятельность Всесоюзного текстильного синдиката (ВТС). В феврале 1924 г. было открыто крупное отделение ВТС в Астрахани. При большом спросе населения на текстильную продукцию торговые обороты отделения быстро росли. Если в марте 1924 г. оборот отделения составил 78460 рублей, то в октябре того же года – 501537 рублей. Частная оптовая торговля мануфактурою, благодаря деятельности синдиката, была к 1926 г. практически вытеснена с рынка.

Серьезные трудности испытывала Астраханская губерния в период экономического кризиса 1923/24 гг. Его причиной явилась серьезная диспропорция между высокими ценами на продукцию промышленности, находившейся в основном в государственной собственности, и низкими ценами на продукцию сельского хозяйства, находившегося преимущественно в частной собственности. В результате сложившегося положения покупательная способность населения упала в несколько раз по сравнению с довоенным уровнем. В Астрахани индекс цен на промышленные товары превышал на 123% индекс на продукты сельского хозяйства. Осенью 1923 г. астраханский крестьянин мог купить два фунта гвоздей вместо 10 фунтов в довоенное время или один аршин ситца вместо четырех. В рыбной промышленности стоимость орудии лова возросла в пять раз, а на принимаемую рыбу цены снизились по сравнению с 1913 г. в среднем в шесть раз. На совещании директоров предприятий совместно с партийными организациями, состоявшемся в октябре 1923 г., отмечалось, что некоторые предприятия в погоне за прибылью искусственно вздували цены на свою продукцию. Маслотрест так скалькулировал цены на свою продукцию, что она вздорожала на 70-80%.

В связи с сокращением сбыта продукции промышленные предприятия теряли возможность приобретать сырье, своевременно выплачивать заработную плату, в силу чего сокращалось производство. А

это, в свою очередь, приводило к росту безработицы, ухудшению положения рабочих. В ноябре 1923 г. в Астрахани насчитывалось около 12000 безработных.

Выход из сложившейся ситуации был найден следующий. Из центра стали устанавливать цены на промышленные товары, заставляя тресты и синдикаты изыскивать внутренние резервы увеличения прибыли, повышать эффективность производства.

Всеобъемлющее регулирование цен началось в 1924 г. Принятые тогда меры оказались успешными: оптовые цены на промышленные товары снизились с 1 октября 1923г. по 1 мая 1924 г. на 26%. К сентябрю 1924 г. покупательская способность одного пуда ржи на саратовском рынке увеличилась по сравнению с соответствующим показателем 1923 г. в три раза по отношению к соли, гвоздям, махорке и т.д. Вместе с тем успешное урегулирование кризиса сбыта путем административного вмешательства государственных органов в ценообразовательный процесс привело к опасной иллюзии всемогущества административных мер в экономике.

В годы военного коммунизма и в первые месяцы НЭПа материальное положение рабочих было тяжелым. В 1919-1920 гг. рабочий получал 5-6 довоенных рублей. При таком заработке он, естественно, любыми путями вынужден был пополнять свой бюджет: дополнительной работой, продажей одежды, урожая с приусадебного участка, если таковой имелся. Зарплата составляла небольшой процент в его общем доходе. Если в довоенное время расхождение между зарплатой и расходами рабочего составляло в среднем 4-5%, то в 1920 г. – 150%.

В ходе реформ в экономике в 1921 г. был осуществлен переход к новой тарифной политике, в основу которой был положен реальный прожиточный минимум и принцип сдельной оплаты труда.

12 июня 1921 г. был принят декрет СНК «О коллективном снабжении рабочих и служащих некоторых государственных предприятий». Это был лишь первый шаг к реформе заработной платы. Переход к

новым формам оплаты труда рабочих и служащих был осуществлен осенью 1921 г., когда стала вводиться так называемая «сдельщина».

По данным астраханской газеты «Коммунист», зарплата за 1922 г. значительно увеличилась. Рост ее начался с апреля 1922 г. Так, в январе 1922 г. средний заработок астраханского рабочего равнялся 5 рублям 79 копейкам, что составляло 26% от довоенного уровня, а в декабре того же года заработок дошел до 20 рублей 70 копеек, что составляло уже 48% от довоенного. На апрель 1923 г. зарплата по металлопромышленности Астрахани составляла 35%, по текстильной – 67%, по полиграфической – 68%, в пищевой – 98% от довоенного уровня.[11]

Постепенно с ростом заработной платы и наполнением рынка товарами происходило оздоровление бюджета семей рабочих. А побочные доходы, которые в годы военного коммунизма играли доминирующую роль, постепенно уменьшались, уступая место зарплате. В марте 1924 г. Астраханский губпрофсовет произвел обследование состояний бюджета 177 рабочих, выяснив, что в среднем 80% дохода астраханского рабочего составляет заработная плата. Произошли изменения в структуре расходов по сравнению с дореволюционным периодом. В дореволюционное время затраты на питание в бюджете рабочего составляли 44% от всех расходов. В 1919-1920 гг. на питание уходил почти весь бюджет. В этих условиях не на что было приобрести новую одежду, хозяйственные вещи. В марте 1924 г. затраты на питание в бюджете рабочих достигли довоенного уровня. Увеличились по сравнению с довоенным уровнем расходы на культурно-просветительские мероприятия с 2,5% в 1913 г. до 4,2% в 1924 г., что также говорит об улучшении материального положения рабочих.

Уже с 1923 г. быстрый рост заработной платы стал обгонять рост производительности труда. По данным астраханского губсовнархоза, производительность труда рабочих в 1923-1924 гг. составляла в среднем 63,1% от довоенного уровня, а зарплата достигла уже 90%.

В 1925-1927 гг. наблюдалось снижение заинтересованности рабо-

чих в результатах своего труда, выражавшееся в увеличении количества прогулов, в снижении роста производительности труда. В этих условиях с целью повышения производительности труда администрация предприятий стала пересматривать трудовые нормы в сторону их повышения. Ежегодно проводившиеся перезаключения трудовых договоров между рабочими коллективами и администрацией предприятий (к ним приурочивались обычно кампании по пересмотру норм выработки) являлись тяжелым испытанием для хозяйственников, партийных и профсоюзных органов.

Переход к НЭПу объективно поднимал роль и значение научных и технических знаний в жизни общества, создавал более благоприятные условия для сотрудничества рабочих и «спецов». Первая половина 20-х годов характеризовалась тенденцией к смягчению социальной напряженности в обществе, в том числе и на промышленных предприятиях. Партийные органы на местах нацеливали коммунистов, профсоюзный актив, хозяйственников на последовательное внедрение в жизнь директивы XI съезда РКП(б) об установлении товарищеских отношений между рабочими и «добросовестными, знающими свое дело инженерами».[12] Однако «спецеедство» не исчезло даже в лучшие годы новой экономической политики. Рабочих, особенно малоквалифицированных и низкооплачиваемых, раздражало многое: независимое поведение заводских ИТР, собственные низкооплачиваемые должности, высокие оклады ИТР. Немалая доля ответственности за разжигание антиспецовских настроений лежала на печати. На страницах газет того периода приводилось множество примеров негативной работы специалистов, намеренно муссировалось их корыстолюбие и стремление в ряде ситуаций сыграть на неграмотности рабочих. Если верить этим статьям, то ИТР на производстве занимались в основном вредительством. Безусловно, разница в заработной плате ИТР и рабочих была велика. Так, рабочий астраханских рыбных промыслов в среднем за месяц получал 53 рубля 41 копейку, а промысловый специалист – 169

рублей 67 копеек. Такая оценка труда была справедливой, тем более, что большинство специалистов честно и добросовестно отдавали свои силы и знания производству, способствуя быстрому подъему экономики.

Противоречия между управленцами и рабочими возникали и потому, что трудовые коллективы практически не принимали участия в управлении производством. Их влияние на выработку решений по принципиальным вопросам развития предприятия, кадровой политики через партийную и профсоюзную организации носило ограниченный характер. Этот вопрос постоянно обсуждался на страницах газет и журналов того времени.

При существующей политизированной системе производственных отношений вмешательство партийных ячеек, профсоюзных комитетов, рабочих собраний в деятельность заводских администраций зачастую отрицательно сказывалось на производственном процессе, лихорадило его.

В годы НЭПа рожденная революцией активность масс систематически прорывалась на поверхность в виде стремления общественных организаций установить свой контроль над производством параллельно с администрацией.

Шел процесс слияния функций партийных, хозяйственных и государственных органов. Заводские партийные организации, проводя в жизнь решения центральных партийных и государственных органов, уже не являлись, как раньше, выразителями творческой активности рабочих. Теперь их работа сводилась к решению чисто технических проблем.

Как в годы гражданской войны, так и в период мирного строительства определяющим фактором политики восстановления и развития страны являлась деятельность коммунистической партии.

Положение РКП(б)-ВКП(б) как правящей партии (с ее стремлением к глобальному контролю) определяло кадровую политику. Определяющей тенденцией было стремление расставить кадры комму-

нистов на всех ключевых позициях жизни общества, особенно в хозяйственной системе. При назначении на тот или иной пост прежде всего учитывался принцип партийной принадлежности, другие качества человека оставались на втором плане. Реальностью было противоречие между лозунгом на вовлечение масс в управление производством (а также жизнью общества в целом) и повседневной практикой руководства на местах.

Во второй половине 20-х годов производственным совещаниям отводилась роль важного рычага рационализации производства и основного аккумулятора творческой энергии трудящихся масс. XIV съезд РКП(б) в своих решениях назвал их главной формой вовлечения рабочих в совершенствование производства.[13] Но форма эта была очень далека от идеала, поскольку совещания обладали лишь рекомендательным правом в решении основных производственных вопросов. Хотя в рамках производственных совещаний и развивалось сотрудничество рабочих и ИТР, однако чаще всего они становились ареной столкновения между этими категориями трудящихся. Неудовлетворенные низкой эффективностью совещаний, слишком медленным переустройством производства, рабочие порой вымещали свое недовольство на квалифицированных специалистах.

Нет ничего удивительного в том, что большинство старых специалистов старались избегать участия в работе совещаний. Пассивность эту усиливало сознание того, что заводские специалисты, призванные решать производственные вопросы, в большинстве своем зависели от вышестоящих административных органов.

Важной формой реализации принципов производственной демократии было выдвижение рабочих на руководящие должности в цехах и заводоуправлении, в правлении трестов. Так, из шести руководителей крупных предприятий Астраханской губернии пять были выдвинуты на руководящую работу из среды рабочих, некоторые из них оказались толковыми руководителями, другие – посредственными.

Заместитель главного управляющего Бассольтреста сообщал в Астраханский обком РКП(б), что взятый по рекомендации Губкома на руководящую работу т. Стажаров Т.И. не соответствует занимаемой должности. «После довольно продолжительного испытания мы, однако, тщательно присматривались к т. Стажарову и убедились, что он по своей малограмотности и неопытности совершенно не в состоянии справиться со своей работой, требующей особой осторожности и коммерческого навыка. Просьба – т. Стажарова отозвать».[14]

Открытое возмущение рабочих вызывало стремление части партийных и советских чиновников к обогащению за счет всех остальных групп населения. На VIII Астраханской Губпартконференции ответственный секретарь Контрольной комиссии сообщал коммунистам: «23 августа 1921г. члены Губкома – 15 человек, а затем и остальные члены Губкома и Губисполкома выдали себе по 2 пуда муки. Тогда в это дело вмешалась Контрольная комиссия в лице своего секретаря, указывая, «что такие выдачи, особенно теперь, во время голода, в высшей степени не этичны». В секретном порядке было решено выдать и остальным членам Губкома (не получившим еще), в том числе членам Контрольной комиссии такой же паек дополнительно за молчание и выдали месяц спустя, правда немного меньше, но выдали и – молчат...».[15]

Современники НЭПа и исследователи истории тех лет сходятся в одном: несмотря на улучшение положения, уровень жизни рабочих рос тогда медленнее, чем у других слоев городского населения.

Таким образом, от НЭПа рабочие государственного сектора экономики выиграли меньше, нежели те слои населения, которые теснее были связаны с рынком. «Мелкий хозяйчик, обладавший двумя тисками, – писал рабочий, член РКП(б) Куликов ответственному секретарю Астраханского Губкома РКП(б) Муравьеву в декабре 1922 г., – уже имеет капиталу в 5-6 миллиардов и порядочно дает заработать сдельщику – 8-10 миллионов в день, а иногда и больше».[16]

Разумеется, рынок не был раем для всех новоявленных предпри-

нимателей. Он позволял быстро обогащаться одним, разорял или, в лучшем случае, позволял держаться на плаву другим. Но сама по себе ситуация, когда рабочие госсектора не могли существенно повысить свой жизненный уровень, в то время как в иных секторах экономики такая возможность не исключалась, расценивалась ими как социальная несправедливость, тем более острая, что наблюдалась она в рабочем государстве в послереволюционную эпоху.

Это недовольство постоянно прорывалось в выступлениях коммунистов и беспартийных работников на различных собраниях, митингах, конференциях. «Кругом открыты рестораны, кафе, – говорилось на Пленуме Астраханского обкома 6 января 1922 г., – выставлены пирожные, белые булки, на которые тратятся миллиарды (в ценах 1922 г. – С.В.), на всех стенах и окнах бьют в глаза кричащие объявления о маскарадах, балах, вечерах и т.д. И все это в то время, когда деревня в голодных корчах умирает».[17] Представление о НЭПе как о вынужденном отступлении, которое не может продолжаться долго, было широко распространено в 20-х годах и в среде рабочих, коммунистов и беспартийных. Отстранение от сознательной реализации новой экономической политики бюрократией рабочих, что, в свою очередь, стимулировало активизацию уравнительных настроений и взглядов, во многом предопределило трагическую судьбу НЭПа.

Анализ документального материала свидетельствует, что вскоре после введения новой экономической политики в промышленности появилось новое для советского общества явление – массовая безработица. Причем, несмотря на экономический подъем 20-х годов и постоянный рост производства, безработица на протяжении всего периода НЭПа имела тенденцию к росту. Объясняется это явление перенаселение деревни, сокращением, особенно в первые годы НЭПа, управленческого аппарата, закрытием нерентабельных предприятий.

Восстанавливающаяся промышленность не в состоянии была обеспечить работой все освободившиеся кадры.

Кроме того, был слой безработных, которые лишь значились в списках биржи труда, регулярно получая пособия по безработице. Такие люди вовсе не стремились получить работу и занимались личным подсобным хозяйством, коммерческой деятельностью.

Основным и самым эффективным средством борьбы с безработицей являлось развитие всех отраслей хозяйства. Но это был долговременный процесс. Одновременно приходилось организовывать повседневную помощь безработным.

Главным инструментом в политике оказания помощи безработным со стороны государства стали биржи труда. Они регистрировали безработных, выдавали пособия по безработице, направляли на работу. Биржи труда, впервые возникнув в январе 1918 г., в годы гражданской войны были ликвидированы. В связи с ростом числа безработных в первые месяцы НЭПа встал вопрос об их трудоустройстве. В сентябре 1921 г. на V Всероссийском съезде профсоюзов нарком труда Шмидт сказал, что биржи труда, главной задачей которых является борьба с безработицей, будут вновь восстановлены повсеместно. Это решение было одобрено Второй сессией ВЦИК в мае 1921 г.

В Астрахани биржа труда была создана в 1923 г. Ее роль в 20-е годы быстро росла. Если в первый период новой экономической политики до 2/3 безработных принимались на работу в обход биржи труда, то в 1927 г. через нее прошло уже около 70% устроившихся на работу.

В годы НЭПа местная власть оказывала безработным помощь в виде денежных пособий, бесплатных обедов, проведения общественных работ и т.п.

Денежные пособия выдавались рабочим, имевшим стаж по найму не менее двух лет. По мере роста экономики все большее количество безработных получали пособия. В 1925 г. 13% безработных получали пособия, а в 1927 г. – до 40%. Увеличился в эти годы и размер пособия по безработице. В 1922-1923 гг. в Астраханском крае безработные первой категории получали 8 рублей, второй категории – 5 рублей. В 1926-

1927 гг. было установлено три категории безработных с пособием: первая категория – 16 рублей, вторая – 12 рублей и третья – 10 рублей. В этот же период средний размер пособия в Москве составлял 15 рублей, в Ленинграде – 15 рублей 50 копеек. Часть безработных, особенно в первые годы НЭПа, не получали никакого пособия или же лишались его после шесть месяцев безуспешных поисков работы.

При сопоставлении размеров пособий с ценами того периода видно, что это был очень невысокий уровень обеспечения, но все же это был минимум, избавлявший от голода. Семейным безработным выдавались надбавки на членов семьи: 15% пособия на одного человека, 25% – на двух, 35% – на трех и более человек. Безработные получали пособия в течение шести месяцев: считалось, что этого времени вполне достаточно для того, чтобы найти новое место работы.

Часть безработных получали материальную помощь от профсоюзов, которые с 1922 г. начали создавать специальные фонды помощи безработным. Эти фонды образовывались за счет отчислений от членских взносов, из добровольных денежных вкладов рабочих. Размеры отчислений были различны: союз водников, например, принял решение вносить в фонд безработных 3% от членских взносов, пищевиков – 5%, совработников – 15%. Размеры профсоюзных пособий достигали 5-12 рублей. Помощь профсоюзов возрастала из года в год: в 1923-1924 гг. в фонд безработных было переведено 4 миллиона рублей, в 1924-1925 гг. – 7,5 миллиона, в 1925-1926 гг. – 10 миллионов рублей.

Одной из форм помощи безработным была организация общественных работ. В значительном масштабе они стали применяться в крае с 1924 г. В основном эта форма помощи охватывала неквалифицированных рабочих. Основными принципами ведения этих работ являлись регулярная сменяемость безработных (по полмесяца) и сдельная оплата труда. В 1926-27 гг. общественными работами по Астрахани было охвачено до 45% безработных. Средний дневной заработок на общественных работах составлял 1-1,5 рубля в день. Труд безработ-

ных применялся, в основном, в дорожном строительстве, на лесопосадках, при уборке городов.

Определенную положительную роль в организации временного трудоустройства сыграли коллективы безработных. В начале своей деятельности они существовали в виде самостоятельных артелей. С 1923 г. артели были реорганизованы в коллективы безработных при биржах труда. Условия труда в коллективах регулировались путем установления определенных ставок зарплаты биржей труда по соглашению с соответствующим союзом. Члены коллективов работали не постоянно, периодически сменялись (один раз в три месяца),что давало возможность охватить хотя бы временной работой максимальное количество лиц, потерявших ее. На 1 августа 1927 г. в Астрахани насчитывалось 27 коллективов безработных, объединявших 2745 человек.

Местная печать регулярно освещала работу коллективов безработных. «Стеклозавод «Пролетарий» начал работать. – Сообщала газета «Коммунист». – Хозяин завода – коллектив из 300 безработных».[18]

Конечно, далеко не все подобные коллективы работали хорошо. Однако с их помощью многие квалифицированные рабочие сохраняли квалификацию и имели заработок, а подростки и неквалифицированные безработные получали профессию.

Помимо вышеперечисленных форм помощи безработным практиковались бесплатные обеды для особо нуждающихся при биржах труда. В 1927-28 гг. Астраханской биржей труда было отпущено 81105 обедов.

Особенно важна была государственная помощь безработным зимой, ибо в этот период безработица в крае увеличивалась, что было связано со спецификой региона, где широкие слои населения по роду своей деятельности были связаны с водным транспортом и рыбным делом, а зимой в этих отраслях работы не было. Местные газеты и журналы периодически давали статистические сведения об уровне безработицы, освещали работу коллективов безработных. На их страни-

цах ученые-хозяйственники имели возможность высказываться по поводу смягчения этого тяжелого для общества явления. Основную работу по финансированию программ помощи безработным взяло на себя государство. Посильная помощь, как это было показано выше, оказывалась профсоюзами и другими общественными организациями.

Наиболее квалифицированная часть рабочих вполне сознательно поддерживала политику ВКП(б), принимала участие в рационализации производства, работе общественных совещаний (в среднем по стране в их работе стабильно участвовали 10-15% промышленных рабочих). Рабочие вносили предложения, направленные на совершенствование техники и организации производства, на охрану труда и т.п. «Партийный мастер завода «КАМВО» Александр Григорьевич Степанов, – сообщала газета «Коммунист», – сконструировал печь для плавки меди, работающую на жидком топливе. Внедрение этого изобретения должно было дать не менее 10000 рублей прибыли. Астраханское Губэкосо выдало вознаграждение товарищу Степанову в 2000 рублей и постановило усиленно рекомендовать местным заводам постановку на них печи Степанова».[19]

«На тумакском промысле, – сообщалось в той же газете, – около 25 лет добросовестно работает в должности старшего наводчика Бударин Илья Петрович. Он пользуется большим авторитетом и уважением у промысловых рабочих».[20]

Таких сообщении о ежедневном труде миллионов простых тружеников пресса 20-х годов публиковала множество. Складывалась система материальных и моральных стимулов. За добросовестный труд состоялось чествование старейших рабочих, передовиков труда 1 мая 1922 г. на митинге перед Дворцом труда: 50-ти лучшим рабочим были вручены ценные подарки.

Большую роль в жизни трудовых коллективов, особенно больших предприятий, играли первичные партийные и профсоюзные организации. Заводские партийные ячейки систематически проводили от-

крытые партийные собрания, на которые приглашались все желающие. Тематика их была весьма разнообразна, включая важнейшие вопросы внешней и внутренней политики. В частности, в 1922-23 гг. на таких собраниях широко обсуждались вопросы новой экономической политики.

§2. Развитие рыбной промышленности в годы НЭПа

Особенностью советской экономики времен НЭПа было одновременное функционирование нескольких хозяйственных укладов: государственного, кооперативного и частного. В повседневной жизни они были тесно переплетены и взаимосвязаны, постоянно конкурировали между собой, способствуя развитию хозяйства. Учитывая специфику отраслей хозяйства Астраханского края, целесообразно проследить взаимоотношения различных экономических укладов на примере рыбной промышленности.

Условно развитие рыбной промышленности в годы НЭПа можно разделить на три периода:

1. 1921-1923 гг. – основная часть рыбных промыслов и рыбообрабатывающих предприятий в этот период находилась в руках Губрыбтреста, который стал фактически монополистом в крае. Ни частный, ни кооперативный секторы не играли заметной роли в развитии отрасли. Ловецкие хозяйства были разорены, не получали помощи от государства и влачили жалкое существование.

2. 1924-1926 гг. – развитие рыбной промышленности на принципах НЭПа. В эти годы произошла демонополизация Госрыбтреста, были внедрены хозрасчетные отношения внутри его подразделений. Возник еще ряд государственных и кооперативных организаций, занимающихся рыбным промыслом. Государство начало оказывать помощь ловецким хозяйствам в виде различных займов, кредитов, по льготным ценам продавая ловцам снаряжение. Все это позволило астраханским ловцам несколько поправить свое положение. Помощь осуществлялась, в

основном, через ловецкие кооперативы. Развивался в этот период и частный капитал, что благотворно сказалось на общем развитии рыбной промышленности. Отрасль, благодаря конкуренции, развивалась быстрыми темпами и к 1927 г. по такому показателю, как общий улов рыбы, достигла довоенного уровня.

3. 1927-1928 гг. – вновь усилились административно-командные начала в руководстве отраслью. Происходит вытеснение частного капитала. Ставка делалась на развитие государственных организаций в рыбной промышленности. Конкуренция исчезла. Темпы развития замедлились.

Положение рыбной промышленности в первые годы НЭПа было тяжелым. Уловы были низкими. Рыболовное снаряжение ловцов и оборудование рыбообрабатывающих предприятий пришло в негодность. По сравнению с другими отраслями рыбная промышленность находилась в глубоком кризисе. Главная причина сложившейся ситуации в отрасли коренилась в том, что основное ядро рыбной промышленности было сосредоточено в руках одной государственной организации – Главрыбы. Постановлением от 31 января 1924г. «с целью дальнейшего укрепления и развития государственной рыбной промышленности» на базе Главрыбы был создан Волго-Каспийский Госрыбтрест. По мнению организаторов, трест должен был заниматься ловом рыбы, ее переработкой и реализацией.

В Астраханской губернии в те годы Госрыбтрест был государством в государстве. Эта организация «постаралась захватить и все подсобные предприятия, нужные для обслуживания рыбного дела, хотя раньше и не бывшие у рыбопромышленников: бондарные мастерские, кузницы, лесопильный завод, сетевязальные фабрики, мыловаренный завод. Трест арендовал мельницу, организовал судостроительную верфь и собственную снабженческую часть продовольствием, мануфактурой, предметами широкого потребления. Госрыбтрест не хотел быть зависимым ни в чем, ни от кого, ни от местных властей, ни от рынка».[1]

Создавшееся положение вызывало тревогу у многих специалистов по рыбной промышленности. «Соединение различных функций в Главрыбе вызывает тревожные сомнения», – писал еще в 1922 г. в губернском журнале «Наш край» один из специалистов по рыбной промышленности М. Непрякин. Непрякина и его единомышленников тревожили следующие обстоятельства:

1. Каковы бы ни были многочисленные функции Госрыбтреста, «главной его обязанностью была деятельность предпринимателя – промышленника».[2] Все остальные функции оставались на бумаге.

2. Как монополист Госрыбтрест очень не хотел иметь рядом с собой конкурентов. В 1921-1923 гг. сдача в аренду промыслов и рыбообрабатывающих предприятий шла крайне медленно, так как договариваться об аренде приходилось с трестом. В 1922 г. для сдачи в аренду было отобрано 155 промыслов, 19 участков без промысла и 20 рыболовных участков с промыслом. В течение года было сдано всего лишь 33 промысла. И в губернии, и в центре чиновники шли на всевозможные уловки и волокиту, ограничивая количество арендаторов.

О том, насколько тяжело в условиях монополии Госрыбтреста было стать арендатором, наглядно иллюстрирует тяжба ловцов села Сергиевка с трестом за право взять в аренду близлежащие промыслы. Летом 1923 г. жители с. Сергиевка Икрянинской волости Астраханского уезда обратились в Президиум ВЦИКа РСФСР с просьбой взять в аренду близлежащие пустующие промыслы. Президиум ВЦИК РСФСР направил это ходатайство в Совнарком, полагая, что «ходатайство должно быть удовлетворено, так как: а) жители означенного села не занимаются хлебопашеством, и единственным источником существования является рыбный промысел; б) рыбаки села Сергиевка издавна считаются хорошими рыбаками, и продукт, изготавливаемый ими, ничуть не уступает по качеству наилучшим промысловым товарам Областьрыбы; в) Областьрыба не справляется полностью на своих промыслах как в районе Сергиевки, так и в селениях с обработкой рыбы,

и часть рыбы непроизвольно гибнет».[3] Ходатайство поддержали Астраханский дом крестьянина и ловца и Правление Всероссийского Союза рыбаков.

К делу, переданному в Совнарком, прилагалась справка Центросоюза, в которой говорилось, что «Центрсоюз неоднократно в своей работе имел дело с товарами сергиевских рыбаков и находит их по качеству удовлетворительными, ни в коем случае не уступающими по качеству наилучшим промысловым товарам».[4]

Однако руководство Главрыбы решительно выступило против передачи промыслов в аренду: ловцам с. Сергиевка в ходатайстве было отказано.

Подобную же позицию Главрыба в том же 1923 г. заняла и по отношению к ходатайству Центрсоюза о передаче в арендное пользование нескольких промыслов. Предлогом для этих отказов служило утверждение, что «изъятие этих промыслов дезорганизует рыбное дело».[5]

Арендаторы, сумевшие получить в аренду участки, были вынуждены их вскоре оставлять, ибо по закупочным ценам на рыбу-сырец и по снабжению рыболовными сетями они «были поставлены трестом в невозможные условия».[6]

Поэтому частных арендаторов в 1921-1923 гг. было очень мало. В основном арендаторами выступали государственные организации, которые могли вести дела с Главрыбой на равных. Например, крупным арендатором была Рязано-Уральская железная дорога. Но после 1,5 лет аренды большого участка промысловых вод Госрыбтрест поставил такие условия, что Управление железной дороги вынуждено было прекратить всякую деятельность в сфере рыбной промышленности.

Более успешной была арендаторская деятельность Урыбпрома, отдела Губисполкома, созданного в начале 1923 г. Новому арендатору были выделены далеко не самые лучшие участки, некоторые из них вообще нельзя было эксплуатировать.[7] Несмотря на все трудности, Урыбпрому, опиравшемуся на солидную поддержку Астраханского Губ-

кома РКП(б), с которым трест вынужден был считаться, удалось постепенно наладить дела и стать во второй половине 20-х гг. даже прибыльной организацией.

Одной из главных функций, возложенных на Госрыбтрест, была охрана вод. Получалось, что охранять промысловые воды он должен был прежде всего от самого себя как главного их эксплуататора. Естественно, в погоне за большим уловом рыбные управления на местах «забывали» многие правила охраны рыбных богатств края, а руководители Треста закрывали на это глаза. Непряхин, один из руководителей Урыбпрома, писал по этому поводу: «Лично я помню, что для большего улова морской красной рыбы, в бытность мою председателем Астраханской Областьрыбы, руководители на промыслах настаивали на продолжении плавного речного лова, явно хищнического, а когда этот способ был запрещен Центром по нашему настоянию, они отнеслись к запрещению неодобрительно и дали понять, что запрещение останется на бумаге, негласно же такой лов будет совершаться: «Ведь Республике нужен продукт» – говорили они».[8]

«На промысле Александровском, – говорилось в докладной записке уполномоченного рыбаков села Маячное Артемьева, – принадлежащем Госрыбтресту, далеко не полностью обрабатывают вылавливаемую рыбу. Эту необработанную рыбу Госрыбпром, не задумываясь, выбрасывает в воду – рыба плавает на поверхности, ветром и волнами ее выбрасывает на поверхность, где она никем не убирается, разлагается».[9] А по сообщению газеты «Коммунист», ямы в низовьях Волги, где рыба массой залегала на зиму, «разгромлены и отлов их ведется плавными сетками».[10]

Специальной Комиссией Астраханского Губкома РКП(б) по проверке охраны вод Госрыбтреста было установлено, что эта организация через свои «Отделы по охране рыболовных вод» захватным путем присвоила целый ряд прав и творит произвол в отношении других рыболовных организаций и свободных ловцов. Совершенно незаконно

охранники Госрыбтреста производили обыски на железных дорогах, на пароходах и в селах. Вопреки строжайшему запрещению НКПС и ГПУ задерживались суда и другие виды транспорта. Присвоено было право ареста. Организован был информационный подотдел Госрыбтреста по типу ЧК, который, находясь в подчинении руководителей Треста, мог при данных условиях превратиться в орган прикрытия преступлений, творимых самим Трестом. Далее в докладе констатируется целый ряд нарушений, совершенных «Отделом охраны вод Треста»: полнейший произвол; массовое взятничество; незаконное отобрание в огромном количестве орудий лова без протоколов и выдачи квитанций; конфискация и уничтожение местного имущества, порча рыбы: издевательства над населением».[11]

Значительно пострадали от монополистической деятельности Госрыбтреста астраханские ловцы. «Положение ловца чрезвычайно тяжелое, – отмечалось в отчетном докладе на XIII Губпартконференции в ноябре 1924 г., – мы его совершенно в прошлые годы обобрали, отняли у него снасти, лодки... Экономически он много потерял, у него были суда, лодки, оборудование, и все это ...было у него отнято рыбной промышленностью».[12]

В письме В.М. Молотову в декабре 1925 г. ответственный секретарь Астраханского Губкома РКП(б) В.И. Старанников писал: «Когда я был послан ЦК работать в Астрахань, пришлось столкнуться с обстановкой крайней обостренности между нашей крупной промышленностью и ловецким населением».[13]

Закупочные цены на рыбу-сырец были такими же низкими, как и в период военного коммунизма.

Анализируя положение астраханских ловцов к концу 1923 г., известный специалист по рыбной промышленности К.Ф. Киселевич пришел к выводу: «...в смысле выбора места, времени, объекта и способов лова, ловец по-прежнему оказался в экономическом ущемлении и ни сокращение монопольного района лова, ни появление новых пред-

приятий, куда бы он мог сдавать свой скоропортящийся товар, ни вольный морской лов в сущности не обеспечили положение ловца и нисколько не помогли ему восстановить разрушенное хозяйство».[14]

Установление низких закупочных цен на рыбу-сырец, волокита со снабжением рыболовными снастями вызывали постоянные конфликты между Госрыбтрестом и ловцами. Положение монополиста на рыбном рынке позволяло Госрыбтресту устанавливать высокие цены на рыбные продукты и извлекать сверхприбыль, не заботясь о восстановлении рыбной промышленности.

Наглядное представление о положении дел на астраханском рыбном рынке дает сравнительный анализ закупочных цен на рыбу в 1923 и 1913 гг.

Из таблицы видно, что цены на рыбу-сырец за 10 лет уменьшились в 5-7 раз, в то же время постройка рыболовного судна в 1923 г. стоила в 2-3 раза дороже дореволюционного времени, а оснастка его – в 5 раз. В этом заключалась суть «ножниц» в рыбной промышленности. Госрыбтрест продавал ловцам снаряжение по высоким ценам, а рыбу покупал по низким. К.Ф. Киселевич пишет по этому поводу: «Вот по нашему глубокому убеждению первопричина всех ловецких бед и разрушения его хозяйства. Это те самые «ножницы», которые характерны для нынешнего несоответствия цен на продукты фабричной заводской промышленности и сельского хозяйства и которые обуславливают переживаемый страной промышленный кризис.[15]

Название пород	Цена в 1913 г. за 1 пуд	Цена в 1923 г. за 1 пуд
Белуга	7 руб. 50 коп.	1 руб. 46 коп.
Осетр	8 руб. 50 коп.	1 руб. 51 коп.
Севрюга	7 руб. 40 коп.	1 руб. 20 коп.
Сазан	1 руб. 90 коп.	23 коп.
Вобла	80 коп.	14 коп.

В начале 1922 г., чтобы заинтересовать ловца, государственные органы установили твердые цены в золотом исчислении по нормам

довоенного времени. Новая система широко рекламировалась в местной печати, при активном содействии и покровительстве в руководящих органов губернии. На бумаге все выглядело замечательно: «Областьрыба говорит ловцу: лови рыбу и сдавай ее нам по цене довоенного времени. На полученные деньги за сданную рыбу ты можешь приобрести в наших магазинах предметы первой необходимости тоже по цене довоенного времени».[16]

Сразу же повысилась производительность труда на рыбных промыслах. Вместо предполагавшегося количества ловцов в 21000 человек на промыслы весной 1922 г. явилось около 28000 ловцов. На VIII Астраханской Губпартконференции РКП(б) говорилось, что 50% промысловых рабочих делают ту работу, которую делали 100% в прошлом году.[17] Казалось, что восстанавливается довоенный порядок чисто коммерческих отношений в рыбной промышленности. Но уже в ходе весенней путины 1922 г. выяснился ряд недостатков новой системы оплаты труда ловцов. «Это были чисто коммерческие махинации, которые простодушные ловцы не могли понять, да и не только ловцы», – отмечалось в печати 1924 г.[18]

Дело в том, что при расценках был применен не истинный меняющийся курс рубля, а условный. Цены на рыбу-сырец были установлены постоянные на всю путину, в то время как цены на все остальные товары и продовольствие еженедельно падали в соответствии с колебанием рынка. В результате ловцы были обмануты.

Многие руководящие деятели Госрыбтреста считали, что ловецкий промысел нерентабелен, отжил свой век и восстанавливать его не надо. Корреспондент Астраханской газеты «Коммунист», писавший под псевдонимом Т.Г. утверждал: «Что касается вообще участи ловцов, то нужно сказать прямо – ловец сам виноват, он стал смотреть на государство вообще и на Областьрыбу в частности, как на богодельню, он хочет за максимальную плату выполнять минимальную работу или ничего не делать... он работает менее интенсивно,

чем в прежние времена».[19]

Под разговоры о лени ловцов подводилась политическая база. В.И. Скаблинский, один из руководящих работников Госрыбтреста, утверждал: «Астраханский ловецкий промысел по природе своей – капиталистический, если не целиком, то в большей части своей, а потому восстановление его, без особых оговорок, не соответствует нынешнему строю государства».[20]

На страницах печати со Скаблинским и его сторонниками дискутировали профессора Киселевич, Сабгайда и другие астраханские ученые-рыбники.[21]

Помимо ловцов, работавших в основном на себя, имевших свое хозяйство, существовала такая категория работников, как промысловые рабочие. Доктор Пирюлькин, обследовавший санитарное состояние астраханских рыбных промыслов в 1925 г., писал: «На промыслах происходит приемка рыбы, сортировка, резка, засолка и укладка ее в чанья. Работа большей частью проходит на воздухе не только в теплое время, но и в холодное, женщины на плотах производят резку рыбы, ранят себе руки, получают порезы, которые в большинстве своем ведут к нагноению. В силу своей работы на свежем воздухе, в сырых помещениях, на плотах и выходах – даже в зимнее время, многие работницы приобретают ревматизм мышц, простуживаются, заболевают воспалением легких и т.д...»[22]

Тяжелейшие условия труда, а также частые задержки с выплатой зарплаты приводили к тому, что рабочие не хотели «работать добросовестно, а как-нибудь, лишь бы скорее, так как им ничего не платят».[23] Ответственный секретарь Астраханского Губкома РКП(б) Старанников сообщал в ЦК в начале 1926 г.: «Настроение рабочих и ловцов, обслуживающих Госрыбтрест, не получающих зарплату, очень плохое».[24]

Непросто складывались отношения между Астраханским Губкомом РКП(б) и Госрыбтрестом. С одной стороны, перед ними стояла

общая задача: как можно быстрее восстановить рыбную промышленность и накормить страну рыбой. Однако в текущих делах возникали трения. Губком настойчиво проводил линию на полное подчинение своему влиянию местного отделения Треста – Областьрыбы. Руководство Госрыбтреста же, используя свое исключительное положение в экономике губернии, настаивало на прямом и полном подчинении головному управлению Областьрыбы и выступало против вмешательства Губкома в свои текущие дела.

Нельзя не отметить, что в Астраханском Губкоме РКП(б) не было ни одного специалиста по рыбной промышленности. А отсюда множество некомпетентных решений (например, о неприменимости продналога в рыбной промышленности в 1921 г.), далеких от жизни дискуссий о ловцах и неудачи в культурно-массовой работе на рыбных промыслах. К сожалению, руководители Губкома РКП(б) не считали нужным привлекать к практической работе целый ряд специалистов-рыбников, группировавшихся вокруг Астраханской ихтиологической лаборатории, возглавляемой профессором К.Ф. Киселевичем – ученым с международным авторитетом. Единственное, что могли Киселевич и его единомышленники в тот период, – это писать о бедах астраханской рыбной промышленности на страницах печати. Лишь с середины 20-х гг. к голосу ученых стали прислушиваться, да и то ненадолго. К концу 20-х гг. идеи Киселевича о возрождении индивидуального ловецкого хозяйства были отброшены как вредительские. Журнал «Наш край» – орган Астраханской плановой комиссии, где печатались его статьи, был закрыт, а сам ученый в 1938 г. был репрессирован.

Положение к лучшему в астраханской рыбной промышленности стало меняться в 1924 г. В тот год произошли некоторые позитивные изменения в структуре Госрыбтреста. Трест стал избавляться от сопутствующих, не относящихся напрямую к рыбному делу предприятий, ставших в условиях хозрасчета ненужной обузой. «Прекращается помол на мельницах Госрыбтреста, мыловаренный завод закрывается,

строительная часть была продана с торгов».[25]

Несколько сдвинулся с места и ловецкий вопрос. Тут, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Штормовая буря, пронесшаяся над Каспием в конце 1924 г., нанесла страшный ущерб ловецким хозяйствам. Это заставило центр обратить некоторое внимание на положение астраханских ловцов. Им была оказана со стороны государства материальная помощь, постановлением ЭКОСО РСФСР от 5 ноября 1924 г. выделено для их банковского кредитования 1900000 рублей.

Помимо льготного кредита, пришлось поднять в 1925 г. закупочные цены на рыбу, сдаваемую ловцами. В 1924-25 гг. газета «Коммунист» выступила с рядом статей в поддержку ловецкого населения и против своеволия Госрыбтреста: «Надо дать решительный отпор проектам, кои пытаются построить рыбное хозяйство нашего края без участия ловца, отстранив его от рыбной промышленности и переведя на сельское хозяйство... Ловецкий вопрос надо решать с точки зрения объективной реальности, а не далеких отвлеченных положений и перспектив».[26]

С ослаблением государственной монополии на лов рыбы быстро стал расти в рыбной промышленности частный капитал, о чем свидетельствуют следующие данные:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.
Госорганы	82,5%	68%	51,8%
Кооперация	13,1%	14,7%	23,6%
Частный капитал	3,8%	17,7%	34,6%

Именно благодаря скачку в рыбной промышленности в 1925 г. Астраханская губерния по темпам роста оставила далеко позади другие нижневолжские губернии. Саратовская промышленность в 1925-26 хоз. году превысила результаты 1924-25 хоз. г. на 35,8%, сталинградская –

на 6%, астраханская – на 60%.

Рост частных организаций и возрастающая доля их капитала происходили благодаря исключительной мобильности и конкурентоспособности их по сравнению с государственными и кооперативными. Частные предприниматели очень быстро осуществляли товарооборот: у государственных и кооперативных организаций обычная скорость товарооборота не превышала 5-6 раз в год, а у частника – приблизительно 10 раз в год.

Газета «Коммунист» дает следующее описание частных скупщиков рыбы: «При проходе к морскому каналу нам навстречу довольно часто стали попадаться большие баркасы частных лиц, тащившие в город несколько рыбниц... Это скупщики рыбы. Многочисленной армией они выезжают на речной простор и ищут всюду ловца; они найдут в море и дешевую соль, нужен лед, найдут лед. Были бы только деньги, а владеть ими, оборачивать их с огромной быстротой они умеют и там, где предприятие или кооператив терпят убыток, частный скупщик имеет всегда барыш».[27]

Частные предприниматели использовали различные средства для расширения своей деятельности. Прежде всего использовали предоставляемые им кредиты. Так, банки Астрахани в 1924/25 хоз. г. предоставили частникам 3428000 рублей кредита при среднем сроке погашения 45 суток.

Вкладывали частные предприниматели в развитие рыбной промышленности и собственный капитал. В 1924/25 хоз. году эта сумма составила 7120000 рублей.

Благотворное влияние деятельности частника на рыбную промышленность Астраханской губернии признавал Губком ВКП(б). Так, на заседании Бюро Губкома 19 января 1926 г. при рассмотрении вопроса о развитии торговли отмечалась крупная роль частного капитала в насыщении рынка рыбной продукцией и другими предметами широкого потребления.

Но все же партийные организации губернии, как впрочем и по всей стране, настороженно относились к успехам частного предпринимательства, видя в нем угрозу реставрации капитализма и усиления классового врага. Поэтому, как только частный капитал стал укреплять свои позиции, побеждая в конкурентной борьбе государственные и кооперативные организации, партийные и государственные органы стали применять административные меры, сдерживающие его дальнейший рост. Так, на заседании Бюро Астраханского Губкома ВКП(б) 6 июня 1926г. при рассмотрении вопроса о кредитной политике банков отмечалось: «Учитывая отрицательную роль частного капитала в настоящий момент в рыбной промышленности, признать целесообразным временное ограничение его кредитования, для чего фракция Губисполкома срочно поставила вопрос перед центральными органами о временном прекращении аккредитивов по линии кредитных учреждений частным лицам».[28] Вскоре за решениями последовали дела. Частнику отказывали в кредите в астраханских банках, устанавливали директивные, невыгодные ему цены. Однако и при таком раскладе сил частный капитал не только не ослабевал, а давал некоторый рост. По данным «Бюллетеня рыбной промышленности» крупнейшие частные рыбопромышленные фирмы Нижнего Поволжья имели в 1927 г. следующую прибыль на вложенный капитал: Товарищество «Рыбник» – 307%; Братья Солдатовы – 400%; Братья Заславские – 455%; Маячное товарищество – 400%.

Значительный процент с прибыли частного капитала отчислялся в виде подоходного налога в местный бюджет. Так, фирма братьев Солдатовых из 133000 рублей прибыли в 1927 г. отчислила в налог 94000 руб.[29]

Таким образом, быстрый рост частного капитала, усиление конкуренции между частным, кооперативным и государственным секторами в промышленности и торговле способствовали дальнейшей стабилизации экономической ситуации в Астраханской губернии. Уже в

1926 г. улов рыбы достиг довоенного уровня.[30]

В 1927 г. со стороны Советского государства началась массированная атака на частный капитал. В феврале 1927 г. Пленум ЦК ВКП(б) принял постановление «О снижении отпускных и розничных цен». Это снижение, по мнению руководства страны и ВКП(б), необходимо было для дальнейшего ограничения капиталистических элементов, для подъема жизненного уровня рабочих и крестьян, для укрепления курса червонца. Пленум потребовал «во что бы то ни стало» к 1 июня 1927 г. на 10% сократить розничные цены».[31] Практика регулирования цен, бравшая начало со времен «ножниц» 1923-24 гг., распространялась с этого периода и на частный сектор экономики Астраханского края.

В 1927-28 гг. конкуренция окончательно была устранена из экономической жизни страны и заменена жестким, директивным планированием. Хозяйственные органы на местах окончательно превратились в приводные ремни системы. Они стали действовать строго по директивам, выработанным в центре.

Систематически, по нескольку раз в месяц, руководители государственных предприятий и кооперативов вызывались на бюро и Пленумы Астраханского Губкома. Страницы протоколов этих заседаний буквально дышат атмосферой нервозности,упорного давления со стороны партийных руководителей на хозяйственников. Требование было одно: любой ценой выполнить решение Февральского Пленума ЦК ВКП(б) 1927 г.

Еще более усилилось в этот период давление на частный сектор. Частные торговые организации органы власти либо сразу же закрывали, либо полностью лишали кредита, субсидий, государственного канала снабжения товарами и тем самым вынуждали уходить с рынка. В печати стали появляться призывы: «Не покупайте у частника!»

В этих условиях частные предприниматели сами старались поскорее избавиться от своих предприятий и торговых заведений. В газетах первого полугодия 1927 г. печаталось большое количество заявлений

о продаже столовых, кафе, магазинов, хлебопекарен и т.д. Быстрыми темпами шло сокращение городской частной торговли. Ее удельный вес в розничном городском товарообороте страны упал с 25,4% в 1927/28 гг. до 6,5% в 1929/30 гг. В Астрахани этот показатель сократился с 34,5% до 24,8%. В оптовой торговле частный сектор вообще к 1928 г. прекратил свое существование.

Несмотря на рвение исполнителей директиву партии выполнить так и не удалось. Рядовой потребитель реально не почувствовал проявленную о нем заботу. Хрупкое же равновесие было нарушено. Ушедшего с рынка частника ни кооперация, ни государственная торговля заменить не смогли. В астраханских газетах весной-летом 1927 г. все чаще стали появляться тревожные сообщения о всевозможных дефицитах на различные товары первой необходимости, очередях за продуктами, чего не было с 1922 г. На городском рынке 10 сентября 1927 г. «вольного подвоза рыбы не было совершенно» – сообщала газета «Коммунист».

Дефицит товаров повседневного спроса весной-осенью 1927 г. усугублялся слухами о приближающейся войне с Англией.

Осенью 1927 г. развернулась бурная кампания по укреплению обороноспособности страны и усилению бдительности. По этим проблемам прошли рабочие и партийные собрания, заседания партийных комитетов. «Хочешь мира – готовься к войне» – должно быть повседневным лозунгом, задачей во всей практической, творческой работе пролетариата, строящего социализм, – говорилось на расширенном собрании рабочих Астрахани в апреле 1927 г.

28 июня 1927г. в «Правде» были опубликованы «Заметки на современные темы» Сталина. Начинал Генсек следующим образом: «Едва ли можно сомневаться, что основным вопросом современности является вопрос об угрозе новой империалистической войны. Речь идет о реальной и действительной угрозе новой войны вообще, войны против СССР».[32]

Сталинские установки легли в основу партийных решений того времени. В Астраханской губернии под руководством партийных организаций прошли недели обороны, сбора денег на эскадрилью самолетов «Наш ответ Чемберлену» и другие подобные мероприятия.

Надуманную легенду о военной угрозе со стороны империализма Сталин и его единомышленники стремились использовать с целью насильственной ломки НЭПа и проведения ускоренной индустриализации страны.

На подобном внешнеполитическом фоне нэпманы выглядели «пятой колонной», готовой ударить в спину пролетарскому государству. В этих условиях многие граждане, особенно рядовые партийцы, одобряли мероприятия, направленные против частного капитала. Но в то же время население хорошо помнило недавние войны и голод 1921-22 гг. Напуганное слухами о предстоящей войне с Англией, население стало усиленно запасаться продовольствием и другими товарами первой необходимости. Рынок же, ослабленный уходом многих частных предпринимателей, начал давать сбои.

В Астрахани в начале июня 1927г. были настолько сильные перебои с продуктами, особенно с хлебом, что по городу прокатились стихийные возмущения.[33]

Очень эффективным средством борьбы с частным капиталом на последнем этапе его существования в СССР в 20-е гг. стала налоговая политика. Постановлением правительства от 18 мая 1927г. был узаконен временно принятый в 1926 г. так называемый государственный налог на сверхприбыль. При этом ставки налога стали составлять от 32 до 60% получаемой в хозяйстве прибыли. Таким образом, налоговый сбор был до такой степени велик, что заниматься предпринимательской деятельностью стало невыгодно.

По мере того, как расширялась сфера действия административных методов регулирования экономикой, ликвидировались хозяйственные органы, через которые осуществлялось взаимодействие государ-

ственного и частного секторов экономики. В 1927г. из 70 товарных бирж было ликвидировано 56, а вскоре прекратили свою деятельность и остальные. Синдикаты с 1928 г. стали включаться в отраслевые производственные объединения, то есть из самостоятельных хозрасчетных органов превратились в подразделения государственной промышленности. В конце 1927 г. было запрещено плановое снабжение частных предпринимателей и предоставление им ссуд. В 1930 г. были закрыты общества взаимного кредита.

В условиях нехватки финансовых ресурсов летом 1927 г. Советское государство впервые пошло на выпуск принудительных займов. Именно тогда, в 1927 г., стало ясно, что достигнут потолок в извлечении финансовых средств обычными методами. Кроме займов, пришлось прибегнуть к эмиссии денег и занижению цен на сельскохозяйственную продукцию: подобные действия в сфере экономики и финансов были чужды НЭПу.

Осенью 1927 г. в результате предшествующей экономической политики конца 1926-1927 гг. произошло нарушение связи между различными секторами экономики, между городом и деревней. Крестьяне не захотели продавать продукцию, понимая, что за нее ему дадут не промышленные товары, а «пустые», не обеспеченные ничем деньги. В результате такой политики в конце 1927- начале 1928 г. нечем стало кормить городское население. В 1926 г., в мирное время, страна перешла на карточное распределение продуктов. Зимой 1927-28 гг. положение с продовольствием стало критическим.

Начавшееся в широких масштабах разрушение частного сектора экономики означало насильственное уничтожение НЭПа. Путь к волюнтаристским действиям и большим скачкам был открыт.

§3. Экономическое развитие Астраханского края в 30-е годы

В 1925 г. XIV съезд большевистской партии, которая стала именоваться Всесоюзной – ВКП(б), взял курс на индустриализацию страны, который в целом отвечал историческим задачам страны. В противоборстве двух концепций – «бухаринской» (продолжение НЭПа, сбалансированное развитие промышленности и сельского хозяйства, приоритетное развитие тяжелой промышленности при одновременном внимании к производству предметов потребления, кооперирование крестьянских хозяйств на добровольной основе) и «сталинский» (свертывание НЭПа, усиление роли государства в развитии экономики, ужесточение дисциплины, форсированное развитие тяжелой промышленности, использование деревни как поставщика средств и рабочей силы для нужд индустриализации) верх одержала «сталинская» концепция. В целом курс на огосударствление экономики соответствовал мировым тенденциям конца 20-х- начала 30-х гг. С 1928 г. в практику вошло планирование развития экономики в расчете на «пятилетки». В ходе реализации трех первых пятилетних планов (1928-32; 1933-37; 1937-42, выполнение плана прервано в 1941 г.), несмотря на срыв завышенных плановых показателей, ценой неимоверного напряжения сил всего населения СССР достиг экономической независимости от Запада.

В декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б) принял директивы по составлению первого пятилетнего плана, причем из двух вариантов в качестве основного был взят оптимальный вариант, задания которого на 20% были выше отправного (минимального). План в мае 1929 г. был принят V Всесоюзным съездом Советов и получил статус закона. План должен был осуществляться в условиях НЭПа на основе хозрасчета предприятий и с опорой на рыночные методы стимулирования развития производства.

Уже в ходе реализации заданий первой пятилетки, в декабре

1929 г., в соответствии со сталинским лозунгом «Пятилетку – в четыре года!» стали пересматриваться плановые задания в сторону их увеличения. Свою роль сыграло ложное убеждение, имеющее глубокие корни в большевизме, что в экономике можно действовать так же, как и в политике, – организовать и вдохновить массы высокими идеями и бросить их в решительный бой за осуществление светлых идеалов. При всем том подавляющая часть населения, втянутая в водоворот социалистического строительства, с энтузиазмом обустраивала свое Отечество.

В Астраханском крае в соответствии с правительственными установками проходило активное обсуждение перспектив развития, вырабатывались в различных отраслях хозяйства свои планы, определялись темпы роста, шел поиск резервов для реализации плановых заданий.

Традиционной отраслью народного хозяйства края, являющейся своеобразным критерием уровня его экономического развития, являлась рыбная промышленность. Само понятие «рыбная промышленность» включает в себя целый комплекс сопутствующих направлений в структуре хозяйства, каждое из которых также имеет собственную инфраструктуру. Но тем не менее эффективное развитие рыбной промышленности обязательно предполагает строительство заводов и фабрик по переработке рыбы, развитие рыболовецкого флота и его оснастку, увеличение энергоемкости, решение транспортных проблем и т.п. Это, в свою очередь, способствует росту занятости населения в производственном процессе и улучшению его материального благосостояния. Опосредованно рыбная отрасль промышленного производства стимулирует жилищное строительство и формирование социокультурной сферы.

Особое место в программе развития рыбной промышленности Астраханского края, как и страны в целом, продолжал играть Волго-Каспийский бассейн. Этим объясняется и тот факт, что на реконструкцию и новое строительство рыбообрабатывающих государственных

предприятий, на усиление и механизацию речного тоневого государственного лова правительство выделило в 1931 и 1932 гг. 18 млн. 700 тыс. рублей. Всего же за первую пятилетку в развитие рыбной промышленности было вложено 82 млн. рублей.[1] Централизованное финансирование способствовало совершенствованию технологических процессов обработки рыбы, созданию мощной рыбоконсервной промышленности, широкой индустриализации и концентрации производства.

В 1931 г. произошли изменения в управлении рыбной промышленностью. Из системы Волго-Каспийского госрыбтреста был выделен Урало-Каспийский госрыбтрест. В Астрахани было создано управление Севкаспрыба, объединившее деятельность Волго-Каспийского, Калмыцкого, Урало-Каспийского и Каспийского зверобойного трестов. Перед управлением стояла безотлагательная задача реконструкции и переоснащения существующего и создание совершенно нового, механизированного рыболовецкого флота. Дело в том, что значительную долю в рыболовецком флоте Волго-Каспия составляли деревянные суда. К 1929 г. рыбные организации имели 26027 единиц деревянного флота, в большинстве своем устаревшего, малоемкого типа, построенного еще в довоенное время и сильно изношенного. В 1930-1931 гг. началось пополнение флота вновь построенными рыболовецкими судами. Только в 1930 г. 2305 деревянных судов были спущены на воду.

Одновременно появились новые орудия и способы морского лова. Впервые в СССР в 1930-31 гг. на морских просторах именно Северного Каспия появились флотилии сейнеров, вооруженных близнецовыми тралами, положившими начало механизированному судовому промыслу во внутренних водоемах. На Каспии они получили название сейнерных неводов.

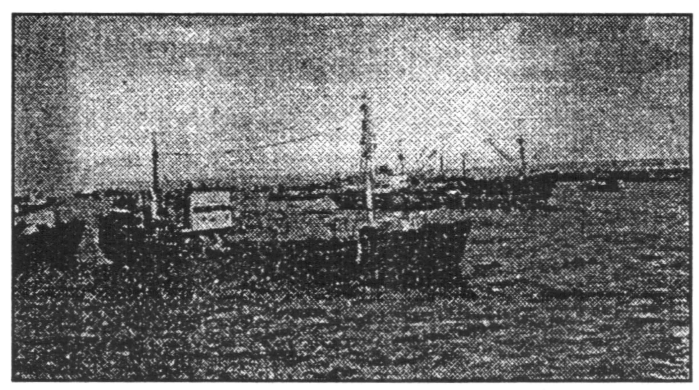
В 1928 г. механизированный флот состоял из 19 траулеров, а в 1932 г. их стало уже 78. Сейнеров в 1928 г. на Каспии вообще не было – в 1932 г. их насчитывалось 34. Волго-Каспийский механизированный рыболовецкий

флот значительно вырос в годы второй пятилетки, о чем свидетельствуют следующие данные.[2]

	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.
1. Морское рыболовство (Волго-Каспийский трест)					
а) сейнера	34	20	36	42	50
б) распорные невода	35	23	25	25	25
2. Речное рыболовство (Волго-Каспийский трест)					
а) рыболовные тони	55	58	62	71	91
б) в т.ч. механизированные	48	48	51	51	91

В эти же годы на астраханских судостроительных предприятиях закладывается более двухсот маломерных моторных рыболовных судов и начинается изготовление большого количества двигателей для использования на судах и тонях.

На Северном Каспии впервые в мировой практике ставные невода стали устанавливаться на значительном удалении от берега на морском мелководье. Прежде невода прочно крепились на береговой линии. На Каспии в 1934 г. был организован экспедиционный лов в виде Южно-Каспийской сельдяной экспедиции. По этому образцу и опыту через 15-20 лет были организованы советские океанические экспедиции в Атлантике и Тихом океане.[3]



Южно-Каспийская сельдяная экспедиция

Наряду с реконструкцией морского промысла технически преобразовывалось и речное рыболовство: к концу 1936 г. на большинстве тоней дельты Волги ручной замет и ручная тяга невода были заменены механическими.

Таким образом, в 30-40-е гг. практически произошла замена старо-

го рыболовецкого флота новым за счет его реконструкции, переоснащения, механизации и совершенствования методов лова рыбы. Эти важные мероприятия привели к значительному росту рыбодобычи в Волго-Каспийском промысловом бассейне, заметно расширили ассортимент добываемой промысловой рыбы. Исключительно большое значение в рыбном промысле составляли сазан, лещ, судак, вобла. В 1934-1936 гг. добыча леща в Северном Прикаспии достигла 1040 тыс. центнеров, в том числе в Волго-Каспийском районе – 982 тыс. В эти же годы среднегодовой улов судака колебался от 855 до 900 тыс. центнеров, сазана – до 220 тыс. Резко повысились уловы воблы, особенно в 1931-1936 гг. – до 2,5 млн. центнеров в год.[4]

С 1937 г., когда в Северном Прикаспии произошли глубокие изменения гидрологических и биологических условий, добыча промысловых рыб начинает постепенно снижаться, однако по-прежнему она оставалась значительной по общесоюзным масштабам.[5]

	Уловы в тыс. ц.			
	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.
1. Морское рыболовство (Волго-Каспийский трест)				
а) сейнера	-	27,4	40,5	41,4
б) распоры	33	25,2	59,3	9,3
2. Речное рыболовство (Волго-Каспийский трест)	180,3	198,0	331,7	379

В связи с ростом объемов добычи рыбы в Астраханском крае безотлагательной являлась задача создания мощных предприятий для ее переработки, обеспечения предприятий транспортным флотом.

Для решения этих задач в рыбную промышленность были вложены крупные материальные и денежные средства. С начала 1932 г. в связи со строительством крупных комбинатов капиталовложения увеличились по сравнению с 1929 г. более чем в пять раз, а к 1939 г. – в 9,5 раз. За 1932-39 гг. основные фонды выросли в 2,3 раза за счет введения в строй таких предприятий, как Астраханский рыбоконсервно-холодильный

комбинат, а также комбинатов Прикаспийского, им. Володарского и Оранжерейного. Самым мощным являлся, безусловно, Астраханский рыбокомбинат, вошедший в число 518 крупнейших новостроек СССР. В годы предвоенных пятилеток рыбокомбинат постоянно наращивал производственные мощности. Фабрики и заводы, строящиеся в его структуре, наполнялись новым технологическим и энергетическим оборудованием, расширялись за счет дополнительных производственных площадей, осваивали производство новейшей по тем временам продукции. История Астраханского рыбокомбината от его возникновения до превращения в крупнейшее предприятие страны исчисляется довольно ограниченным временем: 1930-1937 гг. За эти годы в структуре комбината появился ряд заводов и фабрик, сведения о которых представлены в следующей таблице:[6]

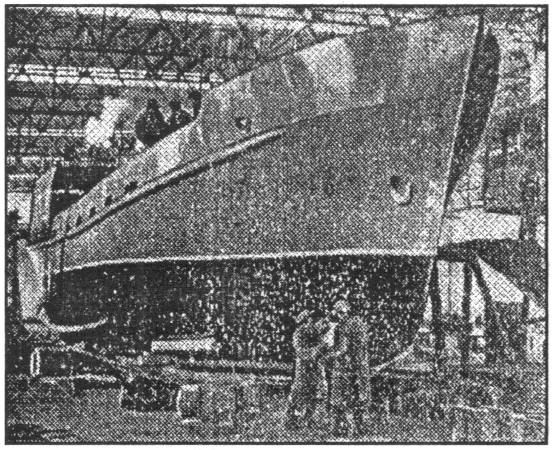
/пп	Предприятие	Дата сдачи в эксплуатацию
1	Жемчужно-патовая фабрика, вскоре вошедшая в состав жиро-мучного завода (нач. 1931 г.)	Конец 1930 г.
2	Консервный завод, по тем временам крупнейший в СССР и в Европе	1931 г.
3	Рыбокоптильный завод	1934 г.
4	Филейный завод	1935 г.
5	Икоро-балычный завод	1937 г.

Таким образом, к концу 40-х годов отечественная рыбная промышленность в лице Астраханского рыбоконсервно-холодильного комбината имела высокопродуктивное предприятие с высокой технологией производства и большими перспективами развития.

Наряду со строительством крупных заводов и фабрик в предвоенные годы были реконструированы в рыбзаводы старые промыслы, произведена их электрификация, налажено бесперебойное снабжение водой, частично осуществлена механизация трудоемких процессов.

Основой комплексного развития рыбной промышленности является, безусловно, наличие судоремонтных и судостроительных пред-

приятий. Их строительство и реконструкция занимали значительную долю в плановых заданиях, поскольку имевшаяся в Астрахани судостроительная промышленность уже не в состоянии была удовлетворить потребности рыбной отрасли народного хозяйства. В связи с этим в годы пятилетки была осуществлена коренная реконструкция созданного в 1925 г. судоремонтного завода им. Энгельса на базе судоремонтных мастерских рыбопромышленника Сапожникова, основанных в 1880 г. В 1935 г. здесь были построены новые корпуса механического, литейного и кузнечного цехов с современным оборудованием, а также электроподстанция и 1-я очередь причальной линии. Производственная мощность завода значительно увеличилась: в зимний период 1935-36 гг. было отремонтировано 264 судна, заложено строительство 8-колесных пароходов мощностью 140-180 л.с. и др.[7] Но все-таки полностью растущие потребности рыбного промысла не удовлетворялись. Поэтому было принято решение рядом построить крупную верфь деревянного судостроения – судоверфь им. С.М.Кирова. На ее строительство, начатое в 1931 г. и завершенное в короткие сроки, было вложено более 10 млн. рублей. Только за первый год работы верфь выпустила продукции на 6227,8 тыс. рублей. В 1937 г. верфь была объединена с заводами им. Энгельса и «Рыбосудмотор», превратившись в самое мощное судоремонтно-судостротельное предприятие рыбной промышленности Волго-Каспийского региона.



Сборочный цех судоверфи им. С.М. Кирова

В числе новых заводов, построенных в годы предвоенных пятилеток в Астрахани, является судоремонтный завод, сданный в эксплуатацию в 1930 г. и получивший название им. Сталина. На полную мощность он заработал в 1931 г.. На его строительство было вложе-

но 12 млн. рублей.

В этот же период на заводе им. III интернационала, история которого начинается в конце XIX в., произошла реконструкция механического, кузнечного, котельного, меднотрубного и других цехов. С 1972 г. на предприятии началось строительство слипа для ремонта разводной части судов и волжских нефтеналивных барж грузоподъемностью до 12 тыс. тонн, длиною 172 м., шириною 24 м. Общая стоимость слипа составила 7330 тыс. рублей. Первой на слип была поднята баржа «Иргиз» грузоподъемностью 10,4 тыс. тонн. Осуществлено это было в августе 1934 г., и с этого времени слип вступил в эксплуатацию. Кстати, подобный слип был в 1936 г. построен также и на судоверфи им. Кирова.[8]

Завод им. III Интернационала постепенно наращивал производственные мощности, с 1929 по 1937 гг. его валовая продукция возросла в 1,7 раза.

В предвоенные годы наряду со строительством новых активно производилась реконструкция и техническое переоснащение ранее действовавших судоремонтных и судостроительных предприятий. Среди них следует отметить завод им. Ленина, мастерские им. Артема (Сергеева), судоверфь Освода, мастерские «Красные баррикады» и ремонтные мастерские на месте теперешнего завода им. Урицкого.

К исходу 1937 г. в Астрахани в общей сложности, не считая мелких мастерских и ремонтных баз, работало 13 предприятий – судоремонтных заводов, мастерских и верфей деревянного судостроения. Уже в самом начале войны, в августе 1941 г., в Астрахани была создана ремонтная база пароходства «Волготанкер» (позднее – з-д им. XXX годовщины Октябрьской революции). Астраханские судоремнтные заводы за одну зиму ремонтировали до 500-600 судов, не считая рыболовецкого флота.[9]

Наряду с рыболовецким большую роль в хозяйственной жизни Астраханского края играл морской и рейдовый флот. Оба эти вида

флота и участок пути от пристани Бертюль до морского рейда с Волго-Каспийским каналом находились в ведении Каспийского пароходства (г. Баку), имевшего в Астрахани свое управление рейдовым флотом. Громадный поток нефтегрузов в морских нефтеналивных шхунах прибывал на астраханский морской рейд, так как из-за большой осадки не мог пройти по Волго-Каспийскому каналу. Из нефтеналивных шхун нефтегруз перекачивался в баржи рейдового флота и следовал дальше до астраханских нефтебаз, откуда перекачивался в речные баржи для дальнейшего следования вверх по Волге.

В 1929 г. речной нефтефлот Астрахани получил к имеющимся еще 20 барж общей грузоподъемностью 130 тыс. т.

В восстановительный период началась постройка новых 1200-сильных паровых колесных буксиров. В 1929 г. вступил в строй первый мощный буксирный пароход «Красный шахтер», переименованный позднее в «Георгия Димитрова». Он мог буксировать караван из четырех барж грузоподъемностью до 28 тыс. т. С этого периода началось систематическое пополнение флота новыми судами, так как ежедневный вывоз нефтепродуктов из Астрахани по Волге составлял уже 5233 тыс. т.

В апреле 1938 г. из состава Нижне-Волжского речного пароходства было выделено самостоятельное Волжское нефтеналивное пароходство Волготанкер.

Значительное пополнение нефтеналивного флота новыми судами, модернизация и увеличение мощности перекачивающих средств привели к росту нефтеперевозок, которые достигли к 1940 г. 7940 тыс. т. в навигацию.[10]

Традиционными в Астраханском крае оставались соляные промыслы. В 1935-40 гг. на Баскунчакском солепромысле были проведены большие работы по механизации ряда технологических процессов. Ручные тачки были заменены транспортерами. Ручная ломка соли в основном была заменена солесосами, с помощью которых стало возможным разрабатывать пласты соли глубиной до двух метров. Добы-

ча соли за час увеличилась до 80 т. вместо 40 ручным способом.[11]

Наряду с ведущими отраслями промышленности, характерными для Астраханского края, дальнейшее развитие в предвоенное десятилетие получили легкая и пищевая промышленность. Среди этих отраслей наиболее значимой в экономической структуре являлась деревообрабатывающая промышленность, поскольку ее развитие было непосредственно связано с судостроением и судоремонтом, а также с другими отраслями промышленности и жилищным строительством. В прямой связи с деревообрабатывающей отраслью находилось бондарное производство, также обусловленное своеобразным экономическим обликом региона: производство деревянных бочек (тогда их называли бондарной посудой) напрямую связано с рыбной промышленностью. Строительство первых бондарных заводов было начато в Астрахани в 1928 г., в том числе заводов им. Сталина и им. Дзержинского. В предвоенные годы они полностью обеспечивали местные нужды, часть продукции производилась для других городов Волго-Каспийского региона.[12] Так, например, з-д им. Сталина только в 1935 г. выпустил 994,4 тыс. цент. тары бондарной, 8864 куб. м тары ящичной и 17761 куб. м пиломатериалов.

Для проведения различных ремонтных работ на предприятиях и учреждениях Астрахани создавались металлобрабатывающие предприятия. К ним относятся: литейно-механическая мастерская управления лесозаводов; судоремонтная мастерская Астраханского рыбакколхозсоюза; судоремонтная мастерская Северо-Каспийского управления регулирования рыболовства и мелиорации; механическая мастерская Гордет-комиссии. Все они были созданы в 1929 –1932 гг. за исключением мастерской Севкаспрыбвода, основание которой относится к 1902 г.

Заметную роль в экономике края играли отрасли легкой, или, как ее тогда называли, местной промышленности. Такое название возникло в связи с тем, что после ликвидации в 1932 г. Совнархоза эти отрасли перешли в подведомство краевому управлению местной промышлен-

ности. К концу 30-х гг. местная промышленность в крае была представлена ватной, швейной, макаронной, заводом безалкогольных напитков, пивоваренным, кожевенным и овчинно-шубным заводами.

Динамика развития местной промышленности в этом составе предприятий на 1 января 1936 г. выглядит следующим образом.[13]

	1928 г.	1932 г.	Прирост за 1 пятилетку в %	1933 г.	1934 г.	1935 г.	Прирост за 3 года 2-й пятилетки в %
1. Валовая продукция в тыс. руб.	1319	5737	+335	4402	5727	6466,3	+12,6
2. Число рабочих	301	471	+56,4	623	743	828	+75,7

Как и во всех других городах и поселках страны, в Астраханском крае, прежде всего в Астрахани, дальнейшее развитие получила пищевая промышленность, в структуре которой находились мясокомбинат (с 1930 г.), хлебокомбинат (3 завода), молочный завод (1933 г.). Развивалось в крае консервное производство. Имевшиеся на территории края консервные заводы в 1926 г. были переданы в ведение Астраханского губисполкома. Построенный в 1916 г. на Криуше мясоконсервный завод, в 30-е годы был дважды реконструирован, на его территории появились новые корпуса консервного и томатного цехов.

Важную роль в развитии рыбной промышленности Астраханской губернии играло сетевязальное производство. Построенное в 1911-1913 гг. на окраине города предприятие «Товарищество механической сетевязальной фабрики в Астрахани» в начале 30-х годов было преобразовано в машинизированное сетевязальное предприятие. К 1933 г. на фабрике насчитывалось уже 23 сетевязальных машины. Благодаря совершенствованию организации труда и технологии сетевязального производства объем валовой продукции фабрики в 1940 г. составил 3830 тыс. рублей.[14]

Развитие всех отраслей промышленности в Астрахани повлекло

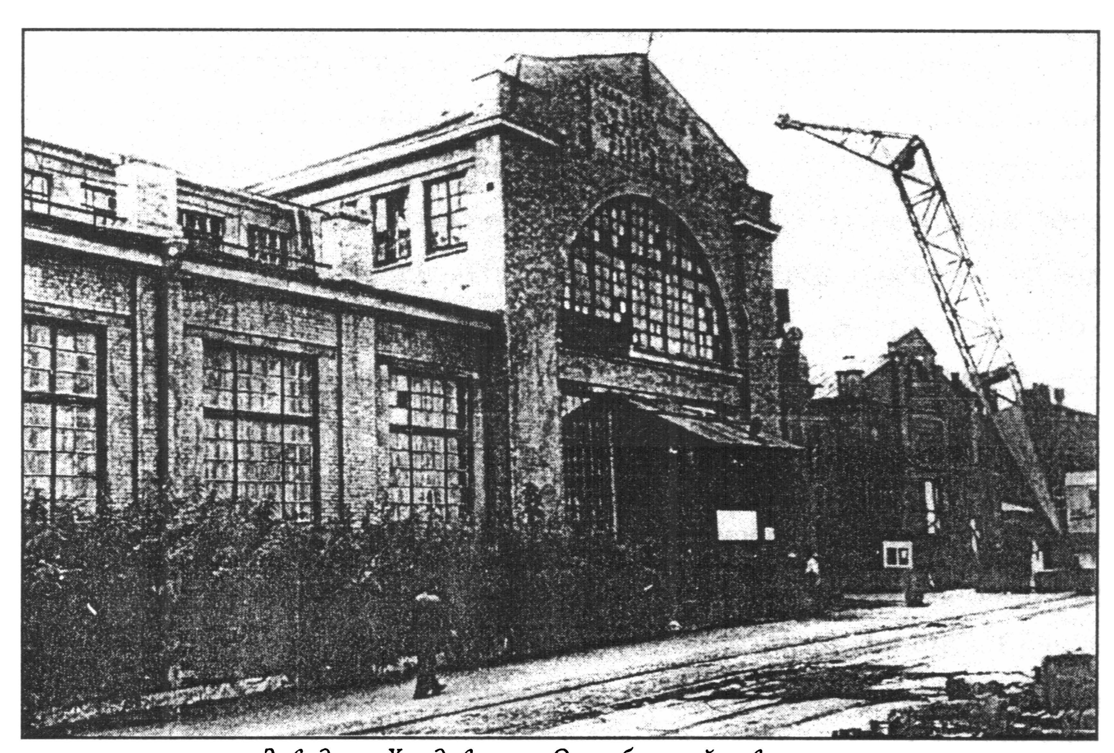
значительный рост потребления электроэнергии, что поставило вопрос о необходимости расширения городской электростанции. К ноябрю 1928 г. ее мощность с 800 киловатт в 1925 г. выросла до 3600. Быстрая загрузка расширенной станции и непрерывно возраставший спрос на электроэнергию со стороны промышленности, транспорта и других предприятий города уже в 1929 г. привели к необходимости ее дальнейшего расширения. 17 ноября 1929 г. постановлением крайисполкома был одобрен план расширения мощности станции до 10-11 тыс. киловатт. Однако в следующем, 1930 г., в связи с решением Краевого центра о постройке в Астрахани районной электростанции и наличием ряда затруднений для расширения станции по намеченному ранее проекту (отсутствие помещений для котельных установок, нарушение квартальной планировки города при возведении новых зданий для станции и прочее) – президиум горсовета Астрахани 14 августа 1930 г. принял решение расширить станцию до 5000 киловатт и о строительстве в Астрахани районной электростанции.

Работы по новому расширению станции велись на протяжении 1931-1934 гг. Уже в 1933 г. мощность станции была доведена до 6200 киловатт и оставалась без изменений все предвоенные годы.[15] Все эти меры дали возможность снабдить энергией ряд предприятий, в первую очередь промышленных, а также частично расширить сеть уличного освещения города. Кроме того, увеличение мощности станции позволило значительно удлинить протяженность трамвайных путей и увеличить количество пассажирских перевозок трамваем.[16] В 1937 г. было перевезено 35,2 млн. человек вместо 5,5 млн. в 1923-24 гг.

Характеризуя достижения в экономическом развитии Астраханского края в предвоенное десятилетие, следует признать, что действительно, результаты во многих отраслях промышленного развития были впечатляющими. Людям был свойственен неподдельный энтузиазм, стремление любой ценой выполнить правительственные задания. Для этого потребовалось неимоверное перенапряжение и концентрация

всех сил, за счет которых и был осуществлен индустриальный прорыв.

Следует различать, когда речь идет о сооружении новых и реконструкции старых промышленных и других предприятий, и когда о их реальной производственной отдаче. Хотя цифровые производственные показатели и внушительны, однако некоторые предприятия государственные планы хронически не выполняли, поскольку последние изначально были завышены и никак не сообразовывались с реальными возможностями завода или фабрики и коллектива людей, на них работающего. Кроме того, не единичны примеры организационной неразберихи, отсутствия необходимой финансовой базы. Руководство завода им. X годовщины Октябрьской революции, например, долгое время не могло выяснить, кому предприятие должно подчиняться – Судостройремонту или Совторгфлоту. Попытки директоров ряда заводов открыто поставить некоторые вопросы, касающиеся издержек производственной деятельности, большевистское руководство расценивало как политический демарш.



Завод им. X годовщины Октябрьской революции

В 1931 г. завод им. III Интернационала выполнил план судоремонта только на 70%, в итоге во всем были обвинены оппортунисты и троцкисты, которых усиленно стали искать в коллективе завода. Невыполнение плана заводом им. X годовщины Октябрьской революции было поставлено в вину «правооппортунистическому руководству завода».[17]

Парадокс ситуации тех лет заключается в том, что необдуманно высокие темпы производства в какой-то мере способствовали концентрации усилий производственных коллективов, и вместе с тем дезорганизовывали и лихорадили их работу, вызывали чувство растерянности, а зачастую и страха. Особенно наглядно это проявлялось при реализации сталинской политики «форсированного рывка в деревне».

Сознавая, что форсированная индустриализация и упрочение командных высот в экономике невозможны при сохранении мелкотоварного частного крестьянского хозяйства, сталинское руководство в 1928-29 гг. взяло курс на «сплошную коллективизацию» деревни и ликвидацию зажиточного слоя крестьянства («кулачества»). Создание формально самоуправляемых коллективных хозяйств (колхозов), которые наряду с государственными хозяйствами (совхозами) стали основными производителями сельскохозяйственной продукции, позволило советскому государству значительно увеличить объем принудительных заготовок продовольствия и сырья, хотя сельскохозяйственное производство оставалось на уровне 1924-28 гг. Насильственное изъятие сельхозпродукции без учета потребностей самой деревни привело в 1932-33 гг. к массовому голоду на Украине, в Поволжье, на Северном Кавказе, жертвами которого стали миллионы человек.

Характеризуя хозяйственную жизнь астраханской деревни, следует отметить, что здесь традиционным занятием населения являлся рыбный промысел. Сельское хозяйство и, в частности, производство зерна не получило на территории Астраханского края достаточного распространения. Несмотря на это, сельскохозяйственное производство играло важную роль. Достаточно сказать, что накануне перехода к

пятилетним планам посевные площади в крае составляли 110,3 млн. га.[18]

Преимущественными направлениями сельскохозяйственного производства являлись садоводство, виноградарство, огородничество и бахчеводство. В годы предвоенных пятилеток эти отрасли сельского хозяйства большого развития не получили, оставаясь примерно на уровне 1926-27 гг. и по количеству занимаемых площадей, и по собранной продукции. Объясняется это обстоятельство тем, что местные хозяйственные организации и органы власти не придавали особой роли ни садоводству, ни виноградарству, не усматривая в них стабильных источников пополнения государственной казны. Сами же крестьяне, поставленные под жесткий государственный контроль, не видели смысла расширять личное садоводство и виноградарство, поскольку оно не приносило им заметных доходов. Загоняемые насильственно в рыболовецкие колхозы, жители деревень все более отрывались от земледельческих работ, что не могло не сказаться на урожайности садов и виноградников в Астраханском крае. Официальная статистика свидетельствует о том, что к 1935 г. общая площадь астраханских виноградников сократилась до 130 га против 1200 в 1913 г. Соответственно сократился и вывоз винограда в северные города России: в 1913 г. вывозилось 200-300 тыс. пудов (3-5 тыс. т.), в 1934 г. – всего лишь 13 т.

Идентичная картина наблюдалась и в садоводстве.

Несколько стабильнее обстояло дело в огородничестве и бахчеводстве. Урожайность огородов и бахчей в условиях поливного хозяйства достигла с одного гектара 38 т. помидор, 133 т. арбузов, 50-100 т. кормовой свеклы. Значительная часть урожая поступала в другие регионы России, прежде всего в северные города. Но и в этой отрасли сельскохозяйственного производства в эти годы шло сокращение посевных площадей.

В годы пятилеток предпринимались попытки, не давшие, однако, ощутимого экономического эффекта, расширить посевные площади и увеличить сбор урожая технических культур: хлопка, сои, кунжута,

арахиса и некоторых других. Не занимая первенствующих позиций в сельскохозяйственном производстве, эти культуры являлись важным сырьевым источником для развития местных отраслей промышленности.

Исключительно важное значение в сельскохозяйственной деятельности жителей края занимало выращивание риса, урожайность которого в 1935-1936 гг. составляла 16 ц с гектара.[19] С этого времени выращивание хлопка почти полностью прекращается, уступая место рисоводству. В 1939 г. урожай риса в отдельных хозяйствах достигал 42,7 ц с гектара.[20]

Традиционным занятием сельского населения края являлось животноводство, хотя и его развитие в предвоенные годы значительных результатов не достигло. Более того, в указанный период значительно сократилось поголовье скота в результате его насильственного изъятия у крестьян, отнесенных по большевистским меркам в разряд кулаков. Не избежали такой участи и многие середняцкие хозяйства.

Подавляющая часть сельского населения Астраханского края занималась рыболовством, которое являлось основным источником его доходов. Все другие занятия были сопутствующими и играли, как правило, второстепенный характер, теряя из года в год товарный характер.

К 1927 г. на базе ранее сформировавшихся производственно-кооперативных товариществ ловцов стали складываться ловецкие артели, которым передавались суда, построенные за счет государственных кредитов. К началу 1928 г. в Астраханском районе насчитывалось 12 рыболовецких артелей. Дополняя общую картину добровольных действий сельского населения по совместной организации труда, следует заметить, что кроме рыболовецких артелей в Астраханском крае в 20-е годы широкое развитие получила промысловая кооперация. На 1 января 1928 г. в крае действовало 40 кооперативов, объединивших 1747 человек.[21] Кроме того, по инициативе сельских жителей создавались крестьянские общества взаимопомощи. Все эти коллективные объе-

динения имели уже достаточно большой опыт и вполне справлялись с решением насущных хозяйственных задач.

Так обстояло дело до XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.). Хотя на съезде не шла речь о сплошной коллективизации, последующая практика, однако, не соответствовала его решениям. Съезд, в первую очередь, поставил вопрос о развитии всех форм кооперации, о том, что кооперативная задача постепенного перехода к коллективным формам хозяйствования дело длительное и сложное. Во многих документах ближайшего послесъездовского периода пока еще отсутствовало требование «быстрейшей коллективизации», «форсирования темпов» и т.п. Об этом свидетельствуют материалы постановления бюро Астраханского губкома партии «Об организации отдела по работе в деревне» (8 февраля 1930 г.), VI губернского съезда крестьянских обществ взаимопомощи, Резолюция собрания уполномоченных колхозов (весна 1928 г.). В решениях этих форумов говорилось о развитии в крае всех отраслей сельскохозяйственного производства на базе четкого планирования и учета социальных факторов села, но ничего не говорилось о сроках коллективного строительства и их форсировании.[22]

Форсированный характер колхозное строительство приобретает в последние два месяца 1929 г. и в первые месяцы 1930 г. Не перегружая текст избыточными статистическими сведениями по всем показателям коллективизации рыболовецких частных промыслов за каждый год пятилеток, приведем лишь промежуточные данные, отражающие общие тенденции этого процесса. К февралю 1930 г. в рыболовецкие колхозы вступило 23598 ловецких хозяйств, что составляло 80% к общему количеству рыбацких хозяйств в округе. Однако насильственные меры по обобществлению средств производства, ликвидация рыночных структур во всех сферах ловецкого хозяйства привели к сокращению роста колхозов и выходу из ранее созданных части ловцов. Так, если на 1 марта 1930 г. по Астраханскому округу было коллективизировано 80,3%, то к 1 апреля 18,2% ловцов вышли из колхозов.[23]

Заметный перелом в развитии рыболовецких колхозов наступил после опубликования постановления Советского правительства от 16 апреля 1930 г. «О льготах ловецким колхозам и единоличным рыбацким хозяйствам», установившего сдельную оплату труда ловцов (75% от улова в море и 65% – в реке). В дальнейшие годы продолжалось строительство колхозов, но не столько за счет создания новых сколько за счет разукрупнения существовавших. К концу второй и началу третьей пятилетки коллективизация рыболовецких хозяйств в Астраханском крае в основном завершилась. Об этом свидетельствуют статистические данные, приведенные исследователем С.Е. Дорохиным по Икрянинскому, Камызякскому, Володаровскому, Красноярскому и Наримановскому районам: в 1937-1940 гг. в указанных районах было 103 рыболовецких колхоза, в которые в 1937 г. входили 32215 человек, а в 1940 г. – 57338 (25110 дворов). Колхозы были объединены в Астраханский союз рыболовецких колхозов (АРКС).[24]

Кратко характеризуя организацию рыболовецких колхозов, следует отметить, что постепенно укреплялась их материальная база, совершенствовались методы лова рыбы, частично была осуществлена механизация труда, для ремонтного обслуживания рыболовецких судов в 1932-33 гг. стали создаваться моторно-рыболовные станции (РМС) по типу МТС в сельскохозяйственной отрасли производства.

Все эти преобразования значительно повысили производительность труда рыбаков. В весенние путины средний вылов рыбы на рыбака-колхозника был в два-три раза выше рыбака-единоличника. Разнообразные статистические сведения по многим показателям организации, содержания и эффективности производственной деятельности рыболовецких хозяйств Астраханского края представлены в доступных читателю опубликованных источниках и работах исследователей-краеведов, поэтому здесь нет необходимости их повторять.* Следует лишь заметить, что преобразование мелкого хозяйства в крупное кол-

*См. «Примечания» к настоящему параграфу.

лективное, позволило перевести рыбное производство в крае на плановые начала его регулирования и управления. Государство, таким образом, обрело возможность устанавливать не только объем и другие параметры производства, но и, главным образом, размеры ежегодных поставок продукции этого производства, гарантирующих получение почти ее половины с правом полного и бесконтрольного распоряжения. Такая система взаимоотношений колхозов с государством означала внеэкономический характер принуждения колхозника к труду, вследствие чего тот утрачивал заинтересованность в подъеме хозяйства своей артели.

В последнее время в отечественной литературе преобладают негативные оценки коллективизации. Конечно, в истории отечественной деревни это едва ли не самая трагическая страница. Достаточно лишь напомнить о раскулачивании, возведенном в ранг официальной политики в деревне, и о насильственном переселении «кулаков» как ее составной части, об экспроприации и обобществлении личного скота, птицы, рыболовецких снастей, лодок, предметов домашнего обихода и т.д. Неоспоримым является факт тесной связи коллективизации и раскулачивания, взаимообусловленной всем ходом развития социально-экономических отношений в рассматриваемый период. Но признание этого не дает оснований отрицать или замалчивать другое: коллективизация обеспечила форсированную перекачку средств из крестьянских хозяйств в промышленность; она позволила во второй половине 30-х годов постепенно стабилизировать экономическое положение в Астраханском крае, как и в стране в целом, повысить производительность труда в колхозном производстве.

§4. Политические события в крае в 20-30-е годы

Накануне Октябрьской революции большевики неоднократно заявляли о необходимости слома старой государственной системы. Вместо нее они пытались создать государство нового типа – государство-

коммуну. Оно задумывалось ими как антитеза прошлого строя, с преодолением главного свойства в виде насилия над гражданами. Ленин дал его беглое описание в работе «Государство и революция». Это было государство «без полиции, без постоянной армии». В нем отсутствовала бюрократическая, политическая и экономическая власть. Самым главным достижением этого государства было бы отсутствие бюрократии, этих «привилегированных людей, оторванных от масс и стоящих над массами». С уничтожением бюрократии рабочий класс получал реальную свободу. В таком государстве Советы составляли бы политический стержень общества. А рабочий контроль выполнял бы роль экономической основы, развивая промышленное производство и обеспечивая самоуправления на уровне рабочего места. Эта изначально утопическая идея была обречена на провал. Она предполагала построение современного индустриального общества при помощи примитивного административного порядка и полуграмотными специалистами. Крах идеи обозначился сразу же после прихода большевиков к власти. Но мысль о построении государства-коммуны не была отброшена, она, под воздействием текущих обстоятельств, претерпевала изменения. В итоге, наименование оставалось прежним, а содержание изменилось до прямо противоположного от изначально задуманного.

Под советской оболочкой выступали характерные черты самодержавного государства: сверхцентрализация и идеологизация власти, отсутствие выраженного разделения властей, пренебрежение к праву, демократическим свободам, нетерпимость к «оппонированию» и стремление государства к монополизации всего политического пространства, бесконтрольность и огромная роль тайной полиции, громоздкость аппарата.

После гражданской войны, закончившейся в конце 1920 г., наступил период созидательной деятельности. В этих условиях ее характер определялся политическими установками центрального руководства.

Астраханский край как составная часть России находился в кон-

тексте всех происходящих событий, реализуя на региональном уровне внутреннюю политику нового государства.

В 1921 г. партийное руководство провозгласило курс на новую экономическую политику. В соответствии с ней в сферу производства и торговли допускались частные элементы. К концу 1920-х годов стало ясно, что населению необходимо предоставить политические и гражданские свободы. Но это могло привести коммунистическую партию к утрате монополии на власть, что не устраивало партийное руководство, и оно инициировало кампанию на прекращение НЭПа. Одной из самых значительных акций этой кампании была так называемая «астраханщина».

Начало этому делу было положено небольшой статьей в ежедневной Астраханской окружной газете «Коммунист» под заголовком «Протодьяконов и его присные», где отмечались некоторые недостатки в работе рыбных промыслов. В последующем материалы на эту тему заполнили страницы не только местных, но и центральных газет: «Правды», «Труда», «Известий», «Комсомольской правды». Проблему освещали ведомственные и региональные издания: газета «Борьба», «Экономическая газета», «Рабочая газета», «Ленинградская правда», «Уральский рабочий».[1] В орбиту публичного внимания попали частные предприятия по вылову рыбы. Очень скоро было выявлено множество злоупотреблений в их работе, а все связанное с этим получило название «астраханщина».

Газеты сообщали, что частный капитал для укрепления своих позиций использовал подкуп чиновников государственного аппарата, разлагая его идейно и нравственно. В результате подрывной работы частники ежегодно не доплачивали налоги, сумма которых составила 5,5 млн. руб. Разложение аппарата руководящих органов привело не только к убыткам, «оно стало изменять соотношение сил в экономике рыбной промышленности».[2]

Среди тех, кто прикрывал частника, газета называла 25 советских

служащих во главе с председателем губернской налоговой комиссии А.В. Адамовым, а также 16 сотрудников финансового отдела во главе с руководителем А.В. Панковым и его заместителем В.С. Протодьяконовым. Они, как свидетельствовала пресса, в 1925-1928 гг., в интересах частного капитала, сознательно искажали содержание налоговой политики Советского государства, снижали налоговое обложение частных предприятий и предоставляли им незаконные отсрочки платежей.

Вплоть до последнего времени «астраханщина» рассматривалась как пример сращивания частного капитала с госаппаратом, что создавало большую опасность социалистическим преобразованиям в Астраханском округе.

Сегодня, ретроспективно оценивая эти события, можно утверждать, что это была кампания борьбы с НЭПом, в рамках борьбы за власть в высшем политическом руководстве страны. Более эффективная работа частного сектора была объявлена результатом преступной деятельности хозяйственных и партийных руководителей губернии.

Сам рост частных элементов был результатом новой экономической политики, проводимой государством. Так, если в 1923 г. частнокапиталистический сектор на скупке и промышленной обработке рыбы-сырца составлял от общего улова 3,8 %, то в 1926 г. – уже 24,3 %. За три года, с 1924 по 1927, сумма оборота частного капитала увеличилась с 10,4 до 28,1 млн. руб. В 1926-1927 гг. из 4400 торговопромышленных предприятий губернии 3700 были частными. Экономическая конкуренция частных и государственных промыслов демонстрировала явное преимущество первых и нежизнеспособность вторых. Если государственные промыслы зачастую были убыточны, то прибыль частных доходила до 1000 %. Практика не подтверждала теоретических постулатов о превосходстве социализма, и отстоять социалистическую теорию можно было только административными методами.

После развернутой в прессе кампании было начато уголовное преследование. По масштабности «Астраханщина» превосходила все ранее проходящие процессы, включая «Шахтинское дело» 1928 г. К суду были привлечены свыше 130 человек, допрошены тысячи свидетелей, судебные заседания длились более месяца. По решению суда 14 обвиняемых были приговорены к расстрелу, 14 получили по 10 лет заключения, 103 были осуждены на различные сроки лишения свободы. Только 8 человек обвинялись по статьям о должностных преступлениях и 121 – по статье 58 пункт 7 – «Экономическая контрреволюция». Из общего числа осужденных 70% составляли частные предприниматели.

Сразу же после процесса в местной и центральной прессе зазвучали призывы к «вытеснению частника» из производственной сферы.

Таким образом, «астраханщина» стала важным событием внутриполитической жизни всей страны. Этот процесс положил начало свертыванию НЭПа и переходу страны к административно-командной экономике. Вместе с тем «астраханщина» стала примером, на основе которого зарождалась практика судебных фальсификаций, получивших впоследствии широкое распространение.

В конце 20-х годов партия приступила к решению одной из своих главных задач – коллективизации сельского хозяйства, так как крестьянство составляло около 80% всего населения Советской России.

Темпы перевода крестьян в колхозы на первых этапах не устраивали партийное руководство, и тогда было принято решение о проведении массовой коллективизации. К первой группе областей, где предполагалось завершить переход к новой системе весной 1931 г., относилась и Нижняя Волга. Понимая, что на добровольной основе эту задачу не решить, а чисто административные меры могли вызвать крестьянские выступления, партийное руководство прибегло к практике противопоставления одной части деревни другой.

Для этого были определены «враги». Таковыми стали «кулаки» и «подкулачники». Был взят курс на их уничтожение. В декабре 1929 г.

Сталин провозгласил переход к политике ликвидации кулачества как класса. Это послужило сигналом к проведению кампании «раскулачивания», с размахом развернувшейся в стране, включая и Астраханский край. Для практического руководства работой при Астраханском окрисполкоме постановлением от 2 февраля 1930 г. была создана особая комиссия (ООК). 4 февраля 1930 г. бюро Астраханского окружкома партии приняло решение «О мерах ликвидации кулачества как класса». В нем говорилось: «Обострение классовой борьбы в ловецкой и сельскохозяйственной деревне, упорное и бешеное противостояние кулачества сплошной коллективизации, выдвигает необходимость ускорения ликвидации кулачества».

Процесс раскулачивания набирал ход. К 30 марта 1930 г. из 5102 крестьянских хозяйств, отнесенных к категории кулацких, было ликвидировано 3916.[3] Из местного партийного, комсомольского и сельского актива создавались специальные бригады по раскулачиванию. У «кулаков» конфисковывали скот, движимое и недвижимое имущество и инвентарь. Все это поступало в собственность колхозов.

Весь процесс раскулачивания происходил под контролем властей. В Постановлении бюро окружкома от 4 февраля 1930 г. говорилось:

1. Ликвидацию кулацких хозяйств и высылку кулацких элементов с семьями согласно указаниям, данных крайкомом, провести одновременно по всем районам округа по следующим срокам:

а) учет, организационную подготовку и изъятие активных контрреволюционных элементов окротделу ГПУ провести с 1 по 10 февраля;

б) конфискацию имущества кулацких хозяйств – с 10 по 15 февраля;

в) к 20-му февраля должна быть закончена высылка.[4]

Под удар раскулачивания, в первую очередь, попадали крепкие крестьяне, не желающие идти в колхоз. Объявляя их врагами сельских тружеников, местные власти сумели провести коллективизацию в установленные сроки. Но эта кампания сопровождалась оппозиционными выступлениями. 8 февраля волнения произошли в с. Марфино, 22

февраля – в Капустином Яру, в ночь на 7-е марта – в с. Ильинка, 20 марта – в с. Барановка и т.д.

Особый размах события приняли в с. Началове, или Черепахе, как оно называлось в то время.

Здесь кулацкими были объявлены 250 договоров, или 26% всех хозяйств села. Поводом для коллективного возмущения послужило «выселение из кулацких дворов 26 кулацких семейств».[5]

Когда жители села пришли к дому сельского Совета для выяснения ситуации, то никаких ответов на свои вопросы они не получили. Более того, когда обстановка стала накаляться, местные активисты и милиционер стали стрелять из имевшихся у них наганов. После этого толпа бросилась на штурм сельсовета. В результате семь человек были убиты, несколько человек ранены.

23 февраля были произведены массовые аресты крестьян. 13 марта 1930 г. решением суда 12 человек были приговорены с смертной казни, а 35 получили от 5 до 10 лет заключения.

После волнений в селе все противники колхозного строя были либо устранены, либо насильственно зачислены в колхоз. Остальной бедняцкой массе ничего не оставалось делать, как записаться в колхоз: было подано 120 заявлений. Кроме того, все жители поселка высказались за 100% вступление в колхоз. Насилие, осуществляемое властью, не давало крестьянам другого выбора. К 1933 г. коллективизация в Астраханском крае в основном была завершена. За этот же период, в 1929-1933 гг., здесь было раскулачено 9000 крестьянских и рыболовецких семей, чем был нанесен серьезный ущерб народному хозяйству.

Советское руководство, создав политическую систему репрессивного толка, сделало массовый террор составной частью внутренней политики. Среди невинно пострадавших насчитывается 65 тысяч астраханцев.

Особый размах репрессии приобретают во второй половине 30-х гг. Экзекуции подверглись местные советские и партийные орга-

ны, обвиняемые в отходе от «генеральной» линии партии.

Формируемый новый партийно-советский аппарат управления в последующем всегда был послушен и шел в фарватере решений, принимаемых в центре.

Астрахань была избрана местом ссылки тех, кто попадал по разным причинам в разряд противников сталинского режима. Сюда в июне 1937 г. направляют так называемых «членов семей изменников Родины». На 5-е июля 1937 г. их насчитывалось 69 человек. Среди них были, в частности, жены Бухарина, Тухачевского, Радека, Гамарника, Уборевича, Фельдмана, Якира, Корна и др. В сентябре, по решению особого Совещания НКВД, все они были осуждены к заключению в лагерь и переправлены в Темниковский лагерь, находящийся на станции Потьма Казанской железной дороги. Дети в возрасте с 3-х до 15-и лет включительно, находящиеся при матерях, по специальным нарядам направлялись в детские приемники, в возрасте 1-3-х лет – в детские здравотделы.

Общая волна террора не миновала в эти годы и Астраханский край. В отчете одного лишь Водного отделения окружного отдела НКВД приводятся данные о количестве репрессированных с августа 1937 г. и за весь 1938 г.: «Были ликвидированы: право-троцкистская организация из 42 чел. Право-троцкистская организация в Рейдтанкере из 26 чел. Фашистская организация из 22 чел. Меньшевистская организация из 8 чел. Эсеровская организация из 28 чел.Резидентур иностранных разведок – 29 чел.».

Репрессии, как правило, были направлены против людей неординарных. Новая политическая система не терпела даже потенциального инакомыслия. Примером этому является акция местных органов внутренних дел против профессорско-преподавательского состава Рыбвтуза. Были арестованы и после предъявления абсурдных обвинений расстреляны ведущие преподаватели и ученые рыбного института: А.З. Шуба, С.И. Виноградов, Л.К. Кульбицкий, Д.А. Ксентицкий, С.А. Маслов, Б.М. Сукальский, А.К. Сенюта, В.М. Брысин, Н.Н. Милови-

дов. Во время следствия в тюрьме умерли А.Г. Архипович и К.Ф. Киселевич. Несколько преподавателей были осуждены на различные сроки.

Показательна судьба крупного ученого, специалиста по проблемам рыбных запасов дельты Волги и Каспия К.Ф. Киселевича. Он был известен как автор более 60 работ, в его честь было переименовано речное судно. Видимо, используя такую известную личность, предполагалось сделать очень громкое дело. Арестован он был в Астрахани 11 июня 1938 г., но затем, через 1,5 месяца, направлен в Сталинград, в то время административный центр Нижнего Поволжья. Следователь, ведущий это дело, работал под непосредственным контролем начальника областного отдела НКВД. В рапорте о необходимости продления следствия указывалось о Киселевиче как об организаторе вражеской группы численностью до 50 человек. А вменялась ему в вину попытка отравить всю рыбу в устье Волги и в Северном Каспии. Смерть от инфаркта 29 сентября 1939 г. помешала этим «высоким» намерениям.

Трудно дать однозначную оценку социально-политических событий 20-30-х гг. Несмотря на драматизм и противоречивость жизни страны в этот период, свое место в обществе, взамен утопических планов «революционной перековки все и вся», занимали идеи сильной государственности, патриотизма, высокого профессионализма в труде. Все-таки атмосфера этих лет была окрашена не только в мрачные тона, но и пронизана пафосом свершений, здоровым мироощущением людей, занятых в большинстве своем созидательным трудом. Конкретные достижения в народном хозяйстве страны, в данном случае, в Астраханском крае, являются тому подтверждением.

В преддверии войны правящий режим был вынужден перейти к политике объединения и сплочения не под флагом классовой борьбы с внутренней контрреволюцией, а на общегражданских и патриотических началах.

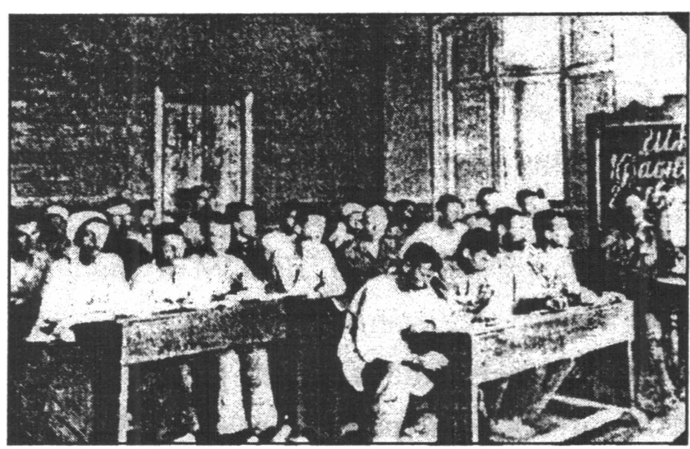
§5. Народное образование и подготовка кадров в Астраханском крае в 30-е годы

Главные задачи в сфере образования в 30-е годы оставались те же, что и в 20-е, – ликвидация неграмотности, введение всеобщего начального образования, массовая подготовка специалистов.

Общая направленность государственной политики в области преобразований культуры по-прежнему определялась с точки зрения задач «классовой борьбы пролетариата за социализм». Но эти задачи стали пониматься более упрощенно. В 20-е годы преобладало представление о культурной революции как о многогранном процессе преодоления культурной отсталости страны. Ленин, который впервые ввел этот термин в 1923 г. в статье «О кооперации», употребил его именно в этом смысле. В выступлении Сталина в марте 1929 г. культурная революция сводилась к введению обязательного начального, а затем среднего образования. В это же время в стране был взят курс на форсированную индустриализацию промышленности и насильственную коллективизацию деревни, что повлияло на темпы и методы культурных преобразований. Обстановка штурмовщины из хозяйственной сферы распространилась на народное образование. Система образования не была готова к решению поставленных задач «в кратчайший срок». Потому и ставка делалась на чрезвычайные меры. Употребление военизированной лексики («культпоход», «культштурм», «культармейцы») в таком мирном деле, как обучение грамоте, отражало атмосферу времени. Наиболее активно тенденции штурмовщины проявились в организации работы по преодолению безграмотности среди взрослого населения.

Признавая несовершенство форм и методов ликбеза, следует, однако, признать, что ликвидация неграмотности, особенно среди взрослого населения, явилась крайне важной и безотлагательной, так как подавляющая масса населения была безграмотной.

По первой Всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г., грамотное население г. Астрахани составляло 18 %. Грамотность сельских жителей Астраханской губернии – 14 %.[1] Заметим, что среднероссийский показатель был несколько выше – 21 %. Не претерпело больших изменений состояние грамотности и ко времени установления Советской власти в Астраханском крае. Хотя вопросу просвещения народных масс уделялось внимание с первых лет установления Советской власти как в центре, так и на местах, однако более планомерно и целенаправленно эта работа стала проводиться в годы первой пятилетки. Характерной чертой этого периода явилось ускорение темпов культурно-просветительной работы, наметился рост активности общественности в деле ликвидации неграмотности среди разных слоев населения. Одним из проявлений этой активности явилась практическая деятельность общества «Долой неграмотность» (ОДН).



Первый ликбез

В августе 1928 г. ЦК ВЛКСМ принял решение провести Всесоюзный культпоход за грамотность. Созданное еще в конце 1923 г. общество «Долой неграмотность» во главе с М.И. Калининым активизировало свою работу именно с 1928 г. Астраханское отделение общества было оформлено весной 1924 г. Местные ячейки ОДН были очень слабы и малочисленны. 10 ноября 1928 г. в Астрахани состоялась конференция инспекторов по ликвидации неграмотности. На ней присутствовали представители всех отделений ОДН сельских районов. Участники конференции в своих выступлениях отмечали слабую работу ячеек ОДН.[2] Всего в это время в ОДН числилось 3620 человек, из них 1665

человек входили в сельские ячейки.[3] Однако опыта работы у них не было. По инициативе окружного комитета ВЛКСМ был создан штаб по ликвидации неграмотности, при исполкоме – комиссия, перед которой ставилась задача объединить усилия всех общественных организаций, занимающихся ликбезом. С этого времени активизировалась разъяснительная работа и агитация среди населения о необходимости более организованного подхода к делу ликвидации неграмотности. Повсеместно стали создаваться ячейки ОДН, а созданные ранее расширялись и укреплялись. Постепенно возрастал приток неграмотных и малограмотных на пункты ликбеза, или как их тогда называли – ликпункты. Окружной совет ОДН и окружной штаб ВЛКСМ по ликвидации неграмотности объявили конкурс на лучшую ячейку ОДН. Условия конкурса были опубликованы на страницах газеты рабочей молодежи «Рупор комсомола». Хотя итоги конкурса и не были подведены, однако 552 комсомольца города записались в отряд культармейцев.[4] Так было принято называть активных участников Всесоюзного культурного похода за грамотность. Планы по ликвидации неграмотности были изначально завышены и не учитывали реальные возможности: не хватало тех, кто сам мог обучать чтению и письму, мало было школ грамотности, библиотеки и избы-читальни не располагали нужными учебниками и практически были бессильны оказывать реальную помощь культармейцам и безграмотным. В течение 1927/28 и 1928/29 учебных годов плановые задания и обязательства по ликвидации неграмотности не выполнялись. Как правило, занятия прекращались ввиду сезонных работ (путина, посевная и др.). Установленный четырехмесячный срок обучения в школе грамотности сокращался до полутора-двух месяцев.[5]

Инспекторская проверка состояния школьных помещений, выборочно проведенная осенью 1928 г., показала, что из 17 школ грамотности города лишь 6 отвечали минимальным требованиям, из 39 школ Трусовского района только 5 располагали возможностью обучать гра-

мотности взрослое население.[6] Цифры свидетельствуют о реальном состоянии в деле ликвидации неграмотности в Астраханском округе. В 1930 г. предполагалось обучить не менее 130 тыс. неграмотных и малограмотных. Однако к 25 декабря 1930 г. по округу обучалось лишь 80 тыс., что составляло примерно 62% от плана.[7] В некоторых районах дело ограничивалось лишь ведомственными постановлениями и предписаниями об организации работы по ликвидации неграмотности. Были, однако, и территории, где работа по ликбезу велась успешно. План 1930 г. выполнили Владимировский и Икрянинский районы, в которых обучением были охвачены 24 тыс. взрослых.[8]

2 января 1931 г. в газете «Коммунист» было опубликовано письмо краевого комитета партии, где отмечалось, что «... краевой комитет партии постановил закончить кампанию ликвидации неграмотности к 1 мая 1931 года и превратить край... в край сплошной грамотности». На вооружение был взят лозунг – «Нижняя Волга должна стать краем сплошной грамотности!». С этого времени активизировалась практическая и организационная работа ОДН. В январе 1931 г. был проведен первый межрайонный слет культармейцев, где были подведены итоги состояния грамотности в городе и деревне, определены задачи на 1931 г. Особое внимание уделялось обучению грамотности ловецкого населения, так как путина практически прерывала процесс обучения и после ее завершения приходилось приступать к обучению заново. Теперь предусматривалось проводить ликбез и во время путины. Для этого были подготовлены специальные кадры культармейцев, разработаны и отпечатаны учебные пособия и планы по сокращенной программе, специальные памятки для культармейцев. Для обучения взрослого ловецкого населения было выдано 1275 букварей на русском, 465 на казахском языках, 2401 экземпляр журнала «По заветам Ленина», 5850 карандашей, 157 наглядных пособий.[9] Грамоте обучали непосредственно на промыслах, тонях и рыболовецких судах. Подобная работа проводилась на полевых станах в период осенне-весенних

полевых работ. В некоторых селах удалось привлечь к обучению все взрослое население. Это такие села, как Оля, Федоровка, Седлистое, Тумак, Мултановка, Рычан, Мошаик и некоторые другие. Но все-таки план ликвидации неграмотности ловецкого населения оказался нереальным, выполнить его не удалось: планировалось обучить 26587 человек, фактически ликбезом было охвачено 17665. Да и уровень приобретенной грамотности оставался очень низким.[10]

В начале апреля 1932 г. бюро Астраханского горкома ВКП(б) совместно с краевой Особой комиссией по ликбезу внесли предложение провести второй «культштурм» в Калмыкии. Первый проводился здесь в 1931 г., в ходе которого, как сообщает печать тех лет, было обучено 40 тыс. неграмотных и 29779 малограмотных. Таким образом, грамотность взрослого населения достигла примерно 80 %.[11]

Теперь ставилась задача полностью ликвидировать безграмотность среди взрослого калмыцкого населения. «Культштурм» был проведен с 1 мая до 7 октября 1932 г., однако полностью задачу решить не удалось и на этот раз. Работа по ликбезу среди калмыков была продолжена в годы второй пятилетки. История борьбы за ликвидацию неграмотности в Астраханском крае насчитывает немало примеров высокой сознательности жителей сельского населения. В культпоходе участвовали почти все грамотные люди деревни. Крестьяне и ловцы по мере своих сил помогали культпоходу: бесплатно предоставляли для занятий свои избы, обеспечивали ликпункты топливом, керосином, простейшей мебелью, устраивали субботники по заготовке дров в фонд культпохода, по оборудованию ликпунктов, собирали денежные средства по дворам (самообложение) и т.д. В газете «Коммунист» постоянно подводились итоги по борьбе с неграмотностью, назывались лучшие ячейки ОДН, активные культармейцы. Местная периодическая печать донесла до нас пафос тех дней, искреннее желание людей приобщиться к основам культуры – грамотности.

Хотя успехи в ликвидации неграмотности среди взрослого насе-

ления, достигнутые в ходе культпохода были ощутимы, однако превратить Астраханский край в край сплошной грамотности к 1 мая 1931 г. (как и к концу пятилетки) не удалось. К концу 1932 г. грамотность взрослого населения Астраханского края в возрасте от 16 до 50 лет составляла примерно 90 %. В большинстве сельских районов процент грамотных к исходу пятилетки составлял 70-75 %.[12] Такова официальная статистика. Однако есть все основания сомневаться в ее достоверности, поскольку отчетность искажалась в угоду общей тенденции тех лет: социалистическое соревнование, массовые кампании заведомо предопределяли завышенную отчетность. Высокие темпы ликвидации неграмотности обесценивались низким качеством обучения. Если с этим не согласиться, то трудно объяснить ситуацию, при которой и в годы второй пятилетки лозунг немедленной ликвидации безграмотности по-прежнему оставался актуальным. Большинство взрослых, обученных в ходе чрезвычайной кампании по ликвидации неграмотности, едва умели читать и поставить подпись. Много неграмотных оставалось среди лиц старше 50 лет.

В предвоенные годы в Астраханском крае работа по обучению грамоте взрослого населения несколько систематизировалась. Она была перенесена из ликпунктов в школы рабочей и крестьянской молодежи, в школы для взрослых. Улучшилась их обеспеченность письменными принадлежностями, бумагой, учебниками. Однако по-прежнему приоритетным финансированием пользовались отрасли народного хозяйства, бюджетные ассигнования на культуру выделялись по остаточному принципу. Уровень материальной обеспеченности, как и в предшествующие годы, отставал от потребностей.

По данным переписи 1939 г., массовая неграмотность к этому времени была преодолена – доля грамотных по РСФСР в возрасте 9-49 лет составила 89,7%.[13] Вспомним, что по астраханской статистике этот показатель равнялся 90 % но еще в 1932 г., что подтверждает некоторую завышенность показателей. Следует также учитывать, что нака-

нуне первого пятилетнего плана уровень образования грамотности взрослого населения Астраханского края был ниже среднероссийского – примерно 50% населения было безграмотным.[14]

При всех оговорках следует, однако, признать, что работа была проведена большая, общественная активность населения также была высокой. Бескорыстный труд на ниве народного просвещения сотен людей различных профессий свидетельствовал о том, что они верили в высокие цели, в светлые идеалы будущего: это и являлось источником оптимизма, энтузиазма и энергии людей того времени. Материальные трудности отступали на задний план перед величием задач, в которые искренне верили. В этом – залог того несомненного успеха, который был достигнут в деле ликвидации неграмотности.

Преодоление массовой неграмотности было невозможно без введения всеобщего обучения детей. Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем начальном обязательном обучении» было принято 25 июля 1930 г. Всеобуч вводился с 1930/31 уч.года для детей 8-10 летнего возраста в объеме 4-х лет для подростков, не прошедших начального обучения, в объеме ускоренных 1-2-х годичных курсов. Для детей, окончивших школу первой ступени, устанавливалось обязательное обучение в школе – семилетке.

После выхода Постановления в Астраханском крае был составлен предварительный план всеобуча, который позднее корректировался по ходу его реализации. В пояснительной записке к плану говорилось, что «...правительство постановило считать последним годом введение всеобуча в республике 1933/34 уч.год. Однако в Астраханском округе этот срок может быть сокращен при активной работе всех советских и общественных органов до 1931/32 учебного года».[15] Этот документ свидетельствует, что штурмовщина перехлестывала всякие разумные пределы и в этом деле. Руководители края предполагали решить сложнейшую задачу всеобуча всего за один год. Но для этого надо было решить массу проблем – от строительства новых школь-

ных зданий до обеспечения школьников тетрадями и учебниками. Сложнейшей являлась проблема учительских кадров. Учителя начальной школы часто сами имели лишь начальное образование.

На развитие школьного образования в Астраханском крае к 1933/34 уч. году планировалось израсходовать 16689400 руб., из них в 1931/32 г. – 2735300 руб., что было явно недостаточно.[16] Многие финансово-экономические проблемы были переложены на плечи населения. В крае был объявлен сбор денежных пожертвований на строительство школьных зданий. Это в какой-то мере помогало решать проблему, однако школьных помещений не хватало, занятия проводились в две-три смены. Местные власти нашли еще один вариант выхода из ситуации: конфисковывали дома «кулаков» и приспосабливали их под школьные помещения. Только в 1931 г. в Астраханском крае было изъято 80 «кулацких» домов и передано под школы.[17]

В крае было объявлено о формировании общественного фонда всеобуча. С этой целью проводились субботники в пользу фонда, отчислялись деньги различными предприятиями, заводами и фабриками, производились личные вклады астраханцев в развитие школьного дела. Таким образом, всеобуч перерос из ведомственных рамок в общенародное дело, что, впрочем, было характерно для решения всех народохозяйственных задач тех лет.

Статистика тех лет не дает точных сводных данных о количестве школ в Астраханском крае. Это объясняется, по-видимому, тем, что во многих случаях занятия с детьми проводились в помещениях нешкольного типа, отнесение их к разряду школ давало неправдоподобные результаты, не отражающие реальной ситуации. Более достоверной является статистика второй и третьей пятилеток, о которой будет сказано позднее. Что же касается сведений о количестве школьников, то они представлены в официальной статистике. Так, в 1929/30 уч.г. в Астраханском крае всеобучем было охвачено 28995 детей школьного возраста, к 1 сентября 1931 г. эта цифра выросла до 37745 человек, в том

числе детей татар – 3850, детей казахов – 4135.[18] Показатели эти значительны, однако качество содержания обучения оставалось низким. Высоким был процент второгодничества, в среднем по краю он составлял 15%, а в некоторых школах – 30-40% (Наримановский и Володарский районы).[19] В связи с проведением путины и сельскохозяйственных работ детей снимали с занятий, значительно сокращая для них учебный год. Так, в ряде школ Зеленгинского района посещаемость с апреля сокращалась до 40 %, в Енотаевском – до 85 %, в Никольском – до 60 %. Особенно коротким учебный год был в сельских национальных школах. Средняя продолжительность обучения в школах первой ступени (I-IV кл.) г.Астрахани в годы первой пятилетки составила 3,7 года, в сельских – 2,8 года вместо 4-х лет по плану.

Не решена была в полной мере и проблема с подготовкой учительских кадров.

Несмотря на многочисленные трудности и учитывая даже некоторую завышенную отчетность руководителей тех лет, следует отметить значительные результаты в деле всеобуча. По официальным данным (на начало учебного года без учета годового отсева и процента второгодничества), в 1932 г. 99,8 % детей школьного возраста Астраханского края обучались в школах.

Хотя официально было объявлено, что к 1932 г. всеобуч был осуществлен, фактически это свершилось к 1937 г.

Во второй пятилетке положение в школьном деле стабилизировалось. Значительные перемены происходили в школе второй ступени. В связи с быстрыми темпами развития начального обучения их количество значительно возросло. К 1 сентября 1937 г. в Астраханском крае в 296-и 5-7-х классах обучалось 11897 детей 12-14 летнего возраста,[21] что свидетельствует о начале перехода ко всеобщему семилетнему обучению.

В годы второго пятилетнего плана началось восстановление и расширение общего среднего образования, школы семилетки реоргани-

зовывались в десятилетки. В течение 1931 г. старшие классы общеобразовательной школы были реорганизованы в техникумы, быстро росли новые типы школ – школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школы крестьянской (сельской) молодежи (ШКМ, ШСМ). На начало 1937/38 уч. года в крае насчитывалось 77 классов, в которых обучались 2532 ученика 7-10 классов.[22]

На 1 сентября 1939 г. всего в Астраханском крае действовало 486 начальных, семилетних и средних школ с учащимися в количестве 124300 человек. Таким образом, за короткие сроки были достигнуты большие изменения в области народного образования в крае.[23]

Общая сумма ассигнований на народное образование в 1936/37 уч. году по Астраханскому краю составила 10 млн. 500 тыс. рублей, из них на начальные, семилетние и средние школы расходовалось 4 млн. 669 тыс. 500 руб., остальная сумма предназначалась на развитие вузов, техникумов, школ ФЗУ, ШКМ и ШСМ, а также появившихся при вузах рабфаков.[24]

Развитие перечисленных выше типов учебных заведений и форм обучения (за исключением общеобразовательной школы) предназначалось для подготовки специалистов всех основных отраслей народного хозяйства Астраханского края. К исходу 30-х годов в них обучалось немногим более 12 тыс. человек.[25] В 1940/41 уч. году в Астрахани насчитывалось 15 техникумов, 11 школ ФЗУ, 3 высших учебных заведения, при каждом из которых были открыты рабфаки. Кроме того, два рабфака были открыты специально для подготовки и поступления в Саратовский автодорожный институт и Горьковский институт инженеров водного транспорта. Сеть учебных заведений отражала прежде всего особенности экономики края. Кадры для рыбной промышленности готовили рыбный институт (тогда он назывался РЫБВТУЗ), рыбопромышленный и речной, для сельского хозяйства – ветеринарный и плодоовощной техникумы. С 1932 г. был возрожден пединститут, который до 1922 г., когда он был закрыт, назывался практичес-

ким институтом народного образования. Кроме института, подготовку учителей осуществляли русский, казахский, калмыцкий и татарский педтехникумы. Подготовку медицинских работников разных специальностей осуществляли мединститут и медицинский техникум. Кроме того, в Астрахани были два вечерних вуза – строительный и комвуз. Действовали также автотранспортный, финансовый, кооперативный, художественный, музейный техникумы и техникум искусств. Для партийно-комсомольской работы осуществлялась подготовка кадров в четырех совпартшколах – русской (в 1937 г. она была переименована в газетную школу), казахской, татарской и калмыцкой.

К исходу 30-х годов в Астрахани стала налаживаться работа по повышению квалификации кадров, прежде всего учителей. Для этой цели на базе Краевого института повышения квалификации кадров народного образования было создано астраханское отделение. При Астраханском филиале курсового обучения Наркомсоюза РСФСР повышали квалификацию работники водного транспорта, рыбной промышленности, муниципального хозяйства. Для переподготовки бухгалтеров (по терминологии тех лет – счетных работников), плановиков – экономистов в Астрахани был создан учебный учетно-экономический комбинат.

Таким образом, в результате расширения форм и методов подготовки специалистов их численность росла быстро. Достаточно сказать, что к концу 30-х годов новые пополнения, подготовленные за годы советской власти, составили примерно 80-85 % от общей численности специалистов всех отраслей народного хозяйства, культурной и социально-бытовой сферы Астраханского края.

§6. Межнациональные отношения и национальная политика в предвоенные годы

Анализ исторических событий свидетельствует, что определенная часть руководства страны, пришедшая к власти в октябре 1917 г. придерживалась реалистичных взглядов на специфику национально-этнических отношений в России. Так, во второй программе РКП(б) подчеркивалась необходимость считаться с тем, «на какой ступени истори-

ческого развития стоит данная нация: на пути от средневековья к буржуазной демократии или на пути от буржуазной демократии к советской, пролетарской».[1]

Комментируя это положение, газета «Жизнь национальностей» писала: «Не менее серьезной преградой ...является та поспешность, переходящая нередко в глубокую безоткатность, которую проявляют некоторые наши товарищи в деле советизации окраин, поскольку «когда эти товарищи в областях, отставших от центральной России на целый исторический этап,... с не вполне еще ликвидированным средневековым укладом решаются брать на себя «героические усилия» по проведению «чистого коммунизма», то можно с уверенностью сказать, что от такого кавалерийского набега, от такого «коммунизма» добра не будет».[2]

Реалистичный подход к многообразию национальных культур, этнических интересов нередко проявлялся и на местном уровне. Вот что, например, писала одна из астраханских газет в 1918 году: «9 июля мусульмане справляли свой праздник курбан-байрам. В честь мусульманского отряда астраханского гарнизона был произведен парад отрядов советских войск трех родов оружия, (пехоты, кавалерии, артиллерии), которые вместе с военным оркестром при красных знаменах проследовали с музыкой по улицам города в крепость».[3] Как видим, ни красное знамя, ни партийная принадлежность руководства астраханского гарнизона не являлись помехой проявлению уважения к религиозным убеждениям бойцов татарской, казахской и других национальностей.

С другой стороны, на формирование и проведение национальной политики влияли присущие большевистскому руководству упрощенно-вульгарные представления о сущности мировых тенденций и политических процессов, экономическая и политическая практика «военного коммунизма». В противовес провозглашаемым ранее заверениям об уважении прав народов на самоопределение вплоть до отделения и создания независимых государств, в стратегии большевиков утверж-

дается новый тезис: «Целью социализма является не только уничтожение раздробленности на мелкие государства,... не только сближение наций, но и слияние их».[4] Культурно-историческая самобытность народов объявляется вторичной по соотношению с классовыми интересами пролетариата, свидетельством чему может служить положение о том, что «о национальной культуре вообще могут говорить только клерикалы и буржуа», в то время как трудящимся следует помнить лишь «об интернациональной (международной) культуре всемирного рабочего движения».[5]

Первые послеоктябрьские годы – годы «военного коммунизма», известны жестоким хозяйственно-политическим диктатом центра. Особенно тяжкие последствия эта политика оставляла в регионах с многонациональным составом населения . Здесь левацко-волюнтаристские акции (незаконные реквизиции, продразверстка и т.п.) зачастую воспринимались как посягательство на благополучие народа. Оказавшись в прифронтовой полосе в годы гражданской войны, национальные меньшинства Астраханского края во всей полноте испытали «прелести» военно-коммунистической версии социализма. Так, в резолюциях съезда Советов трудового калмыцкого народа, территория проживания которого в 1936 г. входила в состав Астраханской губернии на правах уезда, говорилось: «...Внештатная реквизиция имущества, скота и лошадей внесла в хозяйственную жизнь трудового калмыка полную разруху, влекущую за собой полное обнищание калмыцкого народа, и без того большей своей массой бедного. Эти реквизиции, проводящиеся военными властями и отрядами, грабежи и насилие чинимые различными проходившими отрядами красноармейцев и просто грабителей совершенно разорили калмыцкий народ».[6]

Не лучшим образом вели себя и гражданские власти. Игнорируя приказ реввоенсовета Кавказско-Каспийского фронта о недопустимости проведения реквизиций и мобилизации без согласования с отделами по делам национальностей губисполкомов, они продолжали свои

противозаконные действия. «Агенты различных ведомств доходят до угроз расстрела председателей волостных комитетов», – отмечалось в докладе киргизского (казахского – П.С.) подотдела при отделе по делам национальностей. Астраханского губисполкома.[7] На объединенном совещании волостных советов казахских сел Астраханского и Красноярского уездов 20 сентября 1919 г. с большой тревогой подчеркивалось, что «агенты различных организаций своими неправильными действиями на местах способствуют подрыву доверия киргизского народа к Советской власти.[8]

Негативно влияло на состояние межнациональных отношений и несовершенство системы национально-государственного устройства, проявившееся уже на начальных этапах ее функционирования. На территории Астраханской губернии к 1917 г. кроме основного национально-этнического ядра – русских, проживали и другие коренные народы: татары (10%), казахи (23,3%), небольшие этнические группы армян, туркмен, евреев, азербайджанцев, немцев. Национальные меньшинства вместе взятые составляли 33,4% от всего населения края.[9] На правобережье Волги проживали калмыки, которые и до октября 1917 г. имели относительную автономию, именуемую «Калмыцкая степь».

Иная ситуация стала складываться после Октября, когда вначале Калмыцкая степь была включена в состав Астраханской губернии на правах уезда, затем в 1920 г. преобразована в Калмыцкую автономную область, а к середине 20-х гг. – в Калмыцкую АССР. Уже при первых попытках территориального разграничения возникали конфликтные ситуации. Русское крестьянство лишалось своих выпасов, земельных угодий, которые оказались в пределах Калмыкии. Справедливо считая себя вправе и в дальнейшем пользоваться землями, которые в течение веков обустраивались их предками и ими самими, крестьяне продолжали там хозяйствовать. Это, в свою очередь, вызывало недовольство руководства Калмыкии. В возникшем споре руководители обоих административных образований вели себя далеко не лучшим образом.

Так, в мае 1919 г. Астраханский губисполком без согласования с исполкомом Совета депутатов трудового калмыцкого народа принял решение об отделении Манычского улуса от Калмыцкой степи и присоединении его к территории Енотаевского уезда. Такое решение вызвало возмущение калмыцкой стороны, которая расценила этот шаг как «порабощение сильным и богатым крестьянством калмыцкого населения».[10] Астраханское же руководство мотивировало свое решение тем, что стремилось помочь малоземельному русскому крестьянству, которое «вынуждено было идти на единоличные сделки в кабалу к более обеспеченным калмыкам, ...создавать новые поселения, поскольку пореволюционные крестьянские наделы далеко не удовлетворяют даже и 25 процентов русского населения теми нормами, которые необходимы для земледельческого населения».[11]

Непростая обстановка складывалась и в прикаспийских районах Астраханской губернии. Отход моря и образование солончаков, песков побуждали русское население искать новые угодья на территории Калмыкии. Осваивая неиспользуемые, пустынные земли, крестьянство при этом не желало попадать под юрисдикцию Калмыкии. И делало это не столько в угоду своим амбициям, сколько исходя из прагматических соображений. Владея более высокой, по сравнению с местным населением, агротехнической культурой, крестьянство, попадая под юрисдикцию Калмыкии, должно было бы и нести основное бремя налогов. Неслучайно в одном из обращений крестьян в Астраханский губисполком сельчане с тревогой отмечали, что включение их сел и хуторов в состав Калмобласти приведет к тому, что «налоговые суммы придется выдерживать плечами исключительно русского населения».[12]

Противоречиво складывались отношения и с казахским населением. В докладе казахского подотдела при отделе по делам национальностей Астраханского губисполкома в октябре 1919 г. акцентировалось внимание руководства губернии на то, что «в летний период киргизское население почти ежедневно обращалось в отдел с жалобами на

притеснения со стороны русских крестьян в вопросах землепользования. Во время переправы скота на другие места они встречали препятствия со стороны русских крестьян, из-за чего происходила гибель скота. Во время сенокосов русские крестьяне также не позволяли косить, вследствие чего также происходила гибель скота – единственного источника существования киргизов».[13]

В апреле 1921 г. совместная комиссия по установлению границ, состоящая из представителей астраханского и калмыцкого руководства, провела определенную работу, не изучив, однако, мнения местного земледельческого и скотоводческого населения. В результате земельные угодья астраханских поволжских сел, отстоящие от них на 15-30 верст вглубь Калмыцкой степи, отходили Калмобласти. Естественно, астраханское крестьянство решительно протестовало. Например, члены Владимирского земельного общества в своей жалобе в Коллегию высшего контроля писали, что в результате волюнтаристски установленных границ с Калмыкией от «общества отрезано 30 тысяч десятин земли и крестьяне остались практически без землепользования, без выпасов».[14]

Астраханский губернский съезд советов, состоявшийся в 1925 г., в резолюции по земельному вопросу отмечал, что «губернским съездом Советов в 1918 г. русскому населению были предоставлены земли, не используемые калмыками и киргизами, земли пустынные, обработка коих производилась исключительно русским населением».[15]

Наконец, в обращении Астраханского губисполкома во ВЦИК в августе 1925 г. подчеркивалось, что «...Астраханский губисполком ни на один момент не думал претендовать на ту или иную территорию, которую занимает калмыцкий народ, но не на принципе формально основывающемся на каких-то никогда не существовавших точных исторических границах, а на принципе хозяйственном. Поэтому губисполком не выявляет и не предъявляет требования об отрыве той или иной территории Калмобласти. Он настаивает только на создании осо-

бой нейтральной комиссии, которая бы на месте, исходя из единственно верного принципа, а именно хозяйственно-экономической целесообразности, а также национального момента, и установила бы действительно соответствующие вышеуказанным принципам и, тем самым, интересам населения границы».[16]

Таким образом, исторически обоснованной оказалась позиция авторов обращения, признающая приоритет экономических факторов при определении системы государственного устройства над идеологическими, политическими.

Однако эти призывы не были услышаны в центре. В 1925-1927 гг. решениями ВЦИК и СНК в пользу Калмыкии передавались территории Михайловского, Зензелинского, Караванинского, Яндыковского, Лаганьского, Оленичевского сельсоветов. И без того небогатое размерами пахотной и пастбищной земли астраханское крестьянство теряло свои, поднятые тяжелейшим трудом из песков исконные земли.

В территориальных спорах сталкивались интересы не врагов, а тружеников, заинтересованных в создании наиболее оптимальных условий хозяйствования и удовлетворении национально-культурных потребностей. Искусственно установленные после Октября границы, разъединившие дружественные народы, перманентное тасование территорий вопреки этногеографическому расселению народов, антирыночная экономика, ослабившая базисную основу интеграции национальных сообществ, постоянно порождали и поныне порождают дезинтеграционные процессы.

Руководство Астраханской губернии, Калмыкии, Букеевской области (Казахская республика) искало компромиссные решения. Одновременно с административным изменением границ были приняты и решения о гарантии прав русского населения в пользовании землями на основе республиканских законов, были разработаны и меры по пресечению незаконного захвата земель.[17]

Сложная и противоречивая обстановка в первые послевоенные

годы побуждала руководство Астраханского региона усилить работу по совершенствованию и развитию межнациональных отношений. В июле 1918 г. в Астрахани прошел съезд Советов депутатов трудового калмыцкого народа, на котором был сформирован исполком этого Совета. В июле 1919 г. в Астрахани также состоялся съезд казахов Астраханского и Красноярского уездов. Эти первые шаги имели немаловажное значение. Создавались исполнительные и представительные органы, более детально занимавшиеся вопросами социально-экономического и культурного развития национальных меньшинств. В целях активизации работы по преодолению экономической и культурной отсталости ранее угнетенных народов при Астраханском губисполкоме был создан отдел по делам национальностей, который в 1920 г. разделился на казахский, татарский, армянский и калмыцкий подотделы. При подотделах имелись секции, выполнявшие конкретную практическую работу. Например, в ведении армянского подотдела находились приюты и больницы для переселенцев из Армении, общежития, дом престарелых и некоторые другие социальные заведения, редакция газеты, выходящей на армянском языке.[18]

Казахский подотдел проводил работу по организации и реорганизации местных Советов с учетом национальной специфики, занимался устройством пунктов ликбеза, библиотек-читален, распространением литературы на казахском языке, содействовал ГУБОНО в создании национальных школ и т.п.[19]

Следует, однако, заметить, что создание отдела по делам национальностей и его подотделов породило учреждения, альтернативные местным органам власти, и прежде всего советам, нередко дублирующие их работу. Это вызывало дух недоброжелательства и соперничества во властных структурах. На объединенном совещании волостных советов казахских сел Красноярского и Астраханского уездов отмечалось, что «с открытием киргизского отдела все киргизское население... по всем вопросам обращается в этот отдел, минуя установленные со-

ветской властью инстанции, нарушая таким образом нормальный ход работы последних».

Вполне естественно, что жители сел в этот период оказывали больше доверия казахскому подотделу, чем сельсоветам. Тем более, что подотделы национальных меньшинств являлись институтами официальной исполнительной власти – губисполкома и райисполкомов.

Анализ работы отдела по делам национальностей Астраханского губисполкома свидетельствует, что он являлся формой и средством идеологизации межнациональных отношений, директивного приобщения представителей той или иной национально-этнической группы населения к господствующей идеологической доктрине. Так, одним из направлений работы казахского подотдела в политическом отношении являлась «...организация коммунистических ячеек на местах, создание тесного контакта с губкомпартией».[20] В инструкции Астраханского губисполкома по организации уездных отделов по делам национальностей содержались и такие требования, как «формирование классового самосознания, борьба с национально-буржуазными проявлениями, правительствами».[21]

Этими же причинами можно объяснить смысл резолюции Астраханского губисполкома, требовавшей «объединить все национальные организации в одно целое, которое явится общим руководящим и направляющим органом для них».[22] Здесь очевидна ориентация на нивелировку национально-этнического многообразия, выработку универсальных методов осуществления национальной политики, противоречащих самобытности различных национальностей.

Формировавшийся в начале 20-х гг. класс партийно-государственной номенклатуры руководствовался в проведении национальной политики прежде всего узкокорпоративными и властными интересами.

В 1918 г. в России был создан Центральный комиссариат по мусульманским делам при Совнаркоме РСФСР. На местах стали создаваться губернские комиссариаты. Такой политический институт был

сформирован и в Астрахани в мае 1918 г. Уже первым его политическим актом стало насилие.

Как явствовало из справки этого учреждения, «немедленно по организации комиссариата по мусульманским делам в Астрахани было разогнано национальное управление мусульман... закрыт его орган – газета «Сарай», распущена мусульманская дружина».[23] Власти, естественно, стремились придать этой противозаконной акции видимость защиты интересов татарской бедноты. На самом же деле доминантой деятельности этого учреждения являлся жесткий идеологический и политический контроль партийных органов над национальной, религиозно-духовной жизнью. Вот как, например, в одном из документов комиссариата определялись основные направления и задачи данного учреждения: «Краевой комиссариат по мусульманским делам... должен проводить и проводит определенную политическую программу. Для того, чтобы эта программа могла во всех мелочах проводиться в жизнь..., общее руководство во всех делах должно быть сосредоточено в руках одного высшего руководителя, выбранного президиумом, являющегося исполнителем и проводником в жизнь постановлений коллегии».[24] Коллегия, в свою очередь, состояла из членов «астраханской мусульманской секции РКП(б). Именуя себя комиссариатом по делам мусульман, его функционеры, являвшиеся одновременно и штатными работниками партийных органов, в качестве первоочередной стратегической задачи считали «борьбу с мусульманским духовенством и прочими татарскими националистами».[25]

Это не могло не породить серьезных противоречий и конфликтов между населением и властью. Примером может служить история военного отдела комиссариата. Этот отдел занимался мобилизацией тюрко-язычной молодежи в Красную армию и формированием так называемых «мусульманских отрядов» местного гарнизона. 15 августа 1918 г., как информирует отчет военного отдела, основная часть этих мусульманских отрядов «захватила на несколько часов власть в Ас-

трахани и разгромила мусульманский комиссариат, причинив огромный материальный ущерб».[26] Серьезность этого неожиданного для местной власти события привела к тому, что военный отдел вскоре был выведен из структуры комиссариата по мусульманским делам и преобразован в самостоятельный комиссариат по военно-политическим делам мусульман Астраханского края, поставленный под самый пристальный и жесткий контроль административных и партийных органов.[27]

Но вместе с тем в эти очень непростые и тяжелые годы в Астраханском крае осуществлялись интересные решения, адекватно отражавшие особенности национально-этнического состава населения региона, этно-культурные архетипы. Взять хотя бы сложившуюся в начале двадцатых годов систему судопроизводства и юридической помощи населению. Наряду с обычными территориальными народными судами в Астрахани и уездах действовали городской и волостные мусульманские суды. Понятие «мусульманский» в данном случае отражало не религиозную, а национально-этническую принадлежность. Руководствуясь единым российским законодательством, эти суды осуществляли судопроизводство на языке представителей, выступавших в судебном заседании в качестве ответчика и истца. Состав судебной коллегии также подбирался из представителей татарского и казахского населения. Возможно, с юридической точки зрения это покажется современному читателю не совсем уместным. Тогда же эти действия были вполне целесообразны. Поскольку уровень грамотности у нерусских народов был крайне низок, это открывало возможности для различных злоупотреблений со стороны чиновников. Именно поэтому астраханское руководство стремилось максимально приблизить органы юстиции к этнической специфике региона. В целях мирного разрешения межнациональных споров комиссариат по мусульманским делам и отдел юстиции губисполкома создали судебно-примирительные отделы. Их задача состояла в координации работы народного и мусуль-

манского судов, а также в поиске компромиссов между сторонами судебного разбирательства, принадлежавшими к различным национальностям. При этом определенные преимущества представлялись национальным меньшинствам. В случае, если потерпевшей стороной являлся татарин, казах или туркмен, то дело рассматривалось, как правило, в судебно-примирительном отделе. Если же в качестве истца выступал гражданин русской национальности, то характер рассмотрения дела зависел от согласования сторон: либо в горсуде, либо в «мусульманском» суде.[28]

Такая система судопроизводства позволяла более объективно принимать решения. Так, в 1920 г. в судебных органах Астрахани рассматривалось дело группы граждан татарской национальности по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Вся их вина состояла в том, что, включенные в состав делегации на съезд тюркских народов Поволжья, они по различным причинам не смогли выехать и принять участие в работе съезда. Местные административно-политические органы усмотрели в этом злой умысел, передав дело в судебно-примирительный отдел. Детально исследовав все аспекты этого дела, юристы отдела добились от горсуда прекращения судебного процесса и оправдания обвиняемых ввиду отсутствия состава преступления.[29]

Не смягчая оценок многочисленным негативным действиям местных органов власти в области межнациональных отношений в годы «военного коммунизма», необходимо отметить и иную реальность. Многонациональный состав населения края, взаимная терпимость, совместная хозяйственная деятельность, имевшая вековые традиции – все эти факторы порождали и этику межнационального сосуществования, оказывали воздействие и на мотивацию действий многих руководителей, основанную на здравом смысле. Вот конкретный пример. В июле 1918 г. в Астрахани находилась группа работников контрольной комиссии ВЦИК. Изучив состояние профсоюзной работы на рыбных промыслах, члены комиссии потребовали от администрации уволить

всех рыбообработчиков, не состоящих в профсоюзе. Готовящаяся акция обрекала на голод татар и казахов, составлявших большинство на рыбообработке. Однако усилиями руководителей отдела труда комиссариата по мусульманским делам эта несправедливость была пресечена: работники отдела труда добились от администрации промыслов возобновления трудового договора с рыбообработчиками, правда, в спешном порядке организовав их прием в профсоюз.[30]

Заслуживает внимания культурно-просветительная работа, проводимая среди национальных меньшинств отделом просвещения комиссариата по мусульманским делам. В октябре 1918 г. в Астрахани были открыты учительские курсы для татарской и казахской молодежи и выделено на эти цели 20 тысяч рубоей. С 1918 по 1925 гг. комиссариатом было организовано 20 городских вечерних учительских курсов и курсов ликбеза, 14 уездных курсов для татарского и казахского населения, 5 городских библиотек-читален, 20 уездных библиотек, мусульманская театральная труппа.[31]

Отдел просвещения и культпросветработы губернского комиссариата по мусульманским делам являлся в 1918-20 гг. основным организатором и инициатором приобщения национальных меньшинств к знаниям. Конечно, своей первоочередной задачей комиссариат считал работу идеологическую. «Отдел печати комиссариата по мусульманским делам Астраханского края», – говорилось в одном из его отчетов, – распространял культуру среди рабочих и беднейших крестьян-мусульман путем перевода разных брошюр на революционные темы с русского на татарский язык». В то же время в стороне оставались вопросы сохранения национального литературного и народного эпоса, языка и т.п. Затратив большие средства на издание политических брошюр на национальных языках, губернские власти при этом в 1920 г. принимают решение о закрытии единственной в городе и губернии мусульманской женской школы ввиду отсутствия денежных средств на ее поддержание, что вызвало протест татарского подотдела губисполкома.[32]

И все-таки проводимая работа способствовала повышению грамотности, расширению кругозора, преодолению культурной отсталости народов Астраханского края. Здесь и проявлялось парадоксальное противоречие национальной политики командно-административной системы. В отличие от царского правительства, безразлично относившегося к проблемам просвещения нерусских народов, новые власти стремились сформировать среди различных национальных групп населения политическую элиту, через которую предполагали проводить свое коммунистическое влияние. Однако, вооружая местное население различными знаниями, партийно-государственная бюрократия объективно порождала и факторы будущего национального возрождения, роста национального самосознания, усиления тенденций к суверенитету.

Признавая приоритет идеологического просвещения, работники комиссариата по мусульманским делам отдавали немало сил делу повышения культуры хозяйствования, экономической помощи. Так, в инструкции отдела земледелия комиссариата ставилась задача распространения среди казахского и татарского населения «агротехнических знаний, оказание помощи крестьянам в добывании земледельческих орудий, организации трудовых артелей с опытными инструкторами, на базе которых осуществлять пропаганду опыта культурной обработки земли, оказание юридической помощи».[33]

Переход к НЭПу повлиял и на содержание государственной национальной политики. Хотя идеологический компонент этой политики продолжал доминировать, она все же становилась более гибкой, реально учитывающей национально-этническое многообразие страны, различия хозяйствования.

Относительная либерализация экономики, относительное восстановление рыночных отношений, возврат к многообразию форм собственности создавали благоприятные условия и для функционирования традиционных экономических укладов, усилению товарного об-

мена между регионами, а значит, и сближению народов, усилению сотрудничества.

Примечательно в этом отношении так называемое «Напоминающее письмо» высшего мусульманского духовного служителя Астраханской губернии Абдурахмана Умерова всем мусульманам региона. Суть послания – предупреждение о недопустимости изоляции мусульман от участия в хозяйственной, культурной и политической жизни, призыв к активному содействию властям в осуществлении экономических программ.[34]

Важно отметить, что в данном послании отсутствуют идеи национальной или религиозной исключительности, обособленности. Наоборот, главенствующей являлась мысль о том, что народы, исповедующие ислам, должны занять достойное место в сообществе других народов, жить в дружбе и согласии.

Экономическая либерализация способствовала и более концептуальному подходу властей к вопросам национальной политики. В середине 20-х годов Совнарком СССР и ВЦИК приняли ряд важнейших постановлений, определивших основные направления национальной политики. Они предусматривали более активное вовлечение национальных меньшинств во все сферы субъектно-политической и культурной жизни, хозяйственной деятельности. Особое внимание уделялось укреплению и развитию кооперации и ее кредитованию. Местные органы власти Астраханского края проявили активное желание и способность в реализации общегосударственной национальной политики. К 1927 г. кооперирование татарского населения Астраханского округа достигло почти 20%, калмыцкого – 15,5%, казахского – 1,01%. Доля представителей национальных меньшинств среди населения, охваченного землеустройством, составляла к началу второй половины 20-х гг. 22%, что в основном соответствовало их доле в общем количестве населения Астраханской губернии. Таким же процентным показателем было представлено татарское население и в сфере потребитель-

ской кооперации.[35]

Вовлечение национальных меньшинств края в процесс кооперирования сопровождался и льготной кредитной политикой. Доля кредитов, выделенных для организации кооперативов и различных товариществ в районах с преимущественно нерусским населением, составляла к 1927 г. 15,8%.[36] Как правило, основная часть кредитов выдавалась на безвозмездной основе в виде ссуд бедняцким хозяйствам, пожелавшим объединиться в товарищества или кооперативы. В 1927 г. Астраханский губернский Кооперативный Совет учредил специальный фонд кооперирования национальных меньшинств. Со своей стороны губисполком принял решение об освобождении населения степных районов губернии от платы за выпас скота на государственных пастбищах в зимний период.[37]

Такая льготная кредитно-налоговая политика укрепляла доверие татарского, калмыцкого, казахского населения к экономическим реформам. К тому же местные органы власти не навязывали населению ту или иную форму кооперирования, а руководствовались спецификой хозяйствования, традициями народа. Так, городское татарское население отдавало предпочтение торгово-снабженческой и потребительской кооперации, в низовьях Волги – ловецким кооперативам. Казахские села приволжских районов вовлекались в земледельческие товарищества. Уже к 1929 г. 90% хозяйств татарских и казахских сел было охвачено землеустройством. В 1926 г. происходит значительный рост кооперирования национальных меньшинств по сравнению с 1927 г.: по потребительской кооперации – на 31,7%, сельскохозяйственной – на 15,8% и производственно-ловецкой – на 53%.[38]

Кооперирование национальных меньшинств сопровождалось и созданием соответствующей инфраструктуры. В 1927 г. в зоне компактного проживания татарского и казахского населения пригородных и приволжских районов действовало 11 прокатных пунктов, снабжавших крестьян специальными средствами и приспособлениями для борьбы с

вредными насекомыми. Был создан и специальный фонд бедноты, составлявший 90 тысяч рублей для субсидирования работ по водоснабжению, лесоводству, организации медпунктов, ветлечебниц, для агрономического просвещения в татарских и казахских селах.[39]

Еще одним направлением национальной политики астраханского руководства являлось вовлечение в административные органы власти национальных кадров управления. К середине 1928 г. 62% сельсоветов татарских и казахских сел осуществляли делопроизводство на родных языках. Эти меры способствовали укреплению доверия местного населения к политическим мероприятиям. Так, в выборной кампании в местные советы в 1926 г. участвовало 37,9% избирателей из числа национальных меньшинств, тогда как в целом по губернии в выборах приняло участие лишь 36,5% избирателей.[40]

Не обходилось, конечно, и без ошибок, типичных для того времени в проведении многих мероприятий. Так, нередко перевод делопроизводства с русского на иной язык проводился без учета интересов местного населения, формалистским, приказным порядком. Например, татарское население Ново-Кучергановки в 1928 г. просило губисполком оставить в их селе делопроизводство на русском языке, поскольку так им было легче пользоваться при обращении в управленческие учреждения, составлении справок и иной документации. Просьба эта, однако, в то время не была принята во внимание.[41] Подобных примеров в крае было немало.

Недостаточно продуманной являлась и кампания по созданию чисто национальных административно-территориальных районов. Вот например, какие, рекомендации давал местным властям инструктор ВЦИКа: «Признать целесообразным практически и политически при проведении нового районирования губернии создание казахских и татарских районов, с тем, чтобы процент однородной национальности в районе был не менее 60 и при условии сохранения административной и экономической компактности районов».[42] Ради справедливости следует отметить, что эта инструкция не явилась руководством к действию

в Астрахани и дело с созданием однородно-национальных районов далеко не пошло.

Серьезным фактором вовлечения национальных меньшинств в активную деятельность явилась работа по созданию системы образования, культпросветорганизаций в районах компактного проживания национальных меньшинств. До октября 1917 г. на территории Астраханской губернии насчитывалось всего шесть татарских национальных школ, содержавшихся земствами, и 30 религиозных школ при мечетях. Казахское и калмыцкое население вообще было лишено возможности получать начальное образование. Но уже в 1926 г. из 170 начальных и средних школ губернии 95 являлись национальными. 80% детей татарской национальности получали начальное и частично среднее образование в национальной школе.[43]

Создание национальных школ и преподавание на родном языке стимулировало потребность татарского и казахского населения получить образование не в религиозной общине, а в советском учебном заведении. В одном из отчетов губернского отдела народного образования (ГУБОНО) отмечалось, что «ежегодно осенью ГУБОНО бывает переполнен посетителями- казахами и татарами, желающими определить детей в национальную школу... Наша национальная светская школа завоевывает доверие и внимание трудящихся национальных меньшинств».[44] В 1927-1928 гг. на культурные нужды национальных меньшинств было затрачено Астраханским губисполкомом 300 тысяч рублей, что в 70 раз превышало подобные ежегодные ассигнования в губернии в дооктябрьский период. В 1927 г. в губернии в районах проживания татарского, казахского и калмыцкого населения действовало 104 пункта ликбеза. Только на избы-читальни и передвижные библиотеки в 1927г. было истрачено 193 тысячи рублей: из низ 49 тысяч рублей было израсходовано на создание библиотек и читален в татарских и казахских населенных пунктах. Документы свидетельствуют, что доля удельного веса в финансировании национальных школ была выше, чем русских. Доля расходов на нацио-

нальные школы и культпросветработу среди национальных меньшинств в бюджете ГУБОНО составляла 20%.[45]

Довольно успешно решалась и проблема подготовки национальных учительских кадров. В 1928 г. в городе работали двухгодичные и годичные татарские и казахские педагогические курсы. При Астраханском педтехникуме имелось специальное татарское отделение. Только в 1926 г. для национальных школ было подготовлено 86 преподавателей. Серьезную помощь в подготовке национальной интеллигенции оказывал и открывшийся в Астрахани в 1926 г. татарско-тюркский рабфак, облегчавший поступление татарской и казахской молодежи в средние и высшие учебные заведения.[46]

Местные власти уделяли внимание и культурно-просветительному обслуживанию чабанских точек, отдаленных степных сел. Удачной формой этой работы стали «передвижные красные кибитки». Снабженные литературой, газетами, радиоустановками, опытными культработниками, они сыграли важную роль в просвещении взрослого национального населения. Специально для передвижных «красных кибиток» издательский отдел губисполкома в 1928 г. осуществил перевод на татарский язык и опубликовал большим тиражом «Сборник законов о наемном труде», брошюру «Гигиена женщины».[47] Большую помощь государственным учреждениям в проведении культпросветработы среди населения оказывали и национальные общественные организации. Созданные в Астрахани в 1928 г. Татарский комитет взаимопомощи (ТКВ) и татарское культурно-просветительское общество «Кумяк» организовали на пристанях и железнодорожном вокзале «столы услуг», где оказывали юридическую помощь прибывавшим в Астрахань малограмотным крестьянам. Реальная помощь оказывалась и безработным. Татарский комитет взаимопомощи, например, открыл на свои деньги швейный и тарный цеха, курсы по подготовке работников данных профессий, татарскую вечернюю школу.[48]

По инициативе Астраханского губисполкома, ГУБОНО и губернского отделения культпросвета в Астрахани в 1927 г. была проведена

I губернская конференция тюркского добровольного общества «Яналиф». Задача общества состояла в распространении среди татарского и казахского населения нового алфавита «Яналиф», основанного на латинских и славянских лингвистических знаках вместо труднодоступной для овладения и непонятной широким слоям населения арабской вязи. Общество создало курсы по подготовке преподавательского состава, проводило специальные курсы в старших классах национальных школ. Благодаря такой работе многие народы приобрели и свою национальную письменность. В 1927 г. в Калмыкии при содействии организации культпросвета Саратова и Астрахани была сформирована Калмыцкая театральная труппа, преобразованная вскоре в Народный театр. Свой первый сезон в Астрахани коллектив театра начал с постановки и показа пьесы «Улан-Сар» («Праздник весны»). Работники саратовских и астраханских театров помогли артистам Калмыкии использовать в спектакле народные сказания, эпос, танцы и песни, национальные обряды.[49]

Серьезная работа проводилась по созданию системы медицинского обслуживания национальных меньшинств. Усилиями Астраханского губздрава в Камызякском, Марфинском, Зацаревском и Зеленгинском районах были открыты врачебные амбулатории, медицинские кабинеты. Только в 1927 г. в татарских и казахских населенных пунктах было открыто 29 фельдшерских пунктов. Число мест в сельских больницах в 1927 г. увеличилось до 200 против 122-х в 1927 г. Астраханскими медиками было прочитано в местах компактного проживания национальных меньшинств 334 лекции и проведено 269 индивидуальных бесед с населением.[50]

Все эти направления и формы работы в области национальной политики в годы НЭПа трудно переоценить. Вовлечение представителей татарского и казахского населения в кооперативное движение, создание товариществ по совместной обработке земли, подготовка национальных педагогических кадров, национальных кадров управления, развитие системы национальных школ – все эти практические меры

способствовали не только преодолению культурной и экономический отсталости, но и усложнению социальной структуры того или иного этноса, появлению новых профессиональных и социальных групп населения. Углубление же социальной автономизации становилось важнейшим фактором политического и духовного развития народа и его национального самосознания. Серьезным результатом проведенной в 20-е гг. работы среди национальных меньшинств Астраханского края явилась тенденция к преодолению националистических предрассудков, укреплению сотрудничества и взаимопонимания между различными национально-этническими группами населения Нижней Волги. Показательным в этом отношении явился интернациональный митинг, состоявшийся в Астрахани 14 ноября 1930 г. Четырехтысячная колонна, представленная еврейскими, татарскими, казахскими культурно-просветительскими обществами, заводскими коллективами направилась к центральной части города. На митинге выступавшие говорили о необходимости отпора любым проявлениям шовинизма, антисемитизма, другим формам националистической ненависти. Особо подчеркивалась важность взаимопомощи и сотрудничества в развитии экономики края.[51] Укрепляли доверие и взаимоуважение между народами региона и проводившиеся в конце 20-х- начале 30-х гг. «праздники первой борозды», «праздники весеннего лова» и т.п. В апреле 1931 г. 23 бригады рыболовецких колхозов казахских сел и 30 бригад колхозов с преимущественно русским населением заключили коллективный договор, в котором обещали не снижать темпов вылова рыбы и не срывать работу в дни христианских и мусульманских религиозных праздников.[52]

Оценивая содержание межнациональных отношений в крае, характер и сущность национальной политики в 20-е гг., можно утверждать, что в этих процессах факторы и принципы экономического содержания преобладали над идеологическими установками. Это открывало благожелательную перспективу развития общества, основанного на безконфликтных межнациональных отношениях.

К сожалению, этим перспективам не суждено было осуществить-

ся. Крах НЭПа, резкий поворот в конце 20-х гг. в сторону жесткого политического и идеологического диктата, ликвидация рыночных интеграторов, осуществленные сталинским окружением, трагически сказались и на проведении национальной политики. В 30-е гг. делается ставка на нивелировку самобытности народов, на их быстрое слияние в некую мифическую наднациональную общность. Национальный дух, самосознание, ценности национальной культуры объявляются вторичными по отношению к классовым приоритетам. Именно следствием такой политики и стало так называемое «Крымское дело», в результате которого были расстреляны многие руководители Крымской АССР (1928 г.), уничтожение А. Шумского, М. Хвылевого и других крупных партийных руководителей Украины (1927 г.), расправа с руководителями «Еврейского антифашистского комитета» (1952 г.) и многие другие репрессивные акции. Астрахань не избежала этих негативных явлений. Однако в общей массе «политических дел» в конце 30-х гг. в Астраханском округе их доля по обвинениям в «буржуазном национализме» была незначительной. В 1939 г. Астраханский окружной суд рассмотрел ряд дел по обвинению Ага-Бала Мусейб-Оглы, Кулахметова, А. Ибрагимова в «контрреволюционной националистической деятельности». К чести представителей астраханского правосудия, они не согласились с формулой обвинения, подготовленной местными структурами НКВД, и вынесли решение о прекращении судебного расследования ввиду отсутствия состава преступления.[53]

Антигуманные и антинародные сталинские концепции сочетались с прямым геноцидом. Упрощенные представления партийно-государственного руководства по национальному вопросу господствовали и в 60-е и в 80-е гг. Их последствия в какой-то мере сказываются и в настоящее время.

И тем не менее было бы неверно оценивать историю национальных отношений в России с исключительно нигилистических позиций.

Во второй половине 30-х гг. на смену кампанейщине в регулирова-

нии межнациональных отношений приходит более целенаправленная работа, сердцевину которой составляла подготовка национальных кадров в области образования. Примером может служить деятельность коллектива Татарского педучилища г. Астрахани. В педучилище получали педподготовку будущие преподаватели татарского языка и литературы, разрабатывались методики организации учебного процесса в национальной школе. В 1933 г. педучилище заключает договор с Коммунистическим пединститутом им. Н.К. Крупской в г. Москве, куда направляет для продолжения учебы своих лучших выпускников. Обширна и география распределения специалистов по преподаванию татарского языка и литературы. В 1938 г. молодые учителя были направлены, кроме астраханских населенных пунктов, в Дагестан, в г. Уральск Казахской ССР, в ряд населенных пунктов компактного проживания татар в Саратовском и Сталинградском округах. Татарское педучилище проводило и серьезную культурно-просветительскую работу. Периодически организовывались передачи по местному радиовещанию, посвященные народной культуре, распространялись книги на татарском языке, путевки в пионерские лагеря и детские санатории для детей из татарских семей.[54]

Вместе с тем и эта плодотворная работа не избежала традиционной идеологизации. Коллектив педучилища использовался местными властными и партийно-идеологическими структурами в организации кампаний по нагнетанию политической истерии в борьбе с так называемыми «врагами народа». Так, в 1938 г. в процессе расправы над Бухариным, Рыковым, Томским и другими представителями «правого уклона» коллектив педучилища выступил с инициативой «в ответ на происки врагов народа наполнить всю учебную и внеклассную работу насыщенным политическим содержаним».

Таким образом, в 30-е гг. национальная политика, в сравнении с предшествующими десятилетиями, стала более продуманной, гибкой и целенаправленной.

Примечания

§1

1. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.801. Л.111.
2. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.801. Л.114.
3. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития: Дискуссии 20-х годов. Л., 1990. -С.78.
4. Коммунист. 1923. 4 марта.
5. Там же. 15 октября.
6. ЦХИДНИ. Ф.17. Оп.14. Д.182. Л.7.
7. Коммунист. 1923. 6 июня.
8. Партийный спутник. 1922. №5-6. С.39-40.
9. ЦХИДНИ. Ф.17. Оп.16. Д.15. Л.88.
10. Коммунист. 1922. 29 января.
11. Там же. 1923. 28 июня.
12. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.52. Л.8.
13. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.33. Л.113.
14. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.132. Л.14.
15. Там же. Д.54. Л.37.
16. Там же. Д.86. Л.77-78.
17. Там же. Д.24. Л.97.
18. Коммунист. 1924. 18 марта.
19. Там же. 1923. 2 марта.
20. Там же. 13 апреля.

§2

1. ЦХИДНИ. Ф.17. Оп.13. Д.50. Л.51.
2. Наш край. 1925. №6. С.39.
3. Там же. 1922. №1. С.32.
4. ЦГА РФ. Ф.386. Оп.1. Д.49. Л.46.
5. Там же. Л.16.
6. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.108. Л.98.
7. Там же. Д.103. Л.156.
8. Наш край. 1922. №1. С.34.
9. ЦГА РФ. Ф.366. Оп.1. Д.49. Л.17.
10. Коммунист. 1925. 11 апреля.
11. ПААО. Ф1. Оп.1. Д.80. Л.83.
12. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.121. Л.25.
13. ЦХМДНМ. Ф.17. Оп.31. Д.2. Л.11.
14. Наш край. 1924. №1. С.44.

15. Там же.
16. Коммунист. 1921. 18 сентября.
17. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.54. Л.12.
18. Наш край. 1924. №1. С.24.
19. Коммунист. 1922. 4 октября.
20. Наш край. 1925. №1. С.63.
21. Там же. С.64.
22. Коммунист. 1925. 17 апреля.
23. ГААО. Ф.886. Оп.1. Д.62. Л.124.
24. ЦХИДНИ. Ф.17. Оп.31. Д.2. Л.10.
25. Наш край. 1925. №6. С.45.
26. Коммунист. 1924. 11 января.
27. Коммунист. 1925. 11 апреля.
28. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.176. Д.58.
29. Бюллетень рыбного хозяйства. 1928. №11. С.15.
30. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.172. Л.85.
31. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957. Т.1. С.644.
32. Сталин И.В. Соч. М., 1954. Т.9. С.322.
33. ПААО. Ф.1. Оп.1. Д.212. Л.7-10; 14; 15.

§3

1. Промышленная Астрахань. Астрахань, 1959. С.30; Ученые записки Астраханского госпединститута им. С.М. Кирова. Астрахань, 1959. Т.VIII. С.59.
2. Астрахань. Справочная книга. Сталинград, 1937. С.136.
3. Блокнот агитатора. Специальный выпуск. Астрахань, 1967. С. 19.
4. Промышленная Астрахань. С. 14.
5. Астрахань. Справочная книга. С. 138.
6. Там же. С. 34-35.
7. Астрахань. Справочная книга. С. 171.
8. Там же. С. 115.
9. Там же. С. 114.
10. Промышленная Астрахань. С. 205.
11. Комсомолец Каспия. 1987. 15 сентября.
12. Астрахань. Справочная книга. С. 179.
13. Там же. С. 188.
14. Промышленная Астрахань. С. 142.
15. Астрахань. Справочная книга. С. 230-231.
16. Там же. С. 236.
17. И будет городу форпост. Астрахань, 1999. С. 34.
18. Панин И.И. История Астраханского края. (1900-1940 гг.) Астрахань, 1997. С. 116.

19. Астрахань. Справочная литература. С. 88.
20. Комсомолец Каспия. 1967. 24 августа.
21. Там же. С.200.
22. Ерохин И.Ю. Товарное производство и командно-административная система: исторический опыт Астраханского края (1928-1932 гг.) Астрахань, 1992. С. 16-17.
23. Промышленная Астрахань. С. 31.
24. Дорохин С.Е. Экономика рыболовецких колхозов Астраханского округа в 1937-1940 гг. Ученые записки. АГПИ. Т.VIII. 1959. С. 74.

§4

1. Ерохин И.Ю. Астраханщина // Северо-Каспийская правда. 1992. 24 декабря.
2. ГААО. 8. 1727. Оп. 1. Д 422. Л. 46.
3. Очерки истории Астраханской партийной организации. Волгоград. 1971. С.287.
4. Путь трудовых побед. Волгоград, 1967. С.210-211.
5. ЦХСДАО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 102. Л. 5.

§5

1. Коммунист. 1932. 15 ноября.
2. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.3424. Л.19.
3. Там же. Ед. хр.3374. Л.369..
4. Рупор комсомола. 1928. 11 октября.
5. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.3373. Л.308.
6. Там же. Ед.хр.3414. Л.287.
7. Коммунист. 1930. 5 января.
8. Коммунист. 1930. 24 марта.
9. ГААО. Ф.2150. Оп.1. Ед.хр.16. Л.6.
10. Там же. Л.6-7.
11. Коммунист. 1932. 14 апреля.
12. Коммунист. 1931. 16 мая.
13. Шульгин В.С. и др. Культура России IX-XX вв. М., 1998. С.291.
14. Астрахань. Справочная книга. Астрахань, 1937. С.271.
15. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.3373. Л.213.
16. Там же. Л.125.
17. Коммунист. 1931. 8 февраля.
18. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Ед.хр.3373. Л.47.
19. Там же. Л.23.
20. Там же. Л.11, 214.
21. Астрахань. Справочная книга. С.260.
22. Там же. С.263.
23. Там же. С.265.

24. Там же. С.271.
25. Основные показатели народного хозяйства Астрахани. Ст. сборник. Астрахань, 1958. С.148.

§6

1. Жизнь национальностей (орган наркомата по делам национальностей СНК РСФСР). 1920. 10 октября.
2. Там же.
3. Наша газета (газета Астраханского кооперативного союза журналистов). 1918. 11 июля.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.27. С.256.
5. Там же. Т.24. С.10.
6. ГАAO. Ф.1. Оп.1. Д.133. Л.101, 103.
7. Там же. Л.184.
8. Там же. Л.180.
9. Там же. Д.1617. Л.607-608.
10. Там же. Д.1243. Л.85.
11. Там же. Д.133. Л.180.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же. Д.1243. Л.57.
15. Там же. Д.1394. Л.63.
16. Там же. Л.140.
17. Там же. Л.153, 163.
18. Там же. Д.940. Л.4, 5; Д.1398. Л.1.
19. Там же. Д.133. Л.144, 146, 156, 79.
20. Там же. Л.180.
21. Там же. Л.182-184.
22. Там же.
23. Там же. Д.1617. Л.608.
24. Там же. Л.608.
25. Там же. Л.608 (об), 614, 614(об).
26. Там же.
27. Там же. Л.612, 613.
28. Там же. Л.614, 614(об).
29. ГАAO. Ф.386. Оп.2-а. Д.27. Л.4; Ф.1. Оп.1. Д.1617. Л.612.
30. ГАAO. Ф.186. Оп.3. Д.3. Л.1-15.
31. ГАAO. Ф.1. Оп.1. Д.1617. Л.614(об).
32. ГАAO. Ф.386. Оп.2. Д.94. Л.110.
33. ГАAO. Ф.386. Оп.2. Д.33. Л.81.
34. ГАAO. Ф.386. Оп.2. Д.94. Л.86.

35. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1617. Л.622, 653-654.
36. Там же. Л.654.
37. Там же. Л.653, 654.
38. Там же. Д.1620. Л.291; Д.1617. Л.624, 627, 635, 654.
39. Там же. Л.380
40. Там же. Л.291.
41. Там же. Л.42.
42. Там же. Л.335
43. Там же. Д.1617. Л.624, 627, 635; Д.1395. Л.31(об).
44. Там же. Д.1620. Л.291.
45. Там же. Д.1617. Л.624; Д.1620. Л.291, 377, 188, 207.
46. Там же. Д.1617. Л.435, 200(об), 622; Д.1395, Л.31(об).
47. Там же. Д.1620. Л.188, 207.
48. Там же. Л.218.
49. На культурном фронте. Орган Нижне-Волжского краевого Совета культпоходов. 1930. №7-8. С.60.
50. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.1617. Л.124.
51. ГААО. Ф.3337. Оп.1. Д.3. Л.77.
52. ГААО. Ф.6. Оп.1. Д.500. Л.85; Ф.3337. Оп.1. Д.14. Л.78.
53. ГААО. Ф.1360. Оп.3. Д.2. Л.204; Д.8, Л.20.
54. ГААО. Ф.2874. Оп.1. Д.8. Л.25; Д.9, Л.12, 6-7, 22, 24.

Глава XIV. Астраханский край в годы Великой Отечественной войны

§1. Народное хозяйство края в условиях военного времени

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. явилась труднейшим испытанием, наиболее тяжелым периодом в истории нашей страны. Астраханцы, как и весь советский народ, с первых дней войны мобилизовали усилия на оказание помощи фронту, на создание новых резервов для действующей армии. Уже 22 июня 1941 г. в округе был рассмотрен вопрос о проведении военной мобилизации. Руководителям промышленных предприятий, транспорта, учреждений вводились в обязанность организация своевременной замены уходящих в армию и налаживание бесперебойного производственного процесса во всех отраслях хозяйства.

С утра 23 июня в округе началась мобилизация. Во все военкоматы хлынул поток заявлений с просьбой добровольно зачислить в Красную Армию. Заявления подавали астраханцы различных национальностей, пола, возраста и профессий, в том числе молодежь непризывного возраста. О готовности сражаться с оружием в руках заявляли целые производственные коллективы. Такие решения, принимаемые на митингах предприятий, публиковались в газетах, о них сообщалось в радиопередачах.

3 июля 1941 г. по радио выступил И.В. Сталин. В своей речи он объяснял причины отступления Красной Армии, оправдывал предвоенный союз с Германией, давал оценку начавшейся войны как ведущейся на уничтожение. Важнейшей частью речи был план конкретных мер, направленных на «немедленную перестройку всей нашей работы на военный лад». В основу его легла директива Совнаркома и ЦК партии от 29 июня 1941 г.

В основу перестройки был положен принцип максимальной централизации политического, хозяйственного и военного руководства.

Отступление Красной Армии и утрата в столь короткий срок промышленно развитых районов ставили в особые условия ряд регионов,

находящихся в отдалении от линии фронта, в том числе и Астраханский округ.

Находясь на стыке водных и железнодорожных путей, являясь воротами на Кавказ и в Среднюю Азию, Астрахань в период войны имела большое стратегическое значение. По объему перевозок Астраханский порт не уступал крупнейшим портам Советского Союза. Здесь проходила перегрузка хлеба, хлопка, перекачка нефти и других важных грузов с морских судов, идущих с Каспия, на речные, направляющиеся вверх по Волге вглубь страны.

Всенародная помощь фронту приняла широкие размеры с первых же дней войны. Местные партийные, государственные и общественные организации мобилизовали всех астраханцев на выполнение производственных планов на нужды войны.

По всем предприятиям, колхозам и совхозам, учреждениям и учебным заведениям прокатилась волна митингов и собраний. Рабочие, колхозники, служащие, студенты в своих выступлениях давали клятву сделать все для того, чтобы защитить свободу и независимость Родины, приложить все усилия для быстрейшего разгрома врага. Старейший кадровый рабочий, мастер котельного цеха завода им. X годовщины Октябрьской революции А.А. Калинушкин, выражая мысли и чувства всех астраханцев, на городском митинге заявил: «Завод, на котором я работаю четверть века, – мой завод. Своими руками пускал я в ход некоторые его агрегаты. Фашистские изверги хотят отнять у советского народа его добро, хотят поработить нас. Этому не бывать никогда!.. Своего сына я тоже проводил в ряды бойцов действующей армии, а теперь и сам готов взять оружие в руки для защиты нашей великой Родины. Клянусь, что жизни своей не пожалею, но врагу пощады не дам!»[1]

Подобные искренние заявления были характерны для всех астраханцев. Они свидетельствовали о их благородном порыве отдать все силы во имя спасения Родины.

В Красную Армию добровольно вступили сотни астраханцев. Только за шесть месяцев в армию ушло 36% состава окружной партийной организации, более 600 комсомольцев были направлены в десантные войска ВВС. 886 коммунистов и около 10 тыс. комсомольцев послала Астраханская городская парторганизация на защиту Сталинграда и другие участки фронта в 1942-1943 гг.[2]

17 сентября 1941 года Государственный Комитет обороны принял постановление о введении с 1 октября обязательного военного обучения граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет. В этой связи стали создаваться учебные подразделения по территориально-производственному принципу. В Астрахани они были сформированы на крупных предприятиях: судоремонтных заводах, судоверфи им. Кирова, Астраханском рыбоконсервно-холодильном комбинате им. Микояна.

Рабочие мелких предприятий, артелей, служащие учреждений, колхозники и рабочие совхозов проходили обучение на военных пунктах, созданных по месту жительства.

Только с 1 октября 1941 года по декабрь 1942 г. в Астраханском округе прошли военную подготовку свыше 13,5 тыс. человек. Из числа бойцов всеобуча были сформированы три дивизии и отдельные полки, которые направлялись на различные участки фронтов.

Кроме всеобуча, в округе шла подготовка специалистов, из которых в июле в Астрахани был создан комсомольский батальон в количестве 1200 человек.

Уже к 10 июля 1941 года в трех районах Астрахани около 5 тысяч человек добровольно записались в ополчение. К осени 1941 г. на территории Астраханского округа было сформировано 4 истребительных батальона.[3]

Исключительно важной задачей, стоящей перед астраханцами, было размещение и налаживание работы ряда заводов, эвакуированных с Украины, Белоруссии и Крыма. Необходимо было разместить

эвакуированное население, обеспечить его жильем, питанием и работой. С этими задачами астраханцы успешно справлялись. На табачной фабрике, эвакуированной из Одессы, в короткий срок было налажено производство табака для фронта с астраханской маркой. Налаживалось производство Перекопского химического завода, эвакуированного в Нижний Баскунчак.[4] На овчинно-шубном заводе, вывезенном из Гомеля, уже к концу 1941 года было налажено пошивочное производство.

Астраханский окружком ВКП(б) в августе 1941 г. принял специальное решение, в котором ставилась задача «...подготовить в течение сентября-ноября с.г. не менее 150 человек женщин-токарей, слесарей, электросварщиков...».[5] Домохозяйки – жены рабочих и служащих Владимирского затона – одни из первых в крае начали осваивать эти специальности.[6]

На крупнейшем в стране рыбообрабатывающем предприятии – Астраханском рыбоконсервно-холодильном комбинате была образована целая система подготовки специалистов из среды женщин.

Значительная часть промышленных предприятий была переключена на выпуск оборонной продукции. Судоверфь имени С.М. Кирова строила аэросани, тральщики; судоремонтные заводы выпускали авиабомбы, мины, снаряды, гранаты. Коллектив нынешнего Морского судостроительного завода выпускал подводные лодки, бронекатера, снаряды большого калибра. Медицинский институт готовил горючую бутылочную смесь и т.д.[7]

Чрезвычайные обстоятельства военного времени заставляли принимать неординарные правительственные решения и постановления, касающиеся всех сторон организационно-хозяйственной деятельности предприятий. Остро стоял вопрос о их обеспечении специалистами. Еще до войны, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г., вводилась уголовная ответственность за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий, из учреждений, за прогу-

лы, опоздания более чем на 20 минут. Указом от 26 июня 1941 г. «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» по всей стране вводились сверхурочные работы продолжительностью от одного до трех часов в день.[8]

Указ был встречен трудящимися с полным пониманием. На общих собраниях рабочие и служащие принимали решения о переходе на 10-11 часовой рабочий день. Из управленческого аппарата часть служащих переводилась на производство. Широкое распространение получило движение «двухстаночников», «трехстаночников», совместителей профессий, мужские профессии вынуждены были осваивать женщины, воспринимая это как патриотический долг.

На 1 января 1942 г. на рыбоконсервном комбинате от общего числа рабочих специалистов женщины составляли 75% против 44% в 1940г. Большинство из них выполняли нормы на 120-150%.[9] Перед коллективом комбината стояла задача не только выполнить и перевыполнить государственный план, но и дать продукцию отличного качества, необходимую для фронта. Даже в такое напряженное время изыскивались средства для введения и освоения новых технологий по производству дополнительной продукции для фронта. Такой продукцией стали рыбные сухари и хлопья, мука, крупы. В 1941 году было выработано «рыбной муки 108,7 тонны, крупы 46,8 тонн, сухарей 40,9 тонн, хлопьев 11,3 тонны».[10] Коллектив комбината освоил выпуск консервов в стеклотаре, что давало большую экономию металла, необходимого для военной промышленности.

В целом рыбная промышленность округа государственный план добычи рыбы выполнила к 10 ноября 1941 года на 10%. Всего было добыто рыбы на 135,4 тыс. центнеров больше, чем в предвоенном 1940 году.

Из 27 рыбозаводов, входящих в Волго-Каспийский трест, – 16 досрочно выполнили заготовку рыбы, в том числе рыбозаводы им. Чапаева – на 141,3%, им. Кирова – на 127,2%, Оранжерейный рыбокомби-

нат – на 118,1% и т.п.

Особую остроту приобрели в эти годы вопросы продовольственного снабжения мирного населения. Еще с конца 1939 г. в стране начинается закрытое нормирование распределения продовольственных и промышленных товаров, что было связано не только с усилением милитаризации и ростом военных расходов, но, в не меньшей мере, с низкой эффективностью колхозной системы, поскольку колхозники не были заинтересованы в результатах труда в общественном производстве, сосредоточив усилия на личных хозяйствах. В конце октября 1941 г. карточная система продажи продовольствия вводится почти во всех городах и рабочих поселках, а в конце года – по стране в целом. Предельная норма снабжения была невысокой и в ходе войны в нее постоянно вносились поправки. Население деревни, связанное с сельским хозяйством, на государственное довольствие не принималось. Гарантированные нормы снабжения хлебом устанавливались только для сельской интеллигенции, инвалидов Отечественной войны, эвакуированных, работников советского и партийного звена. В колхозах на трудодни продукты не выдавались, основным источником питания для крестьянской семьи стали приусадебные участки.

В Астраханском крае, богатом овощами и рыбой, проблема питания хотя и не являлась простой, но все-таки была менее острой, чем во многих других регионах страны.

Одной из важнейших задач было осуществление перевода на нужды войны работы водного и железнодорожного транспорта. Необходимо было резко увеличить пропускную способность магистралей, ускорить оборачиваемость подвижного состава, срочно провести строительство новых линий.

Летом 1942 г. линия фронта проходила в 100-150 километрах от Астрахани. Вражеские самолеты бомбили город и суда, идущие с грузами с Каспия по Волге. Волго-Каспийский канал, плес реки Волги от устья до Саратова превратились в арену борьбы морских и речных

транспортных судов с самолетами противника.

Команды судов, подвергаясь постоянным бомбежкам и обстрелам, круглосуточно доставляли военно-стратегические грузы в места назначения, проявляя образцы героизма и мужества.

Капитан парохода «Сократ» А.И. Кривцов в своих воспоминаниях рассказывает: «В период Сталинградских боев экипаж парохода «Сократ» проявлял мужество и героизм, перевозя под непрерывным огнем артиллерии и минометов, через заминированные участки Волги боевую технику, горючее, продовольствие, эвакуированных и раненых. ...В неравном бою экипаж сбил два самолета противника. Вторично 24 сентября 1942 года у пристани Владимировка в течение получаса фашисты совершали атаку за атакой на мирный пароход. Несмотря на это, экипаж и в этом бою вышел победителем, сбив три самолета врага. Два самолета фашистов в неравном бою сбил экипаж парохода «Алтай».[11]

В историю тех грозных испытаний вписан героический подвиг экипажа теплохода «Память товарища Войкова». В один из рейсов между Астраханью и морским рейдом с тремя баржами фашистская бомба перебила буксирный трос, повредила бортовую часть и поперечную переборку баржи. Баржа загорелась, тогда капитан теплохода А.А. Лупников приказал расчалить движущиеся по инерции баржи и отвести в сторону горящую. Пожар был погашен. За самоотверженный труд и проявленный героизм при спасении каравана все члены экипажа были награждены ценными подарками, 10 человек из них во главе с капитаном были награждены значками «Почетный работник морского флота».

В годы войны самоотверженность и мужество проявили коллективы судов «Полтава», «Коллективизация», «Самокритика», «Громобой», «Уральск», «Гаситель» и другие.

В условиях приближающегося к Астрахани фронта возникла серьезная угроза запасам горючего и смазочного материала, находящимся на городских нефтебазах, которые постоянно бомбила авиация противника. Для вывоза нефтепродуктов в безопасное место был сфор-

мирован караван барж, отправившийся по Северному Каспию в направлении Гурьева. Однако большая осадка груженых барж не позволила провести их вверх по мелкому фарватеру Урала. Тогда коллективы пароходов, барж, нефтеперекачечных станций организовали перекачку нефтепродуктов в Гурьев, проложив по льду нефтепровод.

Бывший секретарь Сталинградского обкома ВКП(б) А.С. Чуянов в воспоминаниях «Сталинградский дневник» свидетельствует: «Из Астрахани вверх по Волге предстояло вывести 9,7 миллиона тонн нефтепродуктов. Это была задача большой государственной важности. Первоочередной задачей, стоящей перед астраханцами, было завести в Москву 350000 тонн высокосортных нефтепродуктов и в верховье Волги и Камы 1130 тонн бензина».[12]

Несмотря на исключительно тяжелую обстановку, волжский флот перевез для фронта и тыла в 1942 г. на участке Астрахань-Сталинград 3 млн. 800 тыс. тонн нефти и нефтепродуктов, сотни тысяч тонн хлеба, соли, угля, хлопка и др. грузов.[13]

В период битвы на Волге речным флотом было переправлено на оба берега 543 тыс. человек военного и гражданского населения, 29,4 тыс. автомашин, 550 тягачей, 840 орудий, 149 тыс. тонн боеприпасов, вооружения и продовольствия, эвакуировано из опасной зоны 1 млн. 874 тыс. голов скота, 3,5 тыс. сельскохозяйственных машин.[14]

За проявленную доблесть и самоотверженность 251 работник пароходств «Волготанкер» и «Рейдтанкер» в навигацию 1942 г. были отмечены правительственными наградами, 54 человека награждены Военным Советом Сталинградского фронта орденами и медалями.[15]

В целях обеспечения безопасности судоходства на участке рейда Астрахани в августе 1942 г. была создана военизированная флотилия. Более 56 баркасов, моторных рыбниц, сейнеров вошли в ее состав.

Для поддержания бесперебойной работы флота по выполнению военных и народнохозяйственных перевозок, сохранения грузов и плавучих средств от минной опасности Астраханский ГКО в своем поста-

новлении №187 от 3 августа 1942 г. просил ГКО СССР выделить дополнительные единицы вооружения и авиации, военных катеров и тральщиков. В результате принятых мер была усилена охрана Астрахани и рейда.

Охрану р. Волги обеспечивал отряд бронекатеров и тральщиков Астраханской военно-морской базы Каспийской военной флотилии. С воздуха астраханский оборонительный обвод прикрывала 289 штурмовая авиационная дивизия, действовавшая в тесном взаимодействии с истребительной авиацией Астраханского дивизионного района ПВО.[16]

За патриотический труд в период войны около 8,5 тысяч речников были награждены орденами и медалями СССР. Многие работники речного транспорта находились в армии и Военно-морском флоте. Двадцать человек из них были удостоены высокого звания Героя Советского Союза.[17]

Перевозки водного транспорта во многом зависели от работы судоремонтных заводов. Перестраиваясь на военный лад, судоремонтные заводы подчинили всю свою деятельность интересам фронта.

Прифронтовая обстановка, частые налеты вражеской авиации вынуждали рассредоточить флот и проводить его ремонт во многих отстойных пунктах.

25 мая 1942 года к причалу завода им. Ленина была поставлена на ремонт баржа «Свияга». По плану на ее ремонт отводилось 2,5 месяца. Однако руководство завода разработало график работ на 30 дней. Через 30 дней «Свияга» вступила в строй. В сокращенные сроки были отремонтированы баржа «Амазонка», теплоходы «Калмык», «Андреев», «Манычстрой» и другие.[18]

Все судоремонтные заводы Астрахани наряду с выполнением государственного плана судоремонта выполняли и специальные военные заказы, имевшие особо важное оборонное значение.

Трудности войны наложили отпечаток на работу железнодорожного транспорта. Приспосабливать перевозки к возраставшим потреб-

ностям фронта и тыла приходилось в исключительно тяжелых условиях. Ухудшилось материально-техническое снабжение железных дорог, поскольку промышленность прекратила выпуск вагонов и магистральных паровозов. Налеты вражеской авиации совершались на широком фронте и на большую глубину. Часть железнодорожных магистралей была разрушена. Такая участь постигла железнодорожную магистраль Москва-Курск-Харьков-Ростов, а затем Юго-Восточную железную дорогу, связывающие южные районы с центром страны. В этих условиях крайне необходимо было наладить бесперебойную связь Астрахани со Сталинградом и другими территориями. Волжский речной путь не позволил осуществлять перевозки оперативно и в достаточных объемах. Исправить ситуацию должно было строительство и пуск в эксплуатацию железнодорожных магистралей Владимировка-Сталинград и Кизляр-Астрахань, имевших важное стратегическое значение.

12 сентября 1941 г. правительство принимает решение о строительстве железной дороги протяженностью 180 км. с паромной железнодорожной переправой через Волгу. Окончание строительства намечалось на конец 1941 г. Велось оно почти при полном отсутствии средств механизации нормальных бытовых уловий. На строительстве дороги ежедневно были заняты 25 тысяч рабочих, преимущественно женщин, и около 3000-3500 подвод.[19]

Строительство первой очереди дороги было окончено 27 декабря 1941 г. Начальник Сталинградской железной дороги т. Воевудский телеграфировал наркому путей сообщения: «Пробный поезд №942, весом 520 тонн, паровоз серии III 3542 отправился 27 декабря со станции Паромная в 17 час. 30 мин. и 28 декабря прибыл благополучно на станцию Ахтуба Рязано-Уральской железной дороги в 1 час. 45 мин.».[20] После пробного пробега поезда дорога была сдана в эксплуатацию при отсутствии телефонной связи, водоснабжения, станционных служебных помещений. Работы по строительству второй очереди прово-

дились всю зиму и весну 1942 г.

К концу 1942 г. было завершено строительство железной дороги Астрахань-Кизляр протяженностью 344 км, связывающей Астрахань с Закавказьем и Кавказом.

Железнодорожники Астрахани для ускорения работы на железнодорожном транспорте применяли передовые методы труда – скоростное формирование и вождение тяжеловесных составов, пробег без пополнения топлива и водой, безотцепочный ремонт вагонов, сокращенные интервалы движения поездов ниже допускаемых техническими правилами.

В течение августа 1941 г. 77% паровозов работали без захода на межпоездный ремонт, машинисты водили поезда на повышенной технической скорости. На железных дорогах вводились военные графики движения, устанавливался строгий режим светомаскировки.

Для прикрытия и охраны железнодорожных мостов и переправ Астраханский ГКО в августе 1942 г. обратился к заместителю наркома обороны Хрулеву с просьбой выделить необходимое количество активных средств ПВО – зенитных орудий, пулеметов, самолетов для патрулирования по линии Астрахань-Кизляр и Астрахань-Баскунчак. Кроме того, необходимо было как минимум два бронепоезда – один по линии Астрахань-Кизляр и другой – Астрахань-Ахтуба для охраны движущихся составов. Особое внимание обращалось на охрану железнодорожных мостов – Болдинского, Бузанского, Ахтубинского и Астраханской железнодорожной паромной переправы.

Для обеспечения бесперебойных железнодорожных перевозок Астраханский ГКО принимает решение о строительстве временного железнодорожного моста через Волгу, который был построен недалеко от Астрахани, в 1943 г.

Успехи Советских Вооруженных сил под Москвой и Сталинградом, начавшийся коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, развернувшееся наступление Красной Армии по всему фронту и

изгнание фашистов с территории нашей Родины воодушевляли население страны на безвозмездный тяжелый труд во имя дальнейших побед над врагом.

В годы войны в связи с неоднократными мобилизациями мужчин на фронт все острее чувствовалась нехватка рабочих рук в хозяйстве, а фронт требовал бесперебойных поставок вооружения, боеприпасов, обмундирования, продуктов питания и др. Требовалась ускоренная подготовка кадров рабочих различных специальностей, способных заменить ушедших на фронт.

В связи с эвакуацией в 1942 г. из г. Астрахани в восточные районы школ ФЗО и ремесленных училищ основными формами подготовки кадров стали индивидуальное обучение и стахановские школы, через которые в 1943 г. только на рыбоконсервно-холодильном комбинате им. Микояна прошли обучение 1080 человек, из них 987 женщин, на судоверфи им. С.М. Кирова – 208 человек, в том числе 100 женщин.[21]

Огромное значение придавалось широкой активизации трудовой инициативы астраханцев. В январе 1943 г. Президиум ЦК профсоюза работников рыбной промышленности Юга одобрил обращение коллектива рыбозавода «Молодая гвардия» о развертывании социалистического соревнования в честь 25 годовщины РККА.[22] Трудящиеся Астраханского округа повсюду брали повышенные обязательства.

Рыбная промышленность округа в 1943 г. была представлена тремя трестами: Волго-Каспийским государственным рыбным трестом, объединявшим 31 береговой рыбозавод, 10 плавучих рыбозаводов и 22 моторно-рыболовных станции, которые обслуживали 103 рыболовецких колхоза Астррыбакколхозсоюза; Республиканским Государственным рыбным трестом, объединявшим 8 рыбозаводов и 20 рыболовецких колхозов; Калмыцким трестом, объединявшим 4 рыбозавода, 2 плавзавода, 4 МРС и 23 колхоза. Все они имели напряженные производственные планы.

В целом рыбная промышленность округа годовой план выполни-

ла к 1 ноября 1943 г., дав стране 2 млн. центнеров рыбы.

Правительство высоко оценило заслуги рыбников перед Родиной, наградив около 150 человек орденами и медалями.[23]

Производственные показатели могли быть более высокими, но в годы войны рыболовный флот из-за отсутствия планового финансирования на его модернизацию ветшал, приходил в негодность, численно сокращался. Если в 1940 г. по Каспийскому бассейну рыболовный и транспортный флот насчитывал более 10220 единиц, то в 1943 г. это число сократилось до 7950 единиц.[24]

С начала войны в ведущем Волго-Каспийском тресте количество флота уменьшилось на 2617 единиц, в том числе самоходного – на 98 единиц. И хотя Постановлением СНК СССР от 13 августа 1943 г. предписывалось астраханским судоремонтникам и судостроителям к весенней путине 1944 г. отремонтировать и восстановить рыболовный флот в количестве 8596 единиц, в том числе самоходный флот – 651 единицы, однако из-за недостатка материалов было отремонтировано лишь 4421 единица, в том числе 456 единиц самоходного флота.[25] Главный же результат заключался в том, что к началу путины были полностью укомплектованы отремонтированными орудиями лова рыболовецкие бригады и звенья.

Учитывая географическое положение, потенциальные возможности и перспективы социально-экономического развития на базе имеющихся в крае людских и природных ресурсов, заметный вклад в экономику страны военного времени, Президиум Верховного Совета СССР своим Указом за №801/1 от 27 декабря 1943 г. учредил на территории Астраханского округа Астраханскую область.[26] Тем самым создавались благоприятные условия для большего использования природно-климатических ресурсов края, для дальнейшего развития производительных сил. Статус самостоятельной области требовал даже в условиях военного времени предпринимать более решительные практические действия, направленные на развитие приоритетных для края

отраслей народного хозяйства. Традиционно особое внимание уделялось развитию рыбной промышленности, прежде всего подготовке и проведению путины.

Здесь намечались тенденции к дальнейшему расширению районов лова, внедрению механизации и прогрессивных методов добычи и обработки рыбы, что позволило коллективу Волго-Каспийского треста в первом полугодии 1944 г. дать стране сверх плана 96000 центнеров рыбы.

Серьезным стимулом повышения производительности труда в военные годы являлось соревнование между организованными коллективами рыбаков. Доказательством может служить соревнование между рыбаками Волго-Каспийского и Азово-Черноморского бассейнов, в ходе которого заметных результатов добились коллективы рыбокомбината им. Володарского, рыбозаводов им. Крупской, им. Самойловой и некоторых других предприятий области.[27] В целом рыбаками Астраханской области годовой план 1944 г. был выполнен успешно.

Весомый вклад в экономику области, а также страны в целом, вносили работники перерабатывающей и легкой промышленности, промкооперации: коллектив судоверфи им. С.М. Кирова за первый квартал 1944 г. получил переходящее Красное знамя ГКО и денежную премию в сумме 225 тыс. рублей;[28] коллективы солепромысла «Баскунчак» и плавзавода №5 также были награждены переходящими Красными знаменами ГКО СССР.

Не менее важное значение в экономике Астраханской области играл морской и речной флот, который за годы войны понес значительный ущерб. Его восстановлению и ремонту в области уделялось самое серьезное внимание, подкрепляемое целевым финансированием.

Несмотря на трудности военного времени, астраханцы наращивали темпы производства, не только выполняли, но чаще всего перевыполняли производственные задания. Примеров тому множество, они являются характерными для большинства предприятий области.

На заводе им. К. Маркса выработка на одного рабочего в 1944 г. достигла 188% против 168% в 1940 г. На заводе им. Сталина только за 8 месяцев 1944 г. объем продукции составил 251% по сравнению с 1940 г. Пароходство «Волготанкер» построило судоремонтные мастерские, а пароходство «Рейдтанкер» – плавучую ремонтную мастерскую. Эти новые производственные объекты увеличивали мощности по судоремонту и сыграли большую роль в своевременном ремонте судов, реализации планов навигации. В апреле 1944 года оба пароходства завоевали переходящие Красные знамена ГКО СССР и получили премии. Высоких производственных показателей достигли коллективы судов «Доктор Пирогов», «Капитан Панин», «Ленинец», «Манычстрой».

В годы войны резко возросла потребность в горюче-смазочных материалах. Возрастающее количество перевозок различных грузов на нужды войны и необходимость обеспечения топливом морских и речных судов поставили на повестку дня восстановление и строительство в Астрахани нефтебаз и сооружение установок по обезвоживанию мазута для выработки дизельного топлива.

Начавшееся большое строительство и реконструкция действующих промышленных предприятий потребовали резкого увеличения количества кирпича, черепицы, блоков из ракушечника, извести и других строительных материалов. Объем валовой продукции промышленности в Астраханской области в 1944 г. был выполнен на 107,5% или на 16 миллионов рублей больше, чем в 1943 г.

За успешное выполнение государственного плана и правительственных заданий в 1944 г. по Астраханской области были награждены орденами и медалями СССР 400 человек.[29]

В первый период войны, когда линия фронта проходила буквально рядом с территорией нашего края, народное хозяйство города и области понесло большой материальный ущерб. Было разрушено и сожжено 6327 различных зданий и сооружений, пришло в негодность 5617 км железнодорожного полотна, 659 единиц подвижного состава,

290 судов речного и морского транспорта, 224 автомобиля, 186 тракторов, 66 комбайнов, прочего сельскохозяйственного инвентаря – 3981 единиц, сократились площади посевов на 75431 га, поголовье скота – на 482195 голов.

В денежном выражении общий материальный ущерб, причиненный фашистами народному хозяйству Астраханской области, составил 870582,3 тыс. руб.[30]

Народное хозяйство Астраханской области нуждалось в значительных капиталовложениях. Восточные районы области не только подверглись интенсивным налетам вражеской авиации, но и были ареной военных действий. Взрослого мужского населения в деревнях практически не осталось, все сельскохозяйственные работы легли на плечи женщин и детей. Традиционно мужские профессии пришлось срочно осваивать женщинам. На курсах трактористов и комбайнеров в 1941 г. в Астраханском округе обучались более 500 женщин, заменявших мужчин, ушедших на фронт.[31]

Многие женщины успешно справлялись с обязанностями председателей сельских советов, руководили в колхозах полеводческими и садоогродническими бригадами. По инициативе женщин Камызякского района в области стали формироваться рыболовецкие бригады. В июле 1941 г. в Володарском районе на морской лов вышли 400 рыбачек, в колхозе «Путь социализма» Никольского района – 30, в Лебяжинской МРС – 28.[32] В 1941 г. в колхозах АРКСа (Астррыбакколхозсоюза) на рыбодобыче трудились 5199 женщин, в том числе 2210 человек – в море.

Наряду с добычей рыбы остро стоял вопрос о досрочном окончании осенних сельскохозяйственных работ по уборке урожая и сдаче хлеба государству.

Для оказания помощи колхозам в села были направлены большая группа работников аппарата учреждений, организаций и часть населения г. Астрахани. В связи с нехваткой сельскохозяйственной техники уборка хлеба производилась вручную с помощью кос и серпов.

48. Зак 260

Например, в колхозе «Животновод» Харабалинского района на уборку урожая вышли 150 женщин, которые вручную серпами убрали 300 гектаров зерновых.

В Енотаевском районе на уборочные работы было мобилизовано все трудоспособное население.

Большую помощь колхозникам оказывали дети школьного возраста. Более 8000 учащихся школ округа все каникулы провели в поле на уборке урожая.

Напряженный труд сельчан позволил своевременно справиться с уборкой урожая и сдать государству хлеба в 1941 г. на 200 тысяч пудов больше, чем в 1940 г.[33]

В условиях военного времени Советское правительство по-прежнему особое внимание обращало на дальнейшее расширение посевных площадей, повышение урожайности зерновых и овощных культур в ряде регионов страны, в том числе и в Поволжье. Только весной 1942 г. труженики села Астраханского округа посеяли на 11466 гектаров больше, чем в 1941 г. В целом общая посевная площадь в 1942 г. увеличилась по сравнению с 1941 г. более чем на 33 тысячи гектаров.[34]

Большое внимание уделялось в крае развитию овощеводства и бахчеводства. В целях бесперебойного обеспечения овощами воинских частей, расположенных в пределах округа, решением Астраханского ГКО №209 от 28 августа 1942 г. был утвержден план их снабжения заготовительными организациями в количестве 2000 тонн ежемесячно.[35]

Трудным для астраханской деревни был и 1943 г.

В этом году планировалось посеять озимых и яровых на площади в 118170 га, фактически было засеяно 124139 га.

Однако в 1943 году, ввиду неблагоприятных метереологических условий, а также в связи с большим дефицитом сельскохозяйственной техники, отсутствия удобрений около 50% посевов зерновых культур не дали урожая.

Из общей посевной площади зерновых в 108850 га фактически

было убрано лишь 62463 га, а остальные площади урожая не дали.[36]

Таким образом, увеличение посевных площадей не способствовало укреплению общественных хозяйств, не являлось положительным показателем в работе колхозов.

В 1943 г. в колхозах Астраханской области ощущались серьезные затруднения в развитии животноводства. Сократилась кормовая база, резко уменьшилось производство концентрированных кормов, снизилось производство фуражных культур, ухудшилось ветеринарное обслуживание, сократилось строительство животноводческих помещений и т.д. Все вместе взятое существенно отражалось на росте поголовья скота и его продуктивности. В 1943 г. падеж скота в 2-3 раза превышал падеж довоенного 1940 г.[37]

И только по добыче рыбы колхозники выполнили план 1943 г. на 110,8%, добыв 2125,8 центнеров рыбы.[38]

Для получения высоких и устойчивых урожаев в 1944 г. перед сельскими тружениками области ставилась задача дальнейшего развития орошаемого земледелия. В этом году предполагалось довести посев зерновых и овощебахчевых культур на площади свыше 35 тыс. гектаров, в том числе на орошаемых – свыше 20320.

Планировалось также восстановить существующие и построить новые орошаемые системы на площади 700 гектаров, а в 1945 г. на площади 3000 гектаров.[39]

Для обслуживания орошаемых участков во всех колхозах создавались постоянные производственные бригады, за которыми закреплялась техника и необходимый специнвентарь. В централизованном порядке были организованы курсы по подготовке техников агромелиораторов. Проводилась большая работа по укреплению песков травами, установлению полезащитных лесонасаждений, подсев ценных кормовых трав.

Анализ производственной деятельности передовых колхозов области за 1944 год показывал, что хозяйства, постепенно преодолевая

военные трудности, крепли, набирая силу. Повышался валовой сбор сельскохозяйственных культур, улучшились проводимые агротехнические мероприятия, несколько возрастала материально-техническая база, больше уделялось внимания животноводству.

«Черные земли» имели огромные отгонные пастбища на площади 1800000 га. Освоение их требовало проведения значительных работ по строительству животноводческих помещений и жилья для чабанов. Необходимо было развивать систему водоснабжения, поскольку на «Черных землях» имелось всего 3 артезианских и 232 шахтных колодца.[40]

Наряду с упорным и напряженным трудом по выполнению государственных плановых заданий труженики села в 1944 г. развернули широкие работы по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства. Восстановительные работы проводились не только за счет внутренних ресурсов области, но и за счет средств, выделяемых государством.

Только в 1944 г. СНК СССР принял ряд постановлений по развитию Астраханской области: 11 февраля – «Об организации совхозов в Астраханской области»; 30 апреля – «Об организации мотороремонтного завода в Астрахани»; 18 мая – «Об организации в Астраханской области каракулеводческих совхозов»; 18 июня – «О первоочередных мероприятиях по восстановлению и развитию народного хозяйства Астраханской области». В них ставились задачи восстановления и развития промышленности, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства г. Астрахани. Они предписывали в широких масштабах развернуть строительство новых промышленных объектов, проводить реконструкцию существующих предприятий, увеличивая их мощность, развивать орошаемое земледелие для получения устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур, а также развить общественное животноводство.

13 февраля 1945 года Совет Народных комиссаров СССР прини-

мает постановление «Об освоении Волго-Ахтубинской поймы в Астраханской области», которое сыграло важную роль в развитии основных направлений хозяйства края.

На орошаемых землях Волго-Ахтубинской поймы и дельты Волги колхозы области получали урожай зерновых культур и хлопка в 10 раз больше, чем в условиях степи, а плодоовощных культур – в 3-4 раза.

Животноводы Марфинского района в 1944 г. перевыполнили план развития животноводства по всем основным видам. План по увеличению поголовья скота выполнили также колхозники Енотаевского и др. районов. В целом в области был достигнут некоторый рост поголовья основных видов скота. Количество лошадей по сравнению с 1943 г. увеличилось на 7,4%; верблюдов – на 10,6%; крупного рогатого скота – на 9,3; овец и коз на – 3,8%.

В 1944-1945 гг. на отгонных пастбищах зимовало 85 тыс. голов скота, принадлежащего хозяйствам области.

В 1944 г. в области было организовано 11 животноводческих и 9 каракулеводческих совхозов. К началу 1945 г. они имели 4200 лошадей и верблюдов, свыше 39 тыс. голов крупного рогатого скота, 83 тыс. овец. Совхозы животноводческого треста в 1944 г. полностью рассчитались с государством по сдаче продуктов животноводства.[41]

Таким образом, население Астраханской области сумело преодолеть огромные хозяйственные трудности, которые обрушились на него в первые месяцы войны, и найти необходимые материальные и трудовые ресурсы для решения стоящих перед военной экономикой задач.

Большой размах в годы войны приняло движение среди населения Астраханского округа по сбору средств в помощь фронту. В июле 1941 г. коллектив рыбоконсервно-холодильного комбината внес в фонд обороны 15600 рублей, коллектив судоремонтного завода им. Сталина – 7609 рублей. Колхозники села Ветлянка Енотаевского района через несколько дней после начала войны на общем собрании решили выделить из колхозных фондов государству 300 центнеров зерна, 150 цен-

тнеров сена, 50 овец, 10 голов крупного рогатого скота, 300 центнеров овощей и других продуктов. Почин ветлянцев был широко поддержан другими районами. Колхозники артели им. Ворошилова Наримановского района из запасов колхоза в фонд обороны страны сдали 2 тонны риса, 5 тонн сена; 3 тонны овощей и других продуктов. Колхозники артели им. Кирова села Сасыколи внесли в фонд обороны 10 тыс. рублей, 10 центнеров пшеницы, 10 центнеров мяса, тонну сушеных фруктов.[42]

Родители сражавшегося на фронте бойца Прокопова, внося в фонд обороны 1000 руб., писали: «Пусть наши сбережения в общей массе народных средств, поступающих в фонд обороны, помогут нашей стране одержать победу над злейшим врагом человечества – фашизмом».[43]

Таких примеров можно приводить бесконечное множество.

Только за период с 1 августа 1941 г. по 1 февраля 1942 г. трудящиеся Астраханского округа собрали в фонд обороны 7,6 млн. рублей.[44]

Астраханцы добровольно сдавали не только денежные средства, но и изделия из серебра, золота и других драгоценных металлов.

С большим подъемом проходили Всесоюзные комсомольско-молодежные воскресники в фонд обороны. В начале августа, участвуя в массовом воскреснике железнодорожников, рабочие и служащие железнодорожных станций Астрахань I и Астрахань II вместе с семьями работали на разгрузке леса, заработав 5000 рублей, которые были переданы в фонд обороны Родины; в I Всесоюзном воскреснике, проходившем 17 августа 1941 г., приняли участие 27015 астраханцев, которые заработали 91070 рублей и также перечислили их в фонд обороны.

Осенью 1942 г. вся страна узнала о высоком патриотизме колхозников Избердеевского района Тамбовской области, начавших движение по сбору средств на вооружение Красной Армии. В ответ на этот патриотический почин в Астраханском округе начался сбор средств на строительство танковых колонн и эскадрилий самолетов.

В декабре 1942 г. коллектив рыбокомбината им. Володарского обратился ко всем рыбникам Каспия и Волги с предложением об отчислении однодневного заработка на строительство морской авиаэскадрильи. Этот почин горячо поддержали работники рыбной промышленности и рыболовецких колхозов. Пайщики Астраханского рыболовпотребсоюза отчислили на строительство авиаэскадрильи им. Потребкооперации 319 тыс. рублей.[45]

За первые три года войны трудящиеся Астраханской области внесли различных денежных взносов в фонд обороны и на строительство боевых самолетов и танков для Красной Армии свыше 400 млн. рублей.[46]

Широкий размах в годы Великой Отечественной войны приняла подписка на государственные займы. Участвуя в подписке первого государственного военного займа 1942 г., население края в течение одних суток подписалось на 30 миллионов руб.[47] Во втором государственном военном займе в 1943 г. подписка астраханцев составила 66,3 млн. рублей, что было на 24 млн. рублей больше предлагаемой суммы.[48]

5 мая 1944 г. состоялся третий государственный военный займ. Уже к 23 часам 5 мая астраханцы подписались на 82,2 тыс. рублей.

Подписка на четвертый государственный военный займ проходила в мае 1945 г. Многие астраханцы подписывались на 1,5-2 месячных оклада, вносили наличными крупные суммы денег. Всего трудящиеся области на четвертый военный государственный займ при плане 80 миллионов рублей подписались на 86 млн. 109 тыс., из которых 12 млн. 151 тыс. рублей были внесены наличными.[49]

Наряду с государственными займами важным дополнительным источником бюджета были денежно-вещевые лотереи, способствующие росту обороны страны. За годы войны было проведено четыре лотереи. Сумма реализации билетов денежно-вещевой лотереи, проведенной в декабре 1941 г., составила в округе 10441 тыс. руб., в июле 1942 г, – 10 млн. руб., в октябре 1943 г. – только за 5 дней сумма реализа-

ции билетов денежно-вещевой лотереи составила свыше 18220 тыс. рублей.[50]

Промышленные предприятия области в годы войны развернули движение за выпуск сверхплановой продукции в фонд обороны страны. В этой связи только в мае 1944 г. коллектив рыбоконсервного комбината им. Микояна выработал сверх программы в фонд главного командования 900 тысяч банок консервов и 400 центнеров маринованной каспийской сельди в бочках. Коллектив Астраханского консервного завода изготовил 200000 банок консервов, коллектив рыбозавода им. Крупской отправил 100 вагонов готовой рыбной продукции.[51]

Примером народной заботы о Красной Армии было благородное патриотическое движение по сбору теплых вещей и белья для советских воинов, развернувшееся по инициативе коллектива Сталинградской фабрики им. 8 марта осенью 1941 г. Повсюду на предприятиях, в колхозах и МТС проводились митинги и собрания, на которых принимали решения о сборе теплых вещей. Особенно активно проводилась эта работа в г. Астрахани, Наримановском, Владимировском, Харабалинском и Икрянинском районах.

За зиму 1941-1942 гг. астраханцы собрали и послали на фронт 3849 полушубков, 12336 пар валенок, 9187 ватных брюк, 6146 пар теплого белья, около 30 тыс. пар шерстяных варежек, перчаток, меховых рукавиц и много другого теплого белья.[52]

Заботливое отношение проявляли астраханцы к раненым воинам, находившимся на излечении в госпиталях. Уже в сентябре 1941 г. в Астрахани был создан комитет по оказанию помощи раненым бойцам, возглавивший всю работу по размещению и обслуживанию раненых.

За 1941-42 гг. в Астраханском округе было оборудовано более 80 госпиталей и приемных пунктов. Только в г. Астрахани было развернуто 39 госпиталей, под них выделялись лучшие здания города. Здесь трудились опытнейшие врачи. Над госпиталями брали шефство коллективы предприятий, учреждений, учебных заведений. Они помогали

оборудовать лечебные корпуса, создавали уют, заботились о раненых бойцах и командирах. В свою очередь, воины с чувством высокой признательности и благодарности отзывались о медицинских работниках, шефских организациях.[53]

Активную роль в спасении жизни раненых сыграли доноры. За время войны в Астрахани «насчитывалось свыше 1000 доноров, многие из которых сдавали кровь по 60-70 раз».[54]

Большое внимание в округе уделялось нуждам семей фронтовиков. 9 июля 1941 года на заседании бюро окружкома партии был подробно обсужден вопрос «Об обеспечении нужд семей воинов Красной Армии». В октябре 1941 г. и в сентябре 1942 г. бюро окружкома партии снова возвращается к этому вопросу. В результате были приняты меры по своевременному удовлетворению нужд семей военнослужащих, трудоустройству членов семей фронтовиков, ремонту квартир, устройству детей в школы ФЗО, ремесленные училища, детские сады, ясли и другие детские учреждения.[55]

В январе 1943 г. при горисполкоме и райисполкомах были созданы отделы государственного обеспечения и бытового устройства семей военнослужащих. Эти отделы провели большую и очень важную работу. Только за первые десять месяцев их деятельности в Астрахани было выдано семьям военнослужащих более 6 млн. руб. пособий, около миллиона рублей – пенсий, отпущено 42 тыс. кубометров дров, отремонтировано более 5000 квартир, выдано 70 тонн овощей, а также оказано немало другой помощи.[56]

Всего в 1943 г. инвалидам войны было выдано более 1,5 млн. рублей пенсии, оказана единовременная помощь в сумме свыше 26 тыс. рублей.[57]

В начале октября 1944 г. в каждом районе, на всех предприятиях, в учреждениях, колхозах и совхозах области был проведен месячник по оказанию помощи семьям военнослужащих.

Всего в 1944 г. инвалидам войны было выплачено пособий 25 мил-

лионов 615 тыс. рублей и пенсий в размере 4 млн. 409 тыс., выдано единовременных пособий 1263 тыс. руб., продуктов питания 2598 центнеров и 20 тыс. предметов одежды и обуви.[58]

§2. Астраханцы в Великой Отечественной войне

С первого и до последнего дня войны астраханцы, как и все советские люди, свято выполняли свой гражданский долг в жестокой схватке с врагом.

С 22 июня по 20 июля 1941 г., почти месяц, отбивал беспрерывные ожесточенные атаки немцев небольшой гарнизон легендарной Брестской крепости. В числе ее мужественных защитников отважно сражались и астраханцы: заместитель политрука 44-го стрелкового полка М.Т. Вороненко, курсанты полковой школы того же полка Т.К. Кушкаров, А.И. Кузьмин, старшина 84-го стрелкового полка Т.К. Курмангазиев, полковой шофер И.П. Мельников, начальник штаба механизированного корпуса И.В. Тутаринов. Смертью храбрых погибли в бою старшина В. Мейер, рядовые А. Куличенко, Х. Шабаков. В. Мейер посмертно удостоен ордена Отечественной войны II степени. Его имя высечено на плите Брестского мемориала.

Первые Герои Советского Союза в 1941 г. Слева направо: летчики Жуков, Здоровцев, Харитонов

В самом начале Великой Отечественной войны, 29 июня 1941 г., командир звена 158-го истребительного авиационного полка Северного фронта младший лейтенант астраханец С.И. Здоровцев совершил

подвиг, таранил вражеский бомбардировщик, показав вершину летного мастерства и отваги.[1]

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1941 г., одним из первых астраханцев летчик С.И. Здоровцев за выполнение боевого задания и проявленное при этом отвагу и героизм был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.[2]

Ветеран 13 Воздушной Армии В. Смирнов рассказывает о том, как 9 июля С. Здоровцев, возвращаясь после выполнения боевого задания и пролетая над вражеским аэродромом, на бреющем полете прошел над ним и поджег несколько вражеских самолетов. Но тут же был перехвачен фашистскими «мессерами». В этой неравной схватке оборвалась жизнь нашего земляка.

В гигантском сражении под Москвой доблесть и мужество проявили тысячи советских патриотов. Среди них наши земляки: командир орудия А.В. Тихомиров, совершивший героический подвиг, уничтожив семь немецких танков; бесстрашно сражался гвардии капитан А.А. Сергеев, которому позже было присвоено звание Героя Советского Союза.

Мужество и героизм в битве за Москву проявили: командир противотанкового орудия С.Г. Герогиянец, разведчики М.В. Столбов, Х.З. Измайлов, пулеметчик В.И. Васякин, минеры П.П. Реснянский и А.Ф. Чернышев, кавалеристы С.Ф. Пустовайлов и Н.Е. Будников, артиллеристы М.Г. Павленко и А.Н. Молчанов, медицинские сестры И.И. Холина и М.И. Попова, летчики Е.А. Разуваев, В.Я. Филатов и др.

Участник обороны Москвы астраханец А.И. Капленко, воевавший в составе Первой гвардейской Московской Краснознаменной мотострелковой дивизии в своих воспоминаниях рассказывает о подвиге Николая Новикова: «В ходе боев в районе Наро-Фоминска, после артиллерийского налета немцев была нарушена связь между артиллерийскими позициями 169 полка. Дежурный связист Николай Новиков вышел на линию телефонной связи. Вскоре связь была восстановлена,

но ценой жизни отважного воина. Его нашли убитым, с зажатыми в зубах проводами.[3]

Бесстрашно сражался в небе Родины в Подмосковье, на Западном и Калининском фронтах астраханец, Герой Советского Союза Н.А. Городничев, совершивший180 боевых вылетов и уничтоживший более десятка «юнкерсов» и «мессершмитов».[4]

Фронт все ближе приближался к Астрахани. Из глубокого тылового района страны Астрахань превращается в прифронтовой город. В связи с этим постановлением Государственного комитета обороны СССР за №830 от 22 октября 1941 г. в Астрахани был создан Городской комитет обороны.

Комендантом города назначался М.Г. Корначев, в распоряжение которого передавались войска НКВД, милиция и добровольные рабочие отряды. Председателем Астраханского ГКО был утвержден секретарь окружкома ВКП(б) В.А. Голышев, членами комитета – председатель исполкома оргсовета К.Е. Клишин, начальник управления НКВД В.А. Лукьянов, комендант М.Г. Корначев.[5]

Задачей комитета являлось сосредоточение всей гражданской и военной власти в целях мобилизации сил и средств для зашиты Родины, установления строжайшего порядка в г. Астрахани и прилегающих к нему районах.

Городской комитет обороны проводил огромную работу по перестройке народного хозяйства на военный лад, подготовке военных резервов для фронта, организации МПВО, строительству оборонительных рубежей, оперативных аэродромов, размещению воинских частей, созданию госпиталей и т.д.

Важнейшей и главной задачей ГКО была организация обороны Астрахани, поэтому его постановление №1 от 26 октября 1941 г. было посвящено строительству оборонительных рубежей.

В целях обеспечения быстрейшего окончания строительства оборонительного рубежа Городской комитет обороны постановлением №5

от 30 октября 1941 г. предписывал мобилизовать материальные и людские резервы Астраханского округа и приступить к работам со 2 ноября 1941 г.[6]

Линия оборонительного рубежа протяженностью 70 км проходила от села Янго-Аскер до села Джакуевка. Строительные работы велись до февраля 1942 г., затем возобновились в июле того же года. В октябре рубеж был сооружен. Сразу же после этого развернулось строительство так называемого тылового рубежа и внутригородских оборонительных сооружений. К концу 1942 г. внутри города было создано 1380 огневых точек, дзотов, железобетонных укрытий, баррикад и других видов заграждений. Ежедневно на строительстве были занят около 20 тыс. человек, преимущественно женщины и молодежь.[7]

В срочном порядке был мобилизован водный, автомобильный и гужевой транспорт. Для медицинского обслуживания по всей трассе рубежа было создано необходимое количество медпунктов.

Когда у стен Сталинграда решалась судьба страны, резко возросло военно-стратегическое значение Астрахани. Здесь, как и в других местах, формировались боевые части для Сталинградского фронта, отсюда шел поток стратегических грузов, производилось снабжение войск оружием, боеприпасами и питанием.

Оценивая большое военно-стратегическое значение Астрахани, фашистское командование стремилось захватить устье Волги и Астрахань. Для осуществления этой операции противником был разработан специальный план под названием «Фишрейер» (Серая цапля) и создана специальная группировка из хорошо вооруженной 16-й мотострелковой дивизии и частей 6-го Румынского корпуса.[8]

Немецкое командование ставило задачу прорваться по дороге Элиста-Урал-Эрге-Яшкуль-Хулхута-Красный Худук к Астрахани и захватить ее. Другой группировке была поставлена задача прорваться в район Юсты, а затем выйти к Волге у Енотаевки и захватить переправу. Гитлеровцы, используя превосходство в силах, вклинились между флан-

гами Юго-Восточного и Северо-Кавказского фронтов, продвигаясь к г. Элисте, откуда предполагали затем выйти к Астрахани, захватить низовье Волги.

12 августа 1942 г. фашистские моторизованные войска при поддержке танков захватили город Элисту и продолжали продвижение на восток.

Над Астраханью нависла серьезная угроза. В этой ситуации ГКО 7 августа 1942 г. принял постановление «О восстановлении и строительстве новых оборонительных сооружений на подступах к Астрахани». На правом берегу Волги вокруг Астрахани широкой полосой проходили два оборонительных обвода (внешний и внутренний). Правый фланг оборонительного обвода пересекал севернее Астрахани с запада на восток Волгу и упирался в железную дорогу южнее села Сеитовка; левый фланг обвода юго-западнее Астрахани упирался в правый берег Волги ниже населенного пункта Оранжерейный.

Все это должно было надежно прикрыть город и дельту Волги от прорыва мотомехчастей и пехоты противника как со стороны Сталинграда по дороге Красноармейск-Черный Яр-Енотаевск-Кануково, так и со стороны Элисты по дороге Улан-Эрге-Яшкуль-Хулхута-Красный Худук-Николаевка».[9]

С большим напряжением и самоотдачей трудились на строительстве оборонительных сооружений коллективы рыбоконсервно-холодильного комбината, судоремонтного завода им. III Интернационала и других предприятий, колхозники Икрянинского, Камызякского, Красноярского и Харабалинского районов. Многие участники строительства за ударный труд получили благодарность от военного командования.

Астраханский ГКО особое внимание уделял охране мостов, аэродромов, самолетов, нефтебаз, крупных объектов. В постановлении ГКО от 3 декабря 1941 г. было предложено коменданту города усилить патрулирование в ночное время по городу, установить круглосуточные

контрольные посты на всех дорогах к Астрахани. Все кинотеатры, клубы и другие общественные учреждения заканчивали свою работу к 23.00 час.

С 21 января 1942 г. решением ГКО 10% приписного состава переводится на казарменное положение. В городских районах формируются команды: медсанитарные, химико-дегазационные, аварийно-восстановительные по 30 человек в каждой. Этим же решением предусматривалось строительство укрытий, бомбоубежищ в срок до 20 февраля 1942 г.[10]

ГКО обращал особое внимание на соблюдение противоэпидемических мероприятий и обязал органы здравоохранения навести должный санитарный порядок в округе.

В связи со значительным скоплением населения в городе, когда через Астрахань шла эвакуация населения в районы Казахстана и Среднюю Азию, соблюдение санитарного состояния города имело исключительное значение.

Постановлением №101 от 13 февраля 1942 г. ГКО в целях борьбы с эпидемическими заболеваниями создал окружную чрезвычайную противоэпидемическую комиссию во главе с членом ГКО К.Е. Клишиным. Комиссия приняла решение не допускать приезжих в г. Астрахань без предварительной санобработки. Для более оперативной работы комиссия сформировала пять эпидемических отрядов. Тем самым саннадзор в г. Астрахани был усилен.[11]

В связи с приближением линии фронта к Астрахани, летом 1942 г. ГКО развернул широкую военно-мобилизационную работу в округе.

С введением военного положения в Сталинградской области, в г. Астрахани постановлением ГКО от 21 июля 1942 г. вводится комендантский час. Всякое движение автотранспорта и хождение по городу после 23.00 до 5 часов утра разрешалось лишь по специальным пропускам. Особое внимание было уделено соблюдению светомаскировки. ГКО обязал усилить охрану нефтебаз, пристаней, флота от воздуш-

ного нападения и действий диверсионных групп.

Начальникам пароходства было предложено запретить скапливание в одном месте судов, ожидающих разгрузки.[12]

В постановлении от 25 августа 1942 г. «О подготовке населения к вооруженной защите Астрахани» городской комитет обороны признал необходимым: к 30 августа 1942 г. закончить комплектование боевых народных полков из трудящихся Астрахани и сразу же начать их военное обучение; расширить состав истребительных батальонов, создав их во всех крупных селах, наиболее важных населенных пунктах и предприятиях; всех коммунистов и комсомольцев считать мобилизованными в боевые народные полки и истребительные батальоны. Ответственность за военное обучение в полках народного ополчения и истребительных батальонах возлагалась на секретарей по кадрам, заведующих военными отделами окружкома, горкома и райкомов партии, командиров и комиссаров полков.

Согласно постановлению, полки народного ополчения были созданы во всех районах Астрахани.

У здания драматического театра им. С.М. Кирова они получили оружие. Здесь же был сформирован сводный полк народного ополчения, который встал на защиту Астрахани.

В целях обеспечения воинских перевозок ГКО обязал начальника порта составить строгий график подачи судов в соответствии с подходом эшелонов. Начальнику гарнизона генерал-майору Котелкову предлагалось выделить военно-морскому коменданту наряд для несения караульной службы и охраны военных грузов, проходящих через порт. Коменданту военно-морской базы контр-адмиралу Заостровцеву поручалось обеспечить усиленную охрану рейда и конвоирование караванов из Астрахани до места назначения. Начальнику ПВО города – обеспечить прикрытие районов погрузки средствами ПВО.

Для обеспечения авиационных частей аэродромами и взлетно-посадочными площадками ГКО были приняты меры по строительству

оперативных аэродромов.

К концу августа 1942 г. положение Астрахани было особенно трудным. Для обеспечения успешного наступления на Астрахань фашистское командование ввело в бой основные силы 16-й мотомеханизированной дивизии СС «Бурый медведь».

34-й гвардейской стрелковой дивизии, прибывшей из Москвы, был дан приказ – задержать продвижение немецко-фашистских войск на Астрахань. Первые бои принял на себя третий батальон 107-го гвардейского стрелкового полка под командованием А.И. Овчинникова. В этих боях совершили свои подвиги гвардейцы М. Фищенко, Н. Пантелеев, В. Александров и многие другие. В самый решительный момент боя командир батальона А.И. Овчинников связался по радио с авиационными частями, и вскоре наши ИЛы нанесли удар по колоннам противника. Танки, машины, обозы горели в степи несколько дней.[15]

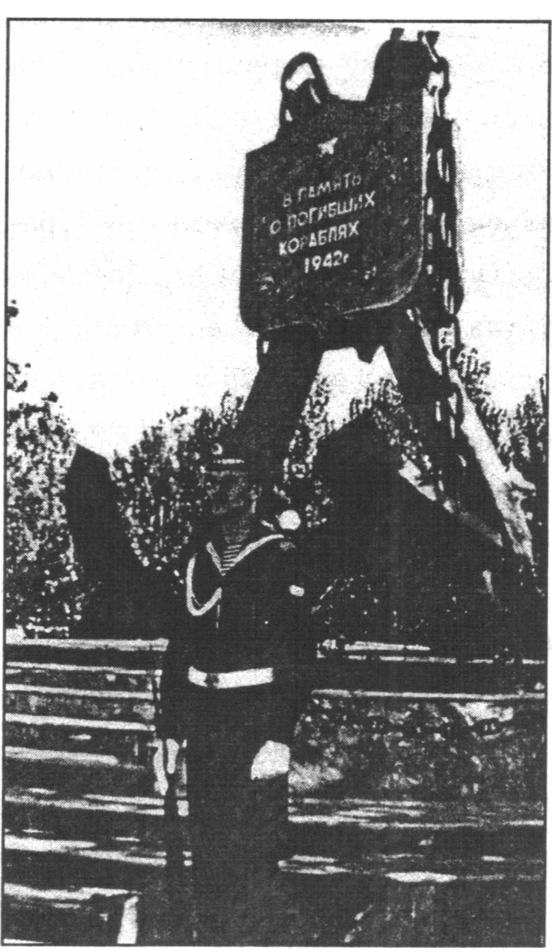
Придавая большое значение астраханскому направлению, ставка Верховного Главнокомандования, несмотря на большие потери Сталинградского фронта, для обороны Астрахани формирует 28-ю армию. Командующим 28-й армии был назначен генерал-лейтенант В.Ф. Герасименко. Членом Военного Совета был утвержден генерал-майор А.Н. Мельников, а начальником политотдела – полковник Н.В. Егоров.

Сотни астраханцев героически сражались в рядах 28-й армии, действовавшей в калмыцких степях на подступах к Астрахани. Тяжелые климатические условия, открытая, простреливаемая местность, недостаток воды создавали особые трудности 28-й армии. Здесь зачастую завязывались смертельные бои за каждый степной овражек, балку, колодец. Положение усугублялось тем, что с отгонных пастбищ Черных земель, занятых немцами, надо было выводить вглубь степей огромные стада овец, табуны лошадей и верблюдов. Наряду с отражением бесчисленных атак противника бойцам 28-й армии приходилось брать под защиту эвакуацию колхозного и совхозного скота, заботиться о снабжении его водой.

Для этого требовалась бесперебойная работа всех переправ, где осуществлялась эвакуация. Было образовано специальное управление, которому подчинялись все переправы.

На каждом пункте, где действовали паромы, понтоны, катера, лодки были учреждены военные комендатуры во главе с опытными офицерами-дорожниками, саперами и моряками.

Переправами у Никольского руководил майор В.В. Васильев, у Ветлянки – майор Н.К. Уманский, у Черного Яра – майор С.И. Шапошников, у Цаган-Амана – капитан М.П. Яшин. Гитлеровцы систематически бомбили переправы, сбрасывали мины, забрасывали на парашютах диверсантов, которые подрывали баржи, буксиры, ночью подавали сигналы своим самолетам. Однако переправы в основном действовали без больших перебоев.



Особенно четко работала переправа у Никольского, где день и ночь шли эвакуированные, переправляли скот, технику.

В составе 28-й армии от Астрахани до Берлина прошел свой боевой путь наш земляк из села Разночиновка В.А. Галкин.

Первое боевое крещение он получил в Калмыцких степях, защищая Астрахань. В тяжелых боях при форсировании Днепра связисты, в числе которых был В.А. Галкин, в течение трех часов вели кабельную связь через Днепр. Многие его товарищи погибли, но приказ командования выполнили. За эти бои В.А. Галкин был награж-

ден орденом Краснкой Звезды. Медалью «За боевые заслуги» В.А. Галкин был награжден за освобождение Белоруссии. Мужество и героизм проявил наш земляк при освобождении Польши, Восточной Пруссии, а 2 мая 1945 г. он вступил в Берлин. Великий день Победы 9 Мая он встретил на пути к Праге.[14]

28 декабря 1942 г. 248 дивизия, укомплектованная в основном астраханцами, вновь перешла в наступление и овладела хорошо укрепленным районом Яшкуль-Среднее село-Городок. Вслед за этим на широком фронте развернулось наступление всей армии. В период самых ожесточенных боев совершила свой подвиг санинструктор Наталья Качуевская. Она героически погибла, спасая раненых воинов.

Многие астраханцы, бойцы и командиры 28-й армии, преследуя врага, уничтожая его живую силу и технику, прошли трудный боевой путь от калмыцких степей до Берлина. Среди них генерал-полковник Н.В. Егоров, капитан И.Ф. Петров, командир отряда разведчиков, ст. сержант В.Л. Бузаралиев, связист отдельного полка Р.Д. Ефимова, майор П.С. Сысоев и другие.[15]

Летом 1942 г. фашистское командование развернуло генеральное наступление на Сталинград.

Активное участие в героической битве за Сталинград приняли астраханцы. В тяжелое для города время на защиту Сталинграда вышел Астраханский полк в составе трех батальонов, пулеметной роты, роты связи, истребительного, танкового, химического и саперного взводов в количестве 1496 человек.[16] Более 15 тысяч юношей и девушек на защиту Сталинграда направил астраханский комсомол.

Трудные военные дороги прошел электрик судоверфи им. Кирова Б.М. Пантелеймонов. Командовал батареей истребительного противотанкового полка в Сталинградской битве, был награжден орденом Красного Знамени. Подполковник Б.М. Пантелеймонов с боями дошел до Австрии, за героизм, проявленный в боях с фашизмом, он награжден двумя орденами Красного Знамени, тремя орденами Оте-

чественной войны и орденом Александра Невского.[17]

Среди героических защитников Сталинграда сражался в саперном батальоне наш земляк из села Замьяны – А.Н. Черногорцев, закончив войну на Эльбе, где встречался с союзническими войсками.[18]

В составе 70-й гвардейской стрелковой дивизии генерала И.И. Людникова воевал наш земляк-связист А.Н. Чекуристов, пройдя дорогами войны Керчь, Курскую дугу, Польшу, Чехословакию. За мужество и героизм А.Н. Чекуристов награжден орденами и медалями.

В ожесточенных боях под Сталинградом совершил свой подвиг астраханец из Красного Яра П.М. Смирнов, водитель-механик танка «КВ» 91-ой отдельной танковой бригады.

21 января 1943 г. в районе хутора «Новая надежда» экипаж отважных танкистов прорвался через вражескую оборону, уничтожая на своем пути доты, пулеметные гнезда, землянки. Враг потерял свыше ста солдат и офицеров. Фашисты открыли по танку огонь и подбили его, но экипаж продолжал сражаться. Тогда фашисты облили танк горючим и подожгли его. Экипаж предпочел смерть немецкому плену. Указом Президиума Верховного Совета членам экипажа посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.[19]

Славную страницу в летопись Сталинградской битвы вписали наши земляки – легендарные защитники «Дома Павлова» Ф.З. Рамазанов, Е.В. Мясников, И.Т. Свирин. На мемориальной стене «Дома Павлова» высечено имя И.Т. Свирина, павшего смертью храбрых в том жестоком бою. Боевой путь от Сталинграда до Альп прошел Герой Советского Союза майор И.Н. Зайцев.[20]

Благодаря самоотверженной работе тыла и героической борьбе воинов Советской Армии план фашистов по захвату Сталинграда был сорван. С 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. наши войска осуществили мощное контрнаступление, окружили и разгромили крупную группировку фашистов.

Победа под Сталинградом позволила развернуть широкое наступ-

ление на всех фронтах. На Астраханском направлении 20 ноября 1942 г. на участке фронта Хулхуты-Сянцина-Утты ударные группы 28 армии – 34-я дивизия под командованием генерал-майора Губаревича, 6-я танковая бригада под командованием гвардии полковника Кричмана, 152-я бригада под командованием майора Алексеенко, 248-я бригада под командованием полковника Галая перешли в наступление. В ожесточенных боях за Хулхуту совершил свой подвиг П. Чихунов. Ветеран 6-й гвардейской танковой бригады А. Егоров рассказывает: «Лейтенант Чихунов первым ворвался в Хулхуту, но его танк получил пробоины, осколком ему оторвало ногу, от большой потери крови он скончался и был похоронен в с. Линейное».[21] 4 сентября 1942 г. в районе Хулхуты совершил бессмертный подвиг командир эскадрильи 289-й штурмовой авиадивизии капитан В.А. Ширяев, а 21 ноября командир 4-й роты 103-го гвардейского стрелкового полка лейтенант И.С. Забуров геройски погиб, закрыв своим телом амбразуру фашистского дзота.[22]

Такой же подвиг в ноябре 1942 г. в предгорьях Кавказа совершил астраханец П. Гужвин, отдав свою жизнь во имя жизни других.

Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил младшему лейтенанту П.К. Гужвину звание Героя Советского Союза.[23]

Аналогичный бессмертный подвиг совершил астраханец А.М. Зверев в бою в июне 1944 г. при форсировании реки Западной Двины в районе села Ершово.

В тяжелых боях за город Ростов наш земляк – командир взвода И.Г. Литвинов отбил со своим взводом около 40 атак противника, за что был награжден орденом Красной Звезды.

Орденом Отечественной войны II степени И.Г. Литвинов был награжден за блестяще проведенную операцию по взятию «языка», сообщившего ценные сведения.[24]

Фашистская Германия летом 1943 г. решила взять реванш за поражение в зимней кампании 1942-43 гг., сосредоточив на узком участке

Курской дуги огромные силы. В боях на Орловско-Курском направлении вместе с другими воинами принимали участие и астраханцы.

За проявленный героизм и мужество в боях астраханец, гвардии капитан А.А. Сергеев был награжден орденом Красной Звезды. Спустя несколько дней в боях в Хвастовическом районе Орловской области Сергеев вновь проявил мужество и героизм. После того, как командир батальона был ранен, он взял командование батальоном на себя. Гвардейцы мощным ударом обратили фашистов в бегство. В результате боя был захвачен танк, две машины с боеприпасами и два орудия. За умелые боевые действия гвардии капитан А.А. Сергеев награжден орденом Отечественной войны I степени.[25]

Дважды Герой Советского Союза Н.М. Скоморохов, лично сбивший 46 самолетов противника

В ожесточенных боях на Курской дуге геройски воевали наши земляки: разведчик ст. сержант А.И. Асанов, связист И.В. Каширский, артиллерист Д.Г. Глушенко, заместитель командира батальона 167-го Гвардейского стрелкового пока гвардии капитан А.А. Сергеев и многие другие.

В годы войны бесстрашные подвиги совершили в небе нашей Родины летчики-астраханцы.

Бывший рабочий завода им. III Интернационала, дважды Герой Советского Союза летчик Н.М. Скоморохов сделал 600 боевых вылетов, сбил 46 вражеских самолетов. Его боевые заслуги отмечены двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени и многими медалями.[26]

Славный боевой путь прошел летчик 78-го штурмового авиаполка 2-ой отдельной авиадивизии Герой Советского Союза В.Ф. Коленников. Авиагруппа В.Ф. Коленникова сделала 178 боевых вылетов, пройдя славный путь от Курска до Эльбы, без единой потери встретила День Победы.[27]

Большой вклад в разгром врага внесли наши земляки, летчики В.Н. Куликов, О.В. Моисеев, Н.Г. Богомолов, Н.В. Карасев. С мая 1942 г. на Южном, затем на Юго-Западном и других фронтах воевал летчик-истребитель Р.И. Сидоренко. Он совершил 150 боевых вылетов, участвовал в 32 воздушных боях и всегда выходил победителем, сбив 10 фашистских бомбардировщиков и 2 истребителя. Р.И. Сидоренко 2 августа 1944 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Особенно памятным для Ростислава Ивановича был воздушный бой в небе над Красноградом, когда четверка советских истребителей под командованием Р.И. Сидоренко сбила 7 самолетов неприятеля.

Жизненный путь нашего земляка, видного военачальника, генер-полковника И.В. Тутаринова является образцом верности воинскому долгу, беспредельной преданности нашей великой Родине.

Великая Отечественная война застала полковника И.В. Тутаринова в Бресте, где он служил в должности начальника штаба механизированного корпуса. Летом 1941 г. был тяжело ранен. После выздоровления сражался на Волховском фронте, командовал 12-й Кубанской кавалерийской дивизией на краснодарском направлении, проявив незаурядные полководческие способности. За доблесть и мужество, проявленные в боях, дивизия была награждена орденом Красного Знамени, а ее отважный командир – орденом Кутузова II степени.

Гвардейская дивизия генерала И.В. Тутаринова принимала участие в освобождении города Таганрога, Северной Таврии, Одессы и других городов. В 1944 г. дивизия в составе 1-го Белорусского фронта принимает участие в гигантском сражении за освобождение Белоруссии, где И.В. Тутаринов был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь. На

этом закончился трудный путь по фронтовым дорогам прославленного комдива.

Отважно воевали астраханцы в составе войск Северо-Кавказского фронта, Черноморского флота, Азовской флотилии, принимали участие в освобождении Крыма, городов-героев Севастополя, Керчи, Новороссийска. Среди них начальник политотдела 318-й Новороссийской стрелковой дивизии 18 армии Герой Советского Союза полковник М.В. Копылов, отважный разведчик Г.А. Кузнецов, зам. командира по политчасти 122 батальона 255-й бригады морской пехоты полковник П.П. Ромашков, матросы П.С. Обельянцев, В.В. Яковлев и многие другие.[28]

За доблесть и мужество, проявленные при форсировании Днепра, звания Героя Советского Союза удостоены свыше двух тысяч советских воинов, в том числе астраханцы: Ф.В. Мазуров, М.Е. Бочкарев, Я.П. Староверов.[29]

В составе 198-й стрелковой дивизии воевал наш земляк из Мумры Т. Ажимов. Он участвовал в боях при защите Ленинграда, освобождал Белоруссию, Польшу и закончил войну на берегах Вислы. 23 сентября 1944 г. Тулебаю Ажимову было присвоено звание Героя Советского Союза.[30]

В годы Великой Отечественной войны, пренебрегая смертельной опасностью, многим воинам спасли жизнь, возвратили в строй врачи, медицинские сестры и сандружинники.

Восемнадцатилетняя астраханка А.Н. Алексеева получила свое первое боевое крещение в боях Сталинградской битвы. Позже старшина медицинской службы А. Алексеева принимала участие в боях за освобождение Харькова, Звенигорода, Белгорода и закончила войну в Венгрии под Будапештом. Она спасла жизнь сотням раненых.

Немало героических подвигов совершила на своем трудном военном пути от Сталинграда до Вены командир санитарной роты 99 стрелковой дивизии 64 армии О.А. Дробахина. Под ожесточенным огнем она выносила, раненых с поля боя.

Примеров таких можно приводить бесконечное множество.

Помнят астраханцы – ветераны войны известного хирурга Л.Л. Слувко, который в труднейших фронтовых условиях сделал свыше 2000 операций, вернув жизнь многим солдатам и офицерам.[31]

Большую и опасную работу в тыловых условиях проводили партизаны.

Группой центрального штаба партизанского движения в Астрахани была организована школа для подготовки партизан, в которой прошли обучение 450 человек. Панический страх нагоняла на фашистских захватчиков легендарная группа «Максим», действовшая в глубоком немецком тылу, в рядах которой находились выпускники этой школы. Совершая сокрушительные рейды по вражеским коммуникациям, группа «Максим» вела активную боевую и разведывательную работу.

С честью справились с задачами в тыловых районах Астраханского округа сотрудники государственной безопасности по ликвидации шпионов, диверсантов и других агентов фашистского абвера.

Большую помощь чекистам оказывали сотрудники астраханской милиции, среди которых были начальник уголовного розыска В.Г. Сизоненко, начальник отдела по борьбе с бандитизмом Н.Г. Плотников, заместитель начальника отдела НКВД Г.А. Попов и многие другие.[32]

Завершающим этапом Великой Отечественной войны была Берлинская операция, в которой приняли участие многие астраханцы, пройдя фронтовыми дорогами от Волги до фашистского логова – Берлина в составе 28-й армии.

Бывший начальник штаба 28-й армии, генерал-лейтенант в отставке С. Рогачевский вспоминает: «В завершающих боях за Берлин особо отличились 902-й стрелковый полк, сформированный на базе астраханских училищ, и 905-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии, которым было присвоено наименование Берлинских».

Астраханцы в составе 248-й стрелковой дивизии штурмовали здания имперской канцелярии, почтамта, гестапо.

После окончания боевых действий в районе Берлина соединения 28-й армии форсированным маршем были переброшены на Пражское направление и с утра 7 мая начали преследовать отходящего противника. 9 мая они вышли на р. Эльбу, где и закончили боевые действия.

За боевые подвиги на фронтах Великой Отечественной войны свыше 35 тысяч астраханцев награждены орденами и медалями Советского Союза.

В славной плеяде Героев Советского Союза астраханцы: Ф.Р. Аблязов, Н.С. Алешин, А.М. Алиев, В.А. Бабичев, А.М. Боканев, И.Н. Галкин, И.Д. Ермолаев, А.М. Зверев, М.Д. Колосов, П.П. Мурыгин, И.Н. Сытов, З.З. Файзулин, А.В. Шигаев, И.А. Юсупов и многие другие.[33]

Газета «Волга» о праздновании Дня Победы в Астрахани писала следующее: «...После четырех суровых лет боевых тягот и испытаний, ожила, зашумела площадь возле старинных кремлевских стен. Алея пурпуром военных и трудовых знамен, полотнищами с приветствиями и лозунгами, она наполняется все новыми и новыми колоннами трудящихся... Трогательные сцены радости разыгрываются на площади. Люди плачут, но это не слезы страданий. Нет, это тихие слезы, они бывают тогда, когда у человека не хватает в запасе слов, а в сердце столько волнующих чувств... Победа, товарищи, Победа!..».[34]

Миллионы людей тогдашнего Советского Союза отдали свою жизнь за Родину. Их имена навечно хранит народная память. Как символ великой любви и благодарной памяти о бессмертных подвигах павших в годы Великой Отечественной войны стоят обелиски, горит вечный огонь на могиле Неизвестного Солдата в Москве у Кремлевской стены, а в Астрахани – в Братском саду.

§3. Общеобразовательная школа Астраханской области в годы Великой Отечественной войны (1941-1945)

Перестройка всей жизни и работы страны на военный лад оказала глубокое влияние на все стороны организации народного образования.

Новый 1941/42 учебный год пришлось начинать в невероятно сложных и трудных условиях. Прежде всего, школам пришлось значительно потесниться, поскольку многие школьные здания были отданы под госпитали, военные учебные заведения и другие учреждения, эвакуированные из западных районов страны. Всего в Астраханском округе было передано другим ведомствам 61 школьное здание: под госпитали – 26, воинские части -14, эвакообщежития – 3, детские дома – 9, дома инвалидов – 5, другие учебные заведения – 4.[1]

Передача школьных зданий продолжалась в течение всего учебного года, что создавало большие трудности в организации работы школ. В Астрахани 17 школ занимались в три смены, одна школа – в четыре, в северных районах округа дети учились в избах-читальнях, в зданиях сельсоветов, в правлениях колхозов.

Большие трудности возникали также в связи с перемещением по стране огромного числа детей. В отдельных школах количество выбывших и прибывших исчислялось сотнями. Так, например, в СШ №10 им. Ленина в 1941/42 учебном году выбыло 283, а прибыло 356 человек.[2]

Условия для обучения были чрезвычайно тяжелые. В докладной секретарю Астраханского окружкома партии сообщалось, что в школах №№10 и 4 очень холодно, в день проверки, 5 февраля 1942 г., школы отапливались плохо, так как не было заготовлено нужное количество дров. В школе №10 в 16 классных комнатах температура была +6°С, в большинстве других +2°С. От низкой температуры замерзали чернила. Ежедневно в каждом классе отсутствовало по 15-16 учеников. Крайне трудно было обеспечивать учащихся питанием, порой в

школьном буфете ученикам выдавали только по 50 граммов хлеба.[3]

Переживаемые школой трудности не замедлили сказаться – резко уменьшилось число учащихся: в течение первого военного года в школах Астрахани отсеялось 9529 учеников (30%), в сельских – 19933 (33,6%). По отдельным районам количество выбывших доходило до 41%, а по 8-10 классам – 74%.[4]

Астраханский окружком ВКП(б) и окрисполком принимали меры к тому, чтобы создать школам элементарные условия для их работы. Благодаря этим усилиям в 1942/43 учебном году детям было выдано 12860 пар обуви, 14600 предметов одежды, 60 тысяч рублей деньгами. Большую помощь школьникам оказывали учителя, коллективы предприятий и колхозов, молодежные организации.[5]

Несмотря на принимаемые меры, отсев школьников к началу 1942/43 уч. г. еще более увеличился. На первое сентября 1942 г. в 353 школах Астраханского округа числилось всего 38473 ученика, так как часть детей из г. Астрахани как прифронтового города была эвакуирована в друие районы. Количество школьников и после начала учебного года продолжало постоянно уменьшаться: на 1 января 1943 г. в округе училось всего 30704 ученика, в то время как на начало 1941/42 уч. г. в 401 школе округа числилось 87498 школьников.[6]

Уменьшилось не только количество учеников, значительно сократился учительский состав: в первом военном учебном году в ряды Красной Армии ушли 350 учителей.

Положение учителей было чрезвычайно тяжелым, но условия военного времени заставляли их честно выполнять свой учительский долг.

В марте 1943 г. заведующий окружным отделом народного образования направил в окрисполком докладную записку следующего содержания: «Материальное положение большинства учителей, работающих в школах округа и города, чрезвычайно тяжелое, основным продуктом питания является хлеб. Часто вместо хлеба выдается мука, а порой и зерно. Даже по карточкам продукты не отовариваются.

Обеды в столовых низкокалорийные. Об этом говорит стоимость обедов, доходящая до десяти и даже до пяти копеек.

Единственной поддержкой в питании до сих пор являлось выменивание вещей на продукты, или продажа вещей на базаре, несколько лучше обстоит дело со снабжением учителей – семей фронтовиков.

Очень плохо с топливом и керосином, в ход идут не только привычные в Астраханском крае виды топлива – камыш и кизяк, но и лузга, бурьян. Мыло совершенно не получали».[7]

Трудно было школе, нелегко всей стране, так как все средства шли на разгром врага.

Переломным в состоянии школьного дела как в стране в целом, так и в Астраханской области, стал 1943 г. Помощь школе значительно увеличилась, особенно во второй половине 1943/44 уч. г.

Напряженная работа за осуществление всеобщего обязательного обучения, несмотря на большие трудности, приносила ощутимые результаты. Сеть школ и количество учащихся в них резко возросло: так, на конец 1943/44 уч. г. в области уже имелось 442 школы, в них обучалось 45526 учеников. Значительное увеличение начальных школ даже по сравнению с довоенным уровнем объясняется решением максимально приблизить их к месту проживания детей. Если населенный пункт располагался на расстоянии более трех километров от действующей школы, то в нем открывалась начальная школа.

В 1943 г. возникли новые типы школ в связи с принятием правительством летом 1943 г. решения об организации суворовских училищ. Среди первых девяти школ значится Сталинградское суворовское военное училище в г. Астрахани. Для него было отведено одно из лучших астраханских школьных зданий, в котором до войны была средняя школа №8 имени Р. Люксембург (ныне СШ №5 им. М. Горького). В Астрахани это училище находилось до 1946 г., затем было переведено в г. Оренбург.

Во время войны стала функционировать школа рабочей молоде-

жи. Первая такая ШРМ была открыта в Астрахани 20 октября 1943 г.

Особенно следует отметить, что в довоенное время и в годы войны в Астраханской области была широкая сеть национальных школ. Так, например, в январе 1945 г. в области работало 142 национальные школы: татарских – 42, казахских – 77, смешанных – 23.[8]

Война потребовала не только организационной перестройки учебно-воспитательной работы школы, но и пересмотра содержания, методов и повышения качества обучения и воспитания.

Несмотря на трудности военного времени коллективы школ трудились напряженно, с большой самоотдачей, что сказывалось на итоговых результатах учебного года. Ярким примером этого могут служить итоги 1942/43 уч. г. в школах Астрахани. Было выпущено и переведено 97% учащихся. Из 360 классов 200 закончили учебный год с полной успеваемостью. Лучшим школам г. Астрахани за большие успехи в обучении и воспитании детей, в выполнении закона о всеобуче были вручены Красные знамена, их получили: СШ №10 (Кировский район), СШ №12 (Микояновский район,) СШ №11 (Сталинский район), СШ №54 и начальная школа №27 (Трусовский район). В отчете Астраханского гороно за этот год среди лучших называются учителя: М.Д. Гужвина, М.Н. Летницкая, В.Н. Можаева, Т.В. Ваняшина, К.Н. Бубнова, П.М. Раков и др.[9]

Необходимость заменять ушедших на фронт в различных отраслях хозяйства требовала от выпускников школы разнообразных технических знаний и практических навыков. Поэтому на школу была возложена задача осуществления начальной профессиональной подготовки по основам сельского хозяйства и оборонным специальностям. В Астраханском округе к изучению агротехники и сельскохозяйственных машин, а также автотракторного дела было привлечено около 10 тысяч человек. Из них полностью закончили теоретических курс около семи тысяч школьников, прошли практику и получили соответ-

ствующие свидетельства 3300 человек.[10]

Глубокая и разносторонняя воспитательная работа, проводимая школой в учебное время, дополнялась самой разнообразной и широкой деятельностью, организуемой учителями, комсомольскими и пионерскими организациями, а также внешкольными учреждениями.

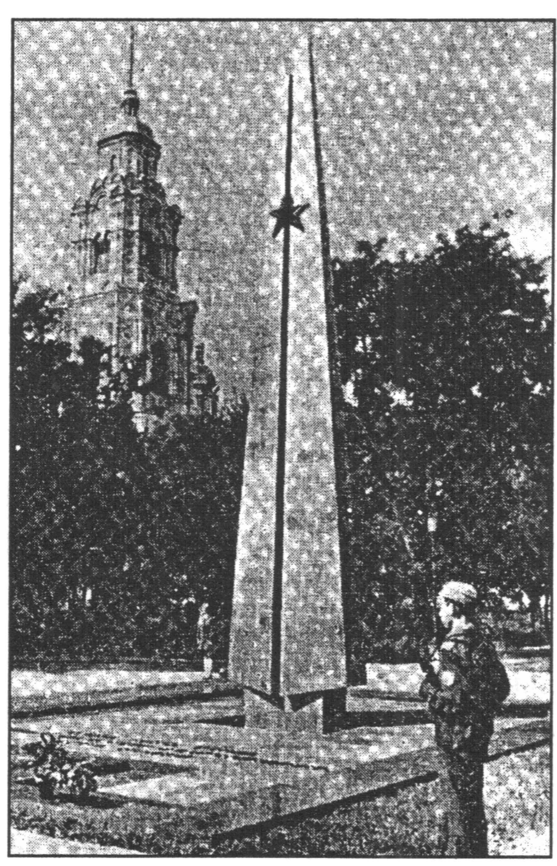
Особый размах в годы войны приобрела трудовая деятельность школьников во внеучебное время. В начале июля 1941 г. пионеры и школьники села Тюрино Володарского района обратились к ребятам своего района и всего округа с призывом принять участие в сельскохозяйственных работах и рыбном промысле. Тысячи астраханских школьников откликнулись на этот призыв. Они помогали колхозникам выполнять самую разнообразную работу: пропалывали посевы овощей, косили и скирдовали сено, собирали урожай. Замечательными делами прославили себя подростки и юноши рыболовецких районов. Они помогали рыбакам, трудились на тонях, создавали свои бударочные звенья, добывали рыбу. Многие из них показали образцы трудового героизма и были заслуженно награждены правительственными наградами.

Значительное место в годы войны занимала работа по военно-патриотическому воспитанию, в каждой школе были организованы оборонные кружки. Учителя и школьники Астраханского округа (с декабря 1943 г. – области) собирали денежные средства на строительство авиаэскадрилий и танковых колонн, всего астраханской молодежью было собрано на строительство самолетов 152712 рублей, а на танковую колонну имени ВЛКСМ – 170 тысяч.

Многообразной и трудной была деятельность советского учителя в годы войны. Своим непосредственным участием в боях на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанском движении, разносторонней и самоотверженной работой по воспитанию школьников учителя внесли свою лепту в общую победу над врагом. Десятки тысяч учителей, студентов и учащихся педагогических учебных заведе-

ний за свой ратный подвиг были награждены орденами и медалями. Среди Героев Советского Союза есть и учителя-астраханцы: учитель Кировской средней школы Камызякского района Павел Михайлович Смирнов и студент исторического факультета педагогического института Иван Филиппович Трушев.

Нелегкий труд учителя в войну получил высокую оценку правительства. Высокие правительственные награды получили и 16 астраханцев: директор начальной школы №2 М.Н. Урляпова, учительница этой же школы М.М. Гостеева, директор СШ №56 А.А. Кулагина, учительница начальной школы №17 Т.И. Николаева, директор Осыпно-Бугоринской школы А.З. Эрембетова, заведующий Красноярским роно В.П. Самаренко, заведующий облоно Р.Ф. Чашкин, заведующий Астраханским гороно А.И. Березинский и др.



Памятник-обелиск на могиле воинов, героически погибших в боях на подступах к Астрахани в 1942 г.

Великая Отечественная война закончилась победой советского народа. Высокая оценка роли школы в ней заключена в словах народного комиссара просвещения В.П. Потемкина: «Никто не смеет утверждать, что наша школа не выполнила своей основной воспитательной задачи, все мы с гордостью сознаем, что доблестными защитниками Родины, победителями немецкого фашизма явились и питомцы советской школы».[11]

Примечания

§1

1. Очерки истории Астраханской области организации КПСС. Волгоград, 1985. С.395
2. Там же. С.395-396.
3. Там же. С.397.
4. ЦХСДАО. Ф.6. Оп.3. Д.304. Л.2.
5. ЦХСДАО. Ф.6. Оп.3. Д.7. Л.261-262.
6. Коммунист. 1941. 18 июля.
7. Волга. 1994. 28 октября.
8. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967 гг.). М., 1968. Т.3. С.37.
9. ЦХСДАО. Ф.6. Оп.166. Д.271. Л.22.
10. ЦХСДАО. Ф.6. Оп.166. Д.175. Л.12.
11. Волга. 1963. 27 января.
12. Чуянов А.С. Сталинградский дневник. 1941-1943 гг. Волгоград, 1968. С.75.
13. Водный транспорт. 1965. №5. С.2.
14. Водный транспорт. 1965. №4. С.52.
15. Польская А.И. Патриотизм трудящихся Астраханской области в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Астрахань, 1957. С.25.
16. Скоробогатов В.П. 28-я в боях за Калмыкию. Элиста, 1968. С.25-26.
17. Водный транспорт. 1965. №5. С.2-3.
18. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.414.
19. Польская А.И. Указ. соч. С.35.
20. Панин И.И. Астраханская область в годы Великой Отечественной войны. Астрахань, 1995. С.93.
21. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.418.
22. Панин И.И. Указ. соч. С.96.
23. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.419.
24. Панин И.И. Указ. соч. С.97-98.
25. ГААО. Ф.3028. Оп.1. Д.12. Л.16.
26. Природа и история Астраханского края. Астрахань, 1996. С.182.
27. ЦХСДАО. Ф.325(б). В.166. Д.2. Л.1-5.
28. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.422.
29. Панин И.И. Указ. соч. С.104.
30. Там же. С.104.
31. Там же. С.111.
32. Польская А.И. Указ. соч. С.16.
33. ЦХСДАО. Ф.6. В.27. Д.196. Л.12-13.
34. Сталинградская правда. 1942. 2 июля.

35. Панин И.И. Указ. соч. С.119.
36. ЦХСДАО. Ф.6. Оп.4. Д.444. Л.11.
37. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.425.
38. Панин И.И. Указ. соч. С.126.
39. Там же. С.129.
40. Там же. С.129.
41. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.427.
42. Коммунист. 1941. 8 июля, 2 августа, 16 августа.
43. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.435.
44. Там же. С.435.
45. Там же. С.435.
46. Там же. С.435.
47. ГААО. Ф.1095. Д.925. Л.3.
48. ЦХСДАО. Ф.6. В.19. Д.315. Л.64.
49. Панин И.И. Указ. соч. С.144.
50. Там же. С.145.
51. Польская А.И. Указ. соч. С.43.
52. ГААО. Ф.1095. Д.905. Л.39-41.
53. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.437.
54. Польская А.И. Указ. соч. С.49-50.
55. Панин И.И. Указ. соч. С.152.
56. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.438.
57. ГААО. Ф.1095. Д.925. Л.24.
58. Панин И.И. Указ. соч. С.153.

§2

1. СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Краткая хроника. М., 1970. С.26.
2. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1995. С.439-440.
3. Волга. 1983. 7 июня.
4. Созвездия славы. Очерки об астраханцах – Героях Советского Союза. Волгоград, 1976. С.82.
5. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.8. Д.484. Л.4.
6. Там же. Л.10.
7. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1995. С.399.
8. Великая Отечественная война Советского союза 1941-1945 гг. Краткая история. М., 1970. С.173.
9. Скоробогатов В.П. 28-я в боях за Калмыкию. Элиста, 1968. С.12.
10. РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.8. Д.484. Л.92.
11. Там же. Л.106.
12. Там же. Л.182.

13. Волга. 1979. 30 декабря.
14. Волга. 1985. 20 января.
15. Волга. 1975. 16 апреля.
16. ЦХИДАО. Ф.6. Оп.3. Д.375. Л.28-29.
17. Волга. 1984. 23 февраля.
18. Волга. 1984. 30 сентября.
19. Волга. 1985. 23 февраля.
20. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1995. С.441.
21. Волга. 1990. 17 апреля.
22. Волга. 1992. 5 августа.
23. Созвездия славы. Очерки об астраханцах – Героях Советского Союза. Волгоград, 1976. С.86-87.
24. Волга. 1985. 18 января.
25. Панин И.И. Астраханская область в годы Великой Отечественной войны. Астрахань, 1995. С.54.
26. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1995. С.442.
27. Волга. 1984. 20 июня.
28. Волга. 1984. 11 января, 12 апреля.
29. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1995. С.442.
30. Волга. 1984. 18 октября.
31. Панин И.И. Указ. соч. С.71-72.
32. Волга. 1986. 3 июня.
33. Созвездия славы. Очерки об астраханцах – Героях Советского Союза. Волгоград, 1976. С.318.
34. Волга. 1945. 10 мая.

§3

1. Областной центр документации новейшей истории (ОЦДНИ). Ф.6. Оп.1. Д.885. Л.6.
2. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф.1910. Оп.1. Д.25. Л.2.
3. ОЦДНИ. Ф.6. Оп.1. Д.885. Л.17.
4. Там же.
5. ГААО. Ф. Оп.2. Д.1. Л.4.
6. ОЦДНИ. Ф.6. Оп.1. Д.1211. Л.51.
7. Там же. Л.26
8. Там же. Ф.325. Оп.1. Д.217. Л.1.
9. ГААО. Ф.2265. Оп.1. Д.316. Л.31.
10. ОЦДНИ. Ф.6. Оп.1. Д.885. Л.34.
11. Потемкин В.П. Статьи и речи по вопросам народного образования. М., 1947. Изд. АПН РСФСР. С.264.

Глава XV.
Астраханская область в послевоенные годы (1945–1950)

§1. Восстановление и развитие промышленности

Война, победоносно завершенная весной 1945 г., нанесла тяжелый урон всей стране, привела к колоссальным человеческим и материальным потерям. Народам союзных республик предстояло восстановить разрушенное хозяйство, переориентировать экономику на мирные цели.

Значительный ущерб был нанесен и хозяйству Астраханской области: было разрушено и повреждено более 6000 заданий и сооружений, около 700 единиц подвижного состава, 290 судов, несколько нефтяных станций, уничтожены десятки тысяч голов скота. В денежном выражении прямой ущерб хозяйству области по разным оценкам определяется от 391,5 млн. до 870,6 млн. руб.[1]

Снижение производства промышленности произошло из-за резкого сокращения числа квалифицированных работников и износа основных фондов оборудования. Выпуск продукции машиностроения в сравнении с довоенным временем упал на 10%, соледобыча сократилась на 23%, деревообработка – на 67%. Автомобильный парк народного хозяйства области сократился со 170 до 26 единиц.[2] Добыча рыбы сократилась с 12-13 млн. пудов до 10 млн. в 1946 г.[3] В военное время на реконструкцию и развитие предприятий области средства не выделялись. По этой причине мощность рыболовецкого транспорта сократилась на 1/3. Обветшали береговые сооружения. Ухудшилось состояние ремонтной базы. В области не было ни одной автомастерской. Все это вело к росту числа аварий, снижению качества продукции, росту трудовой нагрузки на работников предприятий.

После резкого сокращения производства в первые годы войны рост его был отмечен уже в 1944-1945 гг. Это было связано с поворотом в экономической политике, когда 21 августа 1943 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О постоянных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой окку-

пации». В соответствии с требованием руководства страны местные органы власти – областной комитет ВКП(б), Советы сосредоточили усилия на ремонте флота, жилого фонда, увеличении транспортных перевозок.

18 июля 1944 г. Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление «О первоочередных мероприятиях по восстановлению и развитию хозяйства Астраханской области». В нем ставились задачи по восстановлению сельского хозяйства, промышленности, транспорта, жилищно-коммунального хозяйства. Главным же для области было то, что постановление давало возможность получить необходимые денежные и материальные средства для этих целей.[4]

Кроме того, астраханцам приходилось оказывать поддержку соседним регионам. Так, для города Сталинграда в счет сверхурочного времени изготавливались строительные инструменты. Свыше тысячи человек были направлены на восстановление тракторного завода; Сталинградской области были переданы тысячи голов скота.

Уже в 1944 г. отмечался рост промышленного производства в области. Благодаря некоторому росту капитальных вложений к 1945 г. началось восстановление завода им. Ленина, подразделений железной дороги, транспортных судов, нефтебаз, предприятий пищевой промышленности. Одновременно с этим вновь были созданы строительные предприятия, началось строительство моторо-ремонтного завода. Однако материальное производство по-прежнему далеко отставало от довоенного уровня.

Принятый 18 марта 1946 г. Верховным Советом СССР «Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.» отводил главную роль в восстановительном процессе хозяйства промышленности, в первую очередь – добывающим и машиностроительной отраслям. Объем промышленного производства области по сравнению с довоенным должен был вырасти почти в два раза. Это означало более ускоренное развитие промыш-

ленности в регионе. Архивные документы и материалы тех лет свидетельствуют, что выполнение поставленных задач давалось крайне тяжело.

Область недополучала необходимые средства для реконструкции и строительства. График этих работ не выполнялся, как и госплан производства готовой продукции. Так, в 1946 г. в области с плановыми заданиями справились лишь 30% всех предприятий. Судостроительные и судоремонтные работы выполнялись, например, на 23-50%.[5] Ненамного лучше обстояло дело и в 1947 г.: план по промышленному производству выполнен был на 77%, из 118 предприятий только 51 справились с годовым заданием. Не справлялся с планируемым объемом перевозок речной транспорт, железная дорога. В итоге область выпускала промышленной продукции на 23% меньше, чем в 1940 г.[6] На этом фоне особенно значительны были такие достижения, как пуск в 1947 г. ГРЭС в городе Астрахани, завершение строительства в 1949 г. постоянного железнодорожного моста через реку Волгу, связавшего правобережную и левобережную части города.

Шаг за шагом происходили сдвиги в развитии хозяйства области. В 1946 г. было начато строительство аэропорта как связующего звена между Москвой, Астраханью и Баку, подготовлено и начато строительство АТС на 6000 телефонных номеров. Велась реконструкция целого ряда предприятий: заводов «III-й Интернационал» и «Красные баррикады», судоверфи им. Кирова; строились новые предприятия пищевой и легкой промышленности. По инициативе обкома партии с 1945 г. возобновились работы по разведке месторождений природного газа и проектированию его промышленного использования.

Большое внимание уделялось развитию традиционной для региона рыбоперерабатывающей промышленности. Техническое переоснащение, механизация основных операций позволили наладить выпуск новых видов продукции, увеличить объемы производства. Тем не менее и эта отрасль не справлялась с пятилетнем планом. В целом по

области производство валовой продукции в промышленности за годы 4-й пятилетки превысило довоенный уровень на 51,5%.[7]

§2. Аграрная политика государства и сельское хозяйство области

В годы войны эта отрасль оставалась ведущей в хозяйстве области. Ей же уделялось главное внимание в деле восстановления и развития экономики региона. В 1945 г. посевы в колхозах и совхозах сократились на 73,4 тыс. га и составили 95,1 тыс. га; поголовье скота – с 245,3 до 170,4 тыс. голов. Постановление Совета Народных Комиссаров от 18 июня 1944 г. требовало не просто восстановления производства в сельском хозяйстве Астраханской области на довоенном уровне: ставилась задача расширить площадь поливных участков за счет строительства новых оросительных систем для увеличения производства овощей; работникам сельского хозяйства области предстояло также восстановить животноводческие хозяйства на значительной территории Черных земель общей площадью 780 тыс. га.[1]

Для выполнения этих задач требовались значительное повышение капитальных затрат, поставки в хозяйство рабочих и силовых машин, подготовка квалифицированных кадров. В то же время нехватка рабочих рук составляла 1/3. Ценой больших усилий области удавалось выполнить план сдачи хлеба государству. Заготовки овощей составляли не более 70% плана. Особенно тяжелое положение было в животноводстве. Поголовье скота росло медленно – на 7-10 %, тогда как около 9% стада ежегодно гибло в ходе зимовок. На территории бывшей Калмыкии падеж составлял от 20 до 60% поголовья.[2] К нехватке рабочих рук и материалов добавилось вооруженное сопротивление: по данным НКГБ в Кетченеровском, Укан-Хокском, Юстинском районах области действовали конные группы калмыков, совершавшие нападения на работников ферм. Нередки были убийства, хищения.[3] Большую работу предстояло проделать по разминированию территории области. Са-

перами Северо-Кавказского военного округа было обезврежено, сдано на склады или подорвано более 200000 взрывоопасных предметов (авиабомбы, снаряды и т.д.), разминировано 29 минных полей и обследован 21 населенный пункт.[4]

В послевоенный период в аграрной политике государства вновь произошел поворот к жестким мерам в отношении колхозов и населения. Если в годы войны поощрялось развитие подсобного хозяйства граждан, а в 1944 г. были прощены недоимки колхозам по государственным обязательным поставкам продовольствия, то с 1946 г. стал заметен поворот к прежним тенденциям. Меры экономического и административного принуждения должны были компенсировать нехватку материальных и трудовых ресурсов для скорейшего расширения производства в общественном хозяйстве колхозов, практически полностью контролируемом государством.

Так, 19 сентября 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах». Предыстория его такова. В годы войны при значительном сокращении техники и рабочих рук большинство колхозов не могли обрабатывать всю имевшуюся пашню. Часть земли и даже скота передавались в пользование колхозникам. Личное хозяйство работников зачастую превышало нормы содержания скота и земельных участков, предусмотренных Примерным Уставом артели 1935 г. Пока продолжалась война, государство мирилось с этим: колхозники питались исключительно за счет личного хозяйства, платили деньгами и натуральными продуктами высокие налоги, часть продукции продавали на городских рынках.

Частный интерес помогал сделать то, что неспособны были сделать общественные хозяйства. Однако после войны власть не захотела поддерживать это положение в сельском хозяйстве, поскольку продукция, произведенная на личных участках, не принадлежала государству, не могла быть куплена у колхозников за бесценок, как у колхо-

зов. В таком случае правительство решило восстановить ту систему экономических отношений, которая сложилась в СССР в 30-е годы.

Для крестьян это означало лишение возможности получать значительные доходы помимо колхозов, а поскольку уйти из колхоза без паспорта и найти работу в другом месте без прописки было нелегко, можно было ожидать некоторого роста трудовой активности колхозников в общественном хозяйстве.

Принятие упомянутого постановления было продиктовано также необходимостью защитить колхозное имущество от растаскивания его государственными организациями, предприятиями и даже отдельными чиновниками. В докладной записке министра Госконтроля СССР Л.З. Мехлиса приводится пример изъятия колхозного имущества в Сасыкольском районе Астраханской области: «Под видом народной стройки руководители Сасыкольского района насаждали грубый произвол, забирая для МТС жилые и производственные помещения колхозов без согласия колхозников… и того же колхоза им. Куйбышева для районных отделений МВД и МГБ было изъято помещение конторы… По примеру руководителей района также бесцеремонно распоряжались колхозным имуществом и другие районные организации».[5]

Выполняя постановление от 19 сентября 1946 г., областной комитет ВКП(б) организовал проверки колхозов, в ходе которых подсобные хозяйства крестьян лишались излишков земли. Колхозников принуждали передавать в колхозы «лишний скот». Было выявлено, что некоторые семьи имели личные посевы в несколько гектаров. В колхозах не велся контроль за размерами приусадебных участков, записи в шнуровых книгах не велись с 1941 г. Обнаружилось, что местные власти – исполкомы и райкомы партии – беспредельно вмешивались в кадровые вопросы колхозов. Они способствовали назначению на должности председателей (порой вопреки мнению колхозных собраний) «своих» людей и с их помощью получали из колхозов материальные

ценности – скот, продукты, дома, которые скупались за бесценок для организаций и физических лиц.

В итоге проверок колхозам было возвращено 29055 га земельных угодий, свыше 1000 голов скота, жилые дома, хозяйственные постройки, другое имущество.[6]

Карательная политика набирала обороты, превращаясь в очередную кампанию: председатели колхозов страдали от произвола не меньше, чем рядовые колхозники. Материалы Совета по делам колхозов при правительстве СССР свидетельствуют о массовом осуждении председателей колхозов в 1946-1947 гг. за так называемые должностные преступления. В Приволжском районе Астраханской области, например, осуждена была половина председателей (11 из 22-х). К уголовной ответственности чаще всего привлекали людей, недавно пришедших на руководящую работу.[7]

Второго июня 1948 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР «О выселении в отдаленные районы лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни». Издание указа долгое время замалчивалось, как и меры, принятые по его выполнению. В Астраханской области они стали осуществляться уже с начала июля, когда руководители партийных и советских органов выехали в колхоз «Животновод» Сасыкольского района. Здесь на собрании колхозников были определены первые кандидаты на выселение – 4 человека систематически не работавшие в колхозе, трудившиеся лишь в личном хозяйстве. В выступлениях колхозников, поддержавших принятие такой меры, высказывалась обида, что жили эти люди за счет личного хозяйства не хуже, а лучше тех, кто постоянно работал в общественном хозяйстве. Затем подобные собрания были организованы и в других колхозах. Срок высылки (до 8 лет) определялся на этих же собраниях. Всего по области в июле – августе 1948 г. было принято решение о высылке 90 человек. Восемьдесят членов их семей присоединились к

ним добровольно, еще 83 человека были предупреждены. Эта мера позволила увеличить число занятых в колхозах области на 5,5 тыс. человек, удлинить рабочий день, и, как следствие, повысить производство продукции.[8] Постепенное увеличение капитальных затрат и нажимные методы дали результаты.

За годы четвертой пятилетки поголовье скота в колхозах и совхозах выросло в 2,6 раза и превзошло численность скота 1940 г. на 32%. Восстанавливалась площадь посевов под зерновые и овощные культуры. Только к 1947 г. на 2,5 тыс. га была увеличена площадь орошаемых участков. Валовые сборы зерновых увеличились в сравнении с 1945 годом более чем наполовину. Хозяйства области справлялись с планом сдачи зерна государству.

Однако основные проблемы сельского хозяйства не получали своего решения. Правительство не выделяло материальных ресурсов, достаточных для выполнения поставленных задач. Всего на 60% выполнялся план мелиорации. Затягивалось строительство каракулеводческих совхозов на Черных землях из-за нехватки автомобилей, силовых машин и рабочих агрегатов, оборудования для ферм, строительных материалов, квалифицированных специалистов сельского хозяйства.[9]

Одной из главных причин нестабильности сельского хозяйства была низкая заинтересованность самих производителей в результатах труда. Рабочие совхозов подолгу не получали заработную плату, а в отдаленных районах не обеспечивались товарами потребления. Колхозники за свой труд получали мизерную оплату, полагались в основном на собственное хозяйство. Государственные цены на закупаемую в колхозах продукцию были настолько низки, что основные отрасли были убыточными.

Однако партийные органы основную причину срывов выполнения планов видели в слабой политико-воспитательной работе, неумении председателей организовать работу колхозов. Кадровые перестановки превращались в чехарду: ежегодно снимали с работы более 20%

председателей.[10] В итоге план развития сельского хозяйства выполнен не был. Низкой оставалась урожайность зерновых, овощных и бахчевых культур, продуктивность скота.

§3. Послевоенный быт

Последствия войны ощущались в повседневной жизни людей: высокие цены при мизерной оплате труда, плачевное состояние учреждений культуры, просвещения, коммунального хозяйства. Единственным видом общественного транспорта в городе был трамвай, работавший с большими перебоями. Часто не работал водопровод, отключалась электроэнергия. В сельской местности не существовало автобусного сообщения, передвижная киноустановка если и заглядывала в села, то не чаще одного раза в месяц, а газеты приходили с опозданием на 2-3 недели. В восстановительных мероприятиях после войны свое место занимала и радиофикация населенных пунктов. Устанавливались главным образом радиоприемники коллективного пользования. Был возможен прием радиопередач из г. Москвы, соседних областей, а также десяти местных (в т.ч.) районных радиоредакций. Однако большинство приемников бездействовало из-за отсутствия питания. В колхозы не подавалось электричество из государственной сети. До 1953 г. это было запрещено, а собственных электростанций было мало.

Сохранившиеся жилые дома много лет не ремонтировались, а население ряда поселков, подвергшихся бомбардировкам, жило в землянках.

С июля 1945 г. в область стали прибывать демобилизованные из Красной Армии солдаты и офицеры. К октябрю 1946 г. домой возвратились 30 тыс. наших земляков – ветеранов, четвертую часть которых составляли женщины. Их, прошедших испытания войны, встречали нелегкие проблемы послевоенного быта. Местные власти организовывали торжественные встречи фронтовиков, занимались их трудоустройством, для демобилизованных была организована выдача денег,

продуктов. Паек ветерана, однако, был скудным: 1-2 кг зерна, 0,5 кг сахара, пара кусков мыла, несколько метров ткани или пара рубах, да пара брезентовых полуботинок. Полагалось, что этого должно было хватить на время пока фронтовик не найдет работы. С трудоустройством, при всей нехватке рабочих рук, дело обстояло непросто: к осени 1946 г. без работы оставались более 1000 бывших солдат и офицеров. Нелегко было определиться в гражданской жизни инвалидам, больным ветеранам, не все фронтовики избежали пьянства, апатии. Своеобразной формой реабилитации были ежемесячные собрания партийных работников и ветеранов с чтениями докладов.[1]

В сложном положении оказались семьи, лишившиеся в войну кормильцев. Государство оказывало материальную помощь более 100 тыс. таких семей. Дети, оставшиеся сиротами, передавались в детские дома, часть их были усыновлены. Правда, системы в работе с сиротами не существовало, многих выявляли случайно в детских приемниках-распределителях, куда ежегодно доставляли до полутора тысяч беспризорных.[2] В самих детских домах положение было неблагополучное. При дефиците самых необходимых продуктов они еще и расхищались работниками этих учреждений, руководителями районов.[3]

Из-за неустроенности, недостатка средств многие дети не могли получить образование. В 1944 г. не обучались 4000 детей. В 1946 г. более 1000 школьников не посещали занятия только потому, что не имели одежды или обуви, а гораздо большее число их сверстников занимались в школе от случая к случаю, поскольку вынуждены были зарабатывать на жизнь. Закончив семилетку, многие уходили работать. Обучение в старших классах при этом оставалось платным.[4]

Сами школы переживали немало трудностей. Многие здания были непригодны для занятий, требовали капитального ремонта. Классы не отапливались, не хватало парт, поэтому кое-где заниматься приходилось стоя. Учебников имелось лишь 50% от потребности. Крайнюю нужду в учебниках испытывали национальные школы – татарские, ка-

захские. В то же время в библиотеки районов отправлялись десятки тысяч томов на национальных языках работ В.И. Ленина, И.В. Сталина, «История ВКП(б). Краткий курс», биография И.В. Сталина. Нередко средства, отпускаемые школам, расходовались сельскими советами на другие цели. В первые послевоенные годы школы не могли дать полноценного образования. Проверки, проводимые отделами образования в 1946 г., показали, что четверть учеников 7-х и 10-х классов были малограмотны. Тем не менее год за годом работа образовательных учреждений налаживалась. За 1944-1948 гг. были открыты 75 общеобразовательных школ. Охват обучением детей составил 98%.[5] В годы войны в области была полностью сохранена система среднего специального и высшего образования. В 1945 г. в трех вузах и 16-ти техникумах обучались около 6-ти тысяч юношей и девушек. В дальнейшем прием в эти учебные заведения постепенно увеличивался.

В послевоенные годы в Астраханской области сохранялась высокая заболеваемость и смертность населения, особенно младенчества. Одна из причин – плохое медицинске обслуживание. В городе и районах имелось в 1944 г. 75 больниц, 11 родильных домов, два диспансера, рассчитанные в общей сложности на 3140 коек, что для полумиллионного населения было явно недостаточно. Многие медицинские учреждения располагались в ветхих, неприспособленных помещениях, низкой была техническая оснащенность здравоохранения. Работники здравоохранения, просвещения, особенно в сельской местности, иногда по нескольку месяцев не получали заработной платы. Не налажено было их обеспечение промышленными товарами, нормы снабжения продовольствием были пониженные.

Одной из главных примет послевоенного быта было сохранение карточной системы в торговле. Наличные деньги сохраняли значение как средство платежа, но право приобрести товар по низким ценам (в сравнении с колхозным рынком или так называемым коммерческим магазином) давали специальные карточки. Предусматривались разные

нормы отпуска товара для неработающих, трудящихся в разных отраслях хозяйства, служащих государственных учреждений. Государство использовало эту систему для жесткого контроля над товарами потребления ради обеспечения потребительского минимума части населения, получающей доходы из госбюджета. Особенно ужесточен был этот контроль в 1946-1947 гг., когда страна переживала голод, связанный с неурожаем и отсутствием на этот случай зерновых запасов. В 1946 г. преимущественно в сельской местности были лишены права карточного снабжения около 134 тыс. человек. Работникам ряда областей промышленности нормы отпуска продуктов были снижены.[6]

В этом же году было предпринято первое послевоенное снижение цен на ряд продовольственных товаров, что привело к росту объема их продажи (по некоторым видам в несколько раз).

Сеть государственных магазинов ограничивалась в основном городской чертой. В сельской местности велась так называемая кооперативная торговля. По данным ОК ВКП(б), в 1946 г. в селах в продаже отсутствовали промтовары, а также хлеб, молочные продукты.

При скудном товарном запасе правительство тем не менее провело в 1947 г. отмену карточек и снижение цен на продовольственные и ряд промышленных товаров. Одновременно была проведена денежная реформа. В результате этих мер возник острый товарный дефицит. В марте 1948 г. областной партийный комитет отмечал, что товарная масса I-го квартала была продана за январь – февраль. Ряд товаров вообще исчез из торговли. Очереди за хлебом насчитывали по нескольку тысяч человек. В город за хлебом ехали сельские жители. При норме отпуска хлеба 2 кг на человека горожане стояли в очередях семьями. В сельской местности, где особенно плохо была организована торговля хлебом, отмечались массовые недовольства рабочих и служащих. Колхозные рынки немедленно отреагировали на перемену в обстановке – цены на продукты выросли в 1,5-2 раза. По-прежнему в торговле отсутствовали многие промышленные товары – кожаная и

резиновая обувь, хлопчатобумажные и шерстяные ткани, имевшиеся товары отличались низким качеством.[7]

§4. Общественно-политическая и культурная жизнь

Вопреки ожиданиям, после войны не произошло заметного ослабления режима правления в стране. В законодательстве СССР оно было ограничено восстановлением очередных и дополнительных отпусков рабочим и служащим, отмененных в военное время, некоторым смягчением наказаний за хищение государственного и общественного имущества (снижены были сроки лишения свободы). 26 мая 1947 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР была отменена смертная казнь, установленная за преступления действующими законами. Правда, затем постепенно за отдельные виды преступлений эта мера наказания была восстановлена.

Продолжали действовать чрезвычайные законы: «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями», которые значительно расширяли сферу применения уголовного законодательства за нарушение трудовой дисциплины.

Как и в предыдущие десятилетия, руководство и контроль в духовной, хозяйственной и политической сферах жизни общества осуществляли партийные органы. Партийная организация области выросла в годы войны на 9,3 тыс. человек и составляла 21 тыс. членов. Одной из главных ее задач была подготовка руководящих кадров для народного хозяйства, государственных и общественных организаций, способных проводить на практике политику, вырабатываемую ЦК ВКП(б). Многие руководители предприятий и организаций не имели ни опыта работы, ни достаточного образования. Из 116 председателей

рыболовецких артелей только трое имели среднее образование, из 217 директоров предприятий, инженеров, механиков Волго-Каспийского Госрыбтреста высшее образование имели 36 и среднее – 24 человека.[1]

Основной формой обучения кадров стали одногодичные занятия в областной партийной школе, межобластных и высшей партийных школах при ЦК ВКП(б). Прошедшие такую подготовку направлялись на работу в партийные, советские органы, на хозяйственную работу. Среди новых выдвиженцев женщины составляли половину.

Партийные органы были обеспокоены низким уровнем образования и политической подготовки рядовых членов партии, число которых к концу 40-х годов по сравнению с довоенным временем выросло почти вдвое. С целью регулярной идеологической обработки и воспитания малообразованных коммунистов создавались кружки по изучению истории партии, философии, политэкономии. Поощрялось также самостоятельное изучение марксистско-ленинской теории. Отчеты первичных организаций создавали впечатление о почти полном охвате коммунистов этими формами политобразования. Правда, руководители областной организации указывали на низкое качество занятий, слабую успеваемость и посещаемость занятий.[2]

Важным направлением в работе партийной организации была политическая пропаганда среди рядовых коммунистов и беспартийных. Для этой цели были подготовлены 1715 пропагандистов, которые только в 1950-1951 гг. прочли более 8000 лекций для населения. Наряду с этим печатный орган ОК ВКП(б) «Волга» регулярно публиковал пространные статьи по вопросам марксистско-ленинской теории, например, о работе В.И. Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Эти статьи теоретически обосновывали скорое крушение капитализма из-за его неспособности к дальнейшему развитию. В то же время в «Волге» и более 20-ти других газетах, издаваемых в области, совершенно не упоминалось о дискуссии в политбюро о судьбах капитализма, вызванной публикацией в 1944 г. исследований академика Е. Вар-

ги. В них автор прогнозировал дальнейшее развитие капиталистического хозяйства, указывал на его приспосабливаемость к новым условиям. Таким образом, идеологическая работа не учитывала важных реалий, не ставила задачу развития идеологической культуры.

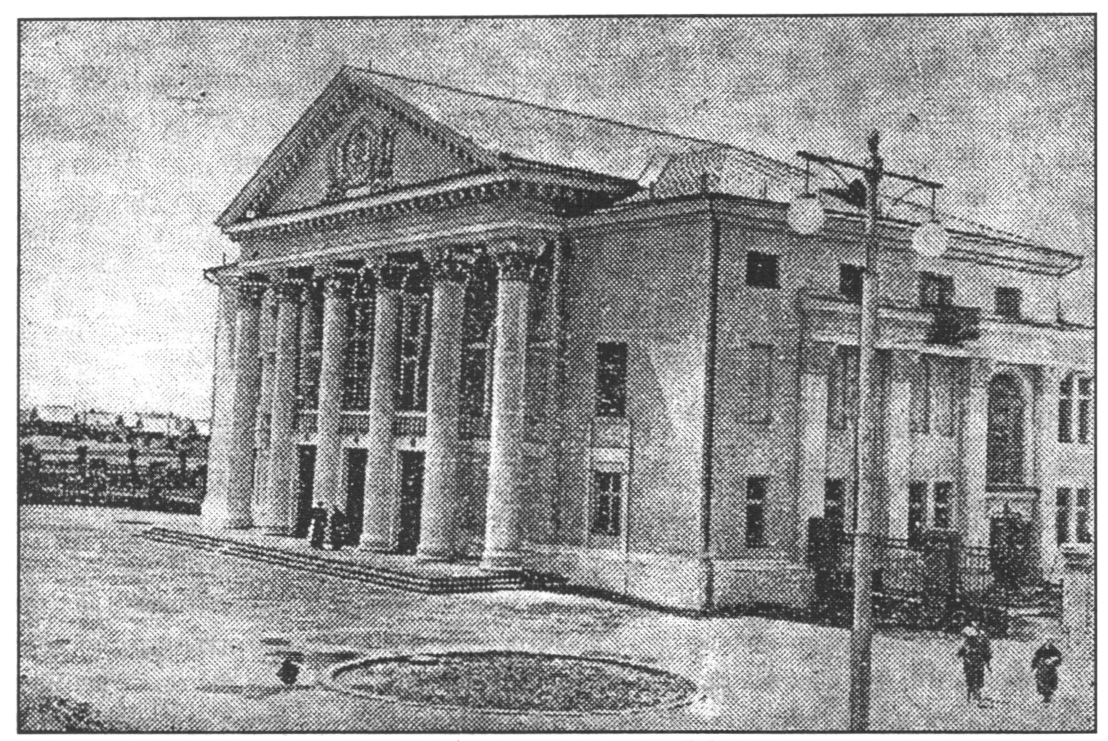
Важным объектом пропагандисткой работы была наиболее образованная часть населения – профессорско-преподавательский состав вузов, высококвалифицированные работники здравоохранения, учреждений культуры, предприятий и организаций. Известно, что политический режим требовал от интеллигенции не просто лояльности, а активной поддержки, понимаемой порой весьма своеобразно. Так, в марте 1948 г. на второй областной партийной конференции руководитель областного комитета упрекнул работников культуры, науки в преклонении перед иностранщиной. Поводом для критики послужили публикации научных работ преподавателей медицинского института в иностранных журналах.[3]

В целях идеологического воспитания интеллигенция направлялась на обучение в университет марксизма-ленинизма при областном комитете ВКП(б), где проводились занятия по марксистско-ленинской философии, политэкономии, истории ВКП(б).

После войны постепенно налаживалась и развивалась работа учреждений культуры. Действовали областной драматический театр, театр музыкальной комедии, театр юного зрителя, областная филармония, дом народного творчества, Союз художников. Астраханцам были открыты двери художественного музея. В областной библиотеке были организованы «Литературно-музыкальные пятницы», на которых обсуждались проблемы современной отечественной литературы, постановки местных театров, читали стихи астраханские поэты. Стали традиционными конкурсы коллективов художественной самодеятельности.

Партийные комитеты оценивали репертуар театров, анализировали постановки и работу актеров. После посещения «литературной пятницы» работники горкома партии пришли к выводу, что и эту форму творческого общения необходимо ежемесячно планировать, а план утверждать в горкоме или областном отделе культпросветработы.[4] Поскольку печать была партийной, постольку план работы областной и

районных газет утверждался и контролировался комитетами партии. То же касалось работы радиоредакций.



Клуб Астраханской ГРЭС

В многонациональном регионе нельзя было обойти стороной национальный вопрос. После войны в области были открыты 164 казахских и татарских школы, где обучались 9000 детей, вели занятия 400 учителей. Была организована подготовка учителей для национальных школ. В области выходили две газеты на татарском и на казахском языках общим тиражом 1350 экземпляров. Десятками тысяч экземпляров направлялась в национальные районы переводная политическая литература. Проводимая национальная политика далеко не во всем устраивала представителей этих национальностей. Например, издание газеты на казахском языке, но с латинским алфавитом; худшее снабжение национальных школ учебниками по сравнению с русскоязычными; недостаточно активное выдвижение национальных кадров на руководящие хозяйственные должности.[5]

Примечания

§1

1. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Волгоград, 1985. С.446.
2. Центр хранения современной документации Астраханской области (далее – ЦХСДАО) Р.325. Оп.3. Д.3. Л.318-319 .
3. Там же. Оп.4. Д.15. Л.171.
4. Там же. Оп.3. Д.5. Л.160-171.
5. Там же. Оп.4. Д.15. Л.163.
6. Там же. Оп.5. Д.1. Л.22, 27.
7. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС... С. 453.

§2

1. После упразднения в 1943 году Калмыцкой АССР территория Черных земель была передана целиком Астраханской области (1.324.000 га). Управление госфондом Черных земель было сохранено, но фактически не действовало. Значительная часть строений и водопойных точек были разрушены. Поскольку эта территория и дальше использовалась разными областями для отгонного скотоводства, бюро Астраханского обкома ВКП(б) обратилось в ЦК с просьбой передать большую ее часть в ведение Сталинградской, Ростовской областей, Ставропольского края, Грузинской ССР. (ЦХСДАО. Р.325. Оп.1. Д.2. Л.4-6).
2. ЦХСДАО. Р.325. Оп.1, 2. Д.8. Л.10-13 об.
3. Там же. Оп.1. Д.2. Л.34-35. По тем же данным действия калмыков были ответом на поголовную высылку калмыков, лишение их имущества. Кстати, архивные материалы свидетельствуют, что имущество «спецпереселенцев» расхищалось местными представителями власти. Так, в результате расследования, проведенного под контролем ВКП(б) в Лиманском районе выявлено присвоение имущества высланных калмыков из села Долбан (переименованного в 1940 г. в с. Лиман) районным прокурором, председателем исполкома райсовета, секретарем РК ВКП(б) и другими должностными лицами. На виновных было наложено партийное взыскание. Часть имущества была передана государству, остальная часть подлежала возмещению в денежной форме (ОЦАНИ. Р.325. Оп.1. Д.2. №78-79, 85).
4. Там же. Оп.2. Д.203. Л.3-7, 29.
5. Попов В.П. Крестьянство и государство (1945-1953). Париж, 1992. С.30-31.
6. ЦХСДАО. Р.325. Оп.3. Д.213. Л.32-34, 54-55, 100. Д.4. К.61-62, 339-342.
7. Попов В.П. Указ. соч. С.41-42.
8. ЦХСДАО. Р.325. Оп.5. Д.77. Л.1-11, 20, 22, 28, 74.
9. Там же. Оп.3. Д.4. Л.36; Д.215. Л.159; Оп.4. Д.1. Л. 8-9.
10. Там же. Оп.4. Д.224. Л.68; 96-99; Оп.5. Д.1. Л.75.

§3

1. Там же. Оп.2. Д.201. Л.1-9, 6, 8, 10, 118, 120, 178, 314; Оп.3. Д.93. Л.62.
2. Там же. Оп.5. Д.93. Л.16.
3. Там же. Оп.2. Д.8. Л. 42.
4. Там же. Оп.3. Д.3. Л.42
5. Там же. Оп.2. Д.8. Л.18-28. об. 40 об-41; Оп.3. Д.2. 205. Л.1-7, 10.
6. Там же. Оп.3. Д.4. Л.363-366; Д.5. Л.35.
7. Там же. Оп.5. Д.76. Л.225-228; Оп.4. Д.15. Л.163

§4

1. Очерки истории … С. 458-459
2. ЦХСДАО. Ф.325. Оп.5. Д.1. Л.78-85.
3. Там же.
4. Там же. Оп.3. Д.175. Л.5.
5. Там же. Оп.2. Д.8. Л.28-28 сб.; Оп.5. Д.1. Л.85.

Глава XVI.
Астраханская область в 1950–1980 годы

§1. Аграрный сектор экономики области

К началу 1950 г. в области насчитывалось 11 совхозов и 214 колхозов, из них 75 – сельскохозяйственных. Посевные площади в колхозах в 1950 г. составляли всего 97,3 тыс. га, в то время как до войны – 182,2 тыс. га (1940 г). Поголовье продуктивного скота в хозяйствах области было меньше чем в 1940г. на 10%. Количество тракторов превысило уровень 1940 г. Почти на 2/3 был восстановлен парк зерноуборочных комбайнов. Показатели урожайности по основным культурам были ниже довоенных в 1,5 раза, так же обстояло дело с продуктивностью скота. Вследствие этого производство мяса было на 1/3 меньше, чем в 1940 г., валовой сбор зерновых почти в 5 раз, овощей в 1,3 раза, бахчевых в 3,5 раза.[1]

Недостаток денежных средств и рабочих рук, низкая заинтересованность тружеников в результатах труда тормозили развитие сельского хозяйства, а в начале 1950 г. началось попятное движение: заметно сократились посевы, поголовье скота.

Правительство, партийный комитет области требовали ускоренного развития аграрного производства, неуклонного выполнения трехлетнего плана развития животноводства. Значительные денежные суммы выделялись для строительства новых животноводческих совхозов, в которых главным должно было стать овцеводство, производство качественного каракуля для экспортных поставок. Однако направленные на строительство средства осваивались меньше чем наполовину. Из-за недостатка рабочих рук, механизмов растущее поголовье скота не обеспечивалось кормами. К зиме 1951-1952 гг., например, работы по их заготовке были выполнены лишь на 53-61%. В результате из-за недокорма снижалась упитанность, возрастал падеж животных. Надои были ниже нормы в 2-3 раза.[2] Особые надежды возлагались на крупные хозяйства. Поэтому на рубеже 1940-1950-х гг. начали объединять по нескольку колхозов в один, проводя таким образом концентрацию

производств. Но и это не дало утешительных результатов. Рассматривая вопрос об укреплении колхозов, 10 апреля 1951 г. бюро ОК ВКП(б) констатировало, что мера осуществлялась поспешно и вела к ослаблению хозяйств, средств для переселения из мелких сел и устройства колхозников на центральных усадьбах у колхозов не было. Отток механизаторов МТС усиливался. Остро стоял вопрос о нехватке рабочей силы, квалифицированных работников, специалистов сельского хозяйства. В животноводстве области дефицит работников составлял 30-40%. Была очевидна бесплодность попыток реанимировать аграрный сектор без существенной материальной поддержки.

Сентябрьский (1953 г.) Пленум ЦК КПСС принял ряд решений, облегчающих положение деревни при сохраняющихся принципах отношений аграрного и промышленного секторов, государства и крестьянства. Было решено списать задолженности колхозников по сельхозналогу, ввести их денежное авансирование, восстановить их право на личное хозяйство. До конца 1950-х гг. закупочные цены на продукцию колхозов государство повысило в среднем в 3 раза. Правда, до 1958 г. сохранялись обязательные госпоставки по символическим ценам. Больше стало уделяться внимания материальному снабжению села, его энерго- и технической вооруженности. Было разрешено подсоединить колхозы к государственной электросети, увеличились поставки сельхозтехники, минеральных удобрений. Значительные средства были выделены на расширение совхозного производства. Колхозы продолжали сливать и объединять в более крупные хозяйства или преобразовывать в совхозы. Поэтому число колхозов постоянно сокращалось, а совхозов – росло.

Партийные организации области и районов направляли на работу в сельское хозяйство специалистов из промышленных предприятий, партийных и советских органов. Присылались на работу в село и специалисты из соседних областей. Только из Саратовской области в 1953 г. приехали 34 человека. Поддерживали повышение образова-

тельного уровня председателей, директоров, специалистов колхозов и совхозов. В 1956 г. 80% директоров МТС и совхозов, половина председателей колхозов имели высшее и среднее специальное образование.[3]

Благодаря растущей материальной поддержке аграрный сектор увеличивал объем производства за счет расширения своей базы. Так, за 1953-1958 гг. площадь пашни выросла на 26%, достигнув 196 тыс. га, из них 35 тыс. га составили орошаемые участки. Резко выросло поголовье продуктивного скота – с 1281, 6 тыс. в 1953 г. до 1733,4 тыс. в 1959 г, т.е. более чем на четверть. На 20-40% выросли показатели продуктивности животных, урожайность зерновых поднялась вдвое, овощных и бахчевых – более чем в три раза.[4]

В целом уровень развития аграрного сектора страны был, однако, невысок. Развитые страны мира ушли далеко вперед. Достижения советского сельского хозяйства не удовлетворяли амбиции политического лидера: планы роста производства не выполнялись. Партийные, советские руководители областей, районов требовали от работников села продолжить увеличение поголовья скота, распашки угодий под посевы зерновых и кукурузы. В ущерб качеству таким образом стремились добиться выполнения плана валового производства. Как известно, в 1957 г. был выдвинут лозунг: «Догнать и перегнать США по производству мяса и молока на душу населения». В Астраханской области было намечено увеличение производства в животноводстве в два раза за 1958 – 1965 гг. Для этого предполагалось укрепить кормовую базу животноводства, т.е. расширить посевы кукурузы. Эта культура в местных условиях была действительно перспективна. Но урожаи ее были в четыре-шесть раз ниже нормы, поскольку полив посевов на орошаемых участках производился лишь на 50-70% от нормы. Из-за поломок техники вовремя не проводились посевы, а также уборка кормовых культур. Имевшееся стадо обеспечивалось кормами на 50-70% от нормы. Животные, забиваемые на мясо, не имели даже средней упитанности. Ежегодный падеж скота составлял 3-5%, яловость маточно-

го поголовья – 20%.[5] Результаты такого хозяйствования выливались в колоссальные потери. Например, за 8 месяцев 1961 г. хозяйства реализовали государству 1459 тыс. тонн мяса, а за зимовку 1960/61 гг. было потеряно из-за падежа 12 тыс. тонн.[6]

В грандиозных планах руководства страны по увеличению производства в совхозах и общественном хозяйстве колхозов не нашлось места личным подсобным хозяйствам (ЛПХ) граждан. Предполагалась их постепенная ликвидация. Курс на ограничение ЛПХ колхозников наметился уже в середине 50-х годов. Принятое 6 марта 1956 г. постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели» имело целью поощрить трудовую и управленческую активность крестьян на благо колхозов. Но оно же рекомендовало колхозам пересмотреть нормы содержания скота, определенные Уставом артели 1935 г. в сторону уменьшения, а также сократить приусадебные участки. В нем предлагалось лишать права на ЛПХ те семьи, чьи трудоспособные члены не выполняют минимума трудодней.

Решительно действовали местные партийные комитеты. На VIII областной партийной конференции первый секретарь обкома И. Ганенко призвал скупить у граждан скот для увеличения поголовья в колхозах и совхозах.[7] В первую очередь расстаться с личным скотом должны были горожане, поскольку Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 августа 1959 г. запрещал гражданам, проживающим в городах и рабочих поселках, содержать скот в личной собственности. За выполнением постановления следила ветеринарная служба, выявлявшая лиц, укрывавших скот. Менее чем за полгода в г. Астрахани поголовье скота сократилось с 2326 до 300 единиц.

9 июня 1961 г. бюро Астраханского обкома КПСС и исполком областного Совета депутатов трудящихся приняли постановление «О нарушениях установленных норм содержания скота личной собственно-

сти и размеров приусадебных участков отдельными хозяйствами колхозников, рабочих и служащих», в котором подводился итог борьбы за ограничение ЛПХ граждан. Только за 1961 г. финорганы области привлекли к обложению сельхозналогом по ставкам единоличников 1675 хозяйств. В уставы колхозов вносились изменения, уменьшающие нормы содержания скота и размеры участков. В направлении, продиктованном партийным руководством, проводила обработку общественности печать, освещая ход ведущейся кампании. Создавалась атмосфера всеобщего осуждения тех, против кого были направлены принятые меры, одобрение курса на дальнейшее свертывание ЛПХ.

Наряду с этим продолжалось создание гигантских форм аграрного производства. Многие рыболовецкие колхозы из-за падения речной добычи рыбы переводились на положение сельскохозяйственных, которые, в свою очередь, объединялись в более крупные. Вместо 139 сельскохозяйственных колхозов за 1950 гг. их стало 73 со средним размером угодий около 40 тыс. га. Около 30 тыс. крестьян ежегодно работали в колхозах.

Основные орудия труда – тракторы, силовые и рабочие машины, большая часть автотранспорта, применяемая в колхозах, принадлежали не им, а государству. Машинно-тракторные станции (МТС) выполняли для колхозов работы по вспашке, обработке, уборке, перевозке урожая, за что колхозы рассчитывались с ними натурой по установленным государством нормам. Та же система действовала в отношении рыболовецких артелей, которые пользовались услугами моторорыболовных станций (МРС), которые владели рыбопромысловыми судами и орудиями лова. Таким образом, государство сохраняло в своей собственности основные средства производства в сельском хозяйстве. Со временем предполагалось осуществить окончательное слияние собственности колхозов и государства. Это, по взглядам И. Сталина, изложенным в его книге «Экономические проблемы строительства социализма в СССР», стало бы важным этапом на пути к победе ком-

мунистических принципов в экономике.

Однако неожиданно для многих партийных и хозяйственных руководителей февральский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС счел целесообразным передать технику непосредственно колхозам, продав ее в рассрочку в течение нескольких лет. Пленум ЦК КПСС, состоявшийся в марте 1968 г. отметил, что 150 колхозов области готовы выкупить технику МТС И МРС, из них 62 – в течение года.

В марте 1958 г. на сессии Верховного Совета СССР был принят Закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций (МТС)». Хозяйствам предоставлялись кредиты на 5 лет, срок расчета устанавливался 3-4 года.

За полгода действия закона на территории области вместо 21 МТС были созданы 16 РТС, которые обслуживали колхозы, не имевшие возможности выкупить технику. Остальные приобрели более 1200 тракторов, 160 комбайнов, машин на общую сумму 32,2 млн. руб. Эта мера могла послужить укреплению колхозов.

Однако государство стало торопить колхозы с расчетами за технику. В соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 10 октября 1958 г. «О расчетах колхозов с государством за приобретенную в МТС технику» и Распоряжением Совета Министров РСФСР от 12 июля 1959 г. №3215-р, бюро Астраханского ОК КПСС, облисполком приняли решение, обязывающее председателей «районных исполкомов, председателей колхозов увеличить платежи за купленную технику и приблизить платежи предстоящих лет на ближайшее время на 30-50%». На 1 января 1959 г. колхозы внесли на 34-35% больше ранее намеченных сумм.[8] Если учесть, что значительная часть техники, прослужив несколько лет, была к тому же продана без учета амортизации, т.е. по цене новой техники, становится понятным смысл всей кампании: хозяйства должны были срочно внести в государственную казну неоправданно завышенную денежную сумму.

Колхозы оказались в сложном положении: кроме расчета с госу-

дарством по кредиту, им за свой счет предстояло создать свою базу по ремонту и обслуживанию техники, создать благоприятные условия для инженеров, техников, механизаторов из реорганизованных МТС. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 18 апреля 1958 г. требовало от колхозов для этих целей повысить отчисления в неделимые фонды с 17,7% дохода до 23%. Астраханский обком указывал, что вместо увеличения выплат колхозникам по трудодням следует больше отчислять в неделимые фонды, создавать фонды культурных и общественных мероприятий.

Однако доля дохода, отчисляемая в неделимый фонд в начале 1960 гг. снизилась в колхозах области с 27 до 13%. Долги государству выросли. Материально-техническое снабжение колхозов через отделения вновь созданной «Россельхозтехники» сократилось из-за резкого повышения цен на технику, горюче-смазочные материалы, запчасти. Финансовое состояние колхозов не позволяло в возрастающих темпах обновлять парк сельхозмашин, пользоваться центрами ремонтных мастерских, увеличивать оплату труда колхозникам. Усилился отток из колхозов перешедших было туда из МТС специалистов и механизаторов.

Подобное положение создалось и при ликвидации моторо-рыболовных станций. В марте 1958 г. на Пленуме ЦК КПСС было предложено продать их имущество рыболовецким артелям. Общегосударственное решение же было вынесено в феврале 1959 г., когда Совет Министров и ЦК КПСС приняли постановление о реорганизации МРС в судоремонтно-технические. Как и в случае с МТС, их техника и механизмы были проданы колхозам по ценам новых. Среди сейнеров, перешедших артелям, было 78 старых, непригодных к длительной эксплуатации. Однако на этот раз, при участии Совета Министров РСФСР, положение было исправлено. Негодные суда были возвращены прежнему хозяину – Астраханскому совнархозу.[9]

Продажа машин и механизмов колхозам, представленная обще-

ственности как забота об укреплении колхозной собственности, обернулась основательным выкачиванием средств из деревни, едва оправившейся после войны. Акция была проведена повсеместно. Размеры платежей, сроки расчетов были установлены без учета интересов колхозов и крестьян.

За десять лет проведения нового курса, начатого в 1953 г., сельское хозяйство области заметно увеличило производственную базу. Посевные площади, например, выросли со 145 тыс. га до 256,5 тыс. га в 1964 г. (или на 76,8%), превысив уровень 1940 г. на 36,5%. Поливные участки составили площадь в 71,8 тыс. га, т.е. выросли более чем в два раза. Поголовье скота увеличилось с 1950 г. на 96%. Хотя урожайность зерновых почти не выросла по сравнению с 1940 г., их закупки государством выросли за 10 лет почти втрое. Продуктивность скота также почти не изменилась, однако государственные закупки основных продуктов животноводства превысили в 1964 г. уровень 1953 г. в 2,8-2,5 раза. Таким образом, экстенсивное развитие сельского хозяйства области дало заметные результаты. Качественных сдвигов добиться не удалось, но количественные показатели существенно выросли.

На октябрьском пленуме ЦК КПСС 1964 г. Н.С. Хрущев, определявший в течение 10 лет направление и тактику экономической политики в СССР, был лишен партийного и государственного постов, отправлен на пенсию. Пленум ЦК и последовавшие за этим пленумы краевых и областных партийных комитетов задним числом подвергли критике непродуманные шаги по реформированию экономики, приведшие к значительным материальным потерям, попытки ослабить хозяйственную власть партии. Собрание Астраханского областного партийного актива осудило попытки государственного лидера «отстранить парткомы... от хозяйственных дел и ограничить их функции культурничеством и массово-политической работой». Ярким примером хозяйственного авантюризма стала, по мнению членов актива, «утиная эпопея» 1960-1961 гг., когда по личному указанию Н.С. Хрущева были

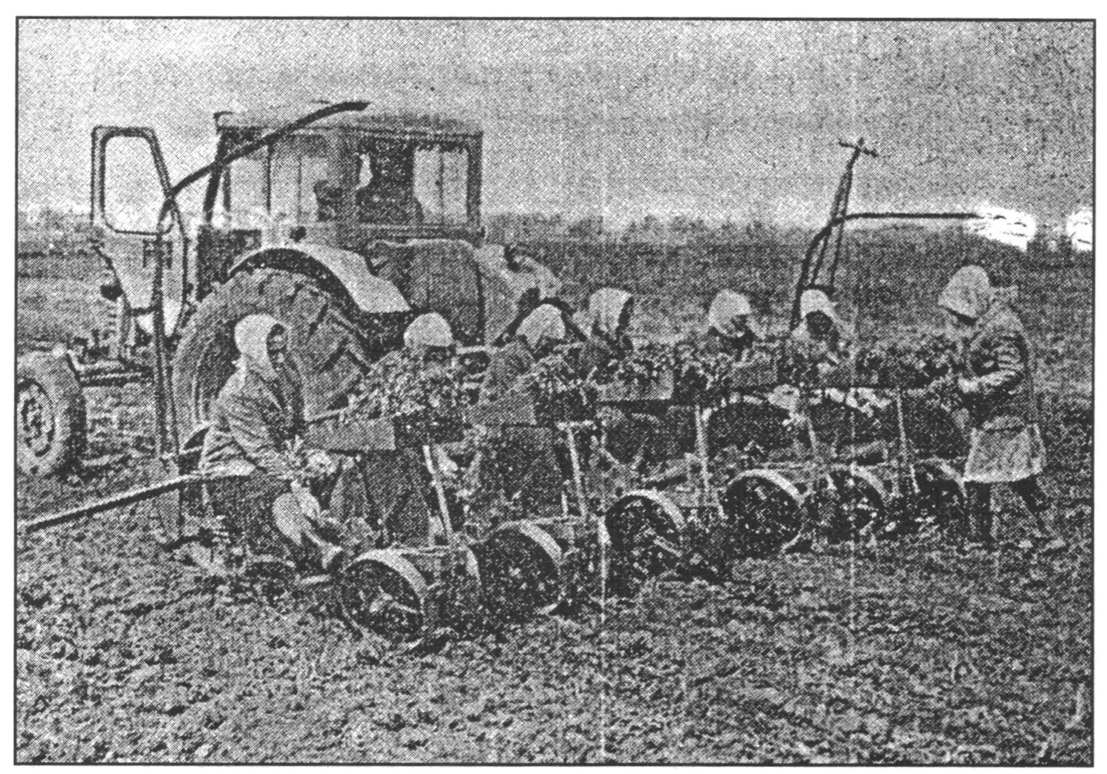
созданы пять специальных птицеводческих совхозов, пять птицеубойных цехов с импортным оборудованием. Они должны были производить не менее 30 тыс. тонн утиного мяса, т.е. столько же, сколько за год область производила говядины и баранины. Однако это производство оказалось в местных условиях убыточным и построенные совхозы пришлось приспособить под животноводческое и растениеводческое хозяйства.[10]

В соответствии с решениями мартовского Пленума ЦК КПСС в 1965 г. были приняты меры по увеличению поставок сельхозтехники в деревню, введены новые закупочные цены на продукцию колхозов, списаны задолженности прошлых лет с хозяйств. Были также введены надбавки в оплате за сверхплановую продукцию колхозов и совхозов. Прекратилась кампания по ликвидации подсобных хозяйств граждан. Теперь колхозы и совхозы были обязаны вернуть отрезки земли в установленных размерах. Эти меры были направлены на дальнейшее увеличение сельскохозяйственного производства, в т.ч. в ЛПХ, за счет интенсификации сельского хозяйства, роста заинтересованности производителей в результатах труда, создании условий стабильного развития аграрного сектора.

Растениеводство в Астраханской области в 1960-е гг. развивалось возрастающими темпами. Только за 1966-1967 гг. было введено в эксплуатацию 16,5 тыс. га орошаемых земель. Полевые площади риса за это время выросли почти в три раза. Однако урожайность всех культур сильно колебалась год от года и оставалась сравнительно невысокой. Так, урожайность риса была вдвое ниже, чем в соседних областях. Рост поголовья скота в хозяйствах постепенно замедлялся, а животноводство - одна из основных отраслей колхозов и совхозов - оставалась убыточной и после 1965 г. При растущих затратах хозяйства получали доходы, составлявшие рентабельность на уровне 30%, а половина из них имела еще меньшую рентабельность.[11] Этого было недостаточно для стабильного расширенного воспроизводства. Тем не менее в сель-

ское хозяйство вкладывались значительные средства. К 1975 г. его основные фонды выросли в три раза. Площадь орошаемых участков составила уже 180 тыс. га. Однако валовая продукция выросла лишь на 70%. Последующие пять лет основные фонды увеличились в 1,5 раза, а валовая продукция только на 20%. Все это время животноводство оставалось убыточным. Поголовье скота и его продуктивность практически не росли. Основная часть стада состояла из беспородных и помесных животных. Из-за нерешенности проблемы с кормами падеж скота оставался высоким, а сдаваемое на мясо поголовье имело низкую упитанность. Так, в 1980 г. средний сдаточный вес одной головы крупного рогатого скота составлял лишь 330 кг, т.е. на 100 кг ниже нормы, средний вес овцы составил 27 кг.[12]

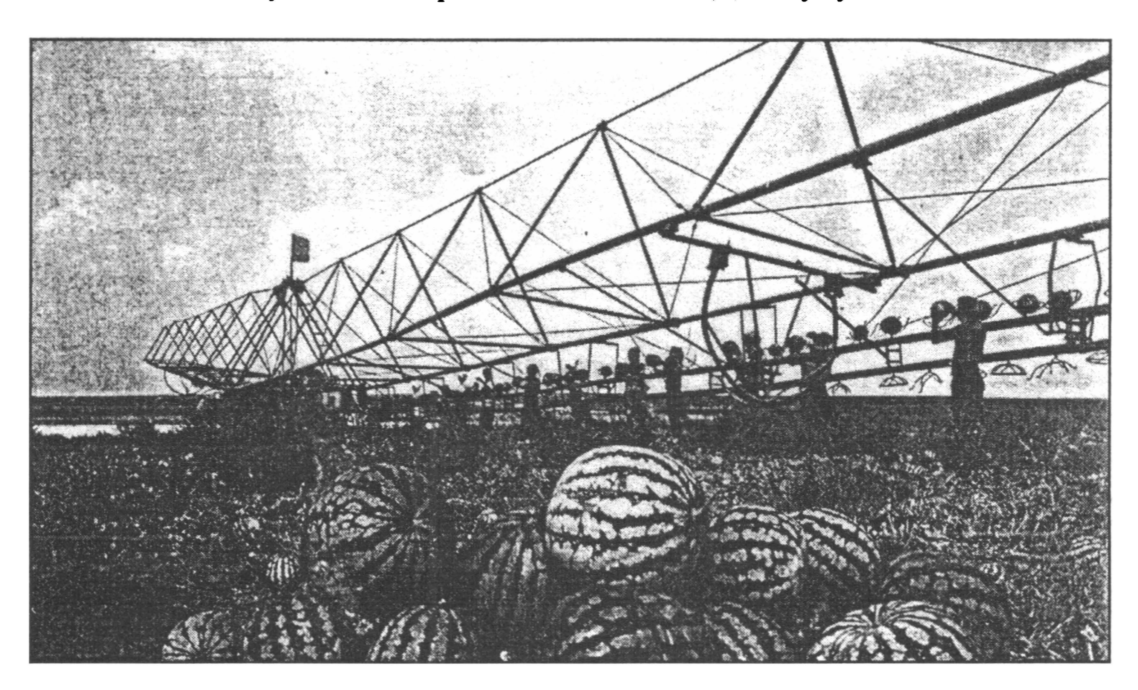
Основные проблемы сельского хозяйства в масштабах страны не получали своего решения. Аграрный сектор продолжал оставаться наиболее слабым звеном социалистического хозяйства, был неспособен



Рассадо-посадочная машина облегчает труд колхозников по высадке неокрепших растений в подготовленную почву

удовлетворять возрастающие потребности в качественных продуктах. 24 мая 1982 г. состоялся Пленум ЦК КПСС, провозгласивший Продовольственную программу. Предусматривалось в сжатые сроки обеспечить снабжение населения всеми необходимыми видами продовольствия и провести социальное переустройство села. Агропромышленный комплекс СССР был выделен как самостоятельный объект планирования и управления. В Астраханской области был создан агропромышленный комитет, получивший значительные полномочия, а также районные агропромышленные комитеты.

К этому времени сельское хозяйство области располагало значительными материальными и людскими ресурсами. Участки орошаемого земледелия составляли площадь в 222 тыс. га, на которых выращивалось около 900 тыс. тонн овощей и бахчевых культур, более 100 тыс. тонн зерновых. Дальнейшее же расширение поливных площадей было уже невозможно из-за зарегулированности стока в бассейне реки Волги каскадом гидростанций. Чтобы достичь большего результата, следовало привести в порядок мелиорированные участки, совершенствовать защиту почв от эрозии, засоления. Дело улучшения земель с



1965 г. находилось в исключительном ведении государства. Однако мелиораторы, не связанные с дальнейшей эксплуатацией инженерных участков, сдавали их в пользование колхозам и совхозам недоустроенными. Последние, в свою очередь, нарушали агротехнические требования, что приводило в итоге в негодность значительную часть орошаемых участков, которые надолго выбывали из оборота. В 1985 г. таких насчитывалось 76 тыс. га.[13]

Важным звеном в решении проблемы эффективности земледелия был вопрос использования техники. В 1983 г. в Астраханской области была впервые практически применена индустриальная технология возделывания пропашных культур. Она предполагала, во-первых, отбор подходящих для использования техники сортов культур, во-вторых, комплексную механизацию операций от посева до уборки и погрузки.

Однако этот метод не был широко внедрен, поскольку промышленные предприятия не производили достаточного количества нужного оборудования и техники.

В рамках выполнения Продовольственной программы в области были спланированы на пять лет мероприятия по оказанию промышленными предприятиями шефской помощи колхозам: подготовка кадров, изготовление техники и оборудования для механизации сельхозработ на сумму в 7,5 млн. руб.[14] Зачастую, правда, помощь эта выливалась в посылку рабочих и служащих на сельскохозяйственные работы. Ежегодно туда направлялись свыше 80 тыс. человек, в т.ч. студенты и учащиеся.

Одним из парадоксов хозяйственной политики и практики было то, что, добиваясь роста производства ценой значительных затрат, аграрный сектор ежегодно терял до 25-30% овощей и бахчевых при перевозке, переработке, хранении. Сказывался, конечно, и 6-кратный недостаток дорог с твердым покрытием, неразвитость сети государственных перерабатывающих предприятий. Главная же причина виделась в

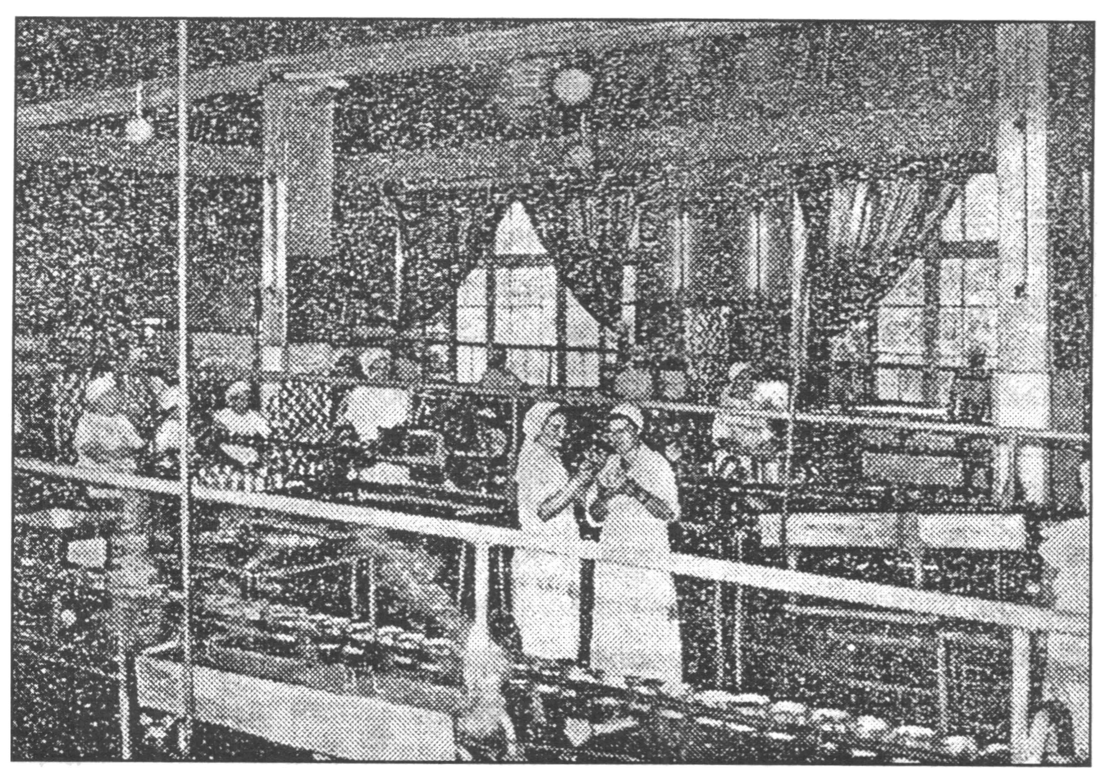
том, что хозяйства обязаны были всю продукцию реализовать исключительно государству по твердым ценам. Предприятия переработки не могли принять ее целиком в срок. Поэтому в 1982 г. Астраханский обком обратился в ЦК КПСС с просьбой разрешить колхозам продавать на местных рынках третью часть продукции, минуя заготовительные и перерабатывающие предприятия.

В поисках решения продовольственной проблемы были опробованы и такие формы, как подсобные хозяйства предприятий. Промышленные и транспортные организации, предприятия, беря в пользование землю, производственные сельскохозяйственные постройки, нанимая работников или направляя своих рабочих и служащих, организовывали и вели производство продуктов питания для нужд своих трудовых коллективов. В середине 1980-х годов эта форма сельскохозяйственного производства воспринималась руководящими органами настолько серьезно, что тех хозяйственников, которые не пошли на ее создание, обком КПСС решительно к этому подталкивал.[15] Едва ли не каждое предприятие теперь было обязано иметь свое сельское хозяйство.

С 1964 г. произошли изменения и в отношении личного подсобного хозяйства граждан. Так, средний размер приусадебных участков в области вырос с 0,09 га в 1959 г. до 0,11 га в 1966 г. Поголовье скота в ЛПХ выросло с 82,6 тыс. голов в 1964 г. до 102,2 тыс. в 1968 г. Были признаны утратившими силу Указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 мая 1969 г., ограничивающие подсобные хозяйства. Однако в дальнейшем количество скота в ЛПХ заметно сократилось из-за нехватки кормов. Средний размер участка также уменьшался. И хотя личное хозяйство было важным источником продовольственных продуктов, партийные органы требовали соблюдения норм для граждан на содержание скота и пользование землей. Такая линия в отношении ЛПХ сохранилась и после принятия продовольственной программы.[16]

§2. Промышленное производство: новые и традиционные отрасли, транспорт

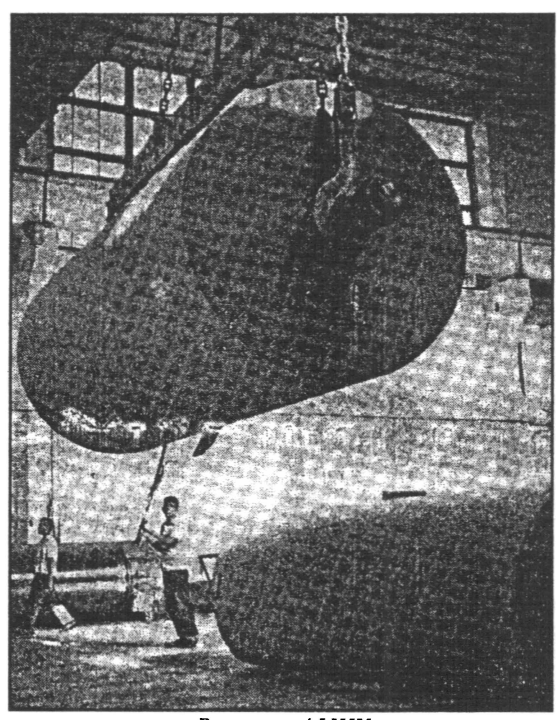
Период с начала 1950-х гг. до середины 1980-х был тем этапом в экономике края, когда промышленность, уже оформившаяся в предыдущий период в отрасль государственной экономики, получила наибольшее развитие за все время своего существования. Уже одно только перечисление реконструированных и построенных предприятий дает представление о масштабности перемен. В 1950-е годы была проведена реконструкция судостроительных и судоремонтных предприятий - завод им. III Интернационала, «Красные баррикады», им. X годовщины Октябрьской революции, судоверфь им. Кирова. В 1954 г. вступил в строй один из первых в стране Астраханский тепловозоремонтный завод. Развернулась работа по строительству и реконструкции предприятий пищевой и легкой промышленности. Вдвое увеличились емкости холодильников Астраханского рыбоконсервно-холодильно-



Консервный цех рыбоконсервно-холодильного комбината

го комбината, завершилось строительство новой табачной фабрики и мельничного комбината, введена в строй первая очередь завода стандартного домостроения, мебельная фабрика. Были построены десятки новых цехов действующих предприятий пищевой отрасли, удерживавшей лидерство по объему производства среди других отраслей промышленности области.

Во второй половине 1950-х гг. было начато строительство целого ряда крупных предприятий – целлюлозо-картонного комбината, завода текстильного волокна, консервного завода в г. Астрахани. Началась реконструкция заводов им. Ленина, им. XXX годовщины Октябрьской революции, тепловозоремонтного завода, предприятий легкой и пищевой промышленности.



В цехах АЦКК

С 1960 г. в области была начата промышленная добыча газа. Его разведка была проведена еще в 1930-е годы, затем продолжена после войны по настоянию областного комитета партии. Газ Олейниковского и Промысловского нефте- и газопромыслов стал поступать в качестве топлива на предприятия города Астрахани, составив 60% топливного баланса. В 60-е годы значительно расширилась производственная база пищевой промышленности, были введены в строй действующих станкостроительный завод, швейная фабрика, ряд новых цехов машиностроительных предприятий, первая очередь целлюлозо-картонного комбината. Значительно возросли мощности строительных организаций.

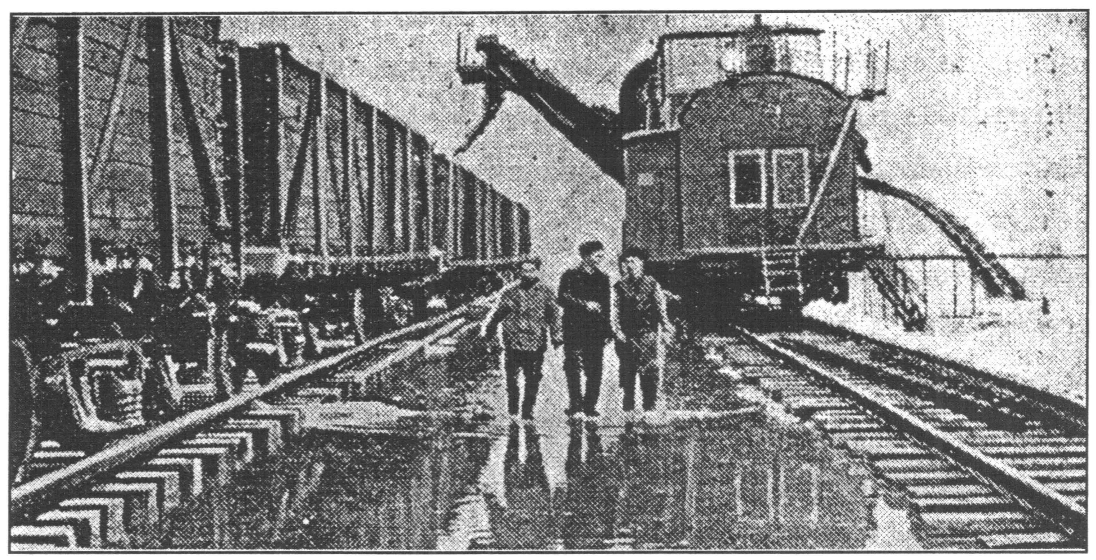
В следующем десятилетии основные фонды промышленности про-

должали расти. В области был налажен выпуск плавучих, а затем полуплавучих буровых установок типа «Шельф» для добычи нефти на Каспии. Было открыто и разведано крупное газоконденсатное месторождение. С 1972 г. началось разведочное бурение скважины в Аксарайском месторождении нефти и газа. Однако химический состав ископаемых требовал дополнительных крупных затрат по очистке газа от серы. В эти годы были введены в строй новые мощности завода кузнечно-прессового оборудования, завода холодильного оборудования, рисовый завод, ряд предприятий пищевой и легкой промышленности, вододелитель, прядильно-трикотажный комбинат, завод резиновой обуви, десятки новых цехов и участков. С начала 1980-х гг. развернулись масштабные работы по промышленному освоению Астраханского газоконденсатного месторождения. Для этого были созданы новые производственные базы строительных и монтажных работ. В соответствии с государственной программой были размещены промышленные заказы на изготовление и поставку материалов и оборудования для добычи и переработки газоконденсата. По существу создавался крупный промышленный узел не только по меркам области, но и государства. Только за первую половину 80-х годов были выполнены работы на сотни миллионов рублей по сооружению подъездных путей, объектов энергоснабжения, инженерных сетей, основной производственной базы первой очереди газоперерабатывающего комплекса, жилья, объектов культурно-бытового обслуживания работников газпрома.

Продолжалось наращивание объемов производства на других промышленных предприятиях области. Наряду с расширением производственной базы несомненный прогресс наблюдался в техническом оснащении предприятий, росла энерговооруженность работников, усложнялась технология производства во всех отраслях.

В судостроении и судоремонте в 1950-е годы начали применяться новые, скоростные методы ремонта, секционный способ строительства

корпусов, поточный метод судостроения. На кирпичном заводе №1 был впервые в стране применен метод обжига кирпича-сырца повышенной влажности, что позволило резко увеличить его производство. На солепромысле «Бассоль» был освоен новый способ очищения и бри-



Так добывают соль на озере Баскунчак теперь

кетирования соли. Строительство переводилось на индустриальные технологии. Однако ручной труд промышленности преобладал, им были заняты до 70% рвбочих, все основные производственные работы выполнялись вручную.[1]

В конце 50-х- начале 60-х гг. на предприятиях машиностроения широко распространялась поточная технология. Установка десятков поточно-механизированных линий сопровождалась внедрением организационно-технических новшеств, позволяя значительно увеличить производство. Это новое оборудование и механизмы заменяли устаревшие, однако к началу 60-х гг. около половины станочного парка было морально устаревшим.[2] Несмотря на усиление внимания к механизации и стремление к полной автоматизации производства со стороны партийных и хозяйственных органов управления доля ручного труда оставалась значительной. В 1985 г., например, даже на комплексно-механизированных участках заводов и организаций ручным трудом было

занято до 28% рабочих.[3]

Значительные изменения произошли в оснащении транспорта. В начале 50-х гг. по-настоящему широко стал использоваться метод толкания судов, давший значительную экономию горючего и времени. В этот период начался переход речного флота на дизельные – более экономичные двигатели. На железных дорогах на смену паровозам пришли тепловозы. Значительно вырос автомобильный парк области. Только за 1951–1955 гг. объем грузоперевозок возрос почти в 7 раз, а пассажирский - в 10 раз.[4] Заметно увеличилась техническая оснащенность транспортных судов, благодаря чему были механизированы основные операции в эксплуатации речного флота.

В последующее время работа всех видов грузового транспорта была ритмичной, объемы морских, речных, авиационных, железнодорожных и автомобильных перевозок неуклонно росли.

В целом, как свидетельствуют архивные материалы и данные статистики, промышленное производство в Астраханской области развивалось быстрыми темпами, опережая другие отрасли народного хозяйства. Это было следствием государственной экономической политики, направленной на скорейшее завершение индустриализации в стране. Однако среди регионов была заметна неравномерность по темпам роста промышленности. Астраханская область в 50–80-е годы хронически отставала от большинства соседних областей по динамике развития промышленного производства.

Дело в том, что по сравнению с ними она располагала меньшими размерами энергетических ресурсов. На их разработку, освоение и эксплуатацию требовались значительные капиталовложения, которых явно недоставало.

Существенным тормозом в развитии экономики края, его промышленности был недостаток электроэнергии. Волгоградская энергосистема поначалу помогала решить эту проблему. В 70-е годы необходимо было искать дополнительные источники энергии. Серьезно обсуж-

далась возможность строительства в регионе атомной электростанции. Временный выход был найден в строительстве второй теплоэнергоцентрали в г. Астрахани.

Сдерживали развитие региональной экономики и другие, общие для всей экономики страны проблемы, не получавшие своевременного решения. В первую очередь - постоянное снижение эффективности производства. Уже при восстановлении промышленности после войны руководство области не раз отмечало рост себестоимости ее продукции из-за непродуктивных затрат средств и рабочего времени. В дальнейшем эта тенденция сохранялась и стала хроническим явлением. Так, например, анализируя результаты работы предприятий за 1960-1967 гг., областной комитет КПСС отметил, что при росте их основных фондов на 27% фондоотдача увеличилась на 18%. Тот же вывод делался неоднократно в 1970-80-е гг., однако исправить положение не удавалось.[5] Материалы статистики, которые по ряду причин вызывают недоверие к абсолютным цифрам, все же могут быть использованы для выявления тенденций в народном хозяйстве области. В данном случае они показывают, что хотя основные фонды предприятий и организаций промышленности выросли к 1980 г. по сравнению с 1940 г. в 42 раза, их валовая продукция увеличилась только в 9(!) раз.[6] Иначе говоря, чем больше затрачивалось средств на строительство и техническое оснащение этой отрасли, тем меньшим был эффект. Возможно, разрыв уровня затрат и производства был даже больше, поскольку отчетная документация предприятий относительно результатов работы искажалась их руководителями, завышавшими действительный объем произведенной продукции. О масштабах приписок говорит хотя бы такой факт: из 50 предприятий и организаций, где была в 1980 г. проведена проверка отчетности областным комитетом народного контроля, в 22-х были установлены ее искажения. О приписках свидетельствовали не только материалы проверок – контрольно-ревизионного управления, комитета народного контроля, но и письма, заявления ра-

бочих и служащих государственных предприятий.[7]

Причины низкой эффективности работы промышленности виделись руководителям области в те годы в консерватизме и пассивности директоров предприятий, которые «мало уделяют заботы», «недостаточно обращают внимания» выполнению планов капитального строительства, внедрению новой техники и оборудования, распространению передового опыта организации производства и новых технологий.

Действительно, одной из причин снижения фондоотдачи в целом по отрасли было невыполнение планов строительства и ввода в действие с плановой нагрузкой новых объектов. 25% новостроек вводились в строй со значительным опозданием.[8] Не выполнялись планы внедрения новой техники. По этой причине порой эффект от ее применения бывал в 2-3 раза ниже ожидаемого.[9] Ежегодно в области от 15 до 50% предприятий не выполняли план производства. Хронически с убытком работал целлюлозно-картонный комбинат, возможности которого никогда полностью не использовались из-за недостатка местного сырья. Очевидным был просчет в самом планировании такого комбината и его размещении в данном регионе.

К началу 1980 гг. к этим проблемам добавилась другая. Практически прекратился приток рабочих рук в промышленность области. Остро ощущалась нехватка квалифицированных рабочих. В 1982 г., например, 20% станков простаивали из-за нехватки рабочих-станочников. Текучесть кадров, обусловленная недовольством в оплате труда, условиях работы, нарушениями трудовой дисциплины составляла в отдельных трестах до 50%. Все более насущным был для промышленности переход на интенсивное развитие за счет высвобождения работников. Кроме переоснащения предприятий, внедрения новых технологий, требовалось совершенствование организации труда, повышение заинтересованности рабочего в его результатах. Отчасти решение было найдено в так называемом бригадном подряде, который увели-

чивал ответственность бригады за порученный участок, теснее увязывал результат производства с уровнем оплаты труда. В области было создано к 1985 г. более 8000 бригад, но на подряд была переведена только их четвертая часть. Ни руководители предприятий, ни инженеры, ни рядовые рабочие не имели мощных стимулов для повышения качества продукции, увеличения объемов ее производства. Яркий пример: завод им. III Интернационала в 11-й пятилетке увеличил прибыль от производства, но фонды экономического стимулирования не только не выросли, а, наоборот, сократились.

§3. Социально-культурное развитие региона

С первой половины 1950-х гг. заметно меняется содержание внутренней и экономической политики. Коренных отступлений от прежнего курса партии не произошло, однако перенесение акцента на решение социальных проблем, смягчение режима правления было очевидно. В первую очередь это проявилось в законодательстве. Так, в 1953 г. в соответствии с законом СССР «О сельскохозяйственном налоге» для сельскохозяйственного населения был введен поземельный налог, повлекший уменьшение тяжести налогообложения. Указ Президиума Верховного Совета от 10 сентября 1953 г. «Об отмене административного выселения...» гарантировал рабочим и служащим права на жилье при переходе на другую работу или на пенсию. Ужесточив меру наказания за умышленные убийства, государство одновременно ослабило наказание за мелкое хищение государственного имущества, совершенное впервые.

Последовательно в 1955-1956 гг. были введены ограничения на использование труда и на продолжительность рабочего времени подростков 14-17 лет. В 1956 г. были приняты меры по сокращению рабочего времени рабочих и служащих государственных предприятий, увеличены отпуска по беременности и родам. Важным шагом в том же направлении стал Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ап-

реля 1956 г. «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины». Указ значительно сокращал сферу применения норм уголовного права, давал гражданам возможность по своему желанию менять место работы, а значит, и выезжать на жительство в другие регионы. Минимальная заработная плата в том же году была повышена на треть и освобождена от налога.

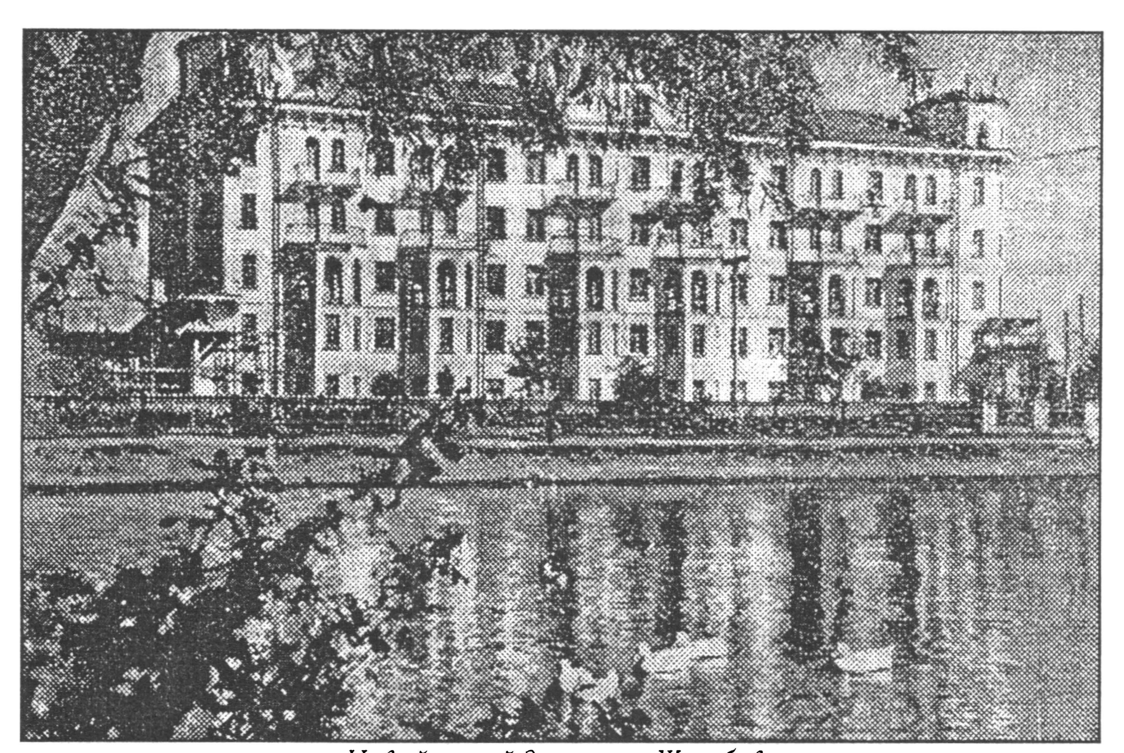
Большое внимание было уделено пенсионному обеспечению населения. Закон 14 июня 1956 г. «О государственных пенсиях» подтверждал и расширял право на государственные пенсии членам семей рабочих и служащих и повышал размер выплат. Однако эти меры социальной защиты не распространялись на членов семей колхозников.

Указом от 31 января 1957 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил Положение о порядке рассмотрения трудовых споров, что давало право рабочим и служащим госпредприятий проявлять в определенных рамках инициативу для решения спорных вопросов в отношениях с администрацией. Постановление 6 марта 1956 г. «Об Уставе сельскохозяйственной артели» также несколько расширяло права колхозных собраний в управлении артелью, регулировании хозяйственных и трудовых отношений внутри колхоза.

Увеличение выплат населению по заработной плате и пенсиям повысило емкость внутреннего рынка для легкой и пищевой промышленности. Так, в 1950-1955 гг. розничная торговля в Астраханской области выросла в два раза. Однако заметны были перебои в торговле товарами первой необходимости. Руководство области признавало тот факт, что сеть магазинов и столовых не обеспечивала нормальных потребностей населения.[1] Повышение внимания к социальным проблемам сказалось в росте госбюджетных расходов на реконструкцию городского хозяйства, благоустройство населенных пунктов, развитие общественного транспорта. Началось массовое строительство жилья, тепловых и водопроводных сетей, реконструировался трамвайный

транспорт, автобусный парк увеличился восьмикратно. Однако для радикального решения этих проблем средств было недостаточно. Во второй половине 1950-х гг. в г. Астрахани нормы снабжения населения водой выполнялись на 40-60%. Подавляющее большинство жилых зданий не имело канализации, только 30% улиц освещалось в ночное время. Самой же острой была жилищная проблема. Тысячи семей в эти годы имели неблагоприятные жилищные условия, продолжали проживать в полуподвалах, бараках. Дошкольными учреждениями были обеспечены лишь 37% детей младшего возраста.

В дальнейшем расходы государства на социально-культурные нужды продолжали расти. С 1950 по 1959 гг. темпы жилищного строительства выросли вдвое, розничный товарооборот – почти на треть. Заметно расширилась сеть культурно-просветительских учреждений. Публичная библиотека, дома культуры, театры, музеи играли важную роль в общении астраханцев, проведении досуга, приобщении к знаниям. В эти годы в основном была завершена радиофикация населенных



Новый жилой дом по ул. Желябова

пунктов, а с декабря 1956 г. начал свою работу любительский телевизионный центр. С 1957 г. началось строительство промышленного телецентра. Важным достижением советского общества была система образовательных учреждений. С 1 сентября 1956 г. повсеместно была отменена плата за обучение в старших классах средних школ, введенная в 1940 г. В соответствии с Законом «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии народного образования в стране» с 1958 г. было введено обязательное восьмилетнее образование. Вторым этапом образовательной подготовки становились школы рабочей и сельской молодежи, общеобразовательные, политехнические школы. За счет увеличения продолжительности обучения и сокращения отсева учащихся, их общее число в области заметно выросло: если в 1960/61 учебном году старшеклассников насчитывалось 1740 человек, то в 1961/62 учебном году уже 3400.[2]

Школьная реформа встретила на своем пути значительные трудности. В предшествующий период школьная политика была направлена на сокращение обучающихся и самих средних школ в области: намечалось из 87 школ оставить к 1965 г. лишь 47. Теперь же приходилось вести строительство новых зданий, а имеющиеся использовать в две смены. Вместе с тем предстояло повысить качество образования, а значит, и уровень подготовки самих педагогов: из 250 директоров школ только 184 имели соответствующую подготовку, а среди учителей 3400 человек не имели высшего педагогического образования. Многие педагоги не имели даже средней специальной подготовки.

Реформа образования нацеливала школу на сочетание общеобразовательной подготовки с производственным обучением. Для этого на базе предприятий промышленности и сельского хозяйства создавались ученические бригады, где учащиеся должны были овладевать основами рабочих специальностей. Правда, на практике подростков привлекали к труду от случая к случаю, как подсобную рабочую силу. Сами школы только приступили к созданию учебных мастерских с необхо-

димым оборудованием.[3]

В ходе реформы проводилась работа по переводу национальных (татарских и казахских) школ и классов на обучение на русском языке. Официально это объяснялось учетом пожеланий родителей учащихся.[4]

В проводившейся молодежной политике большое место отводилось профилактике преступности подростков, которая проявила тенденцию к росту к середине к 1960-х гг. Для проведения досуга и отдыха в летнее время в области были созданы 23 пионерских лагеря, организован отдых более 100 тыс. детей.

Благодаря усилиям медицинских работников в области была заметно снижена смертность населения, особенно младенческая. В медицинских учреждениях в начале 1960-х гг. трудились 2254 врача, 6685 средних медицинских работников. Уже в 1960 г. на 408 человек населения приходился один врач. Однако из всего количества врачей в сельской местности работала лишь четвертая часть. В дальнейшем из-за неудовлетворенности условиями труда и быта значительное число врачей мигрировало в город, поэтому их численность в сельской местности практически не росла.[5]

С середины 1950-х гг. стали возможны международные контакты советских граждан. С 1954 г. в Астраханском техническом институте стали обучаться иностранные студенты. Было положено начало массовому международному туризму. Правда, для разрешения выезда за рубеж (будь то служебная командировка, выезд по вызову родственников или туристическая поездка) граждане проходили проверку, организуемую управлением Комитета государственной безопасности. В ходе проверки выяснялось наличие компрометирующих сведений о кандидате на выезд: судимость граждан или их близких родственников за уголовные преступления, негативные отзывы по месту работы или жительства и т.д.[6]

Благодаря развитию строительной индустрии в области значитель-

но выросли объемы жилищного строительства. Если в 1950 г. на одного жителя области приходилось всего 2-3 $м^2$ полезной площади жилья, то в начале 1970- уже 9-10 $м^2$. Ежегодно строители сдавали в эксплуатацию около 300 тыс. кв. м. жилой площади, в том числе в сельской местности - более 40 тыс. $м^2$.[7] Выросла этажность жилых домов, совершенствовалась планировка квартир, проводилась реконструкция старого жилого фонда, где бывшие «коммуналки» перепланировались под отдельные квартиры. Жилищная программа преследовала цель в кратчайшие сроки предоставить наиболее нуждающимся семьям отдельные квартиры минимальной комфортности и площади, но отвечающие основным гигиеническим нормам. Типовые застройки 1950-1970 гг. отличались дешевизной и рассчитывались на неприхотливого потребителя. Такой же путь в конце 1950 годов был предложен и для решения жилищной проблемы в сельской местности. В соответствии с политической доктриной, ставившей целью социальную однородность общества, и ориентирами на гигантские, промышленные формы и концентрацию производства в аграрном секторе предполагалось создание агрогородов. Предполагалось, что с проведением индустриализации сельского хозяйства и роста в нем производства, должен измениться и социальный облик деревни. Крестьянство, расставшись с рутинной техникой и собственным хозяйством, уподобится городскому рабочему. Села превратятся в города со всеми присущими им признаками.

В декабре 1959 г. на Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущев предложил приступить к перепланировке сельских поселений с целью группировки жилищ на небольших площадях, к началу строительства для сельских жителей уже в ближайшие годы двухэтажных домов с постепенным увеличением этажности зданий, т.е. копированию принципов застройки городских поселений.[8] Еще одна причина перехода от усадебных построек к многоквартирным названа была на январском (1961 г.) Пленуме Первым секретарем ЦК КПСС: чрезмерная дороговизна усадеб.[9] Те же идеи были развиты им на XXII съезде КПСС. По замыслу

руководства страны этот путь сулил немалый экономический эффект: сбережение средств на строительстве и эксплуатации объектов для деревни (коммуникации, жилье, социально-культурные объекты). Предполагалось, что эти меры приведут к ликвидации социально-культурного отставания в развитии села. В 1960 г. было принято Постановление Астраханского обкома КПСС и исполкома областного Совета депутатов трудящихся «О мерах по улучшению сельского строительства». В соответствии с этим постановлением районные исполкомы Советов приступили к планированию переселения жителей в сельской местности. Им следовало выделить перспективные населенные пункты: районные центры, центральные поселки колхозов и совхозов, поселки производственных подразделений. В них в дальнейшем следовало приступить к застройке по городскому принципу, а также размещать там культурно-бытовые объекты, учреждения здравоохранения, торговли и т.д. Все остальные деревни подлежали постепенной ликвидации с переселением жителей в развивающиеся села. В так называемых «неперспективных» населенных пунктах прекращалось всякое жилищное и культурно-бытовое строительство. Всего за 10 лет с административной карты области исчезло примерно 70% сел, их число сократилось с 2286 до 681. Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. Конечно, некоторые из них были включены в городскую черту, слились с соседними селами. Но абсолютное большинство прекратило существование. С выходом Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об упорядочении строительства на селе» в 1968 г. стали разрабатываться новые схемы районных планировок, предусматривавшие дальнейшее сокращение числа населенных пунктов. Отчасти такой подход помогал решать бытовые и культурные проблемы села. Развитие социальной инфраструктуры шло здесь быстрее, чем в городе. Но разрыв оставался значительным: например, в среднем на одного горожанина в 1964 г. служба быта оказала услуг на 11 руб. 80 коп., а на одного сельского жителя – на 2 руб. 67 коп.; в 1968 г., соответственно – 17,02 руб. и 5,3

руб. При этом абсолютное большинство селян в эти годы вообще не пользовались услугами службы быта. Газификация жилья в г. Астрахани шла быстрыми темпами. В 1967 г. около 40000 квартир горожан были газифицированы. В сельской местности - в 20 раз меньше. Большинство клубных учреждений сельской местности сводили свою работу к показу кинофильмов, около 50% клубов не были обеспечены кадрами работников культуры. Село резко отставало по качеству образовательных, медицинских услуг. Перестройка сельского расселения привела к увеличению людности населенных пунктов в 1959 и 1969 гг. со 136 до 502 человек на один поселок. Но одновременно реже стала сеть населенных пунктов. Это увеличило значение транспортной связи, а она оставалась в неудовлетворительном состоянии. В сельских населенных пунктах, особенно мелких, удаленных от районного центра, ощущался недостаток торговых точек, скудным был ассортимент товаров. Хлебобулочные изделия в большинстве мелких сел не выпекались, а завозимые были низкого качества.

Заметным было различие состояния сельских и городских образовательных учреждений. Так, к началу 1970 г. благодаря усилиям строителей большая часть учащихся города обучалась в школах, построенных по типовым, современным проектам. В сельской местности в это время более 60% школ размещалось в приспособленных зданиях, не имевших необходимого набора учебных и подсобных помещений. Площадь учебных комнат не соответствовала санитарным нормам, наполняемость же классов сельских школ превышала норму на 30-40%. Из-за бытовой неустроенности высокой была текучесть педагогических кадров из сельской местности.

С 1972 г. в Астраханской области была начата работа по переходу ко всеобщему среднему образованию. Школы должны были предоставить возможность обучаться в 9-10-х классах максимальному числу выпускников 8-х классов. Часть из них могли продолжить образование в профессионально-технических училищах и техникумах, осваи-

вая наряду с общеобразовательными знаниями за полный курс средней школы основы рабочих и инженерных специальностей. С 1970 по 1985 г. число обучавшихся в средних школах выросло со 133,4 тыс. до 140 тыс. человек и продолжало расти. В 1991/92 учебном году в школах получали образование 150 тыс. юных астраханцев. Если в 1957 г. в области было 3 вуза и 17 техникумов, то в 1985 году - 4 высших и 21 среднее техническое учебное заведение. Число студентов возросло, соответственно, с 9,9 тыс. до 37,4 тыс. человек.

Численность населения области выросла с 666 тыс. человек в 1956 г. до 968 тыс. в 1985 г. Следствием экономического и социального развития стало увеличение доли городского населения. К началу 90-х годов в области насчитывалось 5 городов. Если в 1956 г. горожане составляли 52% всех жителей области, то с середины 1970-х г. их доля стабилизировалась на уровне 68%. В целом по области в этот период проявилась устойчивая тенденция к замедлению и прекращению роста численности населения. В 1950-1960-е гг. высокие темпы роста числа жителей обеспечивались за счет притока мигрантов из других областей и союзных республик и естественного прироста. Позднее, в 70-80-е гг., приток мигрантов из других регионов уменьшился, усилилась эмиграция за пределы области. На интенсивность и направленность миграции влияли несколько факторов: возможность трудоустройства, жилищная проблема, более высокий уровень доходов в разных регионах и т.д. В 50-е гг. Астраханская область была привлекательным районом для мигрантов из Средней Азии, Сибири, Северного Кавказа, Калмыкии. В дальнейшем из-за относительного замедления экономического развития, особенно промышленного, область утрачивает свое значение для мигрантов среди других регионов. Так, в 1970-е гг. реальные доходы населения области по некоторым оценкам были на 8–10% ниже, чем в соседних областях Поволжья. При этом проявилась тенденция к росту разрыва в уровне доходов. Соответственно отличался и уровень потребления. Потребление рыбы в области в год на душу

населения в целом соответствовало норме (29-32 кг). Потребление же мясных продуктов составляло на одного человека 43 кг в год против 60 кг в среднем по Российской Федерации и против 86 кг по норме. На 40% ниже нормы было и потребление молочных продуктов, овощей, яиц. В то же время значительно превышало норму потребление астраханцами хлебопродуктов. Интересно, что при этом вывоз из области мяса, овощей продолжался в возрастающих объемах.

Жилищная проблема, как уже говорилось, получала свое решение. Однако обеспеченность жильем астраханцев заметно отставала от средних показателей по Российской Федерации. Так, в 1980-е гг. на одного жителя г. Астрахани приходилось в среднем 9,5-10 $м^2$ жилой площади. В целом по РСФСР этот показатель составлял 12 $м^2$. По уровню бытового обслуживания область отставала в 1985 г. от среднереспубликанских показателей по 16-и основным видам услуг.[10] То же касалось развития торговли, общественного транспорта, сферы образования, даже книжного фонда общественных библиотек. Вышеперечисленные различия уровня жизни проявлялись не только в сравнении с регионами, но и внутри области, в сравнении городской и сельской местностей. Так, в целом по Астраханской области к началу 1980-х гг. заметных успехов достигла система здравоохранения: неуклонно росло число медицинских работников, расширялась сеть медицинских учреждений. Укомплектованность участковыми терапевтами и педиатрами была близка к 100%. По ряду опасных заболеваний было достигнуто полное диспансерное наблюдение больных. Однако все эти успехи касались, главным образом города, районных центров. В сельской же местности, особенно в отдаленных районах число медработников не росло, сеть медицинских учреждений не расширялась, а наоборот, сократилась в ходе выполнения программы реконструкции поселенческой структуры.

В бытовом обслуживании город двукратно превосходил село по набору и объему предоставляемых услуг. Заметно хуже были условия

и качество образования сельской молодежи. Условия жизни в сельской местности по оценкам самих жителей были гораздо хуже, чем в городе. По этой же причине в миграционном обмене с городом село имело отрицательное сальдо.

Длительное время советской власти удавалось сдерживать чрезмерный отток селян в города. Еще в 1932 г. была введена единая паспортная система, позволившая приступить к волевому управлению миграцией. Для крестьян возможность переездов была резко ограничена тем, что они паспортов на руки не получали. Колхозник мог получить паспорт лишь с согласия правления колхоза и сельсовета, работники которых неоднократно строго предупреждались о нежелательности таких решений. В 1935 г. появился очередной примерный устав сельхозартели, который даже не предусматривал возможность добровольного выхода крестьянина из колхоза.[11] Наконец, в апреле 1938 г. было принято Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О запрещении исключения колхозников из колхозов», делавшее невозможным законно покинуть колхоз. Оно объявляло уголовными преступниками тех работников партийного и советского аппарата, кто исключал колхозников за нарушение «правил внутреннего распорядка» или для воссоединения с родственниками, работающими в государственных предприятиях и организациях.[12] Так сложилась система государственного распоряжения трудовыми ресурсами, государственного регулирования миграции.

Без изменений эта система просуществовала до конца 1960-х гг. В ходе обсуждения нового примерного устава колхоза в 1969 г. колхозники ставили вопрос о выдаче им паспортов. Под воздействием общественного мнения в новом Уставе появились пункты о добровольном вхождении и выходе крестьян из колхоза. Вплоть до середины 70-х годов в Астраханской области из всех сельских районов лишь в одном (Владимировском, позже Ахтубинском) все взрослые жители имели паспорта.[13] В остальных же полная паспортизация населения началась

с 1975 г. - в период реформы паспортной системы, и завершилась в основном, в 1981 г.[14] Правда, сдерживающие миграцию механизмы полностью не были ликвидированы, поскольку осталась сама паспортная система с ее режимом прописки.

И все же миграция сельского населения Астраханской области все эти годы не прекращалась полностью, а в 1970-е гг. резко возросла. Так, за 1956-1965 гг. количество переселенцев из села в город превышало количество переселенцев из города в село на 33,5 тыс. человек, а в 1966-1975 гг. - на 83,3 тыс.[15] Отток трудоспособного сельского населения значительно опережал сокращение потребностей в рабочей силе сельского хозяйства области.

Наибольшую активность при перемещении из села в город проявляла сельская молодежь. По данным переписей населения ее выбытие за 1959-1970 гг. составило от 1/5 до 1/3 в возрасте от 16 до 29 лет. В Астраханской области в 1970 г. среди горожан молодежь 20-29 лет составляла 14%, а у колхозников 6,4%.[16] Миграция нарушала нормальное соотношение мужского и женского население деревни, особенно молодых возрастов, поскольку девушки активно стремились в город. Действительно, женщины деревни в основном были заняты неквалифицированным физическим трудом. Найти работу другой профессии на селе им было нелегко из-за слабо развитой производственной базы и социальной инфраструктуры. Нарушение баланса полов вело к значительному снижению брачности, рождаемости в деревне. В рассматриваемый период продолжался переход к малодетной семье. Особенно заметно это было среди русскоязычного населения и населения городов вообще. Общими для города и села Астраханской области были тенденции к снижению рождаемости, росту смертности (из-за увеличения доли старших возрастов среди жителей области) и, как следствие, к сокращению естественного прироста. В 1960 г., например, показатель естественного прироста составил 10,7 промилле в городе и 23,9 в селе, а в 1970 г., соответственно, 3,9 и 8,6 промилле.[17]

§4. Строительство Астрахани в XX столетии

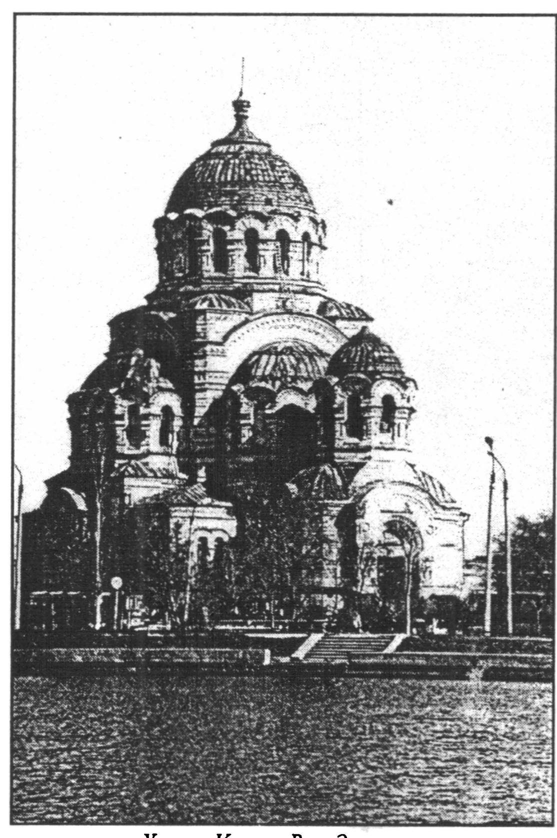
В начале XX столетия Астрахань продолжала интенсивно застраиваться. Новые монументальные строения появляются на территории набережных и торгово-промышленных районов, сооружаются здания городских учреждений, Мариинской женской гимназии, городской электростанции, Александро-Мариинской больницы и т.д.

15 июля 1902 г. состоялось торжественное освящение храма Святого князя Владимира, сооруженного в честь 900-летия крещения Руси. Организация строительства храма началась еще в конце XIX столетия: 8 июня 1888 г. Городская дума под предводительством городского головы В.М. Лазаревского обсуждала вопрос о сооружении нового храма в шестом участке города, на Адмиралтейском затоне, и постановила в ознаменование дня 900-летия крещения Руси отчислить от городских средств 10 тысяч рублей для образования фонда на сооружение храма, открыть подписку для пожертвований и просить гласных думы Н.И. Артемьева, И.Ф. Федорова, А.Г. Соколова, П.Н. Павильонова и других образовать особую комиссию и совместно с Городской управой определить удобное место для постройки. На объявленный Городской думой конкурс были представлены девять проектов астраханских и столичных архитекторов: за основу был принят проект гражданских инженеров из Петербурга В.И. Косякова и Н.Э. Икавитц. Храм Святого князя Владимира в Астрахани - это вариант воспроизведения с археологической тщательностью всех особенностей византийского стиля: полосатая кладка стен, одноглавая композиция основного объема храма, шлемовидная форма купола, некоторая тяжеловесность и монументальность архитектурных форм.

В 1907 г. было завершено строительство церкви Казанской Божьей Матери за Кутумом по проекту архитектора П.И. Коржинского. Построенная в середине XVIII в. Казанская церковь к началу XX столетия совсем обветшала и казалась тесной и неудобной. Настоятель цер-

кви Илларион Туберезов предпринял большие усилия по сбору средств на постройку новой каменной церкви. В своей речи при освящении церкви он высказал самую искреннюю благодарность строителю и архитектору церкви Павлу Ивановичу Коржинскому «...за нелегкие длительные и безмерные труды как по составлению плана храма, так и по наблюдению за работами, которые дали нам такой прекрасный храм...».[1]

В 1910 г. закончилось строительство колокольни кафедрального Успенского собора на территории Астраханского кремля. Построенная в 1809-1813 гг. колокольня Успенского собора на средства И.А. Варвация и по проекту архитектора Луиджи Руска, в конце XIX столетия была разобрана из-за трещин на несущих конструкциях колокольни и просадки грунта под основанием колокольни. Городская дума назначила комиссию по обследованию технического состояния колокольни. Комиссия вынесла заключение о необратимом процессе разрушения конструкций и отклонения от вертикальной оси колокольни на юг. В последних годах XIX в. колокольня была разобрана, а восстановлена в 1910 г. по проекту архитектора С.И. Карягина на средства города и астраханских благотворителей.



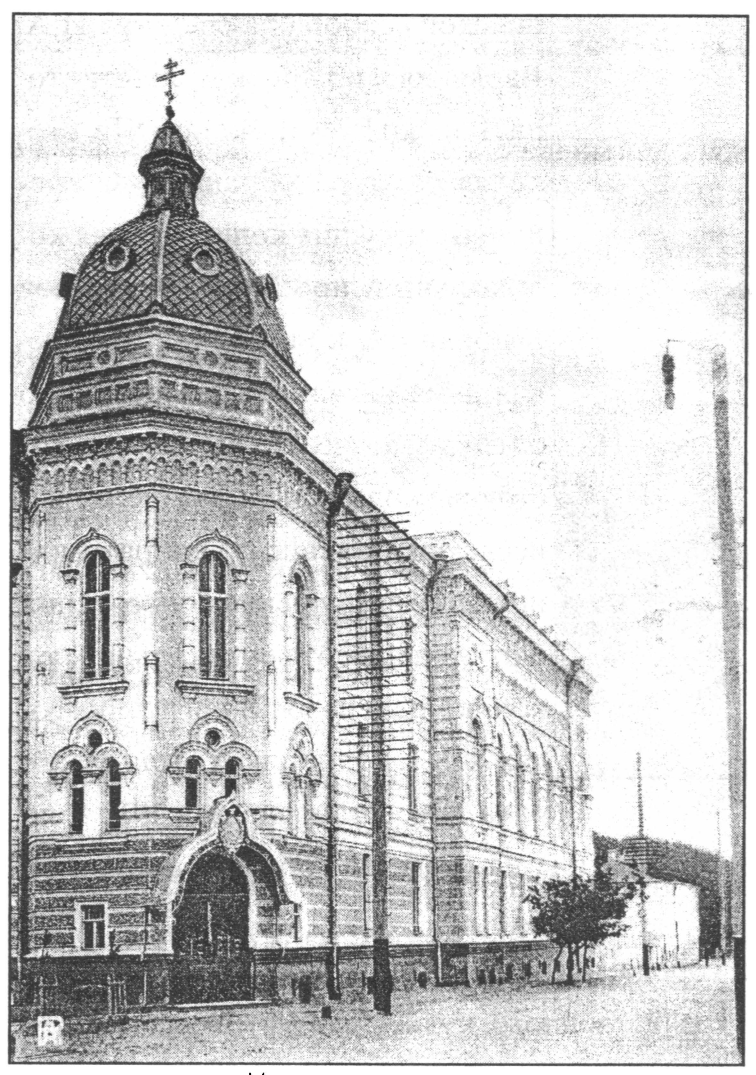
Храм Князя Владимира

Расширение границ города, вовлечение в городскую инфраструктуру новых сооружений хозяйственного, культурно-бытового, культового назначения поставили вопрос о необходимости и целесообразно-

сти трамвайного сообщения в городе. В 1890-х гг. Городская дума объявила конкурс на строительство трамвайной линии, в котором приняли участие ряд иностранных фирм. Победителем был признан проект представителя бельгийской фирмы Ф.А. Маесса. Он лег в основу сооружения первой трамвайной линии в г. Астрахани, открытие которой состоялось 11(24) июня 1900 г.

К 1910 г. закончилось строительство зданий Губернского правления, Губернского казначейства, Мариинской женской гимназии в центре Белого города.

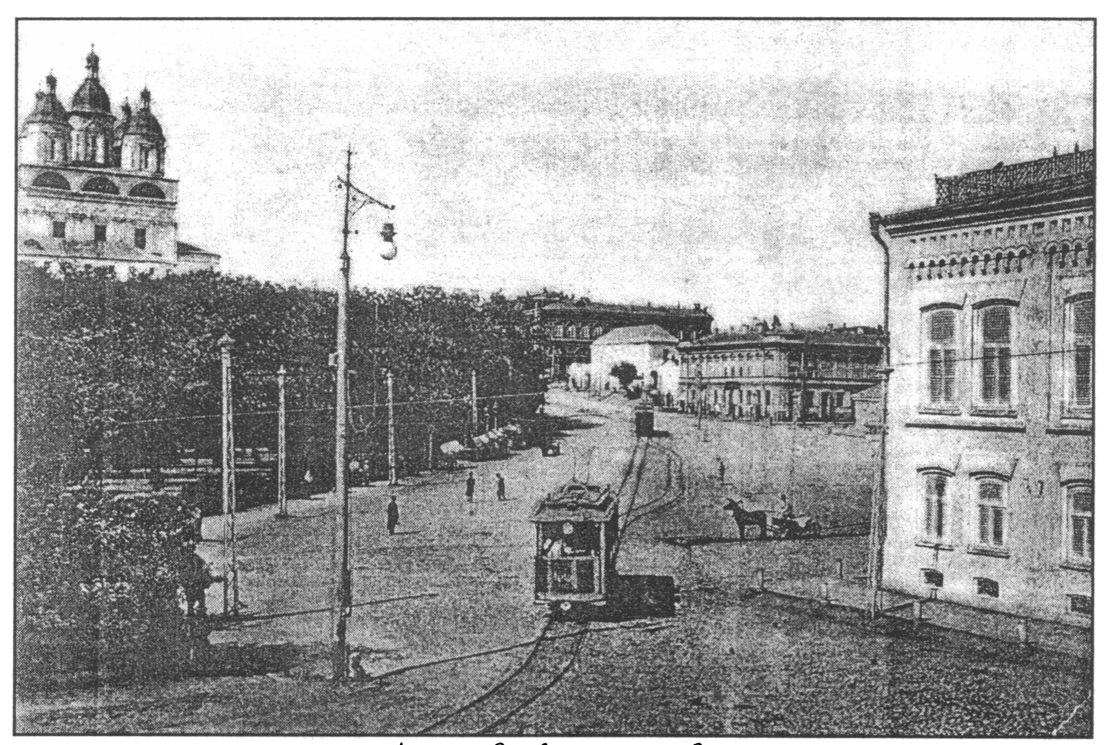
Строительство велось более 10 лет на главной улице города - Московской, за основу был взят проект архитектора В.А. Шретера.


Мариинская гимназия

Мариинская женская гимназия в Астрахани была преобразована в 1867 г. из женского училища 1-го разряда, существовавшего с 1860 г. В конце XIX в. был решен вопрос о постройке нового здания гимназии: сбор средств был объявлен в 1895 г. Самыми крупными жертвователями стали И.И. Губин и А.Н. Захарова. Строительство ново-

го здания гимназии по проекту архитектора К. Домонтовича на углу Московской и Смоленской улиц закончилось в 1910 г. В архитектуре гимназии органично соединились приемы псевдобарокко и архитектурный декор, рисунок оконных и дверных проемов выполнен в русском стиле.

В начале XX в. в Астрахани заметно возросло количество банков: район «Косы» превратился в главный банковско-торговый район го-



Александровская площадь

рода. В 1904 г. на «Косе» строится новое здание Азово-Донского банка по проекту архитектора Н.Н. Миловидова в стиле неоклассицизма.

Русско-Азиатский банк, ранее располагавшийся в доме купца Н. Григорьева на «Косе», в 1909 г. на том же месте заканчивает строительство собственного здания по проекту архитектора В.Б. Вальдовского-Варганека. В этом же году начинается строительство здания «Русского банка для внешней торговли» на улице Эспланадной в «мавританском» стиле по проекту петербургского архитектора Балинского.

На самой оживленной улице «Косы» - Никольской, начинавшей-

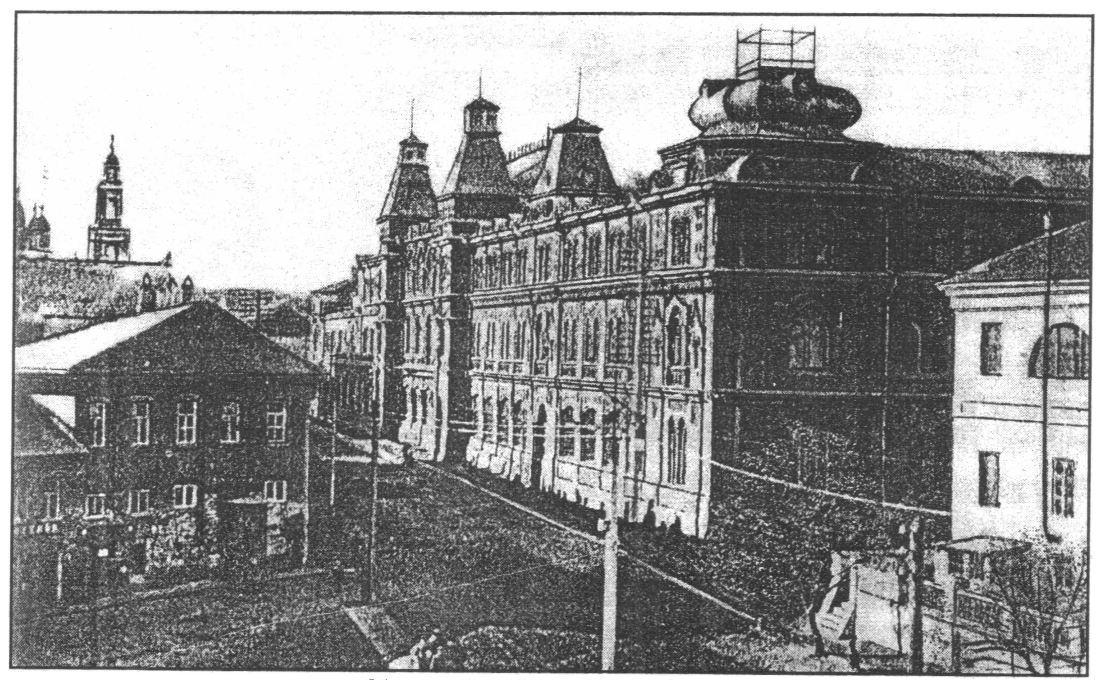
ся с набережной Волги, исстари находилась торговая биржа под открытым небом, где совершались сделки купцов и промышленников. В 1869 г. строительным отделением Губернского правления было принято решение о строительстве здесь здания биржы, что и было осуществлено во второй половине XIX в. по проекту архитектора Э. Фоль-

«Величайший магазин по Волге» торговопромышленного товарищества «Братья Гантшер» с электрической подъемной машиной для всех этажей

рата. В начале XX в. это здание стало тесным и неудобным для обширной коммерческой деятельности, совершавшейся в Астрахани. Тогда и было принято решение перестроить Торгово-Промышленную биржу в духе времени по проекту архитектора В.Б. Вальдовского-Варганека. Здание биржы было построено в устье р. Кутум, на стрелке, в 1910 г.

В конце XIX столетия в городе возникла потребность в строительстве городской электростанции. Место для ее строительства было

выбрано на берегу реки Кутум. Авторами проекта были утверждены архитектор П.И. Коржинский и городской электротехник инженер Г. Зайковский. В 1910 г. Центральная городская электростанция была принята экспертной комиссией под председательством губернского архитектора А.М. Вейзена.



Здание Городских учреждений

Из оригинальнейших архитектурных сооружений г. Астрахани начала XX в. особого внимания заслуживает особняк В.И. Бойко, построенный на набережной р. Волги в 1914 г. архитектором А.И. Ширшовым. Здание выдержано в модном тогда архитектурном стиле модерн.

Благоприятные условия преобразования Астрахани лучшими архитектурными силами не только города, но и России сменились временем разрушений после известных событий 1917-1918 гг.

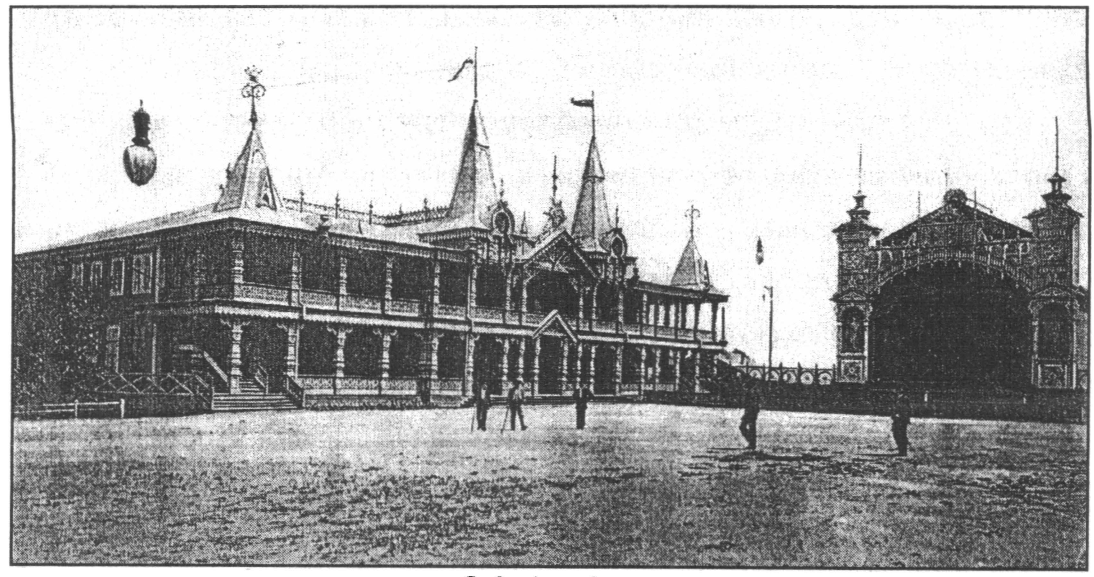
В первые годы после революции центр Белого города значитель-

но пострадал из-за сноса сразу нескольких больших строений. Были разрушены Русский гостиный дом, здания Духовной семинарии, Входо-Иерусалимской церкви, Классической мужской гимназии и другие строения в центре города. На месте разобранных полуразрушенных построек Русского гостиного двора был устроен сад, получивший в дальнейшем наименование Братский. Напротив сада и на месте бывшего Индийского торгового подворья появились жилые дома. В нача-

Электрический кинотеатр «Вулкан»

ле 1930-х гг. в Астрахани и Астраханской области прошла волна сноса церковных и монастырских строений. Разрушению подверглись следующие церкви: Рождества Богоматери, Смоленская, Единоверческая, Петра и Павла у Кремлевского бугра и одноименная церковь в Армянской слободе, Во имя Святой Катерины, Во имя Михаила Архангела, Во имя Григория Просветителя армян, Во имя Святого Ильи Пророка, Во имя Святой Троицы, во имя Святого Николая, Армянский Ус-

пенский собор и другие. Полному уничтожению подверглись мечети в Церковной слободе, калмыцкие хурулы, находившиеся в Калмыцкой



Сад «Аркадия»

степи.

Некоторые уцелевшие церкви были в эти годы внесены в списки

Мужская гимназия

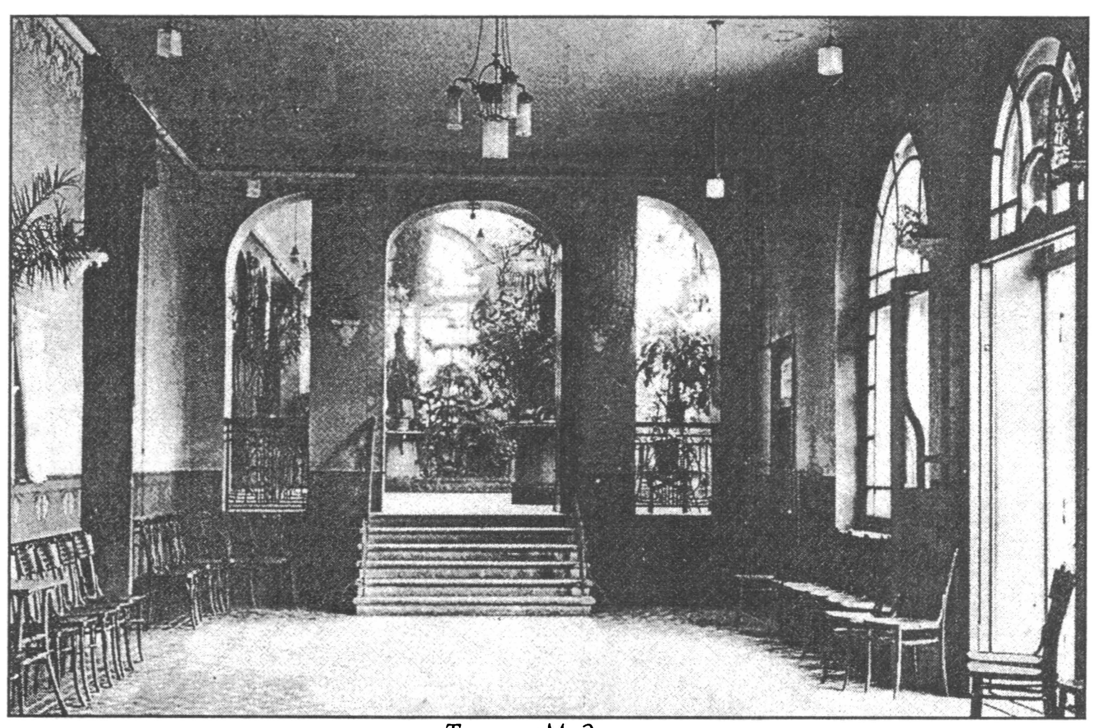
строений, имеющих архитектурную и историческую ценность.

В годы советского строительства в Астрахани появились памятники, посвященные военно-историческим событиям, связанным с установлением и упрочением советской власти в крае.

В 1918 г. на месте памятника Александру II (Братский садик) был сооружен памятник красноармейцам, погибшим при подавлении белоказачьего мятежа; в 1977 г. он был заменен новым скульптурным сооружением по проекту архитектора А.И. Федорченко.

В 1919 г. на одной из центральных улиц города, Эспланадной, возник памятник А.Н. Трусову.

В 1921 г. – в бывшем Полицейском саду (ныне – Морском) был



Театр «Модерн»

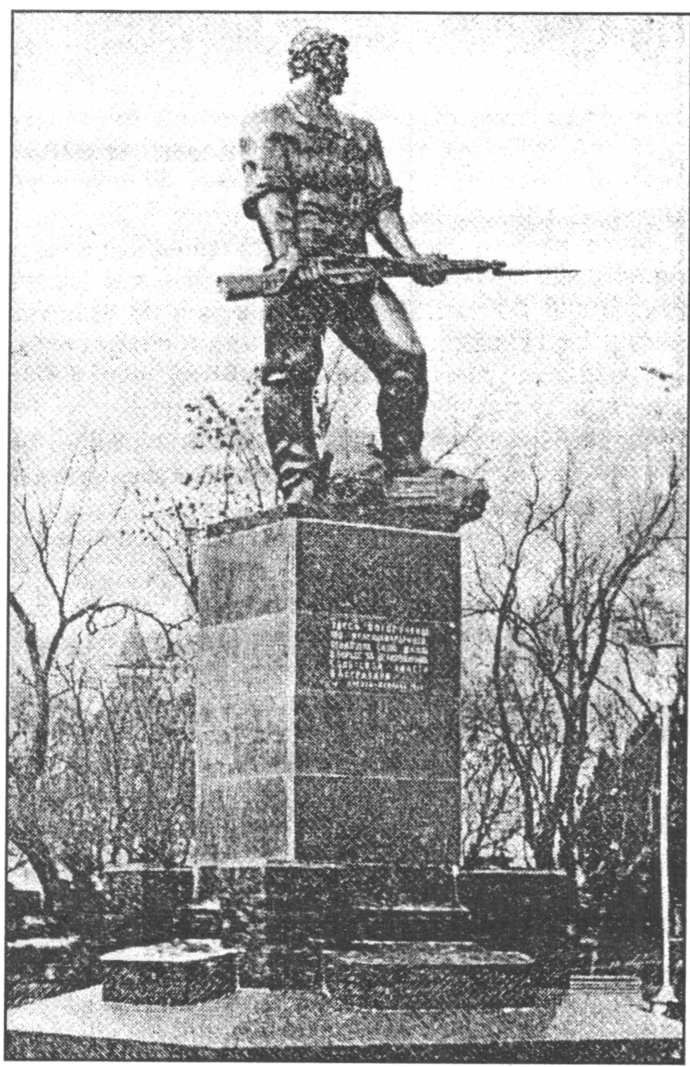
воздвигнут памятник погибшим в 1920-1921 гг. морякам Волжско-Каспийской военной флотилии.

На территории кремля, на месте захороненных в 20-е годы видных большевиков П.П. Чугунова, Ф.А. Трофимова, И.К. Лемисова, в 1926 г. по проекту скульптора В.А. Толмачева был установлен памят-

ник в виде обелиска и многофигурной композиции у подножия монумента.

В 1939 г. в центре Белого города по ул. Московской, по проекту скульптора Н.В. Томского был воздвигнут памятник С.М. Кирову, его же именем назван парк, где размещен памятник.

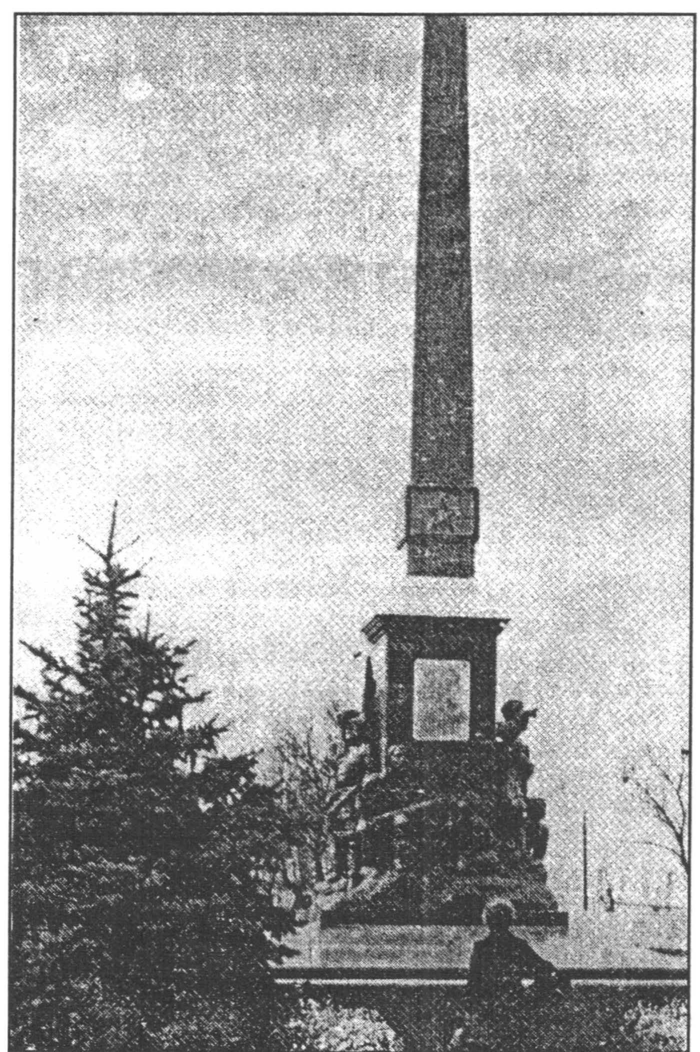
В 1950-60-е гг. благоустройство и реконструкция Астрахани получают новый импульс в соответствии с вновь утвержденным Генеральным планом развития и реконструкции города. Согласно Генплану, в городе разбиваются парки, оборудуются площади, реконструируется Набережная Волги, началась реставрация Кремля, строится Государственный телевизионный центр, активизировалось строительство мостов, появляются новые жилые микрорайоны, асфальтируются дороги и т.п.


Памятник борцам революции в Братском саду

На месте снесенного Спасо-Преображенского монастыря в 1965 г. было построено новое здание Концертного зала областной филармонии по проекту архитектора Б.И. Черняева, интерьеры и витражи выполнены по эскизам художника Н.Н. Скокова. 4 февраля 1969 г. в здании бывшей Мариинской гимназии была открыта Госу-

дарственная консерватория: в 1957 г. в Большом концертном зале консерватории установлен орган Чехословацкой фирмы «Рипер-Клои».

1970-е гг. ознаменованы в Астрахани не только началом крупнопанельного домостроения, строительством ансамблей юго-западных и юго-восточных районов города, но и потерей старинного храма Николы Гостиного и Летнего театра – сада «Аркадия», единственного уцелевшего от ансамбля деревянных теремов сада «Аркадия» К.К. Поляковича, долгое время служившего визитной карточкой нашего города.



Памятник-обелиск в кремле

Эпоха созидания продолжается: организованное в 1960-х гг. Всесоюзное общество охраны памятников истории и культуры привлекло внимание всех «любящих и помнящих» к сохранению национального наследия. Ныне город Астрахань внесен в списки исторических городов Российской Федерации.

Примечания

§1

1. Народное хозяйство Астраханской области за 50 лет. Стат. сб. Волгоград, 1967. С.60-65, 76.
2. ЦХСДАО. Р.325. Оп.10. Д.1. Л.132-141; Оп.23. Д.15. Л.125.
3. Там же. Оп.27. Д.6. Л.46.
4. Народное хозяйство... 1967. С.66, 76, 59.
5. ЦХСДАО. Р.325. Оп.26. Д.6. №17, 26; Оп.36. Д.10. Л.21, 28, 31.
6. Там же. Оп.40. Д.9. Л.121, 125.
7. Там же. Оп.36. Д.10. Л.31.
8. Там же. Оп.36. Д.94. Л.214-216
9. Очерки истории Астраханской областной организации КПСС... С.495.
10. ЦХСДАО. Р.325. Оп.47. Д.25. Л.7-8
11. Там же. Оп.57. Д.11. Л.22-27.
12. Там же. Оп.72. Д.10. Л.15; Оп.83. Д.9. Л.12, 23, 27-28.
13. Там же. Оп.93. Д.9. Л.44.
14. Там же. Оп.90. Д.53. Л.78.
15. Там же. Оп.93. Д.9. Л.34-35.
16. Там же. Оп.90. Д.9. Л.15.

§2

1. ЦХСДАО. Р.325. Оп.27. Д.6. Л.57.
2. Там же. Оп.26. Д.10. Л.46.
3. Там же. Оп.99. Д.9. Л.20.
4. Там же. Оп.27. Д.6. Л.49.
5. Там же. Оп.57. Д.11. Л.28; Оп.68. Д.9. Л.29; Оп.90. Д.9. Л.20; Оп.99. Д.9. Л.20.
6. Народное хозяйство Астраханской области: стат. сб. Астрахань, 1980.
7. ЦХСДАО. Р.325. Оп.10. Д.1. Л.362-363; Оп.83. Д.2. Л.126-127.
8. Там же. Оп.57. Д.11. Л.28.
9. Там же. Оп.90. Д.9. Л.20.

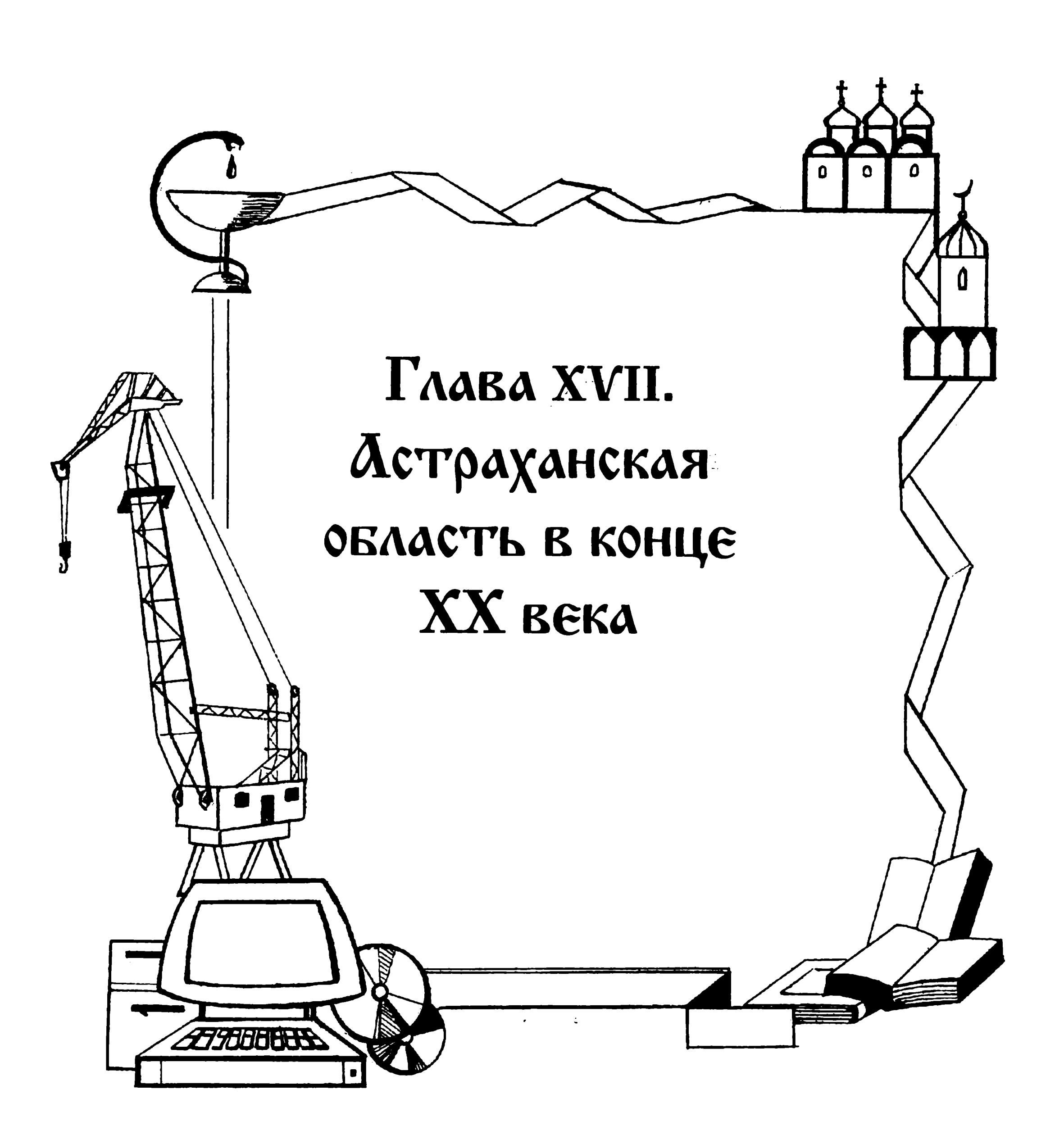
§3

1. ЦХСДАО. Р.325. Оп.27. Д.6. Л.70; Д.19. Л.15.
2. Там же. Оп.40. Д.9. Л.130.
3. Там же. Л.166-168.

4. Там же. Оп.50. Д.59. Л.71.
5. Глушков А.А. Партийные… Сар. 1984. С.92, 95.
6. ЦХСДАО. Оп.36. Д.43. Л.1-7
7. Народное хозяйство Астраханской области в девятой пятилетке. Астрахань. С.109
8. Хрущев Н.С. Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства. М., 1963. Т.4. С.101.
9. Там же.
10. ЦХСДАО. Р.325. Оп.90. Д.53. Л.12.
11. Примерный Устав сельскохозяйственной артели. М., 1935.
12. Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т.2. С.650-652.
13. ГААО. Р.3388. Оп.10. Д.768. Л.28-29; Д.781. Л.18-19; Д.871. Л.3-4.
14. ЦХДНИ АО. Р.325. Оп.90, Д.53. Л.49.
15. Зубанов А.Г. Факторы миграции населения и их регулирование: Автореф. дисс. … кан. экон. наук. М., 1979. С.12.
16. Подсчитано по: Возрастной состав населения РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.); ЦСУ РСФСР. М., 1972. С.211; Итоговые таблицы разработок материалов переписи: Всесоюзная перепись населения 1959 года. Табл. 10; То же. 1970 г. Табл. 25.
17. Возрастной состав населения РСФСР. М., 1972. С.103, 110.

§4

1. Газета «Епархиальные ведомости». 1907. ГААО.



Глава XVII. Астраханская область в конце XX века

§1. Экономика Астраханской области в конце XX столетия

Чтобы понять и правильно оценить происходящие ныне изменения в социально-экономическом развитии нашей области, выявить причины негативных явлений регионального характера, необходимо учитывать общие истоки и тенденции государственной экономической политики, не всегда приводившей к ожидаемым результатам.

В конце 1991 г. принятием ряда указов и постановлений Правительства Российской Федерации стала осуществляться радикальная экономическая реформы. Как целостный документ Программа экономической реформы в России в то время не разрабатывалась, и только в конце 1992 г. Правительство приняло Программу развития реформ и стабилизации российской экономики. В основу преобразований была положена концепция макроэкономического регулирования для успешного «шокового» реформирования плановой, дефицитной, монопольной государственной экономики.

В качестве основных инструментов реформы были провозглашены:

либерализация цен;

ускоренная приватизация государственных и муниципальных предприятий, создание и усиление роли частной собственности в сфере торговли и услуг, недвижимости (прежде всего жилья);

осуществление конверсии оборонной промышленности (с корректировкой, начиная с 1993 г., в форме селективной структурной политики);

ликвидация системы административного распределения ресурсов, отмена фондирования, госзаказов и лимитов, формирование рынка средств производства на основе рыночных структур и механизмов (система бирж, торговых домов и др.);

демонополизация и коммерциализация торговли;

жесткая кредитно-денежная политика, ограничение денежной массы, повышение ставок ссудного процента; финансовая стабилиза-

ция; резкое сокращение бюджетных расходов (в первую очередь закупок вооружений), централизованных инвестиций, бюджетных дотаций и субсидий;

обеспечение устойчивой налоговой базы, работающей в инфляционных условиях;

либерализация внешнеполитической деятельности и создание благоприятных условий для привлечения иностранных инвестиций (открытость экономики).

По замыслу идеологов «шоковой терапии», данные инструменты претворения реформы должны были обеспечить переход российской экономики к рынку с последующим его насыщением товарами и отход государства от экономики, при этом предполагалось, что в условиях «полной» свободы возникнет эффективно функционирующий и саморегулирующийся рынок. При осуществлении экономической, в том числе и аграрной реформы, возобладало мнение, что переход к рыночной экономике должен обязательно сопровождаться изменением форм собственности и ее разновидностей.

Однако эти ожидания не оправдались. Более того, попытка реализации реформ привела к совершенно противоположным результатам, особенно на первом этапе реформирования.

Не ставя перед собой задачу подробного анализа всего комплекса причин несостоятельности реформ, мы остановимся лишь на тех, которые, в первую очередь, объясняют происхождение тяжелой социально-экономической ситуации, в которой оказалась страна к середине 90-х годов.

Как известно, краеугольными камнями заявленных реформ были объявлены либерализация цен, т. е. освобождение их из-под контроля государства, и форсированная приватизация государственной собственности.

Сторонники либерализации цен доказывали, что их разовое освобождение быстро приведет к установлению сбалансированного соот-

ношения цен и спроса, сократит избыточную денежную массу, наполнит товарами прилавки, будет способствовать конкуренции, и в конечном итоге приведет к оживлению и росту экономики. Рыночные отношения сами отрегулируют производство. При этом Правительство отказалось от предложений по реформированию экономики на основе ведущего регулирующего воздействия государства и создания за ним контроля в базовых отраслях. Акцент делался на ускоренное формирование собственников, которые могли стать прочной опорой реформ и власти. Однако создать такой класс не удалось.

Вместе с тем рост цен с января 1992 г. превзошел все ожидания. Вместо оптимистических прогнозов их увеличения в 3-5 раз и пессимистичных – в 8-10 раз, в течение только 1992 г. цены подскочили в 36 раз. Рост заработной платы и социальных выплат не успевал компенсировать снижение покупательной способности населения.

Кроме того, либерализация цен не включила и механизм конкуренции. Предприятия – монополисты пошли не по пути снижения издержек, а по пути повышения цен на свою продукцию. В стране шло падение производства, началось банкротство предприятий, массовая безработица и обнищание большей части населения страны.

Приватизация как одна из важнейших составных реформ должна была, по мнению ее сторонников, покончить с монополией государства в сфере производства, стимулировать заинтересованность производителей в результатах своего труда, сделать каждого в той или иной степени собственником.

Поскольку приватизация во многих случаях не была подкреплена необходимыми правовыми актами, не увязывалась со структурной перестройкой промышленности, не ориентировалась на многократный рост цен – она не только не способствовала оживлению промышленного производства, но, наоборот, привела к свертыванию целых отраслей промышленности, породила такие явления, как коррупция, отток отечественных капиталов за рубеж и другие злоупотребления. Тенден-

ция к разукрупнению предприятий в процессе приватизации привела к тому, что нарушились целостные технологические комплексы и связи между смежными предприятиями. Известная схема с приватизационными чеками (ваучерами), выдававшимися на руки гражданам, закончилась тем, что реальная стоимость ваучеров быстро падала, а население спешило от них избавиться, так как были установлены жесткие сроки их реализации.

Государственная дума Российской Федерации в июле 1994 г. признала итоги первого этапа приватизации неудовлетворительными, как и итоги экономических реформ в целом. 1994 г. стал годом наибольшего спада производства и инвестиционной активности, резко ускорилась деиндустриализация страны, разрушался научно-промышленный потенциал, была дезорганизована система управления экономикой.

К середине 90-х годов Россия сошла с траектории системного кризиса и вступила в фазу экономического, политического и социального регресса.

Астраханская область также испытывает на себе влияние всех тех факторов, которые являются характерными для страны в целом. Данные статистики свидетельствуют, что инерционность экономической системы сказалась на основных показателях хозяйственной деятельности и нашего региона.

Весь валовой региональный продукт (ВРП) области с 1990 г. имел устойчивую тенденцию к снижению и был ниже средней величины по России. Производство ВРП на душу населения в 1996 г. составило 6.31 млн. рублей, что в 2,4 раза ниже всероссийского уровня.

В 1996 г. всеми отраслями промышленности было произведено товаров (работ, услуг) на 3746,4 млрд. рублей (в ценах до 1998 г.), это к уровню 1991 г. составило 57%. Если в 1991 г. доля объема производства Астраханской области в экономике Российской Федерации составила 0,4%, то в 1996 г. – 0,7%.

Наряду с этим изменялась структура промышленного производ-

ства. Традиционные отрасли – рыбная и легкая в 1991 г. составляли 60% всего объема продукции, в 1996 г. их доля сократилась до 28%, уступив приоритет топливно-энергетической промышленности, объем которой возрос с 11 до 47%.

Общее снижение производства имело устойчивый характер, но в различных отраслях оно происходило по-разному: в мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности спад составил в 1996 г. по сравнению с 1992 г., соответственно, 55% и 61%, в пищевой – 81%, в химической и нефтехимической промышленности, машиностроении и металлообработке – 82%, в легкой промышленности – 85%, в деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной – 91%.

Продукция сельского хозяйства в 1996 г. по сравнению с 1991 г. сократилась в два раза. В эти годы происходило сокращение посевных площадей. По сравнению с 1991 г. в 1996 г. общие посевные площади сократились на 139,7 тыс. га (44%). В это же время произошло увеличение посевных площадей частных хозяйств: с 3% до 8% от всех земель, находящихся в культурном использовании.

С 1991 г. началось постоянное снижение численности поголовья скота и птицы, находящихся в ведении колхозов и совхозов. Сокращение составило по разным видам от 30 до 70%. Вместе с тем доля частных хозяйств по этим показателям возросла с 32% в 1991 г. до 59% в 1996 г.

Общие убытки сельскохозяйственного сектора производства в Астраханской области составили 175,5 млрд. рублей (в ценах до 1998 г.).

Наряду с другими факторами важным показателем жизненного уровня является заработная плата населения: в Астраханской области в 1996 г. она составляла 72% от средней по России (800 руб.).

Особенно низким уровень зарплаты сложился среди занятых в сельском хозяйстве – 45% от средне – областного, в здравоохранении – 72%, образовании – 79%, в сфере культуры – 72%.

Такая безрадостная картина сложилась к 1996 г. по основным по-

казателям социально-экономического развития Астраханской области. Хотя, при всем этом, Астраханская область в условиях чередующихся в государстве кризисов вполне может быть отнесена к разряду развивающихся. 1997 г. оказался переломным в экономике области. Начало реализации Федеральной целевой Программы социально-экономического развития Астраханской области на 1997-2000 гг., утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 21.01.97 г., определило формирование новых направлений инвестиционной и налоговой политики в регионе. Дополнительно к ней в 1997 г. был сформирован портфель инвестиционных проектов, включающий более 120 проектов на сумму свыше 2,5 млрд. рублей, в 1998 г. – 300 инвестиционных проектов, на сумму свыше 3 млрд. рублей. Основными источниками финансирования являются бюджетные и внебюджетные средства, кредиты банка, собственные ресурсы предприятий.

Для создания благоприятного инвестиционного климата на территории области в последние три года создана законодательная база, определившая комплекс мер по поддержке инвесторов.

Основным документом, регламентирующим инвестиционную деятельность на территории области, стал Закон Астраханской области от 29.07.98 г. «Об инвестиционной деятельности в Астраханской области», который определяет условия развития рынка инвестиций, обеспечение интересов субъектов инвестиционной деятельности. В Законе впервые определен статус инвестиционных проектов и способы их государственной поддержки в зависимости от статуса.

Одним из видов государственной поддержки инвестиционных проектов является льготное налогообложение предприятий, осуществляющих реализацию инвестиционных проектов, одобренных администрацией области, и особо важных инвестиционных проектов.

Хотя объемы инвестиций, особенно в основной капитал, все еще остаются недостаточными, однако ситуация изменяется к лучшему, растут внебюджетные источники финансирования, заметен рост инвес-

тиций в объекты производственного назначения. Важно, что это не стихийный процесс, а результат целенаправленной деятельности, которая облекается в форму целевых программ, определяющих стратегию развития области.

За счет всех источников финансирования вложение инвестиций в основной капитал в 1999 г. превысило на 9% уровень 1998 г. и на 24% прогнозируемый объем. В этом году было освоено 5051,4 млн. рублей (109,3% к предыдущему году). Дополнительным источником инвестиций стали привлеченные средства, за счет которых были приобретены два судна ОАО «Каспрыба» (970 млн. рублей), оборудование для консервного завода организацией ООО «Астраханьрыбагрогаз» (275 млн. рублей), большой объем освоенных капитальных вложений по ООО «Астраханьгазпром» (1 млрд. рублей).

В 1998 г. был создан инвестиционный совет Администрации области и утверждено положение, регламентирующее его деятельность, были прокредитованы инвестиционные проекты (в том числе под гарантии, предоставленные в 1997 г.) на сумму 74,2 млн. рублей.

Администрацией области рассматривается возможность предоставления государственной поддержки в виде присвоения проектам соответствующих статусов, что даст право предприятиям на значительные налоговые льготы.

В целях разработки существующих на территории области месторождений нефти и газа в 1999 г. были проведены конкурсы на право пользования недрами с последующей добычей углеводородного сырья в Харабалинском, Енатаевском и Ахтубинском районах области. Победителем конкурса, проводимого в феврале, стали ЗАО «Астраханьнефтепром» и ООО «Астраханьгазпром».

В декабре 1999 г. право проведения поисково-разведочных работ на месторождениях с последующей их эксплуатацией получило ОАО «Южная нефтяная корпорация». Обязательным условием конкурсов является осуществление мероприятий, направленных на решение со-

циально-экономических проблем региона за счет собственных привлеченных средств.

Одним из основных аргументов при определении победителя конкурса стало предложение со стороны ЗАО «Астраханьнефтепром» значительных объемов инвестиций в программу социально-экономического развития области в размере более 900 млн. рублей в течение семи лет. ООО «Астраханьгазпром» и ЗАО «Южная нефтяная корпорация» за счет собственных средств будут осуществлять газификацию, обустройство населенных пунктов тех административных районов области, на территории которых находятся месторождения.

В настоящее время в Астраханской области осуществляется ряд инвестиционных проектов. Статус «инвестиционный проект, одобренный Администрацией области» присвоен 18-ти инвестиционным проектам. Общий объем инвестиций по этим проектам составляет 646,47 млн. рублей.

Использование предприятиями предоставленных налоговых льгот уменьшает объем обязательных платежей по налогам. Это позволит предприятию сократить срок окупаемости реализуемого проекта и направить освободившиеся средства на развитие производства, увеличение объемов выпуска продукции, создание новых рабочих мест, что, в свою очередь, позволит расширить налогооблагаемую базу и приведет к росту объема доходов областного бюджета.

Основополагающей программой Астраханской области является развитие топливно-энергетического комплекса (ТЭК). С 1986 г. в регионе разрабатывается крупнейшее в Европе газоконденсатное месторождение, способное ежегодно в течение 100 лет давать по 50 млрд. куб. м. природного газа. Реальность данного прогноза подтверждается тем, что сегодня ООО «Газодобывающая компания «Астраханьгазпром», разрабатывающая Астраханское месторождение газа, занимает одно из первых мест в России по производству газа и серы. Астраханский газ имеет повышенное содержание конденсата и уникален по со-

держанию сероводорода, что дает возможность выпускать более 3-х млн. тонн серы в год, то есть 60% ее российского производства.

В настоящее время можно говорить об энергетической независимости области. Достаточно заметить, что даже в самые нестабильные годы экономических реформ (1993-1997) объем производства природного газа в Астраханской области вырос в 1,5 раза, газового конденсата – в 3,2 раза. В 1999 г. объем добычи газа составил 8,7 млрд. куб. м. Все это позволило повысить темпы реализации программы газификации области, предусматривающей перевод основных потребителей на газовое топливо. Лишь в 1998-1999гг. газ был подан в 21492 квартиры и домовладения городских и сельских жителей, построено 1505,9 км межпоселковых и распределительных газовых сетей, переведено на газ 44 котельные. На Астраханском газоперерабатывающем заводе (АГПЗ) постоянно возрастает производство высокооктанового бензина, дизельного топлива, мазута, сухого и сжиженного газа.

Экономически облик Астраханской области меняется в связи с поисками и добычей нефти. Астраханские месторождения нефти по величине запасов занимают второе место среди месторождений европейской части России, разведанные запасы в северной части области оцениваются в 5 млрд. тонн. Прогнозируется открытие крупных месторождений нефти в подсолевых (на глубине 5-6 км.) и надсолевых (1-1,5 км.) отложениях Астраханского свода. Несмотря на то, что глубина продуктивных пластов велика, условия их разведки и разработки гораздо экономичнее, нежели на аналогичных участках российского Севера или Дальнего Востока, поскольку область располагает разветвленной сетью инфраструктуры и высококвалифицированными специалистами.

Активные геологоразведывательные работы на северном шельфе Каспийского моря ведет ЗАО «ЛУКОЙЛ – морнефть», получившее соответствующую лицензию в сентябре 1995г. Добыча нефти осуществляется ЗАО «ЛУКОЙЛ – Астраханьморнефть» с Бешкульского

и Олейниковского месторождений. В перспективе у предприятия освоение новых нефтяных месторождений, эксплуатация Северо-Шаджинского газового месторождения.

К участию в тендерах на разведывательное бурение на перспективных участках области привлекаются не только отечественные, но и иностранные инвесторы. Значительное внимание уделяется всем видам транспортировки этого сырья, включая строительство транзитных трубопроводов, создание специализированных терминалов и уникального предприятия по очистке танкеров. В настоящее время на территории Астраханской области функционирует мощная сеть трубопроводов, по которым в различные регионы Российской Федерации и районы области поступают нефтяные и газовые ресурсы. Общая протяженность газопроводов по территории Астраханской области составляет 1630,21 км., а нефтепроводов 267 км. При этом следует отметить, что 222 км. нефтепроводов принадлежит Каспийскому трубопроводному консорциуму (ЗАО «КТК-Р»). В настоящее время указанный трубопровод, общей протяженностью 1500 км., еще не функционирует. По трубопроводу нефть с Тенгизского месторождения будет прокачиваться через Казахстан, Астраханскую область, Калмыкию, Ставропольский и Краснодарский края до Новороссийска. После проведения необходимых подготовительных работ, в 2000 году предполагается начать общестроительные работы во всех регионах, в том числе и Астраханском.

За счет увеличения производства теплоэнергии на ООО «Астраханьгазпром» в области достигнут прирост объемов электроэнергетики.

Потребность Астраханской области в электроэнергии в основном обеспечивается собственными энергоисточниками со снижением перетока электроэнергии из РАО «ЕЭС России». АО «Астраханьэнерго» входит в объединенную систему Центра и включает в себя Астраханскую ГРЭС, Астраханскую ТЭЦ-2, Астраханские, Ахтубинские и Аксарайские электрические сети, производственно-ремонтное предпри-

ятие и Энергонадзор.

Администрацией области подписано соглашение о реконструкции и модернизации ГРЭС с консорциумом «Интерэнерджи» и АО «Астраханьэнерго». Реконструкция ГРЭС дала возможность увеличить ее электрическую мощность со 100 до 204,8 МВт., обеспечив полностью энергетическую независимость области.

Показателем экономической стабильности Астраханской области является дальнейшее развитие системы связи.

ТЭЦ-2. Центральный зал

Основным провайдером проводной связи в области является ОАО «Связьинформ», которое владеет практически всеми сетями связи и коммутационным оборудованием в г. Астрахани и районах области. Кроме того, обществу принадлежат и ретрансляционные станции, обеспечивающие передачу телевизионных сигналов в населенные пункты области. Эти каналы также используются и непосредственно для передачи телефонных сигналов.

Приоритетным направлением в реконструкции сети связи ОАО «Связьинформ» в последние годы являлось внедрение цифрового электронного коммутационного оборудования и организация межстанционных цифровых связей.

Самым крупным объектом реализации для ОАО «Связьинформ» был контракт с немецкой фирмой «Сименс» по электронному коммуникационному цифровому обслуживанию EWSD. Данное оборудование было введено в эксплуатацию в сентябре 1994 г. и к настоящему времени задействовано в качестве комбинированной международной (транзитной) и местной (городской) станции.

Первичная внутризоновая сеть связи области в целом за период с 1991 по 1999 гг. увеличилась на 41,8 тыс. канало-км, протяженность цифровых каналов возросла на 153,4 тыс. канало-км (243%).

Из 11 райцентров области десять райцентров и город областного подчинения имеют цифровую связь с областным центром.

Строительство в г. Астрахани двух наземных станций спутниковой связи дало возможность организации цифровых связей с Москвой, Санкт-Петербургом, а через узел автоматической коммутации в г. Самаре с другими городами России.

Дополнительно открыто 47 направлений автоматической междугородней связи.

Реконструкция радиорелейной линии связи Волгоград-Астрахань протяженностью 407 км. с внедрением полупроводниковой системы «КУРС-4» позволила улучшить качество распространения программ центрального телевидения на северные районы области и организовать дополнительно цифровую телефонную связь с райцентрами Черный Яр, Ахтубинск и г.Знаменск.

Для связи с районным центром Приволжского района (с.Началово) построена волоконно-оптическая линия связи протяженностью 6 км, 5 антенно-мачтовых сооружений и производственных помещений, реконструировано 4 антенно-волноводных тракта.

Коренные изменения произошли и в сети связи общего пользования в городской и сельской местностях. С 1991 г. почти в два раза увеличилась емкость городских АТС и количество квартирных телефонов в городе, несколько медленнее развивалась связь в сельских районах. В 1999 г. количество квартирных телефонных аппаратов достигло внушительной цифры – 133529 единиц (в 1986 г. – 96922). В областном центре и большинстве населенных пунктов практически полностью удовлетворена потребность в установке телефонов для инвалидов и участников Великой Отечественной войны.

Дальнейшее развитие в области получила сотовая связь, первые

абоненты которой получили доступ в 1995 г. С 1996 г. в области введена пейджинговая связь, ежегодно расширяющая радиус своего действия. В настоящее время астраханцы имеют возможность входа в глобальную сеть Интернет.

В экономической инфраструктуре области важная роль принадлежит транспортному узлу.

Астраханский транспортный узел представлен практически всеми видами транспорта. Транспортная сеть Астраханской области включает 585 км железнодорожных путей, 3,1 тыс. км автомобильных дорог с твердым покрытием, 1443 км внутренних судоходных путей, 57 км трамвайно-троллейбусных линий. Область связана автомобильными дорогами с Калмыкией, Дагестаном, Волгоградской областью, железными дорогами – с Дагестаном, Казахстаном, Поволжьем. Аэропорт Астрахани имеет статус международного. Область связана воздушными линиями с 30 городами России, ближнего и дальнего зарубежья.

Новое геополитическое положение области создает дополнительные возможности для развития транспортного комплекса. В рамках соответствующей федеральной программы Астраханская область принимает непосредственное участие в формировании приоритетных для России транспортных маршрутов с последующим включением их в развивающуюся мировую транспортную систему.

Через нашу область пройдет одна из ветвей трансконтинентального коридора (Санкт-Петербург – Москва – Волгоград – Астрахань). К настоящему времени проработан маршрут: Прикаспийские государства – Астрахань – порты Болгарии– Европа.

Регион приобрел новое стратегическое значение, занял ключевую позицию на самых коротких, экономически выгодных Евро-Азиатских транспортных маршрутах. Благодаря Волге и Каспийскому морю, Астрахань является кратчайшим и удобным путем, связывающим Европейскую Россию со странами Передней и Средней Азии, Индией и Пакистаном, странами бассейна Индийского океана. Волга с ее круп-

нейшими притоками Камой и Окой, системой судоходных каналов связывает единым водным путем 22 региона России, дает возможность крупнотоннажным судам без промежуточных перевалок выходить в Азовское, Черное, Балтийское и Белое моря.

Астраханская область имеет возможность воспользоваться всеми выгодами важнейшего транзитного региона. В 1992 г. Астрахань вновь стала главной базой Каспийской флотилии. В 1997 г. заработал пионерный причал строящегося в области морского торгового порта в районе поселка Оля, предназначенный для обработки судов типа «река-море». В конце 1997 г. было открыто регулярное движение судна «Ро-Ро» между портом Оля и портами Туркменистана, Ирана. От причала до основной магистральной дороги Лиман-Астрахань введена в эксплуатацию автомобильная дорога. В 1998 г. были проведены работы по дооборудованию понтона для приема судов типа «Дагестан», выполнялись работы по дальнейшему благоустройству пионерного причала, а также проектные и подготовительные работы по второй очереди его строительства. Порт позволит значительно сократить как временные, так и экономические затраты на транзитные перевозки грузов из Европы в страны Азии и обратно. В последние годы наблюдается значительный рост внешнеторговых грузопотоков среднеазиатского, в особенности иранского направления. В ближайшей перспективе здесь ожидается увеличение объемов грузов до 14-20 млн. тонн (вместо 1 млн. в 1997 г.).

Высокомеханизированный, работающий круглогодично новый морской порт на Северном Каспии превращается в главное связующее звено развивающегося Астраханского транспортного узла.

Внешнеторговый оборот Астраханской области за 1999 г. оценивается в 295 млн. долл. США (117,2% к уровню 1998 г.), в том числе экспорт – 185 млн. долл. (152,6% к 1998 г.), импорт – 110 млн. долл.(73,3%).

Предприятия и фирмы области поддерживают внешнеэкономи-

ческие связи с 62 странами мира, экспортируют продукцию в 43 страны, импортируют из 55 стран. Изменений в географической структуре внешней торговли по сравнению с 1998 г. не произошло. По-прежнему доминируют страны дальнего зарубежья, хотя по сравнению с 1998 г. ожидается снижение их удельного веса в товарообороте с 72% до 55%.

Снижение объемов импортных поставок вызвано ослаблением конкурентоспособности импортных товаров на российском рынке в связи с девальвацией рубля и активизацией процесса импортозамещения. Особенно резко снизились поставки в область импортных товаров из стран СНГ из-за их низкого качества и более высоких цен в сравнении с аналогичными товарами из стран дальнего зарубежья. Основные страны-импортеры среди стран дальнего зарубежья – Финляндия (18%), США (14%), Германия (12%), из стран ближнего зарубежья -Казахстан (5%), Украина (4%).

Преобладание стоимости экспорта над стоимостью импорта обеспечило Астраханской области в 1999 г. активный торговый баланс, положительное сальдо в размере 75 млн. долл. (в 1998 г. сальдо было отрицательным – 48,5 млн. долл.).

Тесное сотрудничество связывает Астраханскую область с прибрежными государствами Каспийского региона. Разработан проект программы приграничного сотрудничества Российской Федерации и Республики Казахстан на 1999-2007 гг. с проектом соглашения и планом мероприятий по их выполнению. В настоящее время идет согласование данных документов на правительственном уровне. Готовится рабочий визит делегации Астраханской области в Туркменистан, целью которого будут вопросы активизации паромной линии по маршруту порт Оля – Туркменбаши, взаимный поиск грузопотоков из стран Средней Азии на Россию и Европу, участие судостроительного потенциала области в изготовлении судов, поставках оборудования и комплектующих для разработки нефтяных месторождений Туркменистана.

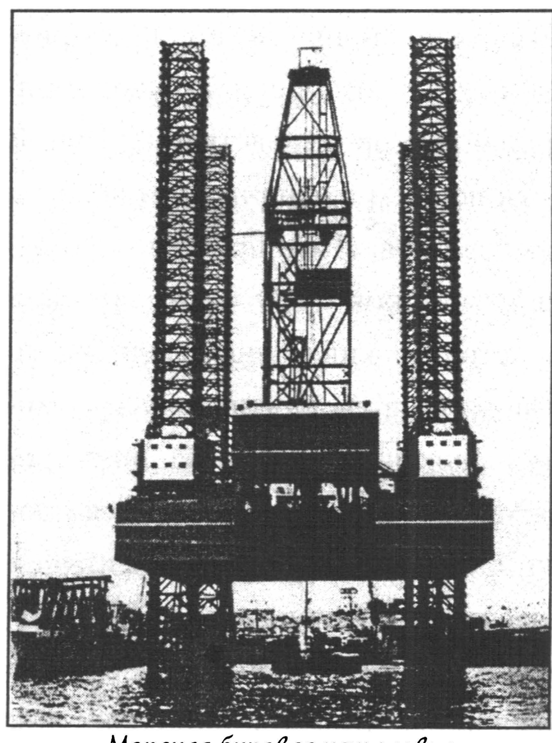
Успешная реализация топливно-энергетической программы Аст-

раханской области создает благоприятные перспективы для развития машиностроительного комплекса, всех других видов промышленности, основных отраслей сельскохозяйственного производства.

Машиностроительный комплекс, включающий в себя предприятия машиностроения и металлообработки, судостроения и судоремонта, производит 8% объема промышленного производства области. В последние два – три года практически по всем предприятиям области наметилось увеличение объемов производства. Расширена номенклатура и типоразмеры металлорежущих станков ОАО «Астраханский станкостроительный завод», ОАО «Астраханский завод холодильного оборудования» возобновлено производство и увеличен выпуск компрессоров на основе озонобезопасных хладогентов. ОАО «Машиностроительный завод «Прогресс» разработана и успешно реализуется программа до 2000 года реконструкции производства, освоения сложной бытовой техники, газовых инфракрасных гарелок для бытовых плит, изделий для приема спутникового телевидения. Удельный вес гражданской продукции, производимой на предприятии, приближается к 90% общего объема производства. С целью обеспечения дальнейшего роста объемов в машиностроении и металлообработке осуществляется кредитное финансирование ряда новых проектов, проводится техническое перевооружение и структурная перестройка предприятий, продолжается реконструкция производства и строительство новых производственных цехов для расширения перечня производимой продукции. Все эти меры дают зримый положительный эффект: в 1999 г. объем производства в машиностроении и металлообрабоке по сравнению с предшествующим годом увеличился на 19,2% вместо прогнозируемых 8%.

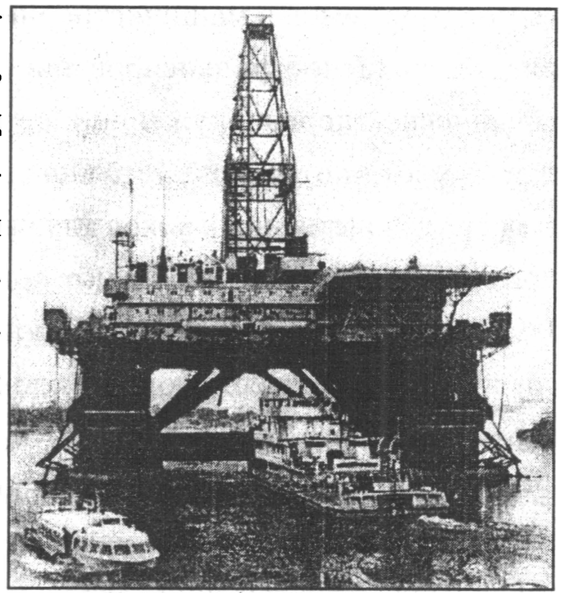
Традиционными отраслями промышленности для Астраханской области являются судостроение и судоремонт, имеющие хорошую материальную базу, высокий кадровый потенциал. Все это обеспечивает их динамичное развитие. Стабильному росту объемов производства в

судостроении и судоремонте в значительной мере способствует целенаправленная работа как руководства самих предприятий, так и Администрации области по поиску заказов для предприятий и организации их финансирования.



Морская буровая установка

Начиная с 1997 г. практически каждое предприятие имело заказы, выполнение которых позволило увеличить объемы производства в 1998 г. на 32%, в 1999 г. – на 39%. На сегодняшний день на долю судостроительных и судоремонтных предприятий приходится свыше 40% объемов производства и около 70% прибыли машиностроительного комплекса. С прибылью работают ОАО «Судостроительно-судоремонтный завод им. III Интернационала», ОАО «Судостроительный завод «Красные баррикады», ЗАО «Судостроительно-судоремонтный завод им. XXX годовщины Октябрьской революции», ЗАО «Судостроительно-судоремонтный завод им. Ленина».



Плавучая буровая установка

В 1997-1999 гг. завершено строительство:

– двух судов-контейнеровозов, корпуса танкера-химовоза для гол-

ландской фирмы «Бреко», корпуса нефтезачистной станции нового поколения по заказу ЗАО «Юг-танкер», корпуса несамоходной баржи для Голландии – ОАО «Судостроительно-судоремонтный завод им. III Интернационала»;

– самой крупной буровой установки «Сункар» проекта RIG-257 по заказу международного консорциума OKIOC для Казахстана и сухогрузного судна проекта 00221 №501 для ВЭП «Судоэкспорт» – ОАО «Морской судостроительный завод»,

– плавучей буровой установки «Астра» по заказу РАО «Газпром» – ОАО «Судостроительный завод «Красные баррикады»;

– носовой части сухогрузного судна проекта 00221 №502 по заказу ВЭП «Судоэкспорт» – ОАО «Судостроительный завод «Лотос»;

– головного солекомбайна для ОАО «Бассоль» – ОАО «Ахтубинский судостроительно-судоремонтный завод»;

– быстроходного теплохода «Луч» по заказу ООО «Астраханьгазпром» – ОАО «Судоремонтно-судостроительный завод им. Урицкого».

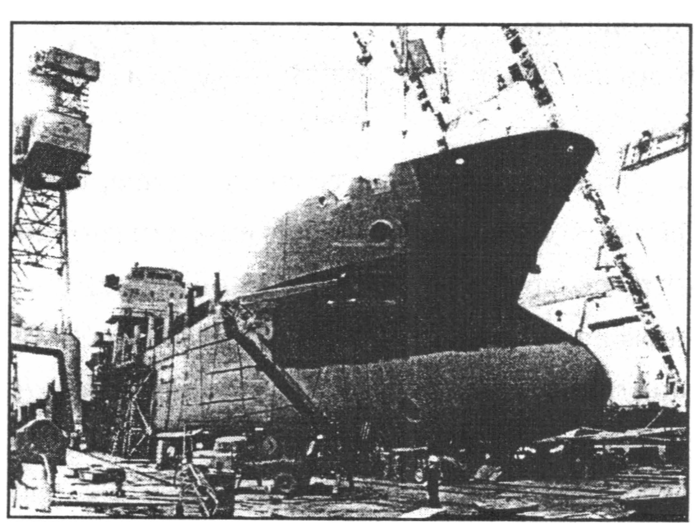
В сжатые сроки была осуществлена приватизация незавершенного строительства и продажа полупогружной буровой установки ППБУ-600/300 «Шельф-7», что позволило ОАО «Морской судостроительный завод» получить заказ на ее достройку и модернизацию. ЗАО «Судостроительно-судоремонтный завод им. Ленина» было освоено производство новых видов запасных частей, в том числе вкладышей с биметаллическим покрытием для быстроходных двигателей и капитальный ремонт двигателей типа 6NVD48 и 8NVD48-А-2И.

Администрацией области оказывалась помощь судостроительным предприятиям в обеспечении материальными ресурсами, по укомплектованию квалифицированными кадрами, содействие в приватизации кранового судна «Исполин» и др.

В настоящее время проводится работа по загрузке предприятий заказами на 2000-2002 гг. Для этого предусматривается получить за-

каз на строительство 4-х сухогрузных судов для Словацкой Республики, рассматривается возможность достройки шести судов проекта 01340 применительно к лову кильки, решаются вопросы строительства семи сухогрузных судов для Северо-Каспийского морского пароходства и размещения в ОАО «Судоремонтно-судостроительный завод им. Урицкого» заказа на строительство теплоходов «Луч» и др.

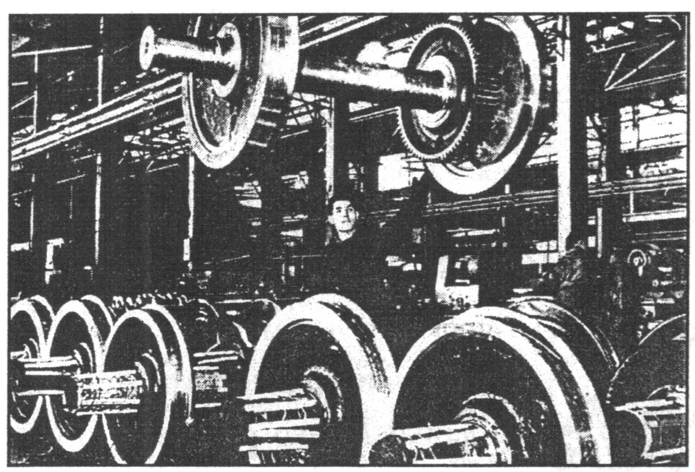
Прирост объемов производства обеспечили программы развития, разработанные и реализуемые предприятиями при поддержке Администрации области. Так, в рамках областной программы «Газификация» ОАО «АКМА» наладило выпуск водогрейных котлов мощностью 100 кВт, ОАО «Антикормаш» освоило производство газовой запорной арматуры и увеличило производство торговых павильонов различного назначения, модифицированных автозаправочных станций контейнерного типа, ОАО «Машиностроительный завод «Прогресс» реализуется программа по освоению и выпуску новой продукции.


Новый танкер на стапеле

Снижение объемов заказов на ремонт подвижного состава от Министерства путей сообщения заставило ГУП «Тепловозоремонтный завод» искать пути расширения производственной деятельности, выразившейся в освоении производства запасных частей, восстановлении изношенных запасных частей для тепловозов различных марок. На предприятии в 1998 г. был налажен ремонт новой серии тепловозов ТЭ-10 для Приволжской железной дороги, что обеспечило стабильную загрузку производственных мощностей.

Более чем в два раза увеличило объемы производства в 1999 г. УПП «Дельта» ВОС, специализирующееся на выпуске металлических крышек различных видов, кронин-пробки для стеклянных бутылок и поставляющее свою продукцию в различные регионы Российской Федерации.

Последние три года растут объемы производства в химической и нефтехимической отраслях. Крупнейшим предприятием химической промышленности в регионе является АО «Астраханское стекловолокно», имеющее устойчивые контакты с фирмами Ирака, Саудовской Аравии, Южной Кореи, ОАЭ, а также с Чехией и Китаем. Предприятий, производящих подобную продукцию, в России всего пять, но это единственное в СНГ, которое производит штапелированную пряжу, используемую для производства бронированного кабеля, а также уникальные для России электроизоляционные ткани толщиной в 30 микрон. Благодаря сочетанию тепловых, механических и электрических свойств эти материалы незаменимы в различных отраслях промышленности, они позволяют создавать новые энергосберегающие технологии, экологически чистые в производстве современные высококачественные композиции материалов различного назначения.

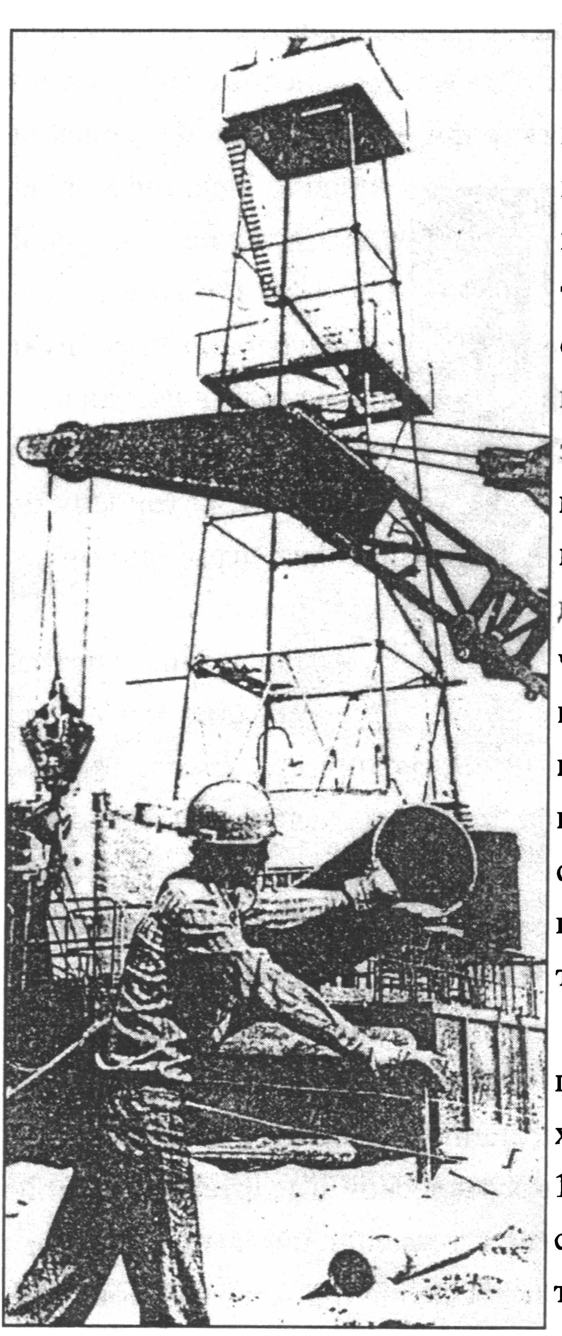


Тепловозоремонтный завод

Предприятия отрасли выпускают также резинотехнические изделия, лакокрасочные материалы, медицинскую пробку, формовую, и клеевую обувь. Прирост объемов в химической и нефтехимической отраслях в 1999 г.(+10%) получен за счет увеличения выпуска серы, лакокрасочных материалов, формовых изделий и рукавов. Стабильно

работают АООТ «Астраханский завод резиновых технических изделий», фирма «Астрахим».

АООТ «Астраханский завод резиновых технических изделий» имеет значительные перспективы. Потребность в его продукции (рукава напорные, формовые изделия, кольца виниловые, техпластины, уплотнители т.д.) значительны и продолжает расти. На предприятии освоено производство рулонного кровельного и гидроизоляционного материала – стеклопласта, потребность региона в котором на сегодняшний день составляет до 250 тыс.кв.м. В перспективе планируется на базе одного из действующих производственных цехов создать участок по производству этого вида продукции. В области имеются значительные возможности для дальнейшего развития химической промышленности. В районе озера Баскунчак содержатся промышленные запасы брома, возможна организация производства мощностью 2 – 2,5 тыс. тонн в год при потребности России в 10 тыс. тонн.



Из года в год увеличивает производство серы ООО «Астраханьгазпром». С вводом в конце 1997 г. первого пускового комплекса второй очереди газоперерабатывающего завода ее объемы воз-

росли в 1,5 раза к уровню 1997 г., в 1999 г. еще на 13%.

Основная проблема для ООО «Астраханьгазпром» – это увеличение отгрузки серы в гранулированном виде (основной объем отгружаемой серы составляет комовая, которая уже не удовлетворяет требованиям потребителей). На сегодняшний день на предприятии введены две установки по производству гранулированной серы, позволяющие производить до 4,5-5 тыс. тонн этой продукции в сутки.

В 1999 г. в рамках реализации разработанной ООО «Астраханьгазпром» «Программы по использованию серы в строительстве» на предприятии введена установка по производству серобетона, разрабатывается проект установки по производству мелкогранулированного серного цемента мощностью 50 тыс. тонн в год, проводятся экспериментальные работы по применению сероасфальтобетона в дорожном строительстве.

В целом химическая промышленность завершила 1999 г. с прибылью в 2,3 млн.рублей.

Менее эффективно развивается мебельная и деревообрабатывающая промышленность. Объемы производства в отрасли в 1999 г. составили лишь 4% от уровня 1990 г., ее удельный вес в промышленном производстве региона снизился до 0,5% (в 1990 г. – 6%).

Основная доля низких показателей приходится на мебельную отрасль, где предприятия в условиях жесточайшей конкуренции до сих пор не смогли найти свою нишу на рынке товаров. Инвестиционный кредит, выделенный в 1998 г. ОАО «Астраханский мебельно-деревообрабатывающий комбинат» (удельный вес в отрасли 20%) под гарантии администрации области в объеме 7 млн. рублей, рассчитанный именно на модернизацию производства, расширение ассортимента и улучшение качества выпускаемой продукции, не способствовал выходу предприятия на качественно новый уровень производства. Из-за падения покупательского спроса на свою продукцию, предприятие продолжает работать убыточно (по итогам 1999 г. убытки составили

3,5 млн. рублей).

Негативное влияние на общие производственные и финансовые результаты отрасли оказывает деятельность некогда крупнейшего предприятия отрасли – ОАО Астраханьбумпром»: на его долю приходится свыше 70% убытков, 80% дебиторской и 60% кредиторской задолженности, около 55% задолженности в бюджет и внебюджетные фонды. Для стабилизации положения в 1998-1999 гг. была проведена реструктуризация ряда предприятий. На базе ОАО «Астраханьбумпром» образовались новые предприятия по производству силикатного кирпича, гофроящиков, по сушке и ферментации табака и другие. Проведена реструктуризация ОАО «Каспрыбтара» с выделением жестяно-баночного, столярного и картонажного производств и АООТ «Лесоперевалочный комбинат», на базе цехов которого создан ряд дочерних предприятий, специализирующихся на выпуске тары, столярных изделий, мебели, на проведении монтажа линий по производству рыбных консервов в рыболовецких колхозах.

В целях стабилизации финансового положения в отрасли Администрацией области предоставлялись предприятиям льготы по уплате земельного налога в части, зачисляемой в областной бюджет, проводилась консервация основных фондов (ОАО «Каспрыбтара», АООТ «Лесоперевалочный комбинат» и др.).

Перечисленные мероприятия позволили значительно замедлить в последние годы темпы падения промышленного производства в отрасли (от 50-55% в 1994-1996 г.г. до 12% в 1998 г. и 3% в 1999 г.). Растут объемы производства на ОАО «Деревообрабатывающий комбинат» и ОАО «Астртара» (созданного в процессе реструктуризации ОАО «Каспрыбтара»).

Несмотря на отмеченные позитивные сдвиги, положение в отрасли остается сложным: убытки составляют 17 млн. рублей. Кредиторская задолженность в два раза превышает дебиторскую и составляет около 70 млн. рублей, растет недоимка по налоговым платежам

в бюджет.

В промышленности строительных материалов процесс стабилизации производства начался в 1997 г. (падение объемов составило лишь 0,5% по сравнению с 23-35% в 1993-1996 г.г.). Связано это с ростом жилищного строительства, в результате которого резко возрос спрос на строительные материалы, применяемые в индивидуальном жилищном строительстве. Определенную позитивную роль сыграла и проводимая при содействии администрации области реструктуризация предприятий отрасли с выделением из ее состава крупных подрядных строительных организаций по производству и выпуску строительных материалов, на долю которых приходилось около 50% объемов отрасли. Значительно возросло в этот период производство стеновых материалов, строительного кирпича, гипса, асфальтобетонной смеси. За счет использования местного природного сырья расширился ассортимент выпускаемой продукции, произошло изменение структуры производства строительных материалов. Был освоен выпуск новых изделий: строительных конструкций для строительства морского порта Оля теплоизоляционных пенополистирольных плит, окон и дверей из пластмасс и др.

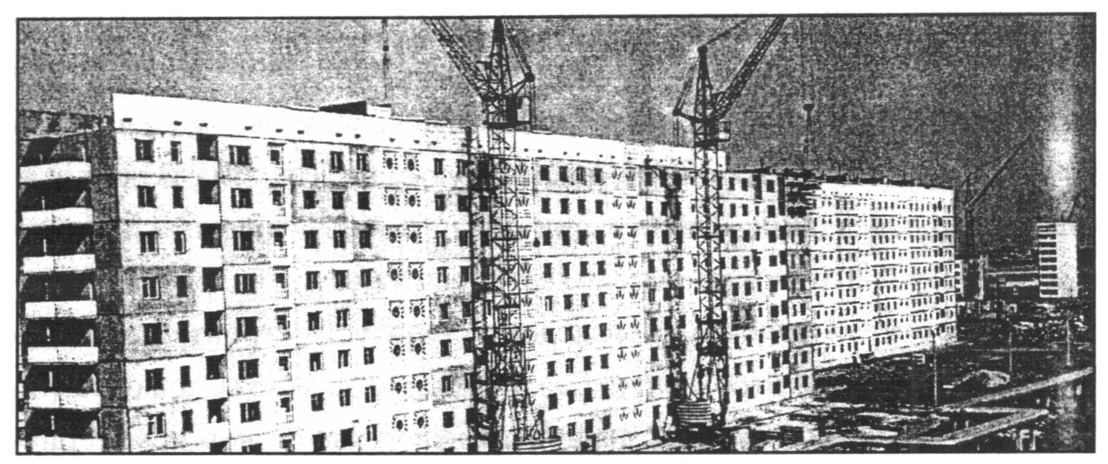
В 1999 г. в отрасли были сохранены высокие темпы прироста объемов производства (34-44%). Возросло производство строительного кирпича, товарного бетона, гипса, гипсового камня, асфальта, конструкций и изделий из сборного железобетона.

Впервые за последние годы была получена балансовая прибыль – 2,1 млн. рублей. Доля рентабельно работающих предприятий за три года возросла с 40% до 54%. Среди них ЗАО ПКП «ЖБК-2», ООО «Завод железобетонных конструкций РАО «Газпром», ЗАО «Минерал», ОАО «Промстройматериалы». На их долю приходится свыше 90% полученной в отрасли прибыли.

Все это стало возможным благодаря освоению новых промышленных технологий, ориентации производства строительных матери-

алов на использование местного природного сырья.

Успешно реализуется программа развития ЗАО «Минерал», одного из крупнейших предприятий отрасли, финансируемого частной



Новые кварталы города

фирмой «Кнауф» (Германия). На предприятии внедрено новое оборудование для производства и упаковки гипса. В настоящее время закончена модернизация дробильно-сортировочной установки мощностью 360 тысяч кубометров гипсового камня в год.

Большие перспективы в развитии отрасли открывает использование серы в строительных технологиях. Строительные материалы, включающие в себя серу, более долговечны, прочны и устойчивы к агрессивным средам, чем традиционные строительные материалы. Кроме того, они технологически безопасны. В 1999 г. ООО «Астраханьгазпром» разработана «Программа по использованию серы в строительстве» и прошла презентация пилотной установки по производству серобетона и сероасфальта. В настоящее время на предприятии разрабатывается проект опытно-промышленной установки по производству мелкогранулированного серного цемента мощностью до 50 тыс. тонн в год. Этот объем позволит практически полностью обеспечить потребности рынка стройиндустрии области. О том, что производство строительных материалов стабилизировалось и имеет благоприятную перспективу, свидетельствуют результаты 1999 г.: в этом году

объемы отрасли выросли до 136,2%.

В последние годы в области стабильно растут объемы производства пищевой промышленности – второй по значимости (после топливной) отрасли в промышленном комплексе региона. На ее долю приходится около четверти объемов производства, от 30 до 50% прибыли, свыше 30% налоговых платежей в бюджеты всех уровней, 100% акцизных платежей в областной бюджет, свыше 20% добавленной стоимости, создаваемой в промышленности. Здесь сосредоточено 34% всех промышленных предприятий региона, на которых занято около 30% работающих в промышленности.

На протяжении последних трех лет в Астраханской области проделана большая работа, сочетающая административно-экономические рычаги и финансовую поддержку, позволившие обеспечить стабилизацию и развитие данного сектора промышленного производства. Только в 1997 г. под гарантию Администрации области было выделено 24,4 млн. рублей кредитных ресурсов.

Кроме этого, проводилась пролонгация выданных ранее кредитов, взаимозачеты, предоставлялись отсрочки по уплате налогов в бюджет и другие формы финансовой поддержки принимались меры по содействию в сбыте пищевой продукции.

Был размещен областной государственный заказ на производство и поставку продукции для департаментов образования, здравоохранения и социальной защиты. Наряду с вышеперечисленными мерами постоянно проводилось техническое переоснащение предприятий пищевой промышленности.

Так, например, техническое переоснащение крупнейшего производителя кондитерских изделий ОАО «Кондитерская фабрика «Слада», проведенное в 1997-98 гг., дало положительный эффект. Возрос выпуск кондитерских изделий, повысилось качество, расширился ассортимент выпускаемой продукции. На сегодняшний день на фабрике выпускается более 80 наименований карамели и конфет.

Перечисленные мероприятия, проведенные руководителями перерабатывающих предприятий не могли не дать положительных результатов. В 1997 г. прирост объемов (к уровню предыдущего года) составил – 5%, в 1998 г. – 3%, в 1999 г. – 27,3%.

1999 г. стал периодом особенно ускоренного роста пищевой промышленности. Значительно увеличилось производство товарной пищевой рыбной продукции, включая консервы, соли поваренной, кондитерских изделий, водки и ликероводочных изделий, табачных изделий, плодоовощных консервов. Все это привело к тому, что предприятиями отрасли было перечислено 463,44 млн. рублей налоговых платежей в бюджеты всех уровней, в том числе в бюджет территории 262,23 млн. рублей, около 172 млн. рублей акцизных платежей. Кроме того, получено 178,2 млн. рублей прибыли (10,8% прибыли в промышленности), наибольшая доля в этом объеме принадлежит АООТ «Комбинат «Бассоль» (117,2 млн. рублей), АООТ «Астраханский рыбокомбинат» (16,2 млн. рублей), ОАО «Астраханский ликеро-водочный завод» (17,9 млн. рублей), АО «Табачная фабрика» (7,7 млн. рублей).

В последние годы в Астраханской области проделана большая работа по стабилизации и развитию овощеперерабатывающей промышленности. В 1998 г. в целях улучшения финансового состояния, увеличения объемов производства, расширения ассортимента выпускаемой продукции проведена реструктуризация ряда предприятий плодоовощной промышленности с выделением наиболее перспективных производств в самостоятельные подразделения (были созданы ОАО «Астраханские консервы», ОАО «Консервный завод», ООО ПФК «Асткон», ООО ПФК «Конзас» и др). Кроме того, на приобретение сельхозпродукции овощеперерабатывающим предприятиям в 1999 г. из специального фонда льготного кредитования были выделены кредиты в сумме 3,036 млн. рублей.

Консервными заводами области переработано в 1999 г. 36,1 тыс. тонн овощной продукции (115% к уровню 1998 г.), производство пло-

доовощных консервов возросло в 1,3 раза. Наряду с производством плодоовощной продукции овощеперерабатывающими предприятиями освоен выпуск рыбных и мясных консервов. Проведенная работа по взаимовыгодной интеграции производителей овощной продукции Харабалинского района с ОАО «Астраханские консервы» способствовала увеличению объемов переработки овбщей в 1999 г. в 1,5 раза по сравнению с 1998 г. Объем овощей, переработанный на заводе, составляет примерно 50% от переработки овощей всеми консервными заводами области.

Увеличение добычи соли (в 1999 г. в 3,8 раза к уровню 1998 г.), освоение новых видов продукции – йодированной и технической соли, вывело АО «Бассоль» в разряд наиболее стабильно работающих предприятий (по итогам 1999 г. им получено 117,2 млн. рублей прибыли – 65,8% прибыли в пищевой промышленности).

В последние годы снижаются объемы производства на крупных предприятиях хлебопекарной отрасли, которым трудно выдерживать серьезную конкуренцию с многочисленными мелкими товаропроизводителями. Для удержания позиций на местном рынке крупные хлебопекарные предприятия постоянно работают над улучшением качества и расширением ассортимента выпускаемой продукции, осуществляют модернизацию производства, внедряют новые технологии, расширяют торговую сеть.

Неурожай зерновых в 1998 г. и связанное с ним снижение в 1999 г. поставок на переработку зерна на ОАО «Комбинат хлебопродуктов», а также недопоставки риса-зерна на АООТ «Крупяной завод» обусловили снижение объемов производства в мукомольно-крупяной промышленности (85,7%). С целью полной загрузки производственных мощностей АООТ «Крупяной завод» Администрацией области было принято постановление «О повышении эффективности производства риса», предусматривающее ряд мер, позволяющих увеличить сырьевые потоки на АООТ «Крупяной завод» (рисосеющим хозяйствам ре-

комендовано не производить отпуск риса-сырца в счет платежей и взаиморасчетов, введено обязательное лицензирование деятельности по переработке риса-сырца в крупу).

Под постоянным контролем администрации области находится мясомолочная промышленность, положение в которой остается сложным. Из года в год снижаются объемы производства. Фактическая загрузка производственных мощностей по предприятиям этой подотрасли в среднем составляет 20%.

Осуществляется реструктуризация ОАО «Молочный комбинат «Астраханский». На предприятии начал работать цех по производству молочной продукции с добавлением сои.

Пройден трудный период становления ОАО «Астраханские колбасы», выделившимся в результате реструктуризации ОАО «Мясной комбинат «Астраханский». В 1998 г. предприятию было выделено 400 тыс. рублей, в том числе 300 тыс. рублей беспроцентного кредита. В 1999 г. произведено 418 тонн колбасных изделий (проектная мощность 720 тонн). Ассортимент выпускаемой продукции насчитывает более 30 наименований.

Увеличивается производство и расширяется ассортимент ликероводочных изделий на ОАО «Астраханский ликероводочный завод». На международной ярмарке в Москве «Продэкспо-99» предприятие награждено серебряной и бронзовой медалями. На выставке «Традиции российского застолья», проходящей под эгидой «Символ-2000», продукция предприятия удостоена золотых медалей.

В результате комплекса мер, предпринятых администрацией области, в 1999 г. впервые за три годы возросло производство пива ОАО «Астраханский пивзавод». Уделяется большое внимание технической реконструкции производства. Сегодня пивкомбинат обладает единственной в области лабораторией, которая позволяет вести постоянный контроль за качеством воды.

Установка нового технологического оборудования в АООТ «Ас-

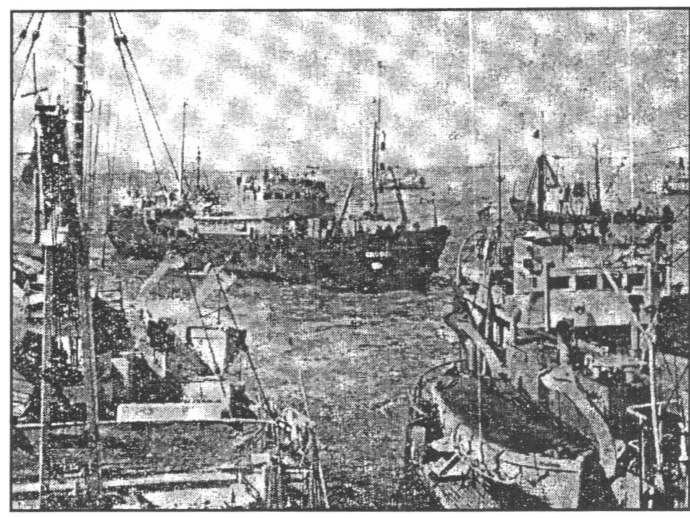
траханская табачная фабрика» во втором полугодии 1998 г. позволила обеспечить рост объемов сигарет в 1999 г. в 1,7 раза. Кроме того, в связи со значительным удорожанием импортной табачной продукции повысился спрос на продукцию местных производителей, которые в последние годы при производстве сигарет ориентируются на использование местного табака, выращиваемого в хозяйствах области. На закупку табачного сырья АООТ «Астраханская табачная фабрика» был выделен льготный кредит в сумме 1 млн. рублей из средств спецфонда льготного кредитования через СБС-АГРО. В 1999 г. на фабрику поставлено 230 тонн табака.

Рыбная отрасль является одной из традиционных отраслей региона и занимает наибольший удельный вес в объемах пищевой промышленности (около 40%).

В течение ряда последних лет отрасль переживала затяжной кризис. Несмотря на рост вылова рыбы, объемы производства товарной пищевой рыбной продукции на рыбоперерабатывающих предприятиях неуклонно снижались. Все большая часть выловленной рыбы продавалась за пределы области в непереработанном виде, или направлялась на простейшую переработку самими рыболовецкими колхозами. Падало производство рыбных консервов.

Для того, чтобы вывести рыбную промышленность из кризисного состояния и преобразовать ее в рентабельное производство, была принята федеральная целевая программа «Развитие рыбного хозяйства Российской Федерации» («Рыба»), которая предусматривает модернизацию производственной базы областного рыбохозяйственного комплекса. ОАО «Каспрыба» были предоставлены гарантии Правительства РФ и Администрации области для получения инвестиционного кредита под строительство в ФРГ шести рыбопромысловых судов, три из которых уже прибыли в Астрахань. Три модернизированных РМС «Каспий» ожидаются в первой половине 2000 г. Кроме того, Администрацией области приняты дополнительные меры по финансиро-

ваию рыбной промышленности региона. В 1998-1999 гг. проводились работы по техническому перевооружению и капитальному ремонту рыбоводных заводов, на что было израсходовано 6,85 млн. рублей из средств поддержки рыбной отрасли. Астраханским рыбным морским портом ежегодно проводятся ремонтные дноуглубительные работы на каналах – рыбоходах за счет средств от продажи квот на вылов осетровых видов рыб. Проведено техническое перевооружение и капитальный ремонт ряда рыбоводных заводов (Сергиевский, Александровский, Кизанский). С целью воспроизводства осетровых видов рыб осуществлялись работы по реконструкции прудовых площадей по выращиванию осетровой молоди.

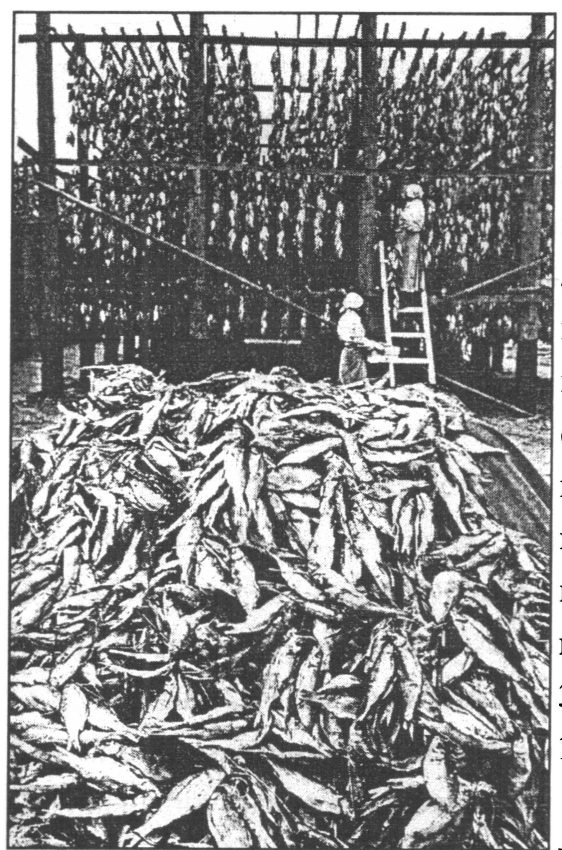


В Каспийском море-озере десятки рыболовных судов собирают богатые уловы «живого серебра»

Дала свои результаты реструктуризация большинства крупных рыбоперерабатывающих предприятий. Так, на базе ОАО «Оранжерейный рыбокомбинат» были созданы три новых предприятия, два из которых занимаются производством рыбной продукции. В 1999 г. ими произведено продукции в 1,3 раза больше, чем за аналогичный период прошлого года. Реструктуризация проведена и на таких крупных предприятиях отрасли, как ОАО «Густера», ОАО «Володарский рыбокомбинат», ОАО «Рыбокомбинат им. Куйбышева», ОАО «Кировский рыбозавод», в результате которой значительно расширился ассортимент выпускаемой продукции, увеличились объемы производства филе из рыбы частиковых пород, копченой, вяленой и кулинарной рыбной продукции.

Кроме того, ряд овощеперерабатывающих предприятий (ООО «Конзас», ОАО «Астраханские консервы», АОЗТ «Камос») перепрофилировали часть своих мощностей на производство рыбных консервов (их доля в областном производстве рыбных консервов составляет на сегодняшний день 44%).

За период 1997-1999гг. заметно возросли объемы добычи рыбы. Если в 1997 г. было выловлено 117 тыс. тонн (108% к уровню 1996 г.), то в 1999 г. уже 170 тыс. тонн (118% к уровню 1998 г.), из них 125 тыс. тонн кильки. Добыча рыбы крупными и средними рыбодобывающими предприятиями в 1999 г. увеличилась на 53% к уровню предшествующего года. Доля рыболовецких колхозов в общих уловах составила 17%. Эти позитивные изменения вполне закономерно привели к росту производства товарной пищевой рыбной продукции. В 19997 г. ее прирост составил 35% к уровню предыдущего года, 1999 г. – еще 29%.



Съем вяленой воблы на Ниновском пункте Оранжерейнинского рыбокомбината

В 1999 г. ряд предприятий рыбной промышленности из убыточных перешли в разряд рентабельных. К их числу относятся, прежде всего, АООТ «Каспрыбхолодфлот», ОАО «Каспрыба», АООТ «Астраханский рыбокомбинат», ОАО «Камызякский», ОАО «База морского лова» и другие.

Целенаправленная экономико-управленческая деятельность Администрации области и ее финансовая политика, предприимчивость

руководства предприятий, работоспособность коллективов привели к тому, что в 1999 г. предприятиями отрасли было получено 48,3 млн. рублей прибыли, что составило 27% от всей прибыли пищевой промышленности Астраханской области.

В целом же объем производства в пищевой промышленности в 1999 г. увеличился в сравнении с предшествующим годом на 27,3%, что еще раз подтверждает стабильность развития в Астраханской области этой ведущей отрасли производства.

Некогда занимавшая одно из ведущих положений в экономике области легкая промышленность (удельный вес в промышленности в 1990 г. составлял 18%) в начале 90-х годов оказалась в глубоком кризисе. Объем ее производства в 1997 г. к уровню 1990 г. составлял лишь 18%, удельный вес отрасли в промышленном секторе экономики снизился до 1%.

Для улучшения ситуации в легкой промышленности были разработаны программы по увеличению объемов производства и расширению ассортимента выпускаемой продукции. Принимались меры по погашению задолженности в бюджеты всех уровней и внебюджетные фонды путем проведения взаимозачетов. Оказывалось содействие в поставке продукции предприятий под потребности департаментов социальной сферы. Был установлен государственный заказ на закупку шерсти, предприятиям отрасли под гарантии Администрации области, выделялись кредиты на увеличение производства товаров народного потребления.

В 1998 г. наметились первые признаки стабилизации ситуации. Начиная с июня шло постоянное наращивание объемов производства и по итогам года удалось достичь прироста к уровню 1997 г. в 28%. Существенно выросли объемы в швейной подотрасли, рентабельно заработало ОАО «Сетевязальная фабрика», с целью возрождения меховой промышленности было создано новое предприятие ООО «Астраханский мех».

В 1999 г. наметившиеся позитивные процессы получили дальнейшее развитие, прирост составил 18,5% к уровню 1998г. Этому в значительной степени способствовали постановления Администрации области «О мерах по возрождению легкой и текстильной промышленности», «Об установлении регионального заказа на шерсть в 1999 году», «Об организации закупки продукции для государственных нужд в 1999 году». Наиболее рентабельно работает ОАО «Сетевязальная фабрика», на долю которой приходится 72% полученной в отрасли прибыли (3,34 млн. рублей). Но, несмотря на увеличение объемов производства в 1999 г. почти в два раза, предприятие испытывает трудности с приобретением сырья для производства уникальной продукции – наплавов (пенообразующей композиции – пенополиэтилена). В настоящее время ведутся переговоры с его потенциальными поставщиками.

Просушка и починка сетей

Стабилизируется ситуация на другом крупнейшем предприятии отрасли АООТ «Астратекс», которое за три последних года увеличило выпуск своей продукции в два с лишним раза, сократило убытки на 10,3 млн. рублей по сравнению с 1997 г., некоторые цеха перешли на двухсменный режим работы. Предприятие практически завершило внутреннюю реструктуризацию – проведена реконструкция прядильной и трикотажной фабрик с целью создания предприятия по производству пряжи и изделий, способного быстро реагировать на спрос потребителя. Это позволиило при двухсменном режиме работы довести производство пряжи до 2200 тонн в год, трикотажных изделий до 1150

тыс. штук, что превысило уровень 1998 г. соответственно в 7,4 и в 5 раз. Особое внимание уделяется снижению затрат и повышению эффективности использования имеющихся основных средств. Реконструкция предприятия позволит высвободить помещения площадью 25 тыс. кв. м, которые будут использоваться для развития новых производств. Главной проблемой остается приобретение сырья. Предполагается, что в 2000 г. на полную мощность заработает завод по производству нитрона в Саратове, а это, в свою очередь, позволит АООТ «Астратекс» загрузить свои производственные мощности. Ведутся переговоры о поставках шерсти сельхозпроизводителями Астраханской области, а также Казахстана. В 1999 г. предприятием было произведено 478 тонн пряжи (161% к уровню 1998 г.), 249 тыс. штук верхнего трикотажа (108,7%).

Вместе с тем положение в отрасли остается достаточно сложным. Мощности предприятий на сегодняшний день загружены на 30-50%. Из-за резкого снижения объема инвестиций в отрасль остается высокой степень износа основных производственных фондов (около 45%). Убытки по итогам 1999 г. составили 7,04 млн. рублей, растет кредиторская задолженность. На сегодняшний день она оставляет 73,3 млн. рублей и около 70% ее приходится на задолженность в бюджет и внебюджетные фонды. Остро стоит проблема обеспеченности предприятий отрасли оборотными средствами.

Сложная ситуация на АОЗТ «Швейная фирма «Дельта», которое в последние годы практически не работает на внутрироссийский рынок, экспорт составляет около 88%. Убытки этого предприятия по итогам 1999 г. составили 0,85 млн. рублей. В настоящее время структура АОЗТ «Швейная фирма «Дельта» претерпевает коренные изменения, идет переориентация производства на использование отечественного сырья, продолжается работа по поиску товарных ниш для продукции предприятия на внутрироссийском рынке.

ОАО «Обувная фабрика», поставлявшее в прежние годы свою продукцию в 30 регионов страны и выполнявшее заказы для силовых ми-

нистерств, к настоящему времени прекратило производство обуви, убытки составляют 1,12 млн. рублей, кредиторская задолженность в 313 раз превышает дебиторскую.

Руководством предприятия при содействии Администрации области были разработаны мероприятия по финансовому оздоровлению фабрики, графики погашения долгов во внебюджетные фонды, прорабатываются различные варианты кредитования на восстановление обувного производства.

Августовский кризис 1998 г. и связанное с ним снижение поставок импорта дали предприятиям легкой промышленности возможность усилить свои позиции на отечественном рынке. Однако рост объемов производства может быть значительным лишь при условии оказании ощутимой государственной поддержки в деле пополнения оборотных средств предприятий за счет кредитов.

Финансово-экономическое состояние области, уровень жизни населения в значительной мере зависят от степени развития сельского хозяйства. Производством сельскохозяйственной продукции на сегодняшний день в Астраханской области занимаются 149 сельхозпредприятий и около 1758 крестьянских (фермерских) хозяйств.

Основное внимание в вопросах развития сельского хозяйства области уделялось реализации задач, определенных Федеральной целевой программой социально-экономического развития агропромышленного комплекса Астраханской области на 1997-2000 годы.

В 1999 г. посевы сельскохозяйственных культур во всех категориях хозяйств области заняли 105,9 тыс. га, под зерновыми было занято 53,9 тыс. га, в том числе под рисом – 23,1 тыс. га, овощными культурами – 17,8 тыс. га, бахчевыми – 7,6 тыс. га и кормовыми культурами – 17,2 тыс. га.

Сокращение общей посевной площади произошло во всех категориях хозяйств: в общественном секторе площадь посевов уменьшилась на 43 % к уровню 1997 г. и на 28 % к 1998 г., по крестьянским (фер-

мерским) хозяйствам на 20 % к уровню 1997 г. и на 6 % к 1998 г.

Сокращение посевных площадей обусловлено крайне неблагоприятными погодными условиями 1998-99 гг.: поздние весенние заморозки, засуха, ливневые дожди с градом, подмочка, подтопление, нашествие саранчовых и других вредителей, отсутствие необходимых запасов влаги, износ и уменьшение численности машинно-тракторного парка, водополивной техники, почво-обрабатывающих и уборочных машин, перебои с приобретением ГСМ, низкий уровень агротехники и недостаток средств для финансирования сельхозработ.

Вместе с тем в 1999 г. увеличились посевы овощных культур на 20% к уровню 1997 г. и на 9% к 1998 г., бахчевых на 12% к уровню 1998 г.

Погрузка арбузов на пристани Оля

Оказанные в 1997-99 гг. особое внимание и поддержка нетрадиционным и перспективным направлениям – табаководству и хлопководству позволили увеличить площади посевов табака в 6,7 раз к 1997 г. и

в 3,3 раза к 1998 г. хлопчатника – в 4 раза к 1997 г. и на 14% к 1998 г. За счет увеличения посевных площадей и применения новых технологий сбора и хранения урожая производство табака в 1999 г. возросло в 8,5 раз к 1997 г., в 2,9 раза – к 1998 г.; производство хлопка, соответственно, в 5,7 и в 2,4 раза.

В связи с влиянием жесточайшей засухи снизилось производство зерновых к уровню 1997 года на 58 % и стабилизировалось в 1998-99 гг., на уровне 44 тыс. тонн.

Производство риса в 1999 г. уменьшилось по сравнению с 1997 г. на 17,5 % и увеличилось на 3,7 % по сравнению с 1998 г. Несмотря на уменьшение посевных площадей, за счет роста повышения урожайности в 1999 г. удалось произвести зерна не меньше, чем в 1998 г.

Сильно пострадали хозяйства области от стихийных бедствий. Общий ущерб в 1998 г. составил 126 млн. руб., в 1999 г. – 108 млн. руб.

В качестве компенсации ущерба, нанесенного стихийными бедствиями в 1998 г., был произведен зачет задолженности сельхозтоваропроизводителей по товарному кредиту на нефтепродукты за 1995 г. на сумму 23,5 млн. рублей, а также пролонгирован возврат средств по лизингу на 8,4 млн. рублей; в 1999 г. был произведен аналогичный зачет на сумму 10,1 млн. руб.

В молочном и мясном животноводстве продолжалась работа по замене существующего низкопродуктивного скота на высокопродуктивный племенной скот. Оказывалась помощь в приобретении хозяйствами ветеринарных препаратов и технологического оборудования по переработке животноводческой продукции.

В овцеводстве велась работа по сохранению и целевому использованию имеющегося в области генетического потенциала тонкорунной, каракулевой и эдильбаевской пород на имеющихся племенных заводах и фермах.

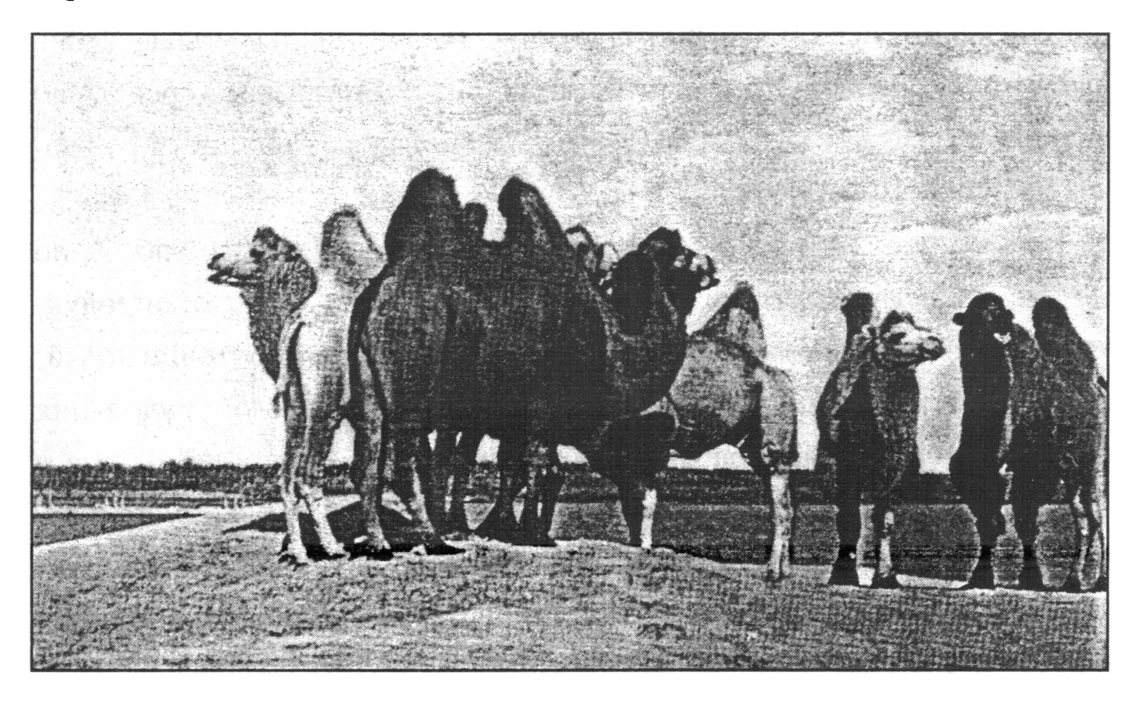
В табунном коневодстве и верблюдоводстве осуществлялась работа по сохранению поголовья лошадей и верблюдов, улучшению их

породности, повышению продуктивных признаков.

В результате постоянно проводимых вакцино-профилактических мер не были допущены опасные заболевания сибирской язвой, ящуром, чумой свиней и т.д. Ряд хозяйств оздоровлены от туберкулеза и бруцеллеза. Большое внимание уделялось экспертизе и контролю за реализуемыми в области продуктами животноводства.

На протяжении всех последних лет принимались меры по финансовой поддержке отраслей животноводства. Так, в течение 1997-1999 гг. дотации из федерального бюджета на эти цели составили 13,465 млн. рублей, из областного – 44,4 25 млн. рублей.

Все средства, направляемые на поддержку животноводства, выделялись прежде всего хозяйствам, где на должном уровне занимаются производством продукции, сохранением племенного ядра и маточного поголовья животных. Проведенная работа и принятые меры поддержки в некоторой мере позволили ослабить кризисные тенденции в отрасли.



Вместе с тем положение дел в животноводстве по-прежнему остается сложным. В хозяйствах всех категорий области сокращается

численность поголовья скота, в том числе и маточного, падают объемы производства и реализации животноводческой продукции, сокращаются ее поставки потребителям. За 1998 г. по сравнению с 1997 г. в хозяйствах всех категорий области поголовье крупного рогатого скота сократилось на 5,8%, в том числе: коров на 3,5%, овец и коз на 12,1%количество свиней увеличилось на 16,5%.

За 1999 г. по сравнению с 1998 г. в хозяйствах всех категорий области поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 1,6%, в том числе коров на 1,3%, овец и коз на 9,4%, свиней – сократилось на 16,5%. Рост численности поголовья скота в основном наблюдался в хозяйствах частных владений населения. Несмотря на некоторую стабилизацию поголовья скота, объемы производства всех видов животноводческой продукции все-таки снижаются.

Производство яиц в области в 1997-99 гг. стабилизировалось на уровне 172-174 млн. шт. Стабильно работают почти все птицефабрики области. Произведенный ими объем яиц в 1999 г. по сравнению с 1997 г. увеличился на 3,0 млн. шт. и составил 141,1 млн.шт. В настоящее время птицефабрики полностью удовлетворяют потребности населения области в яйце по ценам не выше сложившихся в других регионах.

В последние годы наблюдается резкое снижение и объемов капитальных вложений. Из-за постоянной и длительной задержки оплаты за выполненные работы происходит удорожание строительства. Многие объекты находятся в незавершенном строительстве или законсервированы. Несмотря на имеющиеся трудности, в 1999 г. введены в строй 303 га орошаемых земель, проведены работы по комплексной реконструкции на площади 590 га, заменен трубопровод протяженностью 0,5 км, реконструированы очистительные сооружения типа «Струя – 800» и водоводы сел Линейное, Туркменка.

Одним из важнейших направлений проводимой в 1997-99 гг. работы было обеспечение сельскохозяйственных товаропроизводителей топливом.

В целях полной, своевременной и бесперебойной поставки нефтепродуктов использовались различные подходы: покупка за счет средств льготного кредитования, товарный кредит из областного бюджета, заимствование из государственного резерва.

Так, в счет товарного кредита поставлено ГСМ: в 1997 г. – 8340 тонн, в 1998 г. -4450 тонн. При этом особое внимание уделялось обеспечению минимальных цен на поставляемые горюче-смазочные материалы. Это достигалось как путем осуществления прямых поставок с ООО «Астраханьгазпром», так и выбором поставщиков. В результате в период с 1997 по 1999 гг. удалось добиться снижения снабженческо-сбытовой наценки с 25 до 15%.

В 1999 г., несмотря на острый дефицит и резкий рост цен на нефтепродукты, удалось добиться полного и бесперебойного обеспечения сельхозтоваропроизводителей топливом. Кроме того, в область было поставлено по ценам, определенным «Соглашением о сотрудничестве по стабилизации положения в экономике Российской Федерации» 2800 тонн ГСМ, что позволило сельхозтоваропроизводителям области сэкономить 3,6 млн. рублей.

Сохраняется тенденция ухудшения технической оснащенности сельскохозяйственных товаропроизводителей. До 85% основных видов сельскохозяйственной техники эксплуатируется за пределами срока амортизации. В 1997 г. за счет средств, выделенных из федерального бюджета, в область поступило 20 тракторов, 2 рисоуборочных комбайна и 11 грузовых автомобилей. В 1998 г. по различным причинам поступление сельскохозяйственных машин в область сократилось.

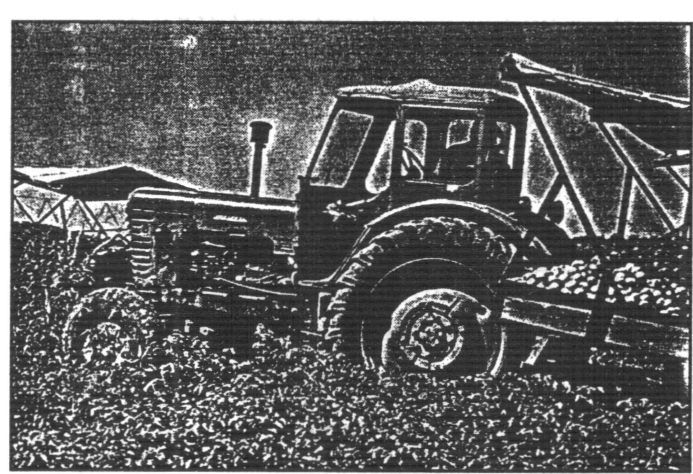
В 1999 г. удалось преодолеть эту негативную тенденцию. В результате принятия мер по погашению задолженности по лизинговым платежам сельхозтоваропроизводителям области было передано 2 трактора, 8 жаток, 11 автомобилей и 3 единицы кормоуборочной техники на сумму 1,9 млн. рублей. В настоящее время ведется работа по созданию областного лизингового фонда, что позволит удовлетворить часть

потребности сельхозтоваропроизводителей области в технике.

В целях более эффективного использования имеющегося парка сельскохозяйственных машин, в первую очередь дорогостоящих, и снижения издержек сельхозтоваропроизводиелей по их обслуживанию в области в 1997-99 гг. было создано 2 машино-технологических станции (МТС).

В 1999 г. МТС Камызякского района, имеющей в составе 9 рисоуборочных комбайнов, было скошено 460 га и обмолочено 516 га риса. Производительность в расчете на один комбайн превысила на 18 % средний показатель по области. С учетом достигнутых результатов в 2000 году планируется продолжить работу по организации МТС в других районах (в первую очередь, Харабалинском и Икрянинском), а также расширить перечень предоставляемых МТС услуг.

Отмечая трудности и проблемы, сохраняющиеся в сельскохозяйственном производстве, следует все-таки сказать, что и в этой сфере хозяйства области наметились позитивные тенденции. Этот тезис подтверждается хотя бы тем, что в 1999 г. получен рост валовой продукции сельского хозяйства на 9,1% (прогноз – 7%). В денежном выражении этот прирост составил 2751 млн. рублей. Сухой, но яркий язык цифр подтверждает взвешенность прогнозируемых планов развития сельскохозяйственного сектора экономики области и реальность их выполнения.



Механизированая уборка томатов

Подводя итог общему состоянию экономики Астраханской области конца XX столетия. следует заметить, что в последние годы эконо-

мическая политика Администрации области была направлена прежде всего на создание организационных и правовых условий для развития экономики и поддержку социально незащищенных слоев населения в условиях проводимых реформ. Изначально очерченные основные стратегические направления позволили заложить основу нового рыночного экономического пространства области. Это – развитие рыночной инфраструктуры, обеспечение топливно-энергетической независимости области, формирование транспортной системы, позволяющей использовать выгодное политическое положение региона, развитие отраслей, опирающихся на местную сырьевую базу.

Все эти приоритеты являются программой действий жителей Астраханской области на ближайшую перспективу.

§2. Формирование государственных органов власти и системы местного самоуправления, принципы их взаимосвязей

Краткий экскурс в недалекое прошлое свидетельствует, что в 60-80-е гг., несмотря на элементы известной демократизации политической жизни общества, продолжали сохраняться многочисленные деформации, истоки которых зримо просматриваются в предшествующие годы. Это особенно хорошо видно на развитии и деятельности Советов. В 60-х – первой половине 80-х гг. действовал такой политический механизм: представители трудящихся собирались на сессии Советов лишь для того, чтобы в течение нескольких дней обсудить и утвердить решения, подготовленные бюрократией исполнительных органов. Тем самым документы Советов по существу оказывались лишенными самостоятельности в законодательной деятельности влиянии на государственное строительство, на проведение в жизнь принимаемых решений. Сложный процесс организационного формирования Советов всех уровней вел к злоупотреблению власти в центре и на местах, исключалась возможность контролировать действия руководящих должност-

ных лиц.

Падал престиж Советов, снижался интерес населения к их деятельности. Сфера законодательной и представительной власти была формализована, резко усилилась роль партийно-административной бюрократии, отсутствовала реальная контрольная деятельность трудящихся, ослабла самостоятельность общественных организаций. Советское государство нуждалось в создании качественно новой политической обстановки, в кардинальных политических, социально-экономических и культурно-идеологических реформах, в качественно новых изменениях всех сфер жизни и деятельности.

С середины 80-х и особенно с начала 90-х гг. в России, как и в целом в СССР, стали происходить серьезные изменения. Они затронули все стороны социально-экономической и особенно политической жизни советского общества; протекали весьма быстро, носили противоречивый характер и имели серьезные последствия для России и всех республик, входивших в Советский Союз.

Политическая ситуация особенно кардинально стала меняться после известных событий 1991 и 1993 гг. 17 марта 1991г. состоялся Союзный референдум по вопросу: «Считаете ли Вы необходимым сохранение СССР как основной федерации, в которой в полной мере будут гарантированы права и свободы человека любой национальности?». В референдуме в целом по стране приняло участие 147 млн. человек. За сохранение Союза высказалось 112 млн. человек, т.е. 78% голосовавших.[1] Таким образом, распад СССР не был фатальной неизбежностью. Он обусловлен в большей мере субъективными, нежели объективными факторами. Августовские события 1991г., спровоцированные политиками, ускорили распад СССР. В декабре 1991г. Б.Н. Ельцин, первый Президент Российской Федерации (избран 12.06.1991г.; 3.07.1996г. избран вторично) совместно с руководителями Украины и Белоруссии подписал Беловежские соглашения о прекращении существования СССР и создании Содружества Независимых Государств (СНГ). В соответствии

с Указом Ельцина «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (сентябрь 1993 г.) была ликвидирована система Советов. По инициативе Ельцина была разработана новая Конституция Российской Федерации. В ходе референдума, состоявшегося 12 декабря 1993г., большинство проголосовавших избирателей (32937630 человек) высказались за принятие Конституции.[2] Все эти меры привели к политической смене государственного строя в России.

Еще 28 августа 1991г. Указом Президента России на территории нашего края был образован новый орган руководства – Администрация Астраханской области, Главой Администрации назначался А.П. Гужвин, бывший председатель исполкома областного Совета народных депутатов. По Конституции 1993 г. Астраханская область получила статус субъекта Российской Федерации (в составе других 89 субъектов). Реализуя положения Конституции, Администрация Астраханской области сразу же приступила к поэтапному формированию исполнительной и представительной ветвей власти, без конструктивного взаимодействия которых невозможно осуществление функций государственной власти.

В соответствии с Указом Президента РФ №1723 «Об основных началах организации государственной власти в субъектах РФ» и № 1760 «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» областной администрацией была развернута работа по подготовке и проведению выборов в органы государственной власти и органы местного самоуправления.

Работа по реализации поэтапной конституционной реформы в регионе осложнялась отсутствием необходимой законодательной базы. Администрация взяла на себя ответственность за создание максимальных возможностей и условий для свободного выбора, для формирования демократическим путем полномочных органов представительной власти, способных решать стоящую перед областью проблемы, обеспечивать стабилизацию производства, формирование бюджета, уро-

вень занятости населения, его социальную защиту и др. С этой целью постановлением Главы Администрации Астраханской области из специалистов областного Совета народных депутатов, Администрации, органов власти и управления городов и районов была сформирована рабочая группа, подготовившая предложения по концепции и структуре представительного органа государственной власти области, по реализации реформы местного самоуправления, а также проекты положений «Об органах государственной власти Астраханской области и выборах в Астраханское Представительное Собрание», «О местном самоуправлении в Астраханской области и выборах в органы местного самоуправления». Одновременно были рассмотрены предложения районов об изменении их административно-территориального устройства, назначена дата выборов.

На органы исполнительной власти легла основная работа по организации 6 марта 1994 г. выборов в Астраханское областное Представительное Собрание и органы местного самоуправления. Одновременно проводились выборы трех глав местного саоуправления районов области, 23 глав местного самоуправления – глав администраций, выборы 161 главы населенных пунктов. С этой целью было разработано Положение «О выборах глав местного самоуправления».

В целях оперативного руководства подготовкой выборов во всех администрациях были созданы рабочие группы по оказанию содействия избирательным комиссиям. Для оказания практической помощи на местах за районами области были закреплены руководители и специалисты Администрации. Предвыборная кампания освещалась во всех средствах массовой информации.

В результате выборов 6 марта 1994 г. в области было сформировано 145 представительных органов местного самоуправления и районных представительных собраний, глав местного самоуправления и, главное, – было сформировано правомочное областное Представительное Собрание.

В связи с тем, что по 7 округам выборы не состоялись, они были проведены там повторно 9 сентября, причем были признаны состоявшимися, так как явка избирателей оказалась вполне удовлетворительной. Это позволило сформировать городское Представительное Собрание, а областное пополнилось представителями населения областного центра.

Таким образом, в Астраханской области впервые была разработана и сформирована принципиально новая система представительной власти в регионе. На смену достаточно громоздким Советам различных уровней пришли органы народного представительства, отражающие структуру и уклад соответствующих административных делений, начали свою работу в соответствии с действующим законодательством 150 глав населенных пунктов, 25 глав местного самоуправления – глав администрации, 156 представительных собраний.[3]

Впоследствии опыт работы по организации выборов в Астраханской области был положен в основу Всероссийского семинара – совещания руководителей избирательных комиссий и организаторов избирательных кампаний в регионах, в ходе которого участники наметили направления совершенствования избирательной системы в РФ.

В 1995-1996 гг. продолжалось дальнейшее становление Астраханской области как полноправного субъекта Российской Федерации. Конституционный статус области в этом плане наполнялся реальными государственно-правовыми, организационными, функциональными и иными атрибутами. Главным приоритетом Администрации области являлся поиск такой модели взаимодействия между ветвями власти, которая бы органически сочетала в себе противоречивое единство независимости, самостоятельности и в то же время взаимного дополнения всех ветвей власти. Следует отметить, что общим фоном этого поиска являлись непрерывные избирательные кампании со всеми вытекающими отсюда последствиями – влиянием неизбежной в этих условиях политической конъюнктуры, активизацией политических

партий, общественных объединений, профессиональных союзов.

Существенным фактором упорядочивания политических и управленческих процессов на территории Астраханской области стала работа над проектом Устава области. Работа над ним началась еще в 1994 г., однако лишь в 1996 г. сформировалась приемлемая концепция основного законодательного акта Астраханской области.

Осенью 1996 г. проект Устава был внесен в областное Представительное Собрание. Работа над проектом проходила трудно, однако конструктивный подход и со стороны Представительного Собрания, и со стороны Администрации области позволили снять ряд проблем. Устав области был принят в третьем чтении и передан Главе Администрации области для подписания и обнародования. Однако Глава Администрации счел необходимым отклонить принятый Устав в связи с тем, что ряд его положений противоречил принципу самостоятельности всех ветвей государственной власти и нарушал баланс власти в регионе. В результате совместной работы депутатам Представительного Собрания и Администрации удалось достичь общих позиций и 26 февраля 1997 г. Устав Астраханской области был принят, тем самым был подтвержден ее конституционный статус. Устав является основным правовым документом, который регулирует общественные отношения на территории области практически во всех аспектах.

Событием большого политического значения стали первые в истории региона выборы Главы Администрации Астраханской области. Для их проведения была подготовлена необходимая правовая база в виде закона Астраханской области «О выборах Главы Администрации Астраханской области» с изменениями и дополнениями, которые пришлось вносить для корректировки закона и его адаптации к конкретной политико-правовой ситуации.

Большую работу в этом направлении проделали депутаты областного Представительного Собрания, которые сумели своевременно подготовить данный закон и принять его. Выборы были четко органи-

зованы и, несмотря на сложности из-за совмещения выборов Главы Администрации области и выборов в муниципальные органы власти, прошли практически без нарушений прав и свобод граждан, предусмотренных Законом Российской Федерации «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации» и избирательного законодательства Астраханской области.

Выборы Главы Администрации Астраханской области состоялись 8 декабря 1996 г. Избирательная комиссия Астраханской области зарегистрировала только двух кандидатов на должность Главы Администрации области. Два других претендента не смогли собрать подписи, еще два допустили ряд нарушений при сборе подписей и им было отказано в регистрации. В результате выборы состоялись при одном туре голосования.

А.П. Гужвин — первый, всенародно избранный губернатор Астраханской области

При общем количестве избирателей в 728696 человек 52,3%, т.е. 381108 человек, отдали свои голоса за кандидатуру Анатолия Петровича Гужвина, избрав его Главой Администрации Астраханской области.

Одновременно с выборами Главы Администрации Астраханской области проводились выборы мэра г. Астрахани и Городского Совета, а также других должностных лиц и представительных органов местного самоуправления. Совмещение выборов в различные органы власти, безусловно, усложняло проведение избирательной кампании и избирательным комиссиям, и кандидатам. Но, в то же время, совмещение выборов суще-

ственно снизило финансовые затраты на их проведение и обеспечило высокую активность избирателей.

Для проведения выборов было сформировано 2 городских (гг. Астрахань и Знаменск), 11 районных, 139 поселковых, сельских территориальных, 164 окружных избирательных комиссий общей численностью 1564 чел. Для выборов депутатов было образовано 418 избирательных округов (221 – одномандатных и 197 – многомандатных). 8 декабря 1996 г. в Астраханской области было избрано 152 должностных лица и 151 представительный орган местного самоуправления. Не состоялись выборы лишь в Степановском сельсовете Камызякского района из-за отсутствия необходимо количества кандидатов в депутаты в многомандатном округе.

В Черноярском районе 8 декабря был проведен местный референдум об административно-территориальном устройстве района. На вопрос: «Согласны ли Вы на объединение всех сельсоветов, сел района в единое муниципальное образование – «Черноярский район», имеющий единый бюджет, Устав, районные выборные органы управление со структурным подразделениями в сельсоветах (селах)?» ответило «Да» 65,9% принявших участие в голосовании.

На должность мэра г. Астрахани претендовали 4 кандидата. Из 361663 астраханцев приняли участие в голосовании 188065 человек (52%) из них 91587 (48,7% голосовавших) отдали свои голоса И.А. Безрукавникову, избрав его мэром города.[4]

В целом деятельность Администрации по обеспечению нормального хода избирательного процесса позволила гражданам реализовать свое конституционное право на выбор власти. Проведенные избирательные кампании прошли в атмосфере свободного волеизъявления избирателей и стали заметным этапом в формировании статуса Астраханской области как полноценного субъекта Российской Федерации.

Администрация Астраханской области, реализуя комплексные планы и программы федерального и регионального уровней, находит-

ся в постоянном взаимодействии с органами государственной власти Российской Федерации, областным Представительным Собранием, местными органами власти. Эти многоаспектные взаимодействия основываются на конституционных принципах и способствуют совершенствованию методов государственного управления.

Администрация области как структура государственной исполнительной власти несет ответственность перед Президентом и Правительством России за реализацию курса государственной политики, за обеспечение государственной правовой исполнительской дисциплины. Основные направления государственной федеральной политики задаются распорядительными документами и нормативными актами Федерального Собрания, Президента и Правительства России, поступающими в Администрацию на исполнение.

Администрация взаимодействует с ведомствами федерального центра в качестве заинтересованной стороны по вопросам реализации нормативных актов и программ Российской Федерации, непосредственно определяющих меры по социально-экономическому развитию Астраханской области, а также по проблемам, разрешение которых возможно лишь на федеральном уровне.

Особое направление в совместной деятельности Администрации области и Правительства РФ составляют целевые федеральные программы, реализуемые на территории Астраханской области. Как правило, инициатором программ является Администрация области. Программы отражают важнейшие направления в развитии области, имеющие федеральное значение.

Итогом длительной и интенсивной работы органов власти Астраханской области с федеральными органами власти стало подписание 30 октября 1997 г. Договора о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Астраханской области. Положения Договора явились основой для реализации права законодательной инициативы Главы Администрации области как в об-

ластном Представительном Собрании, так и в федеральных органах законодательной власти.

Взаимодействие Администрации с Астраханским областным Представительным Собранием строится на основе конституционного принципа разделения властей, функций и задач, определенных Уставом области, исходя из понимания ответственности всех ветвей государственной власти перед населением области.

К осени 1997 г. завершили свою работу депутаты Представительного Собрания первого созыва. За время его существования с 1994 г. было проведено около 70 заседаний, на которых рассмотрено около 1000 вопросов. Принято около 400 актов нормативного характера (Законов и Постановлений), более 500 актов ненормативного характера, около 200 замечаний и предложений к проектам федеральных законов.

Выборы депутатов Астраханского областного Представительного Собрания второго созыва, состоявшиеся 26 октября 1997 г., стали одним из важнейших событий в общественно-политической жизни общества. В отличие от предыдущих выборов 1994 г., выборы 1997 г. показали рост интереса избирателей и общественных объединений к формированию законодательного органа.

Всего борьбу за обладание 29 депутатскими мандатами вели 227 кандидатов. Своих кандидатов на данных выборах выставили 11 общественных организаций, хотя и ряд «независимых» кандидатов (выдвижение группами избирателей и самовыдвижение) поддерживался в разных формах общественно-политическими структурами.

Представители общественности области активно участвовали в проведении избирательной кампании на всех ее этапах. Гарантами легитимности Собрания стали более 6000 граждан, входивших в состав областной, 29 окружных и 630 участковых избирательных комиссий, и 1263 наблюдателя, в том числе 478 от партий и движений.[5]

В состав областного Представительного Собрания второго созы-

ва вошли 29 депутатов, председателем был избран П.П. Анисимов. В Собрании были сформированы шесть постоянных комиссий: правовая, по социальной политике, аграрная, по жилищно-коммунальному хозяйству, бюджетная, по проблемам малого и среднего предпринимательства.

Таким образом, в ходе оформления избирательной системы в 1996-1997 гг. в Астраханской области продолжалось демократическое становление органов государственной власти и местного самоуправления.

Исключительно важное значение в социально-экономической, политической и других сферах деятельности Администрация области придает взаимосвязям с местными органами власти. История их взаимоотношений начала складываться несколько раньше, чем с государственными ветвями власти. Еще в 1990 г. был принят Закон СССР об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства.[6] При всем его несовершенстве Закон сыграл немалую роль если не в реальной перестройке, то, по крайней мере, в осмыслении возможных путей преобразования структур местной власти – он как бы открыл путь децентрализации государства на демократической основе.

Следующим шагом на этом пути был Закон РСФСР о местном самоуправлении в РСФСР, принятый 6 июля 1991 г.[7] Конкретизировав и развив многие идеи союзного Закона, этот Закон определил местное самоуправление как особый институт, отличный от государственно-властных учреждений, как систему организации деятельности граждан для самостоятельного (под свою ответственность) решения вопросов местного значения на основе Конституции и законов Российской Федерации, а также законов республик в ее составе.

В соответствии с общей концепцией Конституции, принятой 12 декабря 1993 г., местное самоуправление непосредственно связывается с возможностью самого населения решать соответствующие вопросы. Это существенно отличает трактовку местного самоуправления от той, которая была в прежней Конституции Российской Федерации:

там упор делался на органы местного самоуправления и их функции, здесь же подчеркиваются права самих граждан как первичных субъектов самоуправления.

Исходя из конституционных принципов, Администрация Астраханской области строит свои взаимоотношения с органами местного самоуправления, стремясь создать единую вертикаль исполнительной власти при стимулировании условий для проявления местной инициативы и поддержке тех решений, которые направлены на создание благоприятной среды обитания и жизнедеятельности населения области. В то же время стратегической задачей Администрации области является стремление направить деятельность органов местного самоуправления на решение общегосударственных задач с учетом региональных возможностей.

После принятия Федерального Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» постановлением Главы Администрации в сентябре 1995 г. был создан Совет по местному самоуправлению для формирования правовых и организационных основ полноценной деятельности органов местного самоуправления на территории области, а в ноябре – Ассоциация органов местного самоуправления Астраханской области. Для усиления работы по государственной поддержке местного самоуправления постановлением Главы Администрации области в структуре Администрации в 1996 г. было создано управление по вопросам местного самоуправления, которое взяло на себя основные функции по государственной поддержке местного самоуправления.

Пути дальнейшего реформирования местного самоуправления были определены Программой государственной поддержки местного самоуправления в Астраханской области на 1997 г., разработанной Администрацией и утвержденной постановлением областного Представительного Собрания в апреле 1997 г.

При активной поддержке Администрации области в 1997 г. была

организована Ассоциация муниципальных образований Астраханской области, в которую вошли 97 муниципальных образований области.

Рассматривая принципы взаимосвязей государственных ветвей власти с органами местного самоуправления, следует отметить, что их контакты не всегда проходили гладко, без противоречий. Достаточно часто местное самоуправление пыталось брать на себя решение государственных задач, забывая о своих непосредственных хозяйственных обязанностях. Поэтому в «Программе государственной поддержки местного самоуправления в Астраханской области на 1998 г.», утвержденной Постановлением Главы Администрации, заложены новые формы взаимоотношений ветвей государственной власти и органов местного самоуправления. Следует отметить, что деятельность руководства Ассоциации муниципальных образований, проблема связей региональной госвласти с местным самоуправлением постепенно стала приобретать конфликтный характер. Эти и другие причины привели к упразднению управления по вопросам местного самоуправления и передаче его функций созданному в октябре 1998 г. управлению региональной и национальной политики.

Посткризисная ситуация потребовала новых взаимоотношений государственной власти и органов местного самоуправления, способных повысить управляемость социально-экономическим комплексом региона. Дееспособная система местного самоуправления в области еще не сложилась полностью, хотя формально – правовые предпосылки для нее уже созданы федеральным и областным законодательством, фактом юридической регистрации уставов муниципальных образований.

Характеризуя свое отношение к системе местного самоуправления, Глава Администрации А.П. Гужвин заметил: «При всех спорных вопросах, я думаю, что главное в своей политике было определено совершенно правильно: муниципальная власть – это власть отдельная и совершенно особая. Неслучайно астраханские представители сразу и громко заявили о себе в «Союзе городов России».

У местного самоуправления по его внутренней сути очень высокий потенциал, так как оно высвобождает творческую энергию людей, позволяет им самим решать свои текущие проблемы так, как хотят они сами, а не кто-то, облеченный властью. Важно только правильно распределить функции».[8]

Значение реального положения дел, проблем и вопросов, ежедневно встающих перед жителями муниципальных образований, понимание социально – экономических тенденций, разработка и внедрение эффективных способов улучшения наличной ситуации в интересах населения – именно в этом Администрация области видит важнейшее условие и основу государственной поддержки местного самоуправления.

В заключение заметим, что практическая многоаспектная деятельность государственных ветвей власти и органов местного самоуправления выходит за рамки настоящей монографии и вполне заслуживает специального исследования.

§3. Партии и общественно-политические движения в Астраханской области в 80-90-е годы

Формирование гражданского общества в России проявляется, кроме всего прочего, и в становлении многопартийности, выходе на политическую арену неформальных общественно-политических институтов. При этом особенностью данного процесса является не синхронность политического реформирования государства и становления многоукладности экономики, а вычленение четко выраженных социальных и политических осознанных интересов. Многие общественно-политические формирования, как это отмечают ведущие политологи, лишены солидной базы социальной поддержки, представляя скорее объединения различных групп интеллектуалов и политически активных граждан, сплоченных оппозиционными по отношению к властям настроениями, идейно-нравственными идеалами. Отсюда и аморфность многих партий, движений, частый их распад. Такие черты характерны

и для многих местных отделений ведущих российских общественно-политических формирований.

В истории становления астраханской многопартийности можно выделить несколько этапов. Первый этап – это формирование неформальных организаций, движений в условиях очевидного кризиса командно-административной системы (1985-1987 гг.). Эмоциональный накал оппозиционных настроений обуславливал относительную сплоченность противостоящих КПСС политических сил. Следует учесть, что на этом этапе перед новообразованными партиями и движениями еще не стояла задача взятия на себя ответственности за осуществление важнейших социально-экономических преобразований, решение острых политических проблем.

Второй этап (1988-1990 гг.) – это этап активного структурирования разрозненных групп и организаций либеральной и левой ориентации в более четко организационно оформленные объединения: партии, фронты, союзы, движения. Переход страны к новым экономическим условиям ставит перед молодыми партиями и движениями необходимость поиска новых направлений политической деятельности. Здесь и учащаются расколы, перегруппировка сил, распад одних партий и образование новых.

Третий этап приходится на 1991 и последующие годы. Институционное оформление новых субъектов политической жизни, новых институтов представительной власти побуждает партии и движения перейти от митинговщины к более напряженной работе с населением в условиях многоальтернативных выборов в местные и центральные органы законодательной власти, к корректировке своих тактических установок и политических платформ с учетом новых экономических и политических реалий и тенденций.

Все эти факторы и обуславливали динамику астраханской многопартийности. Уже в 1993 г. отделом юстиции Администрации Астраханской области было зарегистрировано 11 местных отделений обще-

российских партий и движений. Среди них – астраханское отделение Народной партии «Свободная Россия» (НПСР), Демократической партии России (ДПР), Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), Республиканской партии РФ (РКРФ). Спектр местных отделений российских партий был достаточно велик: от праволиберальных до ортодоксально-коммунистических. Однако сам по себе факт регистрации неформальных партий и движений еще не свидетельствовал о реальной действенности многих из них, чья активность носила эпизодический характер. Поэтому здесь пойдет речь о наиболее активных структурах общероссийских партий и движений. К ним прежде всего следует отнести местные организации ДПР, КПРФ, Объединенного фронта трудящихся (ОФТ), политических движений и блоков «Мемориал», «Демократическая Россия», «Трудовая Россия», смело заявивших о себе уже в 1987-1988 гг., оформившееся несколько позднее местное отделение политического блока «Яблоко». О серьезности этих формирований свидетельствует тот факт, что уже в 1988-1989 гг. они сумели наладить публикацию своих периодических изданий: «Демократический Вестник», «Астрахань» (астр. отд. ДПР), «Движение» (ОФТ), «Астраханская правда» (КПРФ), «Информационный бюллетень» (астр. отд. «Дем. России»).

Целесообразно сравнить программы и политические платформы двух диаметрально противостоящих друг другу политических формирований, которые в конце 80-х- начале 90-х гг. оказывали наибольшее (по сравнению с другими неформальными течениями) влияние на местный политический климат. Прежде всего это астраханская организация Демократической партии России. Ее устав объявлял данное формирование «партией парламентского типа», которая главной своей задачей и направлением деятельности считает «содействие становлению правового государства с разделением законодательной, исполнительной и судебной властей», ...содействие достижению национального согласия в Астраханской области, поддержку рыночной экономики и

предпринимательства.[1]

Другим значимым формированием является ОФТ. Его программные установки и политическая платформа были нацелены на защиту малоимущих слоев населения, обеспечение «подконтрольности депутатов избирателям», проведение «выборов в местные органы представительной власти по производственному принципу», на «ликвидацию постов президентов, губернаторов». Программа ОФТ выдвигала в ранг первоочередных и такую задачу как «восстановление плановой экономики и жесткого государственного регулирования промышленности», ликвидацию безработицы, снижение цен и т.п.[2]

Тем не менее идеологическая разноголосица этих двух политических объединений не стала препятствием к сотрудничеству в решении острых социальных проблем. Так, активисты астраханской организации ДПР провели осенью 1992 г. серию мероприятий по поддержке коллектива машиностроительного завода «Прогресс» в его противодействии характеру приватизации, которая, по мнению работников предприятия, носила номенклатурный характер. Члены ДПР провели митинг, на котором машиностроители приняли резолюцию, высказав твердое решение продолжать борьбу за свои права.[3] Активисты ОФТ явились инициаторами митингов протеста против попыток властей сменить льготы студентам при выполнении воинской обязанности.[4] Впоследствии сторонники ОФТ перехватили инициативу в отстаивании интересов работников завода «Прогресс». Среди направлений деятельности этих двух астраханских политических движений в 1990-1992 гг. можно выделить такие аспекты, как противодействие чиновничьему произволу, борьба за улучшение работы общественного транспорта, критика в адрес правоохранительных органов.[5]

Слабая социальная база, отсутствие политической культуры у лидеров многих местных политических партий являлись причиной постоянных расколов, распрей и интриг среди их руководителей. В 1992 г. местная организация ДПР фактически распадается на две независи-

мые структуры (городскую и областную организации), вступившие между собой на путь откровенной амбициозной борьбы. Каждая из сторон претендовала на роль единственного представителя интересов общероссийской ДПР.[6] Фактически, с 1993 г. деятельность астраханской ДПР пошла на убыль, а к концу 1994 г. она совсем исчезла с политического небосклона Астрахани. Тенденции расколов и внутренних противоречий были характерны и для партий и движений левой ориентации. Так, в январе 1992 г. трижды срывалась конференция блока левых сил. Причиной явились распри как внутри самой ОФТ, так и ее нападки на умеренно-левые партии, в частности, на местную организацию Социалистической партии трудящихся (СПТ). Леворадикалы из ОФТ не могли простить умеренным социалистам их признания правомерности рыночных отношений. В самом ОФТ неоднократно возникал кризис, приводивший к развалу руководящих структур. Единственно, что спасало ОФТ от полного развала – это постоянное пополнение социальной базы поддержки вследствие неудачного хода экономических реформ, обнищания значительной части населения, роста безработицы.

Параллельно кризису многих местных отделений общероссийских партий и блоков с 1990-1991 гг. набирает силу более конструктивное направление местной многопартийности – политические движения и межпартийные объединения. К этому времени в Астрахани формируются такие движения, как «Демократическая Россия», «Трудовая Россия», Независимый клуб избирателей (НКИ), движения «Мемориал», «Зеленый мир».[7]

Их преимущество состояло в том, что они не замыкались на узкопартийных проблемах, а стремились охватить как можно более широкие круги астраханского электората. Эти движения проводили митинги, общегородские собрания, на которых затрагивались острые проблемы экономической, социальной жизни региона. Так, активисты регионального движения «ДемРоссии», куда вошли представители ряда

демократических партий (ДПР, РПРФ, социал-демократы), провели в январе 1991 г. общегородской митинг, на котором осудили действия силовых структур в Литве, призывали противодействовать силам антиреформистского реванша. Политическое и эмоциональное воздействие этого мероприятия на горожан сыграло важную позитивную роль в августовские дни 1991 г. Тогда большинство астраханцев осудили действия ГКЧП. Большое внимание лидеры «ДемРоссии» уделяли состоянию дел по осуществлению экономической реформы, особенно на селе. Причем, они стремилась не к конфронтационным отношениям с администрацией районов области, а к деловому диалогу и сотрудничеству. Так, в марте 1992 г. на областной конференции «ДемРоссии» ее участники с большим вниманием выслушали выступление заместителя Главы администрации А. Жилкина. Речь шла о трудностях в осуществлении рыночных преобразований, о проблемах приватизации, становления фермерских хозяйств.[8]

Конструктивные отношения сложились у руководства астраханского отделения «ДемРоссии» с городской администрацией. Не ограничиваясь обсуждением острейших региональных проблем, местная «ДемРоссия» проводила и массовые мероприятия по поддержке некоторых реформ, осуществляемых российским руководством. Так, в условиях обострения отношений между Главой Верховного Совета РФ и Президентом накануне апрельского референдума, 26 марта местное отделение «ДемРоссии» провело общегородское собрание представителей демократических сил. В собрании, кроме местных отделений ДПР, республиканцев, социал-демократов, приняли участие и активисты объединений предпринимателей, кооператоров, астраханского казачества, молодежной демократической ассоциации. Абсолютное большинство участников собрания решительно поддержало курс Президента России на углубление экономических и политических реформ. В мае 1991 г. «ДемРоссия» совместно с Независимым клубом избирателей организовали проведение широких мероприятий, посвященных 70-

летию со дня рождения видного российского ученого и правозащитника А.Д. Сахарова. 21 мая в городе был проведен митинг и демонстрация в поддержку демократических реформ. Руководство областной научной библиотеки организовало выставку научно-публицистических трудов академика А. Сахарова. Преподаватели и учащиеся училища культуры провели концерт церковной музыки.[9] Так организаторы этих мероприятий сумели обеспечить комплексность политического и эстетического воздействия на горожан, направленного на формирование у них уважения к гуманистическим ценностям.

Возросшая в годы перестройки политическая активность астраханцев сопровождалась и проявлением политического творчества, нахождением интересных и неординарных форм работы с населением, форм взаимосотрудничества различных неформальных общественных организаций с руководством области. Особое место среди них занимает деятельность астраханского Независимого клуба избирателей (НКИ). Созданный в 1989 г. по инициативе ряда местных отделений ведущих российских демократических партий и движений в целях координации их действий во время избирательных кампаний, НКИ вскоре превратился в фактический политический центр. На заседания клуба приходили студенты, рабочие, предприниматели, научные работники. НКИ вел работу не хаотично, а целенаправленно. Заранее определялись проблемы, которые выносилась на обсуждение представителей Астраханской общественности. На заседаниях НКИ обсуждались проблемы экологической ситуации, экономики региона, состояния правопорядка и защиты прав граждан, другие актуальные вопросы жизни региона. Нередко на заседание клуба приглашались представители городских и областных служб. Члены клуба высказывали свои предложения, претензии к администрации города и области. К чести городских и областных властей, они конструктивно относились к такому направлению работы неформальных объединений. Например, в декабре 1991 г. НКИ рассмотрел ситуацию, связанною с неудовлетво-

рительным ходом строительства очистных сооружений на АПГЗ и рекомендовал областной администрации усилить контроль за выполнением этой задачи.[10]

Но особым вниманием у активных участников работы НКИ пользовались предвыборные кампании и само проведение выборов. Здесь основными задачами являлись обеспечение демократического контроля за деятельностью избирательных комиссий, выдвижение кандидатами в депутаты наиболее достойных представителей населения города и области, обеспечение демократического большинства в городских и областных законодательных органах. Очень плодотворно потрудилась активисты НКИ в июне 1991 г. во время проведения выборов Президента России.

НКИ создал группы наблюдения за ходом выборов на участках. Туда вошли двести человек, которые добровольно и безвозмездно дежурили на избирательных участках и обеспечили объективность результатов голосования.[11] К тому же задолго до выборов клуб независимых избирателей провел серьезную разъяснительную работу по содержанию Закона о выборах. 6 июня 1991 г. НКИ принял и опубликовал обращение к астраханцам. В нем НКИ призвал избирателей проконтролировать работы комиссий на участках и проследить, чтобы «голосование не проводилось по чужим паспортам», чтобы «не было давления на избирателей в день выборов», чтобы «выносные урны для голосования не оставались без общественного контроля». НКИ призвал трудовые коллективы направить своих наблюдателей на избирательные участки.[12] В 1994 г. в связи с началом кампании по выборам органов местного самоуправления НКИ выступил с обращением к жителям города и области, в котором призвал общественность не дать прийти к власти людям, безразличным к нуждам астраханцев, либо запятнавшим себя неблаговидным поведением.[13]

Несмотря на то, что к 1994-1995 гг. деятельность НКИ резко пошла на убыль, все же нельзя отрицать его положительной роли в раз-

витии демократических процессов в регионе. Во-первых, благодаря НКИ многие острые социальные и идеологические противоречия удалось разрешить в цивилизованной форме диалога, конструктивного сотрудничества с властями. Во-вторых, подключая те или иные категории астраханцев к обсуждению важных социальных и политических проблем, НКИ стал своеобразным барометром для властей, помогая им учитывать общественные потребности и интересы, заставляя власти так или иначе реагировать на них. В-третьих, дискуссионный характер заседаний НКИ стал своебразной школой повышения политической культуры астраханцев, способствовал укреплению их гражданского самосознания.

Развитие рыночных реформ, процесс разгосударствления собственности, акционирование и приватизация перевели в новую плоскость и взаимоотношения между наемными работниками и работодателями, трудовыми коллективами и администрацией. И не случайно то, что в 1991-1992 гг. в Астраханской области начинают появляться местные отделения новых общероссийских независимых профсоюзов. В июне 1991 г. начинает свою деятельность Астраханский профсоюз работников кооперации, который вскоре входит в профсоюз РСФСР «Согласие». Профсоюз астраханских кооператоров за короткое время сумел создать двести своих первичных организаций, свой благотворительный фонд, открыл совместное предприятие по привлечению к трудовой деятельности граждан на дому.[14] В марте 1992 г. в Астрахани начала действовать городская организация Конфедерации свободных профсоюзов России (КСПР). Своими ближайшими задачами она определила «защиту прав людей наемного труда, в том числе и от сокращния», «поддержку рыночных реформ», «передачу контрольного пакета акций трудовым коллективам в ходе демократической приватизации».[15] Однако анализ программных документов профсоюза и его устава позволяет сделать вывод о том, что его лидеры очень примитивно восприняли задачи профсоюзного движения, фактически ска-

тываясь на узкоклассовые позиции, сужая свою социальную базу. Так, в уставе астраханской организации КСПР отмечалось, что «работодатели, от мастера до директора, не могут быть членами профсоюза».[16]

Согласно такой логике, получалось, что лидеры профсоюза относят к работодателям и мастеров производственных участков, и администрацию предприятий акционерного типа, не причисляют их к лицам наемного труда. Такая нечеткость устава и программы неформальных профсоюзов, по всей видимости, и обусловила слабость их влияния на трудовые коллективы. Куда более плодотворной оказалась работа администрации Астраханской области по сотрудничеству с независимыми профсоюзами. При администрации области была создана в 1994 г. трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений и примирительная комиссия по трудовому конфликту в связи с невыплатой заработной платы. Администрация провела в 1993-1994 гг. большую работу по формированию объединения независимых профсоюзов и объединения работодателей (предпринимателей). Это позволило более четко определить общие интересы каждой из сторон и соответствующим образом строить политику администрации.[17]

Обострившееся к 1993-1994 гг. разногласия между местными демократическими движениями ослабляли согласованность действий по поддержке хода реформ. Пытаясь преодолеть раскол, крупнейшие российские партии и движения, и прежде всего «Демократическая Россия», провели 21-22 декабря 1992 г. съезд сторонников демократических реформ; на нем между демократическими силами было подписано соглашение о создании Общественного комитета российских реформ (ОКРР). Программа и устав ОКРР нацелены на осуществление контроля за ходом реформ в области приватизации, аграрном секторе экономики, за осуществлением антимонопольной политики, контроль за действиями местных администраций.[18] Местное отделение этого объединения было создано и в Астрахани. В его состав вошли представители местных отделений Народной, Республиканской, Демократической,

Социал-демократической партий.[19] Администрация Астраханской области оказала поддержку этому начинанию. Комитету было предоставлено помещение, мебель, автотранспорт, телефонная связь, другая материальная помощь. В активе астраханского отделения ОКРР уже к 1993 г. было немало конкретных мероприятий по защите и корректировке хода реформ. Так, в апреле-мае 1992 г. члены комитета проанализировали и обследовали состояние дел в области приватизации на машиностроительном заводе «Прогресс». Обеспокоенные простаиванием завода, уходом с предприятия значительного числа высококвалифицированных работников, члены астраханского отделения ОКРР провели митинг и приняли обращение к Президенту РФ, в котором призвали более продуманно осуществлять конверсию, результаты которой должны быть направлены на благо страны. В обращении активисты и сторонники ОКРР призвали спасти завод «Прогресс» – флагман электронного машиностроения в регионе.[20] Большое внимание ОКРР уделял и состоянию дел на селе. В феврале 1992 г. лидеры ОКРР обследовали характер жалоб тружеников совхоза им. 60-летия СССР Наримановского района. Было выявлено грубейшее противодействие руководства совхоза стремлению тридцати чабанов совхоза взять в аренду ферму №4. Резко попирал директор, вопреки Закону о приватизации, и права коллективов двух продовольственных магазинов, пожелавших стать коллективными собственниками торговых предприятий. Эту и другую информацию о попрании прав граждан, о противодействии курсу экономической и политической модернизации астраханский ОКРР предоставлял помощнику Президента РФ по Астраханской области.[21] Сама же эта деятельность стала еще одним направлением и формой развития самоуправления граждан региона. Активно включаясь в борьбу за углубление демократических процессов как в России в целом, так и в самом регионе, привлекая к этой деятельности самые широкие слои населения, астраханские неформальные политические партии и движения при всех их организационных недостатках

способствовали и усилению процесса социализации населения, формированию у различных категорий граждан более четких социальных интересов, политических убеждений.

Астраханские отделения российских партий сыграли важную роль по защите молодой российской демократии в моменты острых политических кризисов. В дни августовского путча 1991 г., когда некоторые руководители области проявили нерешительность, а в ряде сельских районов даже высказывали почти неприкрытое удовлетворение действиями ГКЧП, местные демократические организации и движения решительно выступили против попытки номенклатурного реакционного переворота. Уже 20 августа группа депутатов областного и городского Советов народных депутатов, многие из которых являлись активистами демократических общественных организаций, участники политических партий и движений Астраханской области приняли Обращение, в котором объявляли незаконным смещение Президента СССР. Авторы Обращения решительно призвали к неукоснительному исполнению Конституции СССР и поддержке народоизбранной власти в лице Президента и Правительства России.[22] Другая группа, в которую вошли лидеры местных политических партий, организовала тиражирование и распространение Указов Президента РСФСР Б. Ельцина.[23]

Такая позиция демократических кругов полностью совпала и с позицией руководителя Астраханского облисполкома А.П. Гужвина. Он предложил формулировку: «...Астраханские власти будут руководствоваться Конституцией СССР, постановлениями Верховных Советов СССР и РСФСР, а также Президента РСФСР».[24]

Словом, демократические силы Астрахани вели себя в дни августовского путча смело и достойно. 26 августа на митинге победы над ГКЧП представители демократической общественности города решительно поддержали курс на дальнейшее развитие российской демократии.

Но не только в условиях экстремальных ситуаций проявлялось

позитивное влияние местных партий и движений на социально-политическую обстановку в области. В той или иной степени партии и движения способствовали необратимости хода экономических реформ. Например, газета астраханской ДПР «Демократический вестник» на своих страницах постоянно уделяла внимание положению астраханских фермеров. Между газетой и сельчанами установилась двусторонняя связь. Постоянным автором на страницах газеты выступал механизатор из села Старица Черноярского района Н. Милосердов.

Его публикации вызвали большой отзвук у сельских тружеников. И неслучайно «Демвестник» стал постоянно информировать общественность о проблемах фермерского движения, публиковал статистические данные о ходе земельной реформы. Примечательно, что в обсуждении проблем астраханского села приняли участие и функционеры местных организаций Объединенного фронта трудящихся, «Трудовой России».[25]

Перед лицом острых социальных проблем идеологические позиции отступали на задний план, а приоритетными становились интересы сотрудничества в борьбе с социальным злом.

Выделим еще один аспект в функционировании местной многопартийности – это отсутствие острых политических столкновений, переступающих закон. Полемика между партиями и движениями различной политической и идеологической направленности не выходила за рамки конструктивного диалога. И в этом большая заслуга Администрации Астраханской области и лично ее Главы А.П. Гужвина. Именно по его инициативе при Администрации был создан Общественный консультативный Совет. Он осуществляет координацию работы с общественно-политическими формированиями. В 1992 г. между областной Администрацией и представителями Ассоциации демократической молодежи, ДПР, «Демократической Россией», НКИ, Социалистической партией трудящихся, КПРФ, ОФТ, Народной партией «Свободная Россия» и рядом других формирований был подписан Протокол о намере-

ниях. Обе стороны договорились согласовывать действия, направленные на формирование политики реформ, предоставлять право политическим партиям и движениям осуществлять совместную экспертизу наиболее важных решений, разработанных администрацией области на основе согласованных действий. Партии и движения наделялись правом давать рекомендации по кадровому обеспечению реформы. При этом, согласно протоколу, общественные формирования брали на себя и всю полноту ответственности за профессиональные и моральные качества кандидатов на государственные посты.

Со своей стороны Глава Администрации Астраханской области взял на себя обязательство учитывать рекомендации политических партий и движений. Партии и движения брали на себя функцию осуществления совместных действий по предупреждению и преодолению острых социальных, национальных и политических конфликтов.[26]

Областная Администраця твердо выполняла взятые на себя обязательства. Регулярно проводились «круглые столы», информативные встречи Главы администрации области с представителями политических партий и движений. Администрация информировала представителей общественности о состоянии и ходе приватизации, аграрной и промышленной реформах. Причем, это отнюдь не была односторонняя связь. Например, по результатам встречи с лидерами Объединенного Фронта трудящихся распоряжением Главы Администрации была создана комиссия по проверке правильности проведения закрытой подписки на акции завода «Прогресс».[27]

Такой конструктивный подход Администрации области к политическим партиям и движениям способствовал укреплению доверия со стороны последних к местным властям, уводил партии от примитивно-демагогической конфронтации на путь делового сотрудничества.

Особое место среди общественно-политических формирований занимают общества национальной культуры народов Астраханской области. С конца 80-х гг. по 1994 г. было учреждено 17 обществ нацио-

нальных культур. Среди них такие крупные формирования, как общество татарской культуры «Дуслык», казахской культуры «Жолдастык». Не все в деятельности национально-культурных обществ было однозначно положительным. Наряду с важной работой по возрождению национального народного творчества, родных языков, развитию национального самосознания в 1991-1994 гг. проявляются и такие негативные тенденции, как попытки искусственной политизации этих обществ, определенные националистические подходы к проблемам истории взаимоотношения народов. Так, газета общества татарской национальной культуры «Идель» в 1993 г. опубликовала ряд статей, в которых содержалось крайне примитивное суждение о делении народов издавна проживающих на территории нынешней Астраханской области на «коренные и некоренные». К чести астраханских ученых-историков и этнографов, а также представителей татарской общественности, таким проявлениям мещанской психологии был дан достойный интеллектуальный отпор. Достаточно жестко и принципиально отнеслась Администрация Астраханской области и к публикации на страницах газеты «Пульс Аксарайска» откровенно провокационных статей в духе великодержавного шовинизма. Они были решительно осуждены, были также предприняты меры по смене состава редколлегии газеты.

Учитывая всю сложность и деликатность осуществления национальной политики, Администрация области разработала «Положение о национально-культурных обществах», которое после обсуждения в областном Представительном Собрании было рекомендовано к исполнению.[28]

В начале 90-х годов в области получили развитие фольклорные праздники: «Мое родное Понизовье», народные праздники – калмыцкий Цаган-Сар, татарский и казахский Науруз, фестиваль в честь казахского народного поэта и композитора Курмангазы. В целях координации действий обществ национальных культур Администрация оказала помощь в выпуске газеты «Согласие».

В эти же годы начинается и возрождение астраханского казачества. В январе 1992 г. в Астрахани был проведен областной Казачий круг. На нем было принято решение начать работу по созданию Астраханского союза казаков, а уже в марте Астраханский Союз казаков получил путевку в жизнь. Правда, при регистрации Союза между ним и отделом юстиции Администрации области возникли серьезные трения по ряду пунктов устава.[29] Стремление казаков свободно носить оружие, создавать собственные военизированные дружины и некоторые другие положения находились в прямом противоречии с нормами российского законодательства. Но эти трудности не стали помехой в становлении астраханского казачества. Была проведена серьезная работа по созданию общества культуры казачества, избран атаман Астраханского казачества, сформирован состав лекторской группы по чтению лекций по истории казачества.

Гармонизации межнациональных отношений посвящена и разработанная Администрацией Астраханской области комплексная программа национально-культурного развития народов региона.

§4. Национально-культурные общества (1988-1995 гг.)

Создание в Астраханской области обществ национальных культур явилось результатом взаимодействия следующих факторов: собственной инициативы населения и его отдельных групп, активной деятельности органов государственной власти и примера других территорий, где таковые объединения возникли раньше.

Вся эта работа рассматривалась в общем русле процесса перестройки и демократизации в стране.

Для Астраханской области с ее традиционно многонациональным составом населения, в целом дружелюбным стилем общения его разных групп опыт работы таких обществ оказался приемлемым и интересным. Хотя дальнейший ход их деятельности в связи с изменением социально-политических условий, внутренними процессами претерпел

весьма характерную эволюцию.

При этом, с точки зрения общественности, эта работа рассматривалась как возрождение традиций, начатых в послереволюционные и прерванных в 30-е гг. в связи с политикой тоталитарного режима.

Всего за рассматриваемый период образовались или же сделали такую попытку, заявив о себе в качестве инициативных групп, два десятка объединений, претендующих на статус национально-культурных обществ.

Всех их следует подразделить на общества «раннего» (1988-1991 гг.) и «позднего» (1992-1994 гг.) формирования.

К первым относятся татарское, казахское, ногайское, еврейское, немецкое, армянское и туркменское, ко вторым – дагестанское, чечено-ингушское, лезгинское, цыганское, калмыцкое, славянское и русско-польское, корейское, азербайджанское и грузинское общества.

Каждое последующее общество заимствовало многое из своих программных и уставных задач от предыдущих, «поздние» же общества возникли в прямое подражание «ранним». При этом провозглашенные первоначально формы деятельности обществ нередко трансформировались и приводили к изменению их содержания.

Конкретные механизмы возникновения обществ национальных культур были очень различны.

Первым осенью 1988 г. на базе СШ №74 по инициативе старейшины-краеведа и педагога Г.Н. Ахтямова начал действовать кружок по изучению татарского языка на арабской графике. На его основе было образовано областное общество татарской национальной культуры «Дуслык» («Дружба»), учрежденное собранием 13 февраля 1989 г.

Через год, при прямой помощи работников отдела социальной политики облисполкома и Ленинского райкома КПСС (район имеет городское ногайское население) на учредительной конференции 24 марта 1990 г. было создано областное общество ногайской национальной культуры «Бирлик» («Единство»). На конференцию прибы-

ли делегации ногайцев Дагестана, Чечено-Ингушетии и Карачаево-Черкесии, где в то время также формировались схожие структуры. Представители делегаций были избраны в состав совета астраханского общества. Однако общество «Бирлик» не сформировало актива, способного стать организатором населения, а мероприятия являлись малозначащими и формализованными.

Вскоре в Астрахани было создано общество казахской национальной культуры «Жолдастык» («Товарищество», «Содружество»). Учредительная конференция с участием гостей из Казахстана состоялась 22 июня 1990 г. Но в связи с тем, что официальные советские и партийные органы слишком активно шефировали деятельность этого общества, оно быстро нивелировалось, копируя официальные формы и приемы работы. Вскоре после возникновения этих тюркских обществ были предприняты попытки объединить их и создать единую Ассоциацию тюркских народов, но успеха не имели.

На рубеже 1990-1991 гг. разнонациональной инициативной группой городской интеллигенции, в основном, вузовскими преподавателями и краеведами, были созданы общество еврейской национальной культуры – землячество евреев г. Астрахани «Тхия» («Возрождение») и общество немецкой истории и культуры «Хоффнунг» («Надежда»). Первое было создано на учредительном собрании 10 октября 1990 г., второе – 16 февраля 1991 г. Затем, 18 мая 1991 г., общество «Хоффнунг» было преобразовано в областное. 15 мая 1991 г. в Астрахани было учреждено областное общество армянской национальной культуры «Арев» (Солнце»).

Все возникшие в этот период общества, в отличие от своих поздних собратьев, были аккредитованы при Астраханском отделении советского Фонда культуры (позднее – Астраханском областном Фонде культуры), а их избранные председатели вошли в состав Президиума Правления Фонда. Это на первых порах освобождало общество от налогов на случай их хозяйственной и торговой деятельности.

Туркменское национально-культурное объединение «Ватан» («Родина») оформилось первоначально как секция ногайского общества, выделившись вскоре как самостоятельный оргкомитет. Учредительное собрание данного общества состоялось лишь 6 августа 1994 г. Возникло данное общество демократичным путем, по желанию «снизу» – от самого населения.

Реальный численный состав активистов обществ колебался от десятка человек в ногайском до трех-четырех в татарском и еврейском, пяти-шести в немецком и армянском, свыше сотни – в казахском.

Большинство обществ оказались однонациональными, имея иногда «для представительства» иноэтнических представителей в советах. Более интернациональный состав приобрели немецкое и армянское общества. Со стороны руководства обществами иногда допускались прямые нарушения принципов демократии при их формировании, то есть делались попытки нормативного, прямого или косвенного, ограничения членства в обществах по национальному признаку.

Так, в первом Уставе татарского общества «Дуслык» вводилось положение о «курируемых обществом» национальностях-этносах: «Общество строит свою работу с учетом местных условий и объединяет в своих рядах лиц следующих национальностей тюркской языковой группы (татар, ногайцев, булгар, карагачей, туркменов)».[1] Затем в обществе использовались положения Устава Татарского общественного центра (ТОЦ), формально провозглашавшего равное членство граждан «независимо от национальной, социальной, религиозной и партийной принадлежности». После чего была принята новая редакция Устава общества, соединяющая предыдущие варианты и более утонченно заменяющая национальные условия членства – языковыми: «1.1. Общество выступает за единство многомиллионного татарского народа. Строит свою работу с учетом местных условий и объединяет в своих рядах представителей других национальностей, относящихся к тюркской языковой группе... 4.1. Общество не исключает возможности вступ-

ления в члены общества представителей других национальностей, говорящих на татарском языке или желающих изучить татарский язык».[2]

Лишь ногайское общество не устанавливало возрастного ценза для индивидуального членства. Все остальные определили его в 16 лет: лиц, не достигших этого возраста, рекомендовалось включать в «группы поддержки». Лишь татарский молодежный клуб «Умет», работающий в контакте с радикальным движением «Азатлык» в Казани и местными исламскими структурами, приобрел практическую независимость от своего «старшего брата». А в еврейском и немецком обществах ведущей формой связи с младшими стали детские ансамбли.

Уставы всех обществ предусматривали градуированную шкалу членских взносов, но механизм их сбора и поступления предусмотрен не был. И на поверку оказалось, что в татарском обществе его полноправными членами являются только лишь члены Совета, остальные же членство сохраняют формально как неплатившие членских взносов.

Управление обществами представляет двух-трехступенчатую структуру: собрание-совет, собрание-совет-правление, конференция-совет-президиум.

Татарское общество с 1990 по май 1993 г. имело трех сопредседателей, из них одного председателя Правления. В устав ногайского общества был внесен пункт о бессменном председателе общества, сроком на пять лет.

Ногайское общество в составе совета сформировало 7 секций, казахское – 4 комиссии, другие общества не обговаривали этой структуры, что на практике заметно не влияло на результаты их работы.

Разветвленную сеть районных филиалов организовало казахское общество – в дальнейшем многие из них оказались просто недееспособны. Ногайское общество открыло районный в городе и один сельский филиалы. Татарское общество пришло в 1992г. к одному сельскому отделению, а начать создание районных смогло лишь в 1994 г. Иногда

то или иное общество складывалось в достаточно быстрые сроки, порой же этот процесс затягивался или вообще прекращался с надеждой возобновиться позднее после соответствующей подготовительной работы.

Так было с армянским обществом, первая инициативная группа которого начинала работать еще в декабре 1988 г., но не могла объединить жителей двух субэтнических групп армян Астрахани – потомков старопоселенцев XVII-XVIII вв. и переселенцев конца XIX-XX вв. Довольно долго «вызревало» и туркменское общество.

Все эти особенности еще в большей мере проявлялись в обществах «второй волны», нового этапа их возникновения.

Общество культуры чеченского и ингушского народов «Вайнах» образовывалось дважды. Первоначально оно было открыто областным Советом народных депутатов в конце лета 1992 г., но вскоре распалось. Возродилось оно уже более демократичным путем, по желанию местных чеченцев и ингушей, в начале 1993 г. и проявило гораздо большую активность и устойчивость.

5 мая 1991 г. в Лимане был создан калмыцкий оргкомитет для создания культурного общества. Но лишь осенью 1993 г., по сути дела, заново оно было оформлено, получив название «Гэрэл» («Свет»). Работает оно в контакте с областным калмыцким обществом «Хальмаг» («Калмыки»), созданного чуть ранее, в марте 1992 г.

Некоторые новообразованные объединения лишь примыкали по тематике к национально-культурным, другие не являлись таковыми в принципе, лишь добиваясь регистрации в их качестве.

Интересным опытом, предложенным инициативно, стала Ассоциация народов Дагестана «Баракат» («Благоденствие»), созданная на собрании 29 мая 1992 г. В ее организации участвовало лезгинское общество «Садвал» («Единство»), возникшее несколько раньше.

Эпизодически просуществовало, хотя и прошло официальную регистрацию в 1992-93 гг., общество корейской истории и культуры

«Коре» («Корея»). Последними по времени возникновения стали азербайджанское общество «Хазар» («Каспий») и инициативная группа по созданию грузинского общества.

Наибольшие трудности и несогласованность в объединении и самоорганизации проявило преобладающее в области русское и славянское население.

Три-четыре инициативных группы по созданию русско-славянского общества работали параллельно в 1990-92 гг., но в итоге распались. Первые шаги организации, соданной местной интеллигенцией казачьего происхождения, – общества астраханских казаков «Казачий круг» (далее – «Казачий клуб») были резко опротестованы военно-политизированной структурой «Астраханский союз казаков». Деятельность «Казачьего «клуба» оказалась кратковременной.

В июне 1993 г. на бозе Приволжского района возникло областное Астраханское общество «Славянское единство». Но только в 1994-95 гг. оно предприняло первые ощутимые действия. В это же время в Астрахани группой краеведов-работников музеев было создано общество русской истории и культуры. Предпринимали попытки объединиться в собственное общество жители украинской национальности, однако реальных результатов достигнуто ими не было.

Слабая информированность, отсутствие четких представлений о сущности и предназначении национально-культурных обществ вообще явились причиной появления сообществ излишне политизированных. Так, в 1994 г. на всероссийской волне возникла небольшая группировка соборно-державнической направленности «Русская община», пытавшаяся подать себя в качестве областного общества русских.

Группа местных жителей польского происхождения образовала к весне 1993 г. свое небольшое общество в виде кружка или клуба, не определив его названия.

Общества по-разному определяли свое конкретное предназначение и направление деятельности. Провозгласив себя «самодеятельны-

ми общественными», они однозначно отказались от политизации национально-культурных задач.

В целом общества придерживались и придерживаются этих принципов, занимаясь преимущественно культурнической деятельностью.

Более сложную и разноречивую картину («скрытой политичности») представило еврейское общество «Тхия».

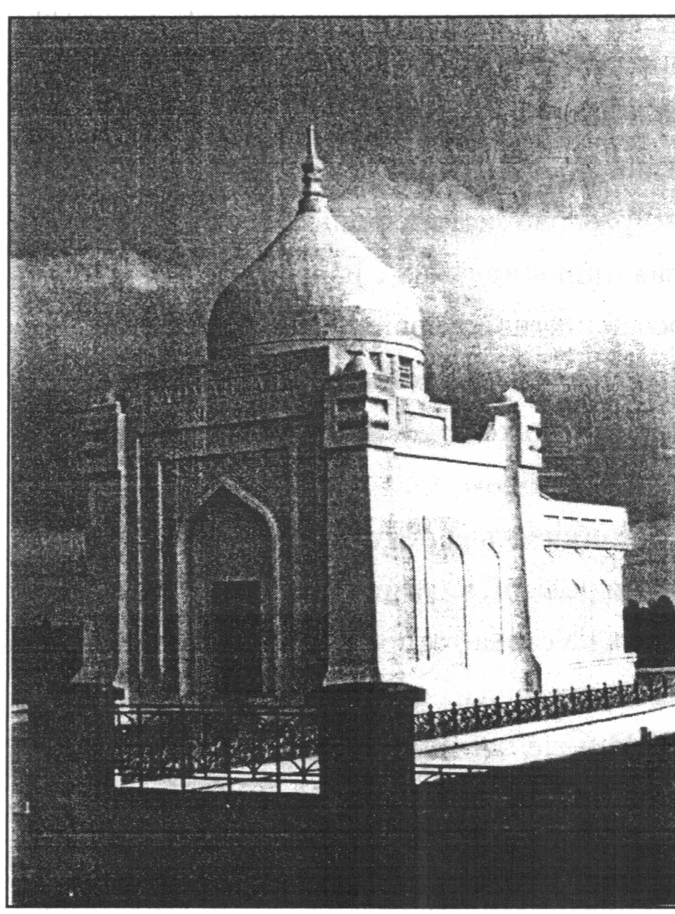
Встав изначально на известные позиции «гебраизма» – ориентации на изучение традиционно-разговорного и фольклорного языка Израиля – «иврит», поддерживая широкие связи с израильскими кругами и их представителями в России, активно вовлекая в общество молодежь как свой перспективный резерв, общество практически сосредоточило свои усилия на решении только этих задач, уходя от реализации основных культурнических проблем.

Характерно, что почти все общества предусмотрели возможность контактов с соответствующими религиозными общинами, «как сохраняющими влияние на людей» (из Устава татарского общества). Фраза эта оказалась удобной для многих других обществ и объединений и кочевала из устава в устав. На деле это выразилось в монопольном влиянии мечети на молодежный татарский клуб, в участии делегации «Дуслыка» в альтернативном I Съезде мусульман Поволжья 29-30 октября 1994 г. в Саратове, в попытках руководства еврейского общества подчинить местную иудейскую общину совсем иной, традиционалистской направленности, в открытии немецким обществом, руководимым выходцами из немецко-католических и православных семей, лютеранской общины, в настоятельном инициировании казахским обществом строительства и открытия новых мечетей и создания при них специфических, «онационаленных» общин.

Приоритетной формой работы для большинства обществ стало сохранение родного языка, традиций и праздников, их популяризация. Иные общества предпринимали попытки производственной и коммерческой деятельности, открытия национальных кафе, изготовления па-

мятников. Такие действия обществ успеха не имели.

Специфическими формами для татарского и казахского обществ являются массовые мероприятия, для еврейского общества – камерные, для армянского – работа с семьями и младшим поколением, для обществ «истории и культуры» – научно-краеведческая деятельность. Некоторые национально-культурные общества проводят полезную работу по охране архитектурного наследия Астраханского края.



О совместной деятельности обществ с органами исполнительной и представительной власти в области, попытках сплочения обществ, налаживании их связи с прессой и другими средствами массовой информации следует сказать особо.

Уже было упомянуто, что задачу работать «в тесном взаимодействии» с местными властными структурами в своем Уставе (раздел I, п. I-III) определило себе общество казахской национальной культуры.

Действительно, в некоторых случаях такое сотрудничество осуществлялось и было полезным, в других вело к смешению функций обществ и государственных органов.

Некоторое время общества не располагали соответствующими помещениями, где можно было бы проводить заседения, встречи и другие мероприятия. Много усилий тратилось на решение этих проблем,

иногда безрезультатно. Вопрос этот удалось решить при поддержке и прямом участии администрации области, когда общества и их формирующийся Центр получили в распоряжение одно из старейших и красивейших зданий города. Было подписано распоряжение Главы Администрации №340 от 28 октября 1991 г. «О передаче здания, в котором размещался Центр детского и юношеского творчества им. С.М. Кирова Астраханскому областному фонду культуры для открытия в нем Центра национальных культур народов Астраханской области». В документе отмечалось: «Учитывая исключительную важность проведения в области работы по возрождению национально-культурного наследия, а также все более настоятельную потребность в ее координации, предоставить помещения татарскому, ногайскому, казахскому, еврейскому, немецкому, армянскому обществам и тем, которые могут возникнуть в дальнейшем».[3] Здесь же первоначально расположился отдел областной администрации по национальной политике.

Однако и эта многообещающая акция не увенчалась успехом. Номинально провозглашенный «Центр» и его общества просуществовали в этом здании лишь до конца 1992 г. и затем были вновь перемещены в разные здания. Фонд культуры оказался ненадежным пользователем, неспособным содержать здание, эксплуатация которого становилась все дороже. Общества, в свою очередь, допустили ошибку, разместив в «своих» комнатах представительства-офисы, а не используя их для основной работы. Здание продолжало ветшать, потребовался его долгий капитальный ремонт.

Областная городская и районные администрации неизменно проявляют внимание к национальным проблемам, в т.ч., соответственно, и к работе обществ.

В облисполкоме 5 октября 1989 г. прошло крупное мероприятие – встреча старейшин национальностей Астраханской области.

Вошли в постоянную практику и встречи первых руководителей области с председателями национально-культурных обществ. Так, на-

пример, такие встречи ежегодно проводил Глава Администрации Астраханской области А.П. Гужвин.

По предложениям руководителей и представителей обществ временами принимались официальные документы, требующие исполнительских решений. Так, было принято постановление облисполкома №471 от 16 августа 1990 г. «О мерах по выполнению критических замечаний, высказанных на учредительной конференции общества казахской культуры «Жолдастык». Результатом совместной деятельности органов власти и обществ явилось распоряжение председателя областного совета народных депутатов №13 от 2 апреля 1991 г. «О мерах по решению вопросов, поставленных на встрече руководителей национально-культурных обществ 25 марта 1991 г.».

Распоряжением Администрации области №610 от 17 декабря 1991 г. председатели обществ «старого» формирования были утверждены в качестве внештатных работников отдела по национальной политике с выдачей им соответствующих удостоверений.[4]

В практику тех лет, начиная с 1991 г., вошло также выделение обществам определенных денежных средств из государственного бюджета области на проведение различных культурных мероприятий. Например, только в 1992 г. на эти цели из госбюджета было выделено более 1 млн. руб.

Помимо этого, областной совет, а затем администрация выступили вместе с обществами учредителями русскоязычной татарской газеты «Идел» («Волга») и казахской – «Ак Арна» («Чистый родник»), издаваемых на родном языке. Периодически издавалась немецкая газета «Астраханер Рундшау» («Астраханские ведомости, новости»), на русском и немецком языках.

Национальные проблемы вообще, в том числе и проблемы национально-культурных обществ, освещались в областных средствах массовой информации широкого, неспециализированного профиля. Так, в печатном органе администрации области «Астраханские ведомости» с

1991 г. была введена специальная постоянная рубрика «Новости из Центра национальных культур и отдела по национальной политике».

С 1989-1990 гг. постоянно выходили еженедельные телепередачи на тюркских языках: на татарском «Туган тел» («Родной язык), казахском «Жолдастык», ногайском «Тулпар» (сказочный крылатый конь). Отдельные телепередачи выходили также и о других национально-культурных обществах.

Принятая распоряжением №1073 от 7 августа 1992 г. «Программа администрации области по реализации государственной национальной политики» ориентировала все национально-культурные общества на лучшую скоординированность проводимой ими работы.

В практику совместной деятельности органов власти и руководства обществ вошло проведение таких массовых мероприятий, как праздник «Сабантуй», Дни ногайской , татарской, казахской культур и т.п. В ходе проведения Дней татарской культуры 30 мая 1992 г. в Астрахани был подписан «Договор о дружбе и сотрудничестве между республикой Татарстан и Астраханской областью», содержащий специальный национально-культурный раздел.

Хотя деятельность национально-культурных обществ имеет весьма краткую историю, однако она органически вписывается в общую канву общественно-политической жизни Астраханской области и подчеркивает ее многонациональный состав.

§5. Народное образование в Астраханской области в 90-е годы XX века

Российское общество сегодня переживает период глубоких структурных, в том числе социокультурных изменений. Все эти процессы не могут не затрагивать среду образования и воспитания. Сложность и определенная непоследовательность реформы системы образования обусловлена незавершенностью процесса реформирования общества в целом.

С другой стороны, успех реформ в обществе во многом зависит от образовательной политики, ее системности, последовательности и результативности. От эффективности педагогического процесса в школах России во многом зависит преодоление кризисных процессов, становление нового российского демократического государства.

В конце 80-х-начале 90-х гг. образование вступило в период кризиса, который носил системный характер. Демифологизация просвещения, которая произошла под влиянием и стала одним проявлений фундаментального кризиса образования, спровоцировала разрушение таких несущих конструкций советской системы образования, как марксизм, атеизм и технократизм. Многим теоретикам и практикам образования стало понятно, что эпоха советской общеобразовательной политической школы близка к завершению.[1]

Вместе с тем следует отметить, что реформа системы образования России, как часть процесса реформирования общества в целом, продолжается. В системе образования происходят серьезные изменения, смысл и значение которых обусловлены поиском новых общеобразовательных парадигм, соответствующих новым тенденциям развития общества. С начала 1993 г. появился ряд признаков того, что обозначились позитивные тенденции, направленные на преодоление кризиса в образовании. Это, прежде всего, принятие в 1992 г. закона Российской Федерации «Об образовании», который положил начало преодолению хаотического состояния сферы образования, когда старые нормативные акты уже не исполнялись в силу их «недемократичности» и «тоталитарности», а новых еще не было. Юридически были закреплены обязательный государственный минимум содержания образования в форме временных государственных стандартов, вариативность, право на самостоятельное педагогическое творчество преподавательских коллективов и педагогов, что отражено в Базисном учебном плане РФ. Появились и успешно развиваются новые виды и типы образовательных учреждений – колледжи, гимназии, лицеи,

инновационные школы, коррекционные классы и школы, школы – комплексы и др., что закреплено типовым положением об общеобразовательном учреждении.[2]

Закон «Об образовании» сыграл положительную роль в построении новой системы образования, в которую включается совокупность:

– системы преемственных образовательных программ и государственных стандартов различного уровня и направленности;

– сети образовательных учреждений различных организационно-правовых форм, типов и видов;

– системы органов управления образованием, подведомственных им учреждений и предприятий (Закон РФ «Об образовании, статья 8).

В 1995 г. завершился первый этап реализации Федеральной программы развития образования, в 1996 г. начался второй этап ее реализации. Среди достижений первого этапа реформы можно назвать переход от унитарного, единообразного обучения к образованию по выбору. Сегодня учащимся и родителям предлагается выбор образовательного учреждения, профиля образования, программ, учебников, итоговых экзаменов и форм получения образования. Если выбор образовательного учреждения преимущественно доступен городским школьникам, то в сельских районах можно говорить о выборе программ, учебников и форм проведения итоговой аттестации учащихся. При всех трудностях, переживаемых нашим государством, эти результаты уже восприняты нашими согражданами, в том числе учащимися, их родителями и педагогическими коллективами.

В ходе реализации первого этапа Федеральной программы развития образования в Астраханской области произошли заметные структурные и качественные изменения всей образовательной системы. К началу второго этапа, к 1996 г., в области функционировало 851 образовательное учреждение дошкольного, среднего (полного) общего и начального профессионального образования, в том числе 487 дошкольных образовательных учреждений, 400 школ и школ-интернатов, 31

ПТУ с общим контингентом обучающихся и воспитанников 207013 человек.

Анализ баланса распределения выпускников 9-х классов по направлениям дальнейшего обучения, проведенный департаментом образования, показал, что абсолютное большинство обучающихся получили возможность продолжить образование: из 14419 выпускников 9-х классов в 1996 г. продолжили обучение в ПТУ области 5547 человек, в 10-е классы поступили 8498 человек.

Кроме того, в области к этому времени работали 15 учебно-воспитательных комплексов «Детский сад-школа», 7 дошкольных центров развития ребенка, было организовано 3 группы коррекции. В районах области работали 56 коррекционных групп, в основном логопедического характера.

В системе начального образования с начала 90-х годов на первый план выдвинулась развивающая функция обучения, обеспечивающая становление личности младшего школьника, раскрытие его индивидуальных способностей. Одновременно началось обновление содержания предметов естественно-математического цикла, усиливалась прикладная направленность курсов. В школах области большое распространение получили интегрированные курсы по естествознанию.

Наиболее радикальные изменения происходили в гуманитарном образовании. Одним из его основных направлений явилось гражданско-правовое.

К началу 1996 г. в Астраханской области действовало 18 образовательных учреждений, реализующих различные инновационные образовательные программы, в том числе: лицеи – 5, гимназии – 4, прогимназии – 1, физико-математическая школа –1, экспериментальная школа – комплекс дифференцированного обучения – 1, школа интернат с первоначальной летней подготовкой – 1, реабилитационные центры – 3, школа одаренных детей – 1, сельскохозяйственный учебный центр – 1.

Школа одаренных детей была открыта в 1992 г. по инициативе

Администрации области. За первые два с половиной года в ней была разработана, внедрена и дала первые результаты модель принципиально обновленного учебного заведения, разработаны и реализованы принципиально новые модели учебного года, учебного дня школьника. Методология школы основана на уходе от традиционного репродуктивного метода обучения к внедрению методик активной совместной деятельности учащегося и учителя в решении проблем взаимного использования творческого и интеллектуального потенциалов. Для решения этих задач руководство школы привлекло высококвалифицированных педагогов.

В 1994 г. школа сделала первый выпуск. Из 36 выпускников четверо получили золотые медали. Все выпускники стали студентами вузов Астрахани и других городов России. До 2000 г. школу окончили 228 учеников, среди которых – 21 медалист. На 1 сентября 1999 г. в школе обучалось 367 учащихся, педагогический коллектив составлял 47 учителей, четверо из которых – кандидаты наук.

Интерес представляет Соленозаймищенская школа с трехступенчатой системой подготовки, которая в 1993г., согласно постановлению Главы Администрации, была реорганизована в областной учебный Центр Прикаспийского научно-исследовательского института аридного земледелия, включающего в себя, кроме средней школы, детский сад и очно-заочную школу подготовки абитуриентов.

В эти же годы по проблемам профессиональной школы было налажено департаментом образования области сотрудничество с Германией.

Несмотря на экономические затруднения, в 1994 г. были построены и внедрены в эксплуатацию три школы на 440 мест (в пос. Карагали и Мирный Наримановского района и в пос. Ленино Енотаевского района), введена первая очередь СШ№57 на 650 мест в г. Астрахани.

Реализуя закон РФ 1992 г. «Об образовании», в Астраханской области получило дальнейшее развитие дополнительное образование. К

1996 г. в области систематически занимались художественным и техническим творчеством, экологией и краеведением, спортом и туризмом 50 тыс. учащихся в 68 учреждениях внешкольного дополнительного образования. Большую работу по развитию массовой физической культуры и спорту среди детей и подростков проводили детско-юношеские спортивные школы.

В системе образования Астраханской области получили соответствующее развитие национальные образовательные программы. Количество образовательных учреждений, в которых в 1996г. изучались родные языки, увеличилось до 111. В 72 школах области изучался казахский язык, в 25 – татарский, в 9 – ногайский, в 5- калмыцкий. Кроме того, родные языки изучались в 23 дошкольных учреждениях: в 14 – казахский, в 7- татарский, в 2- ногайский.

И хотя к этому времени социально-экономическая ситуация в Астраханской области, как и в стране в целом, приобрела дополнительные кризисные явления, все-таки была проделана определенная работа по строительству новых школ, расширению сети образовательных учреждений и комплектации их оборудованием, мебелью, учебно-наглядными пособиями. Так, в 1996 г. было введено 6 образовательных учреждений: 1-я очередь СШ в м/р ул. Бабаевского на 1296 мест, 1-я очередь СШ №45 г. Астрахани на 1012 мест, 2-я очередь СШ пос. Красные Баррикады Икрянинского района на 364 места, СШ с. Растопуловка Приволжского района на 306 мест, начальная школа ст. Сероглазово Харабалинского района на 20 мест, д/сад на 140 мест с. Замьяны Енотаевского района.

В начале 90-х годов серьезные изменения стали проводиться в организации начального и среднего профессионально-технического образования, поскольку именно на него возлагается основная доля подготовки кадров рабочих для основных отраслей хозяйства, а также подготовки специалистов среднего звена социальной и культурной сфер области.

Большую помощь в организации этой работы оказывали базовые предприятия и отраслевые министерства и ведомства. Но с 1990г. эта помощь стала сокращаться из-за сложных финансово-экономических условий самих предприятий, поэтому и потребовались новые организационно-структурные изменения.

С 1992 по 1994 гг. десять средних профессионально-технических училищ приказом Министерства образования Российской Федерации были реорганизованы в высшие профессиональные училища и профессиональные лицеи.

В 1992 г. ПТУ №9 реорганизовано в лицей речного флота, ПТУ №22 – в лицей сельскохозяйственного профиля, ПТУ №33 – в коммерческий лицей. На базе ПТУ №7 было создано промышленное училище, ПТУ №22 реорганизовано в учебный комплекс «школа – ПТУ». В 1993 г. преобразованы в высшие профессиональные училища ПТУ №4 (лицей швейного профиля), ПТУ №1 (лицей строительного профиля), ПТУ №17 (лицей художественно-прикладного искусства и народных промыслов). На базе ПТУ №14 создан центр профессионального мастерства, ПТУ №13 реорганизовано в политехнический колледж. Кроме того, на базе ПТУ №30 в 1994г. был создан учебно-производственный комплекс по подготовке, переподготовке и повышению квалификации молодежи и высвобождающегося населения, а в ряде профтехучилищ сформированы отделения вечерне-сменной подготовки и созданы условия для индивидуального обучения по очно-заочной форме.

Для закрепления молодежи на селе и ее социальной защиты были открыты филиалы ПТУ в Володарском, Харабалинском, Черноярском, Икрянинском, Ахтубинском районах. Кроме того, в ряде училищ области созданы группы для педагогически запущенных, дезадаптивных детей, в которых ежегодно учатся более 600 ребят в возрасте от 13 до 15 лет.

К началу 1994/95 уч.г. специалистов для различных отраслей хозяйства Астраханской области и других регионов России готовят в бо-

лее чем 20 средних специальных учебных заведениях.

Для достижения преемственности различных видов профессионального образования в области стали формироваться учебные комплексы «ССУЗ — ВУЗ», подготовка кадров в которых осуществляется по скоординированным учебным планам и программам.

Подготовку специалистов высшего образования по-прежнему осуществляли четыре государственных высших учебных заведения: медицинский институт (1995 г. – медицинская академия); технический институт рыбной промышленности (с 1994 г. – технический университет); педагогический институт (с 1996 г. – педагогический университет). В 1969 г. была открыта в Астрахани консерватория. Кроме того, постановлением Главы Администрации области в 1992 г. в г. Астрахани было открыто муниципальное высшее заведение — Астраханский инженерно-строительный институт.

Подготовка специалистов с высшим образованием велась на вечерне-заочном факультете Нижегородского института инженеров водного транспорта, факультете «Взлет» Московского авиационного института, в учебно-консультационных пунктах Волгоградской сельскохозяйственной академии, Астраханского педагогического института, Всесоюзным заочным институтом железнодорожного транспорта.

В 1991 г. педагогический институт (университет) открыл в г. Капустин Яр (ныне г. Знаменск) специальный учебно-консультативный пункт (УПК), где в рамках гуманитарной конверсии 110 офицеров и их жен были зачислены на физико-математический, исторический факультеты, факультет иностранных языков и факультет педагогики и методики начального обучения. В 1996 г. УКП г. Знаменска был преобразован в педагогический факультет АГПУ.

За все годы деятельности данного подразделения педуниверситета было подготовлено более 300 педагогов высшей квалификации.

Все это еще раз свидетельствует, что в 1996 г. завершился первый этап реализации Федеральной программы образования. С учетом ре-

ального состояния системы образования и перспектив дальнейшего развития департаментом образования была подготовлена Программа развития образования Астраханской области на 1995-2000 гг. В рамках подготовки Программы социально-экономического развития области был подготовлен и согласован в соответствующих федеральных органах государственной власти проект «Образование».

Важным этапом в развитии областной нормативно-правовой базы в сфере образования стало принятие Представительным Собранием Астраханской области в 1-м чтении Закона Астраханской области «Об образовании». Проект Закона предусматривал общедоступность и бесплатность получения образования в пределах государственных образовательных стандартов на всех ступенях и уровнях системы образования, а также надежные экономические гарантии.

В конце 1997 г. Закон Астраханской области «Об образовании» был принят, вступил в силу, началась его реализация. К настоящему времени, то есть к исходу XX столетия, все основные звенья системы образования в Астраханской области подверглись определенным изменениям в духе общей концепции реформирования общества, его социально-экономических основ.

В 1999 г. в области действовало 1061 общеобразовательное учреждение с общей численностью учащихся и студентов 314197 человек. На финансирование системы образования из консолидированного бюджета области было направлено 639,3 млн. рублей.

Программа развития образования в Астраханской области стала организационной основой региональной политики в сфере образования, определяющей стратегию совершенствования системы образования в области и обеспечивающей удовлетворение потребностей населения и социально-экономической сферы региона в качественном образовании.

Образовательными услугами дошкольных учреждений пользуется 44,3% детей дошкольного возраста (в 1997 г. – 33,6%). Уставы уч-

реждений приведены в соответствии с Законом РФ «Об образовании», типовым положением о дошкольном образовательном учреждении и типовым положением о дошкольно-школьном образовательном учреждении; завершается лицензирование ДОУ.

В 1999 г. начальное образование области завершило переход на базисный учебный план. Появились оригинальные авторские учебные планы и программы, учитывающие федеральный, региональный и школьные компоненты содержания образования.

В соответствии с Программой развития образования в Астраханской области с 1998 г. начался переход начальной школы на 4-х летнее обучение. В 1999 г. он был осуществлен в 40% школ.

Дальнейшее развитие получило дополнительное образование детей. В 1999г. в области функционировало 78 (в 1997г. –70) учреждений этого вида образования. На 27% увеличилось за последние годы количество детей, занимающихся в объединениях художественно-эстетического направления, экологических, спортивных и других объединениях. Возросло число участников областных олимпиад, смотров, конкурсов, выставок и других мероприятий.

Глубокие качественные изменения происходят в системе общего среднего (полного) образования: 43% образовательных учреждений ввели новые предметы, 18% школ ведут углубленное изучение различных дисциплин, 46% предлагают профильную подготовку, продолжается работа по стандартизации в образовании и развитию информационных технологий.

Не менее важным направлением работы является развитие национально-региональных образовательных программ.

Департамент общего и профессионального образования совместно с национальными обществами придает особое значение возрождению культуры, языка, традиций.

На основе межправительственных соглашений, заключаются договоры о сотрудничестве в сфере образования с Министерствами об-

разования Татарстана, Казахстана, Калмыкии, Карачаево-Черкесии, Дагестана, научно-исследовательским институтом педагогического образования АПН РФ.

Кроме того, решается задача подготовки кадров для школ и детских дошкольных учреждений с изучением родного языка. Сейчас обучаются в карагандинских вузах 17 человек, в Актюбинском пединституте – 4 человека, в Уральском – 2 человека, в Атырауском университете – 8 человек, в Казанском – 10 человек из районов области. Осуществляется переподготовка учителей родного языка, директоров школ с национальным контингентом учащихся. В 1999 г. в Астраханской области функционировали 114 школ с изучением родных языков: казахского языка – 72 школы; татарского языка – 25 школ; ногайского языка – 9 школ; калмыцкого языка – 5 школ; немецкого языка (родной) – 3 школы.

Кроме того, в воскресных школах изучается иврит, армянский и польский языки.

С каждым годом увеличивается количество учащихся старших классов, которые выбирают родной язык как предмет для сдачи переводных и итоговых экзаменов.

Продолжается процесс развития и совершенствования системы начального, среднего, высшего и дополнительного профессионального образования. Для реализации принципа непрерывного профессионального образования развивается взаимодействие учреждений НПО (научно-производственного обучения) с учреждениями среднего и высшего профессионального образования. Заключен договор на открытие факультета дистанционного образования между профессиональным лицеем №9 и Московской государственной академией водного транспорта. Открыт филиал колледжа профессиональных технологий на базе ПУ №32 в Нариманове.

В условиях неполного государственного финансирования учреждениями НПО привлекаются дополнительные средства от внебюджет-

ной деятельности (выпуск продукции в учебно-производственных мастерских, платные образовательные услуги), позволяющие укрепить учебно-материальную базу, производить ремонт помещений, тепло- и водоснабжение, осуществлять текущие платежи за коммунальные ус-

луги. Дополнительным источником финансирования УНПО (учреждений научного производственного обучения) являются и средства муниципальных бюджетов согласно заключенным договорам о соучредительстве в Красноярском, Харабалинском, Лиманском, Икрянинском, Ахтубинском и Енотаевском районах. Следует отметить, что в течение 1998-99 учебного года в учебных заведениях среднего профессионального образования откроется ряд новых специальностей, направленных на удовлетворение потребностей региона.

Все звенья общего профессионального образования к концу 90-х годов не претерпели структурных изменений, однако они пополнились новыми содержательными программами и педагогическими технологиями, произошел определенный рост научно-педагогической квалификации профессорско-преподавательского состава. В 1999г. в Астраханской области действовали 33 учреждения начального профессионального образования, 22 учреждения среднего профессионального образования и 23 учреждения высшего профессионального образования, в которых одновременно обучались более 60,5 тыс. человек. В том числе: студенты системы начального профессионального образования

– 12 тыс. человек, среднего профессионального – около 25,4 тыс. человек, высшего профессионального – свыше 23,5 тыс. человек.

Число работающих в системе профессионального образования составило около 12 тыс. человек, в том числе 4,5 тыс. педагогического персонала.

Инженерно-педагогический состав системы начального профессионального образования укомплектован на 93%. Из них 52,1% специалистов имеют высшее, 38% – среднее специальное образование. По результатам аттестации 70% инженерно-педагогических работников присвоены квалификационные категории.

В средних специальных учебных заведениях области работало более 1900 высококвалифицированных педагогов, среди которых ученые звания и степени имеют 16 человек, 41 педагогу присвоено звание «Заслуженный учитель РФ», 40 – «Заслуженный работник отрасли».

Профессорско-преподавательский состав высшего образования на 75% состоит из педагогов, имеющих ученые степени и звания. Среди преподавателей вузов 110 – профессоров докторов наук; 676 – кандидатов наук, доцентов; 18 преподавателей консерватории являются Заслуженными деятелями искусств, заслуженными артистами РФ и лауреатами международных конкурсов.

Подготовка учащихся системы профессионального образования велась по 55 специальностям и 21 направлению высшего профессионального образования, по 75 специальностям среднего профессионального образования, 58 профессиям и 93 специальностям начального профессионального образования. Вузами региона осуществлялась подготовка по 41 программем послевузовского образования (аспирантура).

К 1999 г. открыто 11 специализированных советов по защите кандидатских и докторских диссертаций. За последние три года защищено более 130 кандидатских и 23 докторских диссертации.

Конкурс среди поступающих в высшие учебные заведения достиг 2-х человек на место, в средних специальных и учреждениях начально-

го профессионального образования на отдельные специальности – до 3 человек. В учебных заведениях области в 1999-2000 уч.г. учатся представители 12 стран ближнего и 26 стран дальнего зарубежья.

Большие перспективы связаны с созданием Ассоциации университетов Прикаспийских государств, которая позволит решить проблемы интеграции региона в мировое образовательное пространство.

Особо следует отметить международное сотрудничество в сфере образования, основной целью которого является интеграция в мировое образовательное пространство для наиболее полного удовлетворения образовательных потребностей и повышения качества образовательных услуг. Поэтапное развитие интеграционных процессов в области образования связано с существенной разницей в структуре образовательных систем.

Для реализации поставленной задачи разрабатывается региональная стратегия международного сотрудничества в области образования, определяются потребности региона в подготовке специалистов высокой квалификации за рубежом, предусматривается возможность получения образования для особо одаренных детей в престижных образовательных учреждениях Европы в рамках действующих программ «Коперник», «Лингва».

Департамент образования в 1998-99 учебном году участвовал в деятельности ряда международных образовательных программ:

– в рамках программы «Брайтенарбайт» («Совместная работа») были проведены курсы немецкого языка в 50 группах (около 500 человек);

– в рамках программы «Британский совет» были подготовлены специалисты английского языка, которые впоследствии были использованы в качестве мультипликаторов в сельских школах;

– в настоящее время начата реализация пилотных проектов по внедрению в образовательных учреждениях региона учебников английского и французского языков издательств «Оксфорд», «Атье», «Дидье»,

«Кле»;

– в рамках программы «Крус» прошли стажировку преподаватели французского языка и студенты, изучающие язык за счет посольства Франции в России.

В течение 1996-1999гг. сохранялась устойчивая тенденция развития очно-заочной формы обучения. Число студентов в образовательных учреждениях всех типов, получающих образование по данной форме обучения, равно 12,5 тыс. человек.

За последние два года в вузах и образовательных учреждениях дополнительного образования прошли переподготовку и повышение квалификации более 7,8 тыс. человек. Среди них представители социально-незащищенных слоев населения: безработные, беженцы и вынужденные переселенцы, уволенные в запас военнослужащие и члены их семей.

К приоритетным направлениям вузовской науки относятся: «Разработка актуальных педагогических технологий» (АГПУ), «Создание новых технологий оборудования для пищевой промышленности» (АГТУ), «Разработка комплексных систем реабилитации и иммунореабилитации часто болеющих детей в Астраханской области с использованием интерферонов» (АГМА), «Районирование территорий г. Астрахани по преобладающим типам агрессивности грунтовых вод» (АИСИ).

При Астраханском государственном педагогическом университете созданы научно-исследовательские институты гуманитарных и естественно-научных проблем. В составе научно-исследовательского института гуманитарных проблем открыт Центр русской словесности. При АГТУ действуют 22 научных лаборатории по различным отраслям, а также информационный центр с серверами Ассоциации университетов Прикаспийских государств и университета.

В последние годы в Астраханской области произошли изменения в учебном книгоиздании. Так, департаментом образования был разра-

ботан план по книгоизданию на 1998-99 учебный год по разным направлениям: гуманитарному, экономическому, физико-математическому, химико-биологическому, техническому, медицинскому, музыкальному. Подготовлено и издано учебных пособий: АГПУ-60, АГТУ-50, АГМА – 42, АИСИ – 40, АГК – 20. Кроме того, создан научно-методический совет по издательской деятельности при департаменте. Организована и проведена выставка-совещание «Перспективные направления в книгоиздании». Лучшие учебники и учебные пособия рекомендованы ВУЗам и ССУЗам для использования их в учебном процессе.

В 1998-1999 гг. был принят ряд нормативных актов, направленных на развитие системы профессионального образования, в том числе постановления Главы Администрации области: «Об утверждении положения о губернаторских грантах для интеллектуального потенциала вузов Астраханской области за достижения в научной, научно-педагогической и инновационной деятельности» (от 09.02.99 № 40), № 421 «О целевой контрактной подготовке специалистов с высшим профессиональным образованием за счет средств областного бюджета» (от 24.09.98), «О введении специальных (губернаторских) стипендий Администрации области» (от 12.01.99 № 4), распоряжение Главы Администрации области от 27.11.98 № 1523-р «Об организации научно-практического семинара для студентов вузов Астраханской области, занятых научной деятельностью» и другие.

Заключены соглашения между Администрацией Астраханской области и Министерством общего и профессионального образования РФ, между департаментом общего и профессионального образования области и государственными высшими учебными заведениями о сотрудничестве, взаимной ответственности, разграничении полномочий. Произведена реорганизация и оптимизация структуры профессионального образования. В целях исключения дублирования профессий осуществлено объединение профессионального училища №10 и профессионального лицея №9. Объединены Морской рыбопромышленный кол-

ледж и Каспийский морской колледж, реорганизован в колледж связи при государственном техническом университете техникум связи.

Разработана система договоров о сотрудничестве, взаимодействии и непрерывном образовании между образовательными учреждениями всех типов.

По целевому набору в вузы области в 1999 г. было принято свыше 250 человек, 139 молодых астраханцев учатся в крупнейших вузах страны за счет средств Администрации области. Неблагоприятной остается ситуация с трудоустройством выпускников. Направление на работу из числа выпускников вузов очной формы обучения получили 27,4%, в то время как в 1998 г. эта цифра равнялась 58,8%. За помощью в службу занятости обратились 243 человека, т.е. 9,9% от общего числа выпускников.

Среди стоящих на учете в ФСЗН больше всего выпускников педагогического (36%) и технического профиля (28%).

Одним из способов решения проблемы трудоустройства выпускников является развитие системы прямых договоров с предприятиями-заказчиками. Разрабатывается программа содействия трудоустройству выпускников профессиональных учебных заведений.

Дальнейшее реформирование системы образования в области, ее качественное изменение невозможны без выработки единой стратегии развития образования. Этими вопросами, в первую очередь, занимается департамент образования Администрации Астраханской области, институт усовершенствования учителей, педагогический университет. В настоящее время продолжаются поиски построения системы образования области, и в этом процессе заняты представители общественности, учителя-практики, ученые-педагоги.

§6. Становление здравоохранения в Астраханской губернии

История здравоохранения в России начинается с учреждения в Москве в 1581году аптекарской палаты. В 1620 году она была преобразована в аптекарский приказ. Решительный шаг в развитии всего медицинского дела предпринял Петр I, заменив аптекарский приказ медицинской канцелярией и положив начало санитарному законодательству в России. По многочисленным указам в петровскую эпоху создавались аптеки, госпитали, медицинские школы и т.п. Тогда же было положено начало городской медицине. Екатерина II преобразовала медицинскую канцелярию в медицинскую коллегию (1763). При Павле I появились и местные медицинские учреждения – губернские врачебные управы (1797). В 1799 году в Петербурге была открыта первая медицинская академия. При Александре I медицинская коллегия была преобразована в экспедицию государственного медицинского управления, которая в 1803 году переименована в медицинский департамент.

История развития здравоохранения в Астраханском крае своими корнями уходит в начало XVIII в., когда в 1721 году здесь была учреждена Астраханская государственная аптека. Она предназначалась не только для медикаментозного обеспечения находящихся здесь войск и флота, а была, прежде всего, центром заготовки лекарственного сырья для нужд всей России.

Первым стационарным медицинским учреждением Астрахани была «Странноприимная больница» при Спасском монастыре (просуществовала до 1796г.).[1] Как и в других губерниях России, Астраханская губернская врачебная управа была учреждена в 1797 году, реорганизованная в 1865 году во врачебное отделение губернского правления.

1 сентября 1792 г. в Астрахани на берегу Кутума была открыта первая гражданская больница на 30 мест. Астраханский приказ общественного призрения предпринял практические шаги по строительству

новой больницы на 100 мест, которая была построена на Паробичевом бугре в ноябре 1797г. Немногим позднее, в 1832г., в Астрахани начала действовать еще одна больница на 180 мест.

Особенно благоприятными для Астраханского края в деле расширения больничного строительства оказались 70-80-е гг. XIX в. 19 февраля 1876г. на Варвациевском канале была открыта бесплатная городская больница, названная Мариинской. 6 декабря 1881 г. на улице Почтовой была открыта временная больница, вскоре получившая название Александровской. В этом же году больницы были объединены под названием Астраханская городская соединенная Александрово-Мариинская больница. Вслед за этим административным решением произошло и территориальное объединение двух больниц и размещение их на Покровской площади.[2]

Большим и неоценимым подспорьем государственной казны в деле развития здравоохранения в крае являлась благотворительная деятельность, носившая частный и общественный характер. Возникновение общественной благотворительности в Астраханской губернии относится к началу XVIII в., когда по указу Св. Синода в 1721 г. стали открываться при церквах богадельни. В 1723 году в губернии насчитывалось уже 11 богаделен, в которых содержалось 150 «призреваемых». Эти заведения общественного призрения испытывали острую материальную нужду, так как казна на их содержание финансовых средств не выделяла. Ситуация стала позитивно меняться после учреждения по царскому указу Приказов общественного призрения.

Астраханский Приказ общественного призрения был образован в 1767г. Деятельность его возглавлял губернатор. Помимо вопросов здравоохранения, Приказ ведал проблемами народного образования, опеки и т.д.

В связи с отсутствием земств в Астраханском крае, которым в России передавались функции общественного призрения, Приказ просуществовал здесь до 1917 г.

С первых дней работы Астраханского Приказа в его казну стали поступать деньги от всех существующих благотворительных обществ г. Астрахани. Сумма собранных денег в первый год существования Приказа составила 63764 руб. Кроме того, 15000 руб. было отпущено из казны. К 1797 г. капитал Приказа составлял 150292 рублей серебром.[3] Значительная часть этих денег была использована на устройство богадельни Приказа, сиротского дома, на строительство нового деревянного корпуса больницы для «неизлечимых больных», казенной аптеки, расположенных на Паробичевом бугре.

С 1811 по 1818 гг. в Астраханской губернии гражданским губернатором был один из выдающихся российских врачей, воспитанник Московской госпитальной школы С.С. Андриевский.[4] Будучи врачом, он счел необходимым прежде всего ознакомиться с состоянием медицинской помощи населению. Он лично руководил заседаниями Приказа общественного призрения и обратил внимание на нерациональную структуру лечебных учреждений в городе.

В основной Павловской больнице Приказа лечились самые разнообразные больные, в том числе «прокаженные». Рядом находилась Варвациевская больница, построенная на деньги надворного советника И.А. Варвация. В 1810г. она была передана в ведение Приказа, хотя и содержалась за счет процентов с его капитала. По инициативе губернатора С.С. Андриевского был объявлен сбор пожертвований среди купечества и дворян на постройку еще одной больницы. В нее были переведены все хронические больные из Варвациевской больницы, а также из Павловской и больные проказой. Бельем, одеждой, питанием и медикаментами больные обеспечивались за счет Приказа. К больничным учреждениям был прикреплен врач, который руководил всеми больничными корпусами и лично докладывал о работе два раза в неделю губернатору С.С. Андриевскому.

В здании Варвациевской больницы было дополнительно открыто женское отделение с «родильным покоем», заново расширено «пси-

хиатрическое» отделение.

Во всех больницах по указанию С.С. Андриевского соломенные матрацы и подушки были заменены волосяными; больные обеспечивались тремя сменами постельного и нательного белья, верхней одеждой и обувью. Повара, «хлебопеки», «накрыватели столов» получили специальную одежду: белые куртки и колпаки. Было улучшено питание больных. Пополнилось медицинское и хозяйственное имущество больниц. Аптеки обеспечивались специально закупленными в Петербурге лекарствами.

С 1870 г. по указу Александра II получили право на призрение в богадельнях Приказа и нижние военные чины, получившие увечья на действительной срочной службе или учебных сборах (до этого они могли находиться только в военных госпиталях).

Благотворительные учреждения Приказа общественного призрения в основном были сосредоточены в Астрахани, но в те же годы они были открыты и в уездных городах губернии – Красном Яру, Енотаевске, Черном Яру, Цареве.

Таким образом, Приказ общественного призрения, начав свою активную деятельность с момента своего создания, продолжал ее в течение XIX- начале XX в., внеся заметный вклад в развитие здравоохранения в Астраханском крае. Кроме того, с него начинались традиции благотворительности в крае.

Содействуя развитию благотворительности, поощряя и поддерживая ее инициаторов и организаторов, местная власть не устранялась от решения врачебных задач санитарного состояния в крае. Более того, она причисляла их к приоритетным и постоянно держала под контролем, что подтверждается конкретной деятельностью уже упомянутого нами астраханского губернатора С.С. Андриевского. Неблагоприятная санитарная ситуация, характерная для Астраханского края, держала в постоянном напряжении и медицинские учреждения, и местные органы власти. Проблема заключалась в том, что на территории

губернии часто возникали очаги различных заразных болезней, что приводило к высокой смертности населения. «Бешеной» болезнью назвали астраханцы чуму, впервые появившуюся здесь в конце XVII в. и унесшую 10 тыс. жителей. В течение XVIII-XIX вв. эпидемия чумы повторялась неоднократно. Лишь во время ее краткой вспышки в 1807г. умерло 1089 жителей города.[5] Ситуация мало изменилась и к концу XIX в. В ноябре 1889г. по настоянию губернатора М.А. Газенкампфа Городская дума специально рассматривала вопрос о причинах высокой смертности в крае. В ходе обсуждения выяснилось, что по оздоровлению города за последние десять лет была проведена значительная работа: созданы группы санитарного надзора, обустроены городские бани, приведены в должное санитарное состояние рынки, значительно увеличено количество коечных мест в больницах и т.п. Причина высокой смертности вполне оправданно объяснялась прежде всего эпидемиями. Достаточно заметить, что в 1900 г. смертность составляла 56 человек на 1000 жителей против 13 по России в среднем.[6] Для предотвращения вспышки тифа по предложению Городского головы на казенные средства была открыта дополнительная больница. В том же, 1889г., была создана лаборатория для исследования пищевых продуктов, под которую выделили специальное помещение. 17 июля 1901г. в Астрахани была открыта противочумная бактериологическая лаборатория. Следует заметить, что постоянную заботу о санитарном состоянии Астраханской губернии проявлял губернатор М.А. Газенкампф, лично совершавший поездки по зараженным чумой селам и калмыцким аулам. Благодаря его срочным и энергичным действиям в 1899-1900 гг. Астрахань была ограждена от эпидемии чумы.

С давних времен среди жителей Астраханского края были известны случаи заболевания лепрой. Исследователи этой проблемы указывают, что документально подтверждается наличие лепры в Астрахани с первой половины XVIII в. Начиная с 1844 г. больных лепрой в случаях крайне необходимости госпитализировали в специальное «проказ-

ное» отделение Астраханской больницы Приказа общественного призрения. В конце XIXв., в 1896г., в Астрахани был открыт «Временный приют для прокаженных» на 20 коек. В 1901 г. аналогичный приют был открыт в Красном Яру. Непосредственное участие в организации лепрозория принимал губернатор М.А. Газенкампф.[7]

Большой вклад в улучшение эпидемиологической обстановки в Астраханском крае внес губернатор И.Н. Соколовский. По его решительным настояниям только с 1909 по 1913 гг. в губернию было направлено из государственной казны 464 тыс. рублей. Ему же принадлежала инициатива организации бактериологической лаборатории для изучения источников заразных заболеваний и методов борьбы с ними. И.Н. Соколовский вынес это предложение на заседание Городской думы, которая единодушно одобрила проект, и выделила необходимые средства для его реализации.[8] При активном участии губернатора проводилась большая работа по организации противотуберкулезной профилактической и лечебной деятельности, особенно среди детей. Он способствовал созданию Астраханского отдела Лиги для борьбы с туберкулезом, учредительное собрание которой состоялось в 1912 г.

Со временем губернаторской деятельности И.Н Соколовского совпало развитие в Астраханской губернии земской медицины.

Земские учреждения в России, как известно, стали создаваться по указу Александра II с 1 января 1864 г.

В губерниях, где еще не было введено земское управление, в том числе и Астраханской, при губернских городских управах в 1893 г. стали создаваться санитарные исполнительные комиссии, работа которых контролировалась самим губернатором.

В качестве первоочередных обязанностей санитарно-исполнительной комиссии при врачебном отделении губернского правления являлось проведение санитарно-гигиенических мероприятий как в городе, так и в сельской местности.

Обширность территории, краевая патология, многонациональный

состав, сезонные условия труда подавляющей части населения Астраханской губернии создавали трудности в контроле санитарно-гигиенической обстановки и в работе лечебных учреждений. Сельское население в большинстве случаев вообще было лишено квалифицированного медицинского обслуживания. Этот недостаток в какой-то мере должна была восполнить земская медицина. Ее становление и конкретная деятельность связаны с развитием земского самоуправления, введенного в Астраханском крае лишь в 1912 году, т.е. значительно позже, чем в подавляющем большинстве российских губерний. Первое Астраханское уездное собрание проходило с 15 по 21 октября 1913 года. Наряду с решением других вопросов на нем была определена смета расходов на организацию медицинского обслуживания населения восьми врачебных участков губернии: Чаганского, Федоровского, Бирюче-Касинского, Карантинского, Началовского, Бахтемирского, Яндыкского, Харабалинского.

Многие села находились на больших расстояниях от врачебного участка. Так, например, Чаганский участок был удален на сорок верст, Яндыкский врачебный участок – на сто верст. Численность населения на врачебных участках была большая, в некоторых из них она доходила до 40 тыс. человек. Иногда на участках создавались фельдшерские пункты, но их было очень мало: это Камызякский, Тишковский, Зацаревкий.

В уездных городах функционировали лечебницы, подведомственные Астраханскому Приказу общественного призрения, но, как правило, хирургическая помощь в них не оказывалась и чаще всего в них находились больные пожилого возраста.

Архивные документы свидетельствуют, что на развитие земской медицины расходовались значительные денежные средства, поступавшие от сбора земских налогов, частично – из местного бюджета. На эти деньги содержался медицинский персонал, закупались лекарства, строились больницы. Только за 1913-1914 гг. была построена земско-

сельская больница в селе Яксатово с введением барака «для заразных больных», переоборудована Зеленгинская земская больница, расширена земская больница в селе Житном, отремонтированы Бахтемировская, Харабалинская земские лечебницы, расширены помещения и земельные участки фельдшерских пунктов в селах Каралат и Зацарево.

В 1914 г. состоялось второе Астраханское уездное земское собрание, на котором был заслушан доклад о работе земских лечебных учреждений и внесено предложение о создании врачебно-санитарной комиссии при уездной земской управе с целью улучшения работы всех земских лечебных учреждений.

Был определен круг обязанностей комиссии: 1) наблюдение за техническим состоянием земских врачебных, фельдшерских и ветеринарных учреждений; 2) распределение медицинской помощи в уездах; 3) организация оспопрививания и выработка мероприятий по борьбе с эпидемиями и ликвидация последствий эпидемий; 4) разработка общих вопросов, связанных с переоборудованием и постройкой новых земских лечебниц.

Для реализации этих задач были конкретно просчитаны необходимые финансовые затраты. Смета расходов на 1914 г. свидетельствует о том, что на содержание медицинского персонала в указанном году было предусмотрено израсходовать 19 тыс. рублей, на приобретение медикаментов – 14600 рублей, на постройку и ремонт земских амбулаторий, лечебниц и фельдшерских пунктов – 123316 рублей.

Хотя земская медицина Астраханской губернии не накопила большого практического опыта, однако за пятилетний период своей деятельности она подтвердила статус целесообразности и полезности в деле медицинского обслуживания населения.

К началу XX столетия в губернии функционировали в основном ведомственные и частные медицинские учреждения. В первых лечилась ограниченная группа лиц, вторые не всем были доступны из-за дороговизны лечения. При всех этих недостатках следует отметить,

что к этому времени в деле здравоохранения произошли заметные позитивные изменения.

В 1991 г. в Астраханской губернии было 156 врачей, из них 57 работали в ведомственных учреждениях (министерство торговли, транспорта, военнослужащие и т.д.), остальные – в частных.

На территории края функционировало 76 постоянных лечебных заведений на полторы тысячи кроватей, во время путины дополнительно открывались на Каспийско-Волжских промыслах до 60 больничных учреждений, способных принимать на санитарное лечение до 550 – 600 человек. Только за 1911 г. амбулаторная помощь была оказана 313982 больным, из них были госпитализированы 19199 человек. Из всех болезней, после сердечно-сосудистых, наиболее распространенными являлись инфекционные.

Несмотря на большое по тем меркам количество врачей и достаточное количество коечного фонда, картина заболеваемости была не очень утешительной, если учитывать и то, что велись специальные противочумные и противохолерные мероприятия, на которые только в 1911 г. было израсходовано 29486 рублей.[9]

Действовавшие в этот период Общество астраханских врачей, медико-санитарное бюро, врачебное отделение губернского правления, Приказ общественного призрения не могли обеспечить достаточную полноту медицинской помощи, особенно в летние, осенние периоды, когда инфекционная заболеваемость увеличилась в несколько раз и не только из-за погодных условий, но и из-за большого притока людей в эти периоды из других территорий.

Целесообразно особо охарактеризовать состояние фабрично-заводской медицины, занимающей исключительно важное место в системе здравоохранения. Ее становление в Астраханском крае имело целый ряд особенностей. Первая состояла в том, что крупных фабрик и заводов в Астраханской губернии было мало, причем количество работающих на них в большинстве случаев не превышало 100 человек.

Вследствие малочисленности работающих, медицинское обслуживание на предприятиях организовано не было. Рабочие получали медицинскую помощь в городских лечебных учреждениях. Второй особенностью было то, что крупнейшие в Астраханской губернии предприятия – рыбные и тюленьи промыслы, а также некоторые предприятия по их обслуживанию – бондарное производство, артели грузчиков – были отнесены не к промышленным, а к сельскохозяйственным заведениям, и на них не распространялось существовавшее тогда в России фабрично-заводское законодательство.[10]

Медицинская помощь на рыбных промыслах, несмотря на то, что они существовали уже целые столетия, организована была лишь в 1889 г.[11] Первый проект организации медицинской помощи на промыслах был рассмотрен в Астрахани в 1870 г., однако осуществился он лишь в 1878 году. Этот год стал для Астрахани памятным: в станице Ветлянка была обнаружена чума, от которой умерло 372 человека. Это ускорило появление обязательного для всех рыбопромышленников постановления, в котором предписывалось иметь на каждом промысле по больнице с аптекой и фельдшером. Действительно, были развернуты временные больницы, наняты фельдшеры, но опасная ситуация от этого не изменилась. Эти больницы представляли собой грязные и холодные лачуги с нарами вместо кроватей, больничного белья не было, кормили больных всего лишь чаем и черным хлебом. Во главе такой больницы стоял фельдшер, который наряду с медицинскими обязанностями должен был исполнять еще и различные промысловые работы. В роли фельдшера он появлялся в основном в моменты посещения промысла какими-либо административными чиновниками.

Весной 1881 г. Управление рыбными и тюленьими промыслами провело двухмесячный врачебный надзор из-за роста числа заболеваний на промыслах. В ходе этой временной кампании серьезной медицинской помощи промысловикам оказано не было в связи с явным недостатком врачей.[12]

Добрый почин в предоставлении промысловому населению постоянной врачебной помощи был сделан администрацией рыбных промыслов Базилевского в 1889 г. Его примеру последовала фирма братьев Сапожниковых, и к 1900 г. около 14 промыслов с 10-15 тысячами рабочих оказались обеспеченными постоянной врачебной помощью. Но все же основная масса населения на промыслах обслуживалась фельдшерами. К концу 1913 г. насчитывалось 79 промысловых больниц.[13]

«Свод законов…, действующих в Каспийско-Волжском рыболовном районе» предписывал постоянное присутствие врача на крупных (более 1000 человек) промыслах. В законе указывалась также, что все промысловые больницы должны находиться в заведовании врачей, и на каждой из них должен постоянно находиться фельдшер. Рыбопромышленник, виновный в нарушении правил, наказывался штрафом до 500 рублей.[14]

«Свод законов…» обязывал рыбопромышленников устраивать больничные помещения и нанимать медперсонал на собственные средства. За дни, пропущенные рабочими по болезни, в случае, если болезнь была зарегистрирована в промысловой больнице, рыбопромышленник не имел права делать вычеты из заработной платы рабочих.[15]

За соблюдением правил оказания медицинской помощи промысловым рабочим наблюдали санитарные врачи. Ежегодно они составляли медико-санитарный отчет по Волго-Каспийским рыбным и тюленьим промыслам, где указывалось количество осмотренных промыслов, недостатки в санитарном и лечебном обслуживании, количество штрафов, наложенных санитарными врачами за допущенные нарушения, а также сведения о заболеваемости и смертности на промыслах.[16]

Предприятия, не входившие в число рыбных промыслов, но обслуживающие их (бондарное производство и т.д.) также были обязаны заботиться о здоровье своих рабочих. Так, например, в 1901 г. на правом берегу реки Волги в поселке Форпост была построена про-

мыслово-бондарная больница, средства на постройку и содержание которой были даны владельцами как промысловых, так и бондарных заведений поселка. Эта больница обслуживала не только рабочих рыбных промыслов, но и около 1000 человек, работающих на бондарных предприятиях.[17]

Комиссия профессора Г.В. Хлопина, командированная в 1908 г. в Астрахань из Петербурга для разработки проекта по оздоровлению города, отмечала в своих записках, что городские портовые грузчики и другие портовые рабочие «обременяют» городские амбулатории и больницы, составляя около 10% всех обратившихся за врачебной помощью. Поэтому комиссия издала постановление, согласно которому предписывалось устроить помещения-бараки и больницу в городе на 60 кроватей для портовых рабочих, а также организовать в порту специальный санитарный надзор.[18]

Таким образом, к 1917 г. в Астраханской губернии медицинское обслуживание рабочих промышленных предприятий и промыслов было организовано следующим образом: рабочие промыслов получали медицинскую помощь в промысловых больницах, рабочие городских предприятий – в городских амбулаториях и больницах, грузчики и портовые рабочие – в портовой больнице. Кроме того, все желающие могли стать участниками созданной в 1916 г. в Астрахани больничной кассы и получать медицинскую помощь у любого врача, состоящего на городской службе.

Сельские жители обслуживались в основном ведомственными, а в предреволюционные годы еще и земскими медицинскими учреждениями.

После революционных событий 1917 г. и последовавшей за ними гражданской войны здравоохранение в Астраханской губернии развивалось в основном по тем же направлениям, истоки которых были заложены в предшествующие десятилетия. Вместе с тем, в связи со сменой приоритетов во внутренней политике новой власти последовали

преобразования и в здравоохранении.

В первые годы фактически существовало две медицины: государственная во главе с Наркомздравом РСФСР и медико-санитарными отделами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов на местах, и так называемая страховая организация, которой через страховые кассы подчинялись лечебно-профилактические учреждения. В 1919 г. оба эти направления слились в единую советскую медицину во главе с Наркомздравом. Как считают многие социал-гигиенисты нашего времени, эта акция была преждевременной, так как здравоохранение лишилось значительных средств от предпринимателей.[19]

В годы НЭПа создалась благоприятная почва для восстановления страховой медицины. Уже 23 ноября 1922 г. появилось положение ВЦСПС и НКЗ, предусматривающее организацию страховых совещаний из представителей профсоюзов, страхорганов, органов охраны труда и совнархозов. С октября 1921 г. правительством был подписан декрет «О государственном имущественном страховании», а с июля 1922 г. было предоставлено право проводить операции по личному страхованию граждан.

С этого времени в Астрахани учреждаются контора и кассы социального страхования, проводятся «облавы по городу для обнаружения уклоняющихся от привлечения к социальному страхованию». Государственные и частные предприятия обязывались вносить страховые суммы в органы Госстраха. Год практической работы показал, что оно не обеспечило в должной мере влияния на постановку медицинской помощи застрахованным. 4 марта 1924 г. появилось новое положение о страховании, согласно которому выделялся специальный текущий счет медицинской помощи застрахованным, что в большой степени гарантировало использование фонда по прямому назначению. В 1925 г. на 50% по сравнению с 1924 г. были увеличены выплаты по безработице, увеличены пособия по случаю рождения ребенка, а также на кормление детей. Улучшено было положение инвалидов и семей умерших.

Рабочие, получившие увечье и потерявшие трудоспособность в связи с профессиональными заболеваниями, обеспечивались в размере фактического утраченного заработка. Было предусмотрено распространение страхования на все виды наемного труда, на все виды потери трудоспособности, дифференцирование страховых взносов в зависимости от риска опасности и вредности производства, создание отделов и подотделов рабочей медицины при Наркомздраве с целью оказания помощи застрахованным. Все лица, занятые наемным трудом, объявлялись застрахованными и имели возможность получать бесплатную медицинскую помощь в секции страховой медицины (так именовалось созданное в октябре 1922 г. при Астраханском Губздраве отделение медпомощи застрахованным).[20]

В 1925 г. взнос на социальное страхование составлял от 16% до 22% от заработной платы, в том числе на лечебную помощь – от 4,5% до 6,5%, в зависимости от опасности и вредности производства.

Ряду предприятий устанавливался пониженный льготный тариф. К таким предприятиям относились, в частности, предприятия транспорта, госбюджетные учреждения, соляные промыслы Баскунчака. Для хорошо оборудованных предприятий (Астраханский рыбообрабатывающий завод) устанавливался поощрительный тариф.

В 1927-29 гг. постановлениями Правительства страны и ВКП (б) был утвержден принцип единства советского здравоохранения, создана централизованная, финансируемая по остаточному принципу система здравоохранения. В последние десятилетия она продолжала развиваться.

Главным в ее содержании было оказание бесплатной и общедоступной медицинской помощи, предупреждение и лечение болезней, оздоровление условий труда и быта и т.д.

Еще в начале 1919 г. при губернском отделе здравоохранения был создан санитарный отдел, объединивший четыре секции: общесанитарную, санитарно-техническую, фабрично-заводскую и жилищно-

санитарную. Санитарный отдел должен был следить за санитарным благоустройством населенных пунктов губернии и г. Астрахани. Одновременно был усилен санитарно-пищевой надзор и контроль за качеством пищевых продуктов, за местами торговли, предприятиями общественного питания. Большую роль в профилактике и санитарно-противоэпидемической службе играли созданный Дом санитарного просвещения, малярийная и Пастеровская станции.

Для охраны материнства и детства было открыто два Дома ребенка, один Дом младенца, трое районных яслей в городе и 14 промысловых яслей в уездах, в городе открылись женская и детская консультации. Детские учреждения стали прежде всего школой для матерей по правильному воспитанию и вскармливанию детей. Такой же школой стали и женские консультации, которые сыграли большую роль в профилактике женских заболеваний, борьбе с криминальными абортами. Проводилась большая работа по борьбе с детской беспризорностью, изыскивались средства для улучшения детского питания. К 1927 г. было открыто еще 12 консультаций в сельских районах губернии.

Одной из неотложных задач органов здравоохранения была борьба с малярией, заболеваемость которой была очень высокой. Так, в 1924 г. было зарегистрировано 26855, а в 1925 г. – 28439 случаев. Созданная еще в 1922 г. малярийная станция под руководством профессора Ф.М. Топоркова ежегодно стала проводить хинизацию всего населения, что со временем привело к полному исчезновению случаев заболевания малярией в Астрахани.

В последующие годы шло развитие и укрепление санитарной организации Астраханской области.

Создание в 1935 г. Государственной санитарной инспекции послужило усилению санитарного надзора за всеми предприятиями, особенно пищевыми, в том числе за рыбной промышленностью. Эти мероприятия, а также массовый охват населения прививками позволили предотвратить распространение кишечных заболеваний.

В 1936 г. был построен новый водопровод, охвачена водопроводным водоснабжением и правобережная часть города, построено около 12 водопроводов с очистными сооружениями в сельских районах.

С целью охраны здоровья населения в Астрахани в свое время были открыты противотуберкулезный диспансер, родильный дом, поликлиника им. Пирогова. На территории Александровской больницы были построены корпуса детской соматической областной больницы, хирургического отделения, гинекологического отделения, аптеки, лаборатории.

В 30-х годах в г. Астрахани начали организовывать службу переливания крови, позже были открыты пункты переливания крови в 1-ой городской клинической больнице, в бассейновой клинической больнице, в г. Харабали, в г. Ахтубинске. На рыбных заводах, промышленных предприятиях, предприятиях водного, железнодорожного транспорта открывались больницы и здравпункты.

Наряду с увеличением общехирургического коечного фонда, начиная с 1946 г. развитие хирургической службы было направлено на создание в городских больницах специализированных коек. Были расширены стационары для больных с костным туберкулезом, вновь организуются онкодиспансеры, ортопедическое, нейрохирургическое, урологическое, травматологическое отделения. Наряду с расширением специализаций хирургических стационаров была создана специализированная помощь в поликлиниках города. Первым главным хирургом Астрахани был проф. Б. М. Хромов, а затем проф. А. И. Богатов.

С целью организации службы неотложной хирургической помощи стали создаваться условия для проведения ранней диагностики, быстрой госпитализации и хорошего послеоперационного ухода. Проводилась специализация хирургов, тематические клинические конференции, доклады на заседаниях научного общества. Большое значение имели выездные заседания общества в Икрянинский и Камызякский районы.

С 60-х годов в Астраханской области стала успешно развиваться

специализированная терапевтическая служба: в областной и городской больницах были созданы отделения для гематологических больных, для больных с эндокринологическими заболеваниями, а также эндокринологические кабинеты в поликлиниках. При станции скорой помощи была организована кардиологическая бригада для оказания на дому неотложной помощи больным с инфарктом миокарда и другими коронарными нарушениями. Квалифицированная гастроэнтерологическая помощь стала оказываться во вновь созданных отделениях областной и городской больниц.

В эти же годы прогрессивные изменения произошли в торакальной хирургии. Первая операция по поводу рака легкого была выполнена проф. А.И. Богатовым (пульмоноэктомия), им же была выполнена и первая в Астрахани операция на сердце по поводу митрального стеноза, с тех пор А.И. Богатов и его коллеги такие операции делали постоянно.

В госпитальной хирургической клинике под руководством проф. В.М. Баля изучали вопросы хирургии пищевода. С большим интересом клинические хирургические кафедры и практические врачи относились к проблемам облитерирующего эндартериита, довольно распространенного заболевания в Астраханской области.

Изучением заболеваний поджелудочной железы с хирургическим лечением занимались на кафедре общей хирургии.

Особенно высокого уровня здравоохранение в Астраханской области достигло в 70-80-е гг., о чем свидетельствуют показатели здоровья населения Астраханской области того периода; так, показатель общей смертности в 1980 г. был 7,2 на 1000 населения, показатель рождаемости – 24 на 1000 населения, детской смертности – 18 на 1000 населения. В последующие годы эти показатели стали снижаться, здравоохранение области оказалось перед сложными проблемами. Главными причинами, обуславливающими низкую эффективность медицинской сферы, явились социально-экономическая и экологическая ситуации. Цены на услуги здравоохранения превышали возможности подав-

ляющей части населения пользоваться платной медицинской помощью. Страховая медицина развивалась слабо. Из-за недостаточного финансирования крайне мало приобреталось необходимого оборудования и лекарств. В 1991-1996 гг. наблюдалось осложнение эпидемиологической обстановки.

В конце 90-х годов деятельность системы здравоохранения в Астраханской области строилась в соответствии с программой государственных гарантий, в которой были определены виды и объемы медицинской помощи, а также источники их финансирования, включая средства обязательного медицинского страхования. Общие расходы на здравоохранение в 1997 г. составили 473,0; в 1998 г. – 443,6; в 1999 г. – 678,6 млн. рублей. Расходы учреждений здравоохранения, обеспечивающих оказание медицинской помощи по социально-значимым нозологическим формам (туберкулез, инфекционные болезни и т.д.), не входящие в территориальную программу областного медицинского страхования, составили в 1997 г. – 242, в 1998 г. – 146, в 1999 г. – 231 млн. руб.

Одним из показателей общего уровня здравоохранения являются рождаемость и смертность населения. Эти сведения взяты нами из годовых отчетов Администрации области о социально-экономическом развитии и сведены в следующей таблице:

Показатель	1996 г.	1997 г.	1998 г.	1999 г.
Количество родившихся (тыс. чел.)	9,9	10,0	9,8	9,7
Рождаемость (на 1000 населения)	9,7	9,7	9,6	9,4
Количество умерших (тыс. чел.)	13,5	13,0	13,5	13,9
Смертность (на 1000 населения)	13,1	12,7	13,2	13,6

Как свидетельствуют приведенные данные, в 1999 г. ситуация в этом отношении ухудшилась по сравнению с 1996-1998 гг., несмотря на предпринимаемые органами здравоохранения усилия и возросшее

в 1999 г. финансирование.

По-прежнему сложной остается проблема младенческой смертности, хотя следует отметить некоторое улучшение этого показателя: в 1999 г. он составил 16,0 против 22,8 на 1000 родившихся. Снижение младенческой смертности произошло в основном по г. Астрахани. Высоким остается уровень младенческой смертности в Володарском – 26,6; Енотаевском – 22,5; Икрянинском – 21,5; Красноярском – 21,8 районах.

Уровень заболеваемости взрослого населения за последние годы почти не меняется и составляет чуть более 500 человек на каждую тысячу жителей, снижается заболеваемость детского населения, но вместе с тем увеличивается заболеваемость подростков.

Органы здравоохранения, медицинские учреждения продолжали, как и в прежние годы, работу по оптимизации объема и структуры коечного фонда области. За 1997-1999 гг. он сократился на 961 единицу. На 1 января 1999 г. коечный фонд составлял 12661 единицу. Однако, несмотря на это сокращение, объем госпитализации в 1999 г. несколько вырос и составил 22,8 на 100 человек (1998 г. – 22,7).

В связи с ухудшением экологической обстановки в области учреждения госсанэпидемслужбы особое внимание уделяли санитарно-эпидемиологической безопасности населения, обеспечивая граждан бесплатной и доступной медико-санитарной помощью в виде гигиенических, противоэпидемических и профилактических медицинских мероприятий. В результате проделанной работы в 1995-1999 гг. в Астраханской области не допущено возникновения случаев заболевания людей чумой, холерой, сибирской язвой, туляремией, которые в прежние годы иногда «посещали» наш край. Значительно сократился рост заболеваемости населения дифтерией, брюшным тифом. В течение последних четырех лет (1996-1999) в Астраханской области были зарегистрированы лишь единичные случаи кори. Заболеваемость менингококковой инфекцией снизилась за эти годы в 2,4 раза, коклюшем -- в 2,3 раза. В целом инфекционная заболеваемость снизилась на 5,4%, что является для Астраханской области весьма важным показателем,

если учесть ситуацию недалекого прошлого.

Эти позитивные изменения в эпидемиологической обстановке объясняются тем, что только в 1999 г. в Астраханской области против инфекций, входящих в Национальный календарь профилактических прививок, было привито 293175 человек, им сделано 353237 прививок на сумму 1 млн. 997 тыс. 98 рублей.

При всем том сохранились единичные случаи заболеваний брюшным тифом, высокой остается заболеваемость сальмонеллезом, дизентерией, прочими кишечными инфекциями, возросла суммарная заболеваемость венерическими болезнями на 11% (против 1998 г.). Прирост этот произошел в основном за счет г. Астрахани, Приволжского и Наримановского районов. В 1998-1999 гг. осложнилась ситуация по ВИЧ- инфекции: инфицированность этой инфекцией выросла за эти годы в 5,5 раза. Не изменилась в Астраханской области обстановка по туберкулезной инфекции, более того, основные показатели по ней имеют неуклонную тенденцию к росту. Заболеваемость всеми формами туберкулеза увеличилась в 1999 г. по сравнению с 1998 г. на 8,6%, среди детей – на 9,1%, на 70% выросла смертность от этой болезни.

Все эти сложные проблемы диктуют необходимость повышения интенсивности и качества комплекса проводимых противоэпидемических и профилактических мероприятий, направленных на оказание полноценной медицинской и социальной помощи и реабилитацию больных.

В 1999 г. медицинская помощь населению оказывалась в 69 больницах, 103 поликлиниках, в том числе 5 диспансерах и 52 врачебных амбулаториях, 198 фельдшерско-акушерских и 80 фельдшерских пунктах, 7 врачебных здравпунктах, 3 домах ребенка. Во врачебную амбулаторию была перепрофилирована 1 участковая больница, в фельдшерско-акушерские пункты – 7 врачебных амбулаторий. Во всех медицинских учреждениях области занято более 10 тыс. врачей и работников среднего медицинского персонала, 80% работающих врачей в лечебных учреждениях г. Астрахани и области являются выпускниками Астраханской государственной медицинской академии.

Примечания

§2

1. Политическая история Российского государства/ Под ред. Ш.М. Мунтаева. М., 1998. С.319.
2. Комментарии к Конституции Российской Федерации. М., 1994. C.XV.
3. Доклад. Итоги работы Администрации области за 1994 г.. С.6,8.
4. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 1996 г. С.14-15.
5. Социально-экономическое развитие Астраханской области в 1997 г. С.14-15.
6. Ведомости Верховного Совета СССР (ВВС). 1990. №16. С.267.
7. ВВС РСФСР. 1991. №29. С. 1010.
8. Интервью А. Гужвина// Российский выбор. 1998. №1. С.25.

§3

1. Демократический вестник. Издание Астраханской областной организации Демократической партии России. 1991. №14.
2. Движение. Орган Астраханского отделения Объединенного фронта трудящихся. 1992. №2.
3. Демократический вестник. 1992. №6.
4. Горожанин. Орган городского совета народных депутатов. 1991. 12 июля.
5. См. Демократический вестник, Движение. 1992-1993.
6. Волга. 1992. 28 января.
7. Комсомолец Каспия. 1992. 25 января.
8. Волга. 1992. 20 марта.
9. Комсомолец Каспия. 1991. 20 марта.
10. Демократический вестник. 1991. №22.
11. Демократический вестник». 1991. №12.
12. Астраханские известия. Орган Астраханского областного совета народных депутатов. 1991. 6 июня.
13. Волга. 1994. 19 января.
14. Демократический вестник. 1991. №12.
15. Астраханские известия. 1992. 12 марта.
16. Демократический вестник. 1992. №5.
17. Итоги работы Администрации Астраханской области. Астрахань, 1995. С.36, 37.
18. Горожанин. 1992. №4.
19. Волга. 1992. 21 февраля.
20. Астраханские известия. 1992. 28 мая.
21. Астраханские известия. 1992. 13 февраля; Комсомолец Каспия. 1992. 4 января.
22. Горожанин. 1991. 21 августа.
23. Астраханские известия. 1992. 9 января.

24. Демократический вестник. 1991. №18.
25. Демвестник. 1991. №21.
26. Волга. 1922. 14 января.
27. Итоги работы Администраций области за 1994 год. Астрахань,1995. С.36.
28. Итоги работы Администрации Астраханской области. Астрахань, 1995. С.39.
29. Комсомолец Каспия. 1992. 4 января; Милиция и гласность. Независимая общественно-политическая газета. 1992. №10.

§4

1. См.: Знамя труда. Газета объединения «Астраханконсервпром». 1989. 23 марта. С.2.
2. См.: Идел. Астраханская областная татарская газета. 1994. 9 сентября. С.3.
3. Текущий архив администрации области за 1991 г.
4. Все документы – в архиве отдела по национальной политике Администрации Астраханской области.

§5

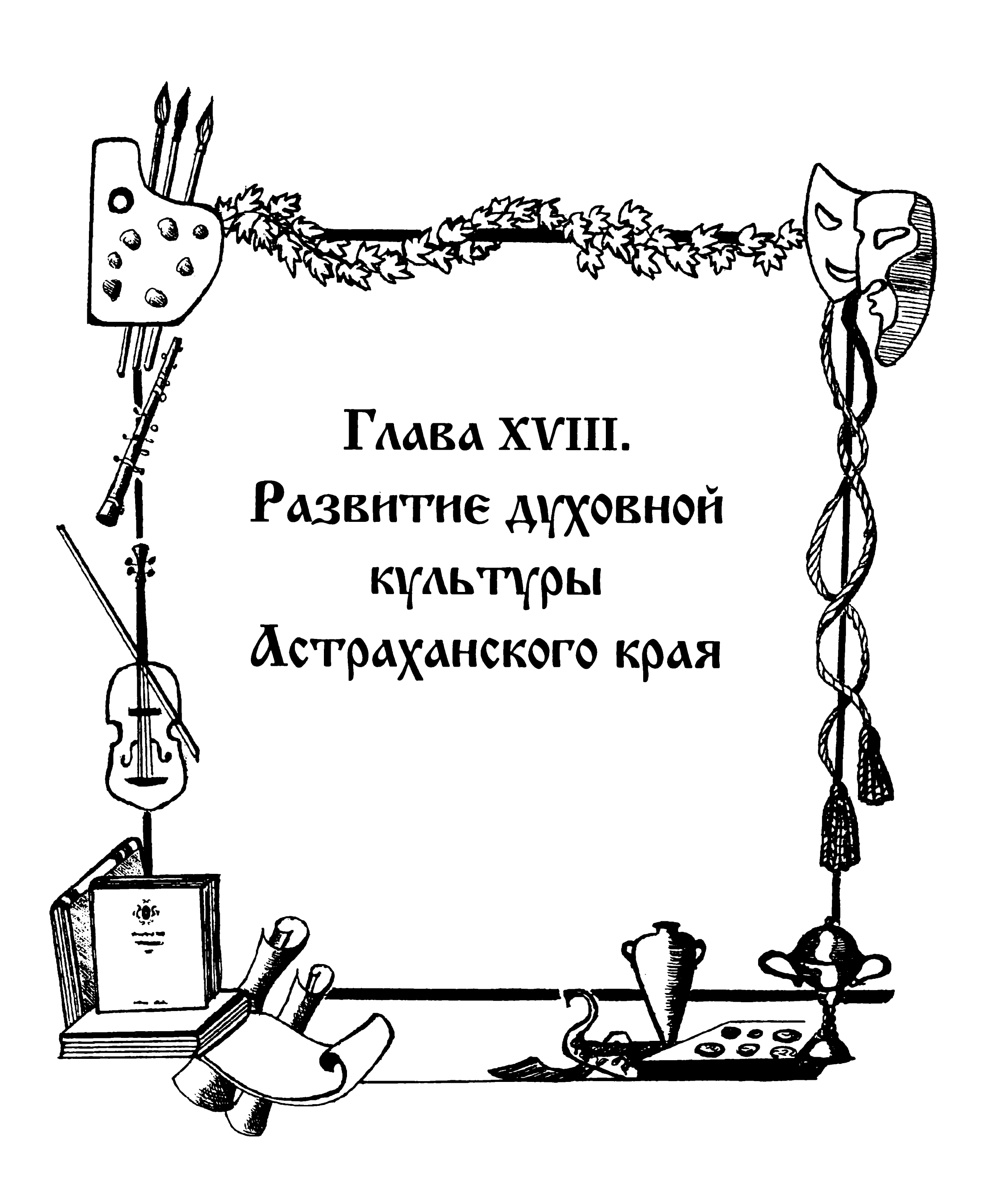
1. Историческое образование в современной России. М., 1997. С.7.
2. Там же. С.9.

§6

1. Дикина Н.А. Становление здравоохранения в Астраханской губернии. Астраханский край: история и современность // Материалы Всеросийской Всесоюзной научной конференции к 280-летию образования Астраханской губернии. Астрахань, 1997. С.315.
2. Там же.
3. Иванов И.С. Общественная и частная благотворительность в Астраханской губернии. Астрахань, 1881. 42с.
4. ГААО. Ф.2. Оп.1. Д.264. Л.18; Ф.584. Оп.2. Д.28. Л.5; Ф.584. Оп.2. Д.2. Л.2; Ф.484. Оп.2. Д.18. Л.150; Палкин Б.Н., Андриевский С.С. М., 1986. 60с.; Дикина Н. Не имея злата, ни серебра; Андриевский С.С. Астраханские губернаторы. Астрахань. 1997. С.87.
5. Россия. Энциклопедический словарь. Л., 1991. С.225.
6. Дикина Н.А. Указ. соч. С.315
7. Ющенко А.А. К истории борьбы с лепрой в Нижнем Поволжье. Астраханский край: история и современность // Материалы Всеросийской Всесоюзной научной конференции к 280-летию образования Астраханской губернии. Астрахань, 1997. С.315.
8. Казакова Е. Он выше всех на свете благ общественное благо... славил // Астраханские губернаторы. Астрахань, 1997. С.114.
9. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Астрахань, 1912. С.98.
10. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.27. М., 1899. С.215.
11. Еремеев И.В. Краткий отчет о деятельности санитарного надзора на промыслах г. Астрахани. Астрахань, 1892. С.18-25; Шмидт А.Я. Санитарные условия жизни рабочих.

Докт. дисс. 1985. С.475.

12. ГААО. Ф.56737. Оп.1. Д.38. Л.5; Ф.23704. Оп.2. Д.76; Ф.23712. Оп.1. Д.3. Л.5; Ф.484. Оп.1. Д.32. Л.5; Ф.23702. Оп.1. Д.115. Л.2; Шмидт А.Я. Врачебно-санитарное состояние Волго-Каспийских рыбных промыслов в 1899-1900 гг. Астрахань, 1901. С.159.
13. Там же.
14. Законы и инструкции, действующие в Каспийско-Волжском рыболовном районе. Астрахань, 1911. С.26-27.
15. Там же.
16. См. сноску 3; Мышкин М.Н. Медико-санитарный отчет по Волго-Каспийским рыбным, тюленьим промыслам за 1911 год. Астрахань, 1914. С.78.
17. Законы и инструкции… Астрахань, 1911. С.26-27.
18. Хлопин Г.В. Санитарное состояние города Астрахани и меры, необходимые для его оздоровления. Астрахань, 1908. С.295.
19. Лисицин Ю.К. Проблема страховой медицины // Страховая медицина. Луганск, 1991. С.3-4.
20. См. сноску 12.



Глава XVIII. Развитие духовной культуры Астраханского края

§1. Литературная история Астрахани

Первые ростки искусства слова на Астраханской земле появились в XVII в. в результате деятельности лиц духовного звания. Андрей Горка (1671-1737) – епископ Астраханский – по распоряжению Петра I составил стихир в честь святой великомученицы Екатерины. Широкий резонанс имели его поучения и проповеди, получившие одобрительный отзыв Н. Новикова. Духовная словесность затем развивается благодаря усилиям архиепископов астраханских. Анастасий Братановский (1761-1806) опубликовал «Четыре книги поучительных слов», произнесенных в Астраханской епархии, а также свое жизнеописание. Архимандрит и ректор семинарии в Астрахани Сильвестр Лебединский (ум. в 1808 г.) сочинял книги на богословские темы («Притонник евангельский» и др.). Свои впечатления от путешествия по святым местам на Востоке описал о. Мелетий (ум. в 1805 г.). Архиепископ Астраханский Феотокий дополнил книгу своими материалами и опубликовал ее в 1798 г. в Москве.

Возникновение светской литературы в Астрахани связано с деятельностью ряда видных писателей эпохи Просвещения.

Это прежде всего *Василий Кириллович Тредиаковский* (1703-1769) – поэт и теоретик литературы, один из основателей русского классицизма. Он родился в Астрахани, в семье священника, начальное образование получил в школе католических монахов капуцинского ордена, где все обучение велось на латинском языке. В двадцатилетнем возрасте будущий поэт бежал в Москву, где продолжил обучение в Славяно-греко-латинской академии. Знание иностранных языков позволило ему затем перебраться в Голландию, а потом в Париж. В Сорбонне В.К. Тредиаковский изучал математику, философию и богословие, в 1730 г. вернулся в Россию.

Литературным трудом В.К. Тредиаковский начинает заниматься еще будучи слушателем Славяно-греко-латинской академии: сочинял

стихи, драмы («Язон», «О Тите, Веспасианове сыне»), которые до нас не дошли. Из ранних произведений поэта известна его «Элегия о смерти Петра Великого» (1725), в которой заметны черты литературы предыдущей эпохи и вместе с тем намечаются черты формирующегося классицизма. Отчетливо присутствующее лирическое начало «подпитывается» автобиографическими моментами. Известно, что Петр I во время Персидского похода посетил школу, где обучался В.К. Тредиаковский и похвалил его за трудолюбие. Поэтому один из важнейших эпизодов элегии – пребывание Петра I на Каспийском море.

Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, но уж другого не стало
Любителя. Балтийско – что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех – что однажды плавал на нем сильне.

В.К. Тредиаковский положил начало основным разновидностям русской лирики: патриотической («Стихи похвальные России»), любовной («Песенка любовна», «Стихи о силе любви», «Плач одного любовника, разлучившегося со своей милой, которую он видел во сне» и др.), политической («Ода торжественная о сдаче города Гданьска»), религиозно-философской (псалмы), жанру басни (« Муха и муравей», «Самохвал», «Волк и журавль», «Лисица и виноградная кисть»), поэмы («Феоптия, или Доказательство о богозрении», «Тилемахида»).

Большое место в творчестве В.К. Тредиаковского занимают переводы. Он познакомил русского читателя с книгой П. Тальмана «Езда в остров любви», «Поэтикой» Буало, «Посланием к Пизонам» Горация, «Аргенидой» Д. Баркли, тридцатитомной «Древней историей» Ш. Роллена.

Как теоретик литературы В.К. Тредиаковский дал широко разработанную теорию жанров классицизма, выступил реформатором старого силлабического стиха и насадителем тонико-силлабической сис-

темы. Он считал фольклор источником «нового способа» стихосложения («Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний», «Речь к членам Российского собрания»).

Творчество В.К. Тредиаковского многое значило для последующих поколений астраханских писателей.

Современником В.К. Тредиаковского был *Иван Иванович Хемницер* (1745-1784). Он родился в Енотаевской крепости Астраханской губернии в семье выходцев из Германии. В детстве вместе с отцом – штаб-лекарем – много ездил по югу России. Последующая жизнь И.И. Хемницера связана со службой в армии. Знакомство с Н.А. Львовым позволило ему войти в круг столичных литераторов. При жизни выпустил двумя изданиями книгу басен «Басни и сказки, в стихах» (1779, 2 изд. 1782).

Творчество И.И. Хемницера развивалось в русле господствовавшего тогда классицизма, однако поэт стремился к простоте и естественности языка. В своих баснях он осуждал захватнические войны («Два льва соседи», «Народ и идолы», «Дом»), осмеивал лихоимство чиновников, кичливость господ, другие общественные пороки (« Земля хромоногих и картавых», «Писатель», «Боярин Афанасий» и др.). «В историю отечественной литературы И.И. Хемницер вошел как один из основоположников русской басни. Им написано более ста басен. В них с позиций представителей низкого сословия И.И. Хемницер бичевал недостатки самодержавно-крепостнического строя. В баснях «Львиный указ», «Львиный дележ», «Лестница» и других поэт выступал с резкой критикой екатерининских «реформ» и бюрократических порядков в России. Он неустанно осуждал вельмож-чиновников и неправедных царских судей за взяточничество и казнокрадство. В басне «Паук и муха» И.И. Хемницер рассказывает, что крупные воры, в руках которых находится власть, закон и сила, часто остаются безнаказанными. В басне «Волчье рассужденье» поэт обличал бесчеловечное

отношение помещиков к своим крепостным, а в басне «Земля хромоногих и картавых» он нападал на «русских парижанцев», слепо преклоняющихся перед всем иностранным. И.И. Хемницер не щадил своей сатирой и купцов-откупщиков (басня «Привидения»).[1]

Если в XVIII в. писатели, чтобы реализовать свой талант, чаще всего покидали Астрахань, то в XIX в. ситуация меняется. В Астрахани живут и творят многие писатели, наследие которых стало интереснейшей страницей русской литературы. В ней в этот период сначала доминирует романтизм, а затем реализм, что нашло отражение и в творчестве писателей Астраханского региона.

Литературная история Астрахани XIX в. начинается с творчества баснописца *Александра Дмитриевича Агафи* (ок. 1792-1816), который прожил короткую, но насыщенную жизнь. Его биография зияет множеством «белых пятен», сведения о его семье очень скудны. Современный биографический словарь «Русские писатели. 1800-1917» скупо сообщает: «Отец Агафи, грек по происхождению, был директором Кавказских училищ, путешествовал по Ближнему Востоку. Образование Агафи получил в Рязанском университете (1809-1812), затем служил в канцелярии астраханского губернаторах, был членом Казанского общества любителей отечественной словесности».[2] Единственная книга А.Д. Агафи «Басни» (Астрахань, 1814) включала произведения как оригинальные, так и переработки сюжетов европейских авторов. На книгу отозвалась столичная критика, что приносит А.Д. Агафи известность.

Басни А.Д. Агафи отличаются естественностью, чистотой языка, это язык уже пушкинской эпохи, в значительной мере очищенный от чрезмерных изысков классицистов. Видимо, неслучайно в басне «Гора в родах» поэт выступает против этого направления. В стилевом отношении они близки басням И.А. Крылова. А.Д. Агафи оригинален в разработке так называемых общечеловеческих тем: зависть («Ссора»), тщеславия («Бык и лягушка») и др. Немаловажно, что в некоторых

баснях поэт не только бичует пороки, но и воспевает красоту родного края. Примечательна в этом отношении басня «Журавль»:

...кристалл реки при ясности небес,
Являл премножество чудес.
Там с щукою сазан меж тростника играет,
Тут линь из-подо мха со дна реки всплывает,
Здесь окунь, берш, судак – отдельно от других
Как рыбы чистоплодны, -
Не возмущая токи водны,
Гуляют плавно в них.

Ясность, простота и остроумие басен А.Д. Агафи обеспечили ему заметное место в истории русской словесности.

Романтические и преромантические традиции в литературе развивал *Иван Сергеевич Георгиевский* (1791-1817), находившийся на службе в г. Уральске Астраханской губернии. Его единственный роман «Евгения, или Письма к другу» варьировал идеи Ф. Шиллера и Ж-Ж. Руссо и был воспринят современниками как чувствительное произведение о счастливой любви и идеальном воспитании. После смерти писателя вокруг него стал складываться сентименталистско-романтический культ, на что весьма критично отреагировал А.С. Пушкин.

В первой половине XIX в. заметное место в литературной истории Астрахани принадлежит *Николаю Ильичу Зряхову* (1782-конец 1840-х) – уроженцу Астрахани. Он прославился как автор сентиментальных авантюрно-приключенческих романов, адресованных читателям социальных низов («Амалия, или Хижина среди гор», «Михаил Новгородский, или Нарушенная клятва», « Дева закубанская, или Любовь до могилы», «Битва русских с кабардинцами, или Прекрасная магометанка, умирающая на гробе своего супруга», «Дагестан, или Неуловимый мститель» и др.). Особой популярностью среди астраханцев пользовался роман «Прекрасная астраханка, или Хижина на берегу Оки», имеющий в своей основе мелодраматическую историю любви

двух молодых людей, в которой зловещую роль играет вождь народного восстания Степан Разин. «Сочетание традиционных (персонажи, близкие к героям лубочного рыцарского романа) и новых для этого рода литературных сочинений элементов (чувствительный стиль), перенесение действия в экзотическую среду, опора на народные представления о превосходстве православных «царя и отечества» над «иноземными»[3] обеспечили романам Н.И. Зряхова огромный успех. В 1990-е годы в Астрахани было предпринято переиздание романа «Прекрасная астраханка, или Хижина на берегу Оки».

С движением декабристов были связаны два астраханских писателя – братья Завалишины.

Дмитрий Иринархович Завалишин (1804-1882) – сын генерал-майора, шефа Астраханского гарнизонного полка. Был офицером морского флота, увлекся идеями декабристов, писал стихи в духе декабристского романтизма. После разгрома декабристского восстания был приговорен к каторжным работам в Сибири. В истории литературы оставил след как мемуарист и публицист. Его мемуары содержат ценные сведения о декабристах, истории их обществ, информацию о жизни декабристов в Сибири. Интересны его мемуары тем, что в них автор дал отличную от принятой в декабристской среде концепцию этого движения, например, К. Рылеева, дегероизировал жен декабристов, акцентировал теневые стороны их взаимоотношений и т.д.[4] («Пребывание декабристов в тюремном заключении в Чите и в Петровском заводе», «Декабристы», «Записки декабриста» и др.).

Ипполит Иринархович Завалишин (1808-1883) – писатель-этнограф, поэт. В молодости переводил Д. Байрона, А. Ламартина, как поэт сформировался под воздействием романтической поэтики. Его ранняя поэма «Слепец» не была пропущена цензурой. Был увлечен личностью и поэзией К. Рылеева, но в ходе следствия по делу декабристов вел себя неподобающим образом (написал донос на брата). Тем не менее он был разжалован в рядовые и выслан в Оренбург. К литературе

обратился в 1860-е годы, писал в основном рассказы на сибирском материале («Затуманская красавица», «Цепной настенщик», «Братья Горкины», «Ольховняна», «Ялутуровское дитя», «Поединок в тайге» и др.). Основное внимание в рассказах уделяется воссозданию быта жителей Сибири, весьма силен в них мелодраматический элемент. Научное значение имело его опубликованное в 1862-1867 гг. «Описание Западной Сибири». В истории литературы осталась и его курьезная «Эпопея тысячелетия. Паломничество Ип. Завалишина».

Во второй половине XIX в. заметной фигурой в русской литературе была *Елизавета Николаевна Ахматова* (1820-1904). Она родилась в дворянской семье в с. Началове Астраханской губернии, с детства проявляла способности к иностранным языкам, что в значительной степени предопределило ее судьбу. Е.Н. Ахматова много переводила Ж. Санд, В. Гюго, У. Коллинза, У. Теккерея, Дж. Элиота, Ж. Верна, была редактором ежемесячного «Собрания иностранных романов, повестей и рассказов», издавала журнал для детей. Оригинальные произведения Е.Н. Ахматовой современниками критиковались за сентиментализм, идеализацию действительности, хотя некоторые ее повести были встречены одобрительно и получили широкую известность («Замосковская летопись о наших женских делах и о других», «Мачеха», «Кандидатки на звание старых дев», «Приключения моей приятельницы» и др.). Е.Н. Ахматова была в дружеских отношениях с О. Сенковским, Н. Лесковым, В. Стасовым, которые ценили ее талант. Ее воспоминания о литературном Петербурге содержат много неожиданных подробностей о жизни литераторов 1860-1870-х гг., рисуют широкую картину развития русской литературы в эти десятилетия.

В 1860-1870-е гг. в Астрахани жили и работали также такие писатели, как Н.Г. Вучетич (1845-1912), писавший в основном для детей (рассказы «Красный фонарь», «Митина нива» и др.), И.Г. Воронин (1840-1883), работавший в традициях крестьянской поэзии и часто выступавший как публицист (очерк «Из Астрахани»).

Оживлению литературной жизни Астрахани способствовали крупные русские писатели, бывавшие в городе по делам службы. Создавая произведения об Астрахани, они тем самым вводили ее в большую литературу (поэма «Бродяга» И.С. Аксакова, повесть «Очарованный странник» Н.С. Лескова, очерк «Мелочи путевых впечатлений» Г.И. Успенского, очерк «Холерный карантин на девятифутовом рейде» В.Г. Короленко, книга очерков «У голубого моря (Люди и природа в низовьях Волги)» В.И. Немирвича-Данченко.).

Интересная страница литературной истории Астрахани XIX в. – поэзия и проза политической ссылки. Стихи политических ссыльных – В.В. Берви-Флеровского, Ф.Р. Данненберга, Б.Ф. Калиновского – носили в основном сатирический характер, они были для них средством борьбы с произволом местной и центральной администрации. В.В. Берви-Флеровский в своих воспоминаниях сообщает: «Во время навигации и улова рыбы в Астрахани скопляется множество рабочего народа, и так как администрация не принимает никаких мер для обеспечения голодающих, то погибающий от нужды народ прибегает к грабежам. Когда паника достигла максимума, администрация прибегла к приему, которым она пользовалась и в других русских городах в минуты народных бедствий: пожаров, отравления, фальсификаций, грабежей и т.п. Она стала обвинять в этом политических ссыльных. Слухи, распускаемые про нас администрацией, могли поставить нас в ужасное положение; пришлось защищаться. Полиция и администрация сваливали вину на нас, а мы на них. Мы распустили по городу в стихах и в прозе множество веселых листков, которые изображали деятельность полиции и администрации во время народного бедствия; между астраханскими чиновниками не оказалось юмористов, способных отвечать тем же»[5]. Особенно резка по тону поэзия Ф.Р. Данненберга («Несчастная угодливость», «В тени гробовых казематов...» и др.). Среди прозаиков выделялся С.С. Рымаренко, рассказы которого о рыбаках и природе Нижней Волги печатались в газете «Восток».

С 1883 по 1889 гг. ссылку в Астрахани отбывал Н.Г. Чернышевский, несмотря на гонения остававшийся верным своим революционно-демократическим идеалам. В Астрахани он пишет повесть «Вечера у княгини Старобельской» и книгу «Материалы для биографии Н.А. Добролюбова».[6]

В XX в. развитие литературы в Астрахани характеризуется особым динамизмом и интенсивностью. Поэзия и проза непосредственным образом испытывают на себе воздействие общероссийских литературных тенденций, что проявляется в активизации в начале века сатиры, в период революции и гражданской войны – агитационной поэзии. В. Хлебников своим творчеством привносит в литературу Астрахани поэтику авангардизма, позднее весьма сильным влиянием среди писателей региона пользуется социалистический реализм, который, трансформируясь, станет основным методом астраханских писателей. В Астрахани создается отделение Союза писателей России, издается ряд альманахов, для писателей максимально расширяются возможности для публикации написанного.

Начало XX в. для литературной истории Астрахани – период активизации всех культурных сил региона. В городе действует литературно-драматическое общество, многочисленные местные издания («Астраханский журнал», «Астраханская газета», «Прикаспийский край», «Астраханский вестник», «Поволжье») публикуют произведения поэтов и прозаиков, пропагандируют литературу. В городе выходит сатирический журнал «Чилим» (1906), широко распространена революционно-пропагандистская литература («Да здравствует Свобода». Сборник политических стихотворений. Астрахань, 1906). В астраханской прессе сотрудничает ряд ведущих русских писателей, среди которых – Е.Н. Чириков, создавший ряд ярких фельетонов на материале местной жизни.

Во время гражданской войны в Астрахани в силу понятных причин доминирует литература революционного содержания. В городе

функционирует кружок рабочих-поэтов (М.Г. Непряхин, В.И. Ефремов, М.М. Гурьянов и др.), который выпустил две книги – «Литературно-художественный сборник» (1919) и «Зовы» (1920). Члены кружка публиковались и в газетах «Известия», «Коммунист», «Красный воин», в журнале «Художественные известия». Художественно несовершенные стихи участников кружка были пронизаны пафосом утверждения идеалов революции, веры в торжество Советской власти.

Значительную роль в активизации литературной жизни города играл журнал «Военмор», на страницах которого печатались поэты С. Городецкий, В. Тополев, В. Салов, С. Заревой, Б. Серебряков и др. Значительное внимание журнал уделял развитию литературной критики и публицистики. Самые яркие страницы журнала связаны с публикацией художественных очерков о гражданской войне в Астраханском крае Л.М. Рейснер («И брань крылатая матросов», «Приходит бранный день», «Астрахань», «Лето 1919 г.» и др.). Очерки отличались поэтизацией подвигов красноармейцев, чувством ненависти к врагам революции, изображением «энтузиазма» астраханцев, романтической приподнятостью.[7] В силу односторонности позиции объективный образ времени ни Л.М. Рейснер, ни другие авторы «Военмора» создать не могли.

Развитие реалистических традиций в литературе Астрахани этих лет связано с творчеством *Веры Владимировны Хлебниковой* (1891-1941) – сестры поэта Велимира Хлебникова. Она жила в это время в Астрахани и стала свидетелем жестокости новой власти, смерти от голода сотен людей. Стремлением сказать правду о противоречиях времени пронизаны ее лаконичные, но очень глубокие по смыслу рассказы «В тюрьме», «Царь-тиф» и др. Ее литературное наследие включает также лирику, пьесы («Поэт и лесной Чертик», «Доктор заболел»), мемуары «О моем брате».

Этапом в литературной истории Астрахани стало творчество *Велимира Хлебникова* (1885-1922). Он родился в Малодербетовском улу-

се Астраханской губернии и всегда считал себя астраханцем. Значение его творчества для литературы региона в том, что он, во-первых, выводил литературу Астрахани на широкие просторы общероссийских художественных исканий, преодолевая провинциальную замкнутость, приобщал ее к исканиям модернизма и авангардизма и, во-вторых, вводил тему Астрахани в мировую литературу. В. Хлебников оказал огромное воздействие на многих русских и зарубежных писателей.

Для литературы региона имеют значение прежде всего произведения поэта, в которых он обращается к природе, истории края, жизни его народов. Это поэмы «Хаджи Тархан», «Уструг Разина», рассказы «Есир», «Николай», «Охотник Уса-Гали», эссе и очерки «Лебедия будущего», «Открытие народного университета», «Астраханская Джоконда», «Союз изобретателей» и др.

Один из исследователей заметил, что основная тема творчества В. Хлебникова – тема Азии, его миропонимание и мироощущение были предопределены генетической связью с Азией. Поэт называл себя «сыном Азии», а растущий в низовьях Волги лотос называл «залогом союза трех: Индии+России+Ниппона».[9] Действительно, тема межэтнических контактов – ведущая у поэта, и решал он ее прежде всего на астраханском материале. Центральной в его художественной картине мира становится мифологема «человечество – семья народов». На различных этапах творческой эволюции В. Хлебников неизменно обращался к ее разработке, что-то в ней уточнял, менял, приближал к потребностям современности. Он считал, что преодоление межэтнической розни – необходимое условие гармонического сообщества народов земли. В лирических стихах, поэмах, песнях, рассказах, теоретических декларациях В. Хлебникова нет противопоставления людей по национальному признаку, конфликтность его произведений имеет другую природу. В ее основе – контрастность цветущей естественной природы и мертвящей городской цивилизации, столкновение духовности и бездуховности, гуманизма и жестокости. Он показывает, что в Аст-

рахани, когда-то завоеванной Россией, нет ни побежденных, ни победителей. Есть единая семья народов. Поэт при решении чрезвычайно деликатной проблемы избегает крайностей, характерных для его времени. Он не принимает, с одной стороны, знаменитой триады «Православие. Самодержавие. Народность», с другой – игнорирует концепцию леворадикальных партий «Россия – тюрьма народов». Мифологизируя историю, он демонстрирует свое понимание проблемы, исходя при этом из высших интересов народов Волго-Каспия.[10]

В 1930-1980-е гг. литература Астрахани, несмотря на трудности, порождаемые эпохой сталинизма и временами «застоя», переживает период поступательного движения. Это проявляется в формировании тематически многообразной прозы и богатой в стилевом отношении поэзии. Мировоззренческой базой постепенно становится местный патриотизм, который в известной мере ограничивает тематику и идейный кругозор писателей, но одновременно вооружает их такими критериями, которые позволяли достаточно сурово оценивать многие явления социальной действительности всей России.

Среди прозаиков выделяются С. Б. Калашников (1925-1987), К.И. Ерымовский (1909-1967), Ф.Е. Субботин (1913-1987), Б.И. Жилин (1921-1994), В.В. Карпенко (род. в 1916 г.), Ю.В. Селенский (1922-1983). Тематически они связаны с Астраханской областью, действие их произведений развивается либо в областном центре, либо в поселках и деревнях области. Героями сочинений обычно выступают люди скромного положения, часто чудаковатые и неудачливые, вступающие в конфликт с бюрократами, носителями консервативных привычек. На первом плане обычно производственный аспект конфликта, важную роль играет нравственная проблематика. Некоторые писатели поднимались до утверждения общечеловеческих нравственных ценностей («Шутиха», «Люди без колокольчиков» Б.И. Жилина, «Одна тревожная ночь», «Чумчара» Ю.В. Селенского и др.), до выражения чувства горести за свой город, за своих земляков. Однако принципы социалистического

реализма, на которые ориентировались писатели, мешали им создать по-настоящему реалистическую картину жизни края и его людей.

1930-1980-е гг. породили и ряд по-настоящему оригинальных поэтов, среди которых В.Т. Филиппов (1911-1962), Б. М. Шаховский (1922-1967), Н.Г. Поливин (род. в 1925 г.), В. Филин (1929-1982). Ведущую роль играли поэты фронтового поколения, среди которых самым значительным был Б.М. Шаховский. Время все отчетливее высвечивает непреходящую ценность его поэтического наследия, включающего лирику, поэмы, публицистику. Сегодня с полной уверенностью можно сказать, что его творчество имеет не только региональное, по и общероссийское значение. Место поэта в «большой литературе» еще в 1985 г. авторитетно определил С. Наровчатов: «Борис Шаховский – плоть от плоти нашего фронтового поколения. В общей песне поколения у него есть свои слова, которые из этой песни, повторяя пословицу, не выкинешь».

Иная судьба у другого значительного поэта – *В. Филина*. Он родился в Астрахани, учился в Ленинградском юридическом институте. Был арестован за участие в нелегальной антисталинской организации «Свободная мысль», много лет провел в лагерях. В 1959 г. окончил Астраханским пединститут, затем преподавал иностранный язык в педучилище. Всю жизнь писал стихи. Лишь посмертно вышел его сборник «Лихолетье» (1982), стихи которого отразили разочарование в идеалах коммунизма. Эпоха его строительства осмысляется как очередная историческая иллюзия, с которой надо неизбежно распрощаться. Герой стихотворения «Смерть коммуниста» приходит к пониманию того, что у прошлого нет будущего, что он всю жизнь служил дьяволу насилия. В. Филин – один из героев документальной повести А. Жигулина «Черные камни».

В 1985-1999-е гг. в литературе Астрахани, как и во всей современной русской литературе, происходят большие перемены: меняется мировоззрение писателей, идет их дифференциация по идейным призна-

кам, возникает несколько объединений, появляются новые жанры (например, фэнтези), начинают давать о себе знать поэзия и проза постмодернистской ориентации и т.д. Однако в целом для астраханских писателей характерен эстетический консерватизм, ориентация в поэзии на традиционные формы стиха, игнорирование новаторских исканий В. Хлебникова и современного авангарда.

В прозе господствующее положение занимают писатели реалистического стиля, нередко наблюдается склонность к бытописанию. Наиболее значительные прозаики – А.И. Шадрин (род. в 1929 г.), Б.П. Ярочкин (род. в 1922 г.), Ю.Н. Щербаков (род. в 1956 г.), Ю.А. Никитин (род. в. 1946 г.), А.С. Марков (род. в 1931 г.). Практикуются различные модификации романа: социально-бытового («Суд неправедный» А.И. Шадрина) с его исследованием трагических взаимоотношений человека и природы; социально-политического (трилогия «Вяземская сеча», «Лихолетье», «Лагпункт» Б.П. Ярочкина) о преступлениях сталинизма; психологического («Укромье ангела» Ю. Никитина) о путях самосознания современного человека; исторического («Да будет твердь» Ю.Н. Щербакова) о борьбе русского народа с иноземцами; документального («Петр Первый в Астрахани» А.С. Маркова) о славных страницах истории Астрахани. Весьма активно разрабатываются ныне и малые эпические жанры – рассказ, повесть. Активизировалась публицистика (очерки и статьи И. Бодрова, Ю. Щербакова, Ю. Никитина и др.).

Несколько потоков определились в поэзии. В русле публицистической поэзии работают поэты старшего поколения – Н.А. Мордовина, Н. Ваганов, Н. Поливин. Их традиции продолжают Ю. Щербаков, Э. Татаринцева. Интимно-медитативная лирика создается Л. Качинской, Д. Немировской, Л. Серотюк, Д. Казариным и др. Интересно заявили о себе молодые поэты Т. Иванченко, Л. Дегтярева. Выделяются поэты военного поколения (Я. Шур, авторы сб. «Зарубки памяти»). Активизации поэзии способствуют фестивали поэзии, регулярно проводимые в Астрахани, в том числе фестиваль детского твор-

чества «Золотой ключик».

Итак, к концу XX в. литература Астрахани – это тысячи художественных произведений в самых разнообразных жанрах. Выявляется ее проблемно-тематическая специфика – реалистическое осмысление истории и жизни народов Нижнего Поволжья, охрана природы, труд рыбака и крестьянина и т.п. Приверженность писателей социальному укладу и древним традициям Астраханского края позволяет говорить о формировании во второй половине XX в. «областнической» литературы. «Областничество» – исходная точка мировоззрения многих современных астраханских писателей, что не мешает им в своем творчестве подниматься до общероссийских проблем.

§2. Астраханская картинная галерея им. Б.М. Кустодиева

Один из интереснейших культурных центров Астрахани – Астраханская областная картинная галерея им. Б.М. Кустодиева. Она принадлежит к лучшим художественным музеям России. Расположена Картинная галерея в трехэтажном особняке, некогда принадлежавшем купцу Плотникову.

Начало Астраханской картинной галерее было положено в 10-х годах XX в. В эти годы сын астраханского торговца скобяными товарами, гласного Городской Думы, члена различных комиссий, П.М. Догадин, инженер по образованию, увлекся идеей собрать коллекцию картин. Собрать ее не для себя – для города. Он не был одинок в своем решении. Характерной чертой конца XIX – начала XX в. была возрастающая роль искусства в духовной жизни русского общества. Появилось много собирателей художественных коллекций, часть которых передавалась в дар музеям или составляла экспозиции частных картинных галерей.

Большой коллекцией картин располагали астраханские рыбопромышленники братья Сапожниковы. Но их картины не были доступны горожанам. Наследники Сапожниковых постепенно распродавали их,

вывозя за пределы города. В их коллекции находился один из шедевров Леонардо да Винчи «Мадонна Бенуа». Эту картину приобрел у них «Эрмитаж». Из всей коллекции в Астрахани остались в основном фамильные портреты.

В 1887 г. в город прибыла выставка картин художников-передвижников. Впервые астрахацы увидели полотна великих мастеров – И.Е. Репина, В.И. Сурикова, И.И. Шишкина, В.Д. Поленова и других.

Все эти события не могли не сказаться на мечте П.М. Догадина о картинной галерее в родном городе. Опору для своей мечты он, несомненно, обрел в собирательской деятельности братьев П.М. и С.М. Третьяковых, подаривших свою коллекцию Москве. Кроме того, можно предположить, что на решении П.М. Догадина сказалось значительное влияние П.А. Власова. Выпускник Академии художеств, талантливейший педагог, Власов создал в Астрахани художественную школу, ставшую одним из культурных центров города. На ее базе создано современное художественное училище, носящее его имя. Учениками Власова в художественной школе были И.С. Горюшкин-Сорокопудов, П.И. Мальцев и Б.М. Кустодиев. Одно время Власов преподавал в Реальном училище, где собрал большую коллекцию художественных пособий и часто устраивал выставки работ своих учеников. Он воспитывал в них не только любовь к искусству, но и серьезное его понимание, вдумчивое отношение к художественному творчеству и к жизни. В эти годы учился в Реальном училище П.М. Догадин.

За год до окончания Догадиным училища (в 1894 г.) состоялся Первый съезд художников, приуроченный к знаменательному событию в жизни России – передаче в дар Москве галереи братьев Третьяковых. На этом съезде побывал и П.А. Власов. Он вернулся со съезда полный восхищения выступлениями В.В. Стасова, С.А. Коровина, К.А. Савицкого, Н.И. Ге. Ему были близки их убеждения в высоком назначении искусства, способствующего просвещению народа.

В течение многих лет вынашивал П.М. Догадин мечты о собира-

нии картин. И, наконец, в 1912 г. им высылается задаток московскому коллекционеру А.Г. Голикову за покупку трех картин: этюд к «Цветущему лугу» И.И. Левитана, «Валаам» И.И. Шишкина, «Волга. Облака» И.Л. Калмыкова. Эти картины и заложили основу будущей галереи. Догадин завязывает переписку с коллекционерами и торговцами картин, с художественным магазином И. Дациаро и другими. Обладая хорошим эстетическим вкусом, будучи истинным ценителем живописи, он обращает внимание на картины Ф.А. Васильева, С.А. Коровина, И.И. Левитана, В.Д. Поленова, И.Е. Репина, Н.К. Рериха, В.А. Серова, К.А. Сомова, И.И. Шишкина и других. Он приобретал картины с выставок «Мир искусства», «Союз русских художников», с посмертной выставки В.А. Серова, с персональной выставки А.Н. Бенуа, а также у самих художников: М.В. Нестерова, Н.П. Крымова, К.Ф. Юона. Дружеские отношения сложились у Догадина с В.А. Гиляровским, который познакомил его с молодыми художниками, в том числе с А.М. Герасимовым. Астраханский коллекционер приобрел у него четыре картины, украсившие собрание: «Пионы», «Окно», «Сад», «Весна».

Завязалась у П.М. Догадина переписка и с художником М.В. Нестеровым. В одном из своих писем к нему Догадин писал о желании передать в дар Астрахани собираемую им коллекцию. Нестеров отвечал Догадину: «...Можно только приветствовать... прекрасное намерение Ваше со временем принести свое собрание в дар родному городу. Такое намерение Ваше мне столь понятно... Желаю от души... Вам со временем испытать те прекрасные чувства, которые некогда переживал в ином масштабе незабываемый Павел Михайлович Третьяков..» (1916. Москва. 16 апреля. М.В. Нестеров – П.М. Догадину).

Рассматривая картины, собранные Догадиным, можно сказать, что его художественные вкусы формировались под большим воздействием русской литературы. Самым любимым пейзажистом Догадина был И. Левитан.

Автор книги «Бесценный дар» И. Анохина пишет, что Левитан

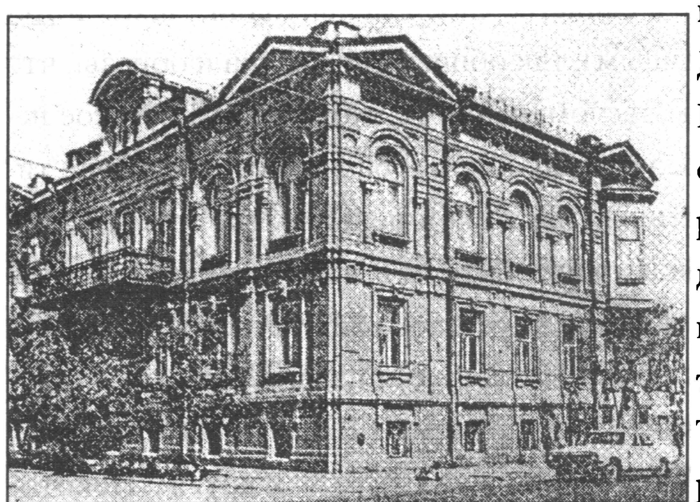
«привлекал Догадина, может быть, тем, что случайности данного мира возводил в категорию высшей реальности. Никто до него не знал, как выразить на полотне всю бесконечную прелесть тех разнообразных ощущений, которые всякий испытал прохладным утром или при лучах теплого вечера в северной русской деревне».[1] Сам Догадин в своей тетради с заметками и записями о художниках обращает внимание: «...так родственны между собою, в единстве своей меланхолии, Чехов и Левитан (подчеркнуто Догадиным), так общи у них краски и образы, что не разъединяют их в своем воспоминании те, кому дорого русское искусство. Художник пера и художник кисти, оба в каком-то ореоле тихой задумчивости, исполненные лиризма и печали... все эти золотые плесы, незаметные церковки, тихие обители, вся эта неживая рама для трех сестер и сиротливой чайки, для усталого дяди Вани, для лишних чеховских людей с бледными лицами и грустящими сердцами...»

Были в коллекции и жанровые картины: И.Е. Репин «Искушение», В.Г. Перов «Развод», И.И. Творожников «Кумушки» и другие. Некоторые из них – словно цитаты из книг русских писателей. Вот одна из них – картина М.В. Нестерова «За Волгой». Легкие сумерки, замерла река, не движется по ней даже плот, холмистые берега погрузились в дремоту. На первом плане, на высоком, крутом берегу стоит над Волгой молодец в шелковой рубахе, щегольской поддевке, в картузе, устремив в даль упрямо-надменный взгляд. Вся его фигура, с заложенными в карманы руками, с выпяченной вперед грудью дышит огромным самомнением и недобрым холодом. А у ног его сидит, полная печали, молодая женщина, грустно склонив голову к голубым полевым цветочкам, которые машинально сжимают упавшие на колени руки. Она и сама похожа на скошенный полевой цветок, даже сарафан ее с оттенком синевы цветов, что у нее в руках. Глядя на картину, невольно вспоминаешь рассказ И.С. Тургенева «Свидание».

На стене напротив висит еще одно творение М.В. Нестерова – жемчужина Астраханской галереи – «Видение отроку Варфоломею».

Это один из эскизов к знаменитой картине. В своем письме к Догадину художник подробно описал, как и где должна висеть картина, чтобы быть должным образом освещенной. Условия эти соблюдаются и поныне.

Эта картина – в сущности, иллюстрация к древней рукописи о Сергии Радонежском – основателе Троице-Сергиевой лавры, сподвижнике Дмитрия Донского. Для своей картины М.В. Нестеров выбирает осень, когда, по мнению русских поэтов, в природе разлита «сладкая тишина, светлость и хрустальная прозрачность». Такое состояние природы родственно тихому и высокому состоянию души, стремящейся к высшей красоте и правде.



Картинная галерея им. Б.М. Кустодиева

На своем полотне Нестеров запечатлел среднерусские, одетые в осенние краски, просторы. На переднем плане, справа, почти у края картины, возвышается ствол дуба, а рядом с ним, будто от него отделившись, стоит в черном одеянии старец. Лицо его на данном эскизе скрыто за краем схимны, что усиливает впечатление таинственности, необычности события. Его фигура ассоциируется с еще одним стволом дерева. Краски его одеяния и поза сливаются с природными предметами, растворяя его в них. Но главное – мальчик-пастушок, чья хрупкая фигурка с почтением замерла перед старцем. Огромные синие глаза, полные печали и удивления, устремлены к черноризцу. Он – единственное яркое, почти белое видение на картине, и потому все внимание берет на себя. К нему обращается старец, на него – будущего Сергия Радонежского – смотрит глазами зрителей Россия.

В мае 1915 г. Догадин приобретает выполненную тушью и пером иллюстрацию к знаменитой поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» А.Н. Бенуа. Покупка состоялась через магазин А.Г. Голикова в Москве. Примерно в то же время Догадин вступает в переписку с младшим братом Александра – Альбертом Николаевичем Бенуа. Ему удается получить с персональной выставки художника две акварели «Байкал» и «Город Кобе в Японии», акварель «Зима» была приобретена годом раньше. Так было положено начало собиранию коллекции русской акварели. В настоящее время картинная галерея располагает акварелями В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, И.Н. Крамского, А.Ф. Лагорио, А.В. Лентулова, Л.О. Премацци, Д.П. Штернберга и другими, часть из которых были приобретены еще Догадиным.

За пять лет (1912-1917) Догадин собрал внушительную коллекцию: более ста живописных и графических произведений, около девяноста автографов писателей, поэтов, музыкантов, исторических деятелей. Но он понимал, что это собрание назвать музеем еще нельзя, поскольку в нем отсутствуют произведения XVIII в. и древнерусской живописи. Тем не менее его коллекция стала заметным явлением в культурной жизни города.

С развитием революционных событий 1917-1918 гг. и гражданской войной П.М. Догадин, понимая незавершенность своей коллекции и опасаясь за ее сохранность, решил поспешить с передачей ее под охрану Советской власти: «21 октября 1918 года в культурно-просветительский отдел Совета Профессиональных Союзов Астраханского края поступило заявление от Павла Михайловича Догадина о желании пожертвовать городу коллекцию картин, рисунков, автографов, библиотеку «с целью способствовать тем самым поднятию культурного уровня рабочего населения Астрахани».[2]

Для принятия коллекции была назначена комиссия, в которую входили художники П.И. Котов, В.А. Эйферт, Н.П. Протасов. Они составили опись коллекции, сформулировали «Положение о музее», избра-

ли комитет по заведованию галереей. П.М. Догадина назначили заведующим. В знак уважения к его собирательской деятельности и бесценному дару городу галерее присвоили наименование: «...Картинная галерея Совета Профессиональных Союзов имени основателя П.М. Догадина». 12 ноября был подписан акт приема коллекции, а 15 ноября в доме дарителя – на набережной реки Кутум, №39 состоялось – торжественное открытие галереи. Вход был бесплатным.

П.М. Догадин передал городу более ста живописных и графических полотен, в число которых входили этюды И.И. Левитана, пейзажи С.Ю. Жуковского, Н.П. Крымова, А.И. Куинджи, А.А. Рылова, И.И. Шишкина, картины М.В. Нестерова, Б.М. Кустодиева, Н.Н. Сапунова, В.А. Серова, К.А. Сомова, В.И. Сурикова, К.Ф. Юона, рисунки И.Е. Репина, Н.К. Рериха, В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, Ф.А. Васильева, акварели Александра и Альберта Бенуа, С.В. Малютина, А.П. Остроумовой-Лебедевой. К этой коллекции присоединилось небольшое собрание, принадлежавшее А.А. Перову и состоявшее из картин и рисунков астраханских художников. В 1926 г. в галерею передано около 9 тысяч гравюр западноевропейских мастеров из книжного собрания И.А. Репина, хранящегося в Астраханской научной библиотеке.

Несмотря на трудное время, экспозиция Картинной галереи стала стремительно пополняться из государственных фондов и частных коллекций: Отто Библенгера – агента торговой фирмы «Иван Каттус в Вене» (картины И.С. Горюшкина-Сорокопудова, Б.М. Кустодиева, П.И. Мальцева и другие), остатки богатейшего некогда собрания братьев Сапожниковых (16 живописных произведений и 4 гравюры – баталии Петра I).

Музейный фонд с декабря 1918 г. по декабрь 1919 г. увеличился в три раза. П.М. Догадин заведовал Картинной галереей только один год и 14 дней. В декабре 1919 г. он умер от тифа. Все свои средства он вложил в создание художественного музея, и потому похороны были совершены на казенный счет. Похоронили его в фамильном склепе

рядом с родителями в Покрово-Болдинском монастыре.

Поскольку музейный фонд увеличился в три раза, особняк Догадина стал для него тесен. 12 августа 1921 г. в распоряжение галереи-музея был передан красивый трехэтажный особняк купца Плотникова на Большой Дмитровской, переименованной в улицу Свердлова, куда она и переехала 12 августа 1921 г. В этом здании она находится и по сей день. На парадной беломраморной лестнице установлена памятная доска с надписью «Астраханская картинная галерея основана 15 декабря 1918 г. Павлом Михайловичем Догадиным». С 1918 года она носит имя одного из крупнейших русских художников – астраханца Бориса Михайловича Кустодиева.

С 1919 г. фонды Картинной галереи постоянно пополнялись. В настоящее время в них находится более тринадцати тысяч экспонатов. Для обозрения коллекция размещается в 23 залах. Экспозиция построена в хронологическом порядке, что позволяет довольно полно представить основные этапы развития русского изобразительного искусства. Заложенные Догадиным традиции – коллекционировать лучшие произведения русских художников – стало основным принципом формирования фондов музея.

Начинается экспозиция с живописи XVII-XVIII вв., коллекцией икон новгородской и московской школ. XVIII в. в России – время создания светского искусства. Оно представлено разными именами (Е. Чемесов, И. Берсенев, Н. Уткин и др.) и жанрами: историческими картинами, городским пейзажем, гравюрами с изображением петровских баталий, видами нового Петербурга и молодым русским флотом. Культурные связи с Западной Европой, установившиеся во времена Петра I, привели к серьезным изменениям в понимании назначения искусства, обновлению техники письма. На смену темпере приходит масляная живопись. Вместо символического изображения святых появляются портреты современников. Портрет становится первым и ведущим жанром светской живописи.

В экспозиции находятся портреты выдающихся мастеров В.Л. Боровиковского, Д.Г. Левицкого, Ф.С. Рокотова. Портреты, написанные Рокотовым («Портрет графа Шереметьева», «Портрет молодого человека») обращают на себя внимание умением художника передать художественными средствами поэтичность внутреннего мира человека. Портреты Д.Г. Левицкого всегда отличала большая жизненная достоверность, мастерство передачи индивидуальных особенностей модели, способностью дать ей меткую, точную характеристику. Таким является парадный портрет одного из приближенных Екатерины II – «Портрет графа Орлова». С полотна смотрят на нас холодные, полные ощущения своего превосходства и иронии, голубые глаза. На губах застыла легкая улыбка человека самодовольного и надменного.

Творчество В.Л. Боровиковского представлено в галерее тоже парадным портретом – «Портретом императрицы Марии Федоровны». Художник дает зрителю увидеть в горделивой позе и торжественности момента тепло женского обаяния, а во взгляде – душевную мягкость. По мнению специалистов, «...Мастер колорита, Боровиковский добивается удивительной изысканности сочетаний зеленовато-перламутровых тонов. Портрет отличается гармонией плавных, мягких линий, совершенством живописного мастерства».[3]

В искусстве XIX в. господствовали два направления – романтизм и реализм, начало XIX в. связано с дальнейшим совершенствованием мастерства художников-портретистов. Они считают необходимым раскрыть в портрете индивидуальные особенности неповторимых черт духовного мира человека, его характера. Художникам А.Г. Варнеку («Портрет Дурново»), А.Г. Венецианову («Портрет молодой крестьянки»), В.А. Тропинину («Дама в зеленом платье»), К.П. Брюллову («Портрет архитектора Лопыревского»), В.Е. Раеву («Молящаяся девушка»), К. Шульцу («В работниках») свойственны эти новые искания. В некоторых работах можно заметить черты романтизма и даже классицизма.

Во второй половине XIX в. большого расцвета достигает пейзаж-

ная живопись, представленная картинами И.К. Айвазовского, Ф.А. Васильева, Л.Л. Каменева, А.И. Куинджи, И.И. Левитана, А.К. Саврасова, И.И. Шишкина и других живописцев. Галерея хранит пятнадцать произведений И.И. Левитана. «Лирически проникновенные, согретые любовью к русской земле, неяркие пейзажи художника создают тихое и задумчивое настроение. «Сумерки», «Серый день», «Закат,» солнечная «Дорога в лесу» – небольшие этюды, словно вобравшие в себя прелесть разнообразных ощущений, которые городской человек может испытать в северной русской деревне...»[4]. Тонкий лирик, влюбленный в русскую весну, А.К. Саврасов прославился своей картиной «Грачи прилетели». В Астраханской картинной галерее хранится один из ее вариантов «Ранняя весна. Оттепель». Ощущением красоты и величия природы пронизано творчество И.И. Шишкина. Этюд «Полдень. Окрестности Москвы. Братцево» по силе впечатления не уступает одноименной картине в Третьяковской галерее.

Характерной особенностью развития мирового искусства второй половины XIX в. является расцвет реализма. Экспозиция открывается картинами выдающихся русских художников И.Е. Репина («Искушение», эскиз картины «Кузьма Минин» и два рисунка) и В.И. Сурикова (этюд «Гребец» к его картине «Степан Разин», принадлежащей Русскому музею в Петербурге). Во второй половине XIX в. проявляется большой интерес к жизни широких слоев населения, особенно к судьбе простых людей. Наиболее яркие картины создали художники А.Е. Архипов, П.О. Ковалевский, С.А. Коровин, К.В. Лемох, В.Г. Перов, К.А. Савицкий, Н.А. Ярошенко и другие, чьи произведения тоже можно увидеть в экспозиции.

Искусство рубежа XIX-XX в. представлено в основном мастерами «Мира искусства» и «Союза русских художников»: А.Н. Бенуа, В.Э. Борисов-Мусатов, В.М. Васнецов, С.А. Виноградов, М.А. Врубель, В.И. Петровичев, Н.К. Рерих, В.А. Серов, К.А. Сомов и ряд живописцев, принимавших участие в выставках «мирискусников». Особенно вы-

деляются работы К.А. Коровина. В Картинной галерее их немногим меньше, чем картин Левитана.

Произведения К.А. Коровина «Зимнее солнышко», «Гурзуф» отличаются колористической виртуозностью, особенно в предметах белого цвета, каждый из которых с иным оттенком в зависимости от фактуры, освещенности, отражения от соседних вещей. Его полотна «Испания. Ночь», «Парижское предместье», «Париж ночью» отражают увлечение художника импрессионизмом. В них заметно мгновение потока жизни, мимолетное впечатление, живописно-эмоциональное восприятие жизни. В экспозиции представлено и творчество Коровина-декоратора: оформление к опере Н.А. Римского-Корсакова «Садко».

Галерея располагает прекрасной коллекцией картин художников авангардного искусства XX века: В.В. Кандинского, И. Клюна, А.В. Лентулова, К.С. Малевича, О.В. Розановой, А.М. Родченко, М.З. Шагала, А. Экстер и др.

Отношение этих художников к искусству интересно выразил почти в афористической фразе художник из группы «Бубновый валет» А. Куприн: «Мы все тогда сдвигали, кривили, гнули и ломали цвет и форму». Этому определению, несомненно, соответствуют картины А. Лентулова, О. Розановой и многих других. В картинах авангардистов зрителям открывается мир экспериментаторства с цветом, светом и формой. «Натюрморт с трубкой» А.В. Куприна поражает некой ирриальностью, где все предметы словно суть некоего персонажа, присутствие которого ощущается в цветовой гамме бело-синих тонов и обозначено чайником, той самой трубкой, что названа в заглавии. Персонаж есть и в то же время его нет. Эта фантастичность, размытость контуров фигуры, цветовой намек на нее завораживают, как завораживает задумчивый мир живописных полотен Р.Р. Фалька, или прекрасная плоть вещей К.С. Малевича и И.И. Машкова, символика В.В. Кандинского.

В экспозиции можно увидеть произведения художников «мусатов-

цев», которых критики называли «мечтателями», «эмоционалистами», а после выставки «Голубая роза» – «голуборозовцами»: П.В. Кузнецов, Н.П. Крымов, Н.Д. Милиоти, Н.Н. Сапунов, М.С. Сарьян, С.Ю. Судейкин, Н.С. Уткин, А.В. Фонвизин.

Творчество Павла Кузнецова частично связано с Астраханью. Картины «Кибитка» и «За рукоделием» были написаны в астраханских степях, и в 1920 году галерея приобрела их у него.

Гордостью Картинной галереи является большая коллекция картин Бориса Михайловича Кустодиева. Астраханец, ученик П.А. Власова Кустодиев был принят в 1896 г. в Академию художеств. Через два года он уже в мастерской И.Е. Репина, а в 1909 г. ему присваивается звание академика живописи. Для творчества Кустодиева характерна удивительная жизнерадостность, отражение «праздника жизни», радости бытия. «Он постоянно и привычно носил в себе острое чувство красоты мира и ощущал себя живущим посреди этой красоты. Он был влюблен в женщину, и в солнце, искусство и цветы, детскую улыбку и прогулку на закате, речку и перелесок... Какую эстетическую радость сумела доставить ему встреча с молодой красавицей на приволжской набережной!... Чтобы объясниться в своей любви к жизни, он и стал художником».[5] Природа наградила его многогранным талантом. Он писал жанровые картины, портреты, занимался станковой графикой, иллюстрировал книги, оформлял спектакли, пробовал себя в скульптуре и прикладном искусстве.

В астраханской коллекции – двадцать живописных полотен и около ста графических листов. Значительная часть собрания – портреты, написанные в разные периоды творчества. Его портреты поражают своей естественностью, это «живые» портреты. В них все с натуры. Модель – собеседник художника, она живет в реальном пространстве, в привычной среде: композитор – у рояля, писатель – в рабочем кабинете, скульптор – у станка... Модель подается крупным планом, напористо, занимая изрядную часть холста. В его портретах заметна, «имп-

рессионистическая свежесть первого впечатления, живость непосредственного восприятия, как при этюде».[6]

В одной из своих ранних работ «Портрете Никольского» Кустодиев, стремясь более глубоко раскрыть характер своего героя и его эмоциональное состояние, строит колористическое решение на сочетании холодных серебристо-серых и оливковых тонов, с использованием сложных сочетаний серого и зеленоватого цветов. «Портрет Н.М. Зеленской», написанный в 1912 г. в пору зрелого периода творчества, отмечен интересом художника к декоративности. Картина проста по композиции: почти все полотно занимает фигура героини, изображенной почти до колен. Милое обаятельное лицо, с голубыми задумчивыми глазами, дышит покоем и добротой. Фигура Зеленской (астраханка, случайно встреченная Кустодиевым в Швейцарии) в черном контрастирует с фоном – заснеженным альпийским пейзажем. Момент творческого вдохновения запечатлен художником в «Портрете композитора Морозова». В 80-х годах галерея приобрела «Портрет И.Б. Кустодиевой», дочери художника, написанный в 1926 г.

Из его жанровых картин интересны «Жатва» и «Христосование». В первой из них – праздник урожая, его праздничное настроение создается обилием золотых тонов – золото спелой ржи и стогов, небо, золотое от солнечных лучей, яркие оранжево-красные одежды крестьянок, собирающих урожай. Светлое, праздничное настроение дополняется ритмом движения фигур на полотне. Они будто в веселом танце склонились, закружились стайкой, рассыпались по полю.

Картины Кустодиева говорят о его наблюдательности и прекрасной памяти деталей быта, костюмов, влюбленности в своих персонажей. Сюжетом картины «Христосование» послужил один из моментов пасхального праздника: немолодой купец поздравляет с Пасхой молодую жену. Картина пронизана юмором. Нам дано увидеть светящееся радостью, нежностью, растроганное, улыбающееся лицо купца, который не просто нагнулся к молодой жене, а как-то криво изогнулся

в ее сторону, предвкушая удовольствие поцелуя, а лица молодой женщины художник нам не показал. Лицо ее на три четверти скрыто от зрителей, хотя заметно, что она тоже улыбается, и голова ее запрокинута навстречу мужу, но фигура слегка отстранена от него. Кроме того, она занимает значительно больше места, чем он. Создается впечатление, что купчиха в своем нарядном красном платье и цветастой шалью на плечах занимает все пространство комнаты. За ней виден празднично накрытый стол. Художник добродушно намекает, кому принадлежит первенство в этом дуэте.

Представлены в экспозиции и графические работы художника – рисунки, акварели, эстампы.

Творчество Кустодиева вписало славную страницу не только в отечественное художественное искусство, оно известно и за рубежом.

Картинной галерее принадлежит часть картин и другого художника-астраханца, тоже ученика П.А. Власова, И.С. Горюшкина-Сорокопудова. Незадолго до смерти он подарил галерее четырнадцать своих произведений. Среди них большой интерес представляют «Портрет А.Н. Протасовой», картины «Плач Ярославны», «Вечерний звон».

Искусство 20-90-х гг. XX в. представлено художниками как старшего поколения, начавшими свой творческий путь еще в начале века, так и молодыми. Экспозиция знакомит с творчеством А.Е. Архипова «Чаепитие», портретом девочки и «Женским портретом в русском платье». Из произведений П.П. Кончаловского можно увидеть его ранние работы – натюрморт «Цветы и фрукты», пейзаж «Стена», когда формировался его собственный творческий метод, и его позднее полотно «Сирень белая и красная» и ряд натюрмортов.

Привлекают внимание картины 30-40-х годов, отразивших особенности искусства этого периода: «Фабрика «Томат-пюре» Е.С. Зерновой, «Восточный мотив» Н.В. Кашиной, «Филадельфия. Старая площадь» А.А. Дейнеки, «На гумне» А.А. Пластова. Несколько картин представляют искусство 50-60-х годов художников так называемого

«сурового стиля», которые сумели увидеть и раскрыть в своих полотнах поэзию повседневных трудовых буден: «Мой город» Г.С. Мызникова, «Дорога» В.Е. Попкова, «Девушка в черном платье» В.И. Иванова.

Галерея располагает значительным собранием портретной живописи: П.Д. Корин «Портрет юноши», А.Ф. Пахомов «Мельник», М.З. Рудаков «Портрет Лорки» и другие.

В фондах галереи большая коллекция пейзажей. В экспозиции можно увидеть прозрачные, хрустальные пейзажи И.Э. Грабаря. Художник Я.Д. Ромас, любивший Каспий, написал картину «Бирюзовая рыбница», полную светлого морского простора с легкими рыбачьими судами на нем. Свежестью севера веет от картины «Байкальский мотив» В.Ф. Загонека, весенняя песня слышится в полотне М.П. Митурича-Хлебникова «Зеленый шум».

В 80-х годах галерея получила новое пополнение из частных коллекций: А.В. Алексеевой и ее мужа К.П. Виноградовых, художника М.П. Митурича и других. Галерее были подарены полотна И.К. Айвазовского, И.И. Шишкина, В.И. Сурикова, В.А. Серова. Главным достоянием галереи стали картины сестры гениального русского поэта-астраханца – В. Хлебниковой. «Вера Владимировна – живописец, и живопись ее проявляет себя с такой же потрясающей силой, как слово Хлебникова. И так это естественно, что другой мир, пластический и в красках, продолжает в себе то же обаяние, ту же душевную тонкость».[7] В коллекцию, состоящую из шестнадцати полотен, вошли живописные картины ее астраханского периода: «Русалки», «Путь художника», «Старое и молодое». В графике отразился интерес семьи Хлебниковых к астраханским степям, к их восточному колориту, к культуре и быту местных калмыков: «Девушка с лебедем», «Три фигуры в покрывалах», «Верблюды». «...Живопись Веры Хлебниковой – явление редкое, уникальное, забытый художник возвращается к нам памятной страницей в истории русской культуры».[8] Ее одухотворен-

ное искусство является одной из самых больших ценностей в коллекции Астраханской галереи.

Достоянием фондов музея являются произведения астраханских художников, многие из которых – выпускники Астраханского художественного училища им. П.А. Власова. Среди старшего поколения много имен известных как в России, так и за ее пределами. В их ряду особое место занимает Р.Р. Доминов – выдающийся художник-живописец, график, театральный художник. Его картины хранятся не только в Астраханской галерее (триптих «Тревога. Зима. Лето.», фрагменты из серий, посвященных памяти В. Хлебникова, и др.), но и в зарубежных музеях и частных коллекциях.

Астраханскими художниками создана целая серия пейзажных полотен, на которых запечатлены Астрахань, Волга, Каспий, степные просторы (С.Г. Масленников, Ф.Н. Милохин, А.М. Токарев, С.Н. Шомин, Ю.А. Лебедев и др.).

Одно из главных мест занимает тема труда рыбаков, нашедшая свое воплощение в творчестве разных художников (С.А. Ануфриев, С.П. Сахаров, Ф.Ф. Щукин, Ф.Н. Милохин и др.).

Картинная галерея располагает одним из лучших портретов астраханского художника Г.С. Портнова – «Портрет художницы Е.И. Нешмониной», бывшей ученицы П.А. Власова. С ее именем связано пополнение коллекции Астраханской картинной галереи.

После Великой Отечественной войны фонды галереи пополнились картинами новой плеяды астраханских художников. Среди них – С.Г. Дьяков, С.Н. Подледнев, Ш. Такташев, А.Н. Туркин, А.М. Шапошников, В.Н. Юшев.

В конце XX в. в изобразительное искусство пришли новые силы: М.А. Приказчиков, С.А. Приказчиков, А.А. Соловьев, В.С. Шаров и другие. С их приходом связано большое видовое разнообразие изобра-

зительного искусства астраханцев.

В фондах галереи хранятся не только произведения живописи и графики, но и скульптуры, предметы декоративного и прикладного искусства.

Многие работы Астраханской картинной галереи участвовали в выставках в Германии, Финляндии, Франции, Швейцарии, Швеции, Японии.

Научные сотрудники Картинной галереи ведут большую культурно-просветительскую работу, выступая с лекциями перед астраханцами о фондах галереи, издают альбомы, каталоги, монографии, проводят творческие выставки местных художников и художников других городов страны. Совместно с консерваторией и филармонией сотрудники устраивают музыкальные вечера, героями которых выступают отдельные картины того или иного художника.

За прошедшие немногим более восьмидесяти лет Астраханская картинная галерея из небольшого частного собрания, принесенного в дар Астрахани П.М. Догадиным, превратилась в один из самых интересных музеев страны.

§3. Театры Астрахани

Астрахань – один из театральных городов России. История ее драматического театра насчитывает почти двести лет, хотя написано о ней немного.

Театральные представления в Астрахани начались еще в XVIII в. Это были любительские и полупрофессиональные постановки. Датой рождения Астраханского драматического театра официально считают 12 декабря 1810 г. В этот день впервые был поднят его занавес. Есть письменное свидетельство действительного статского советника Л.А. Кожевникова, в котором он сообщал министру полиции: «Честь имею почтеннейши донести, что в здешней губернии, в губернском

городе Астрахани, один только театр существует с декабря 1810 года».[1]

В течение первых восьми лет театр содержал подпоручик Андрей Грузинов. Свои представления труппа давала в одном из помещений каменного дома купца С.Е. Токарева.

Труппа Грузинова заложила прекрасные традиции деятельности Астраханского театра. Он сразу стал центром культурной жизни города, его полюбили, к нему было привлечено внимание всех слоев населения: от местного дворянства, купечества, образованного сословия до мелких чиновников, мастеровых, служанок, учащихся старших классов, приказчиков. Преобладала публика из «простых», о чем сообщал астраханский губернатор: городской театр «усердно посещается всеми классами, но большинство посетителей принадлежит к «низшему слою общества».[2]

Театр повлиял на всю культуру города, в первые годы его деятельности обращает на себя внимание Иван Викентьевич Добровольский, возглавивший в театре А. Грузинова музыкальную часть. Это был талантливый музыкант, дирижер, преподаватель музыки, изобретатель новых музыкальных инструментов, издатель первого в России музыкального журнала под названием «Азиатский музыкальный журнал», выходивший в Астрахани в 1816-1818 гг. Одним из первых он занимался собиранием музыкального творчества народов нашей страны. По его инициативе театр ставил не только драматические, но и оперные спектакли. Это начинание нашло свое продолжение в дальнейшей истории театра.

Помимо спектаклей для обычной публики одним из видов деятельности молодого театра стала благотворительность. В 1810-1815 гг. актеры сыграли значительное число спектаклей в пользу бедных, погорельцев, инвалидов губернии Московского патриотического общества. В семь из них вложил свои собственные средства А. Грузинов (полторы тысячи рублей), прося губернатора считать «вложенные им деньги как пожертвования».[3]

Городские власти в XIX в. смотрели на театр как на весьма доходное дело и содействовали его организации. Он, как и другие общественные увеселения, становился частью официального «культурного строительства, городского благоустройства». На театральное дело жертвовали немалые суммы как члены администрации, так и местное купечество.

В 1821 г. театр, изрядно обветшавший к этому времени, существенно перестраивается его новым владельцем – купцом из армян Г.С. Углевым.

Благотворительность стала традицией. В начале XX в., как и почти сто лет назад, актеры, по свидельству рапорта астраханского полицмейстера, только в январе-феврале 1902 г. играли свои спектакли в пользу «детских приютов и Благотворительного общества»,[4] участвовали в концертах «в пользу недостаточным студентам астраханцам Императорского С.-Петербургского Университета»,[5] «в пользу общежития для беднейших учениц при двуклассной школе»[6] и т.д.

В 1877 г. крупный астраханский рыбопромышленник Н.Н. Плотников объявил общественному управлению о своем намерении построить за свой счет каменный зимний театр. Автором проекта был городской архитектор Фольрат, наблюдение за строительством осуществлял Макаров, 1 октября 1883 г. состоялось освящение и открытие нового здания, петербургская газета «Театральный мирок» в январе 1884 г. писала: «Астраханский театр принадлежит бесспорно к числу лучших театров провинции. Обширный партер, три яруса лож, балконы и галерея дают сборы по обыкновенным ценам 1050 рублей. Здание каменное, отделка нельзя сказать чтобы была роскошная, но и не дурная, вместе с тем. Сцена довольно обширная, уборные большие, светлые комнаты, заменяющие во время репетиций фойе. Освещается театр электричеством по системе Эдисона маленькими лампочками, коридоры широкие – воздуха вполне достаточно».

В этом здании Астраханский драматический театр работает по сей

день. Здание объявлено архитектурной ценностью.

Большое значение для горожан имел театральный репертуар. Астраханский театр, несмотря на жесткость цензуры, постоянно обращал свое внимание прежде всего на драматургию, отвечавшую передовым взглядам своего времени.

В первые сезоны зрители увидели трагедии Я. Княжнина, В. Озерова, М. Крюковского и других. С середины XIX в. и по сей день Астраханский театр ставил и ставит русскую и зарубежную классику: Д. Фонвизина, А. Грибоедова, Н. Гоголя, А. Толстого, Л. Толстого, А. Островского, А. Чехова, У. Шекспира, К. Гольдони, Лопе де Вега, В. Гюго, Ф. Шиллера, Э. Ростана, А. Дюма-сына, А. Миллера, Т. Уильямса...

Самой активной частью публики в XIX в. были люди образованные, видевшие в театре великую кафедру, «с которой можно много сказать миру добра». На театр смотрели как на вторую школу, как на своего рода университет. Он становится популярной темой астраханской печати. В мае 1863 г. газета «Волга» призывала обратить на театр серьезное внимание, «как на одно из самых действительных средств, способствующих развитию гражданственности в наших городах». Образованная публика старалась оказать влияние как на репертуар театра, так и на восприятие публикой его постановок.

Большой интерес в 60-х гг. вызывали статьи Г.И. Тетюшиновой, вышедшей из образованных слоев астраханского купечества. Она находилась под большим влиянием идей Добролюбова, Писарева, Чернышевского. Ее статьи и рецензии отличались смелостью суждений, социальной направленностью, оригинальностью оценок. В одной из статей Г.И .Тетюшинова дала высокую оценку труппе Астраханского театра: «Нам так приятно видеть на нашей сцене лучших пьес наших авторов и мы должны сознаться, что многим обязаны содержательнице театра г-же Новиковой и ее даровитой семье, давшей нам столько светлых минут, столько разумного наслаждения. Да и остальных актеров нашей труппы нельзя упрекнуть в недобросовестности, так что мы

вправе поставить наш театр наряду с лучшими провинциальными театрами России…» (газета «Волга», 1862 г.).

Астраханская публика и критика, не воспринимая низкопробные по содержанию, далекие от реальной жизни репертуарные пьесы драмтеатра, справедливо ставила вопрос о необходимости постановки спектаклей, близких по духу зрителю. В газете «Астраханский справочный листок» за 31 декабря 1870 г. читаем: «Не лучше ли ставить русские, из недавно прошедшего быта пьесы, а с нашей жизнью мы так мало знакомы. А разве мало у нас таких пьес! Есть вполне русские и вполне художественные. Возьмем Фонвизина «Недоросль», Грибоедова «Горе от ума», Гоголя «Ревизор», «Женитьба», все пьесы Островского, Сухово-Кобылина и т.д.».

Во второй половине XIX в. велико было влияние идей революционных демократов. Теперь от театра ждали правды в изображении российской действительности, объяснения жизненных явлений и четкого определения зла и лжи в них. Такие взгляды на театральное искусство импонировали всем слоям зрителей, особенно молодежи. Д.А. Писарев, по выражению В.Г. Короленко, был для молодых россиян «как серенада под окном душной монастырской кельи». Н.Г. Чернышевский владел умами многих своих современников. Оказавшись в астраханской ссылке, Николай Гаврилович проявил интерес к местному театру. В одном из писем к Ольге Сократовне он писал, что «решительно примкнул к театральному миру». Среди его близких знакомых были распорядитель музыкально-драматической труппы Г.М. Ковров, его жена, актриса Брянская, Н. Медведев и другие местные театральные и музыкальные деятели. В числе немногих посетителей квартиры Чернышевского были приезжие столичные артисты. В расходной тетради О.С. Чернышевской 11 июня 1884 г. отмечено: «Приезд Писарева и Андреева-Бурлака».[7] Оба актера – и Андреев-Бурлак, и М. Писарев – пользовались большой любовью у публики. В Астрахань они приехали с труппою Первого товарищества московских драматических артистов.

М. Писарев использовал свою поездку не только для игры в театре, но и для встречи с Н.Г. Чернышевским. Знакомы они были еще с Петербурга – оба бывали в доме Н.А. Некрасова. В этот приезд М. Писарев привез Чернышевскому экземпляр брюссельского издания «Дополнений и примечаний к основаниям политической экономии Милля». Через Писарева редакция журнала «Русская мысль» предлагала Чернышевскому сотрудничество. Об Андрееве-Бурлаке вспоминает друг семьи Чернышевских С.Б. Суркиасова-Артемьева: «Бывал и знаменитый артист Андреев-Бурлак, певший народные песни».[8] В тех же воспоминаниях читаем: «Единственный раз был Николай Гаврилович в театре в приезд армянского трагика Адамяна. В нашу ложу в антракт пришли артисты и увели Николая Гавриловича за кулисы. Ему сделали овацию, он переходил из одних объятий в другие».

Развитие театрального дела в Астрахани в XIX в. шло стремительно. Уже в 1870-х гг. в Астрахани было четыре театра – один зимний и три летних. Летом публика могла посещать драму, оперу, оперетту и балет. Антрепризу в них держали известные в России антрепренеры. Среди них – П.М. Медведев – один из лучших антрепренеров в провинции, прекрасный актер, режиссер, театральный и общественный деятель. Впервые он появился в Астрахани летом 1859 г. молодым актером в труппе Е.И. Новикова, затем в 1876 г. антрепренером двух трупп – драматической и оперной. В «Астраханском справочном листке» 29 июля 1876 г. рецензент писал: «С первого года своей здесь антрепризы г. Медведев употребил все зависящие от него меры, чтобы сделать наш летний театр местом действительно настоящего театра в лучшем смысле этого слова, и думаю, что все мы помним тот многозамечательный сезон, когда у нас в Астрахани с прекрасной драматической труппой впервые раздалась музыка русских опер… г. Медведев, говоря без преувеличения, считается одним из лучших антрепренеров в провинции... мы должны быть глубоко благодарны г. Медведеву за то, что он, рискуя впасть в непоправимые расходы, познакомил нас… с лучшими му-

зыкальными произведениями русских и иностранных композиторов».

В составе драматической труппы были лучшие российские актеры: М.П. Писарев, П.А. Стрепетова, М.Т. Иванов-Козельский, А.М. Максимов, С.В. Шумский и другие.

Когда в 1883 г. отстроили новое здание театра, первую антрепризу согласился держать П.М. Медведев, сформировав три прекрасные труппы: драматическую, оперную и опереточную. 2 октября 1883 г. театр открылся комической оперой Одрана «Красное солнышко». Газеты сообщали: «Публика неистовствовала, впрочем, как и весь сезон».[9]

В отличие от многих антрепренеров- предпринимателей, в массе своей весьма невежественных, видевших в театре лишь одну цель -прибыль, П.М. Медведев ставил перед своим театром серьезные художественные задачи. Он содействовал постановке русской классической драматургии и русской классической оперы, уделяя большое внимание постановочной части, созданию художественного ансамбля. Много сделал он для формирования таланта разных актеров русской сцены. Под его руководством начал свой творческий путь М.Т. Иванов-Козельский – выдающийся трагик, которого называли «вторым Мочаловым».

В самом конце XIX в. в театре работала труппа под руководством выдающегося деятеля театрального искусства – режиссера, актера, педагога Н.И. Собольщикова-Самарина.[10] Страстный сторонник реалистического искусства, он стремился к созданию художественно значительных спектаклей, умел добиваться актерского ансамбля, был мастером в постановке массовых сцен. О нем можно сказать его же словами: он был хозяином «только в интересах искусства».

Из доклада полицмейстера известно, что «состав труппы – 24 человека..., артисты получали от 25 руб. до 600».[11] Основу репертуара составляли русская и зарубежная классика, лучшие современные пьесы. К открытию сезона Н.И. Собольщиков-Самарин выбрал пьесу А. Островского и С. Гедеонова «Василиса Мелентьева». Для ее постанов-

ки требовалось особое разрешение местной администрации, т.к. в ней есть персонажи, принадлежащие к царской фамилии, исполнять которых могли только хорошие актеры. Такое разрешение было получено. Н.И. Собольщиков-Самарин играл роль Ивана Грозного, две лучших актрисы труппы – О.В. Орди-Светлова и Ю.И. Журавлева – царицу Анну и Василису.

«Нелегко сделать выбор головной пьесы сезона, – писал рецензент в «Астраханском листке» 28 сентября 1899 г., – и г. Собольщиков поступил очень тактично, что не мудрствуя лукаво, остановился на этой драме, доступной пониманию всех слоев публики и, вместе с тем, остающейся новинкой, дающей отменный материал для артистических эффектов. Пьеса еще удобна и тем, что позволяет широко высказать свои сценические данные одновременно пяти исполнителям. Центральными фигурами спектакля оказались, бесспорно, г. Собольщиков... и г-жа Журавлева. Обоих исполнителей мы видели впервые».

Астраханцам были показаны «Без вины виноватые» (А. Островский), «Горе от ума» (А. Грибоедов), «Дети Ванюшина» (С. Найденов), «Дядя Ваня» (А. Чехов), «Идиот» (Ф. Достоевский), «Закат» (А. Сумбатов), «Счастливцы» (В. Немирович-Данченко), «Отелло» (У. Шекспир), «Орленок» (Э. Ростан), «Уриэль Акоста» (К. Гуцков), «Коварство и любовь» (Ф. Шиллер) и другие.

Среди других антрепренеров самыми интересными были П.И. Новиков, Н.Н. Соловцов, С.А. Соколов, П.П. Струйский.

Городские власти и театральная цензура следили за благонадежностью репертуара. «Ежегодное возобновление театральных представлений как и открытие подписки на годовые ложи и кресла, могло быть возможным лишь после получения разрешения губернатора».[12]

В канцелярию губернатора постоянно поступали сведения о деятельности театра. В этих донесениях шла речь о репертуаре, об актерском составе, о величине жалования артистам, о размере общей выручки за спектакли и прочее. В одном из своих запросов от 13 ноября

1902 г. губернатор требовал от астраханского полицмейстера следующее: «В сведениях, доставленных от 4 сентября, 28 и 29 ноября сего года за №2005, 2506, 2507, 3094, и 3106 о игравших в 1902 г. труппах не имеется следующих сведений:

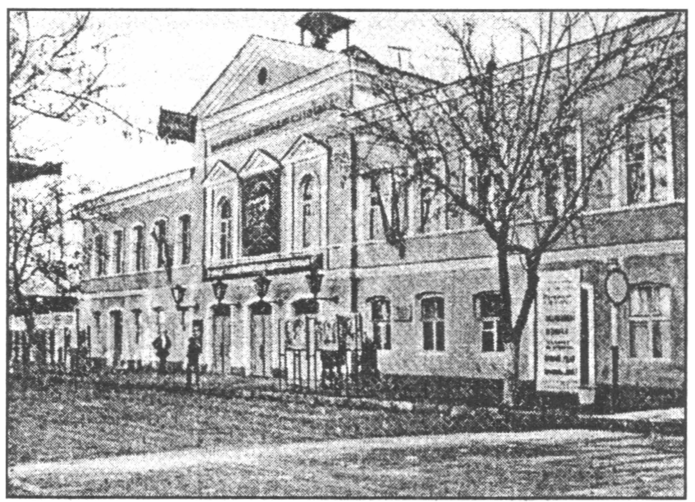
1. Какое жалование получали артисты трупп, игравших в Астрахани в 1902 г.

2. С какого и по какое число играли труппы: Компанеец, Товарищество армянских драматических артистов и Орленева и сколько последнею уплачено за помещение.

3. Совсем недоставлено сведений о труппе Медведева.

Вследствие сего предлагаю доставить мне означенные сведения немедленно и не позже 25 ноября. Относительно же труппы Медведева донести следующее: 1. С какого числа открыты ею представления. 2. Из какого числа артистов состоит труппа Медведева. 3. Какое артисты получают жалованье и 4. Что имеет быть уплачено за помещение театра».[13]

За свою долгую историю театр переживал разные периоды – от высокого творческого взлета до резкого упадка. Но он никогда надолго не отстранялся от демократических идеалов и стремления к яркому сценическому искусству, поэтому в его репертуаре в конце XIX-начале XX в. основными стали революционные идеалы. В 1905 г. был показан спектакль «Вильгельм Телль» по пьесе Ф. Шиллера. Публика восприняла спектакль как художественную аналогию революционной борьбе в



Областной драматический театр им. С.М. Кирова

России и была им крайне возбуждена. В Астраханском вестнике» 1 июля 1905 г. рецензент обратил внимание, что «публика временами была не в состоянии сдерживаться, разражалась аплодисментами...». В результате цензура запретила спектакль к повторному показу. Революционные настроения публики в 1905 г. были столь велики, что в театре разбрасывались листовки, а публика пела «Марсельезу».

В отдельные сезоны в Астрахани работали не только русские труппы. Летом 1902 г. астраханский полицмейстер в своем рапорте губернатору сообщал о гастролях труппы Товарищества армянских драматических артистов. Осенью того же года в канцелярию губернатора поступили сведения о гастролях Товарищества Русско-Малорусской труппы. В ноябре 1902 г. в Главное управление по делам печати был доставлен документ, удостоверяющий о том, что во время летнего сезона в Астрахани играли: «1. Товарищество Киевских немецких опереточно-драматических артистов под управлением одесского мещанина Адольфа Григориева Компанееца... 4. Казанско-Саратовская опера под дирекцией крестьянина Московской губернии Николая Иванова Самарина (по сцене Собольщикова-Самарина)... 6. Харьковское товарищество русско-малорусских драматических и опереточных артистов под управлением Григория Мошкова Цвернера (по сцене Левченко) и Дмитрия Ермолаева Скрипачева (по сцене Скрипченко).[14]

С самого начала становления театра в Астрахани ему везло на хороших актеров. На его сцене в разные годы XIX в. играли такие известные таланты, как Соколовский, Н.И. Новиков, его жена Е.П. Новикова, их дочь Наталья (по мужу Степанова). Местные газеты сохранили в памяти астраханских театралов имена актеров Рябова, С.В. Шумского, П.М. Медведева, оперной певицы Бобровой. Не зря среди столичных актеров бытовало мнение: если завоюешь успех в Астрахани, значит, он действительно заслуженный, поэтому в Астрахани всегда было много выдающихся гастролеров.

Были сезоны, когда астраханцы пребывали в полной растерянно-

сти от наплыва звезд театрального искусства и трудности выбора: «куда идти, кого слушать и смотреть: Новикова, Арто[15] с Падилла и Шеленгом, Адамяна,[16] Андреева-Бурлака с Писаревым и компанией, Ермолову...».[17]

М.Н. Ермолова в письме из Астрахани сообщала: «Относительно театра могу сказать, что Астрахань завоевана. Первые спектакли были небольшие сборы, а теперь уже пошли по тысяче рублей, чего еще не бывало здесь. Восторгам несть конца. Цветы и даже поднесли медальон с бриллиантами…».[18]

На сценах зимних и летних театров астраханцы видели выдающихся русских и зарубежных актеров: А. Олдриджа, П. Адамяна, братьев Адельгейм, Г. Федотову, М. Савину, В. Давыдова, В. Комиссаржевскую, М. Дальского, П. Орленева, М. Собинова, Ф. Шаляпина и других.

Особенное значение имели гастроли П.Н. Орленева. Это был один из величайших русских актеров, снискавший славу и за пределами России в ролях царя Федора («Царь Федор Иоаннович», А. Толстой) и Освальда («Привидения», Г. Ибсен). В начале XX в. он несколько раз гастролировал в Астрахани. Его приезд в 1920-1921 гг. способствовал развитию вкуса к высокохудожественному искусству у новой астраханской публики. Он сыграл Раскольникова, Дмитрия Карамазова, царя Федора и Освальда, выступал в рабочих клубах, играл с самодеятельными актерами. Для астраханской труппы общение с ним было прекрасной художественной школой.

В тяжелые годы революции и гражданской войны в течение трех месяцев в помещении театра располагался госпиталь. Труппа обслуживала фронт.

После революции 1917 г. астраханский театр, подобно всем театрам России, становится государственным.

В годы советской власти театр не имел права самостоятельно определять свой репертуар, его утверждал отдел по делам искусств. Спектакли принимались специальной комиссией Главного Управления по

контролю за зрелищами и репертуаром. В акте о приемах спектаклей была графа о том, что «изменения в постановке настоящего спектакля могут быть произведены только с согласия ГУРКа (или местных организаций).[19] Акт о приеме спектакля являлся «разрешительным удостоверением для публичного показа спектакля в данном театре».[20]

Основы режиссуры в астраханском театре начала XX в. заложил А.И. Канин, служивший в нем в 1916 г. и в начале 20-х. Поклонник русской драматургии, он осуществил ряд интересных постановок, лучшей среди которых была «Мещане» по пьесе М. Горького.

У истоков театра этого времени стоял М.А. Бецкий.[21] Приехав в Астрахань в 1917 г., он становится вскоре одним из самых любимых актеров у астраханской публики. Одновременно он занимался режиссурой и педагогической работой, руководил театральной студией для талантливой рабочей молодежи. В ней занималось около восьмидесяти человек. Студийцы готовила спектакли, выступали с ними перед рабочими, красноармейцами. Первый спектакль – «Пролетарий» – был поставлен в 1918 г.

В 20-х гг., помимо классики, драмтеатр ставит молодую советскую драматургию. На его сцене идут «Виринея» Л. Сейфуллиной, «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, «Мандат» Н. Эрдмана, «Огненный мост» Б. Ромашова, «Человек с портфелем» А. Файко, «Любовь Яровая» К. Тренева.

В театре работала сильная труппа, часть актеров которой были удостоены звания Заслуженного артиста РСФСР (В.С. Зотов, П.Г. Максимов, П.Д. Муромцев). Вся деятельность театра соответствовала духу времени. Он являлся активным пропагандистом новой социальной системы. В его репертуаре были пьесы, прославлявшие труд советских людей. На его сцене ставились А. Афиногенов, А. Арбузов, Н. Погодин, Вл. Маяковский и другие современные драматурги, а также М. Лермонтов, Л. Толстой, У. Шекспир, Ф. Шиллер и другие классики. В 1940 г. театр впервые осуществил постановку «Кремлевских курантов»

тов» Н. Погодина. Роль В.И. Ленина сыграл М.М. Головин.

Репертуар периода великой Отечественной воины отражал мужество и героизм советского народа в борьбе с фашистскими захватчиками. В эти годы шли спектакли на патриотические темы: «Полководец Суворов» (И.В. Бахтерев и А.В. Разумовский), «Фельдмаршал Кутузов» (В.А. Соловьев), шли пьесы К. Симонова, А. Корнейчука, Л. Леонова. В них страстно и публицистически сильно звучала тема подвига советских людей.

Обслуживали актеры и фронт. В фонд обороны было дано свыше 2400 концертных выступлений и 94 спектакля. За активное обслуживание воинов Советской армии театр получил Почетную грамоту и благодарность от командования Сталинградского фронта.

Велико было значение театра в культурной жизни города и области в послевоенные годы. Режиссером, который сумел передать в сценических образах атмосферу того романтического времени, была Заслуженный деятель искусств России Л.С. Самборская, руководившая творческим коллективом театра в 1949-1951 гг. С ее участием колоссальным успехом пользовались «Горе от ума», «Гроза», «Варвары», «Анна Каренина», «Хождение по мукам», «Пушкин», «Мачеха», «Отелло». Л.С. Самборская собрала прекрасную талантливую труппу, многие актеры из которой именно за игру на астраханской сцене получили звание Заслуженный артист России.

Лучшие традиции коллектива продолжили в 50-70-х гг. режиссеры М.М. Ваховский, удостоенный впоследствии звания Заслуженного деятеля искусств России, Ю.В. Юровский, А.А. Образцов, которому было присвоено звание Заслуженного деятеля искусств России в пору его творчества на сцене Астраханского театра и другие.

В августе 1958 г. состоялись гастроли драмтеатра в Москве. Были показаны пять спектаклей: среди них «Оптимистическая трагедия» (Вс. Вишневский), «Последние» (М. Горький), «Горячее сердце» (А. Островский). Режиссером этих спектаклей был заслуженный деятель ис-

кусств М.М. Ваховский.

В 1969 г. драмтеатр участвовал в Фестивале болгарской драматургии в нашей стране и занял одно из первых мест, показав спектакль «Первый удар» о Г. Дмитрове. Его режиссером был заслуженный деятель искусств А.А. Образцов.

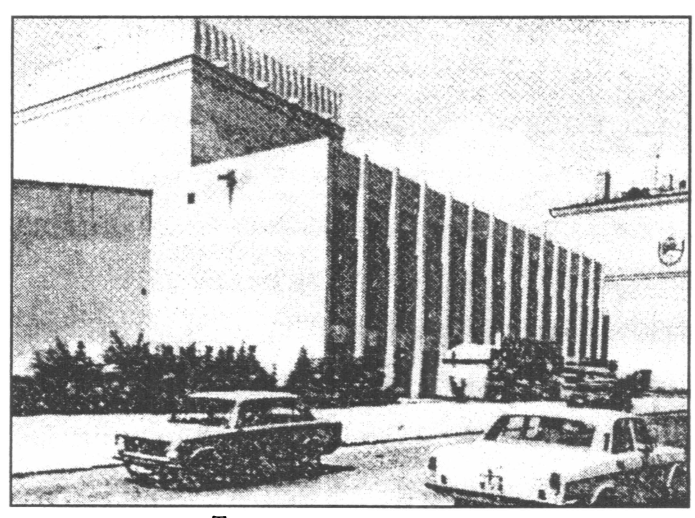
Репертуар 50-70-х гг. свидельствует о том, что творческому коллективу свойственно осознание своей сопричастности всему происходившему в стране. На его сцене постоянно идут пьесы лучших советских драматургов: Н. Погодина, Вс. Вишневского, В. Лавренева, А. Афиногенова, К. Симонова, А. Арбузова, Л. Штейна, А. Салынского, В. Розова, С. Алешина, Г. Бокарева, А. Вампилова, М. Шатрова.

Постановки пьес этих драматургов позволили театру показать на своей сцене самые разнообразные стороны жизни нашего народа, обратиться к самым насущным и волнующим проблемам современности. Выезжал Астраханский театр и за пределы области. Ему аплодировали зрители Украины, Грузии, Казахстана, Туркмении, рабочие Тольятти, строители Камаза, жители Элисты, Ижевска и других городов и районов страны.

Одной из традиций театра стала постановка пьес местных авторов о прошлом и настоящем Астраханского края и самой Астрахани. Об историческом прошлом повествовали пьесы астраханского журналиста и театрального деятеля В. Булычевского «Ты взойди, солнце красное» (из истории восстания Степана Разина), «Раскаленное лето» (о событиях в Астрахани в 1919 г.); об астраханских тружениках «У нас на взморье» (автор – артист драмтеатра Н. Куличенко), «Татьянин день» (В. Булычевский) – обе пьесы об астраханских рыбаках; «Костры надежд» (С. Калашников) – о геологах, разведчиках недр Астраханской области и первых разработках газового комплекса в Аксарайске.

Большой творческий подъем театр пережил в середине 70-х гг., когда его художественным руководителем стала заслуженный деятель искусств Грузии Н.Р. Эшба. Поставленные ею спектакли «Дон Кар-

лос» (Ф. Шиллер), «Снегурочка» (А. Островский), «Лесная песня» (Л. Украинка), «Энергичные люди» (В. Шукшин) вписали одну из самых ярких страниц в творческую жизнь драмтеатра и культуру города. Они вошли в золотой фонд театрального искусства Астрахани. О спектакле «Дон Карлос» московский критик В. Иванов писал в журнале «Театр»: «Темпераментно воплотив трагическое и героическое начала пьесы, театр еще раз доказал обязательность активной и напряженной режиссерской мысли. Активной не в тяготении к внешним деформациям пьесы, но в энергичном и бесстрашном постижении ее нравственных и философских глубин. Режиссер Н. Эшба... утверждает сегодняшнюю эстетическою идейную значимость творчества немецкого драматурга».[22] На фестивале немецкой драматургии в нашей стране этот спектакль был отмечен Почетным дипломом, дипломами были награждены работы Н.Р. Эшбы, художника В.В. Меликишвили и актрисы С. Дбар за роль королевы Елизаветы.


Театр юнного зрителя им. 50-летия ВЛКСМ

Лучшими спектаклями в 80-х годах были «Жестокие игры» и «Ричард III» в постановке молодого режиссера Ю. Александрова, «Леди Макбет Мценского уезда» режиссера В.А. Волкоморова.

В эти годы шли также спектакли по пьесам А. Дударева («Порог»), В. Мережко («Я – женщина»), Л. Разумовской («Сад без земли»), К. Симонова («Дым отечества») и другие.

Во второй половине 80-х и начале 90-х гг. в течение семи лет здание театра пережило капитальный ремонт и некоторую реконструк-

цию. Это были тяжелые годы для актерского состава. Но коллектив выжил, сохранив свой творческий потенциал, и с новой энергией начал свою работу в обновленном помещении. Его художественный руководитель, заслуженный артист России Н.А. Ширяев, увлек театр на путь современных сценических поисков.

За свою долгую историю Астрахань дала стране много талантливых актеров. Общенародную любовь снискали И.А. Любезнов. Л.В. Целиковская, Л.В. Свердлин, Э. Виторган, В. Меньшов, Б. Невзоров, В. Стеклов.

В 1933 г. в Астрахани был открыт Театр юного зрителя (ТЮЗ), на который возлагались задачи, связанные с воспитанием подрастающего поколения. Организатором театра, его первым художественным руководителем и одним из ведущих актеров был Н. Гоголкин, режиссерами М. Любимова и А. Вильянов. К самым ярким спектаклям начала работы ТЮЗа относятся «Бузонада» Л. Бочина, «Лягавый» Л. Веприцкой, «Так было» А. Бруштейн, «Мик» Н. Шестакова. Со временем большое место в репертуаре театра начинает занимать русская и зарубежная классика. За период с 1933 по 1990-е гг. театром было поставлено свыше девяноста произведений классики. Среди них: «Недоросль» Д. Фонвизина, «Ревизор» Н. Гоголя, «Маленькие трагедии» и сказки А. Пушкина, «Гроза» А. Островского, «Последние» М. Горького, «Дон Кихот» и «Человек из Ламанчи» по роману Сервантеса, «Турандот – принцесса китайская» Ф. Шиллера, «Сирано де Бержерак» Э. Ростана, «Тиль» по книге Шарля де Костера, «Жаворонок» Ж. Ануя, «Ромео и Джульетта», «Укрощение строптивой» У. Шекспира, сказки Андерсена и Ш. Перро, «Маугли» Р. Киплинга и другие.

В годы Великой Отечественной войны ТЮЗ давал шефские концерты в воинских частях и госпиталях, выступал перед тружениками города и области. В 1943 г. возобновились его спектакли на стационаре. Первой премьерой была романтическая драма М. Лермонтова «Испанцы». За более чем шестидесятилетний творческим путь ТЮЗ знал

разных режиссеров и актеров. Многие из них оставили заметный след в его истории: режиссеры – А. Белоярцев, А. Треплев, Б. Наравцевич, художники – И. Худяков, Н. Калиниченко, актеры – В. Бух, А. Ванькова, Н. Дроздова, В. Заворотнюк и др. В Астраханском ТЮЗе начинали свой творческий путь народный артист РСФСР В. Козел, заслуженные артисты РСФСР Н. Каширский, М. Парамонова, Г. Банников, кинорежиссер и киноактер Б. Невзоров.

С 1972 г. театром руководит режиссер и педагог Заслуженный деятель искусств Российской Федерации Юрий Кочетков. За почти тридцатилетнюю деятельность в ТЮЗе Ю.В. Кочетков поставил более полусотни спектаклей, сыграл много ролей, в качестве педагога воспитал несколько поколений актеров, которые составляют костяк труппы. Ю.В. Кочетков хорошо известен в городе как постановщик общегородских праздничных концертов, как общественный деятель, играющий заметную роль в культурной жизни Астрахани. Он Почетный гражданин города.

За участие в различных творческих фестивалях театр неоднократно получал премии, грамоты, дипломы.

В середине 30-х гг. состоялось открытие Астраханского окружного колхозно-совхозного театра. Его стационар находился в одном из рабочих клубов на Трусово. Творческий коллектив начинал свои гастроли по области с открытия путины, а завершал их – с ее окончанием. Гастрольные поездки происходили на культпароходе «Иосиф Сталин». После переоборудования в 1937 г. на нем появился зрительный зал на сто мест и небольшая сцена, поэтому коллектив, обслуживая рыбацкие тони, часто играл спектакли и давал концерты на борту культпарохода. Художественный руководитель Добриков сумел к концу 30-х гг. собрать достаточно сильную труппу. Среди актеров были выпускники Ленинградского театрального института и ГИТИСа. В ее состав входили актеры: В.И. Борисова, В. Каштанова, Н. Каширский, Е. Колесова. П. Корнилов, А. Костина, А. Чернышев, Яковлев, актер и

режиссер А. Вильянов и другие. Репертуар театра включал в себя как классику, так и современные пьесы.

1 августа 1941 г. театр по распоряжению Окружного отдела искусств от 15 июля 1941 г. был закрыт, а труппа распущена. Но за свою короткую историю он самоотверженно приобщал к театральному искусству те слои населения Астраханской области, которые в массе своей никогда прежде не видели театра.

В 1987 г. был открыт Кукольный театр. За свою десятилетнюю историю театр творчески окреп и органично вписался в культурную жизнь города. Он пользуется большим успехом не только у детского зрителя. Главный режиссер – Заслуженный деятель искусств России В. Долгополов. Репертуар включает в себя лучшие произведения детской классики: народные сказки, сказки А. Пушкина, К. Чуковского, С. Маршака, Андерсена, инсценировку книги «Винни-Пух» и другие. Для взрослого зрителя – «Дева и Смерть» Р. Брэдбери, «Майская ночь» Н. Гоголя, «Отравленная туника» Н. Гумилева и другие.

В 1926 г. был организован Татарский театр. Его стационар находился в здании бывшего кинотеатра «Вулкан». В городе с большим количеством татарского населения, далеко не всегда знавшего русский язык, такой театр был необходим. Газета «Коммунист» в ноябре 1936 г. отмечала: «Единственный в Сталинградском крае Татарский театр занял достойное место среди других театров края и пользуется большим уважением рабочего зрителя». Репертуар театра обращает на себя внимание своим разнообразием. Помимо национальных пьес: «Давлят Бадрив» Г. Иделли, «Шамси-Камар» Аблиева, «Биш-Буляк» Т. Газзитова, «Кара-Йадар» И. Мирзаева (пьеса была написана на основе местного фольклора), театр поставил «Вассу Железнову» М. Горького, «Тартюф» Ж.-Б. Мольера и другие.

Помимо работы на стационаре, театр выезжал на гастроли в Наримановский район, на рыболовецкие тони, в колхозы и совхозы области. Во время гастролей из-за отсутствия сценических площадок в ме-

стах представлений театр использовал «малые формы»: национальные танцы, отдельные сцены из спектаклей, концерты.

В связи с финансовыми трудностями и лишением постоянного помещения для работы в городе Татарский театр в послевоенные годы постепенно перестал существовать как стационарный.

На протяжении почти двухсот лет своей истории театральное дело в Астрахани развивалось в самых разнообразных формах и было неотъемлимой частью культуры города и области. Оно способствовало развитию интеллекта, общей культуры и духовного богатства местного населения.

§4. Музыкальная культура Астрахани

Истоки зарождения и становления профессиональной музыкальной культуры Астрахани лежат в весьма неотдаленном обозримом прошлом и ее история связана с представителями разных национальностей, однако преимущество имели деятели российского музыкального искусства. Вероятно, историю профессиональной музыкальной культуры Астрахани уместнее отсчитывать с начала XVII в., когда «был создан по образцу Московского патриаршего хора профессиональный церковно-певческий коллектив – Астраханский архиерейский хор»[1], существующий и поныне. Исследователь музыкальной культуры Астрахани, доктор искусствоведения, профессор М.А. Этингер отмечает, что «с начала XVIII в. имелось профессиональное музыкальное искусство, культивируемое церковью. Так, первый русский профессор и академик В.К. Тредиаковский был певчим архиерейского хора в училище при Троицком монастыре (на территории Астраханского кремля), а позднее в Петербурге, помимо научных и литературных занятий он сочинял духовные концерты».[2] Тем не менее активная потребность в музыкальном искусстве астраханского общества относится уже к концу XIX в., чему способствовали различные социально-исторические и культурные факторы и прежде всего – появление плеяды высо-

коталантливых музыкантов и композиторов в крупных городах России и в ее столицах. Астрахань, находящаяся на окраинах Российской империи, разделила судьбу многих провинциальных городов, но в то же время в области музыкальной культуры явила свое своеобразие.

Первый, и довольно длительный, период музыкальной истории Астрахани характеризуется общественной значимостью местных музыкантов-профессионалов и большой ролью музыкантов-любителей. Их совместными усилиями были организованы первые музыкальные собрания, общества, проводились концерты, осуществлялись постановки музыкальных спектаклей, приглашались именитые солисты, коллективы (оперные и симфонические), обеспечивающие довольно интенсивную музыкальную жизнь города, создавались музыкально-образовательные учреждения – музыкальные классы, школы, училище.

Яркие личности, приезжавшие жить и работать в Астрахань, концентрировали вокруг себя профессиональных музыкантов и любителей, с ними связаны наиболее значимые события культурной истории города. Как правило, эти личности обладали еще и организаторским талантом, благодаря их энтузиазму возникали новые ответвления музыкально-общественной жизни и продолжались уже сложившиеся традиции. Столь важное событие, как открытие консерватории, также связано с приездом профессиональных музыкантов из других регионов – областей и республик Но, естественно, немалую лепту в музыкальную культуру внесли и местные музыканты, коренные астраханцы. Многие из них, наиболее талантливые, покидали родной город, добивались большого успеха, всенародного признания, но не теряли связей с Астраханью и всемерно помогали обогащать ее музыкальную культуру.

С Астраханью неразрывно связаны такие выдающиеся артисты как Валерия Барсова, Мария Максакова, именами которых ныне назван престижный музыкальный фестиваль вокального искусства, проводимый с 1987 г. в Астрахани, инициатором которого стала Област-

ная филармония и ее директор и художественный руководитель О.Ф. Попков, автор самой идеи фестиваля.

В Астрахани начинала свою артистическую карьеру Тамара Милашкина. К этой плеяде вокалистов принадлежат и воспитанники Астраханской государственной консерватории – солисты ведущих оперных театров страны – Олег Биктимиров, Анатолий Бобыкин, Елена Михайлова, известные уже далеко за пределами России. Особую роль для культуры нашего края сыграла народная артистка СССР Мария Петровна Максакова, а также начальник областного управления культуры Г.В. Корженко. Они были инициаторами учреждения и открытия Астраханской государственной консерватории (1969 г.), ибо в Астрахани уже имелся ряд музыкантов-педагогов, способных стать первоначальной основой нового музыкального вуза.

Неоценима роль музыкантов, приложивших усилия для создания полноправного профессионального Астраханского музыкального театра, история которого сопряжена на протяжении почти ста лет с огромными трудностями, несмотря на приверженность астраханцев прежде всего к вокальному искусству и искусству театра.

Окончательный период формирования музыкального театра связан с созданием оперной студии консерватории, ее руководителем и дирижером, профессором Ф.Я. Сепкуловым, режиссером Л.Л. Химич, директором и художественным руководителем филармонии О.Ф. Попковым, дирижером И.А. Сметаниным. Объединение музыкантов консерватории и филармонии сначала в форме антрепризы «Музыкальный театр», привело к официальному утверждению Астраханского государственного музыкального театра в 1996 г. Оперную труппу, оркестр составили выпускники и преподаватели Астраханской государственной консерватории, а выпускники училища культуры – балетную труппу.

Путь к собственному музыкальному театру Астрахани длился более ста лет. Интерес астраханцев к опере, к музыкальным спектаклям

длительное время удовлетворялся в основном гастролями оперных трупп и коллективов театров оперы и балета, музыкальных театров других городов. Периодические постановки оперных спектаклей или отдельных сцен силами местных музыкантов (часто – с приглашением солистов из других городов) осуществлялись длительный период – до конца шестидесятых годов. Исключением являются «островки» официальных астраханских театров: 1920-1922 гг. – Астраханский оперный театр под руководством М.К. Максакова, «Астраханская опера» под его же руководством в сезонах 1926-27 гг.; «Астраханская комическая опера» 1923 г. под руководством дирижера Б. Врана; в 1942 г. оперный театр под руководством М.П. Максаковой; Астраханский театр музыкальной комедии 1945-1948 гг. (дирижеры Б. Веицковский и М. Этингер). Временные перерывы между этими датами заполнялись гастрольными спектаклями и постановками объединенными силами профессиональных музыкантов и любителей.

Нельзя не упомянуть деятельность любительских оперных театров – самодеятельного театра на базе клуба им. 15 лет Октября Астраханского рыбоконсервного холодильного комбината (1958-1970 гг.), поставившего в 1967 г. оперу советского композитора А.Н. Холминова «Анна Снегина» и исполненную в присутствии самого композитора, а также музыкально-театральный коллектив Астраханского рыбвтуза (с 1968 по 1983 гг.).[3]

Приоритет профессиональных местных музыкантов в постановках оперных сцен и спектаклей принадлежал прежде всего образовательным учреждениям – музыкальному училищу, а затем – оперной студии консерватории. Значение оперной студии консерватории трудно переоценить, ибо именно она на протяжении более девяти лет удовлетворяла потребность астраханских любителей оперного жанра.

С первого выпуска консерватории в 1976 г. и до 1984 г. ежегодно давались выпускные спектакли оперного класса, но лишь с приездом дирижера Ф.Я. Сепкулова и режиссера Л.Л. Химич сформировалась

оперная студия консерватории, объединившая студентов и штатных солистов. В ее репертуаре – наиболее значимые оперы русской и зарубежной классики: «Евгений Онегин» П.И. Чайковского и впервые поставленная на профессиональной оперной сцене «Иоланта»; «Царская невеста» Римского-Корсакова; опера С. Рахманинова «Алеко». Внимание к зарубежной классике – школе вокального и сценического мастерства – также достояние оперной студии. Моцарт «Свадьба Фигаро», Россини «Севильский цирюльник», Верди «Травиата» и «Риголетто», Гуно «Фауст» и Бизе «Кармен» – золотой фонд классической оперы периодически звучал в постановках разных театральных коллективов. Помимо этого в репертуар в разные годы входили «Джанни Скикки» Пуччини, «Колокольчик» Доницетти, «Званый вечер с итальянцами» Оффенбаха, «Служанка-госпожа» Доницетти, а также сцены из оперетт И. Штрауса и И. Кальмана («Летучая мышь», «Сильва»). Значительными событиями для музыкальной общественности города и самой оперной студии были постановки опер современных композиторов: «А зори здесь тихие» К. Молчанова (1985), и «Не только любовь» Р. Щедрина (1987), резко отличавшихся от привычных классических схем по музыкальному языку, сложности вокальных и оркестровых партий. Яркие зрелищные спектакли, отвечающие современному миропониманию, современной проблематике общества, были приняты астраханской публикой с пониманием.

В оперной студии консерватории сформировались такие талантливые артисты как В. Горчаков, Н. Щукина, М. Попандопуло, В. Белюсенко, В. Молоканов, Е. Михайлова, Т. Горохова, М. Макарова, С. Антонов, Л. Кафтайкина, ставшие солистами оперных театров России, а многие из них составили основу оперной труппы Астраханского государственного театра. Новый этап работы оперной студии открыла постановка оперы Пуччини «Тоска» (1966).[4] Завершающей XX век постановкой оперной студии явилась «Служанка-госпожа» Перголези и программа крупных сцен из опер «Богема» Пуччини, «Риголетто»

Верди, «Свадьба Фигаро» Моцарта, «Искатели жемчуга» Бизе.

Иная судьба оказалась у симфонических оркестров. Их история в Астрахани ведет свое начало от первой половины XIX в., с организации оркестра смешанного состава капельмейстером И.В. Добровольским в 1806 г. В конце 80-х годов симфоническую музыку «Шотландская симфония» Меднделсона, «Серенада для струнного оркестра» П.И. Чайковского, Симфоническая картина Бородина «В средней Азии» исполнил сводный оркестр профессиональных музыкантов театра Терского казачьего полка под руководством Н.Л. Линева. 90-е годы XIX в. связаны с Астраханским отделением РМО и музыкальным училищем, проводившими концерты симфонической музыки от четырех до восьми программ ежегодно. Организаторами концертов и дирижерами последовательно были Ф.Ф. Кенеман (1898-99 гг.), А.Л. Горелов (1899-1903 гг.), А.И. Капп (1904-1920 гг.). Сезон 1919 г. симфонические концерты проводил Объединенный симфонический оркестр, а через четыре года Астраханский симфонический оркестр работал с дирижером Н. Тесслером. Позднее Б.И. Врана сформировал симфонический оркестр при кинотеатре «Модерн», исполняя классическую музыку перед началом киносеансов, в 1929 г. его симфоническими программами дирижировал астраханский скрипач и дирижер Г.С. Цейхенштейн. В том же 1929 г. на очень короткое время возник симфонический ансамбль рыбвтуза без дирижера (руководитель Г. Донях), т.е. оркестр музыкантов-любителей.

В 1934-1937 гг. работал любительский оркестр Клуба совета торговых служащих (руководитель М.Л. Тритуз).

И лишь в 1937-38 гг. возник симфонический оркестр Астраханского отделения Нижне-Волжской краевой филармонии (дирижер Г.С. Цейхенштейн), но опять на короткое время. Весной 1951 г. одну программу из сочинений М.И. Глинки исполнил организованный при Астраханской филармонии городской симфонический оркестр.

Периодически с концертами симфонической музыки выступал

оркестр музыкального училища. Большим событием для Астрахани были гастрольные концерты Большого симфонического оркестра под управлением С.А. Кусевицкого в 1910 и в 1912 гг. В концертной программе 1910 г., помимо симфоний Бетховена, Чайковского, выдающийся русский пианист и композитор А.Н. Скрябин исполнил свой фортепианный концерт. В 1928 г. в Астрахани в присутствии композитора исполнялись симфонические сочинения классика татарской музыки Салиха Сайдашева. В 50-е гг. с гастрольными концертами приезжали симфонические оркестры филармоний Саратова, Горького, Куйбышева, Орджоникидзе, Москвы. И в дальнейшем гастроли обеспечивались Госконцертом, Росконцертом и филармонией.[5] Отсутствие собственного симфонического оркестра восполнялось ежегодными музыкальными фестивалями 80-х гг. «Астраханская осень» с участием таких высокопрофессиональных оркестров, как, например, Литовской филармонии с дирижером Г. Ринкявичусом. Приезжал в Астрахань и симфонический оркестр Татарской республиканской филармонии с дирижером Н. Рахлиным.

Надежду на учреждение в Астрахани собственного симфонического оркестра филармонии возродил Камерный оркестр. Первоначально он был создан музыкантами-энтузиастами консерватории и на общественных началах концертировал в течение десяти лет (1978-1988), а в 1988 г. был включен в штат филармонии[6].

Стабильное развитие музыкального театра и симфонического оркестра в Астрахани стало возможным лишь к 90-м гг. XX в. как результат планомерной подготовки музыкантов по всем ступеням образования: музыкальная школа – музыкальное училище – консерватория. Только планомерная профессиональная деятельность консерватории способствовала созданию костяка профессиональных музыкантов разных специальностей, составивших ныне все ведущие концертирующие коллективы филармонии, музыкального театра города.

Астраханская консерватия является ведущим музыкальным вузом

совоеобразного полиэтнического региона, восьмым по счету на территории Российской Федерации».[7] География обучающихся в Астраханской консерватории обширна – от Беларуссии до Дальнего Востока. Многие ее выпускники работают не только на территории бывшего СССР, но и в зарубежных странах (Англия, Израиль, Канада, США, Италия, Дания, Югославия и др.), имеют почетные звания заслуженных артистов и деятелей искусства, получают самые престижные премии лауреатов международных конкурсов и фестивалей.

Профессорско-преподавательский состав консерватории довольно быстро стабилизировался и сложился в единый творческий коллектив.

С первых же лет Астраханской консерватории ее преподаватели постоянно повышают свой профессиональный уровень, выступают с гастрольными концертами в Поволжье, на Кавказе, во многих городах России, а с начала 90-х гг. – и за рубежом.

Творческий энтузиазм отличает Астраханскую консерваторию с первых лет ее существования. Преподаватели исполнительских кафедр готовили по нескольку концертных программ в год, складывались камерные ансамбли, преподаватели и студенты принимали участие в различных конкурсах. В первые десятилетия лауреатами всероссийских и всесоюзных конкурсов становились преподаватели консерватории, к своему тридцатилетию консерватория имеет уже студентов – лауреатов международных конкурсов.

Творческие коллективы консерватории насыщают концертную жизнь города. Студенческие оркестры – симфонический, русских народах инструментов, оперная студия, как уже было сказано выше, заметно влияют на уровень концертной жизни Астрахани. Ансамбли педагогов и студентов приобрели международную известность. Это, прежде всего, ансамбли русских народных инструментов «Скиф», «Ната-бене трио», ансамбли скрипачей, альтистов и некоторые другие.

Активную концертную деятельность на протяжении всей трид-

цатилетней истории консерватории ведут все преподаватели. Консерватория выступает также как научный и научно-методический центр региона. Проводятся всероссийские и международные научные конференции, посвященные проблемам искусствоведения и гуманитарного образования, методические семинары, традиционные Олимпиады и конкурсы-студентов музыкальных училищ. Преподаватели консерватории выступают с докладами на международных симпозиумах, конгрессах, конференциях в нашей стране и за рубежом.

В музыкальной культуре Астрахани, городе с давними певческими традициями, особо значима роль профессионального хора. Одним из носителей традиции хоровой музыки, как уже отмечалось выше, являются церковные профессиональные хоры. Во второй половине XX в. весьма значима роль ансамбля песни и пляски Каспийских рыбаков «Моряна» (1945-1990 гг.).[8] Возрождением хорового искусства и высокой профессиональности хорового исполнения Астрахань обязана консерватории. Кафедра хорового дирижирования и ее студенческий хор оказали огромное влияние на певческую культуру края. Активное концертирование студенческого хора можно отнести к началу 80-х гг., когда был исполнен «Реквием» Моцарта и «Торжественная месса» Бетховена. В настоящее время в репертуар хора входят наиболее сложные сочинения в области хоровой музыки, диапазон которых многогранен: «Магнификат», «Рождественская оратория», мотет «Иисус – моя радость» И.С. Баха, Реквиемы Моцарта, Верди, Уэббера, Кабалевского, «Симфония псалмов» Стравинского, «Курские песни» Свиридова, «Перезвоны» Гаврилина и др. Репертуар охватывает более чем трехвековой период музыкального искусства. Особой областью исполнительства является духовная музыка русских композиторов – Т. Бортнянского, Чеснокова, Архангельского, Чайковского, Гречанинова и др.

На базе студенческого хора консерватории в 1991 г. сформирован камерный хор «Лик»[9], заявивший о себе как высокопрофессиональный коллектив.

В 1994 г. образовался камерный мужской хор «Гамаюн» под руководством В. Никитина, также корнями связанный с консерваторией.

История Астраханской филармонии, также как и история консерватории, относится уже к XX в. Первая веха – 1926 г., когда в сезоне 1926/27 гг. артисты П.Г. Баев и А.А. Соловьев организовали общественную филармонию и пригласили с гастрольными концертами именитых музыкантов: певцов Г. Пирогова, Д. Смирнова, А. Доливо, З. Лодии, виолончелиста С. Козолупова, скрипача Д. Цыганова и пианиста А. Шацкеса. Инициатива астраханской общественности явилась толчком к созданию филармонии, действующей с 1927 по 1930 г. при губернском, а затем городском отделе Краевого управления зрелищными предприятиями Нижне-Волжского края. Затем, как и в других учреждениях музыкальной культуры, возникла пауза в несколько лет, до 1937 г., когда всего один сезон работало Астраханское отделение Нижне-Волжской краевой филармонии (концертом из сочинении Бетховена дирижировал Г.С. Цейхештейн, солировала пианистка М. Иконицкая). Следующий год стал плодотворным для Астраханской госэстрады, реорганизованной в филиал Сталинградской областной филармонии: за один сезон было дано «более 300 концертов в городе и 100 в селах».[10]

Таковы предтечи Астраханской областной филармонии, возродившейся с осени 1944 г.

Событием для филармонии и города стала постройка и открытие концертного зала на 700 мест при активном содействии народной артистки СССР М.П. Максаковой. С 1992 г. Концертный зал носит ее имя.

Учреждение филармонии стабилизировало концертную жизнь города и области. В Астрахани давали концерты выдающиеся музыканты страны, такие, как Святослав Рихтер, Мстислав Ростропович, Даниил Шафран, Зара Долуханова, квартет им. Бородина и др. Постепенно формировался и состав артистов филармонии, активно работал лекторий. Работа Астраханской филармонии не ограничивается городом, с шедеврами мирового музыкального искусства знакомятся и

жители сел области. В 90-х годах учрежден филиал филармонии в с. Икряном.

Общезначимыми событиями стали ежегодные фестивали музыкального искусства «Астраханская осень», на которых выступают и астраханские артисты, и приезжающие солисты, и коллективы из разных городов и республик СССР. На протяжении восьмидесятых годов фестивали «Астраханская осень» создали богатейшую палитру музыки разных времен и исполнительских школ. Инициатором фестиваля был директор филармонии Е. Черников, руководивший филармонией с 1982 по 1989 гг.

Филармония постоянно проводила различные фестивали – посвященные именным датам, историческим событиям. Но наиболее значительным стал фестиваль вокального искусства им. В. Барсовой и М. Максаковой. От скромного вечера, посвященного памяти великих певиц, родившихся в Астрахани, фестиваль приобрел статус международного уровня.

В декабре 1996- январе 1997 гг. в городе прошел фестиваль «Зимний путь», включивший серию концертов, посвященных столетию русской домры; весной 1997 г. – малый фестиваль «Пять вечеров памяти М.П. Максаковой» – «музыкальные приношения» астраханских артистов филармонии.

Наиболее значимым музыкальным коллективом филармонии являются оркестр русских народных инструментов во главе с дирижером В. Маховым, считающийся в настоящее время одним из лучших оркестров России. Популярностью пользуются камерный оркестр, джазовый оркестр, камерный ансамбль «Ars Nova».

С 1985 по 1996 гг. ансамбль русских народных инструментов с солистом и руководителем ансамбля Б. Ванюшкиным дал концерты в селах Астраханской области, во многих городах России, выезжал на гастроли в Румынию, Югославию, Чехословакию.[11]

Важным рубежом в музыкальной жизни края явилось создание в

1993 г. Астраханского союза композиторов. Его активная деятельность по пропаганде музыкального искусства продолжила культурные традиции города.

Таким образом, музыкальная культура Астраханского края имеет богатую историю, вобравшую в себя основные тенденции общероссийской музыкальной культуры. Важным рубежом в этом процессе для Астраханского края явился XIX в., когда были заложены прочные традиции музыкального искусства, получившие свое развитие в XX веке.

§5. Библиотечное дело

Библиотечное дело в Астраханском крае имеет богатую историю, подтверждающую тезис о том, что Астрахань как губернский и областной центр являлась и является центром средоточения культурных традиций, имеющих давние исторические корни. Тенденции развития библиотечного дела в крае идентичны общероссийским.

В России традиционно первые библиотеки открывались при монастырях. Есть неоспоримые свидетельства о наличии крупного книжного собрания при старейшем в Астраханском крае Троицком монастыре.[1] Неплохая библиотека имелась при Спасо-Преображенском монастыре, которая в 1876 г., в связи с его упразднением была преобразована в Епархиальную библиотеку.[2] Однако сколь-нибудь значительных исследований о монастырских библиотеках в Астраханском крае пока не существует.

Светская книга в Астрахани не была редкостью уже в XVIII веке: об этом свидетельствуют владельческие записи, штемпельные экслибрисы, пометы на книгах, хранящихся в отделе редких книг Областной научной библиотеки, например, «Из книг купца Осипа Федоровича Лапшина» (скрепы, суперэкслибрисы); «И. Шарыпин» (суперэкслибрис, владельческая запись).[3] Об Астрахани как своеобразном культурном гнезде, о ее старинных книгах интересный материал содержится в исследованиях Н.С. Травушкина.[4]

Были книги для обучения «цифири и геометрии», «по-латыни» в тех цифирных школах, которые открывались в Астрахани в первой четверти XVIII в.,[5] в латинской школе монахов-капуцинов, но они до нас практически не дошли.*

Самой значительной (если не принимать во внимание библиотеку при Римско-католической церкви, состоявшую исключительно из западноевропейских изданий)[6] стала библиотека Астраханской духовной семинарии, организованная одновременно с новоучрежденной семинарией в январе 1778 г. (именно эта датировка убедительно доказана в одной из статей Н.Ф. Леонтьева).[7] О семинарской библиотеке существует достаточно много публикаций, одной из первых и самых исчерпывающих является статья того же автора[8] (о самом Н.Ф. Леонтьеве интересный очерк принадлежит А.С. Маркову).[9]

В речи, произнесенной при открытии нового здания семинарии (1873 г.), Н.Ф. Леонтьев говорил: «Основание фундаментальной библиотеки было положено с самого времени открытия семинарии, но надлежащим образом библиотека сформировалась впоследствии. Самыми главными жертвователями были архипастыри Астраханские; впрочем, немало было вкладчиков в нашу библиотеку и из светских лиц, между которыми имя знаменитого московского издателя Н.И. Новикова должно быть поставлено на первом месте».

Н.Ф. Леонтьев приводит имя генерал-лейтенанта и кавалера Н.И. Канавина, который пожертвовал библиотеке 303 книги редкого содержания. Эти книги дошли до наших дней и напоминают о генерале, неравнодушном к судьбам культуры. Особенно отмечены заслуги Анастасия Братановского, который завещал в 1806 г. для семинарии всю свою библиотеку, состоявшую из двух тысяч экземпляров редких книг.[10]

Об Анастасии Братановском, личности яркой и неординарной,

---

* Возможно, что приобретенная несколько лет назад Астраханским государственным историко-архитектурным музеем-заповедником «Арифметика» Леонтия Магницкого (1703 г.) служила учебным пособием в одной из таких школ.

энциклопедисте, просветителе существует весьма обширная литература. Укажем лишь статью Я.В. Лебединского,[11] впервые посвященную конкретно библиотеке Анастасия Братановского, ставшей легендарной в силу как самой личности Братановского, так и имен с ней связанных. Статья разрушает легенду о принадлежности этого собрания польским королям, что никак не умаляет личности Анастасия Братановского.[12]

В первое десятилетие XIX в. школьный устав предусматривал создание библиотек при гимназиях. В Астрахани мужская гимназия была учреждена в 1806 г., а два года спустя создается фундаментальная библиотека, насчитывающая в 1913 г. 13030 томов. По данным Т. Остроумова, составившего фундаментальный труд по истории Первой мужской гимназии, в библиотеке был отдел книг на азиатских языках. В 1863 г. была образована неплохая ученическая библиотека.[13]

В 1813 г. в Астрахани произошло далеко не рядовое событие, о котором газета «Восточные известия» (первая провинциальная газета, издававшаяся учителем Мужской гимназии И.А. Вейскгопфеном) сообщала следующее: «В последних числах протекшего апреля месяца, новоустроенная при здешней духовной Семинарии каменная со сводами, довольно хорошей архитектуры, и вместительная библиотека, по соизволению здешнего Епархиального Архипастыря, а доброхотно доставленным пожертвованием и иждивением Московского именитого купца Ивана Посылина, торжественно освящена, и для всеобщего чтения желающим почетным согражданам здешним ныне открыта. В оной библиотеке по разрядам и различию материи, книги удобно ныне помещены и сообщаются для чтения желающим».[14]

Новое здание библиотеки было открыто благодаря усилиям преосвященного Гаия.[15] В упоминавшейся речи Н.Ф. Леонтьева следующим образом подчеркивается значение данного события: «Новое здание библиотеки было торжественно открыто самим преосвященным Гаием 29 апреля 1813 года в присутствии тогдашнего гражданского гу-

бернатора С.С. Андриевского и многих духовных и светских особ и почетных граждан. При этом замечательно то обстоятельство, что новая семинарская библиотека была открыта для чтения всем желающим согражданам, и таким образом она была первою публичною библиотекою в нашем крае».[16]

Н.Ф. Леонтьев, таким образом, а вслед за ним и ряд других исследователей,[17] предлагают считать первой публичной библиотекой в Астрахани новую библиотеку духовной семинарии, открытую в 1813 г. Однако, кроме самой декларации ее открытости для широкой публики, сведений о том, что семинарской библиотекой пользовались жители Астрахани, не имеется: недаром Я.В. Лебединский назвал ее «...как бы публичною».[18]

Вместе с тем действительно первой публичной библиотекой стала открытая 19 июня (по старому стилю) 1838 г. Публичная библиотека для чтения,[19] которая и является ныне Областной научной библиотекой им. Н.К. Крупской.* Открытая на средства прежде всего общественности, она, пройдя долгий путь развития, превратилась в «умственный центр» края: 46 подписчиков и 1850 читавших в залах библиотеки в 1838 г. и тысячи в начале XX в.: в 1902 г. «читавших в зале библиотеки... перебывало за 32458 человек»[21]: это и мещане, и крестьяне, и дворяне, чиновники, купцы, учителя и учительницы, врачи, студенты, нижние воинские чины и прочие граждане. Состав фондов, читательские запросы должны стать предметом отдельного исследования. Заметим только, что обширный материал для подобного анализа содержится в ежегодных «Отчетах Астраханской городской общественной библиотеки» в разделе «Пользование библиотекою», в котором приводятся сведения о читательских приоритетах: к примеру, в 1902 г. одно из первых мест по спрашиваемости заняли произведения Л.Н. Толстого. Еже-

---

* Меценатство красной нитью проходит через всю историю Астраханской общественной библиотеки, продолжается эта традиция и в наши дни.

годно печатались списки приобретенных и полученных в дар* изданий, среди которых начинает преобладать литература и по сей день используемая специалистами различных профилей.

Думается, что в основном результаты подобного анализа применительно к Астраханскому краю соответствовали бы уже существующим исследованиям и свидетельствовали бы о повышении духовной культуры населения края.[22] Именно для удовлетворения возраставших духовных запросов она и была открыта в 1838 г.

К сожалению, до нас не дошли имена всех граждан, бескорыстно способствовавших становлению библиотеки. Однако документы сохранили некоторые имена тех, кто стоял у истоков ее формирования: «Основатель ее – купец II гильдии Николай Иосифович Шайкин пожертвовал книг на 10 тыс. рублей, купец Солодовников – 3 тыс. книг, иностранец Швейцер – 1000 книг. А сын основателя Осип Николаевич Шайкин, первый заведующий библиотекой, употребив на издержки при открытии до 2-х тыс. рублей принял на свой счет: наем служителя, отопление здания, выписку лучших периодических сочинений и других, вновь выходящих книг, пригласил особого распорядителя при выдаче оных подписчикам, умножил мебель, необходимую для увеличения книгохранилища, переплел в лучший переплет до 2-х тыс. экземпляров».[23]

Библиотека была размещена на втором этаже Дома городских учреждений, построенного когда-то И.А. Варвацием. Здание фасадом выходило на площадь перед домом губернатора, торцом на Ахматовскую улицу (ныне ул. Халтурина). Библиотека располагалась здесь до конца XIX в., затем была перемещена в дом братьев-наследников Ре-

---

* К сожалению, акцентирование того факта, что первой публичной библиотекой следует считать семинарскую библиотеку (1813 г.), привело к досадным искажениям исторических данных: в некоторых справочных изданиях история областной научной библиотеки представлена в виде контаминации сведений из истории библиотеки духовной семинарии и общественной библиотеки.[20]

пиных на Екатерининской (ныне Советской) улице, далее, в 1911 г., в новое здание городских учреждений (ныне Астраханский Государственный историко-архитектурной музей-заповедник), а с 1928 г. располагается в здании бывшего Восточного банка.[24] Первые два здания не сохранились, но в ее фондах имеется немало самых первых поступивших в библиотеку книг с записями их прежних владельцев, в т.ч. и О.Н. Шайкина.

Хотя библиотека была открыта в основном на средства общественности, следует отметить, что местная власть также не была безучастна к ее судьбе.

1 декабря 1853 г. астраханским военным губернатором был назначен контр-адмирал Н.А. Васильев. Он в первые же дни своей деятельности находит время «озаботиться» положением городской библиотеки: «План его действий в этом отношении довольно прост и тем более заслуживает уважения современников и потомства. Предположив не без основания, настоятельную необходимость чтения как способ саморазвития, прежде всего, в служилых классах, как помощниках его управлению краем, он обращается ко всем служащим членам всех ведомств: высшего, морского и гражданского и приглашает их поднять публичную библиотеку. Как необходимо полезное для них самих и для всего города учреждения, постоянным взносом 1% с получаемого каждым жалования».[25]

...Конечно, этих средств было недостаточно и посему необходима была поддержка со стороны богатых граждан. Н.А. Васильев разослал этим лицам персональные приглашения: «как непосредственный начальник в вверенной мне государем Императором Астраханской губернии – я обязан иметь постоянное и тщательное попечение о благе ее жителей, поэтому, среди других забот к исполнению Высшей воли, я считаю своим долгом способствовать поддержанию и распространению в обществе нравственного образования, как одного из главных условий народного благосостояния. Устройство публичной биб-

лиотеки и увеличение круга ее читателей – есть лучший способ достигнуть предполагаемой цели...».[26]

Призыв был услышан. Пожертвования со стороны состоятельных горожан позволили значительно увеличить книжный фонд, навести порядок в библиотеке. Этой кропотливой работой занимались без всякого материального вознаграждения всего лишь два человека: чиновник особых поручений при военном губернаторе Н.А. Акимов и редактор губернских ведомостей С.Н. Югов. Тогда же, в 1854 г. был организован Первый комитет Астраханской Общественной библиотеки и разработано «Положение библиотеки».

В 1871 году библиотека была принята в ведение Астраханской Городской думы. Подобное изложение этого знаменательного в истории бибилиотеки события мы находим в исследовании Е.С. Котовщикова.[27]

Таким образом, на пути становления библиотеки было немало трудностей организационного и финансового характера. К сожалению, длительное время в литературе об истории библиотеки преобладало саркастическое описание Т.Г. Шевченко,[28] посетившего библиотеку в один из самых трудных моментов ее становления. Когда же наконец были решены многие организационные и финансовые проблемы и неурядицы (чему немало способствовал Н.Ф. Леонтьев, долгое время возглавлявший Комитет Астраханской общественной библиотеки), библиотека стала развиваться все более и более прогрессивно. В последние годы накануне 1917 г. заведующим библиотекой стал Н.В. Миницкий, специалист с высшим библиотечным образованием, автор интересной книги о библиотечных фондах. Именно он с группой сотрудников занимался коллекцией И.А. Репина, составляя на нее каталог.[29]

Долгое время, примерно до середины XIX в., названные выше библиотеки были в Астрахани едва ли не единственными. Реформа 1861 г. и пореформенное развитие породили новые веяния в духовной жизни страны. В 60-90-х годах в Астраханском крае, как и в России в це-

лом, библиотечное дело стало развиваться энергичнее, чем в предшествующие десятилетия. Среди вновь возникших библиотек следует особо отметить Морскую библиотеку, которая составила даже некоторую конкуренцию Общественной библиотеке. Морская библиотека была открыта в Астрахани 9 декабря 1860 г. (по старому стилю), но уже в 1867 г. вместе с флотилией была переведена в Астрабад.[30]

Морская библиотека публиковала «Отчеты» в журнале «Морской сборник», которые содержат разнообразные сведения о составе ее читателей, о формах их обслуживания, приводятся количественные и качественные данные по составу фондов: Морская библиотека обладала фондом более 1200 томов и являлась, судя по отчетам, скорее универсальной, нежели специальной.[31]

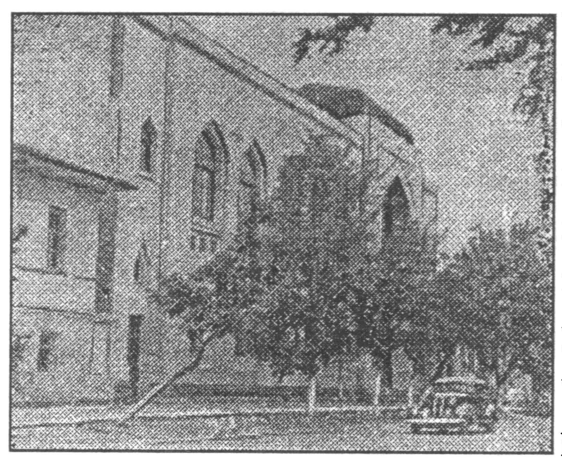
В 70-е годы XIX в. в Астрахани, как и по всей России, возникают библиотеки, основанные по инициативе просветительских обществ – народные библиотеки. Такая библиотека при Комиссии народных чтений действовала с 1888 г. при Реальном училище. В последние десятилетия XIX в. появляются библиотеки, основанные кооперативами, профсоюзами, научными и просветительскими обществами, отдельными частными лицами, торговыми обществами, клубами и т.п. Множатся учебные заведения различных типов и .уровней, при них открываются ученические библиотеки, одной из лучших среди которых становится библиотека Реального училища, открытого в 1874 г. Обязательно комплектовались библиотеки при церковно-приходских школах и школах грамоты.[32] «База данных по истории дореволюционных библиотек России» свидетельствует о существовании в Астраханской губернии уличных библиотек на дощечках![33]

Характерной чертой Астраханского края являлся и является по сей день его многоликий, многонациональный состав. Это обусловило необходимость формирования книжных фондов с учетом различных национальностей. В клубных библиотеках выписывались периодические издания не только на русском и западноевропейских языках, но и

на польском, еврейском, армянском. К 1915 г. появляются библиотеки в некоторых крупных населенных пунктах края, прежде всего, в уездных городах, в т.ч. и на рыбных промыслах. Таким образом, география библиотечного дела расширяется. Различные источники, среди которых первое место занимают «Памятные книжки», свидетельствуют о неуклонном количественном росте числа библиотек с 70-х гг. XIX в. до 1917 г. (см. Приложение). Следует также отметить, что многие астраханские библиотеки публиковали каталоги своих фондов.[34]

Особого внимания заслуживает история еще одной, малоизвестной для широкого читателя, библиотеки И.А. Репина. Многим астраханцам известно о существовании книжной коллекции И.А. Репина,[35] но о том, что Городская дума учредила библиотеку его имени, широкой общественности известно не было.

В 1892 г. И.А. Репин (1841-1908), уроженец Астрахани, изъявил желание передать городу свою уникальную библиотеку (около 10000 томов) и собрание гравюр (примерно того же объема). После смерти И.А. Репина его родственники передали городу коллекцию, и библиотека в 1911 г. была размещена в новом здании Городских учреждений. Городская дума назначила специальную комиссию, разработавшую детальный проект по учреждению, управлению и функционированию отдельной «Городской Публичной библиотеки им. И.А. Репина». Министерством Внутренних дел проект был утвержден. Однако библиотека не была открыта для публики. После 1917 г. библиотека была слита с общественной, но вопреки воле дарителя она была расчленена: около 9000 гравюр переданы в Астраханскую картинную галерею им. Б.М. Кустодиева; часть книг изъята для передачи откры-

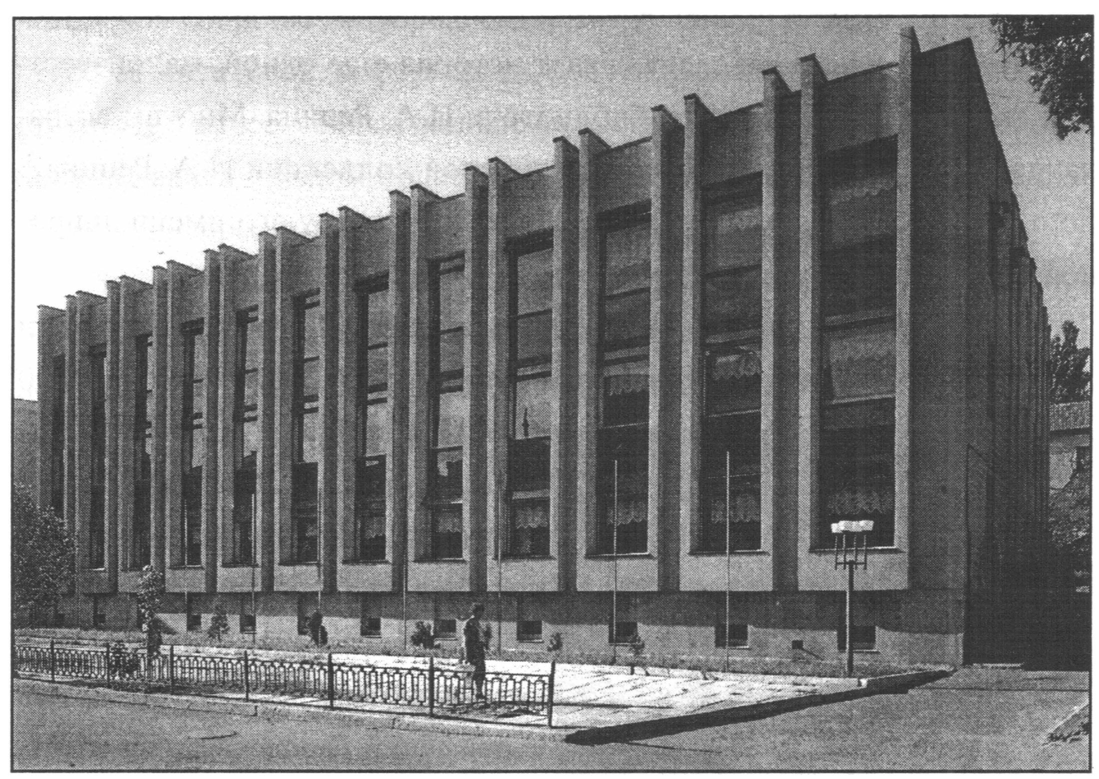


Старое здание областной бибилиотеки

того в Астрахани в 1918 г. университета; гравированные изображения служителей культа, монархических деятелей и т.п. были изъяты политцензорами ОГПУ.

В память об И.А. Репине на здании Областной научной библиотеки в 1993 г. открыта мемориальная доска.[36]

После 1917 г. библиотечное дело в крае продолжало развиваться, приобретая новые организационные формы и систему управления.



Астраханская Областная научная библиотека им. Н.К. Крупской

В крае создается очень много библиотек, прежде всего за счет расширения сети учебных заведений, различных курсов, продолжалось также создание библиотек, зачастую носивших адресный, ведомственный характер. Одной из самых значительных стала фундаментальная библиотека открытого в 1918 г. университета. Сведения «Памятной книжки» на 1918 г. свидетельствуют, что в крае появились такие библиотеки, как Астраханская центральная истпартбиблиотека, имевшая

филиал с литературой на армянском языке, библиотека Астраханского банка, библиотека Губземуправы, библиотека профсоюза конопатчиков.[37] Картотека отдела редких книг Областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской свидетельствует о существовании красноармейских библиотек, в частности, библиотеки XI армии Туркестанского фронта, библиотеки клуба им. тов. Томского и многих других. Так, при ГУБОНО имелась своя библиотека, состоявшая из пяти с половиной тысяч экземпляров с выделенным отделом старинных (с 1711 г.) книг. По свидетельству заведующего ГУБОНО К.И. Бакрадзе, эта библиотека была сформирована его дочерьми, работавшими в ней, из бесхозных книг, которые они собирали всюду.[38]

При Архивном бюро была создана большая справочная библиотека до 63504 книг.[39]

Самой широкой библиотечной сетью обладала система профсоюзов: на 1925 год по союзам имелось 125 библиотек с совокупным фондом в 147843 экземпляра. За год эти библиотеки приняли почти миллион (997001) читателей. Выписывались газеты на татарском, калмыцком и казахском языках. При клубах национальных меньшинств имелись библиотеки с литературой на национальных языках.[40]

В 1928 г. в Астрахани имелось пять библиотек: одна центральная (ныне Областная научная библиотека) и четыре филиала – русский, татарский, еврейский, армянский. На рабочих окраинах было открыто 28 книгоношеских пунктов. Для обслуживания сельского населения были созданы библиотеки-передвижки (в 1928 г. их было 150), избы-читальни (96). В районах работало 20 стационарных библиотек. В кочевьях казахов население обслуживали две кибитки-передвижки.[41]

Серьезное внимание уделялось комплектованию книжного фонда библиотек как ранее существовавших, так и вновь открываемых. В 1919 году в Астрахани был создан Губернский библиотечный совет, объединявший под своей эгидой библиотеки всех ведомств, прежде всего Отдела народного образования и культурно-просветительных

учреждений. Было принято «Положение об Астраханском губернском библиотечном совете».[42] Данная мера преследовала цель унифицировать систему управления библиотечным делом, координировать работу по формированию книжных фондов библиотек различных ведомств. Для этого был создан так называемый Книжный склад ГУБОНО, находившийся в распоряжении Библиотечного отдела при ГУБОНО, где функционировала учетно-распределительная комиссия по распределению литературы по губернии.[43]

Пути формирования и источники пополнения Книжного склада были самыми разнообразными. После известных политических событий 1917-1918 годов многие учреждения прежней царской администрации были упразднены, на определенное время их имущество оказалось бесхозным. Библиотеки этих учреждений послужили хотя и не основным, но существенным источником пополнения литературой Книжного склада. Например, туда была передана библиотека польских и иностранных книг бывшего Астраханского Римско-католического благотворительного общества. Фундаментальная библиотека бывшего Реального училища была передана Астраханскому Государственному институту просвещения.[44] В связи с утвердившейся новой идеологией проводились пересмотры книжного состава массовых библиотек. Следует отметить, что изымавшаяся по различным причинам литература с дореволюционной орфографией передавалась в Архив Губернской центральной библиотеки (ныне Областная научная библиотека), где хранится в составе фонда редких книг.

На 1 января 2000 г. в Астрахани и области насчитывается свыше 700 библиотек разных систем и ведомств, среди которых 308 – библиотеки министерства культуры Российской Федерации. Совокупный фонд библиотек всех ведомств составляет свыше 16 миллионов экземпляров. Крупнейшей является Областная научная библиотека Ордена «Знак почета» им. Н.К. Крупской с фондом 2,4 миллиона единиц хранения. Свыше 50 тысяч читателей библиотеки ежегодно получают

более 800 тысяч экземпляров книг и периодических изданий в восьми специализированных читальных залах. Библиотека издает ежегодные и ежеквартальные справочные издания по Астраханскому региону.[45]

Напомним лишь о некоторых – самых значительных – библиотеках нашего времени: Областная юношеская (1977 г.), Областная детская (1957 г.); Областная библиотека для слепых (1971 г.). Библиотеки высших учебных заведений города по масштабности фондов и технической оснащенности являются флагманами нового тысячелетия: научная библиотека Астраханского государственного университета (1930 г.), научная библиотека Астраханской государственной медицинской академии (1918 г.), научная библиотека Астраханского государственного педагогического университета (с 1932 г.), библиотека государственной консерватории (1969 г.). Во всех библиотеках, начиная с Областной научной им. Н.К. Крупской, внедряется компьютеризация, осуществляется доступ к мировым базам данных через информационную систему Интернет.

В 1867 г. П.Р. Кашперов, сетуя на равнодушие общества к судьбе своей городской библиотеки, написал горькие слова: «Закройся она, – всего вероятнее и концы бы в воду, никто бы и голосу не подал».[46]

К счастью, слова эти не оказались пророческими.

Приложение

Сведения о библиотеках Астраханского края второй половины XIX- начала XX в.

До 1867 г.:

1. Астраханская общественная библиотека;
2. Астраханская морская библиотека;
3. Фундаментальная библиотека Астраханской мужской гимназии;
4. Ученическая библиотека Астраханской мужской гимназии;
5. Фундаментальная библиотека Астраханской духовной семинарии;

6. Библиотека при палате государственных имуществ;
7. Библиотека общества морских врачей.*

С 1873 г. по 1917 г. *в г. Астрахани:*

1. Общественная;
2. Епархиальная;
3. Общественного собрания;
4. Общества взаимовспоможения купеческих приказчиков;
5. Частная М. Гирина;
6. Общества велосипедистов-любителей;
7. Общества «Кавказ и Меркурий»;
8. Ихтиологическая (при Ихтиологическом музее);
9. Сельскохозяйственная (Общества садоводства и огородничества);
10. Астраханского трамвая;
11. Петровского общества исследователей Астраханского края;
12. Библиотека Прикаспийского книжного магазина;
13. Губернского статистического комитета;
14. Общества врачей;
15. Детская библиотека Бухарцевой;
16. Казенного №1 винного склада;
17. Частная Н. Н. Подревского;
18. Правления Общества помощи бедным евреям;
19. Частная Аджи-Ахмета Сейфутдинова;
20. Музыкально – драматического общества;
21. Бесплатная библиотека комиссии народных чтений;
22. Общества эсперантистов;
23. Библиотека Физического кабинета.

Фундаментальные и ученические библиотеки учебных заведений

* Кашперов П.Р. Прошедшее и настоящее Общественной библиотеки в Астрахани. Астрахань: Тип. губ. прав., 1867. С.4, 5.

всех ведомств.

В губернии:

г. Царев: Общественная библиотека;

г. Красный Яр: Городская библиотека; библиотека Клуба Общественного собрания;

Астраханский уезд: библиотека Тов-ва «Братья Нобель», библиотека Восточного общества.

Библиотеки при чайных Попечительства народной трезвости (Черный Яр, Камызяк и др.);

Библиотеки на рыбных промыслах (Чуркинском);

Уличные библиотеки (с. Цветной Бугор, с. Могой);

Библиотеки сельских обществ (с. Кривобузанное);

Народные (с. Марфино, с. Петропавловка) и др.*

§6. Развитие музейного дела в Астрахани

Победа русских армий в войне с Наполеоном в 1812-1813 гг. вызвала в стране патриотический подъем, который возбудил желание изучать историю своей страны и собирать реликвии, с ней связанные. Активизировалась деятельность краеведов, которые собирали интересные природоведческие, этнографические, нумизматические и другие коллекции. Вставал вопрос о хранении, обобщении и популяризации собранных материалов. Все это привело к созданию музеев в ряде городов России. Астрахань стала одним из первых таких городов.

«Губернский музеум» открылся в Астрахани в 1837 г. Сведения о музее и его коллекциях содержатся в «Записках об Астрахани»

---

* Памятная книжка Астраханской губернии. Астрахань: Тип. губ. прав., 1873-1917; База данных по истории библиотек дореволюционной России: Российская Национальная библиотека. Научно-методический отдел. 1993 г.; Штылько А.Н. Иллюстрированная Астрахань. Саратов: Паровая скоропечатная тип. губ. прав., 1896. С.127-129.

М.С. Рыбушкина: «Начало этому заведению положено нынешним господином военным губернатором Иваном Степановичем Темирязевым в 1837 г.».[1]

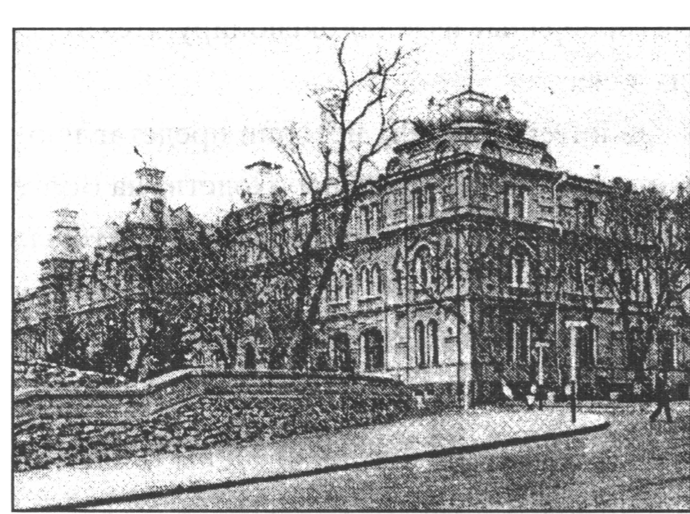
Одно из первых упоминаний о музее содержится в «Прибавлении» к «Астраханским губернским ведомостям» за 1839 г. В трех номерах «Прибавлений» печаталась статья «Беглый обзор Астраханского губернского музеума», в которой отмечалось: «Здешний губернский музеум заключает в себе кабинет разного рода чучел птиц, зверей.., модели предметов, относящихся к мореплаванию, садоводству, рыболовству и минеральный кабинет солей». Завершалась статья сообщением о месторасположении музея и дате его открытия: «...Начало этому благодетельному учреждению... положено с 12 декабря 1837 года».[2]

В 1862 г. из-за недостатка средств на содержание музея часть предметов была сдана на хранение в гимназию, часть – в библиотеку. В 1871 г. на территории порта, заложенного еще Петром I, в каменном здании бывшего запасного провиантского магазина, открылся музей, вошедший в историю под названием домика Петра I. Центральное место в этом музее занимали плезир-яхта и лодка-верейка Петра I. Яхта служила царю для осмотра окрестностей Астрахани. В шкафах музея размещались инструменты начала XVIII в., по стенам – оружие того времени. У стен расположили около 400 кремневых ружей, морские пушки, ядра, якоря, флаги, вымпелы. Но у городской управы не оказалось средств на содержание музея. Ружья передали в гарнизонный арсенал. До нашего времени от яхты уцелела лишь доска бортового украшения, которая находится в экспозиции Астраханского историко-архитектурного музея-заповедника. На доске затейливый орнамент из листьев и гроздей винограда.[3]

В 1874 г. в честь празднования двухсотлетия со дня рождения Петра I в городе было создано Петровское общество исследователей Астраханского края. Члены общества организовывали экспедиции по сбору экспонатов, заботились о сохранении частных коллекций и архи-

вов, комплектовали археологические, этнографические, исторические коллекции, вели переписку с музеями, учеными обществами и частными лицами с целью комплектования коллекций, выпустили ряд сборников краеведческих статей. В 1888 г. обществу были переданы коллекции, ранее собранные губернским статистическим комитетом. Городская управа отвела специальное помещение для показа экспонатов. В 1890 г. зоологическая, археологическая, нумизматическая коллекции, альбом фотографий, представленные обществом на Казанскую научно-промышленную выставку, были отмечаны почетными отзывами. 5 марта 1897 г. состоялось официальное открытие Астраханского Петровского музея.[4]

Участники международного геологического конгресса, посетившие музей в год его открытия, отнесли его к значительным явлениям в культурной жизни города. В 1911 г. после завершения строительства городской думы, музею предоставили левое крыло того здания, где он находится и в настоящее время.



Астраханский областной историко-архитектурный музей

После Октябрьской революции 1917 г. музей был реорганизован в краеведческий естественно-географического профиля. В 1921 г. возникает и в 1938 г. объединился с краеведческим историко-революционный музей. Тогда же была утверждена структура музея из трех экспозиционных отделов: природы края, истории дореволюционного прошлого, истории советского общества. Кроме того, создаются отделы массовой научно-просветительской работы, фонды, научная библиотека.

В отделе природы рассказывается о географии края, геологии, климате, флоре и фауне Нижней Волги. Диорама «Дельта Волги» показывает каспийские камышовые крепи, заросли лотоса. Другая диорама позволяет заглянуть в подводное царство дельтовых протоков с косяками рыб. В зале, посвященном зоне степей и полупустынь, на фоне бугров и песчаных дюн показаны пасущиеся сайгаки, змеи, разные степные птицы.

Отдел истории дореволюционного прошлого в настоящее время называется отделом истории, он охватывает большой хронологический период от эпохи камня, когда человек заселил наш край, до XX в. Музей располагает богатейшими археологическими коллекциями, рассказывающими о древних народах, населявших наш край. Среди экспонатов много различной керамики, украшений, оружия, предметов быта. Уникальные золотые и серебряные изделия экспонируются в специально отведенном для них зале.

Большой познавательный интерес отдела истории представляют экспонаты, связанные с развитием рыболовства и пароходства на Волге и Каспии. В этнографическом разделе представлены одежда, бытовые и культовые предметы народов нашего края. Разделы экономики и культуры Астрахани содержат большое количество подлинных экспонатов.

Отдел истории советского общества в настоящее время упразднен, так же как и мемориальный музей С.М. Кирова, который размещался в доме №45 по улице Трусова, где жил С.М. Киров в 1919-1920 гг. Сейчас этот дом используется отделом внешнеэкономических связей Астраханской областной администрации.

Продолжает экспозицию отдела истории стационарная выставка «Астраханская старина», которая включает разделы: «Астраханские базары», «Социальный состав населения края», «Торговля», «Культура начала XX века». В 1997 г. к 280-летию губернии открыта выставка «Астраханские губернаторы», которая рассказывает о выдающихся

общественных деятелях края, внесших весомый вклад в его развитие. Коллекции самоваров можно увидеть на выставке «Русский трактир», рассказывающей о традиции русского чаепития. Выставку открыли в 1997 г. в честь празднования 160-летия музея. Выставку фондов «Из сокровищницы музея» открыли в 1998 г., она размещается в трех залах первого этажа, ее цель – показать интересные коллекции музея и рассказать историю их формирования.

В настоящее время коллекции музея насчитывают около 300 тысяч экспонатов, рассказывающих о природе и истории Нижнего Поволжья. Среди них – коллекции наград, оружия, рукописной и старопечатной книги, фото и документов, карт, моделей, макетов, предметов декоративно-прикладного и изобразительного искусства, фарфора, фаянса, мебели, часов, орудий труда и производства; археологические коллекции, этнографические, ботанические, нумизматические и многие другие.

На основе богатых фондовых коллекций и архивных документов в последние годы созданы новые музеи: музей медицины, музей истории развития рыболовства на Нижней Волге в селе Икряное, в поселке Лиман – «Волжское понизовье», в селе Алтынжар – «Казахи на Нижней Волге». Черноярский и Красноярский историко-краеведческие музеи являются филиалами Астраханского музея.

В 1980 г. на основании распоряжения Совета Министров и приказа Министерства культуры музей получил статус государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника. В Астраханском кремле, в бывшем здании войскового начальника астраханского гарнизона, размещается стационарная выставка «Культура и быт народов Астраханского края». Здесь выставлено более тысячи экспонатов, среди них – предметы быта, одежда, украшения, фотографии, культовые предметы.

С 1995 г. в Никольском надвратном храме кремля размещается выставка «Из истории Астраханской епархии», экспонаты выставки

рассказывают о распространении христианства на Нижней Волге. Старопечатные книги, иконы, облачения священнослужителей, церковная утварь отражают процессы зарождения православия на Нижней Волге, строительства христианских церквей и монастырей, миссионерскую деятельность. До 1917 г. в Астраханской епархии насчитывалось 203 церкви, из них в Астрахани – 31, три мужских и два женских монастыря. В 1995 г. зарегистрировано 38 общин русской православной церкви и две старообрядческие общины.

Сезонная выставка с мая по октябрь размещается в Пыточной башне кремля. Выставка по теме: «Приказная изба – центр административного управления» рассказывает о восстании С. Разина и судьбе его участников. В примыкающем к Пыточной башне артиллерийском дворе и в бывшем пороховом погребе размещена выставка по теме: «Архитектура старой Астрахани». Здесь можно увидеть архитектурный декор, каменный и металлический изразцы, декор фасадов и интерьеров купеческих особняков, металлопластику (ковку и литье), оригинальные деревянные резные конструкции домов. В Красной башне кремля находится выставка «Астраханский кремль – образец русского оборонного зодчества».

В 1970 г. к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина в доме, где жил его отец, дед и другие родственники, был открыт музей Ульяновых. Стоял этот дом в районе Косы на Казачьей улице, после революции Казачью переименовали в улицу Степана Разина, а с 1958 г. – в улицу Ульяновых. Первый зал музея посвящен крестьянам, из которых произошел дед В.И. Ленина, а также мещанам, ремесленникам. Здесь можно увидеть орудия труда, изделия ремесленников, цеховые знамена, документы. Во втором зале размещен интерьер комнаты мастера портного, в третьем – комната мещанской семьи с предметами быта XIX в. Второй этаж дома отведен под выставку «История народного образования Астрахани». В Астраханской губернии в конце XIX в. насчитывалось более двух десятков разных типов низших школ, в Аст-

рахани – пять средних учебных заведений, четыре гимназии и реальное училище. В 1912 г. в Астраханском губернии насчитывалось 530 начальных школ, 238 министерских, 217 церковноприходских, 21 казачья.

К областному историко-архитектурному музею на правах его филиала присоединен также литературный друзей Н.Г. Чернышевского, открытый в 1978 г. в честь 150-летнего его юбилея в доме, где была первая квартира ссыльного писателя. В залах музея воссоздана обстановка, окружавшая Н.Г. Чернышевского в Астрахани и передающая атмосферу того времени. Музей практически стал центром культурной жизни Астрахани. Здесь проводятся музыкальные, театральные и литературные вечера, выступают с концертами музыкальные коллективы.

В годовщину 30-летия Победы над фашистской Германией 8 мая 1975 г. в здании, где в дни боев на подступах к Астрахани был политотдел 28-й армии, торжественно открылся музей боевой славы. Документы, боевые награды, личные вещи рассказывают о мужестве и героизме астраханцев на фронтах великой Отечественной войны и в тылу. В дни войны 103 астраханца были удостоены высокого звания Героя Советского Союза, 1 – дважды Героя Советского Союза, 13 – полных Кавалеров ордена Славы, более 35 тысяч астраханцев награждены орденами и медалями за мужество, проявленное на фронтах войны.[5]

Экспозиция музея боевой славы насчитывает более двух тысяч экспонатов и размещается в семи залах, общей площадью около 800 кв. м. Первый зал рассказывает о создании и становлении вооруженных сил. второй зал посвящен началу Великой Отечественной войны. В третьем рассказывается о 28-й армии, которая остановила захватчиков в районе Халхуты и не допустила их к Астрахани. Экспозиция четвертого зала называется «Тыл – фронту», она рассказывает о героических трудовых подвигах астраханцев, о формировании здесь воинских частей, создании различных военных школ и училищ. Пятый зал посвящается коренному перелому в ходе Великой Отечественной вой-

ны, шестой – завершению войны, экспозиция седьмого зала называется «Память поколений». Здесь экспонируются материалы об участии астраханцев в борьбе за мир. Через все экспозиции музея проходит мысль о том, что мир на планете был завоеван очень дорогой ценой. «Мир – без войны» – вот девиз музея.

§7. Архивное дело в Астраханском крае

Архивное дело в Астраханском крае, как и в России в целом, в своем становлении и развитии прошло ряд этапов, прежде чем превратиться в самостоятельную отрасль государственного управления

Первый этап включает в себя период с IX до конца XV столетия, когда письменные источники хранились вместе с материальными ценностями: деньгами, книгами и т.д.

С XV до XVIII вв. было введено отдельное от казны, но совместное с текущим делопроизводством, хранение и использование документов. Это был период приказной системы документирования. Ярким примером могут служить небольшие по объему, но очень емкие по содержанию фонды Астраханской приказной избы и Астраханского воеводского правления, в которых документы имеют форму свитков, столбцов, написаны особым почерком, для прочтения которого нужны специальные знания в области палеографии и других смежных вспомогательных исторических дисциплин.

В качестве самостоятельного можно выделить этап, хронологически охватывающий период с начала XVIII в. до 1917 г. В это время формируются предпосылки и складываются условия для превращения архивов в самостоятельные структурные подразделения государственных учреждений.[1] Исключительно важную роль в этом деле сыграл «Генеральный регламент коллегиям», принятый Петром I в 1720 г., где особая глава, посвященная архивному делу, получила соответствующее название – «Об архивах». «Генеральный регламент» предписывал приступить к формированию центральных и местных, губернских архивов на всей территории России.[2]

Постепенно архивные материалы стали все активнее привлекаться в качестве источниковой базы для исторических сочинений, а историческая наука превратилась в самостоятельную отрасль научных знаний.

Уже в тот период выдающийся археограф и реформатор архивного дела Д.Я. Самоквасов отмечал непреходящую ценность интересных комплексов архивных документов по истории Астраханской губернии. Это, прежде всего, архивы Астраханской казенной палаты, Астраханской таможни, которые и по сей день, являясь достоянием исследователей, находятся в составе Архивного фонда Астраханской области.[3]

Наиболее ранние документы-столбцы, являющиеся памятником русской письменности XVII века, рассказывают о крупнейшем народном движении под предводительством С.Т. Разина.

Уникальными являются автографы М.В. Ломоносова, Г. Державина, И. Ганнибала, В.Н. Татищева, А.В. Суворова и многих других наших выдающихся соотечественников. Среди рукописных редкостей – стихотворение Александра Дюма, посвященное дочери тюменского князя.

Сохранности этих архивных материалов способствовали в свое время астраханские губернаторы, неоднократно посещавшие губернские архивы, а также научно-просветительские и краеведческие общества, комиссии, среди которых особо следует отметить Астраханскую ученую архивную комиссию и Петровское общество исследователей Астраханского края.

В течение XIX- начале XX в. продолжилось накопление архивных материалов, предпринимались попытки реформировать архивное дело, централизовать его управление. Местная интеллигенция в лице краеведов, представителей Союза российских архивных деятелей* в какой-то мере содействовала сохранности архивов и развитию губернского

* Союз Российских архивных деятелей (РАД) – общественное объединение историков и архивистов, созданное в феврале 1917 года.

архива в Астраханском крае, однако превратить его в самостоятельное научно-информационное учреждение тогда не удалось. При неоднозначной оценке известных событий 1917 г. следует, однако, заметить, что с этого времени начался новый этап в развитии архивного дела, содержащего в себе и положительные, и «печальные» страницы. Главное же заключалось в том, что новая власть проявила стремление придать всему архивному делу централизованную систему управления, подвести под нее государственно-правовую основу. Такой подход на первоначальном этапе себя оправдал, хотя позднее и привел к серьезным негативным последствиям.

Радикальные преобразования в архивном деле начались с обнародования декрета СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела». Архивы объявлялись общегосударственной собственностью, все хранящиеся в них документы включались в единый Государственный архивный фонд. Было создано Главное управление архивным делом, без ведома которого запрещалось уничтожение каких бы то ни было материалов. Вскоре, 31 марта 1918 г., был принят декрет СНК РСФСР «О губернских архивных фондах», предписывающий необходимость комплектования и хранения архивных фондов и коллекций на местах.[4]

Начавшаяся гражданская война на время приостановила развитие архивного дела, более того, нанесла ему невосполнимый ущерб. В годы войны в Астраханском крае были уничтожены многие архивные документы органов полиции, судебных учреждений, которые либо сжигались, либо без всякой экспертизы сдавались в качестве макулатуры, расхищались, сознательно подвергались порче. Подобная участь постигла архивные материалы и еще целого ряда губернских ведомств и учреждений.

Практически полностью были уничтожены документы Астраханского казачьего войска, первых Советов и ревкомов в Харабалях, Икряном, Болхунах, Черном Яру, большая часть дел Астраханской духов-

ной консистории и много других документов. И лишь после окончания гражданской войны началось возрождение и формирование архивного дела на новых принципах.

12 сентября 1920 г. на профессора государственного университета И.И. Солосина было возложено заведование всеми архивами Астраханской губернии, а 12 ноября того же года приказом Губисполкома было утверждено Астраханское архивное управление.[5]

В непростой обстановке И.И. Солосин, предпринимая поездки по сельским районам губернии, разъяснял важность сохранения документов, брал на государственный учет уцелевшие фонды. Первые астраханские архивисты во главе с Солосиным провели огромную работу по выявлению архивов в подвалах, на чердаках, в различных конторах, постановке их на учет, описанию, спасению и сохранению. В ходе этой работы были взяты на учет 6 крупнейших архивов астраханских ведомств, и среди них чрезвычайно ценные в историческом и научном отношении – Канцелярии губернатора и Управления калмыцким народом.

В 1921 г. дополнительно были выявлены и учтены еще 10 фондов – конторы «Братьев Сапожниковых», казенной палаты, судебных установителей и другие.

Подвижническая работа первых архивистов позволила сконцентрировать в течение 1920-1925 гг. важнейшие фонды административных, финансовых, судебных учреждений, которые сегодня составляют основу действующего Архивного фонда Астраханской области.[6]

В эти же годы развивалась нормативная база функционирования губернского архива и губернского архивного управления. В 1920-1925 гг. губернским исполнительным комитетом был принят ряд постановлений и распоряжений по архивному делу. Вместе с тем в эти годы кадры архивных работников стали формироваться не по профессиональному принципу, а по партийной принадлежности.

В 1925 г. заведующий архивами Астраханской губернии И.И. Со-

лосин был отстранен от занимаемой должности, так как не состоял в партии большевиков. Такая мера значительно осложнила развитие архивного дела в крае, поскольку равнозначной замены И.И. Солосину в ту пору не нашлось. Кроме того, с июня 1925 г. в Астраханском крае, как и по стране в целом, началось административно-территориальное переустройство, связанное с необходимостью укрупнения уездов и волостей и деления их на районы и сельские общества. К августу того же года районирование на территории Астраханской губернии было в основном закончено. При этом значительная часть фондов, согласно профильному принципу хранения документов и изменениям в административно-территориальном устройстве края, в разное время была передана в архивы Армении, Калмыкии, ряд центральных российских архивохранилищ.

В феврале-марте 1926 г. последовали директивы ВЦИК «О приведении в порядок и сдаче в Единый государственный архивный фонд архивных материалов за 1917-1921 гг.» и «О концентрации архивных фондов и создании местных архивов». Во исполнение этих директив последовал циркуляр Астраханского губернского исполнительного комитета, который обязывал все учреждения, районные исполкомы, кооперативные и другие организации в Астраханской губернии безоговорочно приступить к немедленной подготовке для сдачи документов в Губархивбюро.

В 30-е годы была проведена разборка фондов архивов, составлены инвентарные описи, началось частичное использование архивных документов с целью дальнейшего совершенствования архивного дела в крае. В эти же годы на территории губернии происходили значительные административно-территориальные изменения, связанные с введением окружной системы (1928 г.). Астраханский округ вошел сначала в состав Нижне-Волжского края, затем в качестве межрайона был переведен в состав Сталинградского края. В 1937 г. Астраханский межрайон вновь был преобразован в округ, который в составе 8 районов

просуществовал вплоть до образования 27 декабря 1943 г. Астраханской области.[7] Перечисленные преобразования приводили к частной переподчиненности архивов, что не способствовало стабилизации управления ими, осложняло практическую деятельность, сдерживало возможности реализации конкретных планов архивов.

Кроме того, в 1938 г. государственные архивы СССР были переданы в ведение НКВД. С тех пор доступ исследователей в архивы был затруднен, усилился контроль, а по существу была наложена цензура архивных учреждений и партийных органов на использование архивных материалов.

В годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Государственный архив Астраханской области (ГААО), получивший такое название в 1944 г., был эвакуирован в г. Уральск, затем реэвакуирован обратно в г. Астрахань.[8] В связи с плохо организованной транспортировкой архивной документации часть архивных материалов была утеряна, часть пришла в ветхое состояние. Потребовалось определенное время для их восстановления и приведения в нормальное состояние. В определенной мере повышению статуса архивов содействовало Положение 1958 г. «О государственном архивном фонде СССР», согласно которому ГААО, как и другие областные архивы страны, был отнесен к числу научно-исследовательских учреждений. В 1962 г. архивное дело окончательно оформилось в самостоятельную отрасль госуправления: была значительно обновлена и конкретизирована правовая база функционирования архивов, стали развиваться их внешние и международные связи. В эти годы – годы хрущевской «оттепели» -государственные и партийные архивы были несколько приоткрыты, что положительно сказалось на развитии прежде всего гуманитарных исследований. Активнее, чем прежде, изучались в это время и архивные материалы ГААО, ставшие более доступными для исследователей.

В 1957 г. Астраханским облисполкомом было принято решение о строительстве специального здания для облгосархива, первая очередь

которого была сдана в эксплуатацию в 1962 г. по ул. Ново-Лесной (в дальнейшем – Федора Раскольникова, ныне – Академика Королева, 39).

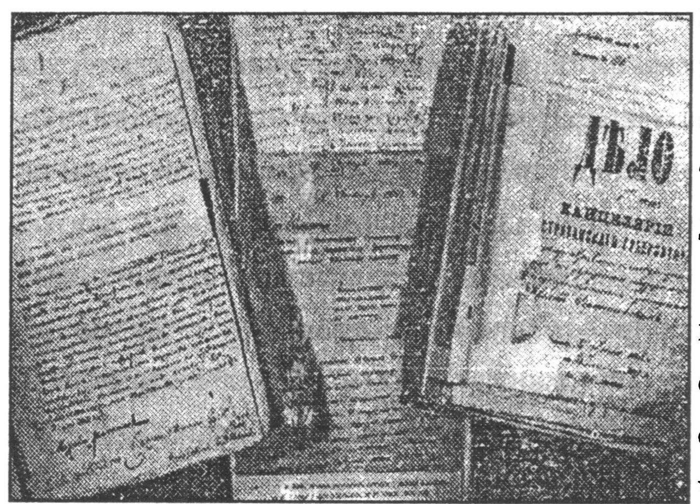
В 60-70-е гг. коллектив облгосархива начал пополняться и укрепляться профессиональными кадрами – выпускниками Московского государственного историко-архивного института (МГИАИ).*

Прежде чем переместить основные фонды и научно-справочную библиотеку архива в специализированное здание из помещений Успенского собора и церкви Николы Гостиного, был произведен тщательный анализ и отбор документации, в результате чего выяснилось, что в новом здании можно разместить лишь часть архивного фонда. Большая часть его была перебазирована на временное хранение в торговые склады в районе Приволжского аэродрома, абсолютно непригодные к условиям хранения. В результате такого непродуманного решения ряд ценных документов был поврежден, часть архивной библиотеки оказалась рассредоточенной по многим астраханским хранилищам, в том числе и частным библиотекам. Фактически были утрачены собрания почтовых открыток, географические и исторические карты Астраханского края, проектно-техническая и иная ценная документация. Лишь в 1982 г., после сдачи в эксплуатацию 2-й очереди специализированного здания, все архивные фонды области были размещены в соответствующие благоприятные условия. Но это было потом. А ранее, после смещения Н.С. Хрущева, когда началась реанимация сталинизма, многие архивные фонды были снова необоснованно засекречены, документы некоторых архивных фондов не выдавались исследователям без разрешения соответствующих ведомств фондообразователей. Все партийные архивы, как в центре, так и на местах были секретными, до них не могли добраться не только беспартийные исследователи, но и члены партии, не имевшие допуска к архивной работе. На местах и, в частности, в Астраханской области, 60-70-е годы – это вре-

* Ныне Российский государственный гуманитарный университет.

мя неукоснительного исполнения свыше спущенных директив, массового уничтожения документов как не представлявших, с точки зрения КПСС, исторической ценности или идеологически вредных и опасных для общества. В качестве научных тем предлагались лишь сюжеты по истории партии, из жизни семьи Ульяновых и т.п. Скука и рутина не способствовали росту авторитета архивистов в общественной и научной жизни, низкая зарплата заставляла специалистов покидать архив.

Архивисты постепенно сдавали свои позиции ведомствам, забывали о высоком статусе своей профессии, фактически превращались в представителей обслуживающей профессии по отношению к исследователям и ведомствам-фондообразователям.



Редкие рукописи и документы хранящиеся, в Астраханском облгосархиве

В руководство архивным отделом Астраханского облисполкома и госархива зачастую назначались люди из числа партийных функционеров или совершенно случайные люди, для которых архивы, архивное дело и научно-исследовательская, краеведческая, организационно-методическая работа с ведомствами представлялись делом малозначительным.

В такой непростой обстановке были, однако, и энтузиасты архивного дела. К ним относится Михаил Филиппович Синеев, возглавлявший архивный отдел Астраханского облисполкома с 1971 по 1987 гг. Вдумчивый и грамотный организатор, прекрасно знавший состояние дел в областном и каждом районном архивах, он сумел значительно оживить организационно-методическую и научно-информационную деятельность всех архивов области. Именно ему в немалой степени

принадлежит заслуга завершения строительства 2-й очереди здания облгосархива и укрепления его материальной базы. Большое внимание М.Ф. Синеев уделял формированию кадрового состава архивов. Все это положительно сказывалось на развитии просветительской и публикационной работы ГААО в 80-е годы.

В 1980-1990 гг. глубокие идеологические и социальные изменения в нашей стране привели к «архивной революции» в архивоведении и архивном деле, а также существенным изменениям в архивной политике и практике, в сети архивных учреждений страны.

Архивы получили новый юридический статус, став полностью самостоятельными юридическими лицами. Архивная информация стала объектом информационного рынка, массовое снятие ограничительных грифов на архивную информацию привели к значительному количеству публикаций на основе архивных документов, авторами которых являются не только историки и краеведы, но и непосредственно сами архивисты. Расширение, а точнее, создание принципиально новой информационной среды не решает между тем всего комплекса проблем, связанных с информационным обеспечением исторических исследований.

Наиболее яркий пример сложности этой проблемы – появление «Основ законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах» (приняты Верховным Советом РФ в июле 1993 г.). Данный документ не только противоречив, но и носит половинчатый характер. Его содержание сочетает традиционные идеи и положения, характерные для семи десятилетий советской системы управления архивами, с некоторыми достаточно радикальными принципами.[9]

Противоречивость «Основ...» в определенной степени сказывается и на содержании законодательных актов, регламентирующих деятельность местных архивов. Об этом свидетельствует внимательное прочтение Закона Астраханской области «Об Архивном фонде Астраханской области и архивах».[10]

Областной Архивный фонд в 1991 г. существенно пополнился за счет фильтрационно-проверочных дел бывшего УКГБ СССР по Астраханской области, которые, согласно Указу Президента РФ «Об архивах КГБ СССР», в упорядоченном и хорошем физическом состоянии были переданы коллегами – ведомственными архивистами в хранилища Облгосархива.

В 90-е гг. архивистами государственного архива и работниками ведомственных хранилищ (УФСБ и УМВД по Астраханской области) было рассекречено большое количество архивных документов, которые сразу же стали вводиться в научный оборот, служить источниковой базой для изучения истории города Астрахани и в целом Астраханского края, позволили активно осуществлять процессы реабилитации жертв политических репрессий.

На сегодняшний день Облгосархив является самым объемным в количественном отношении, ценным по непреходящему значению своего состава и содержанию источников, а также значительным по разнообразию и качеству направлений деятельности в системе местной государственной архивной службы. Он является основным хранилищем Архивного фонда Астраханской области, насчитывая до полутора миллионов единиц хранения на различных носителях.[11]

По многим видам работ ГААО в настоящее время является базовым научно-методическим и научно-исследовательским центром в системе архивных учреждений на территории области, ежегодно принимая более 4,5 тысяч единиц хранения документов от государственных и негосударственных организаций фондообразоватслей.

Располагая благоустроенным типовым зданием, госархив оснащен необходимыми службами для проведения всех видов работ по накоплению, обеспечению сохранности и использованию архивных документов.

Коллектив ГААО проводит информационное обслуживание органов законодательной и исполнительной власти, участвует в реали-

зации пенсионной реформы, ведет важную гуманистическую работу, представляет архивную информацию для реабилитации жертв политических репрессий, в Книги Памяти за период Великой Отечественной войны, возвращая забытые имена.

Госархив области является основным хранилищем ретроспективной архивной информации более чем за 300 лет (с начала XVII в. до наших дней) не только по истории Астраханского края, но и соседних регионов.

В его читальном зале ежегодно работают с архивными источниками более 300 исследователей: отечественные и зарубежные аспиранты, ученые разных специальностей, краеведы.

На источниковой базе ГААО ежегодно выполняются диссертационные исследования, готовятся монографии, научно-популярные издания.

Коллектив научных сотрудников ГААО в 1995 г. возобновил активную публикационную работу. В его издательском портфеле находится несколько научных сборников документов по самым различным темам. В 1999 г. архив выпустил в свет справочник об истории астраханских городских улиц, книгу о Трусовском районе г. Астрахани, историко-краеведческий очерк о жизни г. Астрахани в разное время.[12]

Облгосархив активно участвует в культурной жизни города и области, предоставляя документы для музеев, выставок и стендов; выдает архивные справки по истории учреждений, организаций и предприятий; сотрудничает со средствами массовой информации, расширяет связи с различными учреждениями и организациями всех форм собственности и всех отраслей деятельности, со многими из которых имеет длительные деловые контакты. Сотрудники архива в дополнение к официальной управленческой документации постоянно накапливают документы личных и семейных архивов, тематические коллекции и собрания документов.

На базе облгосархива созданы и активно развиваются региональ-

ные отделения Российского общества историков-архивистов и Союза краеведов России.

В систему местной архивной службы кроме облгосархива входят 11 районных архивов с переменным составом документов, которые призваны формировать источниковедческую базу по истории населенных пунктов сельских районов области.

В последние годы статус районных хранилищ существенно изменился, они были преобразованы в архивные отделы районных администраций, некоторые районные архивы получили новые здания. Во многих из них работают настоящие подвижники архивного дела.

В структуру государственных хранилищ по решению №494 от 28.08.91 Астраханскою облисполкома в соответствии с Указом Президента России от 24.08.91 г. и №83 «О партийных архивах» вошел бывший партийный архив Астраханского областного комитета КПСС. Сегодня, по прошествии ряда лет, в которые усилия были направлены на интеграцию партийного хранилища в систему Российской государственной архивной службы, научные учреждения и общественность имеют полноценный по составу, кадрам и функциям государственный архив, который носит название «Центр хранения современной документации Астраханской области» (ЦХСДАО).

Прежний партархив, открывшийся 5 июля 1944 г., ныне размещен в специально построенном современном здании, оснащенном средствами пожарной и охранной сигнализации, кондиционирования воздуха, лабораторией для улучшения сохранности фонда документов, имеет читальный зал для исследователей. В его хранилищах находится 1665 фондов, из которых 1585 – партийных организаций, 70 – комсомольских и ряд других. В документах архива сосредоточены сведения о деятельности губкома, окружкома, юркома и обкома партии, райкомов комсомола, политотделов, совпартшколы, облпарткурсов, контрольных комиссий за период с 1917 по 1999 гг.[13]

Новый архив активно проводит информационное обеспечение

органов государственной власти, создает автоматизированные банки и базы данных, участвует в научно-исследовательской и публикационной работе. Начата работа по рассекречиванию партийных документов, определен круг источников комплектования ЦХСДАО.

На базе ЦХСДАО с учетом небольшого резерва свободных площадей в качестве временной меры до создания полноценного самостоятельного архива создано и активно действует архивохранилище документов по личному составу. Документы этого архивохранилища активно используются при проведении пенсионных реформ, позволяя гражданам, прежде работавшим в ликвидированных государственных и коммерческих структурах, получать ценные справки о трудовом стаже и заработке.

Архив расширяет номенклатуру платных услуг в вопросах упорядочения и использования ретроспективной информации.

Таким образом, бывший партархив, созданный трудами многих поколений партийных архивистов, стал неотъемлемой частью богатого Архивного фонда Астраханской области, который значительно возрос в количественном и содержательном отношении.

Неоспоримый вклад в дело формирования полновесного Архивного фонда Астраханской области вносят ведомственные архивы. Это, прежде всего, архивы административных учреждений, вузов, ряда акционерных обществ, а также крупные архивохранилища, имеющие статус объединенных архивов – здравоохранения, профсоюзов, рыбной промышленности и др. Все они осуществляют передачу наиболее ценных документов в государственные архивы.

В настоящее время архивное дело в Астраханской области, как и в России в целом, переживает переходный период: меняются принципы формирования архивного фонда, постепенно совершенствуется и упорядочивается правовая основа архивного дела,[14] расширяется единое информационное пространство.

§8. История религиозных конфессий в Астраханском крае

Одной из мировых религий (наряду с буддизмом и исламом) является христианство, получившее наибольшее распространение на территории России. В ходе своего развития христианство распалось на три основных ветви: православие, католицизм и протестантизм. В свою очередь, в каждой из них выделились различные течения, направления, группы. Интеграция хритианских церквей нашла отражение в экуменическом движении, в которое в 1961 г. влилась и Русская Православная Церковь.

Русская государственность всего на одно столетие старше Русской Православной Церкви, если за точку отсчета брать принятие христианства великим князем Киевским Владимиром в качестве государственной религии Руси в 988 г. Именно этот шаг в значительной степени послужил делу российского государственного строительства.

Вместе с христианством на русь пришло византийское право, вобравшее в себя все лучшее, что было в римском праве и оплодотворенное вековым соборным опытом Церкви. Государственное значение Церкви на Руси в киевский период ее истории во многом определялось тем, что она в весьма значительном объеме являла собой судебную власть. Собственно, в княжеской юрисдикции вплоть до составления Соборного уложения 1649 г. церковные правила нередко восполняли недостающие государственные законы. По сути дела, Православная Церковь выступала тогда как важнейший фактор национального единства.

Одно из первых свидетельств о распространении православного христианства на территории Астраханского края относится к 1261 г. – периоду основания епископской кафедры в столице Золотой Орды – Сарае. Возможно, принятая мера была обусловлена стремлением иметь у себя представителя русского митрополита, через которого удавалось бы поддерживать контакты с Византией. Сарайская епископия играла

важную роль не только в распространении православия, но и способствовала налаживанию плодотворных дипломатических отношений, в том числе между Русскими княжествами и Золотой Ордой. При решении ряда вопросов, в т.ч. посредничестве в переговорах, церковь, в первую очередь, учитывала общегосударственные задачи.

Несмотря на своеобразие ситуации, кафедра осуществляла свою миссию не только среди русских, оказавшихся в Орде, но также обращала в христианство самих монголов, в т.ч. монгольскую знать, и другое иноверное население ханства.

Так, например, Сарайский епископ Феогност сообщает Константинопольскому собору 1267 г. о пожелавших креститься татарах: «Приходящим от татар креститься и не будет велика съсуда, в чем погружать ему».[1] Широко известна ростовская повесть о Петре – царевиче ордынском, который под влиянием епископа Кирилла принял крещение и поселился в Ростове. Крестились монгольские женщины, выходившие замуж за русских князей. Так, дочь Менгу-Тимура, выходя замуж за ярославского князя Федора Черного в 1279 г., крестилась под именем Анны. Сестра Узбека Кончака стала женой великого князя Московского Юрия Даниловича, приняв при крещении имя Агафья. «В 1393 г. на Москве-реке крестил трех знатных татар сам митрополит Киприан».[2]

О значимости Сарайской епископии в целом для государства и Русской Православной Церкви свидетельствует икона «Алексий митрополит», на которой 5 из 20 клейм изображают поездку митрополита в Орду. Действительно, митрополит должен был являться к хану за ярлыком на митрополию, как и князья за ярлыком на княжество, но зато церковь получала независимость и ряд льгот… Сообщая о переписи населения Руси 1257 г. для обложения регулярной данью, летописец указывает: «...толико не чтоша поповъ и диаконов и чернецовъ».[3]

За оскорбление церквей, хуление веры, хуление церковного имущества ханские ярлыки предусматривали смертную казнь.[4]

Подобное отношение к церкви объясняется не только спецификой языческих верований монголов, которые с уважением относились к представителям любых религий. После принятия при хане Узбеке ислама определенные льготы для церкви были сохранены, что свидетельствует о четкой вероисповедальной политике Золотой Орды по отношению к завоеванной территории.

В 1313г. митрополит Петр совершил поездку в Орду, где был принят Узбеком с большим почетом и получил подтверждение церковных привилегий. Скорее всего, установление дружественных отношений с ханом Узбеком имело важное значение и для склонения ордынского хана на сторону московских князей.[5]

После распада Золотой Орды Сарайский епископ полностью переехал в свою историческую резиденцию в Коломне, поэтому нынешний митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий является правопреемником сарайских епископов.

Новая страница истории христианства в Астрахани начинается с момента присоединения Астраханского ханства к России. В этот период одним из выдающихся миссионеров стал основатель первого (Троицкого) монастыря игумен Кирилл, пользовавшийся огромным уважением среди всего многонационального населения края.

В 1555 г. после выделения самостоятельной Казанской епархии во главе с епископом Гурием в 1602 г. из нее была выделена Астраханская епархия. Первым Астраханским владыкой стал архиепископ Астраханский и Терской Феодосий (1602-1607).[6]

В «смутное время», когда Гришка Отрепьев выдавал себя за убиенного царевича Дмитрия, архиепископ Феодосий стал одним из наиболее мужественных обличителей самозванца. Не страшась возможных гонений, владыка убеждал свою астраханскую паству не поддерживать Отрепьева и не учинять бунта.

Сторонники Лжедмитрия пленили Феодосия и отправили его в столицу. В Москве владыка не отступился ни от одного своего слова.

Представ перед Лжедмитрием, архиепископ Феодосий произнес: «Ведаю, что ты называешься царем, но прямое твое имя Бог весть, ибо прирожденный царевич Димитрий Иоаннович убиен в Угличе и мощи его тамо». Видя твердость Астраханского архиерея, Лжедмитрий только смог отослать архипастыря на патриарший двор, где, как известно, Феодосий продолжал и далее обличать самозванца.

После казни Григория Отрепьева царь Василий Иоаннович Шуйский направил Феодосия в Углич для перенесения мощей царевича Дмитрия в Москву, а затем с почестями отпустил владыку в Астрахань.

Вторым Астраханским владыкою стал митрополит Онуфрий. Именно он распорядился построить храм во имя Казанской Божией Матери в память освобождения Астрахани от Ивана Заруцкого.

В трудное время для Астрахани и России жил митрополит Иосиф. Во время бунта Степана Разина митрополит Иосиф просил астраханцев не творить бесчинств и не вставать на путь разбоя и убийства.[7]

После многочисленных угроз в адрес владыки, который укрывал в своем доме людей, приговоренных разинцами к казни, атаман Васька Ус с помощью палача Ларьки подвергли митрополита Иосифа пыткам, а затем возвели его на раскат и сбросили вниз. Митрополит Иосиф был причислен Русской Православной Церковью к лику святых. Его память чтиться 11 (24) мая вместе с равноапостольными словенскими учителями Кириллом и Мефодием.

Митрополит Сампсон во время бунта с крестом вошел в Астрахань и остановил возмущение народа, а затем испросил у властей помилования для астраханцев. Благодаря трудам владыки в Астрахани был возведен прекрасный Успенский кафедральный Собор.

В 1771 г. к Астрахани подошли войска Пугачева. По аналогии с Отрепьевым, Емельян Пугачев выдавал себя за умершего царевича Петра III. В это время правящим архиереем был епископ Мефодий, который смог убедить народ не поддерживать бунтарей и остаться верным властям. В знак благодарности, императрица Екатирина II весь

суд над астраханцами отдала в руки владыки, сказав: «Что он над ними сделает, тому так и быть».

В 1916 г. Астраханскую кафедру был назначен выдающийся церковный и государственный деятель архиепископ Митрофан (Краснопольский). Член III Государственной Думы, основной докладчик на Поместном Соборе Русской Православной Церкви (1917 г.) по вопросу восстановления патриаршества и канонизации убиенного митрополита Иосифа, владыка Митрофан был известен всей России.

В период гражданской войны в Астрахани усилились репрессии на духовенство. Были расстреляны одиннадцать человек – причт и совет церкви села Карантинного. 2 (15) марта расстрелян староста Князь-Владимирской церкви Алексей Иванович Кочкарев – неграмотный конопатчик.[8]

25 (7) марта, в день Благовещения, владыка совершал литургию в Благовещенском монастыре и в проповеди коснулся «погибших в результате ненужных и бесполезных действий гражданских властей», а после литургии совершил панихиду по убиенным. За подобные обличения властей владыка Митрофан по приказу начальника ЧК Атарбекова 23 июня 1919 г. был расстрелян вместе с викарием епископом Царевским Леонтием.

Одним из основных направлений в христианстве, наряду с православием и протестантизмом, является католичество. Оно оформилось как вероучение и церковная организация после разделения христианской церкви на католическую и православную в 1054 г.

Во второй половине IX в. католицизм проник в славянские земли. На Руси католические миссионеры появились при князе Владимире I Святославиче.

Первые упоминания о католиках на территории края относятся еще к ордынскому периоду. В частности, известно, что советником хана Батыя был рыцарь св. Марии Альфред фон Штумпенхаззен.[9] Однако формирование католической общины происходит только в XVIII в.

Появление католичества в Астрахани является непосредственным отражением государственных процессов, поскольку именно на рубеже XVII-XVIII вв., в результате реформ Петра I, католические общины появляются в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Нежине и других городах.

В 1780 г. в Астрахани был открыт римско-католический костел. Возможно, что архитектором костела Успения Божьей Матери был его настоятель, доктор медицины о. Ромуальдо де' Пондо.

В 1936 г. костел был разграблен и закрыт, и только в 1991 г. встал вопрос о возвращении костела верующим.

Еще одним направлением христианства является протестантизм. Оно возникло в Европе в период Реформации – широкого антиколониального движения XVI в.

Во второй половине XVI в. в Москве, Нижнем Новгороде и других городах первые протестантские объединения образовали живущие в России иностранцы – последователи лютеранства. С появлением в начале XVIII в. в Астрахани немцев начинается история лютеранской общины. Свой первый молитвенный дом немцы построили в 1713 г. Но здание служило относительно недолго – 16 лет. После пожара 1729 г. лютеране вынуждены были на том же месте выстроить деревянную кирху. В 1747 г. в связи с перестройкой Астраханского кремля, лютеранская кирха была перенесена в Армянскую слободу. В 1888-1892 гг. было осуществлено строительство каменной кирхи по проекту астраханского архитектора К. Домонтовича.

В настоящее время на территории Астраханской области возрождена лютеранская община, одним из приоритетных направлений религиозного объединения традиционно является благотворительная деятельность.

Второй мощной религиозной конфессией в России является ислам (от арабского – покорность). Ее последователи – мусульмане (отсюда другое название – мусульманство).

Расцвет ислама и государственно-исламских отношений в Поволжье и Приуралье (X-XVI вв.) приходится на период последовательно сменивших друг друга трех могущественных мусульманских государственных образований – Волжско-Камской Булгарии, Золотой Орды и Казанского ханства.[10]

Начало распространения ислама на территории Восточной Европы относится к VIII-X вв. Оно связано с формированием после распада Западнотюркского каганата двух новых тюркских государств в Поволжье и Причерноморье: Хазарского каганата и Волжско-Камской Булгарии.

В 737 г. арабский полководец Мерван ибн Мухаммад, разгромив хазарское войско на берегах Волги, в качестве условия заключения мира потребовал принятия Хазарией ислама. К кагану из Халифата были присланы для утверждения новой религии два факиха-законоучителя. К этому времени ислам уже широко бытовал в Хазарии, распространяемый бухарскими купцами, торговавшими в низовьях Волги.

Уже в конце VIII в. в столице Хазарии г. Итиле действовали большая соборная мечеть (джума-мечеть) и 30 квартальных мечетей. Однако ислам в Хазарии в качестве государственной религии не утвердился. Хазарские правители рассматривали ислам как религию своих врагов-арабов и в противовес ему пытались опереться на иудаизм, который официально был принят при кагане Обадии на рубеже VIII-IX вв.

К середине XII в. на территории Евразии в результате татаро-монгольских завоеваний и последующего распада империи Чингисхана складывается новое государство – «Улус Джучи», названное впоследствии Золотой Ордой, где утвердилась династия потомков сына Чингисхана -хана Джучи. Наряду с землями Волжско-Камской Булгарии (в 922г. X в. Волжско-Камская Булгария официально приняла ислам) Золотая Орда объединила обширный степной Крым, Предкавказье, Нижнее Поволжье, Южный Урал, Западную Сибирь, Северный Казахстан, население которого составляли тюркоязычные

кыпчаки (половцы).

Именно с этого периода ислам выходит за пределы Среднего Поволжья и распространяется по всей территории Золотой Орды. Этому во многом способствовала веротерпимость монгольских правителей, покровительствовавших священнослужителям всех конфессий на завоеванных ими землях. Согласно Ясе – устному своду законов, составленному при Чингисхане – за оскорбление веры (в том числе -непочтение к священнослужителю любой религии) полагалась смерть. Христианские, мусульманские, буддийские священнослужители находились под ханским покровительством и были освобождены от уплаты дани.

Внешнеполитические обстоятельства (борьба с иранскими Хулагидами в Закавказье) способствовали исламской ориентации золотоордынских правителей. Заключив союз с одним из наиболее могущественных мусульманских владык того времени – султаном Египта Бейбарсом (правил в 1260-1277 гг.), брат первого хана Золотой Орды Бату, второй хан Берке (правил в 1225-1266 гг.) принял ислам. Активное содействие этому оказал занимавший высокое положением при дворе Берке бухарский шейх ал-Базерхи. С этого времени берет начало исламизация золотоордынского ханства. Правившие после Берке четыре хана вновь вернулись к шаманизму. Лишь при хане Узбеке (правил в 1312-1342 гг.) ислам окончательно становится государственной религией Золотой Орды.

В XIV в. крупными центрами (помимо Булгара) становятся золотоордынские города Нижнего Поволжья, Крыма, Причерноморья.

При ханах Узбеке и Джанибеке в золотоордынских городах начинается строительство большого количества мечетей и медресе. При этом возведение мечетей и медресе в г. Сарай-Берке ведут мастера из Ургенча (Хорезма), а мечети в г. Солхат – египетские строители, что свидетельствует о наличии постоянных связей с мусульманским миром.

Сарай-Берке становится крупнейшим центром мусульманского

Востока.

Несмотря на распространение ислама, в Золотой Орде вплоть до конца XIV в. конфессионального антагонизма между православием (и вообще христианством) и исламом не наблюдалось. В 1261 г. (при хане Берке) митрополитом Кириллом была учреждена Сарайская православная епископия, а в 1340 г. хан Узбек оказал значительную помощь русским князьям в войне против польского короля Казимира III, после чего тот был вынужден признать свободу православного богослужения на территории католической Польши. В обоих Сараях и в Булгаре существовали и армянские храмы.

После распада Золотой Орды центром ислама со второй половины XV в. стала территория Волжско-Камского междуречья (северная часть Волжско-Камской Булгарии). Казань становится столицей самостоятельного Казанского ханства.

Кроме Казанского ханства, другие государства, возникшие после распада Золотой Орды (Астраханское, Сибирское ханства, Ногайская орда), значительной роли в развитии мусульманской культуры не сыграли.

Исторические факты XV-XVII вв. свидетельствуют о терпимом отношении в России к мусульманам при условии их верности московским государям, что подтверждается переходом многочисленных представителей золотоордынской знати на службу к московским великим князьям. Принимая одновременно с присягой православное крещение, татарские мурзы и эмиры вливались в формирующееся сословие служилого дворянства, со временем составив его значительную часть. Переход на русскую службу первоначально далеко не всегда предполагал смену вероисповедания. С наделением землями служилых татар, сохранивших приверженность исламу, связано, в частности, возникновение Касимовского царства – мусульманского анклава внутри русских земель.

В XVII в. в России происходит строительство новых мечетей, тог-

да же существовала мечеть и в г. Астрахани, упоминаемая в связи со взятием в 1670 г. города войском Степана Разина.

В 1756 г. специальным указом было разрешено строительство новых мечетей для татар, живущих особыми деревнями в Казанской, Воронежской, Нижегородской, Астраханской, Симбирской губерниях.

Правительственная политика по отношению к мусульманскому населению Российской империи в царствование императрицы Екатерины II взяла курс на покровительство исламу. В 1774 г. мусульманам России была предоставлена свобода вероисповедения. В 1782 г. в Уфе был учрежден муфтият, и мусульманские священнослужители выделились в особое духовное сословие, а вскоре мусульмане России получили собственную конфессиональную организацию: именным указом Екатерины II от 22 сентября 1788 г. было создано Оренбургское магометанское Духовное Собрание с местопребыванием в Уфе. Ему были подчинены все мусульманские приходы России за исключением Таврической губернии (Крым).

В ведении Оренбургского магометанского Духовного Собрания находилось утверждение избранных мусульманскими общинами приходских имамов и ахунов, ему подчинялись как средние духовные управления – мухтасибаты, объединяющие по нескольку десятков общин, так и низшие – мутаваллиаты.

Сегодня мусульманские общины (более 30) объединены в областное духовное управление, структурно входящее в Центральное духовное управление мусульманами (г. Уфа).

Вместе с другими религиями, исторически исповедуемыми народами, населяющими Астраханскую область (прежде всего православием, католичеством, лютеранством, иудаизмом, буддизмом), ислам оказывает заметное влияние на конфессиональную ситуацию в регионе.

Одной из древнейших мировой религий (наряду с христианством и исламом) является буддизм, возникший в Древней Индии в V-VI вв. до н.э.

На территории Астраханского края буддизм исповедует преиму-

щественно калмыцкое население. Следует отметить, что распространение буддизма у калмыков происходило поэтапно. Так, в XIII-XVвв. среди калмыков преобладала школа тибетского буддизма – Сакья, а с конца XVI-XVII в. начала распространяться школа Гелугпа.[11]

Уже в 1578 г. в государстве Алтан-хана было принято «Учение о десяти добродетелях буддизма», которое регулировало отношения между монгольской властью и сангхой, т.е. с конца XVI в. буддизм стал фактически государственной религией у ойратов. В начале XVII в. калмыки получили разрешение кочевать по незаселенным степям Российского государства и постепенно расселились, в том числе в степях Нижнего Поволжья.

Для калмыцкого буддизма всегда была характерна тесная связь с Тибетом, особенно в период существования относительно самостоятельного Калмыцкого ханства до 1771 г.

В 1771 г. Екатерина II Указом на имя Астраханского губернатора Бекетова упразднила автономию Калмыцкого ханства, что постепенно привело к превращению Калмыкии во внутреннюю провинцию России. После проведения реформы по управлению калмыцким народом (конец XVIII- нач. XIX в.), несмотря на то, что права буддийского духовенства продолжали регулироваться Уложением 1640г., в каждом улусе стали избирать собственного верховного ламу вместо почитания и подчинения Далай -ламе.

Окончательно буддийская сангха оформилась у калмыков в XIX в. после официального признания Российским правительством, которым буддизм был отнесен к числу так называемых «терпимых» вероисповеданий.

По положению 1834 г. сангха отстранялась от гражданских дел, а «Положение» 1847 г. упразднило Ламайское духовное правление. Теперь все полномочия переходили к Ламе калмыцкого народа, который назначался Правительствующим сенатом с согласия Министерства государственных имуществ. Вместе с тем сангха получила окон-

чательное оформление.

Что касается культовых сооружений, то до XVIII в. у калмыков строились преимущественно кочевые хурулы, однако на рубеже XVIII-XIX вв. у калмыков появляются стационарные культовые здания. Самым известным и значительным из них является Хошеутовский хурул, построенный князем Тюменем в честь победы в войне 1812 г.

В связи с вероисповедальной политикой Временного правительства, принявшего постановление «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений» (20 марта 1917 г.) с 1917-1929 гг. начинается период расцвета буддизма. Строятся новые хурулы и дацаны.

В июле 1917 г. в Астрахани состоялся съезд мирян и буддийского духовенства астраханских, енотаевских и терских калмыков. На нем были сформированы органы духовного управления и принято решение об увеличении количества хурулов в регионе. Однако антирелигиозная политика Советского правительства не обошла и буддийское духовенство. По данным на начало 80-х гг. в Астраханской области не было ни одного религиозного объединения буддистов.

В настоящее время ситуация принципиально меняется. Центром возрождения буддийской культуры стал Лиманский район, в котором начато строительство буддийских культовых сооружений. Руководством области начата реставрация памятника буддийской архитектуры -Хошеутовского хурула в с.Речное Харабалинского района.

Древнейшей монотеистеческой религией, возникшей в I-м тыс. до н.э. в Палестине, является иудаизм.

История иудаизма на территории нашего края начинается в период с VII- IX вв., когда в Хазарском каганате была предпринята попытка ввести иудаизм в качестве государственной религии. Однако, после распада Хазарского каганата, иудаизм получает новый толчок развития в России только в конце XVIII в. после раздела польских земель 1772 г.. в результате присоединения Латвии и Восточной Белоруссии, где проживало около 200 тыс. евреев. Общины иудеев возглавлялись духовным правлением.

Особую роль в истории иудаизма на территории Астраханской области сыграла деятельность Александра I, учредившего в ноябре 1802 г. «Комитет по благоустройству евреев», задачей которого являлся пересмотр законодательства о евреях Российской империи. В 1804 г. император одобрил разработанное Комитетом положение об устройстве евреев», действовавшее практически без особых изменений до Февральской революции. Положение закрепляло за евреями черту оседлости, определенную Екатериной II, добавив Астраханскую и Кавказскую губернии. Естественно, что с этого момента начинается приток еврейского населения в регион и распространение иудаизма как национальной религии евреев.

После октября 1917 г. на иудейское духовенство было распространено действие Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви. В 1990 г. был учрежден Всероссийский совет еврейских религиозных общин.

Еврейской общине г. Астрахани, несмотря на антирелигиозную кампанию Советского правительства, удалось сохранить и начать в настоящее время возрождение синагоги «Сфард».

После прихода к власти большевиков основным документом, регламентирующим отношения государства и религиозных объединений, стал декрет СНК от 23 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», больше известный как декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который претворял в жизнь специальный отдел Наркомата юстиции. Провозглашенные в декрете принципы светского государства на практике заменялись атеистическими установками, что приводило к гонениям на духовенство и верующих практически всех конфессий.[12] Пункты 12-13 декрета лишали религиозные объединения права собственности и статуса юридического лица.

С 1912 г. в Астрахани создаются ликвидационные отделения при ЗАГСах, а уже в 1925 г. начинает реализоваться инструкция «О порядке использования церковно-приходских домов». В результате в 1925 г. культовые здания в Астрахани были национализированы, а религиозные общины обязывались платить высокую арендную плату.

В 1927 г. порядок организации богослужений ужесточается. Руководитель религиозного объединения теперь был обязан о каждом религиозном собрании ставить в известность местные органы власти, которые могли запретить или перенести собрание.

В результате репрессий пострадало духовенство практически всех конфессий: в Астраханско-Енотаевской епархии Русской Православной Церкви до революции насчитывалось порядка 3000 храмов, в 1924 г. количество приходов сократилось в 10 раз. Из всех православных храмов в советский период не был закрыт только Покровский Собор.

Если до 1917 г. в области насчитывалось 209 мусульманских общин, то уже в 1924 г. – 15, в 1927 г. их осталось только 9.

В 1924г. после неоднократных попыток властей был окончательно распущен совет католической общины, а также национализированы лютеранская кирха и комплекс пастората.

Из пяти армянских культовых объектов, которые еще существовали в 1924 г., перестали действовать все, из четырех еврейских общин сохранилась только одна. Полностью были уничтожены общины буддистов.

Основная волна репрессий пришлась на 1933-1937гг.

Несмотря на то, что за годы советской власти отношения между государством и религиозными объединениями претерпевали некоторые изменения, реализовать принцип свободы совести на практике правительству не удавалось. Например, не выполнялись нормы ст. 52 Конституции СССР 1977 г., гарантирующие свободу совести и право

исповедовать любую религию.

Реальные конструктивные сдвиги в церковной политике государства произошли только во второй половине 80-х гг. Кардинально ситуация стала меняться накануне празднования тысячелетия крещения Руси. Общегосударственные процессы не могли не затронуть Астраханскую область, руководство которой всегда уделяло значительное внимание вероисповедальной политике.

Начиная со второй половины 80-х гг. усилиями органов государственной власти и верующих стали возрождаться религиозные объединения, начался процесс возвращения культовых зданий, сооружений и церковного имущества. За короткий период верующим были переданы Успенский собор Астраханского кремля, храм Казанской иконы Божией Матери, Иоанно-Предтеченский монастырь, Троицкий собор (с. Енотаевка), католический костел, Акмечеть, мечеть №3 (Кавказская мечеть на Больших Исадах) и другие объекты как в областном центре, так и в районах области. Усилиями верующих и государства началось строительство религиозных объектов, наиболее крупные из которых – православные храмы в с. Труд-Фронт, с. Полдневое, с. Красный Яр, мечети в с. Володарское, с. Солянка, с. Старая Кучергановка, буддийский хурул в с. Лиман и ряд других культовых зданий.

В настоящее время на территории региона действует более 30 конфессий, объединяющих более 140 общин, в т.ч. 51% из них составляют религиозные объединения Русской Православной Церкви, 23% – мусульманские организации, 15% – протестантские, 11% – остальные вероисповедания и религиозные течения.

Примечания

§1

1. Самаренко В.П. Баснописец И.И. Хемницер //Литературное краеведение. Материалы к спецкурсу. Вып. 2. Астрахань, 1967. С.17.
2. Степанов В.П. Агафи // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т.1. М., 1989. С.22.
3. Рейтблат А.И. Зряхов Н.Н. // Русские писатели. 1800-1917. Биографический словарь. Т.2. М., 1992. С.360.
4. См.: Евсеева М.К. Завалишин Д.И. // Там же. С.299.
5. Голос минувшего. 1915. №6. С.161-162.
6. См.: Свердлина С.В. Н.Г. Чернышевский в период Астраханской ссылки // Литературное краеведение. Материалы к спецкурсу. Вып. 2. Астрахань, 1967. С.36-43.
7. Современную интерпретацию очерков Л. Рейснер содержит статья: Г. Миронова. Образ Астрахани в публицистике Л. Рейснер (книга очерков «Фронт») // Астраханский край в русской литературе и фольклоре. Материалы научно-практической конференции. Астрахань, 1998. С.40-45.
8. См.: Велимир Хлебников и художественный авангард XX века. VI Международные Хлебниковские чтения. Астрахань, 1998.
9. Парнис А. «Туда, туда, где Изанаги...» Некоторые заметки к теме «Хлебников и Япония» // Искусство авангарда: язык мирового общения. Материалы международной конференции 10-11 дек. 1992 г. Уфа, 1993. С.91.
10. См.: Исаев Г.Г. «Мечеть и храм несет низина...» Волго-Каспий и его народы в творчестве Велимира Хлебникова. Астрахань, 1999; О пребывании В. Хлебникова в Астрахани см.: Мамаев А.А. Астрахань Велимира Хлебникова. Астрахань, 1996.

§2

1. Анохина И. Высокий дар: Документальная повесть. Волгоград, 1980. С.27.
2. Астраханская картинная галерея им. Б.М .Кустодиева. Астрахань, 1993. С.6.
3. Там же. С.13.
4. Астраханская областная картинная галерея им. Б. М. Кустодиева. М., 1990.
5. Эткинд М.Г. Вступительная статья // Борис Кустодиев. М., 1982. С.21.
6. Там же.
7. Астраханская картинная галерея им. Б.М. Кустодиева. Астрахань, 1993. С.23.
8. Там же. С.24.

§3

1. ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.88.
2. Петровская И. Театр и зритель провинциальной России. Л., 1979. С.36.
3. Абросимов М. Это было давно (Из истории Астраханского драматического театра).

Астрахань, 1995. С.8.
4. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.241.
5. Там же.
6. Там же.
7. ЦГАЛИ. Ф.1. Оп.2. Ед.хр.623(б).
8. Суркиасова-Артемьева С.Б. Н.Г. Чернышевский в семье. Публикация Е.Г. Бушканца // Литературное наследство. М., 1959. Т.62. С.161.
9. Алексеев В., Булычевский В. Страницы из истории театра // Астрахань, 1958. С.531.
10. В 20-е гг. XX века Н.И. Собольщиков-Самарин (1868-1945) становится одним из активных строителей советского театра сначала в Одессе, а затем в Нижнем Новгороде. В 1934 году ему было присвоено звание Народного артиста РСФСР.
11. ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.№94. Л.30.
12. Абросимов М. Указ. соч. С.11.
13. ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.250. Л.22.
14. ГААО. Ф.1. Оп.2. Д.№94. Л.30.
15. Арто Маргерит Жозефин Дезире (1835-1907) – французская певица (меццо-сопрано).
16. Адамян Петрос (1349-1896) – армянский актер. Сценическую деятельность начал в 1866 г. в Константинополе, несколько раз гастролировал в России. С 1879 г. жил в Тифлисе, служил в армянском театре.
17. Астраханский справочный листок. 1884. 31 мая. С.2.
18. Ермолова М.Н. Письма. Из литературного наследия. Воспоминания современников. М., 1955. С. 54.
19. ГААО. Ф.432. Оп.2. Д.60.
20. Там же.
21. Бецкий М.А. (наст. фам. Кобецкий. 1885-1937) – актер, режиссер, театральный педагог, служил в Астрахани с 1917 по 1925 гг. Играл роли Чацкого, князя Мышкина, Раскольникова и др. В 1933 году ему было присуждено звание Заслуженный артист РСФСР.
22. Иванов В. «Дон Карлос» (Астрахань. Драматический театр им. С.М. Кирова) // Театр. 1976. №4. С.45.

§4

1. Рудова Е. Поет «Лик» астраханский: очерки хоровой культуры Астрахани. Астрахань: Форзац, 1999. С.10.
2. Этингер М.А. Музыкальная культура Астрахани. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987. С.6.
3. Астрахань музыкальная / Под общей редакцией М.А. Этингера. Астрахань, Департамент культуры Администрации Астраханской области, 1994; Этингер М.А. Музыкальная культура Астрахани. Волгоград: Нижне-Волжское книжное издательство, 1987. С.6.
4. Хрущева М.Г. Астраханская консерватория представляет премьеру «Тоски» // Волга.

1996. 17 мая.
5. Этингер М.А. Указ. соч. С.6.
6. Хрущева М. Г. Успешный дебют // Музыкальная жизнь. 1990. №2.
7. Этингер М.А. Указ. соч. С.152-159.
8. Рудова Е. Указ. соч. С.17-20.
9. Там же. С.29.
10. Этингер М.А. Указ. соч. С.152-159.
11. Хрущева М.Г. И все-таки я – оптимист! // Волга. 1997. 5 июля.

§5

1. Марков А.С. Астраханская книжная старина // Волга. 1988. №1. С.170.
2. Рункевич С. Астраханская епархия // Православная богословская энциклопедия, или Богословский энциклопедический словарь: Т.2. Изд. под. ред. А.П. Лопухина. Петроград, 1901. Стб.119.
3. Картотека книг со штампами астраханских библиотек // Справочно-библиографический аппарат Областной научной библиотеки им. Н.К. Крупской / Путеводитель по каталогам и картотекам. Астрахань: Астр. обл. науч. б-ка им. Н.К. Крупской, 1989. С.14.
4. Травушкин Н.С. Старинные книги из астраханских коллекций. Каталог выставки к научной конференции, посвященной В.К. Тредиаковскому, 20-26 октября 1975 г. Астрахань, 1975.
5. О школах XVIII столетия в Астраханской епархии по документам Консисторского архива // Астраханские епархиальные ведомости (далее АЕВ). 1877. №20. От. неофиц. С.8-12; №21. С.8-10.
6. Марков А.С. Астраханская книжная старина // Волга. 1988. №2. С.174-175.
7. Леонтьев Н.Ф. В каком году последовало открытие Астраханской духовной семинарии? // АЕВ. 1892. №1. С.4-9.
8. Леонтьев Н.Ф. Краткий очерк истории Астраханской духовной семинарии (речь по случаю перемещения АДС в новое здание) // АЕВ. 1892. №17. С.517-519. (Примеч.: публикация является перепечаткой из газеты «Астраханские губернские ведомости». 1873.)
9. Марков А.С. Слово о Леонтьеве // История Астрахани в событиях и фактах. Исторические очерки. Астрахань: Изд-во «Форзац», 1996. С.200-207.
10. Леонтьев Н.Ф. Краткий очерк истории Астраханской духовной семинарии... С.517-518.
11. Лебединский Я.В. Некоторые сведения о библиотеке Астраханской семинарии // АЕВ. 1877. №39. С.6-9.
12. Горючко П. Анастасий Братановский, архиепископ Астраханский и Кавказкий. Астрахань: Тип. В.Л. Егорова, 1902. 74с.; Благонравов М. Архиереи Астраханской епархии за 300 лет ее существования, с 1602 до 1902 года. Астрахань: Тип. П.С. Цейхенштейна, 1902. С.79-87; Марков А.С. Астраханская книжная старина // Волга. 1988. №2. С.176-178; Марков А.С. Найдено в Астрахани. Волгоград: Ниж.-Волж. кн.

изд-во, 1988. С.57-60.
13. Остроумов Т. Исторический очерк Астраханской I Мужской гимназии. – Астрахань, [1915]. С.701-710.
14. Восточные известия // 1813. №17. 21 мая. С.143-144.
15. Пальмов Н. К сведениям о личности архидиакона Гайоза, впоследствии архиепископа Астраханского и Ставропольского // Христианский Восток. 1913. Т.II. Вып.1. С.37-54. (Отд. оттиск); Ольнева А.Б. О деятельности Гайоза ректора в Астрахани и его библиотеке // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР: Т.98. 1980. №3. С.741-743. (Отд. оттиск).
16. Леонтьев Н.Ф. Краткий очерк истории Астраханской духовной семинарии... С.519.
17. Травушкин Н.С. В краю тысячи рек: Историко-лит. очерки. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1988. С.30; Ольнева А.Б. Народное образование в Астраханском крае (XIX-начало XX вв.): Автореферат на соиск. уч. ст. канд. пед. наук. Тбилиси, 1988. С.7.
18. Лебединский Я.В. Некоторые сведения о библиотеке Астраханской семинарии // АЕВ. 1877. №40. С.4.
19. Открытие публичной библиотеки в Астрахани, 19 июня 1838 г. (сообщено) // Астраханские губернские ведомости (далее: АГВ). 1838. С.26.
20. Путеводитель по Астрахани и области / Колл. авторов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1979; Атлас Астраханской области. М.: Федер. служба геодезии и картографии России, 1997. С.42.
21. Кашперов П.Р. Прошедшее и настоящее Общественной библиотеки в Астрахани. Астрахань: Тип. губ. правл., 1867. С.7; Отчет о состоянии Астраханской Общественной библиотеки за 1902 год. Астрахань: Паровая Губ. тип., 1903. С.34-35.
22. Рейблат А.И. От Бовы к Бальмонту. Очерки по истории чтения в России во второй половине XIX века. М.: Изд-во МПИ, 1991. 224с; Отчет о состоянии Астраханской Общественной библиотеки за 1902 год... С.35-39.
23. Рыбушкин М.С. Об Астраханской Публичной Библиотеке // АГВ. 1839. №9. С.43-44.
24. ГААО. Ф.2778. Оп.1. Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской. 263 дела; Радугин А.И. Очерки из истории Астраханской областной библиотеки им. Н.К. Крупской. Астрахань, 1964. (машинопись, 191с.); Астраханская областная научная библиотека им. Н.К. Крупской. 150 лет со дня основания (1838-1988). Астрахань, 1988. 32[2] с.; Марков А.С. Редкие астраханские издания // Альманах библиофила. М.: Книга, 1989. Вып. 25. С.248-249.
25. Кашперов П.Р. Указ. соч. С.40.
26. Кашперов П.Р. Там же. С.42.
27. Котовщиков Е.С. Пятидесятилетнее существование Астраханской общественной библиотеки: 1938-1888 годы. Краткая историческая записка с приложением некоторых статистических сведений, проекта нового устава, новых правил и отчета за 1889 г. Астрахань: Паровая новая русская типография, 1890. С.3, 85.
28. Шевченко Т.Г. Собр. соч. в 5-ти томах. Т.5. Автобиография. Дневник. М., 1949. С.140.
29. ГААО. Ф.94. Оп.1. Т.8. Д.35224. Доклад и другие материалы комиссии по управлению

городской библиотекой им. Репина. 26 л.
30. Кашперов П.Р. Указ. соч. С.174-176.
31. Отчет Астраханской Морской библиотеки со времени ее открытия по 1 мая 1862 г. // Морской сборник: 4. LXI. №8. С.45-49. (Отчеты публиковались вплоть до 1866 г. включительно).
32. Извлечения из отчета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты Астраханской епархии за 1890-91 уч. г. // АЕВ. 1892. №12. С.165-166.
33. База данных по истории библиотек дореволюционной России / Российская Национальная библиотека. Научно-методический отдел. 1993 г.
34. Систематический каталог Астраханской общественной библиотеки. Астрахань: Губ. тип., 1870. 150с.; Каталог Астр. Общ. библиотеки. Астрахань: Паровая новая русская тип., 1891. 668с.; Правила библиотеки Астраханского Благородного собрания. Астрахань: Тип. И.Н. Явленского. 5с.; Список нот и журналов Астраханского музыкально-драматического общества. Астрахань: Тип. губ. правл., 1888. 28с.; Каталог книг и журналов библиотеки служащих в Обществе «Кавказ и Меркурий» в Астрахани. 1913 год. Астрахань: Паровая новая русская тип., 1914. 85[3]с.; Отчет о деятельности комиссии по устройству в г. Астрахани Народных Чтений за 1893г. Астрахань: Тип. губ. правления, 1893. 16с. [О библ.: С.7-12]; Отчет о состоянии Народных Чтений в г. Астрахани за 1889-90 год. VIII год. Астрахань: Тип. губ. правл., 1890. 36с. [О библ.: С.14-16]; Каталог библиотеки Общества Взаимного Вспоможения купеческих приказчиков гор. Астрахани. Астрахань: Тип. П.С. Цейхенштейна, 1909. [2], 220с.; Каталог библиотеки Астраханского Общественного собрания. Астрахань: Тип. Н.Л. Рослякова, 1895. 118с. В дальнейшем выходили «Дополнения» к каталогу, последнее, 4-е, вышло в 1906 г.
35. Марков А.С. Астраханская книжная старина // Волга. 1988. №3. С.169-173.
36. Малометова З.А. К истории одной неизвестной Астраханской библиотеки (О судьбе книжного собрания И.А. Репина) // История библиотек дореволюционной России. Становление и развитие. Конференция 18-20 окт. 1994 г. Тезисы сообщений. СПб., 1994. С.82-84; Малометова З.А. Судьба библиотеки И.А. Репина // Судьбы библиотек дореволюционной России: 20-30-е гг. XX в. Конференция 1-3 окт. 1996 года. Тезисы сообщений. СПб., 1996. С.82-83.
37. Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка на 1918 г. Астрахань, 1918. С.22.
38. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Т.1. Д.74. Л.28.
39. Отчет Астраханского Окружного исполнительного комитета за 1927 и 1928 гг.: Первому Окружному съезду советов. Астрахань: Изд-во Окрисполкома, 1929. С.253.
40. Отчет Астраханского Г.С.П.С. о работе астраханских профсоюзов: (с 1 октября 1924 г. по 1 октября 1925 г.). Астрахань: Изд. Астрах. Губпрофсовета, 1926. С.63, 66.
41. Отчет Астраханского Окружного исполнительного комитета за 1927 и 1928 гг.... С.215, 216.
42. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Т.1. Д.549. Л.12.
43. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Т.1. Д.549. Л.106.

44. ГААО. Ф.1362. Оп.1. Т.1. Д.549. Л.26, 27, 31.
45. Литература об Астраханской области. Текущий библиогр. указ. за 1963 г.
46. Кашперов П.Р. Прошедшее и настоящее Общественной библиотеки в Астрахани. Астрахань: Тип. губ. правл., 1867. С.164.

§6

1. Рыбушкин М.С. Записки об Астрахани. Астрахань, 1912. С.134.
2. Лыжина С. Один из старейших в России // Волга. 1997. 24 декабря.
3. Марков А. Были Астраханского края. Волгоград, 1971. С.68.
4. Путеводитель по Астрахани и области. Волгоград, 1979. С.62-63.
5. Кадничанская Н.Ф. Музей боевой славы. Путеводитель. Астрахань, 1988. С.5.

§7

1. Самошенко В.М. История архивного дела в дореволюционной России. М., 1989. С.8-9.
2. Полное собрание законов Российской империи. Т. VI, 720-1722. СПб., 1830. С.156.
3. Самоквасов Д.Я. Архивное дело в России. Кн. 2-ая. Прошедшая, настоящая и будущая постановка архивного дела в России. 1852-1902 гг. М., 1902. С.21, 48.
4. Основные декреты и постановления Советского правительства по архивному делу. 1918-1982. М., 1985. С.6, 9.
5. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.150. Л.213 об.
6. ГААО. Ф.1. Оп.1. Д.599. Л.129-132.
7. Астраханская область. Справочник по административно-территориальному делению (1918-1983 гг.). Астрахань, 1984. С.12-13.
8. Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период второй мировой войны. Т.4. Государственные архивы РФ. Утраченные архивные фонды. Кн.1. М.-СПб., 1999. С.81-113.
9. Основы законодательства РФ «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивов». М., 1994; Советская историография / Под ред. Ю. Н. Афанасьева. М., 1996..С.XI-XII.
10. Закон Астраханской области «Об Архивном фонде Астраханской области и архивах». // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области, 1995. №3. С.14-24.
11. Просянова Т.Н. Государственный архив Астраханской области (ГААО). Астрахань, 1998.
12. История Астрахани в названиях улиц. Аннотированный справочник. Астрахань, 1999; И будет городу Форпост. К 70-летию Трусовского района города Астрахани. Астрахань, 1999; А.И. Богатырев. Астрахань: улица, годы, судьбы. Астрахань, 1999.
13. Исламова Х.Х. Центр хранения современной документации Астраханской области (к 55-летию партийного архива Астраханского ОК КПСС). Астрахань, 1999.
14. Артизов А.М., Илизаров Б.С., Козлов В.П. и др. Основы законодательства РФ об Архивном фонде РФ и архивах: идеи, принципы, реализация // «Отечественные

архивы». 1993. №6. С.3-9.

§8

1. Памятники древнерусского канонического права, Ч. 1. С.129.
2. Русское православие: вехи и истории. М., 1989. С.87.
3. ПСРЛ. Т. XV. Вып. 1. С.32.
4. Памятники русского права. М., 1955. Т. 3. С.463.
5. Русское православие: вехи истории. М., 1989. С.74.
6. См.: Краткая история Астраханской епархии. Астрахань, 1886. Иоанн Саввинский. Исторические записки об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (1602-1902). Астрахань, 1903. С.259; М. Благонравов. Архиереи Астраханской епархии за 300 лет с 1602-1902 с портретами. Астрахань, 1902. Материалы для истории Астраханской епархии. Астрахань, 1911.
7. Протоиерей И. Саввинский. Святитель Иосиф, митрополит Астраханский. Астрахань, 1912.
8. Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. М., 1994. С.391.
9. М. Зноско-Боровский. Римо-Католичество, Протестантизм и сектантство. М., 1998.
10. История религий в России. М., 1998. С.426.
11. Там же. С.379.
12. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние). М., 1996. С.54.

Послесловие

Интерес к истории за последнее время в нашей стране значительно вырос. Это связано во многом с большими социально-политическими изменениями и потрясениями, открытием новых для нас или долго скрывавшихся явлений и фактов. В круговороте мнений, политических споров, в обилии публикаций документально-исторического характера часто бывает нелегко разобраться, и тем настойчивее мы пытаемся найти истину, определить подлинные мотивы поступков, выстроить логическую связь объективных событий, которая, в конце концов, привела к тому или иному результату. Этим, прежде всего, и обусловлено появление настоящей монографии, воссоздающей историю Астраханского края с древнейших времен до сегодняшних дней.

Хотя Астраханский край вошел в состав России лишь в середине XVI века, однако вся его предшествующая многовековая история переплеталась в процессе взаимоотношения русских земель с Хазарией, а потом Золотой Ордой, волею исторических судеб сформировавшихся на территории Нижневолжского региона. Через астраханскую землю уже в те далекие времена проходил основной путь кочевых народов с востока на запад. Здесь веками пролегала граница взаимодействия тюркского и славянского этнического мира, исторически предопределив мирное сосуществование ислама и христианства и других религиозных верований.

После вхождения в состав России Астраханский край включается в орбиту общегосударственной внутренней и внешней политики, все более приобретая статус южнороссийского порубежья.

В XVIII в. Россия вступает в новый этап своего исторического развития. На смену сословно-представительной монархии приходит монархия абсолютная, с более совершенными схемами государственного устройства и управления, с перспективными планами экономических, политических, социальных и культурных преобразований, с новыми внешнеполитическими приоритетами. В этих условиях Астраханский край, преобразованный Петром I в 1717г. в губернию, превращается в южный форпост России, в связующее звено внешнеторговых контактов Российской империи со странами Востока. Таким образом, Астраханская губерния органически вошла в государственную систему России, отражая в своей истории основные тенденции и закономерности ее развития на протяжении последующих исторических этапов.

Хотя в социально-экономическом развитии края и наблюдались некоторые своеобразные черты, это не значит, что они не подвергались влиянию факторов, свойственных русской действительности в целом.

К началу XX в. губерния пришла с высоким потенциалом, 1917г. породил радикальные перемены во всех жизненно важных структурах общества, определивших своеобразие всей российской истории.

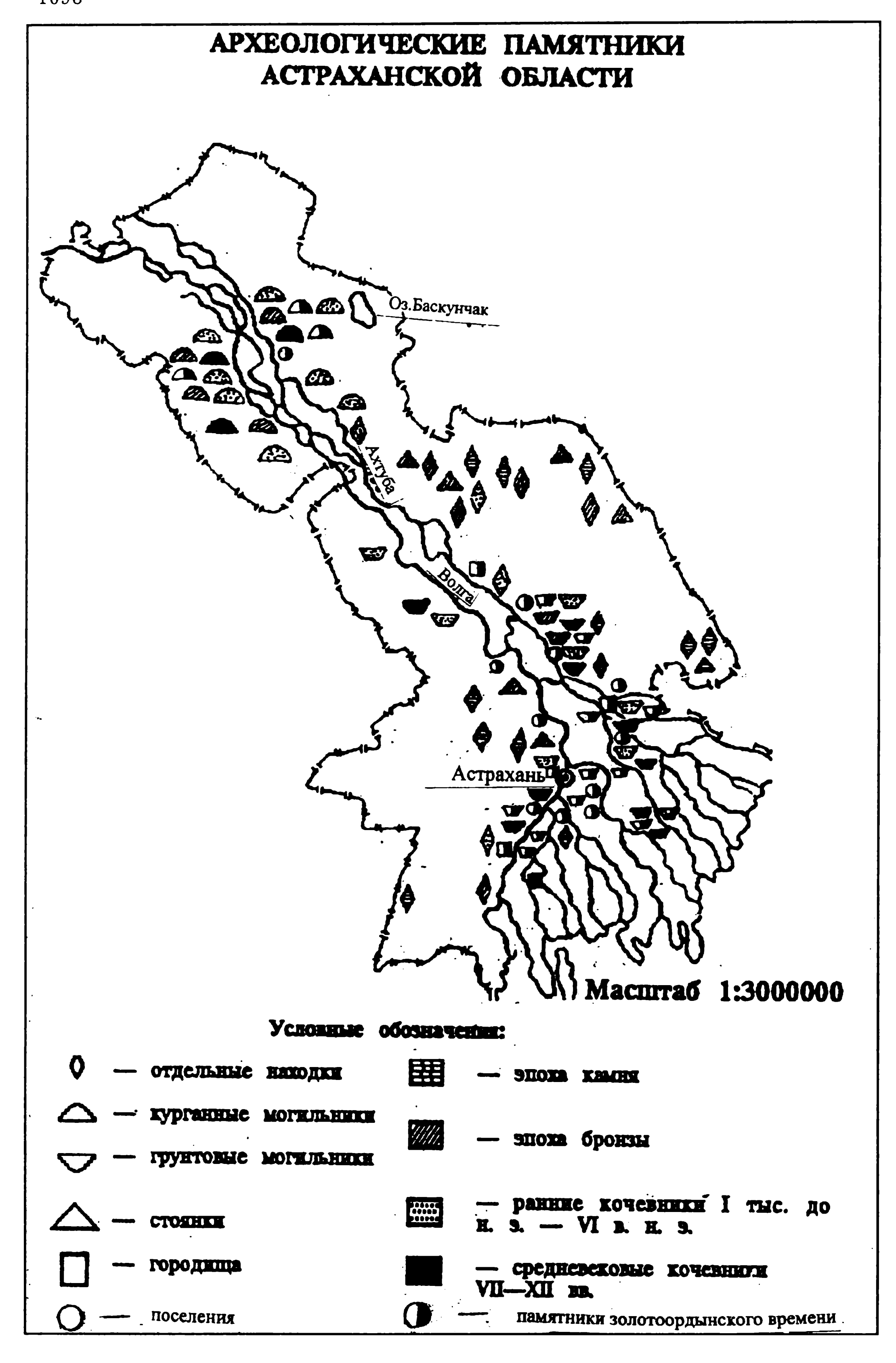
К концу XX столетия Астраханская область вновь, как и в начале XVIII в., оказалась в особом геополитическом положении. В наши дни территория области в одночасье превратилась в южную границу со всеми вытекающими отсюда последствиями. Здесь, как и прежде, пересеклись торговые пути из Европы в Азию и обратно. История Астраханской области последних лет уходящего века свидетельствует о начавшейся экономической стабилизации, являющейся основой прогрессивного развития общества.

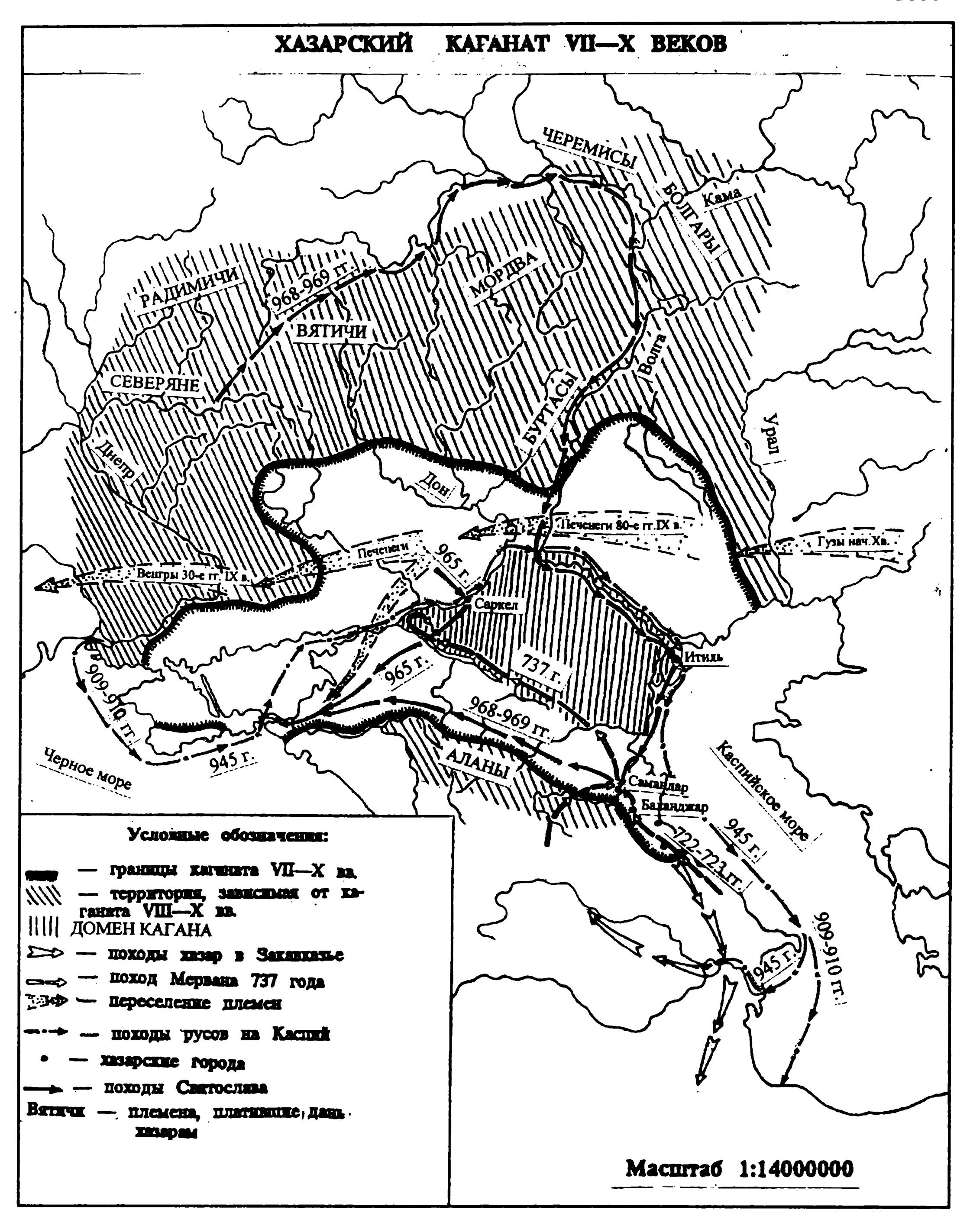
Не утомляя читателя пространным перечнем основных выводов нашего исследования, смеем напомнить, что любой грамотный человек должен знать своих предков. Нельзя жить на родной земле и не

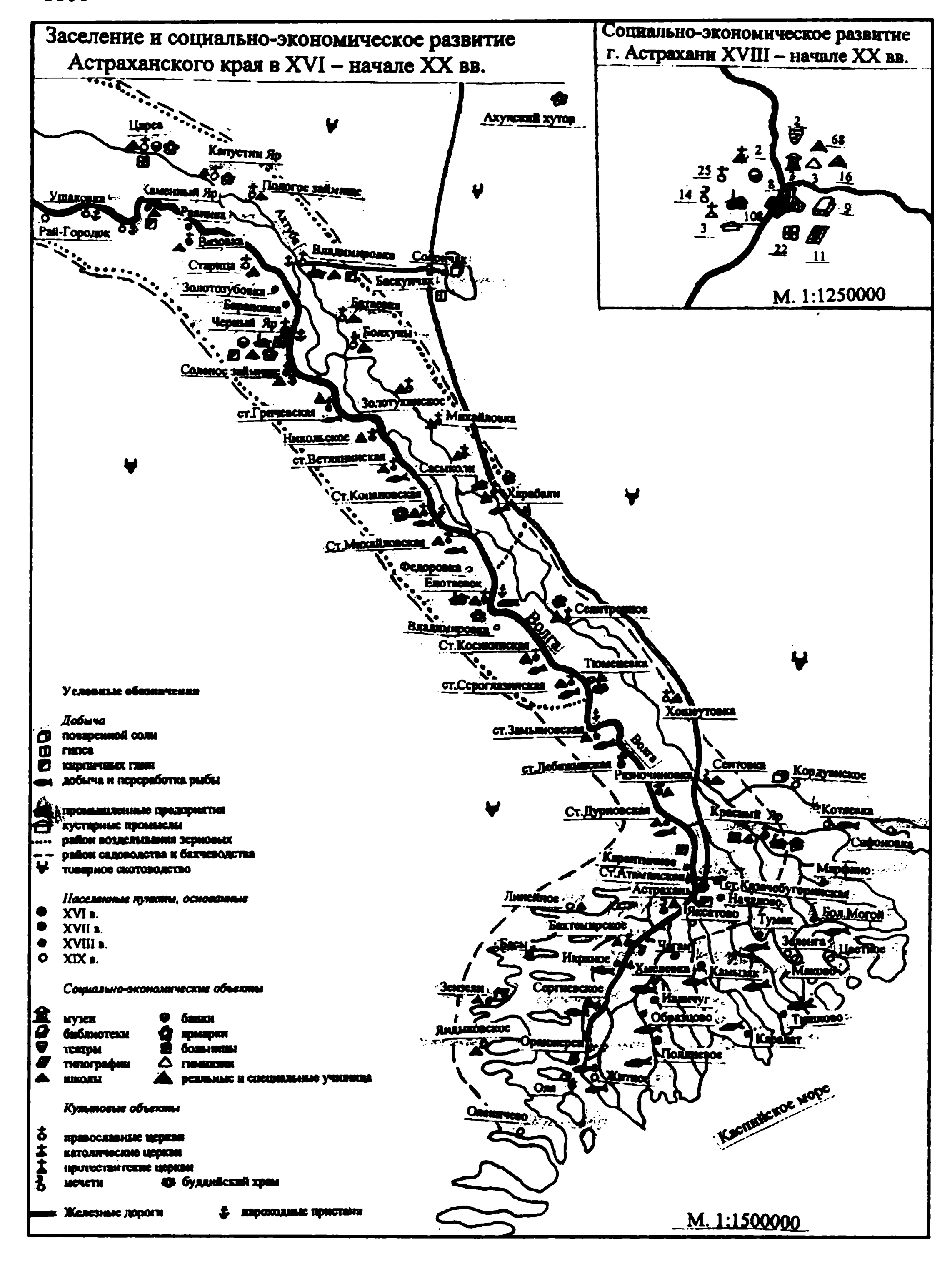
знать, кто здесь жил до нас, не знать и не помнить об их трудах, славе, заблуждениях и ошибках. Мы получили от них не только материальное, но и духовное наследство. Наше прошлое – это наша интеллектуальная собственность, с которой нужно обращаться так же бережно, как и с материальной. Нынешний век открыл нам немало новых средств информации. Однако одним из важнейших источников информации по-прежнему остается книга. В нашей книге вдумчивый читатель найдет, по-видимому, какие-то недочеты, недосказанность. Но, хотим заверить, не найдет одного – сознательной, заведомой неправды. Многовековая история Астраханского края заслуживает многотомного повествования. Итоги нашего исследования не претендуют на роль энциклопедии. Надеемся, что продолжение работы над историей Астраханского края позволит в иных случаях уточнить, а в других – дополнить результаты нашего исследования.

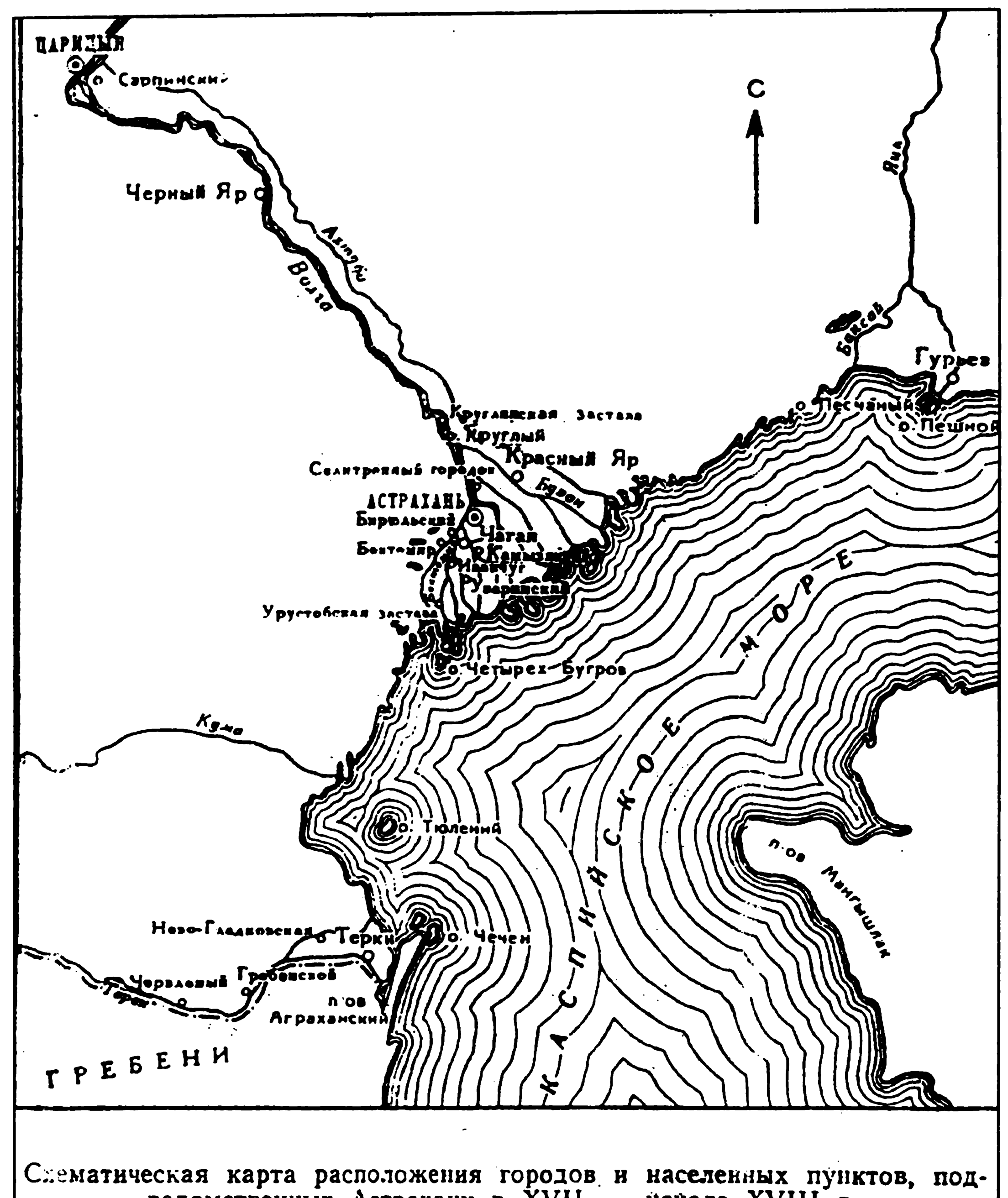
Авторский коллектив будет благодарен читателям за предложения, замечания и рекомендации в целях дальнейшего совершенствования и пополнения этого издания.

Приложения

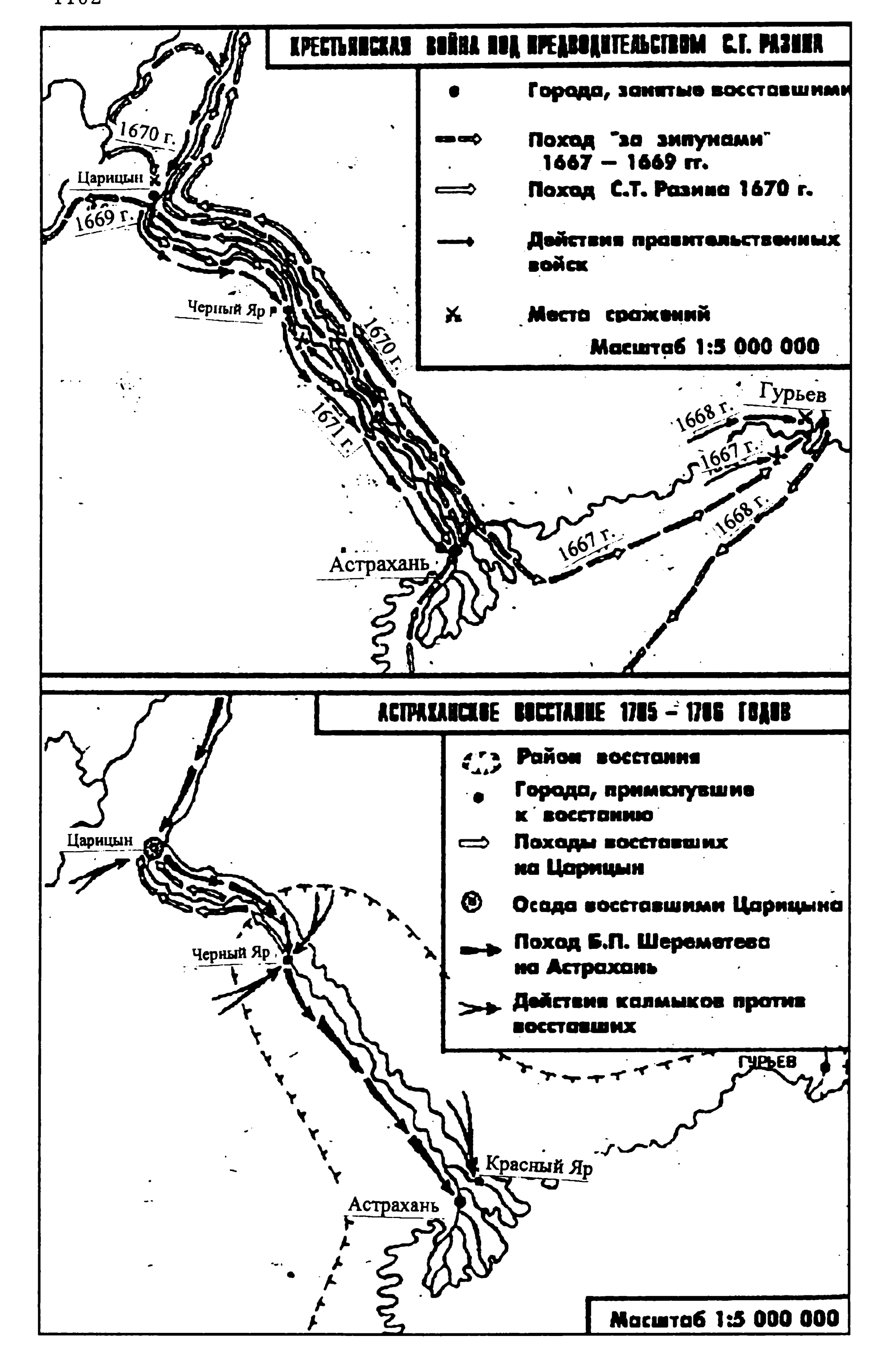

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ
Оз.Баскунчак
Ахтуба
Волга
Астрахань
Масштаб 1:3000000
Условные обозначения:
— отдельные находки
— курганные могильники
— грунтовые могильники
— стоянки
— городища
— поселения
— эпоха камня
— эпоха бронзы
— ранние кочевники I тыс. до н. э. — VI в. н. э.
— средневековые кочевники VII—XII вв.
— памятники золотоордынского времени

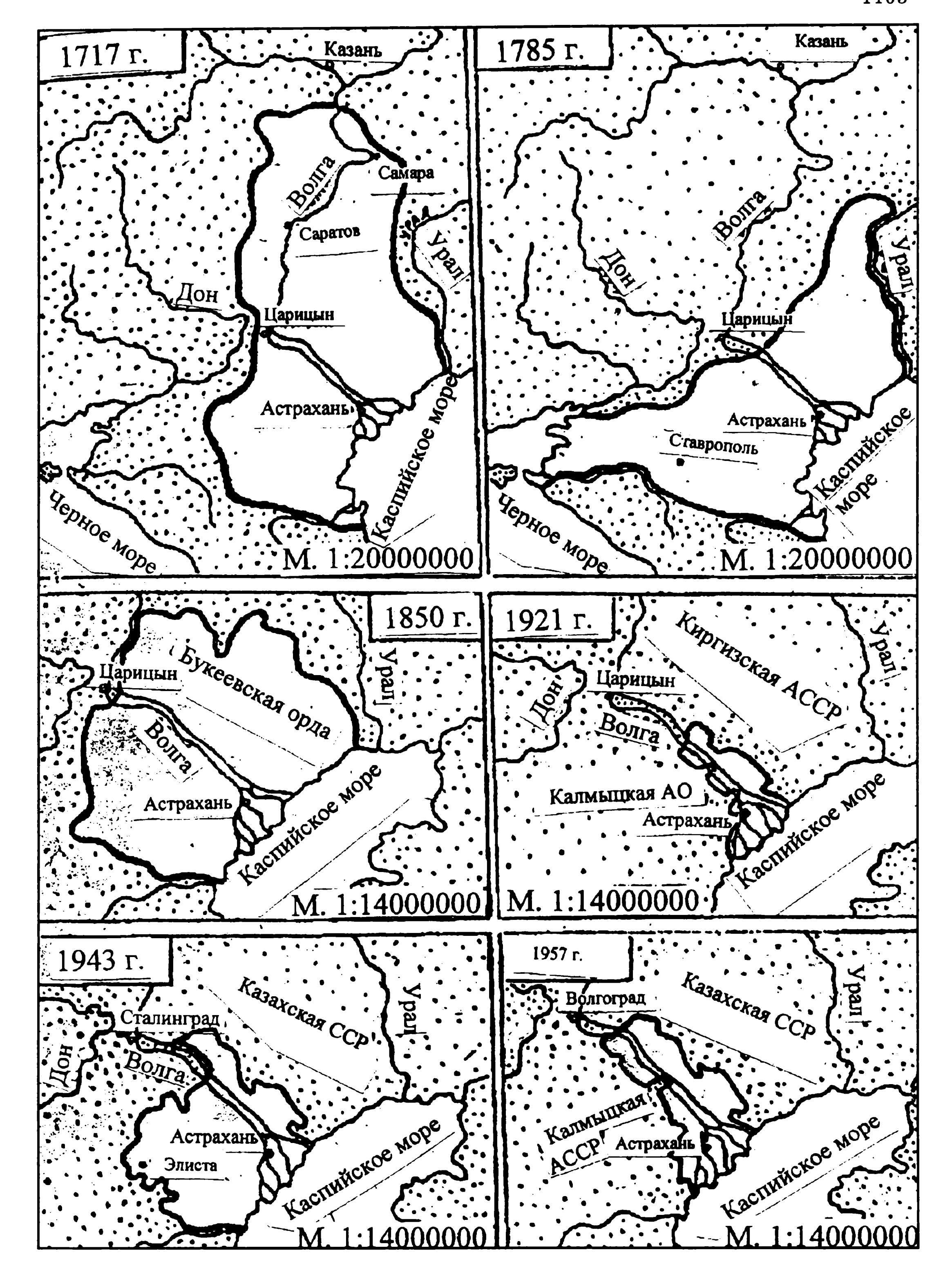

ХАЗАРСКИЙ КАГАНАТ VII—X ВЕКОВ
ЧЕРЕМИСЫ
БОЛГАРЫ
Кама
РАДИМИЧИ
968-969 гг.
МОРДВА
ВЯТИЧИ
СЕВЕРЯНЕ
БУРТАСЫ
Волга
Урал
Днепр
Дон
Печенеги 80-е гг. IX в.
Печенеги
Гузы нач. Х в.
965 г.
Венгры 30-е гг. IX в.
Саркел
737 г.
Итиль
965 г.
909-910 гг.
968-969 гг.
АЛАНЫ
Черное море
945 г.
Каспийское море
Самандар
Баланджар
945 г.
722-723 гг.
909-910 гг.
945 г.
Условные обозначения:
— границы каганата VII—X вв.
— территория, зависимая от каганата VIII—X вв.
ДОМЕН КАГАНА
— походы хазар в Закавказье
— поход Мервана 737 года
— переселение племен
— походы русов на Каспий
— хазарские города
— походы Святослава
Вятичи — племена, платившие дань хазарам
Масштаб 1:14000000

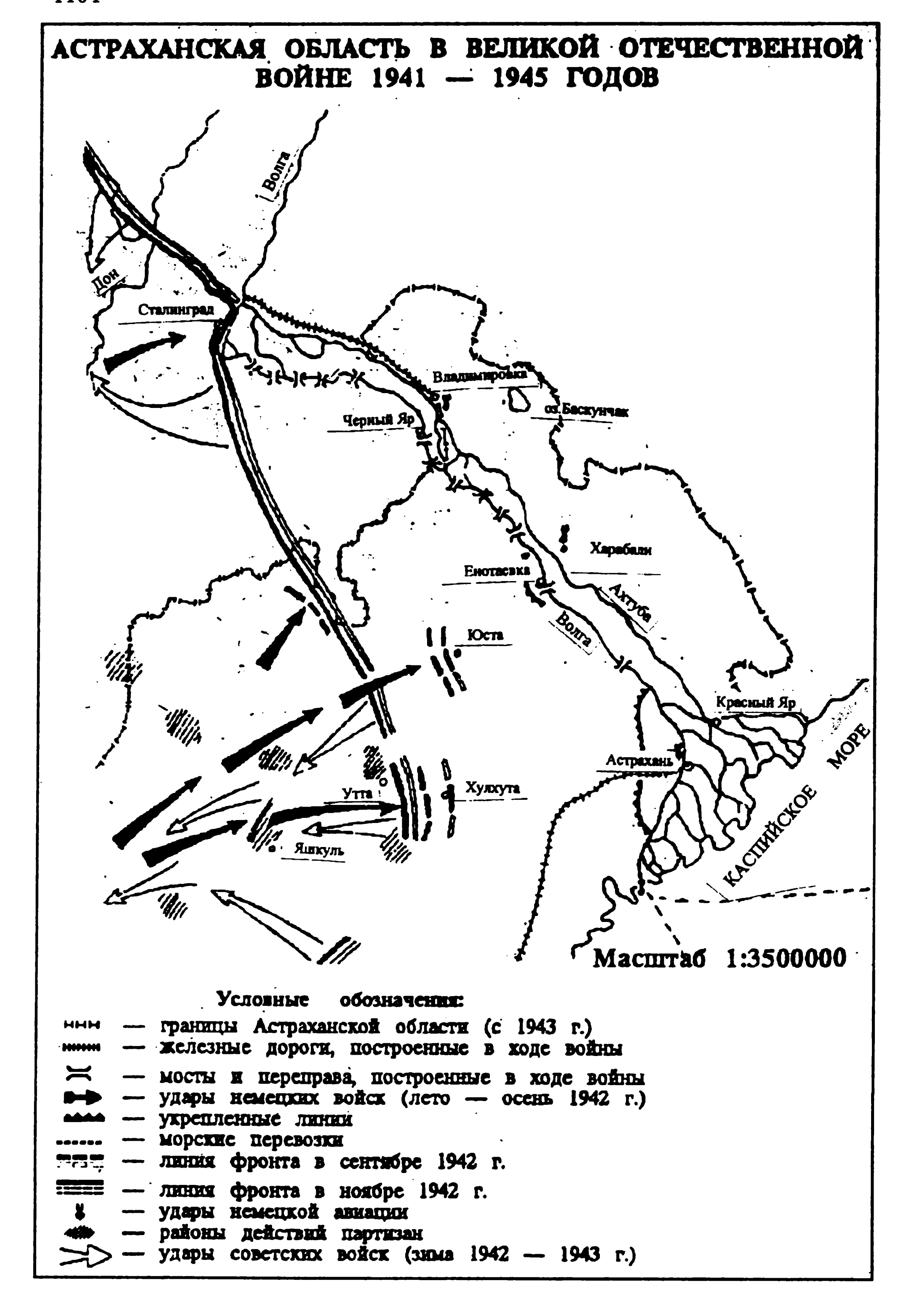

Заселение и социально-экономическое развитие
Астраханского края в XVI – начале XX вв.
Социально-экономическое развитие
г. Астрахани XVIII – начале XX вв.
М. 1:1250000
Ахунский хутор
Царев
Капустин Яр
Каменный Яр
Пологое займище
Ушаковка
Рай-Городок
Ахтуба
Владимировка
Баскунчак
Старица
Золотозубовка
Черный Яр
Соленое займище
ст.Грачевская
Золотухинское
Михайловка
Никольское
ст.Ветлянинская
Сасыколи
Харабали
Ст.Копановская
Ст.Михайловская
Федоровка
Енотаевск
Владимировка
Ст.Косикинская
Волга
Тюменевка
ст.Сероглазинская
Хошеутовка
ст.Замьяновская
Волга
Сентовка
ст.Досангская
Разночиновка
Кордуанское
Ст.Дурновская
Красный Яр
Котяевка
Сафоновка
Марфино
Астрахань
Началово
Яксатово
Тумак
Бол.Могой
Линейное
Бахтемирское
Зеленга
Цветное
Басы
Икряное
Хмелевка
Камызяк
Сергиевское
Образцово
Тишково
Каралат
Зензели
Полдневое
Житное
Ола
Оленичево
Каспийское море
Условные обозначения
Добыча
поваренной соли
гипса
кирпичных глин
добыча и переработка рыбы
промышленные предприятия
кустарные промыслы
район возделывания зерновых
район садоводства и бахчеводства
товарное скотоводство
Населенные пункты, основанные
XVI в.
XVII в.
XVIII в.
XIX в.
Социально-экономические объекты
музеи
библиотеки
театры
типографии
школы
банки
ярмарки
больницы
гимназии
реальные и специальные училища
Культовые объекты
православные церкви
католические церкви
протестантские церкви
мечети
буддийский храм
Железные дороги
пароходные пристани
М. 1:1500000



Схематическая карта расположения городов и населенных пунктов, подведомственных Астрахани в XVII — начале XVIII в.


КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД ПРЕДВОДИТЕЛЬСТВОМ С.Т. РАЗИНА
Города, занятые восставшими
Поход "за зипунами" 1667 – 1669 гг.
Поход С.Т. Разина 1670 г.
Действия правительственных войск
Места сражений
Масштаб 1:5 000 000
1670 г.
Царицын
1669 г.
Черный Яр
1670 г.
1671 г.
Гурьев
1668 г.
1667 г.
1668 г.
1667 г.
Астрахань
АСТРАХАНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1705 – 1706 ГОДОВ
Район восстания
Города, примкнувшие к восстанию
Походы восставших на Царицын
Осада восставшими Царицына
Поход Б.П. Шереметева на Астрахань
Действия калмыков против восставших
Царицын
Черный Яр
Гурьев
Красный Яр
Астрахань
Масштаб 1:5 000 000


1717 г.
Казань
Волга
Самара
Саратов
Урал
Дон
Царицын
Астрахань
Каспийское море
Черное море
М. 1:20000000
1785 г.
Казань
Волга
Дон
Урал
Царицын
Астрахань
Ставрополь
Каспийское море
Черное море
М. 1:20000000
1850 г.
Царицын
Букеевская орда
Урал
Волга
Астрахань
Каспийское море
М. 1:14000000
1921 г.
Киргизская АССР
Урал
Дон
Царицын
Волга
Калмыцкая АО
Астрахань
Каспийское море
М. 1:14000000
1943 г.
Казахская ССР
Урал
Сталинград
Дон
Волга
Астрахань
Элиста
Каспийское море
М. 1:14000000
1957 г.
Казахская ССР
Урал
Волгоград
Калмыцкая АССР
Астрахань
Каспийское море
М. 1:14000000


АСТРАХАНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941 — 1945 ГОДОВ
Волга
Дон
Сталинград
Владимировка
оз. Баскунчак
Черный Яр
Харабали
Енотаевка
Ахтуба
Волга
Юста
Красный Яр
Астрахань
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Хулхута
Утта
Яшкуль
Масштаб 1:3500000
Условные обозначения:
— границы Астраханской области (с 1943 г.)
— железные дороги, построенные в ходе войны
— мосты и переправа, построенные в ходе войны
— удары немецких войск (лето — осень 1942 г.)
— укрепленные линии
— морские перевозки
— линия фронта в сентябре 1942 г.
— линия фронта в ноябре 1942 г.
— удары немецкой авиации
— районы действий партизан
— удары советских войск (зима 1942 — 1943 г.)

Хронологическая таблица

70 тыс. лет назад	– Первая стоянка человека на Нижней Волге
12-10 тыс. лет назад	– Мезолитические стоянки в Харабалинском районе
6-4 тыс. лет назад	– Неолитические стоянки (Рын-пески, Досанг, Караузек)
4-3 тыс. лет назад	– Энеолитические стоянки (Кок-Мурун, Кошалак, Таутюбе)
3-1 тыс. лет назад	– Культуры бронзового века (ямная,катакомбная, срубная)
VIII-IV вв. до н.э.	– Савроматская и раннесарматская культуры
III-II вв. до н.э.	– Среднесарматская культура
II в. до н.э.- IV в. н.э.	– Позднесарматская культура
375	– Переход гуннов через Волгу
IV-VII вв.	– Великое переселение народов
70-е гг. VII в.-969	– Период существования Хазарского каганата
X-XI вв.	– Печенеги на Нижней Волге
XI-XIII вв.	– Половцы и саксины на Нижней Волге
1238-1240	– Завоевание Поволжья монголами
1242	– Образование государства Золотая Орда
1314	– Провозглашение ислама господствующей религией в Золотой Орде
1359-1380	– «Великая замятня» в Орде
1395-1396	– Поход Тимура в Поволжье
1456	– Образование Астраханского ханства
1460	– Правобережье Нижней Волги вошло в состав Астраханского ханства
1556	– Присоединение Астраханского ханства к России
1557	– Начало строительства новой крепости на Заячьем острове у левого берега Волги
1558	– Описание Астрахани А. Дженкинсоном
1569	– Осада Астрахани крымско-турецким войском
1582-1589	– Постройка каменного кремля в Астрахани
1605-1614	– «Смутное время» в Астраханском крае
Осень 1606-весна 1607	– Осада Астрахани войском боярина Шереметева
1627	– Основан Черный Яр
1631	– Строительство каменных стен Белого города
1644	– Осада Астрахани калмыками
1667	– Основан Красный Яр
1667	– Астраханская епархия преобразована в митрополию
1670, 22 июня	– Астрахань завоевана войском С.Т. Разина
1671, 11 мая	– Убит митрополит Иосиф
1698-1710	– Строительство Успенского собора в кремле
1705-1706	– Астраханское восстание
1706	– Учрежден морской торговый порт
1717, 22 ноября (4 декабря)	– Указ Петра I об образовании Астраханской губернии
1717-1725	– Губернаторство А.П. Волынского в Астрахани
1721	– Учреждена первая в Астраханском крае государственная аптека
1722, 6 июня	– Основана цифирная школа в Астрахани

1722	– Приезд Петра I в Астрахань
1723	– Упразднена митрополичья кафедра в Астрахани
1724	– Основано адмиралтейство
1724	– Учрежден городской магистрат в Астрахани
1737	– Сформирована трехсотенная казачья команда
1741-1745	– Губернаторство В.Н. Татищева в Астрахани
1742	– Основан Енотаевск
1744	– Начало строительства канала, соединившего р. Кутум с р. Волгой
1747	– Начало промышленного освоения соляных копей оз. Баскунчак
1750	– Создан Астраханский казачий полк
1750, 28 марта	– Указ Сената о преобразовании трехсотенной команды в казачий полк
1764	– Учрежден Астраханский коммерческий банк
1765-1766	– Основано семь станиц от Царицына до Астрахани
1768-1774	– Работа академических экспедиций П.С. Палласа, И.И. Лепехина, С.Г. Гмелина и др. в бассейне р. Волги и Северном Прикаспии
1771	– Откочевка части калмыков в Джунгарию
1774, 2 августа	– Поражение Е.И. Пугачева у Сальниковой ватаги
1778, 6 января	– Открыта духовная семинария в Астрахани
1778	– Открыта библиотека Астраханской духовной семинарии
1781	– Принят Соляной Устав
1785	– Создано Кавказское наместничество в составе Астраханской и Кавказской областей с центром в Екатеринограде. Астрахань получает статус областного города
1788	– Открыто Главное народное училище в Астрахани
1790	– Сформирован Астраханский гренадерский полк
	– Астрахань становится губернским городом Кавказского наместничества
1792	– Открыта губернская типография
1792, 1 сентября	– Открыта первая в Астрахани гражданская больница
1797, 20 июня	– Указ Павла I о патрулировании военных судов по Волге
1801	– Утвержден императором Александром I Генеральный план реконструкции города
1802	– В Астраханской семинарии открыт медицинский класс
1802, 15 ноября	– Астраханская губерния разделена на Астраханскую и Кавказскую
1806, 29 июля	– В Астрахани открыта первая мужская гимназия
1807	– Эпидемия чумы в Астраханском крае
1810	– Открыта первая в Астрахани частная национальная школа – Агабабовское армянское училище
1810, 12 декабря	– В Астрахани открыт драматический театр
1811, 7 апреля	– Именной указ о сформировании двух пятисотенных калмыцких полков
1811	– Манифест «Об открытии с 1812 года вольной продажи соли»

1811	– Сформирован Астраханский кирасирский полк
1813-1816	– В Астрахани издавалась газета «Восточные известия»
1814, 19 марта	– Участие калмыцких полков в битве при взятии Парижа
1816-1818	– В Астрахани издавался «Азиатский музыкальный журнал»
1817, 31 декабря	– Высочайший указ о переименовании Астраханского канала в канал им И.А. Варвация
1819	– Учреждение рыбопромышленной фирмы «Бр. Сапожниковы»
1822	– Образование тайного общества в Астрахани
1825	– Закончено строительство больничного комплекса Приказа Общественного Призрения на Паробичевом бугре
1826, январь	– Судебный процесс по делу об Астраханском отделении Оренбургского тайного общества
1826	– В Астрахань из Казани переведено адмиралтейство. Восстановлен Астраханский порт
1832, 6 января	– Указ об окончательном отделении Астраханской губернии от Кавказа
1836	– Открыто первое в Астрахани женское среднее учебное заведение – институт благородных девиц
1837	– Открыт Астраханский губернский музей
1838	– Началось издание газеты «Астраханские губернские ведомости»
1837	– Открыта публичная библиотека
1841	– Открыта первая в Астраханском крае русско-казахская школа
1842, 9 ноября	– Принят закон о землях прибрежной полосы Каспийского моря
1850	– Царевский уезд вошел в состав Астраханской губернии
1852	– Открыта первая в Астраханском крае русско-калмыцкая частная школа для мальчиков
1853	– Первая научная экспедиция по изучению Каспийско-Волжских рыбных и тюленьих промыслов
1858	– Завершено строительство казенного судостроительного-судоремонтного завода в Астраханском порту
1860	– Открыты две воскресные школы в Астрахани (мужская и женская)
1862	– Принят Соляной Устав. Введен акциз на соль
1862, 1 января	– Первый номер газеты «Волга»
1865, 25 мая	– Утвержден Устав Каспийско-Волжского рыболовства
1865	– В Астрахани организован кружок под руководством П.А.Власова
1866, 25 марта	– Первый номер газеты «Астраханский справочный листок»
1866, 1 июля	– Первый номер газеты «Восток»
1866, октябрь	– Открыто Астраханское епархиальное училище
1867	– Адмиралтейство из Астрахани переведено в Баку
1868, весна	– Бунт солевозцев в с. Никольском Енотаевского уезда
1870, 18 декабря	– Начало деятельности Астраханской Городской думы в соответствии с Городовым Положением 1870
1872	– Открыта Грязе-Царицынская железная дорога

1873	– Открытие Н.И. и Д.И. Артемьевыми наливного способа перевозки нефти (Баку-Астрахань)
1874	– Создано Петровское общество исследователей Астраханского края
1875	– Открыт механический завод Серебрякова на р. Царев
1875	– Начали издаваться «Астраханские епархиальные ведомости»
1875	– По Каспию прошли первые в мире паровые танкеры
1876, 19 февраля	– Открыта Мариинская городская больница, объединившаяся в 1881г. с Александровской: Александро-Мариинская больница
1877	– Открыто реальное училище в Астрахани
1878, 2 июня	– Высочайшее повеление на передачу порта в пользование обществу «Кавказ и Меркурий»
1879	– Открыт судоремонтно-судостроительный завод братьев Артемьевых
1880, 23 ноября	– Отменен акциз на соль
1880	– Первый в Астрахани водопровод
1882	– Открыта первая в Астрахани русско-татарская школа
1883	– Открыта первая в Астраханском крае женская школа с интернатом для казахских и русских девочек
1883	– Прекращена соледобыча на Эльтонском озере
1883-1889	– Астраханская ссылка Н.Г. Чернышевского
1884	– Установлен памятник Александру II архитектора Опекушина А.М. на Губернаторской (Александровской) площади
1885	– Завершено строительство Баскунчакской железной дороги: Баскунчак-Владимирская пристань
1885	– Прекращена соледобыча на озере Чапчачи
1889, 15 апреля	– Первый номер газеты «Астраханский вестник»
1891	– Открыт первый в Астрахани пивоваренный завод
1892	– Эпидемия холеры в Астраханском крае
1892	– Манифест об освобождении калмыков от крепостной зависимости
1896	– Открыт судостроительно-судоремонтный завод А.К. Норена
1900, 11 июня	– Торжественное открытие движения трамвая в Астрахани
1901, 2 марта	– Распоряжение правительства об образовании в Астрахани комитета по судоходству
1901, 2 марта	– Восстановлен Астраханский порт
1901	– Образована Астраханская группа РСДРП
1901	– Открыт пивоваренный завод «Богемия» (на Паробичевом бугре)
1902, 15 июня	– Освящение храма Святого князя Владимира, сооруженного в честь 900-летия крещения Руси
1902-1903	– Впервые в Астрахани на заводе А.К. Норена реконструирован и выпущен нефтяной двигатель системы «Аванс»
1903, май	– Создан Астраханский комитет РСДРП
1903	– Образована Астраханская группа эсеров
1905, 18 февраля	– Забастовка рабочих всех городских типографий
1905, ноябрь	– Образован первый в Астрахани профсоюз – союз рабочих механического цеха

1905, 29 ноября	– Всеобщая забастовка в Астрахани
1906	– Бунт в сл. Николаевской Царевского уезда
1906, октябрь	– Образовано общество «Менджлис Шурай Ислам»
1906	– Впервые в Поволжье подписан договор между пароходными обществами «Самолет», «По Волге», «Кавказ и Меркурий», «Восточное» и «Надежда» о взаимной перевозке грузов по Волге
1907	– Закончилось строительство железнодорожной ветки Красный Кут – Бузанская пристань
1908, апрель	– Решение о ликвидации Астраханской группы РСДРП
1909, май	– Образована группа коммунистов-анархистов в Астрахани
1909	– Построен водопровод в правобережной части города (Форпост)
1909	– Открыто железнодорожное сообщение Бузанская пристань - Астрахань
1910, 11 июня	– В Астрахани открыта первая трамвайная линия
1910	– Завершено строительство колокольни кафедрального собора Астраханского кремля
1910	– Открыта электрическая станция в Астрахани
1910	– Завершено строительство зданий Губернского правления, Губернского казначейства и Мариинской женской гимназии
1913	– Создано общество полит. ссыльных в Астрахани
19133	– Началось строительство канализации
1917, 4 марта	– Создан новый аппарат власти- Временный губернский исполнительный комитет.
1917, 4 марта	– Создан Астраханский Совет рабочих депутатов
1917, август	– Начинает издаваться газета «Астраханский рабочий»
1917	– Образован «Союз судовладельцев Волжского бассейна»
1918, 2 февраля	– Сформирован Астраханский Совет народного хозяйства
1918, март	– 1-й губернский съезд Советов. Создан Комиссариат по народному образованию
1918, май	– Создан Губернский комиссариат по мусульманским делам
1918, июнь	– 1-й краевой учительский съезд
1918, июль	– 2-й краевой съезд Советов
1918, 9 ноября	– Открыт Астраханский университет
1918, 15 декабря	– Основана Астраханская картинная галерея им. Б.М. Кустодиева
1918, декабрь	– 3-й губернский съезд Советов
1918	– Создан Временный военный Совет (ВВС) в Астраханском крае
1919	– С января оборону города и края возглавляет С.М. Киров
1919, 25 февраля	– Создан Временный военно-революционный комитет (ВВРК)
1919, лето	– Контрреволюционный заговор
1919, 21 ноября	– Открыт XVII Астраханский губернский съезд Советов
1919	– Создан государственный заповедник в дельте Волги
1920, 3 января	– Совместными усилиями X и XI армий освобожден г. Царицын
1922	– Закрыт университет. Основан медицинский институт
1923	– В Астрахани создана Биржа труда
1924	– Образовано Астраханское отделение общества «Долой неграмотность»
1930, 4 февраля	– Решение Астраханского окружкома партии «О мерах по

	ликвидации кулачества как класса»
1930	– Сдан в эксплуатацию судоремонтный завод им. Сталина
1930-1937	– Введен в строй Астраханский рыбоконсервно-холодильный комбинат
1931	– В Астрахани создано управление Севкаспрыба
1932	– Открыт Астраханский педагогический институт
1933	– Открыт Астраханский театр юного зрителя
1938, апрель	– Сформировано Волжское нефтеналивное пароходство «Волготанкер»
1941, 22 октября	– В Астрахани создан городской комитет обороны (ГКО)
1942	– Завершено строительство железной дороги Астрахань-Кизляр
1943, 27 декабря	– Образована Астраханская область
1944	– Открыт областной партийный архив (ныне ЦХСДАО)
1944	– Областному архиву присвоен статус государственного архива Астраханской области
1944, 18 июля	– Постановление СНК «О первоочередных мероприятиях по восстановлению и развитию хозяйства Астраханской области»
1946	– Начато строительство Астраханского аэропорта
1954	– Вступил в строй Астраханский тепловозоремонтный завод (один из первых в стране)
1960	– В Астраханской области начата промышленная добыча газа
1969, 4 февраля	– Открытие Астраханской государственной консерватории
1972	– Газонефтеразведка Аксарайского месторождения
1976	– Астраханский заповедник включен в список водно-болотных угодий, имеющих международное значение
1985	– Астраханскому государственному заповеднику решением ЮНЕСКО присвоен статус биосферного
1986	– Началась разработка Аксарайского газоконденсатного месторождения
1987	– Открыт областной кукольный театр
1991, 25 августа	– Указом Президента РФ на территории области образован новый орган руководства – Администрация Астраханской области
1991	– Введен в эксплуатацию автомобильный мост через Волгу
1993	– Воссозданы морской порт, Северо-Каспийское пароходство, военная флотилия
1994, 6 марта	– В результате всенародного голосования сформировано областное Представительное собрание
1996, 8 декабря	– Впервые всенародным голосованием избран губернатор Астраханской области – А.П. Гужвин
1997, 26 февраля	– Принят Устав Астраханской области
1997, 30 октября	– Подписан Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Астраханской области
1997	– Открыт пионерный причал морского порта в п. Оля

Указатель основных имен

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

№	Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1	82	10 снизу	барсллы	барсилы
2	91	12 снизу	межд-усобица	междоусобица
3	143	5 снизу	центростре- мительные	центробежные
4	993	6 сверху	астрахацы	астраханцы
5	1024	8 сверху	Заслуженный деятель искусств Российской Федерации Юрий Кочетков	Народный артист России Юрий Кочетков
6	1103	Название карты	————————	Территория Астраханской губернии и области в XVIII — XIX вв.

Содержание

История Астраханского края

Монография

Викторин В.М. *(гл. VI, VII, IX, XVII)*; Виноградов С.Н. *(гл. XII, XIII)*; Воронов С.Н. *(гл. XV, XVI)*; Воронова А.А. *(гл. VIII, IX, XI)*; Гужвин А.П. *(предисловие, гл. XVII)*; Исаев Г.Г. *(гл. XVIII)*; Ишин В.В. *(гл. IX, XII, XIV)*; Казаков П.В. *(гл. III, IV, V, VII, X, карты)*; Колесова И.В. *(гл. XVIII)*; Курбатов А.А. *(гл. I, II, III, IV)*; Ларина Л.М. *(гл. V)*; Липчанский А.М. *(гл. XI, XIII)*; Малометова З.А. *(гл. XVIII)*; Нахимов И.И. *(гл. VI, XIV)*; Ольнева А.Б. *(гл. IX, XI, XVII)*; Панин И.И. *(гл. XIV)*; Просянова Т.Н. *(гл. XVIII)*; Рябцев А.Л. *(гл. VI)*; Саввин А.В. *(гл. XVIII)*; Сердюков А.Г. *(гл. XVII)*; Силинов П.М. *(гл. XIII, XVII)*; Ушаков Н.М. *(введение, гл. XIII, XVII, XVIII, послесловие)*; Хрущева М.Г. *(гл. XVIII)*; Шевченко Н.В. *(гл. V, VI, IX, XVI)*; Шнайдштейн Е.В. *(гл. I, IV, XVIII)*; Якушенков С.Н. *(гл. V, IX)*.

Исполнительный директор	*А.А. Воронова*
Редактор	*Е.И. Милехина*
Компьютерный набор, верстка	*А.В. Кулаков*
Художественное оформление	*Р.А. Таркова*
Оформление карт, подбор иллюстраций	*П.В. Казаков*

ЛР № 020084
от 10.11.96 г.

Сдано в набор 15.11.99 г. Подписано к печати 27.09.2000 г.
Формат 70x108/16
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 70,125. Усл. п. л. 98,0
Тираж 1500. Заказ 260. Цена договорная

Издательство Астраханского государственного педагогического университета
414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а

Отпечатано с готовых диапозитивов ГУВПП «Офсет».
400001, г. Волгоград, ул. КИМ, 6